НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

2019

Випуск 2 (31)

КИЇВ

НАУКОВА СЕРІЯ — ЗАСНОВАНА У 2010 р.

ВИДАЄТЬСЯ ЧОТИРИ РАЗИ НА РІК

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

Головний редактор:
СКОРИЙ Сергій, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України

Відповідальний секретар:
ГОРБАНЕНКО Сергій, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

БОЛТРИК Юрій, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

БУРДУКЕВИЧ Ян, доктор гуманітарних наук, професор, Вроцлавський університет (Польща)

ЗАЛІЗНЯК Леонід, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України

КУЛАКОВСЬКА Лариса, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

МОЦЯ Олександр, член-кореспондент НАН України, Інститут археології НАН України

ОБЛОМСЬКИЙ Андрій, доктор історичних наук, Інститут археології РАН

ОТРОЩЕНКО Віталій, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України

ПЕТРАУСКАС Олег, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

ПОТЄХІНА Інна, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

СОН Наталія, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

ТОЛОЧКО Петро, академік НАН України, Інститут археології НАН України

ХОХОРОВСКІ Ян, доктор гуманітарних наук, професор, Інститут археології Ягеллонського університету (Польща)

ЧАБАЙ Віктор, член-кореспондент НАН України, Інститут археології НАН України

У ВИПУСКУ:

НАШ ЮВІЛЕЙ

СТАТТІ

ПУБЛІКАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

ОБРАЗИ СКІФСЬКОГО МИСТЕЦТВА

ДАВНЯ МЕТАЛООБРОБКА

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ
Науковий журнал з проблем археології та давньої історії

Серія присвячена публікаціям досліджень з археології та давньої історії України. Висвітлюються питання соціально-економічного розвитку та культурних зв'язків населення України у кам'яному та мідно-бронзовому віках, сторінки з історії кіммерійців та скіфів, матеріальна та духовна культура античних греків у Північному Причорномор'ї, етногенез та рання історія слов'ян, розвиток давньоруських міст і сіл, матеріальної культури середньовіччя і нового часу. Видаються нові археологічні матеріали, розвідки з історії археології та архівні джерела.

Для археологів, істориків, краєзнавців, учителів історії, студентів історичних факультетів, усіх, хто цікавиться давньою історією України.

A series is devoted to publications of investigations on archaeology and ancient history of Ukraine. Questions of social and economic development and cultural relations of the population of Ukraine in the Stone and Copper-Bronze Age, pages of Cimmerian and Scythian history, material and spiritual culture of antique Greeks in Northern Black Sea Coast, ethnogenesis and early history of Slavs, development of the Ancient Russian cities and villages, material culture of Medieval and Modern periods are under observing. New archeological records, survey on history of archaeology and archival sources are being published.

This series is intended for archeologists, historians, regional specialists, teachers of history, students of historical departments and for all who is interested in ancient history of Ukraine.

Засновник та видавець:
Інститут археології
Національної академії наук України

Свідоцтво про реєстрацію ЗМІ:
КВ № 17659-6509Р від 29.03.2011

Адреса редакції:
Україна, 04210, Київ 210, просп. Героїв Сталінграда, 12
Тел.: (+380-44) 418-61-02
Факс: (+380-44) 418-33-06
E-mail: secretaradiu@gmail.com

Офіційна сторінка видання:
Сайт «Спілка археологів України» [http://www.vgosau.kiev.ua] —
Бібліотека — Журнал «Археологія і давня історія України»
[http://www.vgosau.kiev.ua/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=111&Itemid=183]

Затверджено до друку Вченою радою
Інституту археології НАН України
30.05.2019, протокол № 5

Рисунки *авторські*
Надруковано *в авторській редакції*
Комп'ютерна верстка *С. А. Горбаненка*

Усі права застережено. Передрук можливий
зі згоди редакції та авторів статей

Виходить за підтримки
Всеукраїнської громадської організації
«Спілка археологів України»

ISSN 2227-4952

Усі матеріали рецензовано

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2019

Підписано до друку 14.06.2019. Формат 60 × 84/8. Гарн. Century Schoolbook. Папір офс.
Друк офс. Ум.-друк. арк. 61,2. Обл.-вид. арк. 68,2. Тираж 100 екз. Зам.

Тираж віддруковано ТОВ «Майдан», 61002, Харків, вул. Чернишевська, 59. Тел.: (057) 700-37-30.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців
і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

ЗМІСТ

CONTENTS

Передмова **7** Introduction

НАШ ЮВІЛЕЙ

OUR JUBILEES

До ювілею Сергія Анатолійовича Скорого **8** To Professor Serhii Skory Anniversary

Мурзин, В. Ю. «Как молоды мы были, … как верили в себя…» **15** *Murzin, V. Ju.* «Oh, We Were so Young and Perky!»

СТАТТІ

PAPERS

Базарбаева, Г. А., Джумабекова, Г. С. К вопросу о статусе женщин в культуре населения Казахстана сакского времени (по материалам из Восточного Приаралья) **20** *Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S.* On the Problem of Women Status in the Culture of Kazakhstan Population of the Saka Age (According to Materials from East Aral Sea Region)

Гречко, Д. С. Скифия от Октамасада до Атея (по материалам Днепровского Лесостепного Левобережья) **29** *Grechko, D. S.* Scythia from Octamasades to Ateas (According to the Materials of the Dnieper Left Bank Forest Steppe)

Гуляев, В. И. «Будиния или Скифия?» Этнокультурная принадлежность населения Среднего Дона в V—IV вв. до н. э. **53** *Guliaev, V. I.* «Budinia or Scythia?» the Ethnic and Cultural Belonging of the Middle Don Population During 5th—4th Centuries BC

Клочко, В. І. Металеві сокири раннього етапу ямної культури України **67** *Klochko, V. I.* Metal Axes of the Early Period of Yamna Culture of Ukraine

Крютченко, А. А. Вариант систематизации городищ скифского времени Днепро-Донского лесостепного междуречья **76** *Kriytchenko, A. A.* The Variant of Systematization of the Hill-Forts of Scythian Age of Dnieper-Don Forest-Steppe Interfluve

Люштіна, М., Цвіетіч, Е. Про етнічні компоненти у формуванні археологічної картини Південно-Західної Сербії та Північної Чорногорії за передримської та ранної римської доби **83** *Ljuština, M., Cvijetić, J.* Notes on Ethnical Components in Forming Archeological Picture of Southwestern Serbia and Northern Montenegro in Prehistory and Early Roman Period

Медведев, А. П., Берестнев, Р. С. О начале раннего железного века на Среднем Дону **92** *Medvedev, A. P., Berestnev, R. S.* On the Beginning of the Early Iron Age in the Territory of Middle Don Basin

Могилов, А. Д. Вооружение из Светловодского могильника **102** *Mogylov, O. D.* The Armament from the Svitlovodsk Cemetery

Молодин, В. И. Миграционные потоки на юге Западно-Сибирской равнины в переходное от бронзы к железу время **126** *Molodin, V. I.* Migration Flows in the South of West Siberian Plane During the Late Bronze Age to Iron Age Transition

Мурзин, В. Ю. Не дают мне покоя номархи… **134** *Murzin, V. Yu.* The Nomarches Bother Me…

Нікуліце, І. Співвідношення культурно-хронологічних груп кінця II — початку I тис. до н. е. в Пруто-Дністровському регіоні **140** *Niculiță, I.* Correlation of Cultural-Chronological Groups at the End of the 2nd Millennium — the Beginning of the 1st Millennium BC in the Prut-Dniester Region

Отрощенко, В. В. До проблеми розпізнавання поховань чорногорівської групи **149** *Otroshchenko, V. V.* To the Problem of Recognition of the Burials of Chornohorivska Group

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2019

Полин, С. В., Дараган, М. Н. Бронзовые крестовидные ворварки как хроноиндикатор скифских погребений Северного Причерноморья второй — третьей четверти IV в. до н. э. **157**

Симоненко, О. В. Нарис українського сарматознавства **171**

Топал, Д. А. Однолезвийное оружие скифского облика Трансильвании и Альфёльда **183**

Хохоровски, Я. На далеких окраинах античного мира: гиперборейцы Центральной Европы **197**

Балашов, І. О., Могилов, О. Д. Мушлі молюсків з Мотронинського городища **255**

Polin, S. V., Daragan, M. N. Bronze Cross-Shaped Plaques as a Chronology Indicator of Skythian Kurgans of the North Pontic Region of the Second — Third Quarter of the 4th Century BC

Symonenko, A. V. Essay On the Sarmatian Studies in Ukraine

Topal, D. A. Single-Edged Weaponry of Scythian Origin in Transylvania and Great Hungarian Plain

Chochorowski, Ja. At the Far Fringes of the Antique World — the Hyperboreans of Central Europe

Balashov, I. O., Mogylov, O. D. Shells of Molluscs from the Motoronyn Hillfort

ПУБЛІКАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

PUBLICATIONS of ARCHEOLOGICAL MATERIAL

Гуцал, В. А. Дослідження ранньоскіфського кургану біля с. Купин на Хмельниччині **259**

Дараган, М. Н., Подобед, В. А. Новые исследования в Жаботине **268**

Дударев, С. Л., Бережная, В. А., Колкова, С. П. О новых находках конской сбруи скифо-сарматского времени из Закубанья **287**

Каравайко, Д. В. Глиняные миски городища Ширяево **294**

Козир, І. А., Панченко, К. І., Чорний, О. В. Васинський курган середньоскіфського часу **300**

Колтухов, С. Г. О времени сооружения кургана Беш-Оба IV/3 Аккайского (Белогорского) курганного могильника **315**

Левицький, О. Г., Сирбу, Л. В., Сирбу, Г. В. Культурний шар періоду пізнього хальштатту на поселенні Трінка «Ізворул луй Лука» (Північно-Молдавське плато) **320**

Лошенков, М. И. Бронзовые наконечники стрел на памятниках археологии Беларуси **339**

Ляшко, Ю. Ю. Зброя раннього залізного віку з колекції Кам'янського історичного музею **345**

Переводчикова, Е. В., Фирсов, К. Б. О расположении коней в кургане Козёл **349**

Сикоза, Д. Н., Дзнеладзе, Е. С. Женские погребения Николаевского могильника **355**

Фіалко, О. Є., Нерода В. В. Поховання скіфської амазонки на Черкащині **364**

Шелехань, О. В., Киркач, В. А. Скіфський меч зі Слов'янська **375**

Эрлих, В. Р. Элитное воинское погребение предскифского времени из окрестностей г. Майкопа **385**

Hutsal, V. A. Research Of the Early Scythian Kurgan in Kupyn Village of Khmelnitskyi Region

Daragan, M. N., Pidobid, V. A. New Researches in Zhabotin

Dudarev, S. L., Berezhnaya, V. A., Kolkova, S. P. About New Finds of the Horse Harness of Scythian-Sarmatian Age from Zakubanye

Karavaiko, D. V. Clay Bowls of the Shyriaievo Hillfort

Kozyr, I. A., Panchenko, K. I., Chornyy, O. V. Vasynski Barrow of the Middle Skythian Age

Koltukhov, S. G. On the Time of the Construction of Besh-Oba IV/3 Kurgan Ak-Kaya (Belogors) Burial Ground

Leviţki, O., Sîrbu, L., Sîrbu, G. The Habitation Layer of the Late Hallstatt Period at the Trinca «Izvorul Lui Luca» Site (Northern Moldavian Plateau Area)

Loshenkov, M. I. Bronze Arrowheads in the Archaeological Sites of Belarus

Lyashko, Yu. Yu. Weapon of the Early Iron Age from Collection of Kamyanka Historical Museum

Perevodchikova, E. V., Firsov, K. B. On the Disposition of Horses in Kozel Barrow

Sikoza, D. N, Dzneladze, E. S. Female Burials of Mykolaivka Burial Ground

Fialko, O. Ye., Neroda, V. V. Scythian Amazon Burial in Cherkasy Region

Shelekhan, O. V., Kyrkach, V. A. Scythian Sword from Sloviansk

Erlikh, V. R. The Elite Grave of the Warrior of the Pre-Scythian Age near Maikop

ОБРАЗИ СКІФСЬКОГО МИСТЕЦТВА

IMAGES of the SCYTHIAN ART

Алексеев, А. Ю. Грифон и змея в скифском искусстве **398**

Вольная (Керцева), Г. Н. Анималистическое искусство кобанской культуры и скифо-сибирский звериный стиль **402**

Alekseev, A. Yu. Griffin and Snake in Scythian Art

Volnaya (Kerczeva), G. N. Animalistic Art of Koban Culture and Scythian-Siberian Animal Style

Зимовец, Р. В. Образ кабана в скифском зверином стиле Северного Причерноморья. Внутренняя эволюция и внешние влияния **409**

Канторович, А. Р. Изображения в скифском зверином стиле на предметах «Крымской коллекции» **430**

Королькова, Е. Ф. Шествие: иллюзия и реальность в иррациональном пространстве (к проблеме иконографии и композиции в древнем искусстве) **456**

Кузнецова, Т. М. Изображения ушастой птицы, или чьи у грифона уши **461**

Махортых, С. В. Золотые накладки на деревянные сосуды из Перещепинского могильника близ Бельска **470**

Полидович, Ю. Б. Гребень из Гаймановой Могилы и скифский миф о змееборчестве **483**

Zymovets, R. V. Image Of a Wild Boar in the Scythians Animal Style of the Northern Pontic Region. Internal Evolution and External Impacts **409**

Kantorovich, A. R. Images in Scythian Animal Style on the Artefacts of «Crimean Collection» **430**

Korolkova, E. F. Procession: Illusion and Reality in Irrational Space (to the Problem of Iconography and Composition in Ancient Art) **456**

Kuznetsova, T. M. Images Of an Eared Bird or Whose Ears a Griffin Has? **461**

Makhortykh, S. V. Gold Appliques Affixed to the Wooden Bowls from the Pereschepine Burial Ground near Belsk **470**

Polidovych, Yu. B. The Comb from the Haymanova Mohyla and the Scythian Myth of the Hero Fighting a Dragon **483**

ДАВНЯ МЕТАЛООБРОБКА

ANCIENT METALWORKING

Бабенко, Л. И. Витые и ложновитые шейные украшения из мастерских боспорских торевтов **493**

Ольговский, С. Я. К вопросу об очаге металлообработки в Северном Причерноморье в раннем железном веке **506**

Романюк, В. В. Скарби бронзових прутків Середнього Поросся **514**

Трейстер, М. Ю. Заметки об греческой, италийской и македонской бронзовой посуде у скифов и меотов **518**

Babenko, L. I. Twisted and False-Twisted Torques from the Bosporan Toreutic Workshops **493**

Olgovskyi, S. Y. Further Thoughts on the Center of Metalworking in North Pontic Region in the Early Iron Age **506**

Romanuik, V. V. Deposits of Bronze Small Twigs in Middle Ros Basin **514**

Treister, M. Yu. Notes on the Greek, Italic and Macedonian Bronze Vessels of the Scythians and Maiotians **518**

Сергій Анатолійович СКОРИЙ

ПЕРЕДМОВА

Цей номер журналу «Археологія і давня історія України» присвячено Сергію Анатолійовичу Скорому — знаному фахівцю з археології доби раннього заліза Східної та Центральної Європи, доктору історичних наук, професору, завідуючому Відділом археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України. Серед авторів — колеги, друзі, учні професора. Широкою є географія дописувачів, що представляють багато країн: Україну, Німеччину, Польщу, Білорусь, Росію, Сербію, Казахстан, Молдову. Ювіляра вшановують 60 авторів із 37 науково-дослідних, освітніх, музейних установ.

Тематика робіт охоплює старожитності на величезних просторах, від Середньої Європи до казахських степів; від лісової зони Східної Європи до Чорного та Каспійського морів. Широкі й хронологічні межі наукової тематики, що включають пам'ятки бронзового віку, кіммерійського, скіфського та сарматського часів.

У випуску — статті, присвячені аналізу етнокультурної історії на півдні Східної Європи за скіфської доби, роботи зі скіфського мистецтва, різних категорій матеріальної культури того часу (посуд, озброєння, спорядження коня, прикраси), а також давнього виробництва. Окремий блок складають публікації археологічних матеріалів. Значна їх частина — з Українського Лісостепу, регіону, який вже протягом багатьох років перебуває в центрі наукової уваги професора С. А. Скорого.

Випуск підготовлено редакційною групою вчених — співробітників Відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України: О. Д. Могилов (секретар групи), О. С. Дзнеладзе, Д. С. Гречко, Д. В. Каравайко, С. В. Махортих, О. В. Симоненко, О. Є. Фіалко.

УДК: [902:929]

ДО ЮВІЛЕЮ СЕРГІЯ АНАТОЛІЙОВИЧА СКОРОГО

У цьому році відзначає 70-річний ювілей Сергій Анатольович Скорий — визнаний спеціаліст в галузі археології раннього залізного віку, доктор історичних наук, професор. Він народився 14 грудня 1949 р. у м. Старий Крим, в родині службовців. Зв'язки зі Східним Кримом, батьківщиною його предків, Сергій Скорий зберігає протягом усього життя: це і навчання, археологічні дослідження і наукові праці, літературна діяльність. Здається, саме місце народження обумовило захоплення археологією, адже старовина оточувала його з дитинства. Отже, справу всього життя обрав свідомо, хоча й не одразу, а вже після технікуму, роботи і військової служби, коли у 1975 р. вступив до історичного факультету Сімферопольського (нині Таврійського) університету [1]. Фактично з першого курсу Сергій долучається до наукової роботи, бере активну участь у археологічних дослідженнях кримських фахівців і відтоді цілеспрямовано йде обраним шляхом. Протягом всього навчання в університеті він очолює Студентське наукове товариство історичного факультету, бере участь у республіканських, регіональних і загальносоюзних археологічних конференціях. Першу наукову перемогу здобув у 1978 р. — на Загальносоюзній археологічній студентській конференції його доповідь «Скифские длинные мечи» відзначена серед 20 кращих. Разом із В. О. Кутайсовим і В. Л. Мицом вони організували на історичному факультеті студентський археологічний клуб «Еос», членами якого було кілька відомих у подальшому археологів. На студентські роки (1977—1979) припадають і перші інформації в «Археологических открытиях», а також публікації в часописі «Советская археология», знайомство з відомими археологами, в тому числі М. А. Фронджуло, А. О. Щепинським, Т. М. Висотською, П. М. Шульцем, І. В. Яценко, К. Ф. Смирновим, Є. В. Черненком, Б. М. Мозолевським.

У 1979 р. С. А. Скорий отримав направлення до аспірантури ІА АН УРСР, на той час він вже мав шість друкованих праць, з них дві в часопису «Советская археология». Дисертацію «Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы)» він захистив своєчасно, у 1982 р., оскільки інтерес до клинкової зброї визначився ще у студентські роки. Його вчителями і керівниками були відомі скіфологи Олексій Іванович Тереножкин і Євген Васильович Черненко. На початку 1997 р. він захистив докторську дисертацію «Кочовики передскіфської і скіфської доби в Дніпровському Правобережному Лісостепу (питання етнокультурної історії)». Головні положення цього дослідження з роками одержують широке визнання, в тому числі поетапне відтворення етнокультурних процесів в Дніпровському Лісостеповому Правобережжі, розробка археологічних критеріїв присутності номадів. В наступні роки його наукові інтереси сконцентровані навколо двох головних проблем: історія скіфського озброєння (насамперед, клинкової зброї) і проблеми етнокультурної історії Східноєвропейського Лісостепу передскіфського і скіфського часів, а також старожитності скіфського типу в Середній Європі. Останнім часом до кола його наукових інтересів додалися пам'ятки скіфського і скіфо-античного мистецтва — унікальні зооморфні і антропоморфні образи, в тому числі бронзові штампи і матриці з території Криму. Ім'я С. А. Скорого

1. Докладніше див.: Вітаємо... 2009; Бессонова 2010; Супруненко, Тимощук 2009; Фиалко 2009.

добре відоме у наукових колах багатьох країн, де він брав участь у міжнародних наукових форумах. Його праці видані в Болгарії, Румунії, Польщі, Росії, Великобританії, Німеччині, Голландії, Італії, США, Франції.

Творча біографія Сергія Скорого багата на події та звершення. Свій ювілей він зустрічає з вагомим творчим доробком. Це матеріали багаторічних розкопок, в тому числі таких пам'яток як Мотронинське і Більське городища, оборонні споруди Мотронинського городища, лісостепові кургани скіфської знаті; понад 330 друкованих праць, у тому числі 14 монографій. Серед останніх — монографія «Большой Рыжановский курган» (2018 р., у співавторстві з Яном Хохоровським) — підсумок багаторічного вивчення матеріалів видатної скіфської пам'ятки початку III ст. до н. е., розкопаної ними ще наприкінці минулого століття. Саме С. Скорий був ініціатором розкопок, він був впевнений, що центральне поховання кургану не пограбоване. Принциповим моментом є обґрунтування дати цього найпізнішого серед відомих в науці скіфських царських поховань, розташованого на теренах Лісостепу. Слід також згадати ще одну масштабну подію — дослідження пам'ятки вищого рангу лісостепових скіфів: восьмиметрової Скіфської Могили (V ст. до н. е.) на курганному некрополі Мотронинського городища, здійсненого також разом з Я. Хохоровським (2002—2003 рр.). Обидва поховання виявилися пограбованими (одне частково), але неоціненним здобутком можна вважати складні дерев'яні конструкції насипу і поховальних камер, досліджені на вищому професійному рівні. Східні аналогії конструкціям є яскравим свідченням походження хвилі номадів, які просунулися в V ст. до н. е. до лісостепового Подніпров'я.

Дитинство, Старий Крим (1958 р.); біля мечеті хана Узбека (1314 р.)

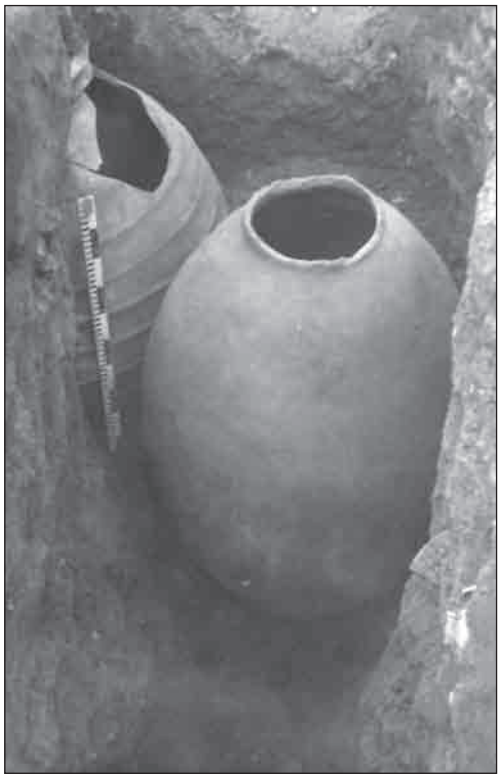
Помітним явищем можна вважати і публікацію каталогу скіфських старожитностей Криму, унікальної колекції металевих виробів (понад 400 екз.), придбаних нещодавно Романом Зимовцем, відреставрованих і переданих до Археологічного музею ІА НАНУ (Скорый, Зимовец 2014). Ставлення до цієї роботи, яка

Юність, Сергій Скорий — студент Феодосійського політехнікума серед друзів; кінець 1960-х рр.

Військова служба, разом з друзями; Московська обл., 1972 р.

Середньовічні піфоси, розкопані експедицією під керівництвом М. А. Фронджуло, в якій брав участь С. Скорий; Крим, Судак, 1973 р.

містить також нарис історії півострова в ранньому залізному віці, скорегованої з урахуванням нових знахідок, не було одностайним. Але загалом фахівці (Вальчак 2015; Медведев 2015; Гуляев 2016; Топал 2017) відзначили неабияке значення цієї роботи, яка суттєво розширює коло археологічних джерел з історії Криму. Зокрема, відзначається особливе значення знахідок — понад 30 екз. — скіфської клинкової зброї (для цієї категорії «випадкові» знахідки є цілком закономірним явищем). Цей матеріал здатний скорегувати уявлення щодо складу озброєння і динаміки його змін в різні

На Усть-Альминському городищі пізньоскіфської культури, експедиція під керівництвом Т. М. Висотської; Бахчисарайський р-н, Крим, 1975 р.

періоди історії скіфів (Топал 2017, с. 261). Деякі зразки зброї, а також кінського спорядження, деталей військового одягу можна вважати унікальними. Не менш цікава колекція з точки зору звіриного стилю, насамперед для вивчення іконографії окремих образів. Введення у науковий обіг зазначеної колекції сприятиме розв'язанню невирішених питань в археології скіфської епохи (Гуляев 2016, с. 205).

Також слід відзначити завершену в цьому році ініційовану С. А. Скорим багаторічну роботу колективу авторів (С. А. Скорий, В. П. Білозор, О. Б. Супруненко, І. М. Кулатова) зі збору і перевірки даних щодо всіх відомих нині поселень та місцезнаходжень скіфського часу на території Великого укріплення Більського городища. Це зведення, яке містить карту пам'яток, уточнені дані щодо розкопок, шурфовок і розвідок понад 20 пунктів, подає об'єктивну картину просторової структури цієї видатної пам'ятки протягом декількох століть. Робота зафіксувала «археологічну карту» пам'ятки станом на сьогодення, адже господарська діяльність призводить до поступової руйнації культурного шару в межах укріплення Великого Більського городища.

Усі останні роки С. Скорий працює у вкрай напруженому робочому ритмі, якого вимагає завідування відділом, який він очолює з 2002 р. і до становлення якого доклав чимало зусиль.

На городищі Неаполь Скіфський під час студентської археологічної конференції в Сімферопольському державному університеті, С. Скорий — другий праворуч, поряд — майбутні відомі археологи В. Войнаровський та В. Каврук, крайній ліворуч — В. Ромашко; 1979 р.

З відомим молдавським археологом та другом, д-ром Олегом Левицьким; Молдова, 2006 р.

Окрім цього, він є членом Вченої ради ІА НАНУ, Спеціалізованої вченої ради із захисту докторських дисертацій при Інституті археології, низки редколегій часописів: «Археологія», «Археологічні дослідження в Україні», «Археологія і давня історія України» (Київ), «Старожитності Лівобережного Подніпров'я», «Феномен Більського городища», «Старожитності Посулля» (Полтава), «Археологічні дослідження Більського городища» (Котельва, Київ), «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма» (Москва, Тюмень, Нижневартівськ), «Revista arheologică» (Кишинів), (Полтава), а також міжнародних Консультативної ради «Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum» та «Funerary archeology study group».

Майже 4 роки Сергій Скорий керував журналом «Археологія і давня історія України». Він підготував чотири випуски цього журналу з тематики раннього залізного віку (з наукової серії, заснованої у 2010 р.).

Під керівництвом доктора історичних наук С. Скорого захищено 5 кандидатських дисертацій, деякі його учні вже готують докторські дисертації і мають своїх учнів.

Сергія Скорого завжди відзначала увага до історії науки. З його ініціативи і за активної участі проведено декілька ювілейних конференцій, в тому числі міжнародних, на базі Національного історико-культурного заповідника «Чигирин» (2004, 2007, 2016 і 2017 рр.), присвячених ювілеям Відділу, О. І. Тереножкина, Є. В. Черненка, Б. М. Мозолевського. Він також підготував до друку дисертаційну роботу Б. М. Мозолевського, епістолярну спадщину О. І. Тереножкина, нарис розвитку археології раннього залізного віку у зв'язку з ювілеєм профільного відділу Інституту археології, матеріали розкопок трагічно загиблого Володимира Павловича Григор'єва. За його особистим зізнанням, «*Многим, что составило немалое счастье моей жизни, было знакомство или дружба с учеными, имена которых являются*

Під час дослідження центрального поховання Великого Рижанівського кургану; Черкаська обл. 1996 р.

На Більському городищі скіфського часу з другом, колегою, директором Інституту археології Ягеллонського університету проф. Яном Хохоровським; початок 2000-х рр.

Біля профілю 8-метрової Скіфської Могили поблизу Мотронинскького городища, зі співробітниками Українсько-Польської експедиції «Мельники — Холодний Яр»; Черкаська обл., 2001 р.

Роздуми на розкопках кургану Орликова Могила; Кіровоградська обл., 2018 р.

На науковій конференції в Харківському національному університеті ім. В. М. Каразіна разом з колегою, істориком та філософом Романом Зимовцем; грудень 2018 р.

Сергій Скорий та Віталій Окатенко на зустрічі з російським поетом Сергієм Каратовим; Москва, 2017 р.

гордостью современного скифоведения» (Скорый 2014, с. 5). Видані ним спогади про колег, вчителів і друзів — це не лише портрети видатних особистостей, майстерно змальовані епізоди польових сезонів, але водночас також сторінки з історії археології.

Ювіляр, за його власним висловом, «польовий доктор», активно продовжує археологічні дослідження. Кожного року виїжджає на розкопки, безпомилково знаходячи проблемні пам'ятки. Одночасно це й охоронні розкопки напівзруйнованих курганів, зокрема, Турецької Могили з похованнями скіфських воїнів кінця VI — кінця V ст. до н. е. в басейні Сіверського Дінця (у співавторстві з В. М. Окатенком 2016), а також захоронення воїна-кіммерійця та скіфських курганів на півдні Кіровоградщині, на порубіжні зі Степом, (у співавторстві з О. П. Орликом та Р. В. Зимовцем, 2016—2018). І — нові плани на майбутнє, які неодмінно здійсняться, адже він — цілеспрямована людина.

Слід також згадати про неабияку роботу, що пов'язана з редагуванням та рецензуванням

На поетичній хвилі

наукових праць, яку здійснив та здійснює ювіляр. Він є редактором понад 25 монографій та наукових збірок та рецензентом майже 30 наукових праць.

Не залишає Сергій Скорий і літературну творчість, хоча часу на улюблену справу залишається не так багато, як хотілось би. Він — член Спілки письменників АР Крим, автор 6 книжок, надрукованих у Києві, Полтаві, Сімферополі. Низки його віршів, крім України, видані в Росії, Молдові, Німеччині, США. За останні десятиліття його творчість стала більш зрілою і різноплановою. Окрім поезії, це нариси-спогади «археологічного циклу», епізоди родинної хроніки часів Другої світової війни, складання поетичної антології («Воспевали тот город поэты… Стихи о Старом Крыме», 2012), присвяченої рідному місту, почесним громадянином якого він був обраний за наукові і літературні заслуги у 2007 р., та багато іншого.

Щиро зичимо ювілярові міцного здоров'я ще на довгі роки, нових творчих здобутків!

Друзі та колеги

ЛІТЕРАТУРА

Бессонова, С. С. 2010. К 60-летнему юбилею С. А. Скорого. *Revista arheologică*, V, 1, с. 209-211.

Вальчак, С. Б. 2015. Рец.: Скорый С. А., Зимовец Р. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев, 2014. *Археологія*, 3, с. 135-136.

Вітаємо... 2009. Вітаємо з ювілеєм Сергія Анатолійовича Скорого. *Археологія*, 4, с. 105-108.

Гуляев, В. И. 2016. Рец.: Скорый С. А., Зимовец Р. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев, 2014. *Афроазиатские общества: история и современность*, 5, с. 205-208.

Медведев, А. П. 2015. Новая книга о скифских древностях. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 4, с. 136-137.

Скорый, С. 2014. *О скифологах: учителях и коллегах*. Киев: Олег Філюк.

Супруненко, А. Б., Тимощук, А. И. 2009. *Скорый Сергей Анатольевич. Библиографический указатель. К 60-летию со дня рождения*. Киев; Полтава: Дивосвіт.

Топал, Д. 2017. Запоздалые размышления по поводу одной публикации. Рец.: Скорый С. А., Зимовец Р. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев, 2014. 180 с. *Revista arheologică*, XIII, 1—2, с. 260-264.

Фиалко, Е. Е. 2009. Восхождение: К юбилею С. А. Скорого. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к юбилею С. А. Скорого*. Киев; Полтава, с. 5-7.

REFERENCES

Bessonova, S. S. 2010. K 60-letnemu iubileiu S. A. Skorogo. *Revista arheologică*, V, 1, s. 209-211.

Valchak, S. B. 2015. Rets.: Skoryi S. A., Zimovets R. V. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii. Kiev, 2014. *Arkheologiia*, 3, s. 135-136.

Vitajemo... 2009. Vitaemo z iuvileem Sergiia Anatoliiovicha Skorogo. *Arkheologiia*, 4, s. 105-108.

Guliaev, V. I. 2016. Rets.: Skoryi S. A., Zimovets R. V. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii. Kiev, 2014. *Afroaziatskie obshchestva: istoria i sovremennost*, 5, s. 205-208.

Medvedev, A. P. 2015. Novaia kniga o skifskikh drevnostiakh. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiia. Sotsiologiia*, 4, s. 136-137.

Skoryi, S. 2014. *O skifologakh: uchiteliakh i kollegakh*. Kiev: Vidavets Oleg Filiuk.

Suprunenko, A. B., Timoshchuk, A. I. 2009. *Skoryi Sergei Anatolevich. Bibliograficheskii ukazatel. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia*. Kiev; Poltava: Divosvit.

Topal, D. 2017. Zapozdalye razmyshleniia po povodu odnoi publikatsii. Rets.: Skoryi S. A., Zimovets R. V. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii. Kiev, 2014. 180 s. *Revista arheologică*, XIII, 1—2, s. 260-264.

Fialko, E. E. 2009. Voskhozhdenie: K iubileiu S. A. Skorogo. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k iubileiu S. A. Skorogo*. Kiev; Poltava, s. 5-7.

Одержано 5.05.2019

УДК: [902:929]

В. Ю. Мурзин

«КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ, … КАК ВЕРИЛИ В СЕБЯ…»

Но, «*А годы летят… Наши годы, как птицы, летят, И некогда нам оглянуться назад*».

Вот и пришла пора наших юбилеев, поэтому, думается, будет уместным вспомнить нашу молодость и то время, на которое пришлось наше становление как специалистов в области археологии раннего железного века. Тем более, что многие из нас достигли довольно широкой известности в узких кругах специалистов-скифологов.

Не секрет, что в 1970-е гг. вся научная жизнь в Отделе скифо-сарматской археологии Института археологии (тогда еще АН УССР) направлялась Алексеем Ивановичем Тереножкиным и Варварой Андреевной Ильинской. К ним тесно примыкала старейший сотрудник Отдела Галина Тихоновна Ковпаненко.

Среднее звено исследователей на тот момент было представлено Евгением Васильевичем Черненко и Борисом Николаевичем Мозолевским. Борис к тому времени не защитил еще диссертацию, однако раскопки Толстой Могилы и находка знаменитой пекторали сделали его фамилию широко известной не только среди археологов.

Наконец, в самом низу этой пирамиды уже начала завязываться молодая аспирантская поросль. Когда я в 1973 г. стал аспирантом Отдела [1], там уже достаточно уверенно чувствовали себя Толя (Анатолий Степанович) Островерхов и Света (Светлана Сергеевна) Бессонова. Вскоре наша команда пополнилась — в аспирантуру поступили Надя (Надежда Авксентьевна) Гаврилюк и Сергей (Сергей Анатольевич) Скорый. В целевую аспирантуру по направлению Каменец-Подольского университета пришел Толя (Анатолий Федорович) Гуцал.

Тесно примыкал к этой компании и Володя (Владимир Павлович) Белозор. Он не был аспирантом, но был личным лаборантом В. А. Ильинской, помогал ей и А. И. Тереножкину в их работе над Большой Скифией, как они условно называли этот труд, вышедший затем под названием «Скифия VII—IV вв. до н. э.» (Ильинская, Тереножкин 1983).

Надо заметить, что Сергей Скорый стал аспирантом в 1979 г. уже имея солидный жизненный опыт. Он родился 14 декабря 1949 г. в г. Старый Крым. По окончании 8 классов Старо-Крымской средней школы учился в Феодосийском политехникуме (1966—1970), работал на кузнечно-штамповочном заводе в Токмаке Запорожской обл., служил в Железнодорожных войсках Советской Армии (1970—1972). Лишь после этого он стал студентом исторического факультета Симферопольского государственного университета. В годы учебы принимал участие в работе нескольких археологических экспедиций, опубликовал в научных изданиях несколько публикаций.

Тема кандидатской диссертации С. А. Скорого была связана вооружением скифского типа в Средней Европе. Надо сказать, что при всей своей привлекательности разработка этой проблемы таила в себе и некоторые подводные камни. Их наличие объяснялось тем, что данная тема в той или иной степени уже затрагивалась как отечественными (М. И. Ростовцев, А. И. Мелюкова), так и зарубежными (В. Гинтерс, М. Пардуц, М. Душек, Т. Сулимирский и др.) специалистами.

Однако С. А. Скорому удалось найти новые подходы к этой научной проблеме, не только

1. Отдел, как и весь Институт, размещался в то время на территории Выдубецкого монастыря.

© В. Ю. МУРЗИН, 2019

С коллегами на субботнике близ Выдубецкого монастыря, 1980-е гг.

выделив группы оружия, которые полностью соответствовали скифским образцам и группы предметов вооружения, изготовленные местными мастерами по скифскому образцу и подобию, но и сделать интересный вывод, согласно которому на территориях, где оружие скифского типа представлено наиболее массово, несомненно, присутствовал скифский этнический компонент.

Подошло и время защит. В 1978 г. свою кандидатскую защитил Толя Островерхов, удачно использовавший материалы открытого совсем незадолго до этого Ягорлыцкого ремесленного поселения, в 1979 г. защитились С. С. Бессонова со своей оригинальной и добросовестной (впрочем, это отличительная черта всех Светиных работ) кандидатской, посвященной религиозным представлениям скифов, и я. 1981 г. стал праздничным для Нади Гаврилюк, а в 1983 г. успешно представил свою работу на Специализированном научном совете Института археологии АН УССР Сергей Скорый (Скорый 1983).

Несмотря на то, что нашим научным руководителем не всегда был А. И. Тереножкин — у меня, например, руководителем была В. А. Ильинская, а у С. А. Скорого — Е. В. Черненко, все мы считаем себя, прежде всего, учениками Алексея Ивановича, поскольку именно он создал киевскую школу скифоведения, через учебные классы которой мы все прошли.

После защиты А. С. Островерхов вернулся в родную Одессу (увы, Анатолия Степановича уже нет рядом с нами), а А. Ф. Гуцал по окончании аспирантуры возвратился в родную alma mater, и стал доцентом Каменец-Подольского университета и признанным специалистом по изучению памятников раннего железного века Среднего Поднестровья.

В гостях у В. Ю. Мурзина с проф. Е. В. Черненко, 1990-е гг.

После защиты кандидатской диссертации С. А. Скорый решил вплотную заняться памятниками позднейшего предскифского и скифского времени на территории Днепровского Лесостепного Правобережья. Не буду подробно останавливаться на его исследованиях в этом направлении — у меня другая задача. Скажу лишь, что результатом этих поисков стало не-

После защиты докторской диссертации; среди участников Международного симпозиума в Тульче (Румыния). Справа налево: Е. Ф. Редина, Г. И. Смирнова, С. А. Скорый, С. И. Андрух, Т. Л. Самойлова и румынские коллеги. 1999 г.

сколько монографий и значительное число статей, защита им докторской диссертации (Скорый 1996) и выход прекрасной обобщающей работы, посвященной роли собственно скифского этнического компонента в историческом развитии данного региона (Скорый 2003). В результате всех этих усилий тезис о непосредственном проникновении на территорию лесостепного Правобережья кочевников киммерийского и скифского времени можно считать доказанным безоговорочно.

Несмотря на то, что мы с Сергеем Анатольевичем долгие годы работали в одном Отделе, тесно общались и даже имели совместные работы (например: Murzin, Skory 1994) в неформальной обстановке (если не считать приватных бесед и общеотдельских мероприятий и праздников) мы встречались достаточно редко.

В этой связи не могу не упомянуть наши совместные поездки (в 1990-е гг.) в составе делегаций Института, который возглавлял академик П. П. Толочко, во Францию, в г. Париж. Первая из них была связана с проходившими в то время днями украинской культуры во Франции. В рамках этого мероприятия в университете Сорбонны была организована конференция, посвященная археологии Украины, в которой приняли участие члены нашей делегации и французские ученые, занимающиеся данной проблематикой. Вторая — в связи с открытием в Париже выставки нашего Института «L'or des rois scythes».

Во время первой поездки С. А. Скорый неожиданно для нас, киевлян, прочитал свой доклад на английском языке. Не преминул отреагировать на это и П. П. Толочко, сказав автору: «*Да… Удивили Вы нас, Сергей Анатольевич!*».

Честно говоря, прелести Парижа, о которых так много рассказывают, оставили меня достаточно равнодушным. Но наличие свободного времени — ведь, в отличие от Киева, спешить

Сотрудники Бельской экспедиции (С. А. Скорый — первый справа) возле погребения скифского воина возле захоронения с останками быка; Перещепинский курганный могильник

Исследование селитроваренной печи XVII в. на Западном укреплении Бельского городища; начало 2000-х гг.

Париж, на фоне Сены; с В. В. Отрощенко

домой необходимости не было, уютные кафе и ресторанчики этого города, продуманная экскурсионная программа, которую предложила принимающая сторона (особенно запомнилось ночное посещение Монмартра, где активная жизнь протекает, как выяснилось, в любое время суток) — все располагало к дружескому общению.

Еще больше сблизила наша совместная со С. А. Скорым работа по подготовке выставки «Koczownice Ukrainy», которая проходила в польском г. Катовице.

Побывали мы с профессором Р. Ролле и на выставке материалов Рыжановского кургана в г. Краков (Польша), которую создали исследователи этого памятника С. А. Скорый и профессор Краковского университета Ян Хохоровский.

Сложилась достаточно парадоксальная ситуация — мы работали в одном Отделе, нас связывало взаимное уважение и дружба, а вот в «поле» мы встречались чаще заграничном, чем в родном, экспедиционном. В принципе, объяснить это можно — С. А. Скорого привлекали исследования на территории Лесостепи, а меня манили степные просторы. Однако, учитывая относительную малочисленность нашего Отдела и ту большую экспедиционную нагрузку, которая приходилась на те годы, странность такого положения была несомненной. Даже в разгар новостроечных экспедиций, когда для работы в них командировались практически все сотрудники Института, и эта колода постоянно тасовалась, не встретиться двум сотрудникам Отдела в одной экспедиции было достаточно сложно. Может быть это связано с тем, что мы оба достаточно рано начали руководить экспедициями, а двух начальников в одной экспедиции, понятно, быть не может (хотя такие прецеденты и были — когда в экспедиции, кроме официального начальника, появлялся и неформальный лидер, но заканчивались они всегда плачевно).

Однако случай поработать вместе «на свежем воздухе» все же представился. В 1996 г. стартовал новый совместный украинско-немецкий археологический проект — исследование Бельского городища и его округи. Руководителями экспедиции стали я и Р. Ролле. Поначалу работы велись двумя отрядами на двух объектах — поселении в урочище Яблунева Балка (В. П. Белозор) и курганном могильнике Перещепино (С. В. Махортых).

Но в ходе разведок удалось выявить следы поселения на территории Большого Бельского городища, в урочище Лисовый Кут. На огромной территории Большого Бельска остатки поселенческих структур редкость, поэтому необходимость исследования этого поселения была очевидной.

В то время С. А. Скорый был относительно свободен от экспедиционных хлопот и мы (я и Р. Ролле) предложили ему взять Лисовый Кут под свое надежное крыло. В результате С. А. Скорый несколько лет работал в составе Бельской экспедиции.

Он быстро вписался в уже сложившийся коллектив, став надежным и ответственным сотрудником. Но — самое важное — если и я, и Рената больше тяготели к, если так можно сказать, «курганной археологии», то Сергей Анатольевич оказался разносторонним специалистом. И курганы были ему по плечу, и методикой и техникой исследования поселенческих структур прекрасно владел — хорошо «видел землю», рационально организовывал процесс работы, чётко и тщательно вел полевую документацию. Короче говоря, работа вместе с ним в «поле» доставляла удовольствие.

Ныне на счету Зав. Отделом Института археологии НАН Украины, доктора исторических наук, профессора С. А. Скорого более 300 научных работ, изданных не только в Украине, но и за ее пределами.

Интересно, что плодотворную научную работу С. А. Скорый совмещает с литературной де-

ятельностью. Он является автором нескольких сборников стихов и прозы.

Пользуясь случаем, хочу на правах старого друга пожелать Сергею Анатольевичу дальнейших научных свершений, мудрого руководства возглавляемого им научного подразделения, успешной подготовки молодых кадров украинских скифологов, которые продолжат и далее развивать киевскую школу скифоведения, которую создал наш общий учитель А. И. Тереножкин.

ЛИТЕРАТУРА

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Скорый, С. А. 1983. *Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы).* Автореф. дисс…канд. ист. наук. Киев: ИА АН УССР.

Скорий, С. А. 1996. *Кочовики передскіфської та скифської доби в Днепровському правобережному Лісостепу (питання етнокультурної історії).* Автореф. дис. доктора іст. наук. Київ: ІА НАНУ.

Скорый, С. А. *Скифы в Днепровской правобережной Лесостепи*. Киев: ИА НАН Украины.

Murzin, V. Ju., Skory, S. A. 1994. An essay of Scythian History. *lL Maro Nero*, I, p. 55-99.

REFERENCES

Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Skoryj, S. A. 1983. *Vooruzheniye skifskogo tipa v Sredney Evrope (k voprosu o svyazyakh Skifii i naseleniya Sredney Evropy).* Avtoref. diss… kand. ist. nauk. Kiev: IA AN USSR.

Skoryj, S. A. 1996. *Kochovyky peredskifskoi ta skyfskoi doby v Dneprovskomu pravoberezhnomu Lisostepu (pytannia etnokulturnoi istorii).* Avtoref. dys… doktora ist. nauk. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Skoryj, S. A. *Skify v Dneprovskoy pravoberezhnoy Lesostepi*. Kiev: IA NAN Ukrainy.

Murzin, V. Ju., Skory, S. A. 1994. An essay of Scythian History. *lL Maro Nero*, I, p. 55-99.

МУРЗІН В'ячеслав Юрійович, доктор історичних наук, професор, Мелітопольський інститут державного та муніципального управління «КПУ», Каховське шосе 8/2, Мелітополь, 72300, Україна, *vjmurzin@ukr.net*, *vjmurzin@gmail.com*.

MURZIN Viacheslav Yuriyovych, Doctor of Historical Sciences, Professor, Melitopol Institute of State and Municipal Administration «KPU», Kakhovskoe Highway, 8/2, Melitopol, 72300, Ukraine, *vjmurzin@ukr.net*, *vjmurzin@gmail.com*.

СТАТТІ

УДК: [904:5:572.028](574)”638”-055.2

Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЖЕНЩИН В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА САКСКОГО ВРЕМЕНИ (по материалам из Восточного Приаралья)

Немало лет прожив на белом свете,
Мы наконец с тобой понять смогли,
Кому и что нашёптывает ветер,
Белесые волнуя ковыли.

Скорый С. А.
«Нам дарит степь…», 2011

В статье на основе анализа материалов из могильников раннего железного века Южный Тагискен и Уйгарак в Восточном Приаралье, исследовавшихся Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова, рассматривается вопрос о роли женщины в культуре населения сакского времени региона.

Ключевые слова: *Восточное Приаралье, сакское время, погребальный обряд, статус женщины.*

В творчестве юбиляра исследование вопросов раннего железного века является делом всей жизни. Несмотря на то, что интересы Сергея Анатольевича в основном связаны с изучением западного ареала скифского мира, тем не менее, проблемы, существующие в изучении синхронного круга памятников востока Евразии, как указывают ключевые работы С. А. Скорого, непременно находятся в поле зрения исследователя (см. напр.: Скорый 1999). Об этом также ярко свидетельствует и обращение учеников Сергея Анатольевича к материалам из степной части скифского мира (см. напр.: Зимовец, Скорый, Окатенко 2018). Искренне поздравляем юбиляра с замечательной датой!

Введение. Культуры сакского облика в пределах казахских степей известны в таких регионах, как Жетысу, Сарыарка, Алтай, Восточное Приаралье. Несмотря на то, что приаральские степи являются наименее изученными в этом отношении, все же попытаемся на основе материалов, датируемых первой половиной I тыс. до н. э., и известных по публикациям О. А. Вишневской «Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.», а также монографии М. А. Итиной и Л. Т. Яблонского «Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен)», проследить моменты, позволяющие представить роль, занимаемую женщиной в древности. Хотя памятники исследовались в одно время, разница выхода в свет специальных исследований насчитывает почти четверть века. Монография 1997 г. была посвящена авторами 60-летнему юбилею Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (Итина, Яблонский 1997, с. 1).

Источником для проведения анализа служат материалы из могильников раннего железного века Южный Тагискен и Уйгарак, исследовавшихся Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова в начале 1960-х годов (Вишневская 1973; Итина, Яблонский 1997). Следует также отметить, что к успехам, достигнутым экспедицией, прямое отношение имеет выдающийся скифолог А. И. Тереножкин, создавший впоследствии свою школу профессионалов в науке (Скорый, Саенко 2017, с. 11—12). В плеяде достойных учеников исследователя и сегодняшний юбиляр С. А. Скорый.

В настоящее время в Восточном Приаралье планомерные исследования проводятся экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством Ж. Курманкулова при тесном сотрудничестве с коллегами из научно-исследовательского центра «Археология и этнография» Кызылординского госуниверситета им. Коркыт ата и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Хронологические рамки изучаемых памятников в основном сосредоточены на древностях, датируемых второй половиной I тыс. до н. э. (Курманкулов, Утубаев 2013; 2017; Тажекеев 2011; Утубаев 2018).

В археологии раннего железного века актуальность приобретают исследования, нацеленные на изучение палеосоциологической ситуации, в том числе (Балабанова и др. 2015; Бейсенов, Базарбаева 2017; Бейсенов и др. 2017;

© Г. А. БАЗАРБАЕВА, Г. С. ДЖУМАБЕКОВА, 2019

Рис. 1. Тагискен и Уйгарак на карте Казахстана. Исполнитель Н. Ш. Джуманазаров

Берсенева 2011; Буйнов, Гречко 2015; Гопкало 2011; Громов, Китов 2016; Клочко 2012; Матвеева 1998; Махортых 2011; Мужской и женский мир…, 2018; Соенов и др. 2015; Социальная структура…, 2005; Тишкин, Дашковский 2003; Тишкин, Серёгин 2015; Фиалко 2011 и мн. др.).

Однако материалы эпохи раннего железа Казахстана анализировались крайне недостаточно в таком направлении. Настоящая статья ставит целью приступить к изучению данного вопроса. Обычно, в первую очередь исследователи анализируют материалы по статусу мужчины, воина, всадника. Как отмечают исследователи, роль женщины чаще всего изучается сквозь призму мужского образа (Кильдюшева 2009).

Характеристика и анализ материала. На могильнике Тагискен из 50 курганов сакского времени, датируемых VII—V вв. до н. э., раскопками изучено 38 (Итина, Яблонский 1997, с. 6, 10). Антропологические определения выполнены Л. Т. Яблонским по 27 индивидуумам из 26 курганов. Из кургана 13 раннего железного века, располагавшегося на могильнике Северный Тагискен, происходят останки, приналежащие двум людям — мужчине и женщине. К сожалению, захоронение сильно потревожено в древности.

По определению Л. Т. Яблонского женщины были погребены в курганах 28, 31, 34 (?), 37 (?), 40, 44, 45, 47, 51 (?), 56, 65, 66. Таким образом, из 25 одиночных погребений — 12 женские, в том числе три — со знаком вопроса (Итина, Яблонский 1997, табл. 3) (табл. 1). Анализ процентного соотношения возрастных особенностей женщин из курганов Южного Тагискена показывает, что пик смертности приходится на период взрослости (от 19 до 34 лет) (рис. 2).

Среди материалов Южного Тагискена, для которых нет палеоантропологических определений, на основе состава элементов сопроводительного комплекса к женским нами, предположительно, отнесено еще четыре кургана: 26, 36, 49, 50 (табл. 1; 2).

На Уйгараке, датируемом концом VII — VI в. до н. э., раскопками изучено 72 кургана (Вишневская 1973, с. 127). Антропологические определения полученного материала выполнялись Т. А. Трофимовой. В виду сохранности краниологического материала определения пола выполнено только для 16 погребенных: 10 из них мужчины и шесть — женщины (Вишневская 1973, с. 66). Из данного количества к интересующим нас погребениям относится пять: 27—29, 31, 49. Погребение в кургане 42, где по определению палеоантрополога была также захоронена женщина — парное, единовременное (Вишневская 1973, с. 36).

На основе анализа погребального обряда О. А. Вишневская сочла женскими ещё 17 комплексов: 11, 12, 15, 32, 34, 36, 44, 45, 47, 51, 60, 61, 64, 67, 71, 71а, 74 (Вишневская 1973, с. 66). Таким образом, из материалов, полученных

Таблица 1. Возраст женщин из курганов Южного Тагискена (по: Итина, Яблонский 1997, табл. 3)

Номер кургана	Возраст			
	Juvenis	Adultus	Maturus	Maturus—senilis
28	—	—	—	+
31	—	+	—	—
34	+	—	—	—
37	—	+	—	—
40	—	—	+	—
44	—	—	+	—
45	—	+	—	—
47	—	+	—	—
51	—	—	+	—
56	—	—	+	—
65	+ *	—	—	—
66	—	+	—	—
Итого	2	5	4	1

Примечания. **Полужирным** обозначены курганы, где пол определен со знаком вопроса; * — Л. Т. Яблонский отметил присутствие зубов взрослого мужчины в этом же пакете.

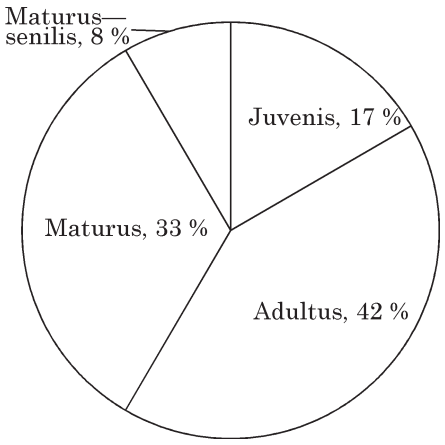

Рис. 2. Процентное соотношение женских погребений Южного Тагискена по возрасту. Определения Л. Т. Яблонского

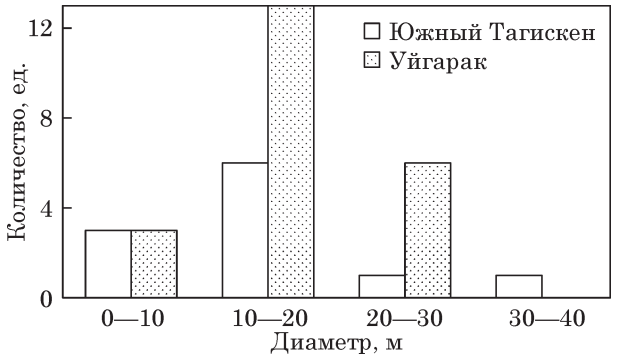

Рис. 3. Соотношение диаметров насыпей курганов с женскими погребениями на Южном Тагискене и Уйгараке

на Уйгараке, в нашем распоряжении имеются данные о 22 погребениях женщин.

В тексте описания курганов при определении половой принадлежности Уйгарака относительно возраста встречаем, что в кургане 29 погребена девочка (Вишневская 1973, с. 26), в № 31 — пожилая женщина (Вишневская 1973, с. 28). Среди перечисления отдельных костей скелета, выявленных в кургане 49, указано о наличии женского черепа и зуба ребёнка (Вишневская 1973, с. 40).

К палеоантропологической коллекции из Уйгарака вернулся Л. Т. Яблонский и выполнил измерения для двух женских черепов в том числе. По мнению специалиста, курган 28 принадлежал женщине в зрелом возрасте, а в 29 — юношеского (Итина, Яблонский 1997, табл. 7).

По составу сопроводительного комплекса «женским» О. А. Вишневская посчитала материал из кургана 36, где, по мнению археолога, находилось парное погребение. Относительно его единовременности исследовательница отметила, что один (северный) индивидуум находился по оси могилы, а второй — ближе к южной стене. Найденные предметы, по мнению О. А. Вишневской, соотносятся с «южным» погребенным. Исследовательница считает, что даже если и осуществлялось подзахоронение, то оно происходило до разрушения перекрытия (Вишневская 1973, с. 31, рис. 19).

Таблица 2. Параметры курганов, могильных ям с погребениями женщин из Южного Тагискена и Уйгарака (по: Итина, Яблонский 1997; Вишневская 1973)

Курган, №	Параметры, м		Ориентировка		Дромос, длина, м	Ро-вик	Находки			
	Диаметр насыпи	Могильная яма *	Могильная яма	Голова			Кости животных	ККК	Известняк	Сосуды **
Южный Тагискен										
Женщины по определению Л. Т. Яблонского										
28	6	3 × 2,25/1,94	СВ—ЮЗ	З	—	—	—	+	—	1 [1]
31	14	2,1 × 3,1 × 2,3 × 2,3 / 1,4	З—В	З	—	—	—	—	—	—
34	40	2,9 × 2,9 / 2	Углы по сторонам света	ЮЗ	—	—	—	+	—	—
37	—	2,55 × 2,5 / 2	То же	ЮЗЗ	—	—	—	—	—	+
40	—	2,6 × 1,9 / 1,7	СВ—ЮЗ	—	—	—	—	—	+	+
44	13	4 × 3,8 / 1,8	Углы по сторонам света	—	—	—	—	—	—	—
45	19—20	3,8 × 3,7 / 2,1	То же	ЮЗ	—	—	—	—	+	+
47	17	3,2 × 2,8 / 2,1	То же	ЮВ	—	—	—	—	—	+
51	12	2,85 × 2,18 / 1,78	З—В	З	—	—	—	—	—	+
56	—	2,8 × 2,5 / 2,4	З—В	В	8,5	—	+ [2]	—	—	—
65	10	2,75 × 1,96 / 1,35	Углы по сторонам света	—	—	—	+ [3]	—	—	—
66	—	3 × 2,8 / 1,05	То же	СВ	5,1	—	—	—	—	—

			Женщины по элементам сопроводительного комплекса							
26	24	2,4 × 2,2 [4] / на древнем горизонте	Углы по сторонам света	—	—	+ [5]	+	—	—	—
36	—	2,98 × 2,7 / 1	С—Ю	—	—	—	—	—	—	—
49	16	3,3 × 2,9 / 1,85	Углы по сторонам света	ЮЗ	—	—	—	—	—	—
50	8	2,62 × 1,8 / 2,16	То же	—	—	—	—	—	—	+
16	Количество случаев по Южному Тагискену				2	1	2	2	2	7
			Уйгарак							
			Женщины по определению Т. А. Трофимовой							
27	21 / 1,1[6]	4,5 × 3,7 / 2,1; дно: 4 × 3,1	З—В	З	—	—	—	—	—	—
28	15 / 0,7	3,7 × 3,35 / 165	ЗЮЗ—ВСВ	З—ЮЗ	—	—	+ [7]	—	—	—
29	10,2 / 0,4	3,6 × 2,7 / 1,6	ЗСЗ—ВЮВ	З—СЗ	—	—	—	—	—	—
31	22,5 / 1,1	3,1 × 2,8 / 1,5	—	—	—	—	—	—	—	—
49	21 / 0,35	2,76 × 2,83 / 1,88; дно: 2,22 × 2,32	ЮЮВ—ССЗ	—	—	—	—	—	—	—
			Женщины по мнению О. А. Вишневской							
11	С—Ю — 22; В—З — 21,2 / 0,95	4,8 × 4,7 / 1,3; дно: 4 × 3,9	ЗЮЗ—ВСВ	—	—	—	—	—	—	—
12	23,5 / 1,4	4 × 3,5 / 1,8; дно: 3 × 3	ЮЮЗ—ССВ	—	—	—	—	—	—	—
15	С—Ю — 15,8; В—З — 16,2 / 0,5	5,4 × 4,2 / на древнем горизонте	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	+
32	13 / 0,45	2,92 × 2,1 / 1,65	ЮЮЗ—ССВ	Ю—ЮЗ	—	—	—	—	—	—
34	14,4 / 0,7	3,1 × 2,75 / 1,7; дно: 2,75 × 2,3	ЗЮЗ—ВСВ	З	—	—	+ [7]	—	—	—
36	16 / 0,8	2,7 × 2,3 / 1,6	ЗСЗ—ВЮВ	З	—	—	+ [8]	—	—	—
44	12 / 0,55	3 × 2 / 1,4; дно: 2,9 × 1,7	ЮЗ—СВ	ЮЗ [9]	—	—	—	—	—	—
45	18 / 0,45	На древнем горизонте	—	—	—	—	—	—	—	—
47	16 / 0,45	4,9 × 4,2 / 0,45	ЗЮЗ—ВСВ	З—ЮЗ	—	—	—	—	—	—
51	15,4 / 0,45	4,6 × 4,2 / на древнем горизонте	Углы по сторонам света	—	—	—	—	—	—	—
60	18 / 0,6	3,5 × 2,5 / 1,3; дно: 3,2 × 2,3	ЗЮЗ—ВСВ	—	—	—	+ [7]	—	—	—
61	22 / 1,6	4,3 × 3,4 / 1,8; дно: 3,5 × 3,15	СВ—ЮЗ	—	—	—	+ [10]	+	—	—
64	С—Ю — 10,3; В—З — 11,0 / 0,5	2,5 × 1,5 /0,96; дно: 1,92 × 1,06	З—В	З	—	—	—	—	—	—
67	9,5 / 0,4	2,55 × 1,3 / 0,85; дно: 2,2 × 1	З—В	З—ЮЗ	—	—	—	—	—	—
71	13 / 0,5	3,4 × 2,2 / на древнем горизонте	СВ—ЮЗ	—	—	—	—	—	—	—
71а	5 / 0,3	2,4 × 0,8 / 0,3	З—В	—	—	—	—	—	—	—
74	10 / 0,7	2,95 × 1,3 / 1,35; дно: 2,05 × 0,7	СВ—ЮЗ	ЮЗ	—	—	+ [7]	—	—	—
22	Количество случаев по Уйгараку				—	—	6	1	—	1

Примечания. * — в знаменателе указана глубина могильной ямы; ККЖ — кальцинированные кости животных; ** — фрагменты лепных сосудов; [1] — окатанный кусок сырой глины; [2] — ребро крупного домашнего животного; [3] — три бараньих астрагала; [4] — параметры площадки ограниченной ровиком; [5] — шириной 40 и глубиной 20 см; [6] — в знаменателе указана высота кургана; [7] — зуб млекопитающего; [8] — позвонки барана и пять астрагалов; [9] — нога согнута в колене (ромбовидное положение); [10] — кости барана.

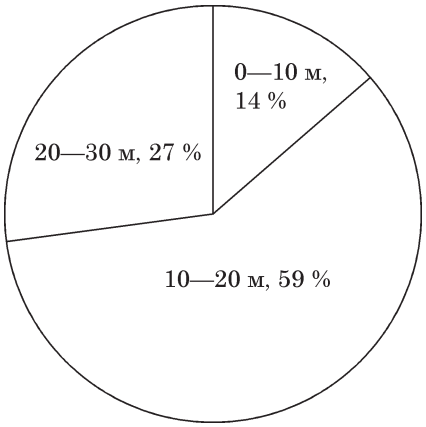

Рис. 4. Процентное соотношение диаметров курганов с женскими погребениями Уйгарака

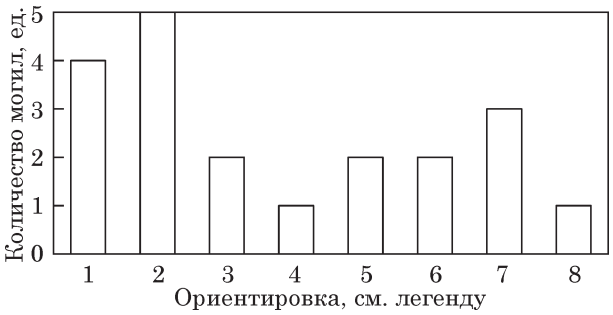

Рис. 5. Ориентировка могил Уйгарака: 1 — З—В; 2 — ЗЮЗ—ВСВ; 3 — ЗСЗ—ВЮВ; 4 — ЮЮВ—ССЗ; 5 — ЮЮЗ—ССВ; 6 — ЮЗ—СВ; 7 — СВ—ЮЗ; 8 — по сторонам света

Рис. 6. Анализ некоторых элементов погребального обряда Южного Тагискена и Уйгарака: 1 — дромос; 2 — кости животных; 3 — кальцинированные кости животных; 4 — известняк; 5 — керамика

Для анализа женских погребений составлены две таблицы (табл. 1; 2). В табл. 1 отражены параметры курганов, могильных ям. Поскольку курганы Южного Тагискена на поверхности практически не фиксировались, а выявлены благодаря дешифровке аэроснимков (Итина, Яблонский 1997, с. 10), то для них, в отличие от Уйгарака, высота насыпи не указывается.

Данные о параметрах насыпи известны для 11 курганов Южного Тагискена (рис. 3). Наименьший диаметр (6 м) приходится на курган 28, в котором похоронена пожилая женщина. В то время как наибольший диаметр (40 м) зафиксирован для погребения, где похоронена молодая женщина. В ориентировке могильных ям преобладающей является по сторонам света — в 10 из 16 случаев. Головой погребенные ориентированы в большинстве случаев в западном направлении — в семи случаях из 10 известных.

Из 22 курганов Уйгарака, анализируемых в данной статье, более половины имеют диаметр до 20 м (рис. 3; 4), что также характерно и для Южного Тагискена. Комплексы, для которых выполнено определение палеоантропологов, отличаются следующим. Наибольший диаметр (21, м) зафиксирован для кургана с погребением пожилой женщины (к. 31). В то время как самый маленький курган диаметром 10,2 м принадлежал наиболее молодому индивидууму (к. 29).

В ориентировке могил Уйгарака преобладающим является направление ЗЮЗ—ВСВ (рис. 5). Как и в случае с Южным Тагискеном ориентировка головы погребенного преимущественно западная (табл. 2).

Относительно такого конструктивного элемента как дромос, можно отметить, что он зафиксирован при исследовании двух южно-тагискенских курганов с погребениями женщин (№ 56 и 66) (табл. 2; рис. 6). В то время как на Уйгараке ни одного случая с дромосом не наблюдается. Случай с погребениями на уровне древнего горизонта на Южном Тагискене зафиксирован единожды, тогда как на Уйгараке — четырежды (табл. 2).

Обращает на себя внимание крайне малое количество частей жертвенных животных в погребениях Южного Тагискена и Уйгарака (табл. 2; рис. 6). Не известно ни одного случая погребения целой туши. На Южном Тагискене в трех курганах зафиксировано присутствие костей животных. Среди них в одном случае — это ребро крупного домашнего животного (к. 56), в другом — три бараньих астрагала (к. 65). Кальцинированные кости животных на Южном Тагискене прослежены лишь дважды (к. 28, 34).

На Уйгараке известно шесть курганов, где присутствуют кости животных. В четырех случаях — это зуб млекопитающего (к. 28, 34, 60, 74) и в двух других — это позвонки барана и пять астрагалов (к. 36), кости барана (к. 61).

Анализ предметного комплекса Южного Тагискена и Уйгарака показывает, что в погребения женщин клали изделия, изготовленные из металла, кости, камня. Среди них: элементы конского снаряжения, ножи, зеркала, жертвенники, алтарики, украшения, зеркала, пряслица (табл. 3; рис. 7). Примечательно, что в погребении девочки из кургана 29 Уйгарака (Вишневская 1973, с. 27) присутствие конского снаряжения представлено отдельными бляхами.

Предметы вооружения встречены редко. В основном это наконечники стрел. Они встречены в трех курганах из Южного Тагискена и один раз на Уйгараке. В одном случае (Южный Тагискен) наконечники костяные, которые кос-

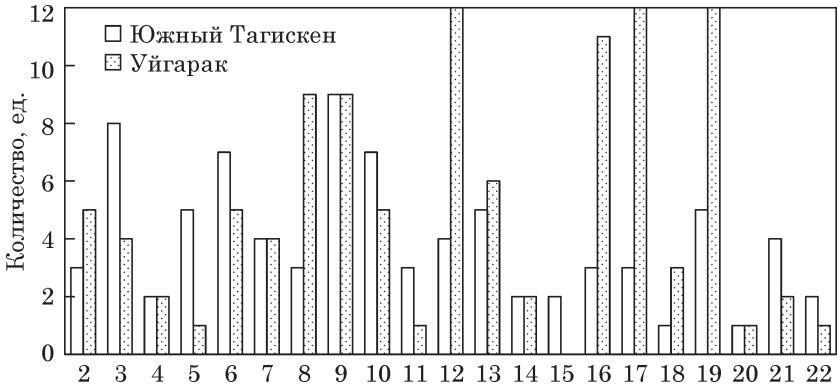

Рис. 7. Анализ элементов сопроводительного комплекса Южного Тагискена и Уйгарака (цифровое обозначение предметов, соответствует таковому в табл. 3)

Таблица 3. Анализ сопроводительного материала из погребений женщин Южного Тагискена и Уйгарака (по: Итина, Яблонский 1997; Вишневская 1973)

Курган, №	Жертвенник	Алтарик	Оселок	Пестик	Пряслице	Зеркало	Бусина	Конское снаряжение	Нож	Наконечник стрелы	Сосуды из глины	Бронзовые изделия	Клык животного	Лопатка животного *	Изделия из рога и т. п.	Зернотерка	Браслет	Реальгар	Мел	Золотые изделия	Железные изделия
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
Южный Тагискен																					
Женщины по определению Л. Т. Яблонского																					
28	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2	1 [1]	1	—	1	—	+	—	—	—
31	—	—	—	—	—	—	—	+	+ [2]	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1 [3]	—
34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
37	—	—	—	—	—	—	—	—	+	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40	—	1	—	—	1	1	—	+ [4]	1	—	1	—	—	—	—	—	+ [5]	—	—	—	—
44	—	1	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
45	1	1	1	—	1	1	—	+ [6]	1	—	—	—	—	—	2	—	—	+	+	5 [7]	—
47	—	—	1	1	1	—	1 [8]	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—
51	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 [9]	—
56	1	1	—	1	1 [10]	—	—	—	—	2 [11]	—	1	—	—	+	—	—	+ [12]	—	—	—
65	—	—	—	—	—	—	—	+	+	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
66	—	1	—	—	—	1	+ [13]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6 [14]	—
Женщины по элементам сопроводительного комплекса																					
26	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 [15]	—	+ [16]	—	—	—
36	—	—	—	1	1	1	5 [17]	+	+	—	2	—	—	—	—	1 [18]	—	+	—	—	+
49	—	1	—	+	1	—	—	+	+	—	1	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—
50	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по Южному Тагискену (здесь и далее суммируется количество случаев, а не предметов)																					
—	3	8	2	5	7	4	3	9	7	3	4	5	2	2	3	3	1	5	1	4	2
Уйгарак																					
Женщины по определению Т. А. Трофимовой																					
27	—	—	—	—	—	—	1 [19]	+	+	—	—	—	—	—	—	1 [20]	+	—	—	—	—
28	—	—	—	—	—	—	13 [21]	+	—	—	1	—	—	—	—	1 [20]	—	+	—	—	—
29	—	1	—	—	—	—	3 [22]	+	—	—	2	—	—	—	+	1 [20]	—	+	—	—	—
31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	+	+ [23]	—	—	—	—	—
49	—	—	—	—	—	—	1—	—	—	—	3	+	1	—	—	—	1	—	—	1 [24]	+
Женщины по мнению О. А. Вишневской																					
11	—	1 [25]	—	1	—	1	2 [26]	—	+	—	—	1	—	—	+	—	—	—	—	—	—
12	1	—	1	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	—	1	—	—	—	1	4 [27]	—	—	—	4 [28]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
32	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1 [29]	—	—	—	1 [20]	—	—	—	—	—
34	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	1	—	—	—	+	3 [30]	—	+	—	—	—
36	—	—	—	—	—	—	1 [31]	—	1	—	2	—	—	—	—	2 [32]	—	+	+	—	—

Окончание таблицы 3.

Курган, №	Жертвенник	Алтарик	Оселок	Пестик	Пряслице	Зеркало	Бусина	Конское снаряжение	Нож	Наконечник стрелы	Сосуды из глины	Бронзовые изделия	Клык животного	Лопатка животного *	Изделия из рога и т. п.	Зернотерка	Браслет	Реальгар	Мел	Золотые изделия	Железные изделия
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
Уйгарак (окончание) Женщины по мнению О. А. Вишневской (окончание)																					
44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	+	2 [33]	—	+	—	—	—
45	1	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	1	—	1 [34]	—	—	+	—	1 [35]	—
47	1	—	—	—	1	1	—	+	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
51	—	1	—	—	1 [36]	1	—	+	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60	—	—	—	—	1	—	1	+	—	—	1 [37]	2 [38]	—	—	+	—	—	+	—	—	—
61	—	—	—	—	—	—	4 [39]	—	—	—	2	—	—	—	+	+ [40]	—	+	—	—	—
64	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	+	—	—	+	—	—	—
67	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 [20]	—	+	—	—	—
71	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
71а	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—
74	—	—	—	1 [41]	1	—	—	—	—	—	3	—	—	—	+	1 [42]	—	+	—	—	—
Итого по Уйгараку																					
—	5	4	2	1	5	4	9	9	5	1	12	6	2	—	11	12	3	12	1	2	1

Примечания. * — со следами краски; [1] — клык кабана со следами обработки; [2] — знаком «+» обозначено присутствие ножа в виде фрагментов; [3] — бляшка-накладка в виде фигурки стоящего кошачьего хищника; [4] — в т. ч. 140 бронзовых бусин; в декоре подпружных пряжек стилизованные зооморфные изображения; [5] — обломок железного браслета; [6] — в т. ч. 48 бронзовых бусин, роговые псалии; в декоре подпружных пряжек есть изображения кошачьего хищника; [7] — 4 накладки с изображением лежащего кошачьего хищника; фр. накладки в виде изображения кошачьего хищника с оленями в жертвенной позе на туловище; [8] — бирюза; [9] — серьга с бирюзовой вставкой; [10] — из розового песчаника; [11] — два костяных пулевидных; [12] — каменная пластина со следами реальгара; [13] — бирюза; [14] — шесть бляшек в виде изображения сайги; [15] — зернотерка с терочником из гальки; [16] — мелкие кусочки органической краски красного, желтого и белого цвета; [17] — бирюза; [18] — со следами реальгара на рабочей поверхности; [19] — сердолик; [20] — камень с верхней обработанной поверхностью; [21] — бирюза (8), лазурит (4), сердолик (1); [22] — бирюза; [23] — кусок зернотерки, рядом ядро и терочник со следами красной краски; [24] — миниатюрная фигурка льва; [25] — под алтариком зерна (рассыпались от прикосновения); [26] — бирюза; [27] — в заполнении ямки с 3 андроновскими сосудами находилось 3 мелкие бронзовые бусины и 1 сердоликовая; [28] — в ямке найдено 3 андроновских горшка; [29] — кельт-тесло с ушком (найден у края могильной ямы в заполнении грабительской воронки); [30] — в т. ч. 2 плоских камня с обработанной поверхностью и терочник; [31] — бирюзовая пуговица; [32] — плоский черный камень со следами красной краски; кусок обработанного камня (зернотерки?); в заполнении грабительской воронки найдена галька со следами красной краски на заостренном конце; [33] — камень с обработанной поверхностью и терочник; [34] — костяная орнаментированная трубочка; [35] — золотая подвеска без вставки; [36] — рядом с пряслицем серебряная пронизь; [37] — рядом найден фр. деревянного гребня; [38] — кельт-тесло; фр. бронзового изделия; [39] — пастовые; [40] — обломки плоского обработанного камня и терки, деревянный терочник, обломки деревянного гребня; [41] — в описании изделие названо курантом зернотерки; [42] — терочник.

венно могут указывать на род занятий женщины. Как правило, такие наконечники использовались для охоты. Возможно, женщина, погребенная в кургане 56 умела охотиться.

На Уйгараке резко выделяется два кургана — № 32 и 60, где среди предметов сопроводительного комплекса встречены бронзовые кельты-тёсла.

В исследуемых материалах обращает внимание обилие предметов, предназначавшихся для растирания краски, зерен злаков. На Южном Тагискене встречено 3 зернотерки и 5 пестиков, на Уйгараке — 12 зернотерок и 1 курант. На Уйгараке для этих целей использовали подходящие камни с рабочей поверхностью.

Предметы, предназначавшиеся для совершения ритуалов, в виде жертвенников и алтариков также многочисленны. На Южном Тагискене встречены три жертвенника и восемь алтариков. На Уйгараке — пять жертвенников и четыре алтарика. Находкам жертвенников обычно сопутствуют изделия или приспособления из кости со следами краски.

Из украшений представлена всего одна серьга из Южного Тагискена (курган 51). Браслеты встречены также единственный раз на Южном Тагискене и в трех случаях на Уйгараке. Бусины встречены в трех курганах Южного Тагискена и девяти Уйгарака.

На Уйгараке всего выявлено 39 бусин, в том числе 14 из бирюзы, по четыре из лазурита и пасты, по три — из сердолика и бронзы. В большинстве случаев бусины бирюзовые. Анализ источников поступления изделий из бирюзы или сырья требует специального исследования. Отметим, что в

Казахстане известно порядка 19 месторождений и проявлений бирюзы (Аеров, ред. 1995).

Сложность проведения анализа предметов материальной культуры затрудняет сохранность элементов сопроводительного вещевого комплекса, поскольку они сильно потревожены в древности. М. А. Итина и Л. Т. Яблонский отмечали: «*Ограбление курганов было акцией организованной и, вероятно, не без участия и санкций представителей высшей власти*» (Итина, Яблонский 1997, с. 11). В таком случае настораживает ситуация с самым большим курганом с женским погребением (к. 34), где остались только фрагменты неопределимого железного изделия (табл. 3).

Вывод. Таким образом, краткий анализ женских погребений из памятников Восточного Приаралья показывает характерный набор сопроводительного предметного комплекса. Однако для получения более полных данных и определения роли женщины в культуре населения ранних кочевников, необходимо продолжить и охватить анализом материалы, известные по публикациям и сосредоточенные в фондах архива Института археологии им. А. Х. Маргулана.

Изучение статуса женщины в обществе населения раннего железного века Казахстана тема сложная. Разработка данного направления может быть основана на анализе большой серии погребальных комплексов.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05131573.

ЛИТЕРАТУРА

Аеров, Г. Д. (ред.). 1995. *Самоцветы Казахстана. Gems of Kazakstan*. Алматы.

Балабанова, М. А., Клепиков, В. М., Коробкова, Е. А., Кривошеев, М. В., Перерва, Е. В., Скрипкин, А. С. 2015. *Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология*. Волгоград: ВГУ.

Бейсенов, А. З., Базарбаева, Г. А. 2017. Совместные погребения сакской эпохи Центрального Казахстана. В: Чёрная, М. П. (ред.). *Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: материалы международной конференции, посвященной 80-летнему юбилею Л. А. Чиндиной*. Томск: Д'Принт, с. 67-74.

Бейсенов, А. З., Базарбаева, Г. А. Дуйсенбай, Д. Б. 2017. Детские погребения сакской эпохи Центрального Казахстана. *Самарский научный вестник*, т. 6, 1 (18), с. 89-94.

Берсенева, Н. А. 2011. *Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры*. Екатеринбург: Уральское отделение РАН.

Буйнов, Ю. В., Гречко, Д. С. 2015. Погребения женщин в курганах скифского времени северскодонецкой Лесостепи: палеосоциологический анализ. *Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна*, 1145: Серія «Історія», 50, с. 190-199.

Гопкало, О. В. 2011. Чоловіче та жіноче черняхівське вбрання. *Археологія*, 2, с. 17-34.

Громов, А. В., Китов, Е. П. 2016. Могильник Каратума: палеодемография. В: Байпаков, К. М., Воякин, Д. А., Захаров, С. В. *Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье*. Алматы: Археологическая экспертиза, с. 600-608.

Вишневская, О. А. 1973. *Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.* Москва: Наука. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, VIII.

Зимовец, Р., Скорый, С., Окатенко, В. 2018. Бронзовая матрица с Бельского городища: к вопросу о центральноазиатских мотивах в раннескифском зверином стиле Северного Причерноморья. *Tyragetia*, XII (XXVII), с. 219-236.

Итина, М. А., Яблонский, Л. Т. 1997. *Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен)*. Москва: Российская политическая энциклопедия.

Кильдюшева, А. А. 2009. *Социовозрастные особенности женщин в культуре первобытных обществ бронзового века Западной Сибири*. Автореферат канд. культ. Омск: Омский филиал ИАЭ СО РАН.

Клочко, Л. С. 2012. Уборы скифских жриц (памятники периода архаики из Днепровского Лесостепного Правобережья). In: Blajer, W. (ed.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków, с. 417-426.

Крадин, Н. Н., Тишкин, А. А., Харинский, А. В. (ред.). 2005. *Социальная структура ранних кочевников Евразии*. Иркутск: ИГТУ.

Курманкулов, Ж., Утубаев, Ж. 2013. *Баланды (Буланды) — памятник античности*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.

Курманкулов, Ж., Утубаев, Ж. Р. 2017. Чирикрабатская культура Восточного Приаралья. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Казахстан в сакскую эпоху*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 191-210.

Матвеева, Н. П. 1998. *Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири*. Автореферат д. и. н. Тюмень: Институт проблем освоения севера СО РАН.

Махортых, С. В. 2011. Вооружение «амазонок» Степной Скифии. *Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского*: Восточноевропейские древности скифской эпохи, с. 37-52.

Рафикова, Я. В. (ред.). 2018. *Мужской и женский мир в отражении археологии: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (г. Уфа, 19—22 ноября 2018 г.)*. Уфа: Институт истории, языка и литературы.

Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. Киев; Полтава: Археологія.

Скорый, С. А., Саенко, В. Н. 2017. К 110-летию со дня рождения профессора Алексея Ивановича Тереножкина. *Археологія і давня історія України*, 2 (23): Старожитності раннього залізного віку, с. 8-19.

Соенов, В. И., Константинов, Н. А., Трифанова, С. А. 2015. Детские погребения могильника Степушка-2. *Известия Лаборатории древних технологий*, 3 (16), с. 9-27.

Тажекеев, А. А. 2011. *История освоения Юго-Восточного Приаралья с древнейших времен до конца 1 тысячелетия до н. э.*: Автореферат к. и. н. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Тишкин, А. А., Дашковский, П. К. 2003. *Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи*. Барнаул: Алтайский университет.

Тишкин, А. А., Серёгин, Н. Н. 2015. Основные результаты изучения социальных систем у кочевых народов Алтая поздней древности и раннего средневековья по археологическим материалам. *Краткие сообщения Института археологии*, 239, с. 28-42.

Утубаев, Ж. Р. 2018. *Оседло-земледельческая культура Восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н. э.)*: Автореферат к. и. н. Кемерово: КГУ.

Фиалко, Е. Е. 2011. Амазонки причерноморских степей. *Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского*: Восточноевропейские древности скифской эпохи, с. 23-37.

REFERENCES

Aerov, G. D. (ed.). 1995. *Samotsvety Kazahstana. Gems of Kazakstan*. Almaty.

Balabanova, M. A., Klepikov, V. M., Korobkova, E. A., Krivosheev, M. V., Pererva, E. V., Skripkin, A. S. 2015. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzhya: pogrebalnaya obryadnost i antropologiya.* Volgograd: VGU.

Beisenov, A. Z., Bazarbayeva, G. A. 2017. Sovmestnye pogrebeniya sakskoi epohi Centralnogo Kazahstana. In: Chyornaya, M. P. (ed.). *Kultury i narody Severnoi Evrazii: vzglyad skvoz vremya: materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letnemu yubileyu L. A. Chindinoi.* Tomsk: D'Print, s. 67-74.

Beisenov, A. Z., Bazarbayeva, G. A. Duisenbay, D. B. 2017. Detskie pogrebeniya sakskoi epohi Centralnogo Kazahstana. *Samarskii nauchnyi vestnik*, t. 6, 1 (18), s. 89-94.

Berseneva, N. A. 2011. *Socialnaya arheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyah sargatskoi kultury*. Ekaterinburg: Uralskoe otdelenie RAN.

Buinov, Yu. V., Grechko, D. S. 2015. Pogrebeniya zhenshchin v kurganah skifskogo vremeni severskodonecko-oi Lesostepi: paleosociologicheskii analiz. *Visnik HNU im. V. N. Karazina*, 1145: Seriya «Istoriya», 50, s. 190-199.

Gopkalo, O. V. 2011. Choloviche ta zhinoche chernyahivske vbrannya. *Arheologiya*, 2, s. 17-34.

Gromov, A. V., Kitov, E. P. 2016. Mogilnik Karatuma: paleodemografiya. In: Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Zaharov, S. V. *Mogilnik Karatuma. Nekropol rannego zheleznogo veka v Semireche*. Almaty: Arheologicheskaya ehkspertiza, s. 600-608.

Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura sakskih plemen nizovev Syrdari v VII—V vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Trudy Horezmskoi arheologo-ehtnograficheskoi ekspedicii, VIII.

Zimovec, R., Skoryi, S., Okatenko V. 2018. Bronzovaya matrica s Belskogo gorodishcha: k voprosu o centralnoaziatskih motivah v ranneskifskom zverinom stile Severnogo Prichernomorya. *Tyragetia*, XII (XXVII), s. 219-236.

Itina, M. A., Yablonskii, L. T. 1997. *Saki Nizhnei Syrdari (po materialam mogilnika Yuzhnyi Tagisken).* Moskva: Rossiiskaya politicheskaya ehnciklopediya.

Kildyusheva, A. A. 2009. *Sociovozrastnye osobennosti zhenshchin v kulture pervobytnyh obshchestv bronzovogo veka Zapadnoi Sibiri*. Avtoreferat kand. kult. Omsk: Omskii filial IAE SO RAN.

Klochko, L. S. 2012. Ubory skifskih zhric (pamyatniki perioda arhaiki iz Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhya). In: Blajer, W. (ed.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków, 417-426.

Kradin, N. N., Tishkin, A. A., Harinskij, A. V. (eds.). 2005. *Socialnaya struktura rannih kochevnikov Evrazii*. Irkutsk: IGTU.

Kurmankulov, J., Utubaev, J. 2013. *Balandy (Bulandy) — pamyatnik antichnosti.* Almaty: Institut arheologii im. A. Kh. Margulana.

Kurmankulov, J., Utubaev, J. R. 2017. Chirikrabatskaya kultura Vostochnogo Priaralya. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Kazakhstan v sakskuyu epohu*. Almaty: Institut arheologii im. A. Kh. Margulana, s. 191-210.

Matveeva, N. P. 1998. *Socialno-ehkonomicheskie struktury drevnego naseleniya Zapadnoi Sibiri*. Avtoreferat d. i. n. Tyumen: Institut problem osvoeniya severa SO RAN.

Mahortyh, S. V. 2011. Vooruzhenie «amazonok» Stepnoi Skifii. *Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-hudozhestvennogo muzeya im. I. N. Kramskogo*: Vostochnoevropeiskie drevnosti skifskoi epohi, s. 37-52.

Rafikova, Ya. V. (ed.). 2918. *Muzhskoi i zhenskii mir v otrazhenii arheologii: materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnymuchastiem nauchnoj konferencii (g. Ufa, 19—22 noyabrya 2018 g.).* Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury.

Skoryi, S. A. 1999. *Kimmeriicy v Ukrainskoi Lesostepi.* Kiev; Poltava: Arheologiya.

Skoryi, S. A., Saenko, V. N. 2017. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya professora Alekseya Ivanovicha Terenozhkina. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (23): Starozhitnosti rannogo zaliznogo viku, s. 8-19.

Soenov, V. I., Konstantinov, N. A., Trifanova, S. A. 2015. Detskie pogrebeniya mogilnika Stepushka-2. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologii*, 3 (16), s. 9-27.

Tajekeev, A. A. 2011. *Istoriya osvoeniya Yugo-Vostochnogo Priaralya s drevneishih vremen do konca 1 tysyacheletiya do n. e.*: Avtoreferat k. i. n. Moskva: Institut ehtnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya.

Tishkin, A. A., Dashkovskii, P. K. 2003. *Socialnaya struktura i sistema mirovozzrenii naseleniya Altaya skifskoi epohi*. Barnaul: Altayskii universitet.

Tishkin, A. A., Seryogin, N. N. 2015. Osnovnye rezultaty izucheniya socialnyh sistem u kochevyh narodov Altaya pozdnej drevnosti i rannego srednevekovya po arheologicheskim materialam. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, 239, s. 28-42.

Utubaev, J. R. 2018. *Osedlo-zemledelcheskaya kultura Vostochnogo Priaralya (vtoraya polovina I tys. do n. e.)*: Avtoreferat k. i. n. Kemerovo: KGU.

Fialko, E. E. 2011. Amazonki prichernomorskih stepei. *Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-hudozhestvennogo muzeya im. I. N. Kramskogo*: Vostochnoevropeiskie drevnosti skifskoi epohi, s. 23-37.

G. I. Bazarbayeva, G. S. Jumabekova

ON THE PROBLEM OF WOMEN STATUS IN THE CULTURE OF KAZAKHSTAN POPULATION OF THE SAKA AGE (According to Materials from East Aral Sea Region)

Materials from the Early Iron Age cemeteries of the Southern Tagisken (VII—V centuries BC) and Uygarak (VI—VI centuries BC), studied by the Khorezm archaeological and ethnographic expedition under the direction of S. P. Tolstov in the early 1960s, are a source for the analysis.

Materials of the sixteen mounds of South Tagisken and twenty-two of Uygarak are analyzed in the article. More than half of the mounds of South Tagisken and Uygarak have a diameter of up to 20 m. The head of the deceased is predominantly oriented to the west. Dromos was recorded only in two South Tagisken mounds and not recorded in Uygarak. Burials at the level of the ancient horizon in South Tagisken were recorded once, while in Uygarak they were recorded four times. A very small number of sacrificial animal parts in the graves of South Tagisken and Uygarak draws attention.

An analysis of the South Tagisken and Uygarak subject complex shows that the women graves had products made of metal, bone, and stone. Among such products are: elements of horse equipment, knives, mirrors, altars, jewelry, mirrors, distaff. Weapons are rarely found in women burials of South Tagisken and Uygarak.

Probably the functions of the woman were only restricted to housekeeping in the culture of the population that left the South Tagisken and Uygarak cemeteries. Women also served as servants of the cults, which is reflected in the presence of traces of red paint found on pestles, altars, pistils, as well as on tools and devices made of bone.

Keywords: East Aral Sea region, Saka time, burial rite, status of a woman.

Одержано 29.01.2019

БАЗАРБАЕВА Галия Аппазовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, пр. Достык 44, Алматы, 050010, Казахстан, *galiya2002@gmail.com*.

BAZARBAYEVA Galiya Appazovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Dostyk ave. 44, Almaty, 050010, Kazakhstan, *galiya2002@gmail.com*.

ДЖУМАБЕКОВА Гульнара Саиновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, пр. Достык 44, Алматы, 050010, Казахстан, *gdzhuma@mail.ru*.

JUMABEKOVA Gulnara Sainovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Dostyk ave. 44, Almaty, 050010, Kazakhstan, *gdzhuma@mail.ru*.

УДК: 904’1(477.5)”638”

Д. С. Гречко

СКИФИЯ ОТ ОКТАМАСАДА ДО АТЕЯ (по материалам Днепровского лесостепного Левобережья)

Статья посвящена вопросам развития материальной культуры и этнокультурных процессов в Днепровском лесостепном Левобережье в последней трети V — середине IV вв. до н. э. Рассмотрены изменения поселенческой структуры, проанализирован погребальный обряд. Сделана попытка уточнить хронологию материальной культуры.

***Ключевые слова**: Днепровское лесостепное Левобережье, скифское время, поселенческая структура, курганы, материальная культура, хронология.*

Интерес к истории Скифии и культуры ее населения является постоянно актуальным и важным. Накопление источниковой базы и теоретические разработки археологов позволяют постоянно вносить коррективы и детализировать события и процессы, которые имели на протяжении разных этапов скифской истории.

Предлагаемая работа является продолжением серии статей, в которых ранее были затронуты вопросы развития материальной культуры и этнокультурных процессов на юге Восточной Европы с конца VIII до начала сооружения «царских» курганов (основного погребения Солохи) (Гречко 2012; 2013; 2016a; 2016b; 2017). Ниже основное внимание будет уделено комплексам последней трети V — середины IV вв. до н. э. Днепровского лесостепного Левобережья (далее ДлЛ).

Данный период характеризуется стабилизацией военно-политической обстановки практически во всей северной Евразии, что ярко показывает непрерывное развитие культур на данной обширной территории (Алексеев 2003, с. 29—30, табл. 2). В периодизации скифской истории он также не вызывает дискуссий у специалистов и начинается с совершения первичного захоронения Солохи. В. Е. Еременко, базируясь на анализе комплексов с предметами вооружения, выделил его в фазу D1 (420/400—340/330 гг. до н. э.) (Еременко 1997). Ю. А. Виноградов и К. К. Марченко включают его в более широко датированный четвертый период (последняя четверть V — рубеж IV/III вв. до н. э., который характеризуется стабильными, преимущественно мирными контактами скифов, эллинов и населения Лесостепи. Часть скифов переходит к оседлости, а в Лесостепи наблюдается определенный упадок по сравнению с предшествующим временем, хотя авторы, в частности, в Посулье отмечают явное оживление. В данном периоде также выделяют период около середины столетия, как время начала максимального расцвета и углубления дифференциации скифского общества (Виноградов, Марченко 1991). Данный отрезок времени, согласно периодизации А. Ю. Алексеева, соответствует седьмому периоду скифской истории, который характеризуется началом стабильности в регионе при кратковременных периодах напряженности в самой Скифии (Алексеев 2003, с. 25).

Для Правобережной Лесостепи С. А. Скорый отмечает усиление степной агрессии со второй половины V в. до н. э. Большинство городищ прекращают функционировать. Скифы третьей волны устанавливают контроль над значительной частью региона, которая входит в состав северопричерноморской Скифии. Проникновение номадов фиксируется появлением значительного количества погребений в катакомбах (Скорый 2003, с. 83—85).

В одной из своих предшествующих работ (Гречко 2017) я указывал на то, что существенные изменения произошли около середины —

© Д. С. ГРЕЧКО, 2019

третьей четверти V в. до н. э. Скифы перенесли на территорию Нижнего Поднепровья место захоронения знати (Геррос?), где в это время распространяется обряд захоронения в подбоях и катакомбах, который сосуществует с традиционными погребениями в ямах с широтной ориентировкой. Появляются первые захоронения знати под значительными насыпями (I Завадская Могила, Великая Знаменка кург. 13 и др.). Вероятно, территория Скифии была разделена между подразделениями кочевников. Происходит выделение богатых семей, которые могли формировать аилы, как это происходило в раннем средневековье (Плетнева 1982, с. 37—39). Это сопровождалось распадом общины, а рядовые кочевники беднели и могли переходить к оседлости, либо примыкать к аилам, пасти чужой скот, оставаться в зимовниках для занятий земледелием и заготовкой сена. Аилы характерны для второй стадии кочевания. Несколько аилов могли формировать орду, которая состояла не из кровнородственных социальных подразделений. Параллельно происходило разложение военно-демократического строя и возникновение родовой аристократии (Плетнева 1982, с. 37—39).

Завершение данного процесса было ознаменовано появлением серии больших курганов в последней трети V в. до н. э. в различных регионах уже сложившейся Скифии (Аксютинцы и Стайкин Верх в Посулье, Скифская Могила в бассейне Тясмина, Турецкая Могила в северскодонецкой Лесостепи, Близнец 2 в Надпорожье и др.). Среди данной группы выделяется первое «царское» захоронение в основном погребении Солохи. Данное событие знаменует начало расцвета Классической Скифии, как завершенного общественного образования [1] со стабильными доминантными отношениями с соседями.

Днепровская левобережная Лесостепь в V в. до н. э. входит в состав Скифии. Это привело к изменениям поселенческой структуры, погребальной обрядности, что было связано с увеличением подвижности населения Лесостепи. Материальная культура также динамично развивалась и одной из целей работы будет попытка разработки ее микрохронологии в рамках данного периода.

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Развитие поселенческой структуры населения ДлЛ последней четверти V — первой половине IV вв. до н. э. происходило в условиях ее функционирования в рамках северопричерноморской Скифии. Важно отметить, что часто материалы поселенческих памятников могут

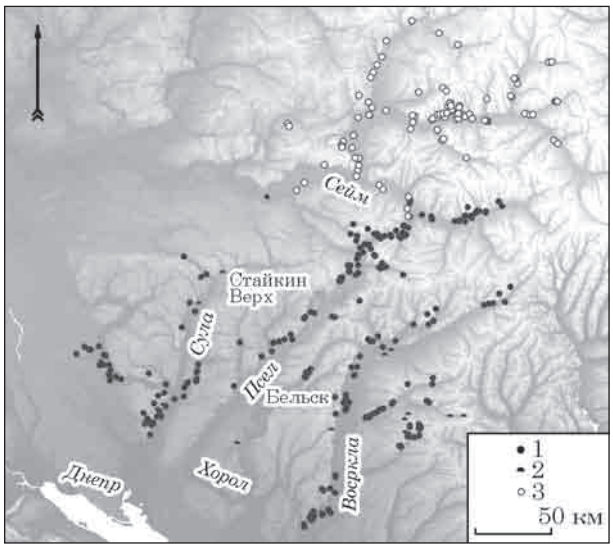

Рис. 1. Памятники Днепровского лесостепного Левобережья второй половины V — IV вв. до н. э.: 1 — лесостепные поселения и городища; 2 — некрополи; 3 — поселения и городища юхновской культуры

быть датированы лишь широко V—IV вв. до н. э.

Существенные изменения произошли в конце первой трети V в. до н. э. (рис. 1). Ярким индикатором данных процессов является Бельское городище на Ворскле. В это время затухает жизнь на территории Западного укрепления, поселений в ур. Царина Могила и Лисовый Кут. На территории южной части Большого укрепления появляются некрополи (группы А и Б), в которых, как минимум, часть погребений принадлежала номадам. На фоне данных изменений основным местом проживания оседлого населения становится Восточное укрепление, которое переживает в последующее столетие расцвет. Авторские исследования 2018 г. показали, что плато с Восточным укреплением было выделено из остальной территории Большого Бельского городища «Южным» валом (Гречко, Крютченко, Ржевуська 2018, с. 68).

В междуречье Ворсклы и Псла меняется характер поселений. На смену значительным по площади селищам с зольниками приходят поселения с существенно слабее насыщенным культурным слоем без зольных насыпей. В. В. Шерстюк отмечает, что они располагаются вблизи более ранних поселений, немного выше по склону плато. Кроме того, исследователь отмечает появление временных поселений и, в целом, очень незначительное количество селищ позднескифского времени (Шерстюк 2012, с. 50). Не фиксируется следов проживания данного времени на Лихачевском поселении и городище Полковая Никитовка.

Южная группа памятников ворсклинского региона, судя по результатам раскопок поселений и могильников, прекращает свое функционирование (Пожарная Балка, Мачухи). Хотя

1. Характер государственного образование скифов дискуссионен и является темой для специальных исследований.

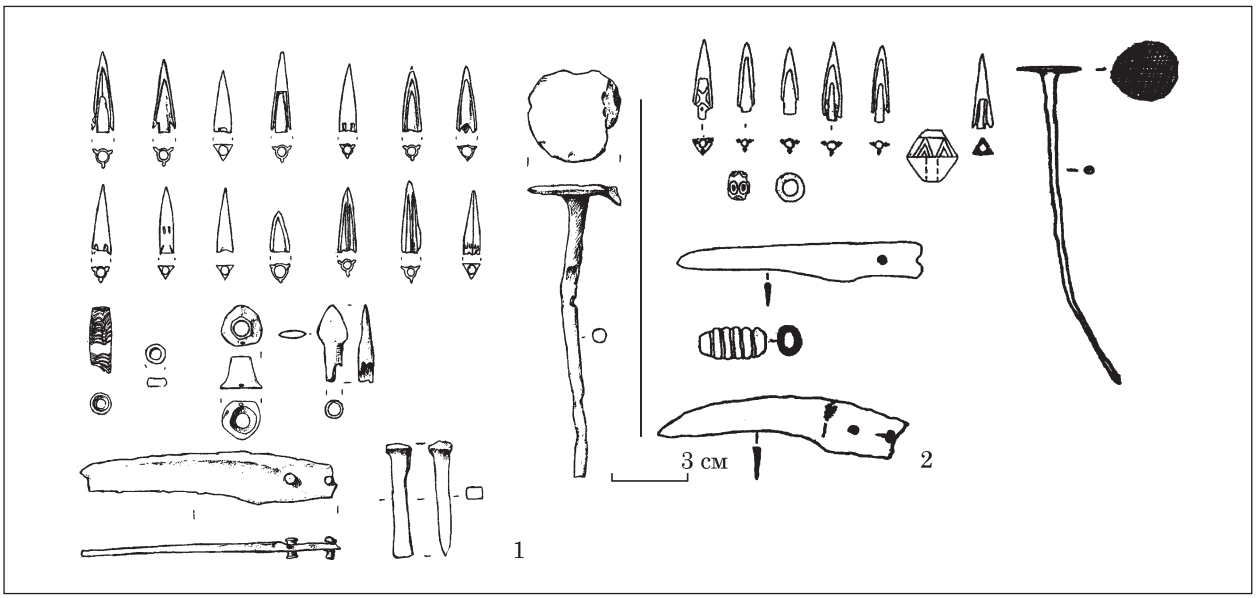

Рис. 2. Некоторые хронологические индикаторы памятников Посулья: 1 — поселение Матяшив Яр 3; 2 — Глинское городище (Жаров, Терпиловский 2006; Гейко 2000b)

сезонные поселения и следы пребывания населения в V—IV вв. до н. э. зафиксированы в пойме Ворсклы (Мокляк, ред. 2007, № 5, 38, 43, 51, 139, 153, 184, 334, 336, 337, 362, 409).

Серьезные изменения происходят и в соседних областях ДлЛ. На территории Посеймья продолжает функционировать лишь незначительная часть городищ (Ширяево) (Каравайко 2018, с. 284). Как раз в это время по предварительным данным заселяется территория Верхнего Псла. Не исключено, что часть мигрантов происходила из Курского Посеймья (?). Данный регион заселяется в это время племенами юхновской культуры (рис. 1) (Белинский, Кабанов 2015, с. 126—127) [1]. Стоит отметить, что активизация лесного населения и его продвижение на юг зафиксированы и в Киевском Поднепровье. Нельзя исключать, что имели место климатические изменение и пределы лесной зоны сместились немного южнее.

В Посулье часть поселений на водораздельном плато, которые возникли в VI в. до н. э. прекращают функционирование (Матяшив Яр 1—2). На их место приходят поселения в иных топографических условиях — на низких мысах надпойменных террас (Матяшив Яр 3 (рис. 2: 1), останцах первой надпойменной террасы или дюнах в пойме (ур. Кут) (Жаров, Терпиловский 2006). Материалы данного времени встречены на дюнах поймы Сулы у с. Засулля, Тишки, Хорошки, Чернече, Сенча (Луговий, Верещака 2006, с. 68). Стоит подчеркнуть, что поселения с подобной низкой топографией не характерны для раннескифского времени. Известны лишь пункты у с. Лихачевка и Хухры на Ворскле. Данные поселения размещались вблизи переправ и имели хорошо насыщенный культурный слой и использовались круглогодично, чем принципиально отличаются от сезонных поселений V—IV вв. до н. э. Басовское городище продолжает функционировать (Ильинская, Тереножкин 1983). Материалы Свиридовского и Глинского городища (рис. 2: 2) могут быть датированы лишь широко V—IV вв. до н. э. (Гейко 1997; 2000, с. 145—152).

Кнышовское городище на Псле наиболее активно функционирует как раз в данный период (Гавриш 2000, с. 162). Интересно, что в этом регионе, кроме кургана у Великой Багачки (Мурзин, Шелехань 2018), неизвестны погребения конца V — IV вв. до н. э.

В северскодонецкой Лесостепи происходят аналогичные изменения — сокращается число городищ, поселений с зольниками, при активном функционировании нескольких укреплений и широком распространении сезонных поселений. Все это происходило на фоне увеличения подвижности части земледельческого населения и инфильтрации части степного населения в регион (Гречко 2010).

Приднепровская террасовая Лесостепь [2] в данное время начинает активно использоваться скифами. Появляются многочисленные могильники Бориспольской группы (Фиалко 1994).

1. Информацию о памятниках Посеймья любезно предоставил О. О. Билинский, которому я признателен за помощь.

2. Данный регион по своим характеристикам является степным и может быть исключен из ДлЛ. На правомерность данного подхода указывает и активное использование его кочевниками, в то время как поселенческая структура скифского времени фактически отсутствует.

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ ДЛЛ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ V — СЕРЕДИНЫ IV вв. до н. э.

В последней трети V — IV вв. до н. э. одни могильники населения Лесостепи продолжает функционировать, другие — прекращают. Все это сопровождается появлением значительного количества новых некрополей, часть из которых принадлежала степнякам (Гречко, Шелехань 2012).

Посульские некрополи продолжают использоваться. Исследователи уже отмечали, что количество комплексов на порядок уменьшается, что, однако, сопровождалось созданием нескольких аристократических курганов высотой более 10 м, чего не фиксировалось после возведения Шумейковского кургана (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 320—330).

Система погребального обряда данного периода не отличается монолитностью. Ее изучение уже давно привлекает внимание исследователей. Ю. Н. Бойко провел факторный статистический анализ захоронений 32 локальных групп, включая лесостепные (Бойко 1996, с. 270—271). Для комплексов второй половины V — IV вв. до н. э. ДлЛ были получены следующие результаты.

Фактор 1 [1] (степной) фиксируется лишь на Средней Ворскле (погребения в подбоях у Нового Мерчика и в группе Б Бельского некрополя). Архаические факторы 2 и 4 продолжают присутствовать лишь на Суле, что в это время сближает данный регион с савроматскими памятниками. Фиксируется усиление связей Левобережья с савроматским миром (фактор 6).

Фактор 1 [2] усиливается в Посулье, где, по мнению Ю. Н. Бойко, все еще хоронят аристократию из соседних регионов Лесостепи. Фактор 5 сохраняется лишь в Посулье. В ДлЛ и у савроматов локализуются факторы 7—8. Фактор 2 исчезает в Посулье, но появляется на Ворскле (Бойко 1996).

Ю. Н. Бойко считает, что население Левобережья было в своей основе иранским, но автохтонным (не скифским) (Бойко 1996, с. 277). По логике ссылок можно предположить, что исследователь придерживается идеи о происхождении ираноязычной знати Лесостепи от позднесрубной культуры региона, что на сегодня уже может быть предметом только историографического исследования (Гречко 2010, с. 18). Для ДлЛ отмечается взаимодействие различных, иранских в своей основе, этнических компонентов и их сосуществование с какими-то не иранскими стереотипами погребальной обрядности, которые, к сожалению, не расшифрованы. Важными являются выводы о Посулье, как некрополе иранской лесостепной аристократии и Бельск, который считается индикатором всех изменений в регионе (Бойко 1996, с. 277).

* * *

Интересна серия курганов подгруппы 2в группы II (430/420—410-е гг. до н. э.). Они вы-

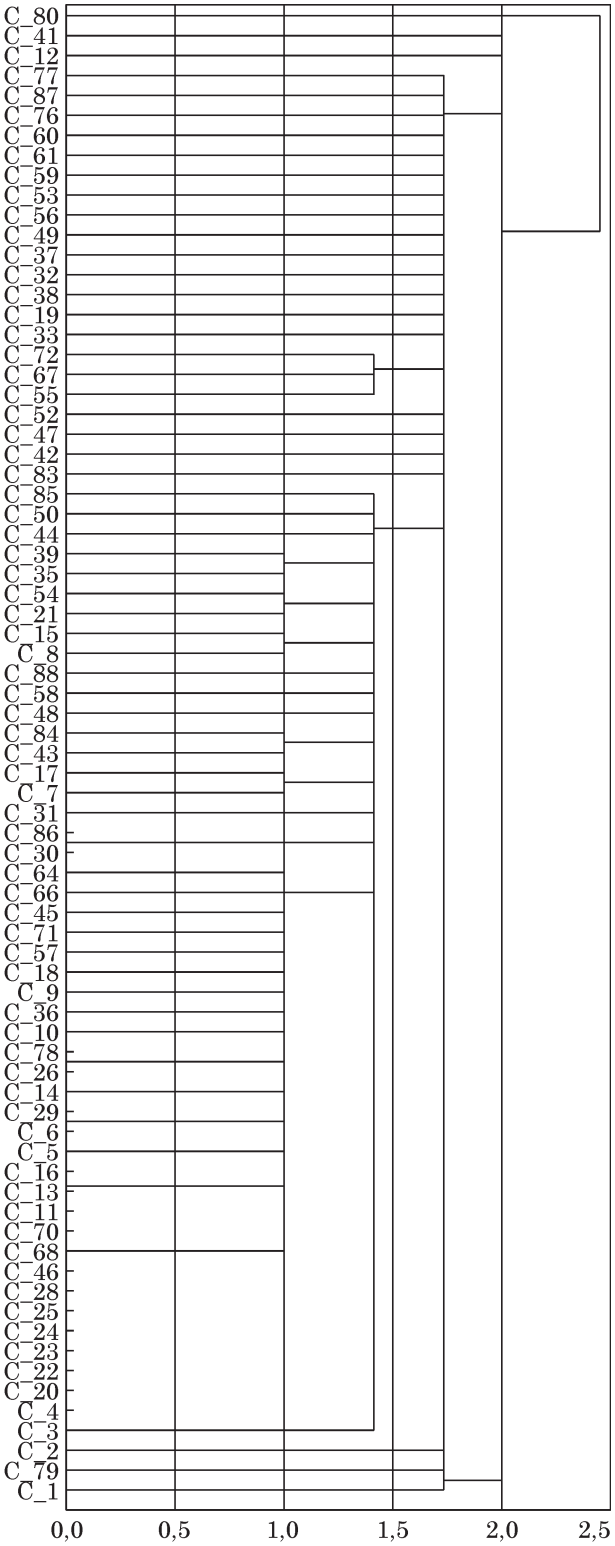

Рис. 3. Дендрограмма погребений Днепровского лесостепного Левобережья последней четверти V — IV вв. до н. э.

1. Факторы погребального обряда.
2. Факторы погребального инвентаря.

деляются значительными размерами насыпей (Стайкин Верх, к. 2 — 10,5 м; Стайкин Верх, к. 3 — 5,7 м; Аксютинцы, к. 2 — 10 м; Волковцы, к. 4 — 7,8 м) и погребальных сооружений (Стайкин Верх, к. 2 — 136 м^3; Стайкин Верх, к. 3 — 33,75 м^3; Аксютинцы, к. 1/1886 — 66 м^3). Часть курганов была окружена рвом (Стайкин Верх, к. 2, Мгарский курган) и сооружена из вальков дерна (Мгарский и Опошнянский курганы). Часто погребения являлись впускными (Стайкин Верх, к. 3, Аксютинцы, к. 2, Опошня, к. 1/1) и были парными (Стайкин Верх, к. 3, Аксютинцы, к. 1/1886, Волковцы, к. 4/4, Басовка А, Мгарский курган). Инвентарь мужских захоронений не отличается от степных погребений (детали конской узды, предметы вооружения, панцири, «пращевые» камни (Мгарский курган, Аксютинцы, к. 2), котел, античная керамика. Погребения женщин в Посулье сопровождались местным набором украшений (Клочко 2017). Характерные степные черты (насыпи из дерна, «пращевые» камни) в сопровождении наборов вооружения и деталей узды позволяют предполагать принадлежность мужчин-воинов представителям ираноязычных кочевников, а для женщин нельзя исключать, а, возможно, и стоит говорить, об их местном происхождении.

ПОДГРУППА 3А / ГРУППА III (420/400—380/375 гг. до н. э.)

Был проведен кластерный анализ матрицы с данными о погребальном обряде 88 погребений последней трети V — IV в. до н. э. Дендрограмма получилась непростой для анализа (рис. 3). Кластеры (уровни) были выделены на основании евклидова расстояния между комплексами. Можно выделить шесть кластеров (уровней) [1].

В кластере (уровне) 1 можно выделить группу А, в которую вошли погребения бельских некрополей (Перещепино, к. 3/2 (рис. 4: 1), к. 2/2001 (рис. 4: 2), Скоробор, к. 12/1975), совершенные в ямах ориентированных по линии СВ—ЮЗ с наборами посуды.

В группу Б программа объединила комплексы из некрополей у хут. Настельного та Покровского, совершенные в ямах с широтной ориентировкой или по линии СЗ—ЮВ без уточняющих признаков погребального инвентаря.

Кластер (уровень) 2 наиболее сложный для интерпретации. В нем можно выделить несколько групп.

Группа А объединила комплексы из к. 5 в ур. Осняги (рис. 5: 2), и к. 19 у с. Олефирщина (рис. 5: 1), представленые погребениями в ямах с лагами ориентированные по линии СВ—ЮЗ.

Группа Б представлена погребениями в ямах со срубами, ориентированные по линии СВ—ЮЗ (Скоробор, к. 6/1979 (рис. 6: 3), хут. Покровский).

Группа В презентована богатыми комплексами могильника у хут. Настельный (к. 4/I, 2/II, 4/III, 2/I) — погребениями в ямах со срубами с набором вооружения и украшений, изделиями из золота. Захоронения принадлежали либо знатным воинам-степнякам, либо женщинам аналогичного социального слоя.

Также к суперкластеру 2 можно отнести погребения в ямах (СВ—ЮЗ) (Сурмачевка, к. 1/2, Скоробор, к. 15; в ямах с лагами (СВ—ЮЗ) с наборами вооружения, изделиями из золота, деталями узды и костями животных (Скоробор, к. 11 (рис. 6: 1), к. 17 (рис. 6: 2); впускные погребения с широтной ориентировкой и наборами вооружения (Лубны, Кусторовка, к. 1/2; к. 22 у с. Купьеваха с захоронением в яме (З—В) с изделиями из золота и набором украшений.

Кластер (уровень) 3 представлен элитными погребениями бельских некрополей в сложных

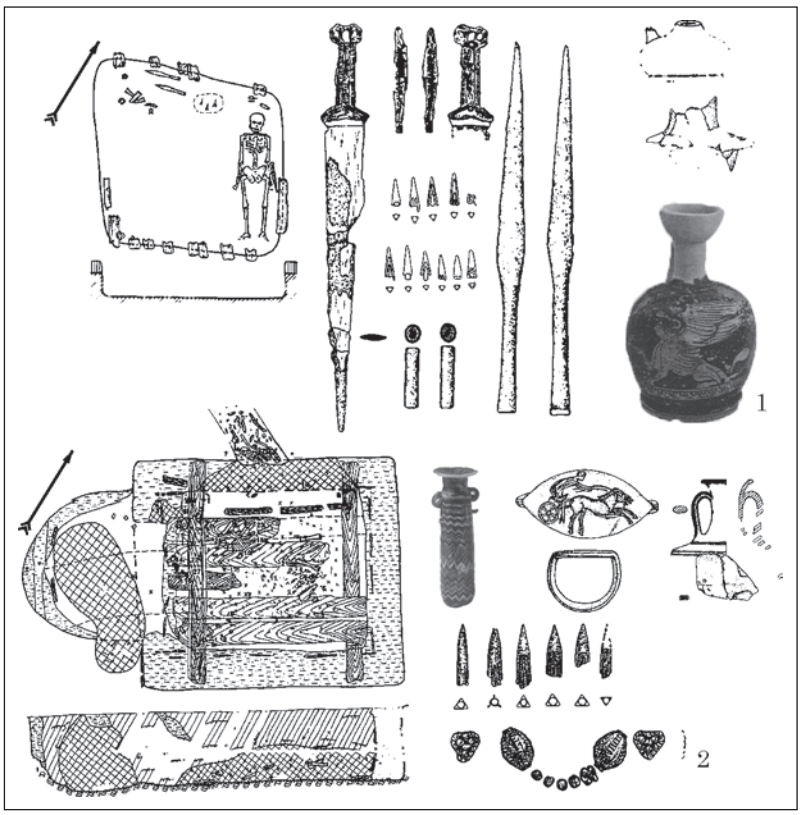

Рис. 4. Планы и материалы погребений кластера 1А: 1 — Перещепино, к. 3/2; 2 — Перещепино, к. 2/2001 (Шрамко 1994; Кулатова, Супруненко 2010). Масштаб произвольный

1. Выражаю признательность за помощь в проведении анализа и расшифровке дендрограммы Ю. В. Буйнову.

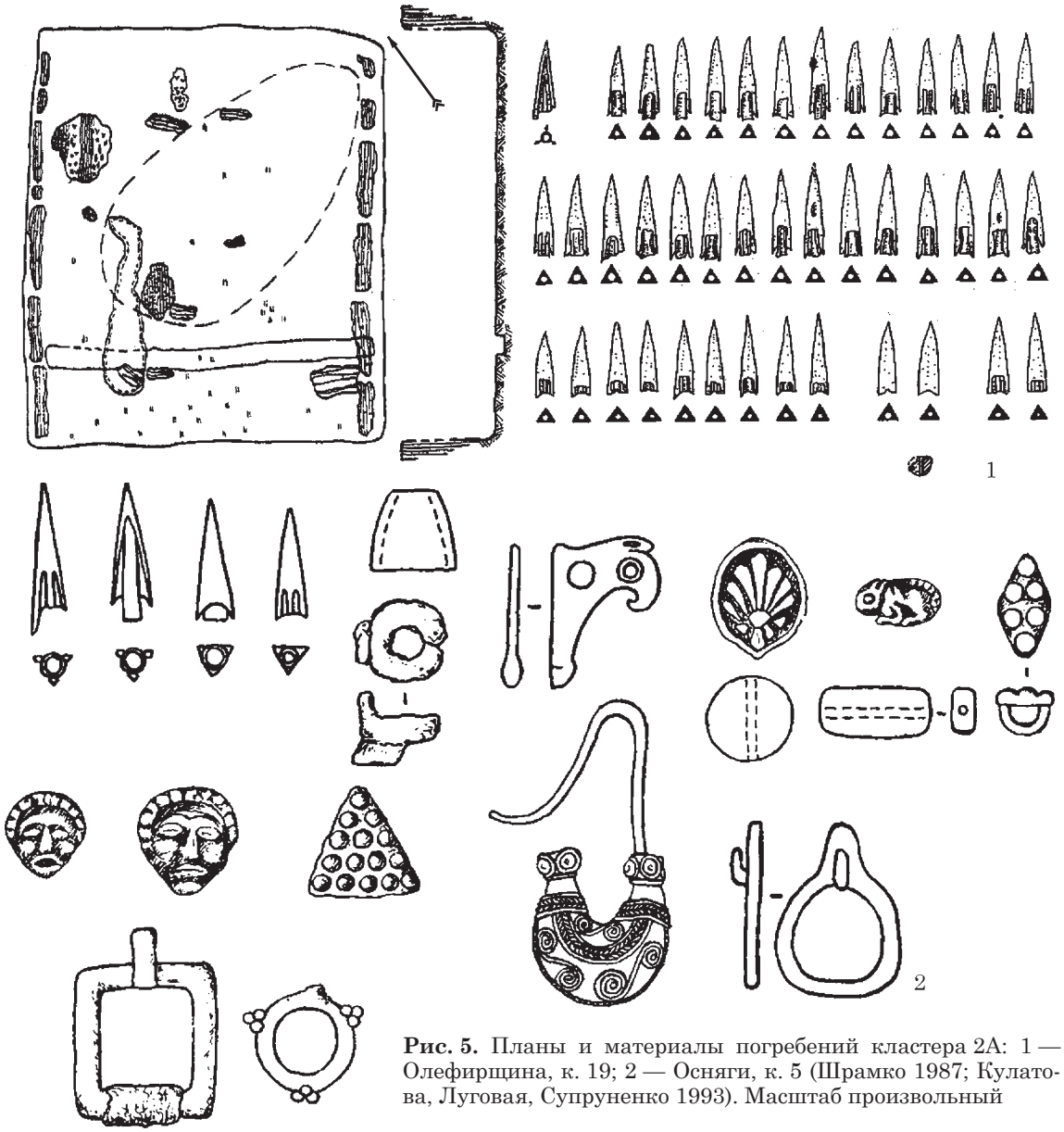

Рис. 5. Планы и материалы погребений кластера 2А: 1 — Олефирщина, к. 19; 2 — Осняги, к. 5 (Шрамко 1987; Кулатова, Луговая, Супруненко 1993). Масштаб произвольный

деревянных камерных гробницах с дромосами, лагами, горизонтальной облицовкой стен со столбами или без них (С—Ю или СВ—ЮЗ). Инвентарь также разнообразен и говорит о парности (коллективности?) захоронений — детали конской сбруи, кости животных, наборы вооружения, изделия из драгоценных металлов, наборами посуды и украшений (Перещепино, к. 1/2001 (рис. 7: 1), к. 7 (рис. 7: 2), группа Б, к. 1 (рис. 7: 3), Скоробор, к. 19 (рис. 7: 4).

Кластер (уровень) 4 объединил довольно разнообразные комплексы в разнотипных погребальных сооружениях (типы погребальных сооружений 2, 3, 14 (2 комплекса), 15 (2 комплекса), 16, 24) с разными ориентировками (С—Ю (3 комплекса) [1], СЗ—ЮВ, З—В (2 комплекса), СВ—ЮЗ). Часто встречающимися чертами в погребальном инвентаре являются кости животных, наборы вооружения, изделия из драгоценных металлов, наборы посуды и украшений, детали конской сбруи (группа Б, к. 2 (рис. 8: 2), Купьеваха, к. 13, группа Б, к. 7 (рис. 8: 1), Скоробор, к. 16, В. Багачка, п. 1 (рис. 8: 3), Осняги, к. 4 (рис. 9: 2), Олефирщина, к. 15 (рис. 9: 1). Комплексы представлены преимущественно парными и коллективными захоронениями в деревянных гробницах с разнообразным инвентарем и принадлежали социально выделенной прослойке населения Ворсклы данного периода.

Кластер (уровень) 5 [2] объединил элитные комплексы в ямах со столбами и горизонтальной облицовкой стен (С—Ю), которые относят-

1. Описание признаков см.: Гречко 2018, с. 24.

2. Комплекс из Оснягов к. 7 попал в данный кластер из-за отсутствия данных об ориентировке могилы.

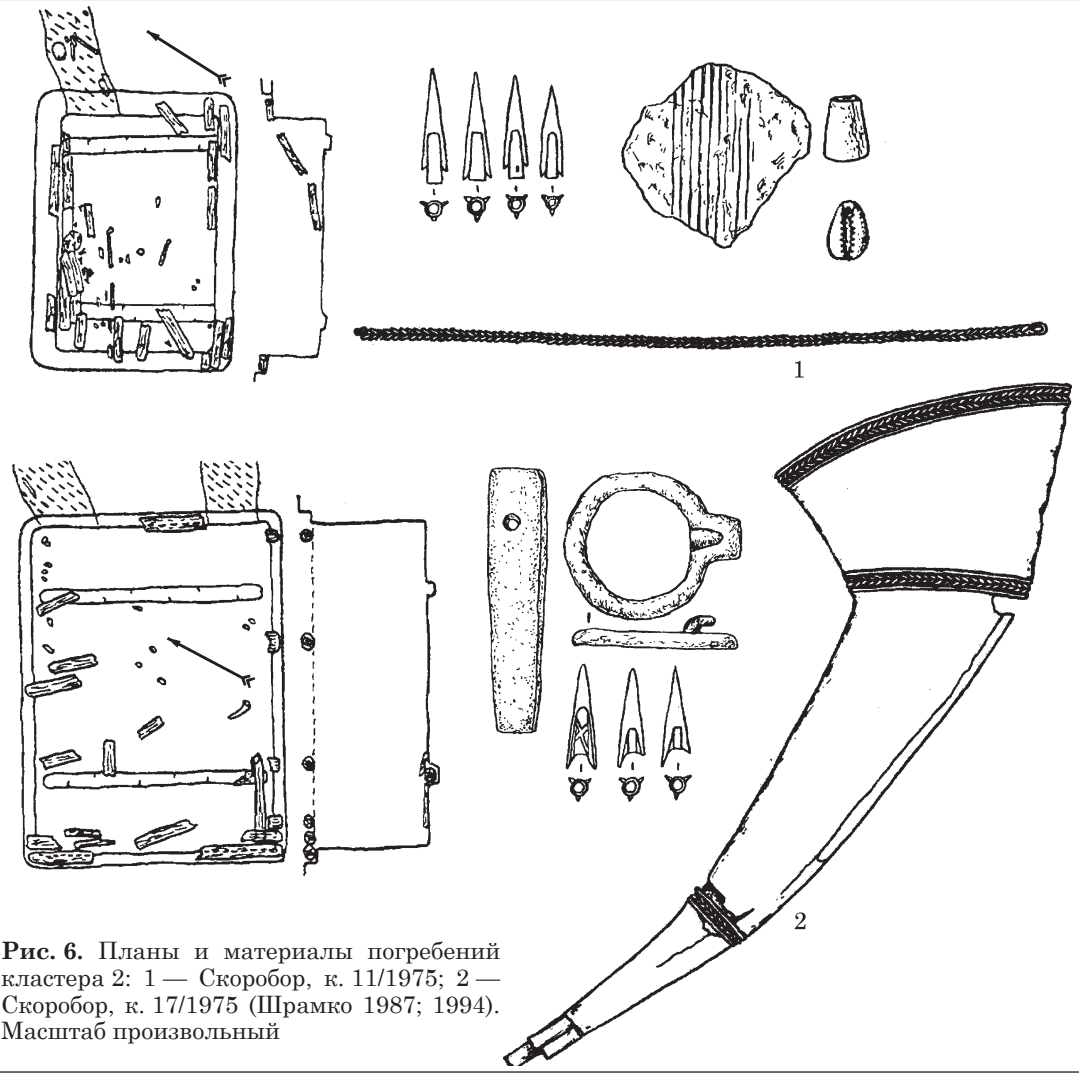

Рис. 6. Планы и материалы погребений кластера 2: 1 — Скоробор, к. 11/1975; 2 — Скоробор, к. 17/1975 (Шрамко 1987; 1994). Масштаб произвольный

ся к следующему хронологическому горизонту (середина — третья четверть IV в. до н. э. (Аксютинцы, к. 5, С. А. Мазараки, 1905 г.), Купьеваха, к. 8).

Кластер (уровень) 6 также представлен элитарным комплексом у с. Будки (впускная деревянная гробница, С—Ю) из Посулья, который также относится к следующему хронологическому горизонту. Интересно, что программа отделила элитные комплексы середины-третьей четверти IV в. до н. э. в деревянных гробницах с южной ориентировкой. О преобладании во всем ДлЛ меридиональной ориентировки в IV в. до н. э. уже писали исследователи (Бойко 1999).

Можно сделать некоторые наблюдения по распространению признаков погребального обряда в последней трети V — первой половине IV вв. до н. э.

Ровики известны во всех регионах, а вокруг курганов Посулья зафиксированы и валы. Простые грунтовые ямы представлены во всех регионах ДлЛ на протяжении всего скифского периода. Погребальные сооружения со столбами известны лишь в Поворсклье, а с дополнительной горизонтальной облицовкой — и в Посулье. Погребения с канавкой по периметру стен неизвестны для данного времени. Срубы [1] в яме представлены преимущественно в Поворсклье, с преобладанием в скифских могильниках у Муравского Шляха (хут. Настельный, Покровский, Кусторовка).

Традиция сооружения погребального помоста на лагах сохраняется в бельских и близлежащих (Олефирщина) некрополях. Сочетание лаг, столбов и горизонтальной облицовки стен известно лишь в бельских некрополях (Скоробор и группа Б), а лаги с дромосом известны лишь в Олефирщине. Сложные деревянные конструкции (дромос, лаги, столбы или без них, горизонтальная облицовка) также зафиксированы лишь в бельских некрополях (Скоробор, группа Б), причем, в предшествующий период они были характерны лишь для Перещепинского могильника. Сочетание сруба и лаг из-

1. Сруб от рамы или горизонтальной облицовки стен зачастую трудно отличить по описаниям исследователей, особенно, для Посулья и других дореволюционных раскопок (хут. Настельный и Покровский).

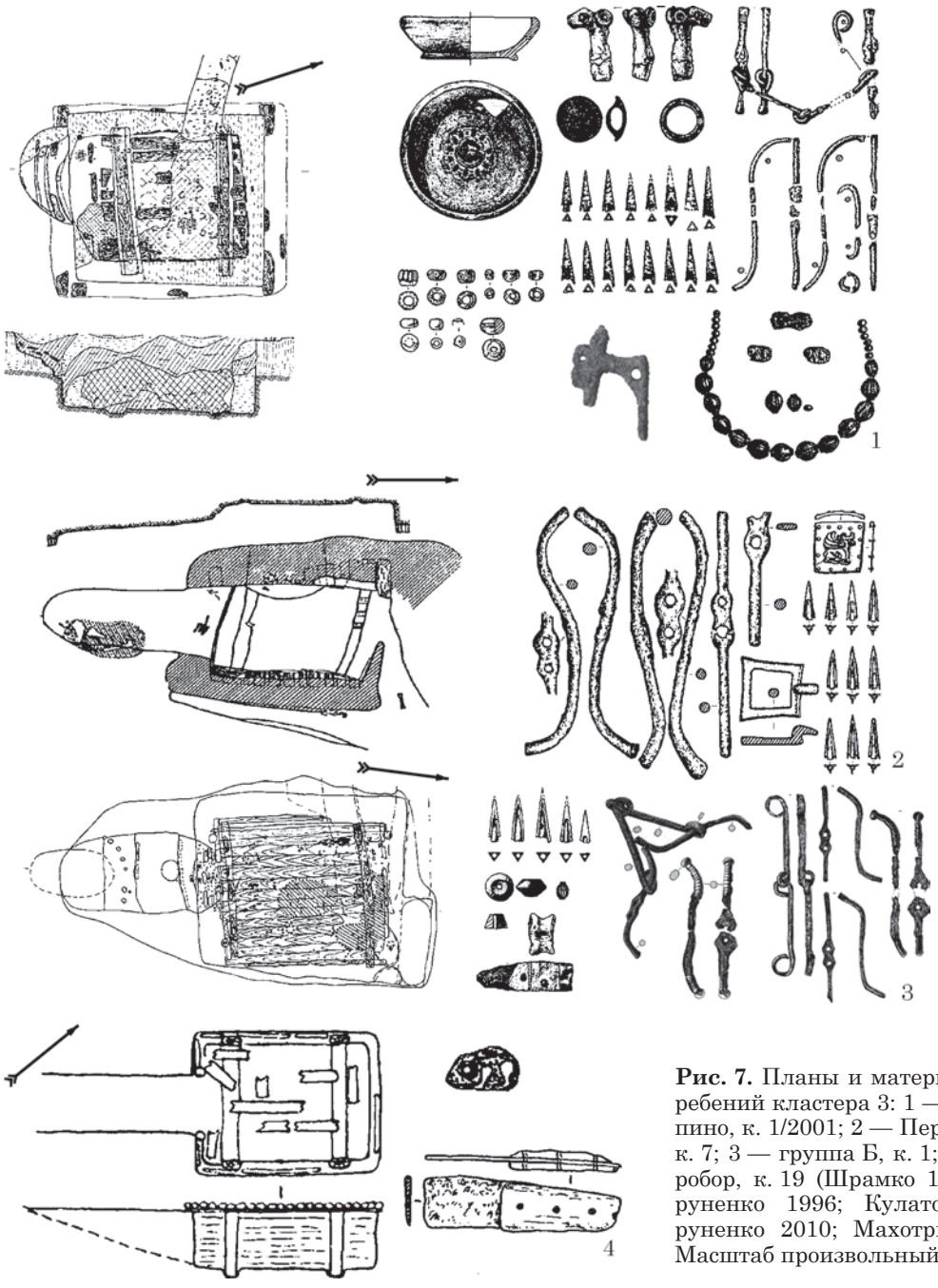

Рис. 7. Планы и материалы погребений кластера 3: 1 — Перещепино, к. 1/2001; 2 — Перещепино, к. 7; 3 — группа Б, к. 1; 4 — Скоробор, к. 19 (Шрамко 1994; Супруненко 1996; Кулатова, Супруненко 2010; Махотрых 2012). Масштаб произвольный

вестно лишь в Оснягах. Катакомбы, которые бы надежно датировались рассматриваемым периодом неизвестны. Подбои из группы Б бельского некрополя и Нового Мерчика могут датироваться и более поздним временем.

Ориентировка погребальных сооружений не отличается стабильностью. Меридиональная ориентировка зафиксирована в Посулье (6 комплексов) и Поворсклье (14 комплексов). Широтная неизвестна в Посулье, но шире представлена в Поворсклье, как в некрополях Бельска, так и вблизи Муравського Шляха. Ее распространение, очевидно, связано со степным влиянием, которое сопровождалось и прямым проникновением групп населения с юга.

Ориентировка СВ—ЮЗ продолжает оставаться одной из доминирующих на Средней Ворскле (Бельск и округа) и преобладает в новых могильниках степняков у Муравського Шляха (хут. Настельный и Покровский, Кусторовка). Всего 29 комплексов. Вероятно, она имеет разное происхождение для данных двух регионов.

Ориентировка СЗ—ЮВ характерна для хут. Настельный, хотя известна и в группе Б бельского некрополя и Скороборе [1]. Один комплекс известен в Посулье.

1. Для Бельска нельзя исключать сезонного отклонения.

Рис. 8. Планы и материалы погребений кластера 4: 1 — группа Б, к. 7; 2 — группа Б, к. 2; 3 — В. Багачка, к. 1, п. 1 (Супруненко 1996; 2006; Мурзин, Шелехань 2018). Масштаб произвольный

Погребальный инвентарь. Предметы конского снаряжения представлены во всех регионах. На Ворскле они сконцентрированы в бельских некрополях и Олефирщине. Напутственная мясная пища представлена в Посулье, бельских некрополях, Кусторовке, Великой Багачке, Купьевахе и Олефирщине. Зеркала хорошо представлены на Ворскле и одним комплексом в Посулье. Наборы вооружения хорошо известны в регионе (19 на Ворскла и 6 в Посулье). Золотые обивки деревянных чаш дважды найдены на Ворскле (Перещепино, к. 7, В. Багач-

ка, п. 1). Изделия из драгоценных металлов найдены в 21 комплексе Поворсклья.

В конце V — IV в. до н. э. для погребений прослежено уменьшение процента погребений с лепной керамикой (Пеляшенко 2014, с. 11), при этом существенно возрастает количество античного импорта (амфоры, сосуды для застолья и ароматических масел и др.), использованного в качестве погребального инвентаря.

Узкодатированных комплексов, которые бы датировались между подгруппой 2в и серией богатых захоронений середины — третьей четверти IV в. до н. э. в Посулье нет. Однако, бляшки в виде зайчиков из Роменских некрополей позволяют предполагать их наличие (Ильинская 1968, рис. 38: 2). Для Поворсклья количество комплексов с изделиями из драгоценных металлов в 7 раз превышает аналогичное в предшествующий период.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МИКРОХРОНОЛОГИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Хотелось бы сразу вспомнить важный вывод А. Ю. Алексеева, что абсолютная хронология групп / пластов данного периода является достаточно приблизительной; пласты существенно перекрывают («наползают») друг на друга; хронологические границы между пластами из-за множества долго «живущих» престижных изделий и недостаточной разработанности микрохронологии ряда категорий предметов не являются строгими (Алексеев 2003, с. 277).

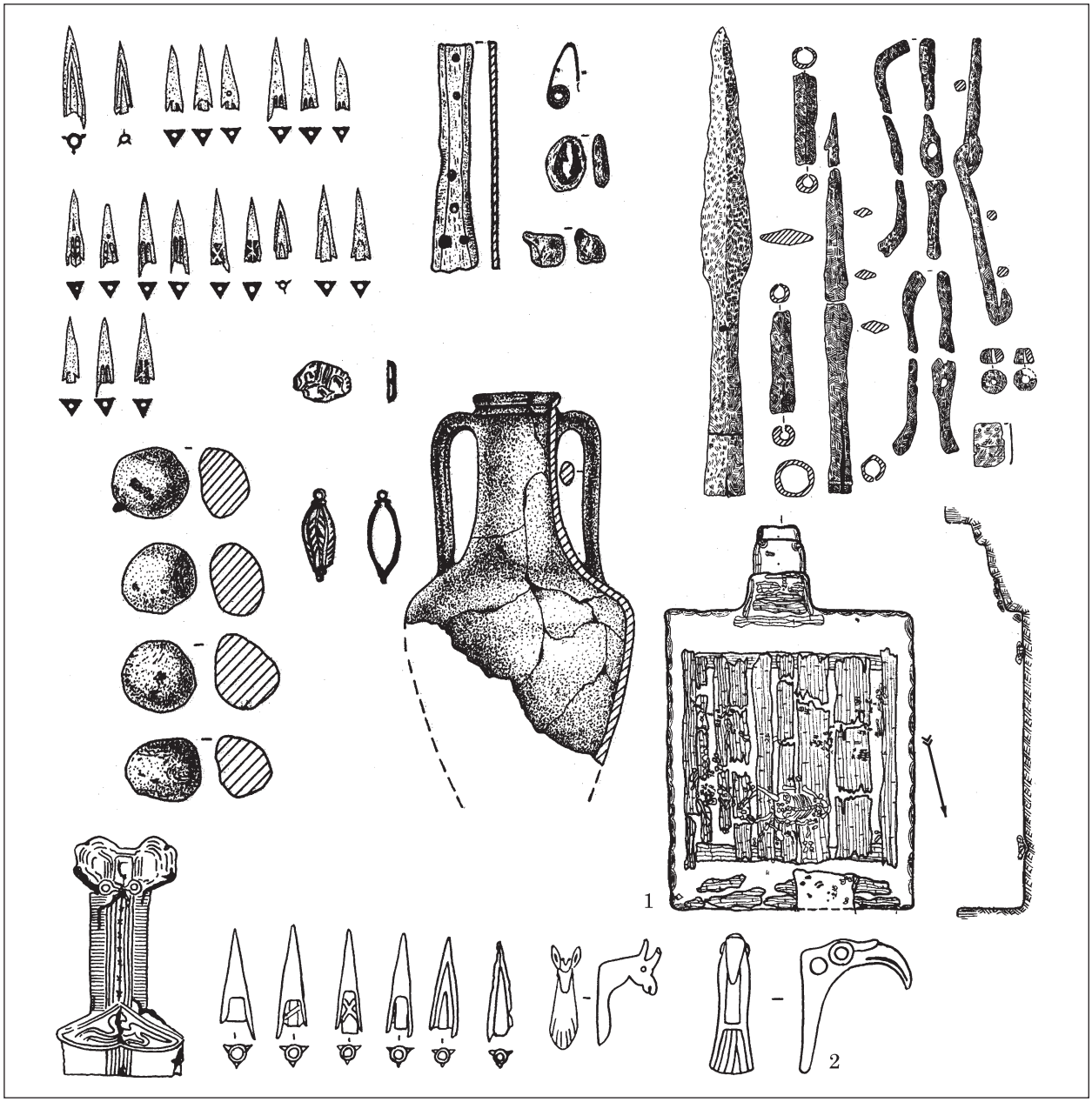

Рис. 9. Планы и материалы погребений кластера 4: 1 — Олефирщина, к. 15; 2 — Осняги, к. 4 (Шрамко 1987; Кулатова, Луговая, Супруненко 1993). Масштаб произвольный

Столовая античная посуда в комплексах данного периода также, как и для V в. до н. э., часто не способствует уточнению датировки. Чернолаковая и краснофигурная керамика дает лишь terrminus post quem [1] (Алексеев 2003, с. 207). Показательный пример — Корнеевка к. 2. В последнем погребении кургана (№ 3) был найден скифос группы St. Valentin третьей четверти V в. до н. э., а в первом впускном погребении 2 — четыре гераклейские амфоры конца данного столетия. С. В. Полин в одной из последних работ все же изменил датировку позднейшего погребения до последней четверти — конца V в. до н. э. (Полин 2014, с. 201), при этом исследователь продолжает настаивать на том, что чернолаковые и краснофигурные сосуды синхронны амфорной таре (Полин 2014, с. 192—193). О необоснованном удревнении погребения 2 [2] в кургане 3 у с. Богдановка на основании датировки чернолакового килика последней четверти V в. до н. э. писала Н. А. Лейпунская (1989, с. 107—111).

Для данной работы важна датировка кургана 2 (1883—1885 гг.) у с. Аксютинцы. Чернолаковый килик датируется около середины V в. до н. э., а сам комплекс близок Солохе (Алексеев 2003, с. 206—207). А. Ю. Алексеев относит погребение к третьей четверти столетия, при этом отметив возможность его «омоложения» к последней четверти V в. до н. э. (2003, с. 207, 399, рис. 26). С. В. Махортых и Р. Ролле также склоняются к синхронизации данного комплекса с Солохой (Махортых, Ролле 2015, с. 197), в чем я их поддерживаю.

ПОДГРУППА 2В / ГРУППА II
(430/420—410-е гг. до н. э.)

Представлена комплексами, которые следуют за первыми элитными погребениями Классической Скифии (Великая Знаменка, к. 13, I Завадская Могила) середины — третьей четверти V в. до н. э. и предшествуют основному погребению Солохи. Стоит отметить сложность в более точном разделении части комплексов последней трети V в. до н. э.

К данной подгруппе можно отнести следующие базовые комплексы Северного Причерноморья — Перомаевка I, к. 4/1 (рис. 10: 1), Новое Запорожье, к. 7 (рис. 10: 2), Малый Чертомлык (рис. 10: 4) [3], Малая Цимбалка (рис. 10: 3), Близнец 2 (рис. 10: 5). Для Лесостепи таковыми являются Турецкая Могила в северскодонецком регионе (рис. 11: 5), Скифская Могила в бассейне Тясмина; Мгарский курган (рис. 11: 6), Стайкин Верх к. 2 (рис. 11: 1) и 3 (рис. 11: 4), Аксютинцы, к. 1/ 1886, к. 2 (1883—1885 гг.) (рис. 11: 3), Волковцы, к. 4 (И. А. Линниченко), Басовка А в Посулье и Опошнянский курган на Ворскле.

Основными маркерами данных комплексов служат хиосские прямогорлые амфоры (IV тип по С. Ю. Монахову), иногда в сочетании с позднепухлогорлыми [4]. Чернолаковая посуда из данных комплексов зачастую древнее наиболее поздних находок на 10—20 и более лет. В это время появляются и массово распространяются трехлопастные наконечники стрел с треугольной в плане головкой, гранями, переходящими в шипы, трехгранным острием и короткой выступающей втулкой (Малая Цимбалка, Близнец 2 (рис. 10: 3, 5) (Алексеев 1995; Ромашко, Скорый 2009); трехгранные наконечники стрел со скрытой втулкой и двумя вертикальными углублениями либо П-образным ложком, которые получат распространение позже.

Во второй половине — последней четверти V в. до н. э. появляются и получают развитие мечи типа Солохи (Топал 2014, с. 380). Одними из древнейших изделий является мечи из Гладковщины (рис. 11: 2) (Григорьев 1994, с. 77) и к. 3 в ур. Стайкин Верх (рис. 11: 4) (Ильинская 1968, с. 90), которые можно датировать не ранее третьей четверти, а, более вероятно, последней третью V в. до н. э.

В V в. до н. э. происходит трансформация формы наконечников копий от лавролистной к остролистной (Мелюкова 1964, с. 38—40). Древнейшие надежно датированные дротики относятся ко второй половине (преимущественно последней четверти) V в. до н. э. (Гречко 2017, с. 98).

С данного периода начинают доминировать S-видные псалии [5] (рис. 10—11), а Г-образные — исчезают. Известны бронзовые стержневидные двухдырчатые псалии (Первомаевка I, к. 4/1) (рис. 10: 1) (Евдокимов, Фридман 1991, с. 76). Одни из наиболее ранних прямых, железных псалиев найдены в к. 3 Стеблевского могильника, который можно датировать около середины V в. до н. э. (Полин 2014, с. 195) [6]. Известны в данной хронологической подгруппе и биметаллические псалии (Аксютинцы к. 2, Стайкин Верх к. 3 (рис. 11: 4) (Ильинская 1968, табл. VII: 5).

Ворворки вновь меняют форму и становятся низкими, усеченно-коническими, хотя параллельно продолжают использоваться и вы-

1. Е. Е. Фиалко привела примеры продолжительного использования скифами столовой посуды (2006, с. 364—366).
2. Комплекс датируется началом IV в. до н. э. (Лейпунская 1989, с. 107—111).
3. Комплекс кургана имеет аналогии среди изделий в Великой Знаменки к. 13, что говорит об его относительной древности в данной подгруппе (конец третьей четверти V в. до н. э.).
4. Более детально см.: Гречко 2017, с. 98—99).
5. Об аналогиях, как железным, так и бронзовым изделиям последней трети V — первой половине IV вв. до н. э. см. подробнее: Бидзиля, Полин 2012, с. 188—189.
6. С. А. Скорый датирует комплекс первой половиной V в. до н. э. (Скорый 1997, с. 56).

сокие ворворки (Малая Цимбалка (рис. 10: 3), Стайкин Верх, к. 3). В данной подгруппе все еще встречаются бронзовые «замочки» (Стайкин Верх, к. 2 и 3 (рис. 11: 1) (Ильинская 1968, табл. V: 22, VII: 11—12).

Появляются нахрапники в виде головы хищной птицы с удлиненным основанием (рис. 10: 1, 3) (Алексеев 2003, с. 204) и длинноухого грифона и оленя или лани (Аксютинцы, к. 2 (1883—1885 гг.), Стайкин Верх, к. 2 (рис. 11: 1) (Ильинская 1968, табл. V: 17—18; XVI: 7, 9). Важно исправить неточность в датировке начала использования нахрапников в форме продолговатого щитка со скульптурным изображением животного или птицы. В. А. Ильинская датировала появление данной группы изделий позднеархаическим временем (конец VI — на-

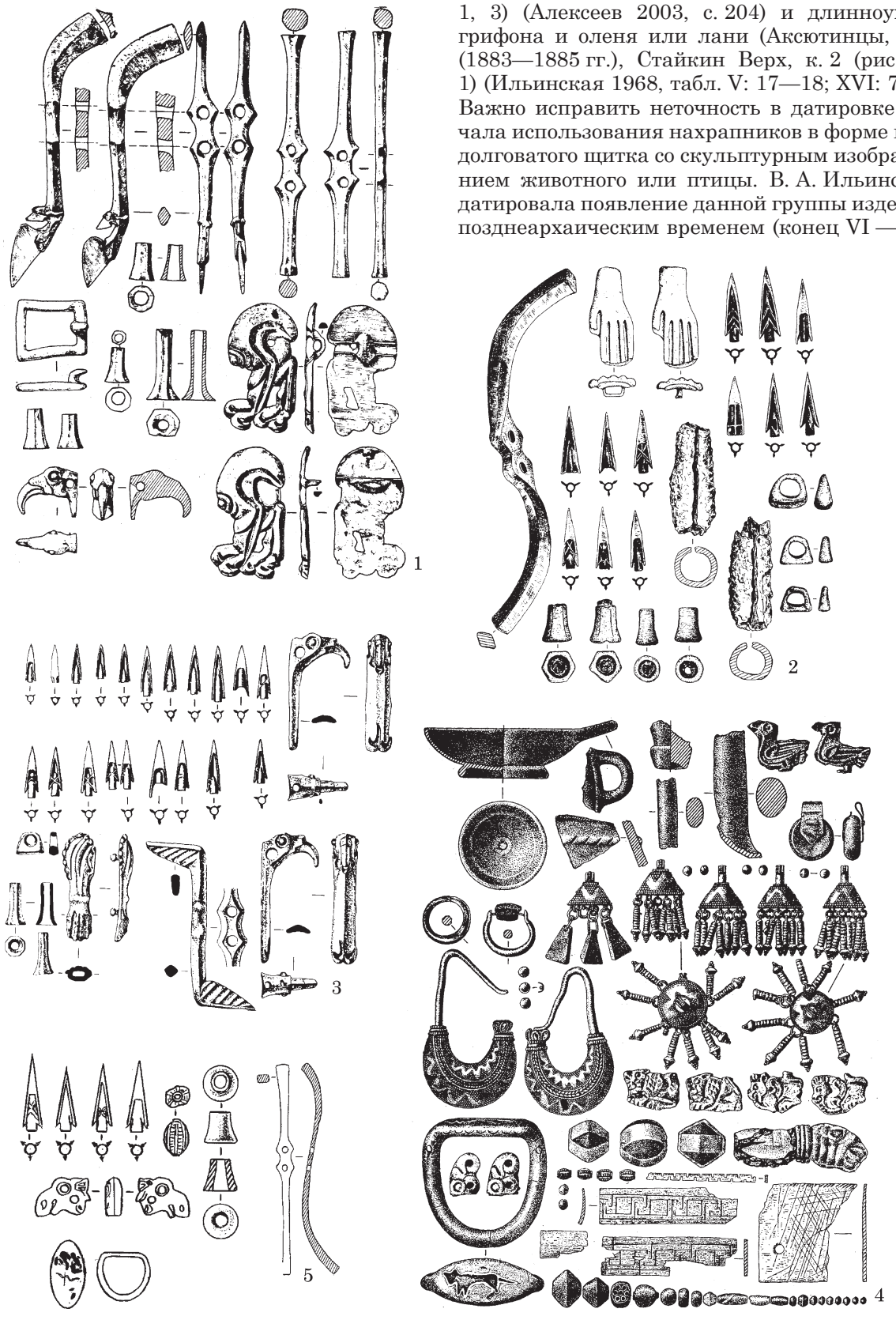

Рис. 10. Материалы из степных погребений подгруппы 2в группы II: 1 — Первомаевка I, к. 4/1; 2 — Новое Запорожье, к. 7; 3 — Малая Цимбалка 1, к. 2; 4 — Малый Чертомлык; 5 — Близнец 2 (составлено по (Евдокимов, Фридман 1991; Плешивенко 1991; Алексеев 1995; Ромашко, Скорый 2009). Масштаб произвольный

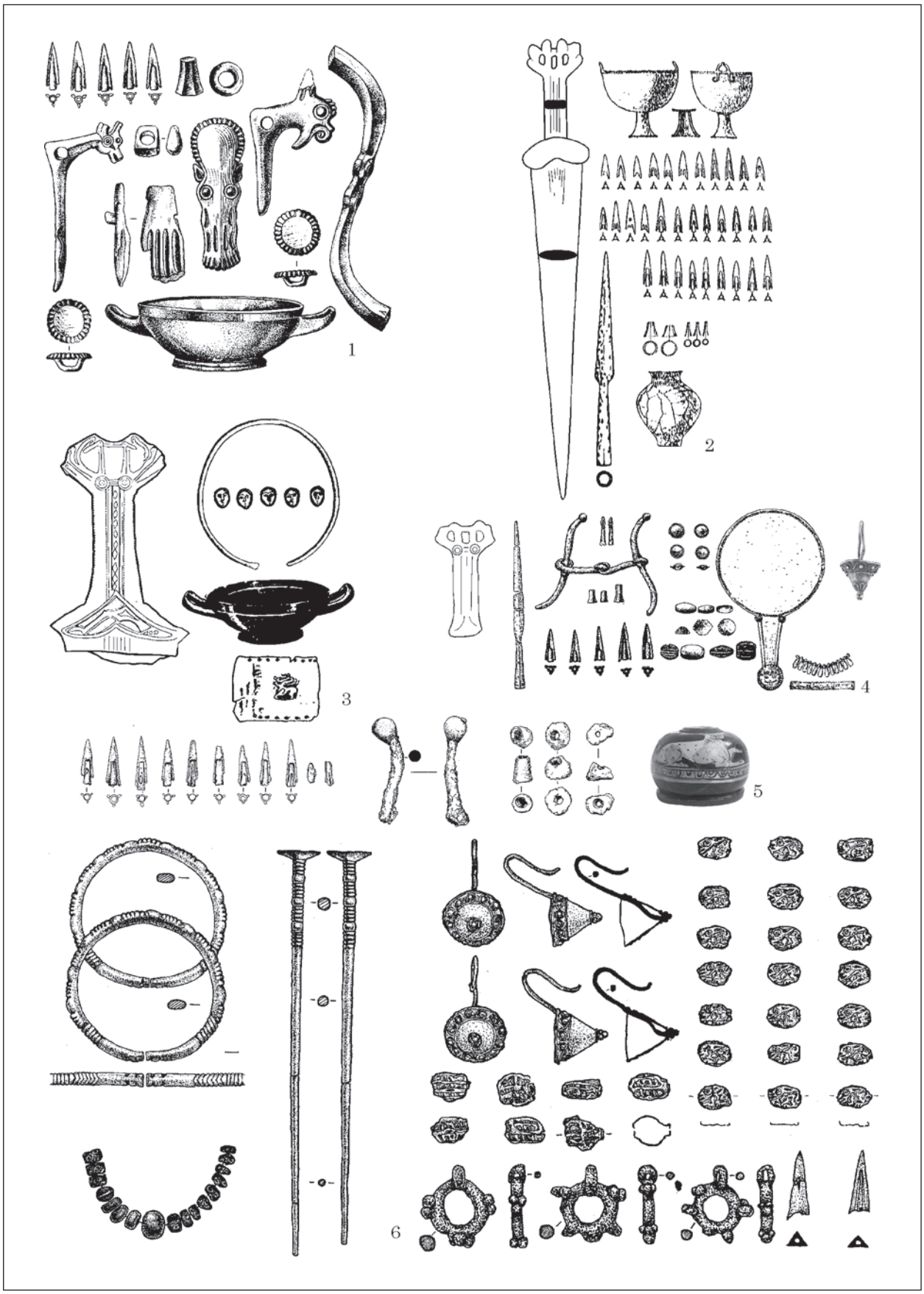

Рис. 11. Материалы из лесостепных погребений подгруппы 2в группы II: 1 — Стайкин Верх, к. 2; 2 — Гладковщина; 3 — Аксютинцы, к. 2 (1883—1885 гг.); 4 — Стайкин Верх, к. 3; 5 — Турецкая Могила; 6 — Мгарский курган (составлено по (Ильинская 1968; Григорьев 1994; Супруненко 1996; Окатенко, Скорый 2017). Масштаб произвольный

чало V вв. до н. э.) по находке в к. 383 у с. Грушевка (Ильинская 1968, с. 121). Данный комплекс, судя по находке калачиковидной серьги, бляшки типа Стайкин Верх, к. 2, может быть отнесен к данной хронологической подгруппе.

Бляшки в виде руки используются, но появляются новые изделия в виде, по мнению А. Д. Могилова, лапы кошачьего хищника (рис. 10: 3) (Могилов 2008, с. 322, рис. 103: 13—18).

Известны бронзовые подвески-кольца, украшенные тремя шариками зерни [1] (Мгарский курган (рис. 11: 6), Басовка А). Использование строенных шариков зерни для декора бронзовых изделий будет характерно для конца V — первой половине IV вв. до н. э., особенно, на подпружных пряжках (Бидзиля, Полин 2012, с. 190—194).

Наборы из длинных бронзовых булавок, ручных и ножных массивных браслетов зафиксированы фактически лишь в посульских погребениях данной хронологической подгруппы (Стайкин Верх, к. 3, Мгарский курган (рис. 11: 6), Аксютинцы, к. 1/1886, Басовка А, Волковцы, к. 4/4 (раскопки И. А. Линниченко).

В погребениях данной группы появляется значительное количество золотых украшений, которое для ДлЛ практически в семь раз превосходит аналогичное в захоронениях подгруппах 1а—2а группы II (490/480—440/430 гг. до н. э.).

Золотые серьги в виде перевернутых конусов зафиксированы лишь в Посулье (Мгарский курган (пара) (рис. 11: 6), Стайкин Верх к. 3 (одна серьга (рис. 11: 4), Волковцы к. 4/4 Линниченко (5 изделий с перевернутым конусом и 1 калачиковидная серьга) [2]. Интерес вызывает непарность подобных редких украшений в двух последних комплексах. Можно предполагать их комплектность, а о вариантах получения одной серьги женщиной из Стайкиного Верха и замещении ее калачиковидной серьгой погребенной в Волковцах мы можем лишь догадываться. Ясно лишь одно — комплексы фактически одновременны, а два разных типа сережек сосуществовали. Конусовидные (колокольчиковидные по Б. Н. Мозолевскому) подвески и калачиковидная серьга были найдены в Малом Чертомлыке [3] (рис. 10: 4) (Мозолевский 1987). Калачиковидные серьги продолжают изготавливаться вплоть до середины IV в. до н. э. и продолжают использоваться в третьей четверти данного столетия (Бессонова 2007, с. 16).

В комплексах данной подгруппы появляются золотые бляшки в виде зайца в профиль (Мгарский курган (рис. 11: 6), Дедова Могила, к. 4, Бабы, Басовка курган А) и с повернутой в фас головой [4] (Стайки Верх, к. 3), которые будут массово представлены в следующей подгруппе.

Интересны рубчатые бусины из золотой фольги (рис. 11: 6), которые массово распространяются с данного времени (последняя треть V в. до н. э.). В комплексах середины — третьей четверти V в. до н. э. известны бусы из непрозрачного стекла, сердолика и других материалов в золотой оправе, зачастую орнаментированной (Великая Знаменка, к. 13, Бабы), которые являются вероятными прототипами полых штампованных украшений рассматриваемого периода. В Малом Чертомлыке оба типа бусин обнаружены вместе (рис. 10: 4) (Мозолевский 1987, с. 72).

В комплексах данного периода хорошо известны золотые или электровые перстни-печати с плоским листовидным щитком с гравированными изображениями (Малый Чертомлык (рис. 10: 4), Близнец 2 (рис. 10: 5). Уникальное ожерелье из золотых круглых бусин, лунниц и подвесок с пирамидками зерни происходит из погребения 4 кургана 4 у с. Волковцы. Аналогии подвескам имеются в Передней Азии (Клочко 2017, с. 41), что может говорить о том, что часть золотых украшений V в. до н. э. из скифских погребений была изготовлена в Передней и Малой Азии. Данная тема перспективна для дальнейшей разработки.

III ГРУППА [5], ПОДГРУППА 3А (420/400 [6]—380/375 гг. до н. э.)

Данная хронологическая подгруппа комплексов соответствует погребениям Солохи и ранним комплексам группы / пласта А памятников Классической Скифии по А. Ю. Алексееву (Алексеев 2003, с. 276—277). Большинство комплексов невозможно на сегодня датировать более узко. Кроме того, часто ранние комплексы данной подгруппы сложно отделить от подгруппы 2в, что естественно для переходных периодов, когда идет постепенная смена ве-

1. Данные изделия не связаны с отдаленно их напоминающими изделиями раннескифского времени.
2. Л. С. Клочко правомерно считает их локальными индикаторами Посулья (Клочко 2017, с. 38). Данные украшения позволяют говорить об изготовлении на заказ представителей лесостепной аристократии небольших серий украшений.
3. Конусовидные изделия не идентичны и уникальны, хотя подобная форма в другие периоды не получила распространения среди населения Северного Причерноморья. Несколько более ранние конические подвески известны в Великой Знаменке, к. 13.
4. В. А. Ильинская отдавала предпочтение кошачьему хищнику в трактовке данного изображения (1968, с. 29).
5. Выделена А. Ю. Алексеевым для памятников преимущественно V в. до н. э. (Алексеев 2003, с. 276).
6. Датировка погребений Солохи приводится по А. Ю. Алексееву (Алексеев 2003, с. 260—261, 296), хотя весьма вероятно, что дата основного погребения в приведенном диапазоне все же ближе к концу столетия (410—400 гг. до н. э.) (Алексеев 2003, с. 260).

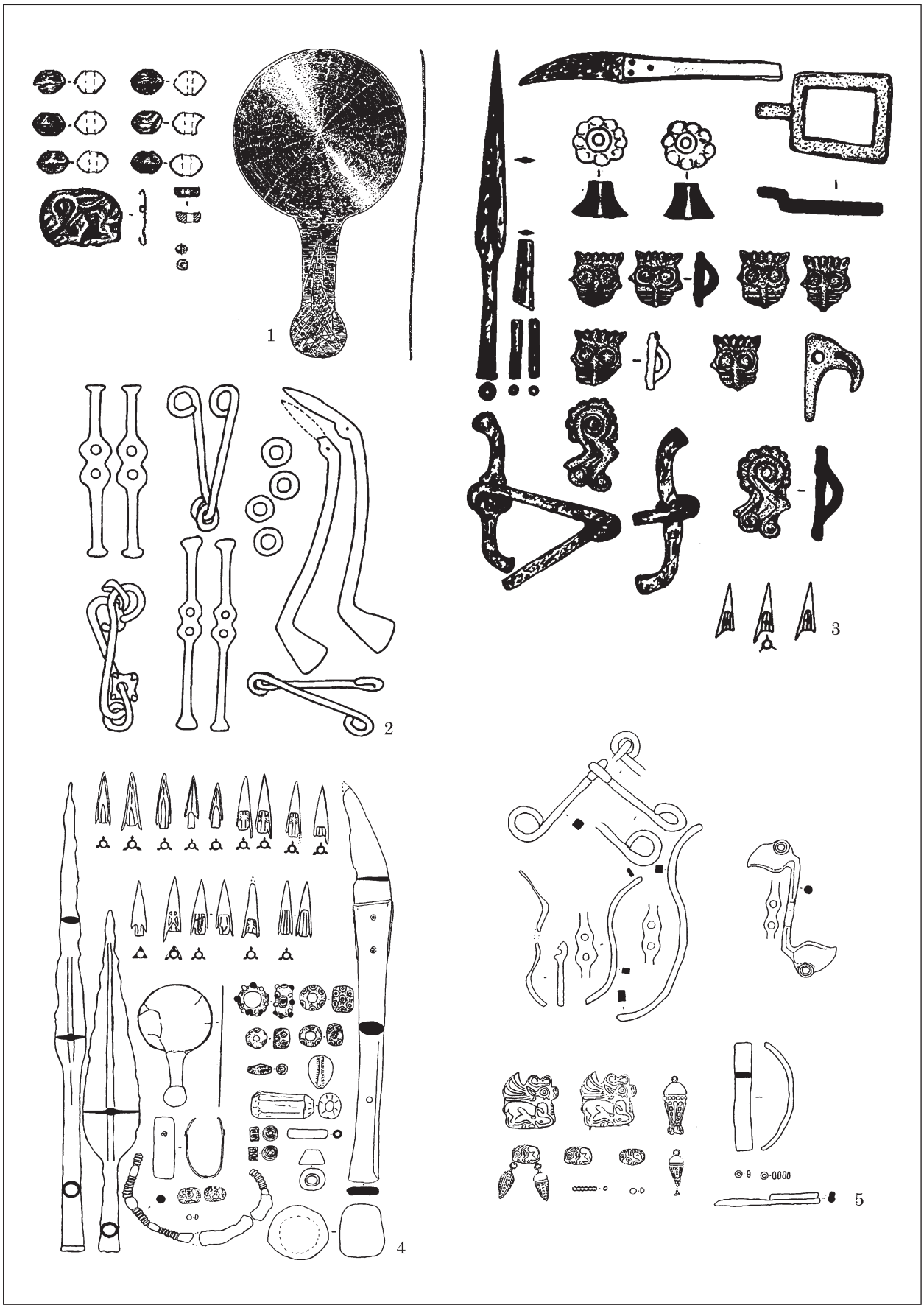

Рис. 12. Материалы из комплексов подгруппы 3а, группы III; 1 — Перещепино, к. 2/2002; 2 — Перещепино, к. 2; 3 — Малая Рогозянка I, к. 2; 4 — Песочин, к. 25; 5 — Песочин, к. 2 (составлено по (Шрамко 1994b; Бандуровский, Буйнов 2000; Бабенко 2005; Кулатова, Супруненко 2010). Масштаб произвольный

щевого комплекса. Вероятно, по этой причине все комплексы Посулья с мечами типа Солохи (Стайкин Верх, к. 3, Аксютинцы, к. 2 (1883—1885 гг.) попали в предыдущую подгруппу, а в данной — комплексы из данного региона не представлены. При этом, перещепинский комплекс к. 3/2 с аналогичным мечом не может быть датирован ранее конца V — начала IV вв. до н. э. (Шрамко 1994). Детали узды посульских комплексов подгруппы 2в группы II бытуют, как минимум, до времени совершения основного погребения Солохи, что не позволяет исключать некоторое омоложение части погребений данной подгруппы, особенно, к. 2 у с. Аксютинцы (1883—1885 гг.).

Для комплексов ДлЛ основными хронологическими индикаторами являются предметы античного импорта (амфоры Гераклеи, Менды, краснофигурные арибаллические лекифы), мечи типа Солоха, золотые бляшки аналогичные хорошо датированным комплексам Степи.

Базовыми степными комплексами подгруппы 3а являются: первичное и впускное погребения Солохи, Корнеевка, к. 2, Двугорбая Могила, Богдановка к. 3 [1], Первомаевка II, к. 4 (390/380 (Полин 2014, с. 259—261), основное погребение Гайманової Могилы (390—380 гг. до н. э.) (Бидзиля, Полин 2012, с. 510).

Относительно более архаичными в подгруппе 3а лесостепными комплексами являются курганы Перещепинского могильника (конец V — начало IV вв. до н. э.) — к. 2/2001 (рис. 4: 2), к. 2/2002 (рис. 12: 1) (Махортых 2012) [2].

Несколько моложе (конец V — первая четверть IV) могут быть датированы комплексы погребений — Малая Рогозянка I, к. 2 (рис. 12: 3), Перещепино, к. 7 (рис. 7: 2), к. 1/2001 (рис. 7: 1), 2/1, 3/1, 3/2 (рис. 4: 1), 4, Осняги, к. 4 (рис. 9: 2), 5 (рис. 5: 2), 7, 17, 18, Скоробор, к. 11 (рис. 6: 1), 16, 17 (рис. 6: 2), 19, группа Б, к. 1 (рис. 7: 3), 2 (рис. 8: 2), Олефирщина, к. 15 (рис. 9: 1) [3], 16.

Изделия из золота составляют довольно монолитный набор украшений. Распространяются, появившиеся в предыдущей подгруппе, бляшки в виде зайца (Басовка А (Галанина 1977, табл. 21: 16), Скоробора, к. 19 (рис. 7: 4) (Шрамко 1987, с. 148, рис. 40: 2), Песочин, к. 2 (рис. 12: 5) (Бабенко 2005), Перещепино, к. 2/2002 (рис. 12: 1) (Кулатова, Супруненко 2010, с. 114) и грифонов (?) (Осняги к. 5 (рис. 5: 2), Олефирщина к. 15 (рис. 9: 1), Песочин к. 2 и 25 (рис. 12: 4—5), Перещепино, к. 1/2001 (рис. 7: 1), в форме человеческой головы в фас [4] (Осняги, к. 5 (рис. 45: 2), группа Б, к. 2 (рис. 8: 2), рубчатые бусины (Перещепино к. 1/2001 (рис. 7: 1), к. 2/2001 (рис. 4: 2), группа Б, к. 1 (рис. 7: 3). В песочинском кургане 2 найдены бляшки в виде оленя и сетчатое украшение из трубочек и подвесок-бутонов аналогичные найденным во впускном погребении Солохи (Бабенко 2005, с. 160). Аналогичная бляшка в виде оленя выявлена в Великой Багачке (рис. 7: 3) (Мурзин, Шелехань 2018, с. 68—69).

Золотые треугольные бляшки из трех розеток известны в к. 2/2001 Перещепинского могильника (рис. 4: 2) (Кулатова, Супруненко 2010, с. 98) аналогичны изделиям из Богдановки, к. 3/2 и Бердянського кургана (Битковский, Полин 1987, с. 81; Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017).

Калачиковидная серьга в к. 5 Оснягов (рис. 5: 2) относится к типу 9 и была отнесена С. С. Бессоновой к концу V — началу IV вв. до н. э. (Бессонова 2007, с. 11).

Про богатство бельского некрополя говорят находки в разграбленных погребениях серебряного ритона (Скоробор, к. 17) с золотыми деталями (рис. 6: 2) и плетенной цепочки-гривны вместе с фрагментами меча типа Солохи (Скоробор 11/1975 (рис. 6: 1). Плетенная гривна в виде узкого шнура в один ряд косичек без застежек характерна для ранней группы изделий V — начала IV вв. до н. э. и близка по времени изделиям из к. 2/2 Корнеевки и Любимовки, к. 38/2 (Кубишев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 73—75).

Колчанные наборы в последней трети V — IV вв. до н. э. комплектовались достаточно случайным образом (Мозолевский, Полин 2005 с. 347) и, зачастую, не могут помочь в уточнении датировок комплексов данного хронологического диапазона.

Псалии в данный период имеют в основном S-видную форму и связаны с изделиями происхождением с изделиями подгуппы 2в группы II. Концы бронзовых (основное погребение Солохи) или железных (Гайманова Могила) изделий украшены шариками или зооморфными изображениями (основное погребение Гай-

1. Дискуссия о времени совершения захоронения см.: Полин 2014, с. 246—252. Более широкая датировка данного комплекса концом V — началом IV вв. до н. э. не влияет ровным счетом ни на что, а желание ограничить датировку ровными датами (столетиями или их половинами) является субъективным.
2. До публикации хиосской амфоры из к. 13 Перещепинского могильника нельзя точно отнести данное погребение к данному периоду (Махортых 2012). Весь комплекс находок говорит в пользу его отнесения к более раннему времени (подгруппе 2в, а возможно, и финалу подгруппы 2б (Г-образные псалии, меч, ворворка).
3. В публикации определена как амфора неизвестного центра (на усеченно-конической ножке (подражание лесбосским) (Кулатова, Луговая, Супруненко 1993, с. 43). По форме можно предположить ее принадлежность мендейской амфоре типа II варианту В (портичелло) и датировать первыми двумя десятилетиями IV в. до н. э. (Монахов 2003, с. 91—92, табл. 63: 3).
4. Близкие изделия известны в хорошо датированном погр. 2/3 у с. Богдановка (Битковский, Полин 1987, с. 81).

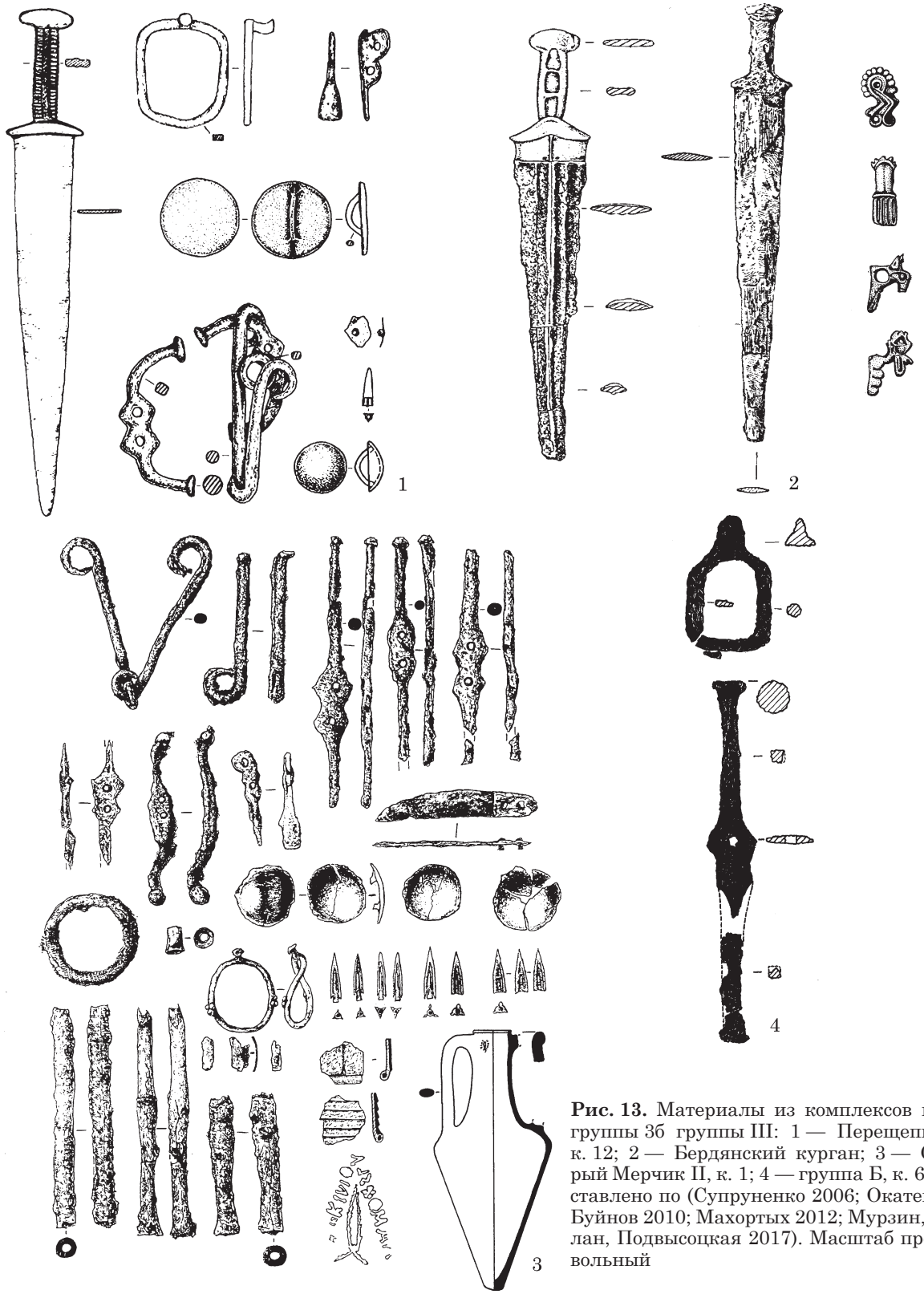

Рис. 13. Материалы из комплексов подгруппы 3б группы III: 1 — Перещепино, к. 12; 2 — Бердянский курган; 3 — Старый Мерчик II, к. 1; 4 — группа Б, к. 6 (составлено по (Супруненко 2006; Окатенко, Буйнов 2010; Махортых 2012; Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017). Масштаб произвольный

мановой Могилы), которые, как и аналогичные изделия, могут датироваться не позднее 380-х гг. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 219).

В Гайкановой могиле известны и бронзовые псалии S-видной формы, аналогии которым в Лесостепи отсутствуют (Бидзиля, Полин 2012, с. 214), хотя подобные железные изделия все же известны (Могилов 2008, с. 36—37).

Биметаллические псалии S-видной формы с бронзовыми элементами (Стайкин Верх 3 (рис. 11: 4). В целом наибольшее распространение железные S-видные с бронзовыми элемен-

тами псалии (шарики и зооморфные окончания) получили в первой половине IV в. до н. э. Со времени Толстой Могилы бронзовыми шариками декорировались уже прямые псалии (Бидзиля, Полин 2012, с. 207, 209).

Железные стержневидные псалии хорошо известны в Богдановке, к. 3/1, Перещепинском могильнике в к. 2/93, 7 (рис. 7: 2), 1/2001 (рис. 7: 1), 2/1980 (рис. 12: 2) и совстречаются с изделиями S-видной формы (Бидзиля, Полин 2012, с. 228).

Высокие усеченно-конические ворворки с вогнутыми боками окончательно выходят из употребления. Их заменяют низкие экземпляры близкой формы.

Подпружные пряжки известны еще в подгруппе 1б группы II (Песочин к. 5, Коротич и др. (Гречко 2017, с. 93, рис. 8: 1, 4). В данный период появляется серия бронзовых прямоугольных пряжек с язычком (Перещепино, к. 7 (рис. 7: 2), Осняги, к. 5 (рис. 5: 2), Малая Рогозянка 1, к. 2 (рис. 12: 3), Черемушная, к. 10) (Мурзин 1995; Шрамко 1987; Бандуровский Буйнов 2000; Гречко 2010, с. 245, рис. 98: 35) и достаточно многочисленная группа железных подпрямоугольных изделий с язычком (Скоробор, к. 17 (рис. 6: 2), Осняги, к. 5 (совстречаются с бронзовой (рис. 5: 2), Золочевское (Шрамко 1987; Гречко 2010, с. 256, рис. 109) [1].

Бронзовые пряжки округлой формы с язычком известны в памятниках конца V — начала IV вв. до н. э. (Осняги, к. 7 (Шрамко 1987). Аналогии есть в Солохе (Манцевич 1987, кат. 111). Подобный тип бронзовых подпружных пряжек начал использоваться в подгруппе 1б группы II и хорошо известен в комплексах последней трети V — начала IV вв. до н. э. (Скифская могила, Русская Тростянка, к. 14) (Скорый, Хохоровски 2008; Пузикова 2001).

Бронзовые круглые подпружные пряжки с кнопкой и шариками зерни хорошо известны (тип Гайманова Могила по С. В. Полину). Данный тип, вероятно, появился в конце V — начале IV в. до н. э. (Бобрица к. 31 [2]) и мог использоваться до третьей четверти IV в. до н. э. (Старый Мерчик группа II, к. 1 (рис. 13, 3), Волковцы, к. 1/ 1897 г. [3]) (Бидзиля, Полин 2012, с. 191—193).

С данного периода (конец V — начало IV вв. до н. э.) появляются бронзовые пряжки в виде кольца с рамкой для крепления повода к удилам (Ильинская 1968, с. 116; Бидзиля, Полин 2012, с. 204—205). Среди конской сбруи, связанной с первичным захоронением Солохи, подобная пряжка имеет не треугольную, а ближе к прямоугольной форму рамки (Манцевич 1987). Пряжки, связанные с впускным погребением Солохи и основным Гаймановой Могилы уже имеют треугольную форму рамки. В начале третьей четверти IV в. до н. э. подобные пряжки выходят из употребления, а начинают господствовать железные изделия с кольцом, надетым на удила, и перпендикулярной рамкой (Бидзиля, Полин 2012, с. 204—205).

Среди наборов узды известны нащечники в виде стилизованного бедра животного, нижние части двух «лап» которых оформлены в виде завитков. Подобные изделия были выявлены в захоронении конца V — первой четверти IV в. до н. э. в могильнике Малая Рогозянка 1, к. 2 (рис. 12: 3) (Бандуровский, Буйнов 2000). Аналогии данным нащечникам относятся к первыми двумя десятилетиями IV в. до н. э. и происходят из кургана 14 возле с. Русская Тростянка [4], к. 26 и 29 [5] могильника Колбино I на Среднем Дону и в кургане 2 у с. Петровка (Пузикова 2004; Шевченко 2009, с. 38—40; Братченко, Швецов, Дубовская 1989, с. 173) и Бердянском кургане (рис. 13: 2) (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017). Подобные изделия можно считать генетически связанными с реалистичными бляхами в виде двух задних лап животного, которые относятся к середине — второй половине V в. до н. э. Общая тенденция к схематизации формы уже отмечалась исследователями (Ильинская 1968, с. 132—133).

Несколько более поздним временем датируется тип нащечников в виде одной конечности без завитков («медвежья лапа») (впускное погребение Солохи, Чертомлык) (Манцевич 1987, кат. 91, 109; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, рис. 54: 6). Данный тип нащечников использовался, начиная со времени совершения впуск-

1. Близкую форму имеет железная подпружная пряжка из Скифской Могилы (последняя треть V в. до н. э.), при этом язычок загнут в другую сторону, что, безусловно, выделяет ее среди подобных изделий (Скорый, Хохоровски 2008, с. 138, рис. 4: 4).
2. Датируется по клеймленой гераклейской амфоре. Terminus post quem для комплекса и типа пряжек зависит от мнения исследователя о начале клеймления амфор в Гераклее.
3. Канфаровидный килик из Волковцы, к. 1 (1897) невозможно поместить в период исключительно до середины IV в. до н. э., поскольку именно эта форма широко используется и во второй половине столетия. Благодарю Н. И. Сударева за консультации. В целом, вероятно, к данному «комплексу» надо относиться осторожно. С. В. Полин справедливо отмечает, что: «Все это вызывает большое предубеждение к достоверности состава старых комплексов из Лесостепи в целом и огромные сомнения по составу комплексов, попавших в коллекцию Ханенко, и среди них кургана 1 у с. Волковцы (1897) в особенности» (Полин 2014, с. 219).
4. В публикациях датируется второй половиной V в. до н. э., а центр определяется между Мендой и Фасосом (Пузикова 2001, с. 134). По форме можно предположить ее принадлежность мендейской амфоре типа II варианту В (портичелло) и датировать первыми двумя десятилетиями IV в. до н. э. (Монахов 2003, с. 91—92).
5. Датируется по гераклейской амфоре с клеймом фабриканта Архестрата 390—380 гг. до н. э. (Шевченко 2009, с. 40).

ного погребения Солохи и основного Гаймовой Могилы и до третьей четверти IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 200—202). Выше перечисленные нащечники могут представлять одну генетическую линию развития подобных деталей узды.

В захоронении Малая Рогозянка 1, к. 2 входили бляшки украшены изображением фантастического существа и стилизованной головы животного с ушами (рис. 12: 3) (Бандуровский, Буйнов 2000). Аналогии бляшкам в Лесостепи неизвестны. Идентичные изделия найдены в захоронении 2 кургана 4 у с. Первомаевка на Херсонщине, которое датируется первой четвертью IV в. до н. э. (Евдокимов, Фридман 1987, с. 104, рис. 16: 2).

Среди нахрапников появляются новые типы. Изделия со скульптурным изображением травоядного животного (оленя?) (Осняги, к. 4 (рис. 9: 2), Песочин, к. 9) связаны с изделиями подгруппы 2в группы II (Стайкин Верх, к. 2).

Группа нахрапников с различными вариантами изображениями головки орла (рис. 9: 2) генетически связана с более ранней. Часть орлиноголовых становятся более стилизованными (рис. 12: 3) и их правомерно А. Д. Могилов называет клювовидными (Могилов 2008).

В к. 1/2001 Перещепинского могильника был найден нахрапник в виде головы лося (?) (рис. 7: 1) (Кулатова, Супруненко 2010, с. 68—69). Аналогии в Лесостепи отсутствуют.

На последнюю треть V — первую треть IV вв. до н. э. приходится пик богатства некрополей Поворсклья [1], как по количеству комплексов, так и по размерам погребальных сооружений и составу инвентаря.

ПОДГРУППА 3Б / III ГРУППА (380/365 [2]—360/350 гг. до н. э.)

Данная подгруппа занимает хронологическую позицию между впускным погребением Солохи и началом периода 8 в истории Европейской Скифии А. Ю. Алексеева, который связан с внешними войнами и появлением новых групп кочевников с востока (Алексеев 2003, с. 27—28). Данный период характеризуется отсутствием данных о династической истории Скифии между Октамасадом и Атеем, и, возможно, внутренними конфликтами (Алексеев 2003, с. 237—238) [3]. Подгруппа представлена поздними комплексам группы / пласта А памятников Классической Скифии (Алексеев 2003, с. 276—277).

Данная подгруппа сложна в выделении (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 116). В ней наиболее ранним можно считать Бердянский курган. Его датировка С. Ю. Монаховым, по моему мнению, наиболее точно отражает его хронологическую позицию (370—365 гг. до н. э.) (Монахов 2003, с. 67—68) [4]. Новый тип меча и ряд особенностей материального комплекса позволяют считать его следующим после впускного погребения Солохи, открывающим новую подгруппу памятников Классической Скифии [5]. К данному горизонту относится Северная гробница Гаймановой Могилы (вторая четверть IV в. до н. э.) (Бидзиля, Полин 2012, с. 596). Кроме того, базовыми комплексами Степи для данного горизонта можно считать Красный Подол 1, к. 2 (Полин 2014, с. 252—255), Первомаевка II, к. 4/1 (365—360 гг. до н. э.) (Полин 2014, с. 259), Братолюбовский курган.

В Лесостепи надежно датированных комплексов данной хронологической подгруппы немного: Старый Мерчик группа II, к. 1 (370-е годы до н. э.) (рис. 13: 3) (Окатенко, Буйнов 2010, с. 83), Перещепино, к. 12 (рис. 13: 1) (Махортых 2012) и, вероятно, к. 6 группы Б (рис. 13: 4) (Супруненко 2006).

В это время появляется серия мечей (Бердянский курган (рис. 13, 2), Перещепино, к. 12 (рис. 13: 1), которая является переходной от солохинского типа к чертомлыкскому. Форма их рукояти стоит ближе к чертомлыкской серии, а форма клинка, безусловно, характерна для серии Солохи. Д. Топал их относит к типу Чертомлык (Топал 2014, рис. 3: 12—13). По моему мнению, их стоит выделить в отдельный (бердянский?) тип.

В данный период продолжают использоваться подпружные пряжки типа Гаймановой Могилы (Старый Мерчик группа II, к. 1 (рис. 13: 3). Железная подпружная пряжка с вертикальным немного загнутым вперед язычком найдена в к. 12 Перещепинского могильника вместе с мечом и железными С-видными псалиями (рис. 13: 1) (Махортых 2012). С. В. Полин считает, что железные и бронзовые пряжки круглой формы сменяются прямоугольными после середины IV в. до н. э. (Полин 2014, с. 386). С этого времени (второй четверти — середины IV в. до н. э.) распространение получают железные

1. В Посулье известны три аристократических кургана (Аксютинцы, к. 5/1905 г. (С. А. Мазараки) и у с. Будки (1897—1898 гг. С. А. Мазараки) середины — третьей четверти IV в. до н. э. Среди них выделяется волковецкий курган 1 (1897—1898 гг. С. А. Мазараки) высотой 13,5 м. Судя по наборам конской узды, данный комплекс может датироваться около середины IV в. до н. э. (Полин 2014, с. 288).
2. Датировка Бердянского кургана по А. Ю. Алексееву (2003, с. 296).
3. С 360-х годов до н. э. Атей начинает активную политику на юго-западе Скифии. Дискуссионными являются масштабы власти данного степного владыки (см. подробнее: Алексеев 2003, с. 225).
4. С. В. Полин датирует курган временем около 380—370 гг. до н. э. Дискуссию см.: Полин 2014, с. 263—268.
5. Следуя периодизации А. Ю. Алексеева, ее можно назвать А2.

Эволюция некоторых типов материальной культуры в последней трети V — первой половине IV вв. до н. э.

Подгруппа	Маркеры	Посттипы	Инновации	Базовые комплексы
Группа II, подгруппа 2в (430/420— 410-е)	Хиос III-С- 2 и IV	Высокие ворворки, трехлопастные наконечники стрел стройных пропорций, замочки, бляхи-кисти, бляхи в виде головы лося (типа Скифской Могилы). Круглые бляшки с рубчатыми краями *	Мечи типа Солохи, бляшки в виде лапы кошачьего хищника (типа Малая Цимбалка), низкие усеченно конические ворворки. S-видные псалии, стержневидные железные двухдырчатые псалии, нахрапники в виде головы хищной птицы с удлиненным основанием, бляшки в виде человеческой кисти, наборы бронзовых ножных и ручных браслетов и булавок в Посулье, золотые бляшки в виде зайцы, человеческого лица в фас, рубчатые полые бусины	Малая Цимбалка, Близнец 2, Турецкая Могила, Скифская Могила, Гладковщина, Стайкин Верх, к. 2, 3, Аксютинцы, к. 2 (1883—1885 гг.)
3а (420/400 —380/375)	Гераклейские пифоидные амфоры, фасосские биконические амфоры, амфори Менди типа II, чернолаковые килики, краснофигурные арибалличекие лекифы	Мечи типа Солохи,бронзовые трехгранные и трехлопастные наконечники стрел, бляшки в виде лапы кошачьего хищника (типа Малая Цимбалка), низкие усеченно конические ворворки. S-видные псалиив том числе с зооморфними окончаниями, стержневидные железные двухдырчатые псалии, биметаллические псалии, нахрапники в виде головы хищной птицы, бляшки в виде зайцы, человеческого лица в фас, рубчатые полые бусины	Подпружные бронзовые пряжки с язычком прямоугольной формы, подпружные пряжки типа Гайлановой Могилы, железные подпружные с язычком. Золотые бляшки в виде оленя (типа Солохи), треугольные бляшки из трех розеток и др.	Первичная и впускная гробницы Солохи, Корнеевка, к. 2, Малая Рогозянка 1, к. 2, Перещепино, к. 2/2001, 2/2002, 2001/1, 2/1, 3/1, 3/2, 4/1, Осняги, к. 4/1, 5, 7, 17,18, Скоробор, к. 11, 16, 17, 19, группа Б, к. 1, 2, Олефирщина, к. 15, 16
3б (380/365— 360/350)	Античный импорт	Бронзовые нахрапники разных типов, стержневидные железные двухдырчатые псалии, биметаллические псалии, подпружные пряжки типа Гайлановой Могилы	Мечи типа Бердянского кургана, железные подпружные пряжки с кнопкой, железные наносники	Бердянский курган, Старый Мерчик II, к. 1, Перещепино, к. 12

* Генетически связаны с бляшками-розетками.

подпружные пряжки с кнопкой прямоугольной формы (Братолюбовский курган, группа Б, к. 6 (рис. 12: 4) (Бидзиля, Полин 2012, с. 409).

В данный период появляются железные нахрапники с плоским щитком и петлей, которая является стилизованным изображением клюва (Перещепино, к. 12 (рис. 13: 1), Старый Мерчик группа II, к. 1 (рис. 13: 3).

С. С. Бессонова справедливо отмечает, что вторая четверть IV в. до н. э. является периодом «затухания» значительной части характеристик классической культуры Скифии. Например, исчезновение традиции создания сосудов с накладными металлическими украшениями (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 87).

* * *

Рассматриваемый период в истории населения Степи и Лесостепи Восточной Европы является не самым запутанным при реконструкции основных этнокультурных процессов (таблица). Это обусловлено стабилизацией военно-политической обстановки и непрерывным развитием населения в регионе (Алексеев 2003, с. 29—30, табл. 2). Отсутствие значительных миграций в данное время также способствует отсутствию остроты в дискуссиях. Хронология базовых комплексов также в целом не вызывает особенных вопросов, а их удревнение на одно—два десятилетия, зачастую перенапрягают источник.

Для земледельческого населения Лесостепи вхождение в состав Скифии не позднее конца первой трети V в. до н. э. принесло существенные изменения: сократилось число городищ, поселений с зольниками, при продолжении активного функционирования нескольких укреплений и широком распространении сезонных поселений. Все это происходило на фоне увеличения подвижности части земледельческого населения и инфильтрации части степного населения в регион.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1995. Погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И. Е. Забелина в 1868 г.). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 32, с. 53-59.

Алексеев, А. Ю. 2013. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю, Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.

Бабенко, Л. И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: Райдер.

Бандуровский, А. В., Буйнов, Ю. В. 2000. *Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант)*. Киев: ИА НАНУ.

Бессонова, С. С. 2007. Калачиковидные серьги и греко-варварские контакты VII—IV вв. до н. э. *Боспорские исследования*, XVI, с. 3-29.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.

Білинський, О. О., Кабанов, Д. О. 2015. Пам'ятки скіфського часу у верхів'ях Псла. *Археологія і давня історія України*, 4 (17), с. 122-127.

Битковский, О. В., Полин, С. В. 1987. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V—IV вв. до н. э.). В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 74-85.

Бойко, Ю. Н., 1996. Приднепровская Лесостепь и кочевники скифского времени: факторный дистанционно-динамический вариант модели. В: Супруненко, А. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археолоія, с. 268-279.

Бойко, Ю. Н. 1999. Меридиально ориентированные погребения Приднепровской лесостепи скифского времени. *Древности 1997—1998*, с. 59-78.

Братченко, С. Н., Швецов, М. Л., Дубовская, О. Р. 1989. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца. *Советская археология*, 1, с. 170-177.

Виноградов, Ю. А., Марченко, К. К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации. *Советская археология*, 3, с. 45-57.

Гавриш, П. Я. 2000. *Племена скіфського часу в Лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля)*. Полтава: Археологія.

Галанина, Л. К. 1977. *Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная* коллекция *Н. Е. Бранденбурга)*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—33.

Гейко, А. В. 1997. Кераміка скіфського часу Свиридівського городища. *Археологія*, 2, с. 106-111.

Гейко, А. В. 2000a. Археологічна діяльність С. О. Мазаракі в контексті вивчення поховальних пам'яток Посулля. В: Супруненко, А. Б. (ред.). *Музеї. Меценати. Колекції*. Київ; Полтава: Археологія, с. 91-100.

Гейко, А. В. 2000b. Городище раннього залізного віку поблизу с. Глинськ. *Археологія*, 3, с. 149-153.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ: ІА НАНУ.

Гречко, Д. С. 2012. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории. *Stratum plus*, 3, с. 75-106.

Гречко, Д. С. 2013. О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре. *Stratum plus*, 3, с. 133-154.

Гречко, Д. С. 2016a. От Архаической Скифии к Классической. *Археологія і давня історія України*, 2, с. 33-60.

Гречко, Д. С. 2016b. Классическая Скифия: начало (последние десятилетия VI — первая четверть V в. до н. э.). *Revista arheologică*, XII, 1—2, с. 145-168.

Гречко, Д. С. 2017. О формировании Классической Скифии в V в. до н. э. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 78-106.

Гречко, Д. С. 2018. Поховальний обряд населення Дніпровського Лісостепового Лівобережжя ранньоскіфського часу: варіант аналізу. *Археологія і давня історія України*, 1 (26), с. 20-44.

Гречко, Д. С., Шелехань, А. В. 2012. *Гришковский могильник скифов на Харьковщине*. Киев: ИА НАНУ.

Гречко, Д. С., Крютченко, О. О., Ржевуська, С. С. 2018. Більська археологічна експедиція Інституту археології НАН України: дослідження 2014—2018 рр. *Феномен Більського городища — 2018*, с. 48-71.

Григорьев, В. П. 1994. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов*. Киев: ИА НАНУ, с. 63-79.

Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 72-97.

Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1991. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 85-115.

Еременко В. Е. 1997. Относительная и абсолютная хронология Европейской Скифии: взгляд со стороны. *Stratum plus*, с. 44-62.

Жаров, Г. В., Терпиловський, Р. В. 2006. Дослідження пам'яток скіфського та римського часу у Верхньому Посуллі. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1, с. 89-99.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья*, Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Каравайко, Д. В. 2018 О трёх городищах скифского времени Путивльского Посеймья. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 264-286.

Кац, В. И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Симферополь; Керчь. Боспорские исследования, XVIII.

Клочко, Л. С. 2017. Особливості костюмів скіф'янок на землях Посулля. *Археологія*, 3, с. 37-54.

Ковалев, Н. В., Полин, С. В. 1991. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 33-53.

Коваленко, О. В., Луговий, Р. С. 2006. Курган V ст. до н. е. поблизу селища Опішне Полтавської області: попередні результати дослідження. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 2, с. 52-63.

Кубышев, А. И., Бессонова, С. С., Ковалёв, Н. В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: ИА НАНУ.

Кулатова, И. Н., Луговая, Л. Н., Супруненко А. Б. 1993. *Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла*. Москва; Полтава: ПКМ.

Кулатова, И. Н., Супруненко, А. Б. 1996. Первый Мгарский курган. В: Супруненко, А. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток ран-*

нього залізного віку Східної Європи. Полтава: Археологія, с. 318-338.

Кулатова, І. М., Супруненко, О. Б. 2010. *Кургани скіфського часу західної округи Більського городища*. Київ: ЦП НАН України і УТОПіК.

Лейпунська, Н. О. 1989. До питання про хронологію деяких античних матеріалів у скіфських пам'ятках. *Археологія*, 2, с. 107-115.

Луговий, Р. С., Верещака, В. М. 2006. Неукріплені поселення скіфського часу середньої та нижньої течії Сули. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 2, с. 68-72.

Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха.* Ленинград: Искусство.

Махортых, С. В. 2012. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска. *Stratum plus*, 3, с. 145-160.

Махортых, С. В. 2013. Погребальные сооружения и обряд курганных некрополей Бельского городища. *Stratum plus*, 3, с. 223-256.

Махортых, С. В., Ролле, Р. 2015. Изображения редуцированной лапы животного и кисти человеческой руки в искусстве степной и лесостепной Скифии. *Stratum plus*, 3, с. 183-204.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у східноєвропейському Лісостепу.* Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

Мозолевский, Б. Н. 1987. Малый Чертомлык. В: Черненко? Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 63-74.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна, и Соболева Могилы).* Киев: Стилос.

Мокляк, В. О. (ред.). 2007. *Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область, Новосанжарський район*. Полтава: Дивосвіт.

Монахов, С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель.* Москва; Саратов: Киммерида; Саратовский университет.

Мурзін В. Ю., Ролле Р., Скорий С. А. 1995. Дослідження Перещепинського курганного могильника. *Археологія*, 2, с. 63-72.

Мурзин, В. Ю., Белан, Ю. А., Подвысоцкая, Е. П. 2017. *Бердянский курган (погребальный комплекс скифского аристократа IV в. до н. э.).* Киев: Олег Філюк.

Мурзин, В. Ю., Шелехань, О. В. 2018. Скіфський курган у середній течії р. Псел. *Старожитності Лівобережжя Дніпра — 2017*, с. 61-73.

Окатенко, В. М., Буйнов, Ю. В. 2010. Курган з похованнями скіфського типу біля Старого Мерчика. *Археологія*, 1, с. 78-90.

Окатенко, В. Н., Скорый, С. А. 2017. Скифский курган «Турецкая Могила» в бассейне Северского Донца. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 311-334.

Пеляшенко, К. Ю. 2014. Ліпний посуд із поховань скіфського часу Дніпро-Донецького Лісостепу. *Археологія*, 2, с. 36-50.

Плетнева, С. А. 1982. *Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей.* Москва: Наука.

Плешивенко, А. Г. 1991. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье. *Древности степного Причерноморья и Крыма*, II, с. 143-152.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филюк.

Пузикова, А. И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов).* Москва: Индрик.

Ромашко, В. А., Скорый, С. А. 2009. *Близнец 2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье*. Днепропетровск: Пороги.

Скорый, С. А. 1997. *Стеблев: скифский могильник в Поросье*. Киев: ИА НАНУ.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: ИА НАНУ.

Скорый, С. А., Хохоровски, Я. 2009. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь). *Stratum plus*, 3, с. 234-276.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2008. Конское снаряжение из кургана Скифская Могила. В: Посохов, С. И. (ред.). *Проблемы археологии Восточной Европы*. Харьков: Курсор, с. 132-141.

Супруненко О. Б. 1996. Розкопки Більського курганного некрополю «Б». В: Супруненко, А. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археологія, с. 88-120.

Супруненко, О. Б. 2006. Поховання Більського курганного некрополю «Б» (за розкопками 1995 р.). *Археологічний літопис Лівобережної України*, 2, с. 114-122.

Топал, Д. А. 2014. Акинаки классической Скифии*:* тип Солоха. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 380-406.

Фиалко, Е. Е. 1994. *Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи*. Киев: ИА НАНУ.

Фиалко, Е. Е. 2006. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов. В: Петренко, В. Г., Яблонский, Л. Т. (ред.). *Древности скифской эпохи*. Москва: ИА РАН, с. 351-387.

Шевченко, А. А. 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника Колбино I на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008 гг.* Москва: ИА РАН, с. 26-111.

Шерстюк, В. В. 2012. Селища Ворсклинської групи памяток скіфського часу між Пслом та Ворсклою у південно-західній окрузі Більського городища. В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Феномен Більського городища*. Київ: ЦП НАНУ і УТОПІК, с. 47-50.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).* Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1994a. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор. *Древности 1994*, с. 102-106.

Шрамко Б. А. 1994b. Розкопки курганів VII—IV ст. до н. е. поблизу Більська. *Археологія*, 4, с. 117-133.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 1995. Pogrebenie V v. do n. e. v kurgane Malaya Tsimbalka (raskopki I. E. Zabelina v 1868 g.). *Arkheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 32, s. 53-59.

Alekseev, A. Yu. 2013. *Hronografiya Evropeyskoy Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyik (skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.

Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskiy kurgannyiy mogilnik skifskogo vremeni*. Harkov: Rayder.

Bandurovskiy, A. V., Buynov, Yu. V. 2000. *Kurganyi skifskogo vremeni (severskodonetskiy variant)*. Kiev: IA NANU.

Bessonova, S. S. 2007. Kalachikovidnyie sergi i greko-varvarskie kontaktyi VII—IV vv. do n. e. *Bosporskie issledovaniya*, XVI, s. 3-29.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila*. Kiev: Skif.

Bilinskiy, O. O., Kabanov, D. O. 2015. Pam'yatki skifskogo chasu u verhiv'yah Psla. *Arheologiya i davnya istorIya Ukrainy*, 4 (17), s. 122-127.

Bitkovskiy, O. V., Polin, S. V. 1987. Skifskiy kurgan u s. Bogdanovka na Hersonschine (k probleme hronologii pamyatnikov V—IV vv. do n. e.). In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skifyi Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, s. 74-85.

Boyko, Yu. N., 1996. Pridneprovskaya Lesostep i kochevniki skifskogo vremeni: faktornyiy distantsionno-dinamicheskiy variant modeli. In: Suprunenko, A. B. (ed.). *Bilske gorodische v konteksti vivchennya pamyatok rannogo zaliznogo viku Evropy*. Poltava: Arheoloiya, s. 268-279.

Boyko, Yu. N. 1999. Meridialno orientirovannyie pogrebeniya Pridneprovskoy lesostepi skifskogo vremeni. *Drevnosti 1997—1998*, s. 59-78.

Bratchenko, S. N., Shvetsov, M. L., Dubovskaya, O. R. 1989. Kurgan IV v. do n. e. v basseyne Severskogo Dontsa. *Sovetskaya arheologiya*, 1, s. 170-177.

Vinogradov, Yu. A., Marchenko, K. K. 1991. Severnoe Prichernomore v skifskuyu epohu. Opyit periodizatsii. *Sovetskaya arheologiya*, 3, s. 45-57.

Gavrish, P. Ya. 2000. *Plemena skifskogo chasu v Lisostepu Dniprovskogo Livoberezhzhya (za materialami Pripsillya)*. Poltava: Arheologiya.

Galanina, L. K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprovya. (Ermitazhnaya kollektsiya N. E. Brandenburga)*. Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1—33.

Geyko, A. V. 1997. Keramika skifskogo chasu Sviridivskogo gorodischa. *Arheologiya*, 2, s. 106-111.

Geyko, A. V. 2000a. Arheologichna diyalnist S. O. Mazaraki v konteksti vivchennya pohovalnih pamyatok Posullya. In: Suprunenko, A. B. (ed.). *Muzeji. Metsenati. Kolektsiyi*. Kyiv; Poltava: Arheologiya, s. 91-100.

Geyko, A. V. 2000b. Gorodische rannogo zaliznogo viku poblizu s. Glinsk. *Arheologiya*, 3, s. 149-153.

Grechko, D. S. 2010. *Naselennya skifskogo chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NANU.

Grechko, D. S. 2012. O vozmozhnyih «prosvetah» v «temnoe» vremya (VI v. do n. e.) skifskoy istorii. *Stratum plus*, 3, s. 75-106.

Grechko, D. S. 2013. O pamyatnikah kimmeriytsev i «ranneskifskoy» kulture. *Stratum plus*, 3, s. 133-154.

Grechko, D. S. 2016a. Ot Arhaicheskoy Skifii k Klassicheskoy. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2, s. 33-60.

Grechko, D. S. 2016b. Klassicheskaya Skifiya: nachalo (poslednie desyatiletiya VI — pervaya chetvert V v. do n. e.). *Revista arheologică*, XII, 1—2, s. 145-168.

Grechko, D. S. 2017. O formirovanii Klassicheskoy Skifii v V v. do n. e. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (23), s. 78-106.

Grechko, D. S. 2018. Pohovalniy obryad naselennya Dniprovskogo Lisostepovogo Livoberezhzhya rannoskifskogo chasu: variant analizu. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 1 (26), s. 20-44.

Grechko, D. S., Shelehan, A. V. 2012. *Grishkovskiy mogilnik skifov na Harkovschine*, Kiev: IA NANU.

Grechko, D. S., Kryutchenko, O. O., Rjevuska, S. S. 2018. Bilska arheologichna ekspeditsiya Institutu arheologiji NAN Ukrainy: doslidjennya 2014—2018 rr. *Fenomen Bilskogo gorodischa — 2018*, s. 48-71.

Grigorev, V. P. 1994. Zahoronenie tyajelovoorujennogo skifskogo voina u s. Gladkovschina. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov*. Kiev: IA NANU, s. 63-79.

Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1987. Skifskie kurganyi u s. Pervomaevka na Hersonschine. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skifyi Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, s. 85-115.

Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1991. Kurganyi skifskogo vremeni u s. Pervomaevka na Hersonschine. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (eds.). *Kurganyi stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 85-115.

Eremenko, V. E. 1997. Otnositelnaya i absolyutnaya hronologiya Evropeyskoy Skifii: vzglyad so storonyi. *Stratum plus*, s. 44-62.

Zharov, G. V., Terpilovskiy, R. V. 2006. Doslidjennya pam'yatok skifskogo ta rimskogo chasu u Verhnomu Posulli. *Arheologichniy litopis Livoberejnoї Ukrainy*, 1, s. 89-99.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skifyi Dneprovskogo lesostepnogo Levoberejya*. Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A., Terenojkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Karavayko, D. V. 2018 O treh gorodischah skifskogo vremeni Putivlskogo Poseymya. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (27), s. 264-286.

Kats, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleyma epohi klassiki i ellinizma (opyit kompleksnogo izucheniya)*. Simferopol; Kerch. Bosporskie issledovaniya, XVIII.

Klochko, L. S. 2017. Osoblivosti kostyumiv skifyanok na zemlyah Posullya. *Arheologiya*, 3, s. 37-54.

Kovalev, N. V., Polin, S. V. 1991. Skifskie kurganyi u s. Korneevka Zaporojskoy oblasti. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (eds.). *Kurganyi Stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 33-53.

Kovalenko, O. V., Lugoviy, R. S. 2006. Kurgan V st. do n. e. poblizu selischa Opishne Poltavskoї oblasti: poperedni rezultati doslidjennya. *Arheologichniy litopis Livoberejnoї Ukrainy*, 2, s. 52-63.

Kubyishev, A. I., Bessonova, S. S., Kovalev, N. V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan*. Kiev: IA NANU.

Kulatova, I. N., Lugovaya, L. N., Suprunenko A. B. 1993. *Kurganyi skifskogo vremeni mejdurechya Vorsklyi i Psla*. Moskva; Poltava: PKM.

Kulatova, I. N., Suprunenko, A. B. 1996. Pervyiy Mgarskiy kurgan. In: Suprunenko, A. B. (ed.).*Bilske gorodische v konteksti vivchennya pamyatok rannogo zaliznogo viku Shidnoї Evropi*. Poltava: Arheologiya, s. 318-338.

Kulatova, I. M., Suprunenko, O. B. 2010. *Kurgani skifskogo chasu zahidnoї okrugi Bilskogo gorodischa*. Kyiv: TsP NAN Ukrainy i UTOPiK.

Leypunska, N. O. 1989. Do pitannya pro hronologiyu deyakih antichnih materialiv u skifskih pamyatkah. *Arheologiya*, 2, s. 107-115.

Lugoviy, R. S., Vereschaka, V. M. 2006. Neukripleni poselennya skifskogo chasu serednoї ta nijnoї techiї Suli. *Arheologichniy litopis Livoberejnoji Ukrainy*, 2, s. 68-72.

Mantsevich, A. P. 1987. *Kurgan Soloha*. Leningrad: Iskusstvo.

Mahortyih, S. V. 2012. Hronologiya Pereschepinskogo kurgannogo mogilnika bliz Belska. *Stratum plus*, 3, s. 145-160.

Mahortyih, S. V. 2013. Pogrebalnyie soorujeniya i obryad kurgannyih nekropoley Belskogo gorodischa. *Stratum plus*, 3, s. 223-256.

Mahortyih, S. V., Rolle, R. 2015. Izobrajeniya redutsirovannoy lapyi jivotnogo i kisti chelovecheskoy ruki v iskusstve stepnoy i lesostepnoy Skifii. *Stratum plus*, 3, s. 183-204.

Melyukova, A. I. 1964. *Voorujenie skifov*. Moskva: Nauka, Svod arheologicheskih istochnikov, D 1—4.

Mogilov O. D. 2008. *Sporyadjennya konya skifskoї dobi u shidnoevropeyskomu Lisostepu*. Kyiv; Kam'yanets-Podilskiy: IA NANU.

Mozolevskiy, B. N. 1987. Malyiy Chertomlyik. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skifyi Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, s. 63-74.

Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurganyi skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodyana, i Soboleva Mogilyi)*. Kiev: Stilos.

Moklyak, V. O. (ed.). 2007. *Zvid pam'yatok istoriji ta kultury Ukrainy: Poltavska oblast, Novosanjarskiy rayon*. Poltava: Divosvit.

Monahov, S. Yu. 2003. *Grecheskie amforyi v Prichernomore. Tipologiya amfor veduschih tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel*. Moskva; Saratov: Kimmerida; Saratovskij universitet.

Murzin, V. Yu., Rolle R., Skoriy S. A. 1995. Doslidjennya Pereschepinskogo kurgannogo mogilnika. *Arheologiya*, 2, s. 63-72.

Murzin, V. Yu., Belan, Yu. A., Podvyisotskaya, E. P. 2017. *Berdyanskiy kurgan (pogrebalnyiy kompleks skifskogo aristokrata IV v. do n. e.)*. Kiev: Oleg Filyuk.

Murzin, V. Yu., Shelehan, O. V. 2018. Skifskiy kurgan u seredniy techii r. Psel. *Starojitnosti Livoberejjya Dnipra — 2017*, s. 61-73.

Okatenko, V. M., Buynov, Yu. V. 2010. Kurgan z pohovannyami skifskogo tipu bilya Starogo Merchika. *Arheologiya*, 1, s. 78-90.

Okatenko, V. N., Skoryiy, S. A. 2017. Skifskiy kurgan «Turetskaya Mogila» v basseyne Severskogo Dontsa. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (23), s. 311-334.

Pelyashenko, K. Yu. 2014. Lipniy posud iz pohovan skifskogo chasu Dnipro-Donetskogo Lisostepu. *Arheologiya*, 2, s. 36-50.

Pletneva, S. A. 1982. *Kochevniki srednevekovya. Poiski istoricheskih zakonomernostey*. Moskva: Nauka.

Pleshivenko, A. G. 1991. Issledovanie skifskih kurganov v Dneprovskom Nadporozhe. *Drevnosti stepnogo Prichernomorya i Kryima*, II, s. 143-152.

Polin, S. V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyiy mogilnik V—IV vv. do n. e. na Hersonschine*. Kiev: Oleg Filyuk.

Puzikova, A. I. 2001. *Kurgannyie mogilniki skifskogo vremeni Srednego Podonya (publikatsiya kompleksov)*. Moskva: Indrik.

Romashko, V. A., Skoryiy, S. A. 2009. *Bliznets 2: skifskiy aristokraticheskiy kurgan v Dneprovskom pravoberejnom Nadporoje*. Dnepropetrovsk: Porogi.

Skoryiy, S. A. 1997. *Steblev: skifskiy mogilnik v Porose*. Kiev: IA NANU.

Skoryiy, S. A. 2003. *Skifyi v Dneprovskoy Pravoberejnoy Lesostepi*. Kiev: IA NANU.

Skoryiy, S. A., Chohorovski, YA. 2009. Aristokraticheskiy kurgan Skifskaya Mogila vblizi Motroninskogo gorodischa (Ukrainskaya Pravoberejnaya Lesostep). *Stratum plus*, 3, s. 234-276.

Skoryiy, S., Chohorovski, YA. 2008. Konskoe snaryajenie iz kurgana Skifskaya Mogila. In: Posohov, S. I. (ed.). *Problemyi arheologii Vostochnoy Evropyi*. Harkov: Kursor, s. 132-141.

Suprunenko, O. B. 1996. Rozkopki Bilskogo kurgannogo nekropolyu «B». In: Suprunenko, A. B. (ed.). *Bilske gorodische v konteksti vivchennya pamyatok rannogo zaliznogo viku Evropy*. Poltava: Arheologiya, c. 88-120.

Suprunenko, O. B. 2006. Pohovannya Bilskogo kurgannogo nekropolyu «B» (za rozkopkami 1995 r). *Arheologichniy litopis Livoberejnoi Ukrainy*, 2, s. 114-122.

Topal, D. A. 2014. Akinaki klassicheskoy Skifii: tip Soloha. In: Lukyashko, S. I. (ed.). *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire*. Rostov-na-Donu: YuNC RAN, s. 380-406.

Fialko, E. E. 1994. *Pamyatniki skifskoy epohi Pridneprovskoy terrasovoy Lesostepi*. Kiev: IA NANU.

Fialko E. E. 2006. Posuda s lakovyim pokryitiem v pogrebalnom obryade skifov. In: Petrenko, V. G., Yablonskij, L. T. (ed.). *Drevnosti skifskoy epohi*. Moskva: IA RAN, s. 351-387.

Shevchenko, A. A. 2009. Novyie materialyi k izucheniyu kurgannogo mogilnika Kolbino I na Srednem Donu. In: Gulyaev, V. I. (ed.). *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epohu: Trudyi Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii IA RAN*, 2004—2008 gg. Moskva: IA RAN, s. 26-111.

Sherstyuk, V. V. 2012. Selischa Vorsklinskoї grupi pamyatok skifskogo chasu mij Pslom ta Vorskloyu u pivdennozahidniy okruzi Bilskogo gorodischa. In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Fenomen Bilskogo gorodischa*. Kyiv: CP NANU i UTOPIK, s. 47-50.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoe gorodische skifskoy epohi (gorod Gelon)*. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1994a. Novyie raskopki kurganov v mogilnike Skorobor. *Drevnosti 1994*, s. 102-106.

Shramko, B. A. 1994c. Rozkopki kurganiv VII—IV st. do n. e. poblizu Bilska. *Arheologiya*, 4, s. 117-133.

D. S. Grechko

SCYTHIA FROM OCTAMASADES TO ATEAS (According to the Materials of the Dnieper Left Bank Forest Steppe)

The article is devoted to the consideration of ethnocultural processes in the Dnipro Left Bank forest-steppe and some issues of the development of material culture in the last third of the 5th— 4th centuries BC. This period was characterized by the stabilization of the military-political situation and the ongoing development of the population in the south of Eastern Europe.

Cluster analysis of burials allowed us to identify several groups. The first cluster characterizes the originality of the Belsk necropolis and its neighborhoods (clusters 1a, 2a, 3, 4). The second block united the burial of nomads who advanced along the Muravsky Shlyakh to the north (clusters 1b, 2c). Interestingly, that the program separated the elite complexes of the next chronological horizon (mid-third quarter of the 4th century BC) in wooden tombs with a southern orientation (clusters 5—6).

In the development of the material culture of this period, three subgroups were identified. Subgroup 2c / group II (430/420—410s BC) is a transitional and reflects the material culture of the period of the completion of the formation of Scythia. The inventory of the burials, apart from innovations, still contains types of products that were typical for the Middle Scythian time.

Subgroup 3a / group III (420/400—380/375 BC) corresponds with the time of Solokha's burials. Material culture is actually completely innovative in relation to the Middle Scythian.

Subgroup 3b / III group (380/365—360/350s BC) is difficult to separate and is a transitional from material culture such as Solokha burial to the one that would dominate, starting from the time of the burials in Tolstaya and Chmyreva Mogilas.

For the agricultural population of the Forest-Steppe, the entry into Scythia no later than the end of the first third of the 5th century BC brought significant changes: the number of fortified settlements, settlements with ash hills decreased. Several fortifications continued active functioning and the seasonal settlements widely spread. All this happened against the background of an increase of the mobility of a part of the agricultural population and the infiltration of a part of the steppe population into the region.

Keywords: Dnieper Left Bank forest-steppe, Scythian time, settlement structure, burial mounds, material culture, chronology.

Одержано 5.03.2019

ГРЕЧКО Денис Сергійович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *ukrspadshina@ukr.net*.

GRECHKO Denys Sergiyovych, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *ukrspadshina@ukr.net*.

УДК: 904'1(282.247.36-197.4)"638"

В. И. Гуляев

«БУДИНИЯ ИЛИ СКИФИЯ?» ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА В V—IV вв. до н. э.

Статья посвящена рассмотрению давнего спора об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V—IV вв. до н. э. Автор, с помощью аргументов из области материальной и духовной культуры людей, погребенных в местных курганах, доказывает их принадлежность к скифам и единому военно-политическому объединению — Скифии.

Ключевые слова: *скифы, курганы, элитные погребения, культовый сосуд, Средний Дон, божества, искусство греков.*

Проблемы скифской археологии и истории всегда находились в центре внимания отечественной науки. Однако с распадом СССР большая часть курганов и городищ, принадлежавших скифам, осталась в пределах суверенной Украины. В России же древности «европейских скифов» (т. е. живших между Дунаем и Доном, в Северном Причерноморье) и, особенно, памятники эпохи расцвета Скифии (V—IV вв. до н. э.) встречаются только на Среднем и Нижнем Дону, на территории Воронежской, Белгородской и Ростовской областей. Донские земли в тот период служили восточной окраиной скифских владений, но окраиной не захудалой и бедной, а стратегически важной и богатой. Именно здесь проходили тогда основные торговые пути древности. Именно здесь имели место крупные этнокультурные процессы I тыс. до н. э.: миграции племен с востока на запад (включая и приход самих скифских кочевых групп, пересекших Дон не позднее начала VII в. до н. э. и захвативших Северное Причерноморье); торговые, культурные и политические контакты самых разных этносов — ираноязычных скифов, савроматов-сарматов, синдов, меотов, предков финно-угров и славян, фракийцев и эллинов.

© В. И. ГУЛЯЕВ, 2019

Ниже речь пойдет только о регионе Среднего Дона. Географически он включает в себя современные Воронежскую и Белгородскую области целиком, а Липецкую и Ростовскую области Российской Федерации — лишь частично. По своим природно-климатическим условиям эта территория относится в основном к лесостепной, а на юге к степной зонам и представляет собой холмистую равнину, покрытую в ряде мест густыми широколиственными лесами и орошаемую многочисленными реками. Характерная черта Среднедонской Лесостепи — чередование открытых безлесных степных просторов с довольно значительными лесными массивами.

Регион обладает значительным числом археологических памятников раннего железного века в виде курганов и городищ. Археологическое изучение Лесостепного Подонья началось в первом десятилетии XX в. (раскопки А. А. Спицына и Н. Е. Макаренко у с. Мастюгино, сотрудников ВУАК могильника Частые Курганы близ Воронежа) и интенсивно продолжалось в 1950—1990-е гг. (Институт археологии АН СССР, Москва — П. Д. Либеров, А. И. Пузикова, В. И. Гуляев, Е. И. Савченко и др.; ВГУ — А. П. Медведев, ВГПУ — А. Т. Синюк, В. Д. Березуцкий, Ю. Д. Разуваев и др. — в Воронеже). К настоящему времени усилиями нескольких поколений исследователей в рассматриваемом регионе выявлено свыше 200 курганных погребений скифской эпохи и около 50 городищ (частично раскопанных — но их меньшинство).

Однако, решение даже основных проблем, касающихся этнокультурной ситуации на Среднем Дону в скифскую эпоху, вызывает до сих пор значительные трудности.

Во-первых, согласно имеющейся на сегодняшний день информации, носители скифской куль-

туры появляются в Лесостепном Подонье сравнительно поздно — не ранее рубежа VI—V вв. до н. э. или даже начала V в. до н. э., причем культура эта имеет уже вполне сложившийся облик.

Во-вторых, более всего местные древности (курганы и городища) рассматриваемой эпохи близки памятникам Левобережной Приднепровской Лесостепи, что, вероятно, косвенно свидетельствует о районе исхода данной скифской группы в сторону Дона (Танаиса).

В-третьих, пограничное положение среднедонских скифов далеко на северо-востоке Большой Скифии, на стыке с чуждыми этнокультурными массивами (финно-угры на севере, савроматы на востоке) не могло не сказаться со временем на некоторых чертах их культуры.

В-четвертых, местная скифская популяция просуществовала здесь сравнительно короткий срок: большинство древностей скифов датируется на Среднем Дону от середины V в. до н. э. до рубежа IV—III вв. до н. э., т. е. всего около 150 лет или чуть больше (всего лишь шесть поколений).

В-пятых, среди специалистов до сих пор ведутся острые дискуссии по поводу общего характера культуры и этноса жителей Лесостепного Подонья в V—IV вв. до н. э.: одни считают, что это часть Скифии, хотя и имеющая некоторую локальную специфику (вся отечественная историография до 1960-х гг., а позже — А. И. Пузикова, Е. И. Савченко, В. И. Гуляев, А. А. Шевченко, В. П. Копылов и др.). Другие называют среднедонское население будинами (Б. Н. Граков, Б. А. Шрамко) и даже приписывают им финно-угорскую принадлежность (П. Д. Либеров). К этой позиции примыкают воронежские археологи А. П. Медведев и В. Д. Березуцкий, правда, считающие, что оседлые будины-автохтоны жили на городищах, а в курганах похоронены пришельцы — кочевые гелоны. Наконец, третьи относят местные племена к савроматской культуре и этносу (К. Ф. Смирнов, В. Е. Максименко и др.). Есть также мнение, что среднедонское население — это меланхлены, упоминаемые Геродотом (И. В. Куклина).

Донская археологическая экспедиция Института археологии РАН (ДАЭ) ведет исследования памятников скифской эпохи на Среднем Дону с 1990 г. За этот период было изучено 4 городища и свыше 80 курганов V—IV вв. до н. э. в Воронежской и Белгородской областях. Причем, с самого начала этих работ удалось наладить постоянное и тесное сотрудничество с представителями естественных наук — антропологами, палеозоологами, палеоботаниками, палеогеографами и др., включая их непосредственное участие в полевых проектах. В результате этих почти тридцатилетних комплексных исследований и полученного многочисленного и разнообразного материала, история населения среднедонского региона в скифское время в самых общих чертах и в сугубо предварительном плане теперь может быть более или менее воссоздана. И главный вопрос, который нам предстоит решить, был ли Средний Дон частью Большой Скифии, или здесь, в лесостепи, жили финно-угорские будины и прочие нескифские племена, т. е. существовала особая «страна Будиния».

Следует особо подчеркнуть, что к древностям Среднего Дона неоднократно обращались ранее два крупнейших археолога России — М. И. Ростовцев и А. А. Спицын. Для обоих скифская принадлежность воронежских курганных комплексов (у с. Мастюгино и в «Частых Курганах») представлялась бесспорной. А. А. Спицын намеренно включил курганы Среднего Дона в Полтавскую группу, приписываемую им скифам-пахарям (Спицын 1918, с. 121). М. И. Ростовцев специально обращался к среднедонским курганным материалам как в своих общих работах, так и в специальных трудах по скифской археологии. В своем фундаментальном исследовании «Скифия и Боспор» он отмечает: «*Здесь укажу на то, что по инвентарю группа воронежских курганов всецело принадлежит к той группе скифских погребений эпохи расцвета, к которой принадлежит и большинство курганов степной приднепровской группы…*» (Ростовцев 1925, с. 538).

И затем, со свойственной ему тонкой проницательностью, М. И. Ростовцев подчеркивает глубокое родство и близость аристократических погребений скифской эпохи в степной и лесостепной (включая Средний Дон) частях Европейской Скифии: «*В ближайшем сходстве с Солохой открыты однородные, одновременные и очень богатые курганные погребения в знаменитом Чертомлыке, в Александропольском кургане…, в 1-ом Мордвиновском кургане… Ту же картину в Придонье дает ряд курганов в урочище "Частые Курганы" около Воронежа и некоторые курганы около станицы Елизаветовской в устье Дона…*» (Ростовцев 1918, с. 50—53). Кроме того, академик Ростовцев убедительно доказал, что серебряные с позолотой ритоны и круглодонные серебряные кубки — несомненно предметы культовые и часто непосредственно связанные у скифов с личностью царя (правителя) и царской властью в целом (Ростовцев 1917, с. 6).

Одному из двух культовых драгоценных сосудов (другой — золотой кубок из Куль-Обы) — воронежскому — он посвятил отдельную статью. «*В кургане № 3 (*группы «Частые Курганы» под Воронежем — *В. Г.*), — писал М. И. Ростовцев, — *мужское погребение с оружием (меч, лук и стрелы, пояс, точило); возле изголовья — глиняный сосуд местного производства и серебряная золоченая ваза с изображением скифов (*рис. 1). *Эта последняя — культовый сосуд, имеющий такое же значение, что и ритоны и прямо связана (как и ритоны) с царской властью…*» (Ростовцев 1914, с. 83). Итак, по мнению М. И. Ростовцева, курганные древ-

ности Среднего Дона раннего железного века принадлежали ираноязычным скифам, а весь Среднедонской (как и Нижнедонской) регион входил в состав обширного военно-политического объединения — Европейской Скифии.

Тем не менее, потенциальная и важная информативность воронежского серебряного сосуда с фигурами скифов на этом не заканчивается. Д. С. Раевский посвятил этому священному кубку (и куль-обской вазе) обширное исследование, где опроверг широко распространенное прежде мнение о бытовом характере запечатленных там сцен и предложил свое истолкование данных сюжетов: он считает, что в обоих случаях (и в Частых Курганах, и в Куль-Обе) речь идет об иконографическом воплощении этногонических легенд скифов о происхождении царской власти (рис. 2). На воронежском сосуде главный персонаж (Д. С. Раевский отождествляет его с Гераклом-Таргитаем) вручает другому, безбородому и юному человеку лук, тогда как у него на поясе висит еще один такой же лук. Вспомним, что Геродот специально подчеркивает наличие у Геракла-Таргитая двух луков. Скорее всего, безбородый персонаж (что подчеркивает его молодость), как считает Д. С. Раевский, — это Скиф, младший из трех братьев, выдержавший испытание, которому Геракл или Таргитай (первопредок скифов) передает свой второй лук *как атрибут царской власти* (курсив мой — *В. Г.*) (Раевский 1977, с. 30—33). Интересно, что изображение скифского воина с двумя луками встречается в Скифии еще лишь один раз — на Куль-Обском электровом круглотелом кубке. Там, по мнению Д. С. Раевского, видимо, запечатлены последствия испытания трех сыновей Геракла по натягиванию его лука. Старший и средний, после своей неудачи, получили травмы (зубы и нога), а младший победил, и ему Геракл-Таргитай вручает *символ власти — лук (*курсив мой — *В. Г.*). «*Наличие таких мифологических сюжетов на круглодонных кубках из драгоценных*

Рис. 1. Воронежский серебряный сосуд со скифами (общий вид); курган 3, Частые Курганы (раскопки ВУАК)

металлов, — отмечает Д. С. Раевский, — *является понятным, так как еще М. И. Ростовцев доказал, что они — атрибуты царской власти…*» (Раевский 1970, с. 98).

А вот точка зрения ведущего российского скифолога А. Ю. Алексеева на тот же самый воронежский серебряный сосуд IV в. до н. э. «*Сосуд, форма которого является характерной для скифской культовой посуды V—IV вв. до н. э., был найден в весьма рядовом кургане, не выделяющемся ни размерами, ни особой пышностью погребального инвентаря. Вместе с тем, наличие относительно большого числа изделий из золота позволяет предположить, что его владелец занимал не самое низкое положение в социальной иерархии местного общества. Сосуд наиболее интересен содержанием своего сюжетного фриза, который состоит из шести*

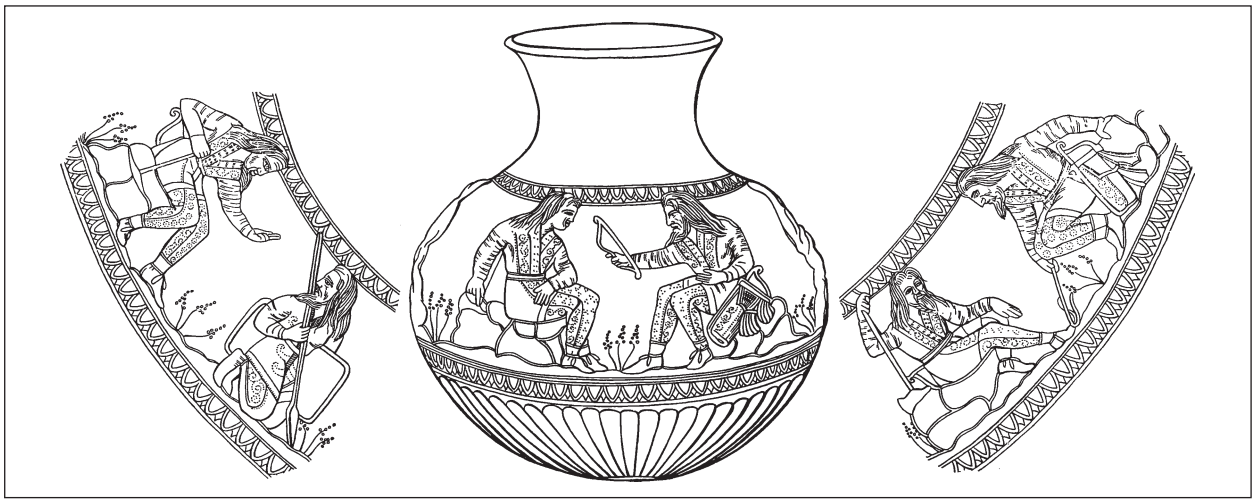

Рис. 2. Прорисовка изображений на Воронежском серебряном сосуде

фигур скифов, сгруппированных попарно в трех последовательных сценах. По столь же остроумной, сколь и уязвимой для критики гипотезе Д. С. Раевского, действие, разворачивающееся на сосуде, воспроизводит мифологический сюжет о происхождении скифов и скифских царей, как о том повествуют рассказы о Геракле и Таргитае, переданные Геродотом (IV, 8—10). Эта версия получила широкое признание и распространение в скифологии, хотя даже в самой иконографии персонажей присутствуют детали, вызывающие вопросы и требующие дополнительного пояснения. В частности, учитывая несомненную значимость всех представленных предметов и их ожидаемое повторение при неоднократном изображении какого-либо из персонажей, остается неясным, почему в двух сценах у Геракла-Таргитая появляются разные атрибуты. Впрочем, невозможно ожидать на предмете IV в. до н. э. буквального воспроизведения мифа, записанного в середине V в. до н. э., а созданного еще раньше… Во всяком случае, ясно, что представленные сцены не являются зарисовками сугубо этнографического характера, и поэтому в целом с трактовкой этого сосуда как культового, декорированного изображениями эпического или мифологического характера, нельзя не согласиться» (Алексеев 2012, с. 244—245).

Таким образом, в великолепном издании скифских сокровищ из собрания Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге (2012 г.), хотя и не без критических выпадов в адрес гипотезы Д. С. Раевского, автор всецело признает огромную значимость воронежского серебряного сосуда при рассмотрении мифологии, культуры и верховных политических институтов (царская власть) Скифии.

Однако, для темы данной статьи гораздо важнее другая, более ранняя работа А. Ю. Алексеева, относящаяся к 1987 г.

«*В кургане 3 группы “Частых Курганов” (вторая половина IV в. до н. э.) был обнаружен известный серебряный сосуд, изображения на котором воспроизводят генеалогическую легенду. Сам по себе факт нахождения такого сосуда на территории распространения скифоидной культуры не столь уж удивителен. Важным мне кажется другое — появление во второй половине IV в. до н. э. на широкой территории и на значительном удалении (*Куль-Оба в Крыму и «Частые Курганы» в Подонье — *В. Г.) сосудов с изображениями, призванными подчеркнуть среди прочего, и единство происхождения скифского народа. И если принять во внимание сообщение Геродота о существовании где-то на северо-востоке Скифии области скифов, некогда отделившихся от “царских”, а также вероятную локализацию этих скифов именно в области воронежских курганов, можно реконструировать попытку консолидации родственных этнических групп, удивительно близких по материальной культуре, в конце IV в. до н. э. Могильники скифоидной культуры Среднего Подонья прекращают свое существование одновременно с могильниками приднепровских скифов — на рубеже IV—III вв. до н. э. …*» (Алексеев 1987, с. 47).

Это высказывание весьма важно сразу в двух аспектах. Во-первых, автор признает принадлежность памятников Среднего Дона V—IV вв. до н. э. к Большой (Европейской) Скифии, и, во-вторых, подчеркивает особую значимость воронежского серебряного сосуда и запечатленных на нем генеалогических сцен для общего понимания этно-культурной и политической ситуации на обширной территории Скифии, от Дуная до Дона, во второй половине IV в. до н. э.

Это была довольно смелая идея. И она вступила тогда (в 1987 г.) в явное противоречие с мнением большинства отечественных скифологов, которые после Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии в 1952 г. приняли концепцию Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой о том, что собственно скифам принадлежали лишь степные области Северного Причерноморья, а в лесостепной зоне обитали нескифские (упоминаемые Геродотом) племена андрофагов, невров, меланхленов, будинов, гелонов и др. Таким образом, лесостепное Подонье, с его богатейшими курганными памятниками тоже было выведено из пределов Скифии и отдавалось то будинам и гелонам (Б. Н. Граков, П. Д. Либеров, Б. А. Шрамко, а позднее — А. П. Медведев, В. Д. Березуцкий), то меланхленам (И. В. Куклина) и даже (вопреки Геродоту) савроматам (К. Ф. Смирнов, В. Е. Максименко). Но были и стойкие оппоненты этим взглядам в лице археологов А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской на Украине (а в более поздний период их ученики — Е. В. Черненко, С. С. Бессонова, С. А. Скорый и др.). Они отстаивали идеи, выдвинутые еще в первые десятилетия XX в. М. И. Ростовцевым. Суть их в том, что в I тыс. до н. э. в Северном Причерноморье (в степи и лесостепи), от Дуная до Дона, существовало мощное военно-политическое объединение (по М. И. Ростовцеву — типа Хазарского каганата и Золотой Орды) во главе с пришедшими «из глубин Азии» ираноязычными кочевниками-скифами, которые подчинили себе жившие там прежде племена фракийцев, предков балтов, финно-угров и славян. Споры в научных кругах на данную тему не смолкают до сих пор. Однако, на мой взгляд, чаша весов все более склоняется в пользу концепции М. И. Ростовцева и А. И. Тереножкина о большой единой Скифии, занимавшей в VII—IV вв. до н. э. все Северное Причерноморье.

По иронии судьбы, активными сторонниками подобных взглядов выступают сейчас в Москве А. И. Пузикова и В. И. Гуляев — ученики Б. Н. Гракова и П. Д.Либерова; разделял такую позицию и знаток среднедонской археологии

скифского времени Е. И. Савченко (Савченко 2001; 2004; 2009). Я закончу рассказ о воронежском серебряном сосуде одной своей ремаркой. «*Следует особо отметить огромную значимость находки серебряного сосуда с изображениями скифов именно на территории Среднего Дона (Частые Курганы под Воронежем, курган № 3). Как известно, близкие по сюжетам драгоценные и явно ритуальные сосуды были обнаружены археологами в пределах Скифии (почти за 250 лет раскопок) еще только дважды: электровый кубок из кургана Куль-Оба (близ г. Керчь, Крым) и серебряная с позолотой чаша из кургана Гайманова Могила (степное Приднепровье, Украина). Уже сам факт выборочности (по сюжету) и редкости помещения этих священных сосудов в могилы высшей скифской знати — свидетельство очень высокого социального статуса людей, погребенных в названных курганах. По мнению многих исследователей, это — верховные правители Скифии*» или ее частей (Гуляев 2001, с. 27—28).

Таким образом, всесторонний анализ только одного выдающегося предмета из Частых Курганов, осуществленный М. И. Ростовцевым, Д. С. Раевским и А. Ю. Алексеевым, дал очень многое для решения вопроса о том, был ли Средний Дон частью Скифии или же искусственно созданной Будинией. Но серебряный воронежский сосуд лишь малая часть уцелевшего от рук грабителей богатства среднедонских курганов, во многом повторяющих традиции элитных захоронений Скифии.

Известный специалист по скифскому искусству А. П. Манцевич посвятила анализу коллекции находок из старых раскопок (А. А. Спицына и Н. Е. Макаренко) курганов у с. Мастюгино, хранящихся и по сей день в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга, большую статью.

«*Из всех курганов, исследованных в Мастюгинском могильнике, курган II* (он же № 29/21 по классификации П. Д. Либерова — *В. Г.*), — писала она, — *дает наиболее яркую картину широких связей населения Среднего Дона с окружающими племенами. Инвентарь захороненных в нем лиц мало отличается от инвентаря могил богатой верхушки Скифии и Боспора… В Мастюгинских курганах немало исключительных по своему художественному и историческому значению образцов искусства и ремесла, как, например, греческие поножи, сходные с найденными в Куль-Обе и Ильинцах, или шлем, подобный Олонештскому, с мотивом сфинкса… Выделяются золотые украшения — серьги с изображением богини* (это Кибела — *В. Г.*) *и двух львов* (аналогии этим «серьгам»-подвескам есть в «царском» кургане Толстая Могила в степном Приднепровье — *В. Г.*), *ожерелья, перстни, а также серебряные* («фракийские» — *В. Г.*) *украшения уздечки… Все они ставят Мастюгинские курганы в один ряд с выдающимися памятниками скифской эпохи Северного Причерноморья — с «царскими» курганами скифов… IV в. до н. э.*» (Манцевич 1973, с. 41—42).

Но эти находки относятся к 1905—1908 гг. И с тех пор, кроме Мастюгино и Частых Курганов, раскопано еще 8 курганных могильников Лесостепного Подонья, что во много раз расширило наши представления о погребальной практике местного населения скифского периода. Опираясь на эти новые археологические материалы, я предложил гипотезу о том, что территория Среднего Дона входила составной частью в состав Большой Скифии и там обитали скифы-иранцы (именно они и погребены в курганах). Независимо от их реальной численности, именно они были господствующей силой в данном регионе (Гуляев 2004, с. 7—23). При этом мною было предложено вернуться к старой (начала XX в.), но, как оказалось, вполне дееспособной концепции М. И. Ростовцева — о вхождении степных и лесостепных областей Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. в состав скифского государства, в котором ираноязычные скифы-кочевники держали под контролем (и в подчинении) все прочие народы и племена (Ростовцев 1918, с. 35—38).

На мой взгляд, решающий вклад в дискуссию об этнокультурной принадлежности среднедонского населения скифского времени вносят сейчас данные естественных наук. В Донской археологической экспедиции ИА РАН (ДАЭ) палеогеографы, антропологи, палеозоологи и палеоботаники работают постоянно и с максимальным эффектом.

Промывка культурного слоя исследуемых ДАЭ городищ (Россошки, Мостище, Архангельское) плюс анализ отпечатков зерновых на керамике (как с поселений, так и из курганных могил) показала, что населению Среднего Дона в V—IV вв. до н. э. был присущ в земледелии хорошо известный общескифский комплекс возделываемых растений — просо (всегда преобладает), ячмень и пшеница-двузернянка. К тому же, на местных городищах (за редким исключением) отмечен очень тонкий слой культурных отложений (20—30 см). «*Причиной столь явной бедности культурного слоя некоторых из исследованных нами городищ,* — отмечает палеоботаник Е. Ю. Лебедева, — *может быть кратковременный период их существования и функциональное назначение. Нельзя исключить, что эти городища не были поселениями в классическом стиле, т. е. местом* ***постоянного*** *проживания значительных групп людей. Такие укрепленные пункты служили, вероятно, для укрытия населения близлежащих селищ только в период грозящей опасности, а постоянно там проживал (да и то, видимо, не круглый год) лишь небольшой гарнизон*» (Лебедева, Антипина 2009, с. 198—211).

Изучение костей животных с поселений скифской эпохи палеозоологами показало, что в

качестве мясной пищи у обитателей городищ на первом месте стоит лошадь (от 46 до 57 %), далее идут овца-коза и крупный рогатый скот. Доля свиней (если это не дикие особи) — ничтожна и составляет менее 1 %. Лошадь играла огромную роль и в погребальном ритуале: 95 % напутственной пищи в курганах — части конских туш, и это сближает материалы среднедонских могильников с погребальными памятниками степных районов Северного Причерноморья.

Объясняя причины слабой насыщенности костями животных слоев большинства исследованных на Среднем Дону городищ скифской эпохи, палеозоолог Е. Е. Антипина высказала предположение о подвижной скотоводческой модели хозяйства у местных племен (Антипина 2001, с. 141—172). Сочетание кочевого и, особенно, полукочевого скотоводства с земледелием хорошо известно по многочисленным этнографическим наблюдениям, — отмечает она. Материалы местных могильников (в плане палеозаоологического материала — напутственной пищи) оказываются похожими на погребальные памятники степных районов Северного Причерноморья (Антипина 2001, с. 185—186).

Антрополог М. В. Добровольская, изучив останки более 120 индивидов разного пола и возраста из среднедонских курганов РЖВ, пришла к заключению, что полученные результаты позволяют характеризовать «*курганное население как* ***степное****, с демографическими особенностями, типичными для кочевого скотоводческого общества*» (Добровольская 2009, с. 174—181). И далее: «*Крупные размеры длинных костей посткраниального скелета характерны для населения евразийских степей раннего железного века…*» (Добровольская 2004, с. 81).

Какие же выводы можно сделать на основании вышесказанного? Вероятно, в начале V в. до н. э. какая-то довольно многочисленная группа кочевого или полукочевого скифского населения (место их исхода пока неизвестно, но оно наверняка находилось в пределах Европейской Скифии) утвердилась в Лесостепном Подонье, возведя там родовые курганные могильники и устроив укрепленные городища.

В теплое время года (весна — лето — ранняя осень) эти кочевые или полукочевые скотоводы обитали в благодатных среднедонских краях, а на зиму уходили со стадами и имуществом на юг, в более благоприятные для зимовки табунов и отар места. Городища-крепости служили убежищами в момент обитания всей орды на среднедонской земле, а в холодное время покидались даже гарнизонами. Для контроля за регионом в это время года особых усилий не требовалось. Но в нескольких ключевых пунктах такие гарнизоны и обслуживающий их персонал, семьи, все же, видимо оставались: например, Большое Сторожевое городище на правом берегу Дона или Волошинское I городище на р. Тихая Сосна. Там культурный слой имел толщину в 60—80 см и был насыщен находками.

Учитывая крайнюю удаленность Лесостепного Подонья от главных центров Скифии и его пограничное положение на стыке двух больших этнокультурных областей (финно-угры на севере, савроматы-сарматы на востоке), политическое положение этой скифской группы было довольно неустойчивым, и ей пришлось почти два столетия вести упорную борьбу за обеспечение безопасности своих владений. Об этом говорит обилие предметов вооружения (включая самый большой в Скифии процент железных панцирей) в могилах (как мужских, так и женских) и следы травм и ранений (в том числе и смертельных) на скелетах некоторых погребенных (Добровольская 2009, с. 186—197). На рубеже IV—III вв. до н. э. в силу не выясненных пока до конца причин культура скифского времени на Среднем Дону (как, впрочем, и в остальной Скифии) терпит катастрофу и исчезает.

Если вновь вернуться к вещевому комплексу среднедонских курганов V—IV вв. до н. э., то следует еще раз обратить внимание на факт его большого сходства не просто со скифскими степными могилами, а именно с грандиозными погребальными комплексами Скифии. Об этом писали М. И. Ростовцев и А. П. Манцевич. Но здесь можно добавить еще несколько фактов на примере Александропольского «царского» кургана в Приднепровье. На какой-то странный, «восточный» оттенок его содержимого обратили внимание и М. И. Ростовцев (1993, с. 40), и, позднее, А. Ю. Алексеев (1986, с. 37; 1987, с. 46). Последний четко указал на ряд специфических параллелей в инвентаре лиц, погребенных в среднедонских курганных группах и в Александрополе (зооморфные металлические крючки, золотые обкладки деревянных культовых сосудов и т. д.) (Алексеев 1987, с. 46). Недавно этому поразительному сходству уделил внимание и автор данной статьи (Гуляев 2017, с. 123—144). К уже отмеченным чертам сходства я добавил бы еще золотую обкладку горизонтальной ручки деревянного сосуда («третьей чаши» по описанию А. П. Манцевич): «*Третьему кубку принадлежала накладка* (золотая — В. Г.)*, украшенная изображением фигуры хищника…: большая, опущенная вниз голова, короткие, широко поставленные задние лапы зверя, как бы готовящегося к прыжку. Пластина была прикреплена к борту сосуда золотыми гвоздями с большими полушаровидными шляпками* (рис. 3)…» (Манцевич 1966, с. 28—30). Хищник, о котором говорит Анастасия Петровна, — это медведь. И полной аналогией форме данного деревянного сосуда из Александрополя (чаша с двумя горизонтальными плоскими ручками) и штампованному золотому украшению ручки с фигурой хищника служит золотая обивка ручки деревянной чаши с изображением медведя, стоящего в профиль, из кургана 1 группы Час-

тых Курганов под Воронежем (раскопки ВУАК) (Замятнин 1946, с. 15, рис. 2: 1).

Не менее интересны прямые совпадения формы золотых пластин, украшавших венчик и верхнюю часть чаши с вертикальной ручкой-кабаном из Александрополя и золотых оковок деревянной чаши из кургана 2 группы Частых Курганов (раскопки ВУАК). «*Совершенно сходная оковка*, — пишет С. Н. Замятнин, — *имеется в Александропольском кургане…*» (Замятнин 1946, с. 20, рис. 9: 1).

Железный пластинчатый панцирь с нагрудной частью, покрытой (каждая пластина) толстой золотой фольгой (фрагменты его найдены разбросанными после ограбления в центральной гробнице Александропольского кургана). В самых разных областях Скифии за 250 лет археологических раскопок было найдено всего несколько доспехов подобного рода: Куль-Оба в Крыму, Мелитопольский курган (?), курган Патиниотти (Крым), Елизаветинский курган 4 и Семибратний курган 2 — в Прикубанье. А на Среднем Дону подобных панцирей известно сразу два: курган 2, Частые Курганы; курган 11/16 у с. Мастюгино (Черненко 1968, с. 22, 35; Замятнин 1946, с. 20; Пузикова 2001, с. 93, рис. 20: 1—2).

Несмотря на опустошительное ограбление всех захоронений Александропольского кургана, только в его Центральной гробнице А. Е. Люценко нашел свыше 700 золотых нашивных бляшек и мелких украшений. Но среди них я хочу выделить лишь один тип — золотые продолговатые бляшки с головой кабана на конце (рис. 4). В элитных скифских могилах, кроме Александрополя, такие украшения (да и то в очень небольшом количестве) были встречены лишь однажды — в Деевом кургане в Степном Приднепровье.

Совершенно иную картину мы видим в богатых погребальных комплексах Среднего Дона конца V — IV вв. до н. э. Нашивные бляшки с головой кабана на конце обнаружены почти во всех исследованных там могильниках: Частые Курганы (курганы 9 и 11), Мастюгино (курган II или № 29/21), Дуровка (курган 1), Колбино (курган 1 и 18, погребение 2) (рис. 5). Всего к настоящему времени из среднедонских курганных захоронений скифской эпохи известно о 101 золотой нашивной бляшке с головой кабана (реже — с двумя головами на обоих концах). Учитывая крайнюю редкость находок подобного рода в курганах высшей знати Степной Скифии и массовый характер использования такого рода украшений в элитных погребениях Среднего Дона, нельзя не прийти к выводу о неслучайности присутствия в Александрополе целого ряда «воронежских» элементов (это относится и к двум зооморфным крючкам из золота и серебра с оленями и грифонами: они из всех курганов высшей скифской знати есть только в Александропольском кургане).

Рис. 3. Золотая оковка ручки деревянного сосуда с фигурой медведя из Александропольского кургана (1); аналогичная оковка деревянного сосуда с медведем, курган 1, Частые Курганы (раскопки ВУАК) (2)

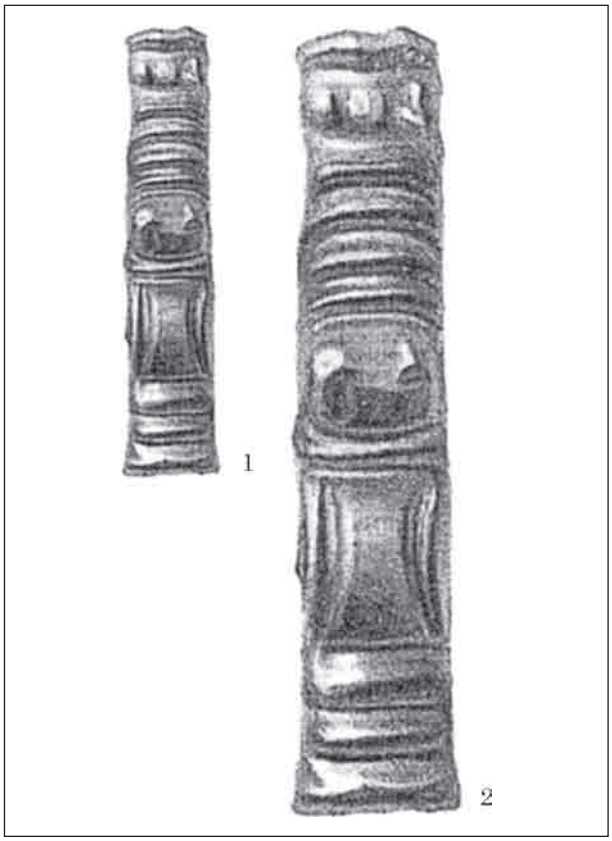

Рис. 4. Нашивные золотые бляшки с головой кабана, Александропольский курган

Можно напомнить еще и о мече «чертомлыцкого» типа из кургана 7 у с. Колбино (рис. 6) (Савченко 2001, с. 98, рис. 32: 13—14; Гуляев 2009а, с. 147—151); о «фракийской» моде конских украшений во второй половине IV в. до н. э. в кругах скифской аристократии, от Дуная до Дона. На Среднем Дону серебряные «фра-

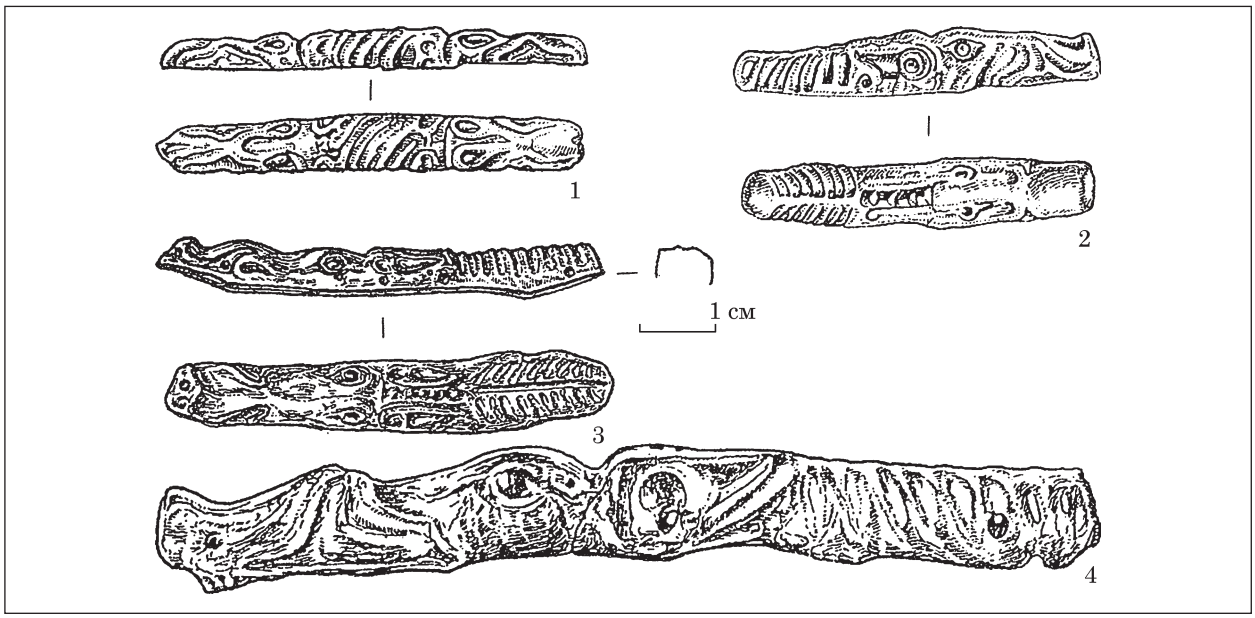

Рис. 5. Золотые нашивные бляшки с головой кабана из курганов IV в. до н. э. у с. Колбино

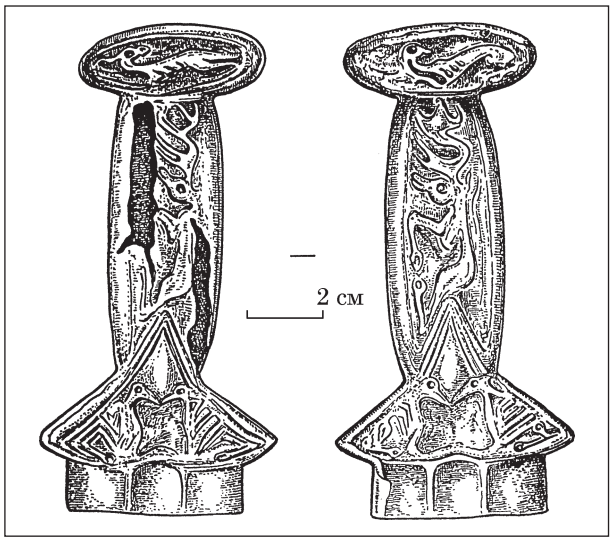

Рис. 6. Меч «чертомлыкского» типа с золотой рукояткой, курган 7 у с. Колбино

кийские» нащечники и наносники представлены в кургане 11 группы Частых Курганов (раскопки ВУАК) (Замятнин 1946, с. 42, рис. 31: 1—4) и в кургане 2 у с. Колбино (Гуляев 2001, с. 138—140). Ближайшей аналогией колбинской находке служит серебряный набор № 1 конской могилы 1 в кургане Хомина Могила близ г. Орджоникидзе (Украина) (Мозолевский 1973, с. 216—218, рис. 27).

Серебряные с позолотой ритоны — культовые сосуды, связанные с высшими кругами скифской знати обнаружены в лесостепном Подонье дважды: в кургане 29/21 у с. Мастюгино (Либеров 1965, с. 99, табл. 30: 5) и в кургане 1 у с. Дуровка (Пузикова 2001, с. 208, рис. 6).

Серебряные круглодонные культовые кубки — с изображениями и гладкие — представлены в рассматриваемом регионе трижды: знаменитый сосуд со скифами из кургана 3 Частых Курганов, в кургане 14 у с. Дуровка (Пузикова 2001, с. 243, рис. 41) и в кургане 8, погребение 2, у с. Колбино (Гуляев 2001, с. 37, рис. 4). И это при повальном ограблении именно курганов скифского времени в Подонье, когда крупные изделия из драгоценных металлов очень редко избегали рук грабителей, древних и более поздних (вплоть до конца XIX — начала XX вв.).

Закончу этот беглый обзор скифо-донских параллелей упоминанием еще об одном необычном феномене: из всей обширной Днепро-Донской лесостепи скифской эпохи только в воронежских курганах отмечены следы присутствия в кругах местной элиты культа греко-скифской богини Кибелы-Аргимпасы, повелительницы или владычицы зверей: золотые подвески-«серьги» с фигурой богини, сидящей на львах из кургана 5 у с. Мастюгино, раскопки Н. Е. Макаренко, в 1908 г. (рис. 7) (Макаренко 1911, с. 57—59, 71; Манцевич 1973, с. 37—40, рис. 11: 2). Такие же золотые подвески-«серьги» с Кибелой найдены в женской гробнице «царского» кургана Толстая Могила на окраине г. Орджоникидзе (Мозолевский 1972а, с. 271—274, 299—300), в кургане 2 у с. Любимовка, Херсонская обл. (Лесков 1981, с. 129), и в кургане 10, погребении 3 у с. Большая Знаменка, Каменско-Днепровский р-н, Запорожская обл. (Scythian Gold 1999, p. 265). Варварская версия богини Аргимпасы-Кибелы есть и в Александропольском кургане — это железная, с золотой и серебряной облицовкой пластина, на которой очень грубо изображена крылатая богиня с двумя животными по бокам (рис. 8). Но это не обычные в таких случаях звери — кошачьи хищники пантеры и львы, а копытные — лани, олени. Подробности о культе Кибелы-Аргимпасы в Скифии можно найти в моей статье (Гуляев 2018, с. 105—117).

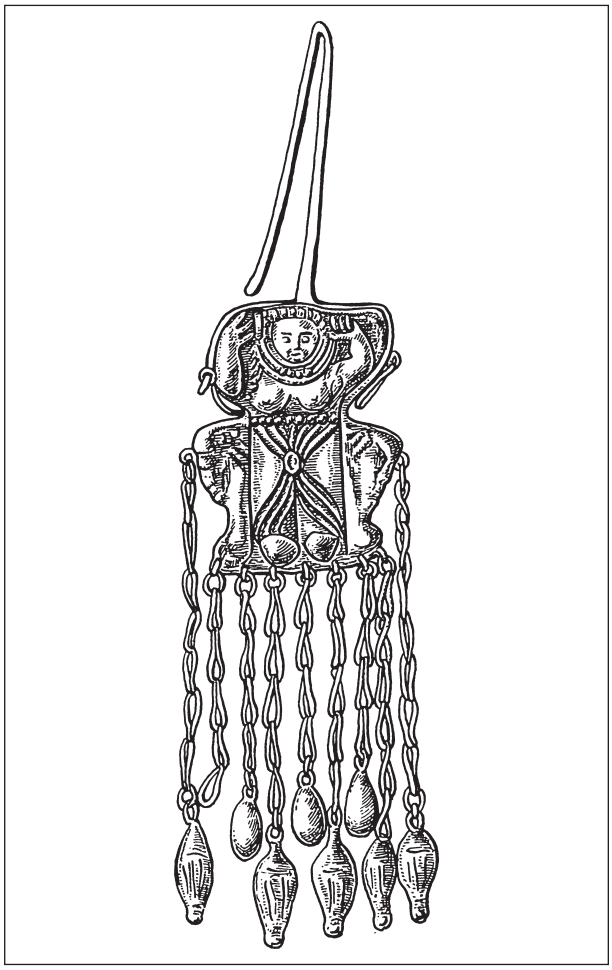

Рис. 7. Золотая подвеска-«серьга» с фигурой богини Кибелы, курган 5 у с. Мастюгино (раскопки Н. Е. Макаренко)

Рис. 8. Золотая бляха с изображением Апполона-Гойтосира верхом на грифоне, курган 7, с. Дуровка

Есть также гипотеза о том, что на золотой круглой бляхе из кургана 1 у с. Дуровка (Белгородская обл., РФ) в явно варварском местном стиле изображен персонаж, верхом на крылатом львиноголовом грифоне, который терзает оленя (рис. 9). По мнению ряда исследователей (Н. А. Онайко, А. И. Пузикова, А. Р. Канторович), здесь представлен скифский бог Гойтосир — аналог греческого Аполлона Гиперборейского. Это наименее ясное божество скифского пантеона. Однако, в нем он занимал довольно высокое положение — Геродот упоминает его сразу за тройкой верховных богов Скифии. Тем самым подтверждается правильность сопоставления данного божества с греческим Аполлоном и иранским Митрой. Отсюда и функции Гойтосира. Он бог света и Солнца, победитель чудовищ, «дающий прекрасноконное богатство», «владеющий обширными пастбищами», поддерживающий (как и Митра-Аполлон) всеобщий космический порядок на небе и на земле, охранитель скота, лучник (Бессонова 1983, с. 43).

Однако, есть ли фактические подтверждения почти полного отождествления культа Аполлона (независимо от его ипостаси) с Гойтосиром среди скифского населения Северного Причерноморья. Неоспоримым свидетельством в пользу точки зрения о слиянии варварских и эллинских верований в рамках культа Аполлона Борея говорит посвятительная надпись из Ольвии. Это граффи-

Рис. 9. Прорисовка изображения на бронзовом навершии из кургана Слоновская Близница

Рис. 10. Прорисовка изображения богини на полиметаллической пластине из кургана Александрополь

то (второй -третьей четверти VI в. до н. э.), весьма небрежно процарапанное на венчике горла клазоменской амфоры: «*Анаппер (сын) Анахирса, сколот, Аполлону Борею мёд отеческий (?) посвятил*». «*Таким образом, перед нами посвящение скифа (сколота) (и притом сына прославленного скифского мудреца Анахарсиса) Аполлону Врачу, что, на наш взгляд, было бы невозможно, если бы посвятитель не знал (и не чувствовал) в этом боге образа, родного и близкого своим религиозным представлениям*» (Шауб 2007, с. 178—179). Возможно, что здесь имеются в виду именно представления о Гойтосире.

Есть у нас и материальные доказательства проникновения культа Аполлона-Гойтосира в среду скифской знати в конце V — IV вв. до н. э. В XIX в. в кургане Слоновская Близница на Днепропетровщине были найдены четыре бронзовых навершия с изображением мужской фигуры и двух животных, переданных в плоском рельефе (рис. 10) (ДГС, 1866, вып. 1, табл. XXV: 1—2). В течение многих лет сюжет, запечатленный на навершиях, оставался неразгаданным. Обычно в нем видели борьбу героя с фантастическим чудовищем (Б. Н. Граков и ряд других исследователей называли этого героя скифским Гераклом-Таргитаем). Однако, в 1970-е гг. Н. А. Онайко удалось убедительно доказать, что в северопричерноморском искусстве IV в. до н. э. можно выделить сцены «охоты Аполлона», являвшиеся варварской переработкой античного мифологического сюжета. «*В настоящее время*, — отмечает она, — *благодаря новой находке* (1964 г. — *В. Г.*) — *золотой бляхе из Дуровки, в кургане близ Воронежа* (Н. А. здесь не права, от Воронежа это 160—180 км на юго-запад, Белгородская обл. — *В. Г.*) *и очень близким аналогиям в греческой керамике (феодосийский керамический медальон, ваза Ксенофонта, боспорская пелика) можно без труда узнать образы, украсившие навершия из Слоновской Близницы. Это всадник на львиноголовом грифоне, который пытается поразить копьем молодого оленя…*» (Онайко 1977, с. 153). И этот всадник Аполлон Гиперборейский (он же — Гойтосир).

Общее истолкование смысла запечатленной на дуровской золотой бляхе сцены дает один из лучших отечественных специалистов в области скифского искусства — А. Р. Канторович. «*Существует предположение, что сцена представляет собой охоту скифского бога Гойтосира (солнечный бог, аналог греческого бога Аполлона Гиперборейского) на оленя при содействии грифона, которого оседлал Гойтосир…*» (Скифская… 2013, с. 24—25).

Украинский археолог С. В. Полин привел, кроме наверший из Слоновской Близницы, в качестве аналогии сюжету всадника на грифоне, атакующего оленя, фрагменты бронзовых украшений погребальной повозки из известного элитного скифского кургана Бабина Могила. Он же датировал и Слоновскую Близницу и Бабину Могилу в пределах первой — начале второй четверти IV в. до н. э. (Полин 2013, с. 206—214).

Но есть еще один интересный скифский бог, для нашей темы, вероятно, один из наиболее главных. Это — Тагимасад-Посейдон. По свидетельству Геродота, Тагимасад не входил в семерку верховных божеств Скифии. Его почитали только «царские» скифы, божеством-покровителем которых он, по всей видимости, и был. «Отец истории» сопоставлял его с греческим «морским владыкой» Посейдоном, имея, скорее всего, в виду «водный» и «конский» аспекты этого божества. Посейдон относился к числу древнейших индоевропейских богов и олицетворял не только морские и пресные воды, но и необузданную мощь природных стихий (Бессонова 1983, с. 50—51). Легендарный крылатый конь Пегас — тоже порождение Посейдона. «*Таким образом, в культе Тагимасада (Посейдона) как бога-покровителя племени скифов-царских можно выделить такие аспекты, как почитание плодоносящей водной стихии как первоисточника жизни и покровительство коням. Эти аспекты, соответствующие сущности греческого Посейдона, не противоречили и нормам индоиранских религий… Как божество-покровитель господствующего племени Тагимасад должен был играть видную роль в царской идеологии…*» (Бессонова 1983, с. 52—53). Изображение Тагимасада в образе крылатого коня представлено на великолепной серебряной амфоре из «царского» кургана Чертомлык (Мачинский 1978, с. 238—239). Что касается морских существ (спутников и помощников Посейдона), то в изобразительном искусстве Северного Причерноморья они становятся популярными в IV в. до н. э. и, особенно, на Боспоре. Как полагают некоторые исследователи, уже во времена боспорских Спартокидов в официальной титулатуре правящих царей появляется упоминание их божественных предков — Эвмолпа, сына Посейдона, и Геракла. Отсюда становится понятной популярность не просто водяных, но именно мор-

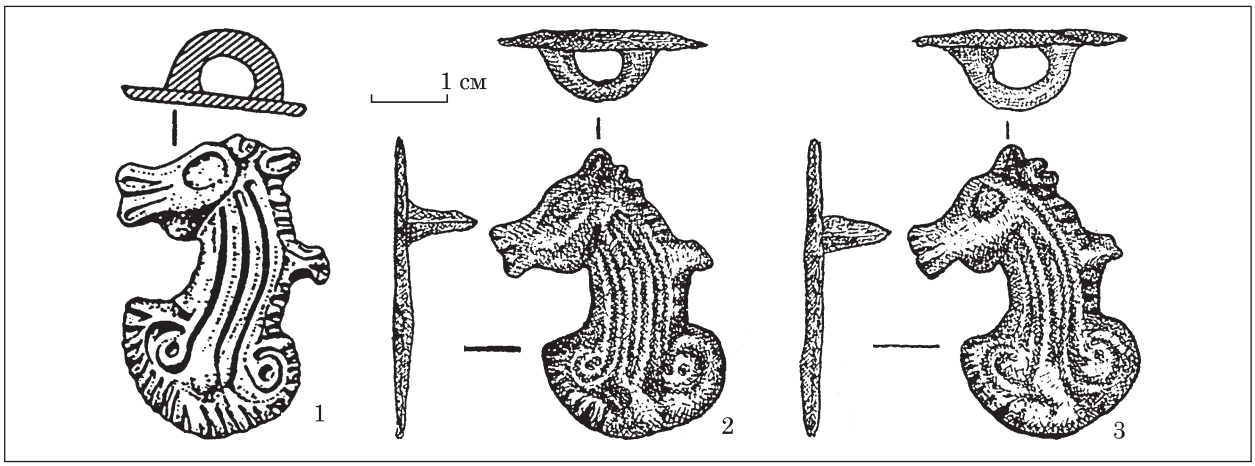

Рис. 11. Бронзовые бляхи конской узды: 1 — курган 9 у с. Дуровка; 2—3 — курган 10 у с. Горки

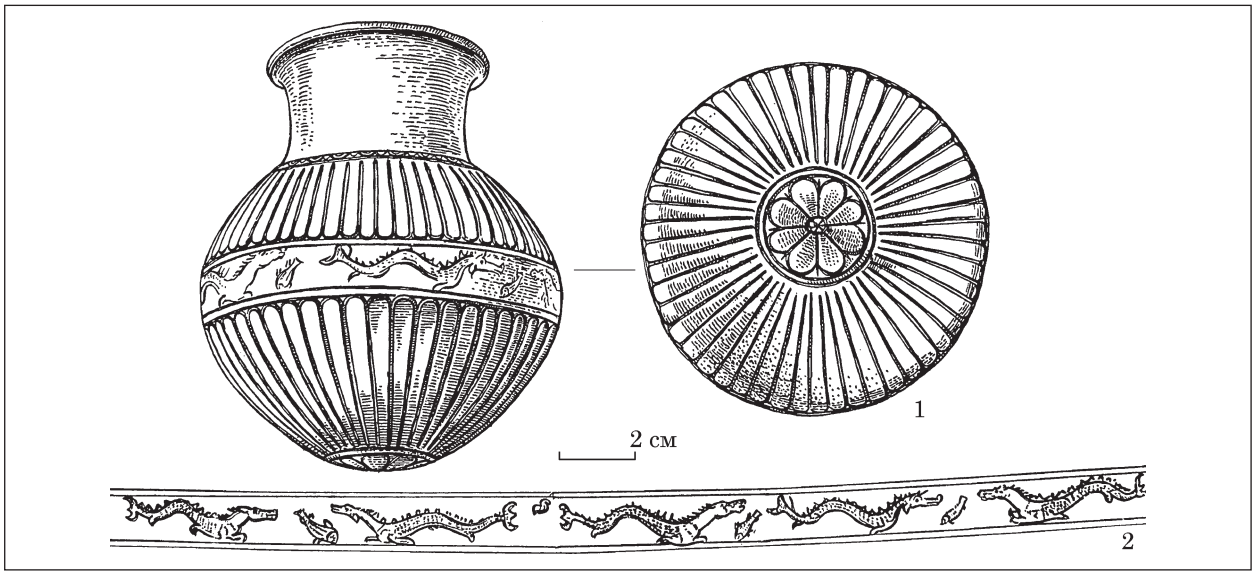

Рис. 12. Серебряный греческий сосуд с фигурами гиппокамов и рыб, курган 4 у с. Дуровка

ских существ круга Посейдона (крылатые кони, гиппокампы, гиппокампы с протомой реального коня с передними ногами и туловищем морского существа или земноводного, дельфины, рыбы и т. д.) (Бессонова 2004, с. 25—27).

Гиппокампы, как и дельфины, были ездовыми животными Посейдона и его свиты, его символами. Классические изображения гиппокампов помещены на лопасти ножен меча из Куль-Обы, золотых подвесках к головному убору из Большой Близницы. Интересное изображение гиппокампа помещено на круглой золотой бляхе конского убора из Александропольского кургана. «*Таким образом, большинство изображений волшебных коней, выполненных в греческой традиции, найдены в погребениях, территориально тяготевших к Боспору. Все три разновидности волшебных коней (крылатый конь, классический гиппокамп и гиппокамп-морской конек) представлены на золотых изделиях из Куль-Обы, где были захоронены эллинизированные представители династии скифских царей (из племени скифов-царских?), что подтверждает сказанное выше об усилении роли культа скифского Посейдона* (Тагимасада — *В. Г.*) *в IV в. до н. э. прежде всего в их среде*» (Бессонова 2004, с. 26). Образы гиппокампа и морского конька, по мнению С. С. Бессоновой, повлияли на иконографию скифских фантастических существ, так называемых «петушков», входивших всегда в состав ***конского убора***. «*Однако, несмотря на значительную стилизацию, черты водных существ также просматриваются* (у «петушков» — *В. Г.*) *довольно хорошо. Это, прежде всего, общие волнистые контуры фигуры, напоминающие рыб, дельфинов и земноводных… Сходство с водными существами усиливают "лапки" по бокам туловища, напоминающие плавники рыб, либо конечности земноводных…*» (Бессонова 2004, с. 27). Но по общему виду сама голова «петушка» очень напоминает конскую.

К настоящему времени количество находок описанных выше типов (материальные следы

культа Посейдона-Тагимасада) на Среднем Дону в курганах скифского времени заметно возросло. «Петушки», кроме кургана 9 у с. Дуровка (Пузикова 2001, с. 231, рис. 29: 7), обнаружены (сразу 2 экземпляра) в кургане 10 у с. Горки (рис. 11) (Гуляев, Савченко 2004, с. 40, рис. 4: 9). Серебряные бляхи-нащечники конской узды в виде гиппокампов и каких-то стилизованных морских существ удалось найти в кургане 2 у с. Колбино (Шевченко 2009, с. 65, рис. 4: 1—2), а также бронзовую бляху в кургане 29 того же могильника (Шевченко 2009, с. 92, рис. 31: 2). Фигуры гиппокампов и рыб изображены на тулове великолепного серебряного культового сосуда греческой работы, найденного в кургане 14 у с. Дуровка (рис. 12) (Пузикова 2001, с. 243, рис. 41).

В заключение, вспомним, что Геродот писал о каких-то скифах, *отделившихся некогда от скифов-царских* и ушедших далеко на северо-восток от родных причерноморских степей. Именно с ними некоторые исследователи связывают среднедонские курганы V—IV вв. до н. э. Выше был приведен ряд фактов, доказывающих близость материальной и духовной культуры людей, похороненных в «воронежских» курганах, именно с элитными гробницами Степного Приднепровья, где находились владения «царских» скифов. И связи между обоими регионами вряд ли когда-либо прерывались.

Исходя из имеющихся на сегодняшний день археологических материалов и данных естественных наук, есть все основания считать, что обитатели степных и лесостепных областей Северного Причерноморья, несмотря на некоторые локальные различия в их культуре, входили в состав единого военно-политического образования государственного типа — Большой Скифии, от Дуная до Дона, и северо-восточной окраиной ее была территория Среднего Дона. Этот вывод целиком укладывается в рамки той концепции, которую в свое время упорно отстаивали выдающиеся отечественные скифологи М. И. Ростовцев и А. И. Тереножкин.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1986. Греческая керамика из Александропольского кургана. *Сборник Государственного Эрмитажа*, 51, с. 35-38.

Алексеев, А. Ю. 1987. Хронография Скифии второй половины IV в. до н. э. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 28, с. 38-52.

Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Антипина, Е. Е. 2001. Археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000*. Москва: ИА РАН, с. 171-188.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Бессонова, С. С. 2004. Крылатый конь-гиппокамп-морской конек и скифский Посейдон. *Старожитності Степового Причерномор'я і Криму*, XI, с. 25-30.

Велиховская, К. А. (ред.). 2013. *Скифская золотая бляшка из Белгородского историко-краеведческого музея. Музейный год. Коллекция*. Белгород.

Гуляев, В. И. 2001. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000*. Москва: ИА РАН, с. 18-53.

Гуляев, В. И. 2004. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003*. Москва: ИА РАН, с. 7-25.

Гуляев, В. И. 2008. «Престижные» вещи из среднедонских курганов скифского времени и проблема единой Скифии. В: Мошкова, М. Г. (ред.). *Проблемы современной археологии*. Москва: Таус, с. 155-173.

Гуляев, В. И. 2009a. Погребальный обряд как этноисторический источник (по материалам среднедонских курганов скифского времени. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008*. Москва: ИА РАН, с. 10-26.

Гуляев, В. И. 2009b. Парадные мечи V—IV вв. до н. э. из курганов Скифии. *Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов*, 13, с. 147-152.

Гуляев, В. И. 2017. Александрополь — «царский» курган скифов: взгляд со стороны Среднего Дона. *Вестник МГУ*: Серия 8: История, 4, с. 123-144.

Гуляев, В. И. 2018. Богиня Кибела — владычица зверей — в скифском искусстве. *Российская археология*, 1, с. 105-117.

Гуляев, В. И., Савченко, Е. И. 2004. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003*. Москва: ИА РАН, с. 35-53.

Добровольская, М. В. 2004. К антропологии населения Среднего Дона в скифское время. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003*. Москва: ИА РАН, с. 69-107.

Добровольская, М. В. 2009a. Палеодемография среднедонского населения раннего железного века. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008*. Москва: ИА РАН, с. 174-186.

Добровольская, М. В. 2009b. Травматические повреждения на скелетных останках людей из курганных некрополей Среднего Дона. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2009*. Москва: ИА РАН, с. 186-198.

Древности Геродотовой Скифии. 1866. Санкт-Петербург, 1.

Замятнин, С. Н. 1946. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем. *Советская археология*, VIII, с. 9-51.

Лебедева, Е. Ю. Антипина, Е. Е. 2009. Городище Россошки — «постоянный адрес или временная прописка?». В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008*. Москва: ИА РАН, с. 198-221.

Лесков, А. М. 1981. *Курганы: находки, проблемы*. Ленинград: Наука.

Либеров, П. Д. 1965. *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—31.

Макаренко, Н. Е. 1911. Археологические исследования 1907—1909 гг. *Известия Императорской Археологической Комиссии*, 43, с. 47-76.

Манцевич, А. П. 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 8, с. 23-38.

Манцевич, А. П. 1973. Мастюгинские курганы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 15, с. 12-46.

Мачинский, Д. А. 1978. О смысле изображений на Чертомлыцкой амфоре. *Проблемы археологии*, 2, с. 232-240.

Мозолевский, Б. Н. 1972. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине (предварительная публикация). *Советская археология*, 3, с. 268-309.

Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 187-235.

Онайко, Н. А. 1977. Аполлон Гиперборейский. В: Кобылина, М. М. (ред.). *История и культура античного мира*. Москва: Наука, с. 153-160.

Полин, С. В. 2013. Антропоморфная стела из кургана Слоновская Близница. В: Копылов, В. П. (ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов-на-Дону, с. 203-215.

Пузикова, А. И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация материалов)*. Москва: Индрик.

Раевский, Д. С. 1970. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея. *Советская археология*, 3, с. 90-102.

Раевский, Д. С. 1977. *Очерки идеологии скифосакских племен*. Москва: Наука.

Ростовцев, М. И. 1914. Воронежский серебряный сосуд. *Материалы по археологии России*, 34, с. 79-93.

Ростовцев, М. И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. *Известия Императорской Археологической Комиссии*, 49, с. 1-62.

Ростовцев, М. И. 1918. *Эллинство и иранство на юге России*. Петроград.

Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград.

Ростовцев, М. И. 1993. Иранизм и ионизм на юге России. *Петербургский археологический вестник*, 5: Скифика. Избранные работы академика М. И. Ростовцева, с. 19-22.

Савченко, Е. И. 2001. Могильник скифского времени Терновое I — Колбино I на Среднем Дону (погребальный обряд). В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000*. Москва: ИА РАН, с. 53-144.

Савченко, Е. И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003*. Москва: ИА РАН, с. 151-277.

Савченко, Е. И. 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008*. Москва: ИА РАН, с. 221-329.

Спицын, А. А. 1918. Курганы «скифов-пахарей». *Известия Императорской Археологической Комиссии*, 65, с. 87-143.

Черненко, Е. В. 1968. *Скифский доспех*. Киев: Наукова думка.

Шауб, И. Ю. 2007. *Миф. Культ. Ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург.

Шевченко, А. А. 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008*. Москва: ИА РАН, с. 26-112.

Reeder, E. D. (ed.). 1999. *Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine*. New York: Harry N. Abrams.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 1986. Grecheskaya keramika iz Aleksandropolskogo kurgana. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 51, s. 35-38.

Alekseyev, A. Yu. 1987. Khronografiya Skifii vtoroy poloviny IV v. do n. e. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 28, s. 38-52.

Alekseyev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.

Antipina, E. E. 2001. Arkheozoologicheskiye materialy iz raskopok pamyatnikov skifskogo vremeni na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 1993—2000*. Moskva: IA RAN, s. 171-188.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznyye predstavleniya skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Bessonova, S. S. 2004. Krylatyy kon-gippokamp-morskoy konek i skifskiy Poseydon. *Starozhitnosti Stepovogo Prichernomorya i Krimu*, XI, s. 25-30.

Velikhovskaya, K. A. (ed.). 2013. *Skifskaya zolotaya blyashka iz Belgorodskogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya. Muzeynyy god. Kollektsiya*. Belgorod.

Gulyayev, V. I. 2001. Obshchiye problemy arkheologii Srednego Dona skifskogo vremeni. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 1993—2000*. Moskva: IA RAN, s. 18-53.

Gulyayev, V. I. 2004. Eshche raz k voprosu ob etnokulturnoy situatsii v Srednem Podonye v skifskoye vremya. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2001—2003*. Moskva: IA RAN, s. 7-25.

Gulyayev, V. I. 2008. «Prestizhnyye» veshchi iz srednedonskikh kurganov skifskogo vremeni i problema edinoy Skifii. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Problemy sovremennoy arkheologii*. Moskva: Taus, s. 155-173.

Gulyayev, V. I. 2009a. Pogrebalnyy obryad kak etnoistoricheskiy istochnik (po materialam srednedonskikh kurganov skifskogo vremeni. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2004—2008*. Moskva: IA RAN, s. 10-26.

Gulyayev, V. I. 2009b. Paradnyye mechi V—IV vv. do n. e. iz kurganov Skifii. *Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Evropy. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*, 13, s. 147-152.

Gulyayev, V. I. 2017. Aleksandropol — «tsarskiy» kurgan skifov: vzglyad so storony Srednego Dona. *Vestnik MGU*: Seriya 8: Istoriya, 4, s. 123-144.

Gulyayev, V. I. 2018. Boginya Kibela — vladychitsa zverey — v skifskom iskusstve. *Rossiyskaya arkheologiya*, 1, s. 105-117.

Gulyayev, V. I. Savchenko, E. I. 2004. Novyy pamyatnik skifskogo vremeni na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2001—2003*. Moskva: IA RAN, s. 35-53.

Dobrovolskaya, M. V. 2004. K antropologii naseleniya Srednego Dona v skifskoye vremya. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2001—2003*. Moskva: IA RAN, s. 69-107.

Dobrovolskaya, M. V. 2009a. Paleodemografiya srednedonskogo naseleniya rannego zheleznogo veka. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2004—2008*. Moskva: IA RAN, s. 174-186.

Dobrovolskaya, M. V. 2009b. Travmaticheskiye povrezhdeniya na skeletnykh ostankakh lyudey iz kurgannykh nekropoley Srednego Dona. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2004—2009*. Moskva: IA RAN, s. 186-198.

Drevnosti Gerodotovoy Skifii. 1866. Sankt-Peterburg, 1.

Zamyatnin, S. N. 1946. Skifskiy mogilnik «Chastyye Kurgany» pod Voronezhem. *Sovetskaya arkheologiya*, VIII, s. 9-51.

Lebedeva, E. Yu. Antipina, E. E. 2009. Gorodishche Rossoshki — «postoyannyy adres ili vremennaya propiska?». In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2004—2008*. Moskva: IA RAN, s. 198-221.

Leskov, A. M. 1981. *Kurgany: nakhodki. problemy*. Leningrad: Nauka.

Liberov, P. D. 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—31.

Makarenko, N. E. 1911. Arkheologicheskiye issledovaniya 1907—1909 gg. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii*, 43, s. 47-76.

Mantsevich, A. P. 1966. Derevyannyye sosudy skifskoy epokhi. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 8, s. 23-38.

Mantsevich, A. P. 1973. Mastyuginskiye kurgany. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 15, s. 12-46.

Machinskiy, D. A. 1978. O smysle izobrazheniy na Chertomlytskoy amfore. *Problemy arkheologii*, 2, s. 232-240.

Mozolevskiy, B. N. 1972. Kurgan Tolstaya Mogila bliz g. Ordzhonikidze na Ukraine (predvaritelnaya publikatsiya). *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 268-309.

Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskiye pogrebeniya u s. Nagornoye bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, s. 187-235.

Onayko, N. A. 1977. Apollon Giperboreyskiy. In: Kobylina, M. M. (ed.). *Istoriya i kultura antichnogo mira*. Moskva: Nauka, s. 153-160.

Polin, S. V. 2013. Antropomorfnaya stela iz kurgana Slonovskaya Bliznitsa. In: Kopylov, V. P. (ed.). *Prichernomorye v antichnoye i rannesrednevekovoye vremya*. Rostov-na-Donu, s. 203-215.

Puzikova, A. I. 2001. *Kurgannyye mogilniki skifskogo vremeni Srednego Podonia (publikatsiya materialov)*. Moskva: Indrik.

Rayevskiy, D. S. 1970. Skifskiy mifologicheskiy syuzhet v iskusstve i ideologii tsarstva Ateya. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 90-102.

Rayevskiy, D. S. 1977. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen*. Moskva: Nauka.

Rostovtsev, M. I. 1914. Voronezhskiy serebryanyy sosud. *Materialy po arkheologii Rossii*, 34, s. 79-93.

Rostovtsev, M. I. 1913. Predstavleniye o monarkhicheskoy vlasti v Skifii i na Bospore. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii*, 49, s. 1-62.

Rostovtsev, M. I. 1918. *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii*. Petrograd.

Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor*. Leningrad.

Rostovtsev, M. I. 1993. Iranizm i ionizm na yuge Rossii. Skifika. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik*, 5: Izbrannyye raboty akademika M. I. Rostovtseva, s. 19-22.

Savchenko, E. I. 2001. Mogilnik skifskogo vremeni Ternovoye I — Kolbino I na Srednem Donu (pogrebalnyy obryad). In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 1993—2000*. Moskva: IA RAN, s. 53-144.

Savchenko, E. I. 2004. Vooruzheniye i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2001—2003*. Moskva: IA RAN, s. 151-277.

Savchenko, E. I. 2009. Snaryazheniye konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arkheologicheskiy istochnik. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2004—2008*. Moskva: IA RAN, s. 221-329.

Spitsyn, A. A. 1918. Kurgany «skifov-pakharey». *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii*, 65, s. 87-143.

Chernenko, E. V. 1968. *Skifskiy dospekh*. Kiev: Naukova dumka.

Shaub, I. Yu. 2007. *Mif. Kult. Ritual v Severnom Prichernomorye (VII—IV vv. do n. e.)*. Sankt-Peterburg.

Shevchenko, A. A. 2009. Novyye materialy k izucheniyu kurgannogo mogilnika skifskogo vremeni Kolbino I na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2004—2008*. Moskva: IA RAN, s. 26-112.

Reeder, E. D. (ed.). 1999. *Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine*. New York, Harry N. Abrams.

V. I. Guliaev

«BUDINIA OR SCYTHIA?» THE ETHNIC AND CULTURAL BELONGING OF THE MIDDLE DON POPULATION DURING 5th—4th centuries BC

For over half a century (since the end of the 1950s), the Scythology has been discussing the location of the Scythian and non-scythian tribes mentioned by Herodotus on a geographical map. After the Scythian-Sarmatian conference in 1952 and the report of B. N. Grakov and A. I. Melyukova, most of archaeologists supported the idea that only the Black Sea steppe belonged to the Scythians, and non-scythian peoples and tribes inhabited the forest-steppe regions of the Northern Black Sea region. In this regard monuments on the Middle Don dated V—IV centuries BC began to be considered Budinia, belonging to the Budinians and Gelonians. P. D. Lieberov interpreted the Budinians as Finno-Ugric tribes. Archaeological research of the last decades (including the widespread use of the methods of the natural sciences) made it possible to revise this idea and return to the M. I. Rostovtsev and A. I. Terenozhkin point of view about the existence of a single large Scythia covering in the VII—IV centuries BC all the Northern Pontic (steppe and forest-steppe) from the Danube to the Don.

Keywords: Scythians, barrows, elite burials, cult vessel, Middle Don, gods, Greek art.

Одержано 12.04.2019

ГУЛЯЄВ Валерій Іванович, доктор історичних наук, головний науковий співробітник, Інститут археології РАН, вул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Росія, *viguliaev@yandex.ru*.

GULIAEV Valerij Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulianov 19, Moscow, 117036, Russia, *viguliaev@yandex.ru*.

УДК: 9043.21(477)”637”

В. І. Клочко

МЕТАЛЕВІ СОКИРИ РАННЬОГО ЕТАПУ ЯМНОЇ КУЛЬТУРИ УКРАЇНИ

Стаття присвячена вивченню генезису та побудові типохронології металевих сокир раннього етапу ямної культури України з використанням усіх доступних автору артефактів та археологічних комплексів.

Ключові слова: *Україна, доба ранньої бронзи, ямна культура, металеві сокири, типологія та хронологія.*

Нині є дві основні теорії походження металевих сокир ямної культури Східної Європи: «Майкопська» та «Самарська».

Основні положення «майкопської» теорії викладені у працях Є. М. Черниха, С. Н. Коренєвського та А. Л. Нечитайло. Докладне історіографічне реферативне викладення цієї теорії нещодавно зробив В. А. Дергачев (Дергачев 2018), до якої я і відсилаю читачів. Від себе додам, що основним недоліком цієї теорії є та обставина, що на лінії зав’язків сокир типу Баніябік-Майкоп-Новосвободна Центральної Європи та Північного Кавказу, яку декларують творці цієї теорії лежить невідома їм terra incognita, яка називається «Україна».

Альтернативну теорію, яку я називаю «самарська» і яку послідовно «не помічають» творці та прихильники «майкопської» теорії, включаючи і В. А. Дергачева, я почав розробляти ще у 1990-х рр. (Клочко 1994, с. 105, рис. 30: 1—5; 2006, с. 45, рис. 21: 1—4; 2016, с. 291, илл. 7: В; Klochko 2001, p. 68—70, fig. 23: 1—4; Klochko, Klochko 2013, p. 51—54, fig. 7, 12). Тобто, їй вже виповнилось 25 років.

Нові матеріали, що накопичилися за останні роки, дозволили мені модернізувати свою теорію та розробити на її основі нову типохронологію металевих сокир раннього етапу ямної культури України.

Поява на Україні металевих обушкових сокир сучасного вигляду відноситься до другої половини IV тис. до н. е. Про це свідчать знахідки керамічних ливарних форм для відливання сокир у «серезліївських» («постмаріупольських») похованнях біля с. Маївка Дніпропетровського р-ну, курганна група XII, курган 2, поховання 10 (Ковалева, Волкобой та ін. 1977, с. 10—22, табл. XV, XVI) та острів Самарський біля с. Соколове Новомосковського р-ну Дніпропетровської обл., курган 1, поховання 6 (Ковалева 1979, с. 64, рис. 6) (рис. 1: 1, 2). Це на сьогодні є найдавніші у Європі поховання майстрів-ливарників, а знайдені в них ливарні матриці репрезентують *початок виробництва найдавніших на території України мідних обушкових сокир*. Ці поховання були розташовані в регіоні устя пойми річки Самара, лівої притоки Дніпра, у безпосередній близькості від криворізького рудного масиву (рис. 2: 1, 2).

Сокири самарського типу відрізняються від північнокавказьких сокир майкопського типу більш довгим і вузьким тулубом. За конструкцією самарські ливарні форми близькі до найбільш давніх, відомих на сьогодні керамічних ливарних форм обушкових сокир куро-аракської культури Кавказу (Мартиросян 1964, с. 25—28; Кушнарева, Чубинишвили 1970, рис. 40: 4, 5, 9; Мунчаев 1975, рис. 30: 4—6) Але форма самарських сокир відрізняється від куро-аракських менш виділеним обухом. Тим не менше, можна стверджувати, що *самарські сокири належать до кола морфології та технології сокир доби ранньої бронзи куро-аракської культури Кавказу*. Метал у ці форми заливався у відкриту щілину між обома половинками

© В. І. КЛОЧКО, 2019

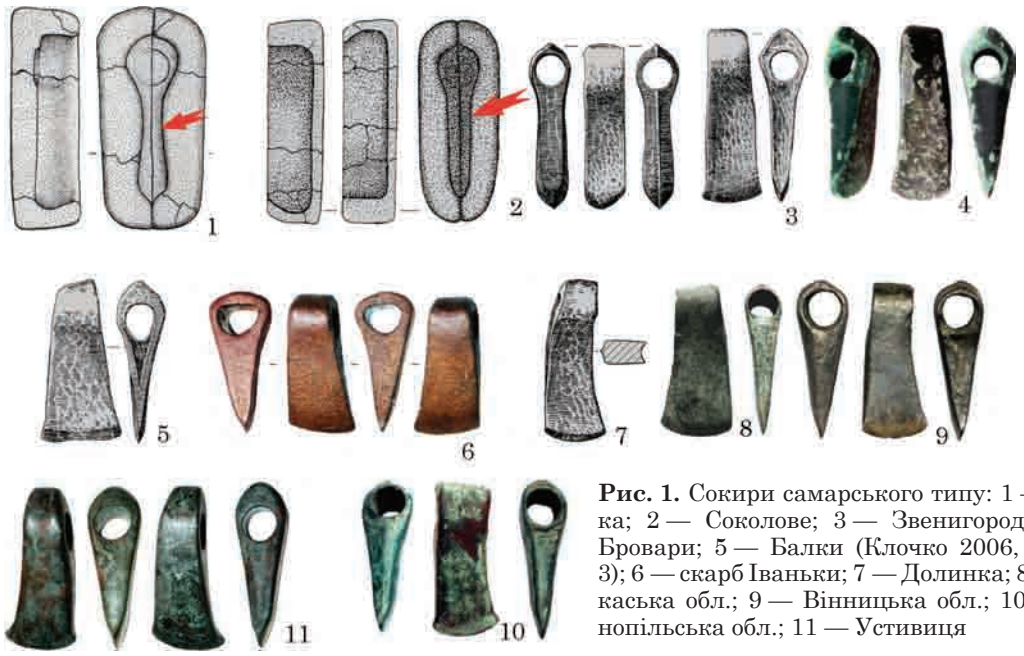

Рис. 1. Сокири самарського типу: 1 — Маївка; 2 — Соколове; 3 — Звенигородка; 4 — Бровари; 5 — Балки (Клочко 2006, рис. 21: 3); 6 — скарб Іваньки; 7 — Долинка; 8 — Черкаська обл.; 9 — Вінницька обл.; 10 — Тернопільська обл.; 11 — Устивиця

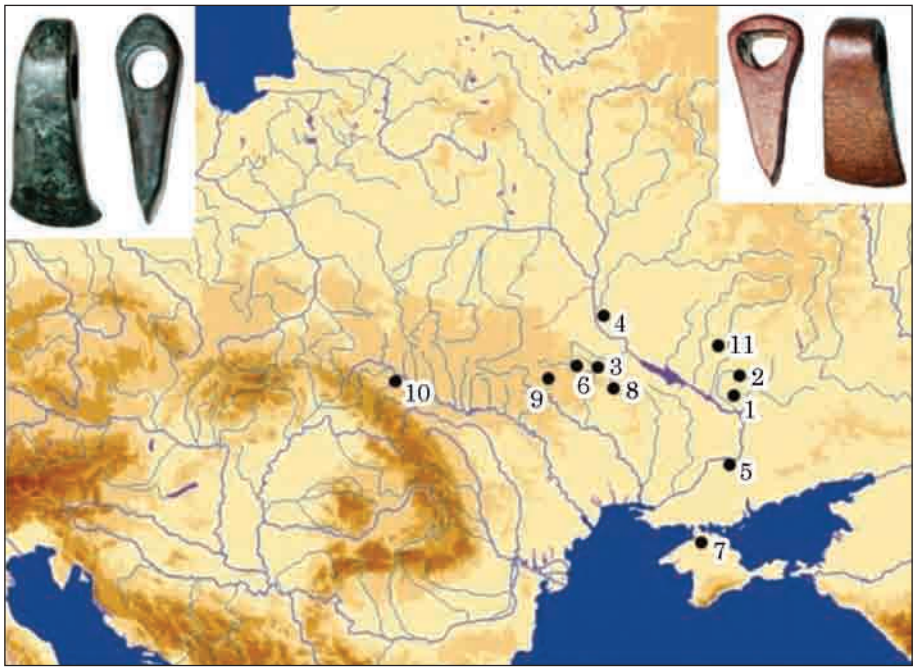

Рис. 2. Мапа сокир самарського типу

матриці, розташовану з «внутрішнього» боку сокири — техніка лиття у відкрите «черевце» (рис. 1: 1, 2).

Отже, **сокири самарського типу** відносяться до серезліївської групи пізнього Трипілля (друга половина IV тис. до н. е.) Середньої Наддніпрянщини. Вони представлені на вищезгаданих ливарних формах з серезліївських поховань Маївка та Соколове (рис. 1: 1, 2). Такі сокири знайдені: біля м. Звенигородка Черкаської обл. (Клочко 2006, рис. 21:3), м. Бровари Київської обл. (Віоліті, 24.06.2018), с. Балки Василівського р-ну Запорізької обл. (Клочко 2006, рис. 21: 3) (рис. 1: 3—5), с. Устивиця Великобагачанського р-ну Полтавської обл. (Колекція А. В. Козименка, надходження 2018 р.) (рис. 1: 11), у скарбі Іваньки, знайденому біля с. Іваньки Маньківського р-ну Черкаської обл. (Klochko, Klochko 2013, fig. 9; Клочко, Козыменко 2017, 1.3.1) (рис. 1: 6). Метал останніх двох сокир був проаналізований (табл. 1, аналізи 1808 та 996) [1] — це «чиста» мідь, без домішку миш'яку (що характерно для кавказького металу того часу), що вказує на їхнє місцеве виробництво з місцевої ж сировини. Сліди ливарних швів та ливарних «улоговин» на їх бокових гранях були сточені та зашліфовані, такий

1. Спектральні аналізи металу виконала к. і. н. Т. Ю. Гошко.

Таблиця 1. Спектральні аналізи

№	1808	996	1783	1782	1695	1713	1826	1802	1599	1698	1662	1825	1330
Рис.	1: 11	1: 6	3: 11	3: 12	4: 8	4: 2	4: 3	4: 9	5: 2	5: 4	5: 5	5: 6	7: 2
Хімічний елемент	Показник, %												
Ag	0,084	0,059	0,034	0,023	0,054	0,07	0,122	0,051	0,026	0,042	0,043	0,218	0,045
As	—	—	1,403	1,422	0,349	0,868	0,151	0,938	0,078	0,415	0,534	0,035	0,26
Ca	0,63	—	0,597	—	0,106	—	0,574	—	0,017	0,02	0,044	0,569	0,003
Cl	—	0,078	—	—	0,453	0,435	—	—	—	0,621	0,716	—	0,014
Co	—	0,011	>0,07	>0,08	—	—	>0,061	0,111	—	—	—	>0,093	—
Cr	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,025
Cu	95,72	85,823	97,56	98,26	99,01	97,03	98,66	98,74	99,75	98,47	98,54	98,35	99,2
Fe	—	0,011	0,11	—	—	1,421	—	—	—	—	—	—	—
Na	—	2,871	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ni	0,187	0,07	0,203	>0,1	—	0,061	—	>0,096	—	—	—	0,178	0,03
P	3,365	1,763	—	—	—	—	0,146	—	—	—	0,056	—	—
Pb	—	Сліди	—	—	—	—	—	—	—	0,356	—	0,155	—
S	0,016	8,922	0,019	0,009	0,031	0,016	0,094	0,012	0,021	0,026	0,021	0,212	0,071
Sb	—	—	—	—	—	0,039	0,033	0,032	0,062	0,052	0,043	0,034	0,03
Si	—	0,358	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,254
Sn	—	0,033	—	—	—	—	—	0,022	0,026	—	—	0,039	0,025
Tb	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,03
Te	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,013
Zn	—	—	—	—	—	—	0,155	—	0,021	—	—	>0,116	—

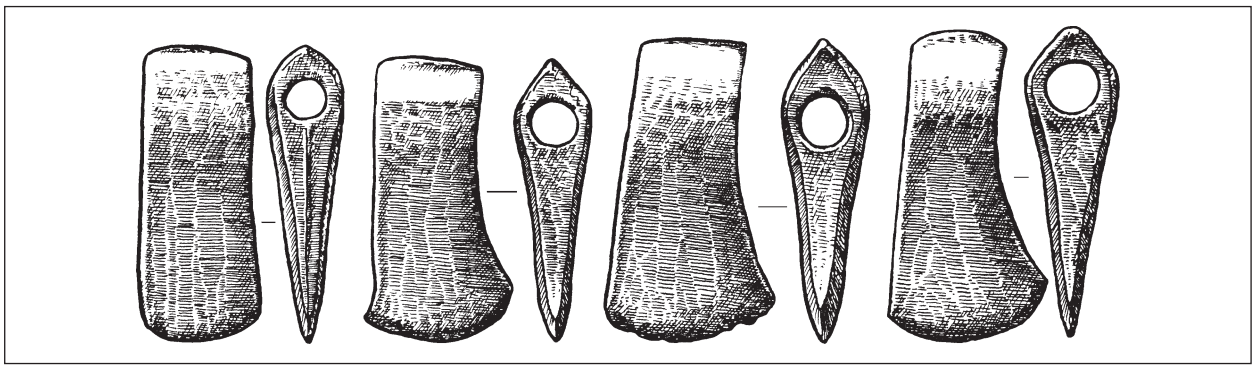

Рис. 3. Варіанти сокир зі скарбу Баніябік (за A. Vulpe)

«апгрейд» є характерним для багатьох сокир доби ранньої бронзи.

Подібні сокири були знайдені у похованні кемі-обінської культури біля с. Долинка в Криму (Клочко 2006, рис. 21: 2), Черкаській обл. (Віоліті, 27.09.2018), Вінницькій обл. (Колекція Є. Доброванова, Вінниця, 2005 р.) та Тернопільській обл. (Віоліті, 17.02.2016) (рис. 1: 7—10; 2).

Наприкінці IV — початку III тис. до н. е. у ямній культурі Середньої Наддніпрянщини, в результаті еволюції сокир самарського типу, виникають **сокири типу Баніябік**. Сокири типу Баніябік (Баньябюк, Baniabic) отримали свою назву від скарбу, знайденому у 1928 р. біля с. Баніябік (нині Вилчеле / Vâlcele) у Центральній Трансільванії (Дергачев 2018, с. 15). Усього у скарбі було знайдено біля 42 сокир, з яких збереглись 32. Усі ці сокири були зараховані до типу Баніябік (Vulpe 1970, taf. 1—3), хоча ще Д. Берчіу звернув увагу на те, що вони досить різні за формою (Berciu 1942, s. 5—7, fig. 1) (рис. 3). Нові знахідки з України дозволили остаточно вияснити питання їхнього походження, місць виробництва та типохронології і культурної приналежності.

Найстарші сокири ямної культури Середньої Наддніпрянщини, які ще мало відрізняються від сокир самарського типу, лише трохи меншої довжини, визначені як **варіант Гречаники** (рис. 4). Вони знайдені: у похованні ямної культури біля хут. Гречаники Полтавської обл. (Клочко 2006, рис. 24: 3), с. Гнідин біля м. Бровари Київської обл. (Клочко 2006, рис. 24: 4), у

Рис. 4. Варіант Гречаники: 1 — Гречаники; 2 — Гнідин; 3 — Полтавська обл.; 4 — Сумська обл.; 5 — Черкаси; 6 — Стайки; 7 — Пістинь; 8 — Тернопільська обл.; 9 — Київ; 10 — Черкаська обл.

Рис. 5. Варіант Підлісся: 1 — Підлісся; 2 — Світловодськ; 3 — Кедина Гора; 4 — Макарів; 5 — Чапаївка; 6 — «Київщина»; 7 — Грищинці; 8 — Смільчинці; 9 — Вишківці

Полтавській обл. (Віоліті, 24.06.2016), у Сумській обл. (Віоліті, 09.04.2017), біля м. Черкаси (Віоліті, 21.04.2017), біля с. Стайки Кагарлицького р-ну Київської обл. (Клочко 2006, рис. 25: 5), біля с. Пістинь Косівського р-ну Івано-Франківської обл. (Клочко 2006, рис. 50:

Рис. 6. Варіант Рудня Мала — Маліївці: 1 — НМІУ; 2 — Теребовлянський р-н; 3 — Рудня Мала; 4 — Маліївці; 5 — Степовий Крим; 6 — Вороновиця; 7 — Харків

Рис. 7. Варіант «сокири лісорубів»: 1 — Чернігівщина; 2, 3 — Харківська обл.; 4 — Станятин, повіт Томашів Любельський, Польща

2), у Тернопільській обл. (Віоліті, 16.09.2016), м. Київ (Віоліті, 27.11.2016), Черкаській обл. (Віоліті, 27.08.2018) (рис. 4: 1—10). Сокири, знайдені біля с. Ксаверово Городищенського р-ну Черкаської обл. (Колекція А. В. Козименка, надходження 2018 р., аналіз 1783) (рис. 3: 11) та з селища Дібровка Золотоношського р-ну Черкаської обл. (Колекція А. В. Козименка, надходження 2018 р., аналіз 1782) (рис. 4: 12) виготовлені з миш'якової бронзи (рис. 9).

Сокири з широким вигнутим лезом визначені як **варіант Підлісся** (рис. 5). Вони були знайдені: у похованні ямної культури біля села Підлісся Броварського р-ну Київської обл. (Братченко, Клочко, Солтис 2000; Клочко 2006, рис. 24: 5) (рис. 5: 1), біля м. Світловодськ Кіровоградської обл., «у бік с. Подорожне». Прикрашена «ялинковим» орнаментом, характерним для горщиків ямної культури (Колекція А. В. Козименка, надходження 2018 р., виготовлена з миш'якової бронзи — аналіз 1713) (рис. 5: 2). До цієї групи зараховане також сокири, знайдені біля с. Кедина Гора Золотоніського р-ну Черкаської обл. (Клочко, Козыменко

Рис. 8. Варіант «сокири теслярів»: 1 — Красноперекопськ; 2 — Івонівський скарб

2017, 2.1.1, аналіз 1826) (рис. 6: 3), біля смт Макарів Київської обл. (Віоліті, 26.12.2016), села Чапаївка Золотоніського р-ну Черкаської обл. (Клочко 2006, рис. 25: 3), на «Київщині» (Клочко 2006, рис. 25: 1), біля с. Гришинці Канівського р-ну Черкаської обл. (Клочко 2006, рис. 25: 4) (рис. 5: 4—7), біля с. Смільчинці Лисянського р-ну Черкаської обл. (Клочко, Козыменко 2017, 1.3.3, аналіз 1695) (рис. 5: 8), біля с. Вишківці, Немирівського р-ну Вінницької обл. (колекція А. В. Козименка, надходження 2018 р., виготовлена з миш'якової бронзи — аналіз 1802) (рис. 5: 9; 9).

«Нестандартні» сокири об'єднані в умовний **варіант Рудня Мала-Маліївці** (рис. 6). У нього включені: сокира з Національного музею історії України (Клочко 2006, рис. 25: 2) з широким лезом та орнаментом на обуху (рис. 6: 1). «Вкорочені» сокири з Теребовлянського р-ну Тернопільської обл. (Клочко, Козыменко 2017, с. 282, илл. 4) (виготовлена з «чистої» міді, аналіз 1599). Подібні сокири були знайдені біля

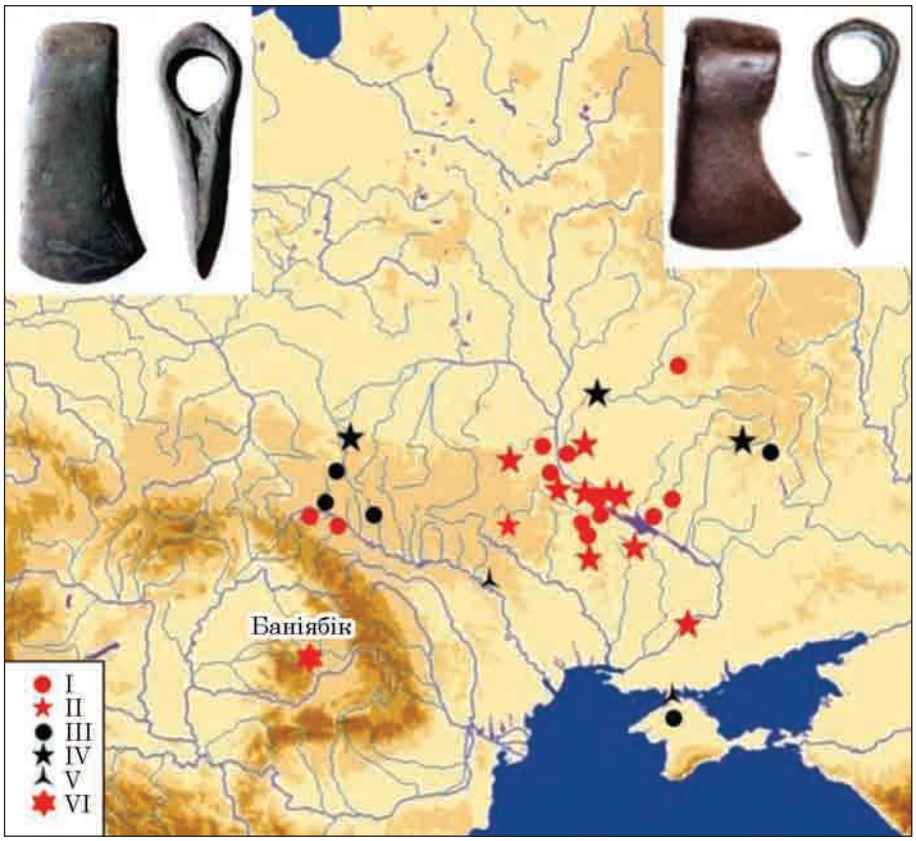

Рис. 9. Мапа сокир типу Баніябік: I — варіант Гречаники; II — варіант Підлісся; III — варіант Рудня Мала—Маліївці; IV — варіант «сокири лісорубів»; V — варіант «сокири теслярів»; VI — скарб Баніябік

с. Рудня Мала Жешовського воєводства Польщі (Клочко 2006, рис. 50: 1), с. Маліївці Дунаєвецького р-ну Хмельницької обл. (Клочко, Козыменко 2017, 1.3.50, виготовлена з миш'якової бронзи, аналіз 1698) та у Степовому Криму (Клочко, Козыменко 2017, 1.3.2, виготовлена з

Таблиця 2. Спектральні аналізи

№	1691	1692	1693	1694	1330	1331	1328	1329
Рис	7: 1, сокира	7: 1, ніж	7: 1, тесло	7: 1, долото	7: 2, сокира	7: 2, свердло	7: 2, тесло	7: 2, тесло
Хімічний елемент	Показник, %							
Ag	0,077	0,092	0,159	0,057	0,045	—	0,043	0,028
Al	—	—	—	0,497	—	—	—	—
Au	Сліди	0,035	—	—	—	—	—	—
As	1,858	2,12	3,039	1,391	0,26	0,078	—	1,187
Bi	—	—	—	—	—	Сліди	0,002	—
Ca	0,052	—	0,174	0,02	0,003	—	0,006	0,006
Cl	0,442	0,459	0,984	0,423	0,014	0,043	0,024	0,053
Co	—	—	0,112	—	—	—	0,035	—
Cr	—	—	—	—	0,025	0,021	0,012	0,024
Cu	97,55	97,09	94,16	97,57	99,2	99,41	99,04	97,99
Ni	—	—	—	—	0,03	0,064	0,04	0,01
P	—	—	1,223	—	—	—	0,082	0,055
Pb	—	0,188	—	—	—	0,038	0,021	0,007
S	0,024	0,021	0,067	0,018	0,071	0,095	0,081	0,174
Sb	Сліди	—	0,034	—	0,03	—	0,023	0,022
Si	—	—	—	—	0,254	0,209	0,524	0,372
Sn	Сліди	—	0,045	0,027	0,025	0,028	0,045	0,034
Tb	—	—	—	—	0,03	0,014	—	0,024
Te	—	—	—	—	0,013	—	0,013	0,014

миш'якової бронзи, аналіз 1662, ливарні шви зашліфовані) (рис. 6: 2—5; 9). «Полегшена» сокира з смт Вороновиця Вінницького р-ну Вінницької обл. (Клочко, Козыменко 2017, 2.1.2), виготовлена з міді зі значними домішками срібла, нікелю, свинцю та цинку, аналіз 1825, ливарні шви зашліфовані) та м. Харків (Віоліті, 21.06.2018) (рис. 6: 6, 7; 9).

Аномально великі та масивні сокири виділені в умовний **варіант «сокири лісорубів»**: Це знахідки з Чернігівщини (Віоліті, 02.03.2017), Харківської обл. (Віоліті, 27.04.2017), Харківської обл. (Віоліті, 31.08.2017) та Станятина в повіті Томашів Любельський Польщі (від К. Слюсарскої) (рис. 7: 1—4; 9).

Варіант «сокири теслярів»: До цього варіанту зараховані сокири з комплексу знарядь майстра-тесляра, знайденого у соляному кар'єрі біля міста Красноперекопська в Криму (Клочко, Козыменко 2017, 1.6.1) (табл. 2, аналізи 1691—1694, кавказькі миш'яковисті бронзи) та Івонівського скарбу знарядь майстра-тесляра з с. Івонівка Могилів-Подільського р-ну Вінницької обл. (Клочко, Козыменко 2017, 2.1.16; Клочко 2017; Klochko 2017) (табл. 2, аналізи 1328—1331; рис. 8: 1, 2; 9). Скоріше за все, це одні з найпізніших сокир типу Баніабік, бо вони були відлиті у «закритих» двоскладових ливарних формах, така конструкція ливарних форм характерна для пізнішого, катакомбного часу.

Спектральні аналізи показують, що досить часто сокири типу Баніабік на Україні виготовлені з миш'якової бронзи. Проте, це не є доказом їх «кавказького» походження, мені вже доводилось писати про те, що найдавніші приклади використання миш'яковистих бронз на території України походять з пам'яток пізнього етапу трипільської культури та пов'язані зв'язками зі Східним Середземномор'ям, а не з Кавказом (Klochko, Klochko 2013; Клочко 2016; 2017; Klochko 2017).

Таким чином, виходить, що металеві сокири типу Баніябік виникли на базі сокир самарського типу доби енеоліту в середовищі суспільства ямної культури Середньої Наддніпрянщини, у культурному та технологічному центрі ямної культури Східної Європи.

Що ж стосується скарбу Баніябік, то враховуючи, що в ньому забрані сокири ямної культури дещо різного часу, то його треба визначити скарбом тривалого накопичення. Цей депозитарій, вірогідніше за все, утворився у місті розташування святилища ямних племен, в процесі їхніх досить тривалих міграцій з Середньої Наддніпрянщини в Трансільванію. Тож сокири типу Баніябік можна розглядати в якості археологічних маркерів міграцій давніх індоєвропейців у Центральну Європу. І саме вони приносять у Центральну Європу нові «кавказькі» технології, але не з Кавказу, а з України.

ЛІТЕРАТУРА

Братченко, С. Н., Клочко, В. І., Солтис, О. Б. 2000. Металеві сокири ямної культури Середньої Наддніпрянщини. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1—2, с. 8-14.

Дергачев, В. 2018. Топоры типа Баниабик-Майкоп-Новосвободная. Историографический обзор. *Revista Arheologică*, XIV, 1, с. 13-32.

Клочко, В. И. 1994. Металлургическое производство в энеолите — бронзовом веке. В: Березанская, С. С. (ред.). *Ремесло эпохи энеолита — бронзы на Украине*. Киев: Наукова думка, с. 96-132.

Клочко, В. І. 2006. *Озброєння та військова справа давнього населення України*. Київ: АртЕк.

Клочко, В. И. 2017a. Древнейшие этапы развития металлургии на Украине (типохронология древних металлических изделий Украины). В: Клочко, В. И., Козыменко, А. В. *Древний металл Украины*. Киев: САМ, с. 285-331.

Клочко, В. І. 2017b. Івонівський скарб і проблема «дністровської» міді. *Магістеріум*, 67: Археологічні студії. НаУКМА, с. 25-36.

Клочко, В. И., Козыменко, А. В. 2017. *Древний металл Украины*. Киев: САМ.

Кушнарева, К. Х., Чубинишвили, Г. Н. 1970. *Древнейшие культуры Южного Кавказа (V—III тыс.до н. э.)*. Ленинград: Наука.

Мартиросян, А. А. 1964. *Армения в эпоху бронзы и раннего железа*. Ереван: АН Армянской ССР.

Мунчаев, Р. М. 1975. *Кавказ на заре бронзового века*. Москва: Наука.

Berciu, D., 1942. Unelte de cupru şi bronz de origine transilvană: securi de tip Baniabic. *Apullum*, I, s. 1-23.

Klochko, V. I. 2001. *Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000—700 BC*. Poznan: Uniwersytet im. A. Mickiewicza. Baltic-Pontic Studies, 10.

Klochko, V. I. 2017. Yamnaya Culture hoard of metal objects, Ivonivka, lower Murafa: autogenesis of «Dniester copper / bronze metallurgy». *Baltic-Pontic Studies*, 22, p. 226-245.

Klochko, V. I., Klochko, L. S., 2013. Complex of Metal Goods between the Vistula and Dnieper rivers at the turn of the 4th/3rd to the 3rd millennium BC. Concept of the Carpathian-Volhynia «Willow Leaf» Metallurgy Centre. *Baltic-Pontic Studies*, 18: The Ingul-Donets Early Bronze Civilization as sprigboard for transmission of Pontic Cultural Patterns to the Baltic Drainage Basin 3200—1750 BC, p. 39-71.

Vulpe, A. 1970. *Äxte und Beile in Rumänien*. München, I. Prähistorische Bronzefunde, IX, 2.

REFERENCES

Bratchenko, S. N., Klochko, V. I., Soltys, O. B. 2000. Metal evisoryry jamnoi kultury Seredn'oi Naddnipriansh yny. *Arheologichnyj litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 1—2, s. 8-14.

Dergachev, V. 2018. Topory tipa Baniabik-Maikop-Novosvobodnaia. Istoriograficheski obzor. *Revista Arheologică*, XIV, 1, s. 13-32.

Klochko, V. I. 1994. Metallurgicheskoe proizvodstvo v eneolite-bronzovom veke. In: Berezanskaia, S. S. (ed.). *Remeslo epokhi eneolita-dronzy na Ukraine*. Kiev: Naukova dumka, s. 96-132.

Klochko, V. I. 2006. *Ozbroennia ta viiskova sprava davn'ogo naselenn'a Ukrainy*. Kyiv: ArtEk.

Klochko, V. I. 2017a. Drevneishye etapy razvitiia metallurgii na Ukraine (tipokhronologia drevnikh metallicheskikh izdelii Ukrainy). In: Klochko, V. I., Kozymenko, A. V. *Drevnii metall Ukrainy*. Kiev: SAM, s. 285-331.

Klochko, V. I. 2017b. Ivonivskii skarb I problema «dnistrovskoi» midi. *Magisterium*, 67: Arkheologichni studii. NaUKMA, s. 25-36.

Klochko, V. I., Kozymenko, A. V. 2017. *Drevnii metall Ukrainy*. Kiev: SAM.

Kushnareva, K. Kh., Chubinishvili, G. N. 1970. *Drevneishie kultury Iuzhnogo Kavkaza (V—III tys. do n. e.).* Leningrad: Nauka.

Martirosian, A. A. 1964. *Armenia v epokhu bronzy i rannego zheleza*. Erevan: AN Arm'anskoj SSR.

Munchaev, R. M. 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka.* Moskva: Nauka.

Berciu, D., 1942. Unelte de cupru şi bronz de origine transilvană: securi de tip Baniabic. *Apullum*, I, s. 1-23.

Klochko, V. I. 2001. *Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000—700 BC*. Poznan: Uniwersytet im. A. Mickiewicza. Baltic-Pontic Studies, 10.

Klochko, V. I. 2017. Yamnaya Culture hoard of metal objects, Ivonivka, lower Murafa: autogenesis of «Dniester copper / bronze metallurgy». *Baltic-Pontic Studies*, 22, p. 226-245.

Klochko, V. I., Klochko, L. S., 2013. Complex of Metal Goods between the Vistula and Dnieper rivers at the turn of the 4th/3rd to the 3rd millennium BC. Concept of the Carpathian-Volhynia «Willow Leaf» Metallurgy Centre. *Baltic-Pontic Studies*, 18: The Ingul-Donets Early Bronze Civilization as sprigboard for transmission of Pontic Cultural Patterns to the Baltic Drainage Basin 3200—1750 BC, p. 39-71.

Vulpe, A. 1970. *Äxte und Beile in Rumänien*. München, I. Prähistorische Bronzefunde, IX, 2.

V. I. Klochko

METAL AXES OF THE EARLY PERIOD OF YAMNA CULTURE OF UKRAINE

The paper is dedicated to studying the genesis and building the typechronology of metal axes of early period of yamna culture of Ukraine using all the artifacts and archaeological complexes, available for the author.

Currently the reare two main theories of metal axes of Eastern Europe origins: «Maykop» and «Samara».

The main theses of «Maykop» theory are presented in works of E. N. Chernyh, S. N. Kornievsky and A. L. Nechytailo. Detailed historiographic referative representation of this theory was recently preformedby V. A. Derhachev, which readers should get acquainted themselves. From my point of view the main problem of this theory is that on the line of ax is connections Baniabik-Maykop-Novosvobodnaya of Central Europe and North Caucasus, declared by the authors of this theory, *terra incognita* called «Ukraine» is located.

The alternative theory, which I call «Samara», and which is systematically ignored by the authors and followers of «Maykop» theory, including V. A. Derhachev, was initiated by myself in 1990th. Which means it is 25 years old by now.

New artifacts, found in recent years, allowed me to modernize my theory and use it as the basis for the new typechronology of metal axes of early period of yamna culture of Ukraine, presented in this paper and come to following conclusions:

Metal axis of Baniabik type originated from ax is of Samara type of Eneolithic age, in the society of yamna culture Middle Dnipro Land of Early Bronze Age, in the cultural and technological center of yamna culture of Eastern Europe.

Speaking of Baniabik treasure, it should be considered a treasure of long-term accumulation, judging by the different-time axis of yamna culture, presented there. This depository had probably originated in a sacred ground of yamna culture tribes, which occurred during their long-term migrations from Middle Dnipro Land to Transylvania. Therefore Baniabik type axis can be considered as archaeological markers of ancient indo-europeans migrations to Central Europe. They are the ones to bring new «Caucasus» technologies to Central Europe, however not from the Caucasus, but from Ukraine.

Keywords: Ukraine, Early Bronze Age, yamna culture, metal axis, typology and chronology.

Одержано 18.02.2019.

КЛОЧКО Віктор Іванович, доктор історичних наук, завідувач кафедри Національного університету Києво-Могилянська академія, вул. Г. Сковороди, 2, Київ, 04070, Україна, *vklochko@ukr.net*.

KLOCHKO Viktor Ivanovich, Doktor Habilitas, Head of Department of National University of «Kyiv-Mohyla Academy», 2 Skovorody vul., Kyiv, 04070, Ukraine, *vklochko@ukr.net*.

УДК: 904.4(477.6)”638”

А. А. Крютченко

ВАРИАНТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ГОРОДИЩ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ДНЕПРО-ДОНСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Статья посвящена презентации варианта типологии укрепленных поселений Днепро-Донского лесостепного междуречья скифского времени. Представленная систематизация городищ основывается на понимании принципов построения их обороны. Искусственные защитные сооружения по их организации, комбинации и функциональности условно разделено на три группы и шесть подтипов.

Ключевые слова: *ранний железный век, скифский период, Днепро-Донская лесостепь, фортификация, типология.*

Становление и развитие фортификации Днепро-Донской лесостепи скифского времени проходило под влиянием экономических возможностей местного населения, взаимоотношений с соседними племенами и между собой, в условиях особенных природно-географических условий. Первым ее заданием было создание долговременных защитных сооружений для обороны поселений, имевших большое политическое и стратегическое значение (Моруженко 1985). Уже в середине — второй половине VI в. до н. э. в этом регионе появляется новый тип поселений — городища (рис. 1). Первые, из которых возникают на основе существовавших ранее открытых селищ (Крютченко 2017, с. 60). Вторым заданием было воплощение больших монументальных проектов, служивших маркером ранних протогородских образований (Шрамко 1984). С этим связано появление так называемых городищ-гигантов. Третьим — создание «длинных валов», укрепленных линий, не связанных с одним конкретным поселением. Данные сооружения отвечали за оборону целых регионов и важных стратегических пунктов (Крютченко 2018).

© А. А. КРЮТЧЕНКО, 2019

На сегодня в литературе получили распространение два принципа классификации укрепленных поселений скифского времени. Первый был предложен П. Д. Либеровым для памятников бассейна реки Дон (Либеров 1971). В основе его систематизации были использованы различные элементы такие как площадь памятника, культурно-хозяйственный тип и характер укреплений. Благодаря применению данных типообразующих признаков исследователь выделил пять типов городищ. К первому он отнес группу памятников с небольшой площадью и невыразительными оборонительными сооружениями, заметными только с напольной стороны. Ко второму — хорошо укрепленные, площадью в 7—7,5 га, городища, где оборонительные сооружения также фиксировались лишь с напольной стороны. К третьему — поселения, укрепленные по всему периметру. К четвертому — большие укрепления, разделенные автором по их культурно-хозяйственному типу на две подгруппы. В первую вошли городища с мощным культурным слоем (стационарные поселения), а во вторую со слабовыраженным либо вовсе отсутствующим культурным слоем (городища — убежища и загоны для скота). Пятый тип состоял лишь из одного городища (Волошино II), которое благодаря топографии и наличию двух линий укреплений П. Д. Либеров отождествлял с городом Гелоном.

В работах А. А. Моруженко 1969 и 1985 гг. представила свой вариант классификации (Моруженко 1969; 1985, с. 160—178). В ее основу были положены особенности топографии памятников и абрисы линии защитных сооружений. Так, городища были разделены на три класса: мысовые, расположенные на краю плато и те, что имели источник воды в середине

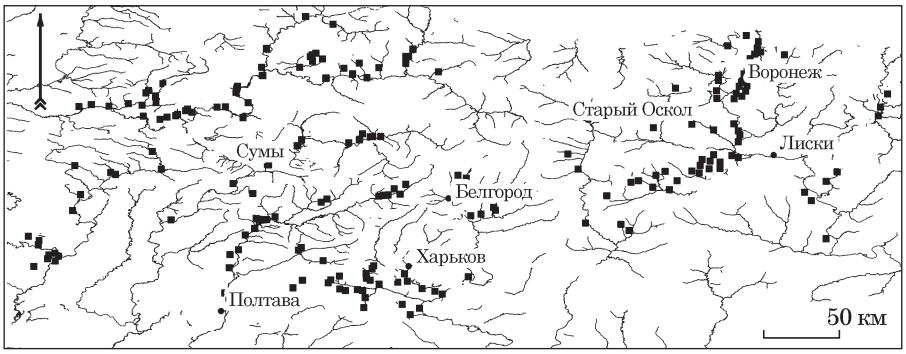

Рис. 1. Карта городищ восточноевропейской Лесостепи

укрепления. Ниже укрепления систематизировались по группам и видам, в зависимости от наличия предградий и укреплений по периметру городищенской площадки.

Обе эти классификации пользуются популярностью в современно археологической и памятниковедческой литературе. На их основе разрабатываются новые системы региональных классификаций городищ, в дальнейшем служащие основой для построения исторических реконструкций. Но, на наш взгляд, подобного рода систематизации, из-за ограниченной источниковой базы, возможно использовать исключительно в памятникоохранной деятельности. Основная проблема существующих классификаций заключается в восприятии защитных сооружений как созданных изначально статических в плане конструкций. Исследования последних лет указывают на то, что фортификации порой развивались и перестраивались в течении всей жизни поселения (Крютченко 2017, с. 60). Также следует отметить, что современные абрисы во многих случаях не соответствуют первоначальным. Это ярко видно на примере того, что в большинстве случаев, городища, ранее систематизированные как те, что имеют укрепления лишь с напольной стороны, расположены на длинных и узких мысах, боковые склоны которых сильно подвергаются эрозии. Раскопки К. Ю. Пеляшенко на Циркуновском городище служат лишним тому подтверждением (Пеляшенко 2015). При исследовании эскарпированного склона в восточной площадке городища, автору удалось зафиксировать наличие в его нижней части рва, который не фиксировался на уровне современной дневной поверхности (рис. 2). Планиграфические исследования на средневековых городищах указывают на разрушительные последствия деятельности многих природных и антропогенных факторов, приводящих к значительным повреждениям, а порой и полному исчезновению целых участков защитной линии (Гайнулин и др. 2017, с. 43—46). Подобные тенденции можно смело перенести на памятники скифской эпохи.

На большинстве поселенческих памятников интересующего нас периода исследования, за редким исключением, ограничились лишь сбором подъемного материала и шурфовкой. Скудность имеющихся данных не дает нам права предполагать особый культурно-хозяйственный тип отдельно взятого памятника.

В то же время городищенское плато, терраса либо мыс диктовали форму, площадь и необходимую комбинацию защитных сооружений. В границах Днепро-Донецкой Лесостепи, удобные для размещения укреплений формы рельефа Среднерусской возвышенности и Приднепровской низменности, сильно разнятся. Именно этот фактор, не в последнюю очередь, повлиял на разницу в площадях городищ, их концентрацию и абрисы линий укреплений.

Наш вариант систематизации городищ исходит из понимания принципов обороны. Мы отталкиваемся от того предположения, что строители укреплений, в ходе создания городища путем комбинации природных и искусственных преград, возводили круговую оборону поселения и не ограничивались укреплением лишь напольной стороны. Особое внимание уделялось укреплению склонов, что позволяло, в случае опасности, сконцентрировать больше усилий в обороне участка, прилегающего к плато.

Искусственные защитные сооружения по принципу их организации можно условно разделить на три типа. Первый — многорядная защитная линия, представленная поочередной комбинацией из нескольких линий валов и рвов. Она позволяла использовать широкое пространство между валами для военных и хозяйственных нужд (Білинський 2018, с. 215). Данная категория широко известна на памятниках Северского Донца (Гречко 2010; Свистун 2007; Свистун, Квитковский, Юшков 2016) и Среднего Дона (Шеченко 2010). Второй тип — однорядная линия, состоящая из одного вала и рва. В качестве дополнительного укрепления использовалась небольшая обваловка, проходившая на расстоянии 50—70 м от основной защитной линии и создававшая так называемое нежилое предградье. Целью подобных сооружений было препятствие быстрому захвату городища. Третий тип укреплений также представлен однорядной линией, укрепленной дополнительно предградьями, приспособленными к активной обороне с возможностью

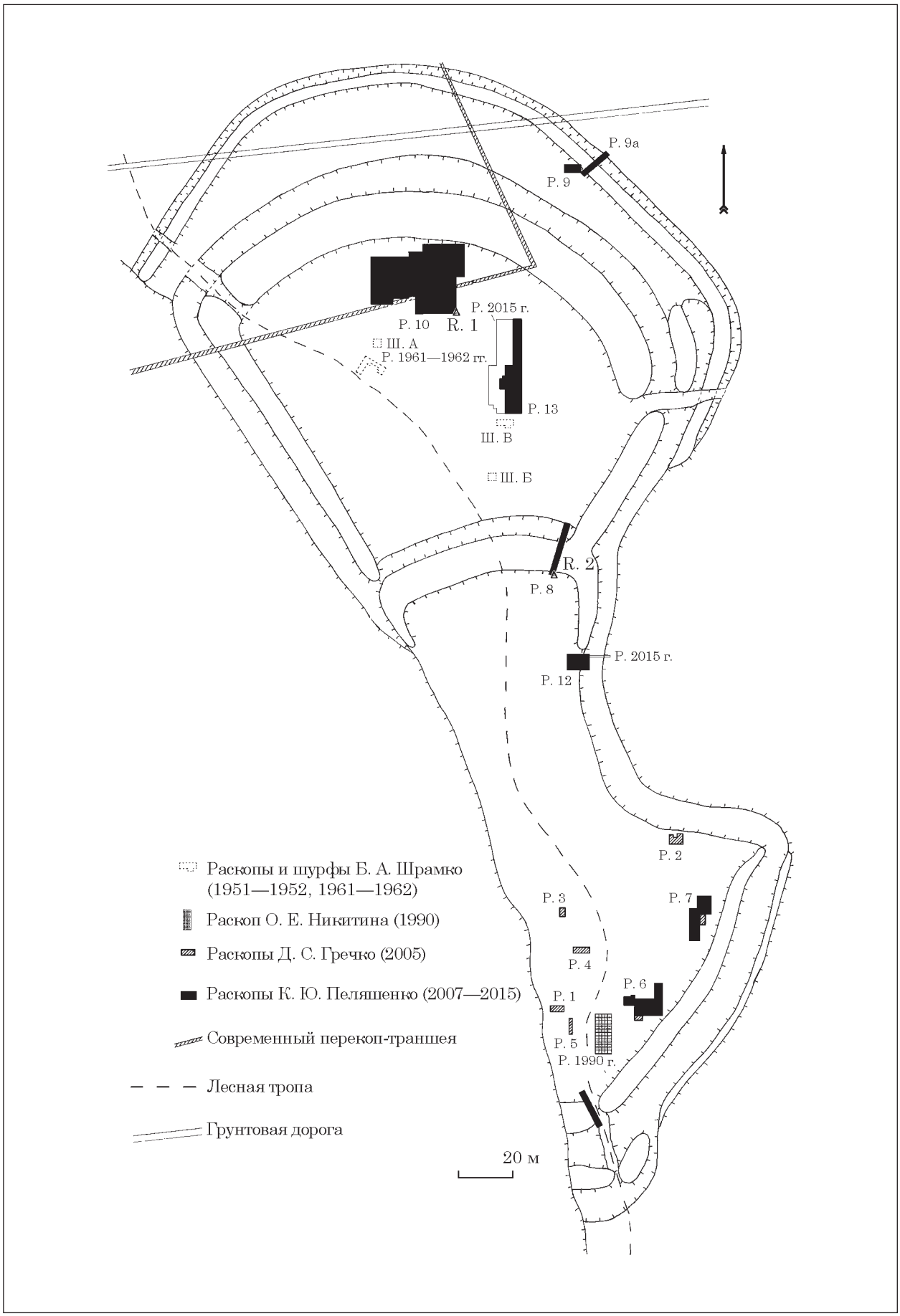

Рис. 2. Циркуновское городище. План с нанесением раскопов (по Пеляшенко 2015)

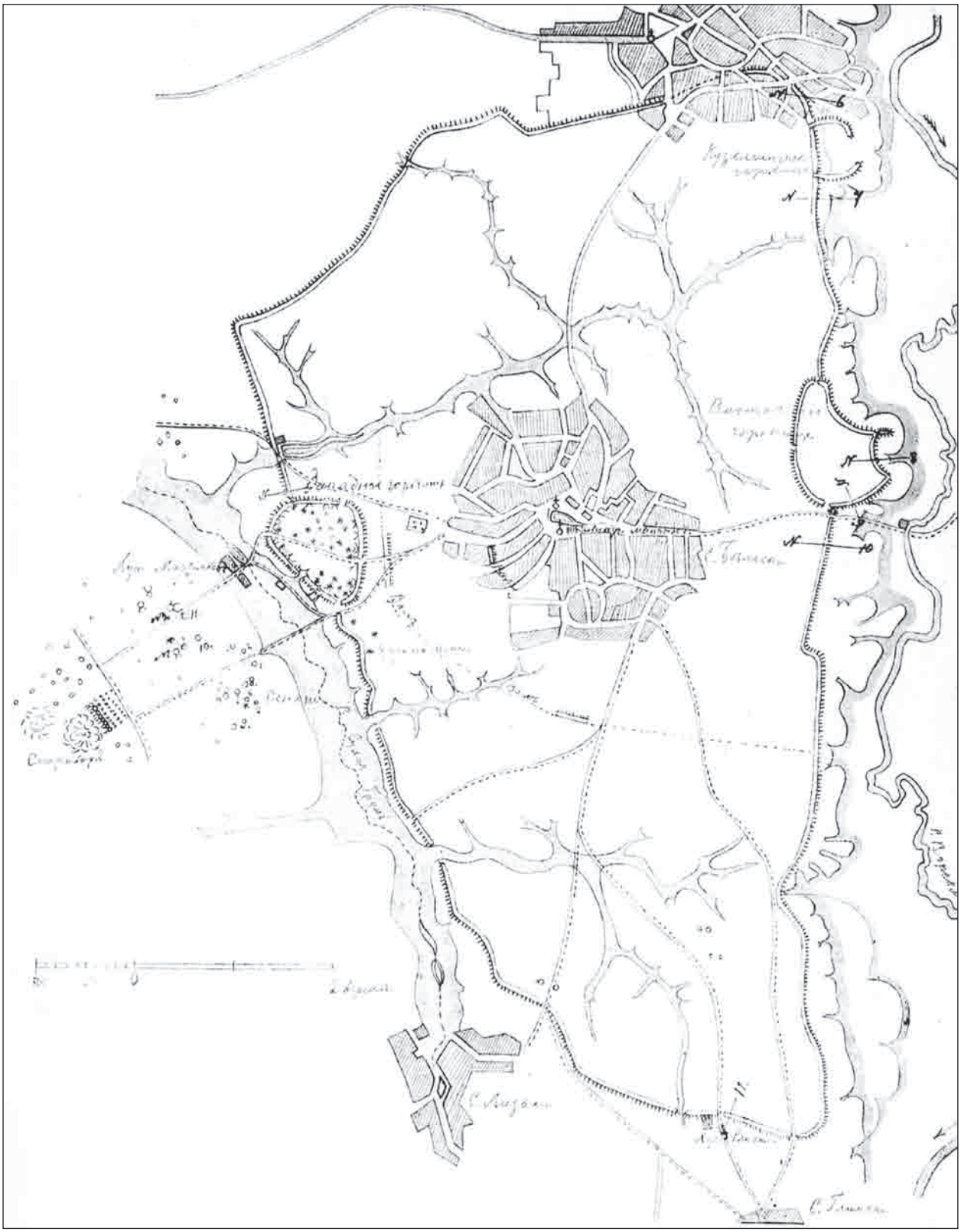

Рис. 3. Бельское городище (по Городцов 1911)

флангового обстрела нападающих (Крютченко 2018). Все вышеперечисленные типы защитных сооружений зачастую применяли для защиты городищ с напольной стороны, а также самого уязвимого элемента обороны — входа или въезда.

Исходя из обозначенного, нам видится следующая возможная схема систематизации укрепленных поселений (рис. 4). Тип I — городища с однорядной системой без дополнительных защитных предградий вне зависимости от того прослеживается ли укрепление по всему

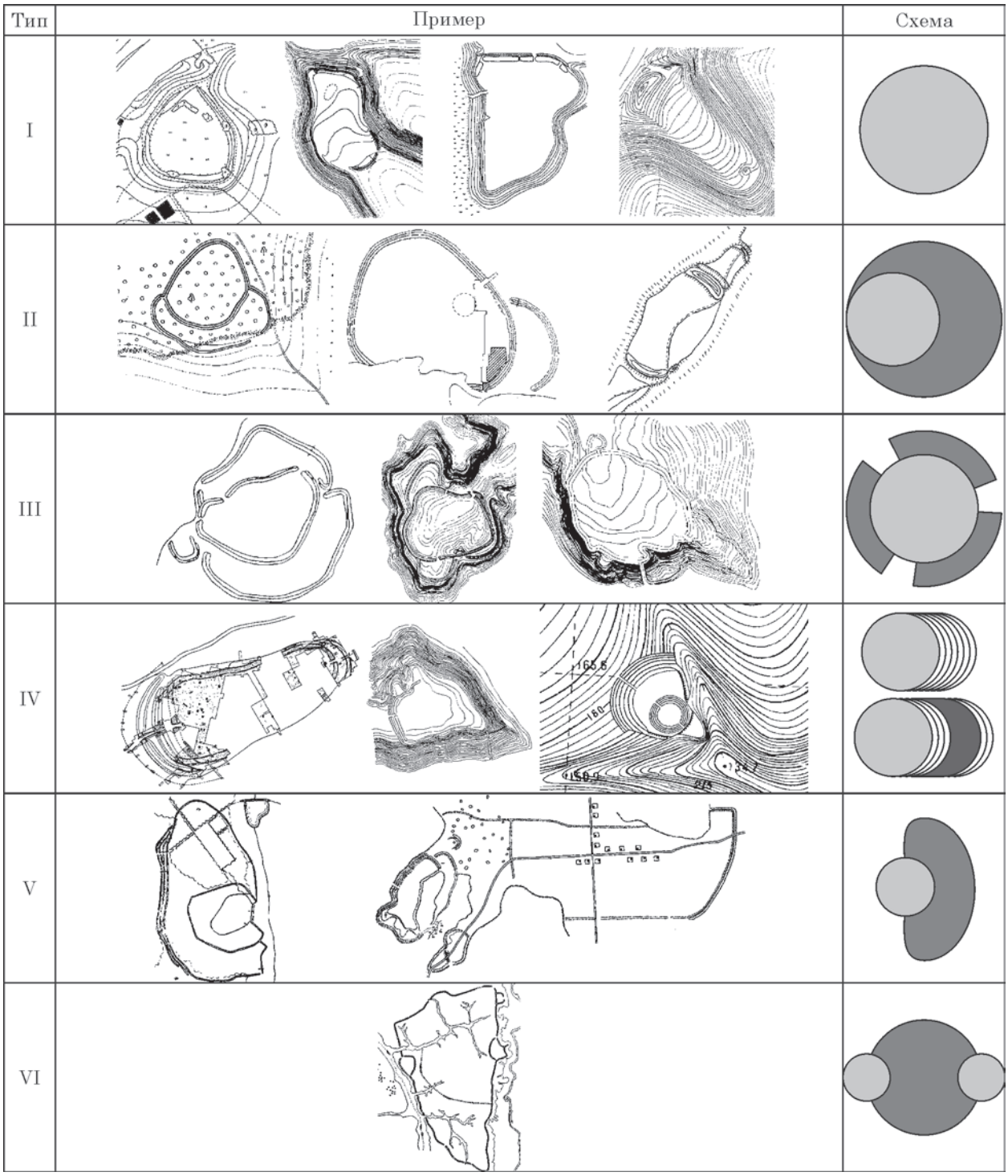

Рис. 4. Вариант систематизации укрепленных поселений

периметру, либо только с напольной стороны. Тип II — поселения с однорядной системой, имеющие дополнительно укрепление с напольной стороны. Тип III — поселения с однорядной системой укреплений, имеющие дополнительную защиту из комбинации нежилых предградий, усложняющих подступы ко входу на городищенскую площадку и создающие возможность ведения фланкированного огня по наступающим. Тип IV — памятники, защищенные (зачастую с напольной стороны) многорядной системой укреплений. Тип V — поселения с ярко выраженным главным двором и большим хозяйственным предградьем. К VI типу мы отнесли Бельское городище ввиду его масштабов и наличия на первом этапе его существования, двух синхронных «главных дворов» Западного и Восточного укреплений.

Данный вариант систематизации подразумевает изменение типов укрепленных поселений в течении существования памятника. Так Циркуновское городище на Северском Дон-

це и Коломацкое на Ворскле на первом этапе своего существования относились к типу I, но после достройки второго двора и дополнительной защиты с напольной стороны уже следует относить к типу II. Противоположный пример мы наблюдаем на Бельском городище, где возникший в средине-второй половине VI в. до н. э. гигантский комплекс площадью в 5000 га к V в. до н. э. уменьшил площадь вписанную в действующие укрепления, за счет постройки т. н. «Южного вала». Где роль главного двора отводилась Восточному укреплению, а новосозданная линия укреплений совместно с природными ярами отсекала хозяйственно-бытовой сегмент. Таким образом, мы наблюдаем трансформацию из типа VI в V (рис. 3).

На наш взгляд предложений вариант систематизации, в будущем, позволит решить проблему систематизации городищ учитывая фактор их развития во времени. При этом мы полностью осознаем тот факт, что на сегодняшнем уровне знаний классификация предложенная А. А. Моруженко является безальтернативной.

ЛИТЕРАТУРА

Білинський, О. О. 2018. Городища скіфського часу в Дніпровському лівобережному лісостепу: загальна характеристика, каталог, типологія. *Археологія і давня історія України*, 1 (26), с. 213-234.

Гайнуллин, И. И., Усманов, Б. М., Хомяков, П. В. 2017. Использование дистанционных методов для оценки интенсивности разрушения памятников археологии под действием природных и антропогенных факторов. В: Сидтиков, А. Г. (ред.). *Материалы III международной конференции «Окружающая среда и устойчивое развитие регионов: экологические вызовы XXI века»*. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, с. 43-46.

Городцов, В. А. 1911. Дневник археологических исследований *в* Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. *Труды XIV археологического съезда*, III, с. 93-161.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ: ІА НАНУ.

Крютченко, А. А. 2016. Перекопский вал на Харьковщине. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 292-298.

Крютченко, О. О. 2017. Працезатрати на зведення лісостепових городищ скіфського часу. *Магістеріум 2017. Археологічні студії*, *67*, с. 60-65.

Крютченко, О. О. 2018. Про принципи оборони лісостепових городищ скіфського часу. *Матеріали I Всеукраїнського археологічного з'їзду*, с. 118.

Крютченко, О. О. 2018. Довгі вали скіфського часу Дніпровського Лівобережного лісостепу. *Емінак: науковий щоквартальник*, 1 (21) (січень—березень), 3, с. 20-28.

Либеров, П. Д. 1971. *Древняя история населения Подонья*. Диссертация д. и. н. ИА АН СССР.

Моруженко, А. А. 1969. *Городища Лесостепной Скифии (История строительства оборонительных сооружений, жилищ и хозяйственных построек в VII—III вв. до н. э.).* Автореферат диссертации к. и. н. ХГУ им. М. Горького.

Моруженко, А. А. 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. *Советская археология*, 1, с. 160-178.

Пеляшенко, К. Ю. 2015. Особливості фортифікації Циркунівського городища. *Археологія & Фортифікація України. Збірник матеріалів V Всеукраїнської науково-практичної конференції*, с. 183-187.

Свистун, Г. Е. 2008. *Отчёт о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И. Е. Репина в 2007 г. на территории г. Чугуева.* НА ХММ І. Є. Репіна, фонд 14, опис 1, справа 7.

Свистун, Г. Е., Квитковский, В. И., Юшков, Д. Ю. 2016. Знаменское городище скифского времени на Харьковщине. *Археологія і давняя історія України*, 2 (19), с. 253-256.

Шевченко, А. А. 2010. *Городища скифского времени на территории Среднего Дона*. Автореферат диссертации к. и. н. ИА РАН.

Шрамко, Б. А. 1984. Ф. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ*. Киев: Наукова думка, с. 218-230.

REFERENCES

Bilinskiy, O. O. 2018. Gorodischa skifskogo chasu v Dniprovskomu livoberezhnomu lisostepu: zagalna harakteristika, katalog, tipologiya. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrayiny*, 1 (26), s. 213-234.

Gaynullin, I. I., Usmanov, B. M., Homyakov, P. V. 2017. Ispolzovanie distantsionnyih metodov dlya otsenki intensivnosti razrusheniya pamyatnikov arheologii pod deystviem prirodnyih i antropogennyih faktorov. In: Sidtikov, A. G. (ed.). *Materialyi III mezhdunarodnoj konferencii «Okruzhayuschaya sreda i ustoychivoe razvitie regionov: ekologicheskie vyizovyi XXI veka».* Kazan: Institut arkheologii im. A. Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan, s. 43-46.

Gorodtsov, V. A. 1911. Dnevnik arheologicheskih issledovaniy v Zenkovskom uezde Poltavskoy gubernii v 1906 godu. *Trudyi XIV arheologicheskogo s'ezda*, III, s. 93-161.

Grechko, D. S. 2010. *Naselennya skifskogo chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NANU.

Kryutchenko, A. A. 2016. Perekopskiy val na Harkovschine. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrayiny*, 2 (23), s. 292-298.

Kryutchenko, O. O. 2017. Pratsezatrati na zvedennya lisostepovih gorodisch skifskogo chasu. *Magisterium 2017. Arheologichni studiyi*, 67, s. 60-65.

Kryutchenko, O. O. 2018. Pro printsipi oboroni lisostepovih gorodisch skIfskogo chasu. *Materiali I Vseukrayinskogo arheologichnogo z'yizdu*, s. 118.

Kryutchenko, O. O. 2018. Dovgi vali skifskogo chasu Dniprovskogo Livoberezhnogo lisostepu. *Eminak: naukoviy schokvartalnik*, 1 (21) (sichen—berezen), 3, s. 20-28.

Liberov, P. D. 1971. *Drevnyaya istoriya naseleniya Podonya*. Dissertatsiya d. i. n. IA AN SSSR.

Moruzhenko, A. A. 1969. *Gorodischa Lesostepnoy Skifii (Istoriya stroitelstva oboronitelnyih sooruzheniy, zhilisch i hozyaystvennyih postroek v VII—III vv. do n. e.).* Avtoreferat dissertatsii k. i. n. KhGU im. M. Gor'kogo.

Moruzhenko, A. A. 1985. Gorodischa lesostepnyih plemen Dnepro-Donskogo mezhdurechya VII—III vv. do n. e. *Sovetskaya arheologiya*, 1, s. 160-178.

Pelyashenko, K. Yu. 2015. Osoblivosti fortifikatsiyi Tsirkunivskogo gorodischa. *«Arheologiya & Fortifikatsiya Ukrayiny». Zbirnik materialiv V Vseukrayinskoyi naukovo-praktichnoyi konferentsiyi*, s. 183-187.

Svistun, G. E. 2008. *Otchyot o rabote Severskodonetskoy arheologicheskoy ekspeditsii Hudozhestvenno-memorialnogo muzeya I. E. Repina v 2007 g. na territorii g. Chugueva.* NA HMM I. E. Repina, fond 14, opis 1, sprava 7.

Svistun, G. E., Kvitkovskiy, V. I., Yushkov, D. Yu. 2016. Znamenskoe gorodische skifskogo vremeni na Harkovschine. *Arheologiya i davnyaya istoriya Ukrayiny*, 2 (19), s. 253-256.

Shevchenko, A. A. 2010. *Gorodischa skifskogo vremeni na territorii Srednego Dona*. Avtoreferat dissertatsii k. i. n. IA RAN.

Shramko, B. A. 1984. F. Engels i problema vozniknoveniya gorodov v Skifii. In: Gening, V. F. (ed.). *Fridrih Engels i problemyi istorii drevnih obschestv*. Kiev: Naukova dumka, s. 218-230.

A. A. Kriytchenko

THE VARIANT OF SYSTEMATIZATION OF THE HILL-FORTS OF SCYTHIAN AGE OF DNIEPER-DON FOREST-STEPPE INTERFLUVE

The article is devoted to the development of a typology of fortified settlements of the Dnieper-Don forest-steppe interfluves of the Scythian period. The formation and development of the fortification in that region was influenced by the economic opportunities of the local population, relations with neighboring tribes and among themselves, under special natural-geographical conditions. The presented systematization of the hill-forts proceeds from the understanding of the principles of the construction of their defense. Based on which, we noticed the following possible pattern of systematization of fortified settlements. Type I is fortified settlements with a single-row system without additional protective pre-walls, regardless of whether the fortification is traced along the entire perimeter or only on the front side. Type II — single-row settlements with additional reinforcement on the front side. Type III — settlements with a single-row system of fortifications, having additional protection from a combination of non-residential frontiers, complicating the approaches to the entrance to the village site and creating the possibility of leading flanked fire on the attack. Type IV — monuments protected (often on the front side) by a multi-row system of fortifications. Type V — settlements with a pronounced main courtyard and a large economic frontier. By the VI type, we attributed the Belsk hillfort due to its features.

Keywords: early Iron Age, Scythian period, Dnieper-Don forest-steppe, fortification, typology.

Одержано 16.02.2019

КРЮТЧЕНКО Олексій Олександрович, молодший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *spg9m@ukr.net*.

KRIYTCHENKO Oleksij O., Junior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv 04210, Ukraine, *spg9m@ukr.net*.

УДК: 904(4-191.2)-054

M. Ljuština, J. Cvijetić

NOTES ON ETHNICAL COMPONENTS IN FORMING ARCHEOLOGICAL PICTURE OF SOUTWESTERN SERBIA AND NORTHERN MONTENEGRO IN PROTOHISTORY AND EARLY ROMAN PERIOD

The paper is devoted to recognition of ethnical components and their importance in creation of archaeological picture of South-Western Serbia and Northern Montenegro in proto-history and Early Roman period. The chosen region was an integral part of the Illyrian world, but on the threshold of the Thracian at the end of later prehistory. As for the subsequent period of Roman domination, one of the most important tasks for the future exploration is at least partial enlightening the structure of the population the Romans found in this area at the turn of the Christ Era. Either the new era or the Christian era.

***Keywords**: Iron Age, Roman period, Montenegro, Serbia, necropolises, Municipium S., Illyrians, Thracians.*

If ethnical identity in the present is not easy to catch, then it should be expected that finding material record of it in the past is a tantalizing task. Ethnicity is widely seen as an intangible concept, multi-faceted and not firmly defined. It is expressed most often in the way individuals feel themselves connected — or the way others see them to be connected — to different social groups or to a specific social milieu. Such feelings and beliefs can reach almost mythological dimensions. Although ethnical components in identity may change along with social and historical circumstances, people (individuals and social groups) regularly use ethnicity to support and / or legitimize political entities or economic systems, in the past as well as in modern times (cf. Knapp 2014 with further references).

Already the first glance at most general maps with emphasized Thracian ethnic and cultural space reveals specific position of the focal zone of the present study (cf. Fol, Popov, Yordanov 2014, p. 10). During the I millennium BC and at the turn of the new era Southwest Serbia and Northern Montenegro (fig. 1) were an integral part of the Illyrian world, but on the threshold of the Thracian. The wider area shared between the modern states of Serbia and Montenegro bears traces of human presence, which go back to the Palaeolithic. In spite of the fact that in the 1960^{s}, 1970^{s} and 1980^{s} and even later an intense archaeological research of the area was performed, resulting in discovery of a number of sites from the late prehistory and Roman period (Летица 1982; Јевтић 1996; Срејовић 2009; Цермановић-Кузмановић 2009), the state of exploration is still not satisfactory. One of the reasons for that lies in the environmental diversity. On the one hand the valleys of important rivers provided good connectivity. For example, if it is concerned that the Novi Pazar area is rich in smaller river flows belonging to the Raška and Ibar watershed, it is obvious how easily the influence from the south could reach inhabitants of these valleys. On the other hand the highlands today shared by Serbia and Montenegro and the wide Pešter plateau offer completely different life conditions. The Pešter plateau is sharply divided from the surrounding zones by both its height and its geomorphological characteristics. It is an area without forest, with average height 1100—1250 m above sea level, having characteristics of the karst and with very little water. It makes the shortest connection between the Raška and Lim valleys, and in broad sense between the Morava valley and the river Drina, i. e. between the eastern and the western parts of the Central Balkans. There is shortage of fertile soil, and the climate is not convenient for planting every sort of cereals and fruits. Fortunately, pasture is very spacious and rich in grass for grazing. Inside the Pešter plateau, the best life conditions can be found at Peštersko polje and Koštam polje — two troughs surrounded

© M. LJUŠTINA, J. CVIJETIĆ, 2019

Fig. 1. Map of Bijelo Polje, Kosovska Mitrovica

by hills and relatively rich in water — which are inhabited with high density even today, as it was the case in the past.

Archaeological picture of the studied area is dominated by a significant number of tumular necropolises. The greatest number of tumular burials belongs to the final horizon of the First Iron Age / Hallstatt period. It is under no doubt that in the Late Hallstatt the area was incorporated in the cultural complex Glasinac-Mati. In spite of the fact that ethnic attribution of the complex was Illyrian in wider sense, some of the graves have specific material which can be connected with the north-Thracian cultural circle.

Thanks to the priority the Glasinac plateau got with the early start of excavations of the tumuli and hillforts, already in the 2nd half of the 19th c., the complex of archaeological sites from the territory of the Autariatae was attributed to the bearers of the Glasinac culture. On the other hand, even a glimpse into the geographic map provides enough information to claim that the area of SW Serbia and N Montenegro is in the heart of the Glasinac cultural complex or the territory of the Autariate. Consequently, archaeological sites from the region chronologically attributed to the Hallstatt period are memorabilia of the Autariatae (Benac 1987; Čović 1987; Лазић, Церовић 2008). Two areas of the region, the Novi Pazar area and the Pljevlja area, were chosen for the study due to their specific development inside the vast cultural complex. Each one of them revealed its own cultural development and final destiny.

Material culture of the Autariatae from Northern Montenegro is well known due to the archaeological excavations of tumuli. The region of the city of Pljevlja is of particular importance, since tumular necropolises were explored in Gotovuša, Ljutići near Mataruge, Lever Tara, Borovica and Otilovići (fig. 2). In most of the mounds, built of earth and stone, with outstanding complexity of funerary practices and several burial horizons, there were graves of inhumed deceased in supine position, with jewellery and elements of attire (most of them made of bronze, such as massive cast bracelets, decorated circular plates, arch fibulae and decorative pins), weapons and pottery. Ceramic repertoire is reduced to greyish beakers with one or two handles and incised geometric ornaments. In spite of the fact that in the Pljevlja area more than ten mounds with significant number of graves from the Hallstatt period have been explored, the archaeological material from the graves indicated mid- 5th c. BC as the latest date. In contrast to it, in the Glasinac area and the Drina valley there were graves from later periods, which testified about prolonged and continual existence of the Autariatae, unlike in the region of Pljevlja (Лазић, Церовић 2008).

The greatest number of tumular burials in the Novi Pazar region belongs to the final horizon of the Halstatt period. Apart from the Novi Pazar princely grave, the remains of graves belonging to this horizon were found at more than ten sites (villages Crnoča, Glogovik, Delimeđe, Gračane, Melaje, Raspoganče, Doljani, and Novopazarska Banja), most of them being found under tumuli at the Pešter plateau. The picture of funerary practice during the Hallstatt period in the Novi Pazar area reveals neither chronological nor ethnical unity. Two groups of graves can be sorted out: an older one, with skeletal burials in supine position, within massive, rectangular or oval stone grave constructions, like the mound I

Fig. 2. Prehistoric necropolis near Otilovići, Pljevlja, Montenegro. Documentation of Archaeological Collection, Faculty of Philosophy, Belgrade

from the site Latinsko Groblje in Glogovik (fig. 3), with grave inventory resembling the one from the mentioned region of Pljevlja and a younger one, in which cremations predominate, with human remains scattered across foundations made of pebbles and broken stones. According to grave goods (more elaborated and refined bronze jewellery and ceramic vessels, sometimes imported or made under the influence of the material from north Greece or south Macedonia, or even from the Thracian world as it is the case with the Latinsko Groblje fibula), these younger bi-ritual burials are much stronger connected to Kosovo and southern parts of the Balkan peninsula, in contrast to the older ones, which are incorporated in the wider complex Glasinac-Mati (Jevtić, Ljuština 2008). The mentioned find of a small arc fibula (Jevtić 1990, p. 116, kat. 150) (length 2.4 cm) of Thracian type from tumulus II at Latinsko Groblje (fig. 4) is from the same period or slightly later time in comparison to the black-brown varnished bowls of Greek production, which came mostly from cremated burials at several sites at the Pešter plateau. The fibula is dated at the end of the 4th or 3rd century BC (Vasić 2000, p. 15—19).

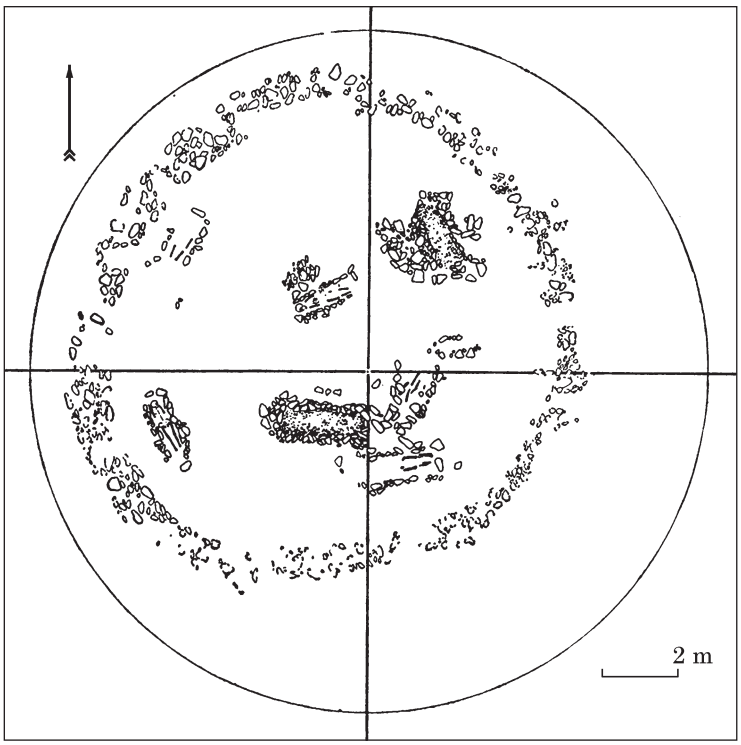

Fig. 3. Glogovik, Latinsko Groblje, Serbia: Mound I (Летица 1982)

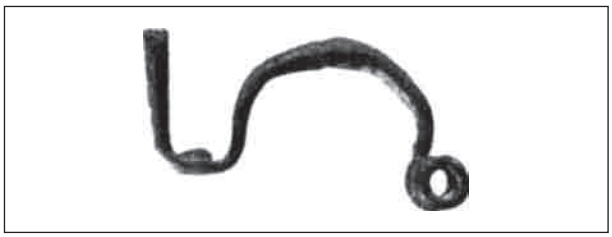

Fig. 4. Glogovik, Latinsko Groblje, Serbia: fibula from Mound II (Jevtić 1990)

Thorough analysis of funerary practice of the older period revealed that a number of Basarabi elements were recognised in the material from the mound with incinerations in Melaje. At the base of the mound there was a large circular area, lined with a row of broken stones, with traces of intense fire. Pottery sherds were spread all over the earthen covering of the mound. Except the numerous fragments decorated with the false cord technique (fig. 5), there were some fragments of vessels made on potter's wheel, of Greek provenance, and also some hand-made pottery under the Greek influence. Only on the basis of the ceramic material, two burial horizons could have been divided: a horizon with the false cord pottery of Basarabi style and a horizon with Greek imports. Fragments of vessels decorated in Basarabi style form a separate group of pottery. Parts of vessels decorated with rows of false cord came from the base of the mound. It is worth mention-

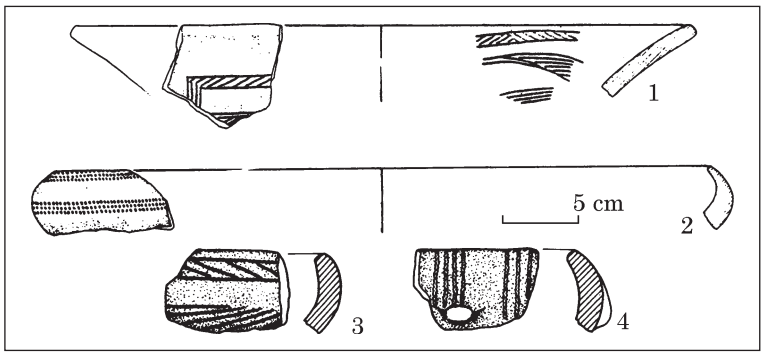

Fig. 5. Melaje, Livada kod džamije, Serbia: Basarabi pottery (Јевтић 1992)

ing that no trace of pottery with the «S» stamps decoration was found there, which is in contrast with the Basarabi pottery from the hillforts in the Novi Pazar area (Јевтић 1992, p. 8; Jevtić, Ljuština 2008, p. 43). There is a tempting idea, according to which a woman originating from the Triballi tribe (or generally from North-Thracian ethnical space) was cremated and buried among some local inhabitants of North-Dardanian origin. Ethnical attribution of the deceased is confirmed by both the sherds of the Basarabi bowls found at the mound base, and the small ceramic cogged tool, used for the pottery decoration. Such tools have been found mainly in the western part of the vast Basarabi complex, where the tremollo pottery was most common, and to which the early Triballi can be cautiously connected (Јевтић 1992, p. 15; Jevtić, Ljuština 2008, p. 45).

What strikes us as odd is that the latest date of the prehistoric finds from the region can be the 3rd century BC. The following centuries BC left almost no trace in archaeological sense. If this observation about chronology of archaeological finds from the Hallstat period in the Pljevlja region and other parts of the territory of the Autariatae is connected with historical sources, it can lead to interesting and tempting hypotheses. M. Lazić and M. Cerović (Лазић, Церовић 2008) emphasized the often quoted information on movements of the Autariatae towards the east and their conflict with the Triballi. The migration of the Autariatae is not chronologically positioned with precision, although some historians, F. Papazoglu above all, consider it to have taken place after 335 BC. It was the most convenient moment to defeat the Triballi and expel them from their homeland, after the defeat by Alexander III of Macedon. However, the archaeological material from the Pljevlja region suggests different solutions. Absence of finds later than the 5th c. BC in the area indicates an assumption that the Autariatae exactly in that period left it for good.

The absence of material from the Late Iron Age in this territory makes it difficult to deal with ethnic and cultural continuity and the question about who had lived there several centuries prior to the Roman conquest. Missing link could be sought in the inhumation burials under tumulus from Krajčinovići (2nd / 1st century BC) (Zotović 1985; 2007; Gabrovec, Čović 1987, p. 907; Jovanović 1987a, p. 828, 848; Jovanović 1987b, p. 813), although the finding conditions and the find itself are questionable.

The Krajčinovići- Slana voda necropolis was partly damaged by building a local road. The necropolis was in circular form, with the first level made of small stones on which 25 partially burnt male and female skeletons were placed, without recognised individual grave pits, with the legs to the centre and the heads to the edge of the necropolis. The tumulus was covered with stones, bigger in the central position and smaller to the edge of it. Inside the tumulus there were ceramic and bronze vessels, jewellery and weapons. Among the pottery, the material of the First Iron Age, Celtic and Hellenistic provenance or influence was recognised. The bronze vessels also reveal Hellenistic influence, as well as the jewellery made of silver. Some of the swords (the total of about 69 iron swords) were recognized as Celtic. Fibulae made of bronze of the Middle and Late La Tène scheme and glass beads should be mentioned at this point, too. The closest analogies for such funerary practices can be found in two necropolises in the territory of Bosnia and Herzegowina — Mahrevići near Čajniče and Vir near Posušje (Zotović 2007, p. 199). No matter how uncertain the mentioned finds are, the recognition of material from three ethnical and cultural zones — local Illyrian-Autariataean, Celtic and Hellenistic — in the 2nd and 1st centuries BC should be emphasized.

The first archaeological evidence of the inhabitants of this region after Autariatae dates from the 1st century AD. During systematic researches in Komini near Pljevlja (ancient *Municipium S.*) carried out from 1964 to 1976, almost seven hundred graves were discovered, mostly cremated deceased buried from the 1st to 4th century (cf. Cermanović-Kuzmanović 1967; 1980a; 1980b; Цермановић-Кузмановић 1998; 2009). According to the research, there were two ancient necropolises. The older one, necropolis I, situated in the area of Bijelo brdo, and the later one, well-known in scientific literature as necropolis II, placed at the foot of the eponymous hill. The necropolis I, with about 400 graves of cremated burials of native non-Romanized population, dated to the 1st and the beginning of the 2nd century AD, contained a few grave forms, which could be divided into two groups: graves with recipient and graves without receptacle for ashes of the dead. To the first group belong graves with oval/circular pit with remains from the pyre as well as rectangular pits with burned sides. The other group is represented by circular grave pits with ceramic urn (mostly handmade), which is often covered by a stone slab, or placed in the ring of stones i. e. surrounded by

stones (fig. 6). To this group also belong graves with stone caskets for the ashes of the dead, concentrated in one section of the necropolis, while the other graves on the necropolis I are distributed without particular order (Цермановић-Кузмановић 1998; Цермановић-Кузмановић 2009).

Graves from the older necropolis in Komini contain simple grave goods, mostly composed of ceramic vessels (hand-made or wheel-thrown) and metal objects (bronze fibulae of the Aucissa type, rare bronze coins, rings and earrings), while the graves with long knives and spears with their tip dug into the earth are especially interesting (fig. 7). This custom is also familiar to the Iapodes. Some links and analogies with the Iapodean pottery are notable as well (Cermanović-Kuzmanović 1980a, p. 227—232; Цермановић-Кузмановић 1998; Цермановић-Кузмановић 2009; Ружић 2009). Aleksandrina Cermanović-Kuzmanović also denoted significant similarity with the material from the Cetina river (the Delmate region) (Цермановић-Кузмановић 1998; 2009).

As we have already seen, according to the several investigated tumuli, cremation was not known in the earlier sepulchral tradition, i. e. the native population used only inhumation under the mounds. With the beginning of new millennium, with the Roman occupation or even earlier, the burial rite changed (Јовановић 1984, p. 66). Since there is no evidence that the native population had cremation in their own sepulchral tradition and according to the grave forms and material from them, which cannot be ascribed to the Romanized population, it is believed that the new grave forms were probably adopted from the neighbouring regions, where cremation was dominant sepulchral form in the pre-Roman period. This custom is characteristic from the middle of the I millennium BC in the wider Illyrian region, from the Iapodes on the north-west to the southern Serbia and Kosovo on the south-east. It is suggested that this form could have been adopted from the north-west, from the territory of the Illyrian / Pannonian tribe Daesidiates, or from the east, or the Dardanians, Illyrian-Thracian tribe as suggested by A. Jovanović (cf. Cermanović-Kuzmanović 1982, p. 227—232; Јовановић 1984, p. 66). So far, several assumptions have been made in relation to this issue. Grave forms and grave goods (especially pottery finds) are indicative of relations with Iapodean, Dalmatian, Desidiatean and Dardanian cultural circle (Cermanović-Kuzmanović 1980a; Јовановић 1984; Цермановић-Кузмановић 1998; 2009). According to the opinion of A. Jovanović, grave pits without recipient for the ashes of the dead with the remains of the pyre or the pits with burned sides are older and belong to the native population. Having developed Evans' (Evans 1885, p. 38) idea, Jovanović stated about the Pirustae as autochthonous population, or the population which settled in today region of north Albania and north-eastern Montenegro (Јовановић 2011; 2012; the same problem was also dealt by J. Wilkes (Wilkes 1969) and A. Cermanović-Kuzmanović (Цермановић-Кузмановић 2009). Jovanović (Јовановић 1984, p. 64—68) supposes that this models came from the east or from the neighbouring territory of the Dardanians (basic forms of graves Mala Kopašnica Sase type) at the turn of the new era i. e. with the beginning of the Roman domination. The other grave form, or pits with urns and ash-chests (Aucissa type fibulae, long knives) occurred at beginning of the 2nd century with population from the central Dalmatia. Moreover, it has been suggested that this depopulated area was resettled by the groups of refugees of the Scordisci and Dardaninas, during the 2nd or the 1st century BC (Лазић, Церовић 2013).

Fig. 6. Komini, Montenegro: ceramic urn covered and surrounded by stones from necropolis I. Documentation of Archaeological Collection, Faculty of Philosophy, Belgrade

Fig. 7. Komini, Montenegro: grave with long knife, necropolis I. Documentation of Archaeological Collection, Faculty of Philosophy, Belgrade

However, we are of the opinion that we could count on varied ethnic components in this territory in pre-Roman and early Ro-

Fig. 8. Komini (Municipium S.) Montenegro: monumental tomb of the so-called Aquileian type, necropolis II. Documentation of Archaeological Collection, Faculty of Philosophy, Belgrade

Fig. 9. Lever Tara, Montenegro: Inscription from Mithras temple. Documentation of Archaeological Collection, Faculty of Philosophy, Belgrade

man period, but also should be very careful with conclusions about indigenous population. All of the suggestions should be taken with caution, because the results of the excavations in Komini have not been completely published. They are the subject of the study which is in preparation.

On the other hand, epigraphic material from the younger necropolis in Komini, dated to the second half of the 2nd century to the middle or the second half of the 4th century AD, are well known and published (Mirković 2013). A completely different picture of necropolis II indicates that the population inside this necropolis was mostly Romanised. Besides simple grave pits with container for ashes of the dead (urn, stone ossuary), there were several monumental tombs of the so-called Aquileian type, built by notable citizens of Municipium S (fig. 8). The wealthy part of the population was buried in grave pits with stone, often decorated ash chest (ossuary), which mostly contained rich and various materials imported from the farthest provinces of the Empire. Notable population of this Roman town also included veterans and soldiers from the legions and auxiliaries. On the necropolis II there are also excavated several graves of the cremated deceased with weapons, or the equipment for the members of the auxiliaries (Cvijetić 2017).

According to the onomastics, notable citizens of Municipium S. were mostly of Illyrian origin. However, we could consider presence of varied (Celtic, Thracian) ethnical entities, too (Cermanović-Kuzmanović 1967; 1969; 1980b; Јовановић 1984; Mirković 2013).

The presence of epigraphic confirmation of Thracian personal names during the 2nd and 3rd centuries AD refers to the mines in the area of present day Northern Montenegro and Southwest Serbia. Several names from Pljevlja and Prijepolje region, such as *Teres*, *Bessus* and *Bessio* could be of Thracian origin (Alföldy 1965, p. 15, 98; Mirković 2013, p. 45, 48, 101). However, it is interesting to note that the name Bessus is present in Dalmatia, Gallia, Noricum, Dacia and Moesia, etc. but not on the territory of Thrace (Mirković 2013, p. 45). The name Teres is recorded as part of the *nomen formula* of *vir perfectissimus* (governor) of Roman province of Thrace from 305 to 311 AD (Sharankov 2016, p. 105, 106). But, on the other hand R. Katičić suggested even in the late 60s of last century that Teres was from Terenti, and Bessus were Illyrian names (Katičić 1963, p. 264, 277; also see Loma 2003—2014, p. 40). M. Mirković suggests that name Bessus could be of Thracian but also of Celtic origin, according to the significant number of recorded epigraphic testimonies from Gallic territories (Mirković 2013, p. 46; Lörincz 2005, p. 289).

It should be emphasized that these few names should not be necessarily connected with the native population. It should be kept in mind that certain individuals or families could have been moved from the other parts of the Balkans to this territory during the Roman period (Mirković 2013, p. 44—50). The names-ethnics are common in the epigraphic material from this region. From that point of view especially are interesting the names *Bessus* and *Bessio* which could be ethnics, or the names derivate from name of the Thracian tribe Bessi. If we read carefully historical sources, we will find a significant note from Appian (Ill. 1, 16). As he testifies, the Romans took a war against the Bessi, somewhere in the territory of Illyricum during O. Au-

gustus (35—33 BC) (Mirković 2013, p. 45). Part of this Thracian tribe was moved to Dalmatia, by the order of M. Antonius. They could have been partly moved into this metalliferous part of the province for exploitation of silver (Alfoldy 1965, p. 67—69; Јовановић 2012, p. 156). Also, according to the opinion of G. Alföldy, two more names from the territory of ancient Municipium S. could be of the Thracian origin. The name *Plares* is noticed in region of Pljevlja and Prijepolje, and the other one is known from Komini and Lever Tara. According to the opinion M. Mirković, Plares (also Plarens) belongs to the Illyrian names (Mirković 2013, p. 100). The name of *Aurelius Argyrianus* is mentioned with the function of imperial procurator on the inscription from the Mithras temple in Lever Tara. According to G. Alföldy, name Argyrianus / Argurianus could be Thracian or Celtic origin (Alföldy 1964, p. 124). On the other side S. Loma suggested Illyrian origin (Loma 2003—2004, p. 48) and M. Mirković reminds us that the reading of the name on a monument from Lever Tara is uncertain (Mirković 2013, p. 114, 99, note 114). The official, by all accounts, carried out the administration of the mines in this area during the seventies of the 3rd century (fig. 9) (Лома 1999, p. 193—202; Лома 2003, p. 12, 21; on the organization of mining in the province of Dalmatia: Dušanić 1980; on the administrative status of Eastern Dalmatia and eastern Dalmatian mines: Лома 1999; Лома 2003). A couple of inscriptions from Čadinje near Prijepolje and Bijelo Polje indicate exploitation of mineral resources in northern Montenegro and south-western Serbia (CIL III, 12715; Mirković 1975, p. 105, 106; ILJug 137, no. 1817; ILJug 1685; Лома 2003, p. 12, ref. 5; Cvijetić 2014).

Finally, a very attractive assumption is made by A. Jovanović. According to him, ancient *Thermidava*, in Ptolemy listed in the towns of the province of Dalmatia (Ptol. II, 16 (17)), should probably be sought somewhere in the territory of northern Montenegro or northwest Albania. In his opinion, the etymology of the place name — *Thermidava* — a compound of the prefix *therme* — spa and the sufix *dava* — Thracian name for the settlement, suggests a settlement developed near hot springs, and which has a Thracian component (Јовановић 2012, p. 155, 156). The connection between hot springs and mines is clear, but unfortunately from the archaeological point of view this territory is still *terra incognita*.

In the end, we can only conclude that one of the most challenging but also the most difficult questions for the archaeologists and one of the most important tasks for the future exploration is at least partial enlightening the structure of the population the Romans found in this area at the turn of the new era.

Aknowledgements. The paper represents the result of work within the projects Romanisation, Urbanisation and Transformation of Urban Centres of Civil, Military and Residential Character in Roman Provinces on the Territory of Serbia (177007), and Society, Culture and Communications in the Balkans in proto- and early history (177012), funded by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

BIBLIOGRAPHY

Alföldy, G. 1964. Die Namengebung der Urbevölkerung in der Römischen Provinz Dalmatia. *Beiträge zur Namenscforschung*, 15, p. 98-102.

Alföldy, G. 1965. *Bevölkerung und Gesellschaft der Römischen Provinz Dalmatien*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Benac, A. 1987. O etničkim zajednicama starijeg željeznog doba u Jugoslaviji. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 737-802.

Cermanović-Kuzmanović, A. 1967. Rezultati arheoloških istraživanja na području Municipijuma S… kod Pljevalja — selo Komini. *Materijali*, IV, p. 77-84.

Cermanović-Kuzmanović, A. 1969. Neue Funde aus dem Municipium S. *Hommages á Marcel Renard III*, *Collection Latomus*, 103, p. 116-123.

Cermanović-Kuzmanović, A. 1980a. Vorrömische Elemente in der Kultur des Municipium S. im Dorfe Komini. *Živa antika*, 30, p. 227-232.

Cermanović-Kuzmanović, A. 1980b. Arheološko istraživanje antičkih nekropola u selu Komini kod Pljevalja. *Starinar*, n. s., 31, p. 43-52.

CIL. 1873. *Corpus Inscriptionum Latinarum III*, *Inscriptiones Asiae*, *provinciarum Europae Graecarum*, *Illyrici Latinae*. Th. Mommsen.

Cvijetić, J. 2014. Contribution to the knowledge of autochthonous cults in southeast Dalmatia and the problem of locating ancient Thermidava. *New Antique Doclea*, V, p. 59-68.

Cvijetić, J. 2017. Stamped Shield-boss from Municipium S. (Montenegro). In: Vujović, M. (ed.). *Ante portam aream. Studia in honorem professoris Aleksandar Jovanović.* Belgrade: Faculty of Philosophy Belgrade, p. 211-223.

Čović, B. 1987. Glasinačka kultura. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 575-643.

Evans, A. 1885. Antiquarian Researches in Illyricum. *Archaeologia*, XLIX, p. 1-167.

Fol, V., Popov, D., Yordanov, K. 2014. *The Thracian Kings*. Sofia: Tangra TanNakRa.

Gabrovec, S., Čović, B. 1987. Zaključna razmatranja. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 901-928.

ILJug-Šašel, A., Šašel, J. 1986. *Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia inter annos MCMII—MCMXL repertae et editae sunt*. Ljubljana.

Jevtić, M. 1990. Early Iron Age in Western Serbia and Metohija. In: Jeftović, J. (ed.). *Masters of Silver The Iron Age in Serbia.* Belgrade; Novi Sad; Priština: National Museum, Museum of Vojvodina, Museum of Kosovo, p. 109-117.

Jevtić, M., Ljuština, M. 2008. Some Thracian Elements from the Iron Age Tumular Graves in Novi Pazar Area (South-western Serbia). In: Sîrbu, V., Stîngă, I. (eds). *The Iron Gates Region during the Second Iron Age: Settlements*, *Necropolises*, *Treasures*. Drobeta-Turnu Severin, Craiova: Editura Universitaria Craiova, p. 38-56.

Jovanović, B. 1987a. Istočna grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 815-854.

Jovanović, B. 1987b. Uvod. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 805-814.

Loma, S. 1999. Zum Mithrasdenkmal im Taratal (CIL III 13849). *Starinar*, n. s., XLIX, p. 193-202.

Lörincz, B. 2005. *Onomasticon provinciarum Europae latinarum* I—IV, Budapest: Archaeolingua Alapitvany.

Mirković, M. 1975. Iz istorije Polimlja. *Godišnjak Centra zabalkanološka ispitivanja*, XIV, 12, p. 95-107.

Mirković, M. 2013. *Municipium S. Rimski grad u Kominima kod Pljevalja.* Beograd: Filozofski fakultet u Beogradu.

Katičić, R. 1963. Das mitteldalmatische Namengebiet. *Živa antika*, 12, p. 255-292.

Sladić, M. 2012. Praistorijski tumuli u Otilovićima kod Pljevalja. *Davnine. Arheologija u Crnoj Gori*, 1, p. 59-101.

Knapp, A. B. 2014. Mediterranean Archaeology and Etnicity. In: McInerney, J. (ed.). *A Companion to the Ethnicity in the Ancient Mediterranean*. Chichester: Wiley Blackwell, p. 34-49.

Sharankov, N. 2016. Notes of Governors of the Roman Thrace. *Bulletin of the National Archaeological Institute*, XLIV: Proceedings of the First International Roman and Late Antique Thrace Conference «Cities, Territories and Identities» (Plovdiv, 3rd—7th October 2016), p. 97-109.

Vasić, R. 2000. Thracian Fibulae in the West: Invasion or Cultural Exchange? *Archaeologia Bulgarica*, 4, 1, p. 13-20.

Wilkes, J. J. 1969. *Dalmatia*, *History of the provinces of the Roman Empire*. London: Harvard University Press.

Zotović, M. 1985. *Arheološki i etnički problemi bronzanog i gvozdenog doba zapadne Srbije*. Doctoral thesis, University of Belgrade, Faculty of Philosophy, Deparment of Archaeology.

Zotović, R. 2007. Social and Cultural Aspects of the Burial «Krajčinovići-Slana voda» (south-west of Serbia, middle of II c. BC). *Funerary Practices in Europe*, *before and after Roman Conquest (3rd century BC — 3rd century AD). Proceedings of the 8th International Colloquium of Funerary Archaeology*, p. 199-205.

Церемановић-Кузмановић, А. 1998. *Комини — Municipium S…, некрополе*. Београд: Филозофски факултет.

Церемановић-Кузмановић, А. 2009. Пљеваљско подручје у римско и рановизантијско доба. У: Терзић, С. (ред.). *Историја Пљеваља*. Пљевља: Општина Пљевља, с. 51-67.

Душанић, С. 1980. Организација римског рударства у Норику, Панонији, Далмацији и Горњој Мезији. *Историјски гласник*, 1—2, с. 7-55.

Јевтић, М. 1992. Налази Басараби културе у новопазарском крају. *Новопазарски зборник*, 16, с. 7-16.

Јевтић, М. 1996. О истраживању млађих праисторијских култура у новопазарском крају. *Новопазарски зборник*, 20, с. 7-13.

Јовановић, А. 1984. *Римске некрополе на територији Југославије*. Београд: Центар за археолошка истраживања.

Јовановић, А. 2011. Пирусти и Албурнус: огледи о укљеви и традицији. *Зборник Матице српске за класичне студије*, 13, с. 7-12.

Јовановић, А. 2012. Белешке о култу воде у римским провинцијама на тлу Србије. *Зборник Матице српске за класичне студије*, 14, с. 151-162.

Лазић, М., Церовић, М. 2013. Становништво пљеваљског краја пре и после романизације — од VI столећа пре н. е. до IV столећа н. е. (Пљевља, 07.—08. јуни 2008. године). *Гласник Завичајног музеја (Пљевља)*, 8—9, с. 9-26.

Летица, З. 1982. Пештер у бронзано и гвоздено доба. *Старинар*, н. с., 32, с. 9-17.

Лома, С. 2003. Проблеми идентификације, територије и становништва Муниципија С. *Гласник Завичајног музеја* (*Пљевља)*, 3, с. 9-23.

Лома, С. 2003—2004. Домаће становништво Муниципија С. у светлу нових епиграфских сведочанстава. *Старинар*, н. с., LIII—LIV, с. 35-63.

Ружић, М. 2009. Силван и Херкул у загробним веровањима становника Муниципијума С. *Архаика*, 2, с. 103-118.

Срејовић, Д. 2009. Пљеваљско подручје у праисторији. У: Терзић, С. (ред.). *Историја Пљеваља*. Пљевља: Општина Пљевља, с. 35-47.

REFERENCES

Alföldy, G. 1964. Die Namengebung der Urbevölkerung in der Römischen Provinz Dalmatia. *Beiträge zur Namenscforschung*, 15, p. 98-102.

Alföldy, G. 1965. *Bevölkerung und Gesellschaft der Römischen Provinz Dalmatien*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Benac, A. 1987. O etničkim zajednicama starijeg željeznog doba u Jugoslaviji. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 737-802.

Cermanović-Kuzmanović, A. 1967. Rezultati arheoloških istraživanja na području Municipijuma S… kod Pljevalja — selo Komini. *Materijali*, IV, p. 77-84.

Cermanović-Kuzmanović, A. 1969. Neue Funde aus dem Municipium S. *Hommages á Marcel Renard III*, *Collection Latomus*, 103, p. 116-123.

Cermanović-Kuzmanović, A. 1980a. Vorrömische Elemente in der Kultur des Municipium S. im Dorfe Komini. *Živa antika*, 30, p. 227-232.

Cermanović-Kuzmanović, A. 1980b. Arheološko istraživanje antičkih nekropola u selu Komini kod Pljevalja. *Starinar*, n. s., 31, p. 43-52.

CIL. 1873. *Corpus Inscriptionum Latinarum III*, *Inscriptiones Asiae*, *provinciarum Europae Graecarum*, *Illyrici Latinae*. Th. Mommsen.

Cvijetić, J. 2014. Contribution to the knowledge of autochthonous cults in southeast Dalmatia and the problem of locating ancient Thermidava. *New Antique Doclea*, V, p. 59-68.

Cvijetić, J. 2017. Stamped Shield-boss from Municipium S. (Montenegro). In: Vujović, M. (ed.). *Ante portam auream. Studia in honorem professoris Aleksandar Jovanović.* Belgrade: Faculty of Philosophy Belgrade, p. 211-223.

Čović, B. 1987. Glasinačka kultura. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 575-643.

Evans, A. 1885. Antiquarian Researches in Illyricum. *Archaeologia*, XLIX, p. 1-167.

Fol, V., Popov, D., Yordanov, K. 2014. *The Thracian Kings*. Sofia: Tangra TanNakRa.

Gabrovec, S., Čović, B. 1987. Zaključna razmatranja. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 901-928.

ILJug-Šašel, A., Šašel, J. 1986. *Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia inter annos MCMII—MCMXL repertae et editae sunt*. Ljubljana.

Jevtić, M. 1990. Early Iron Age in Western Serbia and Metohija. In: Jeftović, J. (ed.). *Masters of Silver The Iron Age in Serbia.* Belgrade; Novi Sad; Priština: National Museum, Museum of Vojvodina, Museum of Kosovo, p. 109-117.

Jevtić, M., Ljuština, M. 2008. Some Thracian Elements from the Iron Age Tumular Graves in Novi Pazar Area (South-

western Serbia). In: Sîrbu, V., Stîngă, I. (eds). *The Iron Gates Region during the Second Iron Age: Settlements, Necropolises, Treasures*. Drobeta-Turnu Severin, Craiova: Editura Universitaria Craiova, p. 38-56.

Jovanović, B. 1987a. Istočna grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 815-854.

Jovanović, B. 1987b. Uvod. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja V. Željezno doba.* Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, p. 805-814.

Loma, S. 1999. Zum Mithrasdenkmal im Taratal (CIL III 13849). *Starinar*, n. s., XLIX, p. 193-202.

Lörincz, B. 2005. *Onomasticon provinciarum Europae latinarum* I—IV, Budapest: Archaeolingua Alapitvany.

Mirković, M. 1975. Iz istorije Polimlja. *Godišnjak Centra zabalkanološka ispitivanja*, XIV, 12, p. 95-107.

Mirković, M. 2013. *Municipium S. Rimski grad u Kominima kod Pljevalja*. Beograd: Filozofski fakultet u Beogradu.

Katičić, R. 1963. Das mitteldalmatische Namengebiet. *Živa antika*, 12, p. 255-292.

Sladić, M. 2012. Praistorijski tumuli u Otilovićima kod Pljevalja. *Davnine. Arheologija u Crnoj Gori*, 1, p. 59-101.

Knapp, A. B. 2014. Mediterranean Archaeology and Etnicity. In: McInerney, J. (ed.). *A Companion to the Ethnicity in the Ancient Mediterranean*. Chichester: Wiley Blackwell, p. 34-49.

Sharankov, N. 2016. Notes of Governors of the Roman Thrace. *Bulletin of the National Archaeological Institute*, XLIV: Proceedings of the First International Roman and Late Antique Thrace Conference «Cities, Territories and Identities» (Plovdiv, 3rd—7th October 2016), p. 97-109.

Vasić, R. 2000. Thracian Fibulae in the West: Invasion or Cultural Exchange? *Archaeologia Bulgarica*, 4, 1, p. 13-20.

Wilkes, J. J. 1969. *Dalmatia*, *History of the provinces of the Roman Empire*. London: Harvard University Press.

Zotović, M. 1985. *Arheološki i etnički problemi bronzanog i gvozdenog doba zapadne Srbije*. Doctoral thesis, University of Belgrade, Faculty of Philosophy, Deparment of Archaeology.

Zotović, R. 2007. Social and Cultural Aspects of the Burial «Krajčinovići-Slana voda» (south-west of Serbia, middle of II c. BC). *Funerary Practices in Europe, before and after Roman Conquest (3rd century BC — 3rd century AD). Proceedings of the 8th International Colloquium of Funerary Archaeology*, p. 199-205.

Cermanović-Kuzmanović, A. 1998. *Komini — Municipium S…, nekropole*. Beograd: Filozofski fakultet u Beogradu.

Cermanović-Kuzmanović, A. 2009. Pljevaljsko područje u rimsko i ranovizantijsko doba. In: Terzić, S. (ed.). *Istorija Pljevalja.* Pljevlja: Opština Pljevlja, s. 51-67.

Dušanić, S. 1980. Organizacija rimskog rudarstva u Noriku, Panoniji, Dalmaciji i Gornjoj Meziji. *Istorijski glasnik*, 1—2, s. 7-55.

Jevtić, M. 1992. Nalazi Basarabi kulture u novopazarskom kraju. *Novopazarski zbornik*, 16, s. 7-16.

Jevtić, M. 1996. O istraživanju mlađih praistorijskih kultura u novopazarskom kraju. *Novopazarski zbornik*, 20, s. 7-13.

Jovanović, A. 1984. *Rimske nekropole na teritoriji Jugoslavije*. Beograd: Centar za arheološka istraživanja.

Jovanović, A. 2011. Pirusti i Alburnus: ogledi o ukljevi i tradiciji. Zbornik Matice srpske za klasične studije, 13, s. 7-12.

Jovanović, A. 2012. Beleške o kultu vode u rimskim provincijama na tlu Srbije. *Zbornik Matice srpske za klasične studije*, 14, s. 151-162.

Lazić, M., Cerović, M. 2013. Stanovništvo pljevaljskog kraja pre i posle romanizacije — od VI stoleća pre n. e. do IV stoleća n. e. (Pljevlja, 07.—08. juni 2008. godine). *Glasnik Zavičajnog muzeja (Pljevlja)*, 8—9, s. 9-26.

Letica, Z. 1982. Pešter u bronzano i gvozdeno doba. *Starinar*, n. s., 32, s. 9-17.

Loma, S. 2003. Problemi identifikacije, teritorije i stanovništva Municipija S. *Glasnik Zavičajnog muzeja (Pljevlja)*, 3, c. 9-23.

Loma, S. 2003—2004. Domaće stanovništvo Домаће становништво Municipija S. u svetlu novih epigrafskih svedočanstava.у светлу нових епиграфских сведочанстава. *Starinar*, n. s., LIII—LIV, s. 35-63.

Ružić, M. 2009. Silvan i Herkul u zagrobnim verovanjima stanovnika Municipijuma S. *Arhaika*, 2, s. 103-118.

Srejović, D. 2009. Pljevaljsko područje u praistoriji. In: Terzić, S. (ed.). *Istorija Pljevalja.* Pljevlja: Opština Pljevlja, s. 35-47.

М. Люштіна, Е. Цвієтіч

ПРО ЕТНІЧНІ КОМПОНЕНТИ У ФОРМУВАННІ АРХЕОЛОГІЧНОЇ КАРТИНИ ПІВДЕННО-ЗАХІДНОЇ СЕРБІЇ ТА ПІВНІЧНОЇ ЧОРНОГОРІЇ ЗА ПЕРЕДРИМСЬКОЇ ТА РАННЬОЇ РИМСЬКОЇ ДОБИ

Головною метою дослідження є визначення етнічних компонентів та їх значення у створенні археологічної картини Південно-Західної Сербії та Північної Чорногорії в передримському та ранньому римському періоді. Обраний регіон був невід'ємною частиною іллірійського світу, але наприкінці пізнього передримського періоду знаходився на порозі фракійського світу. Що ж до наступного періоду римського панування, то однією з найважливіших завдань майбутнього дослідження є принаймні часткове висвітлення структури населення, з яким римляни зітнулися на цій території на рубежі нової ери.

В археологічній картині досліджуваної території переважає значна кількість курганних некрополів. Найбільша кількість курганних поховань належить до фінального горизонту раннього залізного віку/гальштатського періоду. Не викликає сумніву, що в пізньому гальштатті цей район було включено до культурного комплексу Гласинац-Маті. Відсутність матеріалу пізнього залізного віку на цій території ускладнює дослідження етнічної та культурної спадкоємності і питання про те, хто жив там кілька століть до римського завоювання. Відсутні ланки можна було б шукати в інгумаційних похованнях в кургані з Крайчиновічі, де слід підкреслити наявність у II—I ст. до н. е. матеріалу з трьох етнічних і культурних зон — місцевих іллірійсько-авторіанських, кельтських і елліністичних.

Оскільки немає жодних свідоцтв того, що серед поховальних традицій корінного населення була кремація, а поховальні споруди і матеріали з них не можна приписати романизованому населенню, слід припустити, що нові поховальні споруди, ймовірно, були запозичені з сусідніх регіонів, де кремація була домінуючим поховальним обрядом у передримський період.

Ми вважаємо, що можна враховувати різноманітні етнічні компоненти на цій території в передримський і ранньоримський періоди, але також треба бути дуже обережними з висновками про корінне населення, поховане на некрополі I. Усі висновки мають буди вельми обережними, оскільки результати розкопок в Коміні ще не повністю опубліковані. Вони є предметом дослідження, яке готується.

Ключові слова: залізний вік, римська доба, Чорногорія, Сербія, некрополі, Муніципіум С, іллірійці, фракійці.

Одержано 21.12.2018

ЛЮШТІНА Марія, доктор археології, асистент професора, Університет Білграду, вул. Чіка Любіна 18—20, Білград, 11000, Сербія, *mljustin@f.bg.ac.rs*.

LJUŠTINA Marija, PhD, Assistant Professor, University of Belgrade, Čika Ljubina 18—20, Belgrade, 11000, Serbia, *mljustin@f.bg.ac.rs*.

ЦВІЄТІЧ Елена, доктор археології, асистент професора, Університет Білграду, вул. Чіка Любіна 18—20, Білград, 11000, Сербія, *jcvijeti@f.bg.ac.rs*.

CVIJETIĆ Jelena, PhD, Assistant Professor, University of Belgrade, Čika Ljubina 18—20, Belgrade, 11000, Serbia, *jcvijeti@f.bg.ac.rs*.

УДК: 904’1(282.247.36-197.4)”638”

А. П. Медведев, Р. С. Берестнев

О НАЧАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Статья посвящена анализу памятников предскифского времени в лесостепном Подонье. Авторы приходят к выводу о региональной специфике процесса культурогенеза на Среднем Дону в переходный от эпохи бронзы к раннему железному веку период. В научный оборот вводится новый клад металлических вещей новочеркасского типа, открытый в 2016 г. в Подгоренском р-не Воронежской обл. Остается открытым вопрос о соотношении в изучаемом регионе погребальных памятников новочеркасского типа и среднедонских курганов скифского времени.

Ключевые слова: *Средний Дон, курганы, ранний железный век, предскифский период, новочеркасский тип, клад, киммерийцы.*

Вопрос о начале раннего железного века, помимо общеисторического, имеет региональный аспект, хотя бы в силу того, что в различных регионах он наступает в разное время и проявляется в археологических источниках с разной степенью интенсивности. В изучение этой проблематики помимо Алексея Ивановича Тереножкина большой вклад внес его ученик Сергей Анатольевич Скорый. Ему принадлежит фундаментальное исследование по киммерийской проблеме в украинской лесостепи (Скорый 1999), а также датировка и интерпретация уникального Стеблевского комплекса в Поросье VIII вв. до н. э., обладающего несомненными раннескифскими признаками, но по традиционной периодизации относящегося к «предскифскому времени» (Клочко, Скорий 1993). В лесостепном Подонье пока не известно археологических культур, подобных чернолесской в Днепровском Правобережье и таких ярких предскифских комплексов как Бутенки или Квитки. Здесь процесс культурогенеза на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века имел свою специфику, не в последнюю очередь, обусловленную большей открытостью донских ландшафтов — по Окско-Донской низменности и Днепро-Донскому водоразделу степные языки достигали верховий Дона и Оки.

© А. П. МЕДВЕДЕВ, Р. С. БЕРЕСТНЕВ, 2019

В настоящее время стали приобретать большую конкретность этнокультурные процессы в лесостепном Подонье в эпоху, непосредственно предшествующую наступлению железного века. Ранее здесь были известны лишь такие культуры финальной бронзы, как постсрубная с валиковой керамикой и бондарихинская (Медведев 1999, с. 18—19). В последние десятилетия на Среднем Дону в степном пограничье открыты поселения конца II — начала I тыс. до н. э. с материалами белозерской культуры. Кажется, впервые они были обнаружены при раскопках поселения у Терешковского вала (Синюк 1996, с. 257—258, рис. 68—69). Здесь типично белозерская посуда встречена в комплексе с лепной керамикой бондарихинской и кобяковской культур. В 2015—2016 гг. в ходе охранных работ, предшествующих строительству обводной дороги Журавка — Миллерово, широкой площадью исследовано поселение Журавка 1, где открыты жилые комплексы финальной бронзы также с материалами белозерской культуры (Сурков 2016). Однако, как и на других поселениях культур финальной бронзы, на белозерских памятниках Воронежской обл. не обнаружено каких-либо явных признаков начала железного века. По культурному облику, вещевому материалу и немногочисленным металлическим изделиям они относились еще к культурам финальной бронзы.

Самый ранний горизонт памятников начала железного века, выделенный на Среднем Дорну, не обнаруживает генетических истоков в культурах финальной бронзы. Это погребения

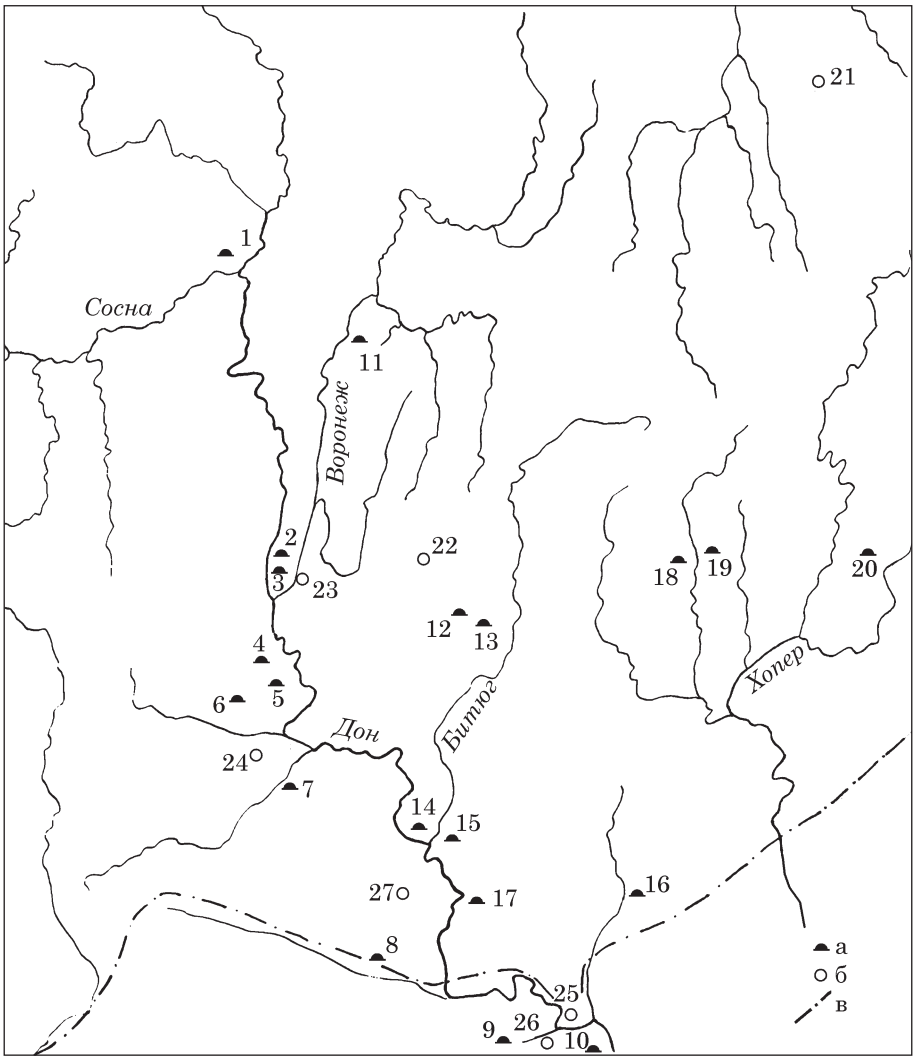

Рис. 1. Карта основных памятников предскифского периода на Среднем Дону: 1 — Засосенки; 2 — Частые Курганы; 3 — Подклетное; 4 — Мастюгино; 5 — Болдыревка; 6 — Заречье; 7 — Ближнее Стояново; 8 — Архиповка; 9 — Вервековка; 10 — Монастырщина; 11 — Филатовка; 12 — Левашовка; 13 — Старая Тойда; 14 — Иванов Бугор; 15 — Таганский; 16 — Пески; 17 —Александровка-Донская; 18 — Чурилово; 19 — Власовка; 20 — Губари; 21 — Навки; 22 — Хлебное; 23 — Воронеж; 24 — Ездоцкое; 25 — Ст. Толучеева; 26 — Дубрава; 27 — Саприно. а — погребение; б — случайная находка; в — граница лесостепи

позднейшего предскифского периода, предшествующие распространению здесь скифоидной среднедонской культуры. Некоторые из них были раскопаны еще П. Д. Либеровым в конце 1950 — начале 1960-х гг. (Частые, Мастюгино), но тогда он включил их в Свод памятников среднедонской культуры скифского времени и датировал то VIII—VII вв. до н. э., то VII—VI вв. до н. э. и даже VI в. до н. э. (Либеров 1965, с. 24, 28, табл. 2: 206—209, 215).

Решающий шаг в открытие погребений предскифского времени сделал Ю. П. Матвеев в 1980-х гг. В погребении 1 кургана 2 у с. Чурилово он обнаружил впускное погребение с серолощеной корчагой, украшенной по плечикам геометрическим гребенчатым орнаментом, а в погребении 2 кургана 4 — бронзовый нож камышевахского типа. Изучение этих материалов позволило одному из авторов статьи выделить небольшую серию погребений позднейшего предскифского времени на Среднем и Верхнем Дону (Медведев 1985). До конца XX в. она насчитывала не более полутора десятков погребальных комплексов и лишь несколько случайных находок (Медведев 1999, с. 20—28, рис. 1). К настоящему времени число интересующих нас памятников почти удвоилось (рис. 1), а главное появился довольно полный комплекс вещей типа Новочеркасского клада (рис. 4; 5). Кратко остановимся на характеристике этих памятников.

Погребения позднейшего предскифского времени встречены не только на Среднем, но и отчасти Верхнем Дону. Все они, за исключением одного (Засосенки), впущены в курганы эпохи бронзы. Этим они существенно отличаются от погребений среднедонской культуры более позднего времени, которые, как правило, были основными в курганах. Предскифские захоронения поодиночке рассеяны на большой территории и нигде не образуют курганных могильников. Господствующий обряд захоронения — трупоположение. Лишь в курганах у сел Левашовка и Пески открыты неполные трупосожжения на месте. Как правило, погребения этого времени одиночные (исключение — парное захоронение во II Богучарском могильнике). Единственный тип погребального сооружения — простая грунтовая могила, форма которой установлена далеко не всегда из-за того, что она впущена в курганную насыпь. Для большинства погребений характерно захоронение на спине, вытянуто, но встречаются погре-

бения в слабо скорченном положении с завалом на левый или правый бок. Лишь в Таганском могильнике покойный лежал еще в скорченной позе, традиционной для эпохи бронзы. Подавляющее большинство погребений отличает западная ориентировка с отклонением чаще к югу, реже к северу. Другие особенности обряда не фиксировались, если не считать каменную забутовку погребения (Пески) и обкладку дна (Засосенки) или стенок могилы (II Богучарскмй могильник) плоскими камнями. Перечисленный комплекс признаков погребального ритуала свидетельствует об их близости погребальной обрядности степного населения позднейшего предскифского периода. При этом абсолютное большинство захоронений по обряду соответствует традициям погребений новочеркасского типа. Лишь скорченное погребение на левом боку с восточной ориентировкой из Таганского могильника обнаруживает определенную близость черногоровскому ритуалу.

Для культурно-хронологической атрибуции интересующих нас погребений больше информации дает сопровождающий инвентарь, в том числе, и отдельные входившие в него находки, обнаруженные случайно.

Керамика. Среди глиняной посуды выделяется небольшая группа, в которой прослеживаются традиции эпохи поздней бронзы. Некоторые из них типологически и технологически практически не отличаются от срубных банок. Подобные сосуды довольно часто встречаются в комплексах предскифского времени Нижнего Дона (Лукьяшко 1999, с. 164—168, рис. 107: 5; 108: 1, 2, 4). Весьма любопытно, что в Частых курганах (курган 21, погребение 1) такая небольшая банка встречена в комплексе с большой хорошо профилированной корчагой (рис. 2: 1, 2). Некоторые сосуды, возможно, представляют так называемые переходные типы к керамике раннего железного века (рис. 2: 3, 4). Традиции эпохи поздней бронзы проявляются и в

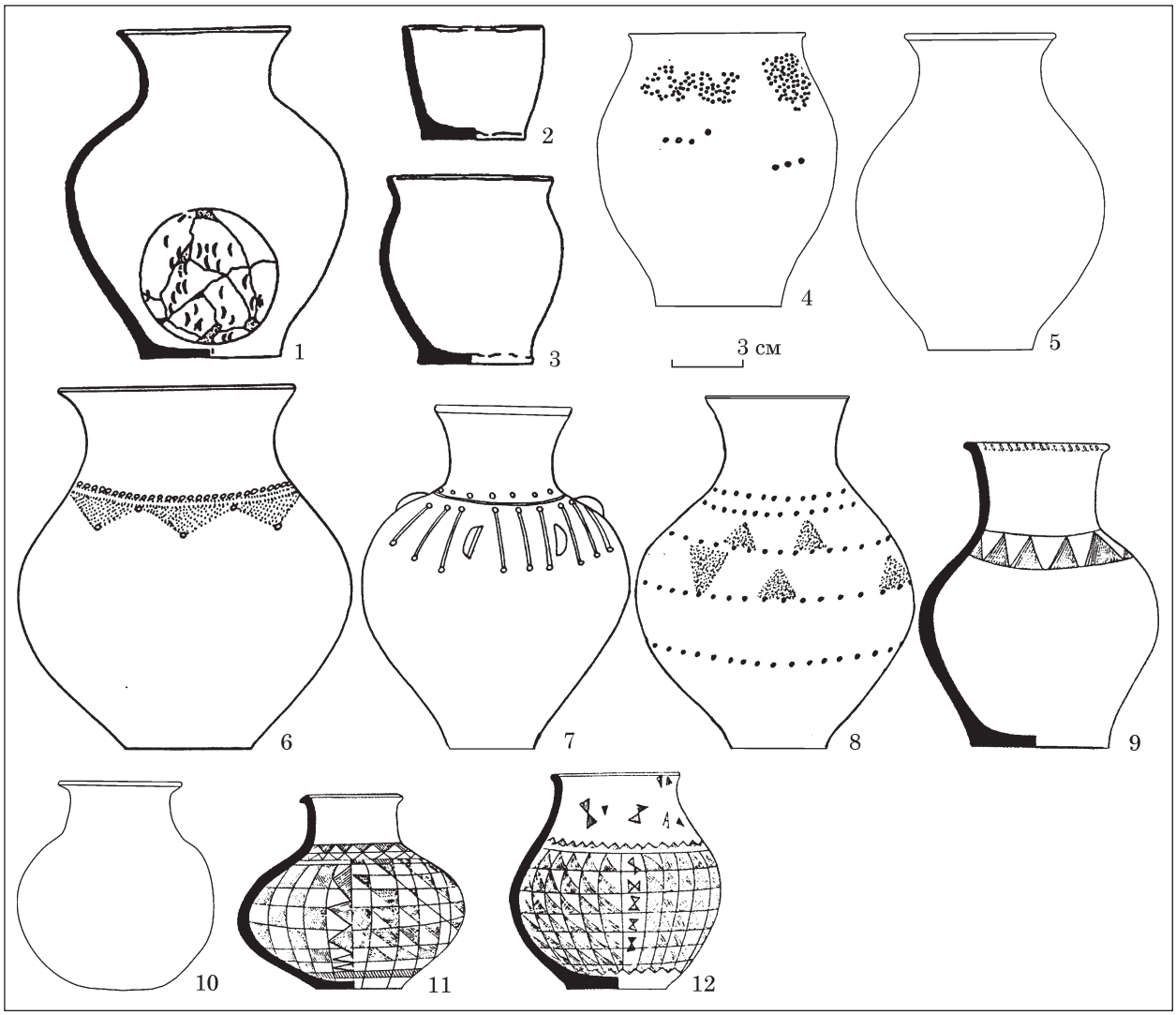

Рис. 2. Керамический комплекс погребений предскифского периода на Среднем Дону: 1, 2 — Частые Курганы к. 21 п. 1; 3 — Старая Тойда к. 3 п. 6; 4 — Мастюгино к. 7/28 п. 1; 5 — Левашовка к. 1. п. 4; 6 — Чурилово к. 2. п. 1; 7 — Мастюгино к. 12/14 п. 1; 8 — Засосенки к. 2; 9 — Иванов Бугор п. 23; 10 — Богучарский II к. 1 п. 3—4; 11 — Подклетное к. 18 п. 2; 12 — Губари к. 3. п. 6

орнаментации отдельных сосудов гребенчатым штампом, образующим ряд из треугольников. Такой орнамент имел кувшин без ручки из Иванобугорского могильника (рис. 2: 9). Но своей орнаментацией особенно интересна серолощеная корчага из Чурилово, украшенная по плечикам поясом геометрического орнамента, нанесенного гребенчатым штампом (рис. 2: 6). При этом по углам треугольников имеются характерные вдавления трубочки небольшого диаметра. Подобные сосуды известны в предскифских погребениях Северного Причерноморья (Тереножкин 1976, рис. 2: 4; 3: 13; 27: 5) и Центрального Предкавказья (Махортых 2008, рис. 52: 3, 4).

Однако в среднедонских погребениях предскифского времени абсолютно преобладали другие сосуды, отличающиеся более сложной профилировкой. Прежде всего, это корчаги (рис. 2: 5, 6), высокие вазообразные сосуды с округлым туловом, характерным блоковидным горлом и узким дном (рис. 2: 7, 8), а также кувшины без ручек (рис. 2: 9). По форме и геометрическому орнаменту, а также характерным вертикальным налепам, вазы близки керамическому инвентарю из погребений предскифского времени, особенно сосуду из захоронения у хут. Алитуб на Нижнем Дону (Максименко 1983, с. 24, рис. 7: 10).

В четырех погребениях встречены лощеные кубки с округлым (рис. 2: 10), но чаще уже с плоским дном (рис. 2: 11—12). Последние целиком украшены по тулову врезным «шахматным» орнаментом. Если первый тип неорнаментированных кубков более характерен для черноголовских погребений, то второй близок кубкам новочеркасского горизонта в степи и «жаботинского горизонта» в днепровском лесостепном Правобережье. Основными элементами орнамента являются заштрихованные и не заштрихованные квадраты и треугольники, чередующиеся в шахматном порядке. Расцвет такой орнаментальной традиции наблюдается в памятниках жаботинского горизонта (Тереножкин 1961, с. 78; Дараган 2011, с. 411). Не исключено, что они заходят в VII в. до н. э., для которого характерен так называемый орнаментальный взрыв на столовой посуде (Мелюкова 1979, с. 73).

Абсолютное доминирование среди погребального инвентаря сосудов для напитков весьма сложной профилировки резко отличает керамический комплекс позднейших предскифских погребений от захоронений местных лесостепных культур предшествующей эпохи. Скорее всего, за указанным явлением скрывается не просто смена моды, а принципиально важные изменения хозяйственно-культурного типа этого населения, связанные с переходом к кочевому скотоводству. Для последнего, как раз, характерно увеличение в пищевом рационе доли жидких, в первую очередь, молочных продуктов. С этого времени и вплоть до конца раннего железного века в курганных погребениях Среднего Дона посуда для питья будет занимать исключительно важное место.

Металлический инвентарь немногочислен и представлен главным образом случайными находками (рис. 3: 1, 3, 5, 7—15). Тем не менее, он служит весьма надежным показателем наличия на Среднем Дону предскифского горизонта. Бронзовый однолезвийный нож с горбатой спинкой и пластинчатым черешком для рукояти из кургана 4 у хут. Чурилово несомненно принадлежит камышевахскому типу (рис. 3: 4). Такие ножи характерны для погребений черногоровской ступени Северного Причерноморья (Тереножкин 1976, с. 161, рис. 19: 1) и «предсавроматских» степного Волго-Донского междуречья (Дворниченко 1982, с. 60, рис. 2: 4). Другой бронзовый нож найден у с. Дубрава Богучарского р-на Воронежской обл. (рис. 3: 5). Он однолезвийный с горбатой спинкой, но от камышевахского типа отличается заметным уступом при переходе от лезвия к черешку прямоугольной формы. Экземпляр близок второму варианту протомеотских ножей (Эрлих 2011, с. 152, рис. 213: 1, 3).

Третий бронзовый нож так называемого сибиро-казахстанского типа длиной 17 см найден в погребении у с. Монастырщина (рис. 3: 6). У него большой пластинчатый черешок с отверстием для подвешивания; конец лезвия характерно изогнут. Он находит ближайшие аналогии на Нижней Волге и Дону, где их датируют IX—VIII в. до н. э. (Лукьяшко 1999, с. 155, 66, 5; рис. 101: 3—4). Истоки этого типа ножей ищут в ирменской и большереченской культурах финальной бронзы Южной Сибири (Членова 1994, рис. 28: 1; 53: 1).

Оружие представлено случайной находкой кинжала с бронзовой рукояткой и железным клинком из с. Навки бывшей Пензенской губернии (рис. 3: 1). Подобные биметаллические кинжалы с однорядной орнаментацией на рукояти датируют первой половиной VIII в. до н. э. (Дударев 1991, с. 33).

Бронзовый наконечник стрелы из погребения в Песках (рис. 3: 2) близок килевидным наконечникам с длинной втулкой, найденным в погребении 34 у Кисловодской фабрики. По комплексу В. Б. Виноградов датировал его не позже первой половины VII в. до н. э. (Виноградов 1980, с. 98—99, рис. 4: 6). Недавно, на основании центральноевропейских и других аналогий, А. И. Иванчик предложил существенно удревнить их дату до X в., самое позднее IX в. до н. э. (Иванчик 2001, с. 134). Бронзовый двулопастной наконечник стрелы с ромбической головкой и длинной втулкой из с. Хлебное (рис. 3: 3) принадлежит хорошо известному новочеркасскому типу.

Из окрестностей с. Ездоцкое происходят бронзовые двукольчатые удила с подвесками кобанского типа (рис. 3: 7). Принято считать, что этот тип удил попал в Северное Причерноморье с территории Кавказа одновременно с киммерийцами (Дударев 1991, с. 57) или как результат

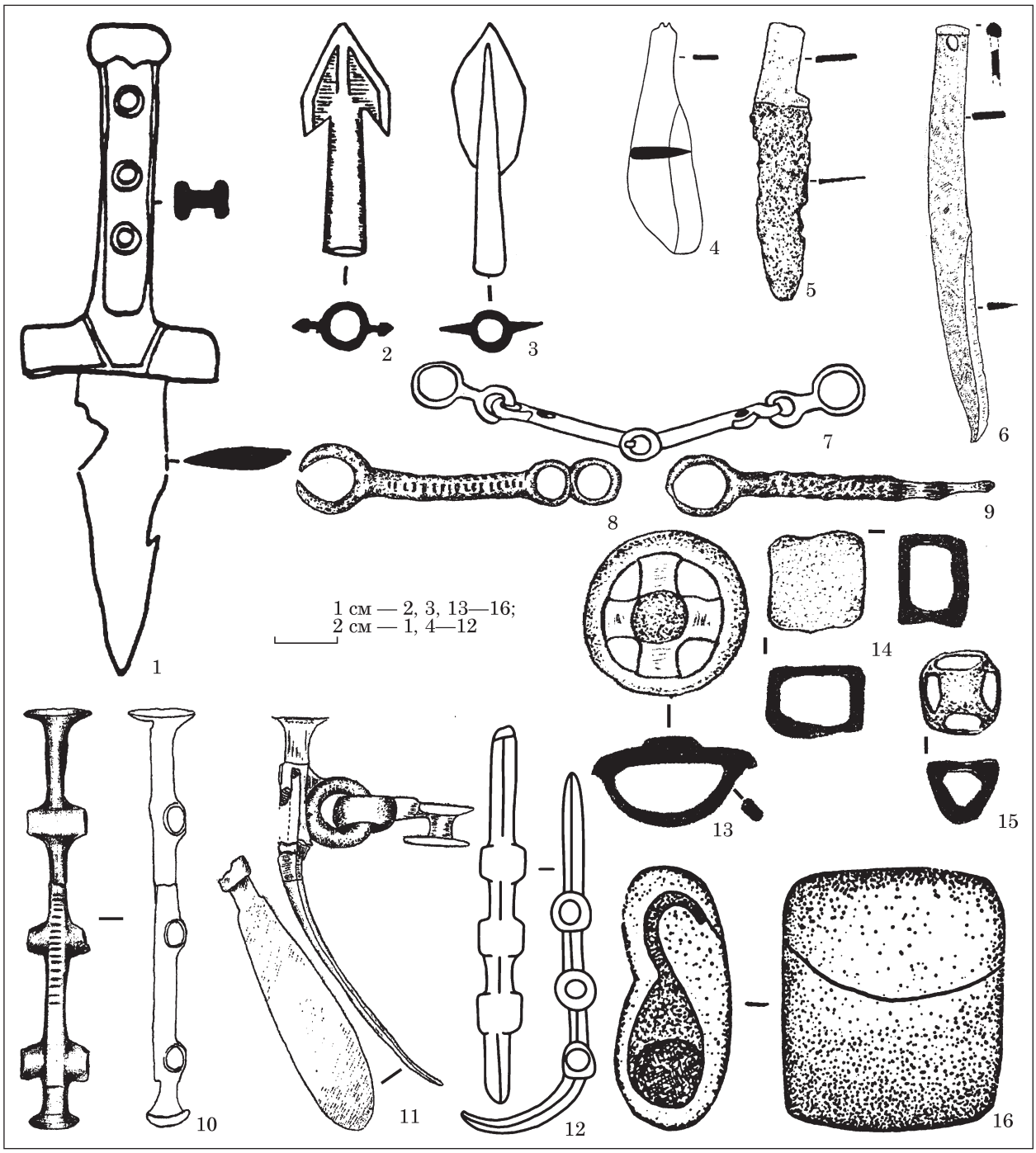

Рис. 3. Металлический инвентарь предскифского периода на Среднем Дону: 1 — с. Навки; 2, 16 — Пески к. 1. п. 1; 3 — с. Хлебное; 4 — Чурилово к. 4. п. 2; 5 — Дубрава; 6 — Монастырщина к. 3; 7 — сл. Ездоцкая; 8, 9, 11, 13—15 — находки у с. Мастюгино; 10 — пос. Красный; 12 — сл. Старая Толучеева (1 — бронза, железо, 2—15 — бронза; 16 — кость)

экспансии кавказцев периода ранних «киммерийских» походов (Эрлих 2011, с. 117).

К конской упряжи относятся случайные находки звеньев бронзовых удил (рис. 3: 8—9), а также бронзовые бляхи и подвески, в том числе в виде колесиков (рис. 3: 13). Псалии представлены тремя случайными находками (Либеров 1965, рис. 2: 215; Березуцкий 2008, с. 200, рис. 1: 1—2). Бронзовый стержневидный трехдырчатый псалий найден на поле у пос. Красный Бобровского р-на (рис. 3: 10). По характерному оформлению его окончаний и отверстий с муфтообразными выступами, он принадлежит так называемому цимбальскому типу (Тереножкин 1976, рис. 88; Эрлих 2011, с. 128, рис. 193). Другой бронзовый псалий найден вместе с фрагментом бронзовых удил в окрестностях с. Мастюгино (рис. 3: 11). Верх его стержня имеет шляпку, нижний конец изогнут и раскован в виде лопасти. Он относится к позднейшим новочеркасским псалиям, неподвижно скрепленным со звеньями удил типа 4 Ен-

джа-Константиновка (Эрлих 2011, с. 120—121, рис. 180). Их датируют концом VIII — первой половиной VII в. до н. э. (Вальчак 1997, с. 53). Третий бронзовый псалий с тремя круглыми отверстиями, оформленными утолщениями-муфтами, происходит из сборов у сл. Ст. Толучеева (рис. 3: 12). Он принадлежит типу IV В Уашхиту — Жаботин (Эрлих 2011, с. 129—130, рис. 192: 6, 9). По заключению В. Р. Эрлиха, все псалии этого типа найдены в переходных комплексах от классического новочеркасского периода к раннескифскому, и датируются в пределах первой половины VII в. до н. э.

Изделия из других материалов встречались крайне редко (Медведев 1999, рис. 2: 8; 6: 3). Из железа был изготовлен какой-то предмет, от которого сохранилась часть стержня (Мастюгино, к. 7/28, п. 1) и небольшое шило (Мастюгино, к. 8/22, п. 1). Любопытно, что из этих же захоронений с железом происходят блюдо и тщательно изготовленный растиральник из песчаника (Медведев 1999, рис. 6: 2, 9). Среди инвентаря погребения в Песках было изделие, вырезанное из кости в форме сумки (рис. 3: 16).

Таким образом, большинство ранее опубликованных погребений предскифского времени определенно относятся к новочеркасскому типу. Их можно датировать VIII — началом VII вв. до н. э. Более ранние комплексы с инвентарем черногоровского типа единичны (Чурилово, Пески). К ним, скорее всего, относятся и погребения с керамикой переходных типов от эпохи бронзы к железному веку.

Подгоренский клад (рис. 4; 5). Весьма существенные материалы к характеристике культуры населения Среднего Дона позднейшего предскифского времени содержит клад металлических вещей, открытый в 2016 г. жителем Подгоренского р-на Воронежской обл. (Берестнев 2018). Он был передан в дар Воронежскому областному краеведческому музею и поступил на хранение в сектор археологических памятников (Инв. № ВОМ 13030/1—11; А825—А835). По словам находчика, все вещи обнаружены на правом берегу Дона в лесу между селами Саприно и Семейка (рис. 1: 27). Со слов дарителя, они найдены под корневищем упавшего дерева.

В состав клада входят 11 предметов: 10 из бронзы (псалии, кольца, бляхи, кельт, колечко) и 1 — из железа (наконечник копья).

1. **Псалии** — 2 экз. (рис. 4: 1, 2; 5: 1, 2). Они практически идентичны и относятся к типу новочеркасских классических трёхпетельчатых псалиев стержневидной формы, с нижним концом в виде изогнутой лопасти и верхним, оканчивающимся круглой плоской шляпкой (тип I по А. А. Иессену; тип IB по В. Р. Эрлиху; тип 1.1.3.3.1.1 «Клин-Яр 1» по С. В. Махортых; тип 2.2.4.I.6 Новочеркасск по С. Б. Вальчаку). Они всегда жестко сочетались с двукольчатыми удилами (рис. 3: 7). Как один из основных типов конского снаряжения, трёхпетельчатые псалии сложились на Северном Кавказе, пройдя длительный эволюционный путь (Иессен 1953, с. 127; Махортых 1991, с. 65; Вальчак 2009, с. 72; Эрлих 2011, с. 125, рис. 187). Датируются стержневидные трёхпетельчатые псалии в основном в пределах второй половины VIII — начала VII вв. до н. э., хотя встречаются и в более ранних комплексах IX в. до н. э. (Махортих 1996, с. 9—23).

2. **Кольца** — 2 экземпляра (рис. 4: 3, 4; 5: 3, 4). Их можно отнести к браслетообразным кольцам без привесок, квадратным в сечении (Эрлих 2011, с. 144—145, рис. 208: 1, 5). Они хорошо известны по находкам в степях Восточной Европы, в украинской лесостепи (Бутенки, Квитки), но особенно на Северном Кавказе. Упомянутые находки встречаются как раз в ареале бытования узды новочеркасского типа. Следует отметить, что подобные браслетоподобные кольца, ранее встречались в могилах, главным образом, лесостепной Украины, поэтому долгое время их рассматривали как браслеты второй ступени чернолесской культуры (Тереножкин 1976, с. 70). Однако, последующие находки «браслетов» в весьма отдаленном от чернолесской территории ареале — на Кавказе, часто в комплексе с предметами конской упряжи, позволили вполне справедливо считать их предметами конского снаряжения (Дубовская 1989, с. 66). Так, раскопки кургана Уашхиту в Адыгее в 1988 г. открыли погребения, где все металлические детали узды новочеркасского типа обнаружены *in situ* на костях четырёх коней. Браслетоподобные кольца располагались здесь на пристяжных лошадях и были связаны, очевидно, ремнями постромков (Эрлих 1990, с. 59—61). Это открытие впервые археологически зафиксировало использование ранними кочевниками Северо-Западного Кавказа боевых колесниц. Полным набором для запряжки четырёх лошадей в колесницу учёные считают четыре пары удил, пару колец с подвижными муфтами и пару браслетоподобных колец.

3. **Прорезные бронзовые круглые бляхи-колесики** с «мальтийским» крестом — 4 экземпляра (рис. 4: 5—8; 5: 6—9). Все они выпуклые и имеют с оборотной стороны петлю для крепления на оголовье, относятся к типу 13.2 по В. Р. Эрлиху (2011, с. 136, рис. 201: 2). Круг их находок в культурах предскифского времени в степи и лесостепи Восточной Европы весьма широк (Скорый 1999, рис. 6: 9—14, рис. 8: 22, 14, 31, 34—36, рис. 23: 4; Махортых 2008, с. 413, рис. 28: 17). Они входили в состав конской гарнитуры в Квитках и Бутенках. По времени они синхронны вышеуказанным удилам и псалиям новочеркасского типа.

4. **Бронзовое колечко** с обломанными концами — 1 экземпляр (рис. 5: 5). Возможно, является фрагментом петли псалия типа IB по В. Р. Эрлиху или кольца псалия типа Енджа — Константиновка.

5. **Литой бронзовый двуушковый кельт** (рис. 4: 9; 5: 10). На месте обуха имеет втулку, перпендикулярную лезвию. По краю обуха проходит утолщение. Кельт не идентичен, но близок кубан-

Рис. 4. Клад предскифского периода из Подгоренского р-на Воронежской обл. 2016 г.: 1—9 — бронза; 10 — железо

ским двуушковым кельтам (Эрлих 2011, цв. вкл., рис. 2; 3). В. Р. Эрлих увязывает эти находки с прикубанским очагом белозерского времени, с которым в свою очередь генетически связаны бронзолитейные традиции протомеотского периода.

6. **Железный наконечник копья** (рис. 4: 10; 5: 11). Наконечник с высокой длинной втулкой, перо довольно короткое, лавролистной формы. По перу проходит выраженное ребро, как бы являющееся продолжением втулки. В последней ее трети имеются два круглых отверстия, находящихся напротив друг друга. Длина наконечника со втулкой — 21 см, без втулки — 9 см, диаметр втулки — 3 см. Нако-

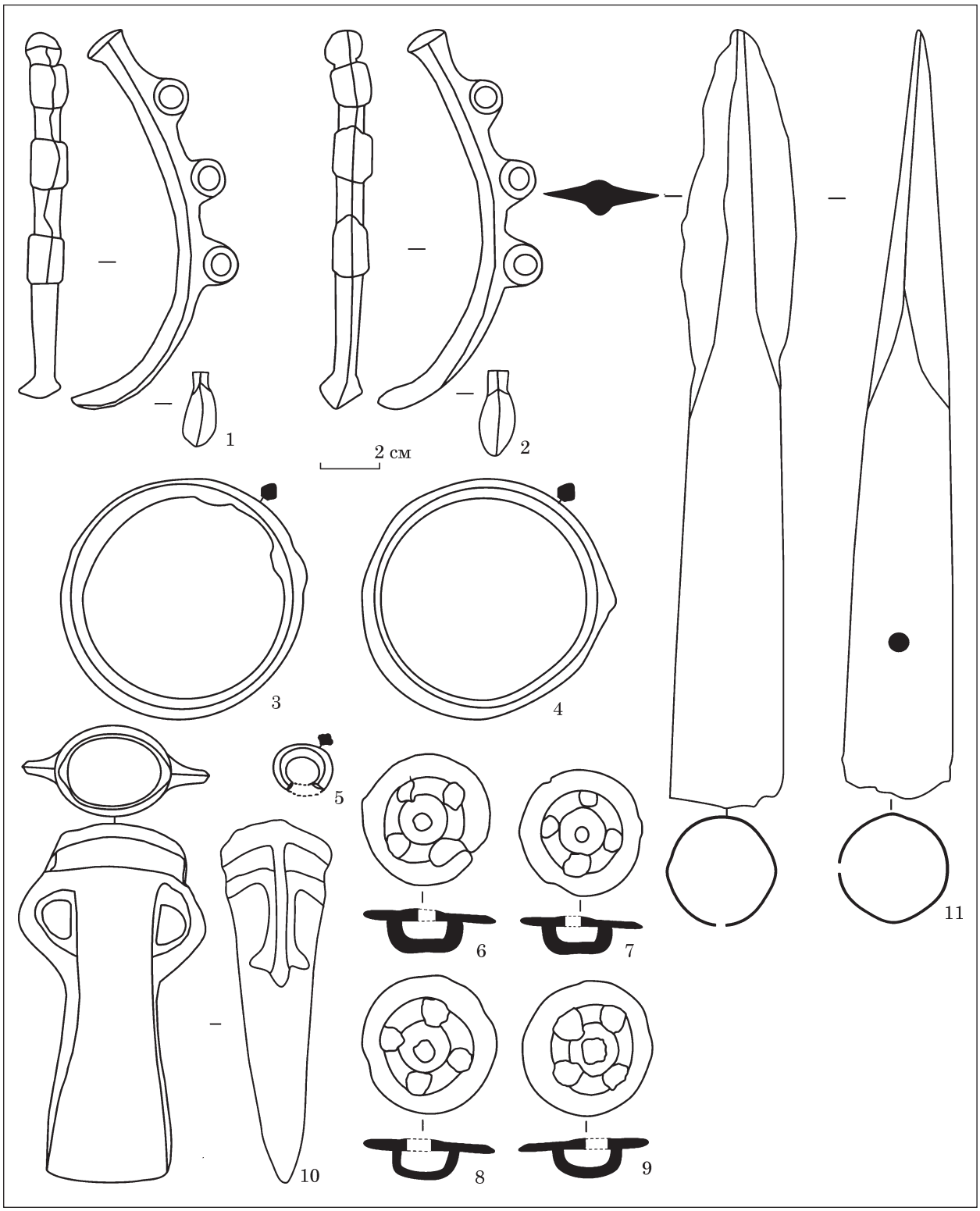

Рис. 5. Предметы из Подгоренского клада 2016 г.: 1, 2 — псалии; 3, 4 — браслетообразные кольца; 5 — колечко; 6—9 — ажурные бляхи; 10 — кельт; 11 — наконечник копья

нечники копий редко встречаются в погребениях степных предскифских памятников. Но они хорошо известны на Северо-Западном Кавказе (Эрлих 2011, с. 97—99). Близкая аналогия анализируемому экземпляру была встречена в старшем протомеотском могильнике у с. Николаевского в Адыгее, соответствующем черногоровским памятникам в киммерийской степи (Анфимов 1961, с. 117, табл. II). Очевидно, подобные наконечники производились только в Прикубанье, так как аналогий среди кобанских комплексов Центрального Предкавказья выявлено не было. Ещё одна деталь, характерная для протомеотского производственного

центра — параллельные отверстия в последней трети втулки. Там они встречены и на железных, и на бронзовых наконечниках копий (Тереножкин 1976, рис. 84: 18—20, 22). Их имели и наконечники копий из Бутенок.

В целом Подгоренский клад по составу (псалии, браслетоподобные кольца, подвески-колесики) близок предскифским погребениям лесостепной Украины — комплексам у сел Бутенки и Квитки (Скорый 1999, с. 111, рис. 5, с. 112, рис. 6, с. 129, рис. 23), хотя и не настолько полон. С. А. Скорый датирует подобные комплексы в рамках VIII в. до н. э., ближе к его концу, и связывает с первыми походами киммерийцев в Переднюю Азию примерно в 714—700 гг. до н. э. (Скорый 1999, с. 61). С ним солидарен С. В. Махортых, датирующий появление колесниц к северу от Главного Кавказского хребта временем после переднеазиатских походов (Махортых 2008, с. 364). Видимо и анализируемый комплекс с большой долей вероятности можно соотнести со временем, близким концу VIII в. до н. э. Очевидно, на территорию Среднего Подонья население, оставившее клад, проникло из степей к северо-западу от Кавказа — региона формирования новочеркасской культуры, о чём свидетельствуют находки из него, близкие протомеотским и особенно новочеркасским комплексам. На сегодняшний день это наиболее представительный клад новочеркасского типа на Среднем Дону и первое надежное свидетельство использования колесниц кочевниками-киммерийцами в нашем регионе. Некоторые дополнительные аргументы в пользу интерпретации предскифских древностей черногоровского и новочеркасского типов именно как киммерийских приведены в недавней статье одного из авторов (Медведев 2018, с. 409—416). Однако из-за отсутствия в изучаемом регионе последующего пласта погребальных памятников (из раннескифского комплекса здесь представлены лишь случайные находки архаических акинаков и бронзовых наконечников стрел) остается открытым вопрос о соотношении погребений новочеркасского типа и среднедонских курганов скифского времени.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов, Н. В. 1961. Протомеотский могильник у с. Николаевского. В: Анфимов, Н. В. (ред.). *Сборник материалов по археологии Адыгеи*. Майкоп, II, с. 103-126.

Березуцкий, В. Д., Золотарев, П. М. 2008. Новые находки с территории Среднего Дона. *Российская археология*, 4, с. 199-202.

Берестнев, Р. С. 2018. Новый клад начала раннего железного века с территории Донского правобережья. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения, 23, 4, с. 15-22.

Вальчак, С. Б. 1997. Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» (некоторые дополнения к проблеме). *Материалы и исследования по археологии России*, 1, с. 40-56.

Вальчак, С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на Юге Восточной Европы*. Москва: Таус.

Виноградов, В. Б., Дударев, С. Л., Рунич, А. П. 1980. Киммерийско-кавказские связи. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 184-199.

Дараган, М. Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: КНТ.

Дворниченко, В. В. 1982. Погребения предскифского времени на Нижней Волге. *Краткие сообщения Института археологии*, 170, с. 50-63.

Дубовская, О. Р. 1989. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада. *Советская археология*, 1, с. 63-69.

Дударев, С. Л. 1991. *Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром*. Грозный: ЧИГУ.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф.

Иессен, А. А. 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. *Советская археология*, XVIII, с. 49-110.

Клочко, В. І., Скорий, С. А. 1993. Курган № 15 біля Стеблева у Пороссіі. *Археологія*, 2, с. 71-84.

Либеров, П. Д. 1965. *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—31.

Лукьяшко, С. И. 1999. *Предскифский период на Нижнем Дону*. Азов: Азовский краеведческий музей. Донские древности, 7.

Максименко, В. Е. 1983. *Савроматы и сарматы на Нижнем Дону*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет.

Махортых, С. В. 1991. *Скифы на Северном Кавказе*. Киев: Наукова думка.

Махортих, С. В. 1996. Скарби VIII—VII ст. до н. е. на півдні Східної Європи. *Археологія*, 4, с. 9-24.

Махортых, С. В. 2008. *Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья*: Диссертация д. и. н. ІА НАНУ.

Медведев, А. П. 1985. Погребения предскифского времени в лесостепном Подонье. В: Синюк, А. Т. (ред.). *Археологические памятники на Европейской территории СССР*. Воронеж: ВГПИ, с. 103-114.

Медведев, А. П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н. э.* Москва: Наука.

Медведев, А. П. 2018. О некоторых источниковедческих проблемах начала скифской истории. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 409-416.

Мелюкова, А. И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.

Синюк, А. Т. 1996. *Бронзовый век бассейна Дона*. Воронеж: ВГПУ.

Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в украинской Лесостепи*. Киев; Полтава: Археология.

Сурков, А. В. 2016. Исследование поселений поздней бронзы на границе степи и лесостепи Восточной Европы. В: Кольцов, П. М. (ред.). *Проблемы археологии Нижнего Поволжья*. Элиста: Калмыцкий университет, с. 59-64.

Тереножкин, А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: АН УССР.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка

Членова, Н. Л. 1997. *Центральная Азия и скифы*. Москва.

Эрлих, В. Р. 1990. Курган Уашхиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. *XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа*, с. 59-61.

Эрлих, В. Р. 2011. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.

REFERENCES

Anfimov, N. V. 1961. Protomeotskiy mogil'nik u s. Nikolayevskogo. In: Anfimov, N. V. (ed.). *Sbornik materialov po arheologii Adegei*. Majkop, II, s. 103-126. Seriya arheologicheskaya.

Berezutskiy, V. D., Zolotarev, P. M. 2008. Novyye nakhodki s territorii Srednego Dona. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 199-202.

Berestnev, R. S. 2018. Novyy klad nachala rannego zheleznogo veka s territorii Donskogo pravoberezh'ya. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.* Seriya 4, Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya, 23, 4, s. 15-22.

Val'chak, S. B. 1997. Predskifskiye kolesnitsy i «novocherkasskiye klady» (nekotoryye dopolneniya k probleme). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii*, 1, s. 40-56.

Val'chak, S. B. 2009. *Konskoye snaryazheniye v pervoy treti I-go tys. do n. e. na Yuge Vostochnoy Yevropy*. Moskva: Taus.

Vinogradov, V. B., Dudarev, S. L., Runich, A. P. 1980. Kimmeriysko-kavkazskiye svyazi. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Ckifiya i Kavkaz*, Kiev: Naukova dumka, s. 98-99.

Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego jeleznogo veka v Dneprovskoi Pravoberejnoi Lesostepi.* Kiev: KNT.

Dvornichenko, V. V. 1982. Pogrebeniya predskifskogo vremeni na Nizhney Volge. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, 170, s. 50-63.

Dubovskaya, O. R. 1989. K interpretatsii kompleksov tipa Novocherkasskogo klada. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 63-69.

Dudarev, S. L. 1991. *Iz istorii svyazey naseleniya Kavkaza s kimmeriysko-skifskim mirom*. Groznyy: ChIGU.

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskiye i khronologicheskiye problemy arkheologii vostochnoyevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni.* Moskva: Paleograf.

Iyessen, A. A. 1953. K voprosu o pamyatnikakh VIII—VII vv. do n. e. na yuge Yevropeyskoy chasti SSSR. *Sovetskaya arkheologiya*, XVIII, s. 49-110.

Klochko, V. I., Skoriy, S. A. 1993. Kurgan N 15 bilya Stebleva u Porossii. *Arkheologiya*, 2, s. 71-84.

Liberov, P. D. 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—31.

Lukyashko, S. I. 1999. *Predskifskii period na Nijnem Donu*. Azov: Azovskii kraevedcheskii muzei. Donskie drevnosti, 7.

Maksimenko, V. Ye. 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu*. Rostov-na-Donu: Rostovskii universitet.

Makhortykh, S. V. 1991. *Skify na Severnom Kavkaze*. Kiev: Naukova dumka.

Makhortikh, S. V. 1996. Skarbi VIII—VII st. do n. e. na pivdni Skhidnoji Evropy. *Arkheologiya*, 4, s. 9-24.

Makhortykh, S. V. 2008. *Kul'tura i istoriya kimmeriytsev Severnogo Prichernomorya.* Disertatsia d. i. n. IA NANU.

Medvedev, A. P. 1985. Pogrebeniya predskifskogo vremeni v lesostepnom Podon'ye. In: Sinuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki na Yevropeyskoy territorii SSSR*. Voronezh: VGPI, s. 103-114.

Medvedev, A. P. 1999. *Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya. Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tys. do n. e.* Moskva: Nauka.

Medvedev, A. P. 2018. O nekotorykh istochnikovedcheskikh problemakh nachala skifskoy istorii. *Arkheologiya i davnya istorija Ukrainy*, 2 (27), s. 409-416.

Melyukova, A. I. 1979. *Skifiya i frakiyskiy mir*. Moskva: Nauka.

Sinyuk, A. T. 1996. *Bronzovyy vek basseyna Dona*. Voronezh: VGPU.

Skoryy, S. A. 1999. *Kimmeriytsy v ukrainskoy Lesostepi*. Kiev; Poltava: Arkheologiia.

Surkov, A. V. 2016. Issledovaniye poseleniy pozdney bronzy na granitse stepi i lesostepi Vostochnoy Yevropy. In: Koltsov, P. M. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya*, Elista: Kalmytskij universitet, s. 59-64.

Terenojkin, A. I. 1961. Predskifskii period na Dneprovskom Pravobereje. Kiev: AN USSR.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriytsy*. Kiev: Naukova dumka.

Chlenova, N. L. 1997. *Tsentral'naya Aziya i skify*. Moskva.

Erlikh, V. R. 1990. Kurgan Uashkhitu i problema interpretatsii nekotorykh kompleksov tipa Novocherkasskogo klada. *XVI Krupnovskiye chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza*, s. 59-61.

Erlih, V. R. 2007. *Severo-Zapadnii Kavkaz v nachale jeleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov.* Moskva: Nauka.

A. P. Medvedev, R. S. Berestnev

ON THE BEGINNING OF THE EARLY IRON AGE IN THE TERRITORY OF MIDDLE DON BASIN

The article is devoted to the characterization of pre-Scythian time monuments in the forest-steppe course of the Don. The authors come to the conclusion about the regional specificity of the process of cultural genesis in this territory at the beginning of the early Iron Age.

The authors analyze the new treasure of Novocherkassk type. It was opened in 2016 in the Podgorensky district of the Voronezh region. This treasure includes psalms, hatchet, metal plates, bracelet-like rings, spearheads. In inventory, it is close to the pre-Scythian burials in the forest-steppe Ukraine (Butenki, Kvitki). Obviously, the population that left the treasure penetrated into the territory of the Middle Don region from the steppes between the Dnieper and Ciscaucasia — the place where the Cimmerian culture was formed in the 9th century. Objects close to the Proto-Meotian, Novocherkassk complexes, their diversity show this process.

It remains an open question about the relationship in the studied region of the funerary monuments of Novocherkassk type and Middle-Don mounds of the Scythian time.

Keywords: Middle Don, mounds, early Iron Age, Pre-Scythian period, Novocherkassk type, treasure, Cimmerians.

Одержано 28.01.2019

БЕРЕСТНЄВ Роман Сергійович, кандидат історичних наук, завідувач сектором археологічних пам'яток, Воронезький обласний краєзнавчий музей, Плеханівська вул. 29, Воронеж, 394018, Російська Федерація, *roman.berestnev2016@yandex.ru*.

BERESTNIEV Roman Sergiyovych, Candidate of Historical Sciences, Head of the Sector of Archaeological Sites, Voronezh Regional Museum of Local Lore, Plekhanovskaya Str. 29, Voronezh, 394018, Russian Federation, *roman.berestnev2016@yandex.ru*.

МЄДВЄДЄВ Олександр Павлович, доктор історичних наук, завідувач кафедрою, Воронезький державний університет, Московський проспект, 88, Воронеж, 394052, Російська Федерація, *APM1950@yandex.ru*.

MEDVEDEV Aleksandr Pavlovych, Doctor of Historical Sciences, Head of Departament, Voronezh State University, Moskovskij prospect 88, Voronezh, 394052, Russian Federation, *APM1950@yandex.ru*.

УДК: 904.22(477.65)”638”

А. Д. Могилов

ВООРУЖЕНИЕ ИЗ СВЕТЛОВОДСКОГО МОГИЛЬНИКА

Статья посвящена рассмотрению комплекса вооружения Светловодского могильника, расположенного на юге Днепровской Правобережной Лесостепи. Он представлен наконечниками стрел, копий, дротиков и их подтоками, а также мечами.

Ключевые слова: *скифы, оружие, могильник, стрела, копье, меч, Северное Причерноморье.*

Оружие вполне заслужено считается одной из знаковых категорий скифской материальной культуры, входя в знаменитую «скифскую триаду». Передовой для своего времени набор вооружения использовался не только степными скифами-кочевниками, но и был перенят их соседями: автохтонным населением Восточноевропейской Лесостепи, племенами Северного Кавказа, Горного Крыма; вошел в употребление в античных колониях Северного Причерноморья. Наборы вооружения — неотъемлемая часть инвентаря захоронений всех социальных рангов, от скифских царей и знати, до рядовых общинников. Некрополем, который прекрасно демонстрирует систему вооружения рядового населения, является большой могильник у Светловодска, на юге Днепровской Правобережной Лесостепи. Здесь работами 1975—1990 гг. под руководством Н. М. Бокий и И. А. Козырь исследовано 154 грунтовых захоронения и 5 курганов скифского времени [1] (Бокий 1980; Бокій, Могилов, Панченко 2013; Бокій, Могилов 2014; Могилов 2018; Козир 2014; Панченко 2015).

Вооружение с покойными ставилось чаще другого инвентаря. Оно найдено в 75 гробницах (46,6 % от общего числа). В грунтовых могилах этот показатель составляет 45,5 % (70 из 154). Тогда как в курганах оно встречалось всегда. Похоже, до ограбления процент захоронений с оружием был еще больше. Так, среди уцелевших комплексов их процент составляет почти 79 % (15 из 19). Комплект вооружения состоял из набора стрел, который иногда дополнялся копьями и дротиками, или мечем либо кинжалом. Лишь в 2 могилах наконечники стрел отсутствовали: в гробнице 54 покойного сопровождал меч, а в захоронении 135 — пара копий или дротиков. Впрочем, в последнем случае захоронение было ограблено. Кроме этого, в женском погребении 32 найден сферический камень, возможно служивший пращевым снарядом. Однако полной уверенности нет, поскольку иных предметов вооружения в гробнице не обнаружено. Чаще ассортимент изделий военного назначения скромен. Но в некоторых захоронениях, принадлежащих видимо социальной верхушке светловодской общины, он выделяется своей многочисленностью. Например, погребение 1 кургана 3, имевшего высоту 1,5 м, содержало захоронение воина 50—55 лет в катакомбе (рис. 1; 2). Усопшего сопровождал богатый инвентарь: три колчана, включавших почти сотню наконечников; два копья и дротик с подтоками; меч. А также — набор местной и импортной посуды, и, что интересно, единичная серьга. Расчищена также мясная заупокойная еда с ножом (рис. 3; 4).

Оружие наиболее часто ставилось с мужчинами. Для среднескифского времени, наконечники стрел для них обязательны. В IV в. до н. э. эта категория сопровождала 43 индивидов (78,2 %). Почти всегда — это стрелы: 41 комплекс (74,6 %), заметно реже — копья и дротики — 9 и 4 случая (16,4 и 7,3 %). Мечи встречены лишь трижды (5,5 %). В женских могилах оружие зафиксирова-

1. Искренне благодарю И. А. Козырь за любезно предоставленную возможность использовать материалы ее раскопок; а также К. И. Панченко, за помощь в работе с материалами в музейных фондах.

© А. Д. МОГИЛОВ, 2019

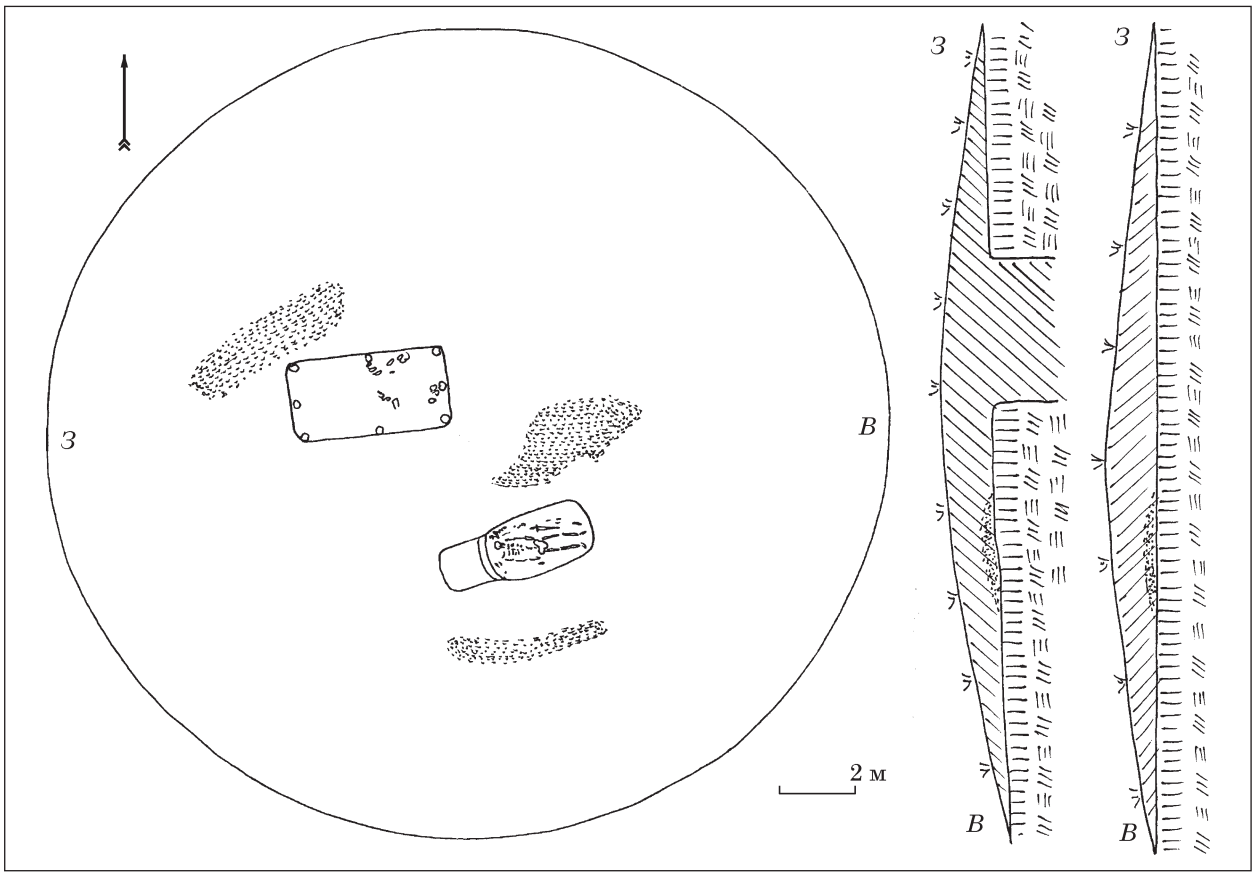

Рис. 1. Светловодск, курган 3, план

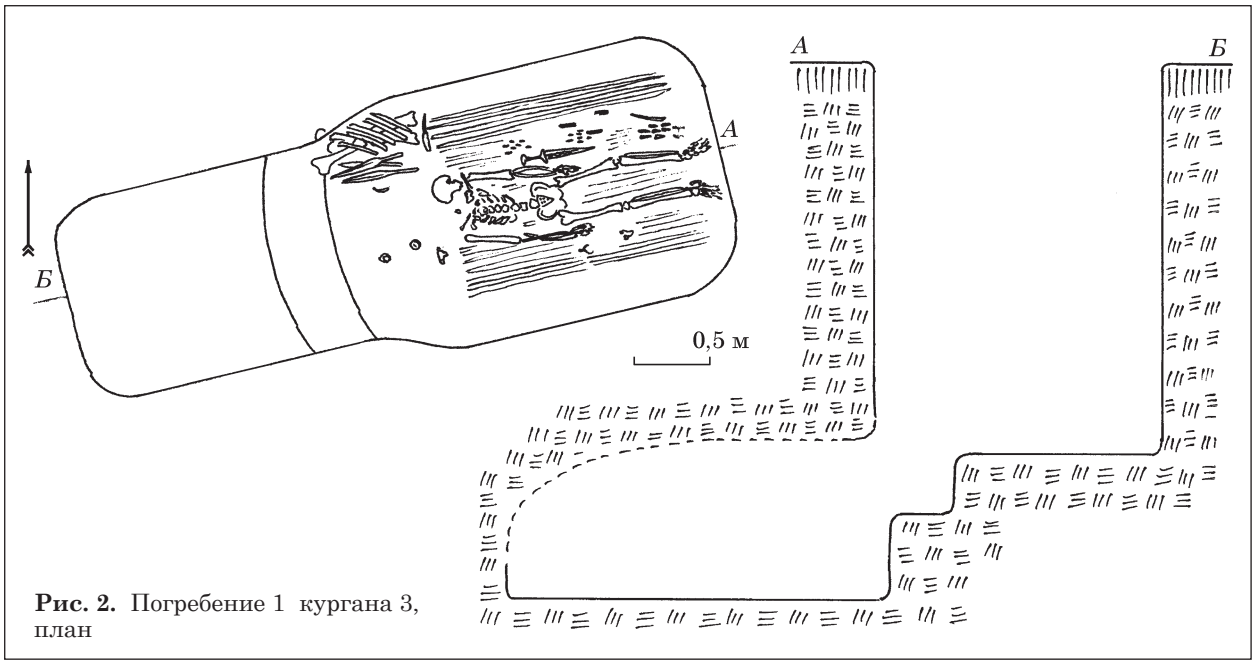

Рис. 2. Погребение 1 кургана 3, план

но заметно реже, но все же их количество немало; было оно с 7 индивидами [1] (12,7 %). Всегда это стрелы. Еще в одном случае бронзовый наконечник использован в качестве амулета в ожерелье. Указанные захоронения — отражение известного явления: женских погребений с оружием у скифов (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 176—182; Фиалко 1991; 2012; 2014). У детей оружие еще более редко — 3 комплекса (8,8 %), в каждом

1. Еще в нескольких случаях, когда нет антропологических определений, с индивидами были одинаково немногочисленные предметы вооружения и украшения, что затрудняет их половую атрибуцию.

из которых были стрелы, но в одном (2,9 %) — и копье. Такое же количество раз (3) была эта категория (стрелы) и с подростками. Но в процентном соотношении, это заметно выше: 21,4 % среди комплексов этой возрастной категории.

Наконечники стрел в Светловодском могильнике встречаются наиболее часто. Обнаружено не менее 707 артефактов, происходящих из 73 погребений (более 45 % их общего числа). До ограбления могил они, видимо, были еще в большем количестве захоронений. Во всяком случае, в уцелевших от воров комплексах они известны в более 73 % захоронений (14 из 19, или почти 3/4). Большая часть находок (593) происходит из 68 (44 %) грунтовых захоронений. Среди не ограбленных могил их процент соответственно больше — 13 из 19 (68,4 %). Для подкурганных погребений находки стрел пропорционально более часты: 114 предметов выявлены в пяти комплексах. Наибольшее их число — 92 — в не ограбленном погребении 1 кургана 3.

Наборы наконечников стрел Светловодского могильника хронологически делятся на 2 группы. К первой относятся комплексы погребений 21, 39 и 51 с среднескифскими предметами базисных типов. В могилах 21 и 39, в частности, найдены изделия широких пропорций второй половины VI — первой четверти V вв. до н. э. В погребении 51 — острие более стройных пропорций, появившееся в это же время, но бытовавшее до конца V в. до н. э. Все остальные комплексы наконечников относятся к IV вв. до н. э.

Количество наконечников в погребении колеблется от 1, до 92. Наиболее часто, 17 раз — по 1 предмету, 9 раз — 3, 8 раз — 2, 7 раз — по 4 стрелы. При этом наиболее часто встречается от 1, до 10 артефактов. В то время, как примеры большего количества единичны.

О разновидностях *колчанов* и *горитов* из Светловодска ничего определенно сказать нельзя. Однако, следует отметить, что в могиле 128 с колчаном лежала ворворка, видимо входящая в систему его крепления, а в захоронении 77 на уровне устья колчана расчищена бронзовая бляшка, возможно служившая его украшением. В могиле 18 с колчаном положено шило, служившее, предположительно, для выемки поломанных древков из втулок наконечников. Кроме этого, с колчанами у мужчин в могиле 128 и погребении 1 кургана 3 расчищены ножи с костяной рукоятью. Можно предполагать, что они предназначались для починки поломанных древков.

В 60 могилах (82,2 % комплексов со стрелами) найдены лишь бронзовые наконечники, в 9 комплексах (12,3 %) — смешанные наборы, в 3 (4,1 %) — железные стрелы, в 1 (1,4 %) — костяная. Наборы, сохранившиеся in situ, уточняют эти данные. Колчаны с исключительно бронзовыми остриями господствуют, но в процентном соотношении их уже несколько меньше: 21 из 32 (боле 65,6 %). Смешанные наборы составляют 34,4 %. В них было от 3 до 24, в одном случае — 56, бронзовых изделий, которые дополняются 1—2 железными, 1—5 костяными, 2 деревянными. Лишь в одном случае расчищено 3 железных наконечника и 1 бронзовый. Колчаны с исключительно железными, костяными, деревянными наконечниками отсутствуют вовсе. Возможно, подобные острия выполняли специализированные функции. Костяные, а с ними — и деревянные острия, в частности, могли использоваться при охоте.

Обычно колчан клали слева у погребенного. При этом, стрелы могли находиться на уровне корпуса, у пояса и бедра, голени. Абсолютное большинство лежало у пояса с остриями на уровне бедренной кости и колена. Именно в этом месте находился колчан у воина и в повседневной жизни. Возможно, прикрепленным к поясу он был и у некоторых усопших в Светловодске. Левое положение колчана традиционно объясняется ношением его здесь при жизни воином-правшой. Отсюда удобно было брать стрелы правой рукой. Исключительно такое его место в Светловодске следует объяснить также и устоявшимися погребальными традициями. В случае если бы это определялось праворукостью или леворукостью воина, небольшое количество наборов должно было бы лежать и справа (в целом отражая пропорцию правшей и левшей в обществе), а этого не зафиксировано. В случае, если положили несколько колчанов (курган 3, погребение 1) они лежали вдоль всего тела. В погребении 143 расчищено 2 пары стрел. Одна — с остриями у таза, вторая — у колена. Исключений из указанного положения стрел немного. В могиле 108, вместе с ребенком они зафиксированы рядом с могилой. В женских захоронениях 57, 95, 116 они концентрировались на разном расстоянии от головы. В погребении 90 наконечник был в составе ожерелья, выступая, очевидно, амулетом. У мужчины из гробницы 112 наконечников были в районе груди, возможно послужив причиной смерти.

Бронзовые наконечники составляют основу колчанных наборов. Всего найдено 678 предметов (более 95,9 % от общего числа), происходящие из 69 могил. Во всех случаях это втульчатые трехгранные или трехлопастные предметы. Выделяются 12 вариантов трехлопастных и 20 — трехгранных бронзовых наконечников (рис. 5).

1. *Трехлопастные наконечники с выступающей втулкой, треугольной головкой и «опущенными» концами лопастей, создающими «жальца»* (рис. 5: I-А-1). Это наиболее многочисленный тип, включающий 148 предметов из 32 могил, что составляет более 1/5 их общего числа. При этом в 13 случаях (более 40 %) этот тип представлен 1 экземпляром среди находок иного вида, возможно являясь каким-то специализированным типом в наборе.

Эти изделия близки к наконечникам 2 отдела, 4 типа, вариантов 2, 6, 8 по классифика-

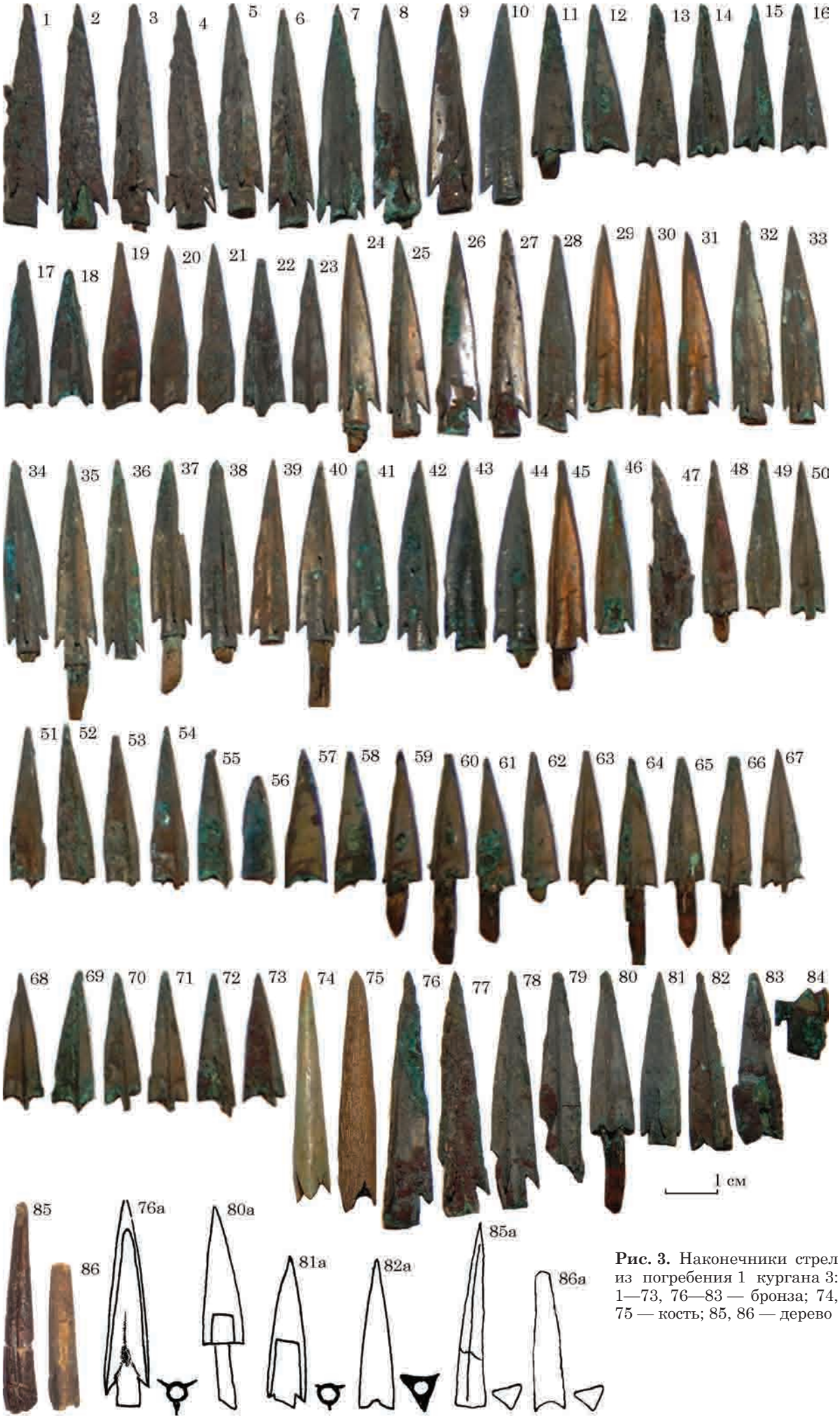

Рис. 3. Наконечники стрел из погребения 1 кургана 3: 1—73, 76—83 — бронза; 74, 75 — кость; 85, 86 — дерево

Рис. 4. Инвентарь погребения 1 кургана 3

ции А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Они широко распространяются в колчанах второй — четвертой четвертей V в. до н. э. (Полін 1987, рис. 11: 16, 17, 20, 21, 26; 12: 1—12, 24, 25, 27; 13: 7, 31, 32), однако многие из них в это время имеют сводчатые абрисы головки. Продолжают они массово использоваться и в IV в. до н. э. Много их в это время в Северопричерноморской Степи: курганы Краснокутский (Мелюкова 1981, рис. 18: е), Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, рис. 64: 29), Бабина Могила (Мозолевский, Полин 2005, рис. 62: 11), 4 возле Балтазаровки (Ковпаненко, Яковенко 1973, рис. 1: 5, 7, 8).

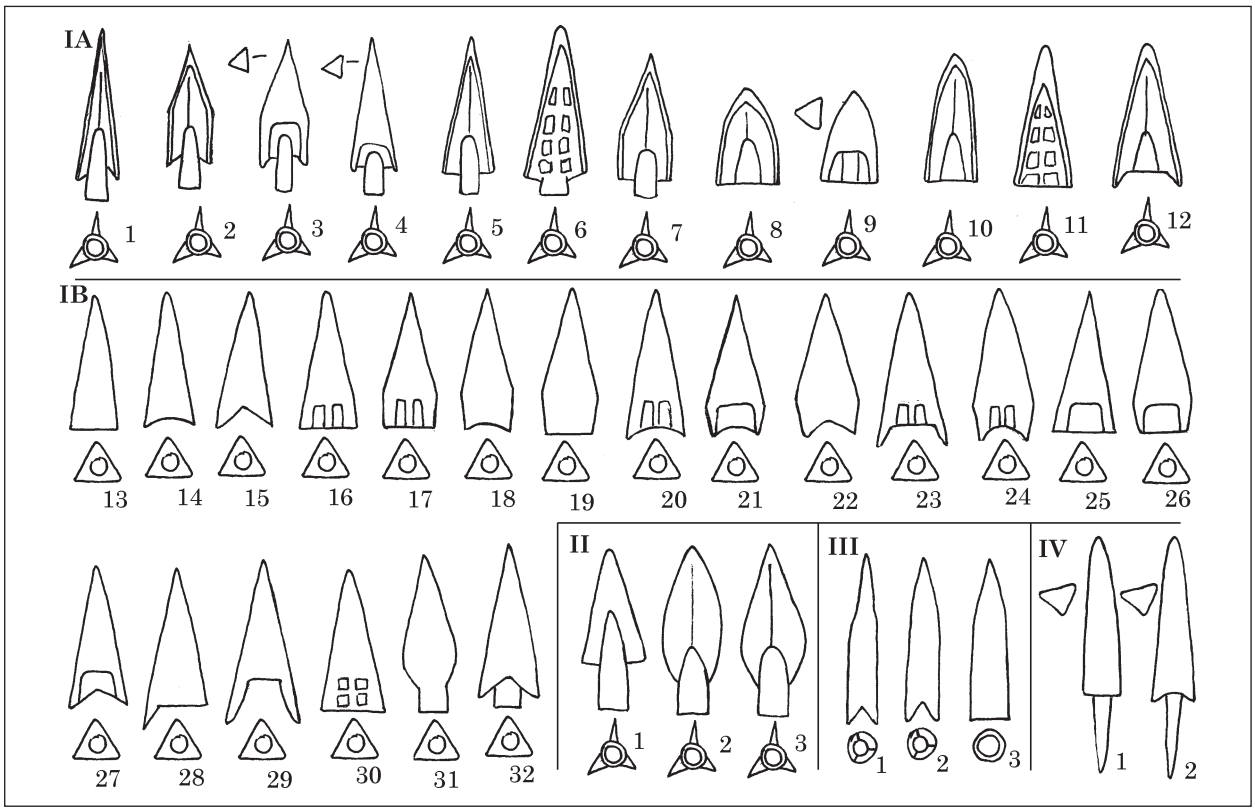

Рис. 5. Типы наконечников стрел Светловодского могильника: I — бронза; II — железо; III — кость; IV — дерево

Распространены такие наконечники и в Правобережном Среднем Поднепровье: насыпи 6 и 7 возле Стеблева, 1 в Петровке (Скорый 1997, рис. 31: 6; 34: 7; Назаров 2001, рис. 14). Находят их в Украинском Лесостепном Левобережье (Мозолевский 1975, рис. 2: 9); а также в Среднем Подонье: (Шевченко, 2009, рис. 14: 7). Находки подобных наконечников в Светловодском могильнике датируются IV в. до н. э.

2. *Трехлопастные наконечники с треугольной головкой с гранями «поломанных» пропорций, выступающей втулкой и «опущенными» концами лопастей, создающими «жальца»* (рис. 5: I-А-2). Три находки происходят из двух гробниц (0,4 %).

Такие изделия близки к наконечникам 2 отдела, 10 типа, 12 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Они появляются еще в среднескифское время (Мелюкова 1964, табл. 7: ж, 8; Остапенко 1995, табл. 8: 3). Продолжают некоторые из таких артефактов бытовать и в IV в. до н. э. В это время они известны в Степной Скифии: курганы 3 (погребение 2) Николаевского могильника (Мелюкова 1975, рис. 54: б, е), 16 (гробница 1) возле Шолохово (Волкобой, Лихачев, Шалобудов 1979, рис. 9: 2), 6 (захоронения 1—3) на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 1999, рис. 12: 23), могила 17/34 у хут. Дугино (Прокофьев 2014, рис. 79: 49); встречаются и в Лесостепном Северском Подонцовье (Бабенко 2005, рис. 38: 1, б; Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 8: 11; 20: 7). Находки из Светловодского могильника также датируются IV в. до н. э.

3. *Трехлопастные наконечники с треугольной утяжеленной головкой с гранями «поломанных» пропорций, выступающей втулкой и «опущенными» концами лопастей, создающими «жальца»* (рис. 5: I-А-3). Семь наконечников (почти 1 % общего их числа) известны из 4 могил.

Они близки к наконечникам 2 отдела, 10 типа, 10 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Распространяются они в колчанных наборах второй — четвертой четвертей V в. до н. э.: курганы 3 и 16 у Дубовго (Березуцкий, Разуваев, 2004 рис. 5: 5; Березуцкий 2009, рис. 6: 8,в), 401 в Журовке, 2 Семибратний, 1 у Никополя (Мелюкова 1964, табл. 7: г, 5; 8: н, 9; 8: о, 4). Но продолжают бытовать указанные типы и в IV в. до н. э., встречаясь, в частности, на Среднем Дону (Пузикова 2001, рис. 25: 8; Березуцкий, Разуваев 2004, рис. 3: 34). Известны они и в Степной Скифии: Толстая Могила (Мозолевський 1979, рис. 105: 2), Дугино X, погребение 17/34 (Прокофьев 2014, рис. 79: 19). Светловодские находки также датируются IV в. до н. э.

4. *Трехлопастные наконечники с утяжеленной треугольной головкой и «опущенными» концами лопастей, создающими «жальца», и выступающей втулкой* (рис. 5: I-А-4). Девять наконечников (1,2 %) происходят из 6 могил.

Такие находки могут быть сопоставлены с наконечниками 1 отдела, 3 типа, 5 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Их появление относиться к

средине — второй половине V в. до н. э.: курганы 21 Перещепинского могильника в Бельске (Мурзин и др. 2002, рис. 46: 14), 2 Семибратнего могильника, Цымбалка (Мелюкова 1964, табл. 8: 8, 12). Однако, большинство датируется все же IV в. до н. э., когда они хорошо известны в Степи: курганы Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012, рис. 199: 1), 1, погребение 1 у Башмачки (Волкобой и др. 1981, рис. 1: 4), 4 (могила 8) группы Первомаевка II (Евдокимов, Фридман 1987, рис. 19: 5), Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012, рис. 199: 1), 10 (могила 4) около Малой Лепетихи (Евдокимов, Данилко, Могилов 2012, рис. 9: 8), и другие. Встречаются они здесь и в грунтовых погребениях: 41 могильника Скельки (Попандопуло 2011, рис. 25: 2), 17/34 некрополя Дугино X (Прокофьев 2014, рис. 79: 20).

Подобные типы встречаются также и в лесостепных древностях IV в. до н. э. Много таких предметов, в частности, известно с Северскодонецкой группы (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 8: 13; 20: 8; 24: 5; Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, рис. 12: 6; 21: 4). Немалая подборка происходит со Среднего Дона: (Савченко 2001, рис. 38: 7; Шевченко 2009, рис. 14: 22; 37: 9). Находки из Светловодска укладываются в этот позднескифский контекст.

5. *Трехлопастные наконечники с выступающей втулкой и треугольной головкой* (рис. 5: I-A-5). 4 экземпляра (0,5 % общего числа) происходят из 4 захоронений. Они близки к наконечникам 2 отдела, 4 типа, 9 варианта по А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1).

Подобные артефакты, с некоторыми другими типами, господствуют в колчанах второй — четвертой четвертей V в. до н. э. У некоторых из них острие может быть дополнительно заточено, из-за чего головка кажется сводчатой. В памятниках Лесостепи этого времени они найдены в курганах 14, 15 и 3 (2002 г.) Перещепинского могильника в Поворсклье (Мурзин и др. 1998, рис. 16: 2; 1999, рис. 10: 2; Кулатова, Супруненко 2010), 3 у Дубового на Дону (Березуцкий, Разуваев 2004, рис. 5: г). Немало находок этого времени известно и из Степной Скифии: курганы 20 (гробница 1) могильника Дивизия (Андрух, Оанча 1992, рис. 3: 3), 5 возле Молодовки (Махортих, Тупчієнко 1998, мал. 4: 11), Малая Цимбалка (Алексеев 1995, рис. 1: 1), 48 Акташского могильника (Бессонова, Скорый 1986, рис. 2: 2), погребение на Хортице (Остапенко 1995, табл. 8: 3).

Наконечники этого вида продолжают бытовать и в IV в. до н. э. Хотя в это время численно доминируют уже другие типы. Наибольшее их количество связано со Степной Скифией: курганы 21 на Рогачикском Поле (Фиалко 2014, рис. 3: 2), 17 у Золотой Балки (Полин 2014, рис. 80: 6), Водяна Могила (Мозолевский, Полин 2005, рис. 18: 2), 14 (погребение 2) группы Солохи (Мелюкова 1964, табл. 8: и, 11) и другие. Известен такой тип и в Днепровской Лесостепи (Галанина 1977, табл. 10: 9). Светловодские находки сопоставимы именно с этой хронологически более поздней группой IV в. до н. э.

6. *Трехлопастный наконечник с выступающей втулкой и треугольной головкой с решетчатой маркировкой на гранях* (рис. 5: I-A-6). Известен 1 предмет (0,14 %). Этот наконечник, как и предыдущий вариант, может быть сопоставлен с изделиями 2 отдела, 4 типа, 9 варианта по А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Он отличаются лишь нанесенным клетчатым орнаментом на гранях (аналогии такому декору на наконечниках со скрытыми втулками — см. ниже). Светловодский экземпляр датируется IV в. до н. э.

7. *Трехлопастный наконечник с выступающей втулкой и треугольной головкой с гранями «сломанных» пропорций* (рис. 5: I-A-7). Известен 1 предмет (0,14 %). Он близок к изделиям 2 отдела, 10 типа, 11 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, рис. 1). Эти изделия наиболее характерны для среднескифского времени, когда они известны и для степных памятников: курганы 16 (могила 9) у Суворово (Колотухин 2000, рис. 24: 9), 6 в Ногайске, Бобовича (Мелюкова 1964, табл. 8: г, 4, 5; 8: з, 3); и для лесостепных древностей, в частности — на Бельском городище: насыпи 13 и 3 (2002 г.) Перещепинского могильника (Махортых, Мурзин, Ролле 1998, рис. 7; Кулатова, Супруненко, 2010, рис. 148: 64), Восточное укрепление (Шрамко 1987, рис. 17: 34). Иногда, впрочем, они встречаются и в IV в. до н. э., что демонстрирует нам и находка из Светловодского могильника.

8. *Базисные трехлопастные наконечники с треугольной головкой и скрытой втулкой* (рис. 5: I-A-8). Можно отметить 17 находок (2,4 % общего числа) из 4 могил. Они могут быть сопоставлены с наконечниками 2 отдела, 5 типа, вариантов 1, 2 и 5 по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Эти изделия маркируют собой приход среднескифского времени, знаменуя переход от Скифии Архаической, к Скифии Классической. Любопытно, что встречаются они и в ранних среднескифских комплексах, и в переходных погребениях, содержащих некоторые более ранние келермесские детали. Такие захоронения второй половины VI — первой четверти V вв. до н. э. хорошо известны в разных регионах Скифии. В это время в Лесостепи, например, они найдены в курганах 425 у Кулешовки, 478 у Волковцев, 482 и 483 у Басовки в Посулье (Галанинина 1977, рис. 17: 6—9; 23: 26; 25: 23, 34). В Правобережье известны предметы из курганов 491 и раскопанном Е.Ф. Покровской у Макеевки (Галанина 1977, табл. 11: 26; Покоровська 1957, рис. 2: 12). Достаточно много изделий происходит из Степи: курганы 6 у Александровки (Ковалева, Волклбой, Костенко, Шалобудов 1978, рис. 9: 2), Новокиевки (Ев-

докимов, Мурзин 1984, рис. 2: 6), 4 (захоронение 1) возле Ильичево (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, рис. 4: 5), 7 близ Подгородного (Ковалева, Мухопад 1979, рис. 3: 4). Известны они и в степных грунтовых погребениях: комплексы 49 могильника «Крест» а также 1, 2 и 22 некрополя X у Дугино (Прокофьев 2014, рис. 37: 5; 74: 22, 47; 80: 43), на Хортице (Остапенко, 1995, табл. 9: 4). Еще один наконечник происходит из могилы 91 (1913 г.) некрополя Ольвии (Скуднова 1960, рис. 6: 1).

Во второй — четвертой четвертях V в. до н. э. господство в колчанных наборах переходит к наконечникам с треугольной головкой и выступающей втулкой. Однако, базисные наконечники все же иногда продолжают встречаться. В Лесостепи они известны из курганов 401 у Журовки (Мелюкова 1964, табл. 7: г, 2), 1 (погребение 1) возле Яснозорья (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, рис. 2: 19). Найдены они и на городищах этого региона: (Фабриціус 1949, табл. VI: 21; Шрамко 1987, рис. 17: 30). Встречаются в Степи (Агульников, Сава 2004, рис. 20: 12; Яковенко 1980, рис. 2: 1). Как исключение, базисные наконечники иногда отмечены даже в IV в. до н. э.

Предметы из светловодских могил 21, 39, 51 датируются ранним среднескифским временем — второй половиной VI — первой четвертью V вв. до н. э. Другие находки из этого некрополя относятся к IV в. до н. э., и являются свидетельством длительного употребления подобных артефактов.

9. *Базисные трехлопастные наконечники с треугольной утяжеленной головкой и скрытой втулкой* (рис. 5: I-А-9). Два предмета (0,3 % общего числа) из происходят 2 комплексов. Они могут быть сопоставлены с изделиями 2 отдела, 5 типа, варианта 6 по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Как и предыдущий вариант, они маркируют собой наиболее ранние комплексы среднескифского времени, являясь одними из главных определяющих находок в них. Известны они и в переходных погребениях, содержащих еще некоторые находки келермесского времени. Эти комплексы второй половины VI — первой четверти V вв. до н. э. хорошо известны в разных регионах Скифии. Так в Лесостепи они найдены в курганах 482 у Басовки (Галанина 1977, табл. 25: 20), Дзюбина Могила (Алексеев 1991, рис. 1: 3) на Левобережье. В Правобережье они выявлены под насыпями 491 в Макеевке, 394 (захоронение 2) близ Ковалей, 411 возле Пекарей, 1 у Яблунова (Галанина 1977, табл. 2: 4; 5: 5; 6: 8; 11: 23), около Макеевки (Покровська 1957, рис. 2: 9), 400 под Журовкой (Полін 1987, рис. 10: 36). Ряд погребений известен и из степной зоны: курганы 2 (погребение 13) возле Владимировки, около Матвеевки, 19 (захоронение 7) в Крыловке (Колотухин 2000, рис. 10: 1; 11: 3; 19: 5), погребения 1, 2 и 22 могильника Дугино X (Прокофьев 2014, рис. 74: 17, 51; 80: 52).

Изредка указанные артефакты встречаются и в средине — второй половине V, и даже в IV вв. до н. э. (Мелюкова 1964, табл. 9: п, 5). Однако, в целом, в это время господствуют уже совсем другие типы. Именно такие примеры видим и в Светловодском могильнике, где упомянутые острия были в наборах IV в. до н. э.

10. *Трехлопастные наконечники с треугольной головкой и скрытой втулкой, вытянутых базисных пропорций* (рис. 5: I-А-10); 17 находок (2,4 %) происходят из 11 могил. Эти предметы близки к наконечникам 2 отдела, 5 типа, 9 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1).

Подобные изделия характерны для среднескифского времени (Полін 1987, рис. 9: 12; 10: 23, 41; 12: 16). Однако, иногда встречаются и в комплексах IV в. до н. э.: в степном регионе это курганы Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012, рис. 196: 9), 14, погребение 1, у Братского (Колтухов 2012, рис. 90: 4), 1, могила 1, в Башмачке (Волкобой и др. 1981, рис. 1: 4). В Лесостепи они найдены в Среднем Подонье (Шевченко 2009, рис. 14: 5; 37: 7; Березуцкий, Разуваев 2004, рис. 3: 1); в Северскодонецкой группе (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 15: 7; 25: 3). Именно в наборах IV в. до н. э. они были и в Светловодском могильнике.

11. *Трехлопастные наконечники с треугольной головкой и скрытой втулкой вытянутых базисных пропорций с решетчатой маркировкой на гранях* (рис. 5: I-А-11); 2 предмета (0,3 %) известны из двух комплексов. Они могут быть сопоставлены с изделиями 2 отдела, 5 типа, 9 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Однако, в дополнение они имеют клетчатый орнамент на гранях. Такое же сочетание видим на изделиях из курганов 18 (могила 1) у Львово (Кубышев, Николова, Полин 1982, рис. 18: 20), 46/29 Мастюгинского могильника (Пузикова 2001, рис. 37: 6—10), Восточного Бельского городища (Шрамко 1973, рис. 4: 13). Они могут быть отнесены к IV в. до н. э. Этим же временем следует датировать наконечники из Светловодска.

12. *Трехлопастные наконечники с треугольной головкой и скрытой втулкой, с «опущенными» концами граней, создающими «жальца»* (рис. 5: I-А-12); 13 находок (1,8 %) происходят из 7 захоронений. Они близки к 2 отделу, 6 типу, 6 и 8 вариантам по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Как и описанные выше варианты, это, прежде всего — тип среднескифского периода (Полін 1987, рис. 4: 3; 8: 45,46; 10: 26, 42). Но отдельные их находки известны и в IV в. до н. э. Именно этим временем датируются наконечники из Светловодска.

13. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой и скрытой втулкой* (рис. 5: I-В-13); 30 наконечников (4,2 % их общего числа) известны из 15 могил. Они близки к изделиям 3 отдела, 4 типа, 1—3 вариантов по классифика-

ции А. И. Мелюковой (Мелюкова: 1964, рис. 1). Появление этих разновидностей относиться еще к среднескифскому времени: второй половине VI — V вв. до н. э.: курганы 491 у Макеевки; 394, погребение 2, возле Ковалей; 411 около Пекарей (Галанииа 1977, табл. 5: 6; 6, 7; 11: 22; 16: 4), 3 (2002 г.) Перещепинского могильника (Кулатова, Супруненко 2010, рис. 148: 73, 74), 1 у Яблоновки, 383 возле Грушевки (Петренко 1967, рис. 35: 267, 268, 271).

Вместе с тем, большинство изделий относиться уже к IV в. до н. э. Значительная их часть локализируется в Степи: курганы Бердянский (Мурзін, Фіалко 1998, рис. 1), Трехбратний (Бессонова 1973, рис. 2: 9), Мелитопольский (Тереножкин, Мозолевский 1988, рис. 128: 2), Огуз (Спицын 1906, рис. 35), 2, могила 3, у Никополя (Мелюкова 1964, рис. 9: з, 10) и другие.

Значительное количество подобных находок позднескифского времени сосредоточено и в Лесостепи. На Правобережье они известны из насыпей 493 у Ильинцев (Галанина 1977, табл. 16: 4), 20 в Холодном Яру, у Осот (Петренко 1967, табл. 35: 275, 280). На Левобережье — найдены в курганах 2 Бельского некрополя «Б» (Супруненко 1996, рис. 25: 7), 22, 25, 26 Гришковского могильника (Гречко, Шелехань 2012, рис. 16: 21, 22; 21: 42—55; 29: 11), 3 Верхнигиевской группы у Люботина (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, рис. 12: 5). Наконечники подобного варианта из Светловодска также могут быть датированы IV в. до н. э.

14. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой с округлой выемкой у основания и скрытой втулкой* (рис. 5: I-В-14). Второй по численности вариант в могильнике: 120 наконечников (почти 17 %), найденный в наибольшем количестве (35) гробниц.

Они близки к изделиям 3 отдела, 7 типа, 3 и 7 вариантов по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Это один из наиболее распространенных типов IV в. до н. э. Они широко известны в Степной Скифии: курганы Толстая Могила (Мозолевський 1979, рис. 105: 5), Трехбратний (Бессонова 1973, рис. 2: 6, 7), Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012, рис. 390: 4), 7 группы Первомаевка III и 1, погребение 1, группы Первомаевка V (Евдокимов, Фридман 1991, рис. 8: 3; 12: 2), 17, могила 1, возле Крыловки (Колтухов 2012А, рис. 7: 6), могила 3 Благовещенского могильника (Попандопуло 2012, рис. 1: 2,в). Находят их и на Правобережье Среднего Днепра: насыпи 487 около Макеевки (Галанина 1977, табл. 10: 6), 1 в Лесовичах (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, рис. 3: 15); в Левобережой Лесостепной Украине (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 12: 4). Немало таких предметов выявлено и в Среднем Подонье (Савченко, 200 рис. 38: 5; Шевченко 2009, рис. 14: 5; 37: 4, 5). Наконечники из Светловодска, таким образом, датируются IV в. до н. э.

15. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой с треугольной выемкой у основания и скрытой втулкой* (рис. 5: I-В-15). Это четвертый по числу вариант в некрополе: 87 наконечников (почти 12,3 %) из 26 гробниц. Они могут быть отнесены к изделиям 3 отдела, 8 типа, 3 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Многочисленны аналогии указанному варианту. Появляются они еще в V в. до н. э. (Мелюкова 1964, табл. 7: н, 5, 6). Однако, подавляющее большинство относиться уже к IV в. до н. э. Значительная их часть локализируется в Степной Скифии: курганы 1 (погребение 1) у Башмачки (Волкобой и др. 1981, рис. 1: 4), 7 (могила 1) возле Ольгино (Бессонова, Ковалев, Кубышев 2005, рис. 7: 2), Братолюбовский (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, рис. 15: 6), 20, погребение 3, на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 1999, рис. 32: 3), 11 на Гаймановом Поле (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977, рис. 3: 5), 13 (погребение 1) группы Капуловка I (Тереножкин и др. 1973, рис. 9: 1) и другие. Известны они и из грунтовых степных могил: 13 и 15 могильника Скельки (Попандопуло 2011, рис. 13: 10; 14: 12), 7 около Николаевки (Мелюкова 1975, рис. 54: О), 17/34 у Дугино (Прокофьев 2014, рис. 79: 30).

В Восточноевропейской Лесостепи этого времени они, хоть и несколько малочисленнее, но отнюдь не редки. Так на Правобережье — найдены под насыпями 1 у Лесовичей (Ковпаненко, Бессонова, Батуревич 1997, рис. 3: 18), 488 возле Капитановки (Петренко 1967, табл. 35: 263, 290), 2 и 3 у Вишнополя (Григорьев, Скорый 2011, рис. 25: 9; 31: 14). В Среднем Подонье они происходят из кургана 29/21 у Мастюгино (Пузикова 2001, рис. 30: 17). Наконечники этого варианта из Светловодска тоже датируются IV в. до н. э.

16. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, скрытой втулкой и парными прямоугольными выемками внизу граней* (рис. 5: I-В-16). Это третий по распространенности в некрополе вид наконечников: 89 изделий (12,5 % общего числа) найдены в 24 могилах. Они могут быть отнесены к 3 отделу, 6 типу, 4 варианту по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Изделия этого типа появились еще во второй половине VI в. до н. э., в погребениях, содержащих и раннескифские, и среднескифские изделия (Мелюкова 1964, табл. 7: п, 7). Но подавляющее большинство все же относится к IV в. до н. э. Значительное число таких предметов известно из Лесостепи Восточной Европы. В частности, на Дону они найдены в курганах 8 и 13 близ Русской Тростянки (Пузикова 2001, рис. 12: 7; 19: 5, 6), 6 у Тернового (Савченко 2001, рис. 11: 5), 3 возле Колбино (Шевченко 2009, рис. 6: 10). В Северскодонецкой группе — под насыпями 32 у Песочина (Бабенко 2005, рис. 38: 1), 47 в Гришковке (Гречко, Шелехань 2012, рис. 36: 4), 3 Верхнеги-

евской группы под Люботином (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, рис. 12: 5). В Поворскье они известны из кургана 2 Бельского некрополя «Б» (Супруненко 1996, рис. 25: 6).

В Лесостепном Правобережье такие изделия выявлены в кургане 409 у Журовки (Петренко 1967, рис. 356 255), погребении 7 могильника в Грищенцах (Петренко 1962, рис. 2: 9).

Немало находок позднескифского времени и в степном регионе: насыпи 1 (гробница 1) группы V и 4 (захоронение 1) группы II возле Первомаевки (Евдокимов, Фридман 1987, рис. 14: 10; 1991, рис. 13: 12), 20, погребение 4, на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 1999, рис. 32: 11), 2 (могила 2) возле Браного Поля (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, рис. 2: 3), 7 близ Марьяновки (Білан, Солтис 1998, рис. 7: 6). Как и указанные аналогии, стрелы из Светловодска датируются IV в. до н. э.

17. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, скрытой втулкой и парными прямоугольными выемками внизу граней «сломанных» пропорций* (рис. 5: I-B-17); 26 экземпляров (3,6 %) происходят из 14 захоронений. Такие изделия близки к наконечникам 3 отдела, 5 типа, 4 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Однако, в отличии от них, имеют ровное основание. Аналогии известны из комплексов IV в. до н. э.: курганы 14 у Колбино (Савченко 2001, рис. 6: 8), 1 группы Первомаевка VI (Евдокимов, Фридман 1991, рис. 16: 2), погребение 17/34 могильника Дугино X (Прокофьев 2014, рис. 79: 38); Восточное Бельское городище (Шрамко 1987, рис. 21: 5). Этим же временем следует датировать и находки из Светловодска.

18. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой и округлой выемкой у основания, скрытой втулкой и гранями «сломанных» пропорций* (рис. 5: I-B-18). Шесть предметов (0,8 %) известны из 14 комплексов. Их можно отнести к изделиям 3 отдела, 5 типа, 5 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Аналогии известны из курганов 2 (погребение 3) в Никополе (Мелюкова 1964, табл. 9: з, 7, 8), 2 у Дубового (Березуцкий, Разуваев 2004, рис. 3: 9), 4 (могила 1) группы Первомаевка II (Евдокимов, Фридман 1987, рис. 14: 9). Предметы из Светловодска хронологически примыкают к этим изделиям IV в. до н. э.

19. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, скрытой втулкой и гранями «сломанных» пропорций* (рис. 5: I-B-19); 2 находки (0,3 % общего их числа) происходят из 2 могил. Они могут быть отнесены к изделиям 3 отдела, 5 типа, 1 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Подобные предметы появляются еще во второй половине VI в. до н. э.: курган 13 у Лихачевки (Мелюкова 1964, табл. 7: з, 2). Продолжают они существовать до IV в. до н. э. включительно. Об этом свидетельствует, например, колчанный набор из кургана 3 под Чигирином (Полтавець 2004, рис. 1, 2). Светловодские находки могут быть сопоставлены как раз с этими, наиболее поздними изделиями.

20. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, имеющей округлую впадину в основе, скрытой втулкой и парными прямоугольными выемками внизу граней* (рис. 5: I-B-20). Девять экземпляров (1,2 %) известны из 6 захоронений. Они могут быть отнесены к 3 отделу, 7 типу, 1 варианту по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова: 1964, рис. 1). Аналогии есть в памятниках IV в. до н. э. Многие из них происходят из Степной Скифии: курганы Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 218—220), Солоха (Манцевич 1987, кат. 54) и насыпь 14 ее группы, 6 возле Башмачки (Мелюкова 1964, табл. 9: и, 1, 2; 9: в, 4), 10 (захоронение 4) у Малой Лепетихи (Евдокимов, Данилко, Могилов 2012, рис. 9: 14), 13 (могила 1) группы Капуловка I (Тереножкин и др. 1973, рис. 9: 3), 13 (гробница 1) около Астанино (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, рис. 22: 2), а также грунтовые погребения 7 в Николаевке (Мелюкова 1975, рис. 54), 41 и 44 в Скельках (Попандопуло 2011, рис. 25: 2; 26: 2).

Значительна подборка таких находок и из Лесостепи. Так на Правобережье они были под насыпями 487 и 489 у Макеевки (Галанина 1977, табл. 10: 7, 14), 14 возле Стеблева (Скорый 1997, рис. 53: 11), 96 под Бобрицей (Петренко 1967, табл. 35: 300). В Левобережье — в курганах 1 (23) (2001 г.) Перещепинского (Кулатова, Супруненко 2010, рис. 77: 13) и 5 Остнягского (Шрамко 1987, рис. 72: 2) могильников; а также 2 некрополя «Б» (Супруненко 1996, рис. 25: 6) возле Бельска в Поворсклье. Известны их находки в Северскодонецкой группе (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, рис. 12: 3; Бабенко, 2005, рис. 9: 1), на Среднем Дону (Пузикова, 2001, рис. 46: 1). Как и упомянутые аналогии, изделия из Светловодска датируются IV в. до н. э.

21. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, имеющей округлую впадину в основе, скрытой втулкой и гранями «сломанных» пропорций с прямоугольной выемкой внизу* (рис. 5: I-B-21); 5 предметов (0,7 %) известны из 3 могил. Они близки к изделиям 3 отдела, 5 типа, 3 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Аналогии IV в. до н. э. происходят, прежде всего, из Степной Скифии: курганы Братолюбовский (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, рис. 15: 3), Толстая Могила (Черненко, 1975 рис. 1: 3), 13 (захоронение 8) у Золотой Балки (Полин 2014, рис. 45: 15), 1 (погребение 2) группы Первомаевка II (Евдокимов, Фридман 1987, рис. 8: 9), 18, погребение 1, у Львово (Кубышев, Николова, Полин 1982, рис. 6: 18). Встречаются они и в Лесостепи: насыпи 3 у Рыжановки в Правобережье (Петренко 1967, табл. 35: 285), 8 Стояновского могильника на Среднем Дону (Березуцкий 1996, рис. 6: 6, 7). Наконечники из Светловодска также относятся к IV в. до н. э.

22. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой и треугольной выемкой у основания, скрытой втулкой и гранями «сломанных» пропорций* (рис. 5, I-В-22); 7 находок (1 %) известны из 3 погребений. Они близки к изделиям 3 отдела, 5 типа, 5 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1).

Аналогии происходят из памятников IV в. до н. э. В Степи они найдены в курганах 88 (погребение 1) на Мамай-Горе (Андрух 2001, рис. 52: 1), 1 (могила 6) возле Ольгино (Бессонова, Ковалев, Кубышев 2005, рис. 3: 17), а также в грунтовых погребениях 48 Николаевского могильника (Мелюкова 1975, рис. 55: 10,а) и 17/34 некрополя Дугино X (Прокофьев 2014, рис. 79: 14). В Лесостепи — происходят из-под насыпей 3 у Чигирина (Полтавець 2004, рис. 1: 2), 32 под Колбино (Шевченко 2009, рис. 37: 8). Находки из Светловодска тоже датируются IV в. до н. э.

23. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, концы граней которой «опущены» и создают шипы, скрытой втулкой и парными выемками в основании граней* (рис. 5: I-В-23). Два экземпляра (0,3 %) происходят из 1 гробницы. Они соответствуют наконечникам 3 отдела, 8 типа, 6 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Аналогии известны из памятников Степи и юга Лесостепи IV в. до н. э.: курганы 1 группы Капуловка II (Тереножкин и др. 1973, рис. 15: 4), I Испанова Могила (Мозолевский 1980, рис. 74: 1), 26 могильника Плавни (Суничук, Фокеев 1984, рис. 2: 11), 15 (захоронение 1) группы Волчанск I (Полин, Кубышев 1997, рис. 13: 7), 32 Песочинского могильника (Бабенко 2005, рис. 38: 1). Как и указанные аналогии, предметы из Светловодска датируются IV в. до н. э.

24. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой с округлой выемкой в основании, гранями «сломанных» пропорций и скрытой втулкой. Внизу граней — парные прямоугольные впадины* (рис. 5: I-В-24); 7 находок (1 %) происходят из 4 захоронений. Эти изделия могут быть отнесены к 3 отделу, 5 типу, 4 варианту по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Аналогии из Толстой Могилы (Мозолевський 1979, рис. 46: 5, 10), кургана 5 в Терновом (Савченко 2001, рис. 10: 1) могут быть отнесены к IV в. до н. э. Этим же временем датируются стрелы из Светловодска.

25. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, скрытой втулкой и прямоугольной выемкой в основании граней* (рис. 5: I-В-25); 10 предметов (1,4 %) известны из 6 погребений. Они близки к 3 отделу, 8 типу, 4 варианту по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1).

Такие предметы широко распространены в IV в. до н. э. Аналогии известны из степных курганов: Огуз (Спицын 1906, рис. 35), Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 218—220), Водяна и Соболева Могилы (Мозолевский, Полин 2005, рис. 18: 11; 101: 7), 20, захоронение 4, на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 1999, рис. 32: 10), 12 (погребение 1) возле Ильичево (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, рис. 5: 30). Зафиксированы они и в Среднем Подонье (Шевченко 2009, рис. 37: 6; Манцевич 1973, рис. 3: 28, б). Как и указанные аналогии, предметы из Светловодска также относятся к IV в. до н. э.

26. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, скрытой втулкой и прямоугольной выемкой в основании граней «сломанных» пропорций* (рис. 5: I-В-26); 9 экземпляров (1,3 %) происходят из 2 гробниц. Они соответствуют наконечникам 3 отдела, 5 типа, 3 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1).

Аналогии известны, прежде всего, со Степной Скифии: курганы Толстая Могила (Мозолевський 1979, рис. 15: 4), Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012, рис. 21: 1), 16 (гробница 1) на Мамай-Горе, погребение 13 могильника Дугино X (Прокофьев 2014, рис. 78: 19). Встречаются такие изделия и на Среднем Дону (Пузикова 2001, рис. 30: 18), а также в Северскодонецкой группе (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 8: 15). Датируются они IV в. до н. э. К этому же времени могут быть отнесены и Светловодские находки.

27. *Трехгранный наконечник с треугольной головкой с треугольной впадиной в основе, скрытой втулкой и прямоугольной выемкой внизу граней* (рис. 5: I-В-27). Найден 1 предмет (0,14 %), котрый может быть отнесен к 3 отделу, 7 типу, 2 варианту по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1).

Прототипы для подобных изделий известны еще во второй половине VI в. до н. э. (Галанина 1977, рис. 30: 8). Но большинство находок относиться все же к IV в. до н. э. Значительная их часть происходит со Степной Скифии: курганы Денисова Могила (Мозолевский 1980, рис. 67: 1), Краснокутский (Мелюкова 1981, рис. 18: ж), 9 у Золотой Балки (Полин 2014, рис. 19: 7), грунтовые погребения 8 и 13 Николаевского могильника (Мелюкова 1975, рис. 54), 44 в Скельках (Попандопуло 2011, рис. 26: 2; 34: 2). Встречаются они и в Лесостепи (Гречко, Шелехань 2012, рис. 25: 46—48). Этим же позднескифским временем датируется и наконечник из Светловодска.

28. *Трехгранный наконечник с треугольной головкой, край граней которой формирует шип, и скрытой втулкой (*рис. 5: I-В-2). Предмет (0,14 %) близок к 3 отделу, 4 типу, вариантам 1—3 по классификации А. И Мелюковой (Мелюкова: 1964, рис. 1). Однако, в отличии от них, имеет шип в основании одного ребра граней. Это редкий тип наконечников, аналогия которому известна из кургана у Осот в Правобережной Лесостепи (Петренко 1967, табл. 35: 223). Как и предмет из Светловодска, она относиться к IV в. до н. э.

29. *Трехгранный наконечник со скрытой втулкой и треугольной головкой, концы граней которой «опущены» и формируют шипы (*рис. 5: I-В-29). Этот предмет похож на изделия 3 отдела, 9 типа, 3 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Однако, имеет более длинные шипы и уплощенную основу.

Прототипы таких изделий можно видеть в наконечниках V в. до н. э., известным из кургана 12 у Стеблева (Скорый 1997, рис. 43: 26). Большинство схожих изделий, однако, датируется IV в. до н. э., и происходят из Степной Скифии: курганы 9 в Марьевке (Бунятян, Фиалко 2009, рис. 1: 5), 146, погребение 2, на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 2004, рис. 15: 7), 4 (могила 4) близ Никольского (Агульников, Сава 2004, рис. 9: 9). Другие находки локализируются на юге Лесостепи: курганы 2 (гробница 2) у Вишнополя (Григорьев, Скорый 2011, рис. 25: 3), 26 в Гришковке (Гречко, Шелехань 2012, рис. 29: 1—5), 486 возле Макеевки (Галанина 1977, табл. 9: 9), 2 близ Совнаркомовской (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, рис. 21: 13). Наконечник из Светловодска также относиться к IV в. до н. э.

30. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, скрытой втулкой и 4 прямоугольными выемками в основании граней* (рис. 5: I-В-30); 2 экземпляра (0,3 %) происходят из 2 гробниц. Они близки к наконечникам 3 отдела, 4 типа, 1—3 варианта по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1), но имеют 4 ямки внизу граней. Эти типы формы и орнамента сочетаются не часто (Шрамко 1987, рис. 57: 34). Датируются находки IV в. до н. э.

31. *Трехгранный наконечник с остролистой головкой и выступающей втулкой* (рис. 5: I-В-31) может быть отнесен к 3 отделу, 1 типу, 4 варианту по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Эти предметы датируются келермесским временем. Но иногда встречаются и в переходных комплексах, содержащих и раннескифские, и среднескифские детали: курган 467 у Аксютинцев (Галанина 1977, табл. 18: 15), погребения 107 (1911 г.) некрополя Ольвии (Скуднова 1960, рис. 60: 3), 22 могильника Дугино X (Прокофьев 2014, рис. 80: 69). В Светловодске подобный предмет был в колчане IV в. до н. э., еще раз иллюстрируя примеры длительного употребления стрел, уже известные по многим курганам позднескифского времени.

32. *Трехгранные наконечники с треугольной головкой, выступающей втулкой и выемкой внизу основы* (рис. 5: I-В-32); 4 экземпляра (0,5 %) известны из 3 гробниц. Они могут быть отнесены к 3 отделу, 3 типу, 1 варианту по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Подобные вещи появились еще в келермесское время: курган 406 у Журовки (Мелюкова 1964, табл. 6: а, 4, 5). Продолжают они бытовать и в среднескифский период: насыпи 491 у Макеевки, «А» возле Басовки (Галанина 1977, табл. 14: 3; 27: 26). В это время головка наконечника иногда дополнительно затачивалась, вследствии чего он мог обретать сводчатые абрисы.

Наконечники IV в. до н. э. имеют, как правило, уже треугольную головку стройных пропорций: степные курганы 3 возле Золотой Балки (Полин 2014, рис. 11: 3), 13 (гробница 2—3) на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 1999, рис. 24: 4); погребения 41 и 45 могильника Скельки (Попандопуло 2011, рис. 25: 2; 32: 8). Встречаются они и в Лесостепи: насыпи 32 в Песочине (Бабенко 2005, рис. 38: 1, д), 409 у Журовки (Петренко 1967, табл. 34: 203), 13 возле Руской Тростянки (Пузикова 2001, рис. 19: 3). Наконечники из Светловодска относятся к IV в. до н. э.

Железные наконечники стрел. 15 изделий (2,1 % от общего числа) происходят из 9 светловодских комплексов. В целом, в Европейской Скифии, железные втульчатые наконечники количественно уступают бронзовым. Однако, на Среднем Дону острия из железа уже значительно превышают бронзовые изделия (Савченко 2004, с. 195). В Прикубанье, начиная со второй половины VI в. до н. э. они также преобладают (Эрлих 2007, с. 344). Господствуют железные наконечники и в позднескифском могильнике в Глинном (Синика, Тельнов 2015, с. 180).

В Светловодске выделяются 3 типа таких предметов.

1. *Трехлопастные наконечники с треугольной головкой и выступающей втулкой* (рис. 5: II-1). 4 находки (0,5 %) известны из 4 комплексов. Е. И. Савченко, проводя классификацию наконечников Среднего Подонья, отнес такие предметы к 1 отделу, типам 1—3 и 7 (Савченко 2004, с. 195—197). В. Р. Эрлих, по материалам Прикубанья, выделил их в отдел III, тип 2. Здесь они более характерны для поздних памятников, хотя появляются еще в конце VI — начале V вв. до н. э. (Эрлих 2007, с. 348, 349).

Такие предметы особенно массовы в курганах V—IV вв. до н. э. на Среднем Дону. В других регионах, среди которы можно выделить Прикубанье, они встречаются реже (Мелюкова 1964, табл. 8: П, 1, С, 2; 9: С, 1—4, Ф, 1; Савченко 2004, с. 195—203, рис. 13—15; Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих,. 2013, рис. 11: 2; Эрлих 2007, с. 348, 349, рис. 1: 17, 20; 2011, рис. 16: 13; 76: 14). Интересно отметить, что в позднескифских курганах у Глиного в Нижнем Поднестровье, относящихся к III—II вв. до н. э. они преобладают в колчанах, иллюстрируя процесс замены бронзовых наконечников железными (Синика, Тельнов 2015, с. 180). Экземпляры из Светловодского некрополя относятся к IV в. до н. э.

2. *Листовидные наконечники с выступающей втулкой* (рис. 5: II-23); 3 экземпляра (0,4 %) происходят из 2 гробниц. Находки этого типа, как можно предполагать, восходят к схожим бронзовым наконечникам келермес-

ского времени. В этот период появляются и железные реплики: Высочино, курган 1, погребение 4 (Кореняко, Лукьяшко 1982, рис. 4: 8). Известны их находки и в несколько более поздних переходных комплексах, содержавших как раннескифский, так и среднескифский инвентарь: насыпь 8 у Нартана (Батчаев 1985, табл. 25: 27), погребение 26 могильника Дугино X (Прокофьев 2014, рис. 81: 30). В дальнейшем они очень редки, но, все же, доживают до IV в. до н. э. Подтверждением этого может служить предмет из погребения 50 могильника Скельки (Попандопуло 2011, рис. 34: 4), а также и находки из Светловодска, также относящиеся к IV в. до н. э.

3. *Остролистые наконечники с выступающей втулкой* (рис. 5: II-3); 2 экземпляра (0,3 %) известны из 2 комплексов. Они близки к изделиям 1 отдела, 5 типа, 1 варианта по классификации Е. И. Савченко (Савченко 2004, с. 199). В. Р. Эрлих выделил их в отдел III, тип 1, отмечая, что в Прикубанье они наиболее характерны для VI—V вв. до н. э. (Эрлих 2007, с. 348, рис. 1: 13—16).

Такие предметы использовались населением Северного Причерноморья на протяжении всего скифского периода (Шрамко 2009, с. 283—393). Они появились еще в раннескифское время, вероятно, копируя однотипные бронзовые изделия: хут. Ленина, могила 2 (Каминский 1987, с. 254—259, рис. 3: 16), Клин-Яр I, погребение 7 (Дударев, Рунич 1992, рис. 3: 15—18), Хапры, курган 1, гробница 25 (Максименко 1983, рис. 9: 15). Продолжают они существовать и позже, в частности — в IV в. до н. э., при этом численно уступая другим типам наконечников. Хотя в могилах 1 кургана 2, и 2 насыпи 4 в Петровке на юге Днепровской Правобережной Лесостепи они достаточно многочисленны (Бокий 1977, с. 203, 206, рис. 2: 5). Известны они и в кургане 2 в Буртах в этом же регионе (Бокій 1977а, с. 70, рис. 2: 1). В Степи они встречены в погребении 50 могильника Скельки (Попандопуло, 2011, рис. 34: 3). Не редки они в это время и на Среднем Дону, для которого в целом характерно широкое распространение железных наконечников, численно значительно преобладающих над всеми другими (Савченко 2004, с. 178). Можно отметить находки остролистых стрел в курганах 8 у Тернового (Савченко 2001, рис. 10: 6), 11/16 Мастюгинского могильника (Пузикова 2001, рис. 21: 14), 7 близ Ближнего Стоянова (Березуцкий 1996, рис. 4: 5). Находки из Светловодского могильника относятся к IV в. до н. э.

Костяные наконечники стрел. Известно 11 предметов (1,55 % всех стрел) из 6 могил. Выделяются 3 их типа.

1. *Пулевидные втульчатые наконечники с тремя вырезами в основе* (рис. 5: III-2); 3 предмета (0,4 % всех стрел) происходят из 2 захоронений. Эта разновидность наконечников характерна прежде всего для степных скифских памятников IV в. до н. э.: курганы Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, рис. 92: 3), Бердянский (Мурзін, Фіалко 1998, рис. 1), Мелитопольський (Тереножкин, Мозолевский 1988 рис. 133: 2), 6 у Башмачки (Спицын 1901, с. 75; Мелюкова 1964, табл. 9: в, 8), 16 у Братского (Колтухов 2012, рис. 92: 3), 10 и 133 на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 1999, рис. 19: 9; Андрух 2001, рис. 90: 5). В Днепровской Правобережной Лесостепи они найдены в южном регионе — в бассейне Тясмина: курганы 4, погребение 1, у Петровки (Бокий 1977, рис. 2: 1), 13 возле Оситняжки (Галанина 1977, табл. 14: 25), 2, могила 2, группы Показовое I (Бокий 1971, рис. 2: 11). Изделия из Светловодска также относятся к IV в. до н. э.

2. *Пулевидный втульчатый наконечник с тремя вырезами в основе и утоньшенным острием*, происходящий из могилы 38 (рис. 5: III-1), видимо является вариацией описанного выше типа. Утоньшение острия могло быть произведено для усиления пробивной мощи стрелы. Примеры этому изредка известны в скифских памятниках (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, рис. 20: 6). Предметы из Светловодска датируются IV в. до н. э.

3. *Пулевидные наконечники с ровным основанием* (рис. 5: III-3); 7 экземпляров (1 %) происходят из 3 могил. Прототипы этим изделия происходят еще из предскифских древностей (Мелюкова 1964, табл. 9: 2, 3). Они широко распространены в раннескифское время, когда их находки известны с Киево-Черкасской группы: курганы 406 в Журовке (Ильинская 1975, табл. VIII: 14), Репяховатая Могила (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 6: 32,33; 14: 8), 2 возле Лазурцов (Ковпаненко 1981, рис. 26: 4). Встречаются они и в Днепровском Левобережье: насыпи Старшая Могила (Ильинская 1968, табл. II: 1—5), в Луках (Ильинская 1968А, рис. 2: 2—5). Не редки они и на Северном Кавказе: насыпи 6, 12, 14, 16, 17 у Новозаведенного (Маслов, Петренко 1998, рис. 6: 17; Петренко, Маслов, Канторович 2000, рис. 1/3: А, Б, Г; 2006, рис. 3/15: 18), погребение 3 могильника Клин-Яр 2 (Дударев, Рунич 1992, рис. 1: 26).

Продолжают бытовать они до конца скифской эпохи. Причем для IV в. до н. э. они наиболее характерны для Степной Скифии: курганы Бердянский (Чередниченко, Фиалко 1988, рис. 5: 5), Трехбратний (Бессонова 1973; рис. 2: 1), Толстая Могила (Черненко 1975, рис. 1: 14), 4, погребение 2, около Балтазаровки (Ковпаненко, Яковенко 1973, рис. 1: 6), 6, могила 2, у Днепрорудного (Кузнецова, Кузнецов 2005, рис. 4: 7) и др. В это же время, севернее, в Днепровской Правобережной Лесостепи, их находки не так часты (Петренко 1967, с. 48, рис. 34: 315—317).

Находки из Светловодска могут быть датированы IV в. до н. э.

Деревянные наконечники стрел. Два экземпляра (0,3 %) происходят из погребения 1 кургана 3. Они относятся к следующим типам:

1. *Трехгранный черешковый наконечник с треугольной головкой* (рис. 5, IV-1).

2. *Трехгранный черешковый наконечник с треугольной головкой, имеющей выемку при основании* (рис. 5: IV-2).

Деревянные наконечники — не частая находка в захоронениях скифского времени. Очевидно, это объясняется не только их редким употреблением, но и тем, что этот органический материал не сохраняется в земле. Для черешковых трехгранных наконечников с шипами в основании ближайшие аналогии находим в степных курганах IV в. до н. э.: 18 (погребение 2) у Львово (Кубышев, Николова, Полин 1982, рис. 13: 5—7), 6 (гробница 2) возле Днепрорудного (Кузнецова, Кузнецов 2005, рис. 4: 10). В это время известны и черешковые деревянные стрелы с листовидной или остролистой головкой: насыпи: 6 около Нового (Болтрик, Фиалко 2011, рис. 13: 10), Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012, рис. 545), 13, погребение 2, у Богдановской обогатительной фабрики (Тереножкин и др. 1973, рис. 43: 12).

В быту у скифов были и втульчатые деревянные наконечники: курганы 4 в Скороборе близ Бельська (Шрамко 1987, рис. 69: 11), 4, могила 3 у Ильинки (Плешивенко 1991, рис. 8: 2). В кургане 5, могиле 9, возле Григорьевки зафиксированы 2- и 3-лопастные экземпляры, причем, они, видимо, составляли одно целое со стрелами, которые были цельнодеревянными (Колотухин 2000, рис. 22: 3, 4).

Копья и дротики следующая, после наконечников стрел, по численности категория вооружения в Светловодском могильнике (рис. 6: 1—15). Встречаются они заметно реже. Всего известно 13 могил с такими находками (8 %), принадлежащих чаще всего взрослым воинам. Все они датируются IV в. до н. э. При этом, в грунтовых захоронениях они процентно малочисленнее — 10 комплексов (6,5 %). В то время как в курганах встречаются почти в 43 % могил, иллюстрируя более высокий имущественный уровень, обусловленный высшим социальным статусом. Всего найдено 13 копий и 6 дротиков. Тип еще одного предмета определить невозможно. Для грунтовых могил характерно положение либо одного, либо другого типа оружия (исключение — лишь могила 111, где они были положены вместе). В богатых курганных захоронениях они всегда положены вместе, составляя набор вооружения для разных видов боя. Иногда эти находки имели подтоки на нижнем конце (рис. 6: 16—18), или же были положены в чехлах, от которых сохранились ворворки и обойма для крепления (рис. 6: 19). В случае, когда можно было установить длину копий и дротиков, учитывая разницу между наконечниками и подтоками, она составляла 1,7—1,8 м.

Копья (рис. 6: 1—7) могли использоваться и для метания на средней дистанции, и в ближнем бою, где они давали преимущество в длине перед мечом и топором. Удобными они были и для всадников, что показано на ряде изображений на предметах скифской торевтики. Копья положены в 11 могил (6,8 %). Однако, в то время как удельный вес таких захоронений в грунтовом некрополе мал (8 комплексов; 5,2 %), в курганах они встречены едва ли не в половине случаев (3 из 7 могил; 43 %). Все комплексы датируются IV в. до н. э.

Всего найдено 13 копий (9 — грунтовые захоронения; 4 — курганы). Кроме двух случаев (м. 135; к. 3, п. 1) с парой изделий, с покойным ложилось по одному копью. Копья клали сбоку от усопшего, как справа, так и слева от костяка, у его руки, таким образом, что наконечники находились на уровне головы или выше. В большинстве установленных случаев копья помещались с взрослыми воинами, чаще — в одиночных погребениях. Вид этих комплексов достаточно типичен: погребение одного воина в отдельной яме сравнительно больших размеров, в сопровождении жертвенной пищи (иногда — с ножом) в головах, колчана — у ноги и копья. Из этого правила выделяется захоронение воина в катакомбе крупнейшего в некрополе скифского кургана 3, высотой 1,5 м. Оно входило в число наиболее богатых, и сопровождалось многочисленным инвентарем: античная и местная керамика, 3 колчанных набора, 2 копья и дротик, меч, серьга и др.

Наконечники копий изготовлены из железа, имеют в своей нижней части втулку, и относятся к следующим типам:

1. *Листовидные наконечники, с линзовидным в сечении пером (*рис. 6: 1, 3—5). Четыре экземпляра из могил 38, 105, 108, 111 составляют 57 % от изделий, атрибуция которых возможна. Длина 30—31,5 см. Они могут быть отнесены к 1 отделу, 3 типу по классификации А. И. Мелюковой. Она привела широкие даты для такой разновидности. Наибольшее число таких вещей археолог относила к концу VI — V вв. до н. э., но отмечала, что иногда они употреблялись и в IV в. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 39).

О распространении таких наконечников в среднескифское время (вторая половина VI — V вв. до н. э.) свидетельствуют находки из курганов 14 возле Башмачки (Волкобой и др. 1981, рис. 8: 4), 34 у Марганца (Голубчик, Ромашко, Шалобудов 1998, рис. 5), 499 близ Басовки (Галанина 1977, табл. 26: 8). Однако, большинство таких находок относятся все же к IV в. до н. э. В Степи они выявлены под насыпями Бабиной и Соболевой Могил (Мозолевский, Полин 2005, рис. 66: 1; 103: 2), курганов 15 в Золотой Балке (Полин 2014, рис. 70: 5), 18 (погребения 1 и 2) у Львово (Кубышев, Николова, Полин 1982, рис. 6: 10; 13: 9), в грунтовой могиле 13 у Николаевки (Мелюкова 1975, рис. 56: 3). На Северском Донце — в кургане 6 Песочинского могильника (Бабенко 2005, рис. 9: 7). В Левобережной Террассовой Лесостепи — под насы-

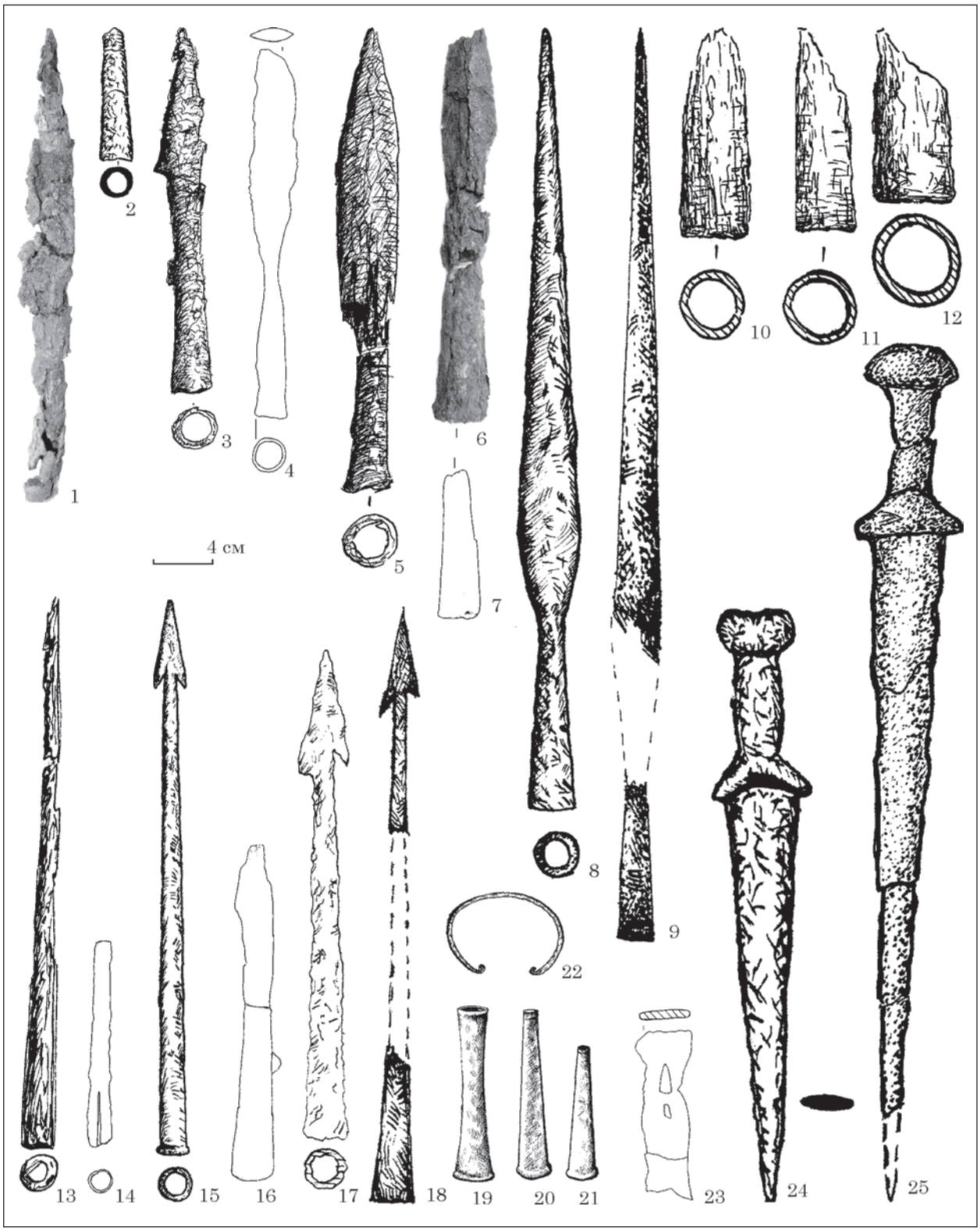

Рис. 6. Железные копья, дротики, подтоки, мечи из Светловодска: 1 — могила 38; 2 — могила 55; 3 — могила 105; 4 — могила 108; 5, 11 — могила 111; 6, 13 — курган 2, погребение 1; 7 — курган 1; 8, 9 — могила 135; 10 — могила 142; 12 — могила 117; 14 — могила 128; 15—19, 22 — курган 3, погребение 1; 21 — могила 54

пью у Ерковцев (Мозолевский 1975, рис. 2: 1). В Правобережной Лесостепи — в курганах 486 у Макеевки и 493 возле Ильинцев (Галанина 1977, табл. 9: 14; 16: 1). Светловодские наконечники IV в. до н. э. хронологически корелируются как раз с этой, более поздней, группой.

2. *Остролистые наконечники, с линзовидным в сечении пером* (рис. 6: 7а, 7б) отличаются заметно большей длинной: 54,5—65 см. Два предмета (28 %) происходят из погребения 1, кургана 1 и захоронения 1, кургана 3. Похожие остролистые наконечники относятся ко

2 отделу, 2 типу по классификации А. И. Мелюковой. Исследовательница отмечала, что наиболее ранние из таких изделий относятся к V — IV вв. до н. э., тогда как большинство датируется уже IV и IV—III вв. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 40—42).

Целый ряд наконечников из комплексов V в. до н. э. действительно маркируют появление этого типа в среднескифское время: курганы 499 у Басовки (Галанина 1977, табл. 26: 9), 3 в урочище Стайкин Верх близ Аксютинцев (Ильинская 1968, табл. VI: 21), 12 у Стеблева (Скорый 1997, рис. 42: 3) в Лесостепной Украине. А также насыпи у Арциза (Алексеева, Охотников, Редина 1997, рис. 4: 22), 3 возле Строжевого разъезда (Колотухин 2000, рис. 30: 18) в Степной Скифии.

В IV в. до н. э. наконечники этого типа значительно возрастают в численности, становясь одной из наиболее распространенных разновидностей. Именно в это время бытуют изделия сильно вытянутой формы, близкие светловодским. Значительная часть находок этого времени связана со степным регионом: курганы 1 (погребение 5) у Ольгино (Бессонова, Ковалев, Кубышев 2005, рис. 6: 2), Соболева Могила (Мозолевский, Полин 2005, рис. 103: 4), 13 (захоронение 7) у Золотой Балки (Полин 2014, рис. 45: 5, 7), 54 (могила 3) на Мамай-Горе (Андрух 2001, рис. 15: 11), 1 и 29 на Гайматовом Поле (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977, рис. 3: 15; 43: 12, 13), 18 (захоронения 1 и 2) у Львово (Кубышев, Николова, Полин, 1982, рис. 6: 11; 13: 20). Известны находки из грунтовых захоронений: 41 в Скельках (Попандопуло 2011, рис. 25: 4), 7 около Николаевки (Мелюкова 1975, рис. 56: 5, 6).

Немало наконечников этого времени происходит и из Лесостепи Восточной Европы. Значительная их группа известна в Среднем Подонье: (Савченко 2001, рис. 23: 32; 27: 4; 31: 2; Шевченко 2009, рис. 34: 1; Медведев 2001, рис. 4: 3). В Северскодонецкой группе они извесны из кургана 3 возле Старого Мерчика (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 8: 1). На Левобережной Террасе — в насыпях 4 (могила 2) у Любарецкого поселка (Ильинская 1966, рис. 4) и 3 (захоронение 1) близ с. Подолье (Фиалко 1994, рис. 8: 1). На Правобережье — из курганов 14 у Стеблева (Скорый 1997, рис. 53: 1), 429 в Журовке (Бобринской 1905, рис. 11), 1 возле Новоселки (Bydlowski 1904, ryc. 46). Светловодские наконечники IV в. до н. э., таким образом, вполне укладываются в этот хронологический контекст.

3. *Листовидный наконечник, с видимым ребром на пере* (рис. 6: 6) из гробницы 1 кургана 2. А. И. Мелюкова относила такие изделия к 1 отделу, 2 типу. По ее информации, такие предметы имеют широкую дату. Они появились в раннескифское время, получив наибольшее распространение в VI — первой половине V вв. до н. э. Немногие продолжали бытовать и в IV в. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 36—38). Эти данные, с учетом некоторого удревнения, правомерны и сегодня. Такие наконечники действительно появляются в раннескифское время, о чем убедительно свидетельствуют находки в курганах 19 (погребение 5) Келермесского могильника (Галанина, Алексеев 1990, рис. 9: 9), 453 возле Макеевки (Галанина 1977, табл. 7: 1), Старшая Могила (Ильинская 1968, табл. I: 2). О бытовании их в среднескифскую эпоху говорят находки из насыпей 491 у Макеевки (Галанина 1977, табл. 126: 1), 400 у Журовки (Мелюкова 1964, табл. 12). Отдельные находки бытуют и в IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, рис. 541). К этому же времени относиться и наконечник из Светловодского могильника [1].

Дротики (рис. 6: 12—15) использовались как метательное оружие на средней дистанции. При надобности они могли пойти в ход и в ближнем бою. Известны 6 экземпляров, происходящие из 6 погребений, что составляет 3,7 %. Во всех случаях с покойным ставили по 1 предмету. Их доля в грунтовых могилах очень мала: 3 комплекса (2 %). В то время, как для курганов они обязательны для 3 из 7 погребений (43 %). Здесь они всегда сочетаются с копьем, в то время, как в могилах без насыпи, это явление известно лишь раз. Это объясняется более высоким имущественным, и, видимо, социальным статусом лиц, погребенных в курганах. Как и копья, они ложились сбоку вдоль погребенного, у руки хозяина. Количество случаев положения справа и слева равно. Всегда наконечники дротиков имеют стандартную форму с длинной втулкой, в основании которой иногда есть утолщение, и пропорционально небольшим жаловидным пером. Это стандартная форма дротика скифского времени. Обычно дротики сопровождали взрослых воинов, видимо занимавших высокое положение в родовой группе.

А. И. Мелюкова отмечала, что дротики появились еще в раннескифское время, в доказательство чего приведены изделия этого времени из курганов 478 у Будок и 42 возле Берестняг. Некоторые изделия относятся к V в. до н. э. Но большинство датируется все же IV—III вв. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 44, 45). Вопрос появления дротиков в раннескифское время, однако, и сегодня продолжает считаться открытым. А. И. Мелюкова, как говорилось, привела в качестве таких изделия из Берестняг и Будок. В отношении не сохранившегося «дротика» (Указатель 1897, с. 11; Бобринской, 1901, с. 118) из могилы 42 в Берестнягах, Г. Т. Ковпаненко осторожно отмечала, что речь может идти все же о копье (Ковпаненко 1981, с. 9). Л. К. Галанина приписала курган 478 к Волковцам. В приведенном ей комплексе этого погребения (Гала-

1. Кроме этого, тип ряда наконечников из Светловодска установить невозможно: могилы 55, 135, 141, 142; курган 3, погребение 1.

нина 1977, табл. 23), присутствует, как кажется, и насколько можно судить по рисунку, все же копье с поломанным острием.

Распространение дротиков достоверно фиксируется в V в. до н. э. Один из них выявлен в кургане 12 у Стеблева (Скорый 1997, рис. 42: 1), Концом V в. до н. э. (Бандуровский, Буйнов 2000, с. 72), или концом V — первой половиной IV вв. до н. э. (Бабенко 2005, с. 164) датируется курган 9 Песочинского могильника. К V в. до н. э. относил появление дротиков на Среднем Дону и Е. И. Савченко (Савченко 2004, с. 171, 172).

Но абсолютное большинство дротиков датируются, безусловно, IV в. до н. э. Значительна их подборка со Степи: Желтокаменка (Мозолевский 1982, рис. 34: 21), курганы 10 у Малой Лепетихи (Евдокимов, Данилко, Могилов 2012, рис. 13: 2), Соболева Могила (Мозолевский, Полин 2005, рис. 103: 6, 8), Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012, рис. 541), 18 (гробница 2) около Львово (Кубышев, Николова, Полин 1982, рис. 13: 8), 11 у Нагорного и Хомина Могила (Мозолевский 1973, рис. 17; 34: 11), 9 (погребение 1), в Песках (Гребенников 1987, рис. 4: 2) и другие. Много их в это время и в Лесостепи Восточной Европы. В Среднем Побужье они происходят из-под насыпей 493 у Ильинцев (Галанина 1977, табл. 16: 2), 4 около Новоселки (Bydlowski 1904, ryc. 64). В Днепровском Правобережье их нашли в курганах 480 у Капитановки (Бобринской 1910, рис. 8), 13 около Стеблева (Скорый 1997, рис. 50: 1—3), 486, 487, 489 возле Макеевки (Галанина 1977, табл. 9: 15; 10: 11, 22). На Северском Донце они были под насыпями 4 в Харькове (Бабенко 2011, рис. 3: 3), 6, 18 Песочинского некрополя (Бабенко 2005, рис. 9: 8, 9; 26: 4, 5), 3 у Старого Мерчика (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 8: 2).

Много наконечников дротиков позднескифского времени локализируется на Среднем Дону: курганы 12 у Тернового, 7 и 36 в Колбино (Савченко 2001, рис. 17: 7; 31, 4; Шевченко 2009, рис. 44: 13—16), 28 у Староживотинного (Медведев 2001, рис. 4: 4), 8, 13, 17 близ Русской Тростянки, 4 около Дуровки (Пузикова 2001, рис. 12: 3; 19: 1, 2; 28: 3; 19: 2), 2 (1906 г.) Мастюгинского могильника (Манцевич 1973, рис. 3: 11). Известно это вооружение и в позднескифских курганах Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, рис. 410: 14).

Светловодские дротики синхронны основной группе этих изделий, относимых к IV в. до н. э.

Подтоки служили для предохранения нижней части древка копья или дротика. Эта укрепленная часть оружия могла служить и ударной частью в бою. Подобные изделия встречены только в 2 захоронениях (1,2 %). Один был с копьем в могиле 141. Три других — с копьями и дротиком в захоронении 1 кургана 3. На эту деталь снаряжения видимо приходилось дополнительно потраться, что делали лишь состоятельные члены племени, оставившего могильник. Ямы, в которых они погребены, входят в число наибольших. При этом, упомянутое подкурганное захоронение, как говорилось, еще и одно из наиболее богатых в некрополе. Установить, как типы подтоков соотносятся с дротиками и копьями, не удается. Выделены 2 типа подтоков.

1. Два *конических подтока* с утолщением на одном конце из кургана 3.

Это достаточно редкий тип подтока. Похожий предмет найден в кургане 9 Песочинского могильника, отнесенного к концу V — первой половине IV вв. до н. э. (Бабенко 2005, с. 164, рис. 20: 5). Кроме этого, под насыпями 486 у Макеевки (Галанина 1977, табл. 9: 16), 12 возле Старого Мерчика (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 27: 2) были конические подтоки без утолщения на одном конце. Они датируются IV в. до н. э. Эта дата правомерна и для изделий из Светловодска.

2. *Подток рюмковидной формы* из этого же комплекса. А. И. Мелюкова отмечала их характерность для Среднего Дона (Мелюкова 1964, с. 45). Это утверждение правомерно и сейчас, спустя полвека, после выхода ее работы [1]. Однако, стали известны многие находки и в других регионах. В Северскодонецкой группе — под насыпями 4 в Харькове (Бабенко 2011, рис. 3: 4), 6 и 18 около Песочина (Бабенко 2005, рис. 9: 13, 16; 26: 6), 12 возле Старого Мерчика (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 22: 2). На Левобережной Терассе — в кургане 1 (могила 6) у Борисполя (Ильинская 1966). На Правобережье Среднего Днепра — под насыпью 2 (гробница 3) возле Вишнополя (Григорьев, Скорый 2011, рис. 36: 2, 6).

Целый ряд таких подтоков происходит из Степной Скифии: курганы 9 у Марьивки (Бунятян, Фіалко 2009, рис. 5: 5), 4, погребение 2, группы Страшной Могилы (Тереножкин и др. 1973, рис. 28: 8), 11 у Нагорного, Хомина Могила (Мозолевский 1973, рис. 17: 14; 34: 11), 1, могила 2, группы Первомаевка II (Евдокимов, Фридман 1987, рис. 8: 7).

Указанные аналогии датируеются IV в. до н. э. (изредка — более широко — V—IV в. до н. э.). Что в целом подтверждает время подтоков из Светловодска в рамках IV в. до н. э. [2]

Обойма из железа видимо служила деталью крепления чехла для копий и дротика в погребении 1 кургана 3. Она имела вид округлой скобы с загнутыми концами (рис. 6: 19). В

1. На Среднем Дону находки таких подтоков происходят из курганов II (1906 г.), 23/2, 46/29 у Мастюгино (Манцевич 1973, рис. 3: 21; Пузикова 2001, рис. 3: 10; 37: 7), 6 возле Тернового, 4—6, 8, 10, 32, 40 около Колбино (Савченко 2001, рис. 116: 19, 20; 21: 31; 23: 28; 28: 2; Шевченко 2009, рис. 8: 4; 14: 35; 37: 1; 46: 3), 13 и 28 у Руской Тростянки, 1 и 4 в Дуровке (Пузикова 2001, рис. 19: 7; 28: 9; 12: 17; 19: 5), 38 возле Староживотинного (Медведев 2001, рис. 4: 9).
2. Кроме указанных выше изделий, тип подтока из светловодской могилы 141 не устанавливается.

3 случаях чехол, вероятно, затягивался шнурками, крепившимися с помощью ворворок.

Мечи и кинжалы — редкая находка в Светловодске (рис. 6: 20—22). Видимо, это вызвано невысоким социальным и имущественным положением похороненных здесь скифов. Известно только три случая положения мечей и кинжалов в могилы. Они положены в захоронения 45, 54 и погребение 1, кургана 3. Когда возможно было установить, мечи лежали слева у пояса (очевидно, там, где их и носили при жизни), и сопровождали погребения взрослых и зрелых мужчин-воинов. В могиле 54 меч был единственной находкой, если не считать положенного с жертвенным мясом ножа. Более богатым было захоронение 45. Несмотря на ограбление, тут уцелел набор стрел и бусы. Погребение в кургане 3, как отмечалось, было одним из богатейших в могильнике. В захоронениях 45 и в кургане 3 находки надежно датируются сопровождающим инвентарем IV в. до н. э. Любопытно, что только в одном захоронении меч положен вместе с копьем / дротиком. В других случаях это оружие поставлено отдельно.

От кинжала из могилы 45 уцелела только **плоская ажурная рукоять**, расширенная в средней части. Форму навершия установить сложно. А. И. Мелюкова привела находки мечей с подобной рукоятью, отнесенные к 1 отделу, 3 типу, датированному IV—III вв. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 51). Такое оформление рукояти является достаточно редким. Однако, мы можем видеть его на изделиях из практически всех регионов Европейской Скифии: курганы 4 у Новоселки в Восточноподольской группе (Бессонова 1994, рис. 5: 20); 8 в Стояновском могильнике на Среднем Дону (Березуцкий 1996, рис. 6: 2); Ковалей (Петренко 1967, рис. 33: 9) и Медвина (Ковпаненко, Левченко 1977, с. 60, 61) в Правобережье Среднего Днепра. Рукоять меча из Бердянского кургана — цельная и покрыта золотом, но на декоре просматривается сама схема ажурной рукояти, выделенная рельефом (Мурзін, Фіалко 1998, рис. 4). Похожее оформление видим и на мече с золотой рукоятью из Горняцкого (Філатов, Черненко 1972, рис. 1). Эти изделия относятся к IV вв. до н. э., определяя и время рукояти из Светловодска.

Два других *меча* относятся к типу *с треугольным лезвием, овальным навершием и треугольным перекрестием с выемкой у основания*. У найденного в кургане изделия перекрестие украшено чеканным рисунком в виде двух треугольников, обращенных вершинами к центральной оси меча. Длина изделий 43 и 51 см.

Эти изделия близки к мечам 1 отдела 3 типа по классификации А. И. Мелюковой, датировавшей их IV в. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 51, 52). Действительно, аналогии таким изделиям относяться к концу V — IV в. до н. э. Они происходят из курганов 8 у Николаевки (Мелюкова 1975, рис. 56: 8), 29 на Гайматовом поле (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977, рис. 43: 7), Бердянского (Мурзін, Фіалко 1998, рис. 4), 7, погребение 1, у Иванкова (Ильинская 1966, рис. 1), 9 возле Дуровки (Пузикова 2001, рис. 30: 2).

Кроме этого, подобную форму имеют мечи из нескольких элитных курганов, рукоять которых обложена золотом, и декорирована в зверином стиле. Другое их отличие состоит в расширенной средней части ручки. Из подобных находок можно назвать предметы из Чертомлыка (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 184—187), Толстой Могилы (Мозолевський 1979, рис. 52: 53), Бердянского кургана (Мурзін, Фіалко 1998, рис. 4), насыпь 11 у Старого Мерчика (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 20: 1). Все они также относятся к познескифскому времени. Таким образом, аналогии подтверждают датировку светловодских мечей IV в. до н. э.

Набор вооружения Светловодского могильника иллюстрирует нам военную паноплию не богатой скифской общины. Но его многочисленность говорит о высоком уровне милитаризации даже среди рядового населения Скифии.

ЛИТЕРАТУРА

Агульников, С., Сава, Е. 2004. *Исследования курганов на Левобережье Днестра.* Кишинэу.

Алексеев, А. Ю. 1991. Хронография и хронология Причерноморской Скифии V в. до н. э. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 31, с. 43-57.

Алексеев, А. Ю. 1995. Скифское погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И. Е. Забелина в 1868 году). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 32, с. 53-59.

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.).* Киев: Наукова думка.

Алексеева, И. Л., Охотников, С. Б., Редина, Е. Ф. 1997. Скифское погребение у г. Арциз. В: Яровой, В. Е. (ред.). *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.).* Тирасполь: Приднестровский государственный университет, с. 48-55.

Андрух, С. И. 2001. *Могильник Мамай-Гора.* Запорожье.

Андрух, С. І., Оанча, О. С. 1992.Скіфський могильник IV—III ст. до н. е. поблизу с. Дивізія. В: Станко, В. Ф. (ред.). *Археологія південного заходу України.* Київ: Наукова думка, с. 82-92.

Андрух, С. И., Тощев, Г. Н. 1999. *Могильник Мамай-Гора.* Запорожье.

Андрух, С. И., Тощев, Г. Н. 2004. *Могильник Мамай-Гора.* Запорожье.

Бабенко, Л. И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени.* Харьков: Райдер.

Бабенко, Л. І. 2011. Кургани скіфського часу на північно-східній околиці Харкова. *Археологія*, 2, с. 84-95.

Бандуровский, А. В., Буйнов Ю. В. 2000. *Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант).* Киев.

Бандуровский, А. В., Буйнов, Ю. В., Дегтярь, А. К. 1998. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина. В: Буйнов, Ю. В., Шрамко, Б. А., Бандуровский, А. В., Михеев, В. К. (ред.). *Люботинское городище.* Харьков: Регион-информ, с. 143-182.

Батчаев, В. М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов. *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии*, 2, с. 7-115.

Березуцкий, В. Д., Разуваев, Ю. Д. 2004. Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху.* Москва: ИА РАН, с. 53-68.

Березуцкий, В. Д. 1996. Курганы скифского времени у села Ближнее Стояново. В: Синюк, А. Т. (ред.). *Археологические исследования Высшей педагогической школы.* Воронеж, с. 162-180.

Березуцкий, В. Д. 2009. Исследование курганов скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону в 2006 г. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху.* Москва: ИА РАН, с. 141-152.

Бессонова, С. С. 1973. Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности.* Киев: Наукова думка, с. 243-252.

Бессонова, С. С. 1994. Курганы Лесостепного Побужья. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов.* Киев: ИА АН Украины, с. 3-33.

Бессонова, С. С., Ковальов, М. В., Кубишев, А. І. 2005. Кургани біля с. Ольгине (скіфські поховання). *Археологія*, 3, с. 38-51.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1986. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму. *Советская археология*, 4, с. 158-169.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Киев: Скиф.

Білан, Ю. О., Солтис, О. Б. 1998. Скіфські кургани поблизу с. Мар'янівка на Миколаївщині. *Археологія*, 1, с. 82-98.

Бобринской, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.* Санкт-Петербург, III.

Бобринской, А. А. 1905. Отчет о раскопках близ сел Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии). *Известия археологической комиссии*, 17, с. 17-98.

Бобринской, А. А. 1910. Исследования в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1907 году. *Известия археологической комиссии*, 35, с. 48-60.

Бокий, Н. М. 1977a. Скифские курганы в бассейне р. Большая Высь на Кировоградщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифы и сарматы*, Киев: Наукова думка, с. 200-207.

Бокій, Н. М. 1977b. Розкопки курганів у верхів'ях басейну Тясмина. *Археологія*, 22, с. 65-73.

Бокий, Н. М. 1980. Позднескифский бескурганный могильник у г. Светловодска. *Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР*, с. 101.

Бокій, Н. М., Могилов, О. Д. 2014. Перший сезон робіт на Світловодському могильнику. В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Феномен Більського городища.* Київ; Полтава: ЦП НАНУ і УТОПІК, с. 26-29.

Бокій, Н. М., Могилов, О. Д., Панченко, К. І. 2013. Колективне поховання скіфського часу в Лісостеповому Правобережному Подніпров'ї. В: Травінський, В. С. (ред.). *Археологія і фортифікація Середнього Подністров'я.* Кам'янець-Подільський: Медобори-2006, с. 17-24.

Болтрик, Ю. В., Фиалко, Е. Е. 2011. Курганы среднего течения р. Тащенак (по материалам раскопок Приазовской экспедиции ИА НАНУ). *Stratum plus*, 3, с. 127-174.

Бунятян, К. П., Фіалко, О. О. 2009. Скіфський курган з розмальованим саркофагом. *Археологія*, 3, с. 55-69.

Волкобой, С. С., Лихачев, В. А., Шалобудов, В. Н. 1979. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине. *Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э.*, 3, с. 45-60.

Волкобой, С. С., Лихачев, В. А., Шалобудов, В. Н., Андросов, А. В. 1981. Могильник у с. Башмачка. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках.* Днепропетровск: Днепропетровский университет, с. 45-60.

Галанина, Л. К. 1977. *Скифские древности Приднепровья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—33.

Галанина, Л. К., Алексеев, А. Ю. 1990. Новые материалы к истории Закубанья в скифское время. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 30, с. 34-54.

Голубчик, Л. М., Ромашко, В. А., Шалобудов В. М. 1998. Дослідження скіфських курганів поблизу м. Марганець Дніпропетровської області. *Археологічні відкриття в Україні 1997—1998 рр.*, с. 15.

Гребенников, Ю. С. 1987. Курганы скифской знати в Поингулье. В: Шапошникова, О. Г. (ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины.* Киев: Наукова думка, с. 149-158.

Гречко, Д. С., Шелехань, А. В. 2012. *Гришковский могильник скифов на Харьковщине.* Киев: ИА НАНУ.

Григорьев, В. П., Скорый, С. А. 2011. Скифские курганы у с. Вишнополь на юге Днепровской Правобережной Лесостепи. *Stratum plus*, 3, с. 175-212.

Дударев, С. Л. Рунич, А. П. 1992. *К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII—V вв. до н. э. (на примере Пятигорья).* Грозный.

Євдокимов, Г. Л., Данилко, Н. М., Могилов, О. Д. 2012. Скіфський курган 10 біля с. Мала Лепетиха у Нижньому Подніпров'ї. *Археологія*, 2, с. 76-95.

Евдокимов, Г. Л., Мурзин, В. Ю. 1984. Раннескифское погребение с оружием в Херсонской области. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с. 75-82.

Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, с. 85-115.

Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1991. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, К. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии.* Киев: Наукова думка, с. 72-97.

Ильинская, В. А. 1966. Скифские курганы около г. Борисполя. *Советская археология*, 3, с. 152-171.

Ильинская, В. А. 1968a. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья.* Киев: Наукова думка.

Іллінська, В. А. 1968b. Із ненадрукованих матеріалів скіфського часу в Лівобережному Лісостепу. *Археологія*, XXI, с. 147-163.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.* Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ.* Киев: Наукова думка, с. 31-64.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1982. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Каминский, В. Н. 1987. Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара. *Советская археология*, 2, с. 254-259.

Ковалева, И. Ф., Волкобой, С. С., Костенко, В. И., Шалобудов, В. Н. 1978. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский». В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Курганные древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. е.).* Днепропетровск: ДГУ, с. 4-31.

Ковалева, И. Ф., Мухопад, С. Е. 1979. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э.* Днепропетровск: ДГУ, с. 111-123.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Батуревич, Є. Ю. 1997. Нові кургани раннього залізного віку в Пороссі. *Археологія*, 2, с. 91-106.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1994. Новые курганы раннего железного века в Поросье. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов.* Киев: ИА АН Украины, с. 41-62.

Ковпаненко, Г. Т., Левченко, Б. М. 1977. Скіфський меч з с. Медвин. *Археологія*, 23, с. 60-61.

Ковпаненко, Г. Т., Яковенко, Э. В. 1973. Скифские курганы на юге Херсонщины. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские Древности.* Киев: Наукова думка, с. 253-265.

Козир, І. А. 2014. Ритуальне поховання 145 з ґрунтового могильника поблизу м. Світловодськ Кіровоградської області. В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Феномен Більського городища.* Київ; Полтава: ЦП НАНУ і УТОПІК, с. 61-64.

Колотухин, В. А. 2000. *Киммерийцы и скифы Степного Крыма (Подкурганные погребения Степного Крыма начала железного века): Материалы по археологии Крыма.* Симферополь: Сонат.

Колтухов, С. Г. 2012a. *Скифы Северо-Западного Крыма в VII—IV вв. до н. э. (погребальные памятники).* Донецк. Археологический альманах, 27.

Колтухов, С. Г. 2012b. *Скифы Крымского Присивашья в VII—IV вв. до н. э. Погребальные памятники.* Симферополь: Феникс.

Кореняко, В. А., Лукьяшко, С. И. 1982. Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона. *Советская археология*, 3, с. 149-164.

Кубышев, А. И., Бессонова, С. С., Ковалев, Н. В. 2009. *Братолюбовский курган.* Киев: ИА НАНУ.

Кубышев, А. И., Николова, А. В., Полин, С. В. 1982. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии.* Киев: Наукова думка, с. 130-148.

Кузнецова, Т. М., Кузнецов, С. В. 2005. Курганы скифского времени у пос. Днепрорудный и Большая Белозерка (краткий очерк). В: Гуляев, В. И. *Древности Евразии от средней бронзы до средневековья.* Москва: ИА РАН, с. 317-332.

Кулатова, І. М., Супруненко, О. Б. 2010. *Кургани скіфського часу західної округи Більського городища.* Київ.

Лесков, А. М., Беглова, Е. А., Ксенофонтова, И. В., Эрлих, В. Р. 2013. *Меоты Закубанья в IV—III веках до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы.* Москва: ГМВ.

Максименко, В. Е. 1983. *Савроматы и сарматы на Нижнем Дону.* Ростов-на-Дону: Ростовский университет.

Манцевич, А. П. 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 15, с. 12-46.

Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха.* Ленинград: Искусство.

Маслов, В. Е., Петренко, В. Г. 1998. Курган 12 могильника Новозаведенное II. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*, I, с. 211-227.

Махортих, С., Мурзін, В., Ролле, Р. 1998. Скіфський курган поблизу Більська (Перещепинський могильник). В: Романюк, М. М. (ред.). *Збірник праць і матеріалів на пошану Лариси Іванівни Крушельницької.* Львів, с. 46-57.

Махортих, С., Тупчієнко, І. 1998. Скіфські кургани біля с. Молодовки на Кіровоградщині. *Записки наукового товариства Шевченка*, CCXXXV, с. 487-503.

Медведев, А. П. 2001. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени. *Верхнедонской археологический сборник*, 2, с. 4-14.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Мелюкова, А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка.* Москва: Наука.

Мелюкова, А. И. 1981. *Краснокутский курган.* Москва: Наука.

Могилов, О. Д. 2018. Поховальний обряд Світловодського могильника. *І Всеукраїнський археологічний з'їзд*, с. 119-120.

Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 187-234.

Мозолевский, Б. Н. 1975. Скифский курган у с. Ерковцы на Киевщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 211-215.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила.* Київ: Наукова думка.

Мозолевский, Б. Н. 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.). В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ.* Киев: Наукова думка, с. 70-155.

Мозолевский, Б. Н. 1982. Скифский царский курган Желтокаменка. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии.* Киев: Наукова думка, с. 179-222.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна, и Соболева Могилы).* Киев: Стилос.

Мурзин, В. Ю., Ролле, Р., Херц, В., Махортых, С. В., Белозор, В. П. 1998. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1997 г.* Киев: ИА НАНУ.

Мурзин, В. Ю., Ролле, Р., Херц, В., Скорый, С. А., Махортых, С. В., Белозор, В. П. 2002. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2001 г.* Киев: ИА НАНУ.

Мурзін, В. Ю., Фіалко, О. Є. 1998. Зброя з Бердянського кургану. *Археологія*, 3, с. 103-112.

Назаров, О. В. 2001. Могильник скіфського часу у с. Зелена Діброва на Черкащині. *Археологічні відкриття в Україні 1999—2000 рр.*, с. 172-174.

Остапенко, М. А. 1995. Скифские памятники северной части о. Хортица. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*, V, с. 53-67.

Панченко, К. І. 2015. Скіфське поховання в двокамерній катакомбі з ґрунтового могильника біля м. Світловодськ. *Археологія і давня історія України*, 2 (15), с. 219-222.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Петренко, В. Г., Маслов, В. Е., Канторович, А. Р. 2000. Хронология Центральной группы курганов могильника Новозаведенное. В: Гуляев, В И., Ольховский, В. С. (ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.* Москва: ИА РАН, с. 238-248.

Плешивенко, А. Г. 1991. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*, II, с. 143-152.

Покровська, Є. Ф. 1957. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу Шполи. *Археологія*, IX, с. 148-153.

Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине.* Киев: О. Филюк.

Полин, С. В., Кубышев, А. И. 1997. *Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье).* Киев.

Полтавець, В. І. 2004. Скіфська катакомба в кургані біля Чигирина. В: Скорий, С. А. (ред.). *Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології (матеріали Міжнародної наукової конференції).* Київ: Корвін-Прес, с. 64-67.

Попандопуло, З. Х. 2011. *Скифский грунтовый могильник Скелькы.* Запорожье.

Попандопуло, З. Х. 2012. Благовещенский I грунтовый могильник (по материалам исследований А. В. Бодянского). *Музейний вісник*, 12, с. 63-72.

Прокофьев, Р. В. 2014. *Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году.* Ростов-на-Дону: Альтаир.

Пузикова, А. И. 2001. *Курганы скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов).* Москва: Индирик.

Савченко, Е. И. 2001. Могильник скифского времени «Терновое I — Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд). В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг.* Москва: ИА РАН, с. 53-143.

Савченко, Е. И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг.* Москва: ИА РАН, с. 151-257.

Синика, В. С., Тельнов, Н. П. 2015. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV — II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 180-190.

Скорый, С. А. 1997. *Стеблев: скифский могильник в Поросье.* Киев: ИА НАНУ.

Скуднова, В. М. 1960. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии. *Записки Одесского археологического общества*, 1 (34), с. 60-74.

Спицин, А. А. 1901. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда. *Известия археологической комиссии*, 1, с. 69-79.

Спицин, А. А. 1906. Серогозские курганы. *Известия археологической комиссии*, 19, с. 157-174.

Суничук, Е. Ф., Фокеев, М. М. 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная. Черняков, И. Т. (ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, с. 103-120.

Супруненко, О. Б. 1996. Розкопки Більського курганного некрополю «Б». В: Супруненко, О. Б. *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.* Полтава: Археологія, с. 88-120.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глинное.* Тирасполь: Stratum plus.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А., Черненко, Е. В., Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности.* Киев: Наукова думка, с. 113-186.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н. 1977. Скифский могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.). В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифы и сарматы.* Киев: Наукова думка, с. 152-199.

Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. Н. 1988. *Мелитопольский курган.* Киев: Наукова думка.

Указатель… 1897. *Указатель к коллекции древностей из раскопок и случайных приобретений Е. А. Зноско-Боровского.* Канев: Типография А. К. Нестерова.

Фабриціус, І. 1949. Тясминська експедиція. *Археологічні пам'ятки УРСР*, II, с. 80-111.

Фиалко, Е. Е. 1991. Погребения женщин с оружием у скифов. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии.* Киев: Наукова думка, с. 4-18.

Фиалко, Е. Е. 1994. *Памятники скифской эпохи Приднепровской Террассовой Лесостепи.* Киев.

Фиалко, Е. Е. 2012. Вооруженные женщины раннего железного века в Северном Причерноморье: социальный аспект. *Tyragetia*, VI (XXI), с. 27-44.

Фиалко, Е. Е. 2014. Могилы вооруженных женщин Рогачикского курганного поля. *Археологія і давня історія України*, 1 (12), с. 25-39.

Філатов, О. П., Черненко, Є. В. 1972. Скіфський курган на Ворошиловградщині. *Археологічні дослідження в Україні 1969 року*, IV, с. 122-125.

Чередниченко, Н. Н., Фиалко, Е. Е. 1988. Погребение жрицы из Бердянского кургана. *Советская археология*, 2, с. 149-166.

Черненко, Е. В. 1975. Оружие из Толстой Могилы. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 152-173.

Шевченко, А. А. 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего дона в скифскую эпоху*. Москва: ИА РАН, с. 26-111.

Шрамко, Б. А. 1973. Восточное укрепление Бельского городища. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские Древности.* Киев: Наукова думка, с. 82-113.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).* Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 2009. Железные наконечники стрел Скифии. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа.* Киев; Полтава: ИА НАНУ, с. 283-393.

Эрлих, В. Р. 2007. Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и хронологии. В: Козенкова, В. И., Малашев, В. Ю. *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке.* Москва: Таус, с. 344-356.

Яковенко, Е. В. 1980. Нові досягнення боспорознавства і проблема скіфів Східного Криму. *Археологія*, 33, с. 46-52.

Яковенко, Э. В., Черненко, Е. В., Корпусова, В. Н. 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. Лесков, А. М. (ред.). *Древности Восточного Крыма.* Киев: Наукова думка, с. 136-179.

Bydłowski, A. 1904. Mogily w Nowosiolce. *Swiatowit*, V, s. 59-80.

REFERENCES

Agulnikov, S., Sava, E. 2004. *Issledovaniya kurganov na Levoberezhye Dnestra.* Kishineu.

Alekseyev, A. Yu. 1991. Khronografiya i khronologiya Prichernomorskoy Skifii V v. do n. e. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 31, s. 43-57.

Alekseyev, A. Yu. 1995. Skifskoye pogrebeniye V v. do n. e. v kurgane Malaya Tsimbalka (raskopki I. E. Zabelina v 1868 godu). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 32, s. 53-59.

Alekseyev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.).* Kiev: Naukova dumka.

Alekseyeva, I. L., Okhotnikov, S. B., Redina, E. F. 1997. Skifskoye pogrebeniye u g. Artsiz. In: Yarovoy, V. E. (ed.). *Chobruchskiy arkheologicheskiy kompleks i voprosy vzaimovliyaniya antichnoy i varvarskoy kultur (IV v. do n. e. — IV v. n. e.).* Tiraspol: Pridnestrovskiy gosudarstvennyy universitet, s. 48-55.

Andrukh, S. I. 2001. *Mogilnik Mamay-Gora*. Zaporozhye.

Andrukh, S. I., Oancha, O. S. 1992.Skifskyi mohylnyk IV—III st. do n. e. poblyzu s. Dyviziia. In: Stanko, V. F. (ed.). *Arkheolohia pivdennoho zakhodu Ukrainy*. Kyiv: Naukova dumka, s. 82-92.

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 1999. *Mogilnik Mamay-Gora.* Zaporozhye.

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 2004. *Mogilnik Mamay-Gora.* Zaporozhye.

Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskiy kurgannyy mogilnik skifskogo vremeni.* Kharkov: Rayder.

Babenko, L. I. 2011. Kurgani skifskogo chasu na pivnichnoskhidniy okolitsi Kharkova. *Arkheologiya*, 2, s. 84-95.

Bandurovskiy, A. V., Buynov, Yu. V. 2000. *Kurgany skifskogo vremeni (severskodonetskiy variant).* Kiev.

Bandurovskiy, A. V., Buynov, Yu. V., Degtyar, A. K. 1998. Novyye issledovaniya kurganov skifskogo vremeni v okrestnostyakh g. Lyubotina. In: Buynov, Yu. V., Shramko, B. A., Bandurovskiy, A. V., Mikheyev, V. K. (eds.). *Lyubotinskoye gorodishche.* Kharkov: Region-inform, s. 143-182.

Batchayev, V. M. 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii*, 2, s. 7-115.

Berezutskiy, V. D. 1996. Kurgany skifskogo vremeni u sela Blizhneye Stoyanovo, In: Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya Vysshey pedagogicheskoy shkoly.* Voronezh, s. 162-180.

Berezutskiy, V. D. 2009. Issledovaniye kurganov skifskogo vremeni u khut. Dubovoy na Srednem Donu v 2006 g. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu.* Moskva: IA RAN, s. 141-152.

Berezutskiy, V. D., Razuvayev, Yu. D. 2004. Kurgannyy mogilnik skifskogo vremeni u khut. Dubovoy na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu.* Moskva: IA RAN, s. 53-68.

Bessonova, S. S. 1973. Pogrebeniye IV v. do n. e. iz Trekhbratnego kurgana. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 243-252.

Bessonova, S. S. 1994. Kurgany Lesostepnogo Pobuzhia. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov.* Kiev: IA AN Ukrainy, s. 3-33.

Bessonova, S. S., Kovalov, M. V., Kubyshev, A. I. 2005. Kurhany bilia s. Olhyne (skifski pokhovannia). *Arkheolohia*, 3, s. 38-51.

Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1986. Pogrebeniye skifskogo voina iz Aktashskogo mogilnika v Vostochnom Krymu. *Sovetskaya arkheologiya*, 4, s. 158-169.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila.* Kiev: Skif.

Bilan, Yu. O., Soltys, O. B. 1998. Skifski kurhany poblyzu s. Mar'ianivka na Mykolaivshchyni. *Arkheolohia*, 1, s. 82-98.

Bobrinskoy, A. A. 1901. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely.* Sankt-Peterburg, III.

Bobrinskoy, A. A. 1905. Otchet o raskopkakh bliz sel Zhurovki i Kapitanovki (Chigirinskogo uyezda Kievskoy gubernii). *Izvestiya arkheologicheskoy komissii*, 17, s. 17-98.

Bobrinskoy, A. A. 1910. Issledovaniya v Chigirinskom uyezde Kievskoy gubernii v 1907 godu. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii*, 35, s. 48-60.

Bokiy, N. M. 1977. Skifskiye kurgany v basseyne r. Bolshaya Vys na Kirovogradshchine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skify i sarmaty.* Kiev: Naukova dumka, s. 200-207.

Bokii, N. M. 1977A. Rozkopky kurhaniv u verkhiviakh baseinu Tiasmyna. *Arkheolohia*, 22, s. 65-73.

Bokiy, N. M. 1980. Pozdneskifskiy beskurgannyy mogilnik u g. Svetlovodska. *Arkheologicheskiye issledovaniya na Ukraine v 1978—1979 gg. Tezisy dokladov XVIII konferentsii Instituta arkheologii AN USSR*, s. 101.

Bokii, N. M., Mohylov, O. D. 2014. Pershyi sezon robit na Svitlovodskomu mohylnyku. In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Fenomen Bilskoho horodyshcha.* Kyiv; Poltava: TsP NANU i UTOPIK, s. 26-29.

Bokii, N. M., Mohylov, O. D., Panchenko, K. I. 2013. Kolektyvne pokhovannia skifskoho chasu v Lisostepovomu Pravoberezhnomu Podniprov'i. In: Travinskyi, V. S. (ed.). *Arkheolohia i fortyfikatsiia Serednoho Podnistrovia.* Kamianets-Podilskyi: Medobory-2006, s. 17-24.

Boltrik, Yu. V., Fialko, E. E. 2011. Kurgany srednego techeniya r. Tashchenak (po materialam raskopok Priazovskoy ekspeditsii IA NANU). *Stratum plus*, 3, s. 127-174.

Bunyatyan, K. P., Fialko, O. O. 2009. Skifskiy kurgan z rozmalovanim sarkofagom. *Arkheologiya*, 3, s. 55-69.

Volkoboy, S. S., Likhachev, V. A., Shalobudov, V. N. 1979. Skifskiy mogilnik «Slavyanka» u s. Sholokhovo na Dnepropetrovshchine. *Kurgannyye drevnosti Stepnogo Podneprovia III—I tys. do n. e.*, 3, s. 45-60.

Volkoboy, S. S., Likhachev, V. A., Shalobudov, V. N., Androsov, A. V. 1981. Mogilnik u s. Bashmachka. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Stepnoye Podneprovye v bronzovom i rannem zheleznom vekakh.* Dnepropetrovsk: Izdatelstvo Dnepropetrovskogo universiteta, s. 45-60.

Galanina, L. K. 1977. *Skifskiye drevnosti Pridneprovia.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—33.

Galanina, L. K., Alekseyev, A. Yu. 1990. Novyye materialy k istorii Zakubania v skifskoye vremya. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 30, s. 34-54.

Holubchyk, L. M., Romashko, V. A. Shalobudov, V. M. 1998. Doslidzhennia skifskykh kurhaniv poblyzu m. Marhanets Dnipropetrovskoi oblasti. *Arkheolohichni vidkryttia v Ukraini 1997—1998 rr.*, s. 15.

Grebennikov, Yu. S. 1987. Kurgany skifskoy znati v Poingulye. In: Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Drevneyshiye skotovody stepey yuga Ukrainy.* Kiev: Naukova dumka, s. 149-158.

Grechko, D. S., Shelekhan, A. V. 2012. *Grishkovskiy mogilnik skifov na Kharkovshchine.* Kiev: IA NANU.

Grigoryev, V. P., Skoryy, S. A. 2011. Skifskiye kurgany u s. Vishnopol na yuge Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi. *Stratum plus*, 3, s. 175-212.

Dudarev, S. L., Runich, A. P. 1992. *K voprosu o stepnom vliyanii na vooruzheniye i voysko severokavkaztsev v VII—V vv. do n. e. (na primere Pyatigoria).* Groznyy.

Evdokymov, H. L., Danylko, N. M., Mogylov, O. D. 2012. Skifskyi kurhan 10 bilia s. Mala Lepetykha u Nyzhnomu Podniprov'i. *Arkheolohia*, 2, s. 76-95.

Evdokimov, G. L., Murzin, V. Yu. 1984. Ranneskifskoye pogrebeniye s oruzhiyem v Khersonskoy oblasti. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Vooruzheniye skifov i sarmatov.* Kiev: Naukova dumka, s. 75-82.

Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1987. Skifskiye kurgany u s. Pervomayevka na Khersonshchine. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomoria.* Kiev: Naukova dumka, s. 85-115.

Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1991. Kurgany skifskogo vremeni u s. Pervomayevka na Khersonshchine. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, K. P. (eds.). *Kurgany Stepnoy Skifii.* Kiev: Naukova dumka, s. 72-97.

Ilinskaya, V. A. 1966. Skifskiye kurgany okolo g. Borispolya. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 152-171.

Ilinskaya, V. A. 1968a. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhia.* Kiev: Naukova dumka.

Illinska, V. A. 1968b. Iz nenadrukovanykh materialiv skifskoho chasu v Livoberezhnomu Lisostepu. *Arkheolohia*, XXI, s. 147-163.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskiye kurgany basseyna r. Tyasmin.* Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Ter-

enozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz.* Kiev: Naukova dumka, s. 31-64.

Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1982. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kaminskiy, V. N. 1987. Pogrebalnyye kompleksy iz okrestnostey Krasnodara. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 254-259.

Kovaleva, I. F., Volkoboy, S. S., Kostenko, V. I., Shalobudov, V. N. 1978. Arkheologicheskiye issledovaniya v zone stroitelstva orositelnoy sistemy uchkhoza «Samarskiy». In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Kurgannyye drevnosti Stepnogo Podneprovia (III—I tys. do n. e.).* Dnepropetrovsk: DGU, s. 4-31.

Kovaleva, I. F., Mukhopad, S. E. 1979. Skifskiye pamyatniki Orelsko-Samarskogo mezhdurechia. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Kurgannyye drevnosti Stepnogo Podneprovia III—I tys. do n. e.* Dnepropetrovsk: DGU, s. 111-123.

Kozyr, I. A. 2014. Rytualne pokhovannia 145 z gruntovoho mohylnyka poblyzu m. Svitlovodsk Kirovohradskoi oblasti. In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Fenomen Bilskoho horodyshcha.* Kyiv; Poltava: TsP NANU i UTOPIK, s. 61-64.

Kovpanenko, H. T., Bessonova, S. S., Baturevych, Ye. Yu. 1997. Novi kurhany rannoho zaliznoho viku v Porossi. *Arkheolohia*, 2, s. 91-106.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1994. Novyye kurgany rannego zheleznogo veka v Porosye. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov.* Kiev: IA AN Ukrainy, c. 41-62.

Kovpanenko, H. T., Levchenko, B. M. 1977. Skifskyi mech z s. Medvyn. *Arkheolohia*, 23, s. 60-61.

Kovpanenko, G. T., Yakovenko, E. V. 1973. Skifskiye kurgany na yuge Khersonshchiny. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye Drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 253-265.

Kolotukhin, V. A. 2000. *Kimmeriytsy i skify Stepnogo Kryma (Podkurgannyye pogrebeniya Stepnogo Kryma nachala zheleznogo veka): Materialy po arkheologii Kryma.* Simferopol: Sonat.

Koltukhov, S. G. 2012a. *Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII—IV vv. do n. e. (pogrebalnyye pamyatniki).* Doneck. Arkheologicheskiy almanakh, 27.

Koltukhov, S. G. 2012b. *Skify Krymskogo Prisivashia v VII—IV vv. do n. e. Pogrebalnyye pamyatniki.* Simferopol: Feniks.

Korenyako, V. A., Lukiashko, S. I. 1982. Novyye materialy ranneskifskogo vremeni na Levoberezhye Nizhnego Dona. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 149-164.

Kubyshev, A. I., Bessonova, S. S., Kovalev, N. V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan.* Kiev: IA NANU.

Kubyshev, A. I., Nikolova, A. V., Polin, S. V. 1982. Skifskiye kurgany u s. Lvovo na Khersonshchine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepnoy Skifii.* Kiev: Naukova dumka, s. 130-148.

Kuznetsova, T. M., Kuznetsov, S. V. 2005. Kurgany skifskogo vremeni u pos. Dneprorudnyy i Bolshaya Belozerka (kratkiy ocherk). In: Gulyayev, V. I. *Drevnosti Evrazii ot srednev bronzy do srednevekovia.* Moskva: IA RAN, s. 317-332.

Kulatova, I. M., Suprunenko, O. B. 2010. *Kurhany skifskoho chasu zakhidnoi okruhy Bilskoho horodyshcha.* Kyiv.

Leskov, A. M., Beglova, E. A., Ksenofontova, I. V., Erlikh, V. R. 2013. *Meoty Zakubania v IV—III vekakh do n. e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritualnyye kompleksy.* Moskva: GMV.

Maksimenko, V. E. 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu.* Rostov-na-Donu: Rostovskij universitet.

Mantsevich, A. P. 1973. Mastyuginskiye kurgany po materialam iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 15, s. 12-46.

Mantsevich, A. P. 1987. *Kurgan Solokha.* Leningrad: Iskusstvo.

Maslov, V. E., Petrenko, V. G. 1998. Kurgan 12 mogilnika Novozavedennoye II. *Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza*, I, s. 211-227.

Makhortykh, S., Murzin, V., Rolle, R. 1998. Skifskyi kurhan poblyzu Bilska (Pereshchepynskyi mohylnyk). In: Romaniuk, M. M. (ed.). *Zbirnyk prats i materialiv na poshanu Larysy Ivanivny Krushelnytskoi.* Lviv, s. 46-57.

Makhortykh, S., Tupchiienko, I. 1998. Skifski kurhany bilia s. Molodovky na Kirovohradshchyni. *Zapysky naukovogo tovarystva Shevchenka*, CCXXXV, s. 487-503.

Medvedev, A. P. 2001. Raskopki Starozhivotinnogo mogilnika skifskogo vremeni. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik*, 2, s. 4-14.

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzheniye skifov.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—4.

Melyukova, A. I. 1975. *Poseleniye i mogilnik skifskogo vremeni u s. Nikolayevka.* Moskva: Nauka.

Melyukova, A. I. 1981. *Krasnokutskiy kurgan.* Moskva: Nauka.

Mogylov, O. D. 2018. Pokhovalnyi obriad Svitlovodskoho mohylnyka. *I Vseukrainskyi arkheolohichnyi zjizd*, s. 119-120.

Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskiye pogrebeniya u s. Nagornoye bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 187-234.

Mozolevskiy, B. N. 1975. Skifskiy kurgan u s. Erkovtsy na Kievshchine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiy mir.* Kiev: Naukova dumka, s. 211-215.

Mozolevskyi, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla.* Kyiv: Naukova dumka.

Mozolevskiy, B. N. 1980. Skifskiye kurgany v okrestnostyakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrvshchine (raskopki 1972—1975 gg.). In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz.* Kiev: Naukova dumka, s. 70-155.

Mozolevskiy, B. N. 1982. Skifskiy tsarskiy kurgan Zheltokamenka. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepnoy Skifii.* Kiev: Naukova dumka, s. 179-222.

Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina. Vodyana. i Soboleva Mogily).* Kiev: Stilos.

Murzin, V. Yu., Rolle, R., Kherts, V., Makhortykh, S. V., Belozor, V. P. 1998. *Issledovaniya sovmestnoy Ukrainsko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1997 g.* Kiev: IA NANU.

Murzin, V. Yu., Rolle, R., Kherts, V., Skoryy, S. A., Makhortykh, S. V., Belozor, V. P. 2002. *Issledovaniya sovmestnoy Ukrainsko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2001 g.* Kiev: IA NANU.

Murzin, V. Yu., Fialko, O. Ye. 1998. Zbroia z Berdianskoho kurhanu. *Arkheolohia*, 3, s. 103-112.

Nazarov, O. V. 2001. Mohylnyk skifskoho chasu u s. Zelena Dibrova na Cherkashchyni. *Arkheolohichni vidkryttia v Ukraini 1999—2000 rr.*, s. 172-174.

Ostapenko, M. A. 1995. Skifskiye pamyatniki severnoy chasti o. Khortitsa. *Drevnosti Stepnogo Prichernomoria i Kryma*, V, s. 53-67.

Panchenko, K. I. 2015. Skifske pokhovannia v dvokamernii katakombi z gruntovoho mohylnyka bilia m. Svitlovodsk. *Arkheolohia i davnia istoria Ukrainy*, 2 (15), s. 219-222.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhye Srednego Pridneprovia v V—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—4.

Petrenko, V. G., Maslov, V. E., Kantorovich, A. R. 2000. Khronologiya Tsentralnoy gruppy kurganov mogilnika Novozavedennoye. In: Gulyayev, V. I., Olkhovskiy, V. S. (eds.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n. e.* Moskva: IA RAN, s. 238-248.

Pleshivenko, A. G. 1991. Issledovaniye skifskikh kurganov v Dneprovskom Nadporozhye. *Drevnosti Stepnogo Prichernomoria i Kryma*, II, s. 143-152.

Pokrovska, Ye. F. 1957. Rozkopky kurhaniv V st. do n. e. poblyzu Shpoly. *Arkheolohia*, IX, 148-153.

Polin, S. V. 1987. Khronolohiia rannoskifskykh pam'iatok. *Arkheolohia*, 59, s. 17-36.

Polin, S. V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogilnik V—IV vv. do n. e. na Khersonshchine.* Kiev: O. Filyuk.

Polin, S. V., Kubyshev, A. I. 1997. *Skifskiye kurgany Utlyukskogo mezhdurechia (v severo-zapadnom Priazovye).* Kiev.

Poltavets, V. I. 2004. Skifska katakomba v kurgani bilya Chigirina. In: Skoriy, S. A. (ed.). *Vid Kimmerii do Sarmatii. 60 rokiv viddilu skifo-sarmatskoi arkheologii (materiali Mizhnarodnoi naukovoi konferentsii).* Kyiv: Korvin-Pres, s. 64-67.

Popandopulo, Z. Kh. 2011. *Skifskiy gruntovyy mogilnik Skelki.* Zaporozhye.

Popandopulo, Z. Kh. 2012. Blagoveshchenskiy I gruntovyy mogilnik (po materialam issledovaniy A. V. Bodyanskogo). *Muzeyniy visnik*, 12, s. 63-72.

Prokofyev, R. V. 2014. *Raskopki u khutora Dugino v delte Dona v 2009 godu.* Rostov-na-Donu: Altair.

Puzikova, A. I. 2001. *Kurgany skifskogo vremeni Srednego Podonia (publikatsiya kompleksov).* Moskva: Indirik.

Savchenko, E. I. 2001. Mogilnik skifskogo vremeni «Ternovoye I — Kolbino I» na Srednem Donu (pogrebalnyy obryad). In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 1993—2000 gg.* Moskva: IA RAN, s. 53-143.

Savchenko, E. I. 2004. Vooruzheniye i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 2001—2003 gg.* Moskva: IA RAN, s. 151-257.

Sinika, V. S., Telnov, N. P. 2015. Kompleks vooruzheniya i predmetov voinskogo snaryazheniya iz skifskogo mogilnika kontsa IV — II vv. do n. e. u s. Glinoye v Nizhnem Podnestrovye. In: Lukiashko, S. I. (ed.). *Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmatskom mire.* Rostov-na-Donu: YuNTs RAN, s. 180-190.

Skoryy, S. A. 1997. *Steblev: skifskiy mogilnik v Porosye.* Kiev: IA NANU.

Skudnova, V. M. 1960. Pogrebeniya s oruzhiyem iz arkhaicheskogo nekropolya Olvii. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva*, 1 (34), s. 60-74.

Spitsin, A. A. 1901. Raskopki. proizvedennyye v 1897 g. bliz d. Bashmachki Ekaterinoslavskogo uyezda. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii*, 1, s. 69-79.

Spitsin, A. A. 1906. Serogozskiye kurgany. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii*, 19, s. 157-174.

Sunichuk, E. F., Fokeyev, M. M. 1984. Skifskiy mogilnik Plavni I v nizoviakh Dunaya. Chernyakov, I. T. (ed.). *Ranniy zheleznyy vek Severo-Zapadnogo Prichernomoria.* Kiev: Naukova dumka, s. 103-120.

Suprunenko, O. B. 1996. Rozkopky Bilskoho kurhannoho nekropoliu «B». In: Suprunenko, O. B. *Bilske horodyshche v konteksti vyvchennia pam'iatok rannoho zaliznoho viku Yevropy*. Poltava: Arkheolohia, s. 88-120.

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskiy mogilnik III—II vv. do n. e. u s. Glinnoye.* Tiraspol: Stratum plus.

Terenozhkin, A. I., Ilinskaya, V. A., Chernenko, E. V., Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskiye kurgany Nikopolshchiny. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 113-186.

Terenozhkin, A. I., Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N. 1977. Skifskiy mogilnik Gaymanovo Pole (raskopki 1968 g.). In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skify i sarmaty.* Kiev: Naukova dumka, s. 152-199.

Terenozhkin, A. I., Mozolevskiy, B. N. 1988. *Melitopolskiy kurgan.* Kiev: Naukova dumka.

Ukazatel… 1897. *Ukazatel k kollektsii drevnostey iz raskopok i sluchaynykh priobreteniy E. A. Znosko-Borovskogo.* Kanev: Tipografiya A. K. Nesterova.

Fialko, E. E. 1991. Pogrebeniya zhenshchin s oruzhiyem u skifov. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (eds.). *Kurgany Stepnoy Skifii.* Kiev: Naukova dumka, s. 4-18.

Fabrytsius, I. 1949. Tiasmynska ekspedytsiia. *Arkheolohichni pam'iatky URSR*, II, s. 80-111.

Fialko, E. E. 1994. *Pamyatniki skifskoy epokhi Pridneprovskoy Terassovoy Lesostepi.* Kiev.

Fialko, E. E. 2012. Vooruzhennyye zhenshchiny rannego zheleznogo veka v Severnom Prichernomorye: sotsialnyy aspekt. *Tyragetia*, VI (XXI), s. 27-44.

Fialko, E. E. 2014. Mogily vooruzhennykh zhenshchin Rogachikskogo kurgannogo polya. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 1 (12), s. 25-39.

Filatov, O. P., Chernenko, Ye. V. 1972. Skifskyi kurhan na Voroshylovhradshchyni. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 1969 r.*, IV, s. 122-125.

Cherednichenko, N. N., Fialko, E. E. 1988. Pogrebeniye zhritsy iz Berdyanskogo kurgana. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 149-166.

Chernenko, E. V. 1975. Oruzhiye iz Tolstoy Mogily. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiy mir.* Kiev: Naukova dumka, s. 152-173.

Shevchenko, A. A. 2009. Novyye materialy k izucheniyu kurgannogo mogilnika skifskogo vremeni Kolbino I na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego dona v skifskuyu epokhu.* Moskva: IA RAN, s. 26-111.

Shramko, B. A. 1973. Vostochnoye ukrepleniye Belskogo gorodishcha. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye Drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 82-113.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon).* Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 2009. Zheleznyye nakonechniki strel Skifii. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza.* Kiev; Poltava: IA NANU, s. 283-393.

Erlikh, V. R. 2007. Zheleznyye nakonechniki strel iz Prikubania: problemy tipologii i khronologii. In: Kozenkova, V. I., Malashev, V. Yu. *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke.* Moskva: Taus, s. 344-356.

Yakovenko, E. V. 1980. Novi dosiahnennia bosporoznavstva i problema skifiv Skhidnoho Krymu. *Arkheolohia*, 33, s. 46-52.

Yakovenko, E. V., Chernenko, E. V., Korpusova, V. N. 1970. Opisaniye skifskikh pogrebeniy v kurganakh Vostochnogo Kryma. In: Leskov, A. M. (ed.). *Drevnosti Vostochnogo Kryma.* Kiev: Naukova dumka, s. 136-179.

Bydłowski, A. 1904. Mogily w Nowosiolce. *Swiatowit*, V, s. 59-80.

O. D. Mogylov

THE ARMAMENT FROM THE SVITLOVODSK CEMETERY

The weapon is one of the most representative categories of material culture of the Scythians, entering the «Scythian triad». Armaments are massive material in the graves of not only Scythian nobles, but also ordinary people. It is widely represented in the Svitlovodsk burial ground in the south of the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe, where it was recorded in 75 tombs (46.6 % of their total number). As a rule, a larger set of weapons is characteristic of richer graves. More often it was revealed in male graves. But sometimes in women. Sometimes there is a weapon in the graves of children and adolescents. The monument was investigated in 1975—1990. N. M. Boky and I. A. Kozyr. Most often, arrows are found in the graves of the necropolis: 707 objects, originate from 73 burials (more than 45 %). The earliest products belong to the Middle Scythian time, and most of them date from the IV century BC. Spears and darts were found in 13 graves (8 %). This burial of wealthy fellow warriors. Swords are rare, they were only in 3 graves. The armament complex of the Svitlovodsk repository in Central Ukraine shows us the military equipment of an ordinary Scythian community. Despite the poor status of the departed, the level of militarization was high.

Keywords: Scythians, weapons, burial ground, arrow, spear, sword, Northern Black Sea region.

Одержано 16.02.2019

МОГИЛОВ Олександр Дмитрович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *mogilovod@gmail.com*.

MOGYLOV Oleksandr Dmytrovych, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *mogilovod@gmail.com*.

УДК: [904'1:314.7(571.1)]"637/638"

В. И. Молодин

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ НА ЮГЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ В ПЕРЕХОДНОЕ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ ВРЕМЯ

В статье, посвященной юбилею видного ученого-скифолога С. А. Скорого, рассмотрены миграционные процессы, зафиксированные при помощи археологических данных на археологических памятниках переходного от бронзы к железу времени на юге Западно-Сибирской равнины, в лесостепном Обь-Иртышском междуречье. Определены основные векторы проникновения мигрантов на данную территорию и их адаптацию в среде аборигенного населения. Главной причиной миграций является географический фактор.

Ключевые слова: *Западно-Сибирская лесостепь, переходное время от эпохи бронзы к раннему железу.*

Сергей Анатольевич Скорый — хорошо известный на постсоветском пространстве ученый, крупный скифолог, внесший весомый вклад в археологию и первобытную историю (Фиалко 2009). Писать в сборник, собираемый в его честь, мне особенно приятно не только потому, что я неплохо знаю и высоко оцениваю его научное творчество, но еще и потому, что мы хорошо знакомы и, ко всему, почти ровесники.

Последнее, на самом деле, немаловажно, поскольку творческий путь ученого мне близок и понятен. Мы дети одной страны, которую, к сожалению, утратили; этапы формирования личности, на мой взгляд, весьма продуманные и оправданные жизнью — школа, армия, работа, университет, аспирантура и так далее — у нас были очень похожи. С. А. Скорый прошел эти ступени. Уже в студенчестве он активно занимался научной работой и участвовал в археологических экспедициях в родном Крыму. И не только участвовал, но уже тогда ему удалось открыть ранее неизвестные археологические памятники и даже опубликовать несколько статей во всесоюзных изданиях (Высотская, Скорый 1976; Скорый 1977).

Потом была аспирантура в ведущем академическом учреждении Украины — Институте археологии АН УССР (Ныне — Национальная Академия наук Украины), в Отделе археологии раннего железного века. Его научными руководителями были известные скифологи страны — профессора В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин, Е. В. Черненко, что, безусловно, способствовало быстрому написанию кандидатской диссертации, которая была защищена в 1983 г., сразу по окончанию аспирантуры.

Талантливый молодой ученый был принят на работу в одно из центральных академических учреждений страны.

Вряд ли ошибусь, если скажу, что научное творчество Сергея Анатольевича все эти годы было посвящено скифскому времени и проблемам, связанным с этим временем. Этому были посвящены и его кандидатская, и докторская диссертации. Поселенческие и погребальные комплексы преимущественно этой эпохи исследовались С. А. Скорым в Крыму, в правобережной и левобережной лесостепи Украины. На рубеже двух тысячелетий ученый исследовал выдающиеся памятники скифской эпохи — Большой Рыжановский курган и Скифскую могилу на Черкасщине.

В 1997 г. С. А. Скорый защитил докторскую диссертацию и вскоре возглавил родной для него Отдел археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины. На этом посту Сергей Анатольевич успешно трудится и поныне. Под руководством профессора Скорого защищен ряд кандидатских диссертаций, а сам

© В. И. МОЛОДИН, 2019

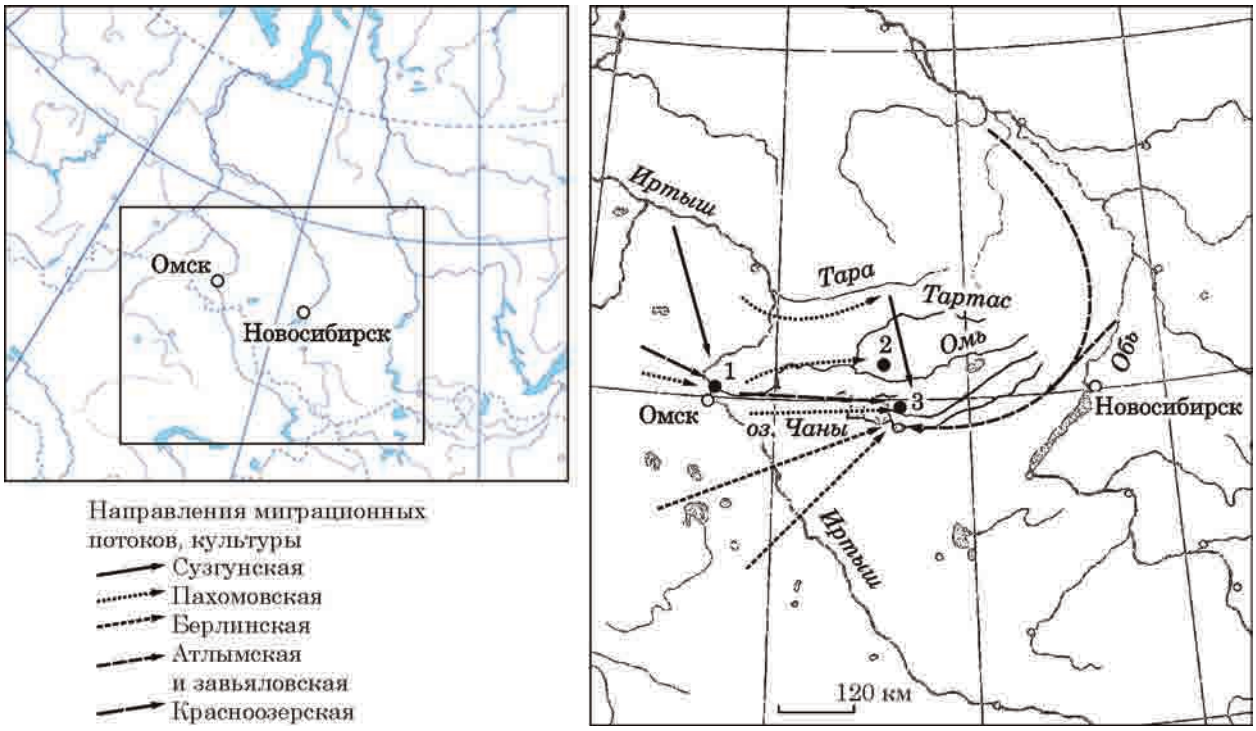

Рис. 1. Карта Юга Западно-Сибирской равнины с обозначением направления миграционных потоков во второй половине X—VIII вв. до н. э.: 1 — городище Большой Лог; 2 — поселение Туруновка 4; 3 — городище Чича

ученый ежегодно проводит активные полевые исследования памятников скифского времени.

Ученый является автором и соавтором 15 монографий и более 300 научных статей, опубликованных как на Украине, так и в других странах Европы и Америки.

Недавно получил в подарок от юбиляра еще одну прекрасную монографию «Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции», написанную в соавторстве с Р. Зимовец (Скорый, Зимовец 2014). Скифская проблематика по-прежнему остается центральной в творчестве Сергея Анатольевича.

Полагаю, что предлагаемый мною очерк, посвященный раннескифскому времени на юге Западно-Сибирской равнины, будет небезынтересен нашему юбиляру.

Лесостепная полоса Западной Сибири, в отличие от более южных территорий Казахстана и Южной Сибири, отличалась своеобразием ландшафтной зоны, равнинным рельефом, обилием озер, речными системами, пересекающими лесостепь в широтном и меридиональном направлении. Прежде всего, именно эти черты отличали Обь-Иртышское лесостепное междуречье от более южных степей Кулунды и Казахстанского мелкосопочника, предгорных и горных районов Алтая, а на севере — от зоны тайги, с обилием болот и труднопроходимых ландшафтов. Особо следует отметить текущие в меридиональном направлении Великие Сибирские реки Обь и Иртыш, связывающие Центральную Азию с побережьем Северного ледовитого океана (рис. 1).

Специфика природно-климатической зоны, еще с периода финального плейстоцена — раннего голоцена, способствовала формированию здесь своеобразных этнокультурных образований, которые испытывали влияние мощных миграционных потоков, периодически охватывающих рассматриваемую территорию вплоть до настоящего времени. Этнокультурная ситуация в регионе существенно меняется лишь в новое историческое время, с приходом и последующим освоением Западно-Сибирских степей и лесостепей отрядами русских землепроходцев-казаков, крестьян и служилых людей.

Согласно заявленной теме, мы коснемся лишь времени формирования культур эпохи раннего железа на территории Обь-Иртышья, синхронных так называемому раннескифскому времени степной Евразии.

В более южных районах Западной Сибири мы наблюдаем классические проявления особенностей, характерных для скифо-сибирского культурно-исторического единства, со всеми типичными признаками (Грязнов 1980; Боковенко, Мошкова, Могильников 1992). В более северных районах Западно-Сибирских лесостепей (и не только Обь-Иртышья) картина складывалась по-иному. Здесь существовали культуры так называемого переходного от эпохи бронзы к железному времени, достаточно четко локализуемые на определенных территориях (Косарев 1987), с гораздо менее выраженными чертами южных культур скифо-сибирского единства. В интересующей нас Обь-Иртышской лесостепи бытовала позднеирменская культура, выяв-

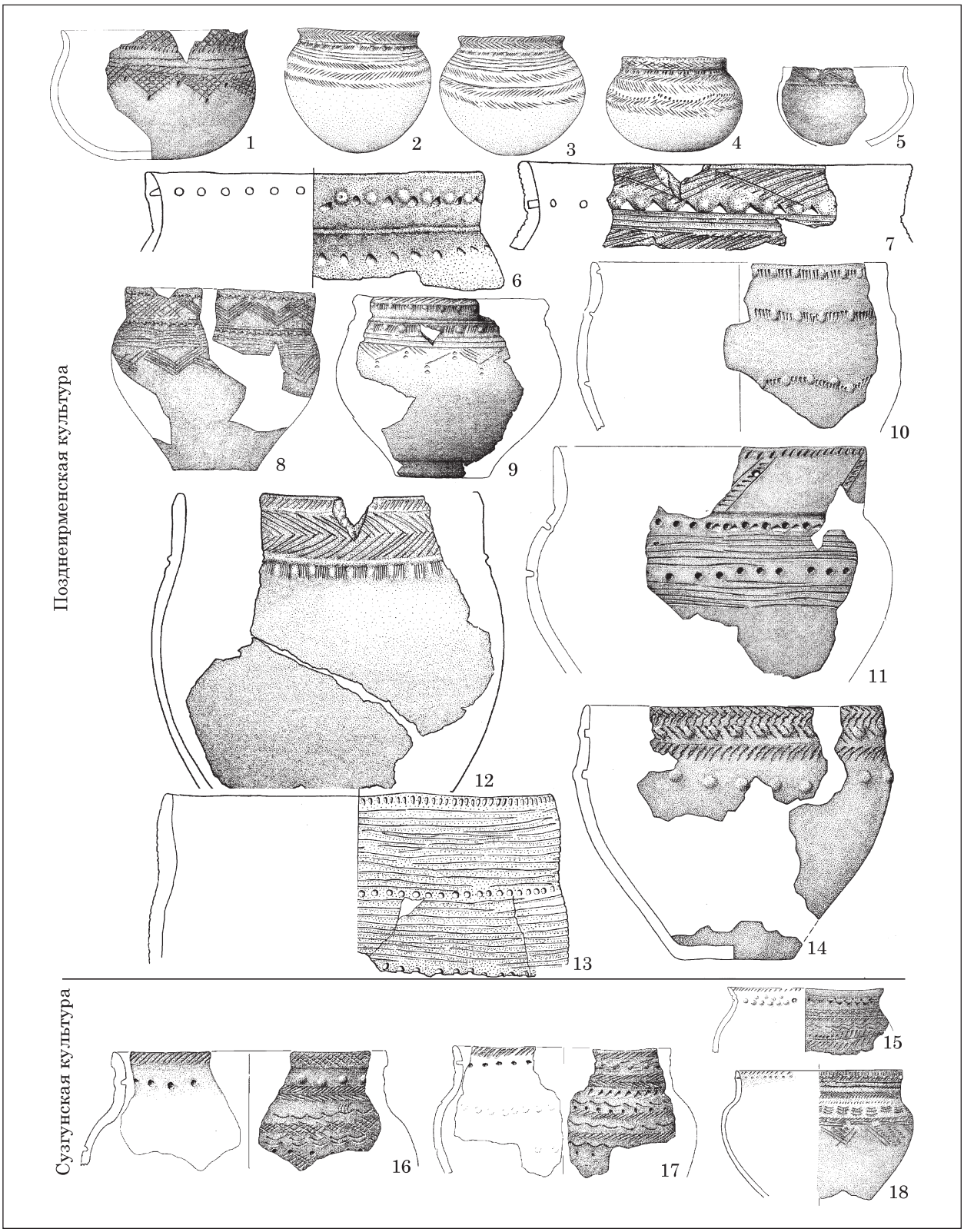

Рис. 2. Керамика переходного от бронзы к железу времени, обнаруженная на городище Чича 1: 1—14 — позднеирменская культура; 15—18 — сузгунская культура

ленная автором еще в конце семидесятых годов прошлого века (Молодин 1979) и воспринятая научным сообществом (рис. 2: 1—14). Культура является автохтонной и ее корни уходят в ирменскую культуру эпохи бронзы. По последним данным радиоуглеродного анализа время существования позднеирменской культуры определяется второй половиной X — VIII вв. до н. э. (Молодин, Парцингер 2009; Scheneeweiss et al., 2018, p. 635—655). Следы проявления культуры прослежены на достаточно большом количестве памятников в лесостепном Обь-Ир-

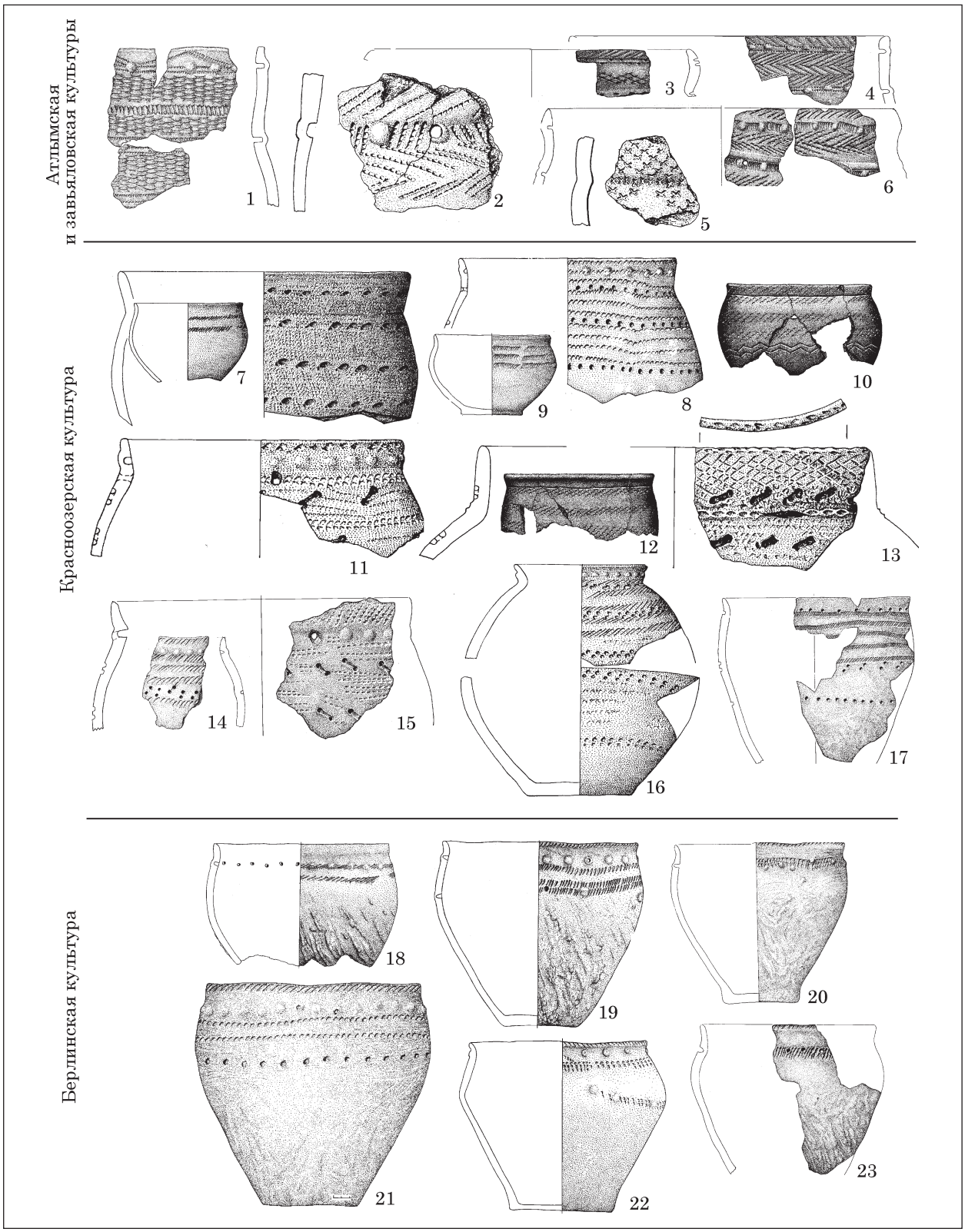

Рис. 3. Керамика переходного от бронзы к железу времени, обнаруженная на городище Чича 1, **культура**: 1—3 — атлымская; 4—6 — завьяловская; 7—17 — красноозерская; 18—23 — берликская

тышье (Молодин 1985). Однако наиболее ярко культура представлена — и, на сегодняшний день, лучше всего изучена — на двух городищах и одном поселении. Это Чича 1 в акватории оз. Чаны, одного из крупнейших западносибирских озер (Чича… 2001; 2004; 2009), и Большой Лог, расположенный недалеко от места впадения р. Омь в р. Иртыш (Членова 1994), а также поселение Туруновка 4 (Молодин, Колонцов 1984) (рис. 1). Отмеченные памятники отличаются не только своими масштабами и возможными перспективами дальнейших ис-

следований, но также уже полученным и введенным в научных оборот высокоинформативным материалом. Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволил дать достаточно исчерпывающую характеристику эпохи и, что чрезвычайно важно, выявить направления миграционных потоков в регионе, отличающихся различными векторами движения. Последнее тем более удивительно, поскольку в южном поясе степей мы наблюдаем контакты населения в широтном направлении, что привело к формированию культур, объединенных общими признаками скифо-сибирского культурно-исторического единства (Грязнов 1978; 1979). В то время как в культурах лесостепей Обь-Иртышья наблюдаются активные миграции пришлого населения, направленные как в меридиональном, так и в широтном направлениях (рис. 1). Определить эти миграционные потоки позволили керамические комплексы, обнаруженные при раскопках выше указанных памятников. Стратиграфическое положение последних позволило обоснованно говорить о единовременности их бытования в рамках единого комплекса (Молодин и др., 2009).

На городище Чича 1 эти разнонаправленные культурные потоки зафиксированы наиболее полно и отчетливо. Именно здесь обнаружен керамический комплекс, относящийся к атлымской культуре (рис. 3: 1—3), эпицентр которой приходится на таежную зону Среднего Приобья (Чемякин 2008).

Можно полагать, что передвижение населения с севера на юг (рис. 1) было спровоцировано сильным похолоданием. Геологи называют это явление, произошедшее в VIII в. до н. э., «голоценовым ледниковым периодом» (Левина, Орлова 1993; Зыкин, Зыкина, Орлова 2000), со всеми вытекающими, негативными для региона последствиями. Это и привело к передвижению групп атлымского населения в меридиональном направлении с севера на юг, вероятно, по акватории р. Обь, с последующими отклонениями вектора движения на юго-запад, вдоль р. Каргат и р. Чулым (рис. 1). Вероятно, одним из конечных пунктов передвижения атлымского населения оказалось уже существующее в то время городище Чича, в котором пришельцы пополнили аборигенное население (рис. 3: 1—3).

Скорее всего, по ходу движения к носителям атлымской культуры в южной части таежного Приобья присоединились небольшие группы населения завьяловской культуры (Троицкая 1968), основной поток которых двигался также с севера на юг в Приобье. Вовлеченная в водоворот событий какая-то группа завьяловского населения двинулась, возможно, вместе с атлымским населением на юго-запад, о чем может свидетельствовать небольшой керамический комплекс, обнаруженный на Чиче (рис. 1; 3: 4—6).

Еще один миграционный поток с севера — северо-запада зафиксирован на Чиче в виде количественно небольшого комплекса керамики, связанного с сузгунской культурой (рис. 2: 15—18), занимающей обширные пространства таежной зоны Западной Сибири (Косарев 1981) и лесостепное Тоболо-Ишимье (Потемкина, Корочкова, Стефанов 1995). Ее носители могли проникать в Обь-Иртышскую лесостепь с акватории р. Тара (среднее и, возможно, верхнее течение) и двигаться сухопутными путями на юг через Васюганские болота, а также речными путями (например, р. Тартас), протекающими в меридиональном или близком к меридиональному направлении (рис. 1). Очевидно, что носители сузгунской культуры продвигались с севера на юг и в Прииртышье, где следы пребывания сузгунского населения прослежены на городище Большой Лог (рис. 1).

Второй мощный миграционный поток, фиксируемый в Обь-Иртышской лесостепи, связан с западным, широтным вектором движения обитателей иртышского левобережья. Наиболее массовый поток мигрантов был связан с непосредственными соседями носителей позднеирменской культуры на западе в Прииртышье — с носителями красноозерской культуры (Абрамова, Стефанов 1985) (рис. 3: 7—17). В иртышском правобережье носители красноозерской культуры обнаружены на городище Большой Лог в низовьях р. Оми, по акватории которой они могли двигаться далее на восток. Кроме того, не следует забывать, что в периоды активных водных трансгрессий, отмеченных в исторических документах (Молодин, Дураков 2008), образовывались два водных прохода, соединяющих р. Иртыш с оз. Чаны. Вдоль этих проходов население красноозерской культуры могло продвигаться крупными группами вплоть до городища Чича, где они и вливались в число обитателей последнего. Находки на Чиче значительного комплекса красноозерской керамики (рис. 3: 7—17) свидетельствуют еще и о том, что где-то на северо-западной территории ее распространения носители красноозерской культуры тесно взаимодействовали с представителями гамаюнской культуры Зауралья (Борзунов 1992). В результате синкретичные красноозерско-гамаюнские комплексы керамики фиксируются далеко на востоке — и на городище Большой Лог (Членова 1994), и, в меньшей степени, на Чиче.

Вообще, р. Тара и р. Омь были традиционными маршрутами, по которым с запада на восток еще с эпохи развитой и поздней бронзы осуществлялись миграционные потоки, в том числе представителей пахомовской культуры, населявших лесостепную часть иртышского левобережья (Корочкова 2010). Адаптировавшись к местным условиям и впитав в себя местные традиции, в правобережном Прииртышье сложился восточный вариант пахомовской куль-

туры, носители которого существовали здесь вплоть до переходного от бронзы к железу времени, вступая в контакты с автохтонным позднеирменским населением (Молодин и др. 2017; Селин 2018).

Не менее отчетливо в керамических комплексах Чичи прослеживается западный — юго-западный вектор миграции, который автор этих строк связывал с керамикой берликского типа Северного Казахстана (рис. 1) (Молодин 2015). Я склонен полагать, что это могла быть особая, своеобразная культура (берликская), отличающаяся от доминирующей в этом регионе алексеевско-саргаринской культуры, но, в тоже время, тесно связанная с последней (рис. 3: 18—23).

Активные проявления берликской культуры мы находим не только на городище Чича, но и памятнике Большой Лог. С этими популяциями очевидно связано проявление южных, юго-западных геномов у населения Чичи (Пилипенко и др., 2008). Основными маршрутами проникновения на восток были существовавшие в то время протоки из р. Иртыш в оз. Чаны, хотя и магистраль вдоль р. Омь могла быть ими также задействована (рис. 1).

Заключение. Выявленные и рассмотренные выше векторы миграционных потоков (рис. 1) свидетельствуют о том, что на протяжении более двух веков на территорию лесостепного Обь-Иртышья активно проникали носители различных археологических культур, обитавших по соседству с данным регионом. Обь-Иртышье привлекало их богатством пастбищных угодий, со стабильным травостоем, несметными богатствами рыбы и дичи, что в равной степени притягивало как скотоводов, так и рыболовов-охотников. В течении этого времени миграционные потоки, по-видимому, сменяли направление и не препятствовали друг другу. Как уже приходилось отмечать (Молодин 2014), в переходное от бронзы к железу время в лесостепной части Западной Сибири, в данном случае в Обь-Иртышье, сложилась мозаичность культурных образований, мирно соседствующих на одной территории. Такому положению вещей способствовала различная направленность палеоэкономики носителей перечисленных культурных образований. Кроме того, нельзя не отметить несомненную толерантность носителей автохтонной позднеирменской культуры, вовлекающей пришельцев в арену своего влияния и даже проживающих вместе с ними на территории одного жилого пространства (городища). Последнее отмечено как на Чиче, так и на Большом Логу.

В заключении стоит добавить, что на миграцию в Обь-Иртышскую лесостепь с юго-запада, т. е. с территории современного Казахстана, могли оказывать влияние обитатели более южных районов, активно связанные с культурами скифо-сибирского мира.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова, М. Б., Стефанов, В. И. 1985. Красноозерская культура на Иртыше. В: Молодин, В. И. (ред.). *Археологические исследования в районе новостроек Сибири*. Новосибирск: Наука, с. 103-130.

Боковенко, Н. А., Мошкова, М. Г., Могильников, В. А. 1992. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 151-160.

Борзунов, В. А. 1992. *Зауралье на рубеже бронзового и железного веков*. Екатеринбург: УрГУ.

Высотская, Т. Н., Скорый, С. А. 1976. Работы на Неаполе Скифском и в его округе. *Археологические открытия 1975 г.*, с. 315-316.

Грязнов, М. П. 1978. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан. *Краткие сообщения Института археологии*, 154, с. 9-18.

Грязнов, М. П. 1979. О едином процессе развития скифо-сибирских культур. В: *Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции*. Кемерово: КГПИ, с. 4-7.

Грязнов, М. П. 1980. *Аржан: Царский курган раннесакского времени*. Ленинград: Наука.

Зыкин, В. С., Зыкина, В. С., Орлова, Л. А. 2000. Основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири. *Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири*, 2, с. 208-228.

Корочкова, О. И. 2010. *Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тобола-Иртышья)*. Екатеринбург: УрГУ.

Косарев, М. Ф. 1981. *Бронзовый век Западной Сибири*. Москва: Наука.

Косарев, М. Ф. 1987. Переходное время от бронзового века к железному. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. Москва: Наука, с. 296-304.

Левина, Т. П., Орлова, Л. А. 1993. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири. *Геология и геофизика*, 34, 4, с. 38-55.

Молодин, В. И. 1979. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в новосибирском Приобье и лесостепной Барабе. В: *Материалы Всесоюзной археологической конференции по проблемам скифо-сибирского культурно-исторического единства*. Кемерово: КГПИ, с. 110-112.

Молодин, В. И. 1985. *Бараба в эпоху бронзы*. Новосибирск: Наука.

Молодин, В. И. 2014. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы — переходное время от эпохи бронзы к железному веку, XIV—VIII века до н. э.). *Археология, этнография и антропология Евразии*, 4 (60), с. 54-63.

Молодин, В. И. 2015. Берликская культура в западносибирской лесостепи. В: Тишкин, А. А. (ред.). *Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвященных 70-летию проф. Ю. Ф Кирюшина*. Барнаул: АГУ, с. 237-244.

Молодин, В. И., Дураков, И. А. 2008. О возможных артериях — озеро Чаны — река Иртыш и их роль в культурно-историческом процессе (Западная Сибирь, эпоха бронзы). В: *История и практика ар-*

хеологических исследований: Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А. А. Спицына (Санкт-Петербург, 26—30 ноября 2008 г.). Санкт-Петербург, с. 331-337.

Молодин, В. И., Колонцов, С. В. 1984. Турановка-4 — памятник переходного от бронзы к железу времени. В: Черных, Е. Н. (ред.). *Археология юга Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: Наука, с. 69-86.

Молодин, В. И., Мыльникова, Л. Н., Дураков, И. А., Кобелева, Л. С. 2009. Культурная принадлежность городища Чича-1 по данным статистико-планиграфического изучения керамических комплексов на разных участках памятника. В: Молодин. В. И., Парцингер, Г. (ред.). *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск; Берлин: ИАЭТ СО РАН, 3, с. 44-50.

Молодин, В. И., Мыльникова, Л. Н., Селин, Д. В., Нескоров, А. В. 2017. *Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Молодин, В. И., Парцингер, Г. 2009. Хронология памятника Чича-1. В: Молодин. В. И., Парцингер, Г. (ред.). *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 3, с. 51-77.

Пилипенко, А. С., Ромащенко, А. Г., Молодин, В. И., Куликов, И. В., Кобзев, В. Ф., Поздняков, Д. В., Новикова, О. И. 2008. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 в Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК. *Археология, этнография, антропология Евразии*, 2, с. 57-67.

Потемкина, Т. М., Корочкова, О. Н., Стефанов, В. М. 1995. *Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы*. Москва: Наука.

Селин, Д. В. 2018. *Эпоха финальной бронзы в правобережном Прииртышье (восточный вариант пахомовской культуры)*. Автореферат диссертации к. и. н. ИАЭт СО РАН.

Скорый, С. А. 1977. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма. *Советская археология*, с. 280-281.

Скорый, С., Зимовец, Р. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев.

Троицкая, Т. Н. 1968. Поселение VII—VI вв. до н. э. у с. Завьялово Новосибирской области. *Краткие сообщения Института археологии*, 114, с. 99-104.

Фиалко, Е. Е. 2009. Восхождение: к юбилею С. А. Скорого. В: Бессонова, С.С. (ред.). *Эпоха раннего железа*. Киев; Полтава: ИА НАНУ, с. 5-7.

Чемякин, Ю. П. 2008. *Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность*. Сургут; Омск: Омский дом печати.

Чича… 2001. *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1.

Чича… 2004. *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск; Берлин: ИАЭт СО РАН, 2.

Чича… 2009. *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 3.

Членова, Н. Л. 1994. *Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири*. Москва: Пущинский научный центр РАН.

Schneeweiss, J., Becker, F., Molodin, V. I., Parzinger, H., Marchenko, Zh. V., Svyatko, S. V. 2018. Radiocarbon chronology of occupation of the site Chicha and Bayesian statistics for the assessment of a discontinuous transition from Late Bronze to Early Iron Age (West Siberia). *Russian Geology and Geophysics*, 59 (6), p. 635-651.

REFERENCES

Abramova, M. B., Stefanov, V. I. 1985. Krasnoozerskaya kultura na Irtyshe. In: Molodin, V. I. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya v rayone novostroyek Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, s. 103-130.

Bokovenko, N. A., Moshkova, M. G., Mogilnikov, V. A. 1992. Osnovnyye problemy v izuchenii pamyatnikov drevnikh skotovodov Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri i Zabaykalia. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moskva: Nauka, s. 151-160.

Borzunov, V. A. 1992. *Zauralye na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov*. Ekaterinburg: UrGU.

Vysotckaya, T. N., Skoryy, S. A. 1976. Raboty na Neapole Skifskom i v ego okruge. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1975 g*., s. 315-316.

Gryaznov, M. P. 1978. K voprosu o slozhenii kultur skifosibirskogo tipa v svyazi s otkrytiyem kurgana Arzhan. *Kratkie soobshchenija Instituta arkheologii*, 154, s. 9-18.

Gryaznov, M. P. 1979. O edinom protsesse razvitiya skifosibirskikh kultur. In: *Problemy skifo-sibirskogo kulturno-istoricheskogo edinstva. Tezisy dokladov Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii*. Kemerovo: KGPI, s. 4-7.

Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan: Tsarskiy kurgan rannesakskogo vremeni*. Leningrad: Nauka.

Zykin, V. S., Zykina, V. S., Orlova, L. A. 2000. Osnovnyye zakonomernosti izmeneniya prirodnoy sredy i klimata v pleystotsene i golotsene Zapadnoy Sibiri. *Problemy rekonstruktsii klimata i prirodnoy sredy golotsena i pleystotsena Sibiri*, 2, s. 208-228.

Korochkova, O. I. 2010. *Vzaimodeystviye kultur v epokhu pozdney bronzy (andronoidnyye drevnosti Tobola-Irtyshia)*. Ekaterinburg: UrGU.

Kosarev, M. F. 1981. *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri*. Moskva: Nauka.

Kosarev, M. F. 1987. Perekhodnoye vremya ot bronzovogo veka k zheleznomu. In: Rybakoy, B. A. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR*. Moskva: Nauka, s. 296-304.

Levina, T. P., Orlova, L. A. 1993. Klimaticheskiye ritmy golotsena yuga Zapadnoy Sibiri. *Geologiya i geofizika*, 34, 4, s. 38-55.

Molodin, V. I. 1979. Nekotoryye problemy perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v novosibirskom Priobye i lesostepnoy Barabe. In: *Materialy Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii po problemam skifo-sibirskogo kulturno-istoricheskogo edinstva*. Kemerovo: KGPI, s. 110-112.

Molodin, V. I. 1985. *Baraba v epokhu bronzy*. Novosibirsk: Nauka.

Molodin, V. I. 2014. Etnokulturnaya mozaika v Zapadnoy Barabe (epokha pozdney bronzy — perekhodnoye vremya ot epokhi bronzy k zheleznomu veku, XIV—VIII veka do n. e. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 4 (60), s. 54-63.

Molodin, V. I. 2015. Berlikskaya kultura v zapadnosibirskoy lesostepi. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: sbornik statej, posvyashchennykh 70-letiyu prof. Yu. F. Kiryushina*. Barnaul: AGU, s. 237-244.

Molodin, V. I., Durakov, I. A. 2008. O vozmozhnykh arteriyakh — ozero Chany — reka Irtysh i ikh rol v kulturno-istoricheskom protsesse (Zapadnaya Sibir. epokha bronzy). In: *Istoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. AN SSSR, prof. A. A. Spitsyna (Sankt-Peterburg, 26—30 noyabrya 2008 g.)*. Sankt-Peterburg, s. 331-337.

Molodin, V. I., Kolontsov, S. V. 1984. Turunovka-4 — pamyatnik perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni. In:

Chernykh, E. N. (ed.). *Arkheologiya yuga Sibiri i Dalnego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, s. 69-86.

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Durakov, I. A., Kobeleva, L. S. 2009. Kulturnaya prinadlezhnost gorodishcha Chicha-1 po dannym statistiko-planigraficheskogo izucheniya keramicheskikh kompleksov na raznykh uchastkakh pamyatnika. In: Molodin, V. I., Partzinger, G. (ed.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi*. Novosibirsk; Berlin: IAEt SO RAN, 3, s. 44-50.

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Selin, D. V., Neskorov, A. V. 2017. *Vostochnyy variant pakhomovskoy kultury v Tsentralnoy Barabe*. Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Molodin, V. I., Partsinger, G. 2009. Khronologiya pamyatnika Chicha-1. In: Molodin, V. I., Partzinger, G. (ed.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, 3, s. 51-77.

Pilipenko, A. S., Romashchenko, A. G., Molodin, V. I., Kulikov, I. V., Kobzev, V. F., Pozdnyakov, D. V., Novikova, O. I. 2008. Osobennosti zakhoroneniya mladentsev v zhilishchakh gorodishcha Chicha-1 v Barabinskoy lesostepi po dannym analiza struktury DNK. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2, s. 57-67.

Potemkina, T. M., Korochkova, O. N., Stefanov, V. M. 1995. *Lesnoye Tobolo-Irtyshye v kontse epokhi bronzy*. Moskva: Nauka.

Selin, D. V. 2018. *Epokha finalnoy bronzy v pravoberezhnom Priirtyshye (vostochnyy variant pakhomovskoy kultury)*. Avtoreferat dissertatsii k. i. n. IAEt SO RAN. Novosibirsk.

Skoryy, S. A. 1977. Ranneskifskiy mech iz s. Izyumovka bliz Starogo Kryma. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 280-281.

Skoryy, S., Zimovets, R. 2014. Skifskiye drevnosti Kryma. *Materialy odnoy kollektsii*. Kiev.

Troitskaya, T. N. 1968. Poseleniye VII—VI vv. do n. e. u s. Zavialovo Novosibirskoy oblasti. *Kratkie soobshchenija Instituta arkheologii*, 114, s. 99-104.

Fialko, E. E. 2009. Voskhozhdeniye: k yubileyu S. A. Skorogo. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza*. Kiev; Poltava: IA NANU, s. 5-7.

Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova gora. Ocherki arkheologii Surgutskogo Priobia. Drevnost*. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati.

Chicha… 2001. *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi.* Novosibirsk: IAEt SO RAN, 1.

Chicha… 2004. *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi.* Novosibirsk-Berlin: IAEt SO RAN, 2.

Chicha… 2009. *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi.* Novosibirsk: IAEe SO RAN, 3.

Chlenova, N. L. 1994. *Pamyatniki kontsa epokhi bronzy v Zapadnoy Sibiri*. Moskva: Pushchinskiy nauchnyy tsentr RAN.

Schneeweiss, J., Becker, F., Molodin, V. I., Parzinger, H., Marchenko, Zh. V., Svyatko, S. V. 2018. Radiocarbon chronology of occupation of the site Chicha and Bayesian statistics for the assessment of a discontinuous transition from Late Bronze to Early Iron Age (West Siberia). *Russian Geology and Geophysics*, 59 (6), p. 635-651.

V. I. Molodin

MIGRATION FLOWS IN THE SOUTH OF WEST SIBERIAN PLANE DURING THE LATE BRONZE AGE TO IRON AGE TRANSITION

The article is dedicated to anniversary of a brilliant scientist, an outstanding scythologist S. A. Skoryy. I suppose this essay, devoted to the Early Scythian period in the south of West Siberian Plain, will be interesting for our hero of the day. The atricle present the reconstruction of migration flows during the Late Bronze to Iron Age transition in the south of West Siberian plane based on archaeological data from Chicha 1 and Bolshoy Log settlements. The main vectors of migration flows, revealed and described in this article, indicate a strong penetration of different archaeological cultures to the Ob-Irtysh forest steppe. The bearers of Suzgun, Atlym, Berlik and other cultures that occupied nearby territories for more than two centuries have adapted to aboriginal late Irmen population. The Ob-Irtysh area was an attractive place for living. The abundant pastures with a stable herbage yields and the wealth of fish and game equally attracted both herdsmen and fishermen-hunters. Apparently, during this time the migration flows changed their directions and didn't get in each other's way. The mosaic of cultural formations peacefully shared Ob-Irtysh area was developed in the south of West Siberian plane during Bronze to Iron Age transition. This has been possible because of the different orientation of paleoeconomy of these societies. Besides, it must be noted that the bearers of aboriginal late Irmen culture were quite tolerant. They involved newcomers in their influence arena and even lived with them on the one living space area, e. g. on settlements. This evidence of this behavior was discovered on Chicha 1 and Bolshoy Log sites for instance.

Keywords: West Siberian forest steppe, Bronze to Iron Age transition.

Одержано 1.02.2019

МОЛОДІН В'ячеслав Іванович, академік РАН, доктор історичних наук, професор, завідувач відділом, головний науковий співробітник, радник директора, Інститут археології і етнографії Сибірського відділу РАН, пр-кт акад. Лаврентьева, 17, Новосибірськ, 630090, Росія, *Molodin@archaeology.nsc.ru*.
MOLODIN Viacheslav I., Doctor of Historical Sciences, academician of RAS, Head of Department, Principal Researcher, Director Adviser, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Pr-kt akad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia, *Molodin@archaeology.nsc.ru*.

УДК: 904’5”638”

В. Ю. Мурзин

НЕ ДАЮТ МНЕ ПОКОЯ НОМАРХИ…

В очередной раз в данной статье мы вынуждены обратиться к нашему пониманию места номархов в социальной структуре скифской военно-политической организации и критериям выделения погребальных сооружений номархов из общего массива скифских погребальных памятников.

Ключевые слова: *курганы, Скифия, трехчленная структура скифского объединения, удельно-лествичная система престолонаследия, скифские цари, номы, скифские номархи.*

Характер общественного строя скифов и социальная структура скифского военно-политического объединения всегда привлекали и привлекают пристальное внимание исследователей скифской истории и культуры. Предметом споров время от времени становятся и отдельные частные вопросы, связанные с этой общей и объемной проблемой.

Так, например, в последние годы возникла достаточно активная дискуссия относительно сущности скифских номов и месте номархов в социальной пирамиде скифского общества.

Так уж случилось, что основными ее участниками стали я (Мурзін 2015a; Мурзин 2015b) и Т. М. Кузнецова (Кузнецова 2009; 2018). В этой связи мне представляется необходимым пояснить некоторые затронутые Т. М. Кузнецовой вопросы. Речь не идет о моем задетом самолюбии, а о том, что у меня складывается впечатление, что мы с Татьяной Михайловной изъясняемся на разных языках, что вызывает необходимость внести дополнительную ясность в этот вопрос.

Так, мои соображения по поводу общественного строя скифов Т. М. Кузнецова охарактеризовала как фантазии, которые лишь отвлекли меня от вопроса о номархах.

© В. Ю. МУРЗИН, 2019

Но трудно предположить, что мой оппонент не понимает — рассматривать частное можно лишь пояснив свою трактовку общего. Если конкретнее — я (Мурзин 2014, с. 39—53) склонен считать скифское общество близким к раннефеодальному, осложненному, как и другие общества такого типа, рядом пережитков родо-племенного строя (например, основанная на вымышленном кровном родстве родо-племенная структура скифской орды) и элементами рабовладения.

Раннефеодальный уклад зиждился на сочетании коллективной собственности на землю и частной собственности на скот (Бунятян 1984; 1985), что обуславливало личную независимость каждого члена общества, способного вести самостоятельное хозяйство. При этом феодальные отношения между сюзеренами и вассалами строились на основе повиновения и покровительства — «патроната», что было характерно для феодального воинского сословия (Блок 2003, с. 434).

Да, существуют и другие реконструкции общественного строя скифов — и это вполне понятно, ведь базируются они во многом на субъективном подходе того или иного ученого.

В этой связи нельзя не вспомнить Алексея Ивановича Тереножкина, который в таких случаях любил повторять: «Разве мы чего знаем?». Действительно, многого мы не знаем, но о многом можем догадываться благодаря косвенным данным и наличию письменных свидетельств о более поздних кочевниках.

Насколько я понимаю, Т. М. Кузнецова (2018, с. 21) достаточно прохладно относится к идее привлечения этнографических материалов по более поздним кочевникам, а напрасно.

И скифы, и гунны, и ранние тюрки, и печенеги, и половцы (этот ряд легко можно допол-

нить) вели одинаковый образ жизни, экономической основой которого было экстенсивное кочевое скотоводство. Из этого следует, что и особенности общественного устройства, и институты власти должны были иметь у них схожие формы.

Возьмем, к примеру, триадный принцип построения скифского военно-политического объединения. Действительно, деление скифской орды [1] на три царства зафиксировано Геродотом (IV, 120) лишь в его рассказе о событиях скифо-персидской войны конца VI в. до н. э. При этом следует понимать, что под тремя царствами Геродот понимал, несомненно, обычное для кочевых обществ деление на два крыла и центр. Его неточность вполне объяснима — во-первых, ни с чем подобным он раньше не сталкивался, во-вторых, главы «крыльев» — младшие «цари», будучи вассалами верховного владыки, обладали немалой властью в отношении зависимых от них лиц. Поэтому Геродота можно понять — ведь и намного позднее Марко Поло (Книга… 1990, с. 206) назвал главу левого крыла Улуса Джучи «царем», «который никому не подвластен».

Достаточно хорошо в настоящее время понятен и процесс формирования триадной структуры кочевого общества (Стратанович 1974; Карагодин 1984). Предшествовала ей дуальная структура кочевого союза, в котором более сильные племена составляли, обычно, правое крыло, а менее привилегированные — левое. Если кочевому объединению удавалось покорить иные народы, дуальная организация превращалась в триадную — выделялся «центр» как орган военно-политической власти, состоявший из наиболее привилегированной части кочевого общества, которая, опираясь на «природных» подданных (обычно «правое крыло» нового кочевого объединения), удерживали власть над покоренными группами населения, объединенных в «левом крыле» новой военно-политической организации.

По нашему мнению, таким же образом сформировалась и трехчленная структура скифского объединения, что стало результатом покорения пришлыми протоскифами местного киммерийского населения.

Однако Т. М. Кузнецова (2018, с. 19) полностью исключает такую возможность, поскольку целиком доверяет данным Геродота, согласно которому (Геродот IV, 11), к приходу скифов степи Восточной Европы были безлюдны, ведь согласно его рассказу, киммерийцы покинули эти земли перед лицом надвигавшейся угрозы. Однако Татьяна Михайловна забывает, что все свои сведения Геродот черпал от своих скифских информаторов. Рассказывая ему о периоде «обретения родины» им важно было подчеркнуть законность своего права на занятые территории. В этом случае вариант «безлюдной земли» подходил как нельзя лучше, ибо исключал саму возможность появления каких-либо других потенциальных наследников (если говорить современным юридическим языком).

Между тем, археологические данные свидетельствуют совсем об ином. Так, некоторые погребальные комплексы со смешанным — новочеркасского и скифского типа, инвентарем выявлены, например, на Северном Кавказе, что уже неоднократно отмечалось (см., напр.: Мурзин 1990, с. 20, рис. 9—10). Еще более показательны материалы Келермесских курганов. Найденные в них уздечные наборы (Галанина 1983) подразделяются на две группы — декорированные геометрическим орнаментом в традициях позднейшей предскифской культуры и оформленные в скифском зверином стиле. Как справедливо заметил М. П. Грязнов (1950, с. 69—70; 1980, с. 49—50), кони в курганах кочевой аристократии являются подношениями погребенному от подвластных ему кочевых подразделений. Соответственно, власть раннескифских «царей», по материалам Келермесса, распространялась не только на «природных» подданных — протоскифов, но и на покоренное ими позднейшее предскифское население степной полосы Восточной Европы, т. е. киммерийцев. Поэтому термин «скифы» для этой эпохи скорее всего надо понимать более как политоним, чем как этноним.

Таким образом, трехчленная структура скифского объединения сложилась не позднее начала VII в. до н. э. О ее существовании в конце VI в. до н. э. рассказывает Геродот. Мы не видим причин, по которым скифы могли отказаться от нее позднее. Тем более, что принцип трехчленного устройства был обычен для кочевников и лежал в основе административно-территориального деления, например, практически всех тюркских образований. Не будем ради экономии места конкретизировать эти примеры, тем более, что этот вопрос достаточно полно изложен А. М. Хазановым (Хазанов 1975, с. 128—129). Далекие отголоски такой трехчленной структуры ощущались даже в Османской империи, армия которой делилась на три войска: Придворное, Анатолийское и Румелийское (Записки янычара 1978, с. 101).

Мы связываем потомков киммерийцев, вошедших в состав скифской орды в качестве, вероятно, ее левого крыла, со скифами-γεωργοί Геродота (IV, 18), что опять-таки вызывает недоумение у Т. М. Кузнецовой. Однако на это указывает тот факт, что территорией обитания последних была, судя по всему, Гилея и прилегающие участки степи (Мурзин, Ролле 1998; Мозолевский 2005, рис. 7), т. е. места, не особенно приспособленные для полноценного ведения кочевого хозяйства. Такое полукочевое хозяйство в сочетании с кормовой базой плавневых лесов и прилегающих участков степи,

1. Выражение «орда» в данном случае носит более литературный, чем исторический характер. Так же как и выражение: «татаро-монгольские орды» и пр.

позволяло не только содержать значительное количество скота, но и расширить состав его стада за счет включения в него не только традиционных для кочевников коней и овец, но и КРС. Не случайно И. М. Дьяконов (Дискуссионные… 1980, с. 130) предложил считать Геродотовых скифов-γεωργοί (то есть, в переводе с греческого, скифов-земледельцев) огреченым названием скифы-«gau-varga», то есть тех скифов, «которые разводят скот».

При этом более привилегированные подразделения скифской орды, как и у других кочевников южного пояса Евразии, предпочитали глубинные степные пространства. Например, кочевья скифов-царских, считавших всех остальных скифов своими рабами, занимали территории Северного Приазовья, получившими позднее наименование «Дикого поля» или «Пустополя», поскольку являются самым засушливым регионом северопричерноморских степей, и степной Крым, также не отличающийся особой увлажненностью. Однако именно эти районы — степное Приазовье (летописное Лукоморье) и степной Крым, были подлинным раем для кочевников с обильными пастбищами, достаточным количеством водопоев [1] и сравнительно низкими зимними температурами.

Территория обитания скифов-кочевников, которые, по нашему мнению, были «природными» подданными скифов-царских, вероятно, примерно совпадала с кочевыми угодьями Джедишкульской орды ногайцев (Мурзин, Ролле 1998) — ведь как бы не менялись кочевые народы на определенной территории, их кочевья пролегали по одним и тем же маршрутам, поскольку последние были обусловлены физико-географическими особенностями региона.

Этот маршрут пролегал вдоль р. Конка к ее истокам, а далее вдоль р. Берда. Заметим, что ранее эти реки были гораздо полноводнее. Известно, например, что в 1616 г. запорожские казаки во главе с гетманом П. Сагайдачным напали на крымскую Кафу и турецкие порты в Анатолии (даже разорили предместья Стамбула), а затем вернулись на Сечь, проведя свои «чайки» через Керченский пролив, Азовское море, Берду и Конку. А теперь, после всего сказанного, вернемся к скифским номам.

Как мы уже писали ранее (Мурзін 2015a, с. 21—22; Мурзин 2015b, с. 64), под номами, с нашей точки зрения, следует понимать отдельные племена, входившие в состав «центра» и двух «крыльев» скифского объединения. Т. М. Кузнецова (2018, с. 18—19) не соглашается с этим, указывая, что данные о племенной структуре скифской орды в письменных источниках отсутствуют. Это действительно так, даже в наиболее полном рассказе о скифах, которые содержаться в труде Геродота, подобные сведения не зафиксированы.

Но следует иметь в виду следующее:

1. Главной целью «Скифского рассказа» Геродота было описание событий скифо-персидской войны конца VI в. до н. э., а его описание Скифии и ее населения является, по сути, описанием Театра военных действий. В этом плане возможная племенная структура скифского объединения играла для него второстепенную роль.

2. Его рассказ базировался, в основном, на данных его скифских информаторов. Поскольку скифские племена были не только административными, военными, но и территориальными [2] единицами скифского кочевого объединения, возможно упоминаемые скифскими собеседниками племена могли легко вызвать у него ассоциацию с египетскими административно-территориальными областями — номами.

3. Но, самое главное, родо-племенная структура характерна практически для всех кочевых народов, поскольку идеологически обосновывала единство кочевого объединения. В условиях подвижного образа жизни это единство осознавалось лишь на основе признания общего происхождения и кровного родства, по большей части мифического (Марков 1976, с. 69).

Кем же были владетели скифских номов или скифские номархи? У меня не вызывает сомнения, что для скифского политического образования как и для большинства раннегосударственных образований как кочевых, так и оседлых (например, Киевская Русь), была характерна удельно-лествичная (улусно-лествичная у кочевников) система престолонаследия. Ее характерной особенностью была передача власти не в рамках одной семьи по нисходящей линии, а в рамках всего правящего рода — от старшего брата к младшему, затем к старшему племяннику и т. д. При этом путь к верховной власти начинался с самых незначительных уделов. Такая система передачи власти имела и свои положительные (невозможность ее передачи малолетнему наследнику), так и отрицательные (по причине многочисленности членов правящего рода в рамках рода зачастую происходили династические конфликты) стороны.

У нас нет прямых доказательств существования такой системы престолонаследия у скифов, но косвенными свидетельствами в пользу такого предположения являются глухие отголоски династических интриг у скифов, две из которых, учитывая их кровавую развязку (истории Анахарсиса

1. В Приазовье основными источниками воды были реки Берда, Обиточная, Молочная, в Крыму — Салгир и его притоки.

2. Даже при перекочевках скифов-царских и скифов-кочевников по закрепленным за ними маршрутам каждое племя, в зависимости от своего социального статуса, численности и, следовательно, численности воинов и пр., двигалось по определенным участкам степи — вдоль левого или правого берега рек, с большим или меньшим травостоем, на удалении или поблизости от источников воды.

и Скила), прочно остались в народной памяти и были пересказаны Геродотом (IV, 76—80).

В этом плане вполне вероятно (это сугубо мое личное мнение), что представители царского рода возглавляли не только «крылья» скифского политического объединения (по Геродоту — младшие, второстепенные «цари»), но и номы. В таком случае путь к верховной власти должен был начинаться с владения самым незначительным и наименее престижным номом (уделом).

Как считает Т. М. Кузнецова (это явствует даже из названия ее работы, изданной в 2018 г. — «Скифские цари и номархи — "держатели котлов"»), надежным археологическим индикатором принадлежности погребенного к сословию этой высшей скифской аристократии является наличие в составе погребального инвентаря бронзовых котлов.

Не будем в связи с этим затрагивать мифический «котел царя Арианта», поскольку он не что иное, как символ единства скифского народа [1], а остановимся на реальных бронзовых котлах, обнаруженных в скифских погребениях.

Сравнительно недавно они стали предметом изучения в работах А. В. Ромашко (2015a; 2015b и др.), в том числе диссертационной. Согласно автору, размеры таких котлов позволяют выделить по этому признаку несколько групп котлов — от миниатюрных (объемом до 7,7 л) до котлов-гигантов (объемом от 72,5 л и более).

По наблюдениям М. В. Грицюка большинство скифских котлов имеет объем от 10 до 45 л. Далее он предположил, что объемы котлов могут дать представление о структуре скифского войска и количественном составе скифских отрядов, питавшихся из одного общего котла. Он подошел к делу с военной прямолинейностью (что неудивительно, поскольку его кандидатская диссертация, легшая в основу книги, была выполнена в стенах Национальной Академии обороны Украины, да и сам он, вероятно, носит погоны), применив для подсчетов современные нормы питания для военнослужащих Украины. В результате, по его мнению, норма питания скифского воина составляла от 0,45 до 0,95 л. Таким образом, в скифском войске преобладали небольшие отряды — от 10 до 100 воинов (Грицюк 2009, с. 105—108).

Несмотря на явную искусственность такого подхода, какая-то сермяжная правда в его подсчетах присутствует. Во всяком случае, становится ясно, что котлы, прежде всего, применялись по своему прямому предназначению — для приготовления повседневной и ритуальной (например, поминальной) пищи. В этом смысле котлы были символом домашнего очага, символом семьи [2].

Однако известен и один поистине гигантский котел объемом около 250 л (случайная находка у с. Осокоровка, выставлен в экспозиции Национального музея истории Украины). При этом самые маленькие котлы имеют объем около 1 и 1,7 л [3].

Естественно, самые маленькие котлы объемом мене 3 л утилитарного значения не имели — их размер не позволял приготовить пищу даже для членов индивидуальной семьи (у кочевников, обычно, она состояла из 5 человек), а носили символический характер, будучи знаковым атрибутом семьи.

Вполне закономерно, что у представителей высшей скифской аристократии котлы были бóльших размеров — во-первых, в силу многочисленности домочадцев (жены, наложницы, дети) и ближайших приближенных, разделявших трапезу со своим сюзереном.

Во-вторых, котлы свидетельствовали о том, что их владелец является «кормильцем» определенного коллектива людей. Если глава малой индивидуальной семьи был ее кормильцем в буквальном смысле, то на более высоком таксономическом уровне — от главы рода до верховного царя Скифии, «кормление» подразумевало не только разумную организацию кочевого хозяйства и контроль за распределением прибавочного продукта, но и обеспечение коллектива добавочным продуктом за счет внешнеэксплуататорской деятельности (поборы с торговцев, двигавшихся речными и сухопутными путями, взимание дани с покоренных народов, военная добыча и пр.). В этом смысле показателен рассказ о могущественном половецком хане Кончаке, который был способен перенести свой котел через Сулу, т. е. перейти со своей ордой границы Древней Руси и совершить грабительский набег (Плетнева 1982, с. 22—23).

И, наконец, о главном упреке Т. М. Кузнецовой в мой адрес. Так, она пишет (Кузнецова 2018, с. 18), что я «забыл о цели своей работы, а когда вспомнил, то сделал вывод о том, что сейчас нельзя говорить о каких-то определенных критериях выделения погребений скифских номархов среди значительного массива курганов скифской аристократии», поскольку стремление, к этому, на его взгляд, чересчур самонадеянно».

Однако я по-прежнему настаиваю на своем мнении. За более развернутой аргументацией отсылаю читателей к своим прежним работам (Мурзін 2015a; Мурзин 2015b), а здесь постараюсь объяснить свою мысль на самом простом, можно даже сказать примитивном, примере.

Создается впечатление, что в представлении Т. М. Кузнецовой верхушка скифской кочевой орды (или, как ей больше нравится, «социума») была строго ранжирована: верховный царь — младшие цари — номархи. А своеобразными знаками отличия их ранга были бронзовые

1. Не случайно этот котел, по преданию, был отлит из наконечников стрел, принесенных каждым скифом (Геродот IV, 81).
2. Интересно, что в Крымском ханстве даже в XVIII в. численность населения подсчитывалась по казанам (котлам), т. е. численности семей, которые назывались «казанларами» (Тунманн 1991, с. 21).
3. Благодарю за консультацию А. В. Ромашко.

котлы соответствующих размеров. В определенном смысле это напоминает современную армейскую структуру.

Но даже в ней нет правил без исключений. Возьмем, к примеру, чтобы никого не обидеть, уже несуществующую советскую армию (раз уж существует опыт классификации котлов на котлы «взводные», «ротные» и т. д., попробуем и мы пойти этим необычным, но очень наглядным путем).

Как мы еще помним, в ее составе были соединения тактического и оперативно-тактического уровня (в моем представлении это примерно соответствует задачам, выполняемым воинскими формированиями номов): дивизия (должность командира соответствует званию генерал-майора) и корпус (должность командира соответствует званию генерал-лейтенанта). Однако командиры «придворных» Таманской и Кантемировской дивизий явно занимали в военной иерархии более высокое положение, чем командир расквартированного в Поволжье или Сибири корпуса. Еще чем-то третьим и иным было положение командиров наиболее боеготовых дивизий, входивших в группы советских войск за рубежом, особенно в группу советских войск в бывшей ГДР.

Надо ли говорить, что и социальный, и имущественный статус номархов в зависимости от количества воинов в его номе, а также знатности данного подразделения скифской орды, были также весьма различными. Сказанное выше касается и младших царей. Более того, номарх, стоявший во главе одного из номов (племен) скифов-царских мог превосходить по своему социальному положению «младшего царя», возглавлявшего наименее привилегированное крыло («царство») скифского кочевого объединения.

А если учесть, что в состав высшей скифской аристократии могли входить не только, скажем, так, «управленцы» — младшие цари и номархи, но и военачальники, прославившиеся не своей знатностью, а воинскими победами, а также помощники верховного царя (на нынешнем языке — советники), имевшие опыт деятельности в той или иной сфере жизни скифского кочевого объединения [1], и другие лица, о функциях которых мы можем только догадываться, картина получается довольно пестрая. Учитывая это, еще раз могу повторить: пока с уверенностью мы можем выделять курганы верховных скифских царей (и не по наличию в них котлов, а по грандиозности погребений, количеству захоронений сопровождающих лиц, количеству конских погребений и по металлу, из которого изготовлены украшения конской узды) и курганы рядовых скифов.

Все попытки «привязать» бронзовые котлы лишь к статусу скифских царей и номархов, по-моему, обречены на провал. Конечно, можно даже рассуждать на основании котла, найденного в женской гробнице Толстой Могилы, что погребенная в ней женщина «могла быть дочерью и даже наследницей в роду «номарха», вышедшей замуж за «родственника царя», не имевшего в своем распоряжении значительного количества зависимого населения, о чем свидетельствует сопровождавший его в могилу маленький сосудик в форме котла (Кузнецова 2018, с. 47). Фантазировать в таком духе можно до бесконечности.

Однако хочется подчеркнуть, что наука и фантастика, пусть даже «научная», две абсолютно разные по своей сути вещи.

ЛИТЕРАТУРА

Блок, А. 2003. *Феодальное общество*. Москва: Издательство им. Сабашниковых.

Бунятян, Е. П. 1984. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ*. Киев: Наук. думка, с. 109-124.

Бунятян, Е. П. 1985. О формах собственности у кочевников. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Археология и методы исторических реконструкций*. Киев: Наукова думка, с. 21-43.

Галанина, Л. К. 1983. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 24, с. 32-50.

Грицюк, В. М. 2009. *Військо скіфів (озброєння, організація, війни та воєнне мистецтво)*. Київ; Чернівці: Місто.

Грязнов, М. П. 1950. *Первый Пазырыкский курган*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Грязнов, М. П. 1980. *Аржан: Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.

Дискуссионные… 1980. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. *Народы Азии и Африки*, 5, с. 102-130.

Записки янычара. 1978. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. Москва: Наука.

Карагодин, А. И. 1984. Дуальная организация у приволжских калмыков. *Советская этнография*, 5, с. 25-36.

Книга… 1990. *Книга Марко Поло*. Алма-Ата: Наука.

Кузнецова, Т. М. 2009. Археологические маркеры погребения «номарха». *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, XV, с. 79-85.

Кузнецова, Т. М. 2018. Скифские цари и номархи — «держатели котлов». *Stratum plus*, 3, с. 17-55.

Марков, Г. Е. 1976. *Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественные организации*. Москва: Наука.

Мозолевський, Б. М. 2005. *Етнічна географія Скіфії*. Київ: Наукова думка.

Мурзин, В. Ю. 1990. *Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса*. Киев: Наук думка.

Мурзин, В. Ю. 2014. *Скифская проблема глазами автора*. Киев: Олег Філюк.

Мурзін, В. Ю. 2015а. Проблема визначення поховань скіфських номархів. *Археологія*, 1, с. 19-29.

1. Например, один из информаторов Геродота (IV, 76) был Тимн, опекун царя Ариапифа, а затем вероятно, представитель скифского царя в Ольвии.

Мурзин, В. Ю. 2015b. О погребениях скифских номархов. В: Дашковский, П. К. (ред.). *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии.* Барнаул: АлГУ, с. 61-71.

Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1998. «Царские» скифы и их локализация. В: Вилинбахов, Г. В. (ред.). *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 53-54.

Плетнева, С. А. 1982. *Кочевники Средневековья: поиск исторических закономерностей.* Москва: Наука.

Ромашко, А. В. 2015a. Метрические характеристики металлических котлов и социальное положение их держателей. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»,* 1 (5), с. 90-99.

Ромашко, О. В. 2015b. *Металеві казани скіфської культури (VII—III ст. до н. е.).* Автореферат к. і. н. Київ.

Стратанович, Г. Г. 1974. Военная организация триадного типа и ее судьбы. В Илишкин, И. К. (ред.). *Проблемы алтаистики и монголоведения*. Элиста: КНИИЯЛИ, I: Серия литературы, фольклора и истории, с. 220-230.

Тунманн. 1991. *Крымское ханство.* Симферополь: Таврия.

Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва: Наука.

REFERENCES

Blok, A. 2003. *Feodalnoye obshchestvo.* Moskva: Izdatelstvo im. Sabashnikovykh.

Bunyatyan, E. P. 1984. K voprosu o materialnotekhnicheskoy baze kochevykh obshchestv. In: Gening, V. F. (ed.). *Fridrikh Engels i problemy istorii drevnikh obshchestv*. Kiev: Naukova dumka, s. 109-124.

Bunyatyan, E. P. 1985. O formakh sobstvennosti u kochevnikov. In: Gening, V. F. (ed.). *Arkheologiya i metody istoricheskikh rekonstruktsiy*. Kiev: Naukova dumka, s. 21-43.

Galanina, L. K. 1983. Ranneskifskiye uzdechnyye nabory (po materialam Kelermesskikh kurganov). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudaarstvennogo Ermitazha*, 24, s. 32-50.

Hrytsiuk, V. M. 2009. *Viisko skifiv (ozbroiennia, orhanizatsiia, viiny ta voienne mystetstvo).* Kyiv; Chernivtsi: Misto.

Gryaznov, M. P. 1950. *Pervyy Pazyrykskiy kurgan*. Leningrad: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan: Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni*. Leningrad: Nauka.

Diskussionnyye… 1980. Diskussionnyye problemy otechestvennoy skifologii. *Narody Azii i Afriki*, 5, s. 102-130.

Zapiski yanychara. 1978. Napisany Konstantinom Mikhaylovichem iz Ostrovitsy. Moskva: Nauka.

Karagodin, A. I. 1984. Dualnaya organizatsiya u privolzhskikh kalmykov. *Sovetskaya etnografiya*, 5, s. 25-36.

Kniga… 1990. *Kniga Marko Polo*. Alma-Ata: Nauka.

Kuznetsova, T. M. 2009. Arkheologicheskiye markery pogrebeniya «nomarkha». *Starozhytnosti stepovoho Prychornomoria i Krymu*, XV, s. 79-85.

Kuznetsova, T. M. 2018. Skifskiye tsari i nomarkhi — «derzhateli kotlov». *Stratum plus*, 3, s. 17-55.

Markov, G. E. 1976. *Kochevniki Azii: Struktura khozyaystva i obshchestvennyye organizatsii*. Moskva: Nauka.

Mozolevskyi, B. M. 2005. *Etnichna heohrafiia Skifii.* Kyiv: Naukova dumka.

Murzin, V. Yu. 1990. *Proiskhozhdeniye skifov: osnovnyye etapy formirovaniya skifskogo etnosa.* Kiev: Naukova dumka.

Murzin, V. Yu.2014. *Skifskaya problema glazami avtora.* Kiev: Oleg Filyuk.

Murzin, V. Yu. 2015a. Problema vyznachennia pokhovan skifskykh nomarkhiv. *Arkheolohia*, 1, s. 19-29.

Murzin, V. Yu. 2015b. O pogrebeniyakh skifskikh nomarkhov. In: Dashkovskiy, P. K (ed.). *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii*. Barnaul: AlGU, s. 61-71.

Murzin, V. Yu. Rolle, R. 1998. «Tsarskiye» skify i ikh lokalizatsiya. In: Vilinbakhov, G. V. (ed.). *Skify. Khazary. Slavyane. Drevnyaya Rus. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Artamonova.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 53-54.

Pletneva, S. A. 1982. *Kochevniki Srednevekovia: poisk istoricheskikh zakonomernostey.* Moskva: Nauka.

Romashko, A. V. 2015a. Metricheskiye kharakteristiki metallicheskikh kotlov i sotsialnoye polozheniye ikh derzhateley. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»*, 1 (5), s. 90-99.

Romashko, O. V. 2015b. *Metalevi kazany skifskoi kultury (VII—II st. do n. e.).* Avtoreferat k. i. n. Kyiv.

Stratanovich, G. G. 1974. Voyennaya organizatsiya triadnogo tipa i eye sudby. In: Ilishkin, I. K. (ed.). *Problemy altaistiki i mongolovedeniya.* Elista: KNIIYaLI, I: Seriya literatury. folklora i istorii, s. 220-230.

Tunmann. 1991. *Krymskoye khanstvo*. Simferopol: Tavriya.

Khazanov, A. M. 1975. *Sotsialnaya istoriya skifov*. Moskva: Nauka.

V. Yu. Murzin

THE NOMARCHES BOTHER ME…

This article is a kind of response to the work of T. M. Kuznetsova, in which she argues that a reliable indicator of the burials of Scythian «kings» and nomarhs is the presence of bronze boilers in the grave goods.

We are still confident that quite definitely we can select from the total mass of Scythian burials only the tombs of the supreme «kings» of Scythia (and not so much by the presence of boilers, but by other signs) and the burials of ordinary Scythians.

It is impossible to isolate the burials of the Scythian «younger kings» and nomarchs from a significant array of funerary monuments of the highest Scythian aristocracy, including by the presence of boilers.

This is explained by the fact that the social and property status of the nomarchs, depending on the number of soldiers in his nome, as well as the nobility of this unit of the Scythian horde, were very different. All the foregoing applies to younger kings as well. Moreover, the nomarch, who was at the head of one of the nomes (tribes) of the Scythians-royals, could surpass the «younger king», who led the least privileged wing («kingdom») of the Scythian nomadic community.

And if we consider that the highest Scythian aristocracy could include military leaders, who became famous not for their nobility, but for military victories, as well as assistants to the supreme king (in the current language — advisors), who had management experience, and others whose functions we can only guess, the picture that emerges is quite variegated, so we hardly ever succeed to understand it, due to the limitedness of our knowledge.

Keywords: kurgans (burial mounds), Scythia, the three-member structure of the Scythian union, the lestva system of the succession to the throne, Scythian kings, nomes, Scythian nomarchs.

Одержано 11.12.2018

МУРЗІН В'ячеслав Юрійович, доктор історичних наук, професор, Мелітопольський інститут державного та муніципального управління «КПУ», Каховське шосе 8/2, Мелітополь, Запорізька обл., 72300, Україна, *vjmurzin@ukr.net*; *vjmurzin@gmail.com*.

MURZIN Viacheslav Yuriyovych, Doctor of Historical Sciences, Professor, Melitopol Institute of State and Municipal Administration «KPU», Kakhovskoe Highway, 8/2, Melitopol, Zaporizhzhia Region, 72300, Ukraine, *vjmurzin@ukr.net*; *vjmurzin@gmail.com*.

УДК: 904’1(4-11)”637/638”

I. Niculiță

CORRELATION OF CULTURAL-CHRONOLOGICAL GROUPS AT THE END OF THE 2nd MILLENNIUM — THE BEGINNING OF THE 1st MILLENNIUM BC IN THE PRUT-DNIESTER REGION

Based on the analysis of mainly unpublished materials from previously studied settlements and from recently discovered sites this paper attempts to identify the main link in the chain of evolution of the material culture of the Prut-Dniester interfluve population during the final phase of the late Bronze Age and the early Iron Age.

Keywords: *Prut-Dniester interfluve, Late Bronze Age, Early Iron Age, settlement, necropolis, ceramic.*

The processes that took place at the junction of the Bronze and Iron Ages in the Balkan-Carpathian-Pontic region always have a sustainable priority in the research of the specialists. Both the archaeological and the interdisciplinary investigations carried out mainly from the second half of the 20th century to the present time have made available materials, the analysis of which allows to more adequately explain some phenomena, such as the «ash lenses» well-known in both periods (Сава, Кайзер 2011, с. 45—458) and the succession of some cultural groups (Morintz 1978; Балагури 2001, с. 323—336), which contributed substantially to the process of creating and evolving the main archeological facies or cultural levels during the transition period and the beginning of the Iron Age (Levițki 1994b, p. 219—256; Nicic 2008, p. 124—132; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, p. 40—45, 337—380). Noteworthy the significant importance of archaeological materials and interdisciplinary data collected in recent years during field studies at a number of sites of the final phase of the Late Bronze Age and the first stage of the Iron Age. In spite of these achievements, the differences regarding the correlation of the final stage of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age, widely discussed in historiography in the second half of the 20th century, so remained unresolved. The dissensions are largely related to the perception system characteristic of the mentality of the past century, which is still practiced today: that the substrate should retain the main features of the upper stratum. In fact, even if there is continuity, a complete similarity of the main aspects of material culture is hard to follow. And the idea of a sudden change of population in the 11th—10th centuries BC (Смирнова 1969, с. 26—32; Morintz 1970, p. 729—731) is not only not convincing (Мелюкова 1979, с. 14—89), but also completely obsolete thanks to the new discoveries (Sava 2014, p. 77—105; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, p. 375—396).

An analysis, whether brief, of the available informational materials, allows seeing essential similarities between civilization in the final phase of the Bronze Age and in the first stage of the Iron Age, which is manifested through:

- Practicing of the bi-ritualism in the funeral rite both in the Noua culture and in some of the early Iron Age cemeteries;
- The predominance of incineration in urns, the rite used in the final phase of the Bronze Age and in the first stage of the Iron Age;
- Topography of the settlements;
- Architectonics and method of construction of dwellings and household structures;
- The range of pottery, the use of certain forms of vessels and types of decor;
- Some types of plastic art and ornamentation system.

These peculiarities seem to indicate the idea of continuity between both cultural groups. But the logic of research is not always in full consistency with historical realities. The funeral rite, one of the most conservative aspects of spirituality,

© I. NICULIȚĂ, 2019

practiced in both eras, seems to be a real argument in favor of the existence of continuity during the transition period. But both bi-ritualism and the use of incineration in urns, or burial in cists of stone slabs or rings of stone pieces (Кашуба 2000, c. 270—292; Niculiță, Arnăut 2010, p. 185—189, fig. 1—6) is common in different regions of south-eastern Europe (Стоянов 1997, c. 1—120) at the beginning of the 1st millennium BC.

The study of the settlements of the final phase of the Bronze Age shows that unlike previous periods, they become larger and more stable. This transformation, according to some experts, can be explained by «*…a more pronounced sedentary activity*». The argument in this regard would serve «*…The osteological remnants that make up 40—50 %, while in the previous period the percentage reached 60—65 %*». However, the same authors do not exclude that «*… the change of the type of settlement and the new elements that appear in the pottery finds are determined by the contact with the Hallstatt civilization crystallized in the zone outside the area of spreading the Noua culture*» (Florescu, Capitanu 1968, p. 45—46).

The absence of cultural hiatuses and chronological deviations has led to the idea of existence in the evolution of the Noua culture of «*…the third stage with which its development ends*» (Florescu, Căpitanu 1968, p. 46). Analysis of topography of sites at the end of the Bronze Age and the first period of the Iron Age shows that in the most frequent cases the location is the same. Moreover, it has now been found that 37 % of early Iron Age sites overlap the settlements of the final phase of the Bronze Age, some of which have direct links with each other. Constant similarity can be observed between the types of dwellings and household annexes. From the above it can be seen that the continuity of material culture at the turn of the two millennia BC is beyond doubt. However, this is where the disagreements begin.

The location of settlements, even the overlapping of some of them, and the architectonics of the common buildings in both eras can testify a coincidence and not necessarily a cultural unity. Due to the fact that the population in the first stage of the Iron Age was sedentary communities of farmers and cattle breeders, they occupy the same areas, widely used in previous periods, being more accessible and more convenient to their way of life. The same criteria can be used in relation to the similarity between certain forms of pots and the types of relief decorations: in the form of belts with oblique cuts, belts with rows of alveoli, or incisions characteristic of the pottery used in both eras (Levițki 1994b, p. 221—256; Nicic 2008, p. 132; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, p. 40—140). The analysis of materials, currently available, does not allow for a clear boundary between the final phase of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age. This led to the idea of "… a third stage" (Florescu, Căpitanu 1968, p. 46) after the Noua culture. However, since the sites attributed to this facies cannot be accurately attributed to the Noua culture, it seems more appropriate that they belonged to the stage of early Hallstatt (Sava 2014, p. 10).

The evolution of culture of the final phase of the Late Bronze Age and the beginnings of the Iron Age in the northwest (Балагури 2001, c. 243—322), southwest (Gumă 1993, p. 148—242) and east of the Carpathians (Laszlo 1994, p. 148—242; Levițki 1994a, p. 51—156; Nicic 2008, p. 23—132; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, p. 40—140) was thoroughly and professionally analyzed on the basis of the certain materials found in all the areas of the Balkan-Carpathian-Pontic region. These and other works based on the results of investigations led to the conclusion that «*… the early Hallstatt … evolved from the cultural complexes … which can be distinguished from the archaeological point of view, especially their specific pottery with fluted ornamentation, respectively incised and imprinted…*» (Istoria… 2010, p. 301). The conclusion is rather a finding determined by the significance and level of current information sources available. This finding results from:

- still insufficient research of sites of the end of the Bronze Age and the first period of the Iron Age;
- partial, and therefore ineffective publication of materials from the already researched archaeological settlements and necropolises;
- inappropriate perception of the concept of evolutionary process, based on the mandatory existence/presence of a complex system of similarities between the eras. The lack of one or several segments in this system would undoubtedly demonstrate demographic hiatuses caused by migrations. In the process of studying the correlation of the content of the material culture of the cultural and chronological groups, the specific character of the transition period is completely ignored, when by virtue of the evolution process there are radical changes, not only in economy or social relations, but also in material culture, which can not always be explained. It is necessary to be aware that the changes that have taken place could be dictated by different circumstances: economic necessities, cultural evolution, and fashion reflected in the ceramic assortment through the extensive use of the relief decor, incision, stamping, known but less used in the late Bronze Age.

In this context, the archaeological situation seen at the settlements of Suruceni, Hansca, Saharna Mare / Dealul Mănăstirii, Petruşeni III «La Cigoreanu», and others is interesting.

The archaeological investigations carried out in 1975—1976 at the settlement located south-east of the Suruceni commune (Ialoveni District, the Republic of Moldova) revealed in the cultural layer and in closed complexes materials that certainly can be attributed to the final phase of the Noua culture, and also a set of ceramic objects, the attri-

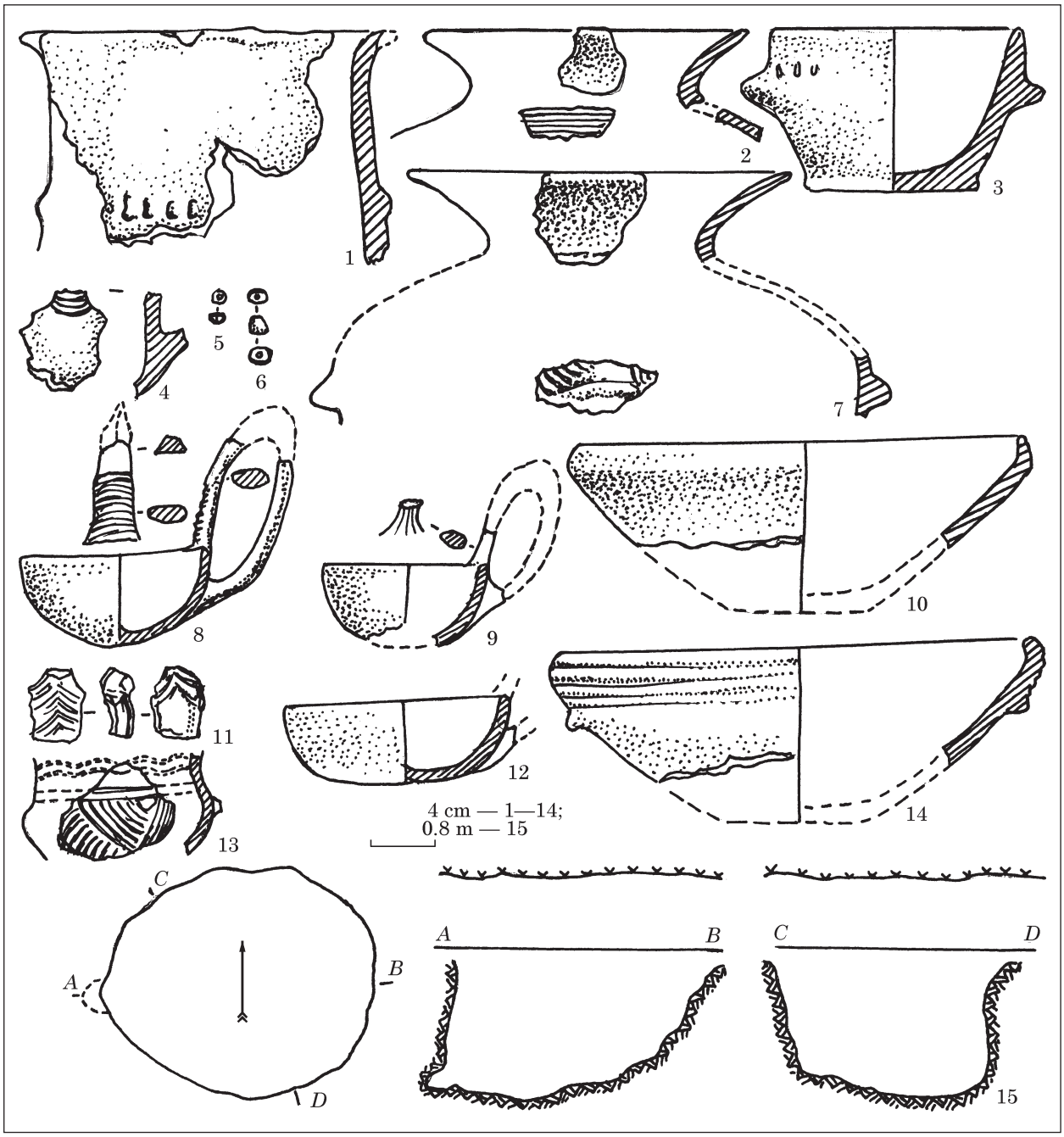

Fig. 1. Suruceni, construction 2, pottery

bution of which to the beginning of the Iron Age is beyond doubt. Among the closed complexes there is structure-dugout 2 found at a depth of 0.4 m from the modern ground surface. The structure was oval in plan, with a diameter of 3.20 × 2.80 m, deepened into the sterile layer up to 1.8 m (fig. 1: 15). The filling is brown soil characteristic of the prehistoric layer. Pottery, for the most part quite significant, indicating the specifics of the period of its use, was found in the structure-dugout. Among the discovered objects there are:

• Pots-jars with the cylindrical body and the lip bent outwards, ornamented in the upper part with a relief in the form of a belt (fig. 2: 13, 14, 25) or without ornament;

• Pots-jars with rounded body and the lip bent outwards (fig. 2: 1, 4). Both types of pots have wide analogies in the ceramic assortment at the end of the Noua culture, especially among the objects collected at the settlements of Petruşeni III «La Cigoreanu», Miciurin-Odaia (Sava 2014, p. 81, fig. 39: 8; p. 89, fig. 47: 13; p. 155, fig. 103: 3), Hansca (Каврук 1985, с. 87, рис. 2: 8, 10), etc.

• Fragments of handles of various types: with the crest (fig. 2: 10), cylindrical knob (fig. 2: 12) or in the form of a band (fig. 2: 8, 11), well known at the sites of the Noua culture (Sava 2014, p. 159, fig. 107: 7, 8) and the first period of the Iron Age (Niculiță, Nicic 2014, p. 286, fig. 71: 13—17;

Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, p. 302, fig. 84: 1—4).

Together with these objects, the belonging of which to the end of the Bronze Age can not be denied, in the ceramic assemblage from structure-dugout 2 there were fragments of various forms of vessels, some of which can be restored graphically, which constitute a particular category of pottery which can not be included in the ceramic assortment of the final phase of the Noua culture. Of these objects, interest shows:

• High-necked cylindrical vessels with the lip bent outwards, ornamented at the junction with the body by a number of alveoli (fig. 1: 1). Similar specimens are known by the discoveries at Pogrebea (Levițki 1994b, p. 246, fig. 7: 22), Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, p. 22, fig. 4: 5) attributed chronologically to the period of the 12th—11th centuries BC (Levițki 1994b, p. 230; Nicic 2008, p. 126; Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, p. 49).

• Vessels with trumpet-shaped neck and spheroid body. The area of junction of the neck with the body is ornamented with parallel incised horizontal lines and the body is provided with flattened segmental knobs surrounded by incised lines at its maximum diameter (fig. 1: 2, 7). Similar objects were found in structure 1 at Saharna Mică, Saharna Mare / Dealul Mănăstirii (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, p. 222, fig. 4: 1—4; p. 292, fig. 75: 1—3), Saharna-Țiglău (Niculiță, Nicic 2014, p. 250, fig. 35: 4, 5), Hansca (Никулицэ 1981, с. 82, рис. 6: 1, 2), etc. of the 12th—11th centuries BC.

• Bowls with truncated conical body and the lip bent inward. Some specimens are ornamented with parallel lines incised below the lip and flattened knobs below the shoulder of the vessel, others without decoration (fig. 1: 10, 14). This type of bowls is similar to the objects discovered in the closed complex at Saharna Mare / Dealul Mănăstirii of the 12th—11th century BC (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, p. 41, fig. 23: 8), Saharna-Țiglău (Niculiță, Nicic 2014, p. 270, fig. 61: 8) and others.

Graphically restorable cups are the most representative objects of the pottery discovered in structure-dugout 2 at the Suruceni settlement.

• Ladle-shaped cups (fig. 1: 8, 9, 12) with rounded body and raised handle. In some cases, the base of the handle is ornamented inside with incised decoration consisted of parallel lines (fig. 1: 4) or with angled «herringbone» lines (fig. 1: 11) often seen as decoration in various types of cups of the first period of Iron Age (Niculiță, Nicic 2014, p. 105).

• S-shaped cups with the maximum diameter at the bottom of the body, ornamented with strips of incised lines in different combinations. The almost vertical top is ornamented with two incised lines, placed horizontally, marking the junction of the neck with the body (fig. 1: 13). Vessels similar by shape and decor were discovered at the settlement of Saharna Mare / Dealul Mănăstirii (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, p. 58, fig. 36: 7; p. 140, fig. 91: 9).

• S-shaped cups with the maximum diameter at the top of the body. The shoulder of the bowl is covered with a decoration made up of oblique notches (fig. 2: 23). Similar items were found at the following sites: Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, p. 258, fig. 176: 8), Saharna-Țiglău (Niculiță, Nicic 2014, p. 284, fig. 69: 3), Hansca (Никулицэ 1981, с. 78, рис. 3: 4), etc.

• Cups with a rounded body ornamented with vertical grooves (fig. 2: 28). Fragments of similar cups were found at the Hansca settlement (Никулицэ 1981, с. 84, рис. 4: 2).

Cups in the form of a ladle with raised handle were descried at the Radovanu settlement of the end of the Coslogeni culture, or at Truşeşti of the end of Noua culture (Morintz 1978, p. 145, fig. 4: 3; 153: 1). More widespread these types of vessels were in the 12th—11th centuries BC and during the Cozia-Saharna period of the 10th—9th centuries BC (Кашуба 2000, с. 302, рис. XVIII: 1, 2).

Ladle cups remain part of the pottery of the Grăniceşti group of Gava-Holigrady culture presented by the discoveries from Grăniceşti (Laszlo 1994, p. 255, fig. 35: 1, 2) and the Chişinău-Corlăteni culture descried at Cotu Morii (Laszlo 1994, p. 292, fig. 72: 2; p. 293, fig. 73: 4), Chişinău, Lucaşeuca, Mândreşti, Costeşti, etc. (Levițki 1994a, p. 187, fig. 10: 1; p. 194, fig. 17: 18; p. 204, fig. 27: 4, 6, 7). The indisputable components of the early Iron Age pottery are high-necked vessels with the lip projected outward (Laszlo 1994, p. 248, fig. 28: 1—6) or with the trumpet-shaped neck (Levițki 1994a, p. 205, fig. 28: 1), as well as the truncated conical bowls with or without ornamentation (Laszlo 1994, p. 275, fig. 55: 2; Levițki 1994a, p. 204, fig. 27: 2; p. 205, fig. 28: 13).

These similarities show that the main types of pots used in the final phase of the late Bronze Age continued to be used in the early period of the Iron Age.

On the basis of these facts, it can be concluded that the closed complex at Suruceni contained, almost to the same extent, materials characteristic of the late Bronze Age and objects of the first period of the Iron Age. This suggests that structure-dugout 2 and the settlement in corpore functioned during the formation of «the incised pottery horizon» characteristic of the Holercani-Hansca-Saharna culture.

A similar situation was found at the Petruşeni III «La Cigoreanu» settlement, where research, having been limited to archaeological prospection, provided less significant materials. Still, the analysis of the collected artifacts shows us that the cultural layer contained both material from the end of Noua culture and the first period of the Iron Age. Of interest is a bronze needle (Ösennadel) with the mushroom-shaped protome

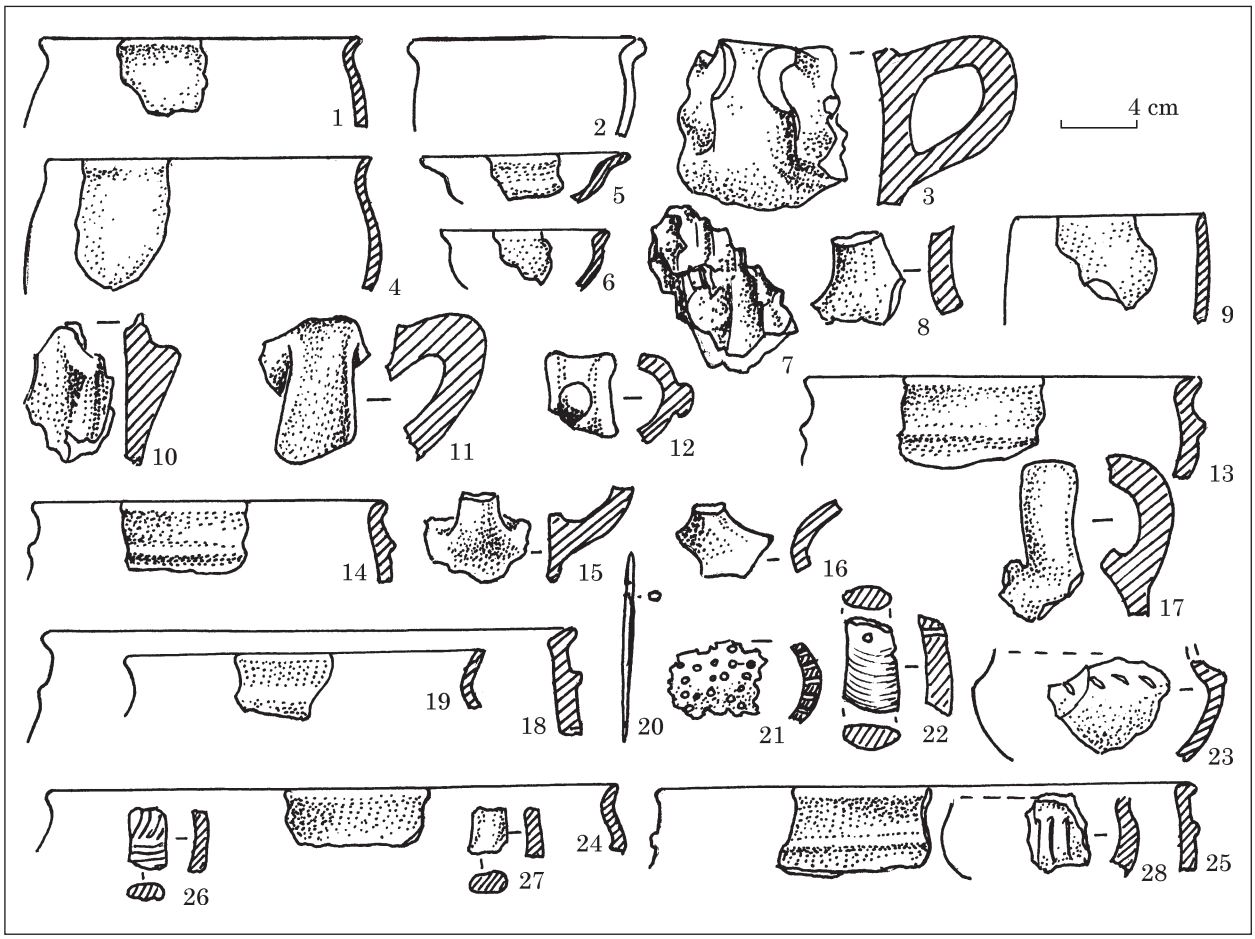

Fig. 2. Suruceni, construction 2, pottery

with an eyelet (Levitsckii, Sava 1993, p. 126, 129, fig. 3: 9; Sava 2014, p. 78, 91, fig. 49: 12), which is a chronological indicator of the 13th—12th centuries BC — the time of the transition from the final period of the Bronze Age to the «the incised pottery» cultural horizon.

At the Saharna Mare / Dealul Mănăstirii settlement, in addition to the materials from the «incised pottery» cultural layer, a closed complex was also excavated — pit 177. The pit had a cylindrical shape with a diameter of 1.9 m and a depth of 1.1 m. In it there were fragments of pots-jars and cups with the maximum diameter at the bottom of the body, with incised ornamentation, and a bronze needle with the protome and eyelet similar to those of Petruşeni III «La Cigoreanu» and Rotbav (Braşov) dated the 13th—12th centuries BC (Dietrich, Dietrich 2008, p. 90, Taf. II: 2; Dietrich 2014, p. 142, Taf. 26: 386—394). Analysis of the needle (Ösennadel) and the pottery shows that the period of functioning of the site did not exceed the 12th—11th centuries BC. Thus, the settlements of Suruceni, Petruşeni III «La Cigoreanu», Saharna Mare / Dealul Mănăstirii, Saharna Mică (early period) and Hansca completely fit into the transition period, forming a cultural level known as the Holercani-Hansca-Saharna culture, presenting the link between the Bronze and Iron Ages.

During the same period, research was continued at the Hansca-La «Matca» settlement, where the remains of a surface construction were fully identified. There are a platform of pieces of burnt clay and fragments of pottery. The pieces of clay of different sizes were subjected to intense burning, which made them hard adobe. This agglomeration was rectangular in shape, stretching from southeast to northwest on a length of 11 m, with a width of about 5 m (fig. 3). In the middle of the platform there is a more intense concentration of burnt clay pieces located transversely from east to west, with a width of between 0.8—0.85 m. The agglomeration seems to be the remains of a wall that divided the construction into two rooms. The northern room was 6.5 × 5.0 m in size and the southern one of about 4.7—5.0 m. In the northwest corner of the northern room the remains of the hearth destroyed in prehistoric time were found. Several pieces of burnt clay from the hearth platform have been preserved. The remains of the hearth were found in the middle of a pit, oval in plan, with the diameters of 0.90 × 2.40 m and the depth of 1 m. It was a pile of pieces of burnt clay, the diameter of which is 0.80 m and the height is 0.70 m (fig. 3).

In the middle of the southern room there was a platform of limestone pieces, oval in shape, with

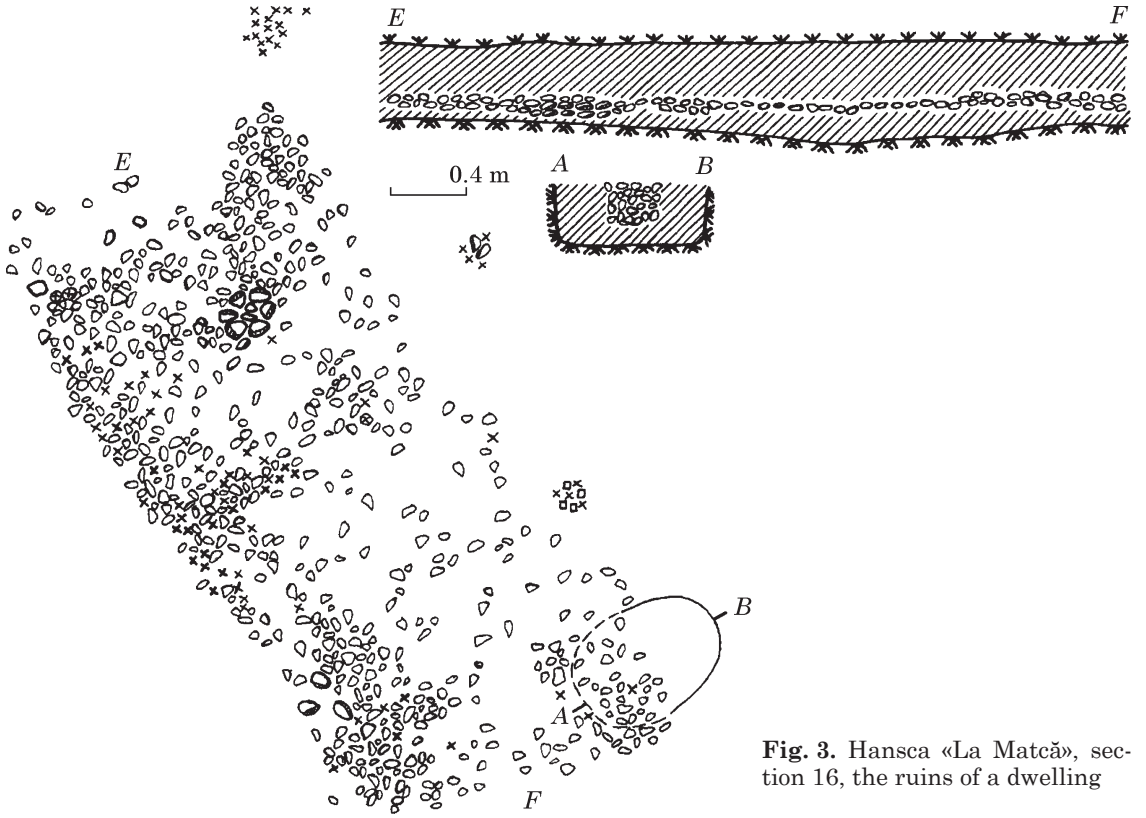

Fig. 3. Hansca «La Matcă», section 16, the ruins of a dwelling

the diameters of 0.9 × 0.7 m. Most of the stones had traces of burning (fig. 3). Thus, it can be concluded that these are the ruins of a building with two rooms that were heated by hearths, and then looked like a dwelling. From the surface dwelling, along with the pieces of burnt clay, a rich ceramic material was preserved, the study of which allowed the distinguishing of several forms of pots. It should be noted that most of the fragments, including graphically restorable, belong to rudimentary ceramics made of clay with chamotte ingredients. Among the graphically restorable fragments of interest are:

• Bag-shaped vessels with the lip slightly bent outwards, ornamented with the incised belt with oblique alveoli (fig. 4: 4, 6). Similar objects are known for the late Bronze Age, being found at Ulmu, Sultana (Morintz 1978, p. 130, fig. 68: 12; p. 138, fig. 76: 12), Cobâlea (Sava 2014, p. 231, fig. 152: 1, 5) and other sites attributed to the complex of Noua-Sabatinovka-Coslogeni dated the 16th—13th centuries BC (Sava 2002, p. 213—220; Sava 2014, p. 522).

• Jar-shaped vessels with vertical rounded lip. Some specimens have a perforation under the lip (fig. 4: 8). This type of vessel is widespread in the sites of the late Bronze Age and the 1st millennium BC.

• Vessels with trumpet-shaped neck and globular body. The well-shaped neck is ornamented with a decoration consisting of 5—8 incised horizontal lines (fig. 4: 2, 7, 10). The shoulder of a vessel or the area of maximum diameter of its body in some cases are decorated with four symmetrically flattened knobs (fig. 4: 7, 10), in other cases under the strip of horizontally incised lines there is a decoration consisting of double angles (fig. 4: 2). Specimens similar by shape and decor were also found at this settlement (Никулицэ 1981, с. 80, рис. 4: 2). Vessels with trumpet-shaped neck decorated with incised lines, but also with a rich ornament on the line of the maximum diameter of the body are characteristic of the Ticvanul Mare-Karaburma III group of «*…the period of transition from the Bronze Age to the first period of the Iron Age, the middle of the 12th — the end of the 11th century BC*» (Gumă 1993, p. 179, pl. XXV: 2). Similar specimens are also known by the discoveries at Prăjeşti, Epureni and other sites characteristic of the Gava-Holigrady and Corlăteni-Chişinău cultures (Laszlo 1994, p. 282, fig. 62: 7, 8; p. 291, fig. 71).

• Vessels with corrugated lip (fig. 4: 9). Artifacts of this type are known by the discoveries at Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, p. 222, fig. 4: 3), Saharna-Țiglău (Niculiță, Nicic 2014, p. 250, fig. 35: 3), Grăniceşti (Laszlo 1994, p. 249, fig. 29: 1) of the second half of the 12th century BC (Laszlo 1994, p. 162).

• Cups with vertical neck, rounded body with maximum diameter at the top, and the raised handle (fig. 4: 1). A similar specimen before the identification was found in the burial complex at Hansca (Levițki 1994b, p. 245, pl. 6: 8). Cups with the maximum diameter at the top of the body were still used by the communities of the late Bronze

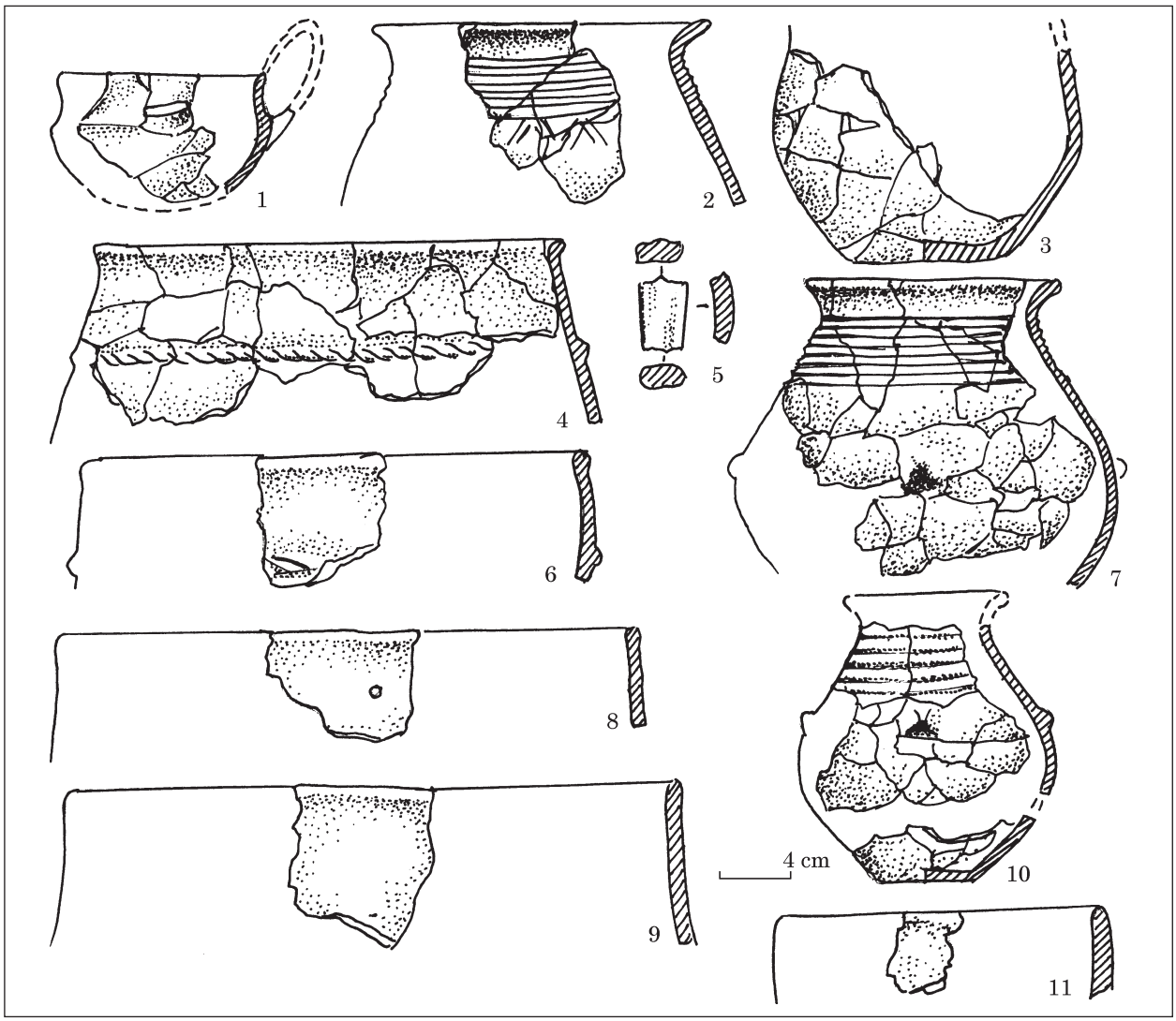

Fig. 4. Hansca «La Matcă», pottery

Age, which are known by the specimens found at the Coslogeni type settlement at Radovanu (Morintz 1978, p. 144, fig. 83: 1, 11; fig. 84: 1). Similar objects with the raised handle, the lower end of which is located in the area of the maximum diameter of the body, have been found at the early Iron Age settlement of Saharna-Țiglău (Niculiță, Nicic 2014, p. 284, fig. 69: 8), the Alcedar necropolis (Кашуба 2000, с. 391, рис. LXVII: 7, 8), and at other sites of the Middle Dniester region.

The analysis of the materials collected at the closed complexes of the settlements of Suruceni, Hansca «La Matcă», Petruşeni III «La Cigoreanu», Saharna Mare / Dealul Mănăstirii, Saharna Mică, Saharna-Țiglău seems to show the existence of a link between the material cultures of the final stage the Bronze Age and the beginning of the Iron Age. However, this does not mean that the evolutionary processes that have taken place in certain micro-zones must necessarily coincide with the cultural-chronological situation in the surrounding areas. Processes similar to those of Suruceni, Hansca, Saharna Mare / Dealul Mănăstirii were also descried at other sites, but in different variants. The Saharna Mică settlement, which was actively developing in the XII—XI centuries BC, was abandoned at the beginning of the X century BC, and then again inhabited in the second half of the VIII century BC. The Saharna «La Şanț» settlement was founded and existed since the X—IX centuries BC, as well as the settlement of Glinjeni, and so on. In this context, we believe that it is counterproductive to put forward the idea that the evolutionary process was the same for the entire area under consideration and occurred in the same chronological period. It is worth noting that the theories of indigenism and migrationism — this constantly dominant disease in the historiography of the 20th century — require new approaches associated with reliable statistical calculations, including detailed characteristics and classifications, as well as a thorough analysis of placement and topography of the sites, of all categories of artifacts, rituals and funeral rites, objects of art and religious worship.

BIBLIOGRAPHY

Балагури, Э. 2001. *Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы*. Ужгород: Ужгородський університет.

Каврук, В. И. 1985. Новый памятник эпохи бронзы в Центральной Молдавии. *Археологические исследования в Молдавии в 1981 г.*, с. 83-94.

Кашуба, М. Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом. *Stratum plus*, 3, с. 241-488.

Мелюкова, А. И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.

Никулицэ, И. Т. 1979. Некоторые вопросы позднебронзовых культур в свете новых исследований. В: *Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов*. Донецк, с. 87-88.

Никулицэ, И. Т. 1981. Гальштатское поселение в Ханском микрорайоне. *Археологические исследования в Молдавии в 1974—1976 гг.*, с. 71-89.

Сава, Е., Кайзер, Э. 2001. *Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова. Археологические и естественнонаучные исследования*. Кишинэу: Bons Offices.

Смирнова, Г. И. 1969. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII — середина VII в. до н. э.). В: Златковская, Т. Д., Мелюкова, А. И. (ред.). *Древние фракийцы в Северном Причерноморье*. Москва: Наука, с. 7-34.

Стоянов, Т. 1997. *Могилен некропол от ранножелязната епоха. Сборяново I.* София.

Dietrich, L. 2014. *Die mittlere und späte Bronzezeit und die ältere Eisenzeit in Südostsiebenbürgen aufgrund der Siedlung von Rotbav*. Bonn: Dr. R. Habelt GmbH.

Dietrich, L., Dietrich, O. 2008. Alte und neue Bronzefunde aus Rotbav «La Pârâuț». *Materiale şi cercetări arheologice s. n.*, 3, p. 89-102.

Florescu, F., Căpitanu, V. 1968. Câteva observații privitoare la sfârşitul epocii bronzului în lumina ultimelor cercetări arheologice efectuate de muzeul de istorie din Bacău. *Carpica*, I, p. 35-47.

Gumă, M. 1993. *Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României*. Bucureşti.

Istoria… 2010. *Istoria românilor*. Bucureşti, I.

Laszlo, A. 1994. *Începuturile epocii fierului la est de Carpați*. Bucureşti.

Levițki, O. 1994a. *Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați*. Bucureşti.

Levițki, O. 1994b. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al compexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată. In: Roman, P., Alexianu, M. (eds.). *Relation Thraco-Illyro-Heleniques*. Bucarest, p. 219-256.

Levitsckii, O. G., Sava, E. N. 1993. Nouvelles recherches des établissements de la culture Noua la zone comprise entre le Prout et le Nistru. *Culture et civilisation au Bas Danube*, 10, p. 125-157.

Morintz, S. 1970. Autour de l'origine et de l'évolution de Hallstatt ancien en Roumanie. In: *Actes du VII-e Congrès International de Sciences Prehistoriques*. Praha, p. 729-732.

Morintz, S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii*. Bucureşti.

Nicic, A. 2008. *Interferențe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mileniului I a. Chr*. Chişinău: Bons Offices.

Niculiță, I., Teodor, S., Zanoci, A. 2002. *Butuceni. Monografie arheologică*. Bucureşti.

Niculiță, I., Zanoci, A., Arnăut, T. 2008. *Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna)*. Chişinău: Bons Offices.

Niculiță, I., Arnăut, T. 2010. L'inventaire funeraire — une source informative ou / et indice social et symbole religieux (Base sur les materiels des necropoles du I millenaire av. J. C. de l'est des Carpates). *Istros*, XVI, p. 185-206.

Niculiță, I., Nicic, A. 2014. *Aşezarea şi necropola din prima epoca ă fierului Saharna-Țiglău*. Chişinău: Bons Offices.

Niculiță, I., Zanoci, A., Băț, M. 2016. *Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca fierului*. Chişinău: Bons Offices.

Sava, E. 2002. *Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten*. Kiel.

Sava, E. 2014. *Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spațiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka)*. Chişinău: Bons Offices.

REFERENCES

Balaguri, E. 2001. *Naselenie Verkhnego Potisia v epokhu bronzy*. Uzhgorod: Uzhgorodskyi universitet.

Kavruk, V. I. 1985. Novyi pamiatnik epokhi bronzy v Tsentralnoi Moldavii. In: Beilekchi, V. S. (ed.). *Arkhelogicheskie issledovaniia v Moldavii v 1981 g*. Kishinev, s. 83-94.

Kashuba, M. T. 2000. Ranee zhelezo v lesostepi mezhdu Dnestrom i Siretom. *Stratum plus*, 3, s. 241-488.

Meliukova, A. I. 1979. *Skifia i frakiiskii mir*. Moskva: Nauka.

Nikulitse, I. T. 1979. Nekotorye voprosy pozdnebronzovykh kultur v svete novykh issledovanii. In: *Problemy epokhi bronzy Iugo-Vostochnoi Evropy. Donetsk. Tezisy dokladov*. Donetsk, s. 87-88.

Nikulitse, I. T. 1981. Galshtatskoe poselenie v Khanskom mikroraione. *Arkhelogicheskie issledovaniia v Moldavii v 1974—1976 gg.*, s. 71-89.

Sava, E., Kaiser, E. 2001. *Poselenie s «zolnikami» u sela Odaia-Michurin, Respublika Moldova. Arkheologicheskie i estestvennonauchnye issledovaniia*. Chişinău: Bons Offices.

Smirnova, G. I. 1969. Poselenie Magala — pamiatnik drevnefrakiiskoi kultury v Prikarpatie (vtoraia polovina XIII — seredina VII v. do n. e.). In: Zlatkovskaia, T. D., Meliukova, A. I. (eds.). *Drevnie frakiitsy v Severnom Prichernomorie*. Moskva: Nauka, s. 7-34.

Stoianov, T. 1997. *Mogilen nekropol ot rannozheliaznata epokha. Sborianovo I*. Sofiia.

Dietrich, L., Dietrich, O. 2008. Alte und neue Bronzefunde aus Rotbav «La Pârâuț». *Materiale şi cercetări arheologice s. n.*, 3, p. 89-102.

Dietrich, L. 2014. *Die mittlere und späte Bronzezeit und die ältere Eisenzeit in Südostsiebenbürgen aufgrund der Siedlung von Rotbav*. Bonn: Dr. R. Habelt GmbH.

Florescu, F., Căpitanu, V. 1968. Câteva observații privitoare la sfârşitul epocii bronzului în lumina ultimelor cercetări arheologice efectuate de muzeul de istorie din Bacău. *Carpica*, I, p. 35-47.

Gumă, M. 1993. *Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României*. Bucureşti.

Istoria… 2010. *Istoria românilor*. Bucureşti, I.

Laszlo, A. 1994. *Începuturile epocii fierului la est de Carpați*. Bucureşti.

Levițki, O. 1994a. *Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați*. Bucureşti.

Levițki, O. 1994b. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al compexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată. In: Roman, P., Alexianu, M. (eds.). *Relation Thraco-Illyro-Heleniques*. Bucarest, p. 219-256.

Levitsckii, O. G., Sava, E. N. 1993. Nouvelles recherches des établissements de la culture Noua la zone comprise entre le Prout et le Nistru. *Culture et civilisation au Bas Danube*, 10, p. 125-157.

Morintz, S. 1970. Autour de l'origine et de l'évolution de Hallstatt ancien en Roumanie. In: *Actes du VII-e Congrès International de Sciences Prehistoriques*. Praha, p. 729-732.

Morintz, S. 1978. *Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii*. Bucureşti.

Nicic, A. 2008. *Interferenţe cultural-cronologice în nordvestul Pontului Euxin la finele mileniului I a. Chr*. Chişinău: Bons Offices.

Niculiţă, I., Teodor, S., Zanoci, A. 2002. *Butuceni. Monografie arheologică*. Bucureşti.

Niculiţă, I., Zanoci, A., Arnăut, T. 2008. *Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna)*. Chişinău: Bons Offices.

Niculiţă, I., Arnăut, T. 2010. L'inventaire funeraire — une source informative ou / et indice social et symbole religieux (Base sur les materiels des necropoles du I millenaire av. J. C. de l'est des Carpates). *Istros*, XVI, p. 185-206.

Niculiţă, I., Nicic, A. 2014. *Aşezarea şi necropola din prima epoca ă fierului Saharna-Ţiglău*. Chişinău: Bons Offices.

Niculiţă, I., Zanoci, A., Băţ, M. 2016. *Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului*. Chişinău: Bons Offices.

Sava, E. 2002. *Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten*. Kiel.

Sava, E. 2014. *Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka)*. Chişinău: Bons Offices.

І. Нікуліце

СПІВВІДНОШЕННЯ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГІЧНИХ ГРУП КІНЦЯ II — ПОЧАТКУ I тис. до н. е. В ПРУТО-ДНІСТРОВСЬКОМУ РЕГІОНІ

Проблема співвідношення культурних груп фінального етапу пізньобронзового віку і раннього Гальштату була предметом численних дискусій в історіографії XX ст, залишаючись такою і понині. В ході цих дебатів чітко визначилися два напрямки. Одні дослідники вважають, що в матеріальній культурі пізньобронзового віку і раннього залізного віку чітко спостерігається певний хронологічний розрив.

Інші дотримуються протилежної думки, вказуючи на існування генетичного зв'язку у виборі місця проживання, топографії поселень, архітектоніки житлових і господарських споруд, поховальному ритуалі, в використанні певних типів посуду, так само як і в практикуванні схожого орнаменту.

Дійсно, в ході дослідження встановлено, що близько 37 % поселень ранньозалізного часу перекривають селища пізньобронзового віку. Велика подібність спостерігається в будівництві жител. У поховальному обряді в обох відрізках часу широко застосовується бірітуалізм. Здавалося, що все це вказує на генетичний зв'язок культур кінця бронзового віку і раннього заліза. Разом з тим, виявлений в закритих комплексах матеріал з досить чітким датуванням XII—XI ст. до н. е., вказує на те, що посудини, прикрашені прокресленим декором, які добре відомі на завершальному етапі пізньобронзового віку, характерні і для культур Холеркань-Ханська ранньогальштатского часу.

У закритому комплексі на поселенні Суручень знайдений керамічний матеріал, характерний для обох періодів. Аналогічна ситуація і на поселенні Ханська. Ці та інші пам'ятки представляють сполучну ланку між двома історичними епохами — бронзовим і залізним віками Однак, це явище не слід розглядати як обов'язкове для всього зазначеного регіону. Цей історичний процес відбувався, по всій ймовірності, різночасно на всьому зазначеному просторі.

Ключові слова: Пруто-Дністровскьке межріччя , пізня бронзова доба, ранній залізний вік, поселення, могильники, кераміка.

Одержано 19.04.2019

НІКУЛИЦЕ Іон, доктор історичних наук, професор, Молдавський державний університет, вул. Матеєвич, 60, Кішінеу, 2009, Республіка Молдова.
NICULIŢĂ Ion, Doctor of Historical Sciences, Professor, Moldova State University, 60 Mateevici str., Chişinău, 2009, Republic of Moldova.

УДК: 904.5(4-11)”637/638”

В. В. Отрощенко

ДО ПРОБЛЕМИ РОЗПІЗНАВАННЯ ПОХОВАНЬ ЧОРНОГОРІВСЬКОЇ ГРУПИ

Статтю присвячено питанням формування та поповнення джерельної бази чорногорівської групи поховань. Розглянутий каталог кіммерійських поховань, створений С. В. Махортих (2005), запропоновані підходи до його удосконалення та очищення від комплексів доби фінальної бронзи та артефактів з пам’яток осілого населення кіммерійської доби. Звернено увагу на нерозпізнані досі комплекси чорногорівсько групи через помилкову культуру атрибуцію їх.

Ключові слова: *чорногорівська група поховань, каталог пам’яток, доопрацювання та поповнення джерельної бази.*

В ювілей провідного українського скіфолога Сергія Анатолійовича Скорого хочеться віддати належне його внеску у дослідження кіммерійської теми. Викликає повагу його послідовна позиція у відстоюванні історичності кіммерійців у Надчорномор’ї на ранній фазі залізного віку (Скорий 1991, с. 14—24). Своє бачення кіммерійської проблеми дослідник розгорнуто обґрунтував у монографії «Киммерийцы в украинской лесостепи» (Скорый 1999, с. 66—78). Актуальність кіммерійської проблематики зростає нині у світлі концепції О. Пріцака щодо початків історії України приблизно від VII ст. до н. е., коли: «*У степовій Україні (обабіч Дніпра) створили свій кочовий пакс іранські скити. Це перший відомий в історії такий “пакс” (якщо не рахувати Гомерових кіммерійців, про яких ми нічого докладніше не знаємо)*» (Пріцак 2015, с. 196—197).

Приймаючи загалом концепцію великого науковця до розробки, варто уточнити, що історію України слід розпочинати не з державних проектів від VII ст. до н. е., якими б доленосними вони не були, а з кіммерійської доби IX—VIII ст. до н. е. Адже українські дослідники впродовж останніх сорока років великою мірою розвіяли морок кіммерійський, матеріалізувавши культуру ранніх номадів доскіфської доби та ідентифікувавши її з етносом кіммерійців. «*Кіммерійці — перший писемно засвідчений народ на території нашої землі, тому його етногенез є ключем до розуміння найдавнішого етапу історії України і допомагає знайти витоки тих народів, які її населяли*» (Коваленко 1998, с. 94).

Подальша аргументація такого бачення історичних процесів істотно залежить від кількості та якості відповідних археологічних джерел. Системною спробою їх консолідації стала монографія «Киммерийцы» (Тереножкін 1976). Невдовзі було заявлено спробу розширення джерельної бази до 180 поховань останнього до скіфського періоду (Дворниченко 1976, с. 96). Проте, В. О. Кореняко, спираючись на переконливо датовані та гарно документовані комплекси, називає лише 72 поховання цього періоду. Серед них лише 33 з ознаками явної скороченості небіжчика (Кореняко 1985). Водночас дослідник рішуче виступив проти розширення кола поховань передскіфського періоду за рахунок безінвентарних комплексів, критикуючи вибірки відповідних поховань (Тереножкін 1976; Дворниченко 1978; Мамонтов 1980). В. О. Кореняко, побоюючись помилки, невиправдано звужував коло реальних доскіфських поховальних комплексів. Проте, безінвентарні поховання є складовою та невід’ємною частиною будь-якої археологічної культури. Без них важко вивчати соціальну структуру давніх спільнот, які надавали особливого значення речовому супроводу. Так, у нижньоволзькій вибірці В. І. Мамонтова 27 поховань з 50 були

© В. В. ОТРОЩЕНКО, 2019

безінвентарними (Мамонтов 1980, с. 188—192), а в регіональній вибірці миколаївських дослідників лише 14 поховань з 58 мали речовий супровід (Гребенников, Елисеев, Клюшинцев 1984, с. 33, 45).

Отже, безінвентарні поховання передскіфського періоду, виділені за комплексом неявних ознак, також повинні відстежуватись і долучатися до сумарних характеристик чорногорівської та новочеркаської груп поховань. Тому намагання С. В. Махортих працювати майже виключно з інвентарними комплексами, на мою думку, дещо деформують наочний образ носіїв відповідних пам'яток, а отже й кіммерійців. Наведу конкретний приклад. У кург. 7 біля с. Жовтневе Токмацького р-ну Запорізької обл. виявлено 2 комплекси чорногорівської групи (пп. 1 та 3). Проте, в реєстр потрапило лише поховання 3 з двома горщиками (Махортых 2005, с. 329, 180, рис. 83: 1—3). Між тим, обидва поховання були визначені як кіммерійські ще у звіті про розкопки. Поховання 1, що є ніби дзеркальною проекцією захоронення 3 за позицією небіжчика (на лівому боці, а не на правому) та супроводжувалося шматком м'яса дрібної рогатої худоби, астрагалом та кавалком глини фіолетового відтінку, так і лишилось поза увагою згаданого дослідника (Отрощенко та ін. 1981, с. 57—59). Так досить унікальний факт наявності двох поховань чорногорівського типу в межах одного насипу не отримав відповідного аналізу.

Автор із колегами впродовж 1980-х—1990-х рр. особливу увагу приділив прискіпливому виділенню поховань чорногорівського типу з кола поховань енеоліту та доби бронзи, що вилилося в низку публікацій (Гошко, Отрощенко 1986; Отрощенко 1989, с. 111—112; 1993; Отрощенко, Рассамакін 1990; Бокий, Горбул, Отрощенко 1991). Переважну кількість чорногорівських поховань виокремлено серед комплексів культурного кола Бабине та степових культур діб пізньої та фінальної бронзи (Отрощенко 2001, с. 111—112, 192—193). Зрештою, число врахованих автором комплексів чорногорівської групи сягає нині двохсот.

Проте, в монографії С. В. Махортих залучено лише 129 з них (Махортых 2005, с. 29). На правах офіційного опонента цього ґрунтовного та безумовно корисного дослідження мушу зробити деякі зауваження, висловлені ще на захисті та спрямовані на подальшу розробку чорногорівської проблематики. Не варто обмежувати масив кіммерійських комплексів на сході сучасним кордоном України та РФ. Ліпше охоплювати весь доскіфський ареал ранніх кочовиків півдня Східної Європи (Махортых 2005, с. 36, рис. 1). Іншу проблему створює каталог комплексів, поданий за абеткою, що нівелює їхню локальну специфіку та обрядові особливості як чорногорівських, так і новочеркаських комплексів (Махортых 2005, с. 144—254, 313—367, рис. 47—157). Не ставлячи під сумнів потребу в такому реєстрі, варто розбірливіше підходити до комплектування його джерельної бази, а саме — роздільно групувати чорногорівські та новочеркаські поховання з урахуванням локальної специфіки (варіантів). Це б унаочнило наступне їх зіставлення.

Не менш важливо уникати використання в графічній складовій згаданого каталогу суперечливих, а фактично чужорідних, матеріалів. Перш за все бентежать комплекси білозерської культури в реєстрі кіммерійських: Аккермень, кург. 3, пох. 1; Сивашівка, кург. 10, пох. 1; Глиноє, кург. 4, пох. 2; Бехтери, кург. 1, пох. 7; Дубовики, кург. 1, пох. 2. Ще більше заперечення викликала поява в реєстрі матеріалів могильників білозерської культури доби фінальної бронзи: Александрівського, кург. 1 (Махортых 2005, с. 147, рис. 50: 1—7); Первомаївського, Чернянського (Махортых 2005, с. 156, рис. 59: 3—4; с. 182, рис. 85: 4); Суворовського могильників (Махортых 2005, с. 244, рис. 147: 4—17) та курганно-ґрунтового цвинтаря Казаклія в Республіці Молдова (Agulnikov 1996; Махортых 2005, с. 166, рис. 69: 7; с. 187, рис. 90: 8; с. 205, рис. 108: 9).

Порівнювати кераміку білозерської культури та чорногорівської групи звичайно можна й треба в пошуках витоків керамічних традицій, але робити це варто в аналітичній частині дослідження. Замулювання реєстру пам'яток ранніх номадів артефактами з білозерських поховань попередньої доби пасторалізму, а також із поселень та городищ осілого населення кизил-кобинської, чорноліської та інших культур, дещо розмиває кінцеві результати дослідження. Зазначу, що перехід від осілого до кочового способу життя погіршив якість власного керамічного посуду степовиків, за певної формальної схожості з відповідними артефактами попередньої доби. Особливо дивує, коли один і той же кубок білозерської культури (Чернянка, пох. 8а) фігурує в реєстрі тричі, як близький до кіммерійських (Кубышев, Черняков 1986, с. 147, рис. 6: 6). До того ж в усіх трьох випадках ця «близькість» не є тотожною та переконливою (Махортых 2005, с. 156, рис. 59: 3, 5; с. 185, рис. 88: 2, 4; с. 205, рис. 108: 7, 10). Особливо це стосується третього випадку (кург. 2, пох. 2 біля с. Личкове в Пооріллі), де горщик декорований сплощеним рельєфним виступом підпрямокутної форми та потрійними шевронами, що спускаються на тулуб поміж трикутниками. В. А. Ромашко попервах відніс цей комплекс до поховань новочеркаського типу (Ромашко 1979, с. 106, рис. 1: 9—11), але В. І. Костенко вважав тотожне за ритуалом поховання (с. Спаське, кург. 4, пох. 4), теж із залізним ножиком, ранньосарматським (Костенко 1979, с. 125, 132, табл. 2: 1). Інші дослідники підтримали сарматську належність останнього (Полин, Симоненко 1990, с. 93, рис. 3: 5). Понад те, потрійні

шеврони та трикутники, опущені вершиною донизу, показові для ранньосарматських комплексів у степах України (Полин 1992, с. 197, рис. 20: 16, 19).

Додам також, що не було вже у кіммерійців кинджаликів з паралельними лезами, навіть залізних. Тому й немає резону вставляти до реєстру кіммерійських комплекс білозерської культури з с. Бехтери, кург. 1, пох. 7 (Махортых 2005, с. 316, рис. 54: 3—4).

При цьому, не виключені випадки потрапляння окремих впускних поховань чорногорівської та новочеркаської груп до курганів культурного кола Бабине, бережнівсько-маївської зрубної та білозерської культур. Зокрема, повторно звертаю увагу на пох. 5 у кург. 5 Первомаївського могильника (Евдокимов 1987, с. 109, рис. 1: 1; 2, 9; Отрощенко 2001, с. 192). У публікації Г. Л. Євдокимова наголошено, що це поховання є основним, належним до «сабатинівського часу» та ще й таким, що мало круглий насип, позначений на плані крапочками. Дерев'яне перекриття пох. 5 нібито було зруйноване елітним пох. 3 «білозерського часу». Підстав для такої реконструкції подій немає, позаяк: в порушення методики розкопок була відсутня бодай одна контрольна бровка (висота кургану — 0,6 м), а це значить, що пох. 5 виявлене десь у передматериковому суглинку, упритул до північного кута пох. 3. На плані й перетині пох. 5 будь-які ознаки дерева відсутні (рис. 1: 8). Згадуване ж у публікації дерев'яне перекриття пов'язане з основним пох. 3, але хибна методика розкопок не дозволила зафіксувати його на рівні давньої поверхні. Довідка: елітні поховання білозерської культури, на відміну від чорногорівських, ніколи не влаштовувались у курганах, зведених населенням попередніх культур. Можна припустити, що сучасники не лише чітко вирізняли насипи білозерської культури від давніших, але й свідомо грабували перші та оминали другі.

Поза тим, придивимось до впускного в білозерський курган пох. 5. Чоловік 25—30 років лежав у ямі зі закругленими кутами на лівому боці головою на схід—північний схід (рис. 1: 8). Руки, зігнуті у ліктях під тупим кутом, спрямовані кистями до південної стінки ями, а ліва кисть — заломлена донизу. Ноги в крижових суглобах зігнуті під тупим кутом, а в колінних — під гострим. Перед обличчям небіжчика покладено шмат м'яса корови, а біля ліктя лівої руки лежав астрагал (рис. 1: 7) дрібної рогатої худоби (Евдокимов 1987, с. 113, рис. 2: 9—10). Переконливих ознак належності до поховань доби пізньої бронзи цей небіжчик не має, а позиція тіла, напутня їжа й особливо розташування рук щодо кістяка дозволяють віднести даний комплекс до чорногорівської групи поховань (Отрощенко 2001, с. 192).

Аналогічне за позою небіжчика та позицією його рук поховання в підбої виявлене в гр. I, кург. 1, пох. 5 біля с. Нова Одеса в Миколаївській обл. Варто лише додати, що вхідна яма цього поховання в досить глибокій катакомбі була заповнена вапняковим камінням, а небіжчик знаходився у дерев'яній скрині, пази якої були скріплені глеєм (рис. 1: 9). Чомусь на плані цього поховання скриня не була позначена жодним чином. Дослідники комплексу датували його широко: «пізня бронза — ранній залізний вік» (Шапошникова и др. 1974, с. 52—53). Проте ні для пізньої, ні для фінальної бронзи не були характерні катакомби, а в чорногорівців ця традиція реально відроджується (Литвиненко 1999, с. 156—157, рис. 1).

За комбінацією виставлених перед тілом небіжчика рук два попередні комплекси зближуються зі «зрубними» пп. 9 та 19 у кург. 4 біля с. Новочорномор'є Голопристанського р-ну Херсонської обл. (Ковпаненко, Качалова, Шарафутдінова 1967, с. 67—68, рис. 2: *5*, 3, пп. 9, 19, 4, 11). Проте, нині їх внесено до каталогу кіммерійських (Махортых 2005, с. 348, рис. 116: 8—11). З цим слід погодитися не лише зважаючи на наявність бронзових елементів начільних пов'язок в обох небіжчиків (рис. 1: 5—6), але й з огляду на позиції виведених наперед тіл кісток рук, зокрема, із заломленою кистю в пох. 19 (рис. 1: 6).

Зверну увагу на ще деякі виразні комплекси чорногорівського типу, що лишаються поза увагою дослідників доскіфського періоду, зокрема — на поховання 24, кургану 3 біля с. Троїцького Мелітопольського р-ну Запорізької обл. (Клейн 1960, с. 155—156, рис. 114). Автор розкопок визначив його культурну належність як «зрубне». Воно було впущене по центру насипу, й опинилося серед впускних поховань бережнівсько-маївської зрубної культури (БМЗК), але стратиграфічно виявилось найпізнішим щодо пп. 19, 22, 30, 38, частково зруйнувавши чи перекривши їх. Вапнякове перекриття поховальної споруди виявили безпосередньо під поверхнею насипу понад західною частиною поховального майданчика. Зберігся західний сегмент завалу (1 м у поперечнику на висоту 0,5 м). Поза тим, окремі камені та скупчення їх фіксувались і на східній частині конструкції. Контури споруди в чорноземному насипу не фіксувались, але за розташуванням кісток людини та тварини її розміри десь 2,2 × 1,4 м, глибина — 1 м, орієнтація — захід—схід. Скелет дорослої людини займав західну та центральну частину ями, де його покладено у слабко скорченому стані, на лівому боці головою на схід—південний схід (рис. 1: 1). Ліву руку небіжчика зігнули в лікті під гострим кутом так, що кисть її знаходилась на рівні очей. Праву руку було вивернуто ліктем наперед і плечова її кістка лягла на нижню щелепу людини, а лікоть перекрив зап'ястя лівої. Кістки передпліччя спрямували донизу таким чином, що кисть правої опинилася нижче ліктя лівої руки.

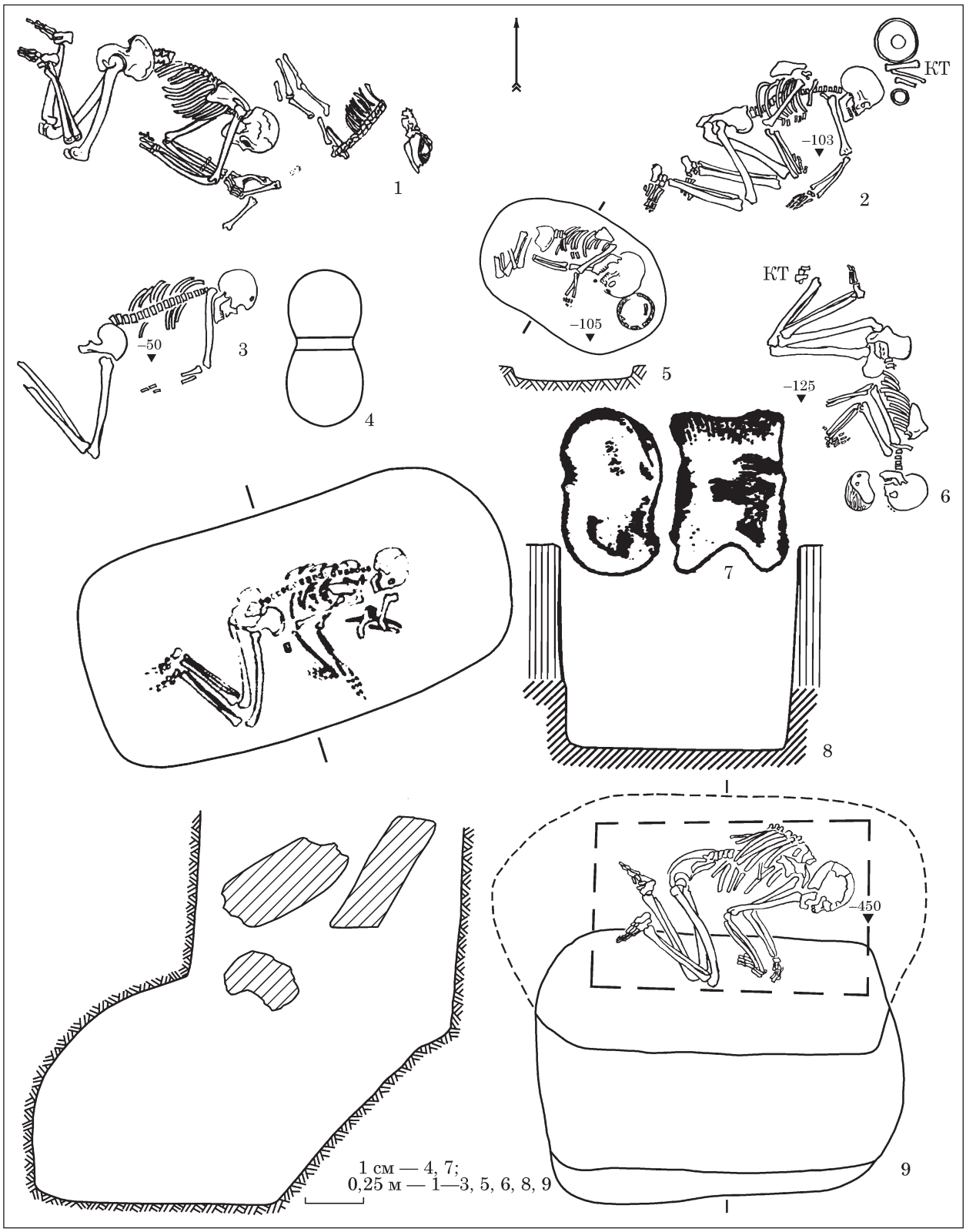

Рис. 1. Матеріали поховань: 1 — с. Троїцьке, кург. 3, пох. 24 (за Клейн 1960); 2 — с. Любимівка, кург. 23, пох. 2; 3—4 — с. Софіївка, ґрунтовий цвинтар; 5 — с. Новочорномор'я, кург. 4, пох. 9; 6 — с. Новочорномор'я, кург. 4, пох. 19 (за Ковпаненко и др. 1967); 7—8 — с. Первомаївка, кург. 5, пох. 5 (за Евдокимов 1987); 9 — м. Нова Одеса, гр. I, кург. 1, пох. 5 (за Шапошникова и др. 1974)

У північно-східному секторі споруди, вище потилиці небіжчика, знаходилися задня частина скелета та закинута за спину голова ягняти з верхніми хребцями шиї. Офіровану тварину поклали на правому боці, головою до сходу. Шматок м'яса з кістками передньої ноги вівці вклали в ліву руку небіжчика. Невеликі грудки червоної вохри поклали поміж кістками ягняти

та напутньою їжею в руці. Дрібні фрагменти трубчастого браслету виявлені на зап'ясті лівої руки, а окиси міді від кільця — на фаланзі правої. За 0,2 м від колін небіжчика виявлено уламок трохи відретушованого кременя.

Пох. 24 вирізнявся від 17 поховань БМЗК з кург. 3 біля с. Троїцьке не лише офірою ягняти, але й незвичним для носіїв зрубної спільноти розташуванням кісток рук небіжчика, коли одна з плечових кісток підведена до нижньої щелепи так, ніби вона її підтримує. Ще влітку 1968 р. авторові довелося розкопувати два обрядово подібні поховання. Одне з них виявлене у розмиві берега Каховського «моря» біля с. Софіївка Каховського р-ну Херсонської обл. на глибині 0,5 м. Там у небіжчика, покладеного у слабко скорченому стані, на лівому боці, головою на схід—північний схід зафіксовано бронзову вісімкоподібну бляшку на черепі (рис. 1: 4). Права плечова кістка людини була підведена до нижньої щелепи, а кістки передпліччя спрямовано униз, до колін (рис. 1: 3). Друге поховання було досліджене місяцем пізніше в кург. 23 Любимівської курганної групи в Каховському р-ні Херсонської обл. Поховання 2 було впущене до насипу ямної спільноти на глибину 1,03 м. Небіжчика покладено у сильно скорченому стані, на лівому боці, головою на схід—північний схід. Ліва плечова кістка людини підведена під нижню щелепу, а кістки передпліччя спрямовано до колін ніг. Кістки правої руки зігнуті в лікті під кутом більшим від прямого, а кістки передпліччя торкаються коліна лівої ноги. Звертає на себе увагу заломлена убік ліктя кисть лівої руки. Біля тімені померлого поставили два горщики, корчагу та чашечку, а поміж ними поклали шмат м'яса дрібної рогатої худоби (рис. 1: 2). Речовий супровід двох останніх поховань дозволяє віднести їх до чорногорівської групи, а специфічна позиція плечової кістки під нижньою щелепою дає підстави долучити до цієї обрядової групи й пох. 24 у кург. 3 біля с. Троїцького, а також виразні за речовим супроводом: кург. 2, пох. 8 біля с. Скелювате; с. Котовка, кург. 1, пох. 8; Західнодонузлавський кург. 1, пох. 5 (Махортых 2005, с. 234, рис. 137: 2—4; с. 199, рис. 102: 1—3; с. 179, рис. 82: 5—7).

Специфічна позиція плечової кістки, виведеної ліктем наперед, дозволяє ідентифікувати й безінвентарні поховання чорногорівського типу, навіть за відсутності виразного речового супроводу. Таким є поховання 6 кургану 1 групи Виноградний Сад II Доманівського р-ну Миколаївської обл. Жіноче поховання виявлене в катакомбі підбійного типу зі слідами насильницької смерті на черепі. У ногах небіжчиці, так само як і в пох. 24 кург. 3 біля Троїцького виявлених кременевий відщеп (Фиалко 2015, с. 59—60, рис. 22). Іще один комплекс із виведенням плечової кістки руки під щелепу людини та з кременевим відщепом у супроводі виявлено в пох. 2 кург. 3 біля с. Бревічень Оргеївського р-ну Республіки Молдова (Отрощенко 2001, с. 111—112). Попервах це поховання було зараховане до культури багатоваликової кераміки (Савва 1992, с. 72—73, рис. 25, 1—2).

Ареал поховань цієї обрядової групи від пониззя Дунаю на заході заходить на сході на лівий берег Волги, де в урочищі Ямки біля с. Політотдельське Ніколаєвського р-ну Волгоградської обл. досліджене пох. 8 в кург. 3. Його в публікації було також визначено як зрубне (Синицын 1960, с. 143). Небіжчика поховали в середньо скорченому стані на лівому боці із завалом на груди та головою на північний схід. Плечову кістку правої руки людини підвели до щелепи, лікоть її вивернуто наперед, а кості передпліччя розвернули донизу в напрямку нижніх ребер (рис. 2). Кисть руки заломлено таким чином, що вона торкається напутньої їжі (4 ніжки вівці). «*Погребенному как бы положили в руки ножки овцы*», зазначено в публікації (Синицын 1960, с. 142—143, рис. 50: 9). Тут напрошується аналогія з триманням м'яса в пох. 24 кург. 3 біля с. Троїцького (рис. 2: 2).

Узагальнюючи спостереження варто зазначити, що специфічною для поховань чорногорівсь-

Рис. 2. Матеріали поховань: 1 — с. Политотдельське, уроч. Ямки, кург. 3, пох. 8 (за Синицын 1960)

кої групи була досить вільна позиція небіжчиків на лівому боці з переважаючою орієнтацією на схід. Кістки ніг були зігнуті щодо хребта під прямим (50 випадків) чи тупим (38 випадків) кутом та під гострим кутом у колінах. Сильна скорченість (16 випадків) та позиція кісток рук перед обличчям (13 випадків) властива лише меншості небіжчиків (10—13 %). Рішуче переважала загальна спрямованість рук донизу (64 %). 17 % становлять випадки складного переплетіння рук перед грудьми, коли плечова кістка виставленої ліктем наперед руки ніби підтримує нижню щелепу небіжчика. Підрахунки проводились за вибіркою в 150 поховань. Специфічною ознакою чорногорівського ритуалу є заломлена кисть однієї з рук. Тобто, порівняно з «утробною» чи «такою, що спить» позиціями небіжчиків за доби пізньої бронзи, у кочовиків раннього залізного віку в тенденції проглядається поховальна поза «людини, що скаче», ймовірно вершника (Отрощенко 1989, с. 111—112).

Серед категорій супроводу найпрезентабельнішою є напутня їжа, виявлена у 82 похованнях. Тому наявність акуратно вирубаного шматка м'яса дрібної рогатої худоби, переважно, може слугувати підставою для винесення комплексу до групи чорногорівських, як от пп. 1 та 5 в кург. 4 біля с. Прибужани Вознесенського р-ну Миколаївської обл. (Отрощенко 2001, с. 112). Додатковими ознаками є присутність у похованні барвників (33 випадки), елементів налобної стрічки (26 випадків), самотніх відщепів кременя (20 одиниць) є додатковими підставами для культурної ідентифікації поховань чорногорівського типу в комплексі зі згаданими у статті особливостями поховального ритуалу.

Висловлені міркування та зауваження мають пролонгувати дискусію щодо чорногорівської групи пам'яток. Зокрема, варто звернути увагу на поповнення та упорядкування її джерельної бази з наголосом на вивчення не лише яскравого матеріального комплексу, але й нюансів поховального ритуалу цієї групи номадів доскіфського періоду.

ЛІТЕРАТУРА

Бокий, Н. М., Горбул, Г. П., Отрощенко, В. В. 1991. Киммерийские захоронения Кировоградщины. *Советская археология*, 1, с. 173-183

Гошко, Т. Ю., Отрощенко, В. В. 1986. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях. *Советская археология*, 1, с. 168-183.

Гребенников, Ю. С., Елисеев, В. Ф., Клюшинцев, В. Н. 1984. Погребения предскифского периода в Южном Побужье. В: Черняков, И. Т. (ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 33-49.

Дворниченко, В. В. 1978. Некоторые вопросы развития культуры предскифского периода. *Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института*, 221, с. 96-97.

Евдокимов, Г. Л. 1987. Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка. В: Шапошникова, О. Г. (ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, с. 107-126.

Клейн, Л. С. 1960. Кургани біля с. Троїцького. *Археологічні пам'ятки УРСР*, VIII, с. 141-163.

Коваленко, Н. А. 1998. *Кіммерійці: етнос та етнонім*. Харків: Основа.

Ковпаненко, Г. Т., Качалова, Н. К., Шарафутдинова, И. Н., 1967. Курганы у с. Новочерноморье Херсонской области. В: Лесков, А. М. (ред.). *Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР*. Киев: Наукова думка, с. 60-81.

Кореняко, В. А. 1985. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов). *Советская археология*, 4, с. 54-62.

Костенко, В. И. 1979. Сарматы в междуречье Орели и Самары. *Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э.*, 3, с. 124-139.

Кубышев, А. И., Черняков, И. Т. 1986. Грунтовый могильник белозерской культуры у села Черняка (Херсонской обл.). *Советская археология*, 3, с. 139-157.

Лесков, А. М., Черненко, Е. В., Болтрик, Ю. В., Зарайская, Н. П., Отрощенко, В. В. 1968. *Отчет о раскопках Каховской экспедиции за 1968 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1968/15.

Литвиненко, Р. О., 1999. К проблеме истоков черногоровского погребального обряда. В: Тощев, Г. Н. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологи Северного Причерноморья*. Запорожье, с. 155-160.

Мамонтов, В. И. 1980. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье. *Советская археология*, 1, с. 175-194.

Махортых, С. В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.

Отрощенко, В. В. 1989. Особенности погребений черногоровской группы. В: *Проблемы скифо-сарматской археологи Северного Причерноморья. Тезисы докладов областной конференции*. Запорожье, 1, с. 111-112.

Отрощенко, В. В. 1994. О погребениях черногоровского типа в Нижнем Подонье. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1993 г.*, 13, с. 103-117.

Отрощенко, В. В. 2001. *Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення)*. Київ: ІА НАНУ.

Отрощенко, В. В., Рассамакин, Ю. Я. 1990. Культурна належність окремих поховань «нижньо-михайлівського» типу. *Археологія*, 3, с. 101-107.

Отрощенко, В. В., Болдін, Я. И., Гошко, Т. Ю., Ляшко, С. Н., Рассамакин, Ю. Я., Ковалев, Н. В., Кравченко, С. Н., Пустовалов, С. Ж., Салий, Н. Г., Савовский, И. П. *Отчет Запорожской экспедиции за 1981 год*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1981/10.

Полин, С. В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев: ИА АН Украины; Археолог.

Полин, С. В., Симоненко, А. С. 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причорноморья. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, с. 76-95.

Пріцак, О. 2015. «Що таке історія України?». *Український історичний журнал*, 1, с. 177-210.

Ромашко, В. А. 1979. Новые киммерийские памятники в материалах экспедиций ДГУ. *Курганные*

древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э., 3, с. 104-110.

Савва, Е. Н. 1992. *Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Синицын, И. В. 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). *Материалы и исследования по археологии СССР*, 78: Памятники Нижнего Поволжья, II, с. 10-168.

Скорий, С. А. 1991. До питання про «культурну належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. *Археологія*, 3, с. 14-25.

Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в Украинской лесостепи*. Киев; Полтава: Археологія.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Фиалко, Е. Е. 2015. Амазонки во времени и пространстве. *Археологія і давня історія України*, 4 (17), с. 46-99.

Шапошникова, О. Г., Фоменко, В. Н., Бочкарев, В. С., Балушкин, А. М., Гребенников, Ю. С., Клюшинцев, В. Н., Ребедайло, Г. П., Рычков, Н. А. *Отчет о работе Ингульской новостроечной экспедиции в 1974 году*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1974/12.

Шапошникова, О. Г., Балушкин, А. М., Гребенников, Ю. С., Елисеев, В. Ф., Довженко, Н. Д., Клюшинцев, В. Н., Солтыс, О. Б., Фоменко, В. Н., Чмыхов, Н. А. *Отчет о работе Николаевской новостроечной экспедиции в 1986 году*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1986/18.

Agulnikov, S. 1996. *Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia*. Bucureşti. Biblioteka Thracologica.

REFERENCES

Bokii, N. M., Gorbul, G. P., Otroshchenko, V. V. 1991. Kimmeriiskie zakhoroneniia Kirovogradshchiny. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, p. 173-183.

Goshko, T. Iu., Otroshchenko, V. V. 1986. Pogrebeniia kimmeriitsev v katakombnykh i podboinykh sooruzheniiakh. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, s. 168-183.

Grebennikov, Iu. S., Eliseev, V. F., Kliushintsev, V. N. 1984. Pogrebeniia predskifskogo perioda v Iuzhnom Pobuzhe. In: Chernyakov, I. T. (ed.). *Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka, p. 33-49.

Dvornichenko, V. V. 1978. Nekotorye voprosy razvitiia kultury predskifskogo perioda. Drevnie kultury Povolzhia i Priuralia. *Nauchnye trudy Kuibyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 221, p. 96-97.

Evdokimov, G. L. 1987. Kurgannyi mogilnik belozerskogo vremeni u s. Pervomaevka. In: Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Drevneishie skotovody stepei iuga Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, s. 107-126.

Klein, L. S. 1960. Kurhany bilia s. Troitskoho. *Arkheolohichni pamiatky URSR*, VIII, s. 141-163.

Kovalenko, N. A. 1998. *Kimmeriitsi: etnos ta etnonim*. Kharkiv: Osnova.

Kovpanenko, G. T., Kachalova, N. K., Sharafutdinova, I. N., 1967. Kurgany u s. Novochernomore Khersonskoi oblasti. In: Leskov, A. M. (ed.). *Pamiatniki epokhi bronzy iuga Evropeiskoi chasti SSSR*. Kiev: Naukova dumka, s. 60-81.

Koreniako, V. A. 1985. Pogrebeniia epokhi perekhoda ot bronzy k zhelezu v stepiakh Iugo-Vostochnoi Evropy (sostoianie istochnikov i problema otbora faktov). *Sovetskaia arkheologiia*, 4, s. 54-62.

Kostenko, V. I. 1979. Sarmaty v mezhdureche Oreli i Samary. *Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprovia III—I tys. do n. e.*, 3, s. 124-139.

Kubyshev, A. I., Cherniakov, I. T. 1986. Gruntovyi mogilnik belozerskoi kultury u sela Cherniaka (Khersonskoi obl.). *Sovetskaia arkheologiia*, 3, s. 139-157.

Leskov, A. M., Chernenko, E. V., Boltrik, Iu. V., Zaraiskaia, N. P., Otroshchenko, V. V. 1968. *Otchet o raskopkakh Kakhovskoi ekspeditsii za 1968 g.* NA IA NANU, f. 64, 1968/15.

Litvinenko, R. A., 1999. K probleme istokov chernogorovskogo pogrebalnogo obriada. In: Toschev, G. N. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologi Severnogo Prichernomoria*. Zaporozhe, s. 155-160.

Mamontov, V. I. 1980. O pogrebeniiakh pozdnego etapa srubnoi kultury v Nizhnem Povolzhe i Volgo-Donskom mezhdureche. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, s. 175-194.

Makhortykh, S. V. 2005. *Kimmeriitsy Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Shliakh.

Otroshchenko, V. V. 1989. Osobennosti pogrebenii chernogorovskoi gruppy. In: *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologi Severnogo Prichernomoria. Tezisy dokladov oblastnoi konferentsii*. Zaporozhe, 1, s. 111-112.

Otroshchenko, V. V. 1994. O pogrebeniiakh chernogorovskogo tipa v Nizhnem Podone. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1993 g.*, 13, s. 103-117.

Otroshchenko, V. V. 2001. *Problemy periodyzatsii kultur serednioi ta piznioi bronzy pivdnia Shidnoi Yevropy (kulturno-stratyhrafichni zistavlennia)*. Kyiv: IA NANU.

Otroshchenko, V. V., Boldin, Ia. I., Goshko, T. Iu., Liashko, S. N., Rassamakin, Iu. Ia., Kovalev, N. V., Kravchenko, S. N., Pustovalov, S. Zh., Salii, N. G., Savovskii, I. P. *Otchet Zaporozhskoi ekspeditsii za 1981 god*. NA IA NANU, f. 64, 1981/10.

Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Iu. Ia. 1990. Kulturna nalezhnist okremykh pokhovan «nyzhnio-mykhailivskoho» typu. *Arkheolohia*, 3, p. 101-107.

Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii*. Kiev: IA AN Ukrainy; Arkheolog.

Polin, S. V., Simonenko, A. S. 1990. «Rannesarmatskie» pogrebeniia Severnogo Prichornomoria. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Podneprovia*. Dnepropetrovsk, s. 76-95.

Pritsak, O. 2015. «Shco take istoria Ukrainy?». *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*, 1, s. 177-210.

Romashko, V. A. 1979. Novye kimmeriiskie pamiatniki v materialakh ekspeditsii DGU. *Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprovia III—I tys. do n. e.*, 3, s. 104-110.

Savva, E. N. 1992. *Kultura mnogovalikovoi keramiki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechia*. Kishinev: Shtiintsa.

Sinitsyn, I. V. 1960. Drevnie pamiatniki v nizoviakh Eruslana (po raskopkam 1954—1955 gg.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 78: Pamiatniki Nizhnego Povolzhia, II, s. 10-168.

Skoryi, S. A. 1991. Do pytannia pro «kulturnu nalezhnist» starozhytnostei typu Novocherkaskoho skarbu 1939 r. *Arkheolohia*, 3, s. 14-25.

Skoryi, S. A. 1999. *Kimmeriitsy v Ukrainskoi lesostepi*. Kiev; Poltava: Arkheologiia.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy*. Kiev: Naukova dumka.

Fialko, E. E. 2015. Amazonki vo vremeni i prostranstve. Arkheolohiia i prostir. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 4 (17), s. 46-99.

Shaposhnikova, O. G., Balushkin, A. M., Grebennikov, Iu. S., Eliseev, V. F., Dovzhenko, N. D., Kliushintsev, V. N., Soltys, O. B., Fomenko, V. N., Chmykhov, N. A. *Otchet o rabote Nikolaevskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1986 godu*. NA IA NANU, f. 64, 1986/18.

Shaposhnikova, O. G., Fomenko, V. N., Bochkarev, V. S., Balushkin, A. M., Grebennikov, Iu. S., Kliushintsev, V. N., Rebedailo, G. P., Rychkov, N. A. *Otchet o rabote Ingulskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1974 godu*. NA IA NANU, f. 64, 1974/12.

Agulnikov, S. 1996. *Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia*. Bucureşti. Biblioteka Thracologica.

V. V. Otroshchenko

TO THE PROBLEM OF RECOGNITION OF THE BURIALS OF CHORNOHORIVSKA GROUP

The article deals with the questions of formation and replenishment of the Chornohorivska group of monuments source base of the IX—VIII c. BC. The catalog of Cimmerian burials, created by S. V. Makhortykh (2005), was analyzed. Due to the discussion points of its configuration, it is proposed to improve this register. It is advisable to clear the catalog from the complexes of the Bilozerska culture of the of the Final Bronze Age and artifacts from the monuments of the settled population — the Cimmerian neighbors. Attention is paid to the still unrecognized complexes of the Chornohorivska group, defined earlier as the cultures of the Bronze Age. The approaches to the cultural identification of the non-inventory burials of this group of the Cimmerian population are marked. It was noticed that instead of the «fetal» position of the dead during the Late and Final Bronze, among nomads (Chornohorivska group population) in the early Iron Age the «horseman» buried position was recorded.

Keywords: Chornohorivska group of burials, catalog of monuments, replenishment of source base, extraction of materials of other cultures.

Одержано 21.03.2019

ОТРОЩЕНКО Віталій Васильович, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна, *otrok_o@ukr.net*.

OTROSCHENKO Vitaliy Vasyliovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *otrok_o@ukr.net*.

УДК: 904.2(477-7)”-03”

С. В. Полин, М. Н. Дараган

БРОНЗОВЫЕ КРЕСТОВИДНЫЕ ВОРВАРКИ КАК ХРОНОИНДИКАТОР СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ВТОРОЙ — ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ IV в. до н. э.

В скифских погребениях Северного Причерноморья найдена 31 бронзовая крестовидная ворварка, преимущественно в мужских захоронениях и значительно реже в женских. Эти ворварки использовались в качестве застежек колчана и для крепления колчана к поясу. Зона концентрации находок крестовидных ворварок — Нижнее Поднепровье. По-видимому, здесь же они и изготавливались и, вероятнее всего, на Каменском городище. Отсюда они расходились на юго-восток до Сиваша на зимние пастбища, значительно далее на север — в лесостепь (совр. Черкасская и Киевская обл.) и на запад вплоть до Дуная. Крестовидные ворварки являются надежным хронологическим индикатором скифских погребений второй—третьей четверти IV в. до н. э., а также отчасти и этническим.

***Ключевые слова**: скифы, Северное Причерноморье, колчаны, снаряжение лучника, наконечники стрел, хронология, литье бронзовых изделий.*

В процессе массовых раскопок скифских курганов на юге Украины в 1960 — начале 1990-х гг. на стройках объектов орошения, горнодобывающей и других видов промышленности было раскопано более 2000 скифских курганов по состоянию на 1981 г. (СППСП 1986, с. 345) и не менее 3000 на сегодняшний день [1]. В многочисленных вновь исследованных погребениях этих курганов был открыт ряд новых категорий находок скифских вещей, ранее неизвестных, либо найденных в единственном экземпляре, ранее не вызвавших интереса и не привлекших внимание исследователей из-за своей единичности и малой выразительности.

Одной из таких категорий являются цельнолитые бронзовые крестовидные ворварки, достаточно массивные при своих небольших размерах. Представляется очень важной узкая датировка подобного рода категорий вещей, поскольку из-за тотальной ограбленности скифских курганов такие находки нередко являются чуть ли не единственными сохранившимися предметами в погребениях. Для точной датировки рядовых скифских погребений используется только античная керамика. При ее отсутствии погребения получают размытую датировку. Если для элитных скифских курганов IV в. до н. э., в комплексах которых присутствует античная керамика, позволяющая определить абсолютную дату, а большое количество взаимовстречающихся различных вещей, и прежде всего золотых нашивных бляшек, позволяет синхронизировать царские комплексы, где таковая керамика отсутствует, с надежно датированными, то для основного огромного массива более низких по рангу скифских курганов, по крайней мере, в рамках IV в. до н. э. такая работа еще не проводилась. И для курганов рядовых и среднего уровня очень важно выделить определенные типы вещей, имеющие достаточно узкие датировки. Такими вещами могут быть отдельные типы наконечников стрел с характерными литыми метками, пока еще датирующиеся весьма широко, и иные предметы, датирующие возможности которых пока еще не выяснены. Одной из таких категорий находок, на которую следует обратить особое внимание в этом отношении, являются цельнолитые бронзовые крестовидные ворварки.

Лишь одна такая ворварка происходит из дореволюционных раскопок (таблица, № 24 — Макеевка — раскопки Н. Е. Бранденбурга в

1. По данным ГИС «Курганы Украины», составляемой М. Н. Дараган.

© С. В. ПОЛИН, М. Н. ДАРАГАН, 2019

Сводная таблица находок бронзовых крестовидных ворварок в скифских курганах Северного Причерноморья IV в. до н. э. *

№ [1]	Пункт, курган / погребение	Расположение в погребении [2]	Параметры: размеры, масса [3]	Пол / возраст [4]	Наличие колчана [2]	Дата, в. до н. э. [5]	Источник
1	Водославка, 4 / 1	?	2,4 × 2,4, *h* 0,5, *d* 0,4; 3,91 г	М/Ж [6]	Наконечники стрел	—	Кубышев и др. 1983, с. 58—59
2	Там же, 5 / 3	П., ниже ребер	2,2 × 2,2, *d* 0,6; 4,8 г	Ж	То же	—	Там же, с. 64
3	Там же, 8 / 1	П., у поясницы	2,6 × 2,7; 7,34 г	М	+, со стрелами, П.; разбросанные наконечники, Л.	2, IV [7]	Там же, с. 75
4	Там же, 8 / 4	П., нижняя ч. позвоночника	2,6 × 2,6, *d* 0,45	М	+, Л., лук на скелете	2—3, IV	Там же, с. 81
5	Золотая Балка, 13 / 7	П., между локтем и телом у талии	2,4 × 2,4, *d* 0,5; 8,3 г	М	+, под Л. плечом и у бедра	Начало 3, IV [7]	Полин 2014, с. 79, 83, рис. 45: 16
6	Новомихайловка, 5 / 2	?	2,5 × 2,5; 8,8 г	М/Ж	Разрушенный	2/3 — 3, IV [7]	Кубышев и др. 1985, с. 76—77, табл. 51
7	Брилевка, 9 / 1	П. сторона груди М на ребрах	2,7 × 2,7, *h* 1	М/Ж	+, Л. сторона М	2 — начало 3, IV [7]	Евдокимов и др. 1985, с. 15
8	Юбилейное, 3 / 2	П., у таза	2,4	М	+, Л.	—	Евдокимов и др. 1993, с. 11, рис. 7, 4
9	Орехово, 8 / 1	?	2,2	М?	Разрушенный	—	Телегін та ін. 1984, с. 56, рис. 9: 4
10	Коминтерн, 30 / 2	Локоть П. руки	2,6 × 2,6	М	+, Л.	Не позднее 3, IV	Шапошникова и др. 1975, с. 121, табл. 60
11	Марьянское, к. гр. 2, 6 / 2	?	2,4 × 2,4 [8]	М?	Наконечники стрел	Не позднее 2, IV [7]	Волкобой и др. 1980, с. 24, рис. 12: 6
12	Там же, 8 / 1	?	2,6 × 2,6 [8]	3 взрос-лых	То же	2—3, IV [7]	Там же, с. 25, рис. 13: 3
13	Нагорное, 6 / 1	Под деревянным блюдом	2,5 × 2,5, *d* 0,5	Ж	У кистей рук по наконечнику стрелы	2 —3, IV [7]	Мозолевский 1973, с. 197—198, рис. 12: 1
14	Красный Подол 2, 2 / 2	У П. руки	2,5 × 2,5, *h* 0,5; 2,83 г [9]	М	+, Л.	2, IV [7]	Кубышев и др. 1974, с. 28—29
15	Чкалово, 5 / 2	У П. плеча	2,5 × 2,5	М	+, 2 набора: 1 у Л. руки, 2 у П. плеча	2—3, IV [7]	Отрощенко и др. 1978, с. 3, 31—32
16	Чертомлык I, 13 / 1	?	2,3 × 2,3	Ж [10]	?	—	Мурзин и др. 1983, с. 42, рис. 38
17	Чертомлык-Близницы, 27 / 1	?	2,2 × 2,3	?	Наконечник стрелы	2, IV [7]	Мурзин и др. 1984, с. 21, табл. 20: 2
18	Соболева могила, — / 2	С колчанами	2,6 × 2,6 × 0,15, *h* 0,2, *d* 0,4	М [11]	5	2—3, IV	Мозолевский, Полин 2005, с. 160, 188, 347, 357, рис. 104: 8
19	Львово, 11 / 4	?	2,3 × 2,3, *h* 0,5, *d* 0,4	?	Наконечники стрел	2/3 — 3—4, IV	Тереножкин и др. 1973, с. 65, табл. XXV: 2
20	Мамай-Гора, 20 / 4	П. сторона таза Ж со стрелами	2,5 × 2,5, *h* 0,9, *d* 0,5	М/Ж [12]	6 наконечников, П.	2 — 2/3, IV [7]	Андрух, Тощев 1999, с. 118—119, рис. 32: 8
21	Маячка, 13 / 3	Л., на колчане	2,2 × 2,2	М	+, Л.	—	Евдокимов и др. 1988, с. 22—23, рис. 20: 11
22	Глухое, 4 / —	?	2,2 × 2,2 [8]	М	?	3, IV [7]	Елинова и др. 1985, рис. 80
23	Пришиб, 28 / 1	?	2,5 × 2,5	Ж	Наконечники стрел	1—3, IV [7]	Шапошникова и др. 1984, с. 99, табл. 66: 9
24	Макеевка, 490 / 1	?	2,1 × 2,2 [8]	М	Наконечники копья / дротика и стрелы	—	Галанина 1977, с. 26, табл. 11: 3
25	Старинская птицефабрика, 17 / 1	?	?	М [13]	—	—	Ильинская 1968, с. 162, рис. 5
26	Ольгино, 2 / 1	?	2,5	М	+, кожаные фр-ты и кучка наконечников	2—3, IV [7]	Бессонова, Ковальов, Кубишев 2005, с. 45, рис. 8: 8
27	Дарьевка, 1 / 5	?	2,5 × 2,5, *l* 0,3, *h* 0,65, *d* 0,4	?	—	—	Оленковський 1995, с. 13
28	Великая Кардашинка	Разрушено	2,6 × 2,6 [8]	?	—	—	Херсонский краеведческий музей
29	Буторы 1, 8 / 3	?	2,3 × 2,3 [8, 14]	?	+, остатки, рядом	—	Синика, Разумов, Тельнов 2013, с. 59, рис. 55: 3
30	Солдатское, 3 / 2—3	?	2,7 × 2,7, *d* 0,5 [8]	2 М + Д [15]	Наконечники стрел	—	Шапошникова и др. 1984, табл. 155: 5
31	Дервент, 5 / 2	?	2,6 × 2,6 [8]	?	То же	—	Островерхов, Редина 2013, рис. 102: 8

Примечания. * Авторы искренне признательны за помощь при сборе крестовидных ворварок и наконечников стрел — А. Иванцову (ДНУ им. О. Гончара), М. Абикуловой и А. Лопушинскому (Херсонский краеведческий музей), А. Шелеханю (НФ ИА НАНУ), Г. Тощеву (Запорожский университет) и О. Соболевой (Каменско-Днепровский районный историко-археологический музей). [1] Номера в таблице соответствуют нумерации на рис. 1—3. [2] Л. — левая сторона / часть, П. — правая сторона / часть, «?» — погребение ограблено. [3] Размеры (см): *h* — высота втулки, *d* — диаметр отверстия, *l* — толщина лопасти; в (г) указана масса; [4] М — мужское, Ж — женское, Д — детское, М/Ж — парное захоронение мужчины и женщины. [5] Арабскими цифрами (1, 2, 3, 4) указана четверть века. [6] Мужчина зрелого возраста (Круц 1989, с. 322). Скелет, определенный как женский по вещам, антропологического определения не получил. [7] Дата указана по публикации (Полин 2014). [8] По масштабу изображения в источнике. [9] Изготовлена из кости. [10] Определено как женское подростковое (Круц 1989, с. 309). В отчете возраст уточнен — 22—25 лет (Мурзин и др. 1983, с. 42). [11] Возраст 55—65 лет (Круц 2005, с. 461; 2017, с. 125). [12] Мужчина 25—30 лет, женщина 22—25 лет (Литвинова 1999, с. 191). [13] По определению Г. П. Зиневич — юноша (Круц 1989, с. 323). [14] В тексте указано 2 × 2 см. [15] Определение П. М. Покаса — три скелета: мужчины старческого и возмужалого возрастов, а также ребенок возраста Д II (Круц 1989, с. 317).

ISSN 2227-4952. Археологія і давня історія України, 2019, вип. 2 (31)

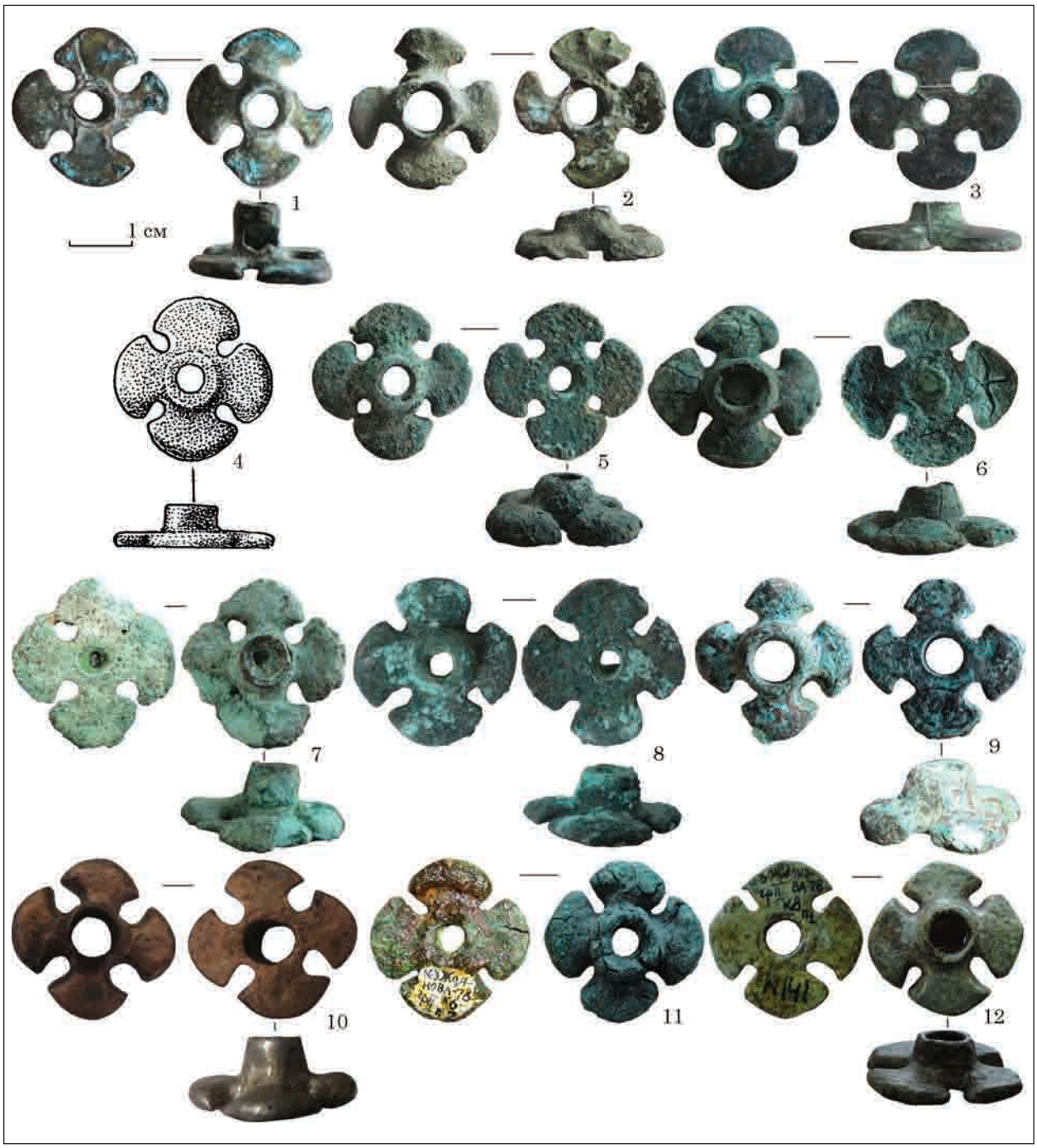

Рис. 1. Крестовидные ворварки: *Водославка*: 1 — к. 4 п. 1; 2 — к. 5 п. 3; 3 — к. 8 п. 1; 4 — к. 8 п. 4; 5 — Золотая Балка; 6 — Новомихайловка; 7 — Брилевка; 8 — Юбилейное; 9 — Орехово; 10 — Коминтерн; *Марьянское*: 11 — к. 6 п. 2; 12 — к. 8 п. 1 (1—3, 5—12 — фото М. Н. Дараган, 4 — по Кубышев и др., 1983)

1901 г.), все остальные были найдены именно в 1960-х — начале 1990-х гг. К настоящему времени известна 31 находка крестовидных ворварок в скифских курганах. Сведения об этих находках изложены ниже в сводной таблице, с указанием обстоятельств находки, расположения в погребении, их связи с колчанами, половозрастной принадлежности погребенного, а также датировки погребения. На основе имеющихся данных попробуем выяснить сферу их применения и, что не менее важно, время их употребления.

Анализ собранной информации позволяет сделать следующие выводы.

Форма, параметры, материал. Крестовидные ворварки представляют собой короткую коническую втулку малого диаметра, расширенное окончание которой завершается перпендикулярно расположенной плоской фигурной пластиной в виде креста с закругленными расширенными окончаниями. Описываемые ворварки воспроизводят форму т. н. «тамплиерского» креста, получившего название по раннему типу креста, служившего эмблемой

рыцарей ордена тамплиеров в XII в. [1] Однако, история креста такой формы уходит в глубокую древность. В Ассирии идентичный по форме крест, вписанный в круг, являлся символом бога Солнца Ашшура. В целом кресты различных форм во всех религиях мира были, прежде всего, солярным символом. Безусловно, солярную символику такой крест имел и у скифов.

Все известные скифские крестовидные ворварки Северного Причерноморья характеризуются близостью формы и размеров. Размеры креста варьируют в пределах от 2,2 × 2,2 до 2,7 × 2,7 см, высота втулки от 0,2 до 1,0 см, диаметр отверстия в пределах 0,4—0,6 см. Масса колеблется от 3,9 до 8,8 г.

За исключением одной костяной (Красный Подол — № 14), все остальные крестовидные ворварки изготовлены из бронзы.

Первичное впечатление о том, что часть таких ворварок изготовлена в одной форме (Полин 2014, с. 83), основанное на визуальном знакомстве лишь с несколькими экземплярами крестовидных ворварок, увиденных в разное время при различных обстоятельствах, сейчас, после изучения всего массива ворварок, представляется несколько поспешным. Во-первых, такой общей постоянной формочки для отливки не могло быть, поскольку крестовидные ворварки отливались по восковой модели. Для каждой новой ворварки изготавливалась своя восковая модель по некоему прототипу, что собственно и обуславливает мелкий разнобой в форме и размерах креста для каждой ворварки, в размерах втулки, весе изделия, при стремлении все-таки выдержать общую форму и габариты. По-видимому, и форма, и размер крестовидных ворварок были наиболее оптимальными для данного изделия при их использовании, что и объясняет предельную устойчивость формы в заданном размере. В целом в форме и размерах всех этих бляшек отсутствует какая-либо эволюция, что позволяет предположить весьма ограниченный промежуток времени их бытования. Такое предположение находит подтверждение в многочисленных надежных датировках комплексов, из которых происходят наши ворварки. Об этом подробно ниже.

Предполагаемое назначение. Бронзовые крестовидные ворварки, безусловно, использовались в качестве застежек или для оформления окончаний завязок пояса (Полин 2014, с. 83). Многие из них найдены в разрушенных при ограблении погребениях или в малопонятном контексте в нерабленых захоронениях. Тем не менее, представляется возможным на основе новых находок с высокой степенью достоверности определить если не весь спектр, то, по крайней мере, основные сферы их использования. Освещению этого аспекта и не менее важному вопросу датировки крестовидных ворварок и посвящена наша статья.

География распространения, центр производства. Географически почти все находки открыты в скифских погребениях степного юга Украины от Нижнего Поднепровья до левого берега низовьев Дуная (рис. 3). Основным районом распространения крестовидных ворварок является Нижнее Поднепровье. Здесь найдено 11 ворварок в правобережных курганах (таблица, № 5, 9, 11—13, 16—19, 22, 27) и 13 в левобережных (таблица, № 1—4, 6—8, 14—15, 20—21, 26, 28). Скифские курганы с находками крестовидных ворварок тяготеют к Днепру и расположены в недальнем расстоянии от него.

Только курганы возле сс. Водославка (№ 1—4) и Новомихайловка (№ 6) отрываются от общего массива достаточно далеко на крайний юго-восток Херсонской обл. на берега Сиваша. По наблюдением М. Н. Дараган, обрабатывающей материалы Водославского могильника в процессе подготовки развернутой публикации, весь характер обряда и вещевой набор сопровождающих вещей Водославского могильника указывает на его тесную связь с Нижним Поднепровьем. Таким образом, наличие здесь крестообразных ворварок дополнительно подтверждает связь населения могильника непосредственно с Нижним Приднепровьем и все в целом свидетельствует о том, что Водославский могильник принадлежит группе нижнеднепровских скифов, вероятно, регулярно кочевавших сюда на зимние пастбища.

Далее на восток эти крестовидные ворварки не распространялись. В курганах северо-западного Приазовья в басейнах рр. Большой и Малый Утлюги и Молочная такие ворварки отсутствуют. Нет их и далее к востоку. На Нижнем и Среднем Дону такие ворварки вообще неизвестны [2]. Также и в южном направлении — на территорию Крыма такие ворварки не попадали [3].

Прослеживается слабая цепочка распространения крестовидных ворварок в западном направлении от Днепра: 3 крестовидных ворварки найдено в курганах Поингулья (Коминтерн, Пришиб, Солдатское, № 10, 23, 30), 1 — в кургане на Днестре (Буторы, № 29) и еще 1 в кургане на левом берегу Нижнего Дуная (Дервент, № 31).

Две находки крестовидных ворварок обнаружены далеко на севере: Макеевка (№ 24) — в правобережной лесостепи в пределах совре-

1. Позднее крест тамплиеров значительно изменился — окончания стали прямыми, их расширение шло не от начала лопастей, как у ранних образцов, а лишь на концах.

2. Благодарим профессора В. П. Копылова (Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ) за исчерпывающую консультацию.

3. Искренне признательны С. Г. Колтухову (ИА Крыма) и Ю. П. Зайцеву за исчерпывающие консультации (Историко-археологический заповедник Неаполь Скифский, Симферополь).

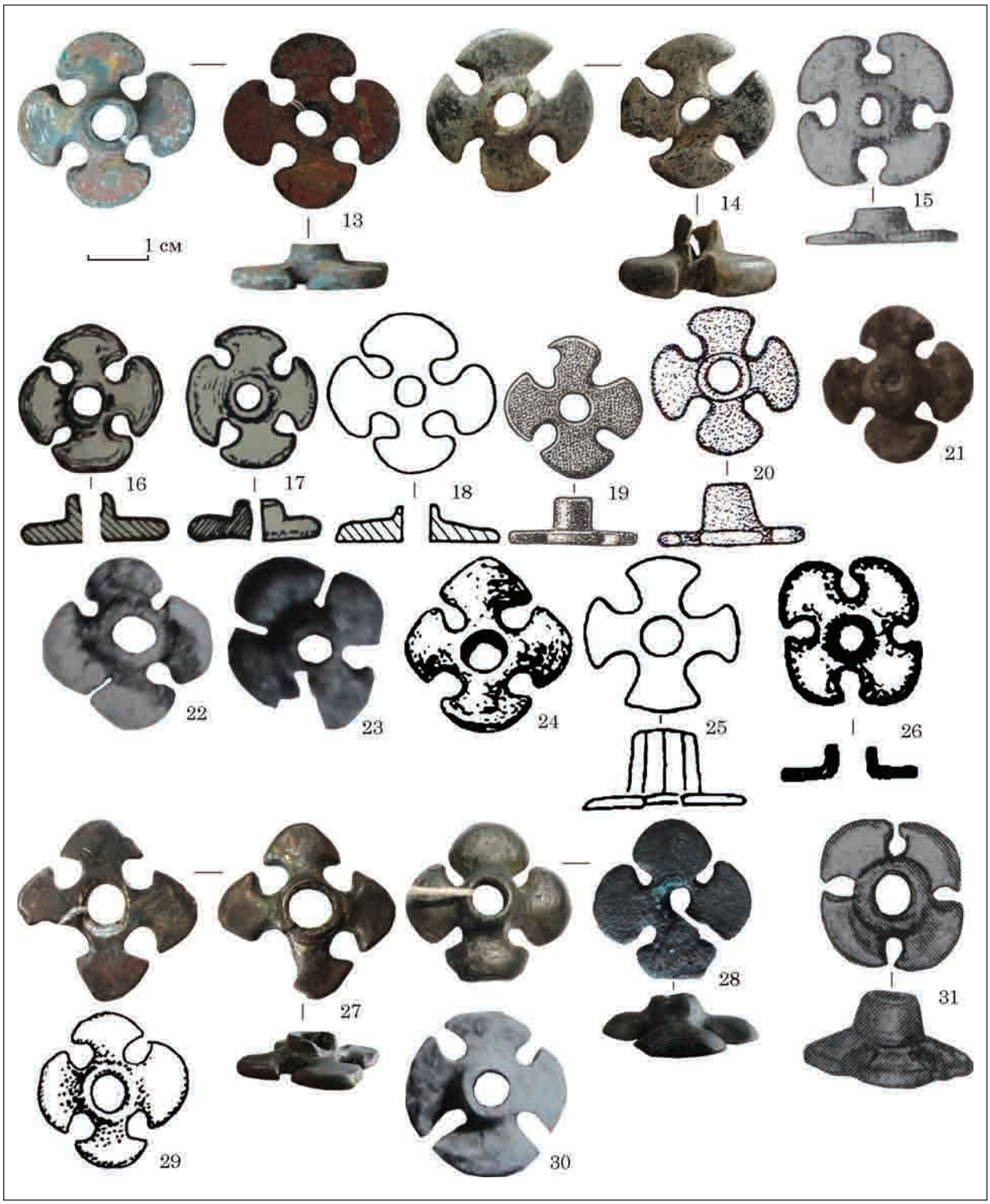

Рис. 2. Крестовидные ворварки: 13 — Нагорное; 14 — Красный Подол; 15 — Чкалово; 16 — Чертомлык I; 17 — Чертомлык-Близницы; 18 — Соболева могила; 19 — Львово; 20 — Мамай-гора; 21 — Маячка; 22 — Глухое; 23 — Пришиб; 24 — Макеевка; 25 — Старинская птицефабрика; 26 — Ольгино; 27 — Дарьевка; 28 — Великая Кардашинка; 29 — Буторы; 30 — Солдатское; 31 — Дервент (1—2 — фото М. Н. Дараган, 15—31, рисунки и фотографии из публикаций и отчетов, указанных в таблице)

менной Черкасской обл. и Старинская птицефабрика (№ 25) в левобережной лесостепи в Киевской обл. Последняя находка представляет особенный интерес, поскольку появление скифских курганов в террасовой лесостепи на территории между современными Борисполем и Переяслав-Хмельницким в IV в. до н. э. всегда связывалось с продвижением сюда степных скифов (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 310). Находка крестовидной ворварки здесь лишний

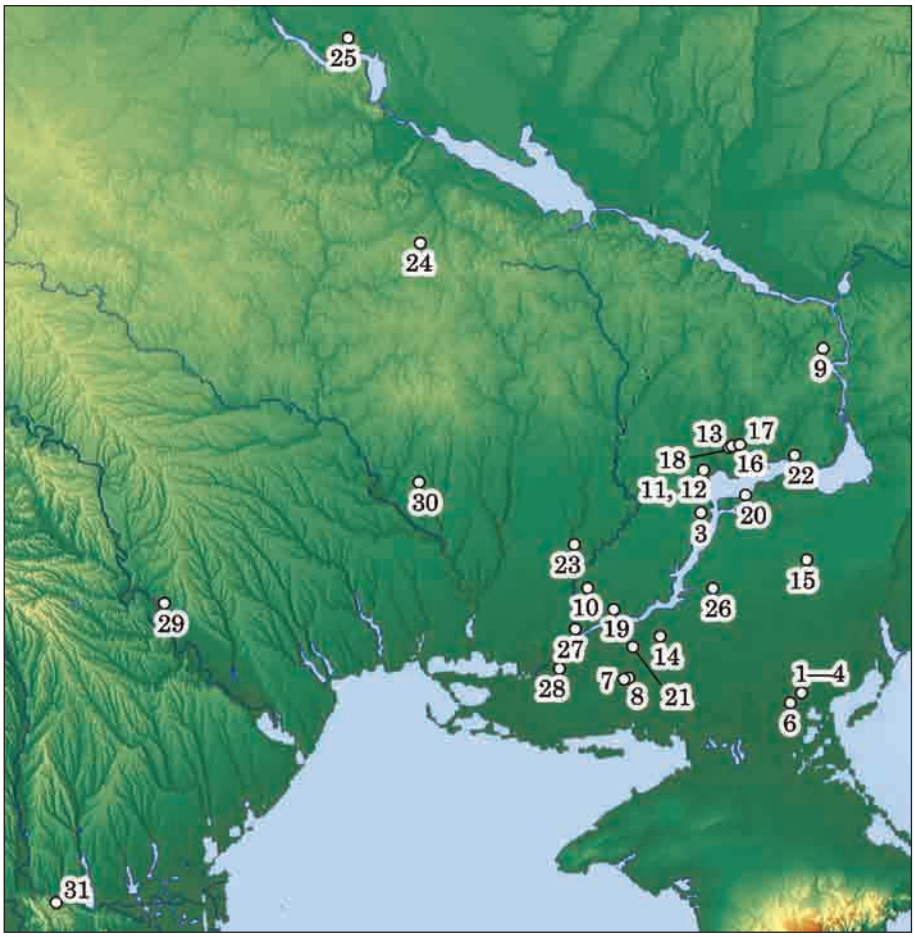

Рис. 3. Распространение крестовидных ворварок в скифских курганах IV в. до н. э. в Причерноморской Скифии (номера на карте соответствуют порядковым номерам в сводной таблице в тексте и на рис. 1 и 2)

раз подтверждает это предположение и более того, указывает точный исходный адрес этого продвижения — Нижнее Поднепровье.

Таким образом, территория Нижнего Поднепровья, непосредственно прилегающая к Днепру (на удалении до 20 км) является территорией максимальной концентрации находок крестообразных ворварок. Именно отсюда такие ворварки в незначительной степени распространялись на запад, юго-восток и север. Видимо, где-то здесь находился центр их изготовления. Судя по общему количеству находок, это производство не было массовым, что с одной стороны отражает достаточно ограниченный спрос и соответственно узкий круг потребителей, а с другой, — быстротечность моды на эти изделия. Как установил Б. Н. Граков, бронзолитейное производство в Нижнем Поднепровье базировалось на Каменском городище (Граков 1954, с. 122). При всех спорах о том, было ли Каменское городище постоянно действующим центром металлообработки или только сезонным торжищем, где ремесленники трудились на временной основе (Гаврилюк 1999, с. 173—184; 2013, с. 326—345; Ольговский 1987, с. 48), другого центра металлообработки в Степной Скифии мы не знаем и, несомненно, подавляющая часть ассортимента скифских железных и бронзовых изделий, найденных в скифских курганах IV в. до н. э. была изготовлена именно здесь.

За исключением одной костяной (Красный Подол, № 14), все крестовидные ворварки изготовлены из бронзы.

Места находок. Все крестовидные ворварки найдены в подкурганных захоронениях. Одна ворварка, хранящаяся в фондах Херсонского краеведческого музея (Кардашинка — № 28), безусловно, происходят также из кургана. Необходимо отметить, что все они найдены в захоронениях людей. Ни в одном случае не отмечена связь крестовидных ворварок с захоронениями лошадей или с уздечными наборами. Находки таких ворварок на городищах и поселениях степной и лесостепной Скифии отсутствуют.

Половозрастная принадлежность погребений, в которых найдены крестовидные ворварки. В 24 случаях половая принадлежность погребенных, при которых найдены крестовидные ворварки, определена на основе характера сопровождающих вещей и в нескольких случаях подтверждена определениями антропологов. Мужская принадлежность по сопровождающим вещам определена для 13 погребений (таблица, № 3—5, 8—11, 14—15, 18, 21—22, 24—26), из которых для 2 мужской пол погребенных подтвержден антропологами (Соболева Могила, Старинская птицефабрика — № 18, 25).

Женская принадлежность погребенных по сопровождающим вещам установлена в 4 случаях

(Водославка к. 5 п. 3, Нагорное, Чертомлык I, Пришиб — № 2, 13, 16, 23). Для одного погребения женская принадлежность подтверждена антропологами (Чертомлык I — № 16).

В парных погребениях принадлежность скелетов мужчине и женщине по сопровождающим вещам установлена в 4 случаях (Водославка к. 4. п. 1, Новомихайловка, Брилевка, Мамай-гора — № 1, 6—7, 20). Здесь ворварки и колчаны найдены в Брилевке (№ 7) при мужском скелете, а в Мамай-горе (№ 20) — при женском. Из парных погребений с крестовидными ворварками антропологически определены скелет мужчины в погребении Водославка к. 4 п. 1, где из-за ограбленности неизвестно кому принадлежала ворварка, и в погребении Мамай-гора определены молодые мужчина и женщина, причем ворварка найдена при колчане, принадлежавшем женщине (№ 1, 20).

В ограбленном погребении в Солдатском (№ 30), где обнаружены останки трех человек, антропологически установлена их принадлежность двум мужчинам старческого и возмужалого возраста и ребенку. Несомненно, ворварка принадлежала кому-то из взрослых мужчин.

В 6 случаях из-за ограбленности для определения половой принадлежности погребенного данных недостаточно (Чертомлык-Близницы, Львово, Дарьевка, Кардашинка, Буторы, Дервент — № 17, 19, 27—29, 31).

В целом мы имеем 15 находок ворварок в мужских погребениях (3 случая антропологически подтверждены) и 5 в женских, из которых подтверждены антропологически 2 случая. Совершенно очевидно господствующее преобладание в употреблении крестовидных ворварок у мужчин и достаточно высокий уровень использования их женщинами

Назначение ворварок по данным погребений. В 24 случаях в погребениях находки ворварок сочетаются с колчанами (колчанными наборами стрел).

Из них в 6 погребениях ворварки найдены непосредственно с колчанами, в которых они, по-видимому, использовались в качестве застежки (Водославка к. 8 п. 1, Чкалово, Соболева Могила, Мамай-гора, Маячка, Буторы — № 3, 15, 18, 20—21, 29).

В 7 случаях при размещении колчана с левой стороны, ворварки найдены возле правого бока, по-видимому, на поясе. Можно предполагать, что в этих случаях ворварки использовались как завязки пояса или для прикрепления ремней колчана к поясу (Водославка к. 5 п. 3, Водославка к. 8 п. 4, Золотая Балка, Брилевка, Юбилейное, Коминтерн, Красный Подол — № 2, 4—5, 7—8, 10, 14).

В 11 ограбленных погребениях разрозненные наконечники стрел и ворварки найдены в перемещенном состоянии. При этом из-за ограбленности осталось неизвестным их взаиморасположение относительно друг друга (Новомихайловка, Орехово, Марьянское к. 6, Марьянское к. 8, Чертомлык-Близницы, Львово, Пришиб, Макеевка, Ольгино, Солдатское, Дервент — № 6, 9, 11—12, 17, 19, 23—24, 26, 30—31).

В 5 погребениях из-за полной ограбленности присутствуют только ворварки, нет наконечников стрел и, таким образом, вообще нет данных для предположений о назначении крестовидных ворварок (Чертомлык I, Глухое, Старинская птицефабрика, Дарьевка, Кардашинка — № 16, 22, 25, 27—28).

Совершенно противоположные обстоятельства находки крестовидной ворварки зафиксированы в уцелевшем от ограбления погребении в Нагорном (№ 13). В небогатом женском (определено по вещам) захоронении из вооружения присутствовали только два наконечника стрел, лежавшие по одному возле кистей рук (наконечники были зажаты в кистях или были положены стрелы?), направленные остриями вверх. Безусловно, это не просто стрелы, а некие обрядовые приношения. В юго-западном углу камеры, на достаточном удалении от скелета, на куче хвороста лежало большое деревянное блюдо размерами 0,72 × 0,36 м, под которым и найдена бронзовая крестовидная ворварка (Мозолевский 1973, с. 196—198). Возможно, ворварка под блюдо попала случайно, в результате жизнедеятельности мелких грызунов, активно действующих в погребениях [1]. Но вот откуда она могла быть перемещена, остается загадкой. Понятно одно — она не относится к колчану, которого в погребении просто не было. Возможен также вариант, что это могло быть подношение от мужа, спрятанное под блюдо.

Таким образом, по всем доступным данным достоверно фиксируется находки бронзовых крестовидных ворварок с колчанами в двух вариантах: непосредственно на колчанах, видимо, в качестве застежек, и на поясе, возможно также в связи с колчаном, с его прикреплением к поясу. В целом крестовидные ворварки могут быть отнесены к элементам снаряжения лучника.

Находка в Нагорном (№ 13) демонстрирует какой-то иной способ использования крестовидной ворварки, не связанный с колчаном или с каким-либо иным оружием. В данном погребении вообще непонятно с чем можно связать эту находку.

---

1. Мелкие грызуны-землерои живут в черноземном слое и в нижележащую плотную материковую глину особо не углубляются, максимум на 0,5 м. Но по мягкому заполнению входных ям скифских катакомб они уходят на большие глубины и там уже врезаются в материковые стены. В Бердянском кургане, где глубина Центральной могилы достигала 15 м (СППСП 1986, с. 181, № 327), С.В. Полин наблюдал в стенках катакомбы на этой сумасшедшей глубине многочисленные черные пятна нор.

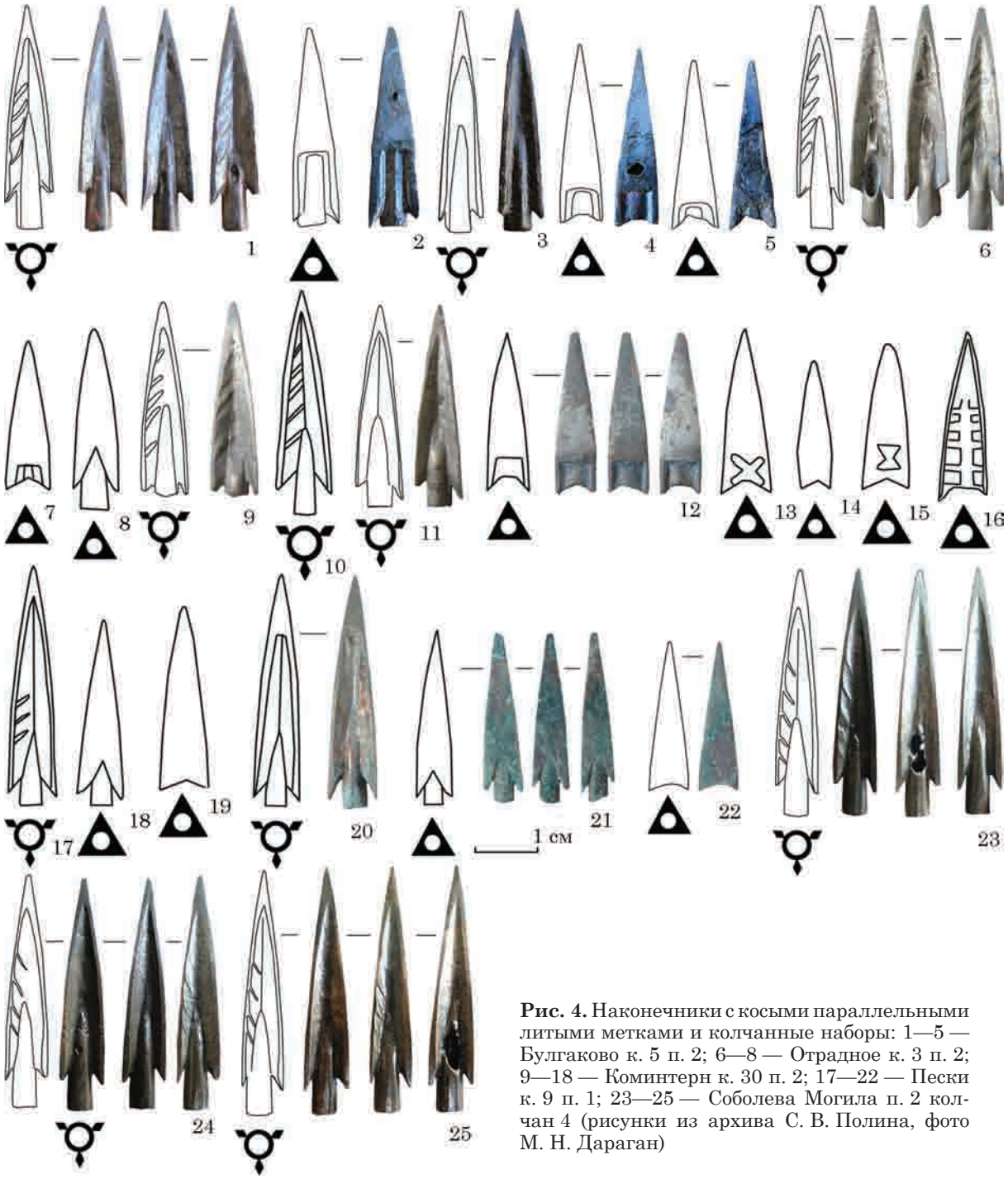

Рис. 4. Наконечники с косыми параллельными литыми метками и колчанные наборы: 1—5 — Булгаково к. 5 п. 2; 6—8 — Отрадное к. 3 п. 2; 9—18 — Коминтерн к. 30 п. 2; 17—22 — Пески к. 9 п. 1; 23—25 — Соболева Могила п. 2 колчан 4 (рисунки из архива С. В. Полина, фото М. Н. Дараган)

Датировка погребений с находками крестовидных ворварок. В 16 погребениях с находками крестовидных ворварок найдена античная керамика (амфоры и чернолаковая), надежно датирующая эти погребения в пределах второй—третьей четверти IV в. до н. э. (Водославка к. 8 п. 1, Золотая Балка, Новомихайловка, Брилевка, Коминтерн, Марьянское к. 6, Марьянское к. 8, Нагорное, Красный Подол, Чкалово, Чертомлык-Близницы, Соболева Могила, Мамай-гора, Глухое, Пришиб, Ольгино — № 3, 5—7, 10—15, 17—18, 20, 22—23, 26).

Кроме того, благодаря обработке огромного массива колчанных наборов из скифских степных курганов Северного Причерноморья V—IV вв. до н. э., проделанной М. Н. Дараган в последние годы [1], выделены группы погребе-

1. На данный момент количество обработанных колчанных наборов достигло 308. Обработка включает фотографирование, зарисовку и взвешивание каждого наконечника. Работа проведена в рамках стипендии фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Fellowship) по теме «The production technology of Scythian Archery equipment: bows, arrows and quivers».

ний с аналогичными типами наконечников с идентичными литыми метками (тамгообразными знаками). В таких группах в ряде погребений имеется античная керамика, позволяющая достаточно узко датировать отдельные погребения и по ним в целом эти группы погребений с наконечниками с идентичными литыми метками. Как совершенно справедливо заметил А. Ю. Алексеев: «*Идентичные метки должны свидетельствовать о незначительном хронологическом разрыве одинаково помеченных наконечников, а при условии совпадения и формы предмета — об их одновременности*» (Алексеев 1984, с. 73).

Так в колчане из к. 30 п. 2 в совхозе Коминтерн (с. Ново-Васильевка) имеются трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой, с ложком до острия и окончаниями лопастей в виде шипов. В одном из ложков этих наконечников по всей длине нанесены 4—5 литых косых параллельных рисок (рис. 4: 10). Наконечники с аналогичными метками входили в состав колчана п. 2 к. 5 у с. Булгаково (рис. 4: 1) (Daragan 2019), п. 2 к. 3 у с. Отрадное (рис. 4: 6), п. 1 к. 9 у с. Пески (рис. 4: 17) и колчана 4 из п. 2 Соболевой Могилы (рис. 4: 23—25) (Мозолевский, Полин 2005, рис. 101: 14—16), Все эти погребения содержали античную керамику второй—третьей четверти IV в. до. н. э. (Полин 2014, с. 288—289, 477—480, 482—48). Таким образом, комплекс п. 2 к. 30 в с-зе Коминтерн (таблица, № 10) по наконечникам стрел также надежно датируется в пределах второй—третьей четверти IV в. до н. э.

В колчанном наборе в п. 4, к. 8 у с. Водославка (№ 4) представлены наконечники стрел двух типов: 1) трехлопастные пирамидально-башневидные со слегка вогнутыми ребрами, с ложком до острия, с короткой, чуть выступающей втулкой (41 экз.), высотой 3,4—3,8 см, массой 2,55—3,15 г. В верхней части ложка нанесена метка в виде косой линии (рис. 5: 1); 2) трехгранные с утопленной втулкой и небольшим П-образным ложком в основании (47 экз.), высотой 2,5—3 см, массой — 2,78—3,33 г (рис. 5: 2). (Daragan 2019, Fig. 5). Наконечники, аналогичные типу 1, с такой же меткой в ложке (ложках) выявлены еще в 37 погребениях Степной Скифии, в том числе и в таких комплексах, как п. 2 Соболевой могилы (колчан 1) (где также была выявлена и крестовидная ворварка) (рис. 5: 3) (Мозолевский, Полин 2005, рис. 101: 1—6) [1], Чертомлыке (рис. 5: 38) (Алексеев 1984, с. 75, табл. 1: 7), п. 1, к. 15 у с. Золотая Балка (рис. 6: 42) (Полин 2014, рис. 73: 9), Волошское, гр. 5, к. 2, п. 1 (рис. 5: 9) (Мухопад, Шалобудов, Ромашко, Гусак 1992, рис. 9: 5), Водяна Могила, п. 1 (рис. 5: 21) (Мозолевский, Полин 2005, рис. 18: 2), Красный Подол, к. 2, п. 1 (рис. 6: 48) (Полин 1984, с. 108—109, рис. 8: 7), Ильинка, к. 4, п. 6 (Плешивенко 1991, с. 70), Мамай-гора, к. 16, п. 1 (рис. 5: 34—35) (Андрух, Тощев, 1991, с. 104), Чередникова могила, к. 8, п. 1 (рис. 6: 27—28) (Мозолевский и др., 1988), Львово, к. 18, п. 1 и 2 (рис. 6: 2, 15) (Кубышев, Николова, Полин 1982, с. 144) [2]. Форма наконечника с меткой из колчана 1 п. 1 у с. Львово (трехлопастные наконечники с ложком на 2/3 длины головки, ложок имеет выемчатое основание) аналогична наконечникам из п. 1, к. 9 (рис. 6: 24) у с. Брилевка (№ 7), где найдена также и крестовидная метка [3]. Все эти погребения по наличию античной керамики датируются второй—третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин 2014, с. 252—253, 285—288, 293—294, 438—449, 464—465, 477—480).

Впервые на такие метки обратил внимание А. Ю. Алексеев, выделивший аналогичные метки на наконечниках в Чертомлыке, в могиле «слуги» в Деевом кургане и в кургане Малая Цимбалка, и отметивший, что экземпляры из Чертомлыка и Деева кургана были отлиты в одной литейной форме (Алексеев 1984, с. 73, 75—76).

Нужно отметить, что вышеперечисленные колчаны коррелируются между собой и по другим совпадающим типам наконечников, в том числе и с метками (иными).

В целом мы имеем 16 погребений, надежно датируемых по античной керамике в пределах второй—третьей четверти IV в. до н. э. и 2 погребения, датируемых по стрелам в тех же пределах.

Выводы. В скифских погребениях IV в. до н. э. Северного Причерноморья найдена 31 бронзовая крестовидная ворварка. Такие ворварки находят в основном в мужских захоронениях и значительно реже в женских. Эти ворварки использовались в качестве застежек колчана и для крепления колчана к поясу. Основная зона концентрации находок крестовидных ворварок охватывает территорию Нижнего Поднепровья, непосредственно тяготеющую к Днепру. По-видимому, это указывает на то, что они изготавливались в этом районе, где местом их изготовления могло быть только Каменское городище, являвшееся центром металлургии и металлообработки в Степной Скифии. Отсюда они расходились на юго-восток до Сиваша в пределах современной Херсонской обл., значительно далее на север — в лесостепь в пределах современной правобережной Черкасской и

1. На опубликованном рисунке наконечника метки нет, она выявлена после повторного осмотра наконечников М. Н. Дараган.

2. На опубликованных рисунках метка обозначена только на рисунке одного из колчанов п. 2 (Кубышев, Николова, Полин 1982, рис. 13, 14), прорисовка наконечников с такой меткой из колчана п. 1 сохранились в личном архиве С. В. Полина.

3. Полная публикация всех колчанных наборов, вмещающих наконечники с такими метками готовится М. Н. Дараган.

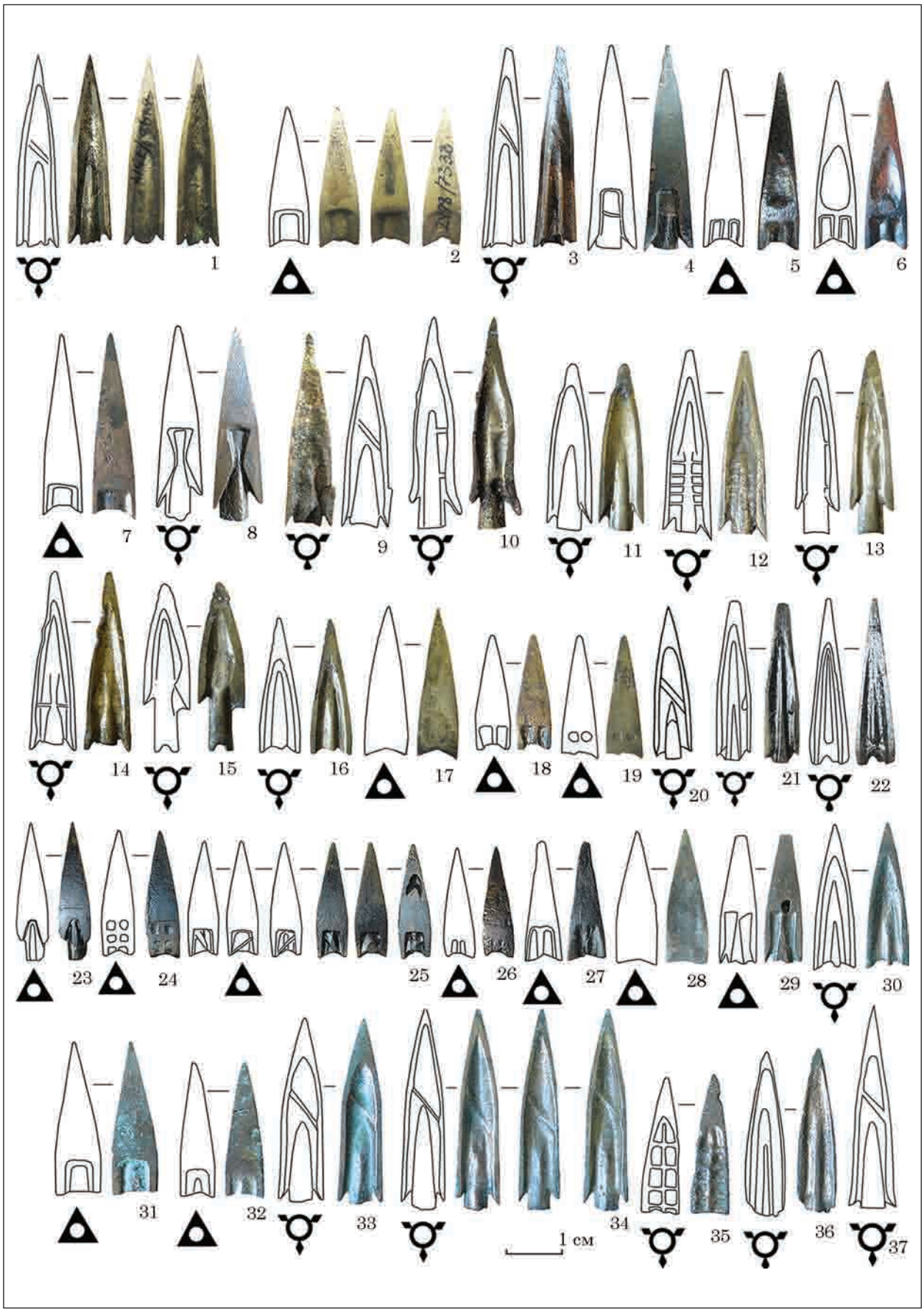

Рис. 5. Наконечники с литой меткой в виде косой линии и колчанные наборы: 1—2 — Водославка к. 8 п. 4; 3—8 — Соболева могила п. 2 колчан 1; 9—11 — Волошское; 21—22 — Водяна могила п. 1; 29—37 — Мамай-гора к. 16 п. 1; 38 — Чертомлык (1—37 — рисунки и фото М. Н. Дараган, 38 — по: Алексеев 1984)

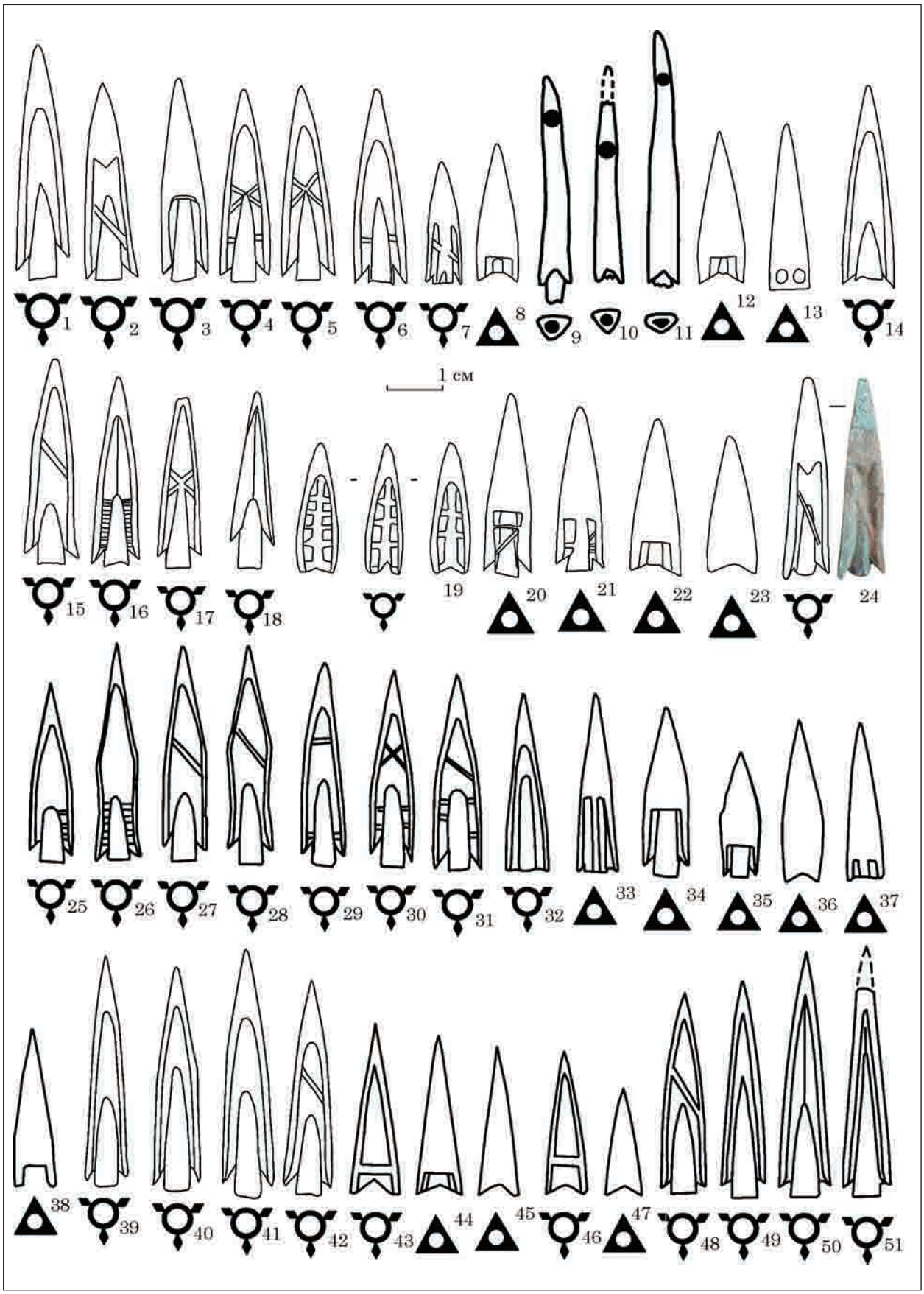

Рис. 6. Наконечники с литой меткой в виде косой линии и колчанные наборы: 1—13 — Львово к. 18 п. 2; 14—23 — Львово к. 18 п. 1; 24 — Брилевка к. 9 п. 1; 25—38 — Чередникова могила к. 8 п. 1; 38—42 — Золотая Балка к. 15 п. 1; 43—51 — Красный Подол 2 к. 2 п. 2 (1—23; 25—51 — рисунки из архива С. В. Полина; 24 — фото и рисунок М. Н. Дараган)

левобережной Киевской областей. Крестовидные ворварки являются индикаторами продвижения степных скифов из Нижнего Поднепровья на север в украинскую лесостепь, на запад вплоть до Нижнего Дуная и совсем недалеко на юго-восток к Сивашу. Последнее направление, видимо, соответствует перекочевкам на зимние пастбища. Больше половины всех находок крестовидных ворварок надежно датируется в пределах второй—третьей четвертей IV в. до н. э., что дает все основания предполагать ту же датировку и для комплексов, где отсутствуют собственные датирующие материалы. В целом такие бронзовые крестовидные ворварки являются надежным хронологическим индикатором скифских погребений Северного Причерноморья второй—третьей четверти IV в. до н. э., а также отчасти и этническим.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1984. О месте Чертомлыцкого кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 25, с. 65-75.

Андрух, С. И., Тощев, Г. Н., 1999. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье: ЗГУ, I.

Бессонова, С. С., Ковальов, М. В., Кубишев, А. І. 2005. Кургани біля с. Ольгіне (скіфські поховання). *Археологія*, 3, с. 38-51.

Волкобой, С. С., Андросов, А. В., Лихачев, В. А., Мухопад, С. Е., Шалобудов, В. Н. 1980. Скифские могильники IV—III вв. до н. э. юга Днепропетровской области. *Курганы степного Поднепровья*, 4, с. 18-42.

Гаврилюк, Н. А. 1999. *История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н. э.* Киев: ИА НАНУ.

Гаврилюк, Н. А. 2013. *Экономика Степной Скифии*. Киев: Олег Філюк.

Галанина, Л. К. 1977. *Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга)*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—33.

Граков, Б. Н., 1954. *Каменское городище на Днепре*. Москва: Наука. Материалы и исследования по археологии СССР, 36.

Евдокимов, Г. Л., Гершкович, Я. П., Паруцкий, А. Г. 1985. *Отчет Краснознаменской экспедиции ИА АН УССР о раскопках курганов в Херсонской обл. в 1985 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1985/2.

Евдокимов Г. Л., Гершкович Я. П., Фридман М. И. 1988. *Отчет о работе Краснознаменской экспедиции в 1988 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1988/19.

Евдокимов, Г. Л., Рычков, Н. А., Куприй, Н. М. 1993. *Отчет о работе Краснознаменской экспедиции в Херсонской области в 1993 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1993/18.

Елинова, Л. П., Голубчик, Л. Н., Чурилова, Л. Н. 1985. *Отчет Днепропетровского исторического музея об археологических раскопках проведенных в зоне промышленных разработок Марганецкого горно-обогатительного комбината в 1985 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1985/90.

Ильинская, В. А. 1968. Скифские курганы около г. Борисполя. *Советская археология*, 3, с. 152-171.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И., 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Круц, С. И. 1989. Скифы по данным антропологии. В: Сегеда, С. П., Круц, С. И., Потехина, И. Д., Покас, П. М., Назарова, Т. А. *Антропологическая характеристика древнего населения Украины (I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.)*. НА ІА НАНУ, ф. 12, 173/1989, с. 27-185.

Круц, С. И. 2005. Новые антропологические материалы из курганов скифской знати. В: Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стилос, с. 459-501.

Круц, С. И. 2017. *Скифы степей Украины по антропологическим данным*. Киев; Берлин: Олег Філюк.

Кубышев, А. И., Шилов, Ю. А., Чекамова, Г. И., Николова, А. В., Симоненко, А. В., Зубарь, В. М., Рябова, В. А. 1974. *Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в 1974 году. Раскопки курганов в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1974 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1974/8.

Кубышев, А. И., Николова, А. В., Полин, С. В. 1982. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 130-147.

Кубышев, А. И., Дорофеев, В. В., Шилов, Ю. А., Нечитайло, А. Л., Куприй, С. А., Шевченко, Н. П., Толкачев, Ю. И., Амирханов, А. Ш., Абикулова, М. И., Былкова, В. П. 1983. *Отчет о работах Херсонской Археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской обл. в 1983 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1983/26.

Кубышев, А. И., Дорофеев, В. В., Симоненко, А. В., Куприй, С. А., Ковалев, Н. В. 1985. *Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в Херсонской области в 1985 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1985/7.

Литвинова, Л. В. 1999. Антропологический материал из могильника Мамай-гора. В: Андрух, С. И., Тощев, Г. Н. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье: ЗГУ, I, с. 188-209.

Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 187-234.

Мозолевский, Б. Н., Николова, А. В., Полин, С. В., Белозор, В. П. 1988. *Отчёт о работе Орджоникидзевской экспедиции за 1988 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1988/33.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стилос.

Мурзин, В. Ю., Ролле, Р., Бессонова, С. С, Рябова, В. А. 1983. *Отчет о работе Чертомлыкской экспедиции в 1983 году*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1983/40.

Мурзин, В. Ю., Бунятян, Е. П., Махортых, С. В., Николова, А. В., Полин, С. В. 1984. *Отчет о раскопках Чертомлыкской экспедиции в 1984 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1984/33.

Мухопад, С. Е., Шалобудов, В. Н., Ромашко, В. А., Гусак, О. А. 1992. Скифские курганы группы Маерова могила в Днепровском Надпорожье. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, с. 47-55.

Оленковський, М. П. 1995. *Звіт про дослідження на Нижньому Дніпрі у 1995 р.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1995/22.

Ольговский, С. Я. 1987. Социально-экономическая роль Каменского городища. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 48-52.

Островерхов, А. С., Редина, Е. Ф. 2013. Скифские древности. В: Бруяко, И. В., Самойлова, Т. Л. (ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: СМИЛ, с. 374-418.

Отрощенко, В. В., Болдин, Я. И., Белов, А. Ф., Ляшко, С. Н., Пустовалов, С. Ж., Рассамакин, Ю. Я., Савовский, И. П., Тихомолова, И. Р. 1978. *Отчет о раскопках Запорожской новостроечной экспедиции в 1978 году*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1978/3.

Плешивенко, А. Г. 1991. Скифский курган у Белозерского лимана. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 53-72.

Полин, С. В., 1984. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с. 103-118.

Полин, С. В., 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Олег Філюк.

Синика, В. С., Разумов, С. Н., Тельнов, Н. П., 2013. *Курганы у села Буторы*. Тирасполь. Археологические памятники Приднестровья, 1.

Телегін, Д. Я., Терпиловський, Р. В., Козловський, А. Я, Пустовалов, С. Ж. 1984Оріхівські кургани на Дніпропетровщині. *Археологія*, 47, с. 45-57.

Тереножкин, А. И., Кубышев, А. И., Ильинская, В. А., Болдин, Я. И., Чередниченко, Н. Н., Шилов, Ю. А. 1973. *Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1973 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1973/10.

Черненко, Е. В., Бессонова, С. С., Болтрик, Ю. В., Полин, С. В., Скорый, С. А., Бокий, Н. М., Гребенников, Ю. С. 1986. *Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Шапошникова, О. Г., Фоменко, В. М., Балушкин, А. М., Гребенников, Ю. С. 1975. *Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1975 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1975/3.

Шапошникова, О. Г., Балушкин, О. М., Гребенников, Ю. С., Загребельный, А. М., Товкайло, Н. Т., Фоменко, В. М. 1984. *Отчет о работе Николаевской экспедиции в 1984 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1984/9.

Шапошникова, О. Г., Балакин, А. М., Гребенников, Ю. С. 1985. *Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1985 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1985/3.

Daragan, M. N., 2019. About the Scythian quiver from the burial No. 2, kurgan No. 5 in the village Bulgakovo. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* (в печати).

Daragan, M. N., 2019. Scythian archers of the 4th century BC: bows and arrows. In: Simpson, St. J. Pankova, S. (eds.). *Scythian and Other Eurasian Nomads. British Museum*, (*peer reviewed)* (в печати).

REFERENCES

Alekseev, A. Ju. 1984. O meste Chertomlyckogo kurgana v hronologicheskoj sisteme pogrebenij skifskoj znati IV—III vv. do n. e. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 25, s. 65-75.

Andruh, S. I., Toschev, G. N., 1999. *Mogil'nik Mamaj-Gora*. Zaporozh'e: ZGU, I.

Bessonova, S. S., Koval'ov, M. V., Kubishev, A. I. 2005. Kurgani bilja s. Ol'gine (skifs'ki pohovannja). *Arheologija*, 3, s. 38-51.

Volkoboj, S. S., Androsov, A. V., Lihachev, V. A., Muhopad, S. E., Shalobudov, V. N. 1980. Skifskie mogil'niki IV—III vv. do n. e. juga Dnepropetrovskoj oblasti. *Kurgany stepnogo Podneprov'ja*, 4, s. 18-42.

Gavriljuk, N. A. 1999. *Istorija jekonomiki Stepnoj Skifii VI—III vv. do n. e.* Kiev: IA NANU, 1999.

Gavriljuk, N. A. 2013. *Ekonomika Stepnoj Skifii.* Kiev: Oleg Filjuk.

Galanina, L. K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprovja. (Ermitazhnaja kollekcija N. E. Brandenburga).* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1—33.

Grakov, B. N., 1954. *Kamenskoe gorodische na Dnepre.* Moskva: Nauka. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, 36.

Evdokimov, G. L., Gershkovich, Ja. P., Paruckij, A. G. 1985. *Otchet Krasnoznamenskoj ekspedicii IA AN USSR o raskopkah kurganov v Hersonskoj obl. v 1985 g.* NA IA NANU, f. 64, 1985/2.

Evdokimov, G. L., Gershkovich, Ja. P., Fridman, M. I. 1988. *Otchet o rabote Krasnoznamenskoj ekspedicii v 1988 g.* NA IA NANU, f. 64, 1988/19.

Evdokimov, G. L., Rychkov, N. A., Kuprij, N. M. 1993. *Otchet o rabote Krasnoznamenskoj jekspedicii v Hersonskoj oblasti v 1993 g.* NA IA NANU, f. 64, 1993/18.

Elinova, L. P., Golubchik, L. N., Churilova, L. N. 1985. *Otchet Dnepropetrovskogo istoricheskogo muzeja ob arheologicheskih raskopkah provedennyh v zone promyshlennyh razrabotok Marganeckogo gorno-obogatitel'nogo kombinata v 1985 g.* NA IA NANU, f. 64, 1985/90.

Il'inskaja, V. A. 1968. Skifskie kurgany okolo g. Borispolja. *Sovetskaja arheologija*, 3, s. 152-171.

Il'inskaja, V. A., Terenozhkin, A. I., 1983. *Skifija VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kruc, S. I. 1989. Skify po dannym antropologii. In: Segeda, S. P., Kruc, S. I., Potehina, I. D., Pokas, P. M., Nazarova, T. A. *Antropologicheskaja harakteristika drevnego naselenija Ukrainy (I tys. do n. e. — pervaja polovina I tys. n. e.*). NA IA NANU, f. 12, 173/1989, s. 27-185.

Kruc, S. I. 2005. Novye antropologicheskie materialy iz kurganov skifskoj znati. In: Mozolevskij, B. N., Polin, S. V. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodjana i Soboleva mogily).* Kiev: Stilos, s. 459-501.

Kruc, S. I. 2017. *Skify stepej Ukrainy po antropologicheskim dannym*. Kiev; Berlin: Oleg Filjuk.

Kubyshev, A. I., Shilov, Ju. A., Chekamova, G. I., Nikolova, A. V., Simonenko, A. V., Zubar', V. M., Rjabova, V. A. 1974. *Otchet o rabotah Hersonskoj arheologicheskoj jekspedicii v 1974 godu. Raskopki kurganov v zone stroitel'stva Kahovskoj orositel'noj sistemy v 1974 g.* NA IA NANU, f. 64, 1974/8.

Kubyshev, A. I., Nikolova, A. V., Polin, S. V. 1982. Skifskie kurgany u s. L'vovo na Hersonschine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoj Skifii*. Kiev: Nauk. Dumka, s. 130-147.

Kubyshev, A. I., Dorofeev, V. V., Shilov, Ju. A., Nechitajlo, A. L., Kuprij, S. A., Shevchenko, N. P., Tolkachev, Ju. I., Amirhanov, A. Sh., Abikulova, M. I., Bylkova, V. P. 1983. *Otchet o rabotah Hersonskoj Arheologicheskoj jekspedicii v zone stroitel'stva Kahovskoj orositel'noj sistemy v Hersonskoj i Zaporozhskoj obl. v 1983 g.* NA IA NANU, f. 64, 1983/26.

Kubyshev, A. I., Dorofeev, V. V., Simonenko, A. V., Kuprij, S. A., Kovalev, N. V. 1985. *Otchet o rabotah Hersonskoj arheologicheskoj ekspedicii v Hersonskoj oblasti v 1985 g.* NA IA NANU, f. 64, 1985/7.

Litvinova, L. V. 1999. Antropologicheskij material iz mogil'nika Mamaj-gora. In: Andruh, S. I., Toschev, G. N. *Mogil'nik Mamaj-Gora*. Zaporozh'e: ZGU, I, s. 188-209.

Mozolevskij, B. N. 1973. Skifskie pogrebenija u s. Nagornoe bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovschine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 187-234.

Mozolevskij, B. N., Nikolova, A. V., Polin, S. V., Belozor, V. P. 1988. *Otchjot o rabote Ordzhonikidzevskoj ekspedicii za 1988 g.* NA IA NANU, f. 64, 1988/33.

Mozolevskij, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodjana i Soboleva mogily).* Kiev: Stilos.

Murzin, V. Ju., Rolle, R., Bessonova, S. S, Rjabova, V. A. 1983. *Otchet o rabote Chertomlykskoj ekspedicii v 1983 godu*. NA IA NANU, f. 64, 1983/40.

Murzin, V. Ju., Bunjatjan, E. P., Mahortyh, S. V., Nikolova, A. V., Polin, S. V. 1984. *Otchet o raskopkah Chertomlykskoj ekspedicii v 1984 g*. NA IA NANU, f. 64, 1984/33.

Muhopad, S. E., Shalobudov, V. N., Romashko, V. A., Gusak, O. A. 1992. Skifskie kurgany gruppy Maerova mogila v Dneprovskom Nadporozh'e. In: Koval'ova, I. F. (ed.). *Problemy arheologii Podneprov'ja.* Dnepropetrovsk: DGU, s. 47-55.

Olenkovs'kij, M. P. 1995. *Zvit pro doslidzhennja na Nizhn'omu Dnipri u 1995 r.* NA IA NANU, f. 64, 1995/22.

Ol'govskij, S. Ja. 1987. Social'no-jekonomicheskaja rol' Kamenskogo gorodischa. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomor'ja.* Kiev: Naukova dumka, s. 48-52.

Ostroverhov, A. S., Redina, E. F. 2013. Skifskie drevnosti. In: Bruyako, I. V., Samoylova, T. L. (ed.). *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja.* Odessa: SMIL, s. 374-418.

Otroschenko, V. V., Boldin, Ja. I., Belov, A. F., Ljashko, S. N., Pustovalov, S. Zh., Rassamakin, Ju. Ja., Savovskij, I. P., Tihomolova, I. R. 1978. *Otchet o raskopkah Zaporozhskoj novostroechnoj ekspedicii v 1978 godu.* NA IA NANU, f. 64, 1978/3.

Pleshivenko, A. G. 1991. Skifskij kurgan u Belozerskogo limana. In: Boltryk, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (ed.). *Kurgany stepnoj Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 53-72.

Polin, S. V., 1984. Zahoronenie skifskogo voina-druzhinnika u s. Krasnyj Podol na Hersonschine. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Vooruzhenie skifov i sarmatov*. Kiev: Naukova dumka, s. 103-118.

Polin, S. V., 2014. *Skifskij Zolotobalkovskij kurgannyj mogil'nik V—IV vv. do n. e. na Hersonschine*. Kiev: Oleg Filjuk.

Sinika, V. S., Razumov, S. N., Tel'nov, N. P. 2013. *Kurgany u sela Butory*. Tiraspol'. Arheologicheskie pamjatniki Pridnestrov'ja, 1.

Telegin, D. Ja., Terpilovs'kij, R. V., Kozlovs'kij, A. Ja, Pustovalov, C. Zh. 1984. Orihivs'ki kurgani na Dnipropetrovschini. *Arheologija*, 47, s. 45-57.

Terenozhkin, A. I., Kubyshev, A. I., Il'inskaja, V. A., Boldin, Ja. I., Cherednichenko, N. N., Shilov, Ju. A. 1973. *Otchet o rabote Hersonskoj arheologicheskoj ekspedicii v 1973 g.* NA IA NANU, f. 64, 1973/10.

Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Ju. V., Polin, S. V., Skoryj, S. A., Bokij, N. M., Grebennikov, Ju. S. 1986. *Skifskie pogrebal'nye pamjatniki stepej Severnogo Prichernomor'ja.* Kiev: Naukova dumka.

Shaposhnikova, O. G., Fomenko, V. M., Balushkin, A. M., Grebennikov, Ju. S. 1975. *Otchet o rabote Ingul'skoj ekspedicii za 1975 g.* NA IA NANU, f. 64, 1975/3.

Shaposhnikova, O. G., Balushkin, O. M., Grebennikov, Ju. S., Zagrebel'nyj, A. M., Tovkajlo, N. T., Fomenko, V. M. 1984. *Otchet o rabote Nikolaevskoj ekspedicii v 1984 g.* NA IA NANU, f. 64, 1984/9.

Shaposhnikova, O. G., Balakin, A. M., Grebennikov, Ju. S. 1985. *Otchet o rabote Nikolaevskoj ekspedicii za 1985 g.* NA IA NANU, f. 64, 1985/3.

Daragan, M. N. 2019. About the Scythian quiver from the burial No. 2, kurgan No. 5 in the village Bulgakovo. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* (in print).

Daragan, M. N., 2019. Scythian archers of the 4th century BC: bows and arrows. In: Simpson, St. J. Pankova, S. (eds.). *Scythian and Other Eurasian Nomads. British Museum*, (*peer reviewed)* (in print).

S. V. Polin, M. N. Daragan

BRONZE CROSS-SHAPED PLAQUES AS A CHRONOLOGY INDICATOR OF SKYTHIAN KURGANS OF THE NORTH PONTIC REGION OF THE SECOND — THIRD QUARTER OF THE 4th CENTURY BC

In the Scythian kurgans of the IVth century BC in the Northern Black Sea region, 31 bronze cruciform plaques were found. Such plaques are found mainly in male graves and much less often in female ones. These plaques were used as quiver buckles and for attaching the quiver to the belt. The main zone of concentration of cross-shaped plaques finds covers is the territory of the Lower Dnieper region, directly to the Dnieper. Apparently, this indicates that they were made in this region, where their place of manufacture could be only Kamenskoe hillfort, which was the center of metallurgy and metalworking in Steppe Scythia. From here they diverged south-east to Sivash within the present-day Kherson region, and much further north to the forest-steppe within the present-day right-bank Cherkasy and left-bank Kiev regions. Cross-shaped plaques are indicators of the advance of the steppe Scythians from the Lower Dnieper region to the north in the Ukrainian forest-steppe, to the west as far as the Lower Danube and very close to the south-east to Sivash. The latter direction, apparently, corresponds to migrations to winter pastures. More than half of all finds of cross-shaped plaques reliably date from within the second to third quarters of the IVth century BC, which gives every reason to assume the same dating for the complexes, where there are no own dating materials. In general, such bronze cross-shaped plaques are a reliable chronological indicator Scythian burials of the Northern Black Sea region of the second — third quarter of the IVth century BC, and also partly ethnic.

Keywords: Scythians, Northern Black Sea Coast, military equipment, quiver, arrowheads, chronology, bronze casting.

Одержано 26.02.2019

ДАРАГАН Марина Миколаївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *darmar@ukr.net*.

DARAGAN Maryna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *darmar@ukr.net*.

ПОЛІН Сергій Васильович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *polin-arheo@ukr.net*.

POLIN Sergij, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *polin-arheo@ukr.net*.

УДК: 904'1(477)"638"

О. В. Симоненко

НАРИС УКРАЇНСЬКОГО САРМАТОЗНАВСТВА

Стаття містить аналіз вивчення сарматів Північного Причорномор'я від часу перших знахідок сарматських пам'яток до сьогодення. Автор пропонує розглядати розвиток українського сарматознавства у двох напрямках: польові дослідження та теоретичне узагальнення археологічного матеріалу. У статті подана історія знахідок пам'яток сарматської культури та аналіз поглядів провідних вчених на різні проблеми сарматської археології.

***Ключові слова**: стаття, монографія, сармати, сарматська культура, Північне Причорномор'я, Україна, кургани, поховання, хронологія.*

Степ і частина лісостепу території сучасної України в II ст. до н. е. — IV ст. н. е. були місцем мешкання численних сарматських племен, що хвиля за хвилею просувалися сюди зі сходу. Сарматська проблематика є одним з провідних напрямків досліджень українських та закордонних археологів.

Так склалося, що пам'ятки сарматів на теренах сучасних України і Молдови, що в археологічній номенклатурі мають назву Північне Причорномор'я, були предметом штудій нечисленних дослідників [1]. Історія українського сарматознавства пов'язана з іменами Т. Г. Оболдуєвої, Є. В. Махно, М. І. Вязьмітіної, О. В. Симоненка, М. Б. Щукіна, В. І. Костенка, О. М. Дзиговського, М. М. Фокеєва — на жаль, продовжити цей список наразі важко. Сарматів Молдови фундаментально вивчали Е. А. Рікман та В. І. Гросу.

Свого часу (Симоненко 1999, с. 15—16) я проаналізував періодизації історії вивчення сарматів Північного Причорномор'я, запропоновані колегами (Костенко 1983, с. 8—10; Гросу 1988, с. 10—13; Дзиговський 1987, с. 19—20), і зазначив, що підставами для них були як певні історичні події, так і зміни у якості наукового знання. Труднощі виділення останніх, на мою думку, полягають в тому, що археологія (й сарматознавство як її складова частина) знаходиться у стані безперервного розвитку. Головним чинником при цьому є археологічний матеріал, що постійно прибуває. На певному етапі кількість переходить у якість, і, таким чином, періоди накопичення та систематизації археологічних джерел змінюються періодами їхнього теоретичного осмислення (Симоненко 1999, с. 15). Тому вивчення сарматів Північного Причорномор'я слід розглядати в двох напрямках — історія археологічних досліджень та історія теоретичних розробок.

Археологічні дослідження сарматів Північного Причорномор'я. Вперше сарматські старожитності було випадково знайдено 1840 р. біля с. Смольянинова на Сіверському Дінці. У складі знахідки — золоті прикраси ранньосарматського часу: фібула-брошка, сережка та нашивні платівки (Архів ІІМК РАН, спр. 317, ар. 110). Згодом, у 1864 р., також випадково був знайдений комплекс коштовних речей біля с. Стара Осота на Кіровоградщині (Кат. III АС, № 64—65), у 1873 р. — ще багатша знахідка в с. Петрики неподалік Старої Осоти (Бобринский 1889, с. 134).

З початком польових досліджень у другій половині XIX ст. почали з'являтися і сармат-

1. Тут наведено лише прізвища дослідників, чиї праці залишили помітний слід в українському сарматознавстві. Публікації іншими авторами сарматських поховань або окремих знахідок є у списку літератури.

© О. В. СИМОНЕНКО, 2019

ські пам'ятки. Вперше вони були досліджені Д. Я. Самоквасовим біля с. Яблунів на Черкащині (Самоквасов 1908, с. 115—121) у 1876 р. Далі можна назвати розкопки І. Зарецького в с. Лихачівці (Зарецкий 1888, с. 242) та Ю. Щербачова в с. Мануйловці (Щербачев 1894, с. 39—42) на північному сході України, роботи М. Є. Бранденбурга в Пороссі (Краснопілка, Кагарлик, Бурти та ін.) та Донбасі-Приазов'ї (Слов'янськ, Мелітопіль, Маріупіль, ст. Сартана та ін.) у 1890—1891 рр. (Бранденбург 1908, с. 162—164, 181—185, 193, 268), О. О. Бобринського біля сс. Цвітна та Журівка (ОАК 1898, с. 88—89), В. В. Хвойки біля с. Райгород у басейні Тясмину (Ханенко, Ханенко 1900, с. 10).

На початку XX ст. масштабні розкопки в сучасних Луганській, Донецькій та Харківській областях здійснили В. О. Городцов (Городцов 1905, с. 226, 232—241), Є. П. Трефільєв (Трефильев 1905, с. 135—138), О.М. Покровський та ін. (Селимівка, Мечеболове, Переїзна, Сватова Лучка, Нижня Дуванка). Групу сарматських пам'яток у Подніпров'ї біля сс. Афанасівка, Сужене, Хорошево, Котовка, Богодар відкрив Д. І. Яворницький (Костенко 1983, с. 10). Тоді ж були випадково знайдені коштовні прикраси кінського спорядження в м. Старобельську (Спицын 1909, с. 27—28) та в балці Янчокрак (Гущина 1969, с. 43—51).

З причин, що не стосуються археології, польові дослідження в Україні відновилися лише в 20-ті роки. Були відкриті сарматські поховання біля сс. Нещеретове (Луцкевич 1952, с. 136—141), Нові Санжари, Кантемирівка, (Рудинський 1927, с. 144—150; 1931, с. 127—156). У 1929 р. біля с. Балаклеї були випадково знайдені срібні фалари, подібні до старобельських та янчокрацьких. Протягом 1930—1935 рр. пам'ятки сарматів дослідили О. О. Міллер на будівництві Дніпрогесу (Симоненко 2000) та В. Н. Даниленко в с. Новопилипівка (матеріали не видані), кілька поховань були відкриті експедицією Б. М. Гракова на Нікопольському курганному полі (Граков 1962, с. 56—113).

Відновлення археологічних досліджень сарматів у повоєнні роки в Україні почалося розкопками відомого Молочанського могильника. Спочатку Т. Г. Оболдуєва біля с. Новопилипівка 1947 р. дослідила курган з діагональним похованням воїна (Оболдуева 1952, с. 43—47), а протягом 1951—1952 рр. експедицією під керівництвом О.І. Тереножкіна біля Новопилипівки, радгоспу Акермень та навколишніх сіл (Троїцьке, Шевченко, Долина) був досліджений великий курганний могильник I — першої половини II ст. н. е. (Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко 1960, с. 22—135). Тоді ж Є. В. Махно розкопала 20 курганів такого ж могильника біля с. Усть-Кам'янка (Махно 1961, с. 14—39). Так у степовій смузі України було започатковано масштабні дослідження курганів, пов'язані зі спорудженням водоймищ і зрошувальних систем, що дали головну масу сарматських пам'яток.

У Донбасі-Приазов'ї Ворошиловградською та Донецькою експедиціями ІА НАНУ (І. О. Писларій, С. Н. Братченко, М. М. Чередниченко, О. С. Біляєв), Донецького університету (А. О. Моруженко, Т. А. Шаповалов) та музею (С. І. Татаринов) досліджено близько 80 поховань II ст. до н. е. — I ст. н. е.

Степ та частину лісостепу по обидва береги нижньої течії Дніпра досліджували експедиції Дніпропетровського університету (І. Ф. Ковальова, В. І. Костенко, В. А. Ромашко) та музею (Л. І. Крилова), ІА НАНУ (Б. М. Мозолевський, В. О. Круц, Д. Т. Березовець, Д. Я. Телегін), Кіровоградського педагогічного університету (Н. М. Бокій), Криворізького музею (О. О. Мельник). Серед найбільш значних відкриттів у цьому регіоні варто назвати дослідження експедицією ДНУ впродовж 1973—1974 р. Підгороднянського могильника I—II ст. н. е. та дослідування В. І. Костенком в 1983—1985 рр. Усть-Кам'янського могильника, роботи на якому почала Є. В. Махно 1951 р. Загалом в Надпоріжжі досліджено більш ніж 150 поховань II ст. до н. е. — першої половини IV ст. н. е.

На півдні України в межах Запорізької, Херсонської, Миколаївської областей та в Криму більше 100 поховань II ст. до н. е. — III ст. н. е. досліджено експедиціями ІА НАНУ (О. М. Лесков, О. І. Тереножкін, В. І. Бідзіля, А. І. Кубишев, Г. Л. Євдокимов, О. В. Симоненко, Є. В. Черненко, В. В. Отрощенко, Ю. Я. Рассамакин, Г. Т. Ковпаненко, В. І. Фоменко, І. М. Шарафутдінова, О. Г. Шапошникова, В. М. Корпусова, А. О. Щепинський), Миколаївського та Херсонського музеїв (В. І. Нікітін, І. Д. Ратнер). Серед найбільш яскравих знахідок — поховання вищої знаті в Ногайчикському кургані (1974 р., А. О. Щепинский), Соколовій Могилі (1974 р., Г. Т. Ковпаненко), біля с. Весняне (1992 р., О. В. Симоненко).

На заході України сарматські пам'ятки досліджено у верхній течії Дністра біля сс. Острівец (Смішко 1962, с. 54—70), Ленківці (Мелюкова 1953, с. 60—63), Киселів (Винокур, Вакуленко 1967, с. 126—131). Протягом 1984—1993 рр. роботами експедиції Вінницького обласного музею (Б. І. Лобай, В. М. Загоруйко) на вододілі середньої течії Дністра та Південного Бугу відкритий невеликий аристократичний некрополь (поховання біля сс. Северинівка, Пороги, Писарівка, Гордіївка).

Наприкінці минулого століття великі дослідження провадилися в пониззях Дунаю і Дністра експедиціями ІА НАНУ (І. Т. Черняков, Л. В. Суботін, О. В. Гудкова) та Одеського археологічного музею НАНУ. Тут, а також в Молдові між Дністром та Прутом відкрито більш ніж 500 сарматських поховань I—IV ст. н. е.

Всього в Північному Причорномор'ї до початку XXI століття було відомо 1256 поховань

та окремих знахідок сарматської культури (Симоненко 1999, с. 8).

Вивчення питань історії та культури сарматів Північного Причорномор'я. Вперше історія сарматів стала предметом інтересу засновників російської історичної науки В.К. Тредіаковського, М. В. Ломоносова, В. М. Татіщева та ін. [1] В. М. Татіщев та Н. М. Карамзін вважали навалу сарматів головною причиною падіння Скіфії (Татищев 1962, с. 137, 233, 242; Карамзин 1903, с. 25). Цю ж лінію характеризують дослідження антикознавців та лінгвістів П. І. Шафарика, В. В. Латишева, Ф. Брауна, Е. Міннза, археологів Д. Я. Самоквасова та О. О. Бобринського.

Першою спробою узагальнення тогочасних історичних і археологічних джерел по сарматах Північного Причорномор'я стали фундаментальні роботи М. І. Ростовцева (1918; 1925). Він виділив два етапи розвитку сарматської культури: покровський (V ст. до н. е.) та прохорівський (IV—III ст. до н. е.) (Ростовцев 1918а, с. 25—39). Дослідник вважав початком проникнення сарматів до Північного Причорномор'я кінець IV ст. до н. е. Далі (у другій половині III ст. до н. е., на думку М. І. Ростовцева) сармати заселили Кубань, азіатський бік Боспору та Середню Наддніпрянщину.

У 1920—1940-і рр. на базі вивчення значної кількості сарматських пам'яток Приуралля, Поволжя та Кубані було створено кілька варіантів періодизації сарматської культури (Rau 1927, s. 65; Смирнов 1947, с. 75—76; Граков 1947, с. 100—122).

Першу спробу аналізу причорноморських пам'яток було зроблено Т. Г. Оболдуєвою (Оболдуева 1948). На жаль, цю роботу так і не було опубліковано.

Рукопис Т. Г. Оболдуєвої складається з двох розділів: історико-археологічного дослідження (34 с.) і археологічної карти (42 с.). У першому автор проаналізувала наявні письмові джерела, починаючи з даних Геродота і Гіппократа про савроматів і закінчуючи працями Плінія Старшого і Юлія Капітоліна. Правда, цей аналіз багато втрачає від відсутності даних Йосипа Флавія, Флавія Арріана, Амміана Марцелліна, Діона Хризостома і багатьох інших античних авторів. У цілому, Т. Г. Оболдуєва надала першу в радянській археології добірку даних античної писемної традиції про сарматів Північного Причорномор'я.

Аналізуючи історію дослідження, Т. Г. Оболдуєва торкнулася робіт М. І. Ростовцева, П. Рау, Б. Н. Гракова. Згідно з науковими уявленнями того часу, вона критикувала гіпотезу М. І. Ростовцева про послідовні хвилі сарматських міграцій зі сходу і його погляди на різницю між савроматами й сарматами. Т. Г. Оболдуєва була прихильником спільності савромато-сарматської культури і послідовних стадій її розвитку. Зараз відомо, що мав рацію саме М. І. Ростовцев.

Головним здобутком Т. Г. Оболдуєвої є дослідження археологічних пам'яток сарматів та їх карта. Тут зібрані дані про всі відомі на той час в Україні поховання і випадкові знахідки загальним числом 46 пунктів. За обрядом дослідниця виділила три типи поховань: діагональні в квадратних ямах, у видовжених ямах головою на південь і такі ж головою на північ. Перші два типи тоді здалися переважаючими (тепер з'ясувалося, що це не так). Дуже коротко Т. Г. Оболдуєва проаналізувала поховальне начиння, зосередивши увагу на хронології пам'яток. На жаль, її датування частини поховань виявилося хибним (Симоненко 1999, с. 22).

Початком проникнення сарматів на територію сучасної України Т. Г. Оболдуєва вважала кінець III — II ст. до н. е. Вона побачила зв'язок причорноморських і поволзьких пам'ятників перших століть нашої ери і абсолютно вірно обмежила сарматизацію античних центрів суто культурними проявами (запозичення одягу, прикрас, деяких речей побуту); слушно підкреслила, що взаємини лісостепових племен півночі з сарматами базувалися на данницьких відносинах, забезпечених силовою перевагою кочовиків. В цілому, спроба Т. Г. Оболдуєвої створити історико-археологічний нарис сарматської культури України відповідає тодішньому рівню археологічного матеріалу. Великою цінністю є зібрані нею матеріали зі старих розкопок, почасти втрачені зараз.

Важливим кроком вперед стала стаття К. Ф. Смірнова (1954, с. 196—219). Там він зауважив, що вивчення сарматів Північного Причорномор'я є «*самой насущной задачей*» сарматознавства (Смирнов 1954, с. 214) і водночас підкреслив, що територія сучасної України найменш вивчена. Розгорнуті положення своєї теорії проникнення сарматів Північного Причорномор'я він виклав у статті (Смирнов 1971, с. 191—196) та в останній монографії (Смирнов 1984).

У цій книзі наведені добірка ранньосарматських пам'яток України, їхній аналіз і датування. На жаль, не всі вони визначені вірно (Полин, Симоненко 1990, с. 79—93; 2012, с. 155—176). За К. Ф. Смірновим, епізодична інфільтрація савроматів в скіфське середовище почалася ще в IV ст. до н. е. Наприкінці століття в зв'язку з активністю «*ранних сарматов — носителей прохоровской культуры*» (Смірнов 1984, с. 117) мирні відносини савроматів та скіфів змінилися на ворожі, котрі й продовжувалися аж до завоювання Скифии і «*утверждения их* (сарматів — *авт.*) *политической гегемонии*» (Смир-

1. Я залишаю осторонь виникнення та розвиток польсько-українського сарматизму як теорії радше фантастичної, ніж наукової.

нов 1984, с. 118) у період з кінця III по I ст. до н. е.

Розкопки на початку 1950-х рр. масових сарматських пам'яток на р. Молочній, в Усть-Кам'янці та Калантаєві закономірно відбилися у зверненні дослідників до сарматської тематики. У статтях М. П. Абрамової (1959, с. 52—72; 1961, с. 91—110) було вперше поставлене питання про час і характер появи сарматів на захід від Дону та зв'язку сарматських пам'яток України з культурою Дону та Поволжя. Дослідниця, виходячи з археологічних реалій, цілком слушно віднесла появу сарматів у Північному Причорномор'ї до II ст. до н. е. (Абрамова 1961, с. 109).

В ці роки провідним дослідником сарматських пам'яток України стала М. І. Вязьмітіна. Ще 1954 р. вийшла її публікація матеріалів Молочанського могильника (Вязьмитина 1954, с. 220—244). Узагальнила дослідниця свої погляди на розвиток історії і культури сарматів України в серії нарисів і розділів колективних монографій (1957, с. 218—242; 1960, с. 16—20; 1971, с. 185—215; 1986, с. 184—233). Саме вони характеризують рівень українського сарматознавства 1960—1970-х рр. Погляди М. І. Вязьмітіної на історію та культуру сарматів Північного Причорномор'я знаходилися в руслі загальновизнаних положень того часу. Слідом за К. Ф. Смірновим вона вважала IV—III ст. до н. е. часом першого проникнення сюди сарматів (Вязьмитина 1986, с. 189). Пам'ятки II—I ст. до н. е. відповідно до періодизації Б. М. Гракова автор називає «перехідними» до середньосарматської культури (Вязьмитина 1986, с. 180).

Істотним внеском М. І. Вязьмітіної до сарматської проблематики є реконструкція взаємин сарматів з пізніми скіфами Нижнього Дніпра. Вона звернула увагу на сарматські елементи в поховальному обряді Золотобалківського могильника (Вязьмитина 1972, с. 184) і справедливо припустила неоднозначність та складність відносин сарматів та пізніх скіфів у різні часи.

Дослідження М. І. Вязьмітіної посідають важливе місце в історії вітчизняного сарматознавства. Нею оброблений і опублікований величезний матеріал з Молочанського могильника, систематизовані відомі на той час пам'ятки України, зроблено спробу створення широких історико-археологічних реконструкцій. Деякі неточності в її висновках випливають із загального рівня наукового знання того часу і, якщо враховувати це, не знижують цінності результатів її робіт.

У 1960—1970-ті рр. завдяки широкомасштабним розкопкам на новобудовах кількість сарматських пам'яток зросла настільки, що стало можливо і необхідно вивчати їх за окремими регіонами.

Північно-Західне Причорномор'я. Вперше узагальнив сарматські пам'ятки цих теренів Е. А. Рікман (1964; 1975). Проте він не виділив хронологічні горизонти сарматської культури Дністро-Прутського межиріччя, тому запропоновані їм дати пам'яток були досить широкими. Монографічні дослідження сарматської культури цього регіону були здійснені В. І. Гросу (1990) та О. М. Дзиговським (1993; 2000; 2003). Суттєвим недоліком обох робіт є те, що підрахунки відсоткового співвідношення типів поховальних споруд та розподілу орієнтації є наскрізними через весь масив пам'яток, а не в межах хронологічних груп. Така методика є простою арифметикою, тому що не відбиває динаміку зміни поховального обряду і, відповідно, не несе ніякого історичного навантаження (Симоненко 1992, с. 155).

Цьому ж регіону присвячена монографія О. В. Симоненка та Б. І. Лобая (1991). Запропонована в ній реконструкція історичних подій і розвитку сарматської культури в I ст. н. е. дещо відрізняється від розробок перелічених авторів. В книзі вперше в українському сарматознавстві було поставлене питання походження сарматської людності з Внутрішньої Азії та подано нарис етно-політичної історії сарматів на теренах сучасної України та Молдови.

Слід згадати книгу Г. Т. Ковпаненко (1986), присвячену ретельній та докладній публікації поховання «цариці-жриці» з кургану Соколова Могила неподалік Миколаєва. Не претендуючи на глобальні висновки (автор не була фахівцем з сарматської археології), монографія є чудовим зразком добротної публікації археологічного джерела.

Орель-Самарське межиріччя. Вивченню сарматської культури цього регіону багато уваги приділив В. І. Костенко (1983; 1986). Варто зауважити, що його погляди сформувалися під впливом ідей К.Ф. Смирнова, перш за все — уявлень того про час і характер проникнення сарматів до Північного Причорномор'я. Уважне вивчення звітів експедицій ДНУ в архіві ІА НАНУ та матеріалів у фондах Кабінету археології ДНУ виявили ту сумну обставину, що роботи В. І. Костенка багаті на помилки і плутанину, а малюнки речей в них дуже далекі від оригіналу. Боюся, що сарматські пам'ятки Орель-Самарського регіону потребують прискіпливої наукової ревізії.

Південь України. Першою спробою узагальнення даних по сарматській культурі цього регіону стала монографія О.В. Симоненка (1993). У ній розглянуто більш ніж 100 поховань і окремих знахідок. Пам'ятки Таврії відносяться до ранньосарматського (II — I ст. до н. е.), середньосарматського (I — середина II ст. н. е.) та пізньосарматського (друга половина II — IV ст. н. е.) періодам. На матеріалах Півдня простежено спадкоємність деяких рис ранньо- та середньосарматської культур і встановлено, що в місцеве середовище щонайменш двічі — у другій половині I та другій половині

II ст. н. е. — вливалися мігранти зі сходу (з донських та поволзьких степів), причому хвиля другої половини II ст. н. е. призвела до майже повної зміни населення. Своєрідні на тлі інших пам'яток Сарматії поховання II—I ст. до н. е. з орієнтацією в північному секторі пов'язуються з роксоланами, у південному — з язигами (Симоненко 1991, с. 17—28). Запропонований час проникнення сарматів до кримських степів — не раніше I ст. н. е.

Середня Наддніпрянщина. Сарматським пам'яткам цієї території і проблемі їхнього зв'язку з зарубинецькою культурою присвячено кілька робіт (Щукин 1972, с. 43—52; Максимов 1978, с. 45—55; Симоненко 1981, с. 52—69; 2012, с. 45—72; Кубишев, Симоненко, Покляцький 1987, с. 42—54). М.Б. Щукін (1987, с. 108—109) вважав, що постійні напади сарматів на "зарубинців" спричинилися розкладу зарубинецької культури [1]. Інші автори, виходячи зі знахідок зарубинецьких речей I ст. до н. е. у сарматських могилах півдня і спостережень за стратиграфією зарубинецьких городищ, не виключають можливості військових походів сарматів у I ст. до н. е. у зарубинецькі землі. Ці походи не залишили в Середній Наддніпрянщині поховальних пам'яток, що з'являються пізніше, у I ст. н. е., після безпосереднього переселення туди сарматів. Цікаву і плідну гіпотезу про «данину залізом», яку могли виплачувати сарматам мешканці пізньозарубинецьких поселень, висунули С. В. Воронятов та В. Є. Єрьоменко (Воронятов, Еременко 2013, с. 51—63).

Крім узагальнюючих досліджень сарматських пам'яток окремих регіонів, низку робіт присвячено деяким питанням історії та культури. Серед них виділяються праці М. Б. Щукіна (1982, с. 35—42; 1989a, с. 70—83; 1989b, с. 31—56; 1994; Shchukin 1989). Досліджуючи хронологію та топографію пам'яток Правобережжя, він вірно помітив різке кількісне збільшення їх після середини I ст. н. е. й пов'язав цей факт з приходом зі сходу великої орди (аорси-амаксобії Плінія Старшого). Порівнявши дані археології, нумізматики і письмових джерел, М. Б. Щукін реконструював територію та історію царства Фарзоя та Інісмея (Щукин 1982, с. 35—42), що ототожнюється з цією ордою також і О. В. Симоненком (Симоненко, Лобай 1991, с. 82 далі).

Питання етно-політичної історії сарматів Північного Причорномор'я порушені в статтях Д. О. Мачинського (1971, с. 30—54; 1974, с. 122—132). Перша з них присвячена встановленню часу та характеру першої появи сарматів у причорноморському степу. Аналізуючи тільки письмові джерела, автор дійшов висновку, що ця подія має датуватися IV ст. до н. е. В іншій статті автор, співставляючи дані письмових джерел і археології, спробував простежити шлях аорсів на захід і обґрунтувати несарматську етнічну належність роксолан.

В останні роки вийшла низка узагальнюючих праць О. В. Симоненка, присвячених історії та культурі сарматів Північного Причорномор'я. В них на підставах аналізу всіх видів джерел із залученням сучасної хронології та широко кола аналогії з усієї Сарматії відтворено етно-політичну історію сарматів Північного Причорномор'я (Симоненко 1998), запропоновано нову хронологію сарматської доби (Симоненко 2001c; 2004), створено нарис культури та мистецтва сарматів (Симоненко 2001; 2008). В кількох монографіях та їх перевиданнях проаналізовано римські імпортні вироби з сарматських поховань Північного Причорномор'я (Симоненко 2011; 2013; Simonenko, Marčenko, Limberis 2008) і озброєння, кінське спорядження та військова справа сарматів (Симоненко 2010; 2015; Simonenko 2001).

Неодноразово розглядалася ще одна важлива проблема сарматської історії — взаємини сарматів з античними державами Північного Причорномор'я. Пильну увагу дослідників завжди викликали, зокрема, ольвійсько-сарматські зв'язки. Докладний аналіз поглядів дослідників зроблений О. В. Симоненком (1999, с. 33—35; 2001b, с. 122—124), а у стислому викладі вони є такі. А. С. Русяєва та В. В. Крапівіна заперечували факт сарматизації Ольвії (Русяєва 1989, с. 192; Крапівіна 1994, с. 126—127). О. В. Симоненко вважає, що між Ольвією та об'єднанням Фарзоя-Інісмея міг бути укладений союз при номінальному пріоритеті сарматів (титулування їхніх царів «басилевсами» Ольвії), але при збереженні полісних органів самоврядування (Симоненко, Лобай 1991, с. 84—86). В. М. Зубар, виходячи з тих же джерел, бачив взаємини Ольвії і сарматів Фарзоя-Інісмея у вигляді оборонного союзу, укладеного під егідою римської адміністрації (Зубарь 1994, с. 218—222).

Тривалі й активні контакти сарматів з Боспорським царством відбилися у т. зв. «сарматизації» Боспору. Прихильниками теорії «сарматизації», слідом за М. І. Ростовцевим (1914, с. 206), були В. Ф. Гайдукевич (1949, с. 413), В. Д. Блаватський (1959, с. 33), Ю. М. Десятчиков (1981, с. 131), протилежних поглядів дотримувалися В. М. Корпусова (1975, с. 3; 1983, с. 83), І. Т. Кругликова (1975, с. 233 далі), О. О. Масленніков (1990, с. 218).

Сарматсько-херсонеських взаємин дослідники торкалися в контексті тієї чи іншої роботи. На думку В. М. Зубаря, варваризація (зокрема, сарматизація) Херсонесу була незначною (1982, с. 119).

Взаємини сарматів і пізніх скіфів Низового Дніпра також неодноразово розглядалися в літературі. М. П. Абрамова вважала, що вони були ворожими (1962, с. 283), М. І. Вязьміті-

1. Цій темі присвячено кандидатську дисертацію С. В. Воронятова, захищену у Санкт-Петербурзі 2018 р.

на — дружніми і, навіть, шлюбними (1972, с. 174). Зараз у світлі нових археологічних відкриттів на могильнику Червоний Маяк питання взаємин сарматів і пізніх скіфів набувають нових аспектів та активно вивчаються.

Велика є історіографія питання взаємин сарматів і пізніх скіфів Криму. Головні положення цієї проблеми викладені в роботах П. М. Шульца (1971), Д. С. Раєвського (1971), Т. М. Висотської (1973; 1979), О. Є. Пуздровського (1989), Ю. П. Зайцева (1995; 2003). У цілому їхні погляди такі. На думку перших трьох авторів, перший етап проникнення сарматів до Неаполю датується II—I ст. до н. е. і пов'язаний з перебуванням там контингенту роксолан у складі військ Палака. О. Є. Пуздровський розширював рамки першого етапу проникнення сарматів до Неаполю до першої половини I ст. н. е. (Пуздровський 1989, с. 35). Ю. П. Зайцев не виключає, що вперше сармати і пізні скіфи зітнулися в Неаполі ще раніш (близько 135—130 рр. до н. е.) (Зайцев 1995, с. 19). Другий етап проникнення сарматів до Неаполю: друга третина I — перша половина III ст. н. е. (Д. С. Раєвський), I — II ст. н. е. (П. М. Шульц), друга половина I — початок II ст. н. е. (О. Є. Пуздровський). Ю. П. Зайцев слідом за М. Л. Ернстом вважає, що в другій половині I — третій чверті II ст. н. е.) Неаполь Скіфський перетворився на укріплений табір кочовиків і некрополь їхньої еліти (Зайцев 1995, с. 16, 22; 2003, с. 36). Всі ці дослідники у цілому солідарні у визначенні хронологічних рамок третього етапу сарматизації Неаполю: рубіж II—III ст. н. е. (Шульц 1971, с. 142), III ст. н. е. (Раевский 1971, с. 151), кінець II — початок III ст. н. е. (Зайцев 1995, с. 22; Пуздровський 1989, с. 39). На цьому етапі, на думку дослідників, сармати входили до числа мешканців пізньоскіфської столиці поряд зі скіфами.

Важливі питання зв'язків сарматів Північного Причорномор'я зі східною прабатьківщиною (землі на схід від Дону) вперше в вітчизняній науці розроблені в статтях О. В. Симоненка (2000; 2001c; 2004b; Simonenko 2001b). Зіставивши два головних типа сарматських пам'яток України — впускні поховання, орієнтовані в північному секторі та основні, орієнтовані в південному — він виділив останні в окремий культурно-хронологічний горизонт і пов'язав його зі східною ордою (алани та аорси), що прийшла з поволзько-донських степів у середині I ст. н. е., посіла обмежену територію (порожиста частина Подніпров'я, Орель-Самарське межиріччя, Приазов'я, Донбас) та до початку II ст. н. е. співіснувала з головним масивом сарматського населення давньої України — роксоланами. Щодо походження алан, то О. В. Симоненко пов'язує їх з нащадками пазирикської культури, які жили у щільному хуннуському оточенні (можливо, в середовищі хунну) на кордоні з ханьським Китаєм (Симоненко 2010b; Symonenko 2012).

Монографічне вивчення окремих категорій матеріальної культури сарматів Північного Причорномор'я обмежене дослідженнями їхнього озброєння і військової справи (Simonenko 2001; Симоненко 2010a; 2015), римського імпорту (Симоненко 2011; 2013; Simonenko, Marčenko, Limberis 2008), керамічного комплексу (Козир 1996), фібул (Кропотов 2010) та намиста (Дзнеладзе 2016). Три монографії (Соломоник 1965; Драчук 1975; Яценко 2001) присвячені сарматським тамгам, що розглядаються авторами як родові, іменні або кланові знаки.

Висновки. Проведений аналіз вивчення сарматської культури Північного Причорномор'я дозволяє окреслити деякі першочергові напрямки українського сарматознавства.

В царині публікації археологічного джерела — необхідність узагальнюючих досліджень сарматських пам'яток східної України, лівобережного Лісостепу, Правобережжя між Дніпром та Дністром.

Аналітичний напрямок вимагає докладного вивчення, як таких, ранньо-, середньо- і пізньосарматського періодів на сучасному рівні джерельної бази і встановлення культурно-історичного змісту цих археологічних категорій; докладне дослідження контактів сарматів з сусідами — носіями осілих варварських культур і античним світом; зв'язок сарматських пам'яток Північного Причорномор'я з пам'ятками Дону, Кубані, Поволжя. Досі не узагальнені дані про окремі категорії матеріальної культури сарматів (античний імпорт, люстра, предмети побуту тощо).

Практично не розроблені питання подібності і відмінності сарматських культур України, Румунії та Угорщини.

Окремі завдання стоять перед антропологами. Антропологічний аналіз сарматських поховань був зроблений Т. М. Кондукторовою (1972) на матеріалах Усть-Кам'янського могильника [1], залишеного мігрантами з Нижнього Поволжя (горизонт «східної хвилі»). Поховання місцевих сарматів (роксолан), досліджені за роки новобудовного буму, майже не вивчені. Великою мірою цьому спричинилася археологічна випадковість: часто-густо сарматські поховання були впущені неглибоко у насип, і вони потерпали від оранки та атмосферних явищ — кістковий матеріал у більшості випадків погано зберігся і не брався археологами. С. І. Круц проаналізувала матеріал з двох «царських» могил в Порогах і 27 впускних сарматських поховань Таврії (Круц 1991, с. 92—100; 1993, с. 131—141). На тлі ретельного вивчення численних сарматських матеріалів Поволжя і Подоння досягнення українських антропологів більш ніж скромні.

1. Т. М. Кондукторова працювала лише з матеріалами розкопок Є. В. Махно 1951 р. Місцезнаходження численного матеріалу з розкопок В. І. Костенка 1983—1985 рр. невідоме.

Між тим, нагальним завданням залишається порівняльний аналіз сарматського матеріалу Північного Причорномор'я з синхронними матеріалами Подоння-Поволжя, з пізньоскіфськими матеріалами, палеопатологічні спостереження, ДНК та ізотопний аналізи.

ЛІТЕРАТУРА

Абрамова, М. П. 1959. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. (по материалам Нижнего Поволжья. Сусловский этап). *Советская археология*, 1, с. 52-72.

Абрамова, М. П. 1961. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. — I в. н. э. *Советская археология*, 1, с. 91-100.

Абрамова, М. П. 1962. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских городищ Нижнего Днепра. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 115, с. 274-283.

Блаватский, В. Д. 1959. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. В: Смирнов, А. П. (ред.). *Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Москва: АН СССР, с. 7-39.

Бобринский, А. А. 1889. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева и Ко, 1.

Бранденбург, Н. Е. 1908. *Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. 1888—1902 гг.* Санкт-Петербург: Р. Голике и А. Вильборг.

Буйских, С. Б. 1991. *Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры)*. Киев: Наукова думка.

Бунятян, К. П., Мурзін, В. Ю., Симоненко, О. В. 1998. *На світанку історії*. Київ: Альтернативи. Україна крізь віки, 1.

Винокур, И. С., Вакуленко, Л. В. 1967. Киселевский могильник I—II вв. н. э. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 112, с. 126-131.

Воронятов, С. В., Еременко, В. Е. 2013. «Плавильщики» царя Фарзоя. В: Смынтына, Е. В. (ред.). *Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: сборник статей к 60-летию А. Н. Дзиговского*. Киев: Олег Філюк, с. 51-63.

Высотская, Т. Н. 1973. *Поздние скифы в Юго-Западном Крыму*. Киев: Наукова думка.

Высотская, Т. Н. 1979. *Неаполь — столица государства поздних скифов*. Киев: Наукова думка.

Вязьмитина, М. И. 1954. Сарматские погребения у с. Новофилипповка. В: Шелов, Д. Б. (ред.). *Вопросы скифо-сарматской археологии: по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.* Москва: АН СССР, с. 220-244.

Вязьмітіна, М. І. 1957. Сарматські племена. В: Бібіков, С. М. (ред.). *Нариси стародавньої історії Української РСР*. Київ: АН УРСР, с. 218-242.

Вязьмітіна, М. І. 1960. Вивчення сарматів на території Української РСР. *Археологія*, VIII, с. 16-20.

Вязьмітіна, М. І. 1971. Пам'ятки та культура сарматів. В: Тереножкін, О. І. (ред.). *Археологія Української РСР*. Київ: Наукова думка, II, с. 185-215.

Вязьмитина, М. И. 1972. *Золотобалковский могильник*. Киев: Наукова думка.

Вязьмитина, М. И. 1986. Сарматское время. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Археология Украинской ССР*. Киев: Наукова думка, II, с. 184-223.

Вязьмітіна, М. І., Іллінська, В. А., Покровська, Є. Ф., Тереножкін, О. І., Ковпаненко, Г. Т. 1960. Кургани біля с. Новопилипівка і радгоспу Аккермень. *Археологічні пам'ятки УРСР*, VIII, с. 22-135.

Гайдукевич, В. Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Городцов, В. А. 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. *Труды XII Археологического съезда*, I, с. 174-225.

Граков, Б. Н. 1947. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Пережитки матриархата у сарматов. *Вестник древней истории*, 3, с. 100-122.

Граков, Б. Н. 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 115, с. 56-113.

Гросу, В. И. 1988. *Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья*. Автореферат диссертации к. и. н. ЛО ИА АН СССР.

Гросу, В. И. 1990. *Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Гущина, И. И. 1969. Янчокракский клад. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 169, с. 43-51.

Десятчиков, Ю. М. 1981. *Процесс сарматизации Боспора*. Диссертация к. и. н. ИА АН СССР.

Дзиговский, А. Н. 1987. *Позднесарматские племена Северо-Западного Причерноморья (по материалам могильников)*. Диссертация к. и. н. ИА НАНУ.

Дзиговський, О. М. 1993. *Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н. е. — першій половині IV ст. н. е.* Київ.

Дзиговський, О. М. 2000. *Культура сарматів Північно-Західного Причорномор'я*. Одеса: Гермес.

Дзиговский, А. Н. 2003. *Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель*. Одесса: Гермес.

Дзнеладзе, О. С. 2016. *Намисто та підвіски сарматів Північного Причорномор'я*. Дисертація к. і. н. ІА НАНУ.

Драчук, В. С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья: тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры*. Киев: Наукова думка.

Зайцев, Ю. П. 1995. *Неаполь Скифский во II в. до н. э. — III в. н. э.* Автореферат диссертации к. и. н. ИА НАНУ.

Зайцев, Ю. П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.)*. Симферополь: Универсум.

Зарецкий, И. А. 1888. Заметки о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки. *Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому Календарю» на 1888 г.*, 2, с. 240-256.

Зубарь, В. М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Зубарь, В. М. 1994. Ольвия, сарматы и Рим во второй половине I в. н. э. *Вестник древней истории*, 3, с. 218-222.

Карамзин, Н. М. 1903. *История государства Российского*. Москва: изд. А. А. Петровича, 1.

Каришковський, П. Й. 1968. До питання про дату ольвійського декрета на честь Протогена. *Археологія*, 21, с. 95-105.

Ковпаненко, Г. Т. 1986. *Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге*. Киев: Наукова думка.

Козир, І. А. 1996. Кераміка сарматських поховань території України як історичне джерело. Дисертація к. і. н. ІА НАНУ.

Кондукторова, Т. С. 1972. *Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.)*. Москва: МГУ.

Корпусова, В. Н. 1975. *Некрополи сельского населения Европейского Боспора во II в. до н. э. — IV в. н. э.* Автореферат диссертации к. и. н. ИА АН УССР.

Корпусова, В. Н. 1983. *Некрополь Золотое*. Киев: Наукова думка.

Костенко, В. И. 1983. *Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н. э. — середины III в. н. э.* Днепропетровск: ДГУ.

Костенко, В. И. 1986. *Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э. — IV в. н. э.* Днепропетровск: ДГУ.

Крапивина, В. В. 1993. *Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Крапівіна, В. В. 1994. Про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нової ери. *Археологія*, 2, с. 123-129.

Кропотов, В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Кругликова, И. Т. 1975. *Сельское хозяйство Боспора*. Москва: Наука.

Круц, С. И. 1991. Приложение 1. Антропологические материалы из сарматских погребений у с. Пороги. В: Симоненко, А. В., Лобай, Б. И., *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка, с. 92-100.

Круц, С. И. 1993. Приложение 1. Сарматы Таврии по антропологическим данным. В: Симоненко, А. В. *Сарматы Таврии*. Киев: Наукова думка, с. 131-141.

Кубишев, А. І., Симоненко, О. В., Покляцький, О. В. 1987. Про взаємовідносини сарматів та носіїв зарубинецької культури. *Археологія*, 58, с. 56-63.

Луцкевич, І. Н. 1952. Сарматські кургани біля с. Нещеретове. *Археологія*, VIII, с. 136-141.

Максимов, Є. В. 1978. Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я. *Археологія*, 24, с. 45-55.

Масленников, А. А. 1990. *Население Боспорского государства в первых веках н. э.* Москва: Наука.

Махно, Є. В. 1960. Розкопки курганів епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янка. *Археологічні пам'ятки УРСР*, IX, с. 14-39.

Мелюкова, А. И. 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. *Краткие сообщения ИИМК АН СССР*, 91, с. 60-73.

Оболдуева, Т. Г. 1948. *Памятники сарматских племен на Украине*. НА ІА НАНУ, ф. 12, спр. 314.

Оболдуєва, Т. Г. 1952. Сарматські кургани біля м. Мелітополя. *Археологічні пам'ятки УРСР*, IV, с. 43-47.

Полин, С. В., Симоненко, А. В. 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья. В: Ковалева, И. В. (ред.). *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, с. 73-93.

Полин, С. В., Симоненко, А. В. 2012. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко*. Киев: Скіф, с. 155-176.

Пуздровський, О. Є. 1989. Сармати в Неаполі Скіфському. *Археологія*, 3, с. 30-40.

Раевский, Д. С. 1971. Скифы и сарматы в Неаполе. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 77, с. 143-151.

Рикман, Э. А. 1964. *Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья*. Москва: Наука.

Рикман, Э. А. 1975. *Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века н. э.* Москва: Наука.

Ростовцев, М. И. 1914. *Античная декоративная живопись на юге России*. Санкт-Петербург, I.

Ростовцев, М. И. 1918a. *Эллинство и иранство на юге России*. Петроград.

Ростовцев, М. И. 1918b. *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма*. Мсоква. Материалы по археологии России, 37.

Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград: АИМК им. Н. Я. Марра.

Рудинський, М. Я. 1927. Досліди на Полтавщині. *Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р.*, с. 144-150.

Рудинський, М. Я. 1931. Кантемирівські могили римської доби. *Записки ВУАК*, 1, с. 127-156.

Русяєва, А. С. 1989. До історії взаємовідносин Ольвії з сарматами. *Проблеми історії та археології давнього населення України. Тези доповідей XX Республіканської конференції*, с. 192-193.

Самоквасов, Д. Я. 1908. *Могилы Русской земли*. Москва: Синодальная типография.

Симоненко, А. В. 1981. Сарматы в Среднем Поднепровье. В: Артеменко, И. И. (ред.). *Древности Среднего Поднепровья*. Киев: Наукова думка, с. 52-68.

Симоненко, А. В. 1986. *Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н. э. — III в. н. э.* Диссертация к. и. н. ИА АН УССР.

Симоненко, О. В. 1991. Роксолани (пошук археологічних відповідностей). *Археологія*, 4, с. 17-28.

Симоненко, О. В. 1992. Гросу В. И. Хронология сарматских памятников Днепровско-Прутского междуречья (рецензія). *Археологія*, 2, с. 153-157.

Симоненко, А. В. 1993. *Сарматы Таврии*. Киев: Наукова думка.

Симоненко, О. В. 1998. Сармати. В: Толочко, П. П. (ред.). *Давня історія України*. Київ: ІА НАНУ, 2, с. 154-176.

Симоненко, А. В. 1999a. *Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этнополитическая история*. Диссертация д. и. н. ИА НАНУ.

Симоненко, О. В. 1999b. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави. *Археологія*, 1, с. 106-118.

Симоненко, А. В. 2000a. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье. *Нижневолжский археологический вестник*, 3, с. 133-144.

Симоненко А. В. 2000b. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье. В: Мышкин, В. Н. (ред.). *Раннесарматская культура. Формирование, развитие, хронология*. Самара: СНЦ РАН, 2, с. 187-204.

Симоненко О. В. 2001a. Сарматський період. В: Толочко, П. П. (ред.). *Історія української культури*. Київ: Наукова думка, 1: Історія культури давнього населення України, p. 6, 6.4, с. 361-380.

Симоненко, А. В. 2001b. Сарматы и ольвийское государство: современная историография проблемы. В: Крыжицкий, С. Д. (ред.). *Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України*. Київ, с. 122-124.

Симоненко, А.В. 2001c. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье. *Российская археология*, 4, с. 77-91.

Симоненко, А. В. 2004a. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья. *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*, с. 134-173.

Симоненко, А. В. 2004b. Китайские и центральноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья. *Нижневолжский археологический вестник*, 6, с. 45-65.

Симоненко, О. В. 2008. Мистецтво сарматів Північного Причорномор'я. В: Скрипник, Г. (ред.). *Історія українського мистецтва*. Київ: ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАНУ, 1, с. 230-261.

Симоненко, А. В. 2010a. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История.

Симоненко, А. В. 2010b. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы). *Нижневолжский археологический вестник*, 11, с. 134-143.

Симоненко, А. В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История.

Симоненко, А. В. 2012. Сарматы в Среднем Поднепровье. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко*. Киев: Скіф, с. 45-72.

Симоненко, А. В. 2013. *Римский и провинциальный импорт у сарматов Северного Причерноморья. Типология и хронология*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.

Симоненко, А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. 2-е изд., испр. и доп. Київ: Олег Філюк.

Симоненко, А. В., Лобай, Б. И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.

Смирнов, К. Ф. 1947. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. *Доклады и сообщения исторического факультета МГУ*, 5, с. 52-86.

Смирнов, К. Ф. 1954. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. В: Шелов, Д. Б. (ред.). *Вопросы скифо-сарматской археологии: по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 года*. Москва: АН СССР, с. 196-219.

Смирнов, К. Ф. 1971. О начале проникновения сарматов в Скифию. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 177, с. 191-196.

Смирнов, К. Ф. 1984. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. Москва: Наука.

Смішко, М. Ю. 1962. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської області. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття та Волині*, 4, с. 54-70.

Соломоник, Э. И. 1965. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Татищев, В. Н. 1962. *История Российская*. Москва; Ленинград: Наука, 1.

Трефильев, Е. П. 1905. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии. *Труды XII Археологического съезда*, I, с. 135-138.

Ханенко, Б. И., Ханенко, В. Н. 1900. *Древности Приднепровья*. Киев: Тип. и фотограв. С. В. Кульженко, 2, 3.

Шульц, П. Н. 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 77, с. 140-142.

Щербачев, Ю. 1894. Раскопки близ с. Мануйловка Кременчугского уезда Полтавской губернии в 1887—1889 гг. *Труды Московского археологического общества*, 15 (2), с. 39-42.

Щукин, М. Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 14, с. 43-52.

Щукин, М. Б. 1982. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья. *Сообщения Государственного Эрмитажа*, 47, с. 35-42.

Щукин, М. Б. 1987. О трех путях археологического поиска предков ранне-исторических славян. Перспективы третьего пути. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 28, с. 103-118.

Щукин, М. Б. 1989a. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе. *Советская археология*, 1, с. 70-83.

Щукин М. Б. 1989b. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы исследования). В: Раев, Б. А. (ред.). *Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов)*. Новочеркасск, с. 31-56.

Щукин, М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фарн.

Яценко, С. А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Rau, P. 1927. *Die Hugelgraber romischer Zeit an der unteren Wolga*. Pokrowsk.

Simonenko, A. 2001a. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *Eurasia Antiqua*, 7, s. 187-327.

Simonenko, A. 2001b. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region. *Silk Road Art and Archaeology*, 7, p. 53-72.

Simonenko, A. V, Marčenko, I. I., Limberis, N. Yu. 2008. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. Mainz: Philipp von Zabern.

Shchukin, M. B. 1989. *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st cent. BC — 1st cent. AD*. Oxford, I—II. BAR International Series, 542.

Symonenko, O. 2012. On the Problem of the «Huns-Sarmatians». *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*, 3, p. 289-301.

REFERENCES

Abramova, M. P. 1959. Sarmatskaya kultura II v. do n. e. — I v. n. e. (po materialam Nizhnego Povolzhya. Suslovski etap). *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 52-72.

Abramova, M. P. 1961. Sarmatskie pogrebeniya Dona i Ukrainy II v. do n. e. — I v. n. e. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 91-100.

Abramova, M. P. 1962. Vzaimootnosheniya sarmatov s naseleniem pozdneskifskikh gorodishch Nizhnego Dnepra. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 115, s. 274-283.

Blavatskiy, V. D. 1959. Process istoricheskogo razvitiya antichnykh gosudarstv v Severnom Prichernomor'e. In: Smirnov, A. P. (ed.). *Problemy istorii Severnogo Prichernomorya v antichnuju epokhu*. Moskva: AN SSSR, s. 7-39.

Bobrinskiy, A. A. 1889. *Kurgany i sluchajnye arheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely*. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. S. Balasheva i Ko, 1.

Brandenburg, N. E. 1908. *Zhurnal raskopok N. E. Brandenburga. 1888—1902 gg*. Sankt-Peterburg: R. Golike i A. Vil'borg.

Bujskih, S. B. 1991. *Fortifikaciya Ol'viyskogo gosudarstva (pervye veka nashej ery)*. Kiev: Naukova dumka.

Bunyatyan, K. P., Murzin, V. Ju., Symonenko, O. V. 1998. *Na svitanku istorii*. Kyiv: Alternatyvy. Ukraina kriz viky, 1.

Vinokur, I. S., Vakulenko, L. V. 1967. Kiselevskiy mogilnik I—II vv. n. e. *Kratkie soobshheniya* IA AN SSSR, 112, s. 126-131.

Voronyatov, S. V., Eremenko, V. E. 2013. «Plavilshchiki» tsarya Farzoya. In: Smyntyna, E. V. (ed.). *Varvarskiy mir*

severopontiyskih zemel v sarmatskuyu epohu: sbornik statej k 60-letiyu A. N. Dzigovskogo. Kiev: Oleg Filjuk, s. 51-63.

Vysotskaya, T. N. 1973. *Pozdnie skify v Yugo-Zapadnom Krymu*. Kiev: Naukova dumka.

Vysotskaya, T. N. 1979. *Neapol — stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Vyazmitina, M. I. 1954. Sarmatskie pogrebeniya u s. Novofilippovka. In: Shelov, D. B. (ed.). *Voprosy skifo-sarmatskoy arheologii: po materialam konferentsii IIMK AN SSSR 1952 g*. Moskva: AN SSSR, s. 220-244.

Vyazmitina, M. I. 1957. Sarmatski plemena. In: Bibikovб S. M. (ed.). *Narysy starodavnoi istorii Ukrainskoi RSR*. Kyiv: AN URSR, s. 218-242.

Vyazmitina, M. I. 1960. Vyvchennya sarmativ na terytorii Ukrainskoi RSR. *Arheologiya*, VIII, s. 16-20.

Vyazmitina, M. I. 1971. Pamyatky ta kultura sarmativ. In: Terenozhkin, O. I. (ed.). *Arkheologiya Ukrainskoi RSR*. Kyiv: Naukova dumka, II, s. 185-215.

Vyazmitina, M. I. 1972. *Zolotobalkovskiy mogilnik*. Kiev: Naukova dumka.

Vyazmitina, M. I. 1986. Sarmatskoe vremya. In: Terenozhkin, A. I (ed.). *Arkheologiya Ukrainskoy SSR*. Kiev: Naukova dumka, II, s. 184-223.

Vyazmitina, M. I., Illinska, V. A., Pokrovska, E. F., Terenozhkin, O. I., Kovpanenko, G. T. 1960. Kurhany bilya s. Novopylypivka i radhospu Akkermen. *Arkheologichni pamyatki URSR*, VIII, s. 22-135.

Gajdukevich, V. F. 1949. *Bosporskoe tsarstvo*. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Gorodtsov, V. A. 1905. Rezultaty arkheologicheskikh issledovanii v Izjumskom uezde Kharkovskoy gubernii v 1901 g. *Trudy XII Arkheologicheskogo syezda*, I, s. 174-225.

Grakov, B. N. 1947. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Perezhitki matriarkhata u sarmatov. *Vestnik drevney istorii*, 3, s. 100-122.

Grakov, B. N. 1962. Skifskie pogrebeniya na Nikopolskom kurgannom pole. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 115, s. 56-113.

Grosu, V. I. 1988. *Periodizaciya pamyatnikov sarmatskoy kultury Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechiya*. Avtoreferat dissertatsii k. i. n. LO IA AN SSSR.

Grosu, V. I. 1990. *Khronologiya pamyatnikov sarmatskoy kultury Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechiya*. Kishinev: Shtiinca.

Gushchina, I. I. 1969. Yanchokrakskiy klad. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 169, s. 43-51.

Desyatchikov, Yu. M. 1981. *Protsess sarmatizatsii Bospora*. Dissertatsiya k. i. n. IA AN SSSR.

Dzigovskij, A. N. 1987. *Pozdnesarmatskie plemena Severo-Zapadnogo Prichernomoriya (po materialam mogilnikov)*. Dissertatsiya k. i. n. IA NAN Ukrainy.

Dzigovskij, O. M. 1993. *Sarmaty na zakhodi stepovogo Prichornomoriya naprkyntsi I st. do n. e. — pershiy polovyni IV st. n. e*. Kyiv.

Dzigovskij, O. M. 2000. *Kultura sarmativ Pivnichno-Zakhidnogo Prichornomoriya*. Odesa: Germes.

Dzigovskij, A. N. 2003. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel*. Odessa: Germes.

Dzneladze, O. S. 2016. *Namysto ta pidvisky sarmativ Pivnichnogo Prichornomoriya*. Dysertatsiya k. i. n. IA NANU.

Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomoriya: tamgoobraznye znaki severopontiiskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery*. Kiev: Naukova dumka.

Zaitsev, Yu. P. 1995. *Neapol Skifskij vo II v. do n. e. — III v. n. e.* Avtoreferat dissertatsii k. i. n. IA NANU.

Zaitsev, Yu. P. 2003. *Neapol Skifskij (II v. do n. e. — III v. n. e.)*. Simferopol: Universum.

Zaretskij, I. A. 1888. Zametki o drevnostyakh Kharkovskoy gubernii Bogodukhovskogo uezda slobody Likhachevki. *Kharkovskij sbornik. Literaturno-nauchnoe prilozhenie k «Kharkovskomu Kalendarju» na 1888 g.*, 2, s. 240-256.

Zubar, V. M. 1982. *Nekropol Khersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Zubar, V. M. 1994. Olviya, sarmaty i Rim vo vtoroy polovine I v. n. e. *Vestnik drevnej istorii*, 3, s. 218-222.

Karamzin, N. M. 1903. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. Moskva: izd. A. A. Petrovicha, 1.

Karyshkovskij, P. J. 1968. Do pytanniya pro datu olviyskogo dekreta na chest Protogena. *Arkheologiya*, 21, s. 95-105.

Kovpanenko, G. T. 1986. *Sarmatskoe pogrebenie I v. n. e. na Yuzhnom Buge*. Kiev: Naukova dumka.

Kozyr, I. A. 1996. *Keramika sarmatskikh pohovan terytorii Ukrainy yak istorychne dzherelo*. Dysertatsiya k. i. n. IA NANU.

Konduktorova, T. S. 1972. *Antropologiya drevnego naseleniya Ukrainy (I tys. do n. e. — seredina I tys. n. e.)*. Moskva: MGU.

Korpusova, V. N. 1975. *Nekropoli selskogo naseleniya Evropeiskogo Bospora vo II v. do n. e. — IV v. n. e.* Avtoreferat dissertatsii k. i. n. IA AN USSR.

Korpusova, V. N. 1983. *Nekropol Zolotoe*. Kiev: Naukova dumka.

Kostenko, V. I. 1983. *Sarmatskie pamyatniki Dnepro-Donskogo mezhdurechya III v. do n. e. — serediny III v. n. e.* Dnepropetrovsk: DGU.

Kostenko, V. I. 1986. *Sarmaty Samarsko-Orelskogo mezhdurechya III v. do n. e. — IV v. n. e.* Dnepropetrovsk: DGU.

Krapivina, V. V. 1993. *Olviya. Materialnaya kultura I—IV vv. n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Krapivina, V. V. 1994. Pro etnichnyi sklad naselennya Olvii v pershi stolittya novoi ery. *Arhheolohiya*, 2, s. 123-129.

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi*. Kiev: ADEF-Ukraina.

Kruglikova, I. T. 1975. *Selskoe khozyaistvo Bospora*. Moskva: Nauka.

Kruts, S. I. 1991. Prilozhenie 1. Antropologicheskie materialy iz sarmatskikh pogrebenij u s. Porogi. In: Simonenko, A. V., Lobaj, B. I., *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomorya v I v. n. e. (pogrebeniya znati u s. Porogi)*. Kiev: Naukova dumka, s. 92-100.

Kruts, S. I. 1993. Prilozhenie 1. Sarmaty Tavrii po antropologicheskim dannym. In: Simonenko, A. V. *Sarmaty Tavrii*. Kiev: Naukova dumka, s. 131-141.

Kubyshev, A. I., Simonenko, O. V., Poklyatskiy, O. V. 1987. Pro vzayemovidnosyny sarmativ ta nosiiv zarubinetskoi kultury. *Arkheolohiya*, 58, s. 56-63.

Lutskevich, I. N. 1952. Sarmatski kurhany bilya s. Neshcheretove. *Arkheolohiya*, VIII, s. 136-141.

Maksymov, Ye. V. 1978. Vzayemovidnosyny zarubynetskikh ta stepovykh plemen Podniproviya. *Arkheolohiya*, 24, s. 45-55.

Maslennikov, A. A. 1990. Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n. e. Moskva: Nauka.

Makhno, Ye. V. 1960. Rozkopky kurhaniv epokhy bronzy ta sarmatskogo chasu v s. Ust-Kamiyanka. *Arkheolohychni pamiyatky URSR*, IX, s. 14-39.

Meljukova, A. I. 1953. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Dnestre. *Kratkie soobshcheniya IIMK AN SSSR*, 91, s. 60-73.

Obolduyeva, T. G. 1948. *Pamyatniki sarmatskikh plemen na Ukraine*. NA IA NANU, f. 12, spr. 314.

Obolduyeva, T. G. 1952. Sarmatski kurhany bilya m. Melitopolya. *Arkheolohichni pamyatki URSR*, IV, s. 43-47.

Polin, S. V., Simonenko, A. V. 1990. «Rannesarmatskie» pogrebeniya Severnogo Prichernomoriya. In: Kovaleva, I. V. (ed.). *Issledovaniya po arhheologii Podneproviya. Dnepropetrovsk*: DGU, s. 73-93.

Polin, S. V., Simonenko, A. V. 2012. «Rannesarmatskie» pogrebeniya Severnogo Prichernomoriya. In: *Zoloto, kon i chelovek. Sbornik statei k 60-letiju A. V. Simonenko*. Kiev: Skif, s. 155-176.

Puzdrovskiy, O. E. 1989. Sarmaty v Neapoli Skifskomu. *Arkheolohiya*, 3, s. 30-40.

Raevskiy, D. S. 1971. Skify i sarmaty v Neapole. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 77, s. 143-151.

Rikman, E. A. 1964. *Pozdnie sarmaty Dnestrovsko-Dunaiskogo mezhdurechiya*. Moskva: Nauka.

Rikman, E. A. 1975. *Etnicheskaya istoriya naseleniya Podnestroviya i prilegajushchego Podunaviya v pervye veka n. e.* Moskva: Nauka.

Rostovtsev, M. I. 1914. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis na yuge Rossii*. Sankt-Peterburg, I.

Rostovtsev, M. I. 1918a. *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii*. Petrograd.

Rostovtsev, M. I. 1918b. *Kurgannye nakhodki Orenburgskoy oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma*. Moskva. Materialy po arkheologii Rossii, 37.

Rostovtsev, M. I. 1925. Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh. Leningrad: AIMK im. N. Ya. Marra.

Rudinskiy, M. Ya. 1927. Doslidy na Poltavshchini. *Korotke zvidomlennya VUAK za 1926 r.*, s. 144-150.

Rudinskij, M. Ya. 1931. Kantemyrivski mohyly rymskoi doby. *Zapysky VUAK*, 1, s. 127-156.

Rusyayeva, A. S. 1989. Do istorii vzayemovidnosyn Olvii z sarmatamy. *Problemy istorii ta arkheolohii davnyoho naselennya Ukrainy. Tezy dopovidey XX Respublikanskoi koferencii*, s. 192-193.

Samokvasov, D. Ya. 1908. *Mogily Russkoy zemli*. Moskva: Sinodalnaya tipografiya.

Simonenko, A. V. 1981. Sarmaty v Srednem Podneprovie. In: Artemenko, I. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Podneproviya*. Kiev: Naukova dumka, s. 52-68.

Simonenko, A. V. 1986. *Voennoe delo naseleniya stepnogo Prichernomoriya v III v. do n. e. — III v. n. e.* Dissertatsiya k. i. n. IA AN USSR.

Simonenko, O. V. 1991. Roksolany (poshuk arhheolohichnikh vidpovidnostey). *Arkheolohiya*, 4, s. 17-28.

Simonenko, O. V. 1992. Grosu V. I. Khronologiya sarmatskikh pamyatnikov Dneprovsko-Prutskogo mezhdurechiya (recenziya). *Arkheolohiya*, 2, s. 153-157.

Simonenko, A. V., 1993. *Sarmaty Tavrii*. Kiev: Naukova dumka.

Simonenko, O. V. 1998. Sarmaty. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Davnya istoriya Ukrainy*. Kyiv: IA NANU, 2, s. 154-176.

Simonenko, A. V. 1999a. *Sarmaty Severnogo Prichernomoriya. Khronologiya, periodizatsiya i etno-politicheskaya istoriya*. Dissertatsiya d. i. n. IA NANU.

Simonenko, O. V. 1999b. Sarmatske pokhovannya z tamhamy na terytorii Olviyskoy derzhavy. *Arkheolohiya*, 1, s. 106-118.

Simonenko, A. V. 2000a. Mogilnik Dneprozavodstroy i sarmatskie pamyatniki «vostochnoy volny» v Severnom Prichernomorie. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, 3, s. 133-144.

Simonenko, A. V. 2000b. Sootnoshenie ranne- i srednesarmatskoy kultur v Severnom Prichernomorie. In: Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaya kultura. Formirovanie, razvitie, khronologiya*. Samara: SNC RAN, 2, s. 187-204.

Simonenko, O. V. 2001a. Sarmatskiy period. In: Tolochko, P.P. (ed.). *Istoriya ukrainskoi kultury*. Kyiv: Naukova dumka, 1: Istoriya kultury davnyoho naselennya Ukrainy, r. 6, 6.4, s. 361-380.

Simonenko, A. V. 2001b. Sarmaty i olviyskoe gosudarstvo: sovremennaya istoriografiya problemy. In: Kryzhyc'kij, S. D. (ed.). *Olviya ta antychniy svit. Materialy naukovyh chitan, prysvyachenykh 75-richchju utvorennya istoryko-arkheolohichnoho zapovidnyka «Olviya» NAN Ukrainy*. Kyiv, s. 122-124.

Simonenko, A. V. 2001c. Evropeiskie alany i alany-tanaity v Severnom Prichernomorie. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 77-91.

Simonenko, A. V., 2004a. Khronologiya i periodizatsiya sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomoriya. *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»*, s. 134-173.

Simonenko, A.V. 2004и. Kitaiskie i tsentralnoaziatskie elementy v sarmatskoy kulture Severnogo Prichernomoriya. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, 6, s. 45-65.

Simonenko, O. V. 2008. Mystetstvo sarmativ Pivnichnoho Prychornomoriya. In: Skrypnyk, G. (ed.). *Istoriya ukrainskogo mystetstva*. Kyiv: IMFE im. M. T. Rylskoho NANU, 1, s. 230-261.

Simonenko, A. V. 2010a. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomoriya*. Sankt-Peterburg: SPbGU; Nestor-Istoriya.

Simonenko, A. V. 2010b. «Gunno-sarmaty» (k postanovke problemy). *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, 11, s. 134-143.

Simonenko, A. V. 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomoriya*. Sankt-Peterburg: SPbGU; Nestor-Istoriya.

Simonenko, A. V. 2012. Sarmaty v Srednem Podneprovie. In: *Zoloto, kon i chelovek. Sbornik statey k 60-letiju A. V. Simonenko*. Kiev: Skif, s. 45-72.

Simonenko, A. V. 2013. *Rimskiy i provincialny import u sarmatov Severnogo Prichernomoriya. Tipologiya i khronologiya*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.

Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomoriya*. 2-e izd., ispr. i dop. Kiev: Oleh Filjuk.

Simonenko, A. V., Lobay, B. I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomoriya v I v. n. e. (pogrebeniya znati u s. Porogi)*. Kiev: Naukova dumka.

Smirnov, K. F. 1947. Sarmatskie kurgannye pogrebeniya v stepyah Povolzhiya i Yuzhnogo Priuraliya. *Doklady i soobshcheniya istoricheskogo fakulteta MGU*, 5, s. 52-86.

Smirnov, K. F. 1954. Voprosy izucheniya sarmatskikh plemen i ikh kultury v sovetskoy arkheologii. In: Shelov, D. B. (ed.). *Voprosy skifo-sarmatskoy arkheologii: po materialam konferentsii IIMK AN SSSR 1952 goda*. Moskva: AN SSSR, s. 196-219.

Smirnov, K. F., 1971. O nachale proniknoveniya sarmatov v Skifiyu. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 177, s. 191-196.

Smirnov, K. F. 1984. *Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii*. Moskva: Nauka.

Smishko, M. Yu. 1962. Sarmatski pohovannya bilya s. Ostrivets Stanislavskoi oblasti. *Materialy i doslidzhennya z arkheolohii Prykarpattya ta Volyni*, 4, s. 54-70.

Solomonik, E. I. 1965. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomoriya*. Kiev: Naukova dumka.

Tatishchev, V. N. 1962. *Istoriya Rossiiskaya*. Moskva; Leningrad: Nauka, 1.

Trefiliev, E. P. 1905. Arkheologicheskaya ekskursiya v Kupyanskiy uezd Kharkovskoy gubernii. *Trudy XII Arkheologicheskogo syezda*, I, s. 135-138.

Khanenko, B. I., Khanenko, V. N. 1900. *Drevnosti Pridneproviya*. Kiev: S. V. Kulzhenko, 2, 3.

Shults, P. N. 1971. Pozdneskifskaya kultura i ee varianty na Dnepre i v Krymu. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 77, s. 140-142.

Shcherbachev, Yu. 1894. Raskopki bliz s. Manuilovka Kremenchugskogo uezda Poltavskoy gubernii v 1887—1889 gg. *Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*, 15 (2), s. 39-42.

Shchukin, M. B. 1972. Sarmatskie pamyatniki Srednego Podneproviya i ih sootnoshenie s zarubinetskoi kulturoi. *Arkheologicheski sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 14, s. 43-52.

Shchukin, M. B. 1982. Tsarstvo Farzoya. Epizod iz istorii Severnogo Prichernomoriya. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*, 47, s. 35-42.

Shchukin, M. B. 1987. O trekh putyakh arkheologicheskogo poiska predkov ranne-istoricheskikh slavyan. Perspektivy tretego puti. *Arkheologicheski sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 28, s. 103-118.

Shchukin, M. B. 1989a. Sarmaty na zemlyakh k zapadu ot Dnepra i nekotorye sobytiya 1 v. n. e. v Tsentralnoy i Vostochnoy Evrope. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 70-83.

Shchukin M. B. 1989b. Na zapadnykh granitsakh Sarmatii (nekotorye problemy issledovaniya). In: Raev, B. A. (ed.). *Kochevniki evraziyskikh stepei i antichnyi mir (problemy kontaktov)*. Novocherkassk, s. 31-56.

Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n. e. — I v. n. e. v Vostochnoy i Tsentralnoy Evrope*. Sankt-Peterburg: Farn.

Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekoviya*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Rau, P. 1927. *Die Hugelgraber romischer Zeit an der unteren Wolga*. Pokrowsk.

Simonenko, A. 2001a. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *Eurasia Antiqua*, 7, s. 187-327.

Simonenko, A. 2001b. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region. *Silk Road Art and Archaeology*, 7, p. 53-72.

Simonenko, A. V, Marčenko, I. I., Limberis, N. Yu. 2008. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*

zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz: Philipp von Zabern.

Shchukin, M. B. 1989. *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st cent. BC — 1st cent. AD*. Oxford, I—II. BAR International Series, 542.

Symonenko, O. 2012. On the Problem of the «Huns-Sarmatians». *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*, 3, p. 289-301.

A. V. Symonenko

ESSAY ON THE SARMATIAN STUDIES IN UKRAINE

The steppe and part of the forest-steppe of modern Ukraine since the 2nd century BC till the 4th century AD were the place of residence of the numerous Sarmatian tribes. The Sarmatian studies are one of the actual research fields of Ukrainian and foreign archaeologists.

The article analyses the study of Sarmatian culture of North Pontic region since the time of the first finds of Sarmatian sites untill the present. The author proposes to survey the development of Ukrainian Sarmatian studies in two directions: field exploration and the theoretical interpretation of archaeological material. The article presents the history of the finds of Sarmatian culture and the review of points of view of main scholars on the various problems of Sarmatian archeology.

The history of Ukrainian Sarmatian studies is associated with the names of T. G. Obolduyeva, E. V. Makhno, M. I. Vyazmitina, A. V. Symonenko, M. B. Shchukin, V. I. Kostenko, O. M. Dzygovski, M. M. Fokeyev. The Sarmatians of Moldova were fundamentally studied by E. A. Rickman and V. I. Grosu.

In total in the North Pontic region by the end of XX century 1256 burials and individual finds of Sarmatian culture were known. Among them the burials of the «kings» and «queens» near the villages of Pogory and Vesnyane, in the Sokolova Mohyla and Nohayichik barrows were excavated.

The fundamental works of Prof. M. I. Rostovtsev were the first attempt to summarize the historical and archaeological sources of the Sarmatians of North Pontic region. The scholars of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Ukraine SSR Drs. T. G. Obolduyiva in the fifties of the twentieth century and M. I. Vyazmitina — in the sixties — seventies were at the source of the Ukrainian Sarmatian studies. The Sarmatian culture of the North Pontic region became the latest subject of scientific studies by K. F. Smirnov.

Since the beginning of the eighties the new generation of researchers was involved to the Sarmatian studies in Ukraine and Dr. A. V. Simonenko became the leader. He has reconstructed the ethnic and politic history of the Sarmatians of the North Pontic region, proposed the new chronology of the Sarmatian Age, the essay on the culture and art of the Sarmatians was written by him. In several monographs of Dr. Symonenko and their reprints the Roman imported products from the North Pontic Sarmatian graves were studied, and the armaments, horse equipment and the military affairs of the Sarmatians were analyzed.

Keywords: paper, monograph, Sarmatians, Sarmatian culture, North Pontic region, Ukraine, barrows, burial, chronology.

Одержано 12.04.2019

СИМОНЕНКО Олександр Володимирович, доктор історичних наук, провідний науковий співробітник, Інститут археології НАН України, проспект Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *simonal@ukr.net*.

SYMONENKO Oleksandr, Doctor habilitatis, Chief Research Fellow, Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine, Prospekt Heroiv Stalinhrada 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *simonal@ukr.net*.

УДК: 904.22(4-11)”638”

Д. А. Топал

ОДНОЛЕЗВИЙНОЕ ОРУЖИЕ СКИФСКОГО ОБЛИКА ТРАНСИЛЬВАНИИ И АЛЬФЁЛЬДА

В скифское время на территории Среднего Подунавья, Трансильвании и Южного Прикарпатья распространяется оригинальная группа изделий — однолезвийных акинаков типа Ноград. К моменту проникновения скифов в данный регион часть населения культуры Басарабь (носителей иллирийской традиции однолезвийного оружия) переселяется севернее, в Южное Прикарпатье и Трансильванию. Пожалуй, именно этим обстоятельством можно объяснить появление однолезвийных акинаков с Т-образной рукоятью типа Ноград в предгорьях Южных Карпат и горах Апусень на юго-западе Трансильвании. Основой для акинаков типа Ноград, судя по всему, послужили акинаки типа Шумейко (или типа Пилинь по А. Вулпе), распространившиеся на рубеже ранне- и среднескифского периода. На это указывают особенности однолезвийных акинаков типа Ноград, характерные для типа Шумейко: узкий вытянутый клинок (часто треугольной формы), массивное почковидное перекрестье, двухчастность рукояти и украшение ее поперечными насечками, узкое вытянутое перекрестье, ромбовидное в плане. Подобно акинакам типа Шумейко, однолезвийные мечи типа Ноград возникают на рубеже VII—VI в. и существуют до конца VI в. до н. э. При этом основная масса комплексов с акинаками типа Ноград тяготеет ко второй половине — концу VI в. до н. э.

Ключевые слова: *акинак, однолезвийное оружие, Карпато-Подунавье, скифское время, культура Векерзуг, группа Чумбруд.*

Одна из самых ярких традиций Средиземноморья — однолезвийное клинковое оружие, почти всегда носит импортный характер, при этом оставаясь визитной карточкой региона, в котором появлялась. Ее генезис связан с древним Востоком: первые задокументированные клинки с односторонней заточкой, т. н. *секачи* (sickle-swords, Sichelschwerter) появляются в Месопотамии не ранее середины III тыс. до н. э. (Massafra 2012). В бассейн Средиземного моря они проникают на рубеже III—II тыс. до н. э. в результате вторжения гиксосов в Египет, где становятся известными под названием *хепеш* или *хопеш* (kh.p.sh, khopesh, khepesh) (Gordon 1958, p. 22). В I тыс. до н. э. «секачи» почти полностью вытесняются из древневосточной паноплии, сохраняясь в виде парадных форм в Ассирии до середины VII в. до н. э. (Gernez 2007, p. 131—132). Наиболее ранние находки однолезвийного оружия на территории Греции связаны с постмикенским временем. По крайней мере, уже в геометрический период в Греции появляется форма ножа, хотя и связанная с жертвоприношениями, но оказавшая огромное влияние на развитие греческих боевых ножей (Verčík 2010, S. 326; 2014, S. 55). В VI в. боевые ножи эволюционируют, формируя узнаваемый силуэт классического времени. Их изображения в качестве оружия появляются на греческих сосудах, причем, главным образом, в руках негреческих персонажей (персов, амазонок, троянцев), подчеркивая варварский характер. Таким образом, появившись в Греции в VII в. до н. э. на основе северо-балканских прототипов, уже в классическое и эллинистическое время *махайра* (makhaira, kopis) становится типичным греческим оружием. Мечи, близкие по оформлению клинка и рукояти к дунайским, есть и на Адриатическом побережье Италии, в Пицене. Большинство экземпляров, найденных в Пицене, относится к первой половине VII в., а их происхождение не без оснований связывают с восточно-балканским регионом (Stary 1981, S. 261). Интересно, что уже с VI в. до н. э., когда под греческим влиянием на территории Италии появляются махайры, воинские погребения, со-

© Д. А. ТОПАЛ, 2019

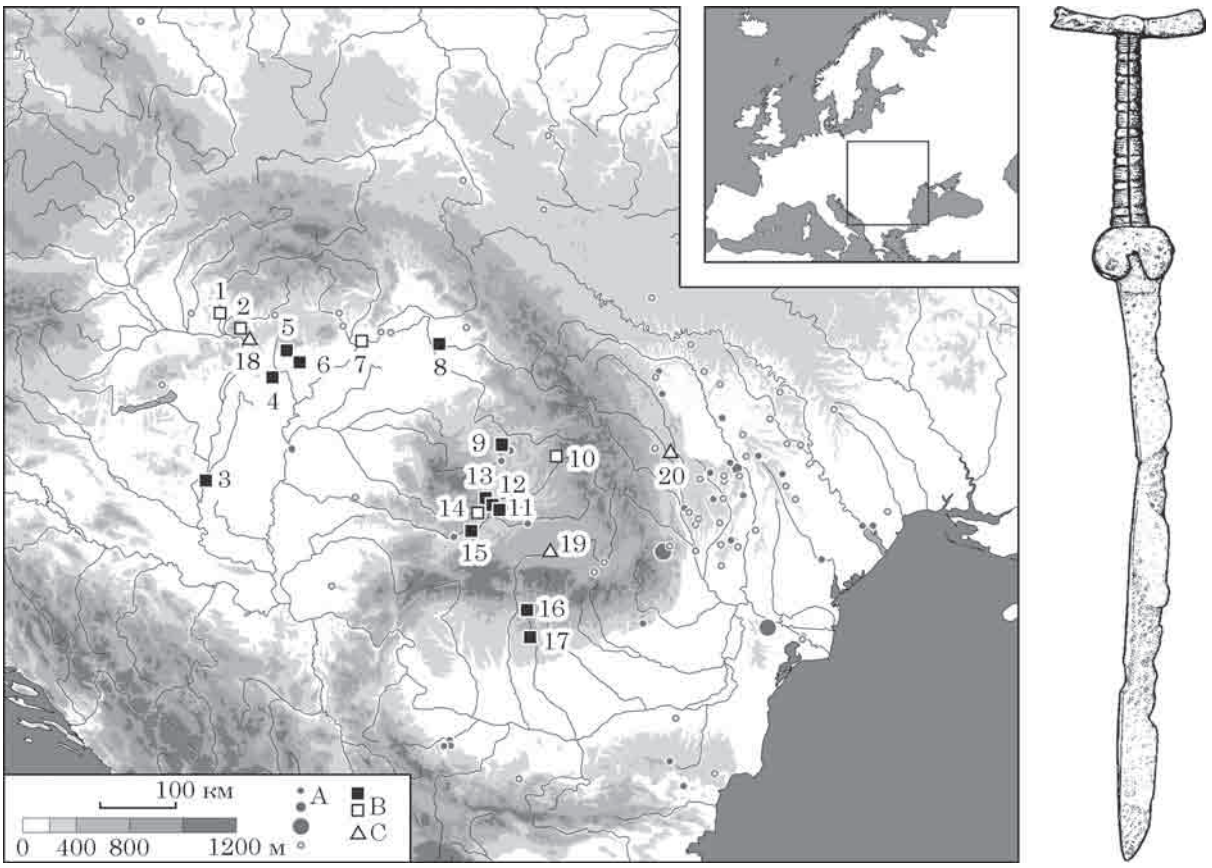

Рис. 1. Распространение акинаков среднескифского периода в Карпато-Подунавье (A), акинаки типа Ноград (B, 1—17) и другие типы однолезвийных акинаков (C, 18—20): 1 — Жельезовце; 2 — Ноград; 3 — Батмоноштор; 4 — Надьката; 5 — Дьёндьёш; 6 — Тарнабод; 7 — Тисадоб; 8 — Тарпа; 9 — Бэица; 10 — Думбрава; 11 — Чумбруд; 12 — Аюд; 13 — Мирэслэу; 14 — Беник; 15 — Пыклиша; 16 — Куртя-де-Арджеш; 17 — Чепарь; 18 — Пенц; 19 — Чинкшор; 20 — Мунчелу-де-Сус

держащие их, также концентрируются в Пицене (Stary 1981, Kart. 22). С V в. до н. э. у варварских народов Пиренейского полуострова появляется оригинальный вид однолезвийного оружия — *иберийская фальката* (falcata ibérica), которая была на вооружении у местных племен вплоть до конца I в. до н. э. Ее происхождение связывается с Адриатикой и, возможно, с Балканами (Quesada-Sanz 2005, p. 63). Немногочисленные находки однолезвийного оружия в Причерноморье соотносятся главным образом с греческим населением приморской зоны. Появление греческих махайр в Причерноморье датируют третьей четвертью — концом VI в. до н. э., причем наиболее ранние из них связаны с поселениями. При этом в архаический период однолезвийное оружие Северного Причерноморья обнаруживает себя исключительно на Березани, к тому же в виде боевых ножей фракo-иллирийского круга. Под влиянием греческих или фракийских традиций у скифов на закате классической скифской культуры возникает обилие однолезвийных мечей гибридных форм (тип Чауш), в том числе парадных (тип Шульговка) (Топал 2014, с. 143—148).

Однако, попытки подобной гибридизации скифского оружия происходили и в более раннее время. Один из таких экспериментов, вероятно, оформился в виде своеобразной группы однолезвийных акинаков, ареал которых не выходит за пределы Среднего Подунавья, Трансильвании и Южного Прикарпатья (рис. 1). Однолезвийные акинаки с массивным почковидным перекрестьем и изогнутым клинком В. Гинтерс считал локальной формой акинака, характерной для Венгрии (Ginters 1928, S. 30). По мнению В. Гинтерса, главным отличием экземпляров данной серии является их ярко выраженный рубящий характер (в отличие от большинства скифо-персидских акинаков), о чем свидетельствует изогнутость клинка. Другой важной особенностью является профилированная рукоять, состоящая из колец и шариков, пространство между которыми, по мнению Гинтерса, были заполнены органическим материалом (Ginters 1928, S. 32). Подчеркивая исключительную оригинальность этой группы предметов, исследователь не берется судить об истоках ее возникновения и хронологии, предполагая, что ее развитие шло параллельно с эволюцией южнорусских мечей (Ginters 1928, S. 33).

В. Васильев отнес данные изделия к «гибридным» (типы A_4 и B_4). Для каждого из типов,

выделенных им для акинаков группы Чумбруд исходя из оформления навершия (А — прямое, В — антенное), и датировал временем совершения погребения 10 у с. Бэица — первой половиной V в. до н. э. (Vasiliev 1980, p. 85—86). Причиной появления гибридных однолезвийных акинаков на поздней фазе трансильванской группы В. Васильев считает относительную изолированность Трансильвании от причерноморских процессов. Этим же объясняется и отсутствие подобных изделий восточнее (Vasiliev 1980, p. 86). Я. Хохоровский, анализируя клинковое оружие культуры Векерзуг, рассматривает однолезвийные акинаки в качестве самостоятельного типа. Польский исследователь также относит их к первой половине V в. до н. э., отмечая начало распространения подобных форм во второй половине VI в. до н. э. А истоки такой трансформации Я. Хохоровский видит то в поздней фазе HaD_1 могильника Гальштат, где представлены однолезвийные кинжалы с антенным навершием, то в греческих традициях, под влиянием которых, по его мнению, возникает, к примеру, фракийская махайра и иллирийская сика (Chochorowski 1985, S. 104).

Т. Кеменцеи все однолезвийное оружие Венгрии объединил в тип В, а однолезвийные акинаки разбил на два варианта, исходя из оформления рукояти — для варианта 2 характерны орнаментированные, в сечении круглые или овальные с прямым навершием, для варианта 3 — прямоугольные в сечении, неорнаментированные, без наверший (Kemenczei 1984, S. 43; 1991, S. 75). Т. Кеменцеи настаивает на «гибридном» происхождении данного вида клинкового вооружения, отмечая, что оформление рукояти — типично скифское (рифление стержня, форма перекрестья), а клинок выполнен в традициях местных оружейников Трансильвании и Потисья (Kemenczei 1984, S. 43).

А. Вулпе обращает особое внимание на однолезвийные акинаки Карпато-Дунайского бассейна и разделяет их по форме навершия. Так, он выделяет акинаки *типа Чепарь* с антенным навершием (Vulpe 1990, S. 94—95) и *типа Тисадоб* с прямым навершием (или без навершия) (Vulpe 1990, S. 92—94). Несмотря на относительную синхронность (в рамках конца VI — первой половины V в. до н. э.) и безусловную генетическую связь акинаков типа Чепарь и Тисадоб, последние, по мнению А. Вулпе, датируются несколько более ранним временем — начиная со второй половины VI в. до н. э. (Vulpe 1990, S. 93). А появление этой гибридной формы А. Вулпе интерпретирует как своеобразную адаптацию скифского акинака к предпочтениям местного населения, для которого излюбленным оружием был боевой нож. И произошло это, по его мнению, в середине VI в. до н. э., после периода сосуществования «пришлых» и «автохтонных» видов вооружения (Vulpe 1984, S. 54).

Анализируя хронологическую позицию комлекса из Дьёндьёша, И. В. Бруяко рассмотрел аналогии однолезвийному кинжалу-мечу, входившему в состав комплекса. На его взгляд, серия этих мечей неоднородна и выделяется как минимум два варианта — мечи с Т-образным или антенновидным навершием и без. При этом, И. В. Бруяко считает явным скифским признаком наличие почковидного перекрестья, а восточногальштатским (иллирийским) форму однолезвийного клинка. Т-образное навершие, по его мнению, возможно появилось в результате «распрямления» классического антенновидного (Бруяко 2005, с. 282). Вариант без навершия исследователь считает в целом более ранним, который мог появиться еще в VII в. до н. э., в то время как мечи с Т-образным и антенным навершием, по его мнению, вряд ли могут датироваться ранее VI в. до н. э. (Бруяко 2005, с. 283). Следует отметить, что мечей без навершия на сегодняшний момент известно гораздо меньше остальных (5 из 18). Кроме того, есть все основания предполагать, что у двух из них оно было утеряно в древности — у случайных находок из Тарнабода и Дьёндьёша. На это указывает округло-коническая форма рукояти со специфическим горизонтальным рифлением поверхности, характерная только для мечей с Т-образным навершием. К тому же, данная серия мечей недостаточно многочисленна и разнообразна для такого дробного деления. Поскольку за мечами с Т-образной рукоятью был закреплен термин тип *Тисадоб*, а для мечей с антенным навершием — тип *Чепарь* (по А. Вулпе), логичнее было бы объединить их под новым названием. В качестве компромисса предлагается термин *тип Ноград*, по месту одной из самых первых находок меча и, кроме того, наилучшей, эталонной сохранности из медье Ноград (рис. 2: 1) (Hampel 1876, fig. 34).

Иллирийский след мог проявиться не только в изогнутости однолезвийного клинка мечей типа Ноград, но, вероятно, и в оформлении навершия. Бросается в глаза сходство с Т-образными навершиями боевых ножей типа Басарабь, связанных своим происхождением с общей для Балкан традицией изготовления однолезвийного оружия. Поэтому навершие у мечей типа Ноград не «распрямилось», а скорее напротив — со временем «изогнулось» в соответствии со вкусами скифского населения Трансильвании и Южных Карпат. Самые ранние комплексы с однолезвийными мечами типа Басарабь относятся к началу HaC. К хорошо датированным относится курган 2 могильника Балта Верде ступени Басарабь II периода HaC или даже финала HaB_3, погребение 7 кургана В у г. Подилияк (восток Боснии) с инвентарем, типичным для ступени Глазинац IV-B середины HaC, погребение 181 могильника Фрёг (юг Австрии) ступени Frög 3, HaC (Guštin 1974, s. 83). Мечи данного типа встречаются от

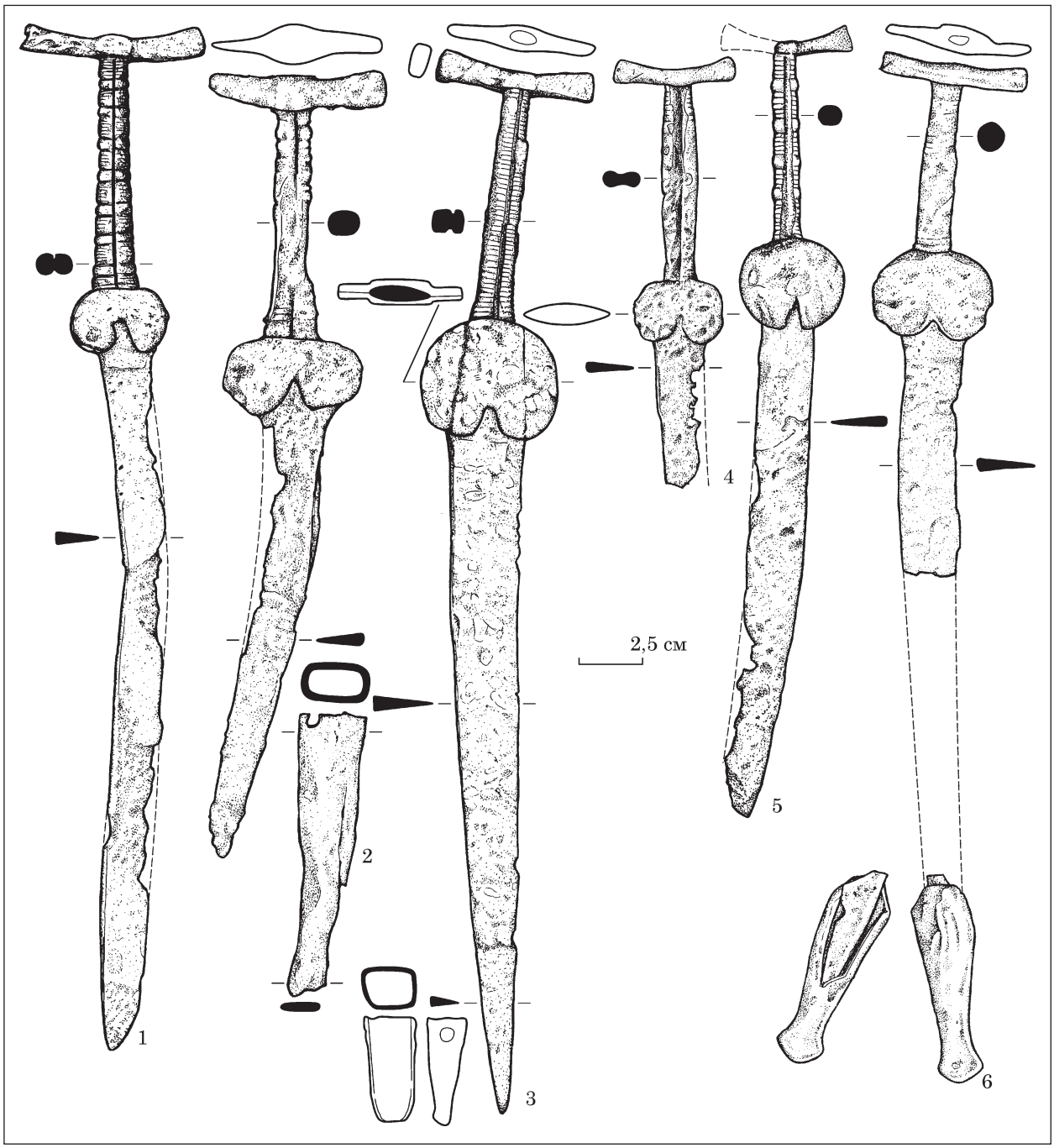

Рис. 2. Акинаки типа Ноград: 1 — Ноград; 2 — Пыклиша, погр.; 3 — Думбрава; 4 — Жельезовце; 5 — Надьката, погр. 1904; 6 — Мирэслэу, погр.

Среднего Подунавья до Приальпийской зоны, близкие по оформлению клинка и рукояти или «серповидные мечи» [1] по Ф. Старе (Stary 1981, S. 261) есть и на Адриатическом побережье Италии, в Пицене. Уже в период HaC_2 на восточном побережье Адриатического моря появляются однолезвийные мечи типа *Тржище-Дольня Долина* без наверший, которые уже в HaD_1 сменяются мечами типа *Шмихель*. Схожие эволюционные процессы идут в районе Железных ворот — место мечей типа Басарабь занимают однолезвийные клинки без наверший типа *Гогошу* (Griffplattenmesser, по А. Вулпе) и *Телешть* (Vulpe 1990, S. 79—85), в которых уже угадывается силуэт фракийского боевого ножа.

По всей видимости, к моменту проникновения в регион скифов, часть населения культуры Басарабь переселяется севернее, в Южное Прикарпатье и Трансильванию. Пожалуй, именно этим обстоятельством можно объяс-

1. Их появление П. Ф. Старе связывает с трансадриатическими взаимоотношениями военного характера, которые проявились также в распространении конических шлемов с двойным гребнем в Новиларе, п-ове Истрия и Словении (Stary 1981, S. 261).

нить появление однолезвийных акинаков с Т-образной рукоятью *типа Ноград* именно в предгорьях Южных Карпат и горах Апусень на юго-западе Трансильвании. Несмотря на утверждение И. В. Бруяко, что большая часть венгерско-трансильванских однолезвийных акинаков была обнаружена случайно (Бруяко 2005, с. 283), на данный момент больше половины всех находок отнесены к тем или иным комплексам (12 из 20). Наибольшая концентрация погребений с мечами типа Ноград — в восточной части Западно-румынских Карпат (горы Апусень), в погребениях у с. Мирэслэу, могильниках Чумбруд, Аюд и немного севернее — в могильнике у с. Бэица. В погребении 2 у с. Чумбруд (рис. 3: E) кроме лепного сосуда с налепами и железного топора был найден фрагмент рукояти с частью лезвия однолезвийного меча (Ferenczi 1965, p. 91; Vasiliev 1980, pl. 10: 6; Vulpe 1990, Taf. 29: 192). Могильник Чумбруд В. Васильев отнес к архаической фазе, хотя и к поздним комплексам, синхронным погребениям из Кристешть, Делений, Фрата и др. (Vasiliev 1980, p. 131). Предположительно из погребения у с. Мирэслэу происходит однолезвийный меч (рис. 2: 6; 4: 6) с сохранившейся железной обоймой от ножен (Herepey 1897, ab. 6). В случае данного экземпляра необычным представляется круглая в сечении рукоять. К сожалению, о других находках из данного комплекса ничего неизвестно.

На южной окраине г. Аюд («Хельуш»), на террасе р. Муреш, в 1913 г. было обнаружено трупоположение (рис. 3: H) с фрагментом рукояти и лезвия однолезвийного меча (рис. 4: 7) (Roska 1914, ab. 1: 1). Особый интерес представляет форма рукояти, массивная, трехчастная в разрезе, характерная для раннескифских мечей, к примеру, келермесского типа второй половины VII в. до н. э. (Topal 2014a, p. 14). Необычным признаком является и отсутствие навершия, которого, по всей видимости, не было в изначальной конструкции меча. Этот комплекс А. Вулпе считает одним из самых поздних, и на основе наконечников стрел относит ко второй половине VI или даже к первой половине V в. до н. э. (Vulpe 1984, S. 54, 59; 1990, S. 93). По мнению С. В. Махортыха и нашего юбиляра С. А. Скорого, исследовавших скифские мечи без наверший, это погребение из Аюда может относиться к первой половине VI в. до н. э. (Махортих, Скорий 1986, с. 74). Из другого комплекса, погребения 1 1886 г. у г. Аюд («Парк»), происходит еще один предположительно однолезвийный акинак (Herepey 1897, ab. 3; 4), по мнению А. Вулпе, «неопределенного типа» (Vulpe 1990, S. 97, Taf. 30: 203), но который также можно рассмотреть в связи с типом Ноград. Его отличает высокое почковидное перекрестье и узкое прямоугольное навершие (рис. 4: 18), вполне вероятно, Т-образное (точнее сказать сложно из-за сохранности предмета). Кроме рукояти меча с фрагментом лезвия, в этом погребении (рис. 3: G) были обнаружены двулезвийный железный топор, золотая серьга и бронзовые наконечники стрел (Herepey 1897, p. 65, 66). Судя по колчанному набору, состоявшему из двух- и трехлопастных шипастых стрел (Herepey 1897: ab. 3: 4—9; 4: 1—7), данный комплекс можно отнести к числу одних из самых ранних в Трансильвании. Погребение 1 1886 г. из Аюда может быть синхронно погребению 9 у Кристешть, погребению 3 могильника Будешть-Фынаце, 1, 4 и 5 могильника Мэришелу, т. е. относится ко второй половине VII в. до н. э.

Один из самых последних из известных комплексов Трансильвании с мечом типа Ноград был случайно обнаружен у с. Пыклиша и передан в музей г. Алба-Юлия в 2014 г. (Borangic, Anghel 2018, p. 18—19, fig. 2). По словам находчика, вместе с железным мечом (рис. 3: 2; 4: 20) им были обнаружены четыре наконечника стрел (рис. 5: C). Форма базисных наконечников стрел, широко распространенных в финале среднескифского периода, не позволяет датировать данный комплекс уже, чем в рамках второй половины VI в. до н. э.

Экземпляры из погребения 10 у с. Бэица (Trohani 1984, fig. 3) на северо-западе Трансильвании и кургана 5 у с. Чепарь (Vulpe 1990, Taf. 30: 196) в Валахии отличает оригинальное антенновидное (серповидное) навершие с утолщениями на концах. Подкурганное погребение у с. Чепарь (рис. 3: I) было совершено по обряду трупосожжения в каменном ящике и помимо однолезвийного меча (рис. 4: 16) было снабжено кинжалом с зооморфным навершием (типа Гэйчана по А. Вулпе), наконечником копья, двулезвийным топором и каннелированной керамикой (фазы Ferigile-Nord, 4 тип инвентаря). Все это, по мнению А. Вулпе, указывает на конец VI или даже на начало V в. до н. э. (Vulpe 1984, S. 54; 1990, S. 60). Трупосожжение в прямоугольной яме у с. Бэица (рис. 5: A), кроме однолезвийного меча с высоким перекрестьем и антенным навершием (рис. 4: 13), содержало наконечник копья, два черпака с высокой ручкой и корчагу с налепами. Меч из данного погребения был снабжен железным наконечником ножен (Vulpe 1990, S. 94). А. Вулпе считает, что датировку чепарьского погребения (конец VI — начало V в. до н. э.) можно перенести и на комплекс из Бэицы (Vulpe 1990, S. 95), хотя В. Васильев настаивал на первой половине V в. до н. э. (Vasiliev 1980, p. 86). Особый интерес представляет сильно деформированная крестовидная (колчанная) бляха (рис. 5: A5), орнаментированная резными линиями, аналогичная бляхе из погребения 7 того же могильника (Vasiliev 1980, p. 77, pl. 22: 3). Появление этой категории предметов связывается с миграционной волной второй половины — конца VI в. до н. э. (Fettich 1929, S. 86; 1934, S. 44; Kemenczei

1986, S. 131; Полидович 2009, с. 483), при том, что бляхи из Бэицы относятся к третьей группе изделий данного типа (по Ю. Полидовичу), датируемых, в основном, позже зооморфных [1] (Полідович 2000, с. 36). Как правило, крестовидные бляхи («ольвийского типа») датируются в пределах второй половины VI в. до н. э. [2], а наиболее ранними считаются погребение 12 1910 г. некрополя Ольвии и погребение 3 кургана 3 могильника Аксай I. Ольвийский комплекс относится ко второй (Полін 1987, с. 29) или третьей четверти VI в. до н. э. (Алексеев 2003, с. 155), аксайский же надежно датирован по североионийской амфоре в пределах середины — второй половины VI в. до н. э. (Дьяченко и др. 1999, с. 108; Алексеев 2003, с. 202) или еще уже: концом второй — началом третьей четверти VI в. до н. э. (Гречко 2012, с. 82). Другие северопричерноморские погребения с крестовидными бляхами (Опишлянка, Гусарка) также являются древнейшими комплексами среднескифского этапа и даже помещаются в т. н. переходный период между РСК-3 и ССК-1 второй—третьей четверти VI в. до н. э. — период ССК-1а по Д. С. Гречко (Гречко 2012, с. 93—95, табл. 1).

Серповидное навершие отличает и однолезвийный меч из Куртя-де-Арджеш (рис. 4: 17). Кроме этого, бронзовая рукоять оригинально орнаментирована гравировкой: навершие — шахматным орнаментом, рукоять — параллельными зигзагами и поперечными линиями (Vulpe 1967, pl. XVI: 2, fig. 19). Комплекс с однолезвийным акинаком с антенным навершием из Куртя-де-Арджеш А. Вулпе отнес ко второй половине VI в. до н. э. (Popescu, Vulpe 1982, p. 88, 107; Vulpe 1984, s. 54). Керамика из этого погребения идентична посуде из погребений с акинаками могильника Фериджиле (Vulpe 1967, p. 58), которые относятся к фазе Ferigile-Nord конца VII — VI вв. до н. э. (Vulpe 1990, s. 126).

В Трансильвании известны две случайные находки — из Беника (рис. 4: 14) и Думбравы (рис. 2: 3; 4: 19). В 1897 г. у с. Беник был обнаружен железный кинжал с бронзовым перекрестьем, украшенным в центре вертикальными зигзагами (Ginters 1928, Taf. 13: c). Недавно была опубликована случайная находка однолезвийного акинака типа Ноград на северо-востоке региона. Между селами Вэтава и Думбрава (жудец Муреш) был обнаружен железный меч превосходной сохранности с массивным почковидным перекрестьем, рубчатой рукоятью и подпрямоугольным навершием, расклепанным по краям (Rezi, Cioată 2013, p. 33, 34, pl. 2: 1; 3: 1—5). Кроме того, этот, на данный момент самый восточный, экземпляр был снабжен небольшой железной обоймой, оставшейся, вероятно, от ножен (Rezi, Cioată 2013, p. 37, pl. 2: 2; 3: 6). По совокупности аналогий авторы публикации датировали меч из Думбравы концом VI — началом V в. до н. э. (Rezi, Cioată 2013, p. 36).

Из венгерских комплексов с мечами *типа Ноград* поддаются хронологическому определению, по мнению Т. Кеменцеи, лишь два — погребение 7 1907 г. у Дьёндьёша (Márton 1908, tab. II: 5) и трупосожжение у Тарпы (Párducz 1968, Tab. XXI: 5). Часть находок у Дьёндьёша была случайно обнаружена во время вспашки и определена Л. Мартоном как погребальный инвентарь трупосожжения (бронзовые зооморфные навершия и колокольчики, железные наконечники копий, удила и др.) (Kemenczei 2009, s. 168—169). Другие, в частности однолезвийный меч, отнесенный к погребению 7 (рис. 2: 1; 4: 5), были выявлены во время закладки дополнительных поисковых траншей, в результате чего было обнаружен еще десяток трупосожжений, остальные вещи (железный тесловидный топор, долото, ложка, бронзовые браслеты) причислены к случайным находкам (Márton 1908, o. 37—38; Kemenczei 2009, S. 169). Поэтому датировки экземпляра из Дьёндьёша в немалой степени основываются на совокупном анализе хронологических индикаторов (Бруяко 2005, с. 279). Комлекс из Дьёндьёша Т. Кеменцеи датирует на основании наверший в зверином стиле и упряжи второй половиной VI — началом V в. до н. э. (Kemenczei 1991, S. 75). Я. Хохоровски убежден, что памятники типа Дьёндьёш и Мишколк-Диошдьёр соответствуют поздней фазе культуры Мезечат периода HaB_3 (Chochorowski 1987, s. 165). Эта попытка удревнения встретила сопротивление И. В. Бруяко, считающего, что большая часть хроноиндикаторов комплекса из Дьёндьёша тяготеет не к предшествующей эпохе (фракокиммерийскому горизонту), а к следующей за ней (после определенного разрыва) — т. е. вписывается в ранний этап культуры Векерзуг рубежа VII—VI вв. до н. э. (Бруяко 2005, с. 283).

Погребение из Тарпы на основе бронзовых фалер (рис. 5: B) было отнесено венгерскими исследователями к VII—VI вв. до н. э. (Párducz 1968, p. 82; Kemenczei 1991, S. 75). Не находит

1. Тем не менее, датировка, предлагаемая Ю. Полидовичем для крестовидных блях третьей группы, характерных исключительно для Карпато-Подунавья — конец V — IV в. до н. э. (Полідович 2000, с. 36) кажется неоправданно завышенной.
2. А. Хельмут настаивает на появлении крестовидных блях (украшенных в зверином стиле) в середине — второй половине VII в., основываясь на ранних аналогиях панцирным чешуйкам из погребения 90 могильника Тёрёксентмиклош-Шурьян и уздечным принадлежностям из погребения 40-А могильника Хотин (Hellmuth 2007, S. 83). Это, в свою очередь, вызвало возражения Т. Кеменцеи, по мнению которого звериный стиль в Карпато-Дунайский регион проникает уже в сложившемся виде, к тому же восточные комплексы с бляхами (Аксай, Ольвия) древнее западных (Хотин, Тёрёксентмиклош-Шурьян, Матраселе) (Kemenczei 2009, S. 49—50).

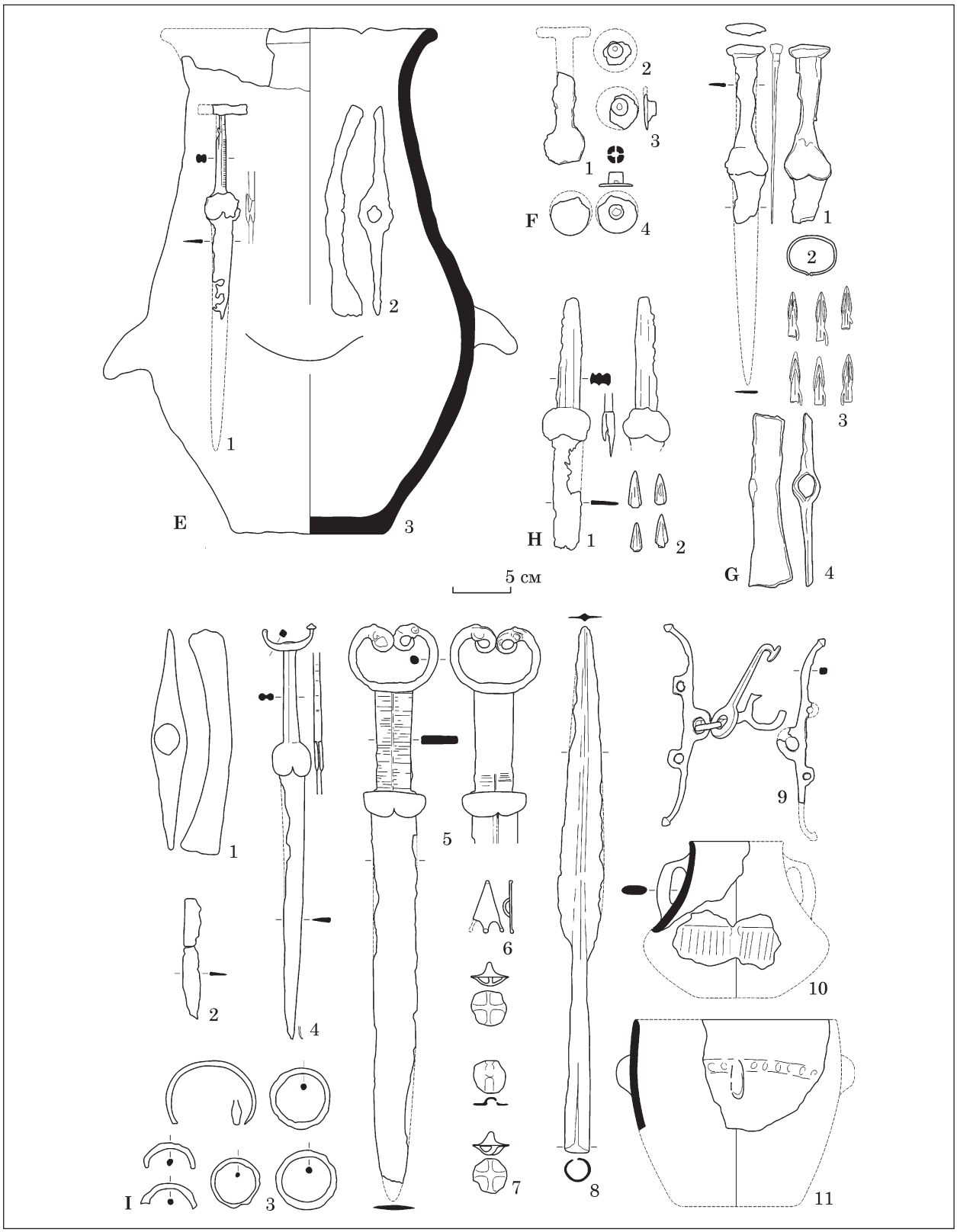

Рис. 3. Комплексы с акинаками типа Ноград: E — Чумбруд, погр. 2; F — Тарпа; G — Аюд-Парк, погр. 1 1886 г.; H — Аюд-Хелльуш, погр. 13; I — Чепарь, кург. 5

объяснения факт обнаружения вместе с мечом типа Ноград (рис. 2: 5; 4: 11) (Bottyán 1955, Taf. 17: 11) «кельтской» миски, типичной для LaB (рис. 5: B2), в погребении у д. Надьката (бывшая Эгрешката) (Kemenczei 2009, S. 37), что, по всей видимости, следует считать не более чем историографическим курьезом, т. к. верхней допустимой границей пребывания скифов в Потисье по-прежнему считается V в. до н. э. (Бруяко 2005, с. 277; 2014, с. 43).

Рис. 4. Акинаки типа Ноград (1—7, 9—20) и другие типы однолезвийного оружия (8, 21—22) Карпато-Подунавья: 1 — Батмоноштор, погр.; 2 — Дьёндьёш, погр. 7 1907 г. (2a — по Kemenczei 1984, 2b — по Márton 1908); 3 — Тисадоб; 4 — Тарнабод; 5 — Ноград; 6 — Мирэслэу, погр.; 7 — Аюд-Хелльуш, погр. 13; 8 — Чинкшор; 9 — Тарнабод-Баб; 10 — Жельезовце; 11 — Надьката, погр. 1904 г.; 12 — Тарпа, кург.; 13 — Бэица, погр. 10; 14 — Беник; 15 — Чумбруд, погр. 2; 16 — Чепарь, кург. 5; 17 — Куртя-де-Арджеш, погр.; 18 — Аюд-Парк, погр. 1 1886 г.; 19 — Думбрава; 20 — Пыклиша, погр.; 21 — Мунчелу-де-Сус; 22 — Пенц

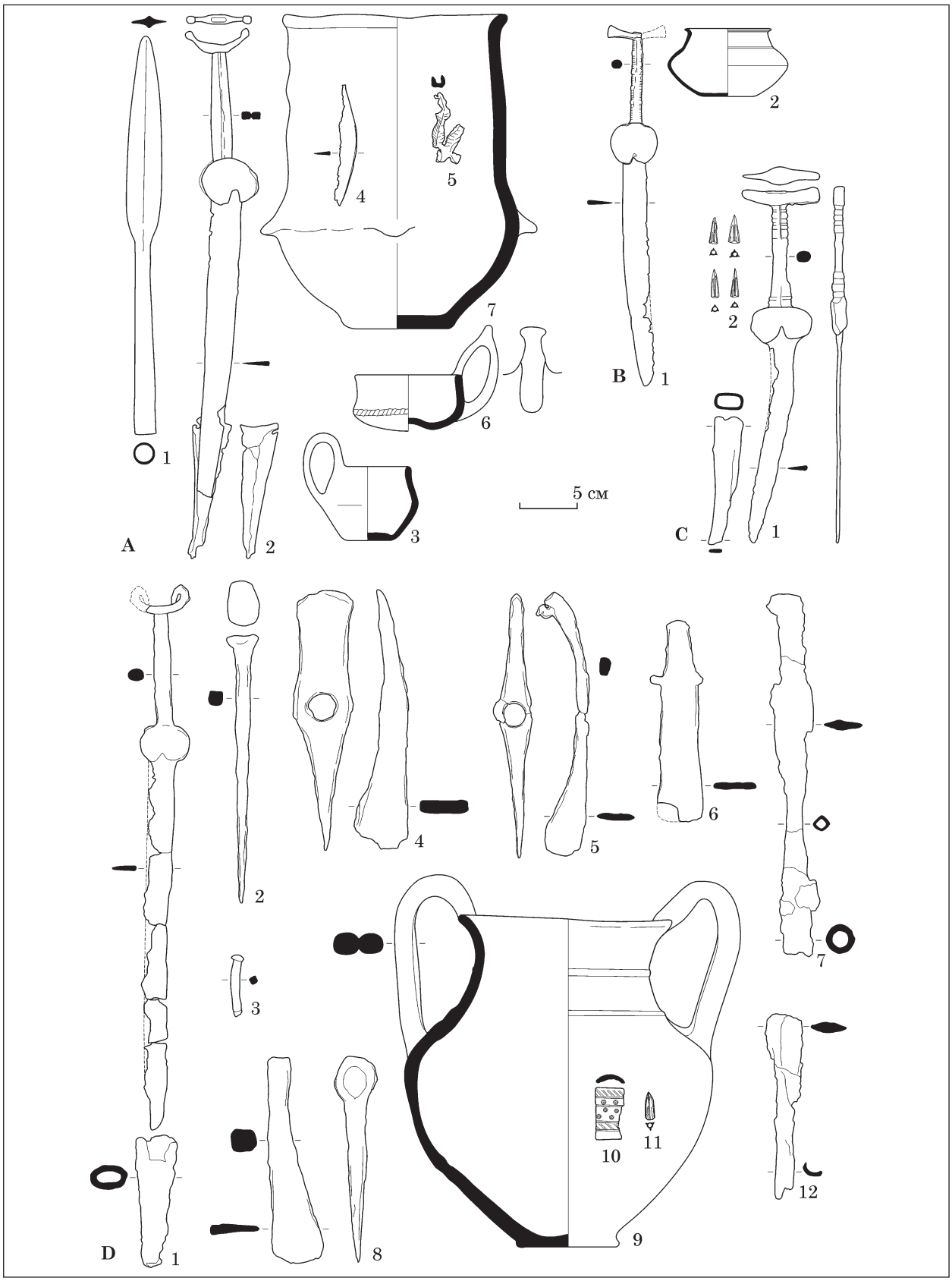

Рис. 5. Комплексы с акинаками типа Ноград: A — Бэица, погр. 10; B — Надьката, погр. 1904 г.; C — Пыклиша; D — Батмоноштор

Недавно было опубликовано еще одно, уже третье, погребение с однолезвийным мечом из Батмоноштора на юге Венгрии (рис. 5: D). Его отличает навершие в виде волют (Gyucha et al. 2015, p. 181, fig. 4: 3), что для Потисья само по себе редкость. Кроме меча, погребение, совер-

шенное в квадратной яме со столбовыми конструкциями, сопровождал богатый инвентарь. Среди вещей — сероглиняный двуручный кувшин, бронзовые пронизи, бронзовый трехлопастной опорновтульчатый наконечник стрелы, три железных топора, плоское железное тесло «с крыльями», железные наконечники копий и др. (Gyucha et al. 2015, p. 181—182, fig. 2—5). По мнению авторов раскопок, инвентарь погребения можно отнести ко второй половине VI — рубежу V—IV вв. до н. э., однако радиокарбонный анализ позволяет отсечь весь V в. до н. э. (Gyucha et al. 2015, p. 189), оставив в качестве верхней границы конец VI в. до н. э.

Другие экземпляры с территории Альфельда представлены случайными находками — из Нограда (рис. 2: 1; 4: 5) [1] (Hampel 1876, p. 49, fig. 34), Тисадоба (Kemenczei 1984, S. 39, Abb. 3: 2), из окрестностей Тарнабода (рис. 4: 4), на месте бывшей деревни Баб у Тарнабода (рис. 4: 9) (Párducz 1969, Tab. VII: 2) в Венгрии, Жельезовце (рис. 2: 4; 4: 10) [2] (Bottyán 1955, Taf. 36: 14) в Словакии. В целом, они схожи с основной массой однолезвийных акинаков типа Ноград, хотя рукоять меча из Жельезовце овальная в плане (Kemenczei 2009, S. 177), а у меча из Тарнабода украшена косыми параллельными насечками и перекрестье снабжено в верхней части необычными выступами-шипами (Kemenczei 1991, S. 75).

Основой для акинаков типа Ноград, судя по всему, послужили акинаки типа Шумейко (или типа Пилинь по А. Вулпе), распространившиеся на рубеже ранне- и среднескифского периода. На это указывают особенности однолезвийных акинаков типа Ноград, характерные для типа Шумейко: узкий вытянутый клинок (часто треугольной формы), массивное почковидное перекрестье, двухчастность рукояти и украшение ее поперечными насечками, узкое вытянутое перекрестье, ромбовидное в плане. Акинаки типа Шумейко хорошо известны в Трансильвании по комплексу находок конца VII — первой половины VI в. до н. э. из с. Братею (Vasiliev 1979, p. 21) и мечу из Гэдэлина (Wollman 1970, p. 245, fig. 2: 4), возможно, из разрушенного погребения. Небольшая концентрация случайных и плохо задокументированных находок мечей и кинжалов данного типа наблюдается в румынской Молдове. В Ясском жудеце был обнаружен акинак шумейковского типа у с. Быку, предположительно, в погребении (Niţu 1953, p. 6—7, fig. 2). Возможно, к типу Шумейко следует также отнести экземпляр без навершия, найденный у с. Мошна (Iconomu 1983, p. 65). Два экземпляра происходят из жудеца Галац — из с. Гэнешть (Buzdugan 1976, p. 245) и с. Бэлэбэнешть (Buzdugan, Coman 1977, fig. 2: 3), один — из жудеца Васлуй, найденный у с. Думешть (Buzdugan 1976, p. 243). В Потисье к акинакам рассматриваемого типа можно отнести случайные находки из Пилинь (Hampel 1876, p. 129, fig. 127) и Тимара (Kemenczei 1984, S. 36, Abb. 1: 1). К ним примыкает случайная находка из жудеца Арад в исторической Кришане (Румыния), найденная, предположительно, в с. Хория или Печика (Buzdugan 1976, p. 240, fig. 4: 5). На данный момент самой западной находкой акинака типа Шумейко может считаться недавно опубликованный экземпляр из Легницы в Нижней Силезии (Baron, Miazga 2013, p. 335, fig. 1).

Ближе к финалу среднескифского периода возникают и другие разновидности однолезвийного оружия. К ним относятся однолезвийные мечи с зооморфным навершием в скифском зверином стиле из Пенца (Patay 1955, o. 68, XVII) и нож из погребения 102 могильника Сентеш-Векерзуг [3] (Párducz 1955, p. 5, fig. 3, pl. XIII: 2). Появляются также однолезвийные акинаки, основанные на типах, характерных для финала среднескифской культуры, например, экземпляры из Мунчелу-де-Сус (Vulpe 1990, s. 95, Taf. 30: 201) и Чинкшора (Isac 1994, p. 179, fig. 2). Однако однолезвийные акинаки встречаются не только в Карпато-Балканском регионе, но и в Причерноморье [4], и на Кавка-

1. Исследователи скифского оружия упоминают о находке однолезвийного меча с ребристой рукоятью из бывшего комитата Берег (Ginters 1928, S. 37, Taf. 15: b; Vulpe 1990, S. 92, Taf. 41A: 8). Обращение к оригинальной публикации показало, что это связано с ошибочным прочтением В. Гинтерса статьи Й. Гампеля, в которой приводится изображение и описание меча из Нограда (Hampel 1893, p. 386, ab. 1). А локализация в районе Берегового относится к другому акинаку — из Арданово в Закарпатье, который действительно был найден на территории бывшего комитата Берег.
2. С разрушенным погребением из Жельезовце связаны находки крестовидной бляхи в зверином стиле, наконечников стрел (Kemenczei 2009, S. 177, Taf. 184: 1—6). По мнению Ю. Б. Полидовича, бляха из Жельезовце относится к первой (ранней) группе второй половины VI в. до н. э. (Полідович 2000, с. 38—39), чему не противоречит и наличие в комплексе опорновтульчатых наконечников стрел.
3. Аналогичное оформление навершия (в виде хищной птицы) встречается и на других боевых ножах — из погребения 17 могильника Чардасаллаш (Hatalmasok… 2001, o. 134, Kat. 21) и Велький-Гроб (Studeniková 1987, S. 38, Abb. 11). Схожий по типу нож был обнаружен и на Кавказе в одном из погребений 1 Алероевского могильника (Виноградов 1972, рис. 45: 1)
4. Такие находки известны по материалам Каменского городища (Граков 1962, с. 84, рис. 1: 1), Березанского поселения (Чистов 2008, с. 308, рис. 1) и случайной находке у с. Старый Салтов Харьковской обл. (Меркулов, Боков 2011, с. 195, рис. 1). При этом, лишь фрагмент однолезвийного меча из Березанского поселения обладает внятным археологическим контекстом, он был обнаружен в заполнении котлована, датированного по разнообразному керамическому материалу второй—третьей четвертью VI в. до н. э. (Чистов 2008, с. 307).

зе [1]. При этом, в Причерноморье однолезвийные акинаки, скорее всего, являются не более чем экспериментальной попыткой, не получившей широкого распространения. На Кавказе же, напротив, традиции однолезвийных кинжалов восходят к более раннему времени, к местным кобанским традициям, возможно, закавказского происхождения (Виноградов 1972, с. 111—112).

1. Среди них — однолезвийные кинжалы из погребения 1 (76) и 4 могильника Сержень-Юрт (Козенкова 2002, рис. 71: 14; 75: 14), погребения 2 Нижнегемского могильника (Виноградов 1972, рис. 28: 1) и акинак с антенным навершием из Карабашевского кургана у с. Марух (Козенкова 1995, табл. 15: 3), Нестеровского могильника (Крупнов 1960, табл. 62: 2). Из них наиболее древними являются экземпляры из Нижнего Чегема и Сержень-Юрта, которые можно отнести еще ко второй половине VII — началу VI в. до н. э. (Махортих 1995, с. 112; Маисурадзе, Пирцхалава 2011, с. 74; Козенкова 2002, с. 89). Гробница у с. Марух и погребение Нестеровского могильника, по всей видимости, были совершены позднее, хотя и относятся ко времени не позже VI в. до н. э. (Алексеева 1971, с. 58; Козенкова 1995, с. 63).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеева, Е. П. 1971. *Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития).* Москва: Наука.

Бруяко, И. В. 2005. *Ранние кочевники в Европе X—V вв. до Р. Х.* Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

Бруяко, И. В. 2014. Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом. *Stratum plus*, 3, с. 39-49.

Виноградов, В. Б. 1972. *Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза).* Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство.

Граков, Б. Н. 1962. Новые находки скифского времени в Каменском городище на Днепре. В: Авдусин, Д. А., Янин, В. Л. (ред.). *Историко-археологический сборник*. Москва: МГУ, с. 83-94.

Гречко, Д. С. 2012. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории. *Stratum plus*, 3, с. 75-106.

Дьяченко, А. Н., Мейб, Э., Скрипкин, А. С., Клепиков, В. М. 1999. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье. *Нижневолжский археологический вестник*, 2, с. 93-126.

Козенкова, В. И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант.* Москва: ИА РАН. Свод археологических источников России, В 2—5.

Козенкова, В. И. 2002. *У истоков горского менталитета. Могильник эпохи бронзы — раннего железа у аула Сержень-юрт, Чечня.* Москва: Памятники исторической мысли. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа, 3.

Крупнов, Е. И. 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва: АН СССР.

Маисурадзе, В. Г., Пирцхалава, М. С. 2011. Бутероль из села Патардзеули (Кахетия, Восточная Грузия). *Вестник древней истории*, 3, с. 71-77.

Махортих, С. В. 1995. Про кинджали скіфського типу з простим антенним навершям *Археологія*, 4, с. 111-116.

Махортих, С. В., Скорий, С. А. 1986. Мечі та кинджали скіфського часу без навершів. *Археологія*, 56, с. 72-78.

Меркулов,А. Н., Боков, В. С. 2011. Акинак скифского времени из окрестностей с. Старый Салтов. *Археологические памятники Восточной Европы*, 14, с. 195-196.

Полідович, Ю. 2000. Скіфські хрестоподібні бляхи. *Археологія*, 1, с. 35-48.

Полидович, Ю. 2009. Крестовидная бляха из архаического некрополя в контексте скифского «звериного стиля». В: Зуев, В. Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира.* Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 477-484.

Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.

Топал, Д. А. 2014. Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка. *Stratum plus*, 3, с. 129-156.

Чистов, Д. Е. 2008. Новая находка фрагментов меча из комплекса середины VI в. до н. э. на участке «О» Березанского поселения. *Боспорские чтения*, 9, с. 307-310.

Baron, J., Miazga, B. 2013. Scythian akinakes or medieval kidney-dagger? Archaeometric study of a recent find from Legnica (South-Western Poland). *Archäologische Korrespondenzblatt*, 43 (3), p. 335-343.

Borangic, C., Anghel, D. 2018. Un pumnal akinakes şi patru vârfuri de săgeţi descoperite accidental la marginea oraşului Alba Iulia. *Acta Centri Lucusiensis*, 6a, p. 17-23.

Bottyán, Á. 1955. *A szkíták a magyar Alföldön. Régészeti Füzetek*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1.

Buzdugan, C. 1976. Pumnale hallstattiene tîrzii pe teritoriul României. *Cercetări arheologice*, 2, p. 239-273.

Buzdugan, C., Coman, G. 1977. Pumnale hallstattiene târzii descoperite în Moldova. *Studii şi cercetări în istorie veche şi arheologie*, 28 (2), p. 239-245.

Chochorowski, J. 1985. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde.* Warszawa; Kraków: PWN. Prace Archeologiczne, 36.

Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, s. 161-213.

Ferenczi, Ş. 1965. Cimitriul «scitic» de la Ciumbrud (Partea 1). *Acta Musei Napocensis*, 2, p. 77-105.

Fettich, N. 1929. Beiträge zum Entstehungsproblem des altgermanischen II. Stiles. *Archaeologiai Értesítő*, 43, s. 68-110.

Fettich, N. 1934. *Der skythische Fund von Gartschinowo.* Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Gernez, G. 2007. Des armes et des hommes. La question des modèles de diffusion des armes au Proche-Orient à l'âge du Bronze. In: Rouillard, P. (ed.). *Mobilités, immobilismes. L'emprunt et son refus.* Paris: De Boccard.

Ginters, W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

Gordon, D. H. 1958. Scimitars, sabres and falchions. *Man*, 58, p. 22-27.

Guštin, M. 1974. Mahaire. Doprinos k povezam Picena, Slovenje in Srednjega Podunavja v 7. stol. pr. n. št. *Opuscula Iosepho Kastelic Sexagenario Dicata*, *Situla*, 14/15, s. 78-94.

Gyucha, A., Gulyás, G., Török, B., Barkóczy, P., Kovács, A. 2015. Connected regions, shared traditions: A unique Middle Iron Age burial from the Danube-Tisza Interfluve. In: Szathmári, I. (ed.). *An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, p. 179-198.

Hampel, J. 1876. *Catalogue de l'Exposition Préhistorique des Musées de Province et des collections particulières de la Hongrie: arrangée a l'occasion de la VIIIème Session du Congrès International d'Archéologie et d'Anthropologie Préhistoriques a Budapest*. Budapest: Franklin-Társulat.

Hampel, J. 1893. Scythiai emlékek magyarorszagban. *Archaeologiai Értesítő*, 5, p. 385-407.

Hatalmasok… 2001. Hatalmasok viadala. Havassy, P. (ed.). *Hatalmasok viadala. Az Alföld szkíta kora*. Gyula: Erkel Ferenc Múzeum. Gyulai katalógusok, 10.

Hellmuth, A. 2007. Zur Datierung der kreuzförmigen Goryt- und Bogentaschenbeschläge im Karpatenbecken. *Prähistorische Zeitschrift*, 82, s. 66-84.

Herepey, K. 1897. A Nagy-enyedi Múzeum némely régiségeiről. *Archaeologiai Értesítő*, 17, p. 63-68.

Iconomu, C. 1983. Un pumnal de tip akinakes descoperit la Moşna-Iaşi. *Studia Antiqua et Archaeologica*, 1, p. 65-71.

Isac, A. 1994. Un akinakes de la Cincşor (jud. Braşov). *Acta Musei Napocensis*, 31, p. 179-182.

Kemenczei, T. 1984. Skythenzeitliche Akinakes in der Prähistorischen Sammlung des Ungarischen Nationalmuseums. *Folia Archaeologica*, 35, s. 33-49.

Kemenczei, T. 1986. Mitteleisenzeitliche Köcherbeschläge aus dem Alföld. *Folia Archaeologica*, 37, s. 117-136.

Kemenczei, T. 1991. *Die Schwerter in Ungarn II (Vollgriffschwerter)*. Stuttgart: Franz Steiner. Prähistoriche Bronzefunde, 4, 9.

Kemenczei, T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch Geprägter Alföld Gruppe*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. Inventaria Praehistorica Hungariae, 12.

Márton, L. 1908. Szkíta sírleletek Győngyősőn. *Archaeologiai Értesítő*, 28, p. 37-54.

Massafra, A. 2012. *Le harpai nel Vicino Oriente antico. Cronologia e distribuzione*. Rome: Lorenzo Nigro. Studies on the Archaeology of Palestine & Transjordan, 9.

Niţu, A. 1953. Despre unele urme scitice în Moldova. *Materiale şi cercetări arheologice*, 1, p. 1-11.

Párducz, M. 1955 Le cimetière Hallstattien de Szentes-Vekerzug III. *Acta Archaeologica Hungarica*, 5, p. 1-22.

Párducz, M. 1968. Szkítakori sír Tarpán. Ein Grab aus der Skythenzeit in Tarpa. *Évkönyv Nyíregyháza*, 11, p. 81-88.

Párducz, M. 1969. Szkítakori leletek Heves megyében. *Évkönyv Eger*, 7, p. 35-54.

Patay, P. 1955. Szkíta leletek a nógrádi dombvidéken. *Folia Archaeologica*, 7, p. 61-74.

Popescu, E., Vulpe, A. 1982. Nouvelles découvertes du type Ferigile. *Dacia*, 26, p. 77-114.

Quesada-Sanz, F. 2005. Patterns of interaction: «Celtic» and «Iberian» weapons in Iron Age Spain. *Celtic connections. Proceedings of the 10th International Congress of Celtic Studies*, 2: Archaeology, Numismatics, Historical Linguistics, p. 56-78.

Rezi, B., Cioată, D. 2013. A newly discovered dagger-knife from Dumbrava (Vătava parish, Mureş County). *Marisia*, 33, p. 33-43.

Roska, M. 1914. Ujabb skytha leletek Nagyenyedről. *Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múzeum Érem- és Régiségtárából*, 5, p. 13-16.

Stary, P. F. 1981. *Zur eisenzeitlichen Bewaffnung und Kampfesweise in Mittelitalien, ca. 9. bis 6. Jh. v. Chr*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern. Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte, 3.

Studeníková, E. 1987. K halštatskému osídleniu juhovýchodnej časti Trnavskej sprašovej terasy. *Zborník Slovenského národného múzea*, 81: História, s. 21-45.

Topal, D. 2014a. Akinakai of Kelermes type: New discoveries in Central Bessarabia. *Marisia*, 33, p. 13-32.

Trohani, G. 1984. Modul de realizare a unor pumnale akinakes. Studiu radiografic. *Cercetări arheologice*, VII, p. 191-198.

Vasiliev, V. 1979. Pumnalele akinakes din Transilvania. *Acta Musei Napocensis*, 16, p. 11-37.

Vasiliev, V. 1980. *Sciţii agatîrşi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.

Verčík, M. 2010. Die griechische Bewaffnung im Lichte des kulturellen Austausches. *Anodos*, 10, s. 321-334.

Verčík, M. 2014. *Die barbarischen Einflüsse in der griechischen Bewaffnung*. Rahden. Internationale Archäologie, 125.

Vulpe, A. 1967. *Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică*. Bucureşti: ARSR. Biblioteca de arheologie, 9.

Vulpe, A. 1984. Descoperirile hallstattiene din zona Aiudului. *Thraco-Dacica*, 5, p. 26-63.

Vulpe, A. 1990. *Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien*. München: Beck. Prähistoriche Bronzefunde, 4, 9.

Wollmann, V. 1970. O descoperire scitică în judeţul Cluj. *Studii şi cercetări de istorie veche*, 21 (2), p. 245-251.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseeva, E. P. 1971. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaevo-Cherkesii (voprosy etnicheskogo i sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya)*. Moskva: Nauka.

Bruyako, I. V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope X—V vv. do R. H.* Kishinev: Vysshaya Antropologicheskaya Shkola.

Bruyako, I. V. 2014. Pintadery rannego zheleznogo veka mezhdu Karpatami i Pontom. *Stratum plus*, 3, s. 39-49.

Vinogradov, V. B. 1972. *Tsentralnyy i Severo-Vostochnyy Kavkaz v skifskoe vremya (voprosy politicheskoy istorii, evolyutsii kultur i etnogeneza)*. Groznyy: Checheno-ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Grakov, B. N. 1962. Novye nakhodki skifskogo vremeni v Kamenskom gorodishche na Dnepre. In: Avdusin, D. A., Yanin, V. L. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskiy sbornik*, Moskva: MGU, s. 83-94.

Grechko, D. S. 2012. O vozmozhnykh «prosvetakh» v «temnoe» vremya (VI v. do n. e.) skifskoy istorii. *Stratum plus*, 3, s. 75-106.

Dyachenko, A. N., Meyb, E., Skripkin, A. S., Klepikov, V. M. 1999. Arkheologicheskie issledovaniya v Volgo-Donskom mezhdurech'e. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, 2, s. 93-126.

Kozenkova, V. I. 1995. *Oruzhie, voinskoe i konskoe snaryazhenie plemen kobanskoy kultury (sistematizatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant*. Moskva: IA RAN. Svod arkheologicheskikh istochnikov Rossii, V 2—5.

Kozenkova, V. I. 2002. *U istokov gorskogo mentaliteta. Mogilnik epokhi bronzy — rannego zheleza u aula Serzhenyurt, Chechnya*. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli. Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza, 3.

Krupnov, E. I. 1960. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza*. Moskva: AN SSSR.

Maisuradze, V. G., Pirtskhalava, M. S. 2011. Buterol iz sela Patardzeuli (Kakhetiya, Vostochnaya Gruziya). *Vestnik drevney istorii*, 3, s. 71-77.

Makhortikh, S. V. 1995. Pro kindzhali skifskogo tipu z prostim antennim navershyam. *Arkheologiya*, 4, s. 111-116.

Makhortikh, S. V., Skoriy, S. A. 1986. Mechi ta kindzhali skifskogo chasu bez navershiv. *Arkheologiya*, 56, s. 72-78.

Merkulov, A. N., Bokov, V. S. 2011. Akinak skifskogo vremeni iz okrestnostey s. Staryy Saltov. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy*, 14, s. 195-196.

Polidovich Yu. 2000. Skifski khrestopodibni blyakhi. *Arkheologiya*, 1, 35-48.

Polidovich, Yu. 2009. Krestovidnaya blyakha iz arkhaicheskogo nekropolya v kontekste skifskogo «zverinogo stilya». In: Zuev, V. Iu. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, s. 477-484.

Polin, S. V. 1987. Khronologiya rannoskifskikh pamyatok. *Arkheologiya*, 59, s. 17-36.

Topal, D. A. 2014. Finalnaya liniya razvitiya mechey klassicheskoy Skifii. Sootnoshenie tipov Chertomlyk i Shulgovka. *Stratum plus*, 3, s. 129-156.

Chistov, D. E. 2008. Novaya nakhodka fragmentov mecha iz kompleksa serediny VI v. do n. e. na uchastke «O» Berezanskogo poseleniya. *Bosporskie chteniya*, 9, s. 307-310.

Baron, J., Miazga, B. 2013. Scythian akinakes or medieval kidney-dagger? Archaeometric study of a recent find from Legnica (South-Western Poland). *Archäologische Korrespondenzblatt*, 43 (3), p. 335-343.

Borangic, C., Anghel, D. 2018. Un pumnal akinakes şi patru vârfuri de săgeţi descoperite accidental la marginea oraşului Alba Iulia. *Acta Centri Lucusiensis*, 6a, p. 17-23.

Bottyán, Á. 1955. *A szkíták a magyar Alföldön. Régészeti Füzetek*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1.

Buzdugan, C. 1976. Pumnale hallstattiene tîrzii pe teritoriul României. *Cercetări arheologice*, 2, p. 239-273.

Buzdugan, C., Coman, G. 1977. Pumnale hallstattiene târzii descoperite în Moldova. *Studii şi cercetări în istorie veche şi arheologie*, 28 (2), p. 239-245.

Chochorowski, J. 1985. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Kraków: PWN. Prace Archeologiczne, 36.

Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, s. 161-213.

Ferenczi, Ş. 1965. Cimitriul «scitic» de la Ciumbrud (Partea 1). *Acta Musei Napocensis*, 2, p. 77-105.

Fettich, N. 1929. Beiträge zum Entstehungsproblem des altgermanischen II. Stiles. *Archaeologiai Értesítő*, 43, s. 68-110.

Fettich, N. 1934. *Der skythische Fund von Gartschinowo*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Gernez, G. 2007. Des armes et des hommes. La question des modèles de diffusion des armes au Proche-Orient à l'âge du Bronze. In: Rouillard, P. (ed.). *Mobilités, immobilismes. L'emprunt et son refus*. Paris: De Boccard.

Ginters, W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

Gordon, D. H. 1958. Scimitars, sabres and falchions. *Man*, 58, p. 22-27.

Guštin, M. 1974. Mahaire. Doprinos k povezam Picena, Slovenje in Srednjega Podunavja v 7. stol. pr. n. št. *Opuscula Iosepho Kastelic Sexagenario Dicata, Situla*, 14/15, s. 78-94.

Gyucha, A., Gulyás, G., Török, B., Barkóczy, P., Kovács, A. 2015. Connected regions, shared traditions: A unique Middle Iron Age burial from the Danube-Tisza Interfluve. In: Szathmári, I. (ed.). *An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, p. 179-198.

Hampel, J. 1876. *Catalogue de l'Exposition Préhistorique des Musées de Province et des collections particulières de la Hongrie: arrangée a l'occasion de la VIIIème Session du Congrès International d'Archéologie et d'Anthropologie Préhistoriques a Budapest*. Budapest: Franklin-Társulat.

Hampel, J. 1893. Scythiai emlékek magyarorszagban. *Archaeologiai Értesítő*, 5, p. 385-407.

Hatalmasok… 2001. Hatalmasok viadala. Havassy, P. (ed.). *Hatalmasok viadala. Az Alföld szkíta kora*. Gyula: Erkel Ferenc Múzeum. Gyulai katalógusok, 10.

Hellmuth, A. 2007. Zur Datierung der kreuzförmigen Goryt- und Bogentaschenbeschläge im Karpatenbecken. *Prähistorische Zeitschrift*, 82, s. 66-84.

Herepey, K. 1897. A Nagy-enyedi Múzeum némely régiségeiről. *Archaeologiai Értesítő*, 17, p. 63-68.

Iconomu, C. 1983. Un pumnal de tip akinakes descoperit la Moşna-Iaşi. *Studia Antiqua et Archaeologica*, 1, p. 65-71.

Isac, A. 1994. Un akinakes de la Cincşor (jud. Braşov). *Acta Musei Napocensis*, 31, p. 179-182.

Kemenczei, T. 1984. Skythenzeitliche Akinakes in der Prähistorischen Sammlung des Ungarischen Nationalmuseums. *Folia Archaeologica*, 35, s. 33-49.

Kemenczei, T. 1986. Mitteleisenzeitliche Köcherbeschläge aus dem Alföld. *Folia Archaeologica*, 37, s. 117-136.

Kemenczei, T. 1991. *Die Schwerter in Ungarn II (Vollgriffschwerter)*. Stuttgart: Franz Steiner. Prähistoriche Bronzefunde, 4, 9.

Kemenczei, T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch Geprägter Alföld Gruppe*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. Inventaria Praehistorica Hungariae, 12.

Márton, L. 1908. Szkíta sírleletek Gyöngyösőn. *Archaeologiai Értesítő*, 28, p. 37-54.

Massafra, A. 2012. *Le harpai nel Vicino Oriente antico. Cronologia e distribuzione*. Rome: Lorenzo Nigro. Studies on the Archaeology of Palestine & Transjordan, 9.

Niţu, A. 1953. Despre unele urme scitice în Moldova. *Materiale şi cercetări arheologice*, 1, p. 1-11.

Párducz, M. 1955 Le cimetière Hallstattien de Szentes-Vekerzug III. *Acta Archaeologica Hungarica*, 5, p. 1-22.

Párducz, M. 1968. Szkítakori sír Tarpán. Ein Grab aus der Skythenzeit in Tarpa. *Évkönyv Nyíregyháza*, 11, p. 81-88.

Párducz, M. 1969. Szkítakori leletek Heves megyében. *Évkönyv Eger*, 7, p. 35-54.

Patay, P. 1955. Szkíta leletek a nógrádi dombvidéken. *Folia Archaeologica*, 7, p. 61-74.

Popescu, E., Vulpe, A. 1982. Nouvelles découvertes du type Ferigile. *Dacia*, 26, p. 77-114.

Quesada-Sanz, F. 2005. Patterns of interaction: «Celtic» and «Iberian» weapons in Iron Age Spain. *Celtic connections. Proceedings of the 10th International Congress of Celtic Studies*, 2: Archaeology, Numismatics, Historical Linguistics, p. 56-78.

Rezi, B., Cioată, D. 2013. A newly discovered dagger-knife from Dumbrava (Vătava parish, Mureş County). *Marisia*, 33, p. 33-43.

Roska, M. 1914. Ujabb skytha leletek Nagyenyedről. *Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múzeum Érem- és Régiségtárából*, 5, p. 13-16.

Stary, P. F. 1981. *Zur eisenzeitlichen Bewaffnung und Kampfesweise in Mittelitalien, ca. 9. bis 6. Jh. v. Chr*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern. Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte, 3.

Studeníková, E. 1987. K halštatskému osídleniu juhovýchodnej časti Trnavskej sprašovej terasy. *Zborník Slovenského národného múzea*, 81: História, s. 21-45.

Topal, D. 2014a. Akinakai of Kelermes type: New discoveries in Central Bessarabia. *Marisia*, 33, p. 13-32.

Trohani, G. 1984. Modul de realizare a unor pumnale akinakes. Studiu radiografic. *Cercetări arheologice*, VII, p. 191-198.

Vasiliev, V. 1979. Pumnalele akinakes din Transilvania. *Acta Musei Napocensis*, 16, p. 11-37.

Vasiliev, V. 1980. *Sciţii agatîrşi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.

Verčík, M. 2010. Die griechische Bewaffnung im Lichte des kulturellen Austausches. *Anodos*, 10, s. 321-334.

Verčík, M. 2014. *Die barbarischen Einflüsse in der griechischen Bewaffnung*. Rahden. Internationale Archäologie, 125.

Vulpe, A. 1967. *Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică*. Bucureşti: ARSR. Biblioteca de arheologie, 9.

Vulpe, A. 1984. Descoperirile hallstattiene din zona Aiudului. *Thraco-Dacica*, 5, p. 26-63.

Vulpe, A. 1990. *Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien*. München: Beck. Prähistoriche Bronzefunde, 4, 9.

Wollmann, V. 1970. O descoperire scitică în judeţul Cluj. *Studii şi cercetări de istorie veche*, 21 (2), p. 245-251.

D. A. Topal

SINGLE-EDGED WEAPONRY OF SCYTHIAN ORIGIN IN TRANSYLVANIA AND GREAT HUNGARIAN PLAIN

In the Scythian time in the territory of the Middle Danube, Transylvanian and the Southern Carpathian regions, the original group of single-edged akinakai is distributed. By the time the Scythians penetrated Carpathian region, a part of the population of Basarabi culture (bearers of the Illyrian tradition of single-edged weaponry) moved to the north, to the South Carpathians and Transylvania. Perhaps it is the circumstance that can explain the appearance of single-edged akianakai with a T-shaped handle of the *Nógrád* type in the foothills of the Southern Carpathians and the Apuseni Mountains in the south-west of Transylvania. The basis for the Nógrád akinakai, apparently, was the akinakai of the *Shumeyko* type (or *Piliny type* according to A. Vulpe), which spread at the turn of the Early and Middle Scythian periods. This is indicated by the features of Nógrád akinakai, characteristic of the Shumeyko type like a narrow elongated blade (often triangular), a massive kidney-shaped crosshair, a two-part handle and decoration with its transverse notches, a narrow elongated rhombic pommel. Like Shumeyko akinakai, the single-edged swords of the Nógrád type appear at the turn of the 7th—6th centuries BC and exist until the end of the 6th century. At the same time, the bulk of the complexes with akinakai of the Nógrád type belong to the second half or even the end of the 6th century BC.

Keywords: akinakes, single-edged blade, Carpathian-Danube region, Scythian period, Vekerzug culture, Ciumbrud group.

Одержано 9.02.2019

ТОПАЛ Денис Афанасійович, доктор історії, науковий співробітник, Університет Вища Антропологічна Школа, вул. Йорга 5, Кишинів, MD-2029, Республіка Молдова, *denis.topal@gmail.com*.
TOPAL Denis Afanasievich, PhD, researcher, University of High Anthropological School, Iorga str. 5, Chişinău, MD-2029, Republic of Moldova, *denis.topal@gmail.com*.

УДК: 904 (4)“638”

Я. Хохоровски

НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ АНТИЧНОГО МИРА: ГИПЕРБОРЕЙЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Автор сопоставляет северную границу распространения греческих и италийских (в том числе этрусских) импортов VII—VI вв. до н. э., с данными о территориях центральноевропейских «варваров», собранных в античной традиции, в основном — у Геродота. На основе приведенных фактов предполагается, что у делосцов, под названием «гиперборейцев» понимались сообщества, населявшие территории с северной стороны Карпат, в бассейне Вислы и Варты, с традициями характерными еще для модели культур урновых полей эпохи поздней бронзы. Состояние географических и культурных знаний и масштабы взаимопроникновения средиземноморского и варварского миров были, вероятно, гораздо большими, чем об этом можно судить, исходя из количества, ассортимента и познавательного потенциала предметов «импорта» — археологических следов взаимодействия этих миров.

Ключевые слова: *Центральная Европа, греческий и этруский импорт, торговые пути, этническая география, гиперборейцы.*

Находка группой исследователей из Жешовского университета под руководством профессора Сильвестра Чопека греческой амфоры на городище эпохи раннего железа возле д. Хотынец (Chotyniec) у реки Вишня, правого притока среднего Сана в Юго-Восточной Польше (Czopek et al. 2017, p. 291—305), является одним из самых ярких открытий в центрально-европейской археологии за последнее время [1]. Сенсационность этой находки объясняется, прежде всего, значительным расстоянием, приблизительно в 700—1000 км по прямой линии, от места ее обнаружения до предполагаемого места происхождения. Оно может быть локализовано среди греческих колоний на побережье Черного моря, а возможно — и в северо-восточной части Средиземноморского бассейна. Осмысление чрезвычайного и, несомненно, совсем неожиданного характера этого открытия, явится в будущем, наверное, предметом многочисленных исследований, которые со временем предпримет коллектив, обнаруживший эту амфору. Среди многих тем, которые могут стать отправными пунктами для интерпретации находки из Хотынца, важнейшими будут, несомненно, ее география и столь же характер — значит та же амфора, как емкость для вина или оливкового масла, которая могла с ними перемещаться и в морском, и в сухопутном транспорте [2].

1. Информацию об этой сенсационной находке еще до ее научной публикацией, не учитывая сообщений в средствах массовой информации и предварительных сведений о раскопках, я получил благодаря доброжелательности профессора Сильвестра Чопека и его сотрудников, за что глубоко им благодарен.

© Я. ХОХОРОВСКИ, 2019

См.: Czopek, S. , Trybała-Zawiślak, K., Trąbska, J., Trybalska, B., Adamik-Proksa, J., Burghardt, M., Ocadryga-Tokarczyk, E., Tokarczyk, T. , Rajpold, W. 2019. The first finding of a Greek amphora in Poland. *American Journal of Archaeology* (в печати); Czopek, S. 2019. Enklawa scytyjskiego kręgu kulturowego w południowo-wschodniej Polsce. *Przegląd Archeologiczny* (в печати). А также: http://www.ur.edu.pl/uniwersytet/aktualności/32381,chotyniec-odkrywa-swoje-sekrety, доступ: 03.09.2018; Pierwsza grecka amfora odnaleziona na ziemiach polskich! Archeologia Żywa, https://archeologia.com.pl/2017/07/28/pierwsza-grecka-amfora-odnaleziona-na-ziemiach-polskich, доступ: 30.01.2019.

2. Для культуроведческих рассуждений значение имеет не столько присутьстве, на территории «варваров», амфор как емкостей, но их содержимое (вино, масло) и возможность употребления этих продуктов в определенном регионе.

Рис. 1. Западногальштатские (раннекельтские) «княжеские» усадьбы на фоне распространения греческих (амфоры — красные точки) и этрусских (кувшины с клювовидным сливом — зеленые точки) импортов: 1 — Mont Lassios; 2 — Champ-du-Château; 3 — Châtillon-sur-Glane; 4 — Britzgyberg; 5 — Münsterberg; 6 — Üetliberg; 7 — Heuneburg; 8 — Hohenasperg; 9 — Marienberg; 10 — Ipf (по Krause 2011, fig. 1)

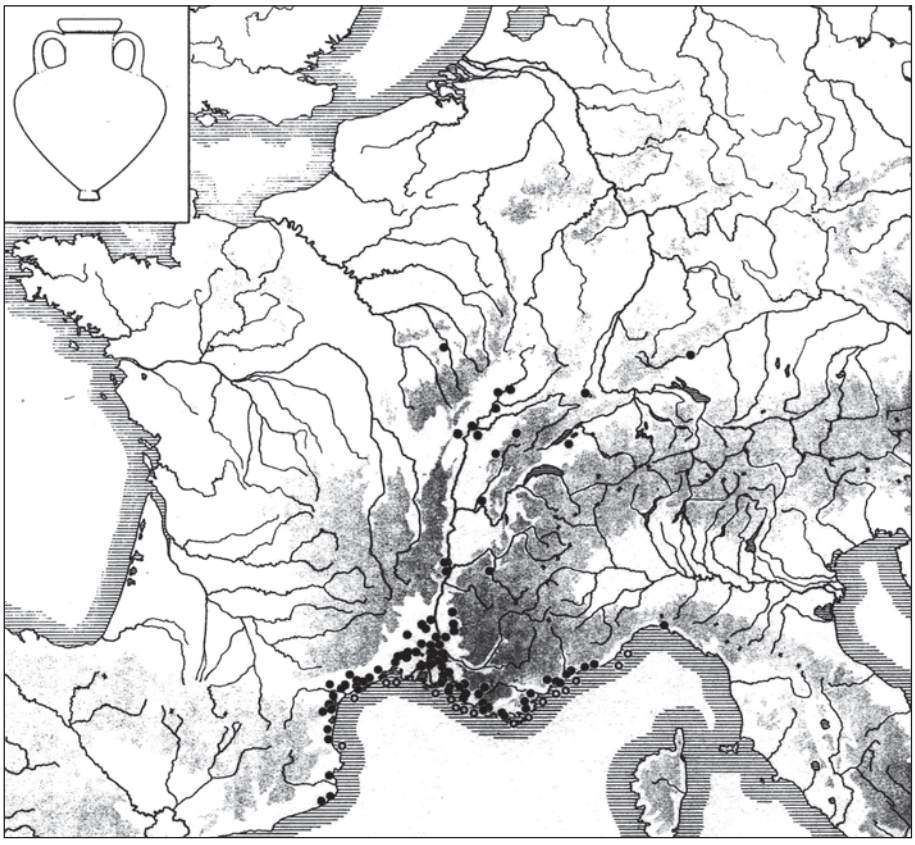

Рис. 2. Распространение «греческо-провансальских» амфор в западной Европе (по Kimmig 1983, fig. 27)

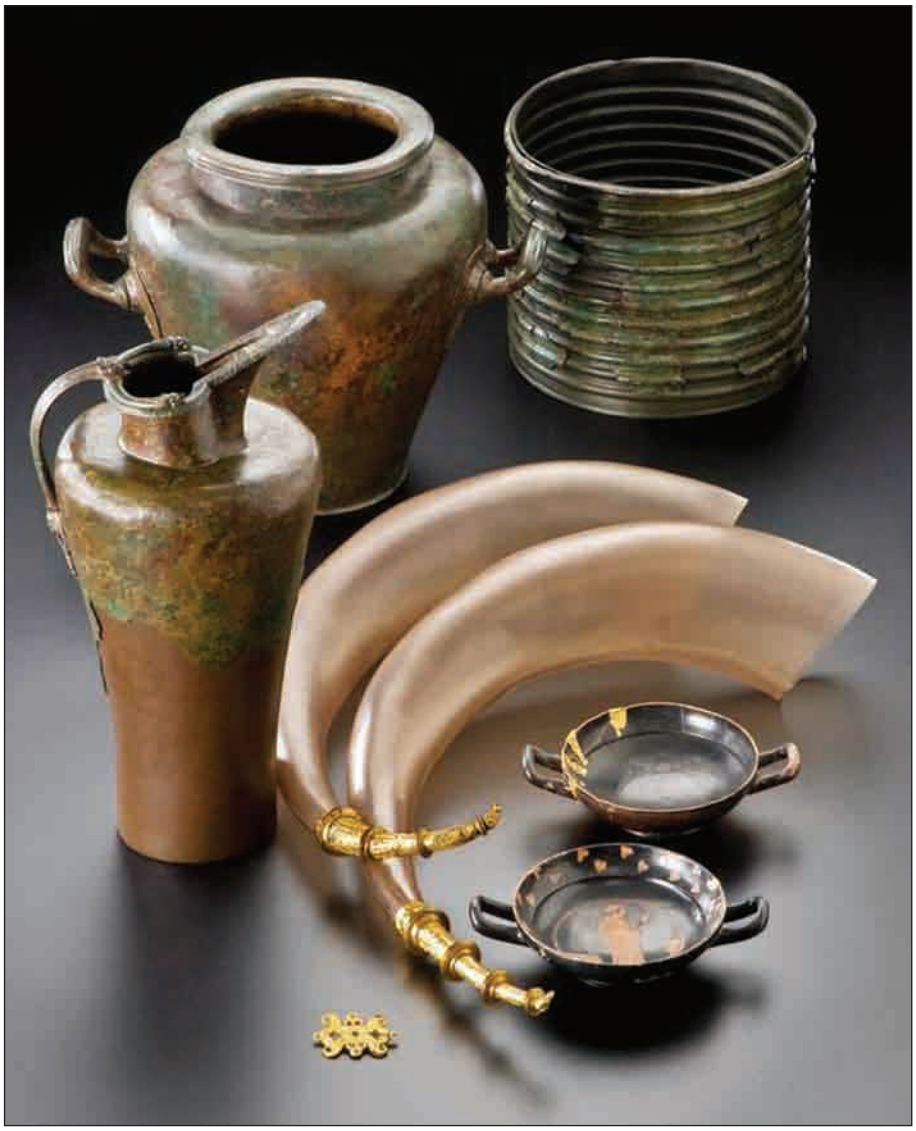

Рис. 3. Клейнаспергле (Kleinaspergle), избранные элементы оснащения «княжеской» гробницы (по https://.baden-wuerttemberg.de/rps/abt8/seiten/pressmitteilung.aspx?rid=118, доступ: 19.04.2019)

Даже поверхностный обзор такого рода находок из эпохи раннего железа (VIII—V вв. до н. э.) в Центральной Европе и на прилегающих к ней территориях, относящихся к средиземноморской цивилизации, создает весьма неоднозначную картину, не позволяющую сформировать целостный взгляд на контакты «варварских» сообществ европейского «интерьера», с городскими производственными центрами юга Европы. Следуя с запада, ближайшим местом в Западной Европе, с похожими по времени с открытием из Хотынца находками амфор, является знаменитый Хойнебург (Heuneburg), гальштатская крепость в верховьях Дуная (*Истра*), гипотетически идентифицируемая с «*городом Пирены*» Геродота (рис. 1) [1]. Здесь в слоях II—Ia найдено свыше 150 фрагментов, которые принадлежат минимум 12 «греческо-провансальским» амфорам (рис. 2), происходящим, предположительно, из Массалии и датирующимся 550—500 (или возможно: 525—475) гг. до н. э., а также 67 фрагментов аттических чернофигурных сосудов, датирующихся в пределах 580—480 гг. до н. э. (в основном 520—490 гг.) (van den Boom, Pape 2000, S. 43—70; Böhr, Shefton 2000, S. 1—42; Kurz 2006, S. 11—15, Abb. 7; Eggert 2011, S. 126—127). Находки аттической черно- и краснофигурной керамики, являются важным признаком аристократической субкультуры, которая представлена на раннекельтских усадьбах местных правителей (*Fürstensitze* — Reichenberger 1994, Abb. 20 — карта), и особенно — в погребальном инвентаре «княжеских» гробниц, располагавшихся рядом (например, краснофигурные килики из кургана в Клейнаспергле (Kleinaspergle), датирующихся около 450 г. до н. э. (Böhr 1988, S. 176—190; Schaaf 1988, S. 191—195) (рис. 3). Их распространение охватывает регион от Монт Лессуа — Викс (Mont Lassois — Vix) в Северной Бургундии (рис. 4), до городища Ипф (Ipf) на востоке Вюртемберга (Pare 1989, Abb. 11; Krause

1. Об этом свидетельствует заметка автора «Истории»: «*Ведь река Истр начинается в стране кельтов у города Пирены и течет, пересекая Европу посередине*» (Herod., 2; 33).

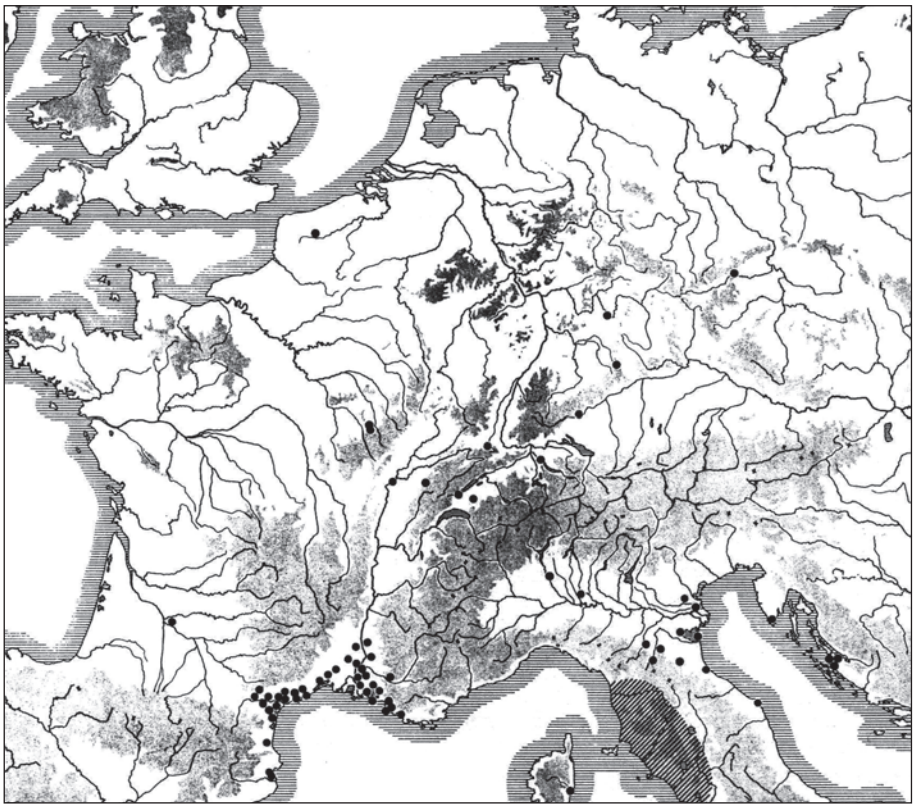
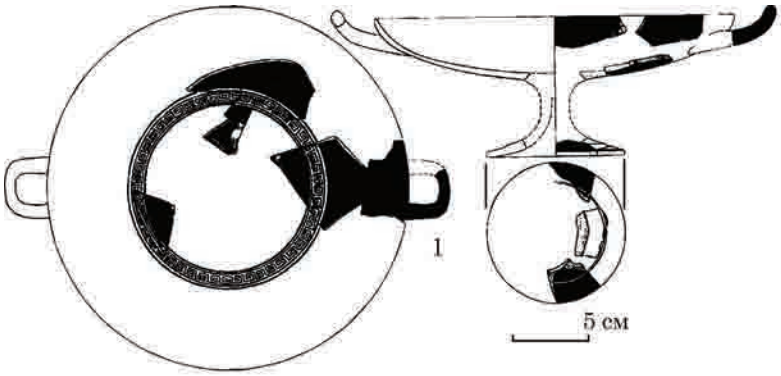

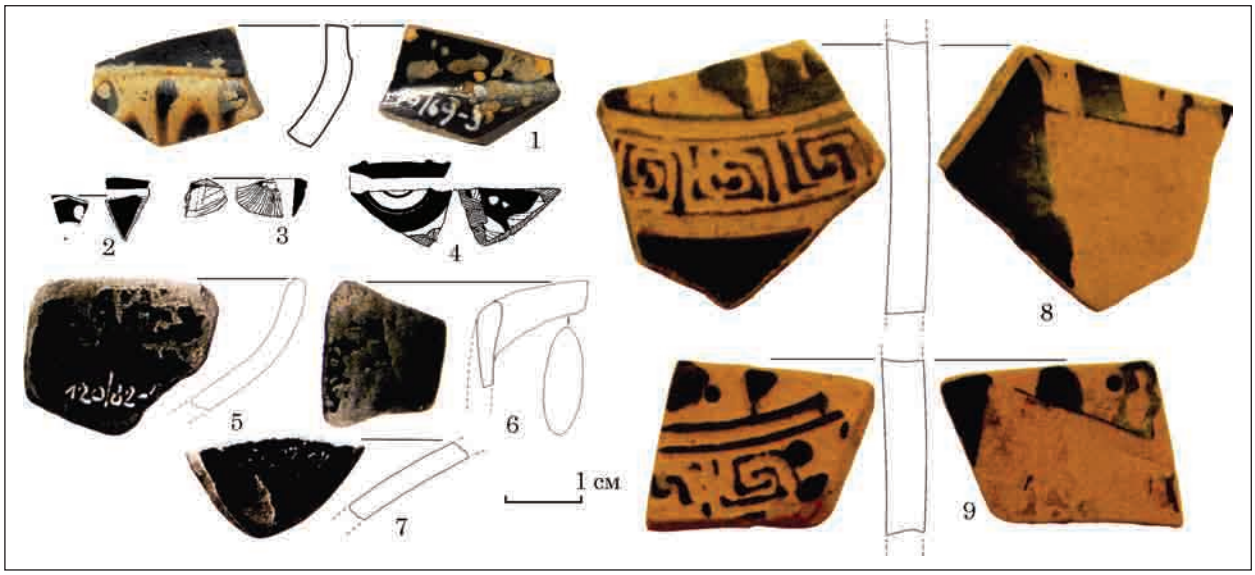
Рис. 4. Находки аттической чернофигурной керамики в западной Европе (по Kimmig 1983, fig. 28)

Рис. 5. Ипф-Бугфельд (Ipf-Bugfeld), аттический краснофигурный килик (по Krause 2011, fig. 20) ▽

Рис. 6. Находки аттической керамики с территории Чехии (по Trefný 2011, fig. 2 и 4) ▽

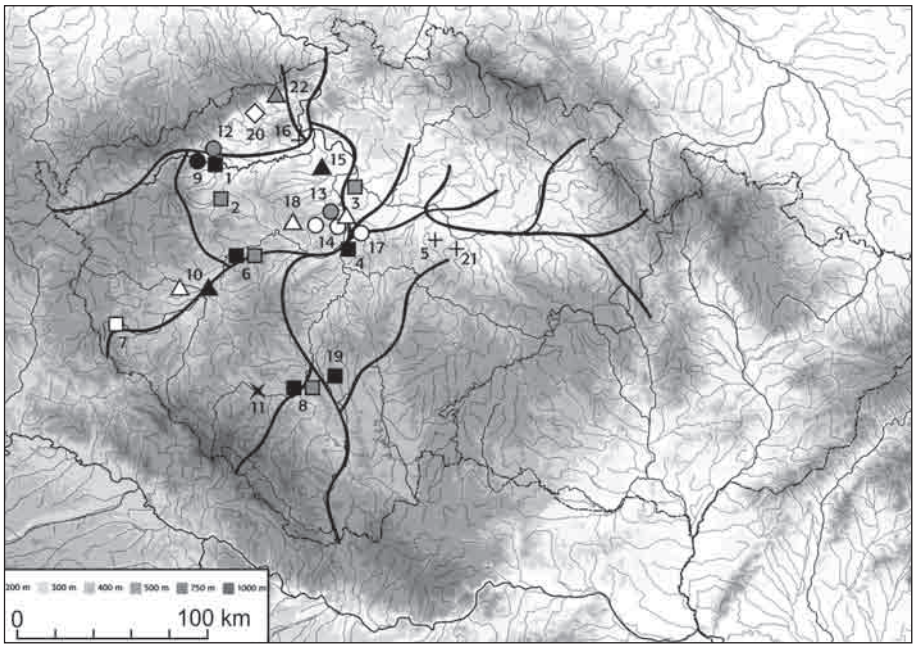

Рис. 7. Греческие и этрусские импорты из территории Чехии на фоне коммуникационных путей VI—V вв. до н. э. (колечки маркируют находки аттической керамики) (по Trefný 2011, fig. 18)

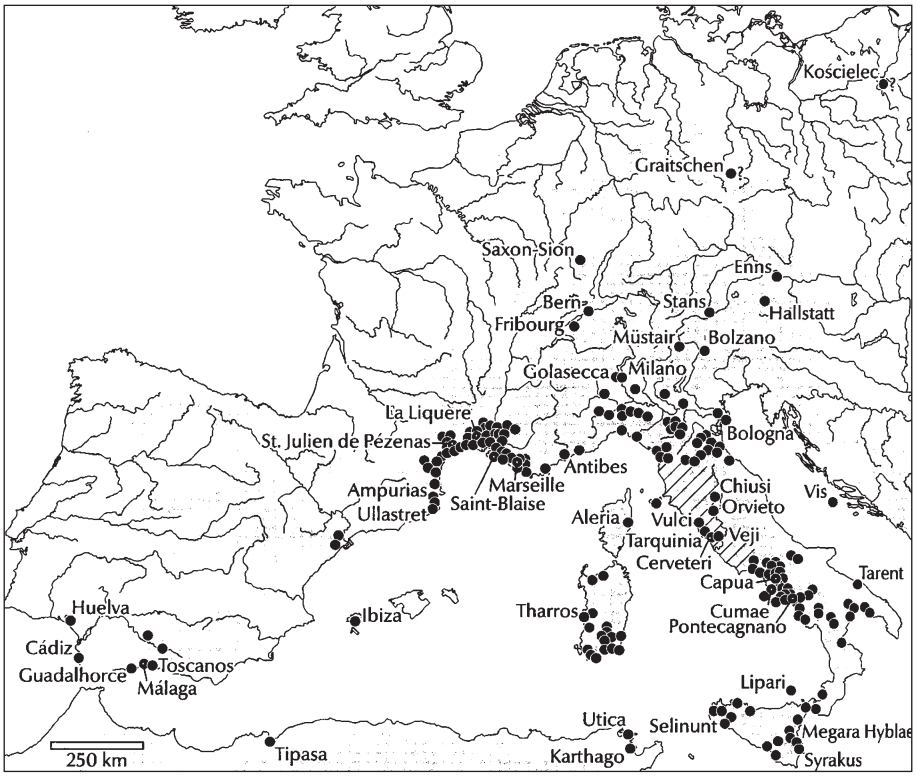

Рис. 8. Находки керамики *buccero* в Юго-Западной Европе (по Kneisel 2012, fig. 290)

2011, Abb. 1; 20) (рис. 5). Самые северо-восточные находки этого типа (рис. 6), происходят из западной части Чешской котловины (Trefný 2011, p. 271—306) (рис. 7). Роскошная столовая керамика, представляет, однако, совсем другую категорию находок, чем тарная посуда, к которой относятся амфоры. Их находки не встречены за линией Монт Лессуа / Викс — Хойнебург (Krause 2011, Abb. 1). Исходной точкой этого импорта была как Массалия, так и т. н. *«Caput Adriae»*, район греческих колоний Адрия (Adria) и Спина (Spina) у устья р. По (Krause 2011, Abb. 22).

Несколько далее к северо-востоку распространялся импорт этрусской керамики т. н. типа буккеро («*buchcero*») (рис. 8). Если не принимать во внимание спорную находку с Костельца (Kościelec) в Центральной Польше (Куявы) (von Hase 1992, Abb. 17), то они достигают Центральной Тюрингии и Верхней Австрии (Kneisel 2012, Abb. 290; Ettel 2017, Abb. 10). Усиление контактов с Италией приходится здесь лишь на период HaD; более ранний этрусский импорт в западногальштатской среде весьма немногочислен (Reichenberger 1994, S. 190). Очевидно, зона ре-

Рис. 9. Находки кувшинов с клювовидным сливом в западной Европе (по Kimmig 1983, fig. 32)

цепции продуктов этрусских производственных центров была бы значительно шире (von Hase 1992, S. 235—266), если учитывать изделия из метала (Łuka 1957—1959, карты 1—3; von Hase 1989, S. 1031—1061; Kneisel 2012, Abb. 293). Особенно выразительным маркером является присутствие бронзовых кувшинов с клювовидным сливом («*Schnabelkannen*»), распространение которых доходит до линии реки Мозели в среднем течении Рейна, и до верховьев реки Лабы в Чешской котловине (Bouloumié 1982, p. 183 — рис.; Bouzek 1982, Abb. 2—3; 1992, Abb. 1—10, 13; 2007, fig. 9; Chvojka, Hrubý, 2007, Abb. 12: 3; Krause 2011, Abb. 1) (рис. 9). Однако, похоже, как и распространение керамики типа «*buchcero*», оно определяет только границы зоны, охваченной наиболее интенсивными контактами с этрусским культурным центром (Jerem 1996, Abb. 7a). Вне этой зоны, к северо-востоку, характер этих взаимодействий, ассортимент заимствованных изделий и пути их проникновения являются предметом постоянных дискуссий (Bugaj 2010, p. 112—113). Характер импортов здесь обусловлен разными причинами. Например, привлекательностью и ценностью предмета, но — прежде всего — общественно-экономическим контекстом, в том числе общественной ролью элит. В случае предметов массового употребления, например, фибул, на масштабности их распространения может сказываться явление подражания первичным образцам.

Еще более сложной выглядит ситуация в северо-западных регионах Балканского полуострова, где накладываются друг на друга греческие и этрусские (италийские) влияния. Особенно они сосредоточены, как в своеобразной линзе, в гальштатских группах на территории сегодняшней Словении. Куда, однако, как кажется, широко не проникал товарообмен, для которого характерно, прежде всего, использование емкостей типа амфор. Греческий импорт представлен здесь одиночными находками чернофигурной, краснофигурной и чернолаковой керамики, например, Коритница (Koritnica), Мост на Соче (Most na Soči) или Поштела (Poštela) в Словени. Эти сосуды происходят из ионийских мастерских (Mihovilić 1995, Abb. 15 — карта; Teržan 1995, S. 131—133, Abb. 1—14) (рис. 10). В коротким хронологическом промежутке конца VIII — начала VII в. до н. э., и первоначально — немногочисленная, появляется здесь и апулийская расписная керамика (Batović 1976, p. 58—61, fig. 19—22, карта 5; Mihovilić 1995, fig. 14 — карта; Teržan 1995, Abb. 15), которая, однако, чаще встречается (рис. 11), в основном в комплексах второй половины VII—VI вв. до н. э. (Gabrovec, Mihovilić 1987, p. 311). Она также известна и в древностях Нижнекраинской («*dolenjskej*») группы (Gabrovec 1987, fig. 2: 23 — карта 1) (рис. 12) [1]. Апулийская расписк-

1. Отдельные находки и их подражания происходят также из более поздних комплексов Нижнекраинской группы, например, Ново Место — Капителийская Нйива (Novo Mesto — Kapitelijska njiva), Словения (Križ, 1997, p. 31—32).

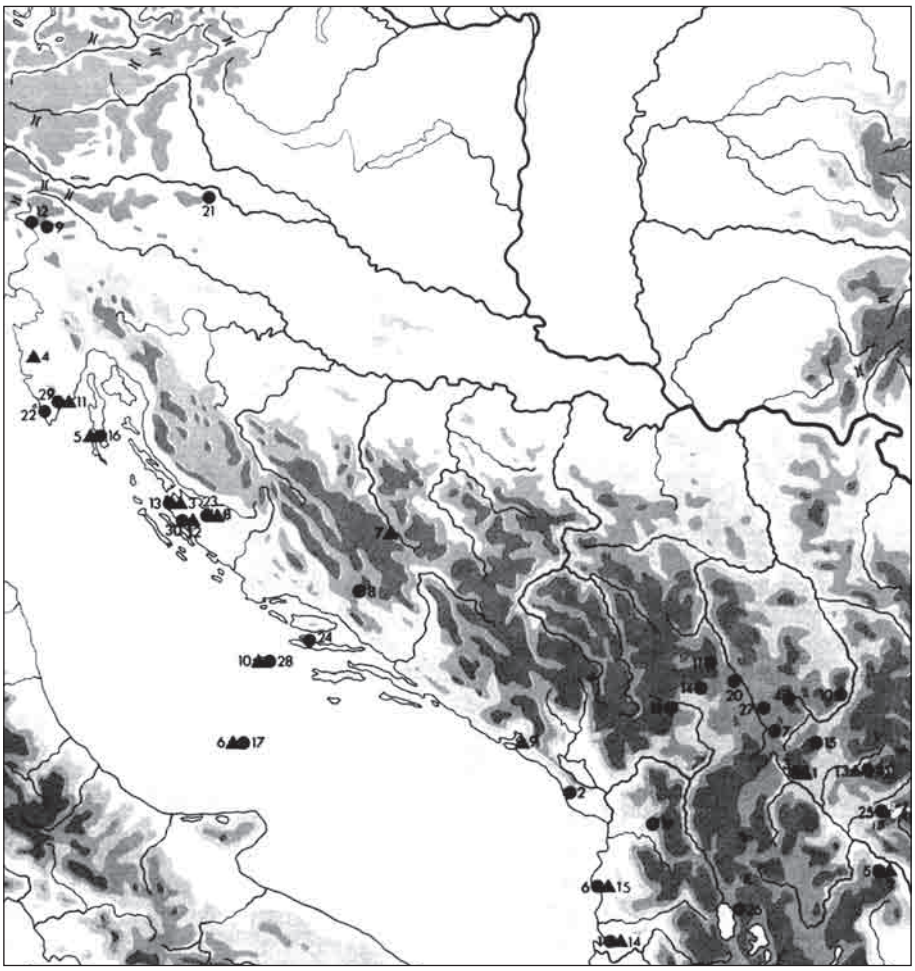

Рис. 10. Распространение греческой чернофигурной и чернолаковой (колечка) а также краснофигурной (треугольники) керамики в северо-западной части Балканского полуострова (№ 14 — Novi Pazar) (по Teržan 1995, fig. 14)

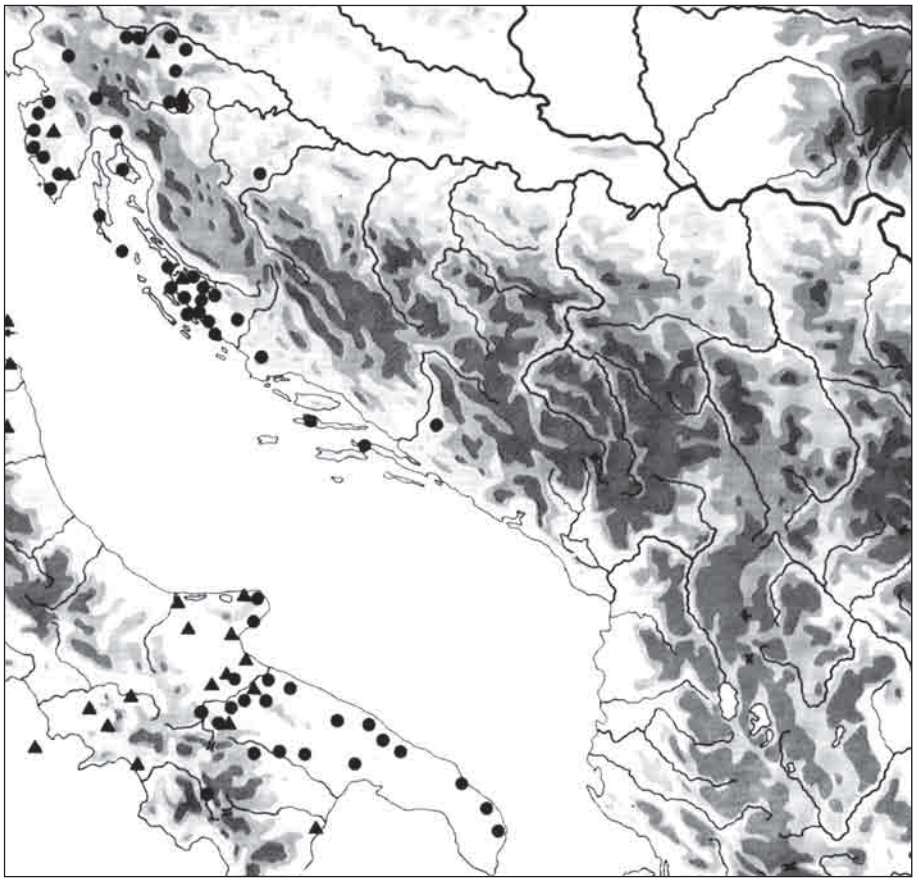

Рис. 11. Распространение апулийско-даунийской расписной керамики в конце VIII и начале VII вв. до н. э. (треугольники), а также в развитом VII и VI вв. до н. э. (колечки) в северо-западной части Балканского полуострова (по Teržan 1995, fig. 15)

Рис. 12. Стична (Stična), апулийске кратеры (по Turk, Murgelj 2008, fig. 1a, 2a, 6a, 7a)

ная керамика представлена также среди комплексов из Истрии (в т. н. Истрийской группе) (рис. 13), где известны находки посуды с геометрическим орнаментом из Юго-Восточной Италии — Апулии (населенной племенами даунийцев и япигов-мессапов — Kimmig 1983, Abb. 13; Pawlak 2012, fig. 1 — карта), появляющиеся уже в IX—VIII вв. до н. э. (Gabrovec, Mihovilić 1987, p. 308, T. XXXI: 14; Teržan 1995, Abb. 15). В более поздние периоды (VII—VI вв. до н. э.) ассортимент импортной апулийской керамики становится здесь еще более разнообразным (Gabrovec, Mihovilić 1987, p. 311—313, fig. 17: 24; T. XXXII: 1). Похожей выглядит ситуация на соседних с Истрией островах и на побережье Северо-Восточной Адриатики, которую населяли исторические племена либурнов (т. н. либурнийская группа). Украшенная геометрическим орнаментом, и чернолаковая керамика из Апулии, появляется здесь в VIII—

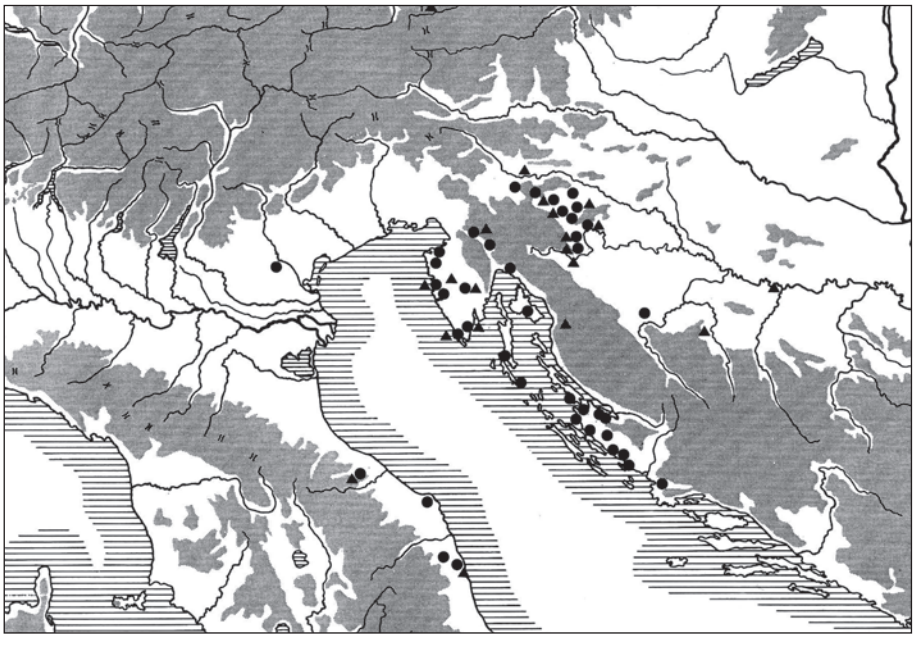

Рис. 13. Распространение апулийской расписной керамики (колечка) и кинжалов типа *mahaira* (треугольники) в североадриатической зоне (*Caput Adrie*) (по Mihovilić 1995, fig. 14)

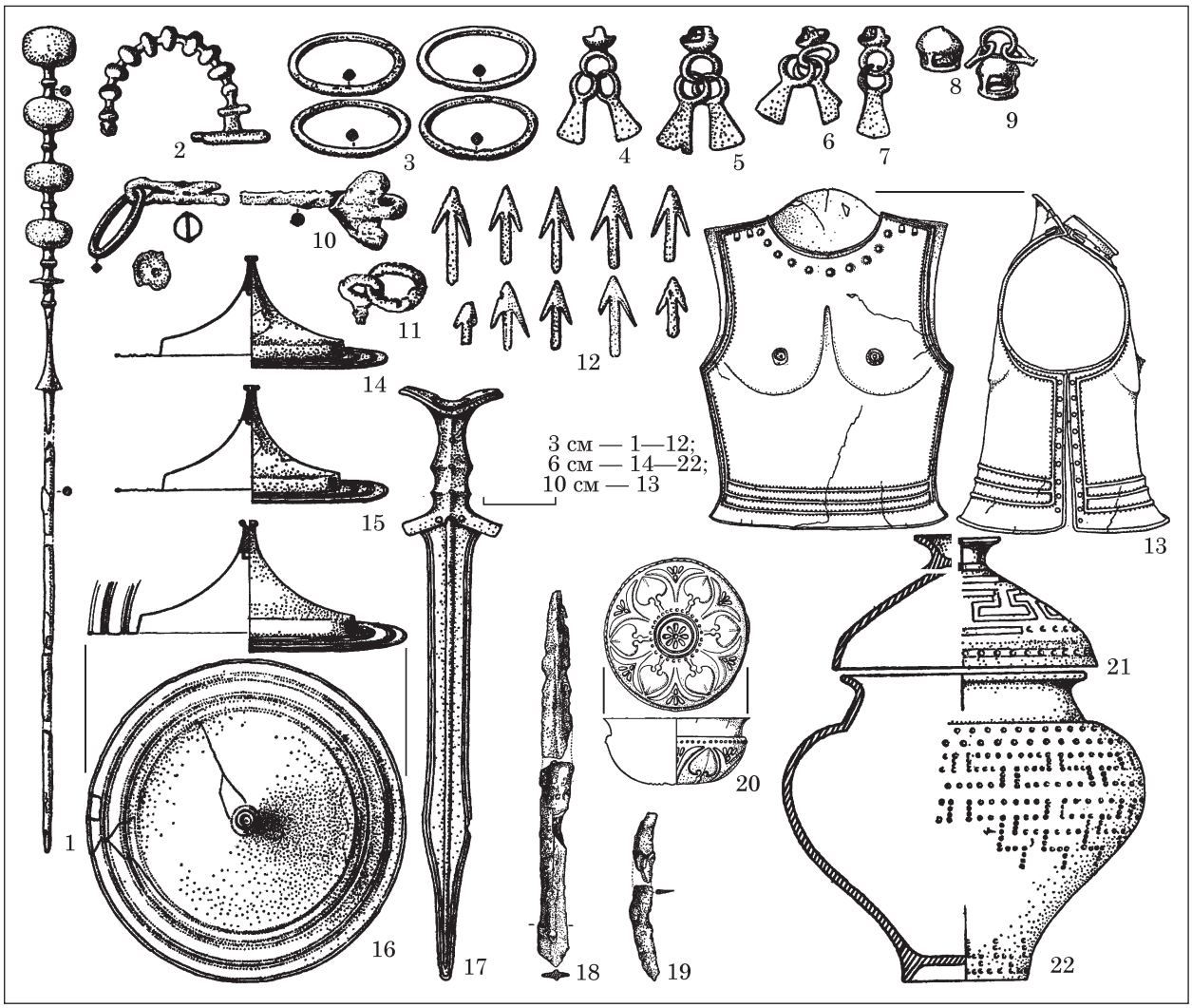

Рис. 14. Стична (Stična), избранные элементы оснащения т. н. захоронения с доспехом (*Panzergrab*) (по Gabrovec 1966, fig. 4—7)

VII вв. до н. э. (Batović 1987, p. 350, T. XXXVI: 1, 3—4; XXXVIII: 1), а ее ассортимент, как и в Истрии, постепенно увеличивается в рамках последующих контактов (Gabrovec, Mihovilić 1987, T. XXXII: 1; XXXIII: 1—2; XXXIV: 2; Batović 1987, p. 350—351, T. XXXVI: 2, 6—8, XXXIX: 8; Teržan 1995, Abb. 15). Не вызывает сомнения, что Истрия и территории либурнов были одним из ключевых пунктов в торговых контактах между южной и северной частью Адриатики (Mihovilić 1995, S. 283, fig. 1). В континентальной части, вне либурнийской территории, в зоне, заселенной яподами (Drechsler-Bižić 1987, карта 3), италийский импорт ограничивается в основном изделиями из металла (Drechsler-Bižić 1987, p. 400—407, fig. 22—24; Teržan 1995, Abb. 15).

На территории Словении, в комплексах Нижнекраинской группы, в памятниках типа: Стична (Stična), Магдаленска Гора (Magdalenska gora), Ново Место (Novo Mesto) появляется тоже керамика типа «*buchcero*» а также ее подражания и роскошная этрусская металлическая посуда (Gabrovec 1992, S. 203—218, Abb. 10; 13). Хорошим ее примером является бронзовая миска, украшенная рельефным орнаментом, найденная в так называемой гробнице с доспехом («*Panzergrab*») в Стичне (Gabrovec 1966, Abb. 5: 4) (рис. 14). Большое распространение получило, прежде всего, применение самой технологии «буккеро-неро» («*bucchero nero*»), представляющей, включая образцы керамики с геометрическим расписным орнаментом (Mihovilić 1995, Abb. 13 — карта) (рис. 15), характерное явление адаптации средиземноморских образцов: греческих, апулийских и этрусских, в гальштатской среде восточно-альпийской зоны. Отдельная проблемма — массовое распространение здесь фибул (и других металлических элементов костюма), а также украшений, имеющих италийское происхождение (Gabrovec 1992, Abb. 2, 5, 8—9, 14).

В зоне Юго-Восточных Альп, особенно начиная со второй половины VII в. до н. э., этрусские (италийские) влияния хорошо прослеживаются и в вооружении, прежде всего — защитном

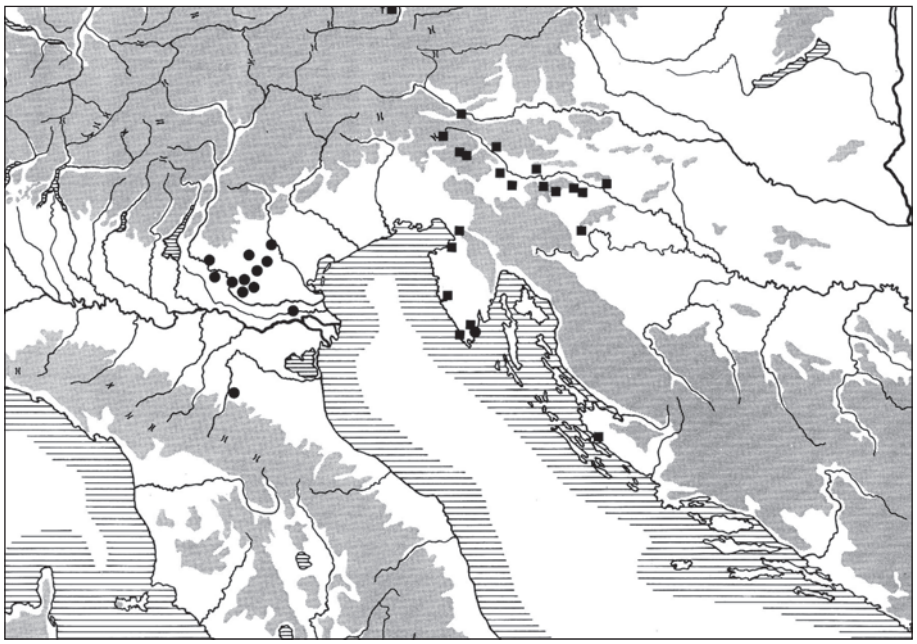

Рис. 15. Распространение расписной керамики, украшенной черно-красными поясами в североадриатической зоне (*Caput Adrie*) (по Mihovilić 1995, fig. 13)

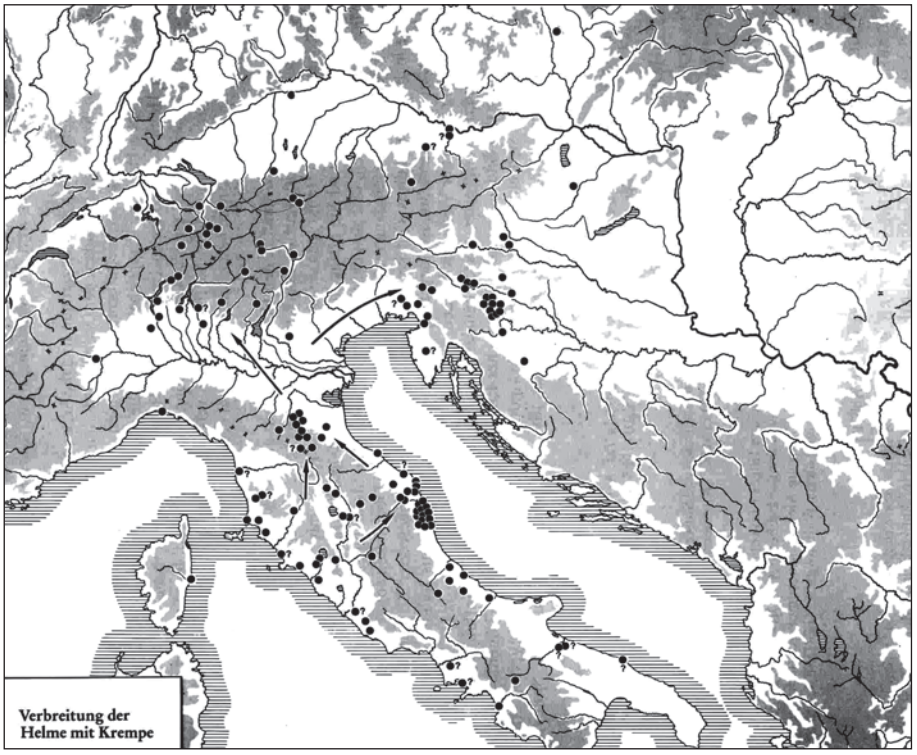

Рис. 16. Распространение италийских шлемов с полем (по Egg 1996, fig. 8)

(Egg 1980, Abb. 4 — карта; 1996, S. 67, Abb. 8) (рис. 16) [1]. Особенно характерно распространение с VI в. до н. э. негауских (Negova) шлемов (рис. 17), подражающих этрусско-италийским образцам (Teržan 1995, S. 85—86, Abb. 5). В этом контексте стоит упомянуть о предполагаемой находке этрусского шлема с гребнем возле деревни Завадинцы (Завадинці) (рис. 18: 3), на север от Каменца-Подольского (Кам'янець-Подільський) (von Merhart 1969, Abb. 6: 3, карта 3; von Hase 1989, Abb. 7 — карта; 1992, Abb. 6) [2]. Возможно об этом направлении распространения бронзовых

1. Объем данной статьи не позволяет детально рассмотреть массовое распространение бронзовых элементов костюма и украшений италийского происхождения в комплексах юго-восточных гальштатских групп.

2. При условии достоверности этой находки, которая выявлена далеко от зоны ее главного распространения (von Merhart 1969, карта 3). В этом контексте можно однако вспомнить также и о находке фрагментов шлема с гребнем возле Шкоцян (Муша Яма) (Škocjan — Muša Jama), в западной Словении (Guštin 1979, T. A), элементы украшений которого (мотивы водной птицы) имеют аналогии среди этрусских шлемов с гребнем из Италии (von Merhart 1969, Abb. 6: 1—2).

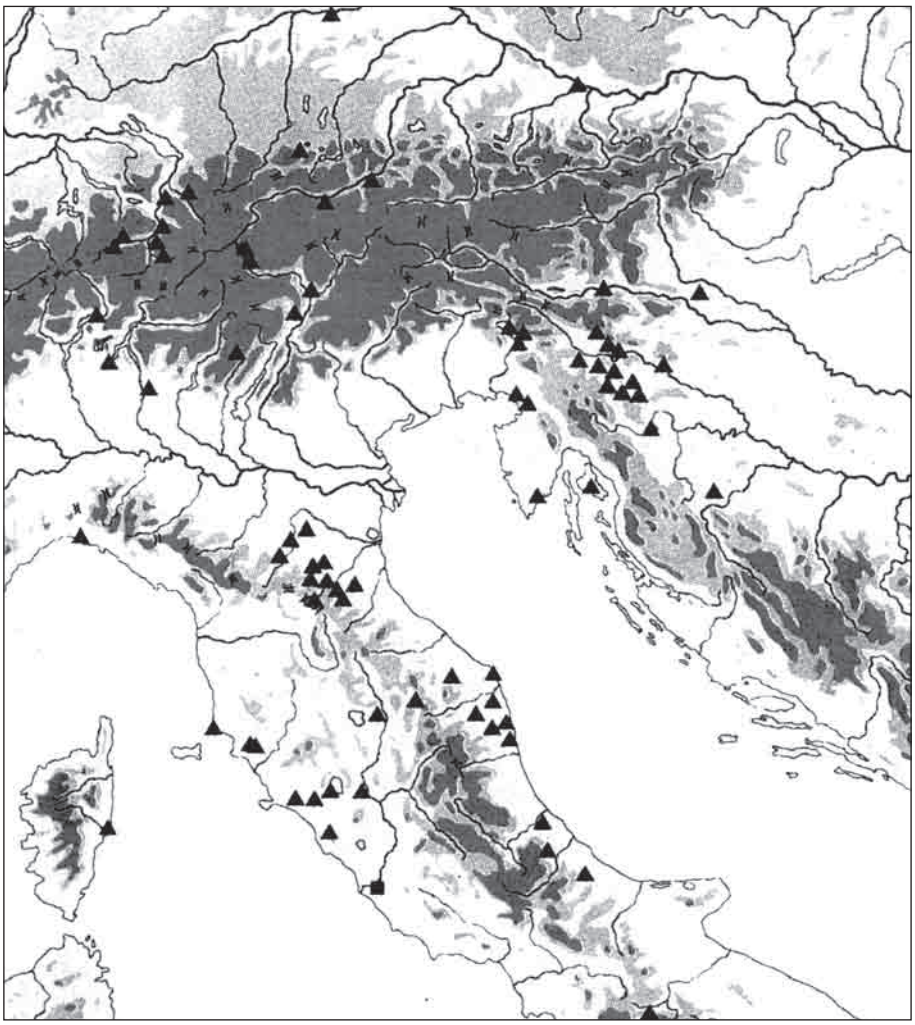

Рис. 17. Распространение шлемов типа Negova (по Teržan 2008, fig. 60)

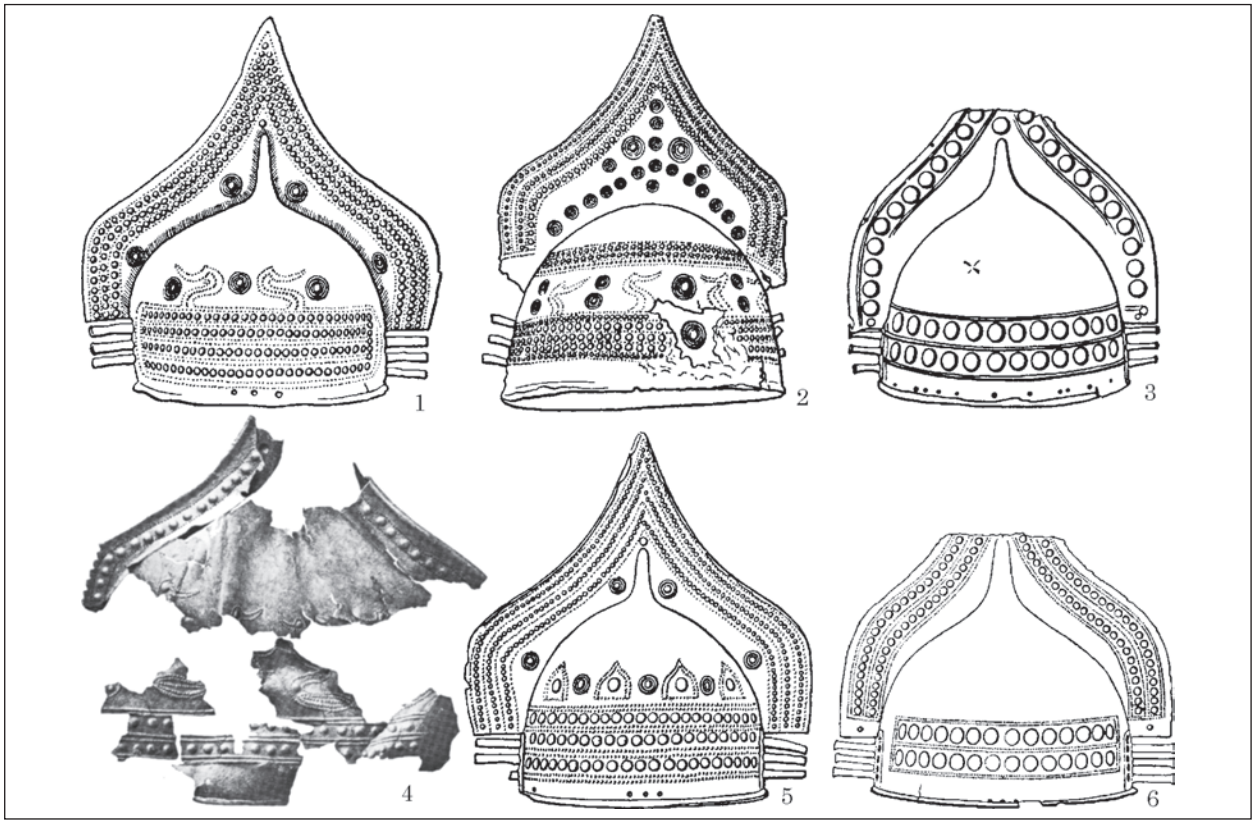

Рис. 18. Примеры этрусских шлемов с гребнем: 1 — Cornento-Tarquinia; 2 — Италя; 3 — Завадинцы; 4 — Škocjan-Mušja jama; 5 — Capodimonte; 6 — Sala Consiliana (по: 1—3 и 5—6 — von Merhart 1969, fig. 6; 4 — Guštin 1979, tab. A)

изделий из этрусских мастерских, свидетельствует тоже очередная предполагаемая находка этрусского зеркала из Хайдубёсёрмены-Зелемер (Hajdúböszörmény-Zelemér) возле Дебрецина, в Северо-Восточной Венгрии (Szilágyi 1951—1952, S. 449) [1]. В Центральной Европе концентрацию металлического импорта италийского происхождения наблюдается тоже на территории Польши в Южной Великопольше (Łuka 1957—1959, карта 1—3). К наиболее характерным находкам относится клад из Малых Восковиц (Woskowice Małe) возле Намислова (Namysłów), на границе Силезии и Великопольши (Łuka 1959, p. 9—10, fig. 4). В его состав, кроме прочих предметов (рис. 19), входят три поперечно ребристые ведра (цисты) италийского происхождения (Gedl 2001,

1. Позднее Михали Пардуц ошибочно (?) интерпретировал его как скифское (Párducz 1960, p. 533, прим. 28, Pl. XXIX — карта).

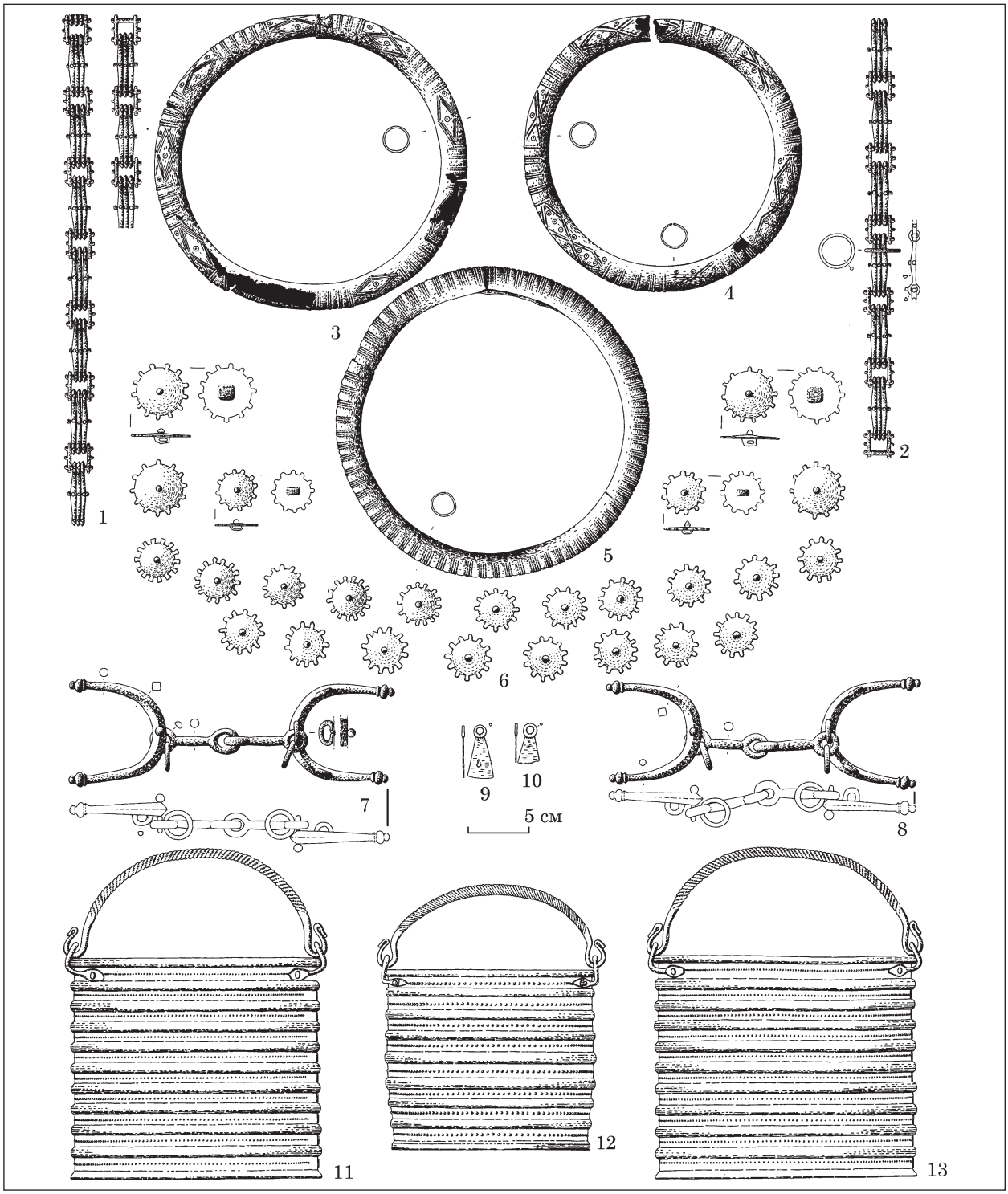

Рис. 19. Восковице Мале (Woskowice Małe), клад I — пример комплекса с италийскими импортами (по Gedl 2001, tab. 56—59)

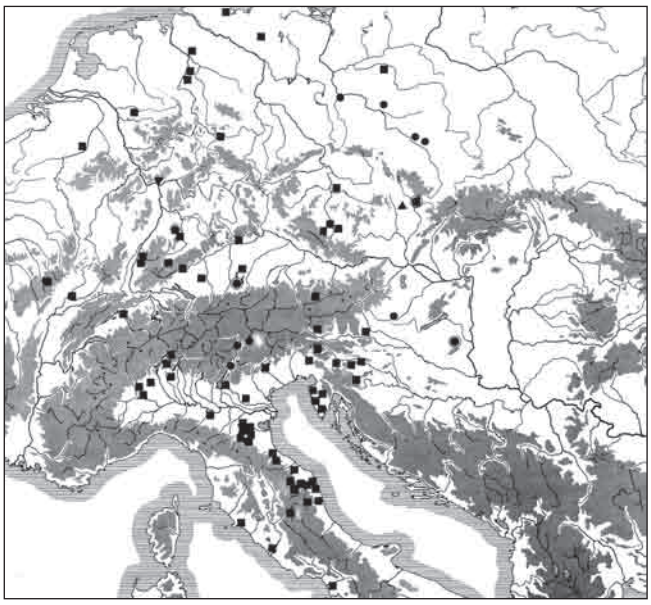
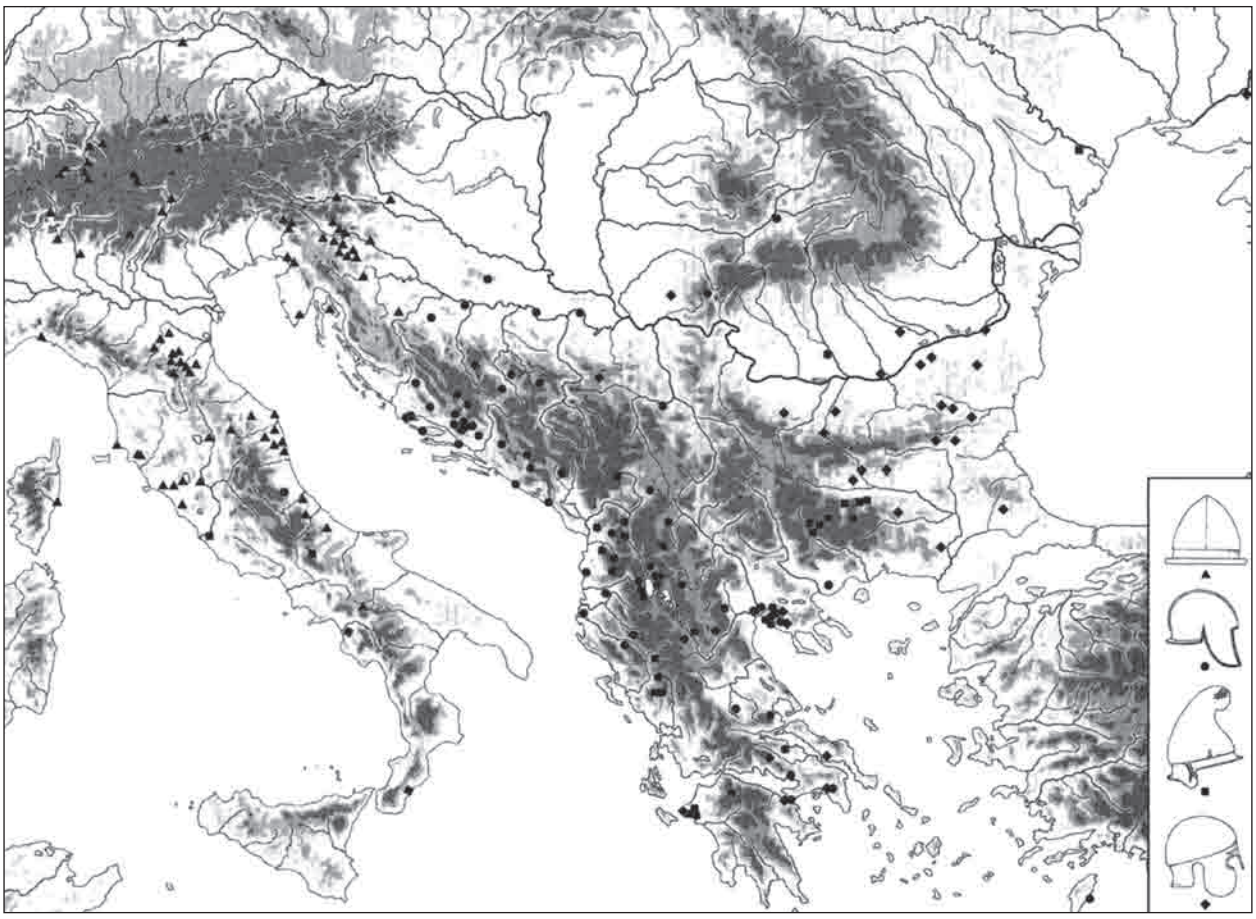

Рис. 20. Распространение италийских поперечно ребристых цист, найденных в кладах (колечки) и погребениях (квадраты) на территории Европы (по Hansen 1995, fig. 6)

Рис. 21. Распространение шлемов типа Negova, а также шлемов иллирийского, фригийского и халкидикского типов (по Teržan 1995, fig. 5)

Taf. 59: 1—3; Hansen 1995, Abb. 6 — карта) и двое удил с псалиями, близкие к т. н. типу «Болонья» (Bologna) (Gedl 2001, Taf. 58: 5—6), также, вероятно, подобного происхождения (von Hase 1969, S. 23—25, Taf. 11: 122—127; 12: 128—131). Появление этих находок италийского импорта так далеко на севере (рис. 20) связано, предположительно, с привлекательностью балтийского янтаря, дистрибуция которого способствовала, в разные периоды древней истории, развитию тесных контактов в формате Север—Юг (Łuka 1957—1959, p. 94).

В сложении системы вооружения в среде гальштатских и иллирийских элит на северо-западных окраинах Балкан, вне местной традиции и италийских влияний, существенную роль сыграли образцы военного ремесла греков. Относится это, и к шлемам т. н. греко-иллирийского типа, и к импортам коринфских или халкидикских шлемов (Teržan 1995, S. 86—89, Abb. 5—10) (рис. 21).

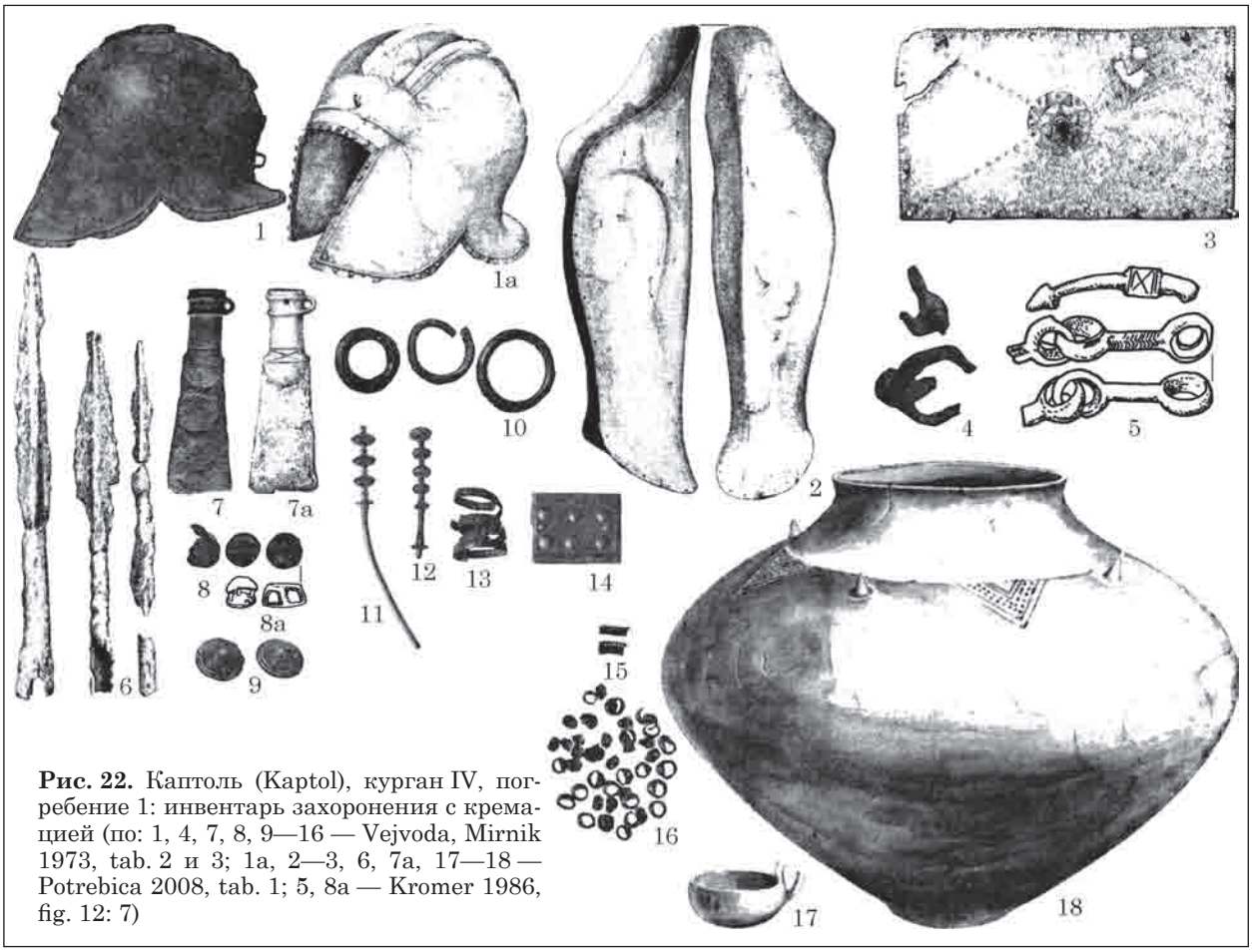

Рис. 22. Каптоль (Kaptol), курган IV, погребение 1: инвентарь захоронения с кремацией (по: 1, 4, 7, 8, 9—16 — Vejvoda, Mirnik 1973, tab. 2 и 3; 1a, 2—3, 6, 7a, 17—18 — Potrebica 2008, tab. 1; 5, 8a — Kromer 1986, fig. 12: 7)

Примером могут служить находки из Каптольа (Kaptol) на территории Славонии (Хорватия) в междуречье Савы и Дравы, где среди богатого погребального инвентаря, рядом со шлемами иллирийского типа, найдены поножи (курган IV — рис. 22), а в другом комплексе (курган X — рис. 23) — шлем коринфского типа (Vejvoda, Mirnik 1973, T. 2: 1—2, 7: 5; Potrebica 2012, Pl. 1: 1—2, 5 и 2: 1—3). Похожие находки выявлены и в могильнике Донья Долина (Donja-Dolina) над Савой в северной Боснии (Marović 1976, fig. 1 — карта, T. I: 2—3), и также из Гласинаца (Glasinac), Арарева громила (Arareva gromila — рис. 24) (Benac, Čović 1957, p. 20, T. XXXX—XXXXI). Халкидикский шлем обнаружен пр. в местности Вршац (Vršac) в Восточной Воеводине (Teržan 1995, S. 124, Abb. 10 — карта) [1]. Скорее всего, распространение этих элементов вооружения было связанно не только с функционированием адриатического судоходства и существованием колоний Епидамнус (Epidamnos) и Аполлония (Apollonia) (рис. 25), основанных около 600 г. до н. э. (Boardman 1981; Bakhuizen 1986, p. 174 — карта; Teržan 1995, S. 87—89, Abb. 5; Jerem 1996, Abb. 6), но и с сухопутными дорогами, которые проходили по оси Вардар-Морава (Potrebica 2008, fig. 3) (рис. 26). Об этом может свидетельствовать не только локализация части находок шлемов иллирийского типа на Балканском полуострове (Egg 1996, Abb. 9), но в особенности, концентрация т. н. «греко-иллирийских» богатых комплексов, представленных, в основном погребальным инвентарем элитарных гробниц поблизости оси Вардар — Морава в центральной части Балкан (Popović 1975, p. 14 — карта; Palavestra 1987—1988a, p. 84; Potrebica 2012, fig. 4 — карта) (рис. 27). К наиболее характерным из них относится «княжеская» гробница в Новом Пазаре (Novi Pazar) в южной Сербии (Mano-Zisi, Popović 1969), в погребальном инвентаре которой найдена чернофигурная керамика (ольпа и килик), датированная последними десятилетиями VI — началом V в. до н. э. (Popović 1975, p. 42—43, fig. 14—15; Vasić 1987a, p. 645, T. LVII: 12) (рис. 28). Это, по сути дела, наиболее северная находка греческой керамики такого типа в центральной части Балкан (рис. 10). Похожих границ к северу достигают находки коринфской керамики [2], а ионийская керамика сосредоточена в основном на территории Гласина-

1. Здесь отмечается только самые северные находки импортов определенного типа.

2. В литературе можно найти также информацию о двух коринфских арибаллах, которые хранятся в музее в Сомбатхей (Szombathely), однако доказательства, что они найдены на территории Венгрии, отсутствуют (Harmatta 1968, S. 157; Popović 1975, p. 43).

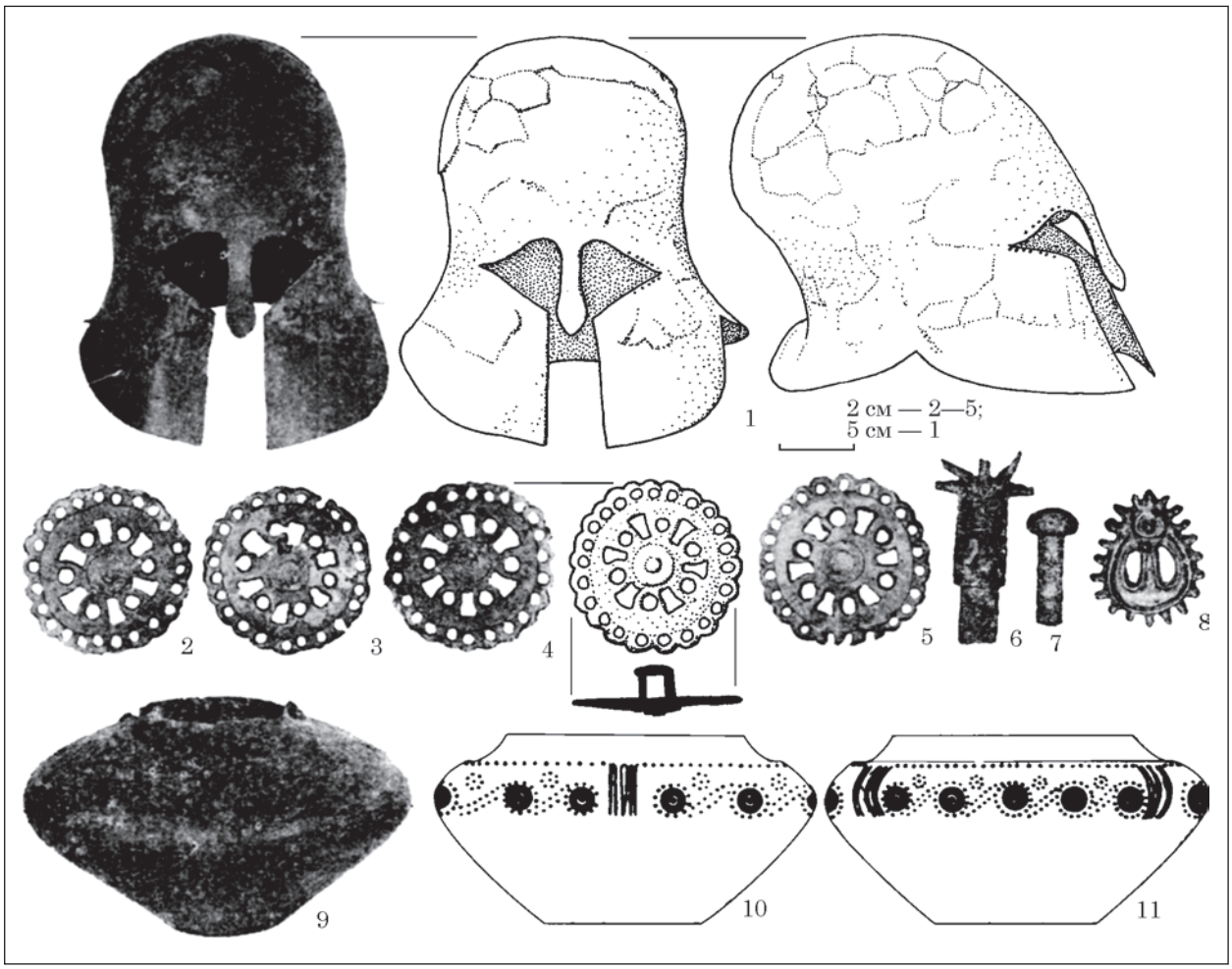

Рис. 23. Каптоль (Kaptol), курган X, погребение 1: инвентарь захоронения с кремацией (по: 1—11 — Vejvoda, Mirnik 1973, tab. 7; 1a, 4a — Kromer 1986, fig. 12: 8—9)

ца (Kromer 1986, Abb. 11) (рис. 29). Еще дальше к северо-востоку расположен только «княжеский» некрополь в Атенице (Atenica) возле Чачака (Čačak) (рис. 30), где в инвентаре кургана II (погребение с повозкой) представлены ойнохойя, орнаментированная горизонтальными красно-коричневыми лентами (Djuknić, Jovanović 1966, p. 12, Pl. XXVII: 1), а кроме того — базисные наконечники стрел скифского типа[1] и удила типа Векерзуг (Vekerzug) (Djuknić, Jovanović 1966, Pl. XXIV: 1—5, XXV: 5) (рис. 31—32). Комплекс в целом изначально датировался последней четвертью VI в. до н. э. (Djuknić, Jovanović 1966, p. 24). Однако теперь для него предлагают более раннюю хронологию, вплоть до второй четверти VI в. до н. э. (Kemenczei 2004, S. 89) [2]. Среди греческого импорта из гробницы в Новом Пазаре, кроме представленной уже чернофигурной посуды, надо назвать бронзовый кратер (Popović 1975, fig. 16), для которого можно привести аналогии из знаменитого «княжеского» некрополя в Требнище (Trebenište) на северо-восток от Охриды. В том числе два чернофигурных лекифа, два килика, два бронзовых кратера, тренога, бронзовая гидрия и халкидикский шлем (Popović 1975, fig. 4—12; Kromer 1986, Abb. 10; Potrebica 2008, T. 5), датирующиеся концом VI в. до н. э. (ПоповиЋ 1994, p. 101—103, 244—245). Они свидетельствуют, что Халкидика была одним из исходных районов греческого культурного влияния на территории Центральных Балкан (Popović 1975, p. 37—38; Potrebica 2008, fig. 3 — карта). Более многочисленное насыщение импортом, в «периферийной зоне греческих культурных влияний» (Jerem 1996, Abb. 2), в принципе, заканчиваются на территории Пелагонии (МикулчиЋ 1964—1965, p. 209—226). Нет однако данных, подтверждающих использование на этой территории глиняных амфор [3].

1. Близкие типологически и хронологически наконечники стрел скифского типа также найдены в гробнице Печка Баня (Pećka Banja) (Ljuština, Ninić 2017, fig. 6: 6).
2. В литературе можно также встретить мнение о более поздней (первая четверть V в. до н. э.) датировке гробницы в Атенице (Vasić 2007, p. 559—561).
3. Исключением является находка бронзовой амфоры из местности Петилеп (Petilep) в Пелагонии (МикулчиЋ 1966, fig. 11).

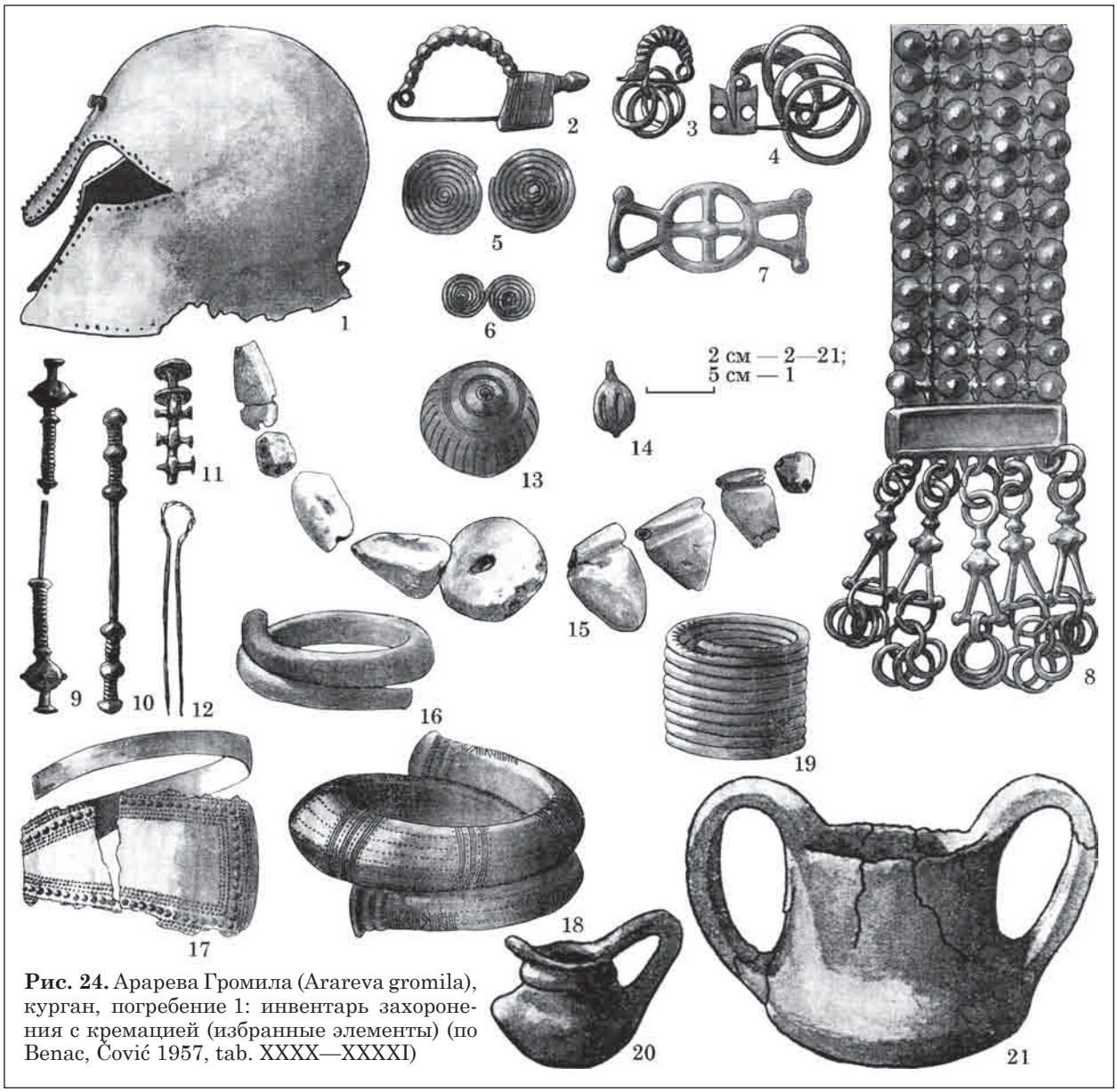

Рис. 24. Арарева Громила (Arareva gromila), курган, погребение 1: инвентарь захоронения с кремацией (избранные элементы) (по Benac, Čović 1957, tab. XXXX—XXXXI)

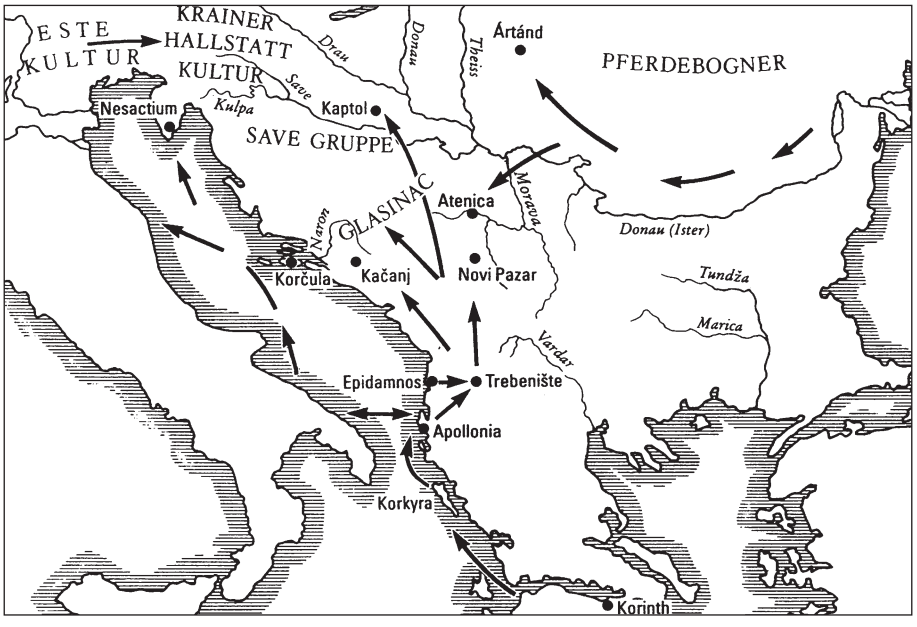

Рис. 25. Пути перемещения греческих импортов в западной части Балканского полуострова (по Kromer 1986, fig. 9)

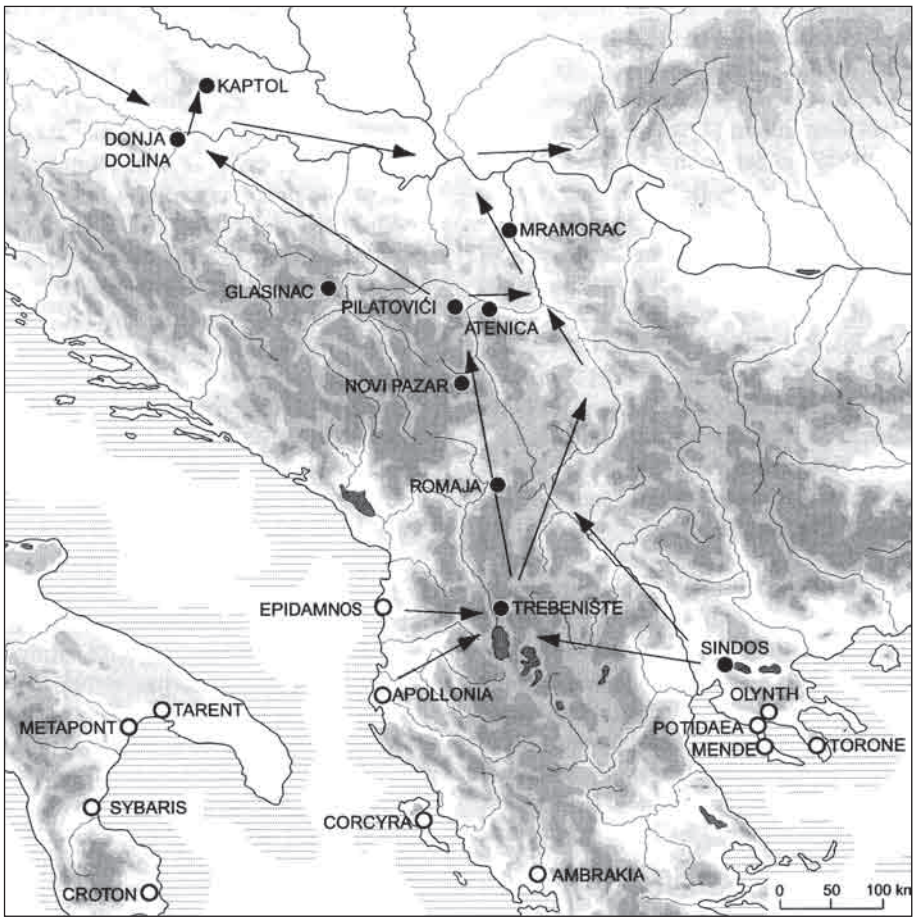

Рис. 26. Коммуникационные пути на Балканах в VII—V вв. до н. э. (по Potrebica 2008, fig. 3)

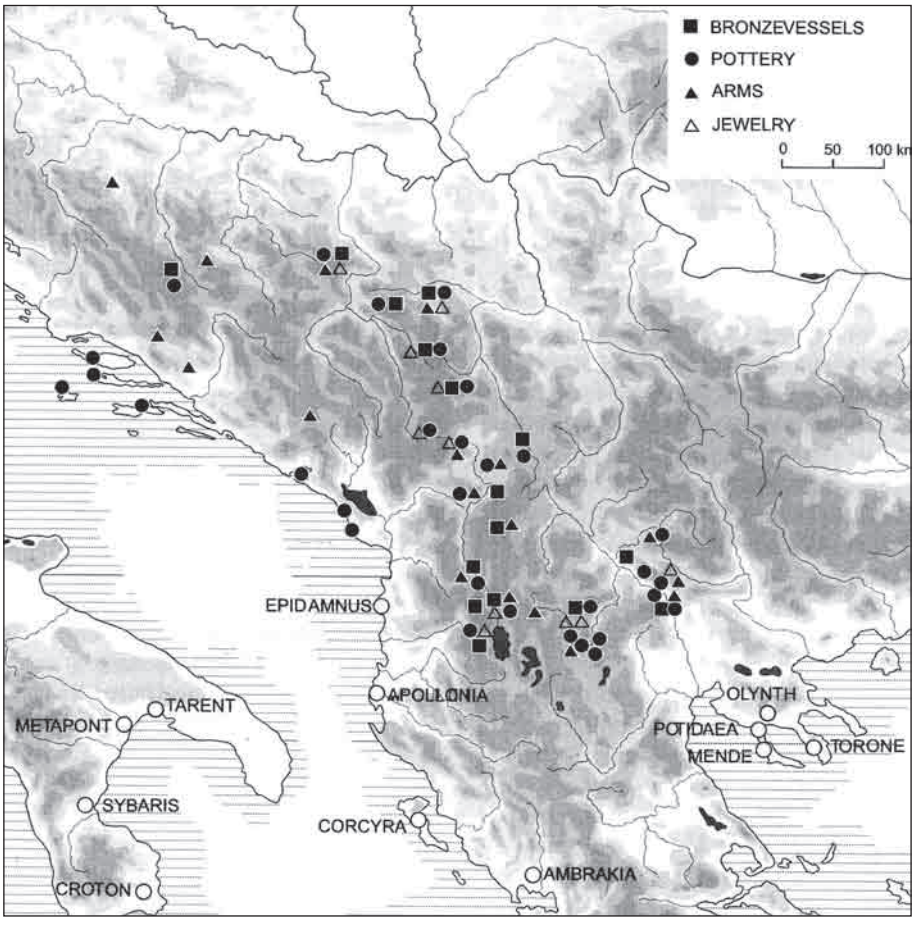

Рис. 27. Распространение позднеархаических греческих импортов в центральной части Балканского полуострова (по Potrebica 2008, fig. 4)

Рис. 28. Нови Пазар — Петрова Црква (Novi Pazar — Petrova Crkva): избранные элементы инвентаря «княжеской» гробницы (по: 1—3 — Popović 1994, N 217—218, 225; 4—8 — Popović 1975, N 14—16, 26, 28)

Концентрация балканских бронзовых импортов эпохи раннего железа, в основном украшений и металлических элементов костюма (рис. 33), а также находок керамики типа Басараби (рис. 34), на Большой Венгерской низменности (Kemenczei 1988, S. 93—113), особенно вдоль реки Тисы, вплоть до Кошицкой котловины (Miroššayová 2010, fig. 4; 2010a, fig. 4), подтверждает интенсивность контактов этой территории с Балканами. Кроме того, значение пути Вардар — Морава — Тиса подчеркивается характером таких находок как подкурганное «княжеское» захоронение из Артанд-Зомлин пуста (Ártánd-Zomlin puszta) на восточной окраине Большой Венгерской низменности к северо-западу от Орадя (Oradea). В этой могиле, вместе с оружием (чешуйчатым доспехом, умбоном щита, наконечником копья, чеканом) (рис. 35) и элементами парадной конской сбруи с фалярами и удилами типа Векерзуг (рис. 36: 3—12), а также комплектом золотых украшений (диадема, накладки-бляшки, браслеты и бусы — рис. 37), находился бронзовый казан. И, что в этом случае крайне показательно — бронзовая гидрия (рис. 36: 1—2) (Párducz 1971). Изначально гидрию из Артанда датировали 570/560 гг. до н. э., связывая ее происхождение с мастерскими в Спарте (Szilágyi 1965, p. 386—390). Однако позже появилось предположение о более ранней дате — последней четверти VII в. до н. э. (Stiebbe 2004, S. 38). Связь этой находки с функционированием центрально-балканского торгового пути не вызывает никаких сомнений (Kemenczei 2009,

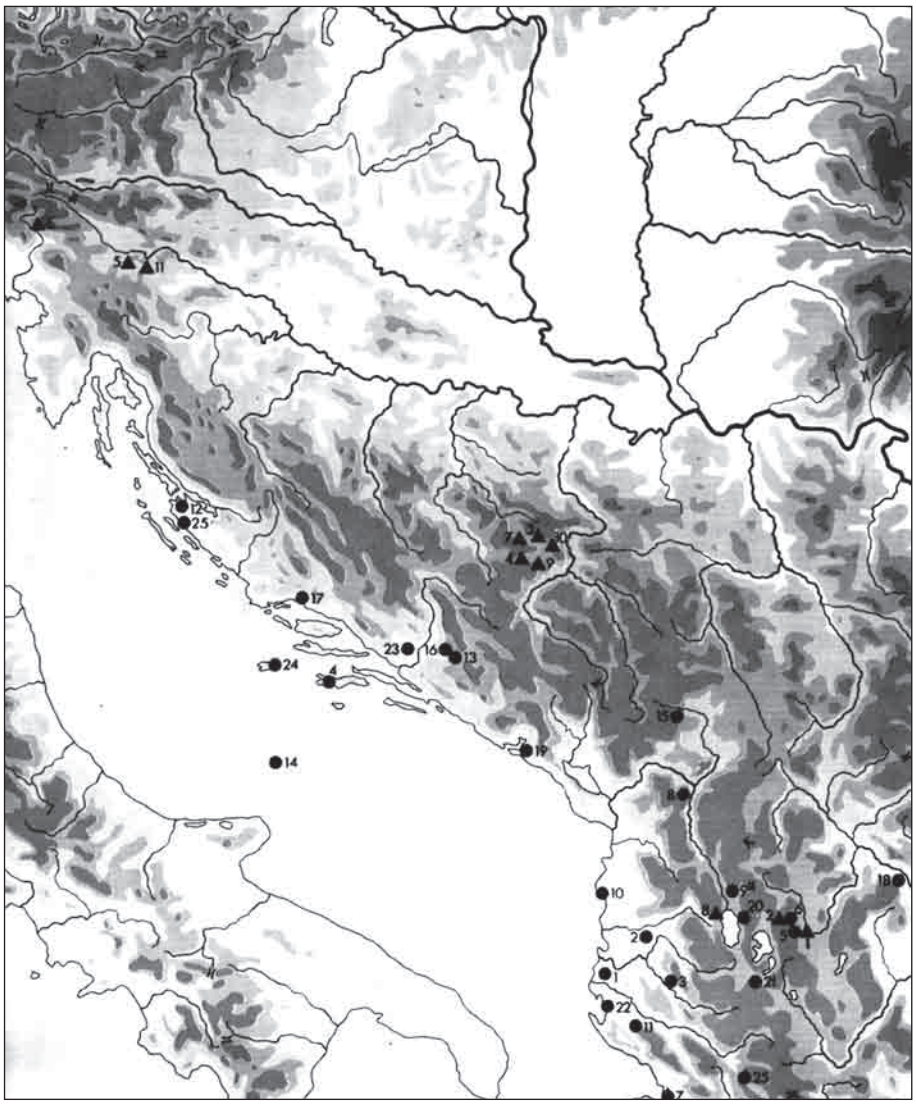

Рис. 29. Распространение коринфской (колечка) и геческо-ионийской (треугольники) керамики в юго-западной части Балканского полуострова (по Teržan 1995, fig. 13)

S. 70) [1]. Захоронение в кургане из Артанда, изначально датированном 550—530 гг. до н. э. (Párducz 1971, Pl. 20/1), теперь хронологически сближают со временем изготовления гидрии (Kemenczei 2009, S. 70). Комплекс из Артанда имеет аналогии в «княжеском» семейном некрополе из Пилатовичи (Pilatovići) около города Ужице (Užice) в западной Сербии. В боковой гробнице этого некрополя, среди прочих вещей, также найдены фрагменты бронзовой гидрии, изготовленной в Спарте в конце VII в. до н. э. А также — фрагменты бронзового котла, бронзовая фигурка коня, которая интерпретируется как украшение щита (?), наконечники стрел скифского типа (Vasić 2003, p. 120—121; Ljuština, Ninić 2017, fig. 6: 3). Комплекс трех гробниц этого некрополя датируется второй—третьей четвертью VI в. до н. э., и представляет старший горизонт иллирийских «княжеских» гробниц на центральных Балканах, связанный с временем около середины — третьей четверти VI в. до н. э. (Vasić 2003, p. 115) [2]. Тип наконечников стрел скифского типа из гробницы в

1. Вероятно, с этим торговым путем также связана находка греческой гидрии в реке Боржава (Posta 1914, p. 19—20) возле Бене (Бене), около Берегова (Попович 2006, с. 57—58, fig. 35), первоначально датированная 470—440 гг. до н. э. (Szilágyi 1966, p. 103—104). Однако, учитывая аналогии, в т. ч. среди известных находок греческой бронзовой посуды из реки Супой (Супій) в местности Песчаное (Піщане), возле Золотоноши, которые датируются не раннее чем V в. до н. э. (Ганина 1970, с. 84—85, рис. 42, 44), гидрию с Бене следует, вероятно, связывать с младшим горизонтом иллирийских «княжеских» захоронений (Vasić 2003, p. 115) и датировать, скорее всего, первой половиной (началом?) V в. до н. э.

2. К этому горизонту относятся также находки из погребения в Арарева Громила (Arareva gromila) в Гласинаце (Glasinac), в богатом инвентаре которого открыт коринфский шлем (Vasić 2003, p. 115). К младшему горизонту иллирийских «княжеских» гробниц, датированному в целом концом VI — первой третью V в. до н. э., относятся, упомянутые выше гробницы из Атеницы и похожий комплекс с Печка Баня из западной Метохийи с тремя шлемами иллирийского типа (Vasić 2003, p. 115).

Рис. 30. Атеница (Atenica): план и реконструкция курганов I и II (по Djuknić, Jovanović 1966, tab. XXVIII, XXX и XXXV)

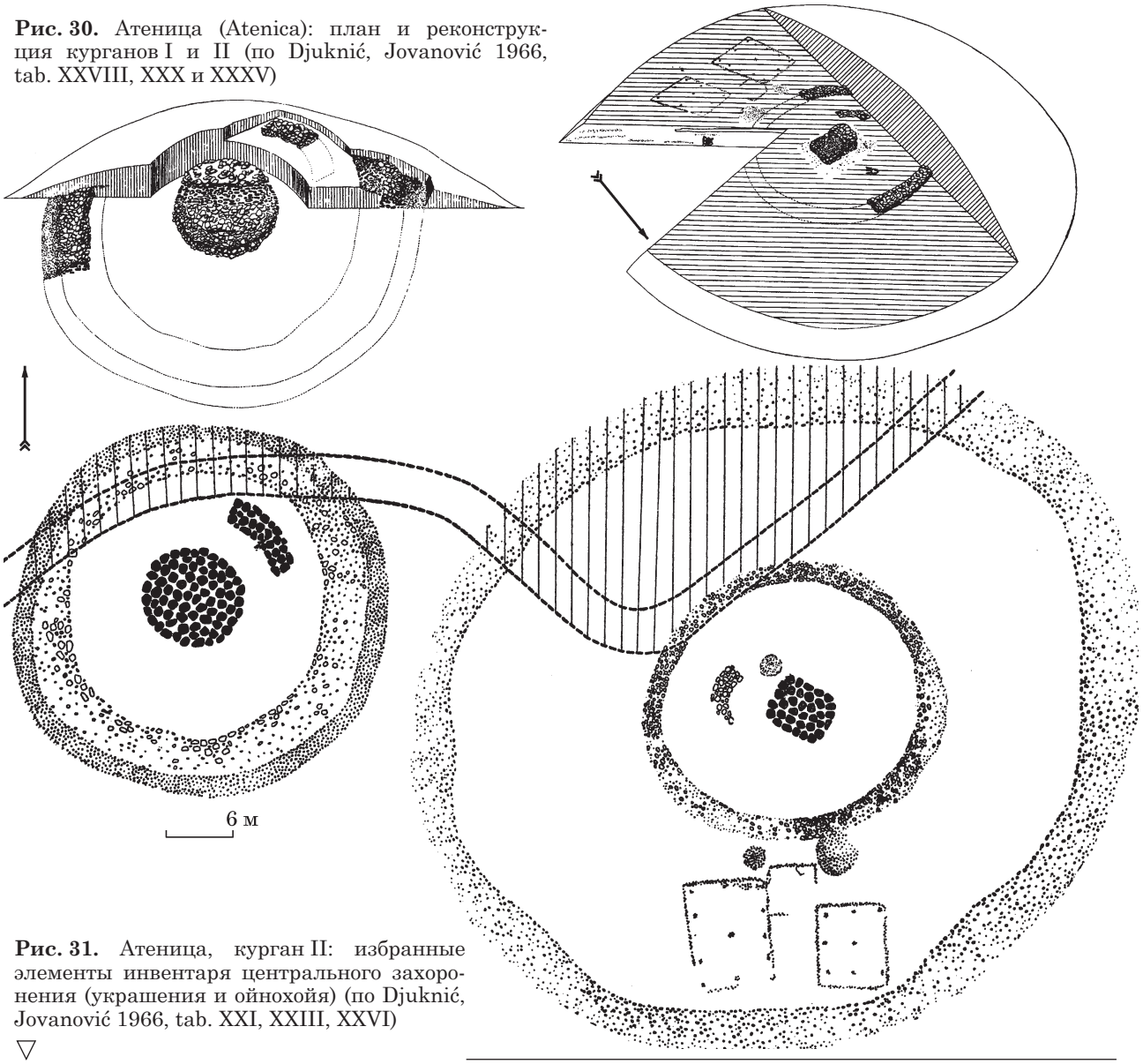
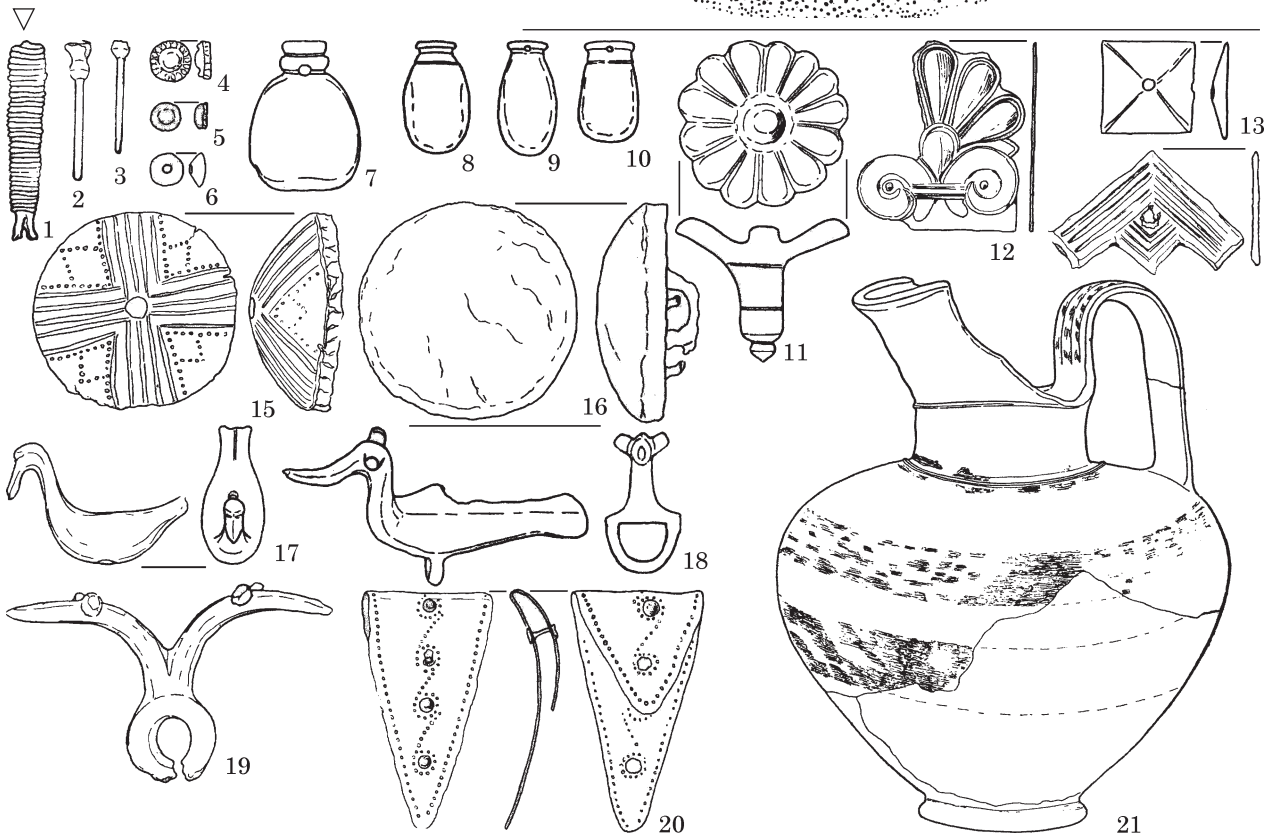

Рис. 31. Атеница, курган II: избранные элементы инвентаря центрального захоронения (украшения и ойнохойя) (по Djuknić, Jovanović 1966, tab. XXI, XXIII, XXVI)

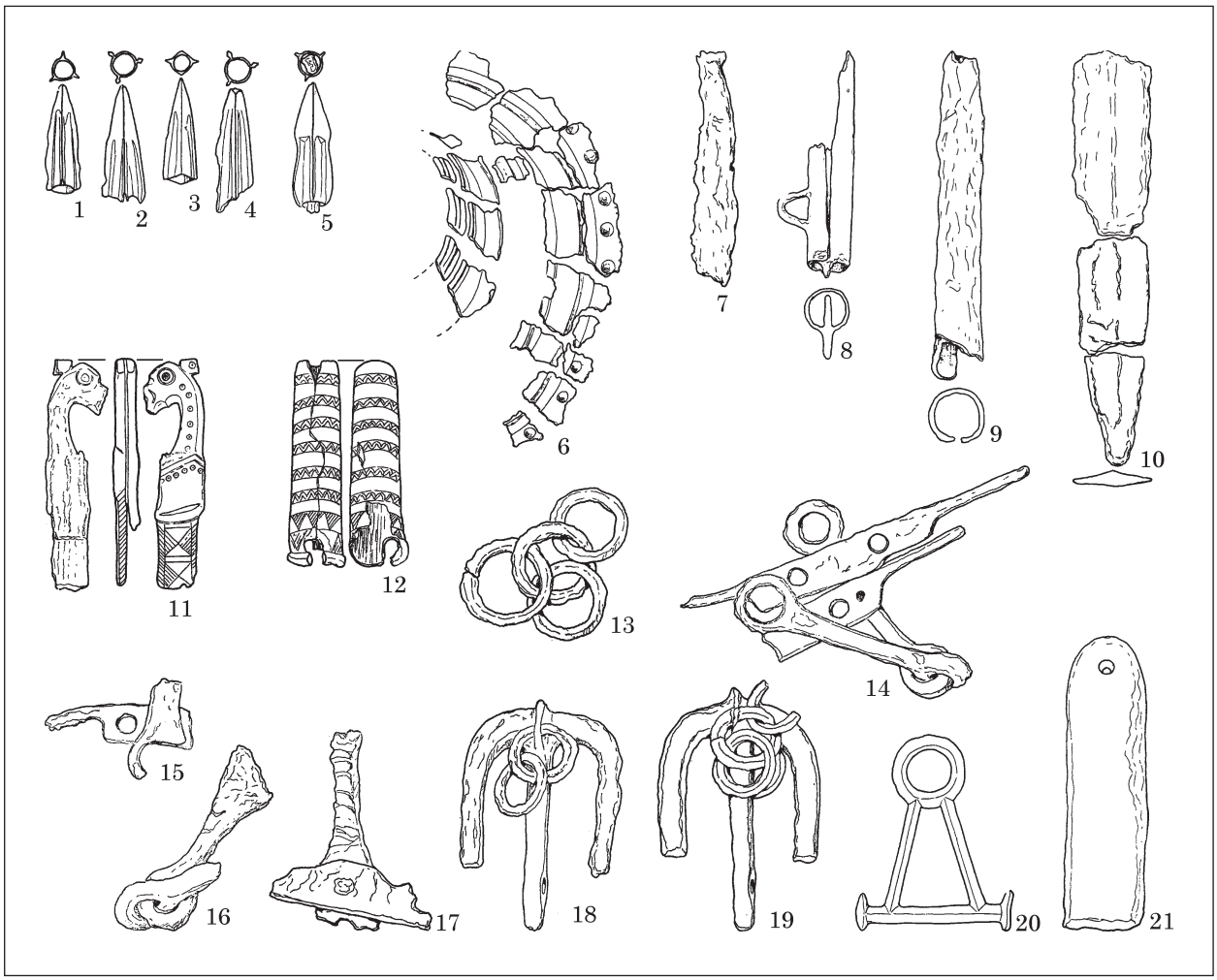

Рис. 32. Атеница, курган II: избранные элементы инвентаря центрального захоронения (оружие и конская сбруя) (по Djuknić, Jovanović 1966, tab. XXIII—XXV)

Пилатовичи (Ljuština, Ninić 2017, fig. 6: 3) близок однако к типичным формам, представленным в комплексах типа Репяховатой Могилы (Реп'яхова Могила) у с. Матусов (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 6, 14). Следовательно, этот комплекс, можно датировать более ранним временем, не позже начала, или возможно — первой четверти VI в. до н. э. (Полін 1987, с. 26—28). Тем же временем, вероятно, следует датировать и гробницу из Артанд, что более соответствует новой хронологии гидрии из этого комплекса.

Еще более показательной, в этом контексте, оказывается специфика упомянутых выше комплексов из Атеницы (богатый погребальный инвентарь подкурганных захоронений с металлическими оковками повозок, удилами типа Векерзуг и наконечниками стрел скифского типа — Djuknić, Jovanović 1966, tab. I—XL), которые перекликаются погребениями с повозками в могильнике Сентеш-Векерзуг (Szentes-Vekerzug) в южной части Альфёльда (Alföld) (Párducz 1952, p. 144—146, Pl. XLII—L). Особый характер связей могильника Сентеш-Векерзуг с Балканами, подчеркивается и своеобразными формами найденных здесь фибул (рис. 38: 13—18). Они типичны для территорий соседствующих с югом Венгерской низменнос-

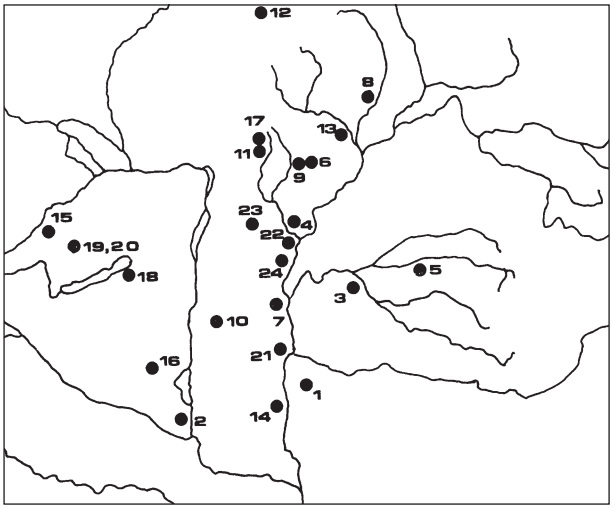

Рис. 33. Распространение бронзовых изделий северо-западнобалканского происхождения IX—VI вв. до н. э. в бассейне Тисы и Среднего Дуная (по Kemenczei 1988, fig. 1)

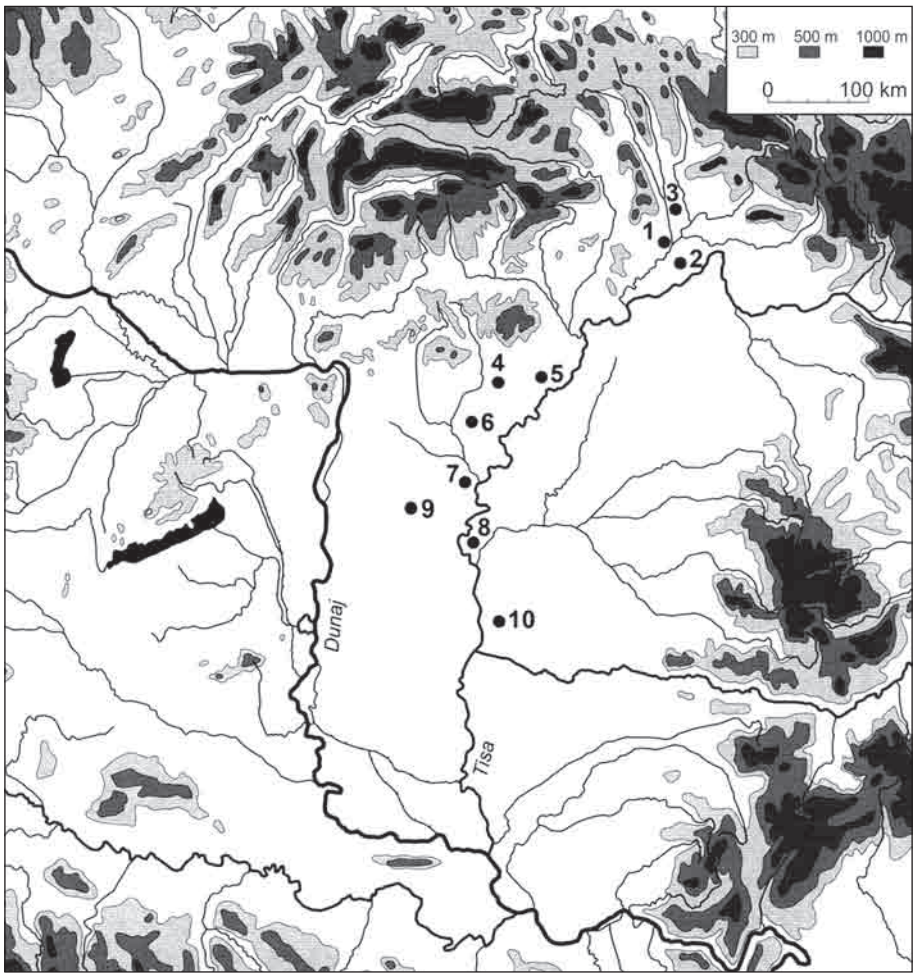

Рис. 34. Находки керамики типа Бассарабь на Большой Венгерской низменности (по Miroššayová 2010, fig. 4)

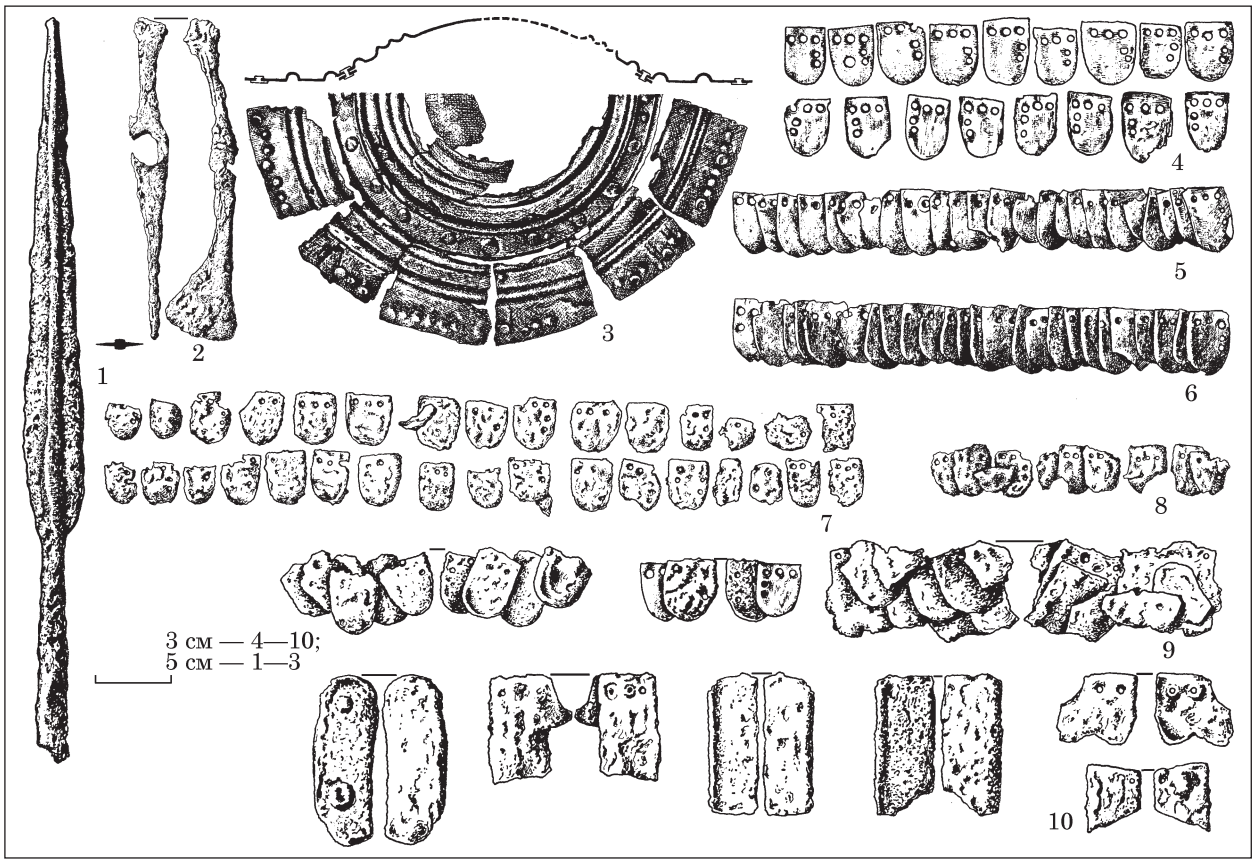

Рис. 35. Артанд-Зомлин (Ártánd-Zomlin): избранные элементы инвентаря «княжеской» гробницы (оружие) (по Párducz 1971, tab. 10—16) ▽

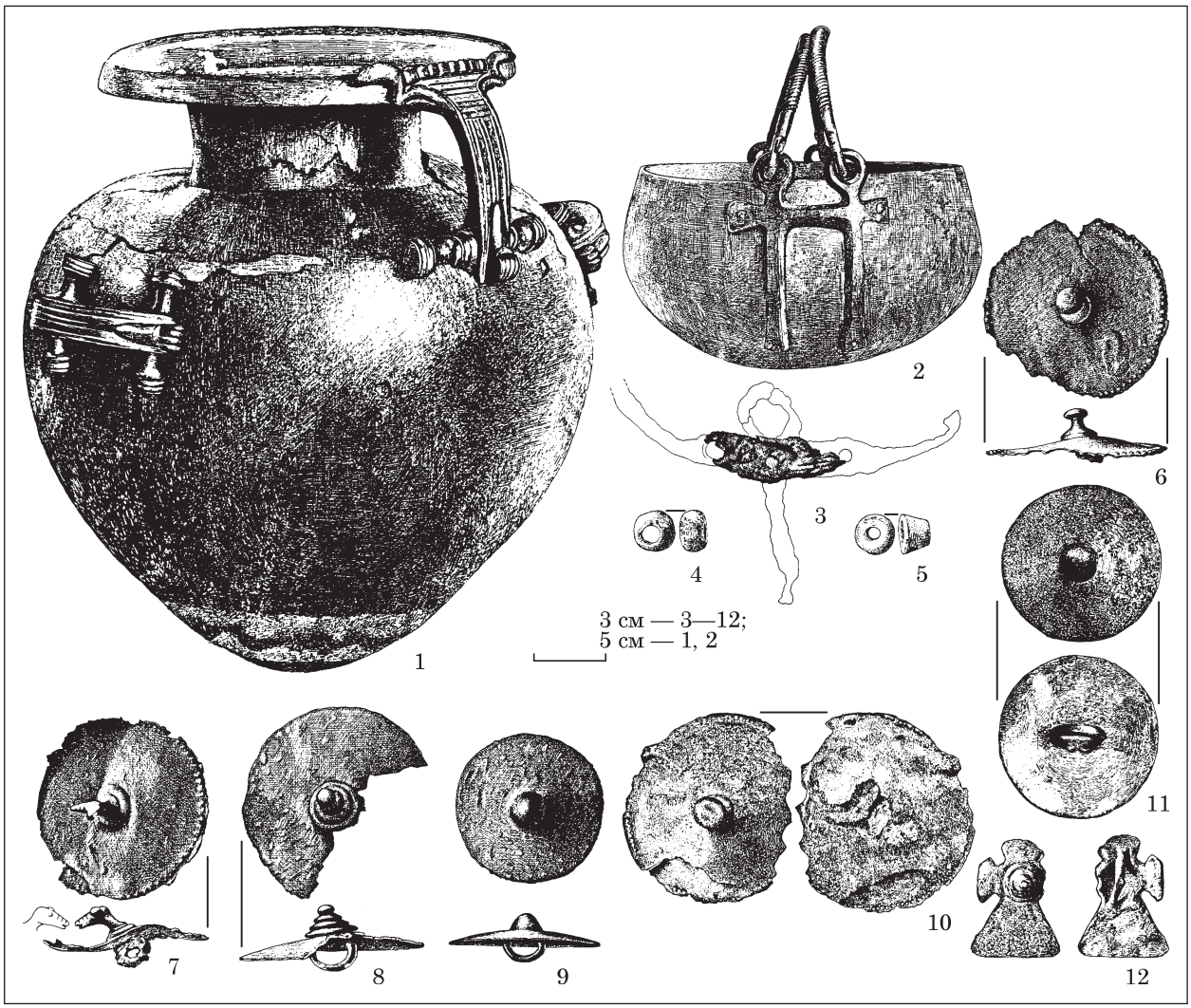

Рис. 36. Артанд-Зомлин: избранные элементы инвентаря «княжеской» гробницы (гидрия, котел и конская сбруя) (по Párducz 1971, tab. 1, 4, 7—9)

ти. Относится это замечание, прежде всего, к весьма специфическим щитковидным фибулам (Párducz 1954, Pl. VIII: 1—1a; XVI: 23; XXII: 1—2; 1955, Pl. V: 12; Kemenczei 2004, S. 85—87, Abb. 5: 2, 7, 16), аналогии которым известны в могильнике Донья Долина над Савой в Северной Боснии (Čović 1987, T. XXVI: 4—5). В частности, в комплексах, которые датируются началом периода HaD (Gabrovec, Čović 1987, p. 903 — табл.), т. е. второй половиной VII в. до н. э. (Teržan 1998, S. 515; Trechsel 2004, S. 319 — табл.). Балканский характер имеет и большинство фибул других типов, которые использовались в то же время на территории Большой Венгерской низменности. Например, фибулы однопружинной формы; дугообразные, с прямоугольной ножкой; с ножкой в виде беотийского щитка, или дугообразной формы, но двухпружинные (Chochorowski 1985a, S. 72—73; Vasić 1995, Abb. 11 — карта; Kemenczei 2004, S. 79—89). Правда, в культурной среде эпохи раннего железа на Большой Венгерской низменности, восточнее Дуная, фибулы не были широко распространенными категориями предметов (Patek 1993, Abb. 26—32; Kemenczei 2004, S. 79), что связано со спецификой использованного здесь костюма, особенно мужского (Chochorowski 1985a, S. 72; 1987, p. 185—188). Впрочем, в женском убранстве [1], здесь доминировали образцы, заимствованные из иллирийской среды северных Балкан [2].

Одним из важнейших факторов культурных изменений эпохи раннего железа на территории восточной части Карпатского бассейна, в том числе и Большой Венгерской низменности, является «скифизация», наглядно включающая эти земли в исторические процессы, проис-

1. В могильнике Сентеш-Векерзуг фибулы были найдены только в женских захоронениях (Kemenczei 2004, S. 85—87).
2. Возможно, это явление связано с межгрупповыми контактами т. н. процедуры брачного обмена или же — дополнительно — похищением «пленниц», которые впоследствии становились частью общины (путем принудительного или добровольного удочерения).

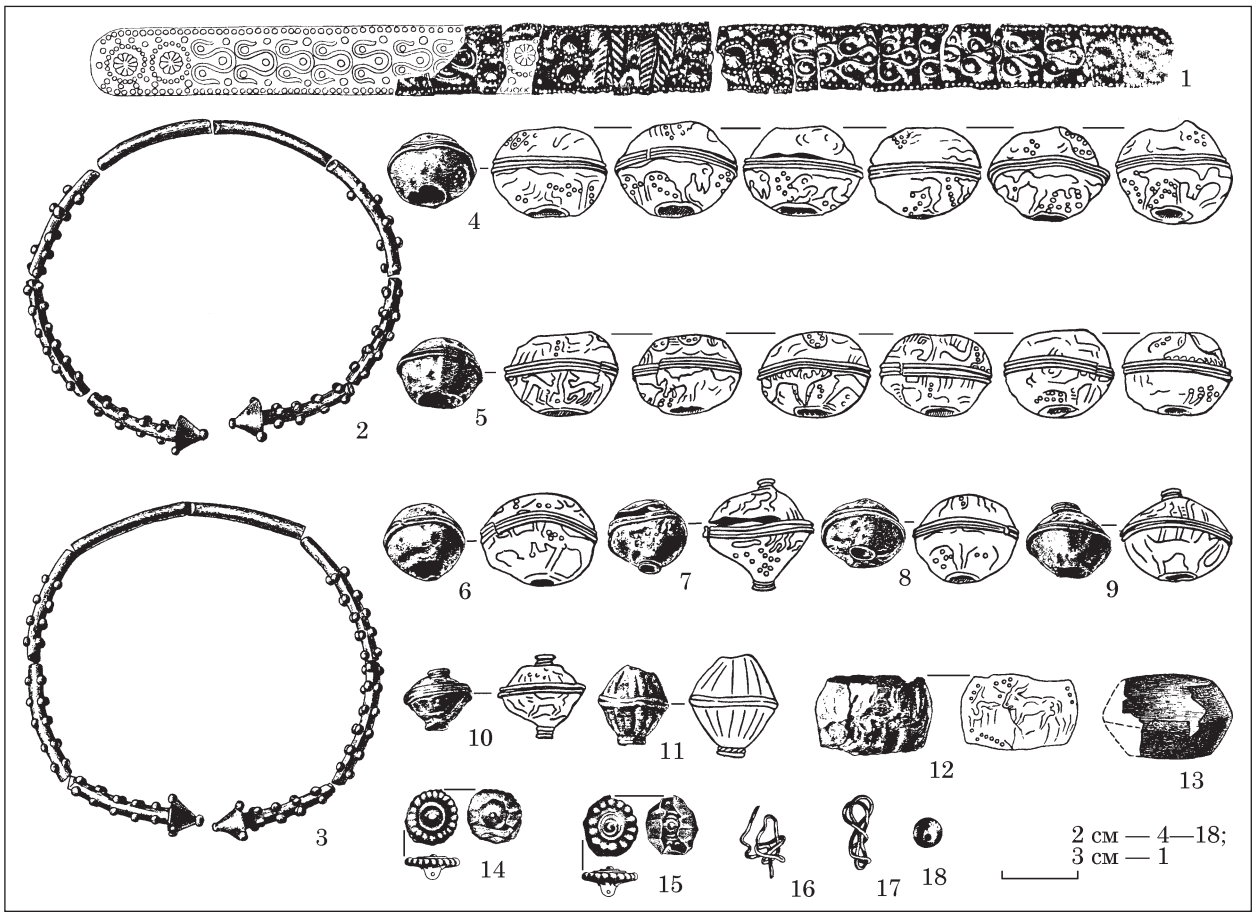

Рис. 37. Артанд-Зомлин: избранные элементы инвентаря «княжеской» гробницы (украшения) (по Párducz 1971, tab. 17—20)

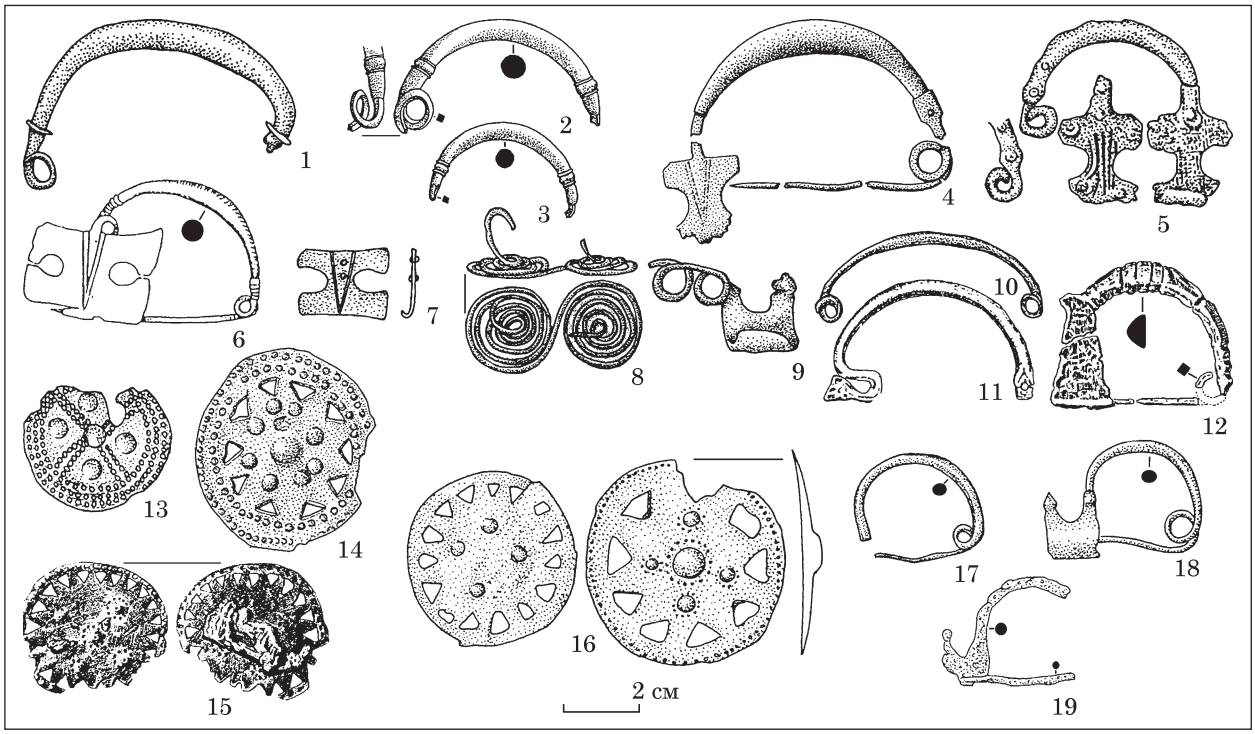

Рис. 38. Фибулы балканского происхождения из Карпатского бассейна: 1 — Nyíregyháza-Közvágohíd; 2—3 — Szeged-Öthalom; 4 — Doroslovo, погр. 141; 5 — Tîrgu Mureş; 6 — Marişelu, погр. 5; 7 — Cipău, погр. 4; 8 — Cristeşti, погр. 7; 9 — Simeria; 10 — Sfîntu Gheorghe; *Gimbaş*: 11 — погр. 14; 12 — погр. 20; *Szentes-Vekerzug*: 13 — погр. 57; 14 — погр. 30; 15 — погр. 125; 16 — погр. 71; 17 — безинвентарный; 18 — погр. 61; 19 — Tiszavasvári-Dózsa telep, погр. 23 (по Kemenczei 2004, fig. 1—7)

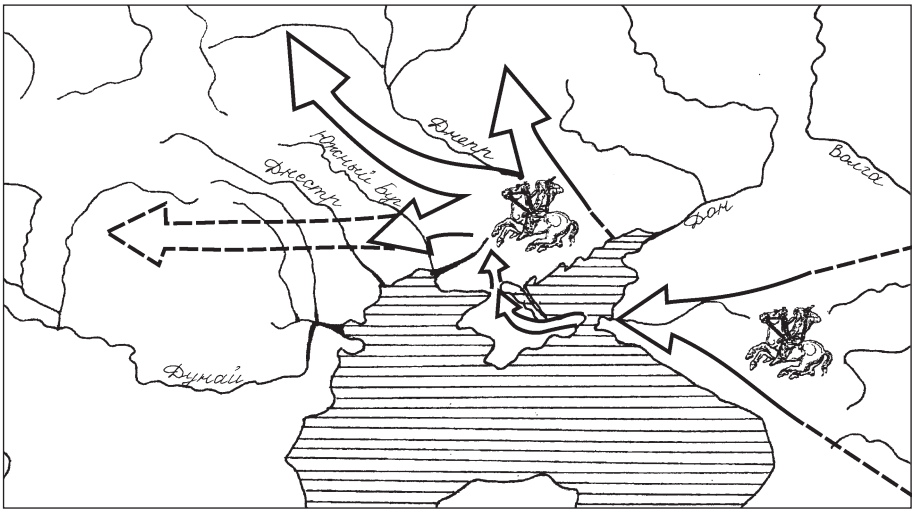

Рис. 39. Схема продвижения «кавказкой» волны кочевых скифов (по Скорый 2003, рис. 22)

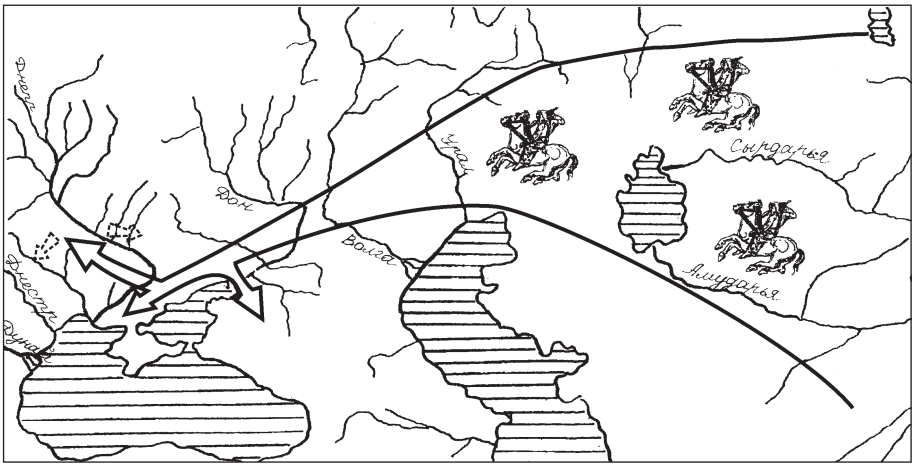

Рис. 40. Схема продвижения «азиатской» волны кочевников скифской культуры (по Скорый 2003, рис. 7)

ходившие на причерноморских пространствах. Не вникая в чрезвычайно сложный характер этого явления, необходимо, однако, подчеркнуть, что существенным его фактором были миграции групп населения из причерноморских и кавказских территорий (рис. 39). Эти группы были носителями основных признаков скифской культурной модели: типа вооружения и способа ведения войны, существенной хозяйственной и символической роли коня, а также символики магических представлений «звериного стиля», составляющих карпатский вариант «скифской триады». Ресурс их культурного универсума и общественно-экономических стратегий включал в себя первичные традиции, связанные с точкой исхода, а также, созданные в процессе переселений общественные практики и заимствованные (в некоторой степени «по пути») атрибуты материальной культуры, и наконец — культурные достижения, перенятые от местного этнического субстрата на «целевых» территориях миграции. В климатических условиях, более сухой и теплой — в Центральной Европе — фазы субатлантического периода, в VII—VI вв. до н. э. (Gyulai 1996, S. 127; Хохоровски 2011, рис. 22; Dzięgielewski 2017, p. 314), степные территории Альфёльда (венгерская *пуста*) стали экологической нишей для пастушьих (или изначально оседлых, но вынужденных мигрировать в условиях военного давления) сообществ, ищущих пространства — имеющие пастбища и источники воды для отгонного пастушества — соответствующие их собственной стратегии выживания. Это был самый западный эпизод широкого исторического процесса, основанного на активизации степных сообществ от Центральной Азии и Западной Сибири до кавказско-понтийских территорий (рис. 40), вызванный, в значительной степени, экологическим давлением в период климатических изменений позднего суббореала и раннего субатлантика (Молодин 2010, с. 22—24; Хохоровски 2011, с. 319—336). Мультикультурный и многоэтнический характер этого процесса, а также огромная территория распространения, подчеркиваются появлением в Центральной Европе в это время таких экзотических находок как элементы вооружения тагарской культуры, характерные для среднего течения Енисея (Chochorowski 2014, fig. 10).

«Скифизация» восточной части Карпатского бассейна и соседних территорий была постепенным процессом, который совершался на протяжении всего VII в. до н. э. В некоторой степени, она

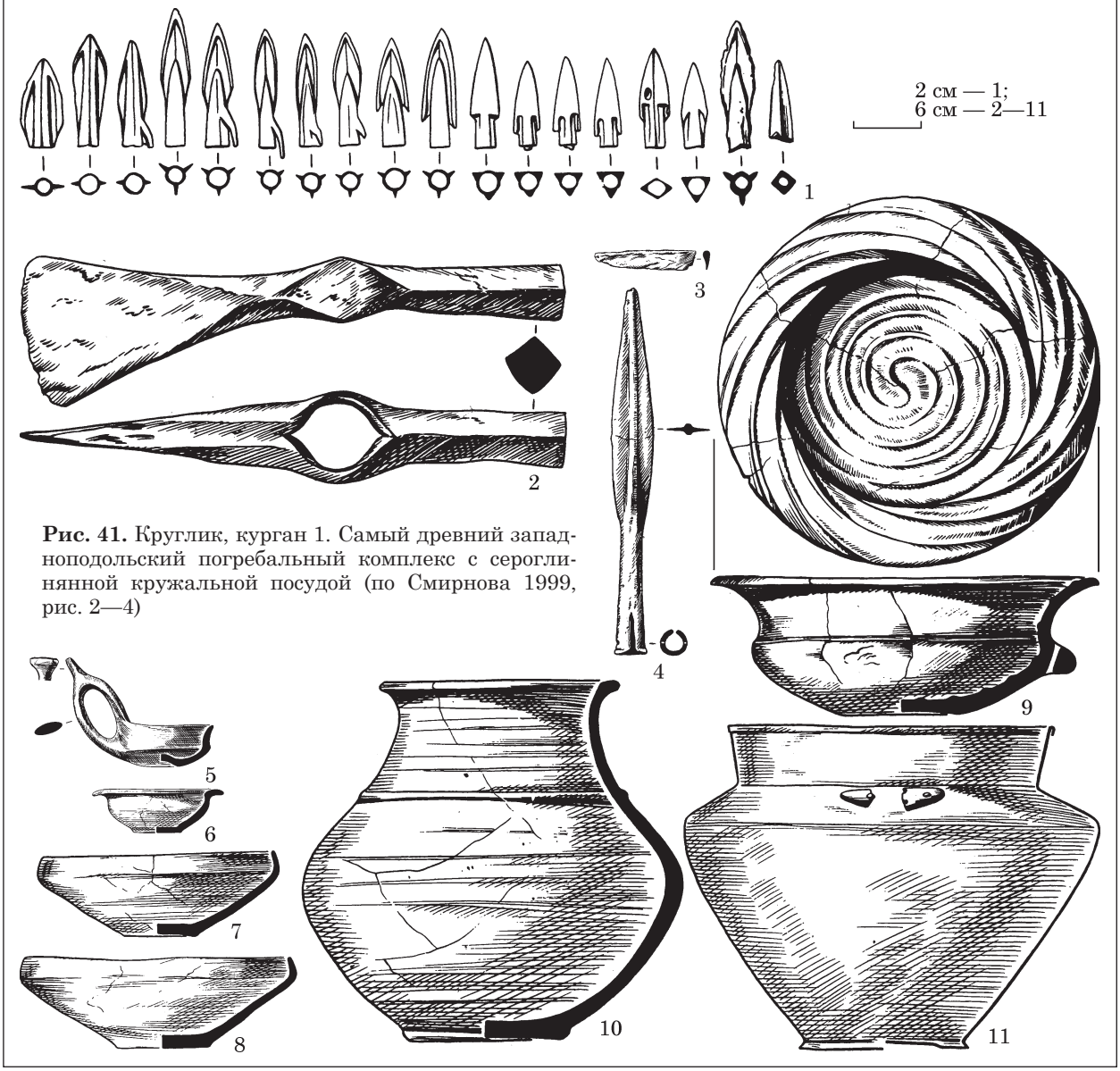

Рис. 41. Круглик, курган 1. Самый древний западноподольский погребальный комплекс с сероглиняной кружальной посудой (по Смирнова 1999, рис. 2—4)

была синхронизирована с процессами формирования регионов Причерноморской Скифии. Начался этот процес с появления на территории Трансильвании по крайней мере уже в начале VII в. до н. э. небольших могильников т. н. трансильванской группы с захоронениями воинов с комплектами вооружения скифского типа: колчанами стрел с характерными формами наконечников и короткими мечами-акинаками (Vasiliev 1980; Chochorowski 2014, p. 21). Эти явления сопровождались военными конфликтами, в результате которых были уничтожены, по крайней мере — некоторые из еще тогда существовавших [1], постгавских укрепленных поселений (Vasiliev 1995, p. 154—155).

Ближе к середине VII в. до н. э. (Смирнова, 1993, с. 198—199) на Предкарпатье формируется т. н. Западноподольская группа, носившая синкретический характер и включавшая в себя местные позднеголиградский и позднечорнолеский этнический субстрат, в которой скифский элемент несомненно играл роль доминирующего общественного фактора (Sulimirski 1936, p. 29; Smirnova 1998, S. 460). В памятниках этой группы впервые в этой части Европы появляется сероглиняная гончарная керамика греческого происхождения (Смирнова, 1999, с. 53—54). Самим ранним комплексом, в котором выявлена кружальная посуда, является курган 1 в Круглике (Круглик), на юг от Хотина (рис. 41), датированный последней третью или последней четвертью VII в. до н. э. (Смирнова, 1999, с. 47, рис. 4). Сероглиняная кружальная керамика в Западноподольской группе выявлена также в составе керамических комплексов поселений (рис. 42). Одним из

1. Большинство оборонных поселений культуры Гава (Gáva) перестали функционировать еще раньше, в основном в период HaB_3, в связи с кризисом ее поселенческих структур, вызванных давлением «предскифских» («киммерийских») групп степняков, появившихся в Карпатском бассейне уже во второй половине X в. до н. э. (Chochorowski 2015, p. 256—257).

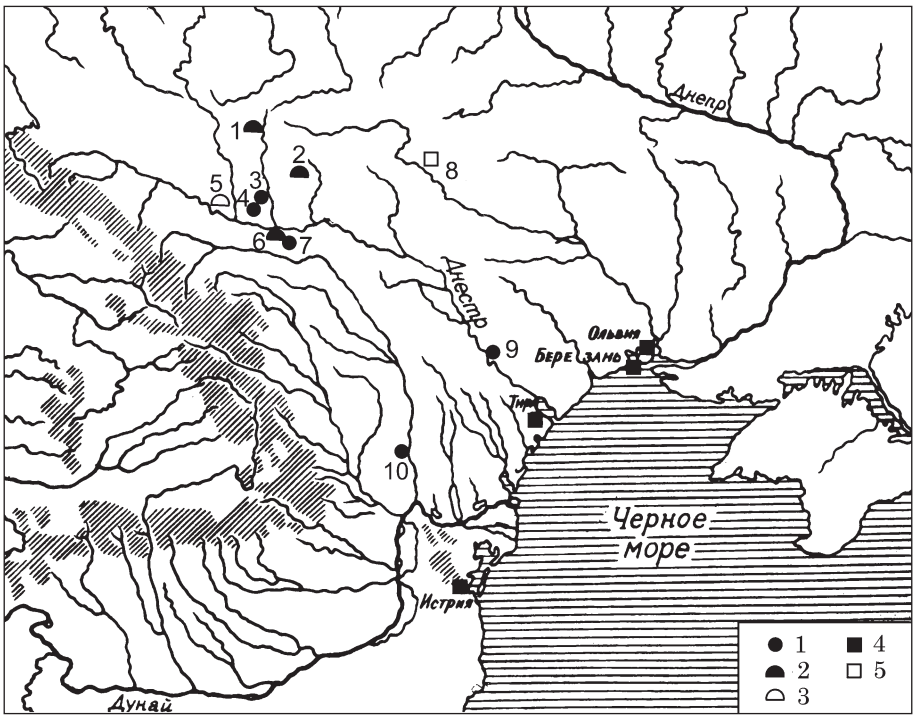

Рис. 42. Находки сероглинянной кружальной посуды в Среднем Поднестровье: 1 — Новоселка Гримайловская; 2 — Серватинцы; 3 — Залесье; 4 — Иванэ-Пустэ; 5 — Лисичники; 6 — Круглик; 7 — Долиняны; 8 — Немировское городище; 9 — Чобручи; 10 — Куртени (по Смирнова 1999, рис. 1)

наиболее изученных памятников этого типа является поселение в Долинянах недалеко от упомянутого Круглика (Смирнова, 1999, с. 53, рис. 5—6). Среди идентифицированных здесь форм кружальной посуды в основном представлены большие сосуды с s-образным профилем типа Круглик, характерные для этого региона, а также черпаки с высокой петлеобразной *ленточной* ручкой. На сегодняшний день не установлено точное количественное соотношение кружальной и лепной керамики на всех памятниках Западноподольской группы. Из предварительных исследований всего лишь следует, что, например, в Долинянах она составляет четвертую часть или даже 30 % керамического материала (Смирнова, 1986, с. 40). Только в том случае, когда поселение исследовано большой площадью (Смирнова, 1998, с. 53, рис. 1), мы можем утверждать, что такая керамика *«весьма многочисленна»* (Смирнова, 1999, с. 53). С точки зрения анализируемых здесь процессов особенно интересен тот факт, что на этом памятнике также найден (Смирнова, 1999, с. 50) «***фрагмент плечика клазоменской амфоры с широкими красными полосами по жёлто-коричневой глине***» (выделено автором — *Я. Х.*), который, по-видимому, соответствует технологическим и стилистическим признакам упомянутой, в начале этих рассуждений, амфоре из Хотынца. Эта находка в таком случае является одной из ее ближайших территориальных аналогий. Вместе с мелкими фрагментами роскошной столовой керамики, в т. ч. со следами коричневого лака, находка «*клазоменской амфоры*» из поселения Долиняны, датируется, вероятнее всего, первой половиной VI в. до н. э. (Смирнова, 1999, с. 50—51).

Находки греческой товарной (амфоры) и столовой расписной керамики, известны также и на поселениях Иванэ-Пустэ (Іване-Пусте) и Залесье (Залісся), расположенных рядом, на северо-восток от впадения реки Збруч в Днестр (Ганина 1965, с. 109, рис. 1: 10; 1984, с. 74, рис. 4: 1—6) (рис. 43). Культурным фоном этого явления считается присутствие греческого импорта, в том числе и амфорной тары, среди находок, происходящих с раннегетских, сильно укрепленных поселений типа Станчести-Ботошани (Stănceşti-Botoşani), Котнари (Cotnari) в северной Молдавии или Бутучени (Butuceni), при впадении реки Реут в Днестр (рис. 44), которые процветали с VII в. и особенно — в VI в. до н. э. в северной и центральной Молдавии (Preda 1973, карта 1—5; Simon 1992, p. 25; Niculiță 1996, fig. 20).

На территории Среднего Поднепровья импорты греческой расписной керамики а также амфорной тары, уже в последней четверти VII в. до н. э. проникают в северные районы лесостепи (Онайко 1966, с. 51; Ковпаненко и др. 1989, с. 52; Крыжицкий и др. 1999, с. 78—79). На Подолье роскошная расписная столовая керамика восточно-греческого происхождения появляется уже в 70—60 гг. VII в. до н. э., о чем свидетельствуют находки фрагментов посуды (рис. 45), орнаментированной в позднегеометрической манере, на Немировском городище (Немирівське городище, Немирів) в верховьях реки Южный Буг (Вахтина 1996, с. 86—87). Однако, удивительным остается тот факт, что на Немировском городище нет находок сероглиняной кружальной столовой керамики, характерной для Западного Подолья (Смирнова, 1999, с. 55). Этот факт может свидетельствовать, что

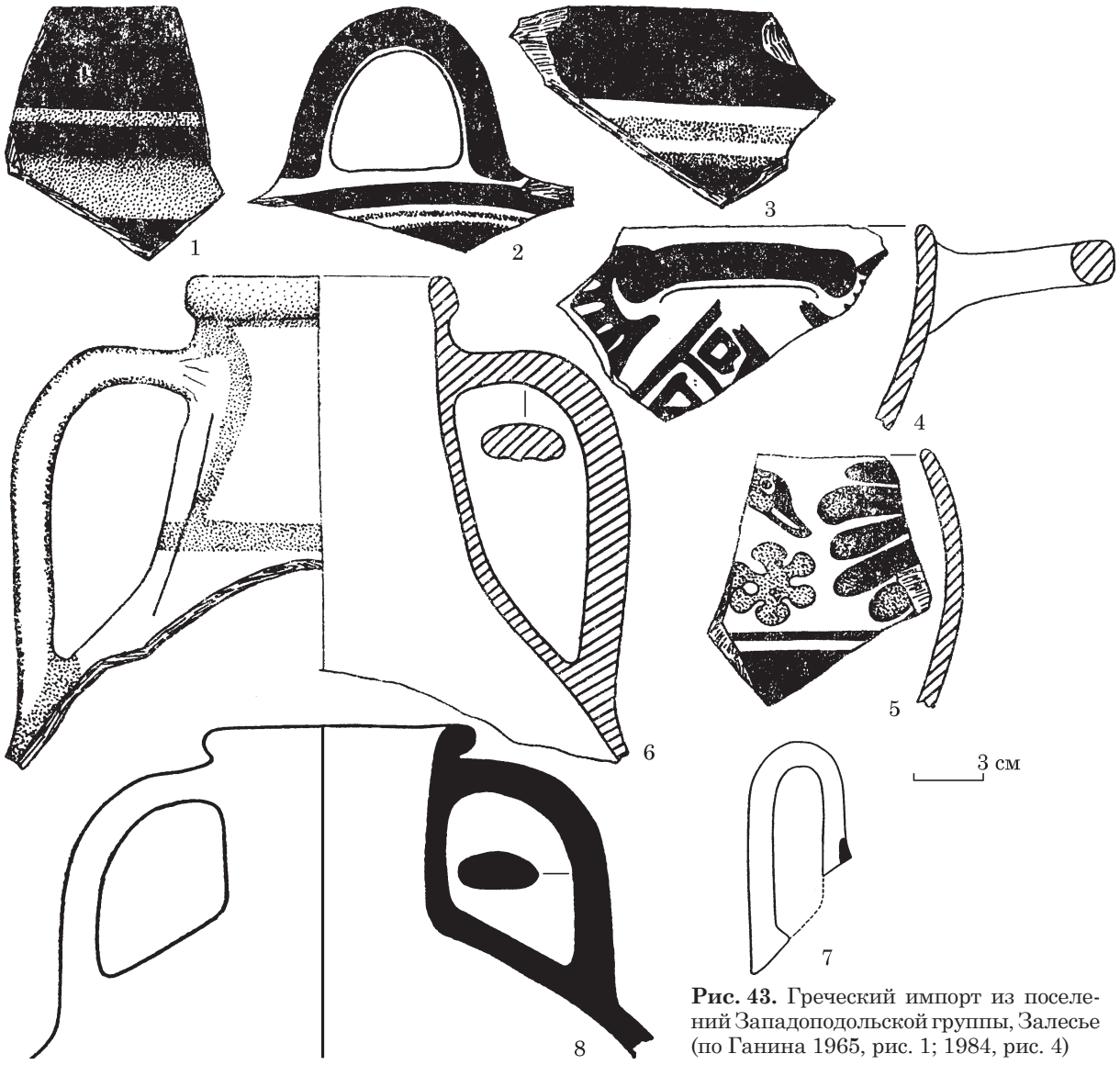

Рис. 43. Греческий импорт из поселений Западоподольской группы, Залесье (по Ганина 1965, рис. 1; 1984, рис. 4)

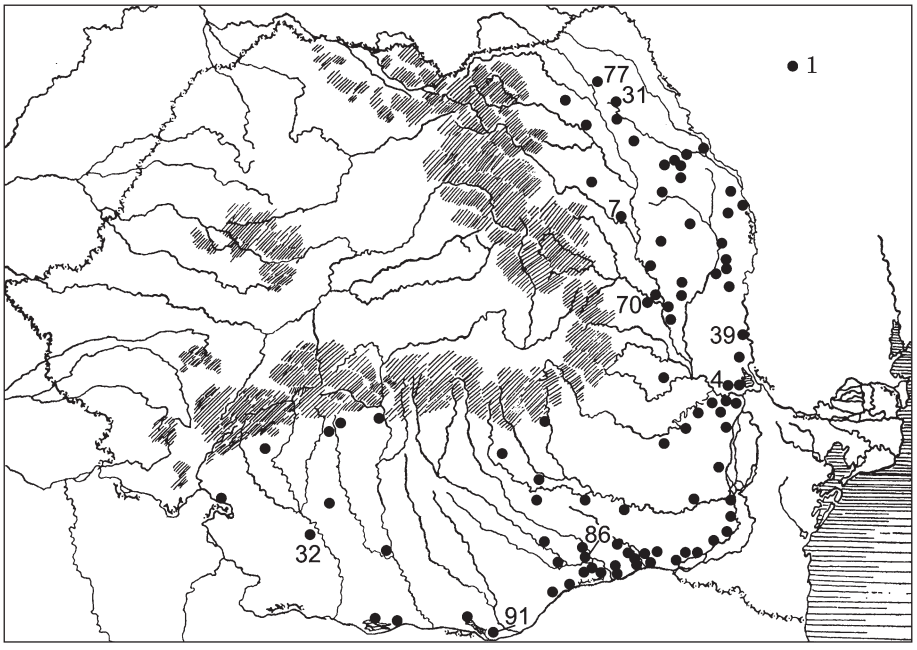

Рис. 44. Греческий импорт VI—III вв. до н. э. восточнее и южнее Карпат (находки из VI—V вв. — нумерация согласно оригинала карты): 4 — Bărboşi; 7 — Bărboasa-Onceşti; 31 — Cotnari; 32 — Coţofenii di Dos; 39 — Frumuşiţa; 70 — Ruginești; 77 — Stînceşti; 86 — Tei-Bucureşti; 91 — Zimnicea (по Preda 1973, fig. 5)

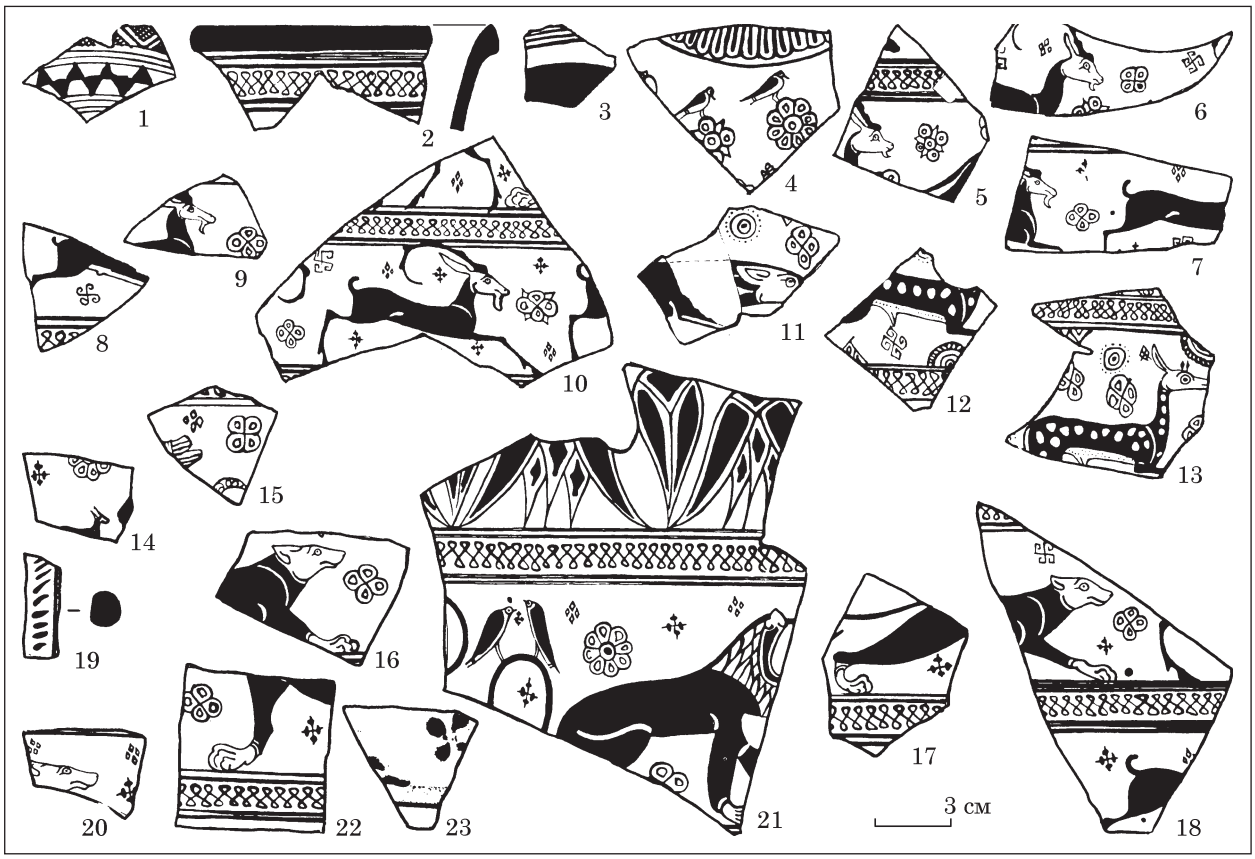

Рис. 45. Немировское городище, находки греческой керамики (по Вахтина 1996, рис. 1—2)

для распространения технологии производства этой керамики существенное значение имели контакты с греческими причерноморскими центрами, связанными с торговыми путями, которые проходили западнее, по внешней стороне Карпат, вдоль Днестра и Прута через Молдавию. Здесь идет речь только о контактах с мастерскими Ольвии-Борисфена (остров Березань) (Крыжицкий и др. 1999, с. 37—40) при впадении реки Южный Буг в Черное море или Истрии в Добрудже. В дискуссии на эту тему (Chochorowski 1996, p. 122—124; Смирнова 1999, с. 55—56) большинство аргументов указывают на Ольвию-Борисфен и окружающую ее территорию *хоры*. Свидетельствует об этом, прежде всего, присутствие в погребальных комплексах западноподольской группы бронзовых импортов в виде так называемых «ольвийских» зеркал, которые изначально производились в греческих мастерских (Sulimirski 1936, T. V: 1—2; X: 1; XI: 11) [1]. Независимо от разногласий, касающихся их происхождения и хронологии (Крыжицкий и др. 1999, с. 67—68), не вызывает сомнения их многочисленное присутствие в инвентарях погребений некрополя архаической Ольвии (Скуднова 1988, кат. 87, 136, 170, 174, 245, 258) (рис. 46—47), а также тот факт, что Ольвия-Борисфен является исходной точкой их дистрибуции (Кузнецова 2002, карта 15) (рис. 48). Интересно, что зеркала «ольвийского» типа известны также и на территории Трансильвании (Vasiliev 1980, Pl. 24: 3—5; 25: 1—2) (рис. 49), однако сероглиняной гончарной керамики в комплексах Трансильванской группы нет вообще. Это свидетельствует убедительно, что процесс генезиса Западноподольской и Трансильванской групп носил однозначно разный характер [2], а распространение кружальной керамики связано с активностью гончаров, технические умения которых в сфере использования (высокооборотного) гончарного круга получили свое применение в «ольвийских» мастерских. Тогда как широкомасштабная производственная деятельность развивались для местных потребностей на западноподольских поселениях (Смирнова, 1999, с. 54).

Увенчанием процесса «скифизации» восточной части Карпатского бассейна является формирование на территории Венгерской низменности культурной группы, известной в ли-

1. Существенным аргументом является также широкое развитие местной сероглиняной керамики в среде ольвийского *полиса* в раннем, архаичном периоде его существования (Скуднова 1988, с. 19).

2. Трансильванская группа возникла еще до основания первых греческих колоний на северо-западном побережье Черного моря (Истрия — по-видимому в 657/656 гг. до н. э., Ольвия-Борисфен — 647/646 гг. до н. э.), Западноподольская группа — синхронно и несколько позже этих событий (Chochorowski 1996, p. 135).

Рис. 46. Архаический некрополь Ольвии, инвентарь могилы 170 (по Скуднова 1988, № 170)

Рис. 47. Архаический некрополь Ольвии, инвентарь могилы 245 (по Скуднова 1988, № 245)

тературе под названием «*культура Векерзуг*» («Vekerzug-Kultur» — Chochorowski 1985a) или «*скифообразной группы Альфельда*» («*skythisch geprägter Alföld Gruppe*») (Kemenczei 2009). Независимо от разворачивающейся дискуссии, касающейся хронологии ее возникновения (Chochorowski 1998, S. 480—481; 2014, p. 27; Kemenczei 2009, S. 111—112), не вызывает сомнения, что ее ранние комплексы заметно младше, чем ранние находки в Трансильванской и Западноподольской группах. Подтверждением этого является факт, что повсеместно присутствующие в захоронениях воинов в Трансильвании и на Западном Подолье, наконечники стрел, представляющие горизонт Репяховатой Могилы, которая считается одним из ведущих комплексов третьего этапа развития раннескифской культуры, датируемого второй половиной VII — первой четвертью VI в. до н. э. (Полін 1987, с. 26—28; Смирнова 1993, с. 101—102), для Венгерской низменности является чрезвычайной редкостью. Одним из очень немногих памятников этого типа, является два захоронения из Шаиосентпетер (Sajószentpéter), на северо-запад от Мишкольца. По форме двух (!) архаических наконечников стрел, а также пряжек-пронизок и застежки (Kemenczei 2009, S. 133, Taf. 59: 5—8, 12—13) их можно действительно отнести к упомянутому выше горизонту (Chochorowski 2014, p. 27). Самые ранние находки скифского типа появляются здесь, очевидно, на протяжении второй половины (по-видимому, ближе к концу) VII в. до н. э., или на рубеже VII—VI в. до н. э.,

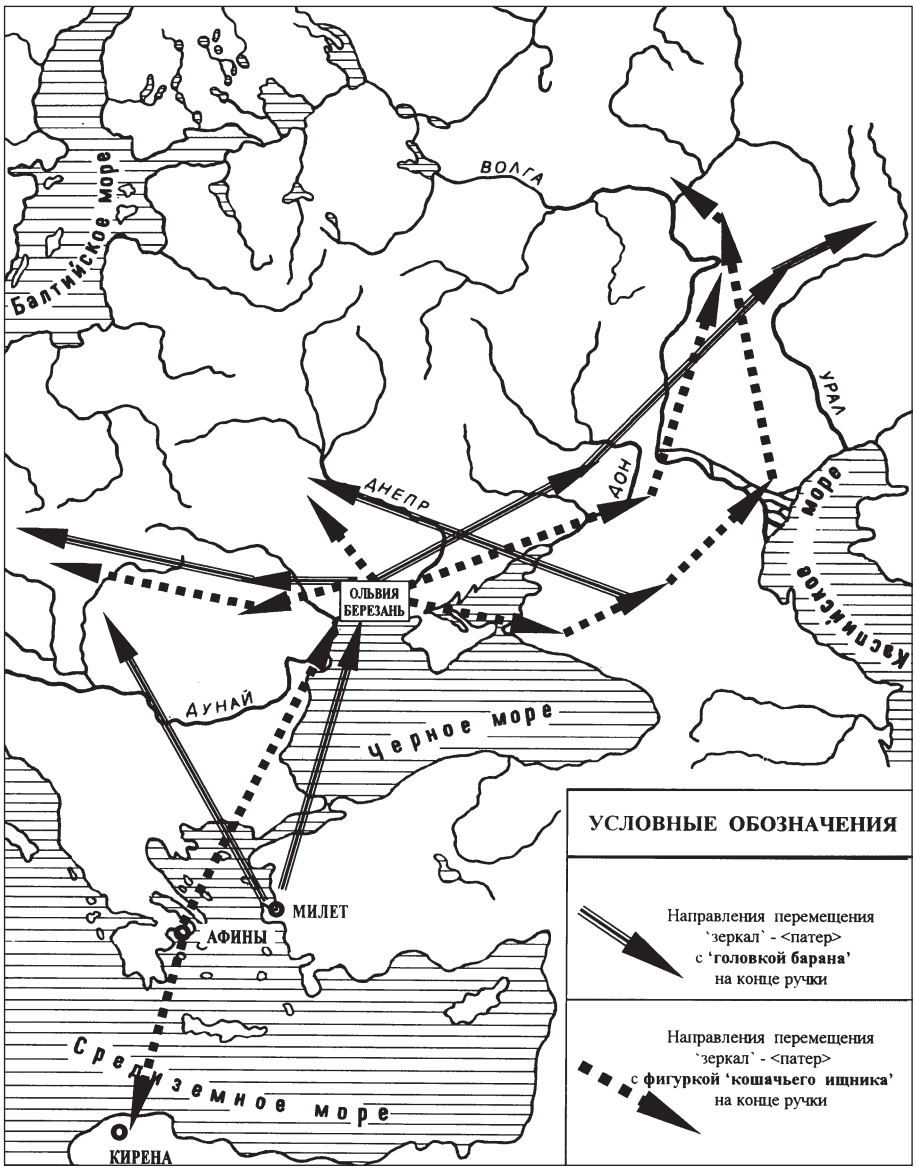

Рис. 48. Схема возможных направлений перемещения зеркал т. н. «ольвийского типа» (по Кузнецова 2002, карта 15)

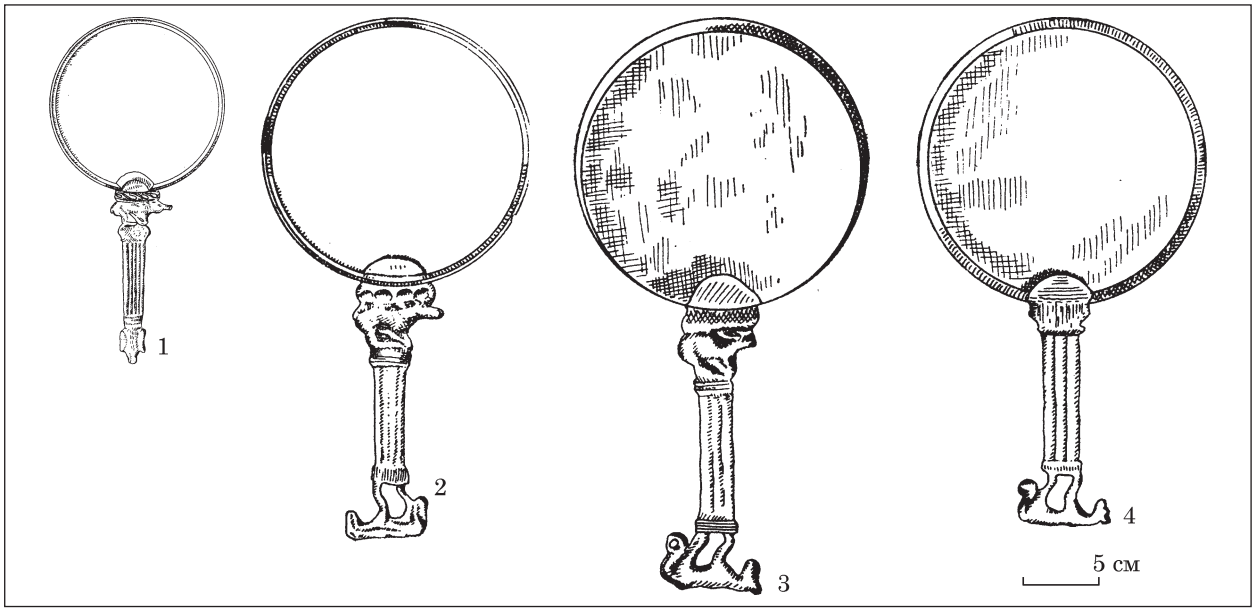

Рис. 49. Зеркала т. н. «ольвийского типа» из Трансильвании: 1 — Răseruci; 2 — Păuca; 3 — Jacu; 4 — Ghindari (по Vasiliev 1980, tab. 24, 25)

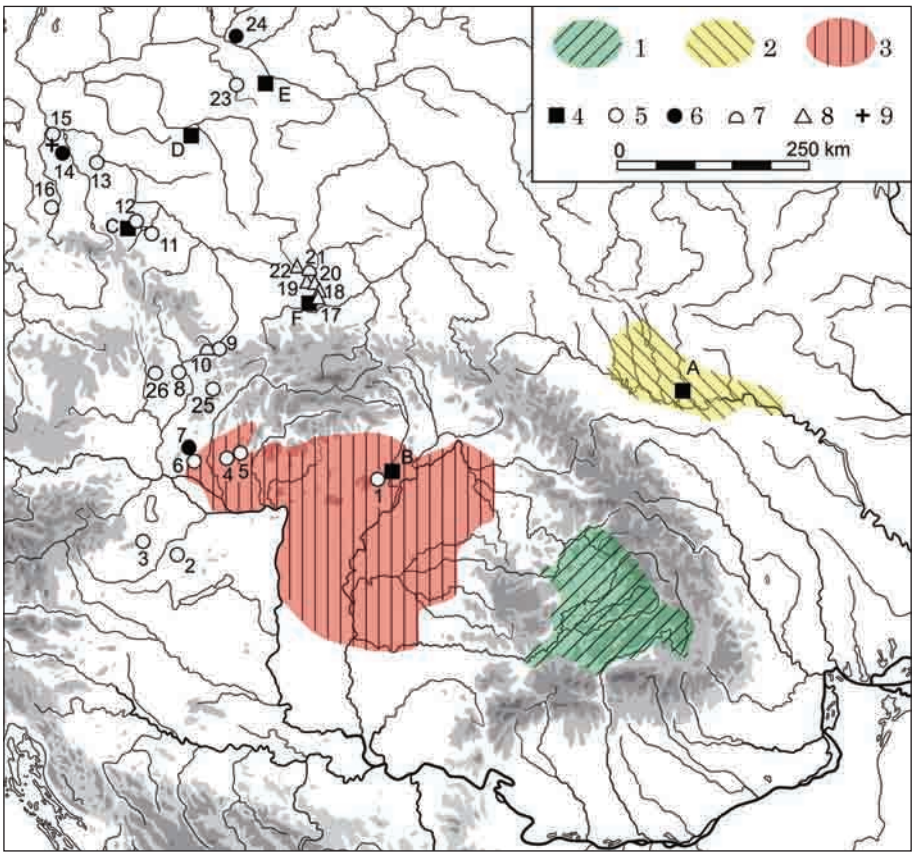

Рис. 50. Скифоидные культурные группы и находки скифского оружия в поселениях на территории Центральной Европы: 1 — Трансильванская группа; 2 — Западноподольская группа; 3 — культура Векерзуг; 4 — находки скифских наконечников на поселениях; 5 — уничтоженные захватчиками укрепленные поселения; 6 — находки скифских наконечников в пещерных убежищах; 7 — находки скифских наконечников в скальных убежищах; 8 — Witaszkowo. Каталог стоянок: 1 — Bükkszentlászló-Nagysánc; 2 — Celldömölk-Sághegy; 3 — Velem-Szentvidhegy; 4 — Štitáre-Žibrica; 5 — Velký Lysek; 6 — Tlstá hora; 7 — Smolenície-Molpír; 8 — Křenovice; 9 — Štramberk-Kotouč; 10 — Štramberk-Kotouč-Čertova díra; 11 — Sobótka-Góra Ślęża; 12 — Strzegom-Breitenberg; 13 — Kargowa; 14 — Wicina; 15 — Polanowice; 16 — Görlitz-Landeskrone; 17 — Ojców-Góra Koronna; 18 — Ojców-Zamek; 19 — Podzamcze-Góra Birów; 20 — Strzegowa-Biśnik; 21 — Piaseczno-Okiennik; 22 — Rzędkowice-Okiennik; 23 — Kruszwica-Ostrów Rzępowski; 24 — Czarnów / Kamieniec; 25 — Provodov-Rýsov; 26 — Zelená hora (по Chochorowski 2014, fig. 19)

в основном, в северо-восточной части Большой Венгерской низменности (Chochorowski 1984, S. 119—121, Abb. 8) [1]. Достаточно быстро процессы формирования нового культурного явления охватывают всю территорию Альфельда, а также северную часть Малой Венгерской низменности. Эта группировка имеет ярко выраженный синкретический характер и представлена в основном большими биритуальными могильниками, которые иногда насчитывали около 500 захоронений (Chochorowski 1985a, S. 136—149, Karte 6).

Существенным фактором формирования культуры Векерзуг являются также, так называемые «скифские набеги», то есть военное проникновение вооруженных «по скифски» групп захватчиков, которые затронули некоторые территории северо-западной части Центральной Европы от Трансданубии, через Моравы и Моравские Ворота, вплоть до Нижней Лужицы (рис. 50). Результатом этого было уничтожение укрепленных поселений, являющихся хозяйственно-политическими центрами местного населения, лежащих на путях перемещений этих мобильных ватаг, и даже запустение некоторых территорий (Chochorowski 2014, p. 32—43, fig. 19 — карта). Хронологические рамки этого процесса определяются датами уничтожения городища в Смоленицах (Smolenice) (юго-западная Словакия) и в Вицине (Wicina) (западная Польша), которые представляли крайние точки «скифских набегов» и в то же время оказываются лучше всего исследованными. В случае с городищем в Смоленицах — это конец VII в.

1. Следует помнить, что представленная в этой публикации хронология, созданная еще в 1980-е гг., должна быть исправлена, согласно критериям изменений датировки архаичного этапа скифской культуры, введенными в литературу немного позже и примененными также для хронологии находок скифского типа Карпатского региона (Смирнова 1993, с. 101—118; Chochorowski 1998, S. 477—481).

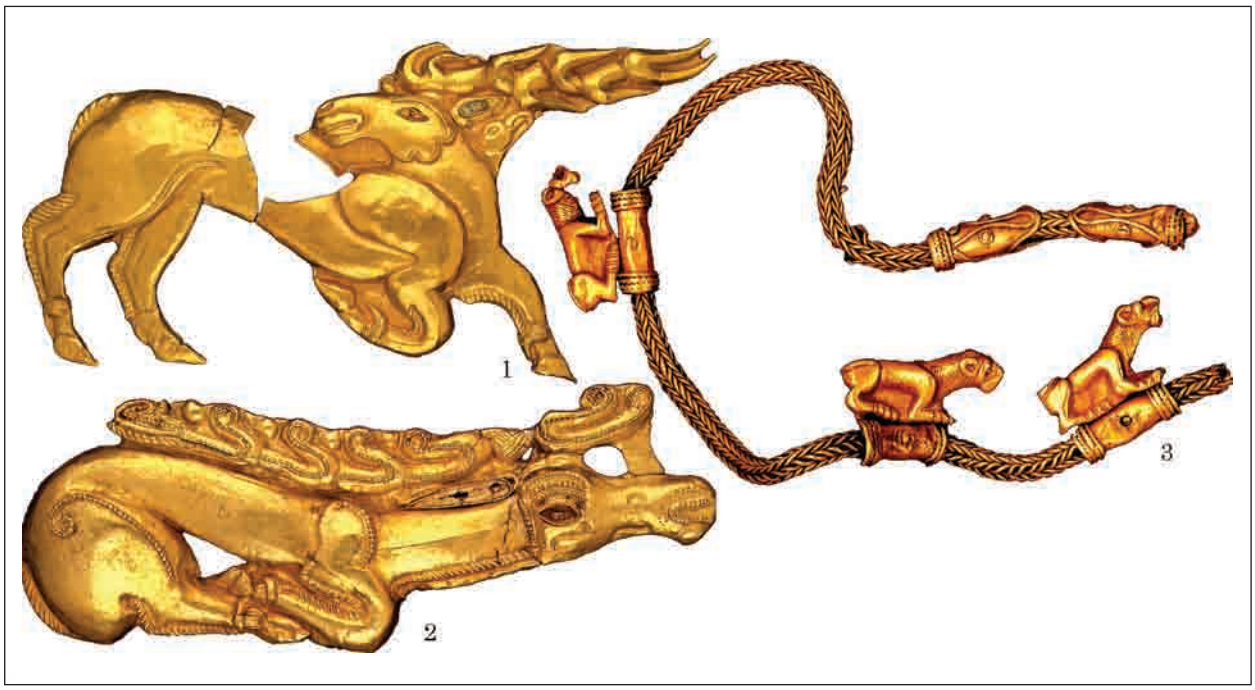

Рис. 51. Атрибуты престижа из элитных захоронений культуры Векерзуг: 1 — Мезекерештес-Зельдхальомпуста (Mezőkeresztes-Zöldhalompuszta); 2—3 — Тапиосентмартон (Tápiószentmárton) (по Kemenczei 1998, fig. 21—22)

или рубеж VII/VI вв. до н. э. (Chochorowski 2014, p. 36—37), в случае Вицины — 570/560 гг. до н. э. [1] Это был период военных грабительских набегов, охватывающий около 40—50 лет (два поколения воинов), в котором участвовали хорошо обученные военному искусству группы захватчиков. Их движущей силой была активность элит с ментальностью, типичной для скифской (кочевнической) модели культурного поведения. О присутствии военных элит в среде культуры Векерзуг, свидетельствуют находки золотых и электронных украшений в виде стилизованных изображений оленей (рис. 51), некогда помещенных на горитах (или щитах?) из курганов в Тапиосентмартон (Tápiószentmárton) и Мезекерештес-Зельдхальомпуста (Mezőkeresztes-Zöldhalompuszta). Они представляют символику, тесно связанную с основными канонами скифского культурного самосознания, хотя уже изложенную в местной («карпатско-дунайской») манере с художественной точки зрения. Похожий смысл имеет также находка из Виташкова (Witaszkowo), расположенного вблизи уничтоженного поселения Вицина, которая является сокрытым в земле кладом (вероятно военной добычей), состоящим из элементов парадного личного снаряжения воина-вождя, участника военных действии (Bukowski 1977, p. 134—160) [2].

Показательной чертой процесса формирования новой культурной группировки на территории Венгерской низменности было резкое, увеличение демографического потенциала по отношению к более раннему субстрату, который

1. Дендрохронологические исследования (более 1600 проанализированных образцов) позволили установить, что деревянные укрепления этого городища были сооружены в 737/736 гг. до н. э. В 90/80-х гг. VI в. до н. э., при перестройке (законченной в 587/586 гг. до н. э.), укреплялась и инфраструктура городища (в т. ч. дороги). Последние следы ремонтов относятся к 571 г. до н. э. (Krąpiec, Szychowska-Krąpiec 2013, p. 371—374). Следовательно, они были сделаны через 15 лет после последнего генерального ремонта. После этого город был уничтожен. Можно, предположить, что его уничтожение произошло уже после 571 г. до н. э., или — самое позднее — около 15 лет после последних следов ремонта, но до того времени, когда деревянные элементы инфраструктуры не требовали еще следующего ремонта. Отсюда делаем вывод, что это случилось не позже, чем около 560 г. н. э. Здесь надо добавить, что нападающие, которые уничтожили Вицину, использовали колчанные наборы, состав которых отвечал в принципе наборам из погребений 1 и 2 Репяховатой Могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 6, 14). Возможно, при несколько большим количестве трехлопастных форм. Самые полные аналогии комплексам скифских наконечников стрел из Смолениц и Вицины, а также из других памятников этого типа, происходят все-таки из погребений воинов в Западноподольской и Трансильванской группах. Однако, нужно помнить, что комплексы наконечников стрел найденных на поле боя и на пепелищах городищ, являются случайной суммой экземпляров, которые происходят из разных колчанов. Это усложняет сравнительный анализ.

2. Требуется, однако, верификация, принятой в свое время, хронологии этой находки (конец VI — начало V в. до н. э.; Bukowski 1977, p. 160) с учетом датировки захвата и уничтожения городища в Вицине (около 570/560 гг. до н. э.).

в этом регионе представляли в основном сообщества т. н. группы Мезечат (Mezöcsát) (Patek 1993, S. 22—46; Romsauer 1999, S. 167—176), а также постгавские и посткиятицкие поселенческие образования (Chochorowski 1984, S. 154—155). Не вызывает сомнения, что в рамках этих процессов произошло перемещение населения Западноподольской, а также трансильванской групп на территорию Венгерской низменности, что объясняет тоже постепенное исчезновение этих групп на основных территориях, на протяжении VI в. до н. э. (Chochorowski 2014, p. 27—28). Однако, возникает вопрос, были ли эти процессы (включая волну разрушительных набегов) результатом военной активизации населения Западноподольской и Трансильванской групп, или они обуславливались аким-то внешним импульсом. В этом контексте можно указать на явление «повторного» заселения Лесостепного Поднепровья «кавказской» волной скифов, вернувшихся из Передней Азии, вытесненных оттуда в конце VII — начале VI в. до н. э. (Скорый 2003, с. 88—89). Это объясняет явные стилистические и семантические сходства магических атрибутов боевого снаряжения в виде стилизованных изображений оленей из Тапиосентмартон и Мезекерестеш-Зельдхальомпуста с образцами, представленными в субкультуре военной элиты скифского образования на Северном Кавказе (Fettich 1928, p. 33—34, tabl. VI—VII; Алексеев 2012, с. 64, 69). Нельзя считать, что скифская военная инфильтрация в районы, расположенные между Трансданубией и Нижней Лужицей, была простым продолжением этих процессов. Скорее всего, они сыграли роль еще одного, добавочного импульса активизирующего кочевые военные элиты, и влияющего, по принципу цепной реакции, на динамику переселений, миграций и эпизодов военного характера в степной зоне. И достигающих ее западного анклава на Венгерской низменности [1]. Историческая повторяемость этого процесса проявилась также в скифское время, как финальный эффект формирования новой «этнической карты» кавказско-понтийского региона [2].

Практически с самого начала развития региональных групп культуры Векерзуг на территории Венгерской низменности в ее комплексах присутствует сероглиняная кружальная керамика (Chochorowski 1996, p. 129—131, fig. 5). Она представляет к тому массовое явление (рис. 52), составляя около 30 % от общего количества керамического материала (Chochorowski 1985a, S. 48—49; 1996, p. 116). Минералогические анализы со всей очевидностью (принимая во внимание тоже массовую частотность кружальной керамики) подтверждают факт ее местного производства (Dušek 1979, S. 125—138). Процентное соотношение кружальной керамики на памятниках разное, что может указывать на то, что ее производили в специализированных мастерских, а примерно в могильнике Сентеш-Векерзуг достигает даже около 50 % (Chochorowski 1996, p. 131, fig. 1 — карта). Набор кружальных форм включает категории блиские образцам греческого гончарства, иногда весьма типологически схожие с его продукцией (например, сосуды, похожие на лекифы или кратеры — Romsauer 1991, p. 364, fig. 2—3; Chochorowski 1996, p. 120), но в основном демонстрирует локальную специфику, основанную на типологических связиях с местной керамикой (Chochorowski 1985a, S. 48—51). Четко также фиксируются связи с формами, выполненными в гончарных мастерских, производящих сероглиняную керамику на территории Западного Подолья; например, наличие специфических для этого региона сосудов типа «Круглик» (Chochorowski 1996, S. 121, Abb. 2) (рис. 53). Все указывает на то, что сероглиняная кружальная керамика культуры Векерзуг является в целом продолжением и развитем производственного процесса, начатого в гончарных мастерских Западного Подолья. Кажется, маловероятным, что бы на характер ее формирования (и особенно распространение самой технологии гончарного круга), повлияли импульсы с юга, через центральные Балканы. Если на территории среднего Вардара (в т. н. девделийской группе) и распространяется кружальная керамика под влиянием ионийских центров уже в начале VII в. до н. э. (Vasić 1978a, p. 703, T. LXXII: 1—2, 8—9; LXXIII: 10—11), то она отличается как покроем форм, так и техникой обработки (например, розкраской горизонтальными полосами). Дальше к северу кружальная керамика известна только, как уже упоминалось, в комплексе «княжеской» гробницы в Атенице (Djuknić, Jovanović 1966, Pl. XXVI: 1).

Однако, то что отличает культуру Векерзуг от Западноподольской группы в области рецепции изделий греческой культуры — это отсутствие импортов товарной (амфор) и столовой (расписной, лакированной) керамики. Это внушает иной характер контактов и торговли с миром греческих колоний северо-западного по-

1. Этого рода активизация могла быть результатом различных общественно-политических процессов, вызванных как мобилизацией общества, то есть объединением вокруг конкретных целей (напр., присоединением к военным экспедициям). Так и дезинтеграцией, например, конфликтами, которые вынуждали часть общества искать новые территории для проживания, или новые занятия (например, изменения в типе ведения хозяйства и образе жизни) (Chochorowski 2014, p. 43).
2. В этом контексте также стоит отметить не очень многочисленные, но известные связи между военной элитой западноподольской группы и этнической средой культуры Векерзуг, которые прослеживаются среди прочих в таких комплексах, как Перебыковцы (Перебиківці), курган 2 (Смирнова 1979, с. 41—51, рис. 5—10) или Коцюбинчики, курган 2 (Бандривский 2009, с. 30—38, рис. 1—4).

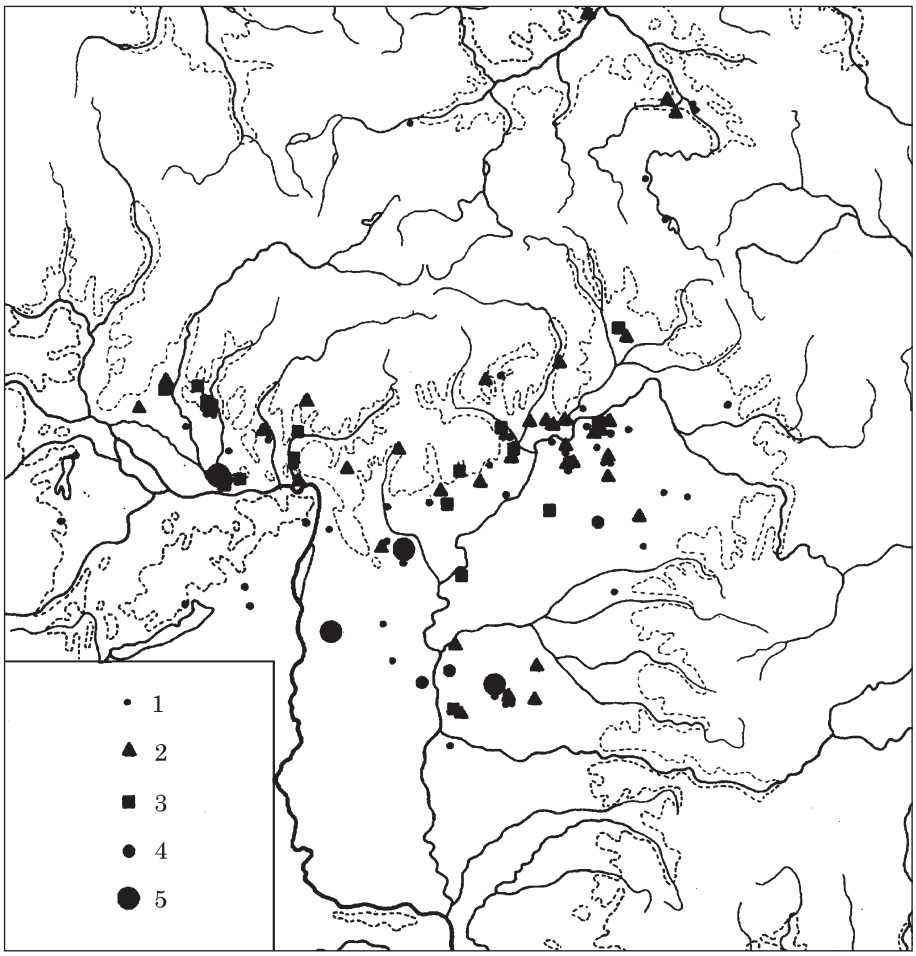

Рис. 52. Распространение сероглинянной кружальной керамики в VI—V вв. до н. э. в Центральной Европе, **количество экземпляров**: 1 — 1; 2 — 2—5; 3 — 6—20; 4 — 21—50; 5 — свыше 50 (по Chochorowski 1996, fig. 1)

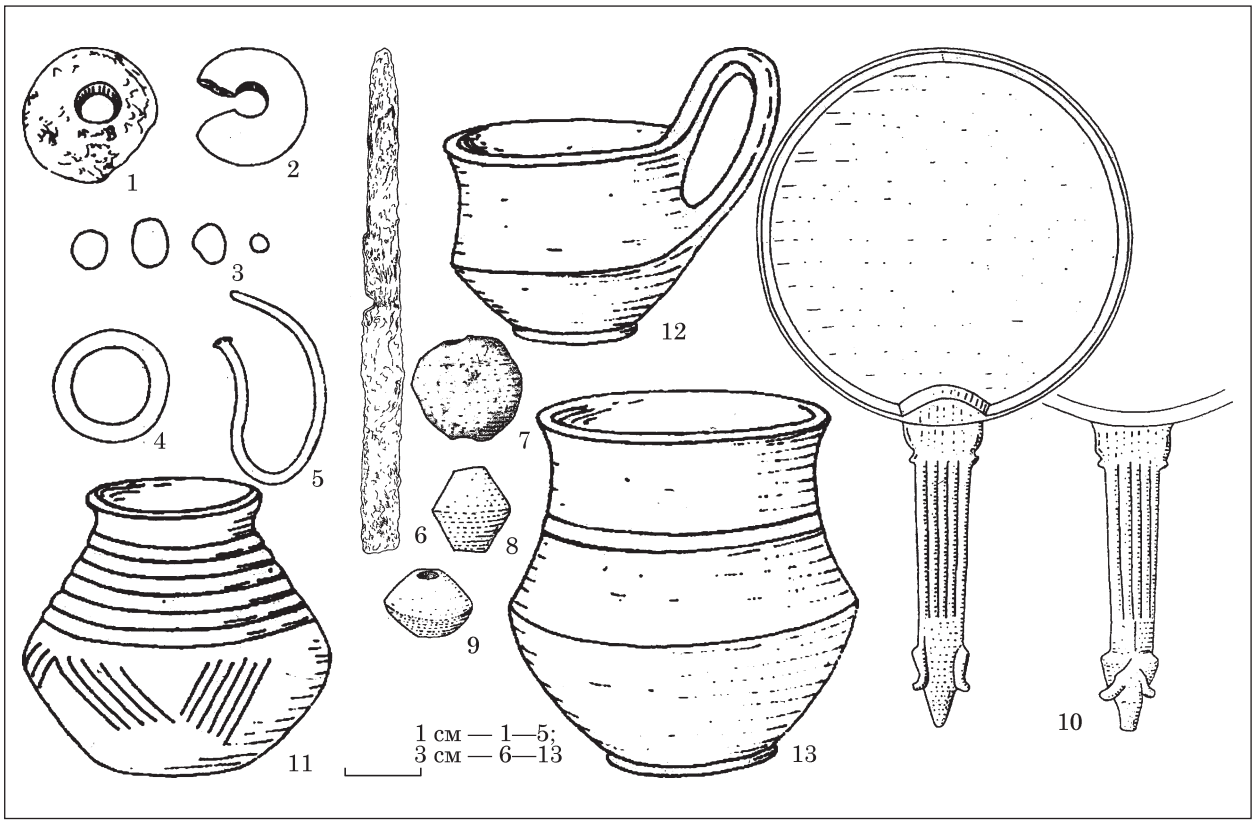

Рис. 53. Тапиоселе (Tápiószele), инвентарь захоронения 462 с сероглинянной кружальной керамикой (по Chochorowski 1996, fig. 5)

бережья Черного моря. Дополняет это наблюдение, присутствие на территории Венгерской низменности специфических изделий торевтики (например, эмблематов в виде стилизованных изображений оленей), происходящих, вероятней всего, из мастерских, которые работали в зоне формирования признаков грекофракийского художественного стиля. Нельзя усключат, что здесь мы имеем дело с симптомами проявления торговых и культурных связей, направленных вдоль Дуная к зоне культурного скифо-греческо-фракийского пограничия [1]. Особого внимания заслуживает тоже высокий уровень местного ювилерного исскуства, а также признаки местного стекловарения (Chochorowski 1985a, S. 134—135). Здесь, как и в Западноподольской группе, известны тоже импорты бронзовых зеркал «ольвийского» типа (Chochorowski 1985a, S. 75—76, Abb. 19: 1). Греческие импорты предметов роскоши (например, гидрия из Артанда) [2] спорадически проникают сюда с юга, через центральные Балканы, а единичные импорты из северной Италии поступают через юго-восточные альпийские районы. Не совсем ясно, откуда появляются на территории Венгерской низменности раковины каури, которые массово встречаются в комплексах культуры Векерзуг и часть стеклянной продукции (бусы). Таким образом, районы Альфельда, несомненно, являются местом, где пересекаются контактные пути всех направлений и, как следствие, здесь складывается эффект наложения культурных импульсов.

Возникает вопрос, отразился ли этот особый статус Великой Венгерской низменности в контактах «варварской» Европы с миром средиземноморской цивилизацией (главным образом, через ее черноморский вариант) в сознани тогдашних «знатков» по этнической и культурной географии континента? Это относится и боле широких размышлений, заключеных например в вопросе; знали ли создатели или дистрибьюторы более или менее эксклюзивных товаров, проникавших вглубь «варварского интериора», куда и к кому они попадают? Как известно, Геродот (IV: 49) описывая реку Дунай (Истр) и его южные притоки, достигает реки Карпис (Сава?, Драва?) и Альпис (Драва?, Инн?) [3] после чего замечает неопределенно: «*Ведь Истр течет через всю Европу, начинаясь в земле кельтов — самой западной народности в Европе после кинетов. Так-то Истр пересекает всю Европу и впадает в море на окраине Скифии*». Все указывает на то, что знания «Отца истории» об областях, расположенных к северу от Дуная, заканчиваются рекой Марис (Муреш / Марош?) и агафирсами (Геродот, IV: 49), которых, на мой взгляд, следует однако локализировать на внешней стороне Карпатской дуги в Молдове [4]. В этом контексте интригует точное и полное конкретов описание Геродота (V: 9), касающееся народа *сигиннов* [5]. Тем более удивительно, что автор «Истории» однозначно заявляет, описывая Фракию: «*О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не может. Области за Истром, по-видимому, необитаемы и беспредельны.* ***Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения*** (выделено автором — *Я. Х.*)*: эта народность — сигинны*» (Herodot V: 9). Сопоставление этого сообщения с информацией, содержащейся в *Аргонавтике* Аполлона Родосского (ок. 295—215 гг. до. н. э.) (IV: 316—327), позволяет локализировать *«народность сигиннов»* на *«Лаврийской равнине»*, где *«местные пастыри»* — как сообщал поет — при виде судна Аргонавтов от страха *«покинули безмерные стада»* (Хохоровски 2017, с. 234). Географические координаты, содержащиеся в *Аргонавтике*, однозначно указывают на то, что под названием *«Лаврийской равниной»* надо понимать Большую Венгерскую низменность, точнее — ее южную часть. Здесь и должна быть размещена реально существовавшая

1. Здесь можно обратит внимание на стилисический характер изобажений на известной матрице из Гарчинова в северо-восточной Булгарии (Fettich 1934, Pl. I—IV).
2. Бронзово-железный чешуйчатый доспех из кургана в Артанде, также не может являтся местным производством.
3. Некоторые интерпретаторы Геродота (Harmatta 1968, S. 154) отождествляют Карпис и Альпис с Савой и Дравой.
4. Не вдаваясь в дискуссию, способную породить различные мнения (Chochorowski 1987b, S. 139—173; Vulpe 2004, S. 473—482), следует лишь отметить, что отождествление реки *Марис* с рекой Марош / Муреш сомнительно, так как Геродот (IV: 49) упоминает о *Марис* в контексте (и по соседству) скифских рек. Надо напомнит также о роли агафирсов в войне с Дарием (конец VI в. до н. э.) (Геродот, IV: 102, 119, 125) и в династических конфликтах скифских «царей» в первой половине V в. до н. э., в которых определенную роль играли агафирсы (Геродот, IV: 78). Это потверждает факт, что в конце VI — первой половине V в. до н. э. они были настоящей политической и военной силой в отношениях со скифами. Следовательно, они должны были представлять в равной степени реальный демографический и поселенческий потенциал, расположенный по соседству с территорией Скифии (Chochorowski 1993, p. 254). Между тем, территория Трансильвании, которая находится за Карпатами (откуда — в случае подобной идентификации — должна течь река *Марис*) и с конца VI в. и, безусловно, в V в. до н. э. была практически полностью обезлюжена (Chochorowski 2009, p. 111).
5. Характеристика сигиннов Геродота (V: 9), несомненно, воспринята им от греков Северного Причерноморья и имеет характер информации, услышанной историком лично: «*об одной только народности за Истром* ***я могу получить*** (выделено автором — *Я. Х.*) *сведения*».

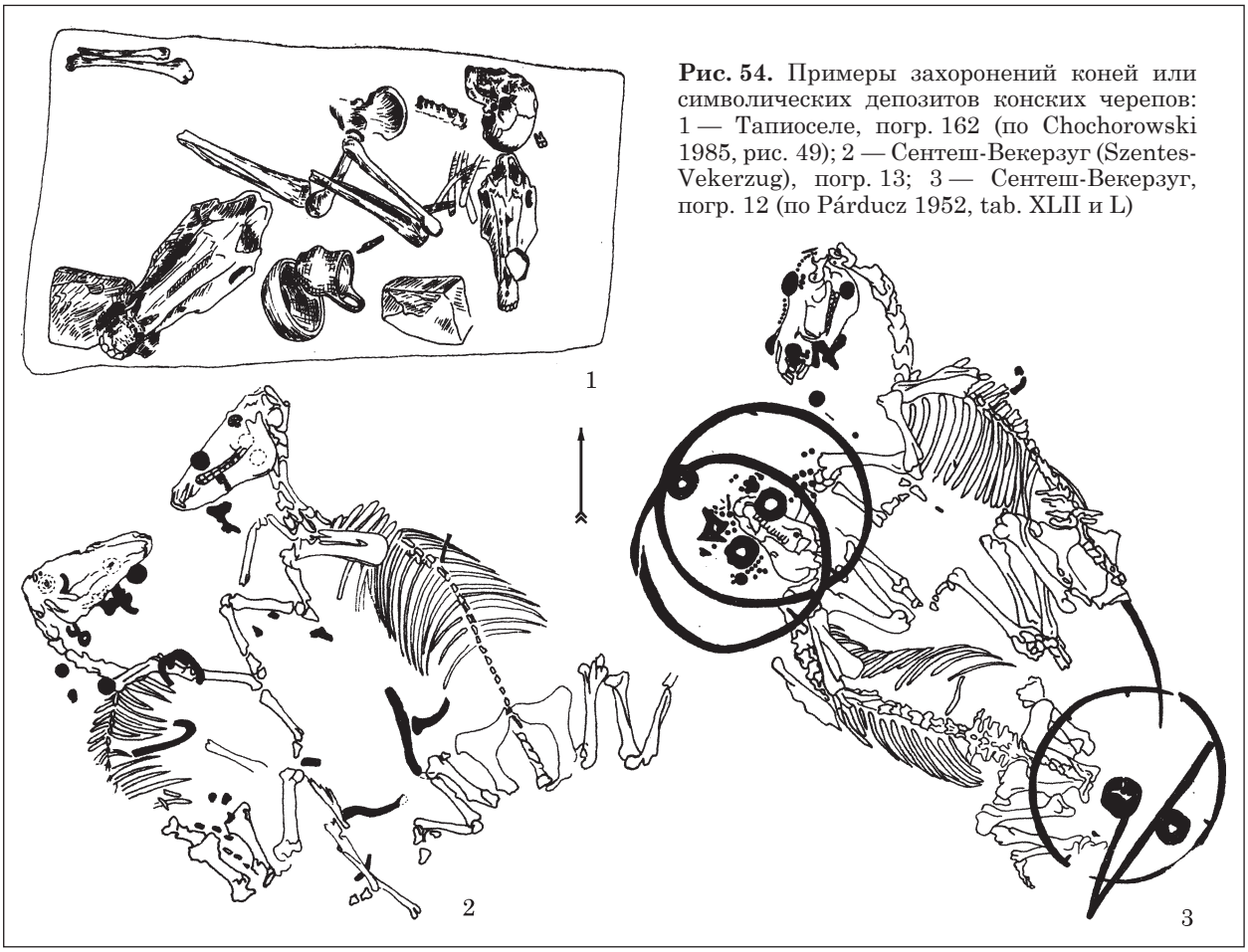

Рис. 54. Примеры захоронений коней или символических депозитов конских черепов: 1 — Тапиоселе, погр. 162 (по Chochorowski 1985, рис. 49); 2 — Сентеш-Векерзуг (Szentes-Vekerzug), погр. 13; 3 — Сентеш-Векерзуг, погр. 12 (по Párducz 1952, tab. XLII и L)

во времена Геродота [1] этническая группа «*сигинны*».

Этнографическая характеристика сигиннов, описанных Геродотом (V: 9), удивительно детализирована, особенно как в отношении к народности, которая проживала на окраинах, известного автору «Истории» (тогдашним грекам) мира: «*Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность, — сигинны. Одеваются они в мидийскую одежду. Кони у сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в 5 пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы земли сигиннов простираются почти до [области] энетов на Адриатическом море. Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все может случиться за столь огромный промежуток времени. Сигиннами, впрочем, лигии, живущие к северу от Массалии, зовут мелких торговцев, а жители Кипра — копья*». Совокупность культурных особенностей, приписываемых сигиннам, должна была четко отличать их от окружающих сообществ и увековечить в сознании современников. Весьма удивительно в этой характеристике то, что она блиско соответствует археологическому образу культуры Векерзуг, и особенно ее группы в южной части Альфельда, чьим эталонным памятником является могильник Сентеш-Векерзуг (Chochorowski 1985b, S. 214, Taf. 5 — карта). Археология подтверждает использование здесь, осбенно мужчинами [2] «мидийской одежды» (брюки, перетянутый поясом кафтан, островерхий головной убор), повозок как транспортного средства (рис. 54), запряженных низкорослыми конями, ведущими свое происхождение от тарпана, и высокого уровня железоделательного производства, продуктами которого были характерные наконечники копий, называемые на Кипре «*сигиннами*» (Chochorowski 1987a, p. 185—197) [3]. Преоблада-

1. Точнее говоря, во времена, когда в сознании информаторов, а возможно и в источниках (например, «*Periegesis*» Hekataiosa?), на которых основывался автор «*Истории*», накапливались знания на эту тему.

2. Женщины использовали наряд, состоящий из платья и накидки, застегнутых застежками, чаще всего в балканском или гальштатском стиле, или булавками.

3. Термины «*sigyne*», «*sigynos*» и «*sybina*» для определения копья также существовали в македонском и иллирийском языках (Harmatta 1968, S. 156). Функционирование контактного пути через центральные Балканы подтверждается присутствием «скифского» оружия в этой зоне, но происходящего из среды культуры Векерзуг (Ljuština, Ninčić 2017, p. 245—254).

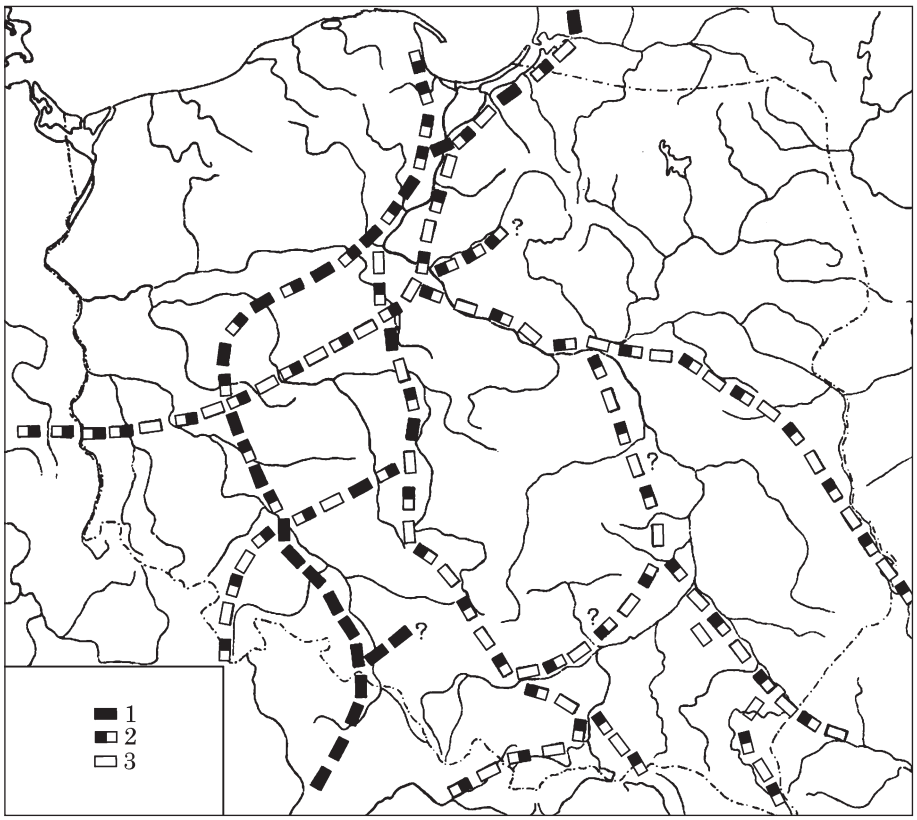

Рис. 55. Торговые пути эпохи раннего железа в бассейне Вислы и Одера: 1 — пути VIII—VII вв. до н. э.; 2 — пути VII—VI вв. до н. э.; 3 — пути VI—V вв. до н. э., (по Chochorowski 1978, fig. 4)

ние животноводства в структуре экономической деятельности населения культуры Векерзуг (Chochorowski 1985a, S. 133—134) находит подтверждение в конкретном упоминании Аполлона Родосского о «*местных пастырях*», которые при виде судна Аргонавтов «*покинули безмерные стада*». Хорошо задокументированы и тесные контакты групп населения Венгерской низменности с районами, лежащими на окраинах юго-восточных Альп вплоть до территории, занятой в древние времена энетами [1] к северу от Адриатики (Chochorowski 1985b, S. 247—254, Taf. 5 — карта; Teržan 1998, S. 521—536). В результате этих контактов в северных районах Италии появились породы низко — и среднерослых лошадей, происходящих от тарпана (Teržan 1995, S. 93; Dular 2007, S. 737—752; Kmetová 2014, p. 214—218, 255—257), которые через территорию энетов [2] попадали тоже в Грецию, где с VII в. до н. э. пользовались репутацией быстрых и победоносных рысаков (Harmatta 1968, S. 153—157). Иконографические изображения из круга художников «искусства ситул» доказывают (Lucke, Frey 1962, Taf. 13, 15, 63, 75), что в этой зоне возничие колесниц (*heniotos*) принимающие участье в скачках рысаков (Kromer 1980, S. 235—236), отличались от других островерхим головным убором (Хохоровски 2017, с. 238—239). Этот типичный элемент мидийской / скифской (кочевнической) одежды раскрывает личность возничих, указывая на сигиннов.

Репутация сигиннов как *«мелких торговцев»*, достигшая территории лигиев, живущих к северу от Массалии, подтверждается обширной сетью сверхдальних торговых контактов, соединяющих Большую Венгерскую низменность с отдаленными иногда территориями. В дополнение к уже упомянутым маршрутам, ведущим в направлении Италии и далее, через Адриатическое море, в Грецию через греческие колонии Адрия и Спина или через центральные Балканы вдоль оси Моравы и Вардара в направлении Эгейского моря [3], отчетливо прослеживается маршрут на север в сторону янтарных земель Балтийского моря над Гданьским заливом (рис. 55). Он вел от северного бассейна реки Тисы через Карпатские перевалы, вдоль Сана или Вислоки и Дунайца (рис. 56), через центральную Польшу и далее к Балтий-

1. По Геродоту (V: 9): «*Пределы земли сигиннов простираются почти до [области] энетов на Адриатическом море*».
2. Эхо этого явления достигает времени Страбона, который упоминает, что у венетов была: «*слабость к разведении коней*» (V: 1, 4), которые «*больше отличаются быстроходностью, нежели красотой*» (V: 1, 9).
3. Нельзя исключить, что это был важный сухопутный маршрут, которым доставляли в Грецию быстрых и выносливых коней, существовавший параллельно с предлагаемой Яношем Хорматтой — «венетийской дорогой» (Harmatta 1968, S. 156—157), связанной с адриатическими морскими путьями, которыми и доставляли сигинских рысаков вплоть до Спарты.

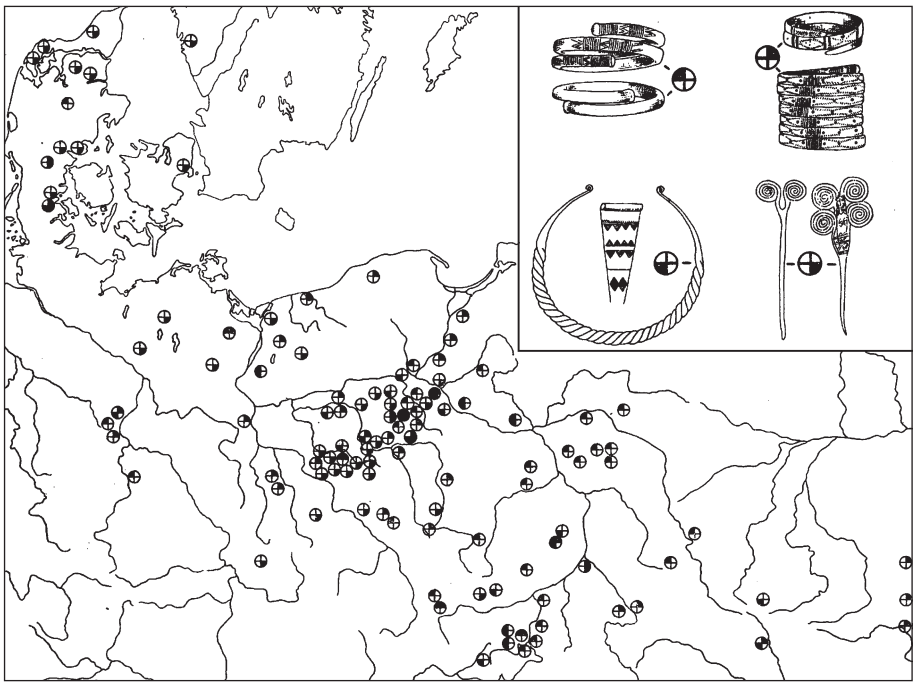

Рис. 56. Распространение т. н. «станоминских бронз» (Станомин; Stanomin) эпохи раннего железа, произведенных в металлургических центрах на территории Куяв и Вielикопольши, в бассейне Вислы и Одера (по Chochorowski 1978, fig. 3)

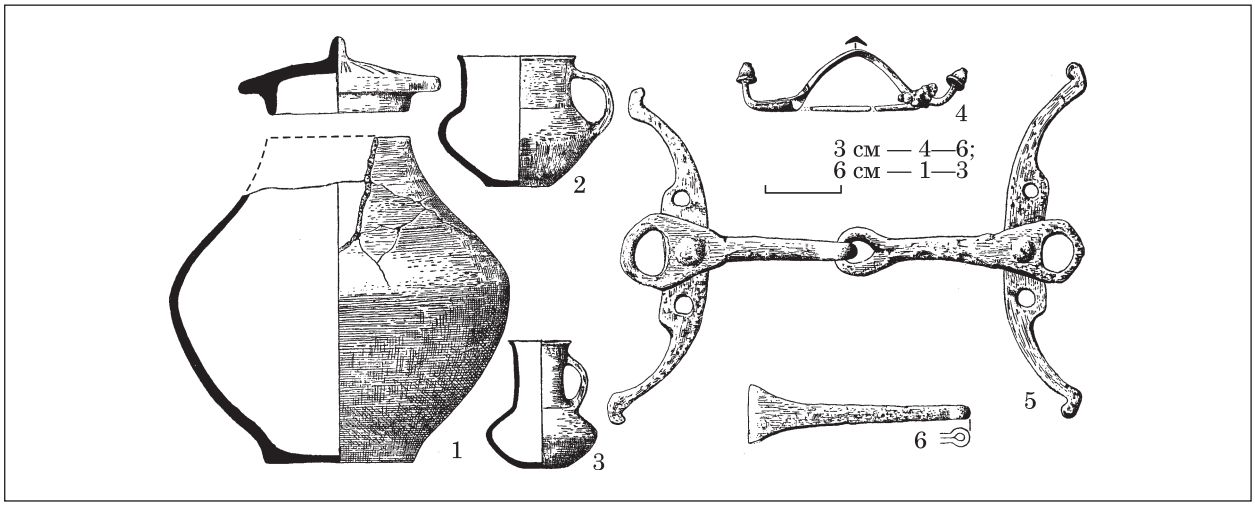

Рис. 57. Вымыслово (Wymysłowo), инвентарь урнового захоронения поморской культуры с удилами типа Векерзуг (по Jasnosz et al. 1959, tab. 24)

скому морю (Chochorowski 1978, p. 367—369, fig. 4 — карта) [1]. Именно этой дорогой в изучаемую эпоху попадал на территории Венгерской низменности, а также на Балканы (Palavestra 1987—1988b, p. 205—210) [2], балтийский янтарь, массово встречаемой в погребальных инвентарьях культуры Векерзуг [3], а в Привисленское Поморье в свою очередь — экзотическое раковины Каури (Kneisel 2012, Abb. 153) [4]. Показательным является также присутствие в центральной Польше, а также в зоне побережий Гданьского залива, элементов конской упряжи характерных типов (рис. 57), использовавшихся в то время на территории Венгерской низменности (Chochorowski 1985b, Abb. 7: 30, Taf. 5 — карта). Очевидно, что в этом слу-

1. Контактную дорогу вдоль Сана утверждает расположение находок сероглиненной кружальной керамики в юго-восточной Польше (рис. 52), тат как «дунаецкий» путь доказывает концентация в этой зоне находок бронзовых изделей так называемого «станоминского типа» характерных для Центральной Польшы (рис. 56).
2. Янтарные бусы в ожерельях массово появляются в «княжеских» захоронениях, например, в Атенице (Djuknić, Jovanović 1966, Pl. XVI; XX: 1—15; XXI: 15—23).
3. Балтийское происхождение янтаря подтверждено спектральным анализом, сделанным, например, для находок из могильника в Хотине (Chotín) в юго-западной Словакии (Beck, Dušek 1969, S. 247—217).
4. Существуют и другие примеры взаимных контактов между Балтийской зоной и центральной Польшей а территорией Венгерской низменности (Krzysiak, Dzięgielewski, Garbacz-Klempka 2017, p. 263).

чае речь может идти только о распространении коней, выращиваемых в Альфельде и взнуздываных при употреблении характерных удил [1]. Несомненно, после периода военных волнений, вызванных «скифскими набегами», ставшими причиной поселенческого и культурного кризиса в узловой, восточно-гальштатской зоне «янтарного пути» (Трансданубия—Моравы—Моравские ворота—Силезия) (Chochorowski 1978, p. 356—363; Teržan 1998, S. 518—526), не поздне чем с половины VI в. до н. э., ключевая роль в обменных отношениях между Балтийским Севером и центральными Балканами принадлежала группировкам из Венгерской низменности. Все указывает на тот факт, что сигинны быстро вродились в центральноевропейское окружение и стались активными, играя здесь существенную роль на торговых путях. Особенным образом получили известность достижениями в отрасли специализированного разведения коней (Sherratt 1993, fig. 12), представляющего существенную инновацию в европейском запасе хозяйственных стратегии. Касается это тоже области железообработки или роли посредников в торговле железными изделями [2], ценившими на отдаленных территорях и ассоциированными с этнонимом их дистрибьюторов (Chochorowski 1987a, p. 195—197).

Несомненно, существенное значение получили контакты населения из территорий Альфельда с жителиями греческих колоний северо-западного побережья Черного моря, особенно с Ольвией и ее окрестностями [3]. Это могло быть даже в определенной степени продолжением взаимоотношений, установленных с сообществами греков северочерноморского региона через кочевнические элиты из Западного Подолья еще во второй половине VII в. до н. э. Именно благодаря этим контактам «*ольвиополиты*» получили знание о специфических культурных поведениях сигиннов, «экзотических» с точки зрения традиции карпатской среды, в том числе и о их «мидийском» — фактически кавказском — происхождени (Хохоровски 2017, с. 239—242). Они же, скорее всего, поделились этими знаниями с Геродотом. Ответ на вопрос: что послужило существенной предпосылкой для установления и поддержания этих контактов, находится вероятно в сфере культурного менталитета кочевнических элит, чье присутствие ярко фиксируется в социальной структуре культуры Векерзуг, особенно в ранний период (конец VII — первая половина VI в. до н. э.). Это относится тоже к сильно выраженному в сымволических поведениях, архетипу воина-всадника, главным образом лучника (погребения с колчанами или стрелковыми наборами), а также проявлений полезной и символической роли коней (отдельные погребения лошадей, присутстве удил в погребальных инвентарьях). Суть этих отношений лежит в основе стратегии социокультурного поведения кочевнических элит. Основываясь свое значение на формациях конных воинов, они стремились предпринимать военные действя, в том числе — грабительские набеги, приносившие экономическую прибыль. В реалиях Центральной Европы единственное, что имело основную ценность в торговле «варваров» с греками были пленные-рабы [4]. Похоже, что торговля быстрыми и выносливыми конями, разводимыми на степных пастбищах Альфельда, которыми прославились сигинны, в случае тарговли с северочерноморскими греческими колониями не могла играть большой роли[5]. Не случайно экономические контакты с греками Северного Причерноморья удерживали свое

1. Характерно, что удила с псалиями типа Векерзуг, найденные в погребении поморской культуры в Вымыслово (Wymysłowo), недалеко от Гостыни (Gostyń) в Великопольше (Jasnosz et al. 1959, Pl. 24), сравнительно небольшого размера. Длина грызла ограниченная псалями достигает около 12 см. Подобное расстояние характерно для удил этого типа с Венгерской низменности (Chochorowski 1985a, Abb. 40: 7). Отсюда следует, что эти удила использовались для обуздения относительно небольших лошадей, разводимых в Альфельде. Здесь стоит отметить, что аналогичных размеров также, например, удила с псалиями греческого типа, использованные на Балканах (Benac, Čović 1957, Taf. XXVI: 1; Dehn 1980, Abb. 1: 3; Werner 1988, Taf. 27: 198) или типа Векерзуг, найденные в кургане в Атенице (Djuknić, Jovanović 1966, p. 12, Pl. XXV: 5), а также в оснащении погребальных обьектов группы Фериджиле (Ferigile) (Vulpe 1967, Pl. XVI: 3, 4; XXII: 8—10).
2. Производившими примерно в альпийских металургических центах, которые в начале эпохи железа открыли «карьеру» известного в античном мире *ferrum Noricum*.
3. Янош Хорматта (Harmatta 1968, S. 157) предлагал также существование в 30-х гг. VI в. до н. э. контактного пути, ведущего с территории сигиннов вдоль нижнего Дуная до Истрии в Добруджу, что не кажется маловероятным, хотя столь реальным является также сухопутная дорога через Трансильванию вдоль Олты.
4. Захват «пленных» на территориях, бывших целями скифских набегов, могло стать причиной локального обезлюживания этих регионов (Chochorowski 2014, fig. 21 — карта, 22).
5. Основным признакам переделов торговли «лошадьми сигиннов» является распространение специфичных удил типа Векерзуг, представляющих собой локальное структурное решение формы уздечки и способа взнуздывания, типичных для этого времени среди групп, проживавших в Венгерской низменности (Chochorowski 1987a, p. 190—195), но неизвестных в северочерноморских районах. Конечно, нельзя исключить, что в районах с хорошими местными традициями взнуздывания коней и развитья собственных форм узды, лошадей иностранного происхождения, в том числе «сигинских лошадей», могли взнуздывать в соответствии с местными стандартами.

значение в период грабительских и разрушительных набегов в районы к северо-западу от Венгерской низменности (Chochorowski 2014, fig. 19 — карта). Это было тоже время формирования и консолидации нового синкретического культурного сообщества на территории Альфельда, несомненно, полиэтнического по своей сути. Именно тогда в среде кочевников Альфельда установился социальный статус элит и атрибуты их субкультуры, в основе которой, помимо прочих, лежали в главном символы скифской культурной тождественности, например, эмблемы в виде стилизованных изображений оленей из Тапиосентмартон и Мезекерестеш-Зельдхальомпуста или рыбы из Бекешчаба (Békéscsaba), изготовленные в греческих мастерских (?) близких территориально и стилистически фракийским художественным традициям. Позже эти контакты с греческими центрами северо-западного побережья Черного моря ослабли [1]. В среде культуры Векерзуг, с одной стороны, проявляется феномен локальной эволюции и трансформация скифских культурных традиций, с другой — четкая изоляция к отношении к северочерноморскому пакету культурных явлений и поворот в сторону гальштатского, в особенности — юго-восточноальпийского культурного круга. В этот период в структуре археологических источников намного слабее фиксируется тоже роль элит. В этой синкретической культурной реальности пришлый этнический элемент, включая кавказских сигиннов, сохранил свою этническую идентичность вплоть до появления кельтов в этом регионе в первой половине IV в. до н. э. (Zbožil 1959, p. 392; Chochorowski 1987a, p. 207).

Краткий обзор самых северных по росположении в европейским интериоре, импортов — изделий из греческих и этрусских (италийских) производственных центров, не дает возможности для исчерпывающего, познавательно логического диагноза, но дает возможность сделать несколько существенных наблюденй. Появление в VI в. до н. э. древнегреческой товарной и роскошной керамики в Хойнебурге на верхнем Дунае составляет археологический фон для довольно смутного — но все-таки существующего — представления об этой территории, поскольку у Геродота есть упоминания о реке Истр, вытекающей из «*земли кельтов*» и «*городе Пирены*». Конечно, существенная суть этих связей заключается не в наличии самих амфор, а в характере их содержимого: вина и масла. Их потребление может указывать на какие-то культурные отношения, которые означали для «варваров» определенный уровень «средиземноморской роскоши». Об этом стремлении интегрировать средиземноморский «образ жизни» в субкультуру гальштатских элит хорошо свидетельствуют наличие роскошной столовой керамики и бронзовых сосудов, например, кратера из Викс, для ритуала жертвоприношений (священной тризны) в захоронениях гальштатских «князей».

Что касается территорий Подолья, то торговые контакты, развивающиеся со второй половины VII в. до н. э., о которых свидетельствует появление амфор и греческой столовой керамики, не отражены в состаянии информации об этих территорьях и их обитателях, представленных в *«Истории»*. Хотя Геродот (IV: 48) хорошо знает реки впадающие в Черное море и Дунай, которые протекают по внешней стороне Карпатской дуги через Молдавскую возвышенность, а также пересекают Валашскую низменность, его знания, по-видимому, не распространяются так далеко как греческий (ольвийский?) «импорт» на Подолье. Это тем более интригующе, что автор *«Истории»* мог лично много засвидетельствовать в Северном Причерноморье, например, благодаря пребыванию в Ольвии и четырехдневному «путешествию» вверх по Южному Бугу (*Hypanis*) вглубь Скифии. О степени взаимных культурных контактов между греками Северного Причерноморья и населением Западного Подолья во второй половине VII в. и первой половине VI в. до н. э., свидетельствует довольно распространенная техника кружального производства т. н. сероглияной посуды. Возможно, существенным является факт, что эта сфера экономической деятельности носит утилитарный характер и связана с практикой повседневного существования, которая не меняла глубже качества жизни в более широком социальном измерении, например, достигающим престижных поведений, а в главном — статуса елит. Поэтому можно предположить, что с точки зрения культурного сознания греков эта придпосылка (культурна черта) не составляла особого интереса и не вызвала никаких интригирующих наблюдений. Следовательно, теоретически нельза исключить, что привоз здесь вина и масла в амфорах (так как раскошной столовой посуды), был связан не столько со стремлением местных елит получит греческий — средиземноморский «вкус» жизни, но с присутствем на территори Подолья мастеров-гончаров, по происхождени связаных с приченоморскими производительными центрами. Действуя в чужом с точки зрения культурной таждественности мире, подде-

1. Контакты группировок из восточной части Карпатского Бассейна с греческими центрами северо-западного побережья Черного моря являлись явно инцидентальными (временными), зависимыми от исторического контекста, а не постоянными, основанными на устойчивой структуре экономичесих взаимозависимости. Вопреки высказываным иногда предложениям некоторых исследователей (Sherrat 1993, fig. 12; Отрешко 1994, с. 118), не существуют никакие предпосылки, которые допускают мнение, что основой этих связей являлся импорт в Причерноморье трансильванской меди, железа или соли.

реживали они связь с материнской средой тоже для привоза продуктов существенных с точки зрения их кулинарных традиции.

Совершенно инная ситуация присуща связям сообществ Венгерской низменности с миром средиземноморской цивилизаций в VII—VI вв. до н. э. Греческий и этрусский эксклюзивный «импорт» является здесь уникальным явлением [1]. В то время, как знания, накопленные в среде северочерноморских греков до времен Геродота, сосредоточены исключительно на одной этнической группировке — сигиннах. Эти знания полны этнографических деталей и представляют синтетический образ этого народа, в том числе и его пришлый характер в местной среде. Геродот даже осознает хронологическое расстояние, которое разделяет его времена с моментом «прибытия» сигиннов на эти территории *«из Мидии»*, хотя он не может объяснить это явление: «*Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все может случиться за столь огромный промежуток времени*» (Herodot V: 9). Аполлон Родосский (IV: 316—327), упоминает тоже в *Аргонавтике* синдов — как соседей сигиннов на *«Лаврийской равнине»*, которые в древности были известны как народ, входящий в структуру этнической меотской группировки на Таманском полуострове (Herodot IV: 28). Это усиливает тезис «о мидийском», точнее кавказском (Хохоровски 2017, с. 241), происхождении сигиннов. И в то же время вновь подчеркивает их статус «чужака» на территорию Венгерской низменности. Кажется, что именно «экзотика» культурных обычаев, значимость цивилизационных достижений сигиннов и их отличительные особенности в местной среде придали им особый статус и известность. Анализ механизмов передачи этой информации в среду северочерноморских греков зависит, в частности, от того, допускаем ли мы возможность того, что греки могли плавать вдоль Дуная, по крайней мере, до «*Лаврийской равнины*». Ответ находится в одном из вариантов решения вопроса: является ли поход «*Аргонавтов*» вверх по Дунаю литературным вымыслом или реальной возможностью, которая, например, указывает на опыт судоходства у греков Истрии [2].

«Инициатива» налаживания контактов с греческими колониями северо-западного побережья Черного моря, несомненно, была, однако, делом кочевнических элит, особенно активных в периоды грабительских набегов в 625/600—570/560 гг. до н. э. Существенным импульсом, конечно же, были экономические соображения — поставка пленных-рабов на греческие рынки[3]. Это был одновременно и момент формирования социально-экономического потенциала первых северочерноморских колоний, в основе которого в эту эпоху, как в случае с Ольвией (Крыжицкий и др. 1999, с. 72—81), лежала аграрная экономика. Этот процесс требовал, несомненно, важного импульса, которым стало увеличение демографического потенциала, приток рабочей силы (Блаватский 1954, с. 38—49; Кругликова 1984, с. 160—161) [4]. Для кочевнических элит, существовавших в этнической среде Альфельда, участие в торговле с греками, было важным фактором создания своей экономической и социальной позиции, о чем свидетельствуют престижные атрибуты богатства, например — золотые эмблемы. Материальные реквизиты аристократической субкультуры служили также возможностью проявить свою культурную идентичность, основывающуюся как на скифских религиозных традициях, так и на эксклюзивных продуктах скифского, греческого или гальштатского происхождения (Тапиосентмартон, Мезекерештес-Зельдхальомпуста, Бекешчаба, Артанд). Торговые контакты с причерноморскими центрами были установлены еще во второй половине VII в. до н. э. на территории Западного Подолья, в рамках обычного товарообмена. Близкий персональ-

1. Наряду с упомянутыми выше греческими и этрусскими импортами, можно еще указать на находки умбрийских бронзовых культовых статуэток, например, в Шомльохедь (Somlóhegy) и Кестхели-Добого (Keszthely-Dobogó) (Szilágyi 1992, S. 223, Abb. 1—2), или фрагментов шлема в Вашкерестеш (Vaskeresztes) (Fekete 1982, S. 136—137, Abb. 7—8). К этой группе предметов следует отнести также поперечноребристые цисты италийского происхождения, например, находку из Вашкерестеш (Szilágyi 1992, S. 229, Abb. 5—7). Хотя наиболее известные находки этого типа представлены комплексом из 14 цист в кладе из Курд (Kurd) (Egg 1996, Abb. 14), по мнению J. Gy. Szilágyi (1992, S. 228), они могли быть изготовлены как подражания за пределами Италии. Еще более сложной является проблема идентификации изделий италийских мастеров среди массово представленных на этих территориях мелких украшений, например, фибул (Fekete 1982, S. 129—137, Abb. 7—8; Gabrovec 1992, Abb. 5).

2. По мнению Яноша Хорматты (Harmatta 1968, S. 157) задокументированная в античной традиции письменная информация о сигиннах, попала в среду северочерноморских греков в 30-е гг. VI в. до н. э. через Истрию. Стоит отметить, что в системе каботажного судоходства вдоль западных берегов Эвксинского Понта, Дунай (Истр) а точнее — его устья, представляли собой важный ориентировочный пункт (Гайдукевич 1969, с. 12—14).

3. Здесь надо вспомнить о давнем высказывании В. Д. Блаватского (1954, с. 32): «*Важнейшим источником рабства у местных племен Северного Причерноморья были военные столкновения между ними*».

4. Согласно В. Д. Блаватскому (1954, с. 38—39), например, в IV в. до н. э.: «*в районе Феодосии существовали… типично античные рабовладельческие хозяйства средних размеров, в которых было примерно* ***два десятка рабов-землепашцев***» (выделено автором — *Я. Х.*).

ный характер этих контактов подчеркивает заимствование от греков технологии гончарного производства [1], распространенной затем переселенцами из Подолья на территории Венгерской низменности, отчасти независимо уже от ее первоначального центра. Это был массовый процесс, связанный с практикой экономической деятельности, а не элемент «экзотики» или только атрибут аристократической субкультуры. Он создавал правда признаки отличия населения культуры Векерзуг от среднеевропейской окружающей культурной среды, но не стал затравкой для изменения производительных процессов (хотя бы в области гончарного промысла) в более широком измерении [2]. Так как «историю» не создают ни торговцы, ни гончары, создают ее элиты.

Сопоставление этих различных механизмов распространения материальных изделий, раскрывающих средиземноморское цивилизационное влияние в Центральной Европе подразумевает, как кажется, что это был не совсем случайный процесс, напоминающий пресловутое «разбрасывание засохших листьев ветром Истории». Ключом к пониманию этой ситуации может быть первенствующая роль «варварских» элит, которые были инициаторами и «агентами» контактов с греческими и этрусскими производственными центрами, строя на этом свой престиж и заимствуя оттуда средства и атрибуты для создания аристократической субкультуры. Чаще всего как в Альфельде, так и на Балканах, это атрибуты, связанные с расширением ассортимента оборонительного вооружения, подчеркивающего статус и придающего эффективность военной деятельности. В западно-гальштатской культурной среде проявляется выразительная тенденция к накоплению и экспонированию ритуальных и полезных атрибутов, как элемента эксклюзивности «придворной жизни», широко проиллюстрированной, например, в «искусстве ситул» (Lucke, Frey 1962, Taf. 1—3, 5, 64, 67—68, 73, 75—76; Kromer 1980, S. 225—240). Греческие колонисты и этрусские мастера, реализуя собственные экономические стратегии, дали возможность «варварским» элитам создать и укрепить свои общественно-политические позиции.

Проявляется здесь еще и другая сторона обсуждаемого вопроса. Речь идет о культурном и даже пространственном самосознании потребителей средиземноморских продуктов, живших в глубине европейского «варварского» интериора. Рассматривали ли они материальные импорты, только как более или менее полезные в различных сферах хозяйственной и культурной жизни предметы-вещи, случайно «путешествовавшие» в рамках межгруппового обмена, или они понимали их первоначальный культурный контекст и смысл? Знали ли они географию их происхождения? Идя дальше, проявляли ли хотя бы некоторые из них, принадлежавшие к более прогрессивной части населения, предшественники тогдашних инноваций присутствующие во всех сообществах, в том числе и традиционных (Moszyński 1958, p. 473—475) — преднамеренные попытки сокращения культурного разрыва, например, за счет дальних путешествий? [3]. И, наконец, были ли общественные (не только индивидуальные) основания для таких действий? В целом же — существовала ли какая-либо культурная связь между потребителями и производителями «импортов»?

К сожалению, исследовательский потенциал археологических источников и состояние их изучения не позволяют ответить на указанные выше вопросы. Античная литературная традиция собранная, например, в труде Геродота, (несомненно, достоверная — учитывая географический и хронологический контекст накопления содержавшихся в них и обсуждаемых здесь сведений) также немного нам помогает. Однако, перефразируя формулировку самого Геродота (IV: 11) «*существует еще и третье сказание, ему я сам больше всего доверяю*», не стоит оставлять эти вопросы без попытки ответа. Речь идет об описанных в *«Истории»* (Herodot IV: 36) легендарных, «крайне северных» *гипербореях*, анонимных этнически сообществах, занимавших самые северные окраины известного грекам мира (Chochorowski 2013, p. 143—144). Автор «Истории» упоминает о них в контексте своего рассказа о скифах, собственно, о географии этнической Скифии, трактуя их как своеобразное «обрамление» созданной картины (Herodot IV: 32): «*О гипербореях ничего не известно ни скифам, ни другим*

1. Столь широкое распространение кружальной технологии в гончарном производстве было связано либо с пребыванием представителей (мастеров) «варварских» общин с территории Западного Подолья в гончарных мастерских, функционировавших в колониях или в их поблизости, либо с присутствием греческих гончаров на поселениях Западноподольской группы. В противном случае, процесс «обучения» этой технической инновации был бы гораздо более продолжительным. На территории Молдовы, отделяющей Западное Подолье от северо-западного побережья Черного Моря, не зафиксировано столь раннего присутствия сероглиняной кружальной керамики и признаков постепенного проникновения технологии гончарного производства, так рано, как на Западном Подолье, т. е. уже со второй половины VII в. до н. э. (Chochorowski 1996, p. 123—124). Таким образом, это не процесс постепенного распространения инноваций из первоначального центра, а явление образования вторичного центра на территории Западного Подолья.
2. За пределами культуры Векерзуг и ее влияний (Czopek 1993, p. 487—502; Chochorowski 1996, fig. 1 — карта), на территории северной части центральной Европы гончарная керамика, появляется только вместе с кельтами после 400 г. до н. э.
3. О далеких путешествиях скифов, связанных с торговлей, вспоминает, например, Геродот (IV: 24).

народам этой части света, кроме исседонов. Впрочем, как я думаю, исседоны также ничего о них не знают; ведь иначе, пожалуй, и скифы рассказывали бы о них, как они рассказывают об одноглазых людях (аримаспах — заметка *Я. Х.*). *Но все же у Гесиода есть известие о гипербореях; упоминает о них Гомер в «Эпигонах…»*. Из информации о местоположении упомянутых здесь *исседонов* следует (Herodot IV: 25—27), что они занимали какие-то территории за «*высокими, недоступными горами*» (Уралом?) на границе известного и неизвестного миров. «*Итак* — пишет Геродот (IV: 27) — *о исседонах у нас есть еще сведения. Выше исседонов, по их собственным рассказом, живут одноглазые люди* (аримаспы — заметка *Я. Х.*) *и стерегущие золото грифы*». Если «*стерегущих золото грифов*» принять за мифологический эквивалент «скифо-сибирской» культурной модели сообществ территорий Алтая и Западного Саяна, в верховьях Оби и Енисея (Полосьмак 1994; с. 6—10, рис. 1; 2001, с. 33—35; Parzinger 2006, S. 586—619; Парцингер 2017, с. 310—316), с ярко выраженным в зооморфной символике мотивом грифона (Parzinger 2008, S. 40), то находящихся по соседству *исседонов*, как и *гиперборе*ев, тоже стоит включить в этническую мозаику пограничья Западной Сибири и Центральной Азии.

Еще больше о географическом и этническом контексте сибирских *гиперборе*ев мы узнаем из цитируемого в *«Истории»* сообщения Аристея (Herodot IV: 13): «*По его рассказам, за исседонами обитают аримаспы — одноглазые люди; за аримаспами — стерегущие золото грифы, а еще выше* (значит: севернее — заметка *Я. Х.*) *за ними — гипербореи на границе с морем. Все эти народы,* ***кроме гиперборе*ев*** (выделено автором — *Я. Х.*), *постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы). Аримаспы изгнали исседонов из их страны, затем исседоны вытеснили скифов, а киммерийцы, обитавшие у Южного моря, под напором скифов покинули свою родину*». Отсюда следует, что сибирские гипербореи не были участниками процесса этнических миграций в степной зоне (и лесостепи?), носивших характер цепной реакции, что привело к переселению «азиатских» скифов на Кавказско-Причерноморские территории, и вытеснению оттуда киммерийцев (Herodot IV: 11). Следовательно, если принять литературное изображение этого процесса за исторический факт, то сибирских гиперборе*ев*, вероятно, можно рассматривать как оседлый этнос, занимавший районы за пределами «коридора» Великой Степи (в лесной или лесостепной зоне?). Так или иначе, сибирские гипербореи никаким образом не могли быть соседями северо-причерноморских скифов во времена Геродота. Это вытекает из уже упомянутых свидетельств, но прежде всего из описанной Геродотом (Herodot IV: 17—22) географии этнической Скифии. Вне зависимости от спора относительно интерпретации этого сообщения (например: Рыбаков 1979; Мозолевський 1996, с. 51—66; 2005, с. 43—57), нет никаких сомнений в том, что ни в определенной Геродотом этнической структуре Скифии, ни среди ее ближних и дальних европейских соседей, нет места для каких-либо «*гиперборе*ев».

В этом контексте весьма интригующей оказывается другая информация Геродота, касающаяся *гиперборе*ев, тем более что, согласно однозначному заявлению автора *«Истории»*, получена она не от северочерноморских греков, а от делосцев, т. е. жителей острова Делос в Эгейском море, который во времена Геродота играл чрезвычайно важную политическую и культурную роль [1], т. е. из самого сердца Греции (Herodot IV: 33): «*Гораздо больше о гиперборе*ях рассказывают делосцы. По их словам, гипербореи посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов дары принимают ближайшие соседи, и каждый народ всегда передает их все дальше и дальше вплоть до Адриатического моря на крайнем западе. Оттуда дары отправляют на юг: сначала они попадают к додонским эллинам, а дальше их везут к Малийскому заливу и переправляют на Евбею. Здесь их перевозят из одного города в другой, вплоть до Кариста. Однако минуют Андрос, так как каристийцы перевозят святыню прямо на Тенос, а теносцы — на Делос. Так-то, по рассказам делосцев, эти священные дары наконец прибывают на Делос*».

Приведенный фрагмент сразу вызывает основной вопрос: о каких *гиперборе*ях и каких *скифах* рассказывают *делосцы*? Ведь в другом месте Геродот (IV: 32), имея в виду причерноморских скифов (!), подчеркивает: «*О гиперборе*ях ничего не известно ни скифам, ни другим народам этой части света*». Если посредниками в передаче жертвенных подношений гиперборе*ев* в храм на Делосе должны быть причерноморские скифы, то почему они не воспользовались традиционным греческим морским путем, ведущим от Босфора Фракийского в гавани Истрии и устья Истра, через устье Днестра (*Тирас*) и далее в направлении других северочерноморских колоний. Или каким-либо другим судоходным путем, ведущим из Черного Моря в Эгейское (Гайдукевич 1969, с. 11—19). Направление сухопутного (?) маршрута, ведущего от причерноморских скифов в Адриатику, и дальше — по традиционному морскому пути (Jerem 1996, Abb. 6; Mihovilić 1995, Abb. 1), от устья По, до Доданы в Эпире, а затем, через материковую Грецию, на остров Евбею, и только оттуда на Делос, кажется, в

1. Остров Делос был одним из главных центров культа Аполлона, где существовал знаменитый, известный во всем тогдашнем мире оракул. В 478—454 гг. н. э. он был столицей так называемого Морского союза во главе с Афинами, так называемой Делосской Симмахии (Bravo, Wipszycka 1988, p. 287—288).

этом случае иррациональным с географической точки зрения. Решение этой дилеммы может быть только одно: «скифы» из сказания делосцев — это сообщества со скифообразной культурой (в том числе употребляющие мидийскую / скифскую одежду), на территории Венгерской низменности. Гиперборейцы, впоследствии, это вероятно, местное оседлое население, занимавшееся земледелием («*жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому*»), проживавшее по соседству со «скифами» с Венгерской низменности, и связанное с ними «торговым» обменом. А также сакральной передачей вотивных даров. Торговый путь к Эгейскому морю, ведущий через центральные Балканы по линии Тиса—Морава—Вардар, предоставляя возможность обмена товарами, способствовал также передаче информации, которые попадали к грекам, между тем — делосцам. Не удивляет тогда, что в Греции (включая Делос) население Венгерской низменности, выделяющееся из окружающей среды «мидийской одеждой», считали скифами. Это культурное отличие центрально-европейского анклава кочевников засвидетельствовали и художники из т. н. круга «искусства ситул», оставив такие иконографические свидетельства, как образ лучника в «мидийской» одежде на бронзовой оковке пояса из Мольника (Molnika) (Teržan 1998, Abb. 10). Или островерхие головные уборы сигиннских возничих колесниц (*heniotos*) в сценах соревнований рысаков, изображенных на ситулах с Куферна (Kufern) и Болоньи-Арноальди (Bologna-Arnoaldi) (Lucke, Frey 1962, Taf. 13, 15, 75) [1]. Очевидно, хорошо задокументированный археологическими и историческими источниками контактный путь, ведущий через территории гальштатского населения с юго-восточной окраины Альп и адриатических территорий, в некотором смысле также контролируемый сигиннами, использовался для передачи вотивных даров от среднеевропейских гиперборейцев на Делос.

Возникает следующий вопрос: какое население скрывалось под общим термином «гиперборейцев», используемым жителями Делоса во времена Геродота? Уже сам характер этого своеобразного «этнонима» локализирует их где-то на самом дальнем, неизвестном «Севере». Об их местоположение свидетельствует очевидно и тот факт, что посредниками в передаче священных даров были «скифы», т. е. сообщества, занимавшие регион Венгерской низменности (в том числе сигинны), со скифской моделью культурного поведения, наиболее яркой визуальной особенностью которой было «ношение мидийской одежды» («*одеваются они в мидийскую одежду*» — Геродот V: 9). Счита-

1. Нельзя исключать, что подобная сцена изображена и на цилиндрическом сосуде-цисте из Морицинга (Moritzing) (Lucke, Frey 1962, Taf. 13). Представленные на ней колесницы с двойной упряжкой, иконографически являются, по существу, дублированием подобной сцены, изображенной на ситуле из Куферна (Kufern). К сожалению, на цисте из Морицинга не сохранились изображения возничих.

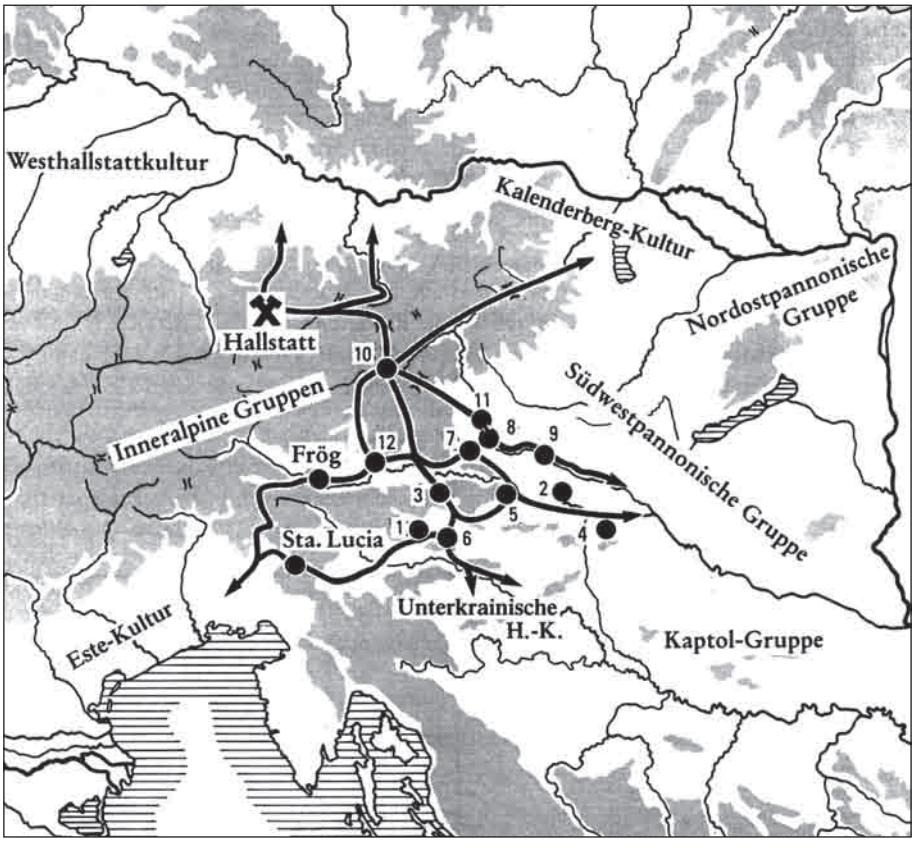

Рис. 58. Политические центры и торговые пути на юго-восточно альпийских территориях в гальштатский период (по Egg 1999, fig. 4)

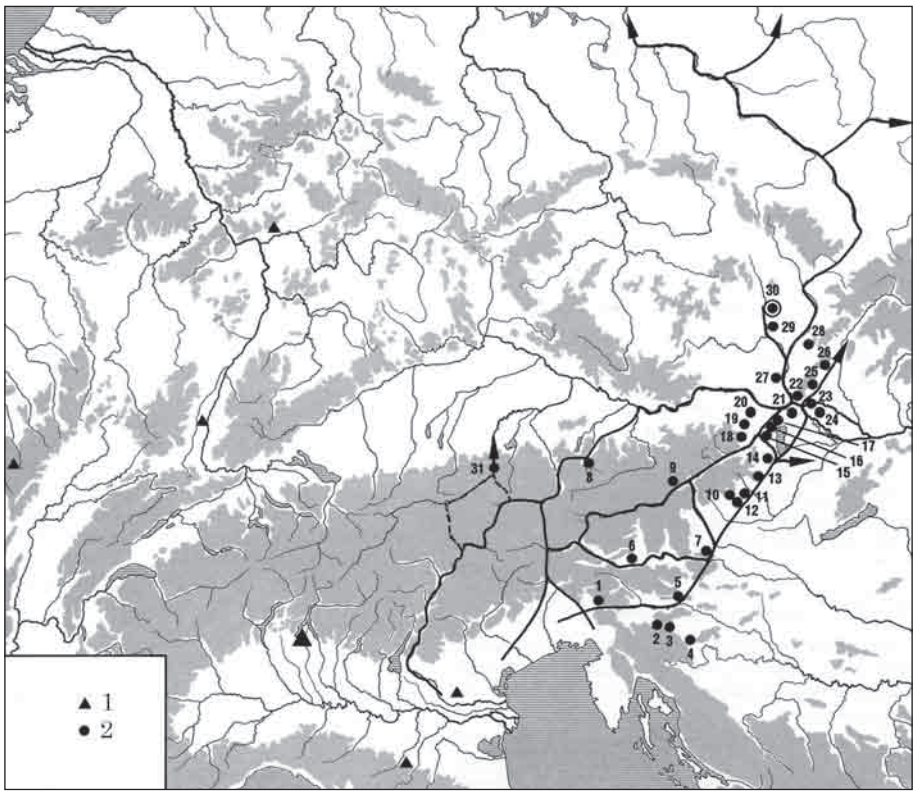

Рис. 59. Направления главных контактных путей юг—север в старший гальштатский период (HaC — начало HaD_1): 1 — бронзовые миски (*phiale*) с ребристым орнаментом (*Rippenschale*); 2 — главные археологические стоянки (по Parzinger 1995, рис. 11)

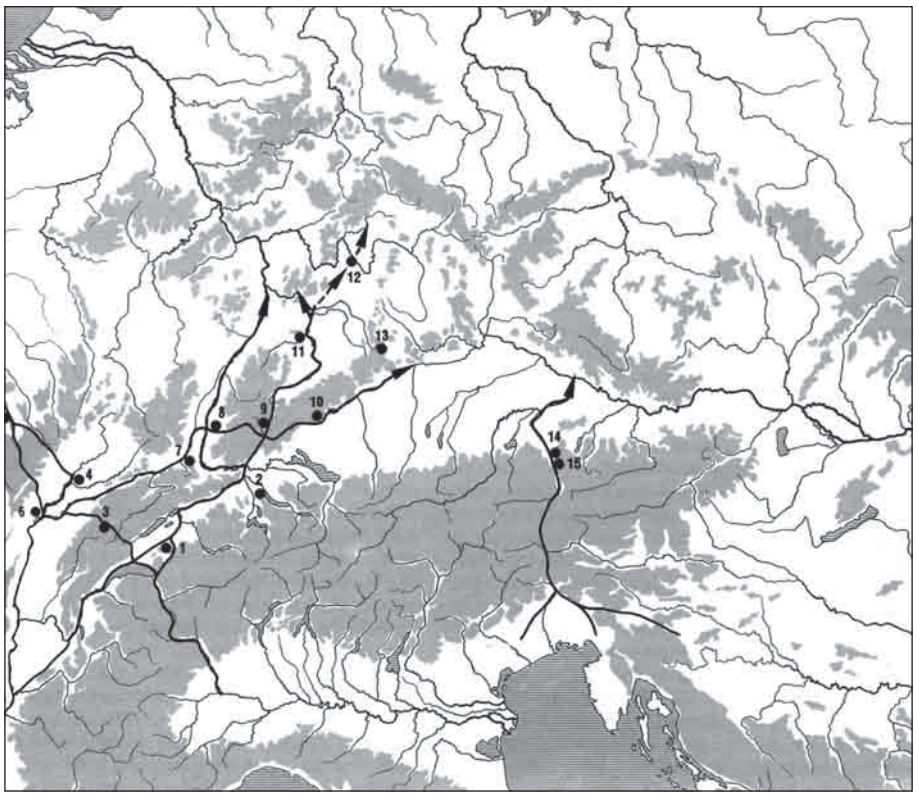

Рис. 60. Направления главных путей юг—север в поздний гальштатский период (Ha D_1 — HaD_3), основные позднегальштатские стоянки, в основном оборонительные поселения (по Parzinger 1995, рис. 12)

ется мало вероятным, чтобы под названием «гиперборейцев» скрывались сообщества из-за внешней стороны Карпатской дуги от Валашской низменности, до северной Молдовы и даже Подолии, из-за тесных связей со средой причерноморских греческих колоний (Preda 1973, fig. 5 — карта). Здесь кстати, надо поместить также, хорошо известных по Геродоту — агафирсов (Herodot IV: 104). В свою очередь, население гальштатского культурного круга, заселявшее районы к западу от Карпатского бассейна, существовало в среде автономной сети торговых путей (рис. 58—60), ведущих в сторону *Caput Adrie*, Северной Италии и Мас-

Рис. 61. Центральноевропейский торговый путь Балтийское Море—Балканы в VI—V вв. до н. э.: 1 — распространение греческих амфор; 2 — распространение италийского (в том числе этрусского) импорта; 3 — торговый путь Висла—Тиса—Морава—Вардар; 4 — дорога священных даров, гиперборейцев в храм на Делосе

салии (Parzinger 1995, Abb. 11—12; Jerem 1996, Abb. 5). Любое посредничество «скифов» в поэтапном обмене товаров, здесь вообще не было нужным. Таким образом, наиболее вероятно, что под названием «гиперборейцев» у делосцов понимались сообщества, населявшие территории с северной стороны Карпатской дуги, которые в VI—V вв. до н. э. были связанны с населением культуры Векерзуг из Венгерской низменности, торговыми путями, ведущими в сторону янтарных балтийских регионов (рис. 61). Основанная в значительной степени на земледельческом хозяйстве, экономическая стратегия населения раннего железного века в бассейне Вислы и Варты, с традициями, характерными еще для культурной модели культур урновых полей эпохи поздней бронзы, как кажется, может отвечать символике вотивных даров, приносившихся гиперборейцами в храм на далеком Делосе. Это обозначает не только присущее населению бассейна Вислы осознание факта существования культовых мест надрегионального статуса в средиземноморском мире, но также и признание общих ценностей в сфере религиозного менталитета.

Рассказ делосцев о дарах гиперборейцев, имеет много подробностей, включая имена «девиц», отправленных ими к святилищу, и описание обстоятельств появления этого обычая (Herodot IV: 33): «*В первый раз, говорят делосцы, гипербореи послали с дарами двух девушек, по имени Гипероха и Лаодика. Вместе с ними были отправлены провожатыми для безопасности девушек пять гиперборейских горожан. Это те, кого теперь называют перфереями и весьма почитают на Делосе. Однако, когда посланцы не вернулись на родину, гипербореи испугались, что посланцев всякий раз может постигнуть несчастье, и они не возвратятся домой. Поэтому они стали приносить священные дары, завернутые в пшеничную солому, на границу своих владений, и передавать соседям с просьбой отослать их другим народам. И вот таким образом, как передают, дары отправлялись и наконец прибывали на Делос*». Привлекает внимание мотив беспокойства гиперборейцев о судьбе посланников с вотивными дарами, подверженных опасностям долгого пути. Подобная картина условий путешествий в тогдашние времена, как кажется, звучит и в описаниях Фукидида (История, I: 6; 1—2), посвященных «доисторическим» временам Эллады: «*Дело в том, что жители всей Эллады ходили тогда вооруженными: жилища не были*

защищены, ***пути сообщения не безопасны, что и ввело в обычай жить с оружием, как живут варвары*** (выделено автором — *Я. Х.*). *Те части Эллады, в которых ведут еще и теперь такой образ жизни, свидетельствуют о существовании некогда подобных обычаев у всех эллинов*». Здесь возникает вопрос: сакрализовала ли замена реального путешествия послов, сакральной процедурой поэтапной передачи вотивных даров, другие формы обмена? Или действительно обращение к религиозным предпосылкам могло послужить нейтрализации угроз, исходящих от уровня агрессии и состояния постоянного военного напряжения (перманентного конфликта?), тоже характерного, по мнению Фукидида, для варваров?

Попытка сопоставления северной границы распространения средиземноморских импортов в VII—VI вв. до н. э., с состоянием знаний о территории центральноевропейских «варваров», накопленных в основном, в «разговорной» античной традиции, собранной Геродотом [1], в конечном счете, не приводит к какому-либо «однозначному диагнозу» этого явления. Однако, несмотря на то, что здесь нельзя проследить тесной связи, эти два свидетельства изучения «варварской» Европы, средиземноморскими сообществами (а точнее, их наиболее активными, любознательными представителями), остаются в какой-то степени взаимосвязаны друг с другом. Предшественниками и, наверное, организаторами процедур обмена со стороны «варваров», были, в основном, представители элиты. Вне досягаемости их действия, распространение товаров средиземноморских мастерских и их подражаний могло принимать по своей природе характер «затухающей волны». Там, где элиты не играли существенной социальной роли, так как гальштатские «князья» или кочевнические (скифские) «вожди» из территории Альфельда (например, в среде сообществ с традициями культур урновых полей в северной части Центральной Европы), протекание предметов престижного обмена могло носить сакральный характер. В основе сакрализации лежало, наверное, обращение к ценностям и религиозным символам (и проявлениям религиозности), аналогичным (общим?) для Греческого Юга и «варварского» Севера Европы. Средиземноморская и «варварская» часть Европы составляли, однако, культурное (идейное) единство, связанное структурами взаимной зависимости, как сообщающиеся сосуды, прочность которых уменьшалась по мере удаления от первичных и вторичных «центров». Состояние географического и культурного сознания и масштабы взаимопроникновения обоих миров были, вероятно, гораздо большими, чем об этом можно судить, исходя из количества, привлекательности и познавательного потенциала, сохранившихся предметов «импорта» — материальных археологических следов взаимной заинтересованности этих миров.

1. Задача автора настоящей статьи, как и его компетенция, далеки от того, чтобы спровоцировать дискуссию, касающуюся достоверности информации Геродота или же критики использованных им источников, часто инициируемой, как можно отметить, для их опровержения. Сопоставляем только археологические факты и соответствующие им по значению, по нашему мнению, литературные произведения, познавательная ценность которых сама по себе не может быть проигнорирована (Hartog 2009). Однако, полагаем, что для полноты картины стоит привести слова о рассказе Геродота признанных мастеров литературы факта — документальной публицистики и репортажа: «*В мире Геродота* — писал Ришард Капусьцински — *практически единственным депозитарием памяти есть человек. Для того, чтобы узнать то, что осталось в памяти, нужно прийти к человеку, а если он живет далеко от нас, мы должны отправиться к нему, тронуться в путь, а уж, когда встретимся с ним — посидеть вместе и послушать, что он нам скажет, выслушать его, запомнить, может — записать. Так начинается репортаж… Итак, и Геродот путешествует по свету, он встречает людей и слушает то, что они рассказывают. Они говорят ему, кто они, повествуют свою историю. Но откуда они знают, кто они, откуда они? Ах, рассказывают, что слышали это от других, в первую очередь, от своих предков. Те передали им свои знания, так и теперь они совершают то же по отношению к другим… Потом все это назовут легендами и мифами, но в тот момент, когда людям рассказывают это или слушают об этом, они верят, что это святая правда, самая действительная действительность*» (Kapuściński 2004, p. 77). Нельзя также не отметить еще один признак правдивости информации Геродота, касающегося культурного поведения различных «варварских» народов. Это не только метод сбора сведений, но и отношение автора «Истории» к смыслу культурных различий, присущих «чужим»: «*Если бы дать возможность всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные. Так, каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни наилучшие.* ***Поэтому как может здравомыслящий человек издеваться над подобными вещами****!* (выделено автором — *Я. Х.*)» (Herodot III: 38). Такое отношение сегодня, как и вчера, может рассматриваться как образец гуманитарного объективизма и уважения к «инородности», но и свидетельствовать также о скрупулезности повествования Геродота о «варварах» Не без оснований среди различных мнений, касающихся достоверности рассказов Геродота, появляются тоже терпкие и скептические замечания о самом методе научной рефлексии: «*Оказалось, что Геродот был во многом прав. Особенно в нашу эпоху безумных деконструкций, когда новое поколение историков считает нужным прохаживаться по поводу древних авторов до тех пор, пока информация, которую они сохранили (а передача информации была единственной целью их тяжких исследований и писаний), не обесценится. Теперь считается, что у древних авторов важен только «дискурс», подсознательно навязываемые информационные схемы ради создания определенных контрастов и «оппозиций», востребованных обществом, в котором жил конкретный историограф*» (Ascherson, 2002, p. 90).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Бандривский, Н. С. 2009. Новые открытия памятников искусства Северного Причерноморья. В: Вахтина, М. Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Искусство на периферии Античного мира. Материалы международной конференции*. Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 30-38.

Блаватский, В. Д. 1954. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. *Советская археология*, XX, с. 31-56.

Вахтина, М. Ю. 1996. Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища. *Археологія*, 4, с. 85-93.

Гайдукевич, В. Ф. 1969. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 116, с. 11-19.

Ганіна, О. Д. 1970. *Античні бронзи з Піщаного*. Київ: Наукова думка.

Ганіна, О. Д. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте. *Археологія*, XIX, с. 106-117.

Ганіна, О. Д. 1984. Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся. *Археологія*, 47, с. 68-79.

Геродот. 1999. *История в девяти томах*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Москва: Ладомир, АСТ.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.

Кругликова, И. Т. 1984. Сельское хозяйство и промыслы. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Античные государства Северного Причерноморья*. Москва: Наука, с. 154-161.

Крыжицкий, С. Д., Русяева, А. С., Крапивина, В. В., Лейпунская, Н. А., Скржинская, М. В., Анохин, В. А. 1999. *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье*. Киев: ИА НАНУ.

Кузнецова, Т. М. 2002. *Зеркала Скифии VI—III века до н. э.* Москва: Индрик.

МикулчиЋ, И. Архајске некрополе јужне Пелагоније. 1964—1965. *Старинар*, XV—XVI, с. 209-226.

Мозолевський, Б. М. 1996. Проблеми етнічної географії Скіфії. *Археологія*, 4, с. 51-66.

Мозолевський, Б. М. 2005. *Етнічна географія Скіфії*. Київ: Корвин Пресс.

Молодин, В. И. 2010. Экологический «стресс» на рубеже» II—I тыс. до н. э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири. В: Черная, М. П. (ред.). *Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-сибирских археолого-этнографических совещаний*. Томск: Аграф-Пресс, с. 22-24.

Онайко, Н. А. 1966. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—VI вв. до н. э.* Москва: Наука. Археология СССР. Свод археологических источников, Д 1—27.

Отрешко, В. М. 1994. Про основи економіки Березанського поселення. *Археологія*, 2, с. 112-122.

Парцингер, Г. 2017. Элитный скифский курган Аржан-2 в Туве: итоги изучения. В: Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. *Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, с. 302-326.

Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.

Полосьмак, Н. В. 1994. *«Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы)*. Новосибирск: Наука.

Полосьмак, Н. В. 2001. *Всадники Укока*. Новосибирск: Инфолио-Пресс.

Попович, І. 2006. *Закарпаття за доби ранного заліза*. Kraków; Lwów: Uniwersytet Jagielloński.

ПоповиЋ, Љ. Б. 1994. *Античка грчка збирка*. Београд: Народни Музеј Београд.

Рыбаков, Б. А. 1979. *Геродотова Скифия. Историко-географический анализ*. Москва: Наука.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев: ИА НАНУ

Скуднова, В. М. 1988. *Архаический некрополь Ольвии*. Ленинград: Искусство.

Смирнова, Г. И. 1979. Курганы у села Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на среднем Днестре. *Труды Государственного Эрмитажа*, XX, с. 37-67.

Смирнова, Г. И. 1986. Скифское поселение у с. Долиняны (раскоп «у тока»). В: Смирнова, Г. И. (ред.). *Древние памятники культур на территории СССР*. Ленинград: РГЭ, с. 137-140.

Смирнова, Г. И. 1993. Время появления скифов в Карпатском регионе. *Actes du XIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Bratislava, 1—7 Septembre. Nitra, 1991, 3*, с. 198-203.

Смирнова, Г. И. 1998. О работах на раннескифском поселении у с. Долиняны в 1985 и 1987 гг. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 33, с. 33-48.

Смирнова, Г. И. 1999. Еще раз о серой кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 34, с. 44-57.

Страбон. 1964. *География в 17 книгах*. Перевод, статья и комментари Г. А. Стратановского. Москва: Наука.

Фукидид. 1981. *История*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Ленинград: Наука.

Хохоровски, Я. 2011. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской Котловине в конце бронзового века. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). *«Terra Scythica». Материалы международного симпозиума «Terra Scythica» (17—23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай)*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, с. 319-336.

Хохоровски, Я. 2017. Кавказ и Карпатский бассейн в раннем железном веке (проблема происхождения сигиннов). *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 228-244.

Apollonios Rhodios. 1940. *Die Argonauten*. Verdeutscht von Thassilo von Scheffer. Leipzig.

Ascherson, N. 2002. *Morze Czarne*. Poznań: Zysk i S-ka.

Bakhuizen, S. C. 1986. Between Ilyrians and Greeks: the cities of Epidamnos and Apollonia. *Iliria*, 1, p. 165-177.

Batović, Š. 1976. Le relazioni culturali tra le sponde adriatiche nell'eta del ferro. In: Suić, M. (ed.). *Jadranska obala u protohistoriji. Kulturni i etnički problemi*. Zagreb: Arheološki Institut, p. 11-93.

Batović, Š. 1987. Liburnska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 339-390.

Beck, C. W., Dušek, M. 1969. Die Hernkunft des Bernsteins vom thrakischen Gräberfeld von Chotín. *Slovenská Archeológia*, XVII, p. 247-258.

Benac, A., Čović, B. 1957. *Glasinac. II: Eisenzeit*. Sarajevo: Landesmuseum.

Boom, H. van den, Pape, J. 2000. Die massaliotischen Amphoren. *Römisch-Germanischen Forschungen*, 59: Importe und mediterrane Einflüsse auf der Heuneburg. Heuneburgstudien, S. 43-70.

Boardman, J. 1981. *Kolonien und Handel der Griechen. Vom späten 9. bis zum 6. Jahrhundert v. Chr.* München: C. H. Beck.

Bouloumié, B. 1982. Remarques sur la diffusion d'objets grecs et Etrusques en Europe Centrale et Nord-Occidentale. *Savaria. A vas Megyei Múzeumok Értesítője*, 16, p. 181-192.

Bouzek, J. 1982. Antike importe im Gebiet der heutigen Tschechoslowakei. *Savaria. A vas Megyei Múzeumok Értesítője*, 16, S. 193-201.

Bouzek, J. 1992. Die Etrusker und Böhmen. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 361-369.

Bouzek, J. 2007. Jaký byl doopravdy obchod v pravěku? *Studia Archeologiczne*, XL, p. 19-32.

Böhr, E. 1988. Die grichische Schalen. *Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Würtemberg*, 30: Das Kleinaspergle. Studien zu einem Fürstengrabhügel der frühen Latènezeit bei Stuttgart, S. 176-190.

Böhr, E., Shefton, B. 2000. Die grichische Keramik der Heuneburg. *Römisch-Germanischen Forschungen*, 59: Importe und mediterrane Einflüsse auf der Heuneburg. Heuneburgstudien, XI, S. 1-42.

Bravo, B., Wipszycka, E. 1988. *Historia starożytnych Greków. Do końca wojen perskich*. Warszawa: PWN, I.

Bugaj, E., 2010. Wczesnogreckie przedstawienia figuralne i ich oddziaływanie w kręgu kultury halsztackiej. In: Gediga, B., Piotrowski, W. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: MAB, p. 99-125.

Bukowski, Z. 1977. *The scythian influence in the area of lusatian culture*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.

Chochorowski, J. 1978. Ze studiów nad okresem halsztackim na ziemiach polskich. *Archeologia Polski*, XXIII, p. 355-375.

Chochorowski, J. 1984. Die Vekerzug-Kultur — Fragen ihrer Genese und Chronologie. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXIII, S. 99-161.

Chochorowski, J. 1985. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Kraków: PWN.

Chochorowski, J. 1985a. Die Rolle der Vekerzug-Kultur im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa. *Praehistorische Zeitschrift*, 60: 2, S. 204-271.

Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, p. 161-218.

Chochorowski, J. 1987a. Zur Bestimmung des Siedlungsraumes und der Ursprungs von Agathyrser. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXVI, S. 139-173.

Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.

Chochorowski, J. 1996. Problem recepcji elementów kultury antycznej (greckiej) w Kotlinie Karpackiej w VI w. p. n. e. Na marginesie dyskusji o genezie tzw. szarej ceramiki toczonej. In: Chochorowski, J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedlowi*. Kraków: Oficyna Cracovia, p. 115-147.

Chochorowski, J. 1998. Die Vekerzug-Kultur und ihre östlichen Beziehungen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (ed.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf: Marie Leidorf GmbH, S. 473-491.

Chochorowski, J. 2009. «Halsztatyzacja» wschodniej części Kotliny Karpackiej. In: Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K. (ed.). *Tarnobrzeska kultura łużycka — źródła i interpretacje*. Rzeszów: Mitel, p. 89-118.

Chochorowski, J. 2013. Scytyjskie znaleziska w jaskini Býčí skála. In: Kolenda, J. (ed.). *Z badań nad kulturą społeczeństw pradziejowych i wczesnośredniowiecznych. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Bogusławowi Gedidze w osiemdziesiątą rocznicę urodzin przez przyjaciół, kolegów i uczniów*. Wrocław: IAE PAN, p. 125-148.

Chochorowski, J. 2014. Scytowie a Europa Środkowa — historyczna interpretacja archeologicznej rzeczywistości. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXXV, p. 9-58.

Chochorowski, J. 2015. Późnobrązowe osiedla obronne w północno-wschodniej części Kotliny Karpackiej — główne problemy badań. In: Garncarski, J. (ed.). *Pradziejowe osady obronne w Karpatach*. Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, p. 245-272.

Chvojka, O., Hrubý, P. 2007. Höhenfundstellen der Bronze- und Hallstattzeit in Südböhmen und ihre Anknüpfung zum internationalen Handelsaustausch. *Studia Archeologiczne*, XL: Long Distance Trade in the Bronze Age and Early Iron Age, S. 71-88.

Czopek, S. 1993. Die älteste Drehscheibenkeramik aus Südpolen. *Bericht der RGK*, 74, S. 487-502.

Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K., Tokarczyk, T., Ocadryga-Tokarczyk, E., Burghard, M., Adamik-Proksa, J., Rajpold, W. 2017. Pierwsze sprawozdanie z weryfikacyjnych badań na grodzisku z wczesnej epoki żelaza w Chotyńcu. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXXVIII, p. 291-306.

Čović, B. 1987. Grupa Donja Dolina — Sanski Most. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 232-286.

Dehn, W. 1980. Einige Bemerkungen zu hallstattzeitlichen Trensen Sloweniens. *Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20: 21, S. 325-332.

Djuknić, M., Jovanović, B. 1966. *Illyrian princely necropolis at Atenica*. Čačak: The national Museum Čačak.

Drechsler-Bižić, R. 1987. Japodska grupa. Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 391-441.

Dular, J. 2007. Pferdegräber und Pferdebestattungen in der hallstattzeitlichen Dolenjsko-Gruppe. *Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan. Situla*, 44, S. 737-752.

Dušek, S. 1979. Mineralogisch-archäologische Untersuchungen zur hallstattzeitlichen Drehscheibenkeramik der Südwestslowakei. *Slovenská Archeológia*, XXVII, S. 125-138.

Dzięgielewski, K. 2017. Late Bronze and Early Iron Age communities in the northern part of the Polish Lowland (1000—500 BC). In: Urbańczyk, P. (ed.). *The Past Societies. Polish lands from the first evidence of Human Presence to the early middle ages*. Warszawa: IAE PAN, p. 296-340.

Egg, M. 1980. Zum Helmfragment von Magdalenska gora. *Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20: 2, S. 241-249.

Egg, M. 1996. Zu den Fürstengräbern im Osthallstattkreis. In: Jerem, E., Lippert, A. (eds.). *Die Osthallstattkultur. Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, p. 53-86.

Eggert, M. K. H. 2011. *Retrospektive: Archäologie in kulturwissenschaftlicher Sicht. Die «Fürstensitze» der Späthallstattzeit*. Münster; New York; München; Berlin: Waxmann.

Ettel, P. 2017. Höhensiedlungen der Spätbronze- und älteren Eisenzeit an der Saale bei Jena und in Mitteldeutschland. In: Beljak-Pažinová, N., Borzová, Z. (eds.). *Sedem decénií Petra Romsauera*. Nitra: UKF, S. 61-78. Studia Historica Nitrensia, 21: Supplementum.

Fekete, M. 1982. Angaben zu Kontakten zwischen Italien und Transdanubien. *Savaria. A Vas Megyei Muzeumok Értesítője*, 16, S. 129-144.

Fettich, N. 1928. *A Zöldhalompusztai szkíta lelet*. Budapest: Franklin-Társulat Nyomdája.

Fettich, N. 1934. *A Garcsinovói szkíta lelet*. Budapest: Magyar Történeti Múzeum.

Gabrovec, S. 1966. Zur Hallstattzeit in Slowenien. *Germania*, 44: 1, S. 1-48.

Gabrovec, S. 1987. Dolenjska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 29-119.

Gabrovec, S. 1992. Etruskischer Niederschlag in Slowenien. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 219-234.

Gabrovec, S., Čović, B. 1987. Zaključna razmatranja. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 901-928.

Gabrovec, S., Mihovilić, K. 1987. Istarska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 293-338.

Gedl, M. 2001. *Die Bronzegefäße in Polen*. Stuttgart: Franz Steiner. Prähistorische Bronzefunde, II: 15.

Guštin, M. 1979. *Notranjska. K začetkom železne dobe na Severnem Jardanu*. Ljubljana: Narodni Muzej v Ljubljani.

Gyulai, F. 1996. Umwelt und Pflanzenbau in Transdanubien während der Urnenfelder-, Hallstatt- und Latènekultur. In: Jerem, E., Lippert, A. (ed.). *Die Osthallstattkultu Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 127-136.

Hansen, S. 1995. Aspekte des Gabentauschs und Handels während der Urnenfelderzeit in Mittel- und Nordeuropa im Lichte der Fundüberlieferung. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkher im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München: Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 67-80.

Harmatta, J. 1968. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Grichenland. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XX, S. 153-157.

Hartog, F. 2009. *The Mirror of Herodotus. The Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley: University of California.

Hase, F.-W., von. 1969. *Die Trensen der Früheisenzeit in Italien*. München: C. H. Beck. Prähistorische Bronzefunde, XVI: 1.

Hase, F.-W., von. 1989. Etrurien und das Gebiet nordwärts der Alpen in der ausgehenden Urnenfelder- und frühen Hallstattzeit. *Secondo Congresso Internazionale Etrusco. Firenze 26 Maggio — 2 Giugno 1985*, II, S. 1031-1061.

Hase, F.-W., von. 1992. Etrurien und Mitteleuropa — zur Bedeutung der ersten italisch-etruskischen Funde der späten Urnenfelder- und frühen Hallstattzeit in Zentraleuropa. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 235-266.

Jasnosz, S., Jażdżewski, K., Pieczyński, Z., Poklewski, T., Szafrański, W., Ząbkiewicz-Koszańska, H. A. 1959. Age du bronze et periode de Hallstatt. *Inventaria Archaeologica, Pologne*, III, p. 17-24.

Jerem, E. 1996. Zum Forschungsstand der Osthallstattkultur. In: Jerem, E., Lippert, A. (eds.). *Die Osthallstattkultur. Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 11-28.

Kapuściński, R. 2004. *Podróże z Herodotem*. Kraków: Znak.

Kemenczei, T. 1988. Zu den Beziehungen zwischen dem Ungarischen Donau-Theißraum und dem NW-Balkan in der Früheisenzeit. *Folia Archaeologica*, XXXIX, S. 93-113.

Kemenczei, T. 1998. Die Große Ungarische Tiefebene vor und während der skythischen Eroberung (10.—4. Jh. v. Chr.). *Schätze aus der Keltenzeit in Ungarn. Kunst im Karpatenbecken im 1. Jahrtausend vor Christus*. Eberdingen: Keltenmuseum Hochdorf / Enz, S. 39-50.

Kemenczei, T. 2004. Bemerkungen zu den Fibeln der Skythenzeit. *Communicationes Archæologicæ Hungaræ*, S. 79-103.

Kemenczei, T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 410 S.

Kimmig, W. 1983. Die griechische Kolonisation im westlichen Mittelmeergebiet und ihre Wirkung auf die Landschaften des westlichen Mitteleuropa. *Jahrbuch des RGZM*, 30, S. 5-78.

Kmetová, P. 2014. *Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej panvy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.

Kneisel, J. 2012. *Anthropomorphe Gefäße in Nord- und Mitteleuropa während der Bronze- und Eisenzeit. Studien zu den Gesichtsurnen, Kontaktzonen, Chronologie und sozialer Kontext*. Bonn: Köthen GmbH.

Krause, R. 2011. «Fürstensitze» — princely seats. Early celtic hillforts in Central Europe: status, hierarchy and diversity (6/5th century BC). В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). *«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума (17—23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай)*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, p. 130-148.

Krąpiec, M., Szychowska-Krąpiec, E. 2013. Analiza dendrochronologiczna drewna z badań grodziska w Wicinie w latach 2008—2012. In: Jaszewska, A., Kałagate, S. (ed.). *Wicina. Badania archeologiczne w latach 2008—2012 oraz skarb przedmiotów pochodzących z Wiciny*. Zielona Góra: Fundacja Archeologiczna, p. 371-417.

Križ, B. 1997. *Novo Mesto. Kapiteljska njiva*. Novo Mesto: Dolenjski Muzej.

Kromer, K. 1980. Das Situlenfest. Versuch einer Interpretation der Darstellungen auf figural verzierten Situlen. *Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20—21, S. 225-240.

Kromer, K. 1986. Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7.—5. Jh. v. Chr.) seine Beziehungen

zu Steppenvölkern und antiken Hochkulturen. *Jahrbuch des RGZM*, 33: 1, S. 3-93.

Krzysiak, A., Dzięgielewski, K., Garbacz-Klempka, A. 2017. Pierścień brązowego napierśnika z wczesnej epoki żelaza z miejscowości Dziechlino-Leśnice koło Lęborka. *Wiadomości Archeologiczne*, LXVIII, p. 257-265.

Kurz, S. 2006. Relative und absolute Chronologie der Heuneburg. *Frühe Zentralisierungs- und Urbanisierungsprozesse nördlich der Alpen. Kolloqium Bad Dürkheim April 2005: Chronologische Eckdaten zu den Zentralisierungs- und Urbanisierungsprozesse während der Späthallstatt- und Frühlatènezeit*, S. 1-20. Available at: https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handel/10900/44016.

Ljuština, M., Ninčić, I. 2017. Scythian weapons and horse harness in the territory of Serbia. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), p. 245-254.

Lucke, W, Frey, O.-H. 1962. *Die Situla in Providence (Rhode Island). Ein Beitrag zur situlenkunst des Osthallstattkreises*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Łuka, L. J. 1957—1959. Importy italskie i wschodnioalpejskie oraz ich naśladownictwa na obszarze kultury «łużyckiej» okresu halsztackiego w Polsce. *Slavia Antiqua*, VI, p. 1-99.

Mano-Zisi, D., Popović, L. J. 1969. *Novi Pazar, grčko-ilirski nalaz*. Beograd: Narodni Muzej.

Marović, I. 1976. L'elmo Greco-illirico. In: Suić, M. (ed.). *Jadranska obala u protohistoriji. Kulturni i etnički problemi*. Zagreb: Arheološki Institut, p. 287-300.

Merhart, G., von. 1969. *Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur frühen Eisenzeit in Italien und Mitteleuropa*. Bonn: Rudolf Habelt.

Mihovilić, K. 1995. Reichtum durch Handel in der Hallstattzeit Istriens. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 283-329.

Miroššayová, E. 2010. Influence of foreign environment on the cultural development of the Upper Tisza region in the Hallstatt period. In: Gediga, B., Piotrowski, B. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: MAB, S. 175-186.

Moszyński, K. 1958. *Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii*. Wrocław; Kraków; Warszawa: ZNiO.

Niculiță, I. 1996. Habitatul traco-getic de la Butuceni. *Thraco-Dacica*, XVII, p. 139-167.

Palavestra, A. 1987—1988a. The typological similarities of early Iron Age «Princely burials» of the Balkans and Central Europe. *Balcanica*, XVIII—XIX, p. 83-88.

Palavestra, A. 1987—1988b. The Iron Age amber trade in the Balkans. *Balcanica*, XVIII—XIX, p. 205-217.

Párducz, M. 1952. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, II, p. 143-172.

Párducz, M. 1954. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug II. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, IV, p. 25-91.

Párducz, M. 1955. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug III. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, VI, p. 1-22.

Párducz, M. 1960. Scythian mirrors in the Carpathian Basin. *Światowit*, XXIII, p. 523-544.

Párducz, M. 1971. Early scythian age Grave at Ártánd. *Inventaria Archaeologica Ungarn*, 3: U 19, p. 1-20.

Pare, F. E. Ch. 1989. Ein zweites Fürstengrab von Apremont «La Motte aux Fées» (Arr. Vesoul, Dép. Houte-Saône). Untersuchungen zur Späthallstattkultur im ostfranzösischen Raum. *Jahrbuch des RGZM*, 36, S. 411-472.

Parzinger, H. 1995. Ergebnisse. In: Parzinger, H., Nekvasil, J. Barth, F. E. *Die Býčí skála Höhle*. Mainz Rhein: Philipp von Zabern, S. 179-232.

Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter*. München: C. H. Beck.

Parzinger, H. 2008. Die Reiternomaden der Eurasischen Steppe während der Skythenzeit. In: Menghin, W. (ed.). *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, S. 30-48.

Patek, E. 1993. *Westungarn in der Hallstattzeit*. Weinheim: VCH GmbH.

Pawlak, M. 2012. *Messapiowie. Południowa Apulia wobec hellenizacji i romanizacji*. Kraków: Historia Iagellonica.

Popović, L. B. 1975. *Arhajska grčka kultura na Srednjem Balkanu*. Beograd: Narodni Muzej.

Posta, B. 1914. A benei bronzhydria. *Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múseum Érem- és Régiségtáraból*, V, p. 17-44.

Potrebica, H. 2008. Contacts between Greece and Pannonia in the early iron age with special concern to the area of Thessalonica. In: Biehl, P., Rassamakin, Y. (eds.). *Import and imitation in archeology. Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes*. Langenweißbach: Beier & Beran, 11, p. 187-212.

Preda, F. 1973. Procesul pătrunderii mărfurilor greceşti şi consecinţele acestuia în Dacia extracarpatică. *Apulum*, XI, p. 37-66.

Reichenberger, A. 1994. «Herrenhöfe» der Urnenfelder- und Hallstattzeit. ШтЖ Schauer, P. (ed.). *Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, S. 187-215.

Romsauer, P. 1991. The earliest wheel-turned pottery in the Carpathian Basin. *Antiquity*б 65, p. 358-367.

Romsauer, P. 1999. Zur Frage der Westgrenze der Mezöcsát-Gruppe. In: Jerem, E., Poroszlai, I. (ed.). *Archaeology of the Bronze and Iron Age. Proceedings of the International Archaeological Conference Százhalombatta, 3.—7. October 1996*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 167-176.

Schaaft, U. 1988. Zu den antiken Reparaturen den grichischen Schalen. *Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Würtemberg*, 30: Das Kleinaspergle. Studien zu einem Fürstengrabhügel der frühen Latènezeit bei Stuttgart, S. 191-195.

Sherratt, A. 1993. What would a Bronze-Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory. *Journal of European Archaeology*, 1—2, p. 1-57.

Simon, G. 1992. Geţii de la Dunărea de Jos şi civilizaţia lor. *Probleme actuale ale istoriei naţionale şi universale*. Chişinău: Universitas, p. 18-46.

Smirnova, G. I. 1998. Die Ostkarpatenregion zur Vorskythen- und Skythenzeit und die osteuropäischen Steppen: Kontakte und Migrationen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf.: Marie Leidorf GmbH, S. 451-465.

Stibbe, C. M. 2004. Eine Bronzehydria mit menschlichen Protomen. *Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts*, 101, S. 31-55, 145-158.

Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na zachodnim Podolu*. Lwów: Lwowskie Towarzystwo Prehistoryczne.

Szilágyi, J. Gy. 1951—1952. Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, I, S. 419-458.

Szilágyi, J. Gy. 1965. Trouvailles grecques sur le territoire de la Hongrie. In: *Le Rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques. Congres International d'Archeologie Classique (8th: 1963: Paris)*. Paris: E. de Boccard, p. 386-390.

Szilágyi, J. Gy. 1966. Magyarország szkíta korának néhány kérdése. *Antik Tanulmányok*, 13, p. 102-107.

Szilágyi, J. Gy. 1992. Transdanubien und Italien im 6.—5. Jh. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 219-234.

Teržan, B. 1995. Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkher im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa; Kiel, S. 80-159.

Teržan, B. 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf.: Marie Leidorf GmbH, S. 511-560.

Teržan, B. 2008. Stična — Skizzen. In: Gabrovec, S., Teržan, B. *Stična II/2. Gomile starejše železne dobe. Razprave*. Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, S. 189-325.

Trachsel, M. 2004. *Untersuchungen zur relative und absoluten Chronologie der Hallstattzeit*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 104.

Trefný, M. 2011. Attická keramika jako významný doklad jižního importu v prostředí pozdně halštatských až časně laténských Čech. *Památky Archeologické*, CII, p. 271-306.

Turk, P., Murgelj, I. 2008. Ponovno najdeni apulski kraterji iž Stične. In: Gabrovec, S., Teržan, B. *Stična II/2. Gomile starejše železne dobe. Razprave*. Lubljana: Narodni Muzej Slovenije, p. 159-172.

Vasić, R. 1987a. Kneževski grobowi iz Novog Pazara i Atenice. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 644-650.

Vasić, R. 1987b. Devdelijska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 701-711.

Vasić, R. 1995. Gütertausch und Fernbeziehungen im früheisenzeitlichen Serbien. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkher im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 349-362.

Vasić, R. 2003. The North of Trebenishte. Pilatovići, Atenica and Novi Pazar. In: Stibbe, C. M. *Trebenishte. The fortunes of an unusual excavation*. Roma: L'Erma di Bretschneider, p. 111-134.

Vasić, R. 2007. Kneginje Centralnog Balkana. *Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan. Situla*, 44, p. 557-562.

Vasiliev, V. 1980. *Sciţii Agatîrşi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.

Vasiliev, V. 1995. *Fortificationes de refuge et établissements fortifies du premier âge du fer en Transylvanie*. Bucarest: S. C. Caro Trading'94 S. R. L.

Vejvoda, V., Mirnik, I. 1973. Halštatski kneževski grobowi iž Kaptola kod Slavonske Požege. *Arheološki Vestnik*, XXIV, p. 592-603.

Vulpe, A. 1967. *Necropola hallstattiană de la Ferigile*. Bucureşti: Academia Republicii Socialiste România.

Vulpe, A. 2004. Die Agathyrsen. Eine zusammenfassende Darstellung. In: Chochorowski, J. (ed.). *Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński. Księgarnia Akademicka, S. 473-482.

Werner, W. M. 1988. *Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau*. München: Beck. Prähistorische Bronzefunde, XVI: 4.

Zbožil, A. 1959. Herodotova Skythie a sousedé. *Slovenská Archaeológia*, 7, p. 363-421.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Bandrivskiy, N. S. 2009. Novyye otkrytiya pamyatnikov iskusstva Severnogo Prichernomoria. In: Vakhtina, M. Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Iskusstvo na periferii Antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, p. 30-38.

Blavatskiy, V. D. 1954. Rabstvo i ego istochniki v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomoria. *Sovetskaya arkheologiya*, XX, p. 31-56.

Vakhtina, M. Yu. 1996. Grecheskaya raspisnaya keramika iz raskopok Nemirovskogo gorodishcha. *Arkheologiya*, 4, p. 85-93.

Gaydukevich, V. F. 1969. O putyakh prokhozhdeniya drevnegrecheskikh korabley v Ponte Evksinskom. *Kratkiye soobshcheniya IA AN SSSR*, 116, p. 11-19.

Hanina, O. D. 1970. *Antychni bronzy z Pishchanoho*. Kyiv: Naukova dumka.

Hanina, O. D. 1965 Poselennia skifskoho chasu u seli Ivane-Puste. *Arkheolohiia*, XIX, p. 106-117.

Hanina, O. D. 1984. Poselennia rannoskifskoï doby poblyzu s. Zalissia. *Arkheolohiia*, 47, p. 68-79.

Gerodot. 1999. *Istoriia v deviati tomakh*. Perevod i primechaniia G. A. Stratanovskogo. Moskva: Ladomir, AST.

Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, p. 31-63.

Kovpanenko, G. T. Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia (Kievo-Cherkasskiy region)*. Kiev: Naukova dumka.

Kruglikova, I. T. 1984. Selskoye khozyaystvo i promysly. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka, s. 154-161.

Kryzhitskiy, S. D. Rusyayeva, A. S., Krapivina, V. V., Leypunskaya, N. A. Skrzhinskaya, M. V., Anokhin, V. A. 1999. *Olviya. Antichnoye gosudarstvo v Severnom Prichernomorye*. Kiev: IA NANU.

Kuznetsova, T. M. 2002. *Zerkala Skifii VI—III veka do n. e.* Moskva: Indrik.

Mikulchiĥ, I. 1964—1965. Arhajske nekropole juzhne Pelagonije. *Starinar*, XV—XVI, p. 209-226.

Mozolevskyi, B. M. 1996. Problemy etnichnoï heohrafiï Skifiï. *Arkheolohiia*, 4, p. 51-66.

Mozolevskyi, B. M. 2005. *Etnichna heohrafiia Skifiï*. Kyiv: Korvyn Press.

Molodin, V. I. 2010. Ekologicheskiy «stress» na rubezhe» II—I tys. do n. e. i ego vliyaniye na etnokulturnyye i sotsialno-ekonomicheskiye protsessy u narodov Zapadnoy Sibiri. In: Chernaya, M. P. (ed.). *Kultura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy*. Tomsk: Agraf-Press, p. 22-24.

Onayko, N. A. 1966. *Antichnyy import v Pridneprovye i Pobuzhye v VII—VI vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Arkheologija SSSR. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, D 1—27.

Otreshko, V. M. 1994. Pro osnovi ekonomiki Berezanskogo poselennya. *Arkheologiya*, 2, p. 112-122.

Partsinger, G. 2017. Elitnyy skifskiy kurgan Arzhan-2 v Tuve: itogi izucheniya. In: Chuguyeov, K. V. Partsinger, G. Nagler, A. *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, p. 302-326.

Polin, S. V. 1987. Khronolohiia rannoskifskykh pam'iatok. *Arkheolohiia*, 59, s. 17-36.

Polosmak, N. V. 1994. *«Steregushchie zoloto grify» (ak-alakhinskie kurgany)*. Novosibirsk: Nauka.

Polosmak, N. V. 2001. *Vsadniki Ukoka*. Novosibirsk: Infolio-Press.

Popovych, I. 2006. *Zakarpattia za doby rannoho zaliza*. Kraków; Lwów: Uniwersytet Jagielloński.

PopoviЋ, Jb. B. 1994. *Antichka grchka zbirka*. Beograd: Narodni Muzej Beograd.

Rybakov, B. A. 1979. *Gerodotova Skifiia. Istoriko-geograficheskii analiz*. Moskva: Nauka.

Skoryi, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniia iranskogo etnokulturnogo elementa)*. Kiev: IA NANU

Skudnova, V. M. 1988. *Arkhaicheskii nekropol Olvii*. Leningrad: Iskusstvo.

Smirnova, G. I. 1979. Kurgany u sela Perebykovtsy — novyi mogilnik skifskoi arkhaiki na srednem Dnestre. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, XX, s. 37-67.

Smirnova, G. I. 1986. Skifskoye poseleniye u s. Dolinyany (raskop «u toka»). In: Smirnova, G. I. (ed.). *Drevniye pamyatniki kultur na territorii SSSR*. Leningrad: RGE, p. 137-140.

Smirnova, G. I. 1993. Vremya poyavleniya skifov v Karpatskom regione. *Actes du XIIe Congres International des Sciences Prahistoriques et Protohistoriques. Bratislava. 1—7 Septembre 1991, 3*, p. 198-203.

Smirnova, G. I. 1998. O rabotakh na ranneskifskom poselenii u s. Dolinyany v 1985 i 1987 gg. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 33, p. 33-48.

Smirnova, G. I. 1999. Eshche raz o seroy kruzhalnoy keramike iz ranneskifskikh pamyatnikov Srednego Podnestrovia. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 34, p. 44-57.

Strabon. 1964. *Geografiia v 17 knigakh*. Perevod, statia i kommentari G. A. Stratanovskogo. Moskva: Nauka.

Fukidid. 1981. *Istoriia*. Perevod i primechaniia G. A. Stratanovskogo. Leningrad: Nauka.

Khokhorovski, Ya. 2011. Ekologicheskiy «stress» v Zapadnoy Sibiri i kulturnyy «shok» v Karpatskoy Kotlovine v kontse bronzovogo veka. In: Molodin, V. I. Khansen, S. (eds.). *«Terra Scythica». Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma (17—23 avgusta 2011 g. Denisova peshchera. Gornyy Altay)*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, p. 319-336.

Khokhorovski, Ya. 2017. Kavkaz i Karpatskiy basseyn v rannem zheleznom veke (problema proiskhozhdeniya siginnov). *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (23), p. 228-244.

Apollonios Rhodios. 1940. *Die Argonauten*. Verdeutscht von Thassilo von Scheffer. Leipzig.

Ascherson, N. 2002. *Morze Czarne*. Poznań: Zysk i S-ka.

Bakhuizen, S. C. 1986. Between Ilyrians and Greeks: the cities of Epidamnos and Apollonia. *Iliria*, 1, p. 165-177.

Batović, Š. 1976. Le relazioni culturali tra le sponde adriatiche nell'eta del ferro. In: Suić, M. (ed.). *Jadranska obala u protohistoriji. Kulturni i etnički problemi*. Zagreb: Arheološki Institut, p. 11-93.

Batović, Š. 1987. Liburnska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 339-390.

Beck, C. W., Dušek, M. 1969. Die Hernkunft des Bernsteins vom thrakischen Gräberfeld von Chotín. *Slovenská Archeológia*, XVII, p. 247-258.

Benac, A., Čović, B. 1957. *Glasinac. II: Eisenzeit*. Sarajevo: Landesmuseum.

Boom, H. van den, Pape, J. 2000. Die massaliotischen Amphoren. *Römisch-Germanischen Forschungen*, 59: Importe und mediterrane Einflüsse auf der Heuneburg. Heuneburgstudien, S. 43-70.

Boardman, J. 1981. *Kolonien und Handel der Griechen. Vom späten 9. bis zum 6. Jahrhundert v. Chr.* München: C. H. Beck.

Bouloumié, B. 1982. Remarques sur la diffusion d'objets grecs et Etrusques en Europe Centrale et Nord-Occidentale. *Savaria. A vas Megyei Múzeumok Értesítője*, 16, p. 181-192.

Bouzek, J. 1982. Antike importe im Gebiet der heutigen Tschechoslowakei. *Savaria. A vas Megyei Múzeumok Értesítője*, 16, S. 193-201.

Bouzek, J. 1992. Die Etrusker und Böhmen. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 361-369.

Bouzek, J. 2007. Jaký byl doopravdy obchod v pravěku? *Studia Archeologiczne*, XL, p. 19-32.

Böhr, E. 1988. Die grichische Schalen. *Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Würtemberg*, 30: Das Kleinaspergle. Studien zu einem Fürstengrabhügel der frühen Latènezeit bei Stuttgart, S. 176-190.

Böhr, E., Shefton, B. 2000. Die grichische Keramik der Heuneburg. *Römisch-Germanischen Forschungen*, 59: Importe und mediterrane Einflüsse auf der Heuneburg. Heuneburgstudien, XI, S. 1-42.

Bravo, B., Wipszycka, E. 1988. *Historia starożytnych Greków. Do końca wojen perskich*. Warszawa: PWN, I.

Bugaj, E., 2010. Wczesnogreckie przedstawienia figuralne i ich oddziaływanie w kręgu kultury halsztackiej. In: Gediga, B., Piotrowski, W. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: MAB, p. 99-125.

Bukowski, Z. 1977. *The scythian influence in the area of lusatian culture*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.

Chochorowski, J. 1978. Ze studiów nad okresem halsztackim na ziemiach polskich. *Archeologia Polski*, XXIII, p. 355-375.

Chochorowski, J. 1984. Die Vekerzug-Kultur — Fragen ihrer Genese und Chronologie. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXIII, S. 99-161.

Chochorowski, J. 1985. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Kraków: PWN.

Chochorowski, J. 1985a. Die Rolle der Vekerzug-Kultur im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa. *Praehistorische Zeitschrift*, 60: 2, S. 204-271.

Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, p. 161-218.

Chochorowski, J. 1987a. Zur Bestimmung des Siedlungsraumes und der Ursprungs von Agathyrser. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXVI, S. 139-173.

Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.

Chochorowski, J. 1996. Problem recepcji elementów kultury antycznej (greckiej) w Kotlinie Karpackiej w VI w. p. n. e. Na marginesie dyskusji o genezie tzw. szarej ceramiki toczonej. In: Chochorowski, J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedlowi*. Kraków: Oficyna Cracovia, p. 115-147.

Chochorowski, J. 1998. Die Vekerzug-Kultur und ihre östlichen Beziehungen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (ed.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf: Marie Leidorf GmbH, S. 473-491.

Chochorowski, J. 2009. «Halsztatyzacja» wschodniej części Kotliny Karpackiej. In: Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K. (ed.). *Tarnobrzeska kultura łużycka — źródła i interpretacje*. Rzeszów: Mitel, p. 89-118.

Chochorowski, J. 2013. Scytyjskie znaleziska w jaskini Býčí skála. In: Kolenda, J. (ed.). *Z badań nad kulturą społeczeństw pradziejowych i wczesnośredniowiecznych. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Bogusławowi Gedidze w osiemdziesiątą rocznicę urodzin przez przyjaciół, kolegów i uczniów*. Wrocław: IAE PAN, p. 125-148.

Chochorowski, J. 2014. Scytowie a Europa Środkowa — historyczna interpretacja archeologicznej rzeczywistości. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXXV, p. 9-58.

Chochorowski, J. 2015. Późnobrązowe osiedla obronne w północno-wschodniej części Kotliny Karpackiej — główne

problemy badań. In: Garncarski, J. (ed.). *Pradziejowe osady obronne w Karpatach*. Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, p. 245-272.

Chvojka, O., Hrubý, P. 2007. Höhenfundstellen der Bronze- und Hallstattzeit in Südböhmen und ihre Anknüpfung zum internationalen Handelsaustausch. *Studia Archeologiczne*, XL: Long Distance Trade in the Bronze Age and Early Iron Age, S. 71-88.

Czopek, S. 1993. Die älteste Drehscheibenkeramik aus Südpolen. *Bericht der RGK*, 74, S. 487-502.

Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K., Tokarczyk, T., Ocadryga-Tokarczyk, E., Burghard, M., Adamik-Proksa, J., Rajpold, W. 2017. Pierwsze sprawozdanie z weryfikacyjnych badań na grodzisku z wczesnej epoki żelaza w Chotyńcu. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXXVIII, p. 291-306.

Čović, B. 1987. Grupa Donja Dolina — Sanski Most. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 232-286.

Dehn, W. 1980. Einige Bemerkungen zu hallstattzeitlichen Trensen Sloweniens. *Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20: 21, S. 325-332.

Djuknić, M., Jovanović, B. 1966. *Illyrian princely necropolis at Atenica*. Čačak: The national Museum Čačak.

Drechsler-Bižić, R. 1987. Japodska grupa. Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 391-441.

Dular, J. 2007. Pferdegräber und Pferdebestattungen in der hallstattzeitlichen Dolenjsko-Gruppe. *Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan. Situla*, 44, S. 737-752.

Dušek, S. 1979. Mineralogisch-archäologische Untersuchungen zur hallstattzeitlichen Drehscheibenkeramik der Südwestslowakei. *Slovenská Archeológia*, XXVII, S. 125-138.

Dzięgielewski, K. 2017. Late Bronze and Early Iron Age communities in the northern part of the Polish Lowland (1000—500 BC). In: Urbańczyk, P. (ed.). *The Past Societies. Polish lands from the first evidence of Human Presence to the early middle ages*. Warszawa: IAE PAN, p. 296-340.

Egg, M. 1980. Zum Helmfragment von Magdalenska gora. *Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20: 2, S. 241-249.

Egg, M. 1996. Zu den Fürstengräbern im Osthallstattkreis. In: Jerem, E., Lippert, A. (eds.). *Die Osthallstattkultur. Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, p. 53-86.

Eggert, M. K. H. 2011. *Retrospektive: Archäologie in kulturwissenschaftlicher Sicht. Die «Fürstensitze» der Späthallstattzeit*. Münster; New York; München; Berlin: Waxmann.

Ettel, P. 2017. Höhensiedlungen der Spätbronze- und älteren Eisenzeit an der Saale bei Jena und in Mitteldeutschland. In: Beljak-Pažinová, N., Borzová, Z. (eds.). *Sedem decénií Petra Romsauera*. Nitra: UKF, S. 61-78. Studia Historica Nitrensia, 21: Supplementum.

Fekete, M. 1982. Angaben zu Kontakten zwischen Italien und Transdanubien. *Savaria. A Vas Megyei Muzeumok Értesítője*, 16, S. 129-144.

Fettich, N. 1928. *A Zöldhalompusztai szkíta lelet*. Budapest: Franklin-Társulat Nyomdája.

Fettich, N. 1934. *A Garcsinovói szkíta lelet*. Budapest: Magyar Történeti Múzeum.

Gabrovec, S. 1966. Zur Hallstattzeit in Slowenien. *Germania*, 44: 1, S. 1-48.

Gabrovec, S. 1987. Dolenjska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 29-119.

Gabrovec, S. 1992. Etruskischer Niederschlag in Slowenien. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 219-234.

Gabrovec, S., Čović, B. 1987. Zaključna razmatranja. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 901-928.

Gabrovec, S., Mihovilić, K. 1987. Istarska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 293-338.

Gedl, M. 2001. *Die Bronzegefäße in Polen*. Stuttgart: Franz Steiner. Prähistorische Bronzefunde, II: 15.

Guštin, M. 1979. *Notranjska. K začetkom železne dobe na Severnem Jardanu*. Ljubljana: Narodni Muzej v Ljubljani.

Gyulai, F. 1996. Umwelt und Pflanzenbau in Transdanubien während der Urnenfelder-, Hallstatt- und Latènekultur. In: Jerem, E., Lippert, A. (ed.). *Die Osthallstattkultu Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 127-136.

Hansen, S. 1995. Aspekte des Gabentauschs und Handels während der Urnenfelderzeit in Mittel- und Nordeuropa im Lichte der Fundüberlieferung. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkher im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München: Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 67-80.

Harmatta, J. 1968. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Grichenland. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XX, S. 153-157.

Hartog, F. 2009. *The Mirror of Herodotus. The Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley: University of California.

Hase, F.-W., von. 1969. *Die Trensen der Früheisenzeit in Italien*. München: C. H. Beck. Prähistorische Bronzefunde, XVI: 1.

Hase, F.-W., von. 1989. Etrurien und das Gebiet nordwärts der Alpen in der ausgehenden Urnenfelder- und frühen Hallstattzeit. *Secondo Congresso Internazionale Etrusco. Firenze 26 Maggio — 2 Giugno 1985*, II, S. 1031-1061.

Hase, F.-W., von. 1992. Etrurien und Mitteleuropa — zur Bedeutung der ersten italisch-etruskischen Funde der späten Urnenfelder- und frühen Hallstattzeit in Zentraleuropa. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 235-266.

Jasnosz, S., Jażdżewski, K., Pieczyński, Z., Poklewski, T., Szafrański, W., Ząbkiewicz-Koszańska, H. A. 1959. Age du bronze et periode de Hallstatt. *Inventaria Archaeologica, Pologne*, III, p. 17-24.

Jerem, E. 1996. Zum Forschungsstand der Osthallstattkultur. In: Jerem, E., Lippert, A. (eds.). *Die Osthallstattkultur. Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 11-28.

Kapuściński, R. 2004. *Podróże z Herodotem*. Kraków: Znak.

Kemenczei, T. 1988. Zu den Beziehungen zwischen dem Ungarischen Donau-Theißraum und dem NW-Balkan in der Früheisenzeit. *Folia Archaeologica*, XXXIX, S. 93-113.

Kemenczei, T. 1998. Die Große Ungarische Tiefebene vor und während der skythischen Eroberung (10.—4. Jh. v. Chr.). *Schätze aus der Keltenzeit in Ungarn. Kunst im Karpatenbecken im 1. Jahrtausend vor Christus*. Eberdingen: Keltenmuseum Hochdorf / Enz, S. 39-50.

Kemenczei, T. 2004. Bemerkungen zu den Fibeln der Skythenzeit. *Communicationes Archæologicæ Hungaræ*, S. 79-103.

Kemenczei, T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 410 S.

Kimmig, W. 1983. Die griechische Kolonisation im westlichen Mittelmeergebiet und ihre Wirkung auf die Landschaften des westlichen Mitteleuropa. *Jahrbuch des RGZM*, 30, S. 5-78.

Kmetová, P. 2014. *Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej panvy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.

Kneisel, J. 2012. *Anthropomorphe Gefäße in Nord- und Mitteleuropa während der Bronze- und Eisenzeit. Studien zu den Gesichtsurnen, Kontaktzonen, Chronologie und sozialer Kontext*. Bonn: Köthen GmbH.

Krause, R. 2011. «Fürstensitze» — princely seats. Early celtic hillforts in Central Europe: status, hierarchy and diversity (6/5th century BC). In: Molodin, V. I., Khansen, S. (eds.). *«Terra Scythica»: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma (17—23 avgusta 2011 g., Denisova peshchera, Gornyi Altai)*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, p. 130-148.

Krąpiec, M., Szychowska-Krąpiec, E. 2013. Analiza dendrochronologiczna drewna z badań grodziska w Wicinie w latach 2008—2012. In: Jaszewska, A., Kałagate, S. (ed.). *Wic-*

ina. Badania archeologiczne w latach 2008—2012 oraz skarb przedmiotów pochodzących z Wiciny. Zielona Góra: Fundacja Archeologiczna, p. 371-417.

Križ, B. 1997. *Novo Mesto. Kapiteljska njiva*. Novo Mesto: Dolenjski Muzej.

Kromer, K. 1980. Das Situlenfest. Versuch einer Interpretation der Darstellungen auf figural verzierten Situlen. *Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20—21, S. 225-240.

Kromer, K. 1986. Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7.—5. Jh. v. Chr.) seine Beziehungen zu Steppenvölkern und antiken Hochkulturen. *Jahrbuch des RGZM*, 33: 1, S. 3-93.

Krzysiak, A., Dzięgielewski, K., Garbacz-Klempka, A. 2017. Pierścień brązowego napierśnika z wczesnej epoki żelaza z miejscowości Dziechlino-Leśnice koło Lęborka. *Wiadomości Archeologiczne*, LXVIII, p. 257-265.

Kurz, S. 2006. Relative und absolute Chronologie der Heuneburg. *Frühe Zentralisierungs- und Urbanisierungsprozesse nördlich der Alpen. Kollogium Bad Dürkheim April 2005: Chronologische Eckdaten zu den Zentralisierungs- und Urbanisierungsprozesse während der Späthallstatt- und Frühlatènezeit*, S. 1-20. Available at: https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handel/10900/44016.

Ljuština, M., Ninčić, I. 2017. Scythian weapons and horse harness in the territory of Serbia. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), p. 245-254.

Lucke, W, Frey, O.-H. 1962. *Die Situla in Providence (Rhode Island). Ein Beitrag zur situlenkunst des Osthallstattkreises*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Łuka, L. J. 1957—1959. Importy italskie i wschodnio-alpejskie oraz ich naśladownictwa na obszarze kultury «łużyckiej» okresu halsztackiego w Polsce. *Slavia Antiqua*, VI, p. 1-99.

Mano-Zisi, D., Popović, L. J. 1969. *Novi Pazar, grčko-ilirski nalaz*. Beograd: Narodni Muzej.

Marović, I. 1976. L'elmo Greco-illirico. In: Suić, M. (ed.). *Jadranska obala u protohistoriji. Kulturni i etnički problemi*. Zagreb: Arheološki Institut, p. 287-300.

Merhart, G., von. 1969. *Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur frühen Eisenzeit in Italien und Mitteleuropa*. Bonn: Rudolf Habelt.

Mihovilić, K. 1995. Reichtum durch Handel in der Hallstattzeit Istriens. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 283-329.

Miroššayová, E. 2010. Influence of foreign environment on the cultural development of the Upper Tisza region in the Hallstatt period. In: Gediga, B., Piotrowski, B. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: MAB, S. 175-186.

Moszyński, K. 1958. *Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii*. Wrocław; Kraków; Warszawa: ZNiO.

Niculiță, I. 1996. Habitatul traco-getic de la Butuceni. *Thraco-Dacica*, XVII, p. 139-167.

Palavestra, A. 1987—1988a. The typological similarities of early Iron Age «Princely burials» of the Balkans and Central Europe. *Balcanica*, XVIII—XIX, p. 83-88.

Palavestra, A. 1987—1988b. The Iron Age amber trade in the Balkans. *Balcanica*, XVIII—XIX, p. 205-217.

Párducz, M. 1952. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, II, p. 143-172.

Párducz, M. 1954. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug II. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, IV, p. 25-91.

Párducz, M. 1955. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug III. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, VI, p. 1-22.

Párducz, M. 1960. Scythian mirrors in the Carpathian Basin. *Światowit*, XXIII, p. 523-544.

Párducz, M. 1971. Early scythian age Grave at Ártánd. *Inventaria Archaeologica Ungarn*, 3: U 19, p. 1-20.

Pare, F. E. Ch. 1989. Ein zweites Fürstengrab von Apremont «La Motte aux Fées» (Arr. Vesoul, Dép. Houte-Saône). Untersuchungen zur Späthallstattkultur im ostfranzösischen Raum. *Jahrbuch des RGZM*, 36, S. 411-472.

Parzinger, H. 1995. Ergebnisse. In: Parzinger, H., Nekvasil, J. Barth, F. E. *Die Býčí skála Höhle*. Mainz Rhein: Philipp von Zabern, S. 179-232.

Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter*. München: C. H. Beck.

Parzinger, H. 2008. Die Reiternomaden der Eurasischen Steppe während der Skythenzeit. In: Menghin, W. (ed.). *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, S. 30-48.

Patek, E. 1993. *Westungarn in der Hallstattzeit*. Weinheim: VCH GmbH.

Pawlak, M. 2012. *Messapiowie. Południowa Apulia wobec hellenizacji i romanizacji*. Kraków: Historia Iagellonica.

Popović, L. B. 1975. *Arhajska grčka kultura na Srednjem Balkanu*. Beograd: Narodni Muzej.

Posta, B. 1914. A benei bronzhydria. *Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múseum Érem- és Régiségtáraból*, V, p. 17-44.

Potrebica, H. 2008. Contacts between Greece and Pannonia in the early iron age with special concern to the area of Thessalonica. In: Biehl, P., Rassamakin, Y. (eds.). *Import and imitation in archeology. Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes*. Langenweißbach: Beier & Beran, 11, p. 187-212.

Preda, F. 1973. Procesul pătrunderii mărfurilor greceşti şi consecinţele acestuia în Dacia extracarpatică. *Apulum*, XI, p. 37-66.

Reichenberger, A. 1994. «Herrenhöfe» der Urnenfelder- und Hallstattzeit. ШтЖ Schauer, P. (ed.). *Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, S. 187-215.

Romsauer, P. 1991. The earliest wheel-turned pottery in the Carpathian Basin. *Antiquity*б 65, p. 358-367.

Romsauer, P. 1999. Zur Frage der Westgrenze der Mezöcsát-Gruppe. In: Jerem, E., Poroszlai, I. (ed.). *Archaeology of the Bronze and Iron Age. Proceedings of the International Archaeological Conference Százhalombatta, 3.—7. October 1996*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 167-176.

Schaaft, U. 1988. Zu den antiken Reparaturen den grichischen Schalen. *Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Würtemberg*, 30: Das Kleinaspergle. Studien zu einem Fürstengrabhügel der frühen Latènezeit bei Stuttgart, S. 191-195.

Sherratt, A. 1993. What would a Bronze-Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory. *Journal of European Archaeology*, 1—2, p. 1-57.

Simon, G. 1992. Geţii de la Dunărea de Jos şi civilizaţia lor. *Probleme actuale ale istoriei naţionale şi universale*. Chişinău: Universitas, p. 18-46.

Smirnova, G. I. 1998. Die Ostkarpatenregion zur Vorskythen- und Skythenzeit und die osteuropäischen Steppen: Kontakte und Migrationen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf.: Marie Leidorf GmbH, S. 451-465.

Stibbe, C. M. 2004. Eine Bronzehydria mit menschlichen Protomen. *Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts*, 101, S. 31-55, 145-158.

Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na zachodnim Podolu*. Lwów: Lwowskie Towarzystwo Prehistoryczne.

Szilágyi, J. Gy. 1951—1952. Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, I, S. 419-458.

Szilágyi, J. Gy. 1965. Trouvailles grecques sur le territoire de la Hongrie. In: *Le Rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques. Congres International d'Archeologie Classique (8th: 1963: Paris)*. Paris: E. de Boccard, p. 386-390.

Szilágyi, J. Gy. 1966. Magyarország szkíta korának néhány kérdése. *Antik Tanulmányok*, 13, p. 102-107.

Szilágyi, J. Gy. 1992. Transdanubien und Italien im 6.—5. Jh. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 219-234.

Teržan, B. 1995. Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa. In: Hänsel, B. (ed.). *Han-*

del, Tausch und Verkher im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa. München; Berlin: Hansa; Kiel, S. 80-159.

Teržan, B. 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf.: Marie Leidorf GmbH, S. 511-560.

Teržan, B. 2008. Stična — Skizzen. In: Gabrovec, S., Teržan, B. *Stična II/2. Gomile starejše železne dobe. Razprave*. Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, S. 189-325.

Trachsel, M. 2004. *Untersuchungen zur relative und absoluten Chronologie der Hallstattzeit*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 104.

Trefný, M. 2011. Attická keramika jako významný doklad jižního importu v prostředí pozdně halštatských až časně laténských Čech. *Památky Archeologické*, CII, p. 271-306.

Turk, P., Murgelj, I. 2008. Ponovno najdeni apulski kraterji iž Stične. In: Gabrovec, S., Teržan, B. *Stična II/2. Gomile starejše železne dobe. Razprave*. Lubljana: Narodni Muzej Slovenije, p. 159-172.

Vasić, R. 1987a. Kneževski grobowi iz Novog Pazara i Atenice. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 644-650.

Vasić, R. 1987b. Devdelijska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 701-711.

Vasić, R. 1995. Gütertausch und Fernbeziehungen im früheisenzeitlichen Serbien. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkher im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 349-362.

Vasić, R. 2003. The North of Trebenishte. Pilatovići, Atenica and Novi Pazar. In: Stibbe, C. M. *Trebenishte. The fortunes of an unusual excavation*. Roma: L'Erma di Bretschneider, p. 111-134.

Vasić, R. 2007. Kneginje Centralnog Balkana. *Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan. Situla*, 44, p. 557-562.

Vasiliev, V. 1980. *Sciții Agatîrşi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.

Vasiliev, V. 1995. *Fortificationes de refuge et établissements fortifies du premier âge du fer en Transylvanie*. Bucarest: S. C. Caro Trading'94 S. R. L.

Vejvoda, V., Mirnik, I. 1973. Halštatski kneževski grobowi iž Kaptola kod Slavonske Požege. *Arheološki Vestnik*, XXIV, p. 592-603.

Vulpe, A. 1967. *Necropola hallstattiană de la Ferigile*. Bucureşti: Academia Republicii Socialiste România.

Vulpe, A. 2004. Die Agathyrsen. Eine zusammenfassende Darstellung. In: Chochorowski, J. (ed.). *Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński. Księgarnia Akademicka, S. 473-482.

Werner, W. M. 1988. *Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau*. München: Beck. Prähistorische Bronzefunde, XVI: 4.

Zbožil, A. 1959. Herodotova Skythie a sousedé. *Slovenská Archaeológia*, 7, p. 363-421.

Ja. Chochorowski

AT THE FAR FRINGES OF THE ANTIQUE WORLD — THE HYPERBOREANS OF CENTRAL EUROPE

Comparing the northern boundary of the distribution of Greek and Italian imports from the 7th—6th centuries with the state of knowledge about Central European «barbarian» territories encapsulated in the antique tradition and conveyed primarily by Herodotus allows for an insight into the relationships between these two worlds. The appearance of Greek pottery (amphorae) in Heuneburg on the upper Danube in the 6th century BC provides an archaeological background for the rather enigmatic — but certainly existing — knowledge about this territory, reflected by Herodotus' (II: 33) passages about the city of «*Pyrene*» and the «*Ister*» River «*which has its source amongst the Celts near Pyrene*». Obviously, the assessment of the relationships is based not on the presence of the amphorae themselves, but their contents: wine and olive oil. It is their consumption that can possibly hint at a cultural connection, which from the «barbaric» side takes the form of a fascination with «Mediterranean luxury». This desire to include the Mediterranean lifestyle into the subculture of Hallstatt (early Celtic) elites is well-illustrated by the presence of luxury tableware and spectacular bronze vessels (e. g. the Vix crater or the Hochdorf cauldron), which formed libation services in tombs of Hallstatt «princes».

With regard to the Podolia region, trade contacts established as early as the second half of the 7th century BC and evidenced by the inflow of amphorae and Greek tableware apparently find no reflection in knowledge about these territories and their inhabitants as presented in «The Histories». True, Herodotus (IV: 48) is well-familiar with the rivers flowing outside the Carpathian Arc through the Moldavia Upland and emptying into the Black Sea or the Danube, as well as those crossing the Walachia Plain, but his knowledge seems not to extend as far as the Greek (from Olbia?) «imports» to Podolia. This is intriguing given that the author of «The Histories» had personal experience of the Pontic reality, thanks among others to his stay in Olbia and a four-day trip up the Boh (*Hypanis*) River into Scythia. The strength of cultural interactions between the milieu of Pontic Greeks and the people from western Podolia in the second half of the 7th and the first half of the 6th centuries BC also seems to be emphasised by the relatively wide reception of the technique of wheel throwing and the production of so-called grey tableware. However, it is not insignificant here that this sphere of economic activity, which was utilitarian in its nature and linked with everyday life, had no significant impact on the quality of life in a broader social dimension and did not affect prestige behaviours and the status of elites.

The connections between the Mediterranean civilisation and communities from the Great Hungarian Plain in the 7th—6th centuries BC draw a completely different picture. Imports of exclusive Greek and Etruscan goods is a rare phenomenon here, while the knowledge that the Greeks from the Pontic area had gathered until the times of Herodotus (V: 9) is focused on only one ethnic group — the *Sigynnae*. This knowledge abounds in ethnographic details and it presents a synthetic picture of this people, including the awareness of its foreign origin in the local milieu. Apparently, the «exoticness» of cultural behaviours, the importance of civilizational achievements (for instance, the breeding of fast and durable horses), and the separate identity in the local milieu were precisely the reasons which won them particular status and renown. Undoubtedly, contacts maintained by the people from Alföld with Greek colonies on the north-western shores of the Black Sea, Olbia and its vicinity in particular, must have also been important in this respect. These contacts made the residents of Olbia aware of a certain «exoticness» of cultural behaviours of the Syginnae and their «Median» (in fact Caucasian) origin, and it was most likely they who shared this knowledge with Herodotus. The answer to the question of why these contacts had been established and maintained should perhaps be sought

in the cultural mentality of the nomadic elites, whose presence is strongly marked in the social structure of the Vekerzug culture, especially in the early period (late 7th — first half of the 6th century BC). This also applies to the archetype — strongly manifested in symbolic behaviours — of a warrior, first of all the archer (burials with quivers or arrow sets), and clearly legible manifestations of the important role, utilitarian and symbolic, of the horse (individual burials of horses, horse bits in grave inventories). The context of these relationships is the inclination — inscribed in the strategy of social behaviours — of nomadic elites (whose power relied on units of mounted warriors) to undertake military expeditions, including looting raids oriented on economic gains. One example of this are the «Scythian invasions», military incursions by groups using Scythian-type weapons which affected some territories in north-west Central Europe (from Transdanubia, to the Moravian Gate, to Lower Lusatia). The result was, among other things, the destruction of fortified settlements which served as economic-political centres for local communities, and even the depopulation of certain areas. In the reality of Central Europe these raids could have generally brought only one spoil of significant importance in the «barbarian» trade with the Greeks: slaves. For nomadic elites functioning in the ethnic milieu of the Alföld, the participation in trade with the Greeks was an important factor in constructing their social and economic position (by the acquisition of prestigious attributes of wealth, e. g. gold plaques decorating their bow-and-quiver cases). Material requisites of the aristocratic subculture, such as exclusive objects of Scythian, Greek, or Hallstatt origin (Ártánd, Békéscsaba, Mezőkeresztes-Zöldhalompuszta, Tápiószentmárton, Witaszkowo), also provided an opportunity for manifesting cultural identity, which referred primarily to Scythian traditions.

An important element in the knowledge that the Greeks had about the European interior in Herodotus' times is his mention (IV: 33) concerning legendary *Hyperboreans* (people from «beyond the North Wind»): anonymous communities believed to have dwelled in the northernmost reaches of the world known to the Greeks, who offered, by the intermediary of the «Scythians», their sacred gifts to Apollo's oracle on the island of Delos. The «Scythians» from the Delian account were communities with a Scythoidal model of culture (including the typical Scythian costume) from the Hungarian Plain, and the Hyperboreans were probably a settled people, agriculturalists («*sacred offerings wrapped up in wheat-straw*») linked with the «Scythians» by the ties of neighbourhood, which included «mercantile» exchange but also sacralised exchange of goods of a votive nature. Opening on the Aegean Sea, the route leading through the central Balkans along the axis of the Tisa—Morava—Vardar Rivers allowed for transfer of both commodities and information. As a result, the people from the Hungarian Plain who stood out with their «Median costume» were regarded in Greece (Delos included) as «Scythians». Indeed, this cultural distinctness of the Central European nomadic enclave was also noticed by artists from the «Situla Art» circle, who left such iconographic evidence as the representation of an archer wearing a Median costume on a belt fitting from Molnik, or pointed headdresses of Sigynnae drivers of mighty chariots / bigae (*heniotos*) in the chariot racing scenes featuring on situlas from Kufern and Bologna-Arnoaldi. The communication route, well-evidenced by archaeological and historical sources, which crossed the lands inhabited by Hallstatt communities from the south-eastern Alpine foothills and the Eneti/Veneti on the Adriatic coast, and which to some extent was also controlled by the Sigynnae, was used to send gifts from the Hyperboreans to Delos. Attempts at identifying the cultural equivalent of the Hyperboreans known from their contact with the Delos oracle point at communities dwelling to the north of the Carpathian Arc. In the 6th—5th centuries BC they were connected with the milieu of the Vekerzug culture from the Hungarian Plain by the routes leading towards amber-bearing coasts of the Baltic Sea. With their subsistence based primarily on cereal farming, the economic strategy of communities from the Vistula and Warta basins (whose traditions were still deeply rooted in the Late Bronze Age Urnfield model) seems to fit the symbolism of the sacrifice offered by the Hyperboreans to the remote Delos sanctuary. This implies not only the awareness — reaching as far as the Vistula basin — of the existence of cult places of over-regional status in the Mediterranean world, but also some shared values in the sphere of religious mentality.

Therefore, it seems that two aspects of exploring «barbarian» Europe (i. e. the spread of imports and the state of geographical knowledge among the Greeks) by Mediterranean people (or more likely by those among them most industrious and curious about the world) were somehow related to each other. The precursors, and perhaps organizers, of the exchange procedures on the «barbarian» side were primarily the elites. Where the social role of elites was not so elevated as that of Hallstatt «princes» or nomadic (Scythian) «chieftains» from the Alföld, e. g. in Central European communities representing Urnfield traditions, the transmission of goods may have been sacralised. This sacralisation referred to values and religious symbols (and religious manifestations) which were similar for (or common to?) the Greek south and the «barbarian» north of Europe. The Mediterranean and «barbarian» parts of Europe constituted a cultural (ideological) community, connected by a network of mutual dependencies. However, their geographic and cultural awareness and the extent to which the two worlds intermingled were probably considerably greater than what emerges from the number, attractiveness, and research potential of the extant «imports» — material (archaeological) traces of mutual interest.

Keywords: Central Europe, Greek and Etruscan imports, trade routes, ethnic geography, Hyperboreans.

Одержано 13.03.2019

ХОХОРОВСКІ Ян, доктор гуманітарних наук, професор, Інститут археології Ягеллонського університету в Кракові, вул. Голембя, 11, Краків, 31007, Польща, *j.chochorowski@uj.edu.pl*.

CHOCHOROWSKI Jan, Doctor of the humanities science, State professor, Institute of Archaeology at the Jagiellonian University, Gołębia Str. 11, Kraków, 31007, Poland, *j.chochorowski@uj.edu.pl*.

УДК: 904.4(477.16)“638”-0,35.56

І. О. Балашов, О. Д. Могилов

МУШЛІ МОЛЮСКІВ З МОТРОНИНСЬКОГО ГОРОДИЩА

Під час дослідження Мотронинського городища скіфського часу на Черкащині, у нашаруваннях VI—V ст. до н. е. виявлено мушлі трьох видів наземних молюсків: Helix pomatia, Austrotachea vindobonensis та Fruticicola fruticum. Усі ці види зустрічаються в даній місцевості і зараз. Оскільки вважалося дискусійним, чи не виникли популяції H. pomatia в Придніпров'ї внаслідок недавнього завезення людиною, суттєвим є доказ присутності цього виду в даній місцевості протягом щонайменше 2400 років. Характер пошкоджень на мушлі H. pomatia свідчить про те, що молюск був вжитий у їжу людиною.

Ключові слова: *Мотронинське городище, скіфський час, молюски, Середнє Придніпров'я.*

Вступ. Мотронинське городище (с. Мельники Чигиринського р-ну Черкаської обл.) — визначна пам'ятка скіфського часу Українського Лісостепу, що вражає масивністю своєї оборонної системи. Овальний у плані комплекс фортифікацій складається з двох концентричних ліній оборони. Кожна з них включає рів та вал, на якому в давнину існували дерев'яні стіни. Найбільш масивна зовнішня лінія. Вал та рів тут мають низку в'їздів. У трьох місцях вони прикриті перпендикулярними фланкуючими фортифікаційними смугами. Внутрішня цитадель має менш масивні укріплення. Культурний шар городища насичений знахідками. Поруч розташовано курганний могильник.

Вперше Мотронинське городище згадується ще у XIX ст. (Фундуклей 1848, с. 9; Похилевич 1864, с. 688, 689). Деталізовані дані про укріплення та курганний могильник подає О. О. Бобринський. (Бобринской 1894, с. 53—60). Розкопки на городищі вперше проводять В. В. Ханенко і В. В. Хвойко у 1899 р., які досліджують ділянку валу, внутрішній простір та кургани (Исследования…1899, с. 36; Хвойко 1905, с. 6, 7). У радянський час на пам'ятці працюють відомі фахівці І. В. Фабріціус (Фабріціус 1938), М. І. Вязьмітіна та Є. Ф. Покровська (Вязьмитина, Покровская 1950), О. І. Тереножкін та В. А. Іллінська (Тереножкин, 1952, с. 88—89). Масштабні дослідження на Мотронинському городищі та некрополі проводить у 1988—1996 рр. експедиція під керівництвом С. С. Безсонової, за участі С. А. Скорого (Бессонова, Скорый 2001). У 2000—2003 рр. роботи на пам'ятці продовжує спільна Українсько-Польська експедиція на чолі з С. А. Скорим та Я. Хохоровським (Хохоровски, Скорый 2006). Роботами на пам'ятці відкрито чисельні житлові, господарські, та культові споруди. Розкопано поховальні комплекси.

У 2017—2018 рр. дослідження городища відновила Скіфська Правобережна експедиція (Могилов, Руденко, Панченко 2018; Могилов 2018). Роботи велись в районі укріплень внутрішньої цитаделі. Отримано чисельну добірку знахідок скіфського часу, а також зоологічний матеріал, більшість якого складали кістки свійських та зрідка диких тварин. В нашаруваннях VI—V ст. до н. е. виявлено і низку мушель молюсків.

Матеріал і методи. Мушлі (черепашки) наземних молюсків з Мотронинського городища отримані з культурних нашарувань VI—V ст. до н. е. в ході археологічних розкопок. Дослідження велись у відповідності до загальноприйнятої методики, пошарово. Датування зоологічного матеріалу проводилось за наявними в шарах супроводжуючими археологічними знахідками. Насамперед — за ліпною та імпортною античною керамікою, а також — наконечниками стріл та вуздою.

© І. О. БАЛАШОВ, О. Д. МОГИЛОВ, 2019

Виявлені 4 мушлі *Austrotachea vindobonensis* (Pfeiffer, 1828) та по одній *Fruticicola fruticum* (Müller, 1774) і *Helix pomatia* Linnaeus, 1758 (Mollusca, Gastropoda, Stylommatophora). Визначення молюсків проведене за стандартними методиками (Лихарев, Раммельмейер 1952; Шилейко 1978; Kerney, Cameron 1979; Welter-Schultes 2012; Балашов 2016b). Оскільки нещодавні молекулярно-генетичні дослідження показали, що вид *Austrotachea vindobonensis* не належить до роду *Cepaea*, куди його відносили раніше (Neiber, Hausdorf 2015), ми відносимо цей вид до окремого роду (див. обговорення у Балашов 2016a).

Матеріал зберігається у колекції наземних молюсків Інституту зоології ім. І. І. Шмальнаузена НАН України (Київ).

Результати і обговорення. Мушлі *Austrotachea vindobonensis (*Helicidae) та *Fruticicola fruticum* (Bradybaenidae) мають пошкодження різного ступеня, які не можна пов'язати з діяльністю людини. Ці види є і були досить звичайними у Придніпров'ї, є широко поширеними в Європі. Перший з цих видів більш характерний для степів, а другий — переважно для вологих біотопів, але обидва види можуть зустрічатися разом у чагарниках і на луках (Балашов, Байдашников, 2010; Welter-Schultes 2012; Балашов, 2016a).

Равлик виноградний *Helix pomatia* (Helicidae) — широко поширений в Європі вид, що традиційно вживається в їжу людиною. Сучасний ареал виду охоплює більшу частину Європи, крім найбільш південних, найбільш північних і найбільш східних регіонів (Welter-Schultes 2012). Однак, природні межі ареалу цього виду не встановлені та дискусійні (Fiorentino et al. 2016). В Україні виноградний равлик поширений переважно в західних регіонах — в Карпатах, на Волині та Поділлі, в той же час у Придніпров'ї, на Причорноморській низовині та Середньоруській височині зустрічається спорадично, переважно в антропогенному середовищі (Хлус, Хлус 2003; Сверлова и др. 2006; Balashov, Gural-Sverlova 2012; Балашов 2016a; 2016b). Оскільки в літературі немає відомостей про палеонтологічні знахідки *Helix pomatia* на схід від Поділля, вважалося дискусійним чи не виникли більш східні популяції внаслідок відносно недавнього перенесення людиною (Лихарев, Раммельмейер 1952; Шилейко 1978; Хлус, Хлус 2003; Сверлова и др. 2006; Балашов 2010; Балашов, Байдашников 2010; Balashov, Gural-Sverlova 2012; Балашов 2016a; 2016b). В той же час нещодавнє виявлення популяцій цього равлика в природних широколистяних лісах Черкащини, Полтавщини та Харківщини, зокрема в урочищі Холодний яр поблизу Мотронинського городища, свідчило про можливість того, що ці популяції мають природне походження (Балашов и др. 2009; Балашов 2010; Балашов, Байдашников 2010; Балашов, Брусенцова 2015). Представлена у цій статті археологічна знахідка доводить присутність виноградного равлика в Придніпров'ї впродовж щонайменше 2400 років.

Висота виявленої мушлі *H. pomatia* складає 46 мм, ширина — 45 мм, при 5 обертах. Мушля біла, майже втратила природне забарвлення, проте помітні залишки від 5 темних спіральних смуг. За формою і розміром досліджена мушля не має суттєвих відмінностей від екземпляру *Helix pomatia*, що був зібраний нами живцем у 2008 р. в цій же місцевості поблизу Мотронинського монастиря (зберігається у колекції Інституту зоології, IZAN GT 01018). Однак сучасний екземпляр повністю позбавлений смуг і має однорідне коричневе забарвлення. Виражена присутність 5 смуг у *H. pomatia* трапляється досить рідко, але за поодиноким екземпляром не можна зробити висновку чи є таке забарвлення древньої мушлі випадковим.

Важливим є характер пошкоджень виявленої мушлі. Відломленою є частина колумелярного краю устя довжиною близько 10 мм, при цьому будь-які інші пошкодження відсутні. Ця частина мушлі є відносно міцною і, за нашим досвідом, якщо вона є пошкодженою після смерті равлика під дією природних факторів, то мушля має й численні інші пошкодження більш крихких частин, які ламаються першими. Перш за все, це стосується палатального та базального країв устя, які є більш тонкими і не приєднані до попередніх обертів мушлі. У той же час, саме пошкоджене місце, колумелярний край устя, слугувало би місцем опори для будь-якого знаряддя, при витягуванні тіла равлика з мушлі з метою застосування у їжу. Зокрема і тому, що використання для опори більш крихких країв устя відламало би відповідні стінки мушлі, але не дозволило би витягти равлика. Збіг цих двох обставин, пошкодження лише відносно міцної частини мушлі, яке би слугувало місцем для опори знаряддя при діставанні равлика з мушлі, свідчить про те що цей молюск був вжитий у їжу.

Молюски роду *Helix* застосовувалися людьми у їжу з доісторичних часів, у античність та протягом всіх подальших періодів (Сверлова и др., 2006; Балашов, 2016A; Korábek et al. 2018). Цікавим є факт, що в Східній Європі з давніх часів, можливо з античних, відомі випадки навмисного завозу та інтродукції з метою застосування у їжу равликів спорідненого виду — *Helix lucorum* Linnaeus, 1758 (Korábek et al. 2018).

ЛІТЕРАТУРА

Балашов, І. О. 2010. Наземні молюски (Gastropoda, Pulmonata) Полтавської області. *Наукові записки Державного природознавчого музею*, 26, с. 191-198.

Балашов, И. А. 2016a. *Фауна Украины. Моллюски. Стебельчатоглазые (Stylommatophora).* Киев: Наукова думка.

Балашов, И. 2016b. *Охрана наземных моллюсков Украины*. Киев: Институт зоологии НАН Украины.

Балашов, И. А., Байдашников, А. А. 2010. Наземные моллюски (Gastropoda) лесостепного Приднепровья и их фитоценотическая приуроченность. *Вестник зоологии*, 44, 4, с. 309-316.

Балашов, И. А., Биатов, А. П., Василюк, А. В. 2009. Видовой состав и фитоценотическая приуроченность наземных моллюсков (Gastropoda, Pulmonata) Национального природного парка «Гомольшанские леса» (Украина, Харьковская обл.). *Вестник зоологии*, 43, 4, с. 355-360.

Балашов, И. А., Брусенцова, Н. А. 2015. Наземные моллюски национального природного парка «Слобожанский» (Харьковская обл., Украина). *Зоологический журнал*, 94, 11, с. 1249-1256.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.)*. Киев.

Бобринской, А. А. 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Санкт-Петербург, II.

Вязьмитина, М. И., Покровская, Е. Ф. *Отчет об археологических работах проведенных в окрестностях с. Жаботина Каменского района Кировоградской области в 1950 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1950/24.

Исследования… 1899. Исследования и раскопки в Чигиринском уезде Киевской губернии, вблизи Мотронинского монастыря. *Киевская старина*, LXVI, Июль.

Лихарев, И. М., Раммельмейер, Е. С. 1952. *Наземные моллюски фауны СССР*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Могилов, О. Д. 2018. Нові знахідки ранньоскіфського часу на Мотронинському городищі. *Старожитності Лівобережжя Дніпра — 217*, с. 86-88.

Могилов, О. Д., Руденко, С. В., Панченко, К. І. 2018. *Звіт про розкопки на Мотронинському городищі (Чигиринський р-н Черкаської області) в 2017 р.* Київ.

Похилевич, Л. *Сказание о населенных местностях Киевской губернии. Статистические исторические и церковные заметки о всех деревнях, селах, местечках и городах, в пределах губернии находящихся*. Киев: Киевопечерская Лавра.

Сверлова, Н. В., Хлус, Л. Н., Крамаренко, С. С., Сон, М. О., Леонов, С. В., Король, Э. Н., Вычалковская, Н. В., Земоглядчук, К. В., Кирпан, С. П., Кузьмович, М. Л., Стенько, Р. П., Ференц, О. Г., Шклярук, А. Н., Гураль, Р. И. 2006. *Фауна, экология и внутривидовая изменчивость наземных моллюсков в урбанизированной среде*. Львов.

Тереножкин, А. И. 1952. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, XLIII, с. 80-98.

Фабріціус, І. В. 1938. *Скіфська розвідкова експедиція 1938 р.* НА ІА НАНУ, ф. 25, 31.

Фундуклей, И. И. 1884. *Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии*. Киев.

Хвойко, В. В. 1905. *Городища Среднего Поднепровья, их значение, древность и народность*. Москва, 1. Труды XII археологического съезда в Харькове 1902 г.

Хлус, Л. М., Хлус, К. Н. 2003. Распространение *Helix pomatia* L. на территории Украины. *Чтения памяти А. А. Браунера: Материалы 3-й международной научной конференции*, с. 54-56.

Шилейко, А. А. 1978. *Наземные моллюски надсемейства Helicoidea*. Фауна СССР, 3: Моллюски, 6. Ленинград: Наука.

Balashov, I., Gural-Sverlova, N. 2012. An annotated checklist of the terrestrial molluscs of Ukraine. *Journal of Conchology*, 41, 1, p. 91-109.

Fiorentino, V., Manganelli, G., Giusti, F., Ketmaier, V. 2016. Recent expansion and relic survival: Phylogeography of the land snail genus *Helix* (Mollusca, Gastropoda) from south to north Europe. *Molecular Phylogenetics and Evolution*, 98, p. 358-372.

Kerney, M. P., Cameron, R. A. D. 1979. *Field guide to the land snails of Britain and north-west Europe*. London: Collins.

Korábek, O., Juřičková, L., Balashov, I., Petrusek, A. 2018. The contribution of ancient and modern anthropogenic introductions to the colonization of Europe by the land snail *Helix lucorum* Linnaeus, 1758 (Helicidae). *Contributions to Zoology*, 87, 2, p. 61-74.

Neiber, M. T., Hausdorf, B. 2015. Molecular phylogeny reveals the polyphyly of the snail genus *Cepaea* (Gastropoda: Helicidae). *Molecular phylogenetics and evolution*, 93, p. 143-149.

Welter-Schultes, F. W. 2012. *European non-marine molluscs, a guide for species identification*. Göttingen: Planet Poster.

REFERENCES

Balashov, I. O. 2010. Nazemni moliusky (Gastropoda, Pulmonata) Poltavskoi oblasti. *Naukovi zapysky Derzhavnoho pryrodoznavchoho muzeiu*, 26, s. 191-198.

Balashov, I. A. 2016a. *Fauna Ukrainy. Mollyuski. Stebelchatoglazyye (Stylommatophora)*. Kiev: Naukova dumka.

Balashov, I. 2016b. *Okhrana nazemnykh mollyuskov Ukrainy*. Kiev: Institut zoologii NAN Ukrainy.

Balashov, I. A., Baidashnikov, A. A. 2010. Nazemnyye mollyuski (Gastropoda) lesostepnogo Pridneprovia i ikh fitotsenoticheskaya priurochennost. *Vestnik zoologii*, 44, 4, s. 309-316.

Balashov, I. A., Biatov, A. P., Vasyliuk, A. V. 2009. Vidovoy sostav i fitotsenoticheskaya priurochennost nazemnykh mollyuskov (Gastropoda. Pulmonata) Natsionalnogo prirodnogo parka «Gomolshanskiye lesa» (Ukraina. Kharkovskaya obl.). *Vestnik zoologii*, 43, 4, s. 355-360.

Balashov, I. A., Brusentsova, N. A. 2015. Nazemnyye mollyuski natsionalnogo prirodnogo parka «Slobozhanskiy» (Kharkovskaya obl., Ukraina). *Zoologicheskiy zhurnal*, 94 (11), s. 1249-1256.

Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 2001. *Motroninskoye gorodishche skifskoy epokhi (po materialam raskopok 1988—1996 gg.)*. Kiev.

Bobrinskoy, A. A. 1894. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely*. Sankt-Peterburg, II.

Vyazmitina, M. I., Pokrovskaya, E. F. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh provedennykh v okrestnostyakh s.Zhabotina Kamenskogo rayona Kirovogradskoy oblasti v 1950 g*. Naukoviy arkhiv IA NANU, f. 64, 1950/24.

Issledovaniya… 1899. Issledovaniya i raskopki v Chigirinskom uyezde Kievskoy gubernii, vblizi Motroninskogo monastyrya. *Kievskaya starina*, LXVI, Iyul.

Likharev, I. M., Rammelmeyer, E. S. 1952. *Nazemnyye mollyuski fauny SSSR*. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Mogylov, O. D. 2018. Novi znakhidky rannoskifskoho chasu na Motronynskomu horodyshchi. *Starozhytnosti Livoberezhzha Dnipra — 2017*, s. 86-88.

Mogylov, O. D., Rudenko, S. V., Panchenko, K. I. 2018. *Zvit pro rozkopky na Motronynskomu horodyshchi (Chyhyrynskyi raion Cherkaskoi oblasti) v 2017 r*. Kyiv.

Pokhilevich, L. *Skazaniye o naselennykh mestnostyakh Kievskoy gubernii. Statisticheskiye istoricheskiye i tserkovnyye zametki o vsekh derevnyakh. selakh. mestechkakh i gorodakh. v predelakh gubernii nakhodyashchikhsya*. Kiev: Kievopecherskaja Lavra.

Sverlova, N. V., Khlus, L. N., Kramarenko, S. S., Son, M. O., Leonov, S. V., Korol, E. N., Vychalkovskaya, N. V., Zemoglyadchuk, K. V., Kirpan, S. P., Kuzmovich, M. L., Stenko,

R. P., Ferents, O. G., Shklyaruk, A. N., Gural, R. I. 2006. *Fauna. ekologiya i vnutrividovaya izmenchivost nazemnykh mollyuskov v urbanizirovannoy srede*. Lvov.

Terenozhkin, A. I. 1952. Poseleniya i gorodishcha v basseyne r. Tyasmina. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury*, XLIII, s. 80-98.

Fabritsius, I. V. 1938. *Skifska rozvidkova ekspedytsiia 1938 r.* NA IA NANU, f. 25, 31.

Fundukley, I. I. 1884. *Obozreniye mogil. valov i gorodishch Kievskoy gubernii*. Kiev.

Khvoyko, V. V. 1905. *Gorodishcha Srednego Podneprovia. ikh znacheniye. drevnost i narodnost*. Moskva, 1. Trudy XII arkheologicheskogo syezda v Kharkove 1902 g.

Khlus, L. M. Khlus, K. H. 2003. Rasprostraneniye Helix pomatia L. na territorii Ukrainy. *Chteniya pamyati A. A. Braunera: Materialy 3-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, s. 54-56.

Shileyko, A. A. 1978. *Nazemnyye mollyuski nadsemeystva Helicoidea*. Fauna SSSR, 3: Mollyuski, 6. Leningrad: Nauka.

Balashov, I., Gural-Sverlova, N. 2012. An annotated checklist of the terrestrial molluscs of Ukraine. *Journal of Conchology*, 41, 1, p. 91-109.

Fiorentino, V., Manganelli, G., Giusti, F., Ketmaier, V. 2016. Recent expansion and relic survival: Phylogeography of the land snail genus *Helix* (Mollusca, Gastropoda) from south to north Europe. *Molecular Phylogenetics and Evolution*, 98, p. 358-372.

Kerney, M. P., Cameron, R. A. D. 1979. *Field guide to the land snails of Britain and north-west Europe*. London: Collins.

Korábek, O., Juřičková, L., Balashov, I., Petrusek, A. 2018. The contribution of ancient and modern anthropogenic introductions to the colonization of Europe by the land snail *Helix lucorum* Linnaeus, 1758 (Helicidae). *Contributions to Zoology*, 87, 2, p. 61-74.

Neiber, M. T., Hausdorf, B. 2015. Molecular phylogeny reveals the polyphyly of the snail genus *Cepaea* (Gastropoda: Helicidae). *Molecular phylogenetics and evolution*, 93, p. 143-149.

Welter-Schultes, F. W. 2012. *European non-marine molluscs, a guide for species identification*. Göttingen: Planet Poster.

I. O. Balashov, O. D. Mogylov

SHELLS OF MOLLUSCS FROM MOTORONYN HILLFORT

The shells of 3 land molluscs' species are found in the historical layer of VI—V century B.C. from the Motronyn hillfort of the Scythian age (Chyhyryn district of Cherkasy region, Ukraine): *Helix pomatia*, *Austrotachea vindobonensis* and *Fruticicola fruticum*. All these species are known to still occur in this area. Since it was disputable whether the *H. pomatia* was recently introduced in the Dnipro area, an evidence of its presence for at least 2400 years in this region is notable. Nature of damage to the shell of *H. pomatia* indicates that it was probably used for food by humans.

Keywords: Motronyn hillfort, Scythian time, mollusks, Middle Dnieper region.

Одержано 19.05.2019

БАЛАШОВ Ігор Олександрович, кандидат біологічних наук, старший науковий співробітник, Інститут зоології ім. І. І. Шмальгаузена НАН України, вул. Б. Хмельницького, 15, Київ, 01030, Україна, *igor_balashov@ukr.net*.

BALASHOV Igor Oleksandrovich, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Institute of Zoology, National Academy of Sciences of Ukraine, B. Khmelnytsky st., 15, Kyiv, 01030, Ukraine, *igor_balashov@ukr.net*.

МОГИЛОВ Олександр Дмитрович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграду 12, Київ, 04210, Україна, *mogilovod@gmail.com*.

MOGYLOV Oleksandr Dmytrovych, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *mogilovod@gmail.com*.

ПУБЛІКАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

УДК: 904'5(477.43)"638"

В. А. Гуцал

ДОСЛІДЖЕННЯ РАННЬОСКІФСЬКОГО КУРГАНУ БІЛЯ с. КУПИН НА ХМЕЛЬНИЧЧИНІ

У статті йдеться про результати досліджень курганів VII ст. до н. е. в с. Купин Городоцького р-ну Хмельницької обл., які кілька років тому пограбували. В одному із насипів була споруджена і згодом спалена дерев'яна усипальниця. Виявлено залишки двох захоронень, багатий набір керамічних виробів, залізні сокири, два тесла, долото і дві намистини-пронизки.

Ключові слова: *Купин, курган, поховання, усипальниця, кераміка, залізна сокира.*

В басейні р. Смотрич біля села Купин Городоцького р-ну Хмельницької обл. на високому плато за 0,8 км південно-західніше села розташована група із чотирьох курганів, витягнутих ланцюжком з північного заходу на південний схід на відрізку 299 м. Їх дослідження 2018 р. розпочала археологічна експедиція Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Насипи добре видно на рівні горизонту. Всі вони розтягнуті в різні сторони. Сучасний діаметр насипів 9—20 м, найбільша висота 1,4 м. Їх не одноразово серйозно грабували скарбошукачі. В центрі кожного вирито одну—три грабіжницьких ям, площа окремих з них становить 10—12 м^2.

Загальний вигляд групи такий. Курган 1 — крайній з півночі. Його сучасна висота має 1,4 м, діаметр 9,5 м. В насипу зафіксовано дві грабіжницькі ями: в центрі — розмірами 3,0 × 4,5 м, глибиною до 1,8 м та у південній частині насипу, ближче до краю — діаметром 1,8 × 2,0 м, завглибшки 1,2 м. У насипу та в ямах виднілися крупні камені. Курган розташований за 60 м від дороги, що веде від плато до села.

За 93 м південніше від першого насипу знаходиться другий, висотою 1,1 м і діаметром 9,5 м, хоча його поли розтягнуті метрів на 20. Зафіксовано дві грабіжницькі ями. Одна в центрі (3,2 × 3 м, глибина 1 м), а друга, дещо менших розмірів, у південно-західному секторі. На поверхню виступають каміння.

Курган 3 розміщений за 63 м від кургану 2. Діаметр насипу спочатку, як можна зрозуміти за деякими ознаками, був 6—7 м, але зараз він розтягнутий на 15—16 м, висота його до 1,1 м. Насип в центрі понівечений грабіжницькою ямою зі сторонами 4,0 × 3,0 м, глибиною 1,1 м. По всій поверхні виступав випалений шар ґрунту.

Курган 4 віддалений від № 3 на 83 м. Він найменший в групі. Діаметр насипу 4,0 × 5,0 м, висота — 0,4 м. Пошкоджений перекопами.

Особливо слід відзначити те, що у курганах присутнє каміння, але не в такій значній кількості як у інших курганах Середнього Придністер'я.

Варто сказати, що у цій частині межиріччя Смотрича і Збруча, в межах Городоцького р-ну, зосереджена значна кількість курганів доби ранніх скіфів, дослідження окремих з них проведені на рубежі XIX—XX ст. Зокрема, розкопки поблизу сусідніх до Купина населених пунктів Івахнівці, Карабчіїв, Сирватинці, Скіпче у той час проводив Ф. Пулавський (Pulaski 1902, s. 3—39). З 2007 р. розкопки на цій території веде експедиція Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка (Гуцал та ін. 2008, с. 91—93; 2010, с. 101—103; Гуцал 2014, с. 149—160). У цій статті йдеться про результати роботи на кургані 3.

Насип складався із суцільного, перепаленного до кольору цегли, ґрунту, серед якого зустрічалося каміння середніх розмірів (рис. 1). Не дивлячись на те, що він був суттєво пошкоджений грабіжниками і численними лисячими

© В. А. ГУЦАЛ, 2019

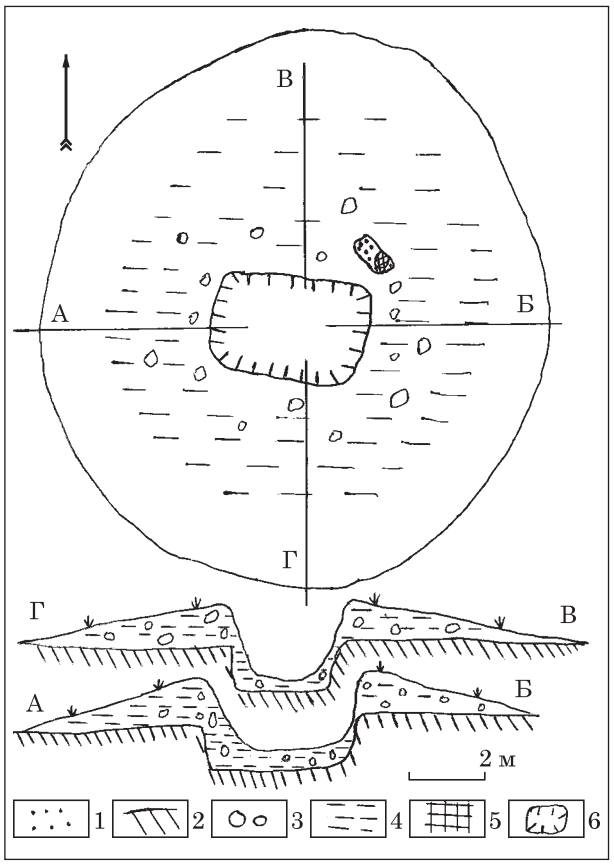

Рис. 1. План кургану 3 у Купині: 1 — глиняна підсипка на місці поховань; 2 — материк; 3 — каміння; 4 — перепалений ґрунт; 5 — випалений до стану черіня фрагмент глиняної підсипки; 6 — грабіжницька яма

норами, було вирішено перевірити всю підкурганну поверхню. Після кількох зачисток її вирівняли і намітили ділянки, перспективні для дослідження. Грабіжники перекопали лише центральну частину кургану. Периферія виявилася не пошкодженою. У північно-східному секторі, в межах квадрату 3 / Д, на краю північно-східного кута грабіжницької ями вдалось натрапити на два захоронення, які лежали поряд. Місце для поховань було підсипано жовтою глиною на площі 1,1 × 0,45 м, товщиною до 3,0—3,5 см. Підсипка лежала горизонтально, але її східний край був дещо опущений відносно загального рівня. На ній зберігся фрагмент розмірами 21 × 23 см, який був загладжений рідким глиняним розчином і в процесі горіння випалився до стану твердого череня печі. Очевидно, що він відігравав якусь особливу роль, на зразок вівтаря, під час ритуальних дій. Відомо, що в давнину вівтарі споруджували із землі чи дерну і вони були, в тому числі, місцем жертвоприношень. Їх будували, зазвичай, зі східного боку, тобто, як і в цьому випадку.

Перше захоронення являло собою залишки одного тілопокладення, у скорченому стані. Коли горіли дерев'яні конструкції кургану, то згорів і кістяк. Збереглися фрагменти однієї ноги, стегнова і гомілкові кістки, колінний суглоб, кілька уламків тазових кісток. Розташування цих уцілілих решток дає підстави вважати, що тіло було повернуто головою у західну сторону. Пізніше, мабуть під час пограбування, верхня частина спаленого кістяка була знищена. Безпосередньо до цього поховання належать кілька розчавлених посудин, які лежали компактно. Серед них виділяється невелика корчажка (рис. 2: 1). Біля неї лежали два неглибокі черпаки. Там же розчищена невелика біконічна посудина (рис. 3: 2), уламки кількох мисок.

Друге поховання знаходилося поряд з першим, але трохи південно-східніше. Тут виявилися зсипані в купку кальциновані кістки і лежали на боку три великі посудини, направлені горловинами на захід. Їх розташували так, що жодна із них не перекривала сусідню, тому складається враження, що всі вони з самого початку були покладені на бік. Найбільшою виявилася корчага типу вілланова (рис. 2: 3). Всередині корчаги було поміщено дві інші кухлеподібні посудини. Пропорціями тулуба вони фактично не різняться між собою. У однієї збоку корпуса є проста петельчаста ручка (рис. 3: 1), у другої ручка прикріплена до вінець і тулуба (рис. 3: 3). У останньої по самому краю вінчика йде наліпний розчленований валик.

Інші два горщики представляють собою банкоподібні вироби кухонного призначення (рис. 2: 2, 3). В один горщик було вкладено ще дві посудини. Одна нагадує опуклобоку чашу із горизонтально поставленими, завернутими до середини, вінцями (рис. 3: 4), інша має форму глибокої миски з нахиленими всередину вінцями (рис. 3: 2). Доповнюють асортимент знахідок ще чотири черпаки, залізні сокира, два тесла, долото і дві бронзові намистини-пронизки.

Слід підкреслити, що вся кераміка, за невеликим винятком, розчавлена на дрібні шматки. Від перебування у сильному вогні вона, ймовірно, змінила свій колір із чорного на цегляcто-брунатний, поверхня загладжена, іноді підлощена.

ОПИС ЗНАХІДОК

Кухонні вироби представлені двома посудинами.

1. Банкоподібний горщик грубуватої обробки (рис. 2: 4). Тулуб, висотою 32,2 см, зверху прямий, злегка звужується до плоского дна діаметром 13 см. По вінчику, діаметр якого 23 см, наліплений товстий розчленований валик, під яким іде ряд видовжених (зерноподібних) заглибин, недбало нанесених загостреним кінцем палички. Товщина стінок — 0,8—1,0 см.

2. Горщик цілком аналогічний першому (рис. 2: 2). Його відрізняє лише дещо опукліша форма тулуба. Розміри — висота 29,5 см, діаметр вінець — 20,4 см, найбільше розширення тулуба — 23 см, дна — 12,8 см.

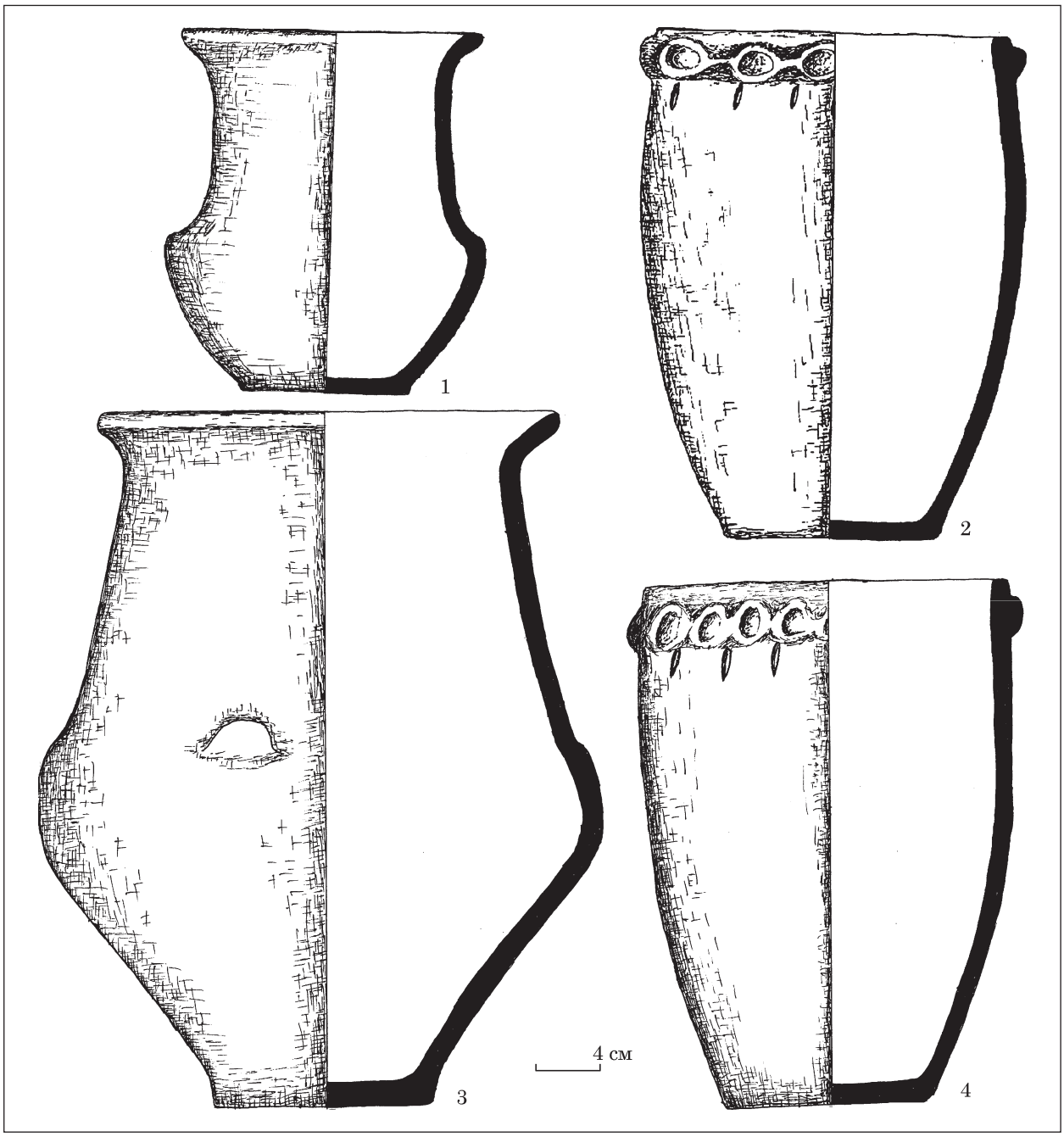

Рис. 2. Курган 3: 1, 3 — корчаги; 2, 4 — банкоподібні горщики

Такий посуд кухонного призначення поширений практично на всіх старожитностях доби ранніх скіфів Дністро-Дніпровського межиріччя (Ковпаненко, Бессонова, Скорий 1989, с. 50, рис. 7: 3, 5, 6; 10: 16—19), приміром, Швайківці (Бандрівський 2009, с. 219, рис. 11: 2), Долиняни (Смирнова 1977, с. 33, рис. 3: 4); Іване Пусте (Ганіна 1984, с. 70, рис. 1: 4—8) та ін.

3. Корчага типу віланнова (рис. 2: 3). Поверхня загладжена, тулуб близький до біконічного, вінця відхилені назовні, посередині корпуса наліплені три, асиметрично розміщені, виступи-упори. Висота дорівнює 45 см, діаметр вінець — 28,8 см, дна — 13,6 см, найширшої частини тулуба — 35 см; товщина стінки — 1,0—1,2 см.

Ця форма характерна для корчаг такого типу, відомих на пам'ятках ранньоскіфського часу з території Середнього Подністров'я. Вони знайдені в курганах Швайковець (Бандрівський 2009, с. 219, рис. 11: 1), Перебиківці (Смирнова 1979, с. 47, рис. 6), Долиняни (Смирнова 1977, с. 33, рис. 3: 3; рис. 6), Братишеві (Sulimirski 1936, tabl. XV: 1), Івахнівці, Сирватинці (Pulaski 1902, s. 10, rys. 5, 21), Шутнівцях (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, с. 74, рис. 1: 1).

4. Невелика корчажка (рис. 2: 1), висотою 22 см. Має різко відігнуті назовні вінця діаметром 18 см, високе циліндричне горло, розширене до 13,8 см, трохи роздутий (18,7 см), звужений до дна, корпус, пласке дно діаметром

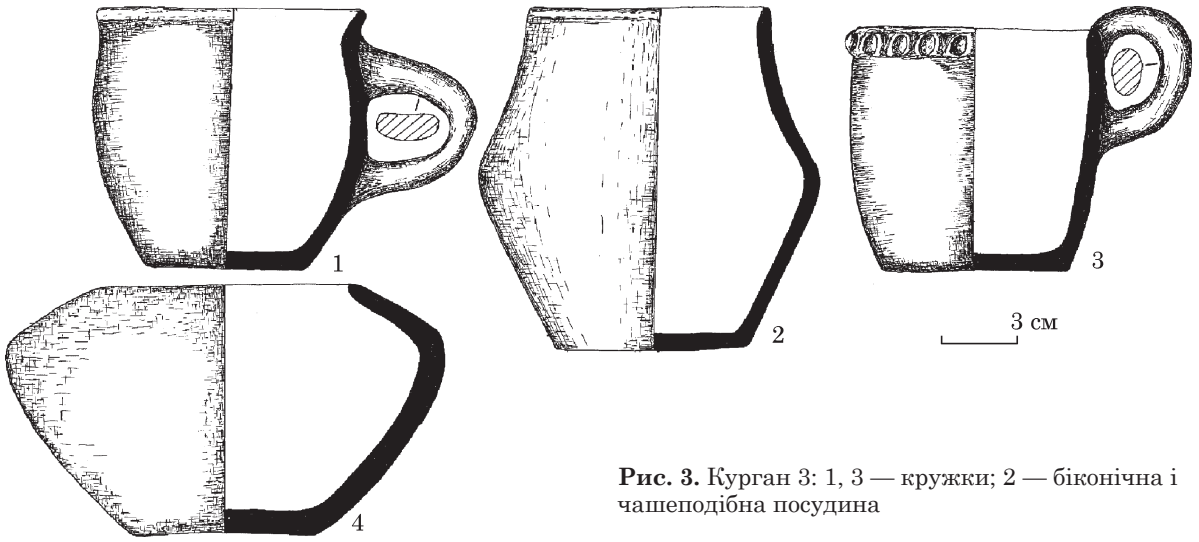

Рис. 3. Курган 3: 1, 3 — кружки; 2 — біконічна і чашеподібна посудина

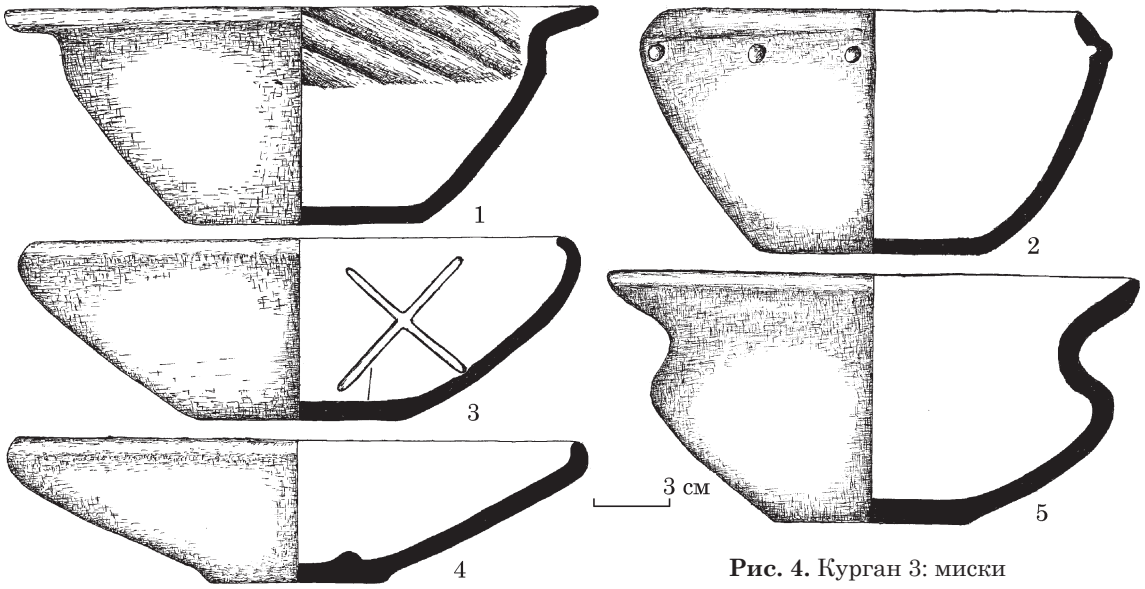

Рис. 4. Курган 3: миски

9,8 см. Подібні форми бачимо на Северинівському городищі (Смирнова 1961, с. 96, рис. 7: 1).

5. Миска з відігнутими назовні вінцями, внутрішня частина оздоблена косими канелюрами (рис. 4: 1). Висота виробу — 8,5 см, діаметр вінець 23, дна — 9,1 см. Такі миски трапляються рідко. Одна відкрита у кургані в Круглику, правда у неї декоровано всю внутрішню поверхню (Смирнова 1968, с. 15, рис. 2: 9), є фрагменти на Северинівському і Немирівському городищах (Смирнова 1961, с. 99, рис. 10: 1; 2001, с. 39, рис. 4: 2).

6. Миска з різко відхиленими вінцями діаметром 21 см, діаметром дна 7,6 см, висотою профільованого корпусу 9,8 см (рис. 4: 5). Подібні знахідки трапляються на ряді пам'яток (Ганіна 1984, рис. 2: 5, Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, с. 74, рис. 1: 3; Гуцал та ін. 2008, с. 19, рис. 6: 3, 10; Гуцал 2014, с. 151, рис. 2: 2).

7. Миска із конусоподібно звуженими до плоского дна стінками (рис. 4: 3). Вінця, діаметром 21,3 см, загнуті до середини; висота посудини 7,1 см, діаметр дна 8,3 см. Всередині, через все дно, прокреслено хре ст.

8. Миска із таким самим корпусом, короткими майже прямими вінцями діаметром 22,4 см (рис. 4: 4). Діаметр дна — 7 см, висота — 5,6 см. На дні із внутрішнього боку наліплено круглий валик до 0,5 см заввишки.

Така форма мисок із загнутими всередину краями відома практично на всіх пам'ятках цього часу у Дністро-Дніпровському регіоні (Ганіна 1984, с. 72, рис. 2: 2; Смирнова 1977, с. 33, рис. 3: 2; 2001а, с. 62, рис. 2: 7,8, с. 67, рис. 5: 13).

Цілою серією із шести виробів репрезентовані черпаки.

9. Серед них на окрему увагу заслуговує сіроглиняна посудина, виготовлена на гончарному колі (рис. 5: 1). Вона має висоту 8,5 см, діаметр вінця — 11,1 см, діаметр дна — 5,6 см, розширення корпусу — 12,6 см. Прямі він-

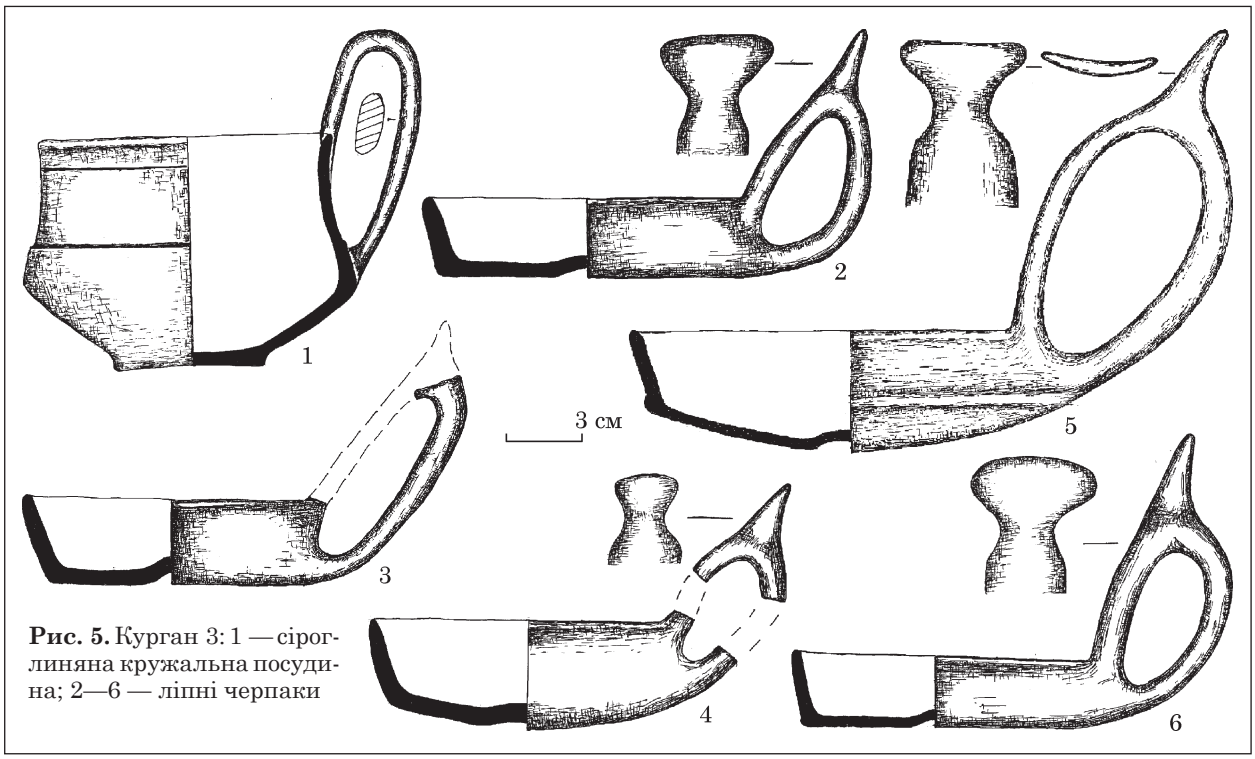

Рис. 5. Курган 3: 1 — сіроглиняна кружальна посудина; 2—6 — ліпні черпаки

ця дещо відхилені, непомітно переходять у циліндричне горло. На біконічному корпусі, який різко звужується до кільцеподібного дна, є два невисокі пояски, що нагадують валики. Стрічкоподібна петельчаста ручка високо піднімається над краєм. Сіроглиняна гончарна кераміка трапляється на багатьох поселеннях і поховальних пам'ятках на Середньому Дністрі (Ганіна 1965, рис. 4: 9; Гуцал, Гуцал, Мегей 1998, с. 75, рис. 2: 18; Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2008, с. 13, рис. 5: 4). Свого часу про це писала Г. Смирнова (1968, с. 23—26; 1999, с. 44—57), зверталися до цього питання М. Дараган, М. Кашуба, О. Левицький (2010, с. 28—61) та ін. Різні гіпотези щодо її походження поки що не є остаточними і відповідь може бути знайдена лише при подальших дослідженнях.

10. Черпак із низькою пласкою чашкою, високою ручкою з виступом у вигляді розширеної лопатки, дно з виїмкою (рис. 5: 2). Діаметр прямого, злегка нахиленого назовні вінця — 12,6 см, дна — 11,3 см, висота 2,7 см.

11. Черпак з розмірами вінець — 11,3 см, дна — 9,5 см, висотою — 3,2 см (рис. 5: 3).

12. Черпак висотою — 3,2 см, діаметр вінець — 12 см, дна — 10,3 см (рис. 5: 4).

13. Черпак аналогічний попередньому (рис. 5: 6), ручка завершується широкою розплющеною лопастею. Діаметр вінчика — 11,5 см, дна — 10,2 см, висота — 2,8 см.

14. Черпак лощений до блиску, ручка висока, дно округле (діаметр — 17,5 см) з виїмкою, діаметр прямого відхиленого назовні вінця — 18,5 см, загальна висота — 3,5 см. Дно виділене невисоким валикоподібним виступом (рис. 5: 5). Точна копія такого черпака походить із кургану 6 в Шутнівцях (Гуцал, Гуцал, 2009, с. 7, рис. 1: 23).

Всі черпаки, окрім кружального, дуже подібні. У кожного низький тулуб, зазвичай прямий, ледь відхилені вінця, висока ручка з розширенням на верху, заглиблення у дні. Незначно відрізняють їх лише розміри. Такий тип посуду досить часто зустрічається у Подністров'ї і на поселеннях, і у курганах (Гуцал та ін. 2008, с. 18, рис. 5: 3, Гуцал, Гуцал 2009, с. 7, рис. 1: 22, 23).

15. Кухлеподібна посудина, короткий вінець злегка відхилений назовні, тулуб діжкоподібний, ручка у вигляді стрічки прикріплена збоку (рис. 3: 1). Діаметр вінця — 10,2 см, корпусу — 10,3 см, дна — 6,3 см, висота — 9,7 см.

16. Кухлеподібна посудина з прямим корпусом, вінець вертикальний з нахилом до середини (рис. 3: 3). По краю — розчленований валик. Ручка з'єднана з краєм вінець і серединою стінки. Діаметр вінця — 9,1 см, корпуса — 9,6 см, дна — 7,1 см, висота — 9,1 см. Такі форми в Подністро'ї трапляються не так часто (Бандрівський 2009, с. 219, рис. 11, 3, Ганіна 1984, с. 73, рис. 3, 4, Гуцал 2014, с. 153, рис. 2: 5).

17. Біконічний горщик висотою 12,5 см, діаметром вінця — 8,3 см, дна — 7,2 см, тулуба — 13 см (рис. 3: 2). Такий керамічний тип належить до числа рідкісних. Подібний знайдений у двох Братишівських курганах, проте, більших розмірів (Sulimirski 1936, s. 58, tabl. XV: 8,11).

18. Глибока мископодібна посудина із нахиленим всередину вінцем, по його краю із середини зроблені наколи, які зовні утворюють горбки (рис. 4: 2). Висота — 9,6 см, найширший діаметр вверху нижче вінець — 18,6 см, дна —

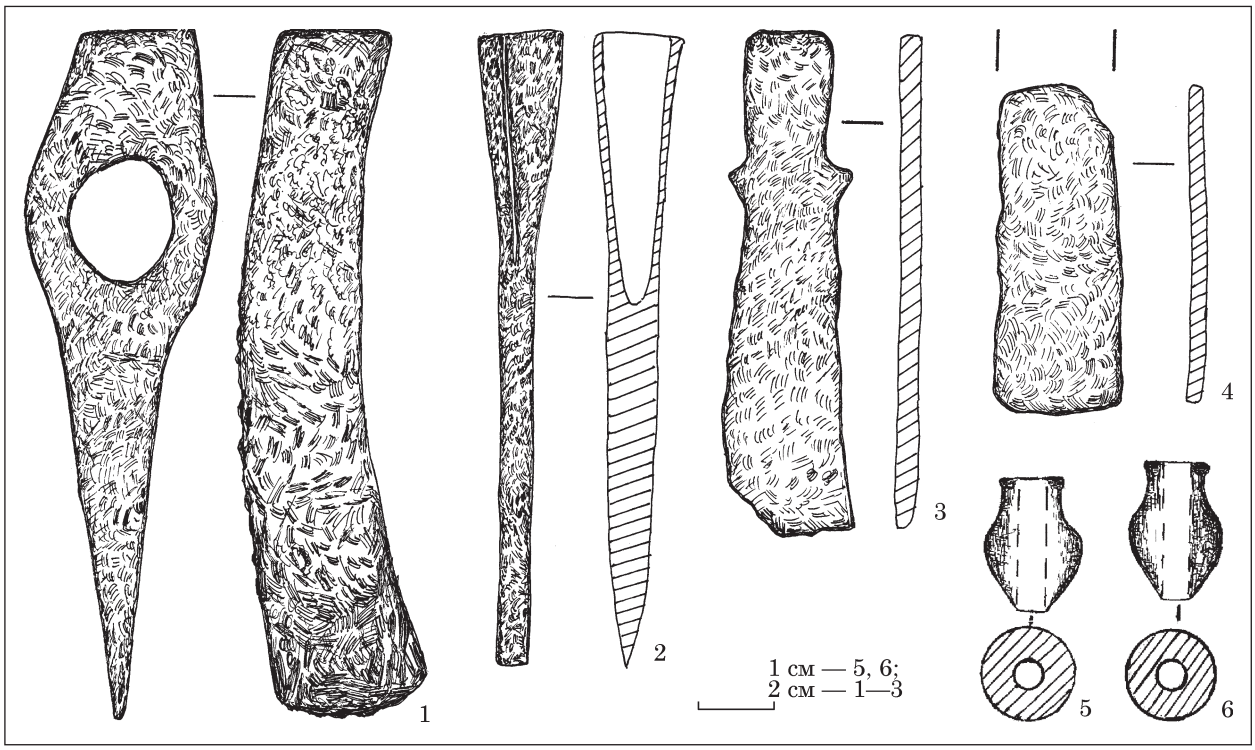

Рис. 6. Курган 3: 1 — сокира; 2 — долото; 3, 4 — сокири-тесла; 5, 6 — бронзові намистини-пронизки

18,8 см. Подібний виріб знайдений у кургані 19 с. Колодіївка (Гуцал та ін. 2007, рис. 93: 1).

19. Посудина чашевидна, частково подібна до вищезгаданої. Вона такої ж висоти — 9,6 см, широкий край прямого вінця нахилений до середини, стінки корпусу конусоподібно звужуються до дна (рис. 3: 4).

Як бачимо, керамічний набір із кургану представлений різноманітними виробами. Це великі посудини типу вілланова, банковидні горщики, миски із загнутим до середини і відігнутим назовні вінцем, черпаки з низькою чашечкою і високими ручками з виступом на верху, кружки з петельчатими ручками збоку, приземкуваті чашевидні і біконічні посудини. Такої багатої колекції глиняного посуду ще не давало жодне поховання періоду ранніх скіфів з регіону Середнього Подністров'я. Разом з тим, майже кожна згадана форма, тією чи іншою мірою, знаходить свої аналогії у виробах, знайдених в попередні роки при розкопках курганів на цій і сусідніх територіях і одночасно доповнює їх (Гуцал та ін. 2010, с. 101—103; Гуцал 2014, с. 149—160; Смирнова 1977, с. 33; рис. 3; 1979, с. 44, рис. 6; 12: 8.9; Pulaski 1902, s. 10—11, rys. 5—8; Sulimirski 1936, tabl. XII—XVII; Ильинская 1975, с. 134, с. 139, рис. 19; Ковпаненко 1981, с. 83, рис. 51; с. 91, рис. 54; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 51, 55, 57, рис. 7, 9, 10).

20. Сокира залізна з клиновидною лопаттю, прямокутним в перетині обухом, розширенням в місці круглого отвору для ручки до 5 см; поверхня попсована корозією (рис. 6: 1). Лобний і тильний боки помітно вигнуті, ідуть паралельно, але до кінця леза трохи розширюються. Розміри: довжина — 18 см, ширина — 3,2 см, діаметр втулки — 2,8 × 3,3 см. Жодна із відомих на сьогодні сокир цього періоду не повторює в усіх деталях її форму. Здається, що найближчою аналогією до неї можна вважати сокиру із Семилукського городища (Меркулов 2014, с. 122, рис. 1: 5) За класифікацією В. Іллінської, її однаково можна віднести і до робочих, і до бойових сокир (Іллінська 1961, с. 30, рис. 2: 1, 3; с. 32, рис. 3: 1, 7, 9). У подільських курганах сокири відомі в ряді випадків. Наприклад, такі вироби знайдені у Швайківцях (Бандрівський 2009, с. 207, рис. 6: 1, 2), Перебиківцях (Смирнова 1979, с. 50, рис. 2: 10), Круглику (Смирнова 1968, с. 16, рис. 2: 3), Дуплиських (Sulimirski 1936, табл. IX: 6), Новосілці Гримайлівській (Sulimirski 1936, табл. XI: 11).

21. Залізна сокира — тесло з двома боковими виступами (рис. 6: 3). Довжина — 13,2 см, ширина леза внизу — 3,2 см, товщина — 0,6 см, сильно поржавлена. Такі вироби походять із поселення в Долинянах (Смирнова 2001а, с. 67, рис. 5: 14), з кургану у Врублівцях (Кучугура 1995, с. 131—132, рис. 3: 1). Поки що їх знайдено не так багато. Це може пояснюватися тим, що похованих супроводжували більш цінними предметами, а сокира-тесло, як здається, до таких не належала. Проте навряд чи можна говорити, що вони були мало розповсюджені. Залізні теслоподібні сокири з'являються в період пізнього чорнолісся (Тереножкін 1961, с. 148, рис. 107: 2). Б. Шрамко був схильний зараховувати їх, в тому числі, до сільськогосподарських знарядь для обробітку землі (Шрамко 1961, с. 89, рис. 14: 1—4). Вони зустрічаються і

в похованнях, і на поселеннях, і з часом, з розкопками нових об'єктів, їх число зростатиме.

22. Залізна пластина (рис. 6: 4) розмірами 9,0 × 3,3 см, товщина — 0,4 см. Цілком можливо, що це уламок ще однієї сокири-тесла, яка не уціліла повністю.

23. Залізне знаряддя, яке слугувало, скоріш за все, як долото. Нижня загострена його частина прямокутна в перерізі (1,3 × 0,8 см), верхня — кругла з поздовжньою втулкою із розімкнутим швом (рис. 6: 2). Загальна довжина виробу — 17 см, найбільший діаметр втулки вверху — 2,3 см, глибина — 7,0 см. Наявність втулки однозначно свідчить, що в неї вставлялася дерев'яна ручка. Такі долота з втулкою у скіфський час практично не зустрічаються, вони, зазвичай, цільнометалеві.

24. Дві бронзові намистини-пронизки (рис. 6: 5, 6). Формою повністю повторюють корчажку (рис. 2: 1). У них виділені вінця діаметром до 0,9 см, горло — до 0,8 см, розширений тулуб — 1,4 см, висота — 1,9 см. Всередині через всю намистину проходить круглий наскрізний отвір діаметром до 0,7 см, Поверхня патинована. Досвід виробництва намистин із кольорового металу відомий ще з часів раннього етапу трипільської культури. Наприклад, у Карбунському скарбі виявилось 377 таких виробів з міді (Сергеев 1963, с. 135). Алексеєва Є. відзначала, що з VI ст. до н. е. в Ольвії стали виготовляти дрібні прикраси із бронзи (Алексеєва 1982, с. 22). В нашому регіоні такі предмети не набули розповсюдження. Але на деяких інших територіях зустрічаються. У Південному Сибіру трапляються своєрідні підвіски у вигляді мініатюрних копій котлів, курильниць, ковшів, кубків і кувшинів (Тетерин, Митько, Журавлева 2010, с. 80, рис. 2, 3). І майже копією купинській знахідці є підвіски із кургану 5 з Бистровки у Новосибірському Приобї та золотої колекції Петра I (Тетерин, Митько, Журавлева 2010, с. 85, рис. 2: 27—28). Автори публікації зауважують, що більшість таких підвісок виявлені у жіночих захороненнях і відносять їх до прикрас одягу.

25. Шліфовальна підпрямокутна плитка із пісковика розмірами 21 × 29 см, товщиною 2,5 см (рис. 7: 4). Робоча її сторона рівна і зашліфована, друга — просто підрівняна, із невеликими виступами. Бокові грані згладжені. Від перебування у сильному вогні виріб втратив свою монолітність і легко розпадається.

26. Плитка підтрапеціевидної форми із довшими сторонами — 27,5 і 33 см, коротшими — 15,5 і 27 см, товщина — 2,5 см (рис. 7: 2).

27. Плитка підквадратна з заокругленими кутами. З заглибленою (виробленою) по центру поверхнею, яка утворилась в процесі розтирання якихось предметів. Розміри — 20 × 17 см, товщина — 2,3 см (рис. 7: 1).

28. Уламок плитки підтрикутної форми (рис. 7: 3), розмірами 23,1 × 16,5 см, товщиною — 1,8 см.

Серед цих знахідок є такі, що виготовлені із девонських і неогенових геологічних відкладів. Перші не мають виходів у басейні р. Смотрич і, скоріш за все, потрапили сюди з більш західних районів, наприклад, басейну р. Серету. На території Позбруччя такі предмети знайдені у курганах 2 і 9 с. Спасівка, у кургані 6 з Братишева тощо (Гуцал 2011, с. 150; Sulimirski 1936, s. 62, tabl. XII: 9). Вірогідно, пісковикові зашліфовані плитки виконували ту ж роль, що і кам'яні блюда. Як відомо, останні використовувалися з косметичною і культовою метою. У ряді випадків на них залишалися мікроскопічні сліди рум'ян і інших хімічних речовин. Деякі з них слугували культовим цілям як символ очисного вогню і кровавого жертвоприношення (Шрамко 1987, с. 102). Очевидно, ця функція була притаманна і згаданим плиткам. Вони, разом із набором фарб, мали підкреслювати загадковість, таємничість і одночасно велич поховального церемоніалу.

Рис. 7. Курган 3: кам'яні зашліфовані плитки, стендове фото

Зроблені спостереження дають підстави вважати, що у кургані була споруджена стовпова дерев'яна гробниця, впущена в материк. Залишки її конструкції у вигляді стовпових ям, чи якісь інші деталі повністю зруйновані. Гробниця і додаткові дерев'яні споруди, які могли тут бути, були спалені й весь земляно-глиняний масив навколишнього ґрунту випалився до стану цегли та заповнював весь підкурганний простір. Спалення гробниць — явище розповсюджене, але воно рідко коли доходило до такого рівня інтенсивності. Купинський курган 3 за силою пожежі нагадує кургани 2 у Теклівці (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2008, с. 11), або 1, 2, 8 — у Спасівці (Гуцал 2011, с. 152—153; 2014, с. 150), де в результаті пекельної температури все повністю вигоріло, а каміння перетворилося у вапно.

Датування пам'ятки VII ст. до н. е.

Третій Купинський курган дав цікавий матеріал для розуміння соціально-економічних і культурних процесів раннього скіфського часу, що протікали в районі верхньої течії Смотрича. Отже, в майбутньому дослідження некрополя необхідно продовжити.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеева, Е. М. 1982. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1—12.

Бандрівський, М. С. 2009. Новий ритуальний об'єкт часів скіфської архаїки зі Швайковець біля Чорткова на Тернопільщині. В: Отрощенко, В. В. (ред.). *Взаємозв'язки культур бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи*. Київ; Львів, с. 202-235.

Ганіна, О. Д. 1965. Поселення скіфського часу у селі Іване Пусте. *Археологія*, XIX, с. 106-117.

Ганіна, О. Д. 1984. Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся. *Археологія*, 47, с. 68-78.

Гуцал, А. Ф. 2011. Робота на пам'ятках археології в районі Сатанівських Товтр. *Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. І. Огієнка*, 21, с. 147-156.

Гуцал, А. Ф. 2014. Розкопки курганної групи в районі Гусикової гори на Хмельниччині та їх результати. *Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. І. Огієнка: Історичні науки*, 24, с. 149-160.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А. 2009. Курганна група ранньоскіфського часу у пониззі Смотрича. *Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. І. Огієнка: Історичні науки*, 2, с. 5-15.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П. 1998. Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї. *Археологічні відкриття в Україні 1997—1998 рр.*, с. 74-75.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П., Могилов, О. Д. 2006 Розкопки курганів ранньоскіфської доби біля села Колодіївка у Середньому Подністров'ї. *Археологічні відкриття в Україні 2004—2005 рр.*, с. 157-159.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П., Могилов, О. Д. 2008. Теклівський курганний некрополь. *Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. І. Огієнка*: *Історичні науки*, 1, с. 6-23.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П., Могилов, О. Д., Болтанюк, П. А. 2007. *Звіт про археологічні дослідження курганів скіфського часу біля с. Колодіївка Кам'янець-Подільського р-ну Хмельницької обл. 2006 р.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 2006/115.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П., Могилов, О. Д., Баженов, О. Л., Болтанюк, П. А. 2008. Дослідження курганів ранньоскіфського часу в районі середньої течії р. Збруч. *Археологічні дослідження в Україні 2006—2007 рр.*, с. 91-93.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Могилов, О. Д., Болтанюк, П. А. 2010. Дослідження курганної групи Спасівка-Іванківці у Позбруччі. *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.*, с. 101-103.

Ільїнська, В. А. 1961. Скіфські сокири. *Археологія*, XII, с. 27-52.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Кашуба, М., Дараган, М., Левицкий, О. 2010. Технологические новшества раннего железного века: перспективы изучения ранней гончарной сероглиняной керамики Восточного Прикарпатья. *Revista Arheologoca, serie noua*, V, 2, с. 28-61.

Ковпаненко, Г. Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в басейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья*. Киев: Наукова думка.

Кучугура, Л. І. 1995. Ранньоскіфський комплекс з кургану поблизу с. Врублівці в Подністров'ї. *Археологія*, 2, с. 131-134.

Меркулов, А. Н. 2014. Железные проушные топоры среднедонской культуры скифского времени. *Известия Воронежского государственного университета. Гуманитарные науки*, 3 (264), с. 121-124.

Сергеев, Г. П. 1963. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. *Советская археология*, 1, с. 135-151.

Смирнова, Г. И. 1961. Севериновское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947—1948, 1953 гг.). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 2, с. 88-103.

Смирнова, Г. И. 1968. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 10, с. 14-27.

Смирнова, Г. И. 1977. Курганный могильник раннескифского времени у с. Долиняны. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 18, с. 29-40.

Смирнова, Г. И. 1979. Курганы у с. Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре. *Труды Государственного Эрмитажа*, XX, с. 36-67.

Смирнова, Г. И. 1999. Еще раз о серой кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 34, с. 44-57.

Смирнова, Г. И. 2001a. Гальштатский компонент в раннескифской культуре Лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища). *Российская археология*, 4, с. 33-44.

Смирнова, Г. И. 2001b. Заключительный сезон работ на раннескифском поселении у с. Долиняны. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 35, с. 59-73.

Тетерин, Ю. В., Митько, О. А., Журавлева, Е. А. 2010. Бронзовые миниатюрные подвески — сосуды Южной Сибири. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*, 9, 7, с. 80-94.

Тереножкин, А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: АН УССР.

Шрамко, Б. А. 1961. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в восточной Европе. *Советская археология*, 1, с. 73-90.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

Pulaski, F. 1902. Mogily o nasypie kaminnym w powiecie Kamienieckim. *Swiatowit*, IV, s. 26-27.

Sulimirsk, T. 1936. *Scytowie na zachodniem Podolu*. Lwow.

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1982. *Antychnye busy Severnoho Prychernomoria.* Moskva: Nauka. Svod arkheolohycheskykh ystochnykov, H 1—12.

Bandrivskyi, M. S. 2009. Novyi rytualnyi obiekt chasiv skifskoi arkhaiky zi Shvaikovets bilia Chortkova na Ternopilshchyni. In: Otroshchenko, V. V. (ed.). *Vzaiemozviazky kultur bronzy i rannoho zaliza na terytorii Tsentralnoi ta Skhidnoi Yevropy*. Kyiv; Lviv, s. 202-235.

Hanina, O. D. 1965. Poselennia skifskoho chasu u seli Ivane Puste. *Arkheolohia*, XVIII, s. 106-117.

Hanina, O. D. 1984. Poselennia rannoskifskoi doby poblyzu s. Zalissia. *Arkheolohia*, 47, s. 68-78.

Hutsal, A. F. 2011. Robota na pamiatkakh arkheolohii v raioni Satanivskykh Tovtr. *Naukovi pratsi Kamianets-Podilskoho natsionalnoho universytetu im. I. Ohiienka*, 21, s. 147-156.

Hutsal, A. F. 2014. Rozkopky kurhannoi hrupy v raioni Husykovoi hory na Khmelnychchyni ta yikh rezultaty. *Naukovi pratsi Kamianets-Podilskoho natsionalnoho universytetu im. I. Ohiienka: Istorychni nauky*, 24, s. 149-160.

Hutsal, A. F., Hutsal, V. A. 2009. Kurhanna hrupa rannoskifskoho chasu u ponyzzi Smotrycha. *Visnyk Kamianets-Podilskoho natsionalnoho universytetu im. I. Ohiienka: Istorychni nauky*, 2, s. 5 -15.

Hutsal, A. F., Hutsal, V. A., Mehei, V. P. 1998. Doslidzhennia kurhaniv skifskoho chasu u Serednomu Podnistrovi. *Arkheolohichni vidkryttia v Ukraini 1997—1998 rr.*, s. 74-75.

Hutsal, A. F., Hutsal, V. A., Mehei, V. P., Mohylov, O. D. 2006 Rozkopky kurganiv rannoskifs'koyi doby bilya sela Kolodiyivka u Serednomu Podnistrovyi. *Arkheolohichni vidkryttia v Ukraini 2004—2005 rr.*, s. 157-159.

Hutsal, A. F., Hutsal, V. A., Mehei, V. P,. Mohylov, O. D. 2008. Teklivskyi kurhannyi nekropol. *Visnyk Kamianets-Podilskoho natsionalnoho universytetu im. I. Ohiienka: Istorychni nauky*, 1, s. 6-23.

Hutsal, A. F., Hutsal, V. A., Mehei, V. P., Mohylov, O. D., Boltaniuk, P. A. 2007. Zvit pro arkheolohichni doslidzhennia kurhaniv skifskoho chasu bilia s. Kolodiivka Kamianets-Podilskoho r-nu Khmelnytskoi obl. 2006 r. NA IA NANU, f. 64, 2006/115.

Hutsal, A. F., Hutsal, V. A., Mehei, V. P,. Mohylov, O. D, Bazhenov, O. L., Boltaniuk, P. A. 2008. Doslidzhennia kurhaniv rannoskifskoho chasu v raioni serednoi techii r. Zbruch. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2006—2007 rr.*, s. 91-93.

Hutsal, A. F., Hutsal, V. A., Mohylov, O. D., Boltaniuk, P. A. 2010. Doslidzhennia kurhannoi hrupy Spasivka-Ivankivtsi u Pozbruchchi. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2009 r.*, s. 101-103.

Ilinska, V. A. 1961. Skifski sokyry. *Arkheolohia*, XII, s. 27-52.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurgany basseina r. Tyasmin*. Kyev: Naukova dumka.

Kashuba, M., Daragan, M., Levickij, O. 2010. Tehnologicheskie novshestva rannego zheleznogo veka: perspektivy izucheniya rannej goncharnoj seroglinyanoj keramiki Vostochnogo Prikarpatya. *Revista Arheologoca,serie noua*, V, 2, s. 28-61.

Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v baseine r. Ros.* Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryj S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoj epohi Dneprovskogo lesostepnogo Pravoberezhya.* Kiev: Naukova dumka.

Kuchugura, L. I. 1995. Rannoskifskij kompleks z kurganu poblizu s. Vrublivci v Podnistrovyiyi. *Arheologiya*, 2, s. 131-134.

Merkulov, A. N. 2014. Zheleznyye proushnyye topory srednedonskoy kultury skifskogo vremeni. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, 3 (264), s. 121-124.

Sergeev, G. P. 1963. Rannetripolskij klad u s. Karbuna. *Sovetskaya arheologiya*, 1, s. 135-151.

Smirnova, G. I. 1961. Severinovskoe gorodishe (po materialam Yugo-Podolskoj ekspedicii 1947—1948, 1953 gg.) *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2, s. 88-103.

Smirnova, G. I. 1968. Raskopki kurganov u sel Kruglik i Dolinyany na Bukovine. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 10, s. 14-27.

Smirnova, G. I. 1977. Kurgannyj mogilnik ranneskifskogo vremeni u s. Dolinyany. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 18, s. 29-40.

Smirnova, G. I. 1979. Kurgany u s. Perebykovcy — novyj mogilnik skifskoj arhaiki na Srednem Dnestre. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, XX, s. 36-67.

Smirnova, G. I. 1999. Eshe raz o seroj kruzhalnoj keramike iz ranneskifskih pamyatnikov Srednego Podnestrovya. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 34, s. 44-57.

Smirnova, G. I. 2001a. Galshtatskij komponent v ranneskifskoj kulture Lesostepi Severnogo Prichernomorya (po materialam Nemirovskogo gorodisha). *Rossijskaya arheologiya*, 4, s. 33-44.

Smirnova, G. I. 2001b. Zaklyuchitelnyj sezon rabot na ranneskifskom poselenii u s. Dolinyany. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 35, s. 59-73.

Teterin, Yu. V., Mitko, O. A., Zhuravleva, E. A. 2010. Bronzovye miniatyurnye podveski — sosudy Yuzhnoj Sibiri. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya*, 9, 7, s. 80-94.

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskij period na Dneprovskom Pravoberezhe.* Kiev: AN USSR.

Shramko, B. A. 1961. K voprosu o tehnike zemledeliya u plemen skifskogo vremeni v vostochnoj Evrope. *Sovetskaya arheologiya*, 1, s. 73-90.

Shramko, B. A. 1987. Belskoe gorodishe skifskoj epohi (gorod Gelon). Kiev: Naukova dumka.

Pulaski F. 1902. Mogily o nasypie kaminnym w powiecie Kamienieckim. *Swiatowit*, IV, s. 26-27.

Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na zachodniem Podolu*. Lwow.

V. A. Hutsal

RESEARCH OF THE EARLY SCYTHIAN KURGAN IN KUPYN VILLAGE OF KHMELNITSKYI REGION

In 2018 the archaeological expedition of Kamianets-Podilskyi Ivan Ohiienko National University investigated a group of four mounds of the Early Scythian time in v. Kupyn, Gorodok district of Khmelnitskyi region. All of them are seriously robbed at different times. The work was carried out on two mounds.

Mound 3 with a diameter of 15 m, height up to 1 m, damaged by predatory pits. There was built wooden tomb, which later burned. A powerful flame enveloped the whole space and burned the soil to a bright brick color. At one of the sites that were touched by the robbers, the remains of two graves were discovered at the level of the ancient surface. The burial site was filled with yellow clay over an area of 1.1 × 0.45 m. The first burial was the remains of a single body, which was in a crouched condition. When the wooden structures of the mound were burning, the skeleton also burned down. Preserved fragments of one leg, femur and tibia, knee joint, several fragments of pelvic bones. The second burial was located next to the first one, but a little south-east. Here, calcified bones were piled up 19 earthen vessels were broken at the buried. Among them are two bank pots, a large and a small claypots, two bowls with a curved edge, two other bowls have a crown bent outward. The whole series presents scoops with a low cup and a high handle with a performance. One of the scoops is made on a potter's wheel. With tools found, made of iron ax, two ax-tesla, chisel.

Keywords: Kupyn, mound, burial, tomb, ceramics, iron axe.

Одержано 12. 02.2019

ГУЦАЛ Віталій Анатолійович, завідуючий науковою лабораторією археології, Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, вул. І. Огієнка, 61, Кам'янець-Подільський, 32301, Україна, *dpoasukam@gmail.com*.

HUTSAL Vitaliy Anatolijovych, Head of the Scientific Archaeological Laboratory, Kamianets-Podilskyi Ivan Ohiienko National University, I. Ohiienko St., 61, Kamianets-Podilskyi, 32301, Ukraine, *dpoasukam@gmail.com*.

УДК: 904.4(477.46)”638”

М. Н. Дараган, В. А. Подобед

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЖАБОТИНЕ

Работа посвящена публикации результатов раскопок на эталонном памятнике начала раннего железного века Днепровской правобережной Лесостепи — поселении у с. Жаботин. Описаны вновь выявленные объекты (ров, пересекающий центральную площадку поселения, хозяйственные ямы и завал глиняной обожженной обмазки), проанализирована стратиграфия и дан детальный анализ находок из закрытых археологических комплексов. Новые исследования не только подтвердили периодизационную колонку поселения, но и позволили продлить ее до начала V в. до н. э.

***Ключевые слова**: начало раннего железного века, поселения, оборонительные системы, ров, хронология, керамика.*

Введение. Поселение у с. Жаботин — эталонный памятник, содержащий слои обитания, относящиеся ко времени от Позднейшего предскифского периода до начала Высокой Архаики. В абсолютных датах этот период соответствует отрезку времени от начала VIII до середины VII вв. до н. э.

Результатом исследования памятника в 1950-е и 1970-е гг. стало построение региональной хронологической колонки, которая основывалась на зафиксированных случаях прямой стратиграфии, когда замкнутые комплексы — исследованные жилые помещения — перекрывали ранее функционировавшие хозяйственные сооружения (Дараган 2011, с. 152—153). При этом обратная ситуация, когда более поздние во времени жилища, «хозяйственные» ямы были бы впущены в пространство уже оставленных обитателями поселения жилых построек, прослежена не была. Сопоставление сопряженных керамических групп из стратиграфически и планиграфически различных локусов Жаботина с «наборами» посуды для пиршеств из погребальных комплексов местной элиты (кург. у с. Квитки, кург у с. Ольшана), времени «Новочеркасского эпизода» в северопричерноморском степном коридоре и пришедших им на смену нобилей (Жаботин, к. 524, Яснозорье, к. 6, п. 1), современников скифской знати эпохи Переднеазиатской эпопеи, нашедших упокоение в некрополях Келермеса, Красного Знамени и Ново-Заведенного, стало основой для выделения фаз Жаботинского поселения и этапов жаботинской археологической культуры. В свою очередь, это позволило включить хронологические горизонты Жаботина в существующие колонные и трассовые секвенции соседствующих археологических образований фрако-иллирийского мира Балкан и свиты культур Кавказа пред- и раннескифского времени.

Детальный морфологический и стилистический анализ парадной жаботинской посуды и возможных (предполагаемых) реплик на продукцию керамических центров жаботинского круга, происходящих из погребальных комплексов черногоровской культуры, позволит приблизится к построению внутренне не противоречивой релятивной хронологии Черногоровки (Дараган, Подобед 2013).

Уже при подготовке монографического издания материалов Жаботина возникла необходимость возобновить раскопки памятника и проверить целый ряд полевых наблюдений первооткрывателей памятника. Не ставя перед собой заведомо невыполнимых задач, сотрудники экспедиции [1] все же надеялись найти и

© М. Н. ДАРАГАН, В. А. ПОДОБЕД, 2019

1. Исследования проводились практически исключительно силами профессиональной команды археологов, не безразличных к Жаботину. В чис-

исследовать не потревоженные, а в идеальном случае — стратифицированные комплексы. Иными словами, раскопать нетронутое жилище и примыкающие к нему участки, связанные с хозяйственной деятельностью обитателей поселения. В известном смысле эти надежды оправдались. И первый полевой сезон 2008 г. преподнес свои сюрпризы: был открыт, а в последующие годы исследован ров, пересекающий «заселенную» площадку плато у р. Жабянки по линии З—В (см. описание объекта ниже).

В полевые сезоны 2008—2010 гг. было заложено два раскопа (№ 23 и 24) [1] и один разведовательный шурф, в которых был исследован целый ряд «замкнутых» поселенческих комплексов, публикации материалов которых и посвящена настоящая работа.

В 2008—2010 г. на поселении проведена детальная топографическая съемка, впоследствии дополненная данными аэрофотоснимка 1981 г., что позволило получить детальную модель поселения и точно локализовать на ней новые раскопы [2] (рис. 1). В 2009 г. осуществлена геомагнитная съемка на участках, прилегающих к раскопу 23 (Бондарь, Дараган, Тимофеева 2011).

Исследования 2008—2010 гг.

Раскоп 23 заложен в центральной части поселения. На раскопе выявлен участок рва шириной 5,5—4 × 10—11 м и две хозяйственные ямы (рис. 2: 2). После исследования небольшого участка рва на прилегающей к нему площади была проведена магнитная съемка, определившая его конфигурацию и протяженность [3] (рис. 2: 1). Ж. Е. Матвиишиной сделано палеопедологическое изучение его стратиграфической колонки.

Параметры и последовательность заполнения рва отражают несколько полученных стратиграфических разрезов.

Разрез А—В (рис. 3: 1). Слой 1 — пахотный, мощностью 0,4 м. Слой 2 — темно-коричневая гумусированная супесь мощность до 0,6 м. В северной части разреза в нем выделяется слой 2а — темное мешаное гумусированное заполнение ямы 2, мощностью 0,4 м. Профиль этой ямы хорошо читается в разрезе и в плане, так как она перерезает подстилающий ее слой 3 — гумусированный, золистый слой мощностью до 0,6 м. Слой содержал мелкие фракции пепла и древесного угля, и находился на слое 4 — темно-коричневом, мощностью от 0,1 до 0,25 м. Слой 5 залегал на глубине 1,7—1,75 м от поверхности и представлял собой полосу горелой земли, угольков, сажи мощностью до 7 см. Он лежал на слое 6 — светло-коричневой плотной однородной супеси, мощностью до 0,4 м. Слой 7 — затечный мелкослоистый грунт мощностью 2—2,1 м.

В этом разрезе с глубины 2 м (точка В) стенка рва почти вертикально падает вниз, а на глубине 3—3,1 м от поверхности и 1 м от уровня материка переходит в ступеньку шириной 0,6 м. Эта ступенька также отвесно падает вниз на глубину 1 м.

Глубина разреза на этом участке 4,3 м. Ширина рва по дну 1 м.

Разрез А2—В2 (рис. 3: 2). На данном участке мощность верхнего пахотного слоя 1 достигает 0,6 м. Под ним находится темное гумусированное заполнение культурного слоя 2 мощностью 0,6 м. Ниже залегает слой 3 — гумусированный, золистый, сильно нарушенный норами — граница между слоями размыта. Этот слой одновременен, но не идентичен слою 3, читаемому в разрезе А—В. Слой 4 — темно-коричневый гумусированный, мощностью до

ле постоянных участников — нач. экспедиции М. Н. Дараган, В. А. Подобед, С. Н. Разумов, Д. Н. Пефтиц, в разные годы в работе экспедиции принимали участие С. В. Полин, Е. Г. Карнаух, В. Б. Панковский, Д. П. Куштан, С. Д. Лысенко, С. В. Диденко, Ю. Б. Полидович, С. О. Немцев, Э. А. Кравченко, С. А. Куприй, И. И. Шевченко, а таже Ж. Н. Матриишина, К. М. Бондарь, А. П. Березкин, М. В. Степанов, В. А. Дзензель, О. В. Мазур, А. А Волошин, Т. И. Черняков, И. Г. Гринев, Ю. Ю. Ляшко. Работы проводились на средства, полученные за цикл геоинформационных работ, выполненных М. Н. Дараган в 2005—2008 гг. для архитектурно-археологической экспедиции ИА НАНУ (нач. Г. Ю. Ивакин). Помощь в 2009 г. оказала археологическая инспекция управления культуры и туризма Черкасской областной государственной администрации (нач. Д. П. Куштан). Помимо работ на Жаботинском поселении, благодаря помощи научного сотрудника (а ныне директора) Каменского исторического музея Ю. Ю. Лящко, были проведены разведки на поселениях в округе Жаботина, а также геоинформационные работы на городищах чернолесского и раннескифского времени.

1. Продолжена более ранняя нумерация.
2. Съемка выполнена тахеометром Trimble 3300DR Total Station, с постоянного репера в условной системе координат. К единой системе привязаны также все объекты и находки.
3. Также на участке геофизической съемки обозначились правильные геометрические контуры двух больших аномалий, которые могут быть только местами старых раскопов. К сожалению, на поверхности поселения, места старых раскопов не фиксировались. Привязка к геоинформационной модели поселения планов поселения с обозначенными местами раскопов, составленных Е. Ф. Покровской (по состоянию на 1958 г.) и В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина (по раскопкам 1972 г.) показала их полное несовпадение. Мы можем только предполагать, что контур большей аномалии соответствует раскопу 22 (1972 г.), поскольку он ближайший из всех к выбранному нами участку. Что касается контура меньшей аномалии, он может соответствовать участку раскопов 7 или 17, или же одной из многочисленных траншей, заложенных на поселении А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской в 1972 г. (Дараган 2011, с. 74—152).

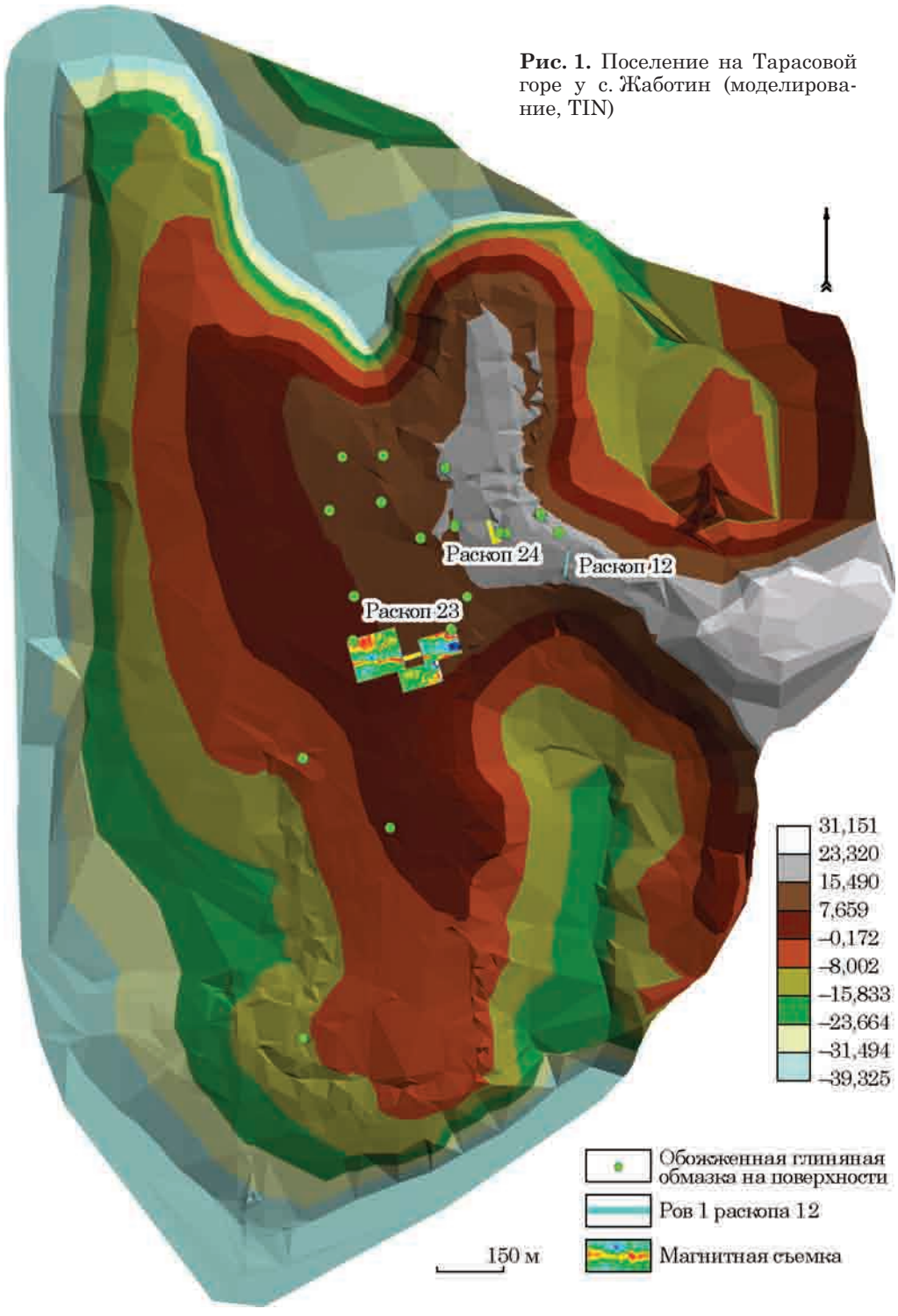

Рис. 1. Поселение на Тарасовой горе у с. Жаботин (моделирование, TIN)

0,6 м. Очень четко в этом разрезе фиксируется слой 5 — в виде сплошной полосы горелой органики; находится на глубине 1,7—1,75 м от поверхности. Мощность его до 7 см. С южной стороны он представляет собой мощный выброс обмазки со шлаком, керамики, камней. Слой 5 маркирует собой верхнюю засыпку рва и лежит на слое 6 — светло-коричневом суглинковатом, мощностью до 0,6 м. Ниже идет слой 7 — затечный мелкослоистый грунт, образующий естественный заплыв рва.

Глубина разреза на этом участке 4,2 м. Ширина рва по дну 1 м.

Разрез А3—В3 (рис. 3: 3). На данном участке мощность верхнего пахотного слоя 1 достигает 0,6 м. Под ним находится темное гумусированное заполнение культурного слоя 2 мощностью 0,6 м, плавно сменяющееся рых-

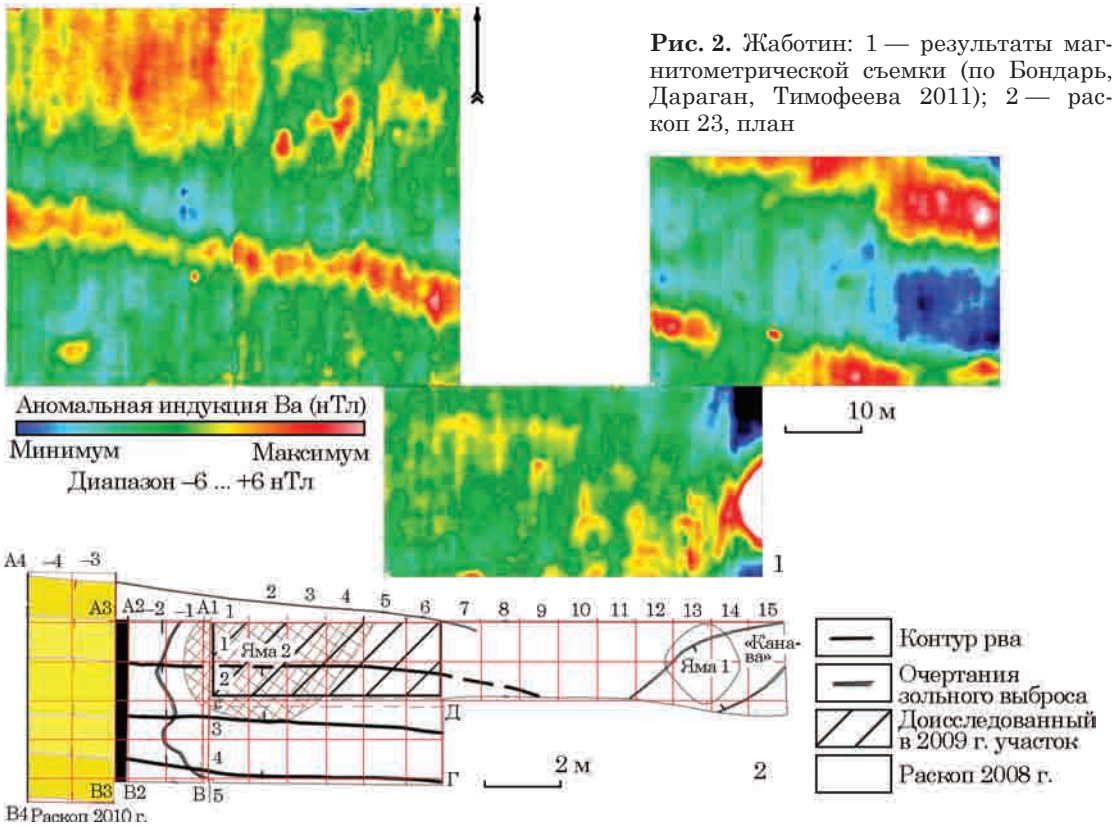

Рис. 2. Жаботин: 1 — результаты магнитометрической съемки (по Бондарь, Дараган, Тимофеева 2011); 2 — раскоп 23, план

лым серым, местами с вкраплениями коричневой супеси с серо-желтыми и черными пятнами слоем 3. Этот слой одновременен, но не идентичен слою 3 читаемому в разрезе А—В. Слой 4 — темно-коричневый плотный гумусированный, мощностью до 0,6 м с желтыми и светло-серыми пятнами.

Слой 5 — полоса горелой органики. С равными промежутками по всей длине разреза фиксировались фракции из пережженного серого шлака, угольков, обмазки и горелой кости; зафиксирован на глубине 1,75—2 м от поверхности.

Слой 6 — однородный светло-коричневый суглинковатый с прослойками. Мощность верхней его части — около 0,4 м. Под слоем 6 в данном разрезе выделяются также слой 6а — полоса более светлого материкового грунта мощностью до 0,1 м; слой 6б — однородный светло-серо-коричневый плотный грунт мощностью около 0,2 м.

Слой 7 — затечный мелкослоистый грунт, являющийся заплывом рва. В данном разрезе более подробно читается структура этого слоя. Четко выражен слой 7а — в виде однородной линзы серого плотного золистого грунта с вкраплениями сажи и угольков. Мощность слоя — до 0,6 м. Слой 7б — северная линза материковой супеси желтого цвета (второй материковый сдвиг северной стенки рва). Слой 7в — южная линза мешанной темно-серой и серо-желтой супеси (второй материковый сдвиг южной стенки рва). Слой 7г — мягкая коричнево-желтая материковая супесь. Слой 7д — два клина желтого переотложенного материка (первый сдвиг материковых стенок рва).

Материк — светло-желтый суглинок, на уровне впуска рва нарушенный норами.

Общая глубина разреза А3—В3 — 4,2 м. Уровень впуска рва фиксируется на глубине от 0,6 до 1 м. В разрезах 2008—2010 гг. этот уровень фиксировался ниже, поскольку ширина раскопа ранее не охватывала всю ширину рва. Глубина рва от уровня впуска — 3—3,5 м. Ширина по дну — 1—1,2 м, по верху, в рамках разреза, более 6 м.

Находки из заполнения рва по слоям. В слое 7 найдены многочисленные кости животных, причем преимущественно крупные части и челюсти, керамика. Найден и фрагмент человеческой челюсти. При этом, основная масса находок встречена в придонной части заполнения рва. Керамические формы представлены фрагментами кухонных сосудов, венчики которых украшены проколами, а стенки — налепным валиком (рис. 4: 15), археологически целым горшком (рис. 4: 6), фрагментами корчаг, черпаков и мисок, венчики и стенки которых украшены резным и штампованным геометрическим узором, инкрустированным белой пастой (рис. 4: 1—4, 7, 9), бронзовой булавкой (рис. 4: 16), бронзовым пулевидным наконечником стрелы (рис. 4: 5). Обнаружены и многочисленные разрозненные куски пережженного

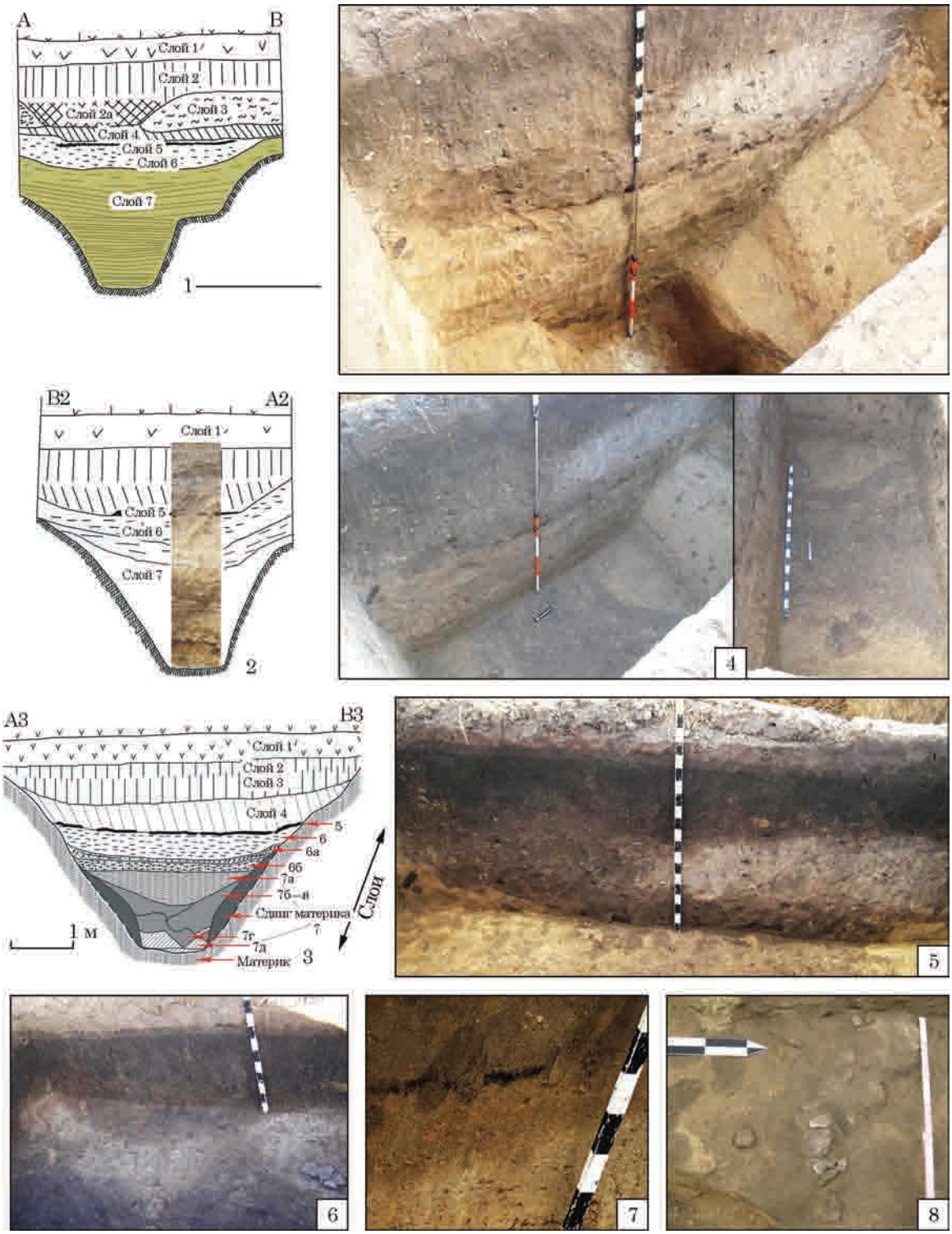

Рис. 3. Раскоп 23, *разрезы рва*: 1 — А—В; 2 — А2—В2; 3 — А3—В3; 4 — нижнее заполнение рва в плане; 5—6 — слой 3 и впущенная в него яма 2; 7 — слой 5; 8 — скопление шлака в слое 5

камня и обмазки, возможно, от сброшенного очага.

Состав керамики из этого слоя соответствуют горизонту Жаботин I периодизации Жаботинского поселения (Дараган 2011, с. 531—532).

Находки из слоя 6 представлены фрагментами венчиков кухонных сосудов с проколами, фрагментами черпаков, мисок, кубков, корчаг, в том числе и в том числе и украшенных резным геометрическим узором (рис. 4: 8, 11—14). На глубине 2,25 м, обнаружен бронзовый трехлопастно-трехгранный наконечник стрелы (рис. 4: 17).

Находки в слоях 5 и 4 немногочислены. Кухонная керамика представлена фрагментами сосудов с налепным валиком по краю венчика и круглыми наколами снаружи под венчиком и изнутри, просто налепным валиком, налепным

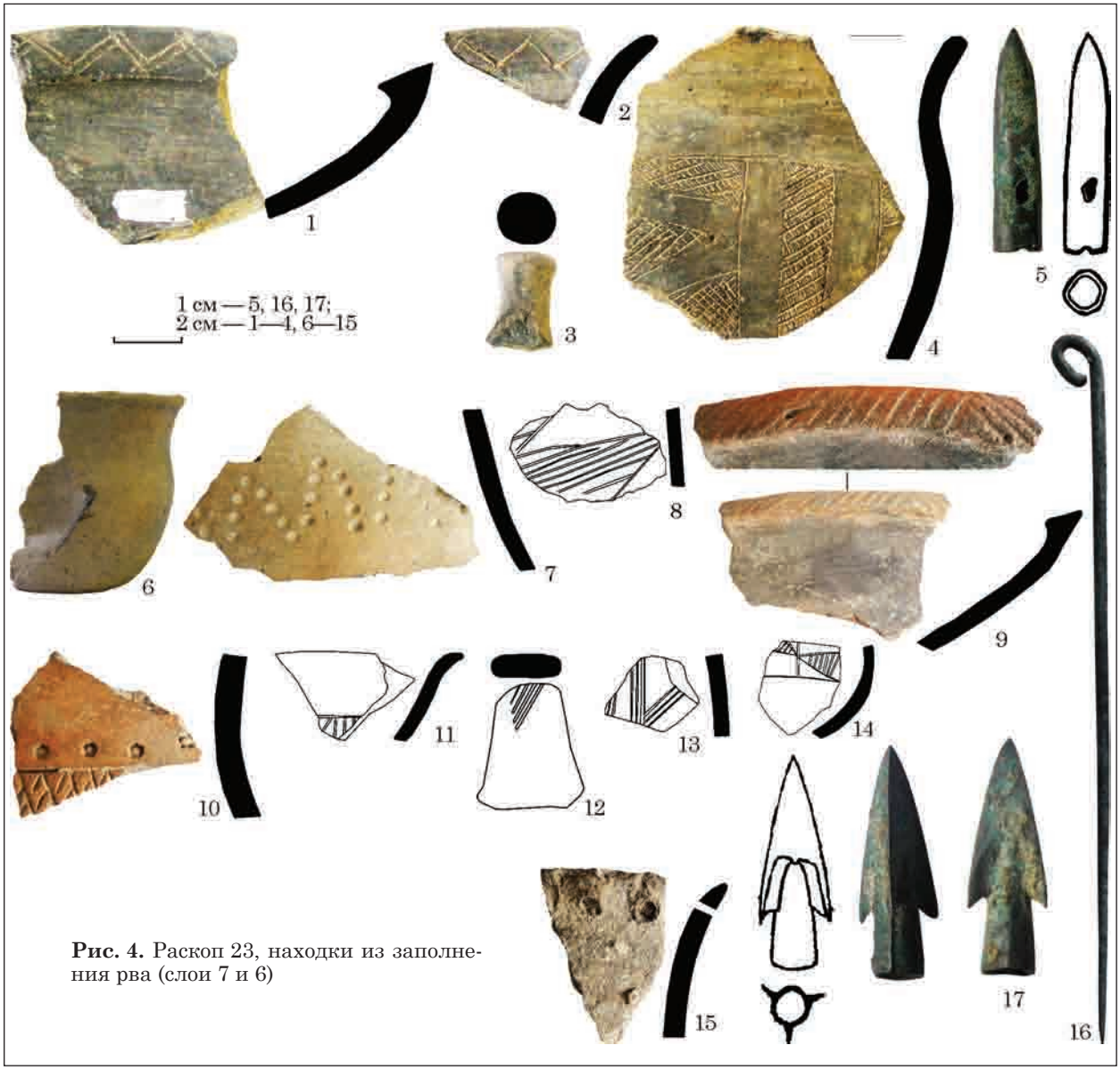

Рис. 4. Раскоп 23, находки из заполнения рва (слои 7 и 6)

валиком и проколами, стенками с налепным валиком (рис. 5: 11—13, 21). Миски с загнутым во внутрь прямо срезанным краем, украшенным косыми насечками и наколами изнутри (тип 2) (рис. 5: 6—9, 15, 18, 19, 25), в том числе и на полых поддонах (рис. 5: 17). Черпаки представлены отдельными фрагментами венчиков и стенок, в том числе и с резным геометрическим орнаментом, ручками и отростками (рис. 5: 1—5, 13, 14). В этом слое найдены и два кружка из стенок сосудов (рис. 5: 23, 24), фрагменты пряслица (рис. 5: 22) и маленького лепного сосудика (рис. 5: 20).

Слой 3 более насыщен находками. Это фрагменты бортиков мисок (рис. 6: 4, 7, 10—12), венчики кухонных сосудов, украшенные налепными валиками, в том числе и в сочетании с проколами, наколами изнутри и в единичных случаях небольшими наколами снаружи (рис. 6: 1—3, 5, 6, 8, 9, 17). Единичными фрагментами представлены фрагменты черпаков (рис. 6: 14—16). Найдены также обломок глиняной округлой чашечки, стоявшей вверх дном (рис. 6: 17) и двухлопастный наконечник стрелы с шипом (рис. 6: 18).

В слоях 1—2 за исключением отдельных стенок лепных сосудов и костей животных, находок практически не было. Найдены фрагмент стенки, ручки и дна античной амфоры.

Яма 1 расположена у северного борта рва. Округлая, диаметром 1,9—2 м, глубиной 1,5 м от поверхности, заполнена палево-бурым с сероватым оттенком рыхлым грунтом. Находки из ямы представлены фрагментом венчика черпаков 1 типа [1] с орнаментом из 6 отпечатков, нанесенных круглым штампом (рис. 7: 3); двумя гвоздевидными отростками ручек черпаков (рис. 7: 5—6), двумя фрагментами ленточных

1. Здесь и далее все типы керамики — согласно типологии посуды Жаботинского поселения по Дараган 2011, с. 388—411.

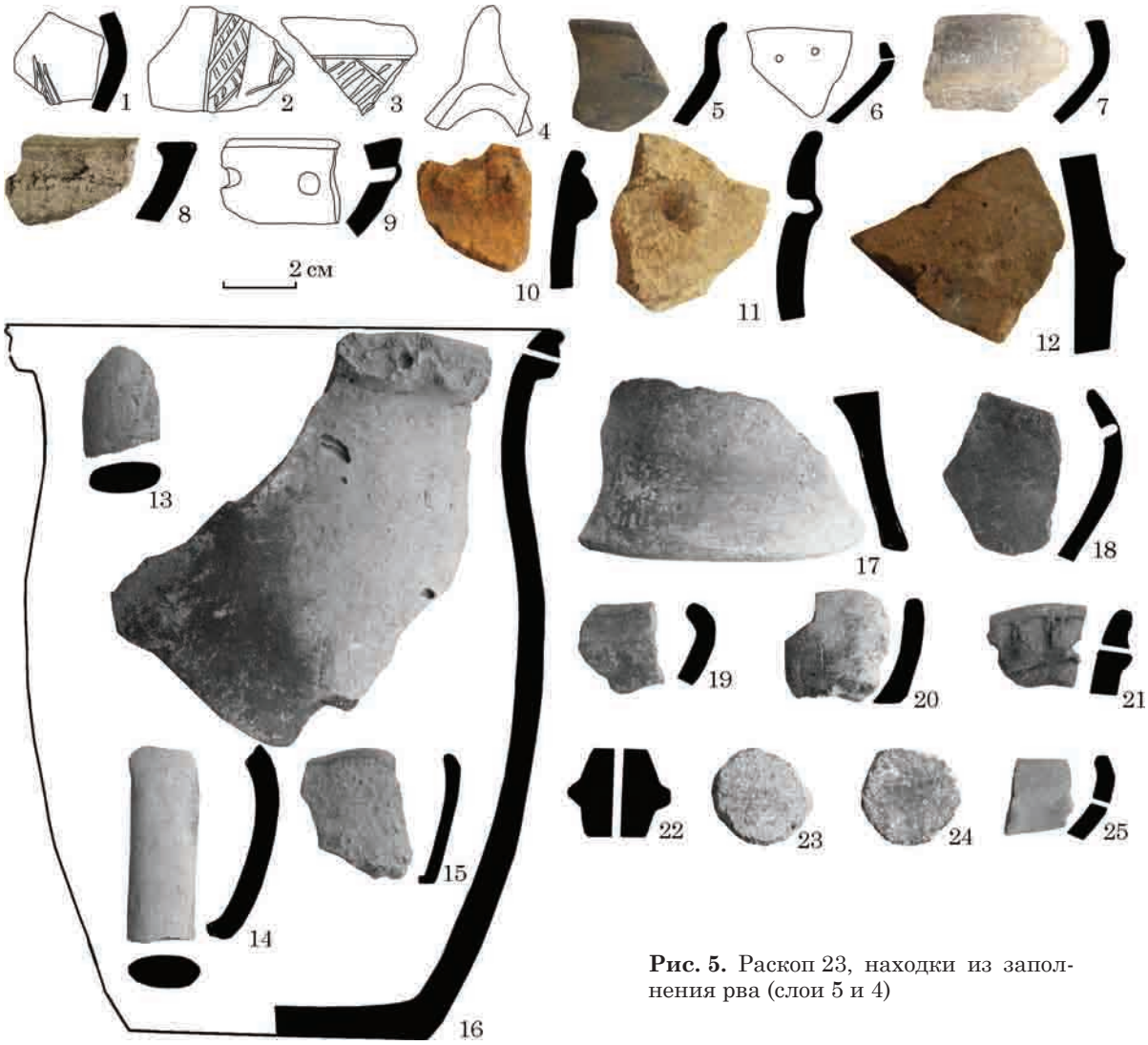

Рис. 5. Раскоп 23, находки из заполнения рва (слои 5 и 4)

ручек, овальных в сечении, шириной 3 и 4 см, одна из которых была украшена с наружной стороны двумя полосами резного геометрического орнамента (рис. 7: 4, 8); двумя фрагментами чернолощеннной стенки корчаги, с резным геометрическим декором, на одном фрагменте сохранился штампованный орнамент в виде горизонтальных S-видных отпечатков (рис. 7: 1—2); двумя фрагментами венчиков мисок 1 типа, одна из которых украшена штампованными удлиненными оттисками по краю бортика (рис. 7: 7, 11). Кроме того, в яме были найдены фрагменты от двух кухонных сосудов с защипами по краю венчика и проколами под ним (рис. 7: 9—10). При этом части от одного кухонного сосуда встречались как в верхней, так и в нижней части ямы, что указывает на единовременное ее заполнение. Кроме посуды в яме найдено два пряслица (рис. 7: 12—13), обработанный рог, железный рыболовный (?) крючок (рис. 7: 14). В яме были кости животных (10 фрагментов, из них один астрагал), обожженные камни (4 экз.), глиняная обмазка (3 фрагмента). Керамическая выборка соответствуют типам сосудов горизонта Жаботин I Жаботинского поселения.

Яма 2 перерезала зольный выброс (слой 3), образовавшийся на засыпи рва (рис. 3: 5, 6). Ширина ямы 4,5 м. Глубина ямы от поверхности 1,12—1,2 м. На дне зафиксированы небольшие пятна заглаженной обожженной глины.

Ближе к придонному заполнению ямы и непосредственно на ее дне было обнаружено значительное число костей животных и камней. У южного края ямы, среди скопления костей найден железный нож (рис. 9: 6). Лепная керамика из ямы 2 представлена преимущественно мисками и кухонными сосудами. Встречен только один невыразительный фрагмент чернолощенной стенки с геометрическим узором. Миски встречаются полусферические и конические с прямым краем венчика (тип 1), полусферические с загнутым во внутрь краем венчика (тип 2), украшенные наколами и проколами (рис. 8: 19—23).

Кухонная керамика представлена фрагментами 46 сосудов (подсчет по венчикам) трех раз-

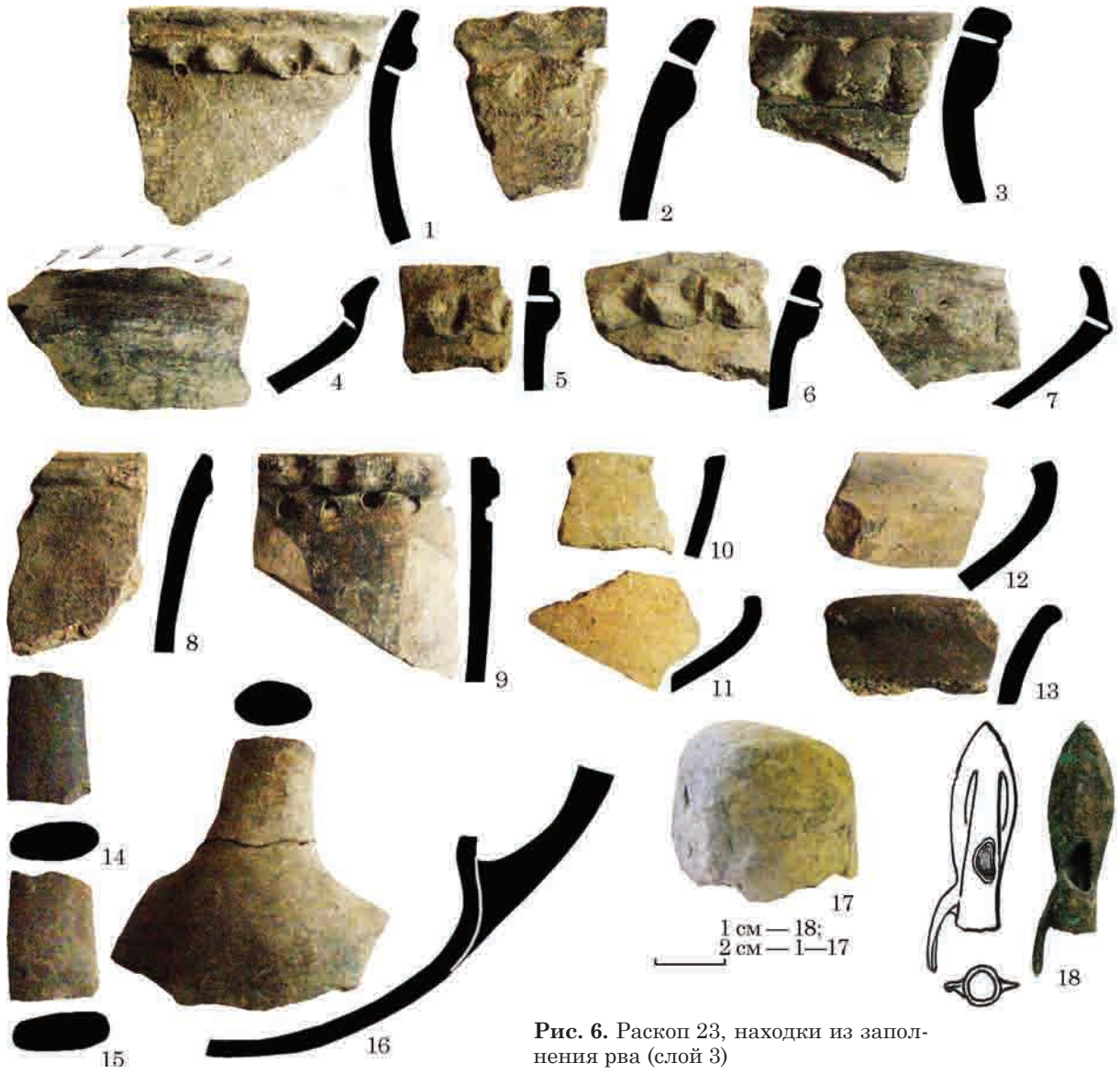

Рис. 6. Раскоп 23, находки из заполнения рва (слой 3)

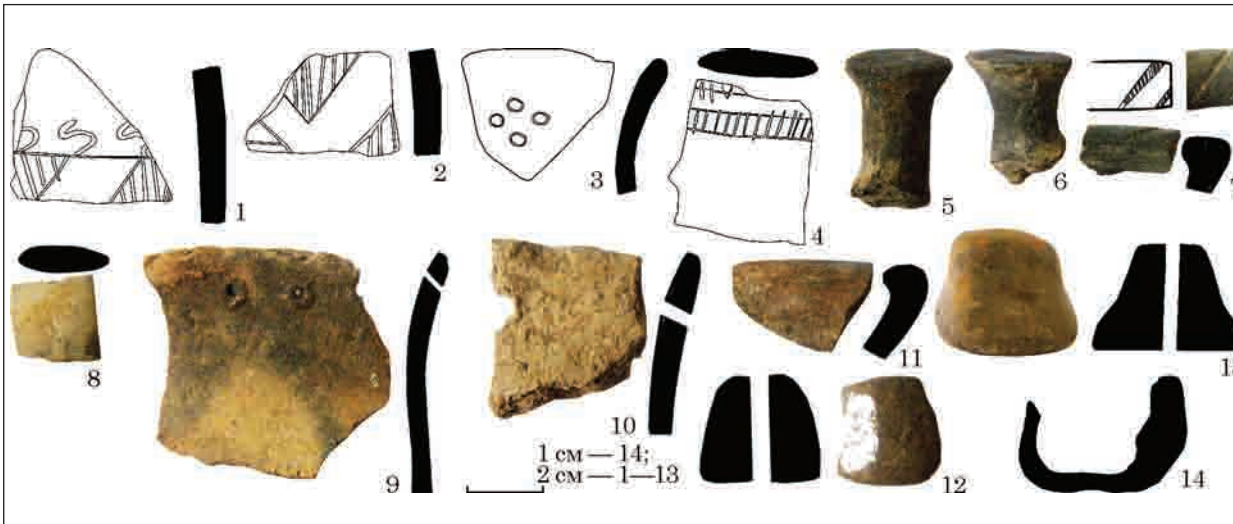

Рис. 7. Раскоп 23, находки из ямы 1

Рис. 8. Раскоп 23, находки из ямы 2

ных типов. Это прямостенные сосуды (тип 5) — 9 фрагментов (рис. 8: 6, 9, 10, 17, 18). В двух случаях валик размещен прямо под краем венчика и украшен наколами снаружи и изнутри. В остальных случаях — валик чуть ниже края и дополняется наколами снаружи или изнутри. Разновидностью этого типа являются горшки с небольшим наклоном профиля (2 фрагмента). Они также украшены налепным валиком и наколами снаружи и изнутри. Баночные сосуды (10 фрагментов) (тип 2) украшены налепным валиком под краем венчика и наколами снаружи или изнутри по валику. Профилированные (тип 3 или 4) (6 фрагментов) (рис. 8: 1—5, 7—8; 17: 11—16).

Кухонные сосуды из ямы имеют только валик (3 фрагмента), валик в сочетании с наколами снаружи (10 фрагментов), валик в сочетании с наколами изнутри (24 фрагмента). При этом 3 фрагмента украшены крупными удлиненные наколами (рис. 8: 1—2, 8). Весьма показательно, что в яме нет посуды, украшенной защипами или проколами в сочетании с валиками или без, характерной для керамики горизонтов Жаботин I—III Жаботинского поселения. И этот факт, позволяет продлить хронологическую «колонку» Жаботина. Аналогично орнаментированная кухонная керамика найдена в слоях второй половины VII — начала VI в. до н. э. на городищах Мотронинском (Бессонова, Скорый 2000, рис. 28: 1, 14, 15, 17; 29: 3, 4, 9), Тараще (Безсонова, Романюк 2000, с. 96, рис. 7: 6), Трахтемировском (Фіалко, Болтрик 2003, табл. 11), и в комплексах VI в. до н. э. на Хотовском (Дараган 2005, с. 256—260), Млынок (Бессонова, Скорый 1987, рис. 2: 5) [1]. Обнаружены в яме и фрагменты круглых глиняных дисков — крышек, диаметром до 20 см (рис. 9: 14), категория керамики, также появляющаяся в Правобережной Лесостепи не ранее второй половины VII в. до н. э. Они известны из наиболее ранних раскопов Мотронинского городища (Бессонова, Скорый 2001, рис. 35; 42; 45; 46; 87), полуземлянки 1 городища Тараща (Бессонова, Романюк 2004, с. 98), Пастырского (Яковенко, 1968, с. 183) и Хотовского (Петровская 1970, с. 134, рис. 8; Дараган 2005, с. 257—260). В заполнении ямы также найдены фрагменты донышка и стенки расписного южноионийско-

1. Появляясь в какой-то части VII в. до н. э. такая орнаментация керамики будет использоваться видимо до конца VI в. до н. э. По крайней мере, кухонные горшки с такой орнаментацией обнаружены в объекте второй половины VI в. до н. э. на Хотовском городище (Дараган 2005, с. 258).

Рис. 9. Раскоп 23. Находки из ямы 2

го (скорее всего милетского) килика (рис. 9: 5) третьей четверти VII в. до н. э. [1] и фрагменты венчиков амфор, одна из которых относится к производству Клазомен, а другая — к продукции Хиосса (рис. 9: 12—14) конца VII — первой половины VI вв. до н. э. [2]

Также в яме найдены два глиняных пряслица (рис. 9: 9), кружки из стенок сосудов, два каменных сфероида (рис. 9: 3—4), две обработанные костяные пластины (рис. 9: 1—2), бронзовый втульчатый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 9: 11), фрагменты бус (рис. 9: 7—8).

Ближе к восточному краю ямы в верхней части его заполнения, встречались куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев. По условиям обнаружения — эта обмазка не связана непосредственно с ямой 2, а скорее всего, появилась в ней в результате сползания грунта с более высоких участков. По этой причине севернее этой ямы мы можем предполагать наличие каркасно-глинобитного жилища.

Таким образом, на участке раскопа 23 по стратиграфическим разрезам выделяется

1. Согласно классификации южноионийских чаш Удо Шлотцхауэра принадлежит к типу 6, подтипу между вариантом 6,2.B—6,5.B, которые по стратифицированным находкам из Южной Ионии датируются между 660/50—630/20 до н. э. (Schlotzhauer 2001, fig. 17; tab. 22—25; cat. 117—134). Искренне признательны Удо Шлотцхауэру за развернутую консультацию по датировке этого фрагмента.
2. На Березани такие типы встречаются в слое первой половины VI в. до н. э. Искренне признательны Д. Е. Чистову за консультацию.

7 стратиграфических горизонтов, которые мы предварительно привязываем к функционированию здесь четырех или пяти строительных горизонтов.

Первому из них, соответствует яма 1 с материалом хронологического горизонта Жаботин I, а к четвертому—пятому — яма 2 — стратиграфический горизонт Жаботин IV. Что касается материалов изо рва, то имеющиеся слои, безусловно, вряд ли напрямую отражают этапы заселения поселения, но в полной мере отражают тенденцию изменения керамических типов по направлению от горизонта Жаботин I к горизонту Жаботин III. При этом в слоях 7—6 присутствуют еще отложения, по всей видимости, самого раннего этапа заселения памятника. Какие-то этапы различного использования рва маркируют слои 5—3.

Ров проходил через центральную часть раскопа, был ориентирован по линии З—В, имел несколько вогнутую дугообразную форму. Его границы четко фиксировались на уровне материка. Пятно нижней части рва хорошо заметно в западной части раскопа на глубине 3 м от современной поверхности на фоне более светлого предматерикового суглинка (рис. 3: 4). Почвенная стратиграфия участка показывает, что сверху идет слой гумуса, светлеющий в своей нижней части (сильно гумусированный суглинок), его подстилает светло-коричневый предматериковый суглинок, переходящий в плотный желтый материковый лесс. Вероятно, ров неоднократно заполнялся дождевыми и талыми водами. На это указывают окислы железа по материковым бортам рва. Поскольку ров находится на склоновой части горы, то именно сюда должны были стекать основные дождевые потоки. Его естественное заполнение маркирует слой 7. Этот слой достаточно четко отделен от расположенного над ним очень светлого глинистого и однородного слоя 6.

О функционировании рва. Ров был сооружен в начальной фазе существования поселения. Об этом свидетельствует яма 1, сооружение которой вероятно предшествовало созданию рва. У нас нет однозначного ответа на вопрос, как долго мог функционировать ров и чистился ли он. Но засвидетельствовано, что на определенном этапе существования поселения ров уже точно перестал поддерживаться и заплыл (слой 7), а затем был уже специально засыпан/подсыпан (слой 6). Верхняя засыпка рва практически по всей его исследованной длине маркируется тонкой прослойкой, мощностью до 7 см, состоящей из горелой органики, сажи и угля и прожженной земли под ними (слой 5). У юго-западного края одного из участков рва на глубине 1,7—1,75 м от поверхности обнаружено скопление шлака и костей. Это скопление in situ, поскольку фиксировалась его сравнительно четкая компактная, округлая структура диаметром около 0,6 м. Выброс лежит на слое прожженной земли. Возможные «кострища» фиксировались в виде одного горизонта на глубине 1,7—1,3 м от поверхности (рис. 3: 7, 8). Почва на участках под «кострищами» сильно прожжена, насыщена угольками и золой. В некоторых их них встречаются куски глиняной обмазки. Возможно, эти «кострища» могли использоваться в каких-то производственных целях. Дальнейшее образование слоя 4 и 3, видимо, связано с очередными этапами засыпки рва. Искусственный характер этого процесса подтверждается наличием мощного зольного выброса.

Видимо, уже после того, как ров окончательно заплыл, на этом участке была вырыта яма 2.

Раскоп 24 длиной 20 м и шириной 2 м был заложен в северо-восточной части поселения. Полностью исследован в восточной части (рис. 10: 1), на остальном участке — законсервирован.

На исследованном участке раскопа зафиксирована следующая последовательность слоев: под пахотой, мощность которой составляла от 0,2 до 0,3 м, шло мощное скопление глиняной обмазки толщиной 10—15 см, выделенное в слой 1. Сплошным покрытием этот слой отложился в юго-восточной части раскопа. На остальной исследованной части слой фиксировался в виде отдельно расположенных фракций обмазки и камней.

После снятия слоя завала и зачистки по всей площади участка показался однородный гумусный слой с сильным вкраплением угольков и местами мелких кусков обмазки мощностью до 0,3 м (слой 2). Ниже шел однородный коричневый слой мощностью до 0,4 м без находок (слой 3). Под ним находился материковый суглинок, в верхней своей части сильно перерытый кротовинами.

На полностью вскрытой площади раскопа исследовано 6 ям [1].

Яма 1 в плане трапециевидная, в разрезе — конусовидная. Размер по дну 1,37—1,57 м, диаметр по верху — около 2 м. Глубина ямы от современной поверхности — 1,5 м, от уровня впуска — около 1 м. На дне ямы зафиксировал небольшой цилиндрический выступ из плотной земли высотой до 10 см и диаметром до 8 см. Заполнение ямы представляло собой темно-серую супесь с вкраплениями угольков. В придонном заполнении ямы найдено 12 обломков стенок, венчиков и отростков от не менее чем 10 черпаков 2 типа (рис. 11: 3—5, 7, 8, 10, 11); фрагмент миски 1 типа с резным узором на корпусе (рис. 11: 9), бортика миски с наколами 2 типа и миски 3 типа (рис. 11: 13, 14), глиняное пряслице (рис. 11: 15). У восточного края придонного заполнения ямы обнаружен бронзовый двухло-

1. Исследована только часть ямы 5 шириной 1,25 м. В яме выявлены невыразительные фрагменты стенок лепной посуды и костей животных.

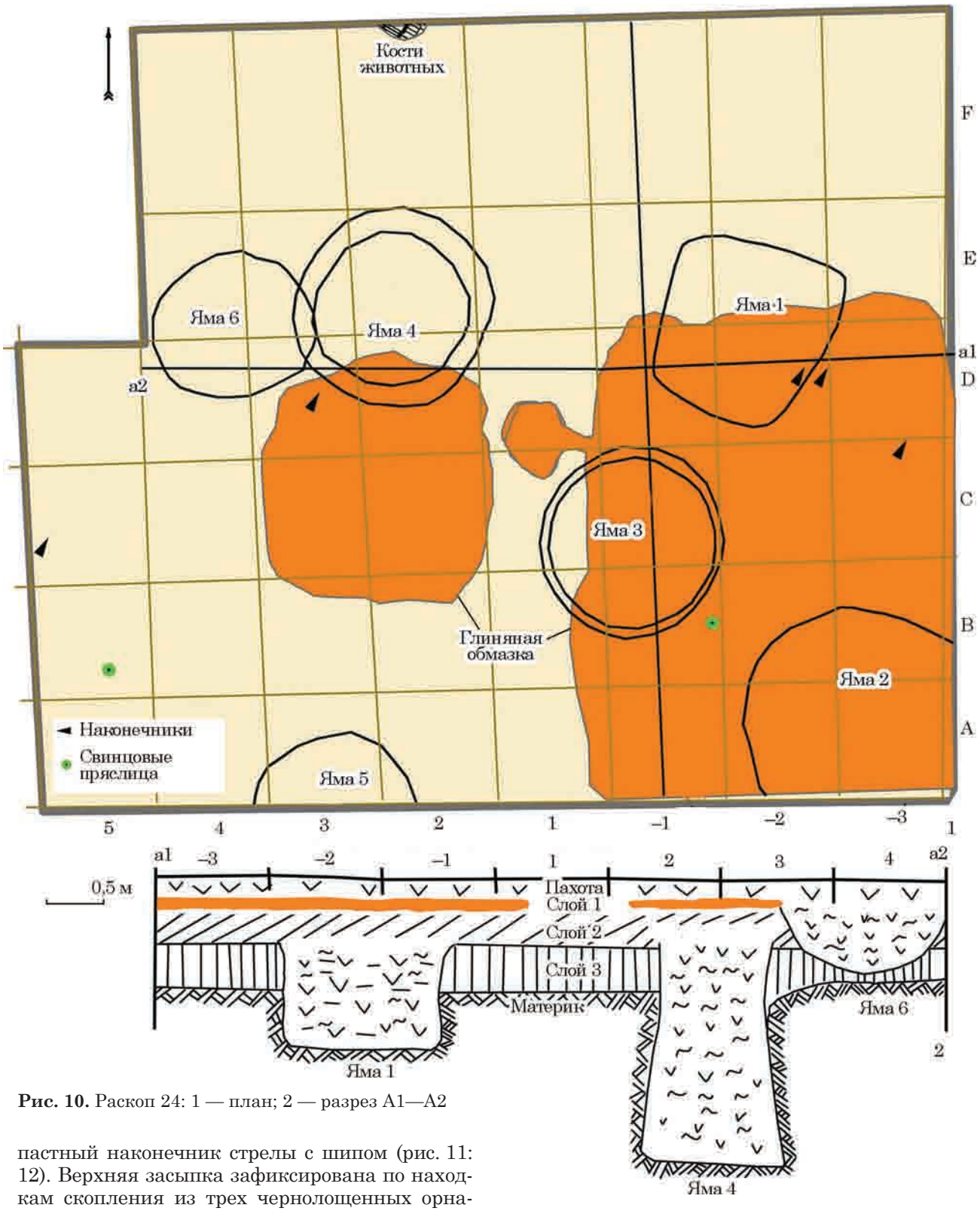

Рис. 10. Раскоп 24: 1 — план; 2 — разрез А1—А2

пастный наконечник стрелы с шипом (рис. 11: 12). Верхняя засыпка зафиксирована по находкам скопления из трех чернолощенных орнаментированных черпаков 2 типа (рис. 11: 1—2).

Яма 2 обнаружена в ЮВ углу раскопа. Форма ямы, вероятно также круглая, диаметр по исследованному сегменту — до 2 м, глубина от поверхности — 1,75 м. В заполнении отдельные невыразительные фрагменты керамики.

Яма 3 круглая, в разрезе, слегка колоколовидная. Верхний диаметр 1,45 м, нижний — до 1,65 м. Глубина от поверхности 1,7 м.

В заполнении ямы были отдельные невыразительные фрагменты обмазки и керамики, в том числе орнаментированных кубков с S-видным штампом (рис. 12: 11), орнаментированных черпаков, кубка или корчаги (рис. 12: 4); венчики корчаг и мисок, стенки и венчики кухонных сосудов, два глиняных пряслица (рис. 12: 19, 20).

Яма 4 колоколовидная, шириной по верху до 1,37 м, по дну — до 1,75 м (рис. 10: 2; 24).

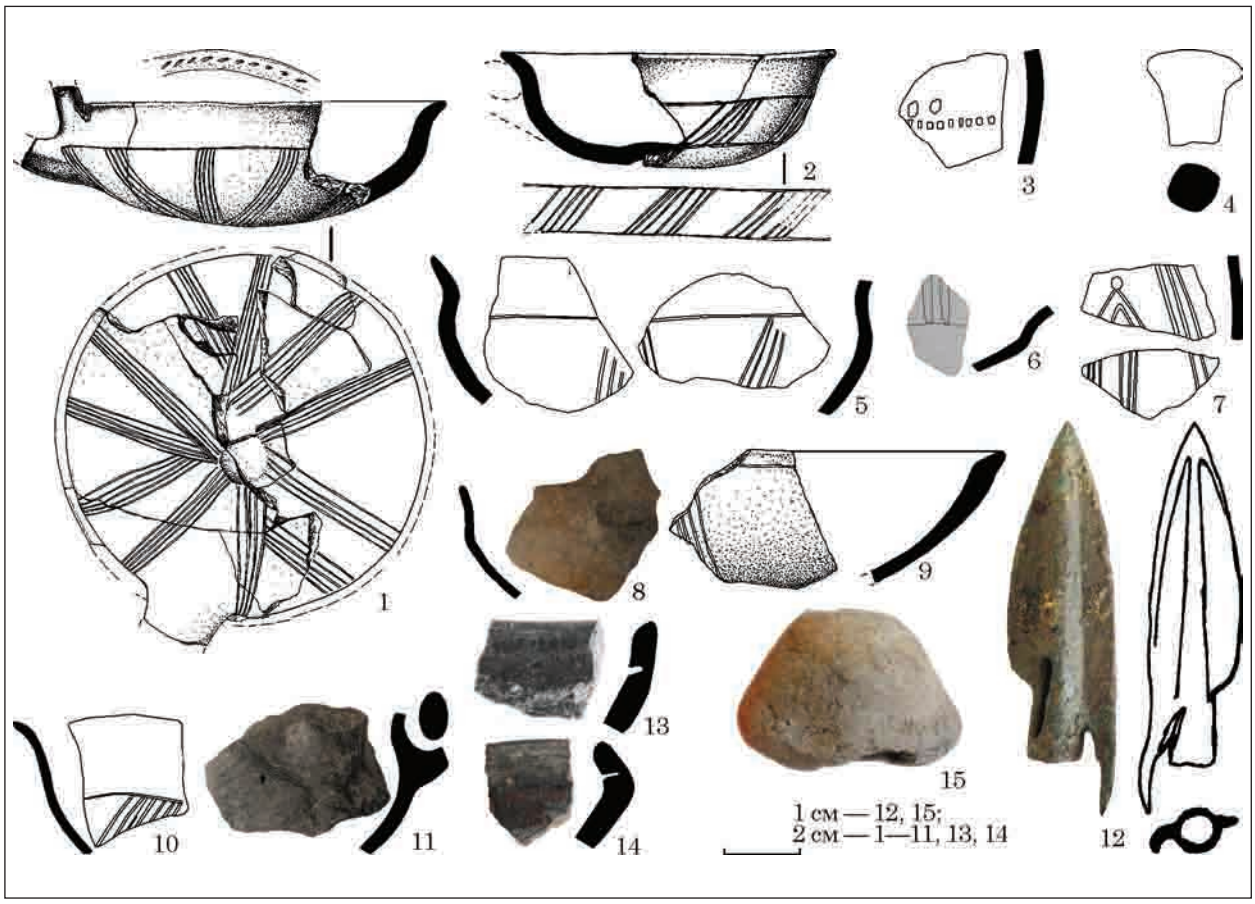

Рис. 11. Раскоп 24, находки из ямы 1

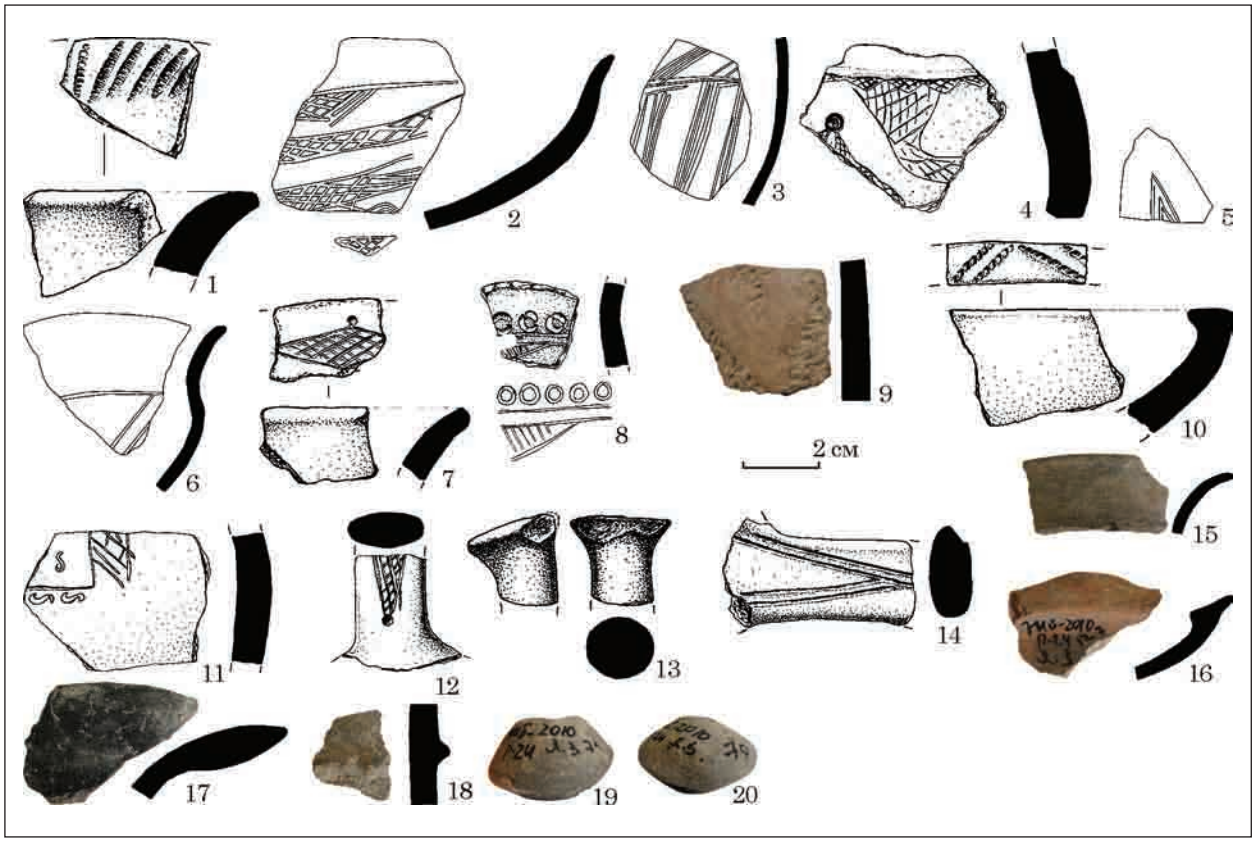

Рис. 12. Раскоп 24, находки из ямы 3

Рис. 13. Раскоп 24, находки из ямы 4

Рис. 14. Раскоп 24, находки из ямы 6

В яме было обнаружено 15 фрагментов венчиков, стенок, ручек и отростков от 10—11 черпаков 1 и 2 типа (рис. 13: 2—11, 13), миски 2 и 1 типа, в том числе и орнаментированные по корпусу (рис. 13: 10—14, 24: 16), фрагменты венчиков и орнаментированных стенок корчаг и кубков (рис. 13: 12, 14), археологически целый кубок (небольшая корчажка) с резным четырехзональным орнаментальным фризом (рис. 13: 15), кухонные сосуды, украшенные под венчиком проколами и налепным валиком по корпусу (рис. 13: 16, 21). А также глиняное пряслице (рис. 13: 22) и костяная заготовка под пряслице (рис 13: 18); обломки глиняных блоков с внешней гладкой побеленной поверхностью, на которой читаются две параллельные линии, по всей видимости, являющиеся остатками жертвенника (рис. 13: 17).

Все ямы относятся к начальному периоду функционирования горизонта Жаботин II периодизации Жаботинского поселения.

Завал глиняной обожженной обмазки размером 4,20 × 3,20 м, вытянут с севера, два меньших пятна примыкали к нему с запада (рис. 10: 1). С северной стороны завала узкой полосой шириной до 0,60 м и длиной до 1,60 м — плотная белесая обмазка, местами представляющая как бы сцементированную

Рис. 15. Раскоп 24, находки из ямы 6 и слоя раскопа

массу. Несмотря на то, что это была сплошная масса обмазки, мощность завала не превышала 10—15 см.

Непосредственно в завале были найдены немногочисленные фрагменты лепной керамики и стенки амфор, свинцовое пряслице (рис. 15: 16), глиняное пряслице и бронзовый наконечник стрелы (рис. 15: 9). Еще один наконечник найден под завалом в кротовине (рис. 15: 8). На одном уровне с завалом по всей площади раскопа были найдены также фрагменты лепной кухонной керамики и два скопления керамики, состоящие — первое: из раздавленной корчаги и куска тулова античной амфоры (рис. 16: 1—2) и второе: развал широкой и глубокой миски. Она была без венцов и уложена, скорее всего, преднамеренно (рис. 16: 3). Рядом с миской найден обломок челюсти коровы. На остальной площади раскопа на глубине 0,2—0,4 м были найдены свинцовое биконическое рифленое

Рис. 16. Раскоп 24, развалы сосудов

пряслице (рис. 15: 15), базисные наконечники стрел (рис. 15: 6, 7, 10—14), железные ножи (рис. 15: 23) панцирные пластины их железа (рис. 15: 18) и бронзы (рис. 15: 19), бронзовые булавка и кольцо или браслет (рис. 15: 16—17), фрагмент лунницы (рис. 15: 20), уздечная пронизь (рис. 15: 17), каменные сфероиды, изделие из камня длиной 5 см и толщиной 1 см.

Яма 6 соприкасалась с более ранней ямой 4. Диаметр ямы 1,25 м. Глубина ее от поверхности около 0,8 м. В яме найдены фрагменты венчиков кухонных сосудов, украшенные только налепным валиком и наколами с наружной стороны (рис. 14: 1—13). Находки мисок в яме немногочислены и представлены коническими и сферическими типами с загнутыми вовнутрь или же прямыми краями (рис. 14: 16—19) и фрагментом с налепным валиком по краю венчика (рис. 14: 14) Античная керамика из ямы представлена ручкой лесбосской и венчиком протофассоской амфоры второй половины VI в. до н. э. (рис. 15: 1—4).

В яме также найдены: каменные сфероиды (рис. 14: 17), каменный блок (абразив), костяное дугообразно изогнутое изделие с сохранившимся целым и фрагментированным зубцами, предположительно фрагмент сложного недоуздка от упряжи, на одном конце которого сохранился узор в виде спирали (рис. 15: 5).

Ямы 1, 3, 4 и возможно 2, выкопаны с уровня слоя 3, тогда как ямы 5 и 6 с уровня слоя 2. При этом завал глиняной обмазки стратиграфически находится выше ямы 6 (рис. 10: 2). Это позволяет на этом участке выделить три строительных горизонта. Один ранний, ему соответствуют ямы 1—4, с материалами горизонта Жаботин II (второй половины VIII — первой половины VII вв. до н. э.) и два поздних горизонта в рамках второй половины VI — начала V вв. до н. э. (ямы 5—6, завал глиняной обмазки и сопутствующие ему объекты), условно выделенные в горизонт Жаботин V Жаботинского поселения. Отметим, что завал аналогичной формы и конструкции, того же времени, что и «жаботинский» был исследован на Хотовском городище в 2004 г. (Дараган, Бондарь 2017, с. 182, рис. 5).

Заключение. Исследованные комплексы прекрасно укладываются в ранее предложенную периодизацию комплексов Жаботинского поселения (Дараган 2011, с. 531—535). К примеру, материалы из заполнения ямы 1 раскопа 23 и ям 1, 3, 4 раскопа 24 состояли преимущественно из фрагментов столовой орнаментированной посуды, аналогичной образцам из комплексов горизонта Жаботин I и II. Керамические формы представленные в яме 2 раскопа 23 находят прямые аналогии в поселенческих комплексах второй половины VII — начала VI вв. до н. э., а материалы из ямы 6, завала обожженной глиняной обмазки и слоя раскопа 24 — в комплексах второй половины VI — начала V в. до н. э., что позволяет продлить хронологическую колонку Жаботина, переместив верхний рубеж существования поселения ближе к началу V в. до н. э. Напомним, что в предшествующие годы закрытые комплексы, а равно и материалы подобного облика не выявлены.

Материалы второй половины VII — начала VI в. до н. э. образуют горизонт Жаботин IV пе-

риодизации Жаботинского поселения. К числу признаков, характеризующих этот горизонт, относится определенные изменения в орнаментации кухонной керамики (об изменении или же отсутствии таковых в форме сосудов говорить определенно сложно, в виду отсутствия археологически целых форм). Так, из орнаментации полностью изымаются проколы, используется только налепной валик, или валик с наколами изнутри. Появляется керамика с большими наколами, нанесенными снаружи. Также признаком этого горизонта является и использование глиняных дисков — крышек.

Материалы середины VI — начала V вв. до н. э. предварительно выделены в горизонт Жаботин V периодизации Жаботинского поселения. Из числа изменений, произошедших с керамическим комплексов, отметим, что к этому горизонту из орнаментации кухонной посуды исчезли не только проколы, но и наколы изнутри. Исчезает орнаментация у мисок. Черпаки, похоже, больше не используются, корчаги лишены декора и лощения.

Новые материалы позволяют совместить хронологические колонки Жаботина и Мотронинского городища, сомкнув их. Заметим, что расстояние между Жаботинским поселением и этим городищем — гигантом составляет всего лишь 4,5 км.

Открытый в 2008 г. ров — второй на поселении. Он проходит, по всей видимости, через всю центральную часть памятника, разделив ее на две части. Заметим, что в период функционирования рва, разделенные участки поселения были обжиты. Первый ров — находится у северо-восточной оконечности Тарасовой Горы у узкого перешейка, соединяющего ее с соседней возвышенностью. Небольшой его участок был исследован в 1957 г. (Дараган 2011, с. 110).

В Украинской Правобережной Лесостепи рвы на поселениях известны в предшествующее — чернолесское время (на Калантаевском городище и поселении у села Хрещатик), но они сооружены в условия низкой топографии, «кольцевые» (ближайшей аналогией им будут рвы белозерского поселения Дикий Сад). Ближайшей же формальной аналогией жаботинскому рву — является внутренний ров, исследованный на Мотронинском городище (Хохоровски, Скорый 2006, с. 82).

ЛИТЕРАТУРА

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1982. Новое городище скифского времени на Киевщине. *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 33-40.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.).* Киев; Краков: ИА НАНУ.

Бессонова, С. С., Романюк, В. В. 2004. Поселення скіфського часу на території м. Тараща. *Археологія*, 2, с. 90-102.

Бондарь, К. М., Дараган, М. Н., Тимофеева, Ж. Б. 2011. Магнитные исследования и структура рва Жаботинского поселения раннего железного века. *X^th International Conference «Geoinformatics: Theoretical and Applied Aspects». 10—13 May 2011, Kiev, Ukraine*, с. 1-6.

Дараган, М. Н. 2005. Античная керамика из Хотовского городища скифской эпохи. В: Вахтина, М. Ю., Зуев, В. Ю., Рогов, Е. Я., Хршановский, В. А. (ред.). *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Санкт*. Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 256-261.

Дараган, М. Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: КНТ.

Дараган, М. Н., Подобед, В. А. 2013. Жаботинский горизонт и черногоровская культура: хронологические соотношения. В: Коваленко, А. Н. (ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию профессора В. П. Копылова*. Ростов-на-Дону, с. 35-40.

Дараган, М. Н., Бондарь, К. М. 2017. От измерений к реконструкциям: методология неразрушающих исследований памятников археологии и истории. *Археологія і давня історія України*, 1 (22), с. 178-189.

Петровська, Є. О. 1970. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва. *Археологія*, 24, с. 128-145.

Фіалко, О. Є., Болтрик, Ю. В. 2003. *Напад скіфів на Трахтемирівське городище*. Київ: Корвін-Пресс.

Хохоровски, Я., Скорый, С. 2006. Оборонительная система Мотронинского городища. *Археологічний Літопис Лівобережної України*, 1, с. 74-81.

Яковенко, Е. В. 1968. Пастирське городище скіфського часу (За матеріалами розкопок 1955 р.). *Археологія*, XXI, с. 175-186.

Schlotzhauer, U. 2001. *Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet:* Inaugural Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. Fakultät für Geschichtswissenschaft der Ruhr-Universität Bochum.

REFERENCES

Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1982. Novoe gorodishhe skifskogo vremeni na Kievshhine. Skify *Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, s. 33-40.

Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 2001. *Motroninskoe gorodishhe skifskoj epohi (po materialam raskopok 1988—1996 gg.).* Kiev; Krakov: IA NANU.

Bessonova, S. S., Romanyuk, V. V. 2004. Poselennya skifs'kogo chasu na teritoriyi m. Tarascha. *Arheologiya*, 2, s. 90-102.

Bondar', K. M., Daragan, M. N., Timofeeva, Zh. B. 2011. Magnitnye issledovaniya i struktura rva Zhabotinskogo poseleniya rannego zheleznogo veka. *X^th International Conference «GeoInformatics: Theoretical and Applied Aspects». 10—13 May 2011, Kiev, Ukraine*, s. 1-6.

Daragan, M. N. 2005. Antichnaya keramika iz Hotovskogo gorodishha skifskoj epohi. In: Vakhtyna, M. Yu., Zuyev, V. Yu., Rohov, Ye. Ya., Khrshanovskiy, V. A. (ed.). *Bosporskij fenomen. Problema sootnosheniya pismennyh i arheologicheskih istochnikov*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 256-261.

Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi*. Kiev: KNT.

Daragan, M. N., Podobed, V. A. 2013. Zhabotinskij gorizont i chernogorovskaya kultura: xronologicheskie sootnosheniya. In: Kovalenko, A. N. (ed.). *Prichernomore v antichnoe i ran-*

nesrednevekovoe vremya. Sbornik nauchnyh trudov, posvyashhennyh 65-letiyu professora V. P. Kopylova. Rostov-na-Donu, s. 35-40.

Daragan M. N., Bondar K. M. 2017. Ot izmerenij k rekonstrukcziyam: metodologiya nerazrushayushhix issledovanij pamyatnikov arheologii i istorii. *Arkheolohia i davnia istoria Ukrainy*, 1 (22), s. 178-189.

Petrovska, Ye. O. 1970. Rannoskifski pamiatky na pivdennii okolytsi Kyieva. *Arkheolohia*, 24, s. 128-145.

Fialko O. E., Boltrik Yu. V., 2003. *Napad skifiv na Trahtemirivske gorodische*. Kyiv: Korvin Press.

Hohorovski, Ya., Skoryj, S. 2006. Oboronitel'naya sistema Motroninskogo gorodishha. *Arkheolohichnyi Litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 1, s. 74-81.

Schlotzhauer, U. 2001. *Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet:* Inaugural Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. Fakultät für Geschichtswissenschaft der Ruhr-Universität Bochum.

Yakovenko, E. V. 1968. Pastyrske horodyshche skifskoho chasu (Za materialamy rozkopok 1955 r.). *Arkheolohia*, XXI, s. 175-186.

M. N. Daragan, V. A. Pidobid

NEW RESEARCH IN ZHABOTIN

The focus of the work is the publication of the results of the excavations on the reference monument at the beginning of the early Iron Age of the Dnieper Right Bank Forest-Steppe — the settlement near the village of Zhabotin. The article includes the description of newly discovered objects (ditch, pits), analysis of stratigraphy and a detailed analysis of finds from closed archaeological complexes. For understanding the spatial structure of the settlement, a very important discovery was Site 23, a ditch that crossed the inhabited area of the plateau of the settlement from West to East.

The ditch passes, apparently, through the whole of the central part of the monument, dividing it into two parts. The ditch was built in the initial phase of the settlement. It should be noted that during the period of the ditch's functioning, the separated parts of the settlement were inhabited in the area of the ditch.

The complexes were investigated both prior to it (pit 1) with materials from the Zhabotin 1 horizon (first half of the 8th BCE) and constructed after his backfill (pit 2, of the second half of the 7th BCE). It is noteworthy that in pit 2 a fragment of South Ionian bowl, most likely from Miletos, was found. It must be type Schlotzhauer 6 (subtype 6.2.B to 6.5), most likely to be dated between 660/50—630/20 BCE. At excavation Site 24, a pits from the 8th — first half of the 7th BCE and the second half of the 6th beginning of the 5th BCE was investigated. Studies of material complex from the ditch and different pits not only confirmed the periodization frame of the settlement to 8—7 century BC, but also allowed that it extended until the beginning of the 5th BCE. Based on the new materials, the chronological frames of Zhabotin and Motroninsky hillforts (located at the distance of 4.5 km), can be linked suggesting that they partially overlap each other.

Keywords: Beginning of the early Iron Age, settlements, defense systems, moat, chronology, ceramics.

Одержано 29.05.2019

ДАРАГАН Марина Миколаївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *darmar@ukr.net*.
DARAGAN Maryna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *darmar@ukr.net*.
ПІДОБІД В'ячеслав Анатолійович, старший науковий співробітник, Відділ охорони пам'яток археології, Донецький краєзнавчий музей, вул. Челюскінців 189А, Донецьк, 83048, Україна, *achaean@ukr.net*.
PODOBED Vjacheslav, Senior Researcher, Donetsk Museum of Local History, Chelyuskintsev St., 189A, Donetsk, 83048, Ukraine, *achaean@ukr.net*.

УДК: [904.2:685.15](470.62)”638”

С. Л. Дударев, В. А. Бережная, С. П. Колкова

О НОВЫХ НАХОДКАХ КОНСКОЙ СБРУИ СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЗАКУБАНЬЯ

В статье вводятся в научный оборот предметы конской сбруи скифского и сарматского времени, найденные в разное время местными жителями и краеведами станицы Вознесенской Лабинского района Краснодарского края РФ и находящиеся в местной детской библиотеке-музее. Среди них псалии и удила распространенных на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа типов, датируемые V—I вв. до н. э. Они характеризуют занятия местного меотского населения коневодством, которое с предскифского времени было одним из наиболее важных хозяйственных отраслей автохтонов Закубанья.

***Ключевые слова**: меоты, скифы, Закубанье, петельчатые удила, крестовидные псалии, двудырчатые прямые псалии, S-видные псалии.*

В конце XX — начале XXI в. в результате поисковой деятельности жителей станицы Вознесенской Лабинского р-на Краснодарского края (Российская Федерация) в окрестностях данного населенного пункта была собрана коллекция разновременных предметов, экспонирующаяся в краеведческой комнате местной детской библиотеки-музея, среди которых находятся и артефакты, представляющие предметы конской сбруи скифо-сарматской эпохи. Их публикация является целью настоящей статьи.

Опишем представляемые предметы.

1. Железные удила, внешние и внутренние кольца которых оформлены в виде незамкнутого кольца-петли, длиной 22 см. Толщина сечения стержня 0,5 см (рис. 1: 1).

2. Звено железных петельчатых удил с крестовидной насадкой длиной 16,5 см. Толщина сечения стержня 0,5 см (рис. 1: 5).

© С. Л. ДУДАРЕВ, В. А. БЕРЕЖНАЯ, С. П. КОЛКОВА, 2019

3. Звено аналогичных удил с обломанной крестовидной насадкой длиной 14 см. Толщина сечения стержня 0, 4 см (рис. 1: 4).

4. Такое же звено удил с крестовидной насадкой длиной 16,8 см. Толщина сечения стержня 0,5 см (рис. 1: 2).

5. Звено железных петельчатых удил с дисковидной шляпкой у меньшего кольца, длиной 15,5 см. Диаметр диска — 4,8 см. Толщина сечения стержня удил — 0,4 см (рис. 1: 3).

6. Железные удила с окончаниями в виде тех же кольца-петли с крестовидными насадками, имеющими мелкие зубчатые шипы на лопастях, длиной 19,7 см. Толщина сечения стержня удил 0,5 см, (рис. 2: 2).

7. Железные удила с одним обломанным концом, длиной 22,1 см, сделаны из довольно толстого в сечении (0,8 см) прута, с разными насадками. Одна их них крестовидной формы с прямыми концами, другая также крестовидная, но с большими острыми шипами, обращенными к внутренним кольцам (рис. 2: 1). Укажем, что сечение стержней всех перечисленных выше удил или их звеньев по форме круглое или подквадратное. Внешние кольца-петли во всех случаях больше или даже заметно больше (рис. 1: 1—5; 2: 1—2) внутренних.

8. Фрагмент железного двудырчатого лопастного псалия длиной 10 см (рис. 3: 5).

9. Целый железный двудырчатый псалий с двумя лопастями длиной 18, 2 см, имеющий в области отверстий восьмеркообразную форму. Ширина лопасти — 1,6 см (рис. 3: 4).

10. Железный прямой двудырчатый псалий со стержнем, имеющим в средней части восьмеркообразную форму (рис. 3: 6) и сужающимся к концам, длиной 12,3 см. Толщина сечения стержня неодинакова. В верхней час-

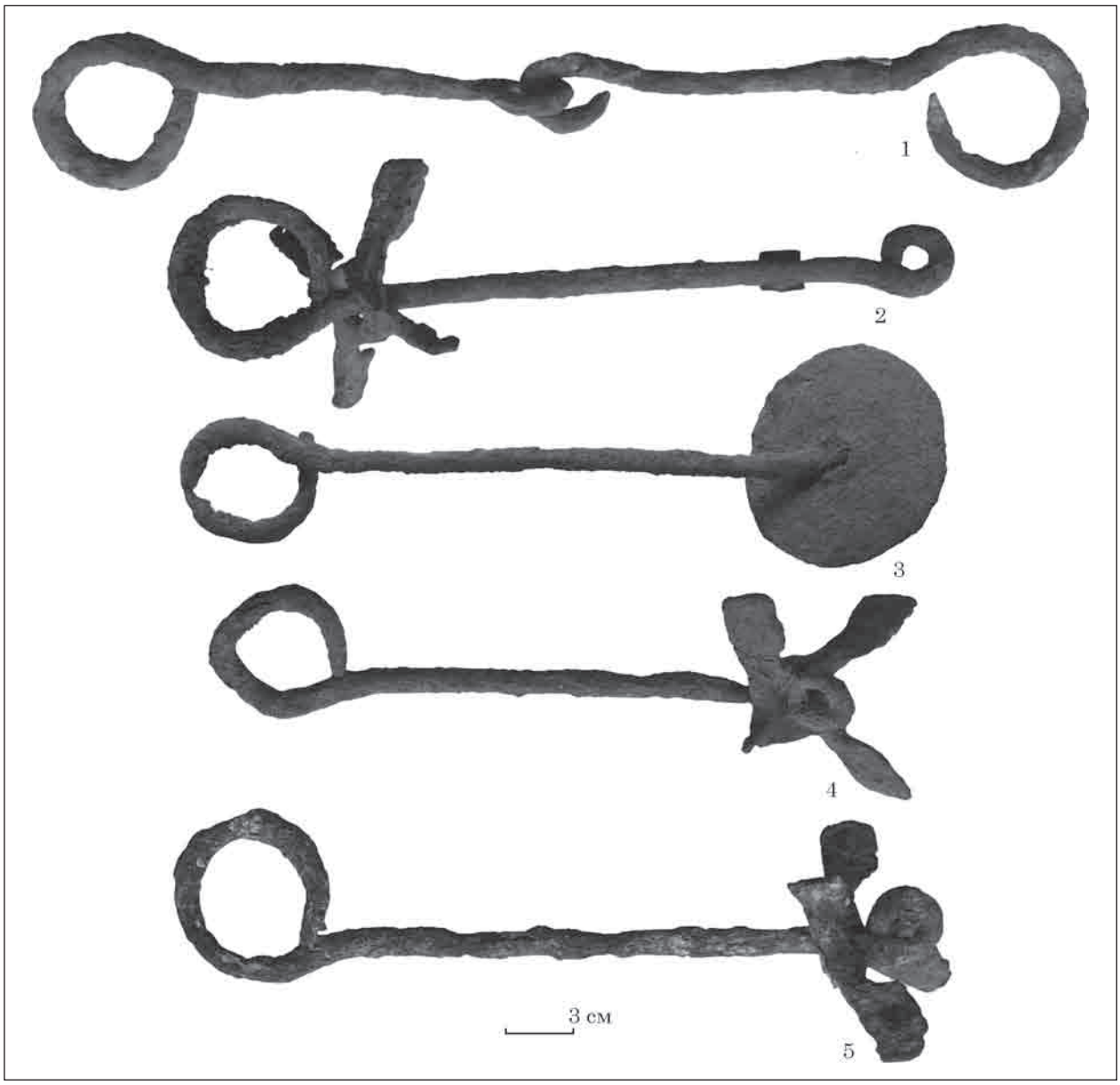

Рис. 1. Железные удила и звенья удил с крестовидными псалиями и шляпкой из детской библиотеки-музея станицы Вознесенской (Россия, Краснодарский край)

ти — 0,7 см, в нижней — 0,5 см. Возможно, это явление имеет место в виду более сильной коррозии верхней части стержня.

11. Более короткий железный прямой двудырчатый псалий со стержнем, имеющим в средней части восьмеркообразную форму длиной 9,5 см. Верхняя и нижняя часть стержня имеют поперечные рифления (рис. 3: 7).

12—14. Три S-видных железных двудырчатых псалия с округлыми, или округло-приостренными расширениями-шишечками на обоих концах, разных размеров: экземпляр длиной 15,4 см (ширина сечения стержня в изогнутой части — 0,5 см) (рис. 3: 2), и два образца большего размера длиной соответственно 16,5 и 16,7 см соответственно (ширина сечения стержня в изогнутой части — 0,5 см) (рис. 3: 1, 3). Не исключено, что оба последние псалия составляли пару.

Железные удила с маленькими кольцевидными петлями, по мнению Л. К. Галаниной, являлись характерной принадлежностью раннескифских уздечек уже в середине VII в. до н. э. (Галанина 1997, с. 120). Однако исследования нашего уважаемого юбиляра показали, что курган 15 у пгт Стеблёв, в инвентаре которого были встречены железные удила (Скорый 2003, с. 163, рис. 1: 13), возможно датировать не позже конца VIII в. (Скорый 2003, с. 41). Как указывает В. Р. Эрлих, уже во второй половине VII в. до н. э. петельчатые удила начинают вытеснять все остальные типы ввиду простоты изготовления. Немаловажно, что в Закубанье (а рассматриваемые нами в статье образцы предметов конской сбруи происходят именно оттуда) они преобладают во всех раннескифских комплексах (Эрлих 2011, с. 53).

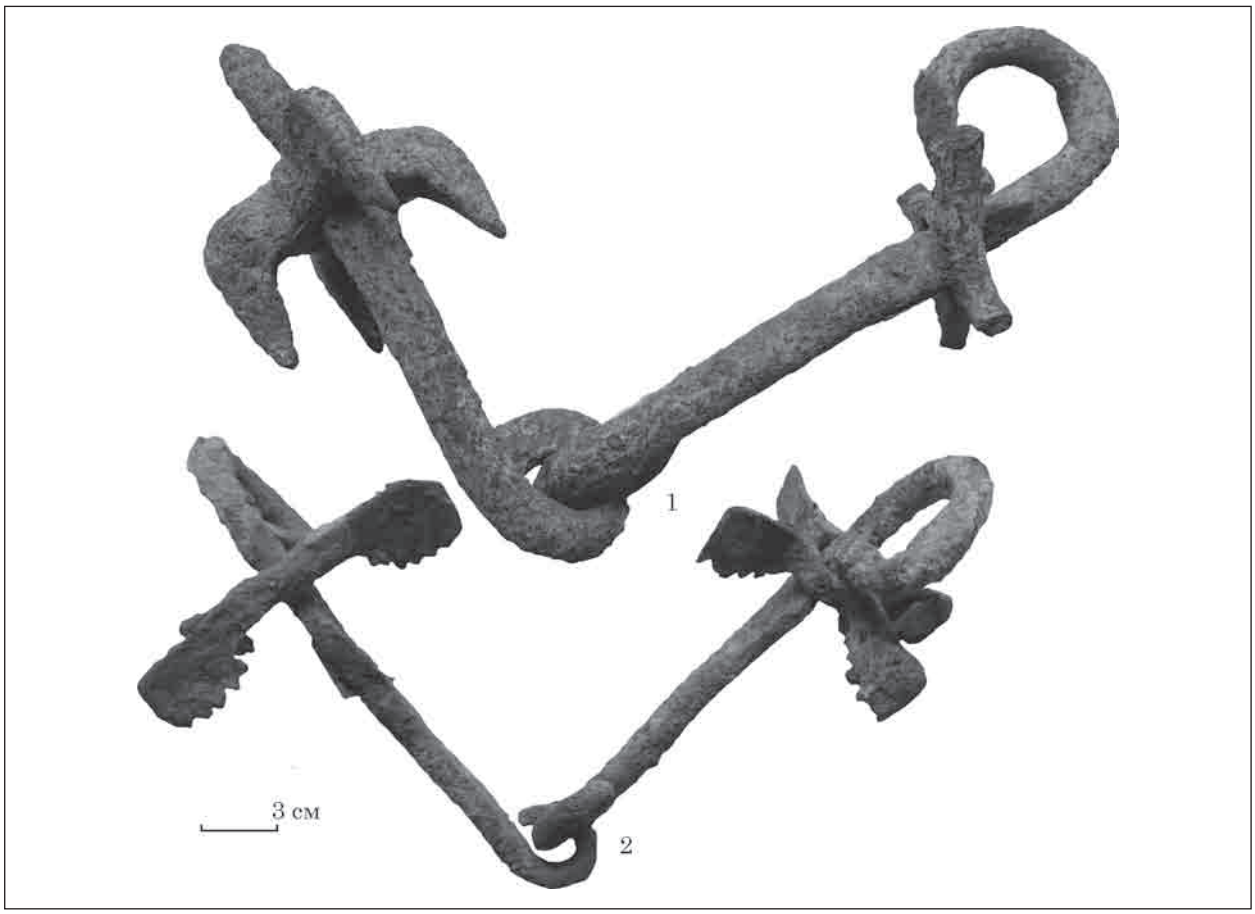

Рис. 2. Железные удила с крестовидной насадкой и крестовидными псалиями из детской библиотеки-музея станицы Вознесенской (Россия, Краснодарский край)

Использование же единой формы железных кованых удил, как отмечено Е. И. Савченко, со ссылкой на работы А. И. Мелюковой и А. И. Пузиковой, имеет место с начала V в. до н. э. Данные удила в V—IV вв. до н. э. широко использовались по всей территории степной Скифии и соседних с ней областей (Савченко 2006, с. 127). Обращает на себя внимание то, что у представленных целых удил и отдельных их звеньев разные размеры и толщина. Если у помещаемых в нашей работе целых или не полностью сохранившихся экземпляров длина (реальная или возможная) достигает 19,7—22 (и несколько более) сантиметров, то отдельные отмеченные выше звенья имеют размеры, указывающие на то, что общая возможная величина удил, к которым они относились, могла достигать 30-ти с лишним сантиметров! Различные размеры удил — вещь вполне обычная, как например, показывает опыт исследования удил Среднего Дона скифского времени. Средняя величина ротовой части лошадей составляла здесь от 18 до 22 см. Как полагает Е. И. Савченко, такая разница в размерах удил указывает на то, что население Среднего Дона было знакомо с различными породами лошадей, одни из которых были узкоголовыми, другие — среднеголовыми, а третьи — крупноголовыми животными (Савченко 2006, с. 127). По-видимому, подобная же ситуация была и в Закубанье. Прославленная кабардинская порода лошадей [1], начало выращивания которой, по Е. И. Крупнову, происходило уже в предскифское время, с самого начала отличалась большеротостью (удила достигали 18—20 см длины) (Крупнов 1960, с. 311). Данные этого видного археолога-кавказоведа подтверждаются и в материалах т. н. западного варианта кобанской культуры, где размеры удил отдельных типов (например, типа III) все того же предскифского времени могли достигать таких же размеров или даже несколько превышать их (длина звеньев 9,5—10,5 см) (Козенкова 1995, с. 105). Однако столь крупные возможные размеры публикуемых звеньев удил, вероятно,

1. Говоря так, мы употребляем этот термин обобщенно. Еще в XVIII в. иностранные путешественники, а также представители Российской академии наук, бывавшие в экспедициях на Северном Кавказе, отмечали наличие таких кабардинских пород лошадей, как Шолох (Шолохо), Бекан, Трамкт (Трам), Лоф (Лоов), Мисост (Пейссоннель 2010, с. 134; Паллас 2010, с. 272). Не исключено, что подобное разнообразие внутри кабардинской породы лошадей имеет глубокие исторические корни.

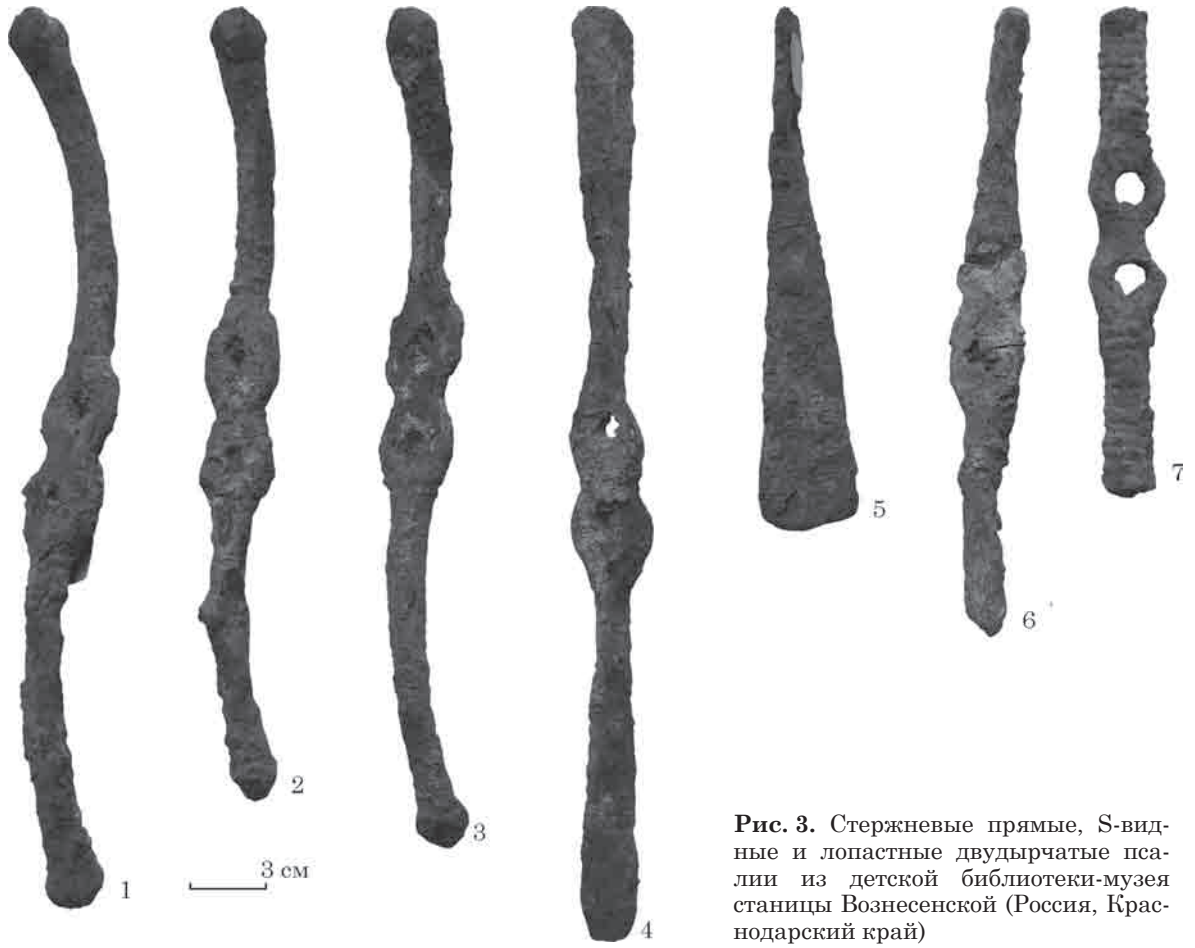

Рис. 3. Стержневые прямые, S-видные и лопастные двудырчатые псалии из детской библиотеки-музея станицы Вознесенской (Россия, Краснодарский край)

говорят о том, что представители этой породы могли в более поздний период раннежелезного века дать такие разновидности, которые по определенным параметрам экстерьера явно превзошли предскифские популяции.

Обсуждая особенности конструкции удил, необходимо обратиться к рассмотрению деталей, которые были предварительно описаны выше как «насадки» на стержни удил, поскольку требуют специального рассмотрения, которое и будет проделано ниже. Следует обратить внимание на то, что они представлены тремя видами.

1. Крестовидная насадка с большими острыми шипами, располагавшимися внутрь грызла удил (рис. 2: 1, слева). Специалисты именуют их неодинаково — «железная обойма с четырьмя обращенными внутрь шипами» или «железные четырехконечные шипы у петель» (Ильинская 1973, с. 46, 51, 55), «напускные кольца с шипами» (Воронов 1975, с. 231), «крестовидные «строгие» насадки» (Эрлих 2011, с. 53). Еще в середине 1970-х гг. Ю. Н. Воронов писал о том, что напускные кольца с шипами характерны для удил скифского типа конца V—IV в. до н. э. (Воронов 1975, с. 231). По В. Р. Эрлиху, появление крестовидных насадок можно отнести к V в. до н. э. При этом ученый опирается на встречу звена удил с насадками в комплексе 11 Ульского кургана и считает данные удила одними из древнейших (Эрлих 2011, с. 53). Согласно мнению Е. И. Савченко, подобные насадки на двусоставных удилах представляют довольно частую находку как в рядовых погребениях, так и «царских» курганах IV в. до н. э. степной Скифии, что продемонстрировано на целом ряде исследований В. А. Ильинской, А. И. Мелюковой, Б. Н. Мозолевского и др. (Савченко 2006, с. 129). Время же строгих удил с такими насадками обозначается этим автором первой половиной — последней четвертью IV в. до н. э., при этом бытование среднедонских удил укладывается специалистом в рамки второй - третьей четверти IV в. до н. э. (Савченко 2006, с. 131). Примечательно, что удила данного типа с крестовидными насадками из Закубанья, которые, например, во множестве зафиксированы в материалах некрополя Тенгинского городища (Лесков и др., 2013, с. 128, рис. 26: 2, 3, 5; Эрлих 2011, с. 138—148, 168; рис. 54—64, 89) функционируют еще позже, чем на Среднем Дону — вплоть до IV — начала III н. э. (Эрлих 2011, с. 53).

2. Крестовидная насадка с прямыми концами (рис. 2: 1, справа), которая описывается одними специалистами именно в таком качестве

(Зайцев 2007, с. 264), другими же — как псалий (вариант 1а, по И. И. Марченко), которые известны в Закубанье на удилах II типа в комплексах, датируемых последним из указанных специалистов III в. до н. э. (Сокровища курганов Адыгеи 1985, с. 94, рис. 47; Марченко 1996, с. 73). При этом публикаторы каталога, на который ссылается И. М. Марченко, датировали такие удила IV в. до н. э. Но самую позднюю дату удилам с крестовидными насадками (псалиями) дает Ю. П. Зайцев — середина III — середина II в. до н. э., опираясь на материалы из погребений Приднестровья и Крыма с родосскими и синопскими клейменными амфорами и импортной эллинистической керамике (Зайцев 2007, с. 264).

3. Большая же часть представленных «крестовидных насадок» на звеньях удил (рис. 1: 2, 4—5; 2: 2) могут быть, вслед за И. И. Марченко, охарактеризованы, в конечном счете, как псалии в виде небольшой крестовины с уплощенными острыми загнутыми шипами (Марченко 1996, с. 72). Этот специалист обозначает время бытования кольчатых удил (I тип его классификации) с такими псалиями IV — первой половиной III в. до н. э. (Марченко 1996, с. 72).

В то же время, на одном из звеньев, как было сказано выше, присутствует дисковидная шляпка, выполняющая ту же роль, что и насадки-псалии (рис. 1: 3). Аналогию ей можно найти в конской могиле Мелитопольского кургана (Ильинская 1973, с. 47, рис. 2: 4).

В силу неких причин (смещения и т. д.) и указанная шляпка, и 2 псалия в виде крестовины (рис. 1: 4—5) находятся сейчас совсем не там, где они должны были бы быть изначально, т. е. сразу за большим внешним кольцом, как у экземпляров с рис. 1: 2; 2: 1—2. Указать на это следует по той причине, что эти псалии, как и крестовидная насадка на обломанных удилах (рис. 2: 1), выполняли, на наш взгляд, функционально близкую роль. Насадка, как и псалии, располагалась у наружных колец стержней и при натяжении поводьев давила на беззубые края челюсти лошади (Савченко 2006, с. 129), что, по сути, должны были делать и указанные псалии с выступами, особенно имевшими, в одном случае, как было указано выше, острые зазубрины. Кстати, на одном из экземпляров среднедонских удил хорошо видно, что крестовидная насадка с шипами также находится у меньшего кольца, которое должно было находиться во рту лошади (Савченко 2006, с. 128, рис. 2: 7).

Среди отдельно находящихся от удил двудырчатых псалиев выделяются псалии трех типов: 1) двулопастные (рис. 3: 4—5); 2) стержневые короткие прямые двух разновидностей — экземпляр, сужающийся к концам (рис. 3: 6) и образец с цилиндрическими рифлеными отростками, отходящими от отверстий (рис. 3: 7); 3) S-видные с шишечками на концах (рис. 3: 1—3). Псалии первого типа имеют ближайшие, хотя и численно ограниченные, аналогии в погребении 19 Тенгинского грунтового могильника (Беглова 2010, с. 151—152, 160, рис. 1: 9). Е. А. Беглова приводит мнения специалистов, считающих, что такие псалии датируются III — первой половиной I в. до н. э. (М. П. Абрамова, С. П. Кожухов и др.). Псалии 2 типа, по И. И. Марченко (Марченко 1996, с. 292, рис. 72: 7), ссылающегося, в свою очередь, на А. И. Мелюкову, А. Ю. Алексеева и П. Д. Либерова, датируются широко — от V—IV вв. до н. э. до IV—III вв. до н. э. и даже III в. до н. э. Сам И. И. Марченко придерживается первой, наиболее ранней даты (Марченко 1996, с. 76). Со своей стороны, В. Р. Эрлих сравнивает псалии, очень похожие на изображенные на нашем рис. 3: 7, только несколько расширяющиеся к концам, из Тенгинского кургана 2, которые он считает наиболее поздним вариантом таких предметов конской сбруи данного типа, с псалиями из Уляпского могильника, отмечая, что они происходят из комплексов V—IV вв. до н. э. (Эрлих 2011, с. 54, 176, рис. 99: 2—3). Этот автор полагает, что прямые псалии характерны для комплексов Скифии IV в. до н. э., ссылаясь на известную работу В. А. Ильинской (Ильинская 1973). При этом нужно уточнить, что скифские псалии, на которые указывает В. Р. Эрлих, имеют гвоздевидные шляпки на концах (Ильинская 1973, с. 45, рис. 1: 2). Именно такие псалии из Днепровского лесостепного Левобережья получают у других специалистов более широкую дату IV—III вв. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 123, 126, рис. 39: 1, 4). Завершая наше рассмотрение псалиев указанного типа, отметим также и то, что один из них был встречен и в склепе 1 Татарского могильника под г. Ставрополем (Кудрявцев, Кудрявцев, Прокопенко 2000, с. 41, рис. 1: 1), в материалах которого получил обозначение как тип 2. Авторы публикации сравнили его с псалиями из лесостепного Северного Причерноморья IV—III вв. до н. э. Памятник же в целом был датирован IV — рубежом III—II вв. до н. э. (Кудрявцев, Кудрявцев, Прокопенко 2000, с. 46).

Псалии S-видной схемы, близкие к находкам из Вознесенской как территориально, так и морфологически, встречаются, опять-таки, в Тенгинском кургане 2 (Эрлих 2011, с. 54, 176, рис. 99: 5). Но невозможно не указать на то, что уздечные оголовья с псалиями чаще всего S-видной формы, как отмечала В. А. Ильинская, «*прекрасно изображены у коня на солохском гребне… коня с повернутой головой на Чертомлыцком фризе… стреноженного коня из этой же группы… коня, выносящего из боя раненного воина, изображенного на конце ножен чертомлыцкого меча*» (Ильинская 1973, с. 58).

Подводя итоги нашего анализа, укажем на то, что рассмотренные выше предметы конской

сбруи являются случайными, внекомплексными находками и могут быть датированы в целом в рамках V—I вв. до н. э. В то же время, большинство из них может быть, по нашему мнению, датировано более узко. Для удил с одним обломанным внешним кольцом (рис. 2: 1), следует обозначить датировку — конец IV—III вв. до н. э. Для удил на рис. 2: 2, а также звеньев образцов, подобных им, изображенных на рис. 1: 2, 4—5 можно принять дату И. И. Марченко — IV — первая половина III в. до н. э. Звено удил со шляпкой есть основания отнести к IV в. до н. э., как имеющее параллель в Мелитопольском кургане. Дата двудырчатых псалиев с двумя лопастями (рис. 3: 4) — III — первая половина I в. до н. э. Стержневые двудырчатые псалии (рис. 3: 6—7) возможно датировать IV—III вв. до н. э., S-видные, скорее всего, ранним периодом этого временного отрезка.

Ввиду своей немногочисленности, представленные материалы не могут служить основой для широких выводов. Тем не менее, они достаточно выразительно характеризуют тесные связи местного населения с меотским и скифским миром в это время и в определенной степени проливают свет на некоторые особенности коневодства у племен Закубанья во второй половине I тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Беглова, Е. А. 2010. Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника. *Материальная культура Востока*, 5, с. 149-166.

Воронов, Ю. Н. 1975. Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э. В: Мозолевский, Б. Н. (ред.). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 218-234.

Галанина, Л. К. 1997. *Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи*. Москва.

Зайцев, Ю. П. 2007. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н. э.). В: Зуев, В. Ю. (ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург, 2, с. 258-268.

Ильинская, В. А. 1973. Скифская узда IV в. до н. э. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка. с. 42-63.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киевско-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.

Козенкова, В. И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант*. Москва.

Крупнов, Е. И. 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва: АН СССР.

Кудрявцев, А. А., Кудрявцев Е. А., Прокопенко, Ю. А. 2000. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя. *Донская археология*, 2, с. 40-47.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих, В. Р. 2013. *Меоты Закубанья IV—III вв. до н. э.: некрополи у ауля Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. Москва: Государственный музей Востока.

Марченко, И. И. 1996. *Сираки Кубани*. Краснодар: КГУ.

Паллас, П. С. 2010. Заметки о путешествии в Южные наместничества Российского государства в 1794—1974 гг. В: Аталиков, В. (ред.). *Кавказ: европейские дневники XIII—XVIII веков*. Нальчик: М. и В. Котляровы, с. 247-283.

Пейссоннель, Ш. 2010. Трактат о торговле на Черном море. В: Аталиков, В. (ред.). *Кавказ: европейские дневники XIII—XVIII веков*. Нальчик: М. и В. Котляровых, с. 122-140.

Савченко, Е. И. 2006. Удила Среднего Дона в скифское время. *Археологические памятники Восточной Европы*, 12, с. 126-132.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: ИА НАНУ.

Сокровища… 1985. *Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки*. Москва: Советский художник.

Эрлих, В. Р. 2011. *Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н. э.* Москва: Наука.

REFERENCES

Beglova, E. A. 2010. Voinskie pogrebeniya Tenginskogo gruntovogo mogil'nika. *Material'naya kul'tura Vostoka*, 5, s. 149-166.

Voronov, Yu. N. 1975. Vooruzhenie drevneabhazskih plemen v VI—I vv. do n. e. In: Mozolevskij, B. N. (ed.). *Skifskij mir*. Kiev: Naukova dumka, s. 218-234.

Galanina, L. K. 1997. *Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniya ranneskifskoj epohi*. Moskva.

Zajcev, Yu. P. 2007. Kompleks iz Gevani (k probleme hronologii III v. do n. e.). In: Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskij fenomen: sakral'nyj smysl regiona, pamyatnikov, nahodok. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Sankt-Peterburg, 2, s. 258-268.

Il'inskaya, V. A. 1973. Skifskaya uzda IV v. do n. e. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, s. 42-63.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoj epohi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhya (Kievsko-Cherkasskij region)*. Kiev: Naukova dumka.

Kozenkova, V. I. 1995. *Oruzhie, voinskoe i konskoe snaryazhenie plemen kobanskoj kul'tury (sistematizaciya i hronologiya). Zapadnyj variant*. Moskva: Nauka.

Krupnov, E. I. 1960. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza*. Moskva: AN SSSR.

Kudryavcev, A. A., Kudryavcev E. A., Prokopenko, Yu. A. 2000. Kompleks predmetov konskogo ubora pozdneskifskogo vremeni iz mogilnika N 2 Tatarskogo gorodishcha goroda Stavropolya. *Donskaya arheologiya*, 2, s. 40-47.

Leskov A. M., Beglova E. A., Ksenofontova I. V., Erlih, V. R. 2013. *Meoty Zakubanya IV—III vv. do n. e.: nekropoli u aulya Ulyap. Svyatilishcha i ritualnye kompleksy*. Moskva: Gosudarstvennyj Muzej Vostoka.

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani*. Krasnodar: KGU.

Pallas, P. S. 2010. Zametki o puteshestvii v Yuzhnye namestnichestva Rossijskogo gosudarstva v 1794—1974 gg. In: Ataikov, V, (ed.). *Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII—XVIII vekov*. Nal'chik: M. i V. Kotlyarovy, s. 247-283.

Pejssonnel', Sh. 2010. Traktat o torgovle na Chernom more. In: Ataikov, V, (ed.). *Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII—XVIII vekov*. Nal'chik: M. i V. Kotlyarovy, s. 122-140.

Savchenko, E. I. 2006. Udila Srednego Dona v skifskoe vremya. *Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoj Evropy*, 12, s. 126-132.

Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi*. Kiev: IA NANU.

Sokrovishcha… 1985. *Sokrovishcha kurganov Adygei. Katalog vystavki*. Moskva: Sovetskij hudozhnik.

Erlih, V. R. 2011. *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n. e.* Moskva: Nauka.

S. L. Dudarev, V. A. Berezhnaya, S. P. Kolkova

ABOUT NEW FINDS OF THE HORSE HARNESS OF SCYTHIAN-SARMATIAN AGE FROM ZAKUBANYE

The article introduces into the scientific circulation the objects of the horse harness of the Scythian and Sarmatian time, found at different times by local residents and local historians of the village of Voznesenskaya, Labinsky district, Krasnodar region of the Russian Federation, and located in the local children's library-museum. A notable feature of some of the published iron loopy bridle bits are the large sizes of their links (up to 30 cm). This probably indicates a dilution in the second half of the 1st millennium BC in Zakubanye of a large-breed horse breed, which was the forerunner of the famous Kabardian breed of these animals. Its origins, the eminent archeologist-kavkazologyst, E. I. Krupnov traced to the beginning of the early Iron Age. The subject of consideration of the authors of the article are also the features of the cross-shaped nozzles with spikes, which are available on a number of published looped rods, or on their individual links. Most of the presented «cross-shaped nozzles» on the bits (Fig. 1: 2, 4—5; 2: 2) may be ultimately described, following I. I. Marchenko, as a psalm in the form of a small cross with flattened sharp curved spikes. Functionally, «strict» cheek-pieces and nozzles performed the same role. As shown by E. I. Savchenko, they were located at the outer rings of the rods and when the reins were tensioned, they pressed on the toothless edges of the horse's jaw. Three separate types of specimens can be distinguished from those who are separately from the angled duplicates: 1. bipods (Fig. 3: 4, 5); 2. rod short straight two types — a specimen tapering towards the ends (Fig. 3: 6) and a sample with cylindrical grooved processes extending from the holes (Fig. 3: 7); 3. S-visible with knobs on the ends (Fig. 3: 1—3).

The published bits and cheek-pieces belong to the types common in the Northern Black Sea Region and the Northern Caucasus dating back to the 5th—1st cc. BC. At the same time, most of them may have a narrower dating. For the bits with one broken off outer ring (Fig. 2: 1), the date should be marked — the end of IV—III c. BC. For bits in Fig. 2: 2, as well as links of samples like them depicted in Fig. 1: 2, 4, 5, one can accept the date of I. I. Marchenko — IV — first half of the 3rd century BC. Link fished with a hat may be attributed to the IV BC, as having a parallel in the Melitopol mound. Date of duplicated cheek-pieces with two lobes (Fig. 3: 4) — III — first half of I c. BC. Rod duplicated cheek-pieces (Fig. 3: 6, 7) may date to the 4th—3rd centuries BC, S-visible, most likely, the early period of this time period.

The items presented in the article characterize the occupation of the local Meotian population by horse breeding, which since Pre-Scythian time has been one of the most important economic branches of the autochthons of Zakubanye.

Keywords: Meotians, Scythians, Zakubanye, loop-like bits, cross-shaped cheek-pieces, double-holed straight cheek-pieces, S-shaped cheek-pieces.

Одержано 29.01.2019

БЕРЕЖНАЯ Вікторія Олександрівна, директор, Лабінський музей історії та краєзнавства ім. Ф. І. Моісеенко, вул. Радянська, 20, Лабінськ, 352510, Росія, *stanichnoevremya@mail.ru*.

BEREZHNAYA Viktoria A., director, the Labinsk Museum of History and Local History named after F.I. Moiseenko, Sovetskaya 20 str., Labinsk, 352510, Russia, *stanichnoevremya@mail.ru*.

ДУДАРЕВ Сергій Леонідович, доктор історичних наук, професор, Армавірський державний педагогічний університет, вул. Р. Люксембург, 159, Армавір, 35201, Росія, *dudarev51@mail.ru*.

DUDAREV Sergej L., doctor of historical sciences, professor, Armavir State Pedagogical University, R. Luxemburg 159 str, Armavir, 35201, Russia, *dudarev51@mail.ru*.

КОЛКОВА Світлана Петрівна — завідувач, Вознесенська дитяча бібліотека-музей, вул. Мира 70, станиця Вознесенська, Краснодарський край, 352250, Росія.

KOLKOVA Svetlana P., head, the Voznesenskaya Children's Library-museum, Mira 70 str., Voznesenskaya stanitsa, Krasnodar Territory, 352250, Russia.

УДК: 904.23(477.5)”638”

Д. В. Каравайко

ГЛИНЯНЫЕ МИСКИ ГОРОДИЩА ШИРЯЕВО

В статье рассмотрены локальные особенности памятников скифского времени в бассейне р. Сейм. В частности, неоднократно указывалось на крайне малое количество находок глиняных мисок. Материалы с городища Ширяево свидетельствуют о том, что эта категория столовой посуды более характерна для IV в. до н. э., нежели для предыдущих столетий.

***Ключевые слова**: Путивльское Посеймье, скифское время, городище Ширяево, миски.*

По своей материальной культуре памятники скифского времени бассейна р. Сейм имеют много общего с памятниками остальной территории Левобережной Лесостепи. Именно этот факт позволил включить их в единую посульско-донецкую группу (Ильинская 1957, с. 14; 1961, с. 45; 1971, с. 8). В тоже время, существует и ряд региональных особенностей, которые позволяют рассматривать данную территорию в отдельном ключе. Прежде всего это северная периферия Лесостепи, зона контакта с юхновской культурой Леса. Такое расположение не могло не отразиться на материальной культуре местного населения (Іллінська 1953, с. 121).

Для бассейна р. Сейм характерны небольшие (0,1—0,5 га) городища с простыми укреплениями. Преимущественное большинство их относиться к 1 классу и 1 типу по типологии А.А. Моруженко (1985, с. 161). Аналогичные укрепленные поселения были распространены и у населения юхновской культуры (Каравайко 2012, с. 17—22). Вероятнее всего, объяснять это следует не культурными традициями, а всего лишь характером рельефа. В. А. Ильинская подчеркивала, что одной из особенностей культуры скифского времени на Сейме является отсутствие курганного обряда погребения (1971, с 19). Впрочем, и грунтовые могильники не известны, что позволяет говорить о наличии проблемы. Аналогичная ситуация характерна и для ряда археологических культур, в частности, юхновской (Каравайко 2010).

В недавно вышедшей статье (Каравайко, Пеляшенко 2018) был проанализирован керамический комплекс городища Ширяево. Было установлено, что только в Посеймье бытовала специфическая форма горшков со слабоотогнутым венчиком, короткой шейкой, которая переходит в высокое плечико, часто с хорошо выраженным перегибом. Такая посуда неизвестна на памятниках остальной Левобережной Лесостепи. В тоже время сильнопрофилированные горшки, которые преобладают на памятниках бассейнов Ворсклы, Сулы, Псла и Северского Донца не получили распространения на Сейме.

Еще одной особенностью керамического комплекса этого северного региона Лесостепи является крайне малое количество столовой посуды и, в частности, мисок. Впервые это отметил И. И. Ляпушкин, который провел на Сейме широкомасштабные разведки (Ляпушкин 1950, с. 60). Это вывод был подтвержден и в результате работ А. И. Пузиковой. Так, для городища Марица исследовательница, со ссылкой на ряд работ, отмечает, «*…миски были самым распространенным после горшков видом посуды почти во всех синхронных культурах…*» (Пузикова 1981, с. 60). В работе отсутствует указание на количество подобных находок, однако, исходя из приведенной иллюстрации их было крайне мало. В более поздней работе, при анализе керамики городища Переверзево, сделан вывод о небольшом количестве мисок, что характерно

© Д. В. КАРАВАЙКО, 2019

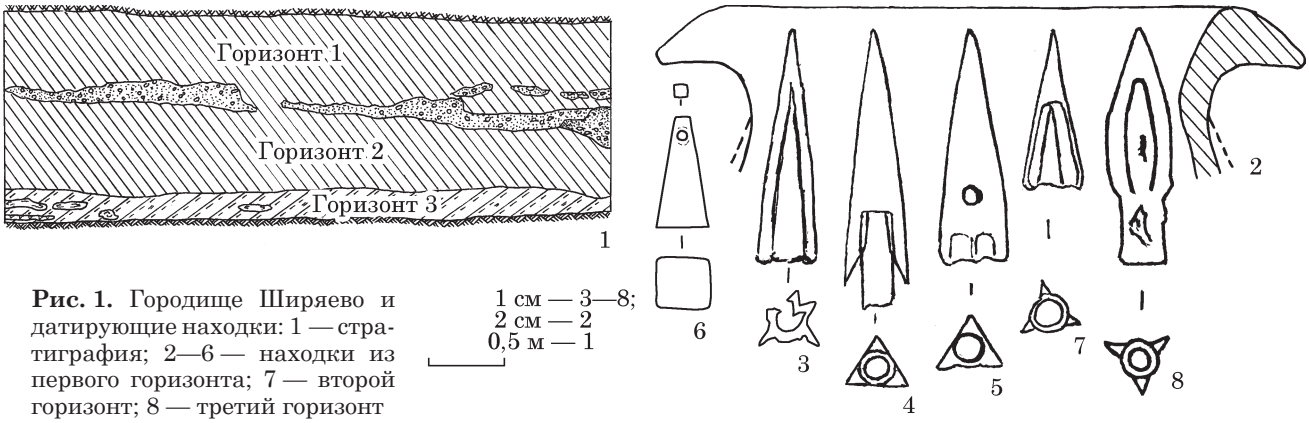

Рис. 1. Городище Ширяево и датирующие находки: 1 — стратиграфия; 2—6 — находки из первого горизонта; 7 — второй горизонт; 8 — третий горизонт

для всех городищ Посеймья (Пузикова 1997, с. 40). Аргументация не вызывает возражений, так как оба городища раскопаны полностью. Кроме того, на Глебовском городище при исследованной площади в 884 м^2 найдено «очень мало» мисок, а на площади в 720 м^2 на поселении Жерновец — всего один фрагмент! (Пузикова 1997, с. 91—92, 103). К сожалению, по результатам предыдущих работ у нас нет данных о процентном соотношении мисок. Как видим, исследователи лишь констатировали их малое число.

В связи с изложенным, обратимся к материалам еще одного памятника в Посеймье, где производились раскопки — Ширяево. Впервые небольшие исследования на городище произвел Д. Т. Березовец в конце 1940-х гг. (1948, с. 2—3; 1949; 1952, с. 243). К сожалению, полевая документация сохранилась не полностью, а на шифрах керамики отсутствует указание точного места находки и ее глубины [1]. В 1950 г. исследования на памятнике продолжила В. А. Ильинская. Касательно мисок, было отмечено, что «кількість мисок тут значно менша, ніж звичайно зустрічається на так званих скіфських городищах південнішої смуги» (Іллінська 1953, с. 116). В 2017 г. раскопки на городище возобновила совместная экспедиция Института археологии НАН Украины и Государственного историко-культурного заповедника в г. Путивль. В результате последних работ удалось установить, что на памятнике четко выделяются три хронологических горизонта (рис. 1: 1). Верхний (№ 1), четко фиксируется в его нижней части по остаткам глиняной обмазки стен наземной постройки. Его мощность составляет 0,6—0,7 м. Наибольшее количество находок найдено именно в нем. Датировка слоя определяется в пределах IV в. до н. э. по фрагменту венчика амфоры и бронзовым наконечникам стрел (рис. 1: 2—5). Вероятно, именно к этому горизонту относится находка пирамидальной бусины-подвески, изготовленной из светло-голубого стекла (рис. 1: 6). Абсолютно аналогичная находка происходит с Кнышевского городища (Гавриш 2000, с. 111, рис. XXXII: 31) и многих других памятников Лесостепи скифского времени (Гречко, 2010, рис. 78: 16; 80: 8). Время бытования таких украшений, ограничено V—IV вв. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 132, рис. 41: 38), концом V — началом IV вв. до н. э. (Болтрик, Фиалко 2009, с. 79), последней четвертью V — первой половиной IV вв. до н. э. (Гречко, Шелехань 2012, с. 75—77). На античных памятниках Северного Причерноморья такие бусины найдены в комплексах IV—III вв. до н. э. (Алексеева 1978, с. 69, табл. 33: 35).

Второй горизонт мощностью около 0,6 м содержал значительно меньше находок. Предварительно, его дата устанавливается по бронзовому наконечнику стрелы V в. до н. э. (рис. 1: 7). Третий горизонт (0,2 м) находился непосредственно над материком. В нем, как и в первом горизонте, обнаружены остатки наземной постройки. В последние годы датирующих вещей не найдено, однако, если сопоставить стратиграфии раскопов 1950 и 2017—18 гг., наконечник стрелы VI в. до н. э. (рис. 1: 8) должен соотноситься именно с этим слоем (Іллінська 1953, с. 114).

Таким образом, городище Ширяево существовало на протяжении трех столетий, что охватывает практически весь скифский период для территории Посеймья. Выделение трех хронологических горизонтов позволяет рассмотреть особенности керамического комплекса по периодам, и, в частности, столовой посуды. Прежде всего, обратимся к количественным показателям. За основу будут взяты преимущественно материалы раскопок 2017—18 гг. так как миски, найденные Д. Т. Березовцом не имеют привязок к глубинам, а керамика, найденная в раскопе 1950 г., может быть распределена по горизонтам с определенной долей погрешности.

На площади в 80 м^2, в пределах первого горизонта, миски составляют 13,6 % по отношению к венчикам горшков (рис. 2). Именно в этом слое найдено наибольшее количество керамики. Для памятников конца V—IV вв. до н. э. остальной части Левобережной Лесостепи процентное со-

1. Коллекция НФ ИА НАНУ № 157.

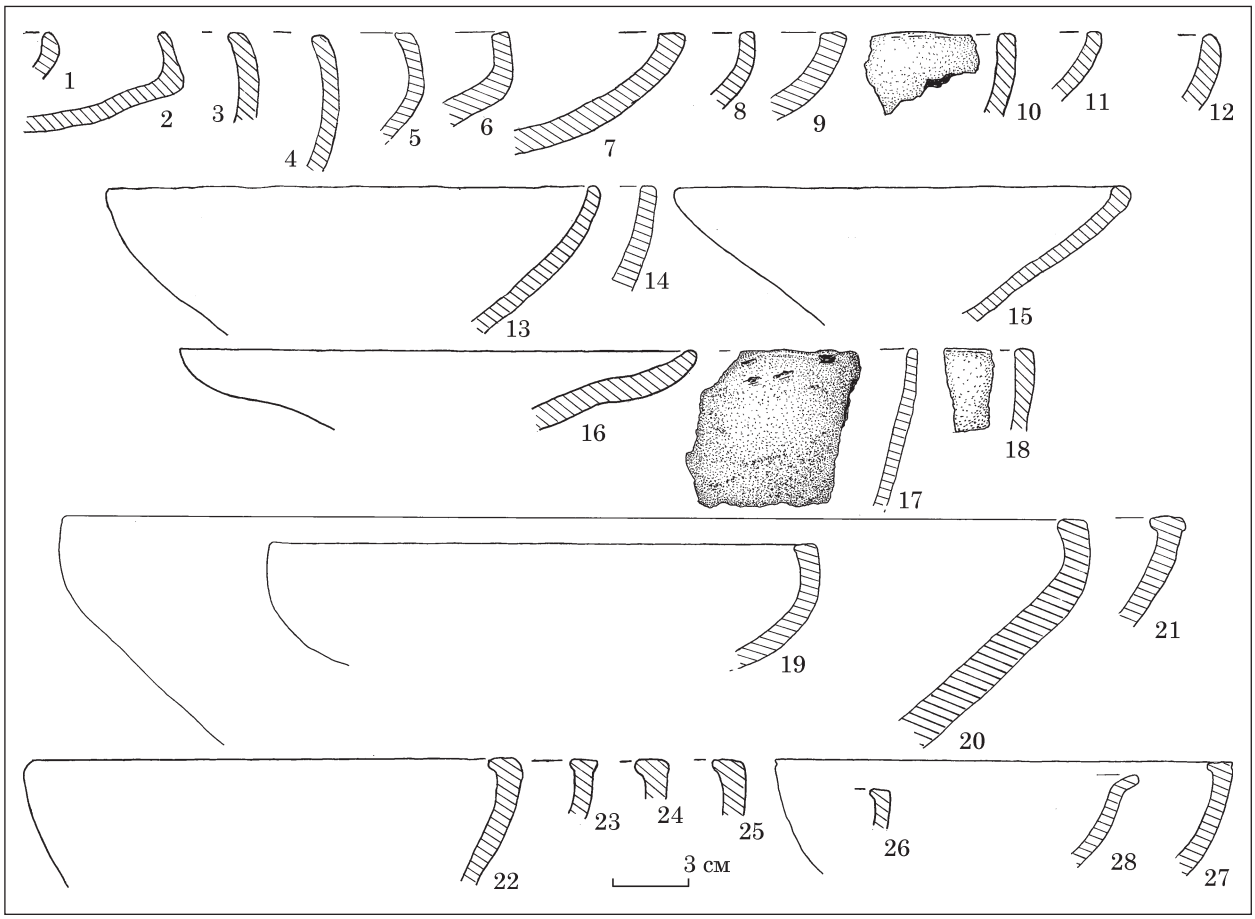

Рис. 2. Городище Ширяево, находки фрагментов мисок с первого горизонта (IV в. до н. э.): 1 — 1 тип; 2 — 2 тип; 3—6 — 3 тип; 7—10 — 4 тип; 11—18 — 5 тип; 19—27 — 6 тип; 28 — 7 тип

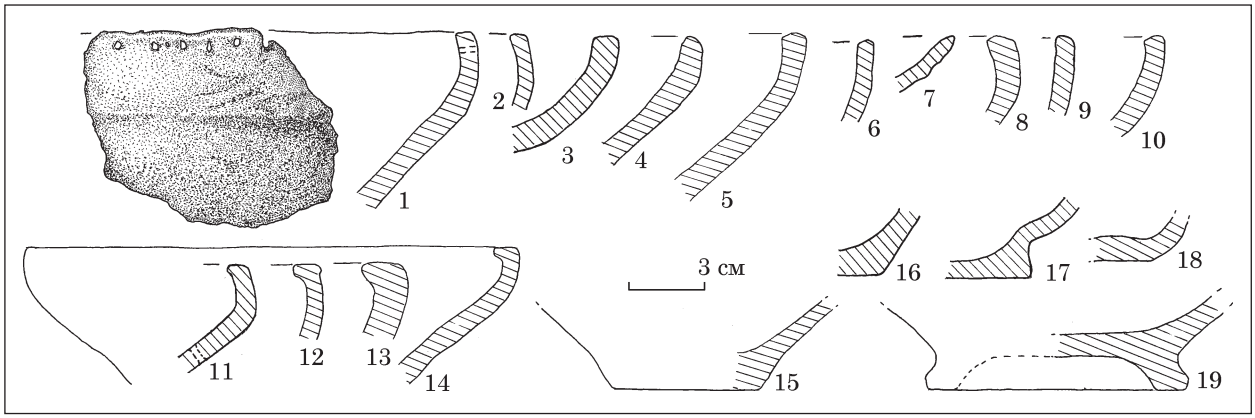

Рис. 3. Городище Ширяево: 1—7 —горизонт 2; 8—9 —горизонт 3; 10—14 — без четкой привязки; 15—19 — фрагменты донышек мисок (1—2, 8 — 3 тип; 3—6, 9 — 4 тип; 7, 10 — 5 тип; 11—14 — 6 тип)

отношение мисок составляет 7,9—19 % от общего числа (Пеляшенко 2014, с. 52).

Для второго горизонта, датируемого V в. до н. э., показатель несколько больший — 18,2 % (рис. 3: 1—7). Однако, здесь следует учесть крайне малое количество находок — всего 26 фрагментов венчиков, из которых 4 это миски (учтены только материалы 2017—2018 гг.).

Надежно соотнести с третьим горизонтом удалось лишь два фрагмента мисок, что составляет 4,9 % (рис. 3: 8—9).

Основными примесями в тесте были мелкие песок, дресва и шамот. Поверхность большинства фрагментов хорошо заглажена до блеска. Лощеные миски являются исключением.

Как правило, миски не имели орнамента. Исключение составляют два фрагмента. Первый, украшен насечками, не имеющими четких форм (рис. 2: 17), второй — проколами (рис. 3: 1). За редким исключением, миски с памятников Левобережной Лесостепи так же не имели декора (Пеляшенко 2014, с. 63—64).

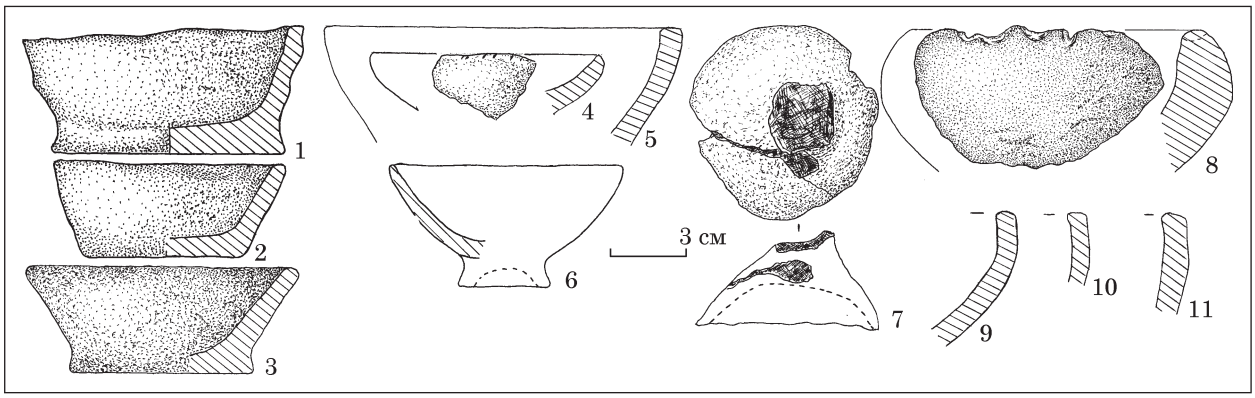

Рис. 4. Малые сосуды мисочки: 1—2, 5—6, 8 — Ширяево; 3 — Горки II; 4 — Лобанова Гора; 7 — Викторове Северное; 9—11 — поселение Ширяево

По своей форме миски, найденные на городище Ширяево, не однородны. В работе использована типологическая схема, разработанная на материалах памятников скифского времени Днепро-Донецкой Лесостепи (Пеляшенко 2014). В ее основе лежит методика построения типологических рядов с учетом морфологических отличий отдельных частей сосудов и их параметров. Прежде всего, внимание обращалось на форму венчиков. Незначительное количество донышек мисок объясняется тем, что по малым фрагментам не всегда удается определить тип и форму керамического изделия (рис. 3: 15—19).

Наиболее массовыми являются находки мисок округлой, или округло-конической формы с резко загнутой под прямым углом закраиной (тип 6 по: Пеляшенко 2014, с. 60—61). Найдены они только в первом горизонте, относящемся к IV в. до н. э. (рис. 2: 19—27). К сожалению, ряд находок не может быть достоверно сопоставлен с тем или иным слоем (рис. 3: 11—14). Миски такой формы являются наиболее распространенными в позднескифский период на всей территории Левобережной Лесостепи (Пеляшенко 2014, с. 61). Это преобладающий тип на полностью исследованном городище Марица (Пузикова 1981, с. 56).

Второе месте на городище Ширяево занимают миски 3—5 типов, а именно: миски с округлым корпусом и плавно загнутым краем (тип 3) (рис. 2: 3—6; 3: 1—2, 8); миски с округлым, округло-коническим корпусом и вертикально поставленным бортиком, иногда с небольшим уклоном в середину (тип 4) (рис. 2: 7—10; 3: 3—6, 9); миски с прямыми краями и коническим либо округло-коническим корпусом (тип 5) (рис. 2: 11—16; 3: 7, 10). Касательно последних, выделяется два фрагмента, по своей форме напоминающие сосуды в виде банок, хотя, не исключено, что это обломки глубоких мисок (рис. 2: 17—18).

Если миски 3 и 4 типов имели весьма широкое распространение на памятниках Левобережной Лесостепи, то миски 5 типа являются более редкой формой (Пеляшенко 2014, с. 58—60).

Всего по одному фрагменту найдено мисок 1 типа — с коническим или округло коническим корпусом и резко загнутым под острым углом небольшим краем (рис. 2: 1); 2 типа — с коническим, округло-коническим корпусом и резким ребром-перегибом в верхней части (рис. 2: 2); 7 типа — с округлым корпусом о отогнутым широким краем (рис. 2: 28). Последние, являются весьма редкой находкой и на остальных Левобережных памятниках (Пеляшенко 2014, с. 64).

С 2014 по 2016 гг. был обследованы и прошурфованы практически все городища среднего течения р. Сейм в пределах Сумской обл. (Каравайко 2015; 2017). Ни единого фрагмента мисок, описанного выше, найдено не было. Вместе с тем, присутствовали находки малых сосудов-мисочек (рис. 4). Так у восточной стены постройки первого горизонта городища Ширяево (с ее внешней стороны?) найдено две миски-плошки, одна из которых изготовлена из нижней части горшка, путем заточки его краев (рис. 4: 1), а вторая — вылеплена из отдельного куска глины (рис. 4: 2). Аналогичное первому, изделие было найдено на городище Горки (рис. 4: 3). При публикации материалов городища Шабалиново, расположенного в устье Сейма, О. Н. Мельниковская отмечала, что использование нижней части горшка для изготовления плошки является ранним признаком; позднее их изготавливали отдельно (Мельниковская 1975, с. 99). Две мисочки, выполненные из донышка горшка найдены при исследовании Переверзевского городища (Пузикова 1997, с. 40).

Еще два экземпляра могут быть интерпретированы как малые сосуды-мисочки, однако, при противоположной постановке выглядят как небольшие крышечки (рис. 4: 6—7). Обращает на себя внимание фрагмент бортика (миски?) достаточно толстый — более 2 см (рис. 4: 8). По краю украшен грубыми пальцевыми вдавлениями. Прежде было сделано предположение,

что такая посудина могла использоваться для выпекания хлебцов, глиняные модельки которых так же найдены на городище Ширяево (Каравайко 2018, с. 282, рис. 14). Аналогичное изделие найдено и на Переверзевском городище (Пузикова 1997, рис. 16: 12—13). Завершая описание мисок, отметим и тот факт, что при исследовании поселения за валом городища Ширяево найдено всего 3 фрагмента мисок (рис. 4: 9—11) хотя и площадь раскопа на сегодняшний день не велика — всего 48 м^2.

Подводя итоги, следует частично согласиться с мнением предшественников о малом количестве мисок в керамическом комплексе памятников скифского времени Посеймья. Однако, исходя из материалов городища Ширяево, можно отметить и местную специфику микрорегиона. Если для остальной части Левобережной Лесостепи наблюдается тенденция к уменьшению процентного соотношения мисок от раннего к позднему скифскому времени (Пеляшенко 2014, с. 63), то для территории Посеймья — ситуация прямопротивоположная. На сегодняшний день, Ширяево является единственным городищем в Посеймье с материалами IV в. до н. э. лесостепного облика. Не изучены должным образом и открытые поселения этого периода. Как результат, сформировалась точка зрения о незначительном количестве этой категории столовой посуды в северной части Левобережной Лесостепи. Аналогичная ситуация характерна и для соседней юхновской культуры. Миски являются редкой находкой и их число возрастает именно в IV в. до н. э. (Каравайко 2012, с. 92, рис. 57—58).

Основное количество мисок в раннее время могло изготавливаться из дерева. Вероятно, по какой-то причине, традиция деревообрабатывающего промысла в поздний час приходит в упадок, что и привело к увеличению доли изготовления из глины этой столовой посуды. Исходя из единичного случая наличия слоя IV в. до н. э. на городище Ширяево, можно предложить и иной вариант развития событий. Не исключено, что данный горизонт оставлен не коренными жителями Посеймья, а пришлым населением с более южных территорий, например, бассейна р. Сулы. Если для раннего времени процесс миграций на север не вызывает сомнений, то вполне можно предположить возможность переселения на Сейм и в более поздний час. Впрочем, окончательные выводы делать преждевременно.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1—12.

Березовец, Д. Т. 1948. *Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Волынцево, Путивльского района, Сумской области*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1948/10.

Березовець, Д. Т. 1949. *Звіт про роботу Сеймсько-Слов'янської експедиції 1949 р.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1949/9.

Березовец, Д. Т. 1952. Археологічні дослідження в Путивльському районі, Сумської обл. *Археологічні пам'ятки УРСР*, ІІІ, с. 242-250.

Болтрик, Ю. В., Фиалко, Е. Е. 2009. Оружие из скифского кургана Огуз. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы*, Х, с. 39-45.

Гавриш, П. Я. 2002. *Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля)*. Полтава: Археологія.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ: ІА НАНУ.

Гречко, Д. С., Шелехань, А. В. 2012. *Гришковский могильник скифов на Харьковщине*. Киев: ИА НАНУ.

Іллінська, В. А. 1953. Городище скіфського часу на р. Сеймі. *Археологія*, VIII, с. 109-122.

Ильинская, В.А. 1957. О происхождении культур раннего железного века на Левобережье Среднего Днепра. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, 70, с. 14-27.

Ильинская, В. А. 1961. Бондарихинская культура бронзового века. *Советская археология*, 1, с. 26-45.

Ильинская, В. А. 1971. *Скифский период в Днепровском Лесостепном Левобережье*: Автореферат диссертации д. и. н. Москва.

Каравайко, Д. В. 2010. Проблема погребального обряда юхновской культуры. *Stratum plus*, 3, с. 237-259.

Каравайко, Д. В. 2012. *Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья*. Киев: ИА НАНУ.

Каравайко, Д. В. 2015. Городища раннього залізного віку на Сеймі. *Археологія і давня історія України*, 2 (15): Старожитності раннього залізного віку, с. 65-76.

Каравайко, Д. В. 2017. Исследования городищ Путивльского Посеймья: итоги и перспективы. *Археологія і давня історія України*, 2 (23): Старожитності раннього залізного віку, с. 279-291.

Каравайко, Д. В., Пеляшенко, К. Ю. 2018. Лепная посуда памятников скифского времени Путивльского Посеймья. *Revista Arheologică*, XIV, 2, с. 132-147.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья*, Киев: Наукова думка.

Ляпушкин, И. И. 1950. Поселения культуры скифов-пахарей. *Советская археология*, XII, с. 41-65.

Мельниковская, О.Н. 1975. Шабалиновское городище. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 142, с. 98-103.

Моруженко, А. А. 1985. Городища лесостепных племён Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. *Советская археология*, 1, с. 160-178.

Пеляшенко, К. Ю. 2014. *Ліпний посуд населення скіфського часу Дніпро-Донецького Лісостепу*. НА ІА НАНУ, ф. 12, 921.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4—5.

Пузикова, А. И. 1981. *Марицкое городище в Посеймье*. Москва: Наука.

Пузикова, А. И. 1997. *Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье)*. Москва.

REFERENCES

Alekseyeva, E. M. 1978. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1—12.

Berezovets, D. T. 1948. *Otchet o raskopkakh ranneslavyanskogo poseleniya i mogilnika okolo s. Volyntsevo, Putivlskogo rayona, Sumskoy oblasti*. NA IA NANU, f. 64, 1948/10.

Berezovets, D. T. 1949. *Zvit pro robotu Seimsko-Slov'ianskoi ekspedytsii 1949 r*. NA IA NANU, f. 64, 1949/9.

Berezovets, D. T. 1952. Arkheolohichni doslidzhennia v Putyvlskomu raioni, Sumskoi obl. *Arkheolohichni pam'iatky URSR*, III, s. 242-250.

Boltrik, Yu. V., Fialko, E. E. 2009. Oruzhiye iz skifskogo kurgana Oguz. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovia. Aktualnyye problemy*, X, s. 39-45.

Havrysh, P. Ia. 2002. *Plemena skifskoho chasu v lisostepu Dniprovskoho Livoberezhzhia (za materialamy Prypsillia)*. Poltava: Arkheolohia.

Hrechko, D. S. 2010. *Naselennia skifskoho chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NANU.

Grechko, D. S., Shelekhan, A. V. 2012. *Grishkovskiy mogilnik skifov na Kharkovshchine*, Kiev: IA NANU.

Illinska, V. A. 1953. Horodyshche skifskoho chasu na r. Seimi. *Arkheolohia*, VIII, s. 109-122.

Ilinskaia, V. A. 1957. O proiskhozhdenii kultur rannego zheleznogo veka na Levoberezhe Srednego Dnepra. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 70, s. 14-27.

Ilinskaia, V. A. 1961. Bondarikhinskaia kultura bronzovogo veka. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, s. 26-45.

Ilinskaia, V. A. 1971. *Skifskii period v Dneprovskom Lesostepnom Levoberezhe*: Avtoreferat dissertatsii d. i. n. Moskva.

Karavayko, D. V. 2010. Problema pogrebalnogo obryada yukhnovskoy kultury. *Stratum plus*, 3, s. 237-259.

Karavayko, D. V. 2012. *Pamyatniki yukhnovskoy kultury Novgorod-Severskogo Polesia*. Kiev: IA NANU.

Karavaiko, D. V. 2015. Horodyshcha rannoho zaliznoho viku na Seimi. *Arkheolohia i davnia istoria Ukrainy*, 2 (15): Starozhytnosti rannoho zaliznoho viku, s. 65-76.

Karavayko, D. V. 2017. Issledovaniya gorodishch Putivlskogo Poseymia: itogi i perspektivy. *Arkheolohia i davnia istoria Ukrainy*, 2 (23): Starozhytnosti rannoho zaliznoho viku, s. 279-291.

Karavaiko, D. V., Peliashenko, K. Iu. 2018. Lepnaia posuda pamiatnikov skifskogo vremeni Putivlskogo Poseimia. *Revista Arheologică*, XIV, 2, s. 132-147.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia*, Kiev: Naukova dumka.

Lyapushkin, I. I. 1950. Poseleniya kultury skifov-pakharey. *Sovetskaya arkheologiya*, XII, s. 41-65.

Melnikovskaia, O. N. 1975. Shabalinovskoe gorodishche. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 142, s. 98-103.

Moruzhenko, A. A. 1985. Gorodishcha lesostepnykh plemen Dnepro-Donskogo mezhdurechia VII—III vv. do n. e. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 160-178.

Peliashenko, K. Iu. 2014. *Lipnyi posud naselennia skifskoho chasu Dnipro-Donetskoho Lisostepu*. NA IA NANU, f. 12, 921.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4—5.

Puzikova, A. I. 1981. *Maritskoye gorodishche v Poseymye*. Moskva: Nauka.

Puzikova, A. I. 1997. *Pamyatniki skifskogo vremeni basseyna r. Tuskar (Poseymye)*. Moskva.

D. V. Karavaiko

CLAY BOWLS OF THE SHYRIAIEVO HILLFORT

In the Scythian period, one of the regional features of the monuments in the Seim region was a small number of such tableware as bowls. The materials of the Shyriaievo hillfort in the Middle river Seim valley allow us to look at this issue from another position. So, if for the rest of the Left Bank forest-steppe there is a tendency to decrease the percentage ratio of the bowls from early to late Scythian periods, for the territory of the Seim region — the situation is directly opposite. However, the layer of the 4th century BC with the materials of the forest-steppe shapes there is only on the one hillfort — Shyriaievo, which does not allow extrapolating the conclusions to the whole region. It is not excluded that the population that left the upper horizon of the monument is alien. The question of migration from the south of the Sula River Group population to the Seim region, according to the materials of the hillfort Shyriaievo, remains open.

Keywords: Putyvl's am Seym region, Scythian time, Shyriaievo hillfort, clay bowls.

Одержано 1.03.2019.

КАРАВАЙКО Дмитро Володимирович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *dmytro.karavaiko@gmail.com*.

KARAVAIKO Dmytro V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *dmytro.karavaiko@gmail.com*.

УДК: 904.5(477.65)”638”

І. А. Козир, К. І. Панченко, О. В. Чорний

ВАСИНСЬКИЙ КУРГАН СЕРЕДНЬОСКІФСЬКОГО ЧАСУ

У статті подаються результати дослідження кургану середньоскіфського часу біля с. Васине Знам’янського р-ну Кіровоградської обл. Пам’ятка вирізняється особливим типом наземної дерев’яної поховальної споруди, яка добре збереглася. В науковий обіг вводиться нова знахідка кам’яної антропоморфної стели.

Ключові слова: *курган, середньоскіфський час, наземна гробниця, антропоморфна стела, тризна.*

Навесні 2017 р. під час глибокої оранки у насипу кургану біля с. Васиного Знам’янського р-ну Кіровоградської обл. була виявлена верхня частина скіфської кам’яної антропоморфної стели з рельєфними зображеннями та свіжим зламом [1]. На поверхні стели, особливо на її лицьовій частині, добре помітні пошкодження, заподіяні плугом.

Курган досліджений археологічною експедицією Центральноукраїнського державного педагогічного університету у серпні—вересні 2017 р. Фінансування робіт здійснювала Мошоринська сільська рада Знам’янського р-ну за сприяння Кіровоградської обласної державної адміністрації.

Курган 33 входив до групи VIII та знаходився у верхів’ї річки Бешки (на правому березі її правої притоки — річки Троньки: Кривульченко 2011, с. 146, 245)), правої притоки Інгульця у його верхній течії. Висота кургану — 1,7 м над рівнем сучасної поверхні, діаметр — 48 м. Поверхня кургану тривалий час розорювалась, його насип розтягнутий, має сегментоподібну форму. На вершині насипу, в місці знахідки частини кам’яної стели, виявились залишки перепаленого та зотлілого дерева. Насип кургану був значно пошкоджений під час Другої світової війни. В процесі розкопок у північному секторі кургану виявлені значні сліди руйнувань: бліндаж, окопи, ділянки перемішаного ґрунту від влучання снарядів. Знайдені артилерійський снаряд, граната, гільзи від куль, залишки рації та залізних предметів, дріт, металевий посуд, шматки руберойду, залишки дерев’яних ящиків тощо. Також на глибині 0,2 м від поверхні кургану було виявлено поруйновану нижню частину кістяка. Стан кісток дозволяє віднести його до періоду Другої світової війни.

Основне скіфське поховання здійснене на поверхні древнього горизонту, яка була ретельно очищена від дернового шару. Складна дерев’яна поховальна споруда була частково обпалена, але добре збереглася, що дозволяє достатньо повно реконструювати її архітектуру та зовнішній вигляд. У центрі поховальної конструкції знаходилась наземна дерев’яна гробниця квадратної форми, орієнтована за сторонами світу з невеликим відхиленням. Її розміри у придонній частині становили 5,5 × 5,5 м (рис. 5). За рахунок руйнування стовпових опор стіни гробниці у верхній частині зазнали деформації та похилились досередини. Тут розміри гробниці становили 5,25 × 5,4 м.

Каркас гробниці був збудований з дерев’яних брусів підквадратної форми товщиною 0,15—0,2 м. Бруси виготовлені з колод шляхом підтесування чотирьох граней для забезпечення

1. Про знахідку до Центральноукраїнського державного педагогічного університету повідомила вчитель історії Мошоринської ЗОШ Знам’янського р-ну Н. С. Демешко. Артефакт був фактично врятований завдяки співпраці археологічної лабораторії ЦДПУ та СБУ в Кіровоградській обл. за сприяння департаменту культури Кіровоградської ОДА.

© І. А. КОЗИР, К. І. ПАНЧЕНКО, О. В. ЧОРНИЙ, 2019

щільності прилягання. На багатьох брусах кути між гранями залишились необробленими і зберегли округлу форму. Несучі конструкції — 10 дерев'яних стовпів, вкопаних вертикально по центру, кутках та вздовж стінок гробниці. Стовпи округлі в перерізі, мають діаметр від 17 до 28 см, заглиблені на 0,5—1 м від рівня древньої поверхні. Стан збереженості опорних стовпів різний: центральний стовп та стовпи, розташовані під південною і північною стінкою каркасу, зруйнувались повністю до дна гробниці, а інші збереглися на висоту 0,16—0,73 м.

Стіни гробниці були виведені вертикально впритул до опорних стовпів, по кутках були покладені в стик. Західна стіна збереглася на висоту 1,3 м (п'ять повних рядів брусів), південна та східна — 1 м, північна — 0,9 м (по чотири ряди брусів). Перекриття не збереглося, але його залишки прослідковано у стратиграфії заповнення гробниці та в окремих місцях на її стінах. Зафіксовані фрагменти брусів шириною 0,2—0,3 м, товщиною 0,12—0,15 м та фрагменти поперечних балок. Судячи з їх розміщення у заповненні гробниці, поперечні балки (щонайменше — 3) були покладені на стовпах із заходу на схід, а вже на них з півночі на південь — суцільне плоске перекриття із обструганих прямокутних брусів.

Навколо квадратної гробниці, впритул до її стінок, була зведена складна дерев'яна конструкція із кількох горизонтальних шарів колод. Вони розміщувались за чіткою системою: перпендикулярно до стінок гробниці та радіально на її кутах. Нижній ярус викладений із цільних стовбурів дерев, діаметром 30—40 см, довжиною 3,2—4 м, на яких у багатьох місцях збереглися залишки кори та, подекуди, обрубки гілок. Кожен наступний ярус укладався із коротших стовбурів або колод меншого діаметру у шаховому порядку, тож шари дерева східчасто звужувалась до вершини. Таким чином, плоске перекриття гробниці, разом із прилягаючою кладкою колод та їх сегментів, утворили своєрідну «піраміду», загальним діаметром 12,5—13 м (рис. 3, 4). Висота «піраміди», що збереглася: у західному секторі — 1,3—1,4 м, з півдня та сходу — 1 м, з півночі — 0,9 м. Всі ці стоси дров штабелювалися дуже щільно, а у верхній частині конструкції для заповнення об'єму використовувались розколоті поліна (рис. 7). В окремих місцях для укріплення кладки вкопувались вертикальні підпорні стовпчики, або укладались поперечні відрізки колод. Разом з тим, у західному та південно-східному профілі «піраміди» на рівні другого — третього ярусу колод зафіксовані штучні пустоти, утворені особливим способом кладки, коли колоди нижнього ярусу накладались на краї колод верхнього ярусу. Фактично, це були своєрідні канали, які проходили всередині дерев'яної споруди та охоплювали її зі сходу та заходу. Про їх призначення буде йтися нижче. Для спорудження описаної пірамідальної конструкції був використаний дуб (*Quercus* sp.) [1].

Навколо «піраміди» на рівні давнього горизонту був виявлений дерев'яний настил товщиною 5—7 см, шириною 2,2—3,8 м. Таким чином, загальний діаметр дерев'яної конструкції (гробниця з «пірамідою» та настил) становив близько 19 м. У кількох місцях по краю настилу збереглися залишки дерев'яних вертикальних стовпчиків, діаметром 10—15 см. У західному секторі настилу виділяється випуклий сегмент, який виходить за межі його діаметру. Тут зафіксовані фрагменти дерев'яних колод, розміщених горизонтально, та ще один вертикальний стовпчик, розміщений не по краю настилу, а ближче до його центру. Вірогідно, що подібний виступаючий сегмент був облаштований і на протилежному боці настилу із східної сторони, про що свідчать окремі деталі: верти-

1. Автори щиро вдячні старшому науковому співробітнику ІА НАНУ М. С. Сергєєвій за проведену експертизу деревини та надані висновки.

Рис. 1. Курган 33 біля с. Васиного в процесі розкопок

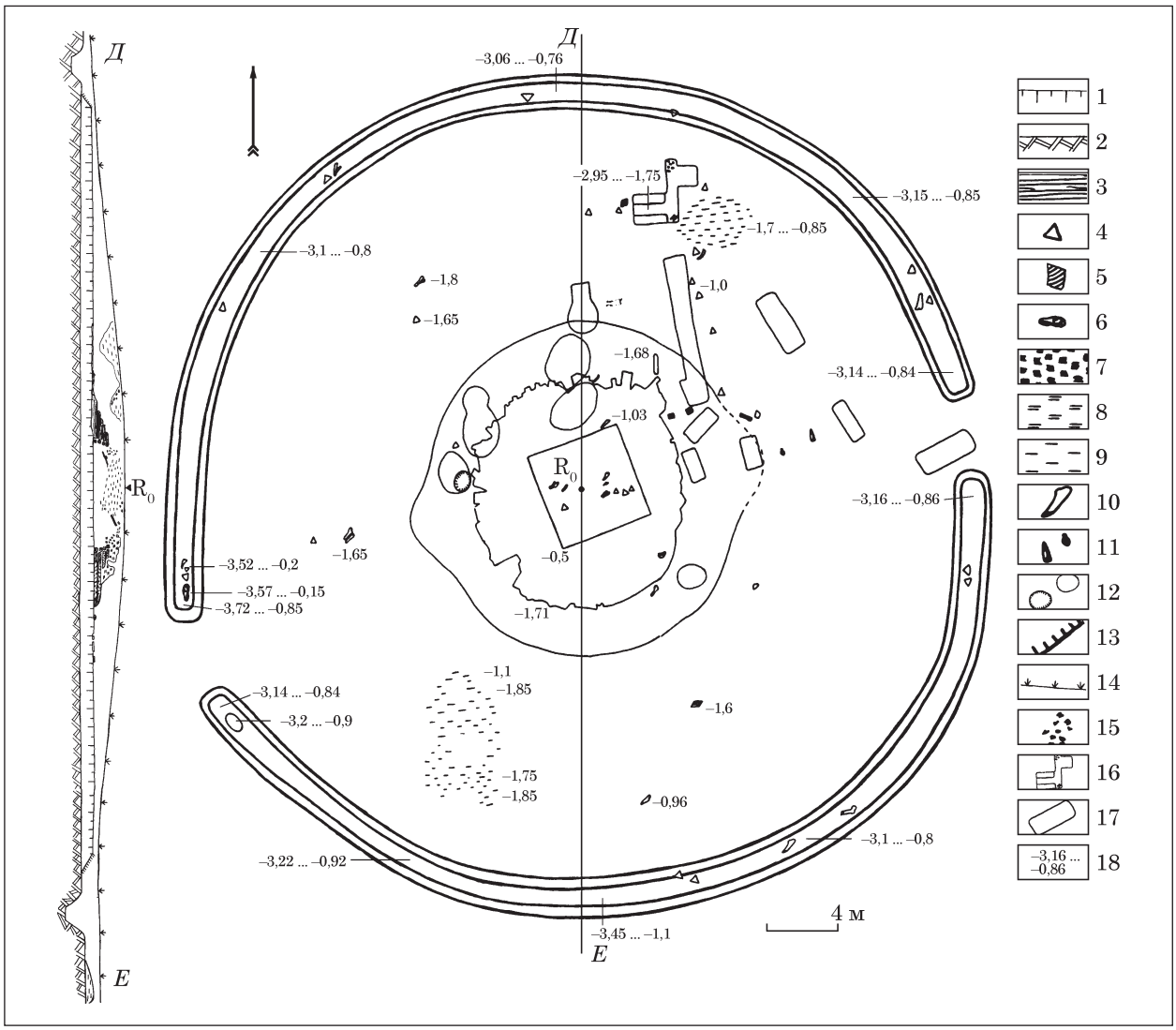

Рис. 2. Загальний план та розріз кургану 33 біля с. Васиного. **Умовні позначни**: 1 — давній горизонт; 2 — материковий суглинок; 3 — зотліле дерево; 4 — фрагменти амфор; 5 — фрагменти ліпних посудин; 6 — череп коня; 7 — горіле дерево; 8 — обпалена глина; 9 — необпалена глина; 10 — кістки тварин; 11 — боєприпаси часів Другої світової війни; 12 — сліди вирв часів Другої світової війни; 13 — межі прикурганної виїмки; 14 — сучасна поверхня; 15 — деревне вугілля; 16 — бліндаж часів Другої світової війни; 17 — окоп часів Другої світової війни; 18 — глибини рову подані від R_0 та рівня материкового суглинку

кальні стовпчики, у тому числі один, розміщений ближче до середини настилу, залишки горизонтального фрагменту колоди. А але ця ділянка була зруйнована окопом часу Другої світової війни, тому реконструювати її достовірно неможливо.

Дерев'яна конструкція була частково спалена. Значно обвугленими виявились південний, південно-західний та південно-східний сектори «піраміди», в окремих місцях сліди вогню зафіксовані на стінках та перекритті гробниці. У зазначених секторах над обвугленою конструкцією виявлений шар глини, яка теж підпала під дію вогню та пропеклася (рис. 8). Цікаво, що товщина глиняної обкладки є нерівномірною. Так, на схилах «піраміди» з боку південної стінки гробниці шар глини не перевищував 15—20 см, а навколо південно-західного і південно-східного кута гробниці він був доволі потужним, до 1,0 мзавтовшки. У профілі центральної бровки було помітно, що шар глини заходив і на перекриття гробниці з південної сторони, де частково пропікся, а частково обвалився всередину гробниці не пропеченим разом із перекриттям. Крім того, на схилі «піраміди» у її південно-західному куті на поверхні глиняної вимостки чітко помітні округлі плями, діаметром 0,25—0,3 м, заповнені вуглинками від перепаленого дерева, навколо якого зафіксоване кільце білуватого попелу. Описане заповнення заглиблюється крізь шар глини до обпаленого дерева під нею. Можна припустити, що ці плями є залишками продухів, які вели вглиб кладки до місця підпалу конструкції. Саме ця ділянка має сліди інтенсивного горіння, яке поширювалося вздовж західного сектору «піраміди» по штучним пустотам-каналам, що призвело до провалу її верхівки біля

Рис. 3. Залишки дерев'яної поховальної конструкції у кургані 33 біля с. Васиного

західної стінки гробниці, розмірами 1,4 × 2,3 м на глибину 0,6—0,7 м від первинної висоти «піраміди». Біля протилежного, північно-східного кута «піраміди» також прослідковується провал, навколо якого кладка добре обгоріла. В районі південно-східного кута «піраміди» також зафіксована висока інтенсивність горіння, смуга пропаленого дерева йде вздовж східної стінки гробниці також по штучним пустотам у дерев'яній кладці. В нижній частині схилу в цьому місці також помітні плями попелу 0,25 × 0,4 м, 0,2 × 0,3 м. Імовірно, тут теж були продухи, які малопомітні у зв'язку із більшим обгоранням цього сектору.

Очевидно, що описана ситуація з особливостями спалення гробниці могла скластися в результаті цілеспрямованих дій будівничих кургану. Виходячи з того, що дерев'яна споруда не згоріла повністю, а зазнала обвуглення у конкретних секторах «піраміди», а також у багатьох місцях шари колод обвуглились наскрізь, але зберегли свою цілісність, то можна впевнено говорити, що вся підготовча робота із спорудження «піраміди» навколо дерев'яної гробниці була необхідною для реалізації особливої технології обпалення дерев'яної конструкції — горіння без доступу повітря. Це добре відома в сучасному лісохімічному виробництві техніка піролізу (Гордон, Скворцов, Лисов 1988), яка мала витоки ще з часів Русі та використовувалась для виготовлення деревного вугілля та смолокуріння. Очевидно, що будівничі Васинського кургану, споруджуючи дерев'яну «піраміду», заздалегідь обладнали у ній по південних кутках своєрідні топки (тут зафіксована найвища інтенсивність горіння), від яких йшли канали у товщу дерев'яної кладки вздовж західної та східної стінок гробниці. Також над місцями первинних кострищ у південному секторі «піраміди» була здійснена додаткова обкладка шаром глини.

Враховуючи все вищесказане, можна припустити, що підпал «піраміди» був здійснений після того, як вся дерев'яна конструкція була перекрита достатньо потужним шаром ґрунту, який перекрив доступ повітря. І лише в місцях умовних топок на південних кутах «піраміди» через продухи надходило повітря, аж поки вогонь добре не розгорівся. Для забезпечення тяги був необхідний і відвідний канал. Вірогідно, що він міг бути обладнаний біля північно-східного кута «піраміди», де простежений провал у дерев'яній кладці, оточений ділянкою обгорілого дерева. Після цього відкриті ділянки також були засипані. Лише за таких умов дерево у конструкції пропеклося наскрізь, а його структура повністю збереглася.

Курганний насип над дерев'яною конструкцією складався з однорідного чорнозему, який брався безпосередньо поруч з майбутнім курганом. Лише в окремих місцях на краю насипу траплялися суглинисті включення. У профілях бровок добре помітні внутрішні межі прикурганних виїмок по всьому периметру кургану.

Курган був оточений кільцевим ровом з двома перемичками у західному та східному секторах. Відстань між перемичками — 3,8 м у західному секторі та 4,2 м — у східному. Описані вище виступаючі сегменти дерев'яного настилу з вертикальними стовпами орієнтовані на перемички. Складається враження про певну ком-

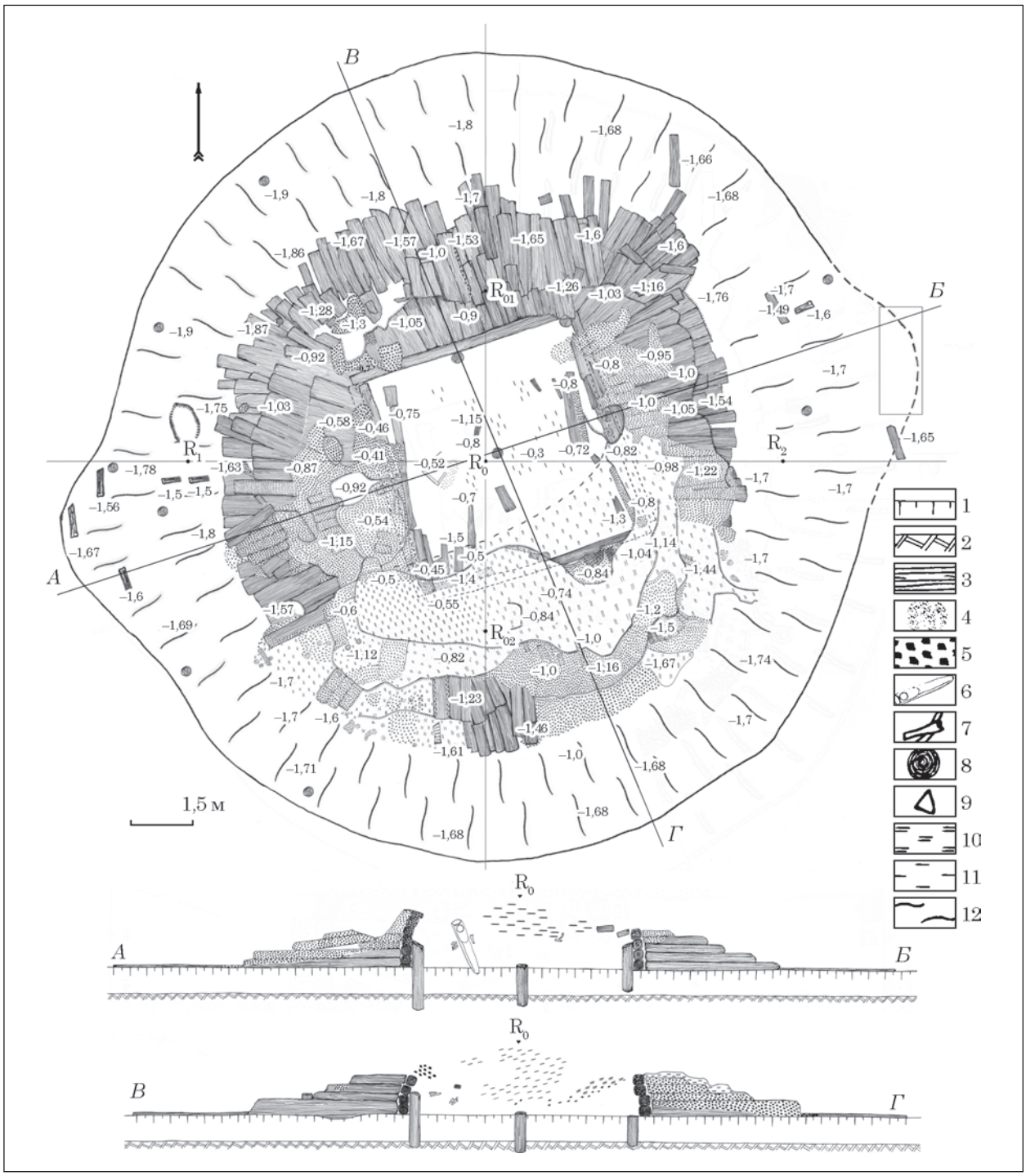

Рис. 4. Загальний план та розріз дерев'яної поховальної конструкції у кургані 33 біля с. Васиного. **Умовні позначни**: 1 — давній горизонт; 2 — материковий суглинок; 3 — зотліле дерево; 4 — попіл; 5 — горіле дерево; 6 — кам'на стела; 7 — кістки тварин; 8 — дерев'яний стовбчик; 9 — кераміка; 10 — обпалена глина; 11 — необпалена глина; 12 — дерев'яний настил

позиційну єдність цих елементів, які символізували прохід до поховального простору. Рів зафіксований на рівні материкового суглинку. Враховуючи наявність прикурганних виїмок, можна припустити, що і викопувався він після зняття верхнього чорноземного шару. Ширина рову 1,6—2,5 м, глибина 0,8—1,1 м, у перерізі він має трапеціеподібну форму, дно сплощене, стінки ввігнуті, рідше — прямі. Ширина та глибина рову, форма його стінок відрізняються на окремих ділянках. Так з півдня рів має найбільшу ширину (2,5 м) та глибину (1,1 м). На півночі він вужчий та мілкіший (2,1 та 0,8 м відповідно). У південно-східному та південно-західному секторі ширина рову становить всього 1,6 та 1,7 м.

Поховання супроводжувалось тризною, залишки якої (кістки тварин, фрагменти амфор та ліпного посуду) виявлені під час розкопок у на-

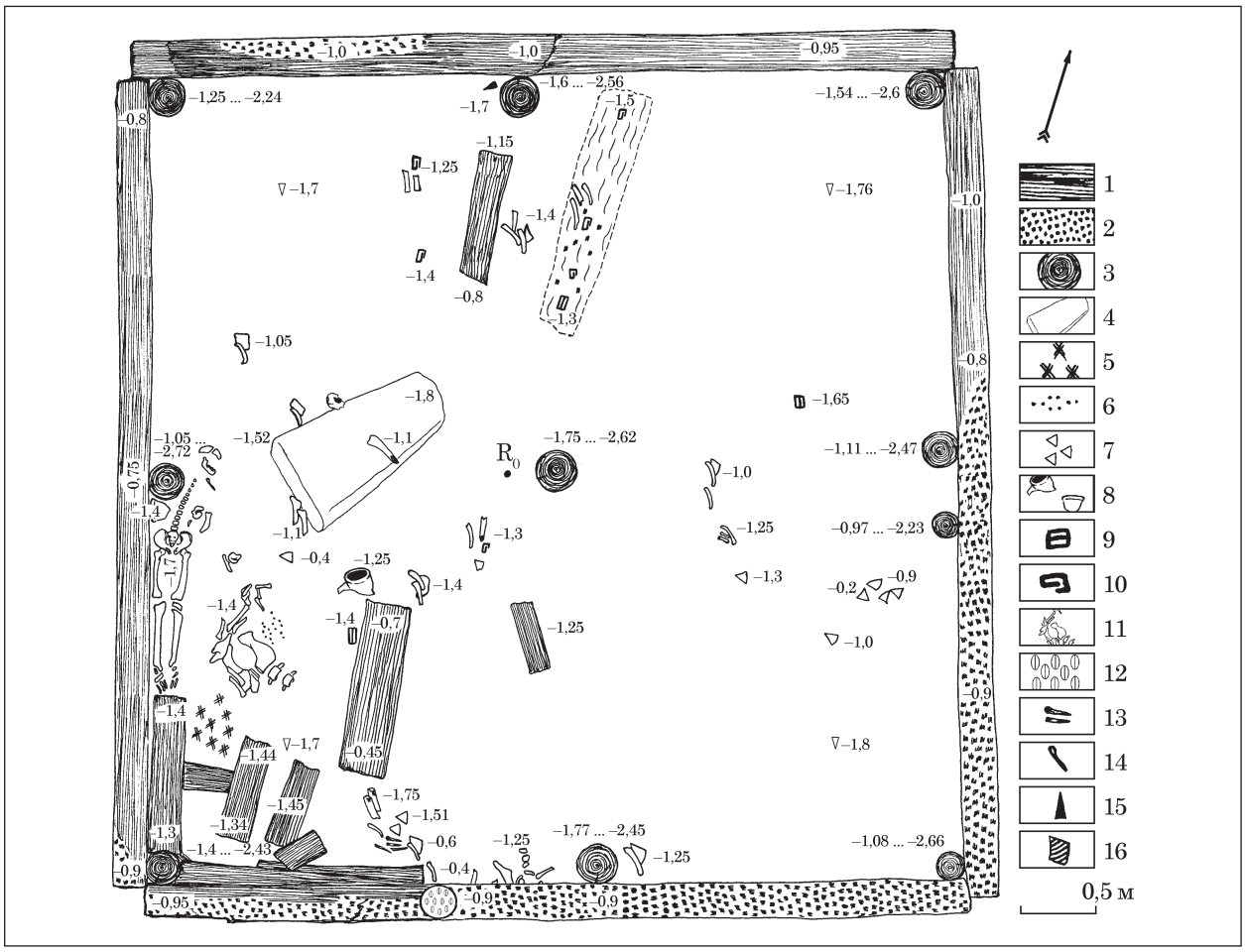

Рис. 5. План гробниці з кургану 33 біля с. Васиного. **Умовні позначни**: 1 — зотліле дерево; 2 — горіле дерево; 3 — дерев'яний стовбчик; 4 — кам'яна стела; 5 — залишки циновки; 6 — залишки трав'яної підстилки; 7 — фрагменти амфор; 8 — фрагменти горловин пухлогорлих амфор; 9 — залізна скоба; 10 — бронзова скоба; 11 — кістки коня; 12 — зерна проса; 13 — зуби коня; 14 — кістяна проколка; 15 — бронзовий наконечник стріли; 16 — фрагменти ліпних посудин

сипу кургану на різних глибинах, у рову, в заповненні дерев'яної гробниці. Рів містив дуже мало залишків тризни. Фрагменти амфор та кістки тварин також знайдені тут на різних глибинах, що свідчить про їх потрапляння у рів в процесі його природнього поступового заповнення ґрунтом з поверхні кургану. Наприклад, череп коня з північного боку західної перемички знаходився на глибині 15 см від верхнього зрізу рову. На дні рову знахідок не виявлено, але з південного боку західної перемички на дні зафіксована заглибина правильної овальної форми, розмірами 0,6 × 1,2 м, дно її знаходилось нижче дна рову на 5—6 см. Її призначення невідоме.

Значна кількість залишків тризни сконцентрована у центральній частині кургану в межах квадратної гробниці. В її заповненні траплялися фрагменти античних амфор, у тому числі — пухлогорлих хіоських, дрібні уламки тонкостінної посудини в чорнофігурному стилі, кістки тварин, які провалилися всередину гробниці разом із дерев'яним перекриттям. На глибині 1,25—1,5 м знайдені залишки дерев'яних підносів (щонайменше — двоє) з жертовною їжею та бронзові й залізні скоби від них. Ці підноси спочатку були покладені на перекриття гробниці, оскільки під прошарком зотлілого дерева, на якому виявлені кістки тварини, чітко зафіксовані сліди обвуглення. У південно-західному секторі гробниці, на різних глибинах (від 0,4 до 1,4 м), виявлені кістки від туші коня. В районі його тазових кісток прослідковано рештки підстилки з трави. Очевидно, кінь також був покладений на трав'яній підстилці на перекриття гробниці, а потім разом з ним опустився всередину її каркасу.

Поряд з кістками коня в районі південної стінки дерев'яної гробниці, на глибині 0,9 м, були виявлені залишки зерен проса, які лежали компактною купкою. Верхній дерев'яний брус, поряд з яким знайдені зерна, був частково обпалений, а частково зотлів. За визначення С. А. Горбаненка, збереглися лише «муміфіковані» плівки від зерен проса. Такі знахідки не занадто часто зустрічаються. Зазвичай матеріал зберігається завдяки обгоранню. Це ще раз вказує на те, що обпалення конструкції створило сприятливі умови «зберігання» ор-

Рис. 6. Профіль дерев'яної «піраміди». Західний сектор

Рис. 7. Структура кладки дерев'яної «піраміди»

ганічних решток. Втім, цих умов виявилось недостатньо, щоб збереглося саме зерно. Останнє руйнується під дією зовнішніх впливів набагато швидше. Знахідка лусочок означає, що просо не було обрушене і відповідно не було підготовлене для вживання у їжу людиною [1].

В межах гробниці, ближче до її західної стінки, була виявлена нижня частина антропоморфної стели, яка, очевидно, провалилася в результаті природньої руйнації дерев'яного перекриття.

Поховання було вщент пограбоване в давнину, вірогідно, через пролом у перекритті гробниці. Кістяк померлого, як і поховальний інвентар, відсутні. Під західною стінкою гробниці знаходився частково поруйнований кістяк служника, поряд з яким знайдена проколка із грифельної кістки коня з обламаним кінцем. В окремих місцях у південно-західному секторі гробниці був зафіксований тлін від підстилки (циновка?). На дні гробниці, на рівні древнього горизонту, впритул до її північної стінки, поряд із опорним стовпом виявлений бронзовий трилопатевий наконечник стріли — єдиний предмет із супроводжуючого інвентарю, який залишився після пограбування. Відсутність кістяка та поховального інвентарю може свідчити про незначний проміжок часу між похованням та пограбуванням могили.

Кількісний перелік знахідок з Васинського кургану виглядає досить скромно, проте навіть те, що залишилось після пограбування могили, є достатньо інформативним для визначення дати пам'ятки.

1. Автори висловлюють щиру подяку старшому науковому співробітнику ІА НАНУ С. А. Горбаненку за проведену експертизу залишків зерна та надані висновки.

Рис. 8. Глиняна вимостка у південно-західному секторі кургану

Безперечно, найцікавішим та найзначимішим артефактом є кам'яна антропоморфна стела (рис. 9). Скульптура виготовлена з місцевого сірого граніту методом тесання, гравірування та шліфовки. Стела, висотою 2,65 м, являє собою масивне зображення воїна, що стоїть. Нижній край стели — шип був виділений уступом та незначно звужений донизу. Залишків бази чи будь-яких інших пристосувань для умонтування скульптури на місці знахідки не виявлено. Очевидно, вона була вкопана на вершині кургану, а після руйнування дерев'яного перекриття під своєю вагою опустилася всередину гробниці.

За морфологічним типом стела належить до антропоморфних плоских скульптур з достатньо реалістичним зображенням. Виділяються рельєфно змодельовані обличчя, плечі, руки, а також окремі деталі. Голова округлої форми з виділеним підборіддям. На обличчі позначені очі, довгий прямий ніс та рот. Голова плавно переходить у шию, на якій зображені дві гривни, одна з них пряма, інша — вита. Права рука випрямлена та притиснута до тулуба, ліва — зігнута в ліктях тримає попереду грудей ритон. На грудях позначені елементи захисного обладунку (?) у вигляді двох симетрично розташованих округлих блях. У нижній частині тулуба зображений пояс, до якого спереду прикріплені у районі лівого стегна меч та точильний брусок, а в районі правого — нагайка. Також нижче пояса позначений фал. На лівому боці стели рельєфно виступає закріплений на поясі горит, прикрашений округлою умбоноподібною бляхою.

Комплект речей на стелі характерний для зображень рубежу VI—V ст. до н. е. Окремі предмети викликають особливий інтерес. Довгий меч з брускоподібним навершям та «ниркоподібним» перехрестям, зображений в піхвах та прикріплений до поясу за допомогою видовженої лопаті. Такі мечі характерні для наборів озброєння другої половини VI ст. до н. е. Проте з'являються вони ще у другій половині VII ст. до н. е. (Мелюкова 1964, с. 47) Елемент кріплення піхов меча до поясу нагадує схожі елементи з комплексів келермеського часу (Мелюкова 1964, т. 17).

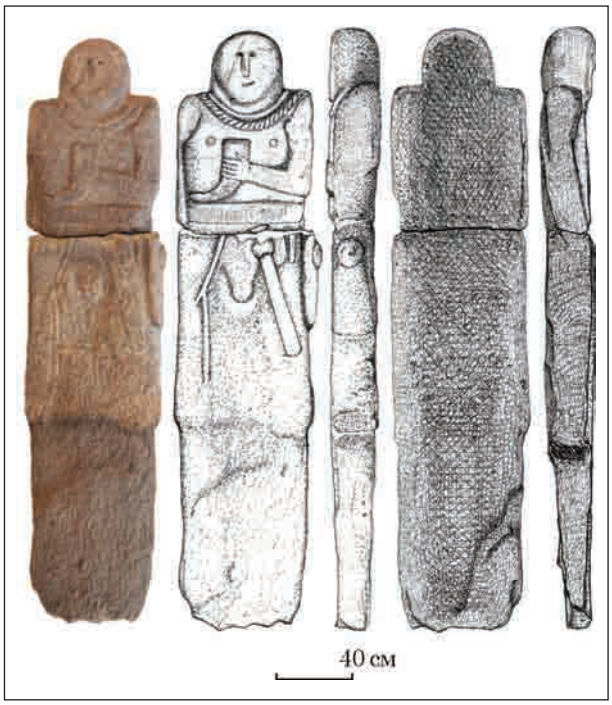

Рис. 9. Кам'яна антропоморфна стела з кургану 33 біля с. Васиного

Зображення елементів захисного обладунку на грудях у вигляді двох симетричних напісфер зафіксоване на трьох стелах з Північного Причорномор'я — Білоцерківка (перша половина VI ст. до н. е.) (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 30, с. 139, илл. 51), Виноградівка (друга половина VI — початок V ст. до н. е.) (Ольховс-

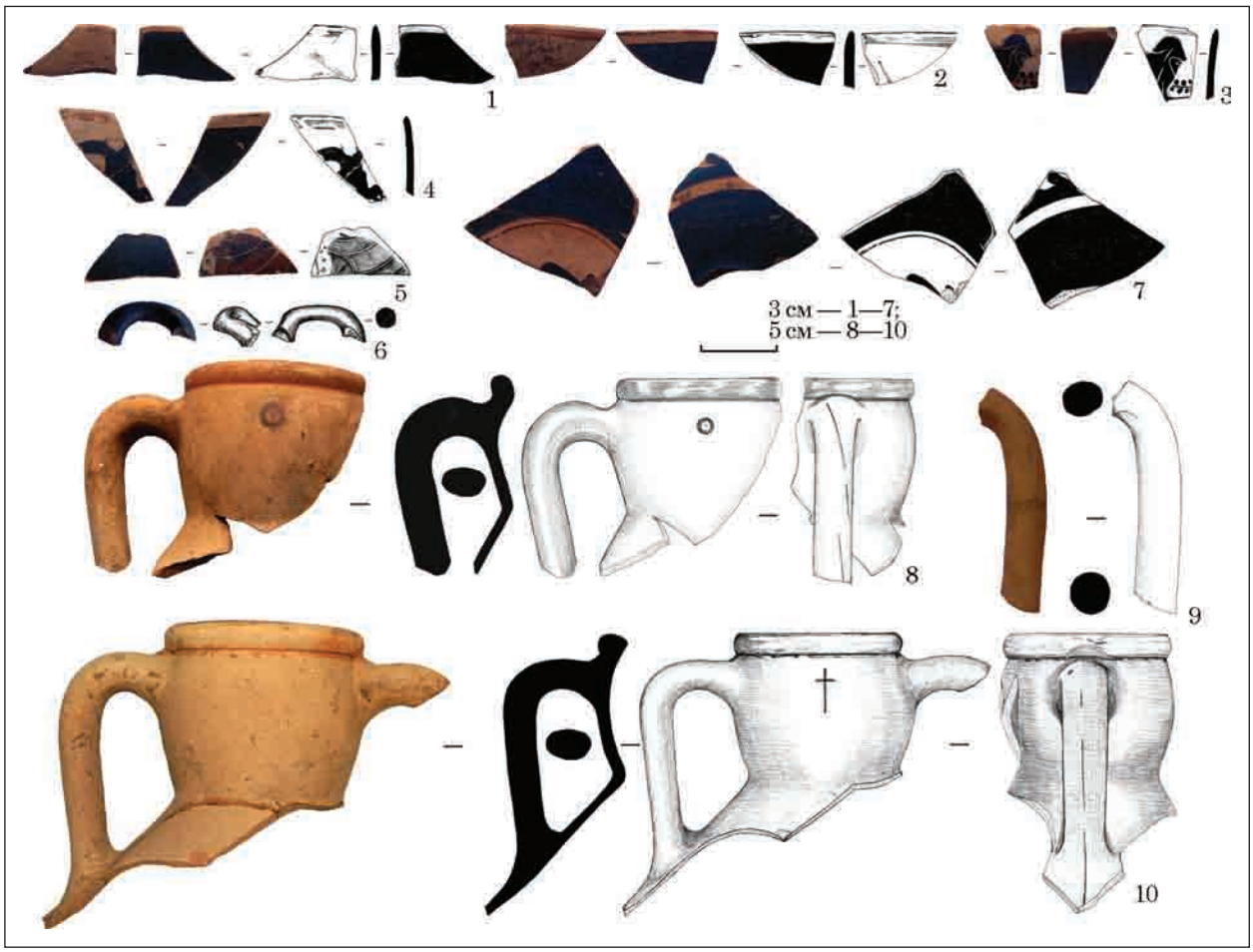

Рис. 10. Антична кераміка з кургану 33 біля с. Васиного: 1—7 — фрагменти чорнофігурного кіліка; 8—10 — фрагменти хіоських амфор

кий, Евдокимов 1994, с. 18, с. 94, илл. 6), Сібіоара (перша половина VI ст. до н. е.) (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 17, с. 89, илл. 1). Ще дві стели із зображеннями цих елементів знайдені на Кавказі — Замни-Юарт (VI ст. до н. е.) (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 37; с. 171, илл. 83) та Ворворовсколіська (кінець VII — початок VI ст. до н. е.) (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 35, с. 126, илл. 76). Припускається, що такі ж сферичні бляхи у скіфський час могли нашиватись на шкіряний панцир для додаткового захисту воїна (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 72; Черненко 1968, с. 17—18).

Досить цікавим є і зображення округлої умбоноподібної бляхи на гориті. Прикрашення горитів подібними бляхами зафіксоване на Уралі у похованнях другої половини V—IV ст. до н. е. з кургану 4 Філіповського могильника (Яблонский 2009, с. 419, 421; Яблонский 2008, с. 202). На думку В. С. Ольховського, умбоноподібні бляхи усічено-конічної та округлої форми є характерною рисою горитів V—IV ст. до н. е. В свою чергу, час появи цих блях дослідник визначав рубежем VI—V ст. до н. е. (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 73). Найбільш близькою аналогією є зображення схожої бляхи на стелі з фондів Кіровоградського обласного краєзнавчого музею (місце знахідки точно не відоме), яка датується другою половиною VI — початком V ст. до н. е. На жаль, голова статуї відбита. Варто зазначити, що наведена аналогія є досить близькою за іконографією в цілому. Так, ритон зображений у лівій руці, присутні дві гривни, пояс та нагайка, виділені чоловічі ознаки, зате відсутній точильний брусок. Набір речей на стелі з Кіровоградського обласного краєзнавчого музею ще доповнений мечем на правому боці, а сам воїн зображений одягненим у кафтан, на спині позначена довга коса (Бокий, Могилов 2014, рис. 16; Горбул, Бокий 1987, с. 49; Ольховский, Евдокимов 1994, илл. 43).

Також близькою до васинської за іконографією є стела з кургану біля с. Медерове (Бокий 1974, рис. 2). Статуя має схожий набір речей — дві гривни, ритон, пояс, два мечі, сагайдак та зображення фала. Дуже подібними є і риси обличчя обох стел, зокрема, близько посаджені очі. Проте, голова медерівської статуї більш округлої форми, ніби «втоплена» у плечі, шия не виділена, кінчик носа та рот знаходяться нижче рівня плечей. Обидві гривни, що прикрашають шию, гладкі. На грудях відсутні округлі бляшки. Більш вузький пояс чітко простежується лише місцями. Руки складені в іншій

позиції — права тримає ритон, а ліва покладена на живіт. В наборі воїна відсутні нагайка та точильний брусок, натомість на правому боці позначений додатковий меч. Мечі на статуї з Медеревого мають волютоподібне навершшя та ниркоподібне перехрестя.

Важливим є той факт, що обидві аналогії є і територіально наближеними до нашої стели. Так с. Медерове знаходиться за 5 км від с. Васиного, а стела з Кіровоградського обласного краєзнавчого музею тривалий час інтерпретувалась як знайдена у Мельгуновському кургані (Горбул, Бокий 1987, с. 48), отже, може походити із цього ж Знам'янського р-ну.

Сукупність зображених на стелі предметів дозволяє визначити час її створення рубежем VI—V ст. до н. е. Не заперечують цю дату іконографічні та морфологічні ознаки скіфських скульптурних зображень цього часу (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 46—60).

Знахідки хіоських амфор представлені уламками стінок та горловин з фрагментами ручок (рис. 10: 8—10). Всі посудини були виготовлені зі світлої глини, тісто добре відмулене з дрібно перетертими домішками вапна та слюди. Випал рівномірний, в окремих місцях зламів на потовщенні стінок та на зламі ручок центральна частина черепка світліша.

Посудини мають злегка пухле горло, що плавно переходить в плічки. Вінця амфор оформлені у вигляді валиків. Їх зовнішня та внутрішня поверхні прикрашені червоною або коричневою фарбою. На трьох горловинах від амфор такою ж фарбою були позначені діпінті (два у формі кільця, один — хреста [1]). Ручки посудин округлі в перетині, по їх центру тією ж фарбою нанесені прямі лінії. Також орнамент у вигляді тонких вертикальних та горизонтальних смуг, нанесений червоною фарбою, зберігся на одній зі стінок амфори.

Посудини належать до хіоських амфор типу III (пухлогорлі), ранньопухлогорлого варіанту III-А, за класифікацією С. Ю. Монахова. Подібні амфори з'являються у Північному Причорномор'ї в останній третині VI ст. до н. е. та побутують тут до першої чверті V ст. до н. е. Більш пізні амфори цього варіанту мають видовженіші пропорції горловин (Монахов 2003, с. 16—17). Аналогії амфорам, знайденим у кургані біля с. Васине, походять з комплексу тризни трупоспалення на ділянці Д-2 ґрунтового некрополя Німфея (Монахов 1999, с. 57; с. 59, табл. 9: 1—4), будівельного комплексу XXXIII з Тірітаки (Зінько 2012, с. 43; с. 42, табл. 12), напівземлянки 15 з Ольвійського передмістя біля західних воріт (Буйских, Форнас'є, Кузміщев 2018, с. 148, с. 149, рис. 2: 2) та Мотронинського городища (Бессонова, Скорый 2001, с. 78, рис. 51: 3).

Знайдені фрагменти аттичного чорнофігурного кіліка: вінця, стінки та ручка посудини (рис. 10: 1—7). В окремих місцях на зовнішній та внутрішній поверхнях зберігся орнамент, виконаний у чорнофігурному стилі — зображення голови чоловіка з бородою, частини тіла людини з руками та паростки виноградних лоз. На жаль, неможливо відтворити цілісну композицію. Кілік належить до виробів майстрів групи «Leafless Groupe» [2] та датується в межах 500—480 рр. до н. е. (Beazley 1956, с. 632—653; Boardman 1974, с. 150—151; Kratzmüller 2001). Схожі елементи зображень містять сюжети на чашах з Афін (Barow 1980, t. 31: 1—4; 32: 1—4; Beazley 1956, pl. 642: 139; 716: 66; Freyer-Schanenburg 1988, t. 27: 5).

Цікавою є знахідка бронзових скоб прямокутної форми, розмірами 3,7 × 2,3 см — 5,2 × 3,5 см з кінцями, що заходять один за інший (рис. 11: 2—3). Всі вони були розчищені поряд із залишками дерев'яних підносів із жертовною їжею (див. опис місця знахідки вище). На окремих із них збереглися сліди дерева. Точних аналогій цим скобам серед скіфських матеріалів віднайти не вдалося. В цілому використання саме бронзових скоб для скріплення підносів із жертовною їжею фіксується досить рідко (Бокій, Могилов, Панченко 2013, с. 21). Виявлені в таких випадках скоби мали дещо іншу форму. Так, у похованні 4 кургану 6 на могильнику Мамай-Гора бронзова скоба, що скріплювала дерев'яний піднос, була виготовлена із круглого в перетині дроту (Андрух, Тощев 1999, с. 56, рис. 13: 10).

Залізні скоби з кургану біля с. Васине прямокутної форми мають дещо більші розміри (6,2 × 4,2 см), ніж бронзові (рис. 11: 5). У скіфський час залізні скоби використовували для скріплення частин дерев'яних підносів з жертовною їжею, але, зазвичай, вони були менших розмірів. Найчастіше такі знахідки зустрічалися у похованнях IV ст. до н. е. в степу [3]. Утім, відомі

1. Фарба, якою був нанесений діпінті у формі хреста на одній з горловин амфор, зафіксована лише у польових умовах. Під час камеральної обробки зображення відшарувалось.

2. Автори висловлюють подяку старшому науковому співробітнику Музею археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна С. А. Заднікову за допомогу в атрибуції чорнофігурного кіліка.

3. Такі самі невеликі скоби знайдені поряд із залишками дерев'яних підносів для м'яса в похованнях могильника Мамай-Гора (Андрух, Тощев 1999, с. 15, с. 151, с. 132; 2001, с. 17, с. 36, с. 50; 2004, с. 38), похованнях Світловодського могильника (Бокій, Могилов, Панченко 2013, с. 20; Бокий 1980, с. 101), в кургані 5 біля с. Біленьке (Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с. 182), похованні у катакомбі 2 Двогорбої могили (Привалова, Зарайская, Привалов 1982, с. 168, рис. 16), похованні 1 кургану 4 біля с. Первомаївка (Евдокимов, Фридман 1987, с. 104, рис. 16: 7), кургані 2 біля с. Мар'янівське (Волкобой, Андросов, Лихачев, Мухопад, Шалобудов 1980, с. 37, рис. 10: 15).

Рис. 11. Знахідки з кургану 33 біля с. Васиного: 1 — бронзовий наконечник стріли; 2—3 — бронзові скоби; 4 — кістяна проколка; 5 — залізна скоба

й раніші вироби середньоскіфської доби (Бокий, Могилов, Панченко 2013, с. 21). Їх перелік тепер доповнюють й вироби з Васиного.

Вочевидь, обидва типи скоб, знайдені у Васинському кургані, були призначені для скріплення окремих частин дерев'яних підносів з жертовною їжею.

Кістяна проколка, знайдена біля кістяка служника, виготовлена з грифельної кістки коня із загостреним тоншим краєм, який обламався (рис. 11: 4). Розміри: довжина — 11,6 см, перетин — 0,4—2,1 см. Подібні вироби найчастіше зустрічаються на поселеннях скіфського часу, проте відомі їх знахідки і в поховальних комплексах. Їх виготовляли з променевих кісток дрібної рогатої худоби, грифельних кісток коня, або пташиних кісток. При цьому кістка не оброблялась повністю, а лише загострювався один з її кінців. На Правобережжі проколки з грифельних кісток коня знайдені на Мотронинському городищі (Бессонова, Скорый 2001, с. 104—105, рис. 70: 1—2), у похованні ранньоскіфського часу з кургану 346 біля с. Текліно (Илльинская 1975, с. 113, табл. XXV: 12, 14, 15). Відомі такі вироби на пам'ятках в басейнах Сіверського Дінця (Гречко 2010, с. 94, с. 240, рис. 93: 3) та Дону (Либеров 1965, табл. 15: 24, 29).

Бронзовий наконечник стріли належить до так званого базисного типу (рис. 11: 1). Він трилопатевий з прихованою втулкою, висота — 1,4 см, ширина основи — 1,3 см, маса — 1 грам. На одній із сторін між лопатями — отвір видовженої підовальної форми. Такі наконечники з'являються ще у «змішаних» комплексах другої половини VI ст. до н. е., що містять як келермеські, так середньоскіфські вироби (Могилов, Діденко 2009, рис. 7). А в ранніх середньоскіфських похованнях вони чисельно домінують (Полін 1987, рис. 4). У степовому регіоні, зокрема, такі ж стріли знайдені у похованні 1 кургану 6 у біля с. Олескандрівка VI—V ст. до н. е. (Ковалева, Мухопад 1982, с. 95, рис. 4: е), у кургані біля с. Новокиївка V ст. до н. е. (Евдокимов, Мурзин 1984, с. 77, рис. 2: 6). У лісостепу на Правобережжі — у похованнях курганів 52 біля с. Ковалі та 467 біля Турії (Петренко 1967, табл. 34: 133—134), поряд з Грищенцями (Галанина 1977, табл. 31: 32). На Лівобережжі — у курганах біля с. Басівки (Ильинская 1968, т. XXVII), № 9 та 478 біля с. Вовківці (Ильинская 1968, т. XXXV: 13, т. XXXIX: 14; Галанина 1977, табл. 23: 26), № 13 в урочищі Стайкин Верх (Ильинская 1968, т. X: 24—25), у курганы 5 Протопопівського могильника (Бабенко 2007, с. 35, рис. 2: 30) та у похованні 1 кургану 1/2013 могильника Скоробор (Шрамко 2016, с. 272, рис. 1).

Таким чином, знахідки з Васинського кургану мають численні аналогії у комплексах початку середньоскіфського етапу. Але щось подібного до обпаленої дерев'яної поховальної конструкції у формі «піраміди» навколо наземної гробниці до сих пір виявлено не було. Узагалі тип наземних дерев'яних каркасних гробниць належить до рідкісних поховальних споруд скіфського часу. Переважно, вони зберігаються у досить поруйнованому стані внаслідок використання в поховальному обряді вогню. У регіоні дніпровського Правобережжя можна назвати лише кілька скіфських пам'яток із наземними дерев'яними гробницями. Зокрема, в степу залишки такої гробниці зафіксовані у кургані біля Кривого Рогу на р. Калитва. Втім її конструкція невідома, під насипом кургану були знайдені лише сліди горілого дерева та пропечений ґрунт (Мурзин 1982, с. 50; 1984, с. 50). Інші степові дерев'яні гробниці були облаштовані в ямах (Ольховский 1991, с. 42). У лісостеповому Правобережжі, в басейні р. Тясмин, залишки дерев'яних наземних гробниць були розкопані в курганах ранньоскіфського часу — № 49 біля Гуляй-Города та № 220 на р. Тенетинці. Деталі їх конструкції нам теж не відомі, оскільки вони були майже повністю спаленими у давнину (Ильинская 1975, с. 19—20; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 29—31).

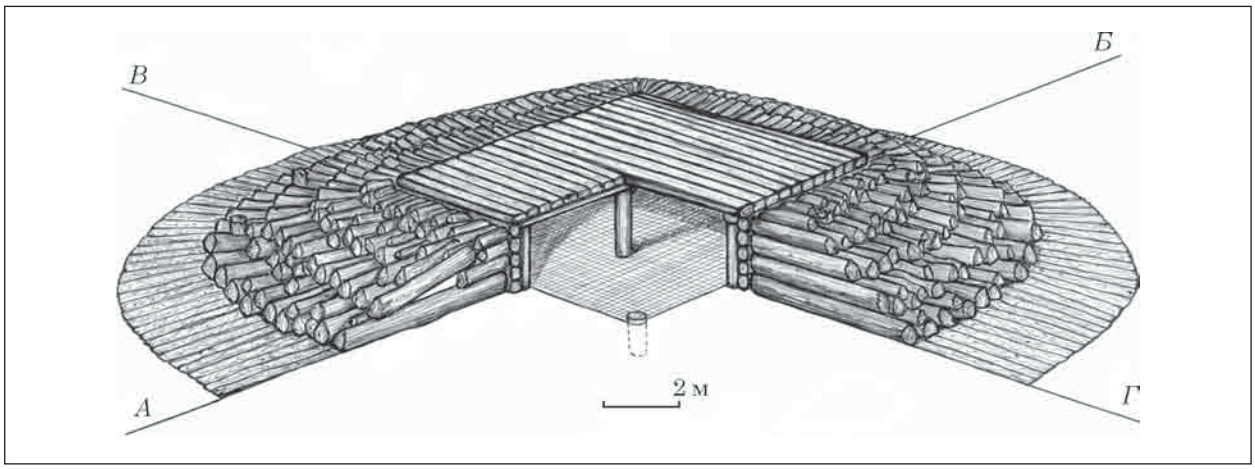

Рис. 12. Реконструкція поховальної дерев'яної конструкції з кургану 33 біля с. Васиного

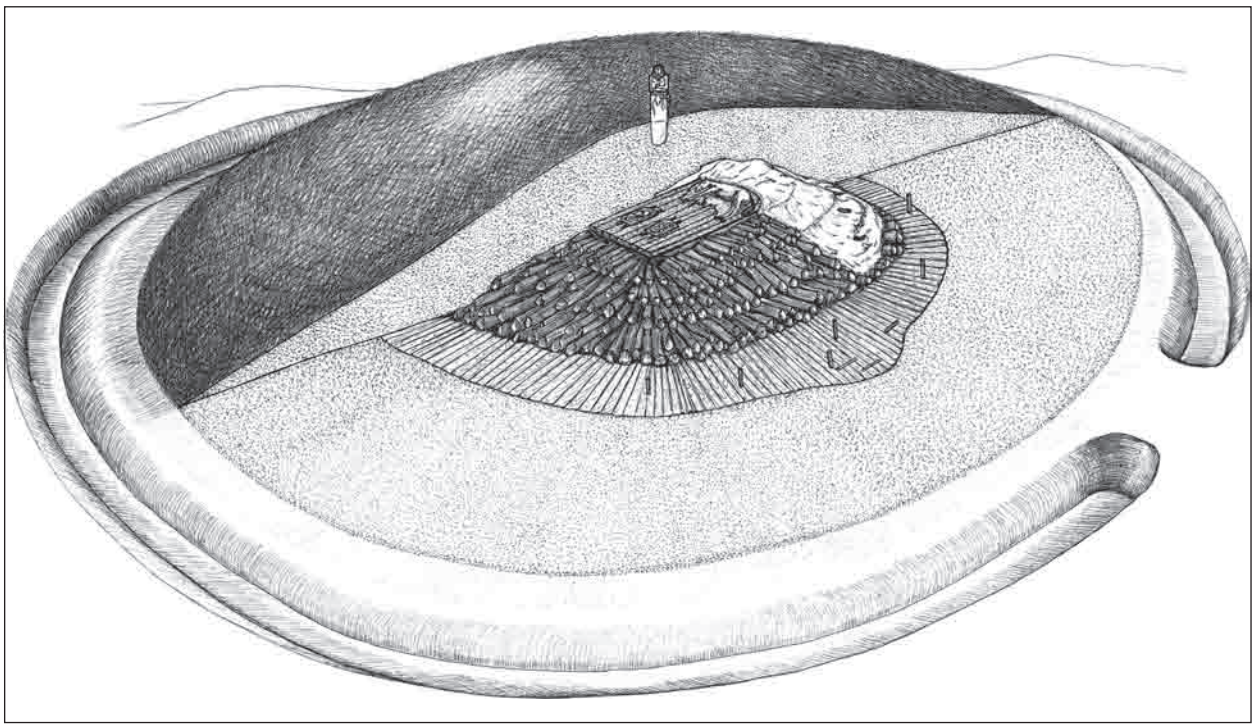

Рис. 13. Реконструкція кургану 33 біля с. Васиного

Найближчим у культурному та територіальному відношенні до описаної пам'ятки є вже згаданий курган початку V ст. до н. е. біля с. Медерове, розкопаний у 1964 р. експедицією під керівництвом О. І. Тереножкіна та опублікований Н. М. Бокій (1974). На момент досліджень його висота складала 3,5—4 м, діаметр — 40 м. Під насипом збереглися залишки дев'ятистовпової каркасної гробниці прямокутної форми, розмірами 5,5 × 4,5 м, зведеної на рівні давнього горизонту. Детальні особливості та конструктивні елементи дерев'яної споруди не відомі, оскільки в давнину вона була спалена. Лише у південно-західному секторі кургану були розчищені фрагменти масивних дерев'яних колод, діаметром 0,25—0,3 м, покладених в ряд перпендикулярно до стіни гробниці. В окремих місцях зафіксовані згорілі та зотлілі колоди, що лежали радіально до центру споруди. Ритуальне вогнище мало діаметр близько 15 м, а внаслідок пожежі ґрунт в основі гробниці в окремих місцях був пропечений на глибину до 0,3 м. В межах гробниці, крім супровідних речей, була знайдена кам'яна статуя скіфського воїна виготовлена з червоного граніту (Бокий 1974, с. 264). Залишки масивних колод та масштаби вогнища вказують на значні розміри первинної конструкції. Вона була досить масивною, можливо, навіть чимось подібною до знайденої у кургані біля с. Васине. В обох випадках для здійснення поховання були використані наземні дерев'яні стовпові гробниці. Впадає в око подібність розмірів самої гробниці, її орієнтація, покладені перпендикулярно

до стінок дерев'яні колоди, використання вогню у поховальному обряді. Разом з тим є значні відмінності. У Медерівському кургані колоди біля стінки гробниці були покладені в один ряд, автори називають їх настилом. А навколо цього настилу радіально лежали стовбури дерев (Бокий 1974, с. 264). Технологія обпалення дерев'яної споруди також значно відрізнялася, оскільки гробниця Медерівського кургану згоріла майже повністю, а поверхня древнього горизонту сильно пропеклась.

Як уже було сказано, обидва кургани розташовані на близькій відстані, мають схожі риси поховальних конструкцій та обряду, вражає іконографічна подібність кам'яних антропоморфних стел. Близьким є і час спорудження курганів. Зазначимо, що досліджена у кургані 33 біля с. Васине, поховальна споруда вирізняється своїм масштабом та збереженістю. Особлива пірамідальна конструкція є своєрідним варіантом каркасних гробниць скіфського часу, що не має прямих аналогій.

Сукупність знахідок з кургану біля с. Васине та зображень на стелі дозволяють віднести час здійснення поховання у наземній дерев'яній гробниці до першої чверті V ст. до н. е. Не заперечує цю дату і поховальний обряд.

Матеріали пам'ятки також дають можливість визначити культурно-етнічну атрибуцію комплексу. Здійснення захоронення у кургані зі спорудженим навколо ровом, наземна поховальна дерев'яна споруда, застосування в обряді вогню, залишки м'ясної ритуальної їжі та кам'яна антропоморфна статуя є іранськими культурними елементами (Скорый 2003, с. 53). Ці ознаки дозволяють віднести Васинський курган до суто скіфських степових пам'яток. Грандіозні масштаби поховальної конструкції, складність її архітектоніки, знахідка кам'яної стели, залишки ритуальної тризни та поховальних дарів на жертовних підносах, туші коня, покладення у гробниці залежної особи вказують й на те, що курган був похованням представника скіфської військової аристократії.

ЛІТЕРАТУРА

Андрух С. И., Тощев Г. Н. 1999. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье, I.

Андрух, С. И., Тощев, Г. Н. 2001. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье, II.

Андрух, С. И., Тощев, Г. Н. 2004. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье, III.

Бабенко, Л. І. 2007. Предмети озброєння та військового спорядження у похованнях Протопопівського курганного могильника. *Харьковский археологический сборник*, 2, с. 30-39.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.)*. Киев; Краков.

Бокий, Н. М. 1974. Скифский курган у села Медерево. *Советская археология*, 4, с. 264-271.

Бокий, Н. М., Могилов, А. Д. 2014. Новое о Мельгуновском кургане. *Наукові записки. Серія: Історичні науки. Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку*, 21, с. 26-51.

Бокій, Н. М., Могилов, О. Д., Панченко, К. І. 2013. Колективне поховання скіфського часу в Лісостеповому Правобережному Подніпров'ї. *Археологія та фортифікація Середнього Подністров'я. Збірник матеріалів III Всеукраїнської науково-практичної конференції*, с. 17-24.

Буйських, А. В., Форнас'є, Й., Кузьміщев, О. Г. 2018. Дослідження Ольвійського передмістя біля західних воріт. *Археологічні дослідження в Україні 2016 р.*, с. 146-149.

Волкобой, С. С., Андросов, А. В., Лихачев, В. А., Мухопад, С. Е., Шалобудов, В. Н. 1980. Скифские могильники IV—III вв. до н. э. Юга Днепропетровской области. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Курганы степного Приднепровья*. Днепропетровск, с. 18-42.

Галанина, Л. К. 1977. *Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга)*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—33.

Горбул, Г. П., Бокий, Н. М. 1987. О скифских стелах Кировоградского краеведческого музея. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина*. Кировоград, с. 48-50.

Гордон, Л. В., Скворцов, С. О., Лисов, В. И. 1988. *Технология и оборудование лесохимических производств*. Москва: Лесная промышленность.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ: ІА НАНУ.

Зінько, В. М. 2012. Боспорське місто Тірітака у VI — на початку V ст. до н. е. (за матеріалами розкопок 2007—2010 рр.). *Археологія*, 3, с. 36-45.

Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 85-116.

Евдокимов, Г. Л., Мурзин, В. Ю. 1984. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с. 75-82.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.

Ковалева, И. Ф., Мухопад, С. Е. 1982. Скифское погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 91-102.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.

Кривульченко, А. І. 2011. *Водні об'єкти Кіровоградської області*. Кіровоград.

Либеров, П. Д. 1965. *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—31.

Могилов, О. Д., Діденко, С. В. 2009. Скіфський курган 448 біля с. Журавка — пам'ятка перехідного часу в Потясминні. *Археологія*, 3, с. 45-55.

Монахов, С. Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н. э.* Саратов.

Монахов, С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов.

Мурзин, В. Ю. 1984. *Скифская архаика Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Мурзин, В. Ю. 1982. Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 47-64.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Ольховский, В. С., Евдокимов, Г. Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н. э*. Москва: ИА РАН.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.

Привалова, О. Я., Зарайская, М. П., Привалов, А. И. Двугорбая могила. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*, Киев: Наукова думка, с. 148-178.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи (проблема выделения иранского этнокульутрного элемента)*. Киев: ИА НАНУ.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А., Черненко, Е. В., Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*, Киев: Наукова думка, с. 113-234.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, И. Б. 2016. Колчанный набор из погребения конца VI в. до н. э. могильника Скоробор. *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 270-279.

Яблонский, Л. Т. 2008. Новые материалы к проблеме формирования культуры ранних кочевников Южного Приуралья. В: Корнякова, Л. Н. (ред.). *Вопросы археологии Урала*. Екатеринбург, с. 194-207.

Яблонский, Л. Т. 2009. Умбонообразные золотые предметы скифского времени из Филиповки. В: Бессонова, С. С. (ред). *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого*. Киев; Полтава, с. 418-425.

Barow, J. (ed.). 1980. *Corpus Vasorum Antiqourum: Deutchland. Tubingen. Antikensammlung des archaologichen instituts der universitat*. Munchen, 3.

Beazly, J. D. 1956. *Attic Black-figure vase-painters*. Oxford: Clarendon.

Boardman, J. 1974. *Athenian black-figure vases*. London: Thames and Hudson.

Freyer-Schanenburg B. (ed.). 1988. *Corpus Vasorum Antiqourum: Deutchland. Kiel. Kusthalle. Antikensammlung*. Munchen, 1.

Kratzmüller, B. 2001. Eine attisch schwarzfigurige Augenschale aus dem früheren Besitz von G. Tschmelitsch. *Forum Archaeologiae*. Режим доступу: https://homepage.univie.ac.at/elisabeth.trinkl/forum/forum0901/20kylix.htm (Дата звернення 7 березня 2019).

REFERENCES

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 1999. *Mogilnik Mamay-Gora*. Zaporozhye, I.

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 2001. *Mogilnik Mamay-Gora*. Zaporozhye, II.

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 2004. *Mogilnik Mamay-Gora*. Zaporozhye, III.

Babenko, L. I. 2007. Predmety ozbroiennia ta viiskovoho sporiadzhennia u pokhovanniakh Protopopivskoho kurhannoho mohylnyka. *Kharkovskiy arkheologicheskiy sbornik*, 2, s. 30-39.

Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 2001. *Motroninskoye gorodishche skifskoy epokhi (po materialam raskopok 1988—1996 gg.)*. Kiev; Krakov.

Bokiy, N. M. 1974. Skifskiy kurgan u sela Mederevo. *Sovetskaya arkheologiya*, 4, s. 264-271.

Bokiy, N. M., Mogilov, A. D. 2014. Novoye o Melgunovskom kurgane. *Naukovi zapysky. Seriia: Istorychni nauky. Aktualni problemy arkheolohii ta istorii rannoho zaliznoho viku*, 21, s. 26-51.

Bokii, N. M., Mohylov, O. D., Panchenko, K. I. 2013. Kolektyvne pokhovannia skifskoho chasu v Lisostepovomu Pravoberezhnomu Podniprovji. *Arkheolohia ta fortyfikatsiia Serednoho Podnistrov'ia. Zbirnyk materialiv III Vseukrainskoi naukovo-praktychnoi konferentsii*, s. 17-24.

Buiskykh, A. V., Fornas'ie, Y., Kuzmishchev, O. H. 2018. Doslidzhennia Olviiskoho peredmistia bilia zakhidnykh vorit. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2016 r.*, s. 146-149.

Volkoboy, S. S., Androsov, A. V., Likhachev, V. A., Mukhopad, S. E., Shalobudov, V. N. 1980. Skifskiye mogilniki IV—III vv. do n. e. Yuga Dnepropetrovskoy oblasti. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Kurgany stepnogo Pridneprovia*. Dnepropetrovsk, s. 18-42.

Galanina, L. K. 1977. *Skifskiye drevnosti Podneprovia (Ermitazhnaya kollektsiya N. E. Brandenburga)*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—33.

Gorbul, G. P., Bokiy, N. M. 1987. O skifskikh stelakh Kirovogradskogo kraevedcheskogo muzeya. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Kimmeriytsy i skify. Tezisy dokladov Vsesoyuznogo seminara, posvyashchennogo pamyati A. I. Terenozhkina*. Kirovograd, s. 48-50.

Gordon, L. V., Skvortsov, S. O., Lisov, V. I. 1988. *Tekhnologiya i oborudovaniye lesokhimicheskikh proizvodstv*. Moskva: Lesnaya promyshlennost'.

Hrechko, D. S. 2010. *Naselennia skifskoho chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NANU.

Zinko, V. M. 2012. Bosporske misto Tiritaka u VI — na pochatku V st. do n. e. (za materialamy rozkopok 2007—2010 rr.). *Arkheolohia*, 3, s. 36-45.

Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1987. Skifskiye kurgany u s. Pervomayevka na Khersonshchine. In: Chernenko, E. V. *Skify Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka, s. 85-116.

Evdokimov, G. L., Murzin, V. Yu. 1984. Ranneskifskoye pogrebeniye s oruzhiyem iz Khersonskoy oblasti. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Vooruzheniye skifov i sarmatov*. Kiev: Naukova dumka, s. 75-82.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskiye kurgany basseyna r. Tyasmin (VII—VI vv. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezhia (kurgany Posulia)*. Kiev: Naukova dumka.

Kovaleva, I. F., Mukhopad, S. E. 1982. Skifskoye pogrebeniye kontsa VI—V vv. do n. e. u s. Aleksandrovka. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 91-102.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo lesostepnogo Pravoberezhia (Kievo-Cherkasskiy region)*. Kiev: Naukova dumka.

Kryvulchenko, A. I. 2011. *Vodni obiekty Kirovohradskoi oblasti*. Kirovohrad.

Liberov, P. D. 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—31.

Mohylov, O. D., Didenko, S. V. 2009. Skifskyi kurhan 448 bilia s. Zhuravka — pamiatka perekhidnoho chasu v Potiasmynni. *Arkheolohia*, 3, s. 45-55.

Monakhov, S. Yu. 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomorye. Kompleksy keramicheskoy tary VII—II vekov do n. e.* Saratov.

Monakhov, S. Yu. 2003. *Grecheskiye amfory v Prichernomorye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel*. Moskva; Saratov.

Murzin, V. Yu. 1984. *Skifskaya arkhaika Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka.

Murzin, V. Yu. 1982. Pogrebalnyy obryad stepnykh skifov v VII—V vv. do n. e. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 47-64.

Olkhovskiy, V. S. 1991. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya Stepnoy Skifii (VII—III vv. do n. e.).* Moskva: Nauka.

Olkhovskiy, V. S., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskiye izvayaniya VII—III vv. do n. e.* Moskva: IA RAN.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhye Srednego Pridneprovia v V—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—4.

Polin, S. V. 1987. Khronolohiia rannoskifskykh pam'iatok. *Arkheolohia*, 59, s. 17-36.

Privalova, O. Ya., Zarayskaya, M. P., Privalov, A. I. Dvugorbaya mogila. In: Terenozhkin. A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoy Skifii.* Kiev: Naukova dumka, s. 148-178.

Skoryy, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoy Pravoberezhnoy lesostepi (problema vydeleniya iranskogo etnokulutrnogo elementa).* Kiev: IA NANU.

Terenozhkin, A. I., Ilinskaya, V. A., Chernenko, E. V., Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskiye kurgany Nikopolshchiny. In: Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. (eds.). *Skifskiye drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 113-234.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon).* Kiev: Naukova dumka.

Shramko, I. B. 2016. Kolchanniy nabor iz pogrebeniya kontsa VI v. do n. e. mogilnika Skorobor. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (19), s. 270-279.

Yablonskiy, L. T. 2008. Novyye materialy k probleme formirovaniya kultury rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priuralia. In: Kornyakova, L. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala.* Ekaterinburg, s. 194-207.

Yablonskiy, L. T. 2009. Umbonoobraznyye zolotyye predmety skifskogo vremeni iz Filipovki. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu S. A. Skorogo.* Kiev; Poltava, s. 418-425.

Barow, J. (ed.). 1980. *Corpus Vasorum Antiqourum: Deutchland. Tubingen. Antikensammlung des archaologichen instituts der universitat.* Munchen, 3.

Beazly, J. D. 1956. *Attic Black-figure vase-painters.* Oxford: Clarendon.

Boardman, J. 1974. *Athenian black-figure vases.* London: Thames and Hudson.

Freyer-Schanenburg B. (ed.). 1988. *Corpus Vasorum Antiqourum: Deutchland. Kiel. Kusthalle. Antikensammlung.* Munchen, 1.

Kratzmüller, B. 2001. Eine attisch schwarzfigurige Augenschale aus dem früheren Besitz von G. Tschmelitsch. *Forum Archaeologiae.* Rezhym dostupu: https://homepage.univie.ac.at/elisabeth.trinkl/forum/forum0901/20kylix.htm (Data zverenennya 7 bereznya 2019).

I. A. Kozyr, K. I. Panchenko, O. V. Chornyy

VASYNSKYI BARROW OF THE MIDDLE SKYTHIAN AGE

The article presents the results of a study from the excavation of the barrow of middle Scythian time in Vasyne (Znamensky district, Kirovograd region). Barrow was located in the upper reaches of the river Beshka, the right tributary of the Ingulets in its upstream. The main Scythian burial was committed on the surface of the ancient horizon. A complex wooden burial structure constructed of oak was partially burnt, but well preserved. In the center of the entire burial facility was a ground-based square ten-column wooden tomb (5.5 × 5.5 m) with a flat ceiling, around which a «pyramid» was built of horizontal layers of raw tree trunks, logs and logs, preserved to a height of 0.9—1,4 m. «Pyramid» at the level of the ancient horizon was surrounded by thin (5—7 cm) wooden flooring. The overall diameter of the wooden structure reached 19 m.

The southern sector of the «pyramid» was covered with a layer of clay. The nature of the firing of the wooden masonry, the good preservation of the wood, some structural details of the «pyramid» itself, the presence of a clay pavement with products indicate the use of burning technology without access to air. The mound enclosed the annular ditch with two bridges in the western and eastern sectors.

The burial was accompanied by numerous remnants of the treasure in the form of fragments of ancient amphoras, including plump-throated Chios, thin-walled antique black-figureed kilik, fragments of stucco vessels, and animal bones. In the filling of the tomb, remains of funeral gifts that fell after the destruction of the floor were found: fragments of wooden trays or stretchers, fastened with iron and bronze brackets with sacrificial food; the ruined bones of the horse, next to which was found a handful of mummified millet grains.

The burial itself was completely robbed. The skeleton of the buried and funeral inventory were absent. At the bottom of the tomb, only the skeleton of a servant with a bone piercing and a bronze tip of a basic type arrow lost by robbers were found.

Undoubtedly, the most interesting find was a stone anthropomorphic stele of gray granite, 2.65 m high, which depicts a standing warrior with a set of weapons, a rhyton and two hryvnia.

According to the totality of finds in the mound and images on the stele, it is possible to attribute the time of its construction to the turn of the 6th—5th centuries. BC. The scale of the wooden burial structure, the ditch around the mound, the find of a granite stele, the remains of a treyne and sacrifices indicate that a representative of the Scythian military aristocracy was buried here.

Keywords: kurgan, middle Scythian time, land tomb, anthropomorphic stele, ritual triune.

Одержано 19.02.2019

КОЗИР Ірина Анатоліївна, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка, вул. Шевченка, 1, м. Кропивницький, 25006, Україна, *kozyrir@gmail.com*.

KOZYR Iryna, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of the History of Ukraine, Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University, Shevchenko street, 1, Kropivnitsky, 25006, Ukraine, *kozyrir@gmail.com*.

ПАНЧЕНКО Кирило Ігорович, викладач, Центральноукраїнський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка, вул. Шевченка, 1, м. Кропивницький, 25006, Україна, *pankir90@gmail.com*.

PANCHENKO Kyrylo, Lecturer, Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University, Shevchenko street, 1, Kropivnitsky, 25006, Ukraine, *pankir90@gmail.com*.

ЧОРНИЙ Олександр Васильович, кандидат історичних наук, доцент Центральноукраїнський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка, вул. Шевченка, 1, м. Кропивницький, 25006, Україна, *komandarmus12@gmail.com*.

CHORNYI Oleksandr, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University, Shevchenko street, 1, Kropivnitsky, 25006, Ukraine, *komandarmus12@gmail.com*.

УДК: 904.5(477.75)”638”

С. Г. Колтухов

О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ КУРГАНА БЕШ-ОБА IV/3 АККАЙСКОГО (БЕЛОГОРСКОГО) КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

Заметка посвящена обоснованию мнения о сооружении во второй—третьей четверти IV в. до н. э. Кургана 3, топографической группы царского кургана IV, расположенного на г. Беш-Оба в Предгорном Крыму.

***Ключевые слова**: Предгорный Крым, Аккайский (Белогорский) могильник, курган, каменный склеп, «коллективные» погребения, датировка памятника.*

Аккайский (Белогорский) курганный могильник варварской знати расположен на г. Ак-Кая и Беш-Оба во внешней части крымского предгорья, на границе со Степным Крымом. Этот памятник был открыт и интерпретирован как скифский П. Н. Шульцем (Шульц 1947), однако честь его введения в научное обращение принадлежит Б. Н. Мозолевскому (Мозолевський 1990). В дальнейшем исследования памятника проводились сотрудниками Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины (Колтухов, Мыц 2001) [1].

Несколько лет назад датировку ряда курганов скифского времени, расположенных в границах г. Беш-Оба, предложил С. В. Полин. По сути, время существования некрополя было вполне справедливо сведено ко второй—третьей четверти IV в. до н. э. (Полин 2014, с. 587—590, 430, 632). Однако, в 2016 г. была опубликована новая статья, в которой курган IV/3 датирован временем не ранее рубежа IV—III вв. до н. э. и поставлен в связь не с курганным некрополем, а с более поздним городищем Ак-Кая / Вишенное (Зайцев, Колтухов 2016, с. 123—125). Возникает вопрос, так ли это?

Курган Беш-Оба IV/3 был расположен в 500 м к северо-востоку от кургана IV и входил в его топографическую группу. Диаметр остатков насыпи, сохранившейся после разрушения кургана при сельскохозяйственных работах, составлял 14 м, высота 0,2 м. В центре останца находился каменный склеп, впущенный в материковый грунт на всю высоту его стен. Его плитовое перекрытие, ранее лежавшее на уровне поверхности погребенной почвы, было сорвано (рис. 1). По словам местных жителей, курган, имевший высоту не менее 2 м, был разрушен при сельскохозяйственных работах в 1970—80-е гг.. В ходе раскопок был исследован склеп и примыкающее к нему пространство в радиусе 10 м. Впускных могил и следов каменного кромлеха, кольцевой наброски или ровика обнаружено не было.

Впервые публикация склепа как археолого-архитектурного объекта была подготовлена автором. Тогда же была предложена его датировка временем не позднее второй половины IV в. до н. э. (Колтухов 2005, с. 292) [2]. Полная публикация памятника была осуществлена несколько лет назад Ю. П. Зайцевым совместно с С. Г. Колтуховым (Зайцев, Колтухов 2016) [3].

1. Впервые курганы Ак-Каи и Беш-Обы автор увидел в 1974 г. во время археологической экскурсии, совершенной совместно с С. А. Скорым и А. Е. Кислым. Затем, когда мы спустились в лагерь палеолитической экспедиции, мы выслушали обстоятельный рассказ об этом некрополе от Ю. Г. Колосова.

2. Впервые чертежи склепа были опубликованы в этой же работе, на рис. 6: 2, а не 6: 3, как указано в ее тексте.

3. В этой статье С. Г. Колтухову принадлежала характеристика кургана и описание склепа, тогда как характеристика обнаруженных в нем захоронений, погребального инвентаря и хронологии

© С. Г. КОЛТУХОВ, 2019

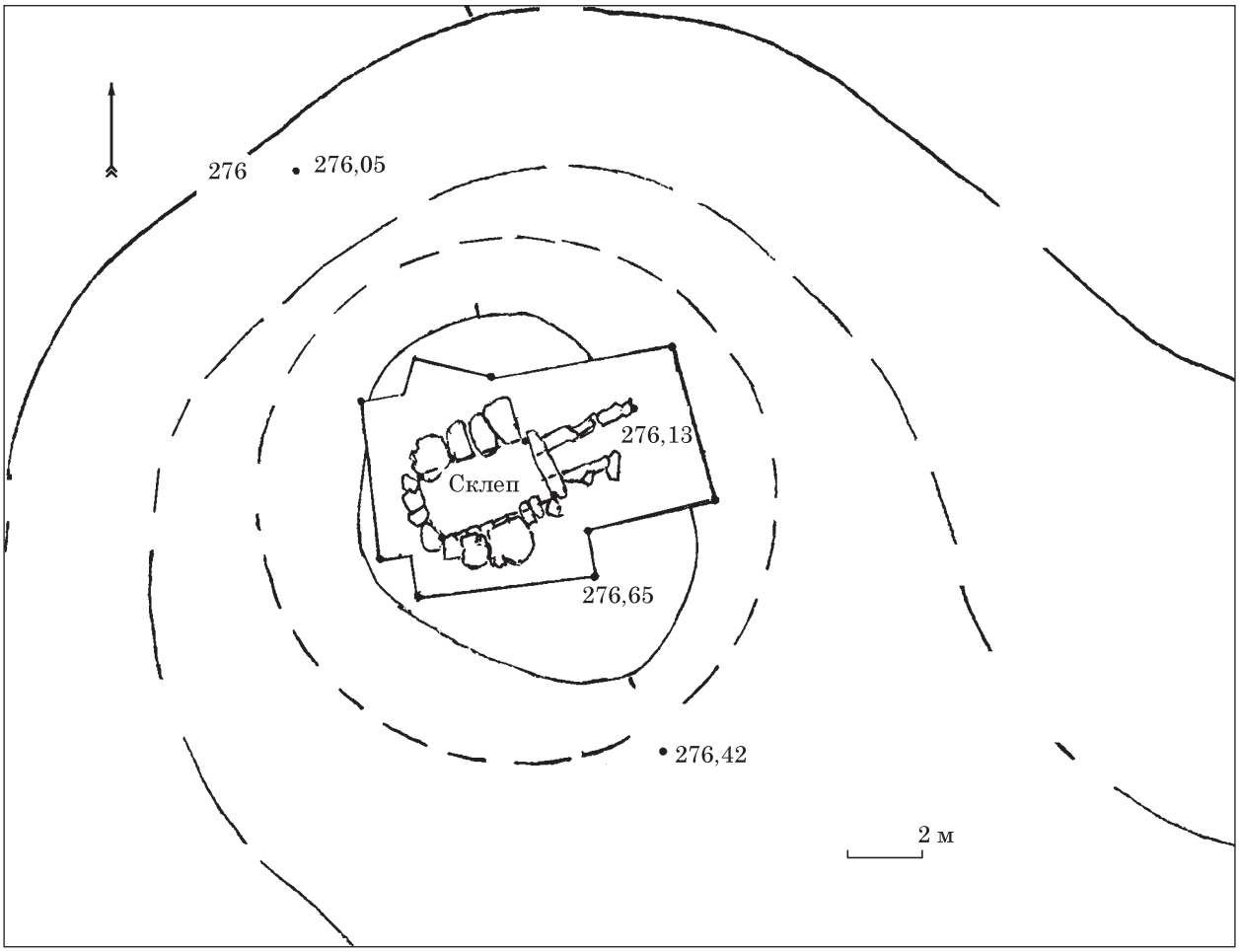

Рис. 1. План кургана IV/3

Каменный склеп (рис. 2: 1), построенный в грунтовом котловане, относится к числу однокамерных с продольно-осевой планировкой. Ориентирован он с северо-востока—востока на юго-запад—запад. Стены сложены из плитчатых обломков известняка в иррегулярной постелистой системе. Потолок с одним уступом, но последний верхний ряд плит перекрытия был нарушен еще при подхоронениях в I в. до н. э., а полностью уничтожен при разрушении кургана. Размеры погребальной камеры 3,0 × 1,6 × 1,6 м, дно грунтовое. Вход был расположен в восточной части камеры и представлял собой прямоугольный крытый лаз размерами 0,7 × 0,8 м, протяженностью 0,7 м, закрытый закладной плитой. Восточнее расположена входная траншея или дромос. «Коллективные погребения» в склепе (Зайцев, Колтухов 2016) были многоярусными — не менее 10 ярусов. Совершались они в вытянутом положении на спине головой преимущественно на юго-запад, хотя несколько костяков были обращены в противоположную сторону. Всего в склепе, судя по черепам, обнаружены кости не менее чем 86 человек (Зайцев, Колтухов 2016, с. 104). Вопрос о захоронениях этого склепа обстоятельно и убедительно рассмотрен Ю. П. Зайцевым (Зайцев, Колтухов 2016, с. 104—124) и мнение исследователя о датировке их III—I вв. до н. э., с преобладанием погребений II в. до н. э., не вызывает особых возражений. Действительно, уже в ярусе 9 появляется кольцевая пряжка с неподвижным язычком (рис. 2: 2), характерная в Северном Причерноморье для III — первой половины I вв. до н. э. На территории Крымского полуострова, по мнению Ю. П. Зайцева, такие предметы появляются не ранее II в. до н. э. (Зайцев, Колтухов 2016, с. 123, 120, рис. 15: 2), что оставляет для III в. до н. э. только ярус 10 с его шестью захоронениями. Однако, этот небольшой и хорошо выраженный ярус, скорее всего, так же относится ко II в. до н. э.

Несколько иная ситуация в условном ярусе 11, где в результате разрушения нет выраженных костных останков, но присутствуют различные предметы, в том числе чернолаковая чашка (рис. 2: 5), обломок бронзового нако-

памятника были предложены Ю. П. Зайцевым. Раздел в отчете 1997 г. о погребениях из этого кургана был так же составлен Ю. П. Зайцевым (Колтухов, Колотухин, Мыц 1997, с. 41—51), так что Ю. П. Зайцев имел полное право высказать свое мнение, независимо от мнения соавтора, что он и отметил в совместной статье.

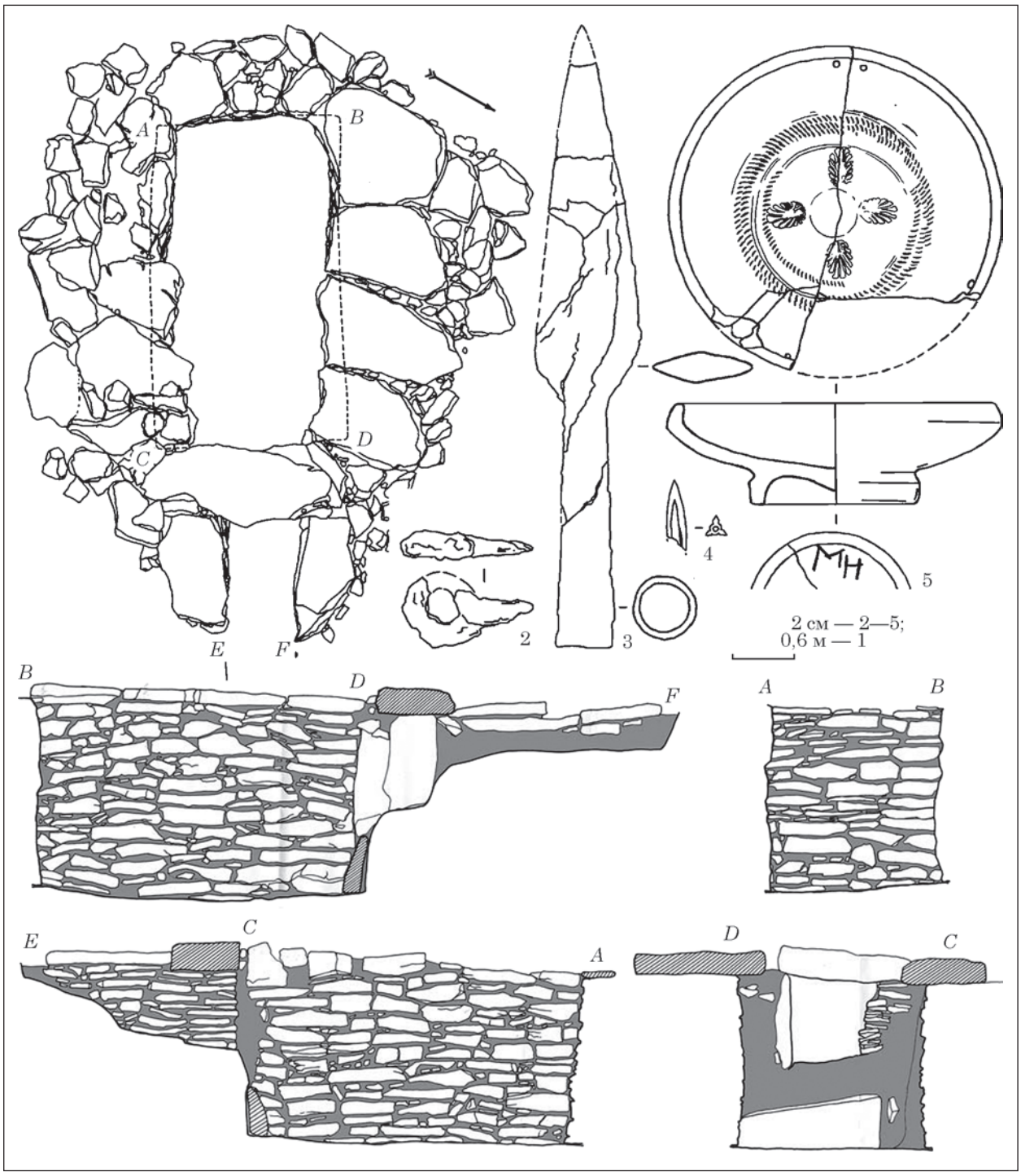

Рис. 2. Курган IV/3: 1 — план и фасировки стен склепа; 2 — железная пряжка из яруса 9; 3 — наконечник легкого копья из яруса 11; 4 — обломок бронзового наконечника стрелы из яруса 11; 5 — чернолаковая чаша из яруса 11

нечника стрелы (рис. 2: 4), железный наконечник копья (рис. 2: 3), скопление стеклянных бусин, обломки нескольких лепных сосудов [1], фрагменты серебряных и бронзовых проволочных серег, подвеска из стертой бронзовой монеты. На наш взгляд, это и есть остатки инвентаря первоначальных захоронений, число которых явно более одного.

Датировка находок здесь может быть весьма широка, так как ничто не исключает возможность попадания в нижние отложения мелких предметов и их обломков из ярусов, лежащих выше. Обломки херсонесской амфоры, отнесенные Ю. П. Зайцевым к ярусу 11, судя по полевой описи, могут относиться к ярусу 9. Отсутствие определенности, как в топографии

1. В полевой описи они связаны с ярусами 10—11, т. е. могут происходить из яруса 10, равно как и обломки серег.

этой находки, так и в локализации центра производства [1], не дает основания для включения остатков амфоры в число хронологических реперов. Скопление разнообразных стеклянных бусин (Зайцев, Колтухов 2016, с. 122) — это особая тема, заслуживающая внимания специалиста несколько иного профиля. Бронзовый наконечник стрелы, бесспорно, может быть отнесен к IV—III вв. до н. э., а железный наконечник копья вне закрытого комплекса может быть отнесен как к собственно скифскому, так и к позднескифскому времени.

В такой ситуации особый интерес представляет втоптанная в пол аттическая чернолаковая чашка с расположенным на дне вместилища орнаментом в виде пальметт, резных поясков и широкой спирали из косых насечек (рис. 2: 5). Дата, предложенная С. В. Полиным для другого, но близкого сосуда (Полин 2014, с. 621, рис. 14) на основе аналогии из свода Б. Спаркс и Л. Талкотт (Sparkes, Talcott 1970, cat. 835, s. 664, 682), соответствует третьей — началу четвертой четверти IV в. до н. э. Ю. П. Зайцев, аанализируя ту же находку, но опираясь на аналогию из работы С. Ротрофф с не до конца ясной датировкой сосуда (Rotroff 1997, cat. 972), относит чашу из склепа Беш-Обы IV/3 к рубежу IV—III вв. до н. э. — первой четверти III в. до н. э. (Зайцев, Колтухов 2016, с. 123). Можно, безусловно, строить аргументацию на размерах пальметт или отнесении сосудов к группе малых или стандартных чаш. Но, если обратить внимание на близость профиля чашки из крымского кургана профилям сосудов с № 832 и 835 в каталоге Афинской Агоры, с датами 350—325 гг. и около 325 г. (Sparkes, Talcott 1970, p. 296), и на то, что композиционно и по набору элементов орнамента сосуду из Беш-Обы ближе всего декор чаши с номером 609, датируемой временем около 375 г. (Sparkes, Talcott 1970, p. 279), то датировку кургана, предложенную С. В. Полиным (2014, с. 430), можно считать лучше обоснованной. Ей не противоречат ни следы ремонта на чаше, ни обломок бронзового трехлопастного наконечника стрелы, ни наконечник копья. Поэтому сооружение склепа и его первые погребения следует отнести ко второй—третьей четверти IV в. до н. э. Судя по описи находок (Колтухов, Колотухин, Мыц 1997, с. 98, № 1, 2, 5, 14), в дромосе и верхнем ярусе коллективных заборонений [2] были найдены обломки фасосской, хиосской и гераклейских амфор, подтверждающие выбранный хронологический диапазон. Следовательно, соображения о времени сооружения кургана Беш-Оба IV/3, высказанные 12 лет назад автором, если и изменились, то лишь в сторону понижения даты. Значит курган Беш-Оба IV/3 был сооружен в период функционирования скифского курганного могильника на г. Беш-Оба и входил в «свиту» кургана IV. Поздние ярусные захоронения в погребальной камере его склепа относятся не к этому времени, а к ранним этапам существования городища Ак-Кая / Вишенное, в чем прав Ю. П. Зайцев, и датируются преимущественно II в. до н. э. Погребения I в. до н. э. были совершены еще позже и уже сверху, через насыпь кургана, так как они располагались на обломках разбитой плиты перекрытия склепа.

1. Это может быть не Херсонес, а Икос (см. Монахов, Федосеев 2013). Как показали исследования этих специалистов, многие амфоры, ранее считавшиеся херсонесскими или псевдохерсонесскими, производились в этом средиземноморском центре.
2. Второй ярус был самым верхним в склепе до того самого момента, как через разрушенное перекрытие склепа в I в. до н. э. были совершены захоронения первого яруса. Соответственно, и ножка фасосской амфоры могла в это время попасть в склеп из насыпи кургана.

ЛИТЕРАТУРА

Зайцев, Ю. П., Колтухов, С. Г. 2016. Курган с коллективными погребениями III—I вв. до н. э. из некрополя Ак-Кая / Беш-Оба в Крыму. *Stratum plus*, 3, с. 99-128.

Колтухов, С. Г. 2005. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время. *Старожитності Степового Причорномор´я і Криму*, XII, с. 259-299.

Колтухов, С. Г., Колотухин, В. А., Мыц, В. Л. 1997. *Отчет об охранных раскопках на Аккайском курганном некрополе в 1996—1997 гг.*, 1—2. НА ИАК РАН, 1222.

Колтухов, С. Г., Мыц, В. Л. 2001. Курганный могильник скифской аристократии в Горном Крыму. Некоторые результаты исследований *Бахчисарайский историко-археологический сборник*, 2, с. 27-44.

Мозолевський, Б. М. 1990. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії. *Археологія*, 1, с. 122-138.

Монахов, С. Ю., Федосеев, Н. Ф. 2013. Амфоры Икоса. В: Вахтина, М. Ю., Грицик, Е. В. (ред). *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции* (*Санкт-Петербург, 19—22 ноября 2013 г.).* Санкт Петербург: Нестор-История, с. 554-561.

Полин, С. В. 2014. Скифский Золотобалковский могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Олег Філюк.

Шульц, П. Н. 1947. *Отчет о работах Белогорского отряда Тавро-скифской экспедиции ИИМК СССР и ГМИИ за 1947 г.* НА ИАК РАН, инв. А, 1, 11.

Rotroff, S. 1997. *Hellenistic pottery*. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens. The Athenian Agora, XXIX

Sparkes, B. A., Talcott, L. 1970. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries*. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens. The Athenian Agora, XII.

REFERENCES

Zaytsev, Yu. P., Koltuhov, S. G. 2016. Kurgan s kollektivnyimi pogrebeniyami III—I vv. do n. e. iz nekropolya Ak-Kaya / Besh-Oba v Kryimu. *Stratum plus*, 3, s. 99-128.

Koltuhov, S. G. 2005. Sklepyi varvarskogo naseleniya Stepnogo i Predgornogo Kryima v skifskoe vremya. *Starojitnosti Stepovogo Prychornomorya i Krimu*, XII, s. 259-299.

Koltuhov, S. G., Kolotuhin, V. A., Myits, V. L. 1997. *Otchet ob ohrannyih raskopkah na Akkayskom kurgannom nekropole v 1996—1997 gg.*, 1—2. NA IAK RAN, 1222.

Koltuhov, S. G., Myits, V. L. 2001. Kurgannyiy mogilnik skifskoy aristokratii v Gornom Kryimu. Nekotoryie rezultatyi issledovaniy. *Bahchisarayskiy istoriko-arheologicheskiy sbornik*, 2, s. 27-44.

Mozolevskiy, B. M. 1990. Kurgany vischoji skifskoji znati i problema politichnogo ustroyu Skifiï. *Arheologiya*, 1, s. 122-138.

Monahov, S. Yu., Fedoseev, N. F. 2013. Amforyi Ikosa. In: Vakhtina, M. Yu., Grytsik, E. V and others (eds.). *Bosporskiy fenomen. Greki i varvaryi na evraziyskom perekrestke: Materialyi mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 19—22 noyabrya 2013 g.)* Sankt-Peterburg: Nestor-History, s. 554-561.

Polin, S. V. 2014. Skifskiy Zolotobalkovskiy mogilnik V—IV vv. do n. e. na Hersonschine. Kiev: Oleg Filyuk.

Shults, P. N. 1947. Otchet o rabotah Belogorskogo otryada Tavro-skifskoy ekspeditsii IIMK SSSR i GMII za 1947 g. NA IAK RAN, inv. A, 1, 11.

Rotroff, S. 1997. *Hellenistic pottery*. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens. The Athenian Agora, XXIX

Sparkes, B. A., Talcott, L. 1970. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries*. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens. The Athenian Agora, XII.

S. G. Koltukhov

THE JUSTIFICATION ON THE TIME OF THE CONSTRUCTION OF THE KURGAN BESH-OBA IV / 3 AKKAI (BELOGORSKY) BURNED BOTTLE

The article is devoted to the justification of the opinion on the construction in the second and third quarters of the 4th cent. BC. Mound 3, the topographic group of the royal mound IV, located on the town of Besh-Oba in the Piedmont Crimea.

The Besh Oba IV / 3 burial mound was a part of Besh Oba IV burial mound, which was built in the end of the second to the third quarter of the 4th cent. BC. Analysis of the funeral equipment from the floor of the burial chamber in the crypt of the mound 3, allows to synchronize the royal burial mound IV and the burial mound 3. It makes us face the fact that the inlet «collective» burials in the burial chamber of the burial mound crypt 3, belong to a later time than the crypt and date back mainly as 2nd cent. BC. This conclusion confirms the correctness of the dating of the Besh-Ob IV group of burial mounds, which was previously suggested by S. G. Koltukhov, and S.V. Polin. Consequently, it receives an additional confirmation of the opinion that the entire aristocratic Scythian burial mound, located on the mountains of Ak-Kaya and Besh-Ob, can be related to the second and third quarters of the 4th cent. BC.

Keywords: Piedmont Crimea, Akkay (Belogorsky) burial ground, burial mound, stone crypt, «collective» burials, dates of the monument's construction.

Одержано 29.12.2018

КОЛТУХОВ Сергій Георгійович, кандидат історичних наук, вул. Ялтинська 2, Сімферополь, АРК, Україна, *Koltukhov@mail.ru*.

KOLTUKHOV Sergey Georgievich, Candidate of Historical Sciences, Yaltinskaya 2, Simferopol, ARK, Ukraine, *Koltukhov@mail.ru*.

УДК: 904.4(478)”638”

O. Leviţki, L. Sîrbu, G. Sîrbu

THE HABITATION LAYER OF THE LATE HALLSTATT PERIOD AT THE TRINCA «IZVORUL LUI LUCA» SITE (Northern Moldavian Plateau Area)

The Trinca «Izvorul lui Luca» site is an archaeological object with several cultural and chronological horizons, including the late Hallstatt period. The settlement of this period is attributed to the Western Podolian / Podolian-Moldavian cultural group and is the only one investigated in the Northern Moldavian Plateau. The investigations have revealed a number of complexes (dwellings, auxiliary structures, platforms, hearths, and pits), artifacts made of various raw materials (clay, sand, stone, bone, and metal — bronze and iron), a considerable amount of other archaeological remains (pottery, osteological material, stones, fragments of fired clay, etc.) The detailed and overall analysis of all elements specific to the material culture gives us novel information about the way of living, the architectonics of the dwellings, and so on. All this plays a very important role in the research of the cultural and historical processes of the late Hallstatt period in the East Carpathian region in general and in the Northern Moldavian Plateau in particular. The results undoubtedly confirm once again that this region was a zone of cultural interference between the late Hallstatt communities (Thracian) in the Carpathian-Dniester area and the communities in the forest—steppe on the right bank of the Dnieper that existed simultaneously with them.

Keywords: *settlement, Trinca «Izvorul lui Luca», Northern Moldavian Plateau, the Western Podolian / Podolian-Moldavian cultural group, the early Scythian period, Thracians, Scythians.*

GEOGRAPHIC FRAMEWORK

The Trinca locality is in the north-western part of the Republic of Moldova, in the area of the left bank of the Prut River (fig. 1), the physico-geographical region of the Northern Moldavian Plateau (Рымбу 1982, с. 94—99). Newly, it became also called the region of the Northern Moldavian Plateaux and Plains (Boboc, Sârodoev 2010, p. 14).

© O. LEVIŢKI, L. SÎRBU, G. SÎRBU, 2019

The relief of the Northern Moldavian Plateau is characterized by a clear asymmetry, being inclined to the southwest (the highest altitudes in the north-east are 300—305 m and in the south 250 m). It is a hilly and fragmented plain, at the base of which there is the Moldavian Platform. The relief is formed mainly in sediments of Neogenic age (clay, sand, limestone, marl) and only occasionally in older Meso-Paleozoic rocks (sandstone, clayey shale, marl, limestone). Most of the territory is fragmented by a network of valleys of small rivers, approximately parallel, the depth of which is 60—100 m, and the interfluves are flat and relatively wide.

In the context of this work, we believe it useful to consider the natural and geological-paleontological specificity of the western part of the Northern Moldavian Plateau, in which the Trinca commune is located, respectively the site of Trinca «Izvorul lui Luca» with several cultural-chronological horizons.

The peculiarity of the western part of the Northern Moldavian Plateau is the strip of reefs / toltras. Toltras are Neogene reef formations, they are spread in the north-western part of the Republic of Moldova on an area of about 2500 km^2 (for a length of over 100 km along the Prut River — from Larga to Bolotina and the width of about 50 km — the most eastern point in Bârladeni, in the Ciugur River valley). They are located in stripes from the northeast to the southwest, like the valleys of the left tributaries of the Prut River — Larga, Vilia, Lopatnic, Draghişte, Racovăţ, Ciugur, Camenca, Căldăruşa (Сухов 1972, с. 13—14, карта; Янакевич 1973, с. 20—31; Кравчук, Верина, Сухов 1976, с. 76, 85; Рымбу 1980, с. 23—25). Toltras were formed of organogenic limestone consisting of algae, cor-

als, bryozoa, sponges, mollusk shells, and so on. Over the course of millions of years the strip of reefs has outcropped. Thus, in the modern relief, these geological formations appear as massive reefs in the form of domes, with a height of up to 80—100 m. The tributaries of the Prut River at the intersection with the reef strip form limestone valleys with steep banks and deep gorges.

Forms of relief, favorable climatic conditions, richness and diversity of fauna and flora have determined the relatively early population of the area between the Dniester and the Prut. Prehistoric people began to live in this area in the middle phases of the early Paleolithic. The sites in the Northern Moldavian Plateau show an intense continuation of human life in this region, including during the late Hallstatt period, antiquity, etc. (see Istoria Moldovei 2010, Hărţile… p. 109, 129, 235, 251, 269, 282, 290, 297, 304, 334, 423, 529, etc). This area was more or less populated by both settled farmers and livestock communities, as evidenced by the habitation layers in the settlement of Trinca «Izvorul lui Luca».

With the appearance in the Eastern Carpathian territories of the Thracian tribes who inhabited the entire forest-steppe zone up to the late Hallstatt period, the Northern Moldavian Plateau became an area of cultural interference between the Thracian communities and the neighboring communities in the East, of the Belogrudovka—Cernyj Les type — Early Scythian. The material and spiritual culture characteristic of this era is of a mixed character, as evidenced by the remains of the Trinca «Izvorul lui Luca» multi-layered settlement and by some burial complexes (Levițchi 1992, p. 119—121). The share of the native, Thracian and alien elements of traditions in the territory north and northeast of the Dniester attested in the funeral rite and ritual practiced by the communities that inhabited the area of Northern Moldavian Plateau during the late Hallstatt period are widely presented in the necropolis of Trinca «Drumul feteştilor» (Levițchi 2006).

THE LOCATION OF THE SITE AND THE DEVELOPMENT OF ITS RESEARCH

The Trinca «Izvorul lui Luca» archaeological site is located about 2.5 km south of the southwestern outskirts of the village of Trinca, Edineț District. It occupies almost the whole area of a promontory formed by a bend of the Draghişte River, on its right bank. The promontory is longitudinally oriented from the northwest to the southeast; its highest altitude is 213.3 m at the north end and 183.3 m at the south-east, thus having the surface inclined to the southeast by 2.7°. The height of the promontory from the level of the Draghişte river bed is about 30—40 m. From the northwest, the promontory is protected by a massive limestone plateau, with an altitude of 248.1 m. In general, the place of the settlement is protected by the opposite bank, high (238.3 m), rocky and wooded (fig. 1: III).

The archaeological object Trinca «Izvorul lui Luca» was discovered in 1981 by archaeologist I. Borziac. At the time of discovery, the territory of the site was cultivated annually. On the surface, there were visible gray oval shaped spots, which were agglomerations composed of stones, fragments of pottery, animal bones, flint splinters, daub, and so on. Outside the spots, archaeological remains were rare or missing. The dimensions of the spots are 16 × 18 m. The distance between them ranges between 20—25 m and they were placed in the following way: 5 along the northeast extremity of the promontory; 4 — along the southwest extremity; three of them were disposed at an angle of 45 degrees from the southwestern extremity to the northeast, and there was a spot in the center of the promontory (Левицкий 1986, с. 55). The pottery and some objects collected from the surface of the spots allowed us to attribute the settlement predominantly to the first stage of the Iron Age.

The excavations were started in 1982 by O. Leviţki and continued, as much as possible, in 1984, 1989, and 1990. It is noteworthy that in 1989, based on the scientific collaboration program between the Academy of Sciences of Moldova and the Academy of Sciences of Ukraine, the area of the settlement was explored by the magnetometric cartography method (determination of the soil resistivity) which resulted in the discovery of some visually undetectable complexes. In order to confirm that along with the complexes represented by the agglomerations of remains of material culture there are other habitat structures in the limits of the settlement, two other excavations (SIV and SV) were carried out in 1989 and 1990, in which surface dwellings, pits, other arrangements have been discovered, as well as several utensils, tools, and a significant amount of mass archaeological material that indicate the existence of the late Hallstatt cultural-chronological horizon.

THE HABITATION LAYER OF THE LATE HALLSTATT PERIOD

The remains of the late Hallstatt period in the Trinca «Izvorul lui Luca» settlement are located mainly in the south-east of the site, now treeless on the promontory. The complexes that are clearly attributed to this horizon, that is, surface dwellings, auxiliary constructions, pits and other agglomerations of materials are concentrated mainly in the indicated zone and occupy a limited area at the extremity of this. In the excavations made in this area of the promontory (nos. IV, V), the vast majority of the archaeological material, mostly concentrated around the mentioned complexes, was found. Besides, in the other excava-

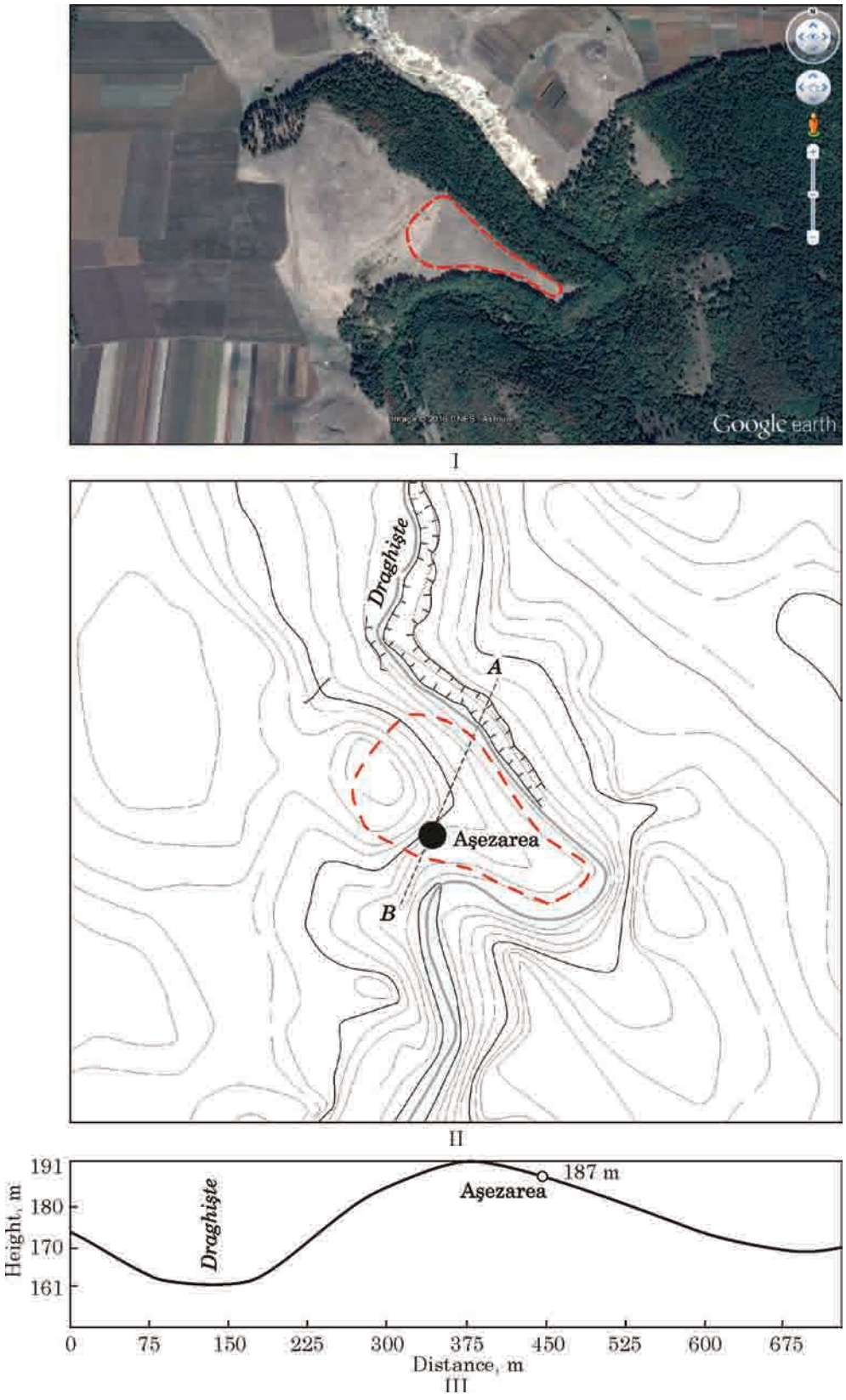

Fig. 1. Trinca «Izvorul lui Luca»: I — orthofothomap; II — topographic sketch; III — elevation profil

tions, remains of the late Hallstatt period, with rare exceptions, are virtually missing. At the same time, small-scale excavations carried out on the flat area of the promontory, directly adjacent from the east to the zone of the location of the complexes of the late Hallstatt period, have shown that the southeast extremity of the promontory, now covered with the forests, was also in-

habited in ancient times, and, it is not excluded, by the community that seized the promontory in the period under consideration.

HABITAT COMPLEXES, ANNEXES, PITS

Within the investigated area of the Trinca «Izvorul lui Luca» settlement, in the habitation layer of the late Hallstatt period there were discovered the remains of three surface dwellings, a ring of limestone that surrounds a large pit, and several pits.

Dwelling 1 (IV/1989) (fig. 2: A) was found at a depth of about 0.45—0.55 m from the modern ground surface. It is a surface dwelling of quasi-quadrangle shape (the sides of about 4.0 × 4.5 m), oriented on the east-west axis. The remains of the construction consist of a compact agglomeration of adobe, pieces of daub, and broken limestone

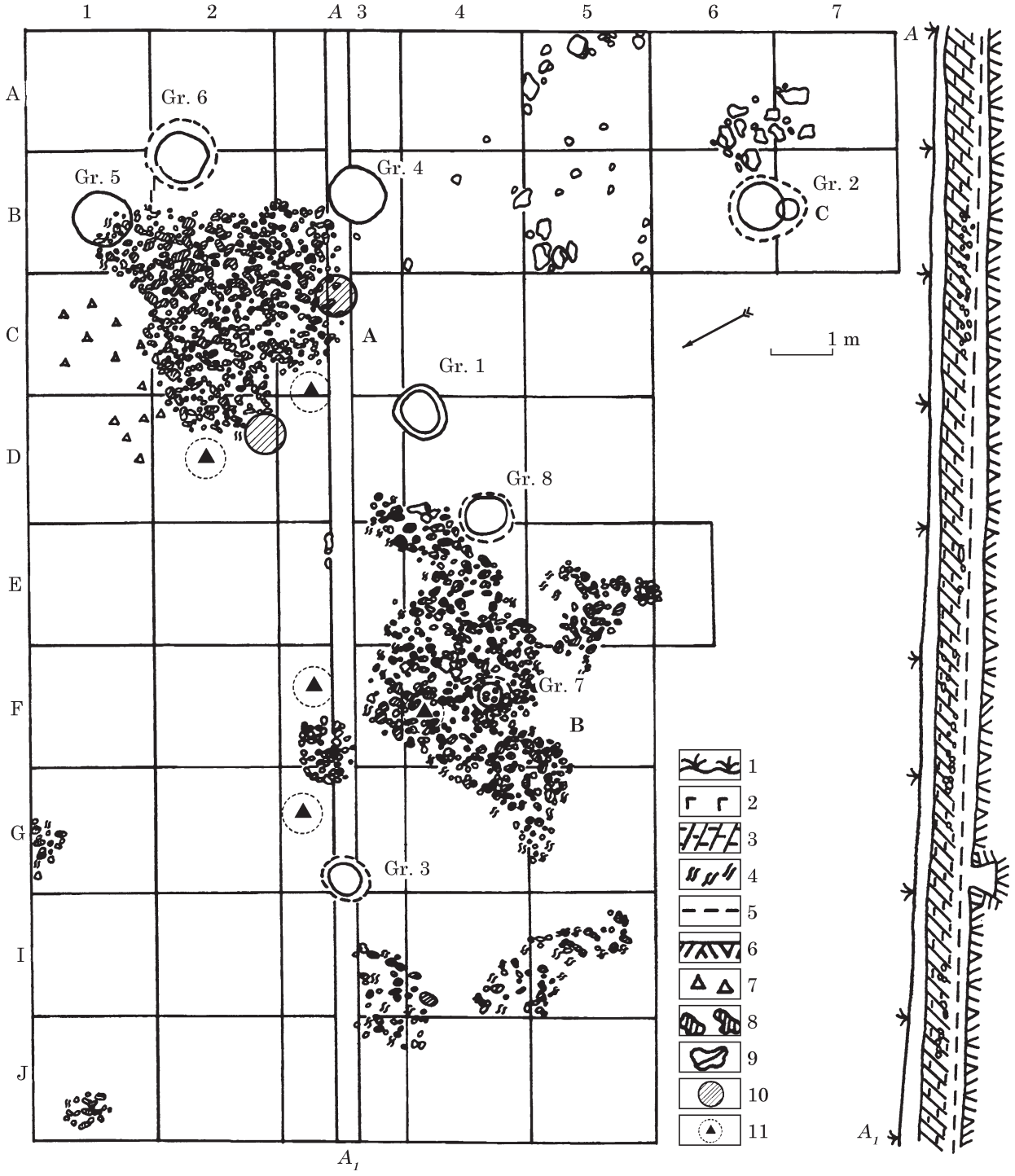

Fig. 2. Trinca Trinca «Izvorul lui Luca», Excavation IV: 1 — current horizon level; 2 — vegetal layer; 3 — ash layer; 4 — black-grayish layer; 5 — grayish-yellowish soil; 6 — bright yellow clay; 7 — fragments of pottery; 8 — adobe, daub; 9 — stones; 10 — restorable vessel-wheel; 11 — fragmented vessel-wheel

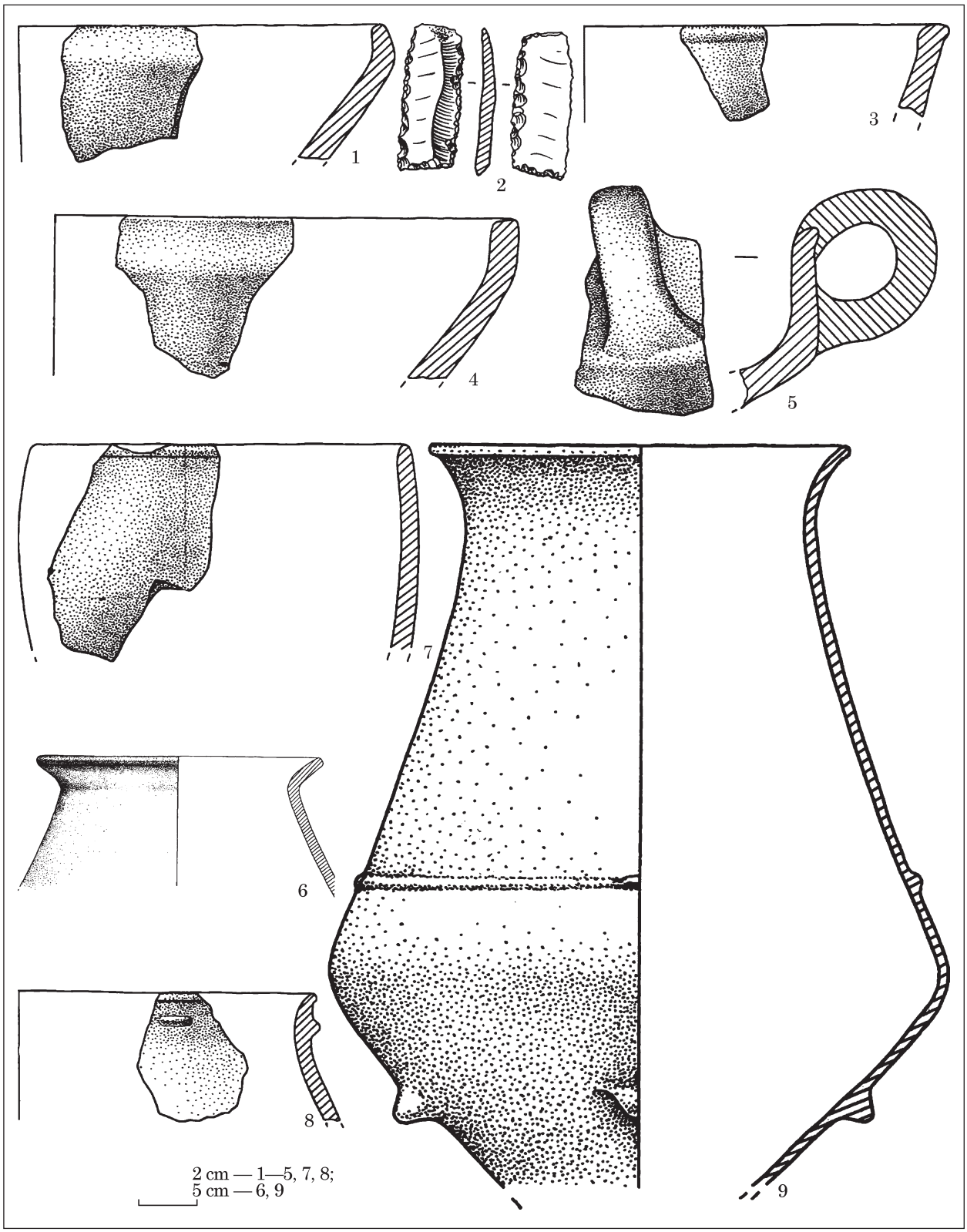

Fig. 3. Trinca «Izvorul lui Luca», Hand-shaped pottery, flint blade for sickles — Excavation IV: 1, 3—9 — burned clay; 2 — flint

stones about 0.1 m thick, as well as remnants of material culture. Directly near the eastern side there are 2 pits (nos. 5 and 6), the first one is partly covered by the remains of the dwelling. Another pit (no. 4) is located near its southern side. In the area occupied by remains of the construction, in the filling of pits 5 and 6, and in adjacent squares there were collected fragments of pottery, animal bones, and flintstones, some of which were burnt.

The collection of pottery found within the remains of the dwelling and directly near it, with

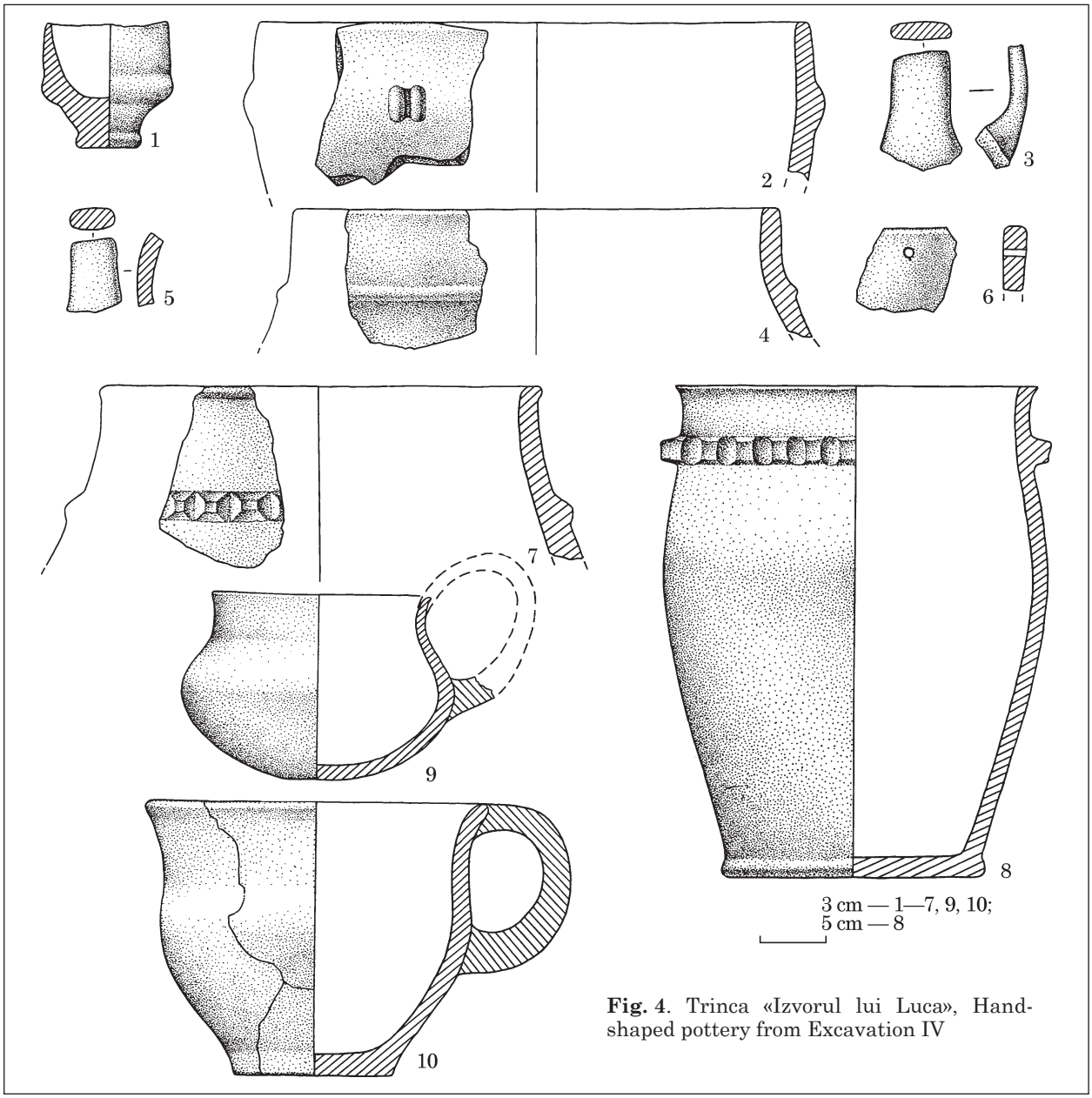

Fig. 4. Trinca «Izvorul lui Luca», Hand-shaped pottery from Excavation IV

the exception of 3 fragments of fine pottery of the Horodiştea—Gordineşti type, consists of vessels and fragments of vessels of the late Hallstatt period, among which there are two technological categories: hand—shaped pottery and wheel-made pottery. The percentage ratio between these categories is 88.7 % (220 fragments) and 11.3 % (28 fragments).

The hand-shaped pottery shows the presence of two conditional categories: fine ware and common ware, the percentage ratio of which is 57.4 % (128 fragments) and 11.3 % (95 fragments) respectively. Among *the fine ware* there are *large amphora-shaped containers* with a double truncated cone shaped body, the funnel-shaped neck, the rim arched outward, and a relatively narrow bottom, which are provided in the widest part of the body with relief ribbon interrupted by four horizontal oval symmetrically placed projections, and below have four symmetrical knobs (fig. 3: 9) and the upper part of another large vessel with the funnel-shaped neck and the rim sharply bent outward (fig. 3: 6), wide truncated cone *bowls* with thinned edges curved inward (fig. 3: 1), and mugs with raised handles (fig. 4: 3, 5). Among *the common wares* there are *tulip-shaped vessels*, *jar-shaped vessels* or *pots* ornamented with a row of perforations below the rim (fig. 4: 6) or with simple or alveolated horizontal belts on the shoulder (fig. 4: 4, 7).

The wheel-made pottery are mostly gray with the burnished surface and are represented by *Kruglik-type vessels* with the thickened, flared and horizontally cut edge (fig. 5: 1), the short neck undelimited from the rounded body, and the flat bottom (fig. 5: 9), which have a narrow rib at the junction of the neck with the body (fig. 5: 6), and by the relatively thin-walled vessels — *mugs / cups* and possibly *jugs* (fig. 5: 2, 3).

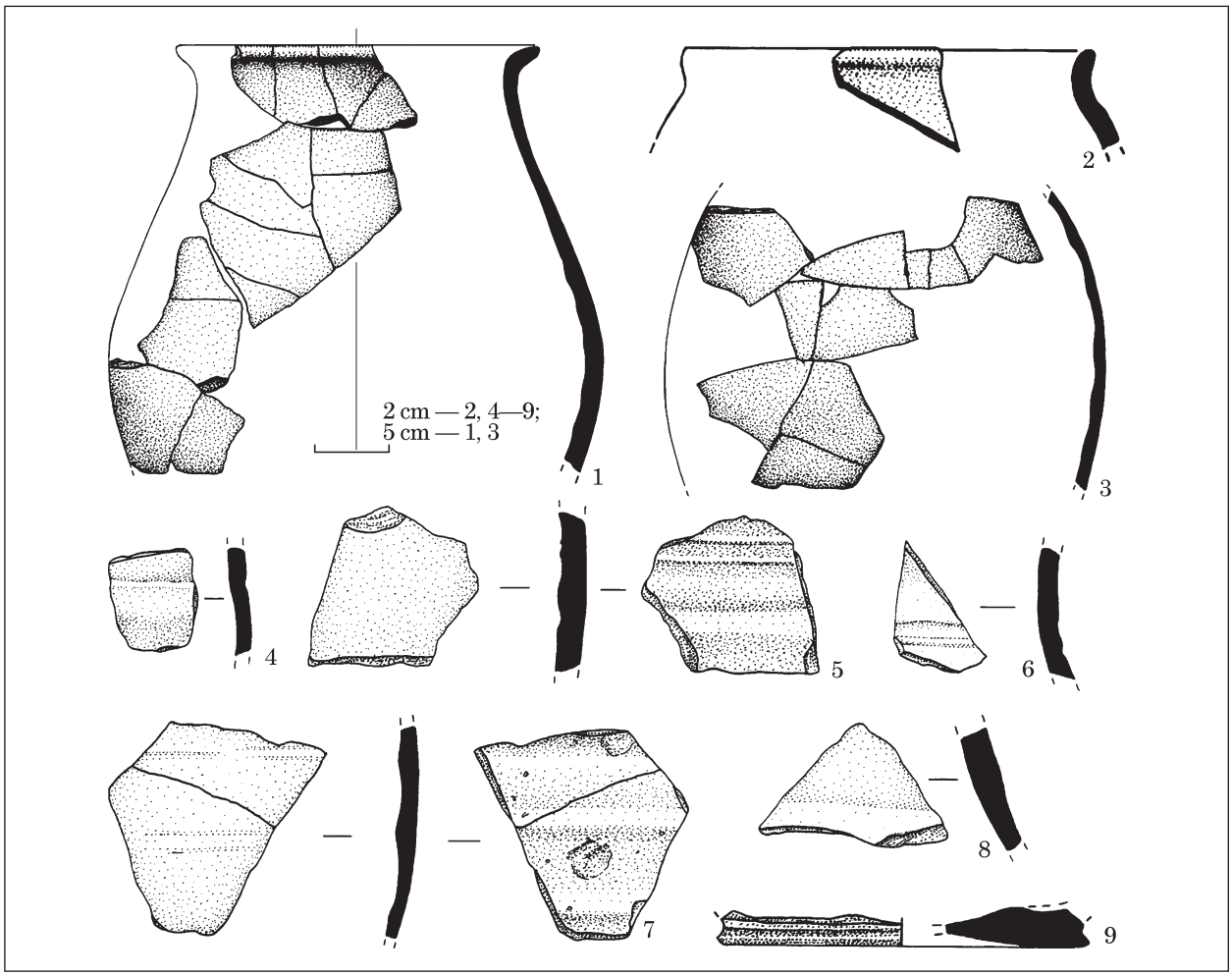

Fig. 5. Trinca «Izvorul lui Luca», Wheel-made pottery from Excavation IV

Dwelling 2 (IV/1989) (fig. 2: B) was found at the same depth of 0.45 — 0.55 m from the modern ground surface. The remains of the construction consist of several platforms and agglomerations of adobe, pieces of daub, limestone stones — about 0.1 to 0.15 m thick, as well as remnants of material culture placed on a quasi-quadrilateral area (about 6.5 × 8.0 m), oriented on the east-west axis. Approximately in the middle of the northern side of the dwelling, outside it, there is an oval shaped *stone platforme* (1.1 × 0.8 m), similarly oriented from the east to the west, consisted of a layer of limestone slabs of medium and small size with a thickness of 0.1—0.18 m, without signs of burning. On the opposite side, in the middle of the southern side, the remains of an open hearth located on an area of 0.75 × 0.5 m were identified, which is represented by pieces of daub 0.08—0.1 m thick. The surface of the hearth, carefully finished, has traces of intense burning. In the central part of the dwelling, on the same line as the stone platform and the hearth, under the adobe agglomeration, *pit 7* was identified. Two other pits (nos. 3 and 8) are located in the south-east and the north-west corners of the construction. The filling of the pits 7 and 8, from the level of their detection to the depth of 0.4 m and 0.3 m respectively, consists of fragments of adobe, daub, small burned stones. In the area occupied by the remains of the dwelling, including the platform and the hearth, the filling of pit 8 and neighboring squares, fragments of pottery, animal bones, and flintstones were collected, some of which were burned.

The assemblage of pottery found in the dwelling and directly near it, with the exception of 6 fragments of fine pottery of the Horodiştea-Gordineşti type, consists of vessels and fragments of vessels of the late Hallstatt period, which represent two technological categories: *the hand-shaped pottery* and *the wheel-made pottery*. The percentage ratio between these categories is 96 % (173 fragments) and 4 % (7 fragments).

The hand-shaped pottery represents two conventional categories: fine ware and common ware, with a percentage ratio of 22.5 % (39 fragments) and 77.5 % (134 fragments). Among *the fine ware* there are: *unornamented mugs* — a low specimen with a round body, a short cylindrical neck with a slightly flared edge, a narrow flat bottom and a raised handle (fig. 4: 9), another, wide open, with a slightly S-shaped body, the flat bottom, provid-

ed with the handle that joins the edge with the shoulder (fig. 4: 10) and one with the short body, with high vertical upper part thinned to the edge and slightly raised handle (fig. 3: 5) and truncated cone *bowls* with the vertival straight edge (fig. 3: 4) or wide open ones, truncated conic, with a straight rim, the edge of which is rounded and slightly thickened (fig. 3: 3). *The common ware* is represented by medium-sized *tulip-shaped vessels*, one with horizontally arranged oval protrusions below the edge (fig. 3: 8) and *jar-shaped vessels* slightly rounded to the mouth, with thinned edge slightly bent inside (fig. 3: 7) or with the straight vertical edge, with vertically perforated protrusions below the edge (fig. 4: 2), as well as a container with the body slightly widened at the middle (the double truncated cone shape) ornamented below the edge with a massive alveoli belt interrupted by two symmetrically arranged knobs (fig. 4: 8).

The wheel-made pottery, technologically similar to that of the previous dwelling — with gray burnished surface, is represented only by fragments of vessels with relatively thin and thick walls belonging, possibly, to *the Kruglik-type* containers.

Dwelling 1 (V/1990) (fig. 6) was found at a depth of about 0.40—0.55 m from the modern ground surface. It is a surface dwelling, of which it was possible to investigate only a half, because the other half is in the wooded area of the promontory. As can be seen from the configuration of the investigated part, the dwelling was quasi-quadrilateral (about 8.0 × 6.0 m), oriented on the southwest-northeast axis. The remains of the construction consist of an agglomeration of pieces of adobe, daub, and limestone stones about 0.1—0.14 m thick, as well as of the remnants of material culture. From the area occupied by the remains of the dwelling and from the neighboring squares fragments of pottery, animal bones, flintstones, and some other finds were collected. The last ones are two fragments of spindle-whorls made of fired clay (fig. 7: 3,4), three ceramic vessels — *a miniature vessel* (fig. 7: 6), *a mug* (fig. 7: 7), and *a tulip-shaped vessel* (fig. 7: 9), *two flint blades* for sickles (fig. 7: 2), *a sandstone grinder*, *a bronze needle rod* (fig. 7: 8), and a fragment of *a pestle made of a river pebble*.

Pottery found among the remains of the dwelling and directly near it, with the exception of 29 fragments of the Horodiştea-Gordineşti type (exclusively from the category of fine pottery), belongs to the first stage of the Iron Age. In the Iron Age pottery assemblage, in terms of the modeling technique, there are two technological categories: *the hand-shaped pottery* and *the wheel-made pottery*, the percentage ratio of them being 95.2 % (1212 fragments) and 4.79 % (61 fragments).

The hand-shaped pottery is also represented by two conventional categories: fine ware and common ware. The percentage ratio between these categories is 14.94 % (181 fragments) and 85.05 % (1030 fragments). Among *the fine pottery* there are *amphora-shaped vessels* of a double truncated cone shape, with funnel-shaped neck and flared rim, some decorated with conical protrusions (fig. 8: 8, 14); wide open *bowls* of a truncated cone shape, with the body rounded to the mouth and the flared edge, one specimen is ornamented on the top by roughly executed parallel horizontal grooves (fig. 7: 1, 5; 8: 2, 4—6); *mugs* of a truncated cone shape with the raised handle (fig. 8: 1,3); and mugs with accented S-shaped body — both without ornament (fig. 7: 7), and unornamented *cups* with the rounded body, the high neck of truncated cone shape and the narrow bottom with umbo (fig. 7: 10). Among *the common ware* there are *tulip-shaped vessels* ornamented by a string of holes arranged below the rim; by oval protrusions arranged obliquely on the shoulder of the vessel, a row of holes under the rim in combination with oval protrusions disposed obliquely on the shoulder of the vessel, oval, alveolar protrusions disposed horizontally on the shoulder of the vessel, a simple belt on the shoulder of the vessel, a row of holes arranged below the edge and a horizontal alveolated belt 8 cm below, on the neck, from which a similar segment (fig. 7: 9, 11, 12; 8: 11, 12, 15), jar-shaped pots ornamented below the edge with a row of holes or a row of punctures, in combination with an alveolated belt disposed below the edge of the vessel, a mouth diameter of about 31 cm (fig. 8: 7, 13), and *vessels with quasi double truncated cone shaped body*, with a row of holes below the edge in association with an alveolated belt placed below it (fig. 8: 9) or only with the alveolated belt below the edge (fig. 8: 9, 10).

The wheel-made pottery, mostly of gray color with burnished surfaces, is represented by a *mug with the body of double truncated cone shape* and the flared edge, the slightly concave bottom and the raised handle (fig. 9: 1), vessels with high handles with round section (fig. 9: 2), two containers with flared edge with a groove on the outer surface (fig. 9: 4, 5), *Kruglik-type vessels* (fig. 9: 3, 6—9), and, possibly, *bowls with flared edge*.

The ring of stones (IV/1989) (fig. 2: C) was found at the depth of the dwellings, about 2 m south of them. Judging by the outline of the eastern part, it can be presumed that it initially had a circular shape with a diameter of about 5 m and a height of about 0.2—0.25 m. It is made up of large broken limestone stones (80 × 40 × 20 cm — 50 × 25 × 20 cm) deposited in a single layer, among which there are also smaller stones. In the southwest part of the ring, there is an amorphous platform of flat stones and a large pit (no. 2). Among the stones that make up the ring and the platform, as well as in the filling of the pit, fragments of common ware of the Iron Age, animal bones, and flintstones were found.

The pits found near or inside the surface dwellings have an oval or irregular circular shape

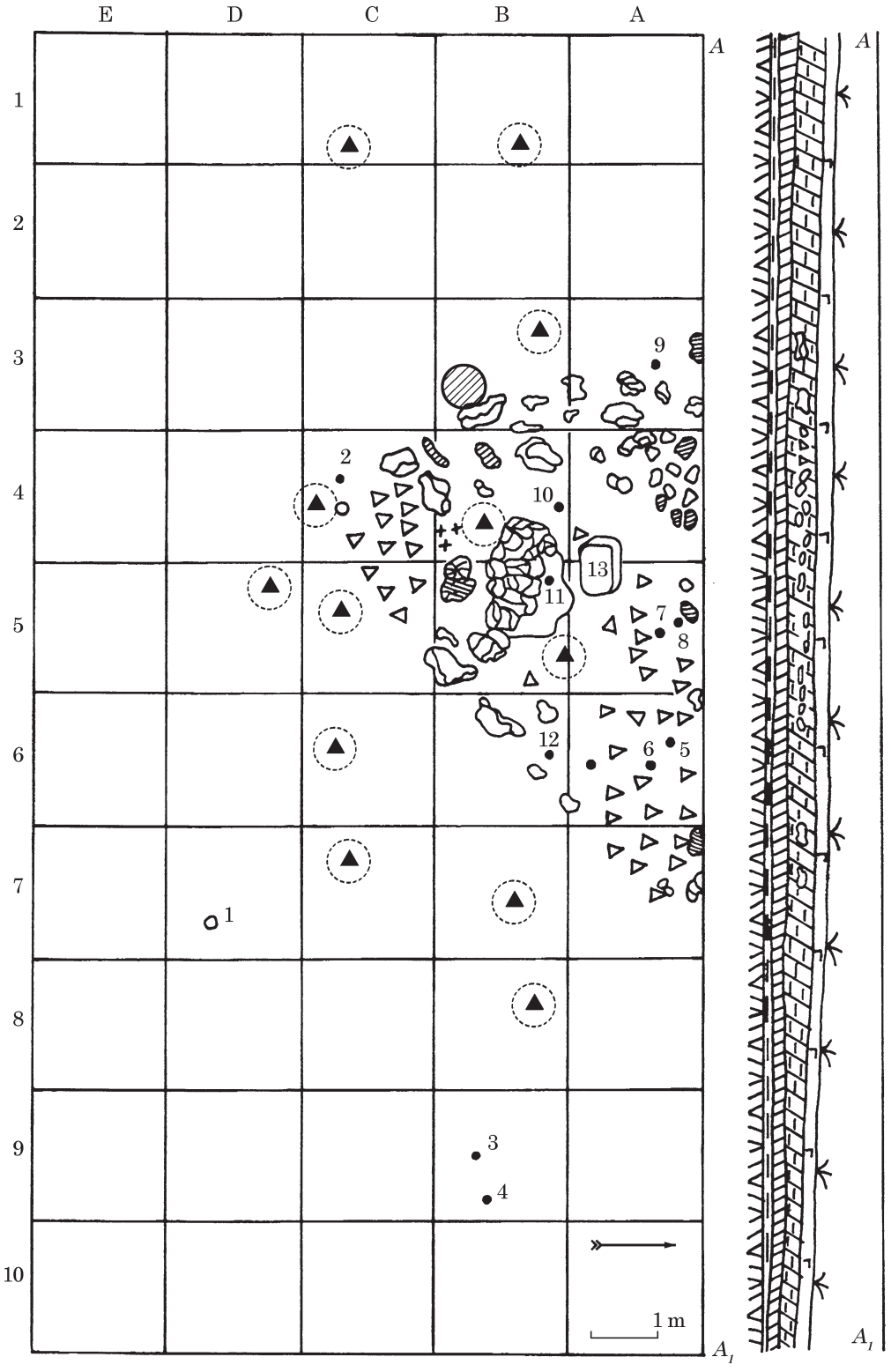

Fig. 6. Trinca «Izvorul lui Luca» — Excavation V. **Legend see** at fig. 2

in plan, with the horizontal bottom, they differ in size (diameter at the detection level ranging from 0.8 to 1.5 m, bottom diameter from 0.8 m to 1.3 m, depth from 0.4 to 1 m) and in shape of the section: with the walls narrowing to the bottom (pit 1); with vertical walls (pits 4 and 5); with the bell-shaped profile (pits nos. 3, 6—8). Pit 2, IV/1989 from the stone ring had an oval shape with diameters of 0.68—0.72 m and the bell-shaped section. Its depth is 0.80 m; the bottom diameter is about 1.28—1.30 m (fig. 2). In the southwest part of the bottom of the pit there is a recess of oval shape, the walls of which narrow to the bottom with the inclining from the north to the south. Diameters of the recess are 0.5—0.36 m and the depth is 0.18—0.22 m (fig. 2).

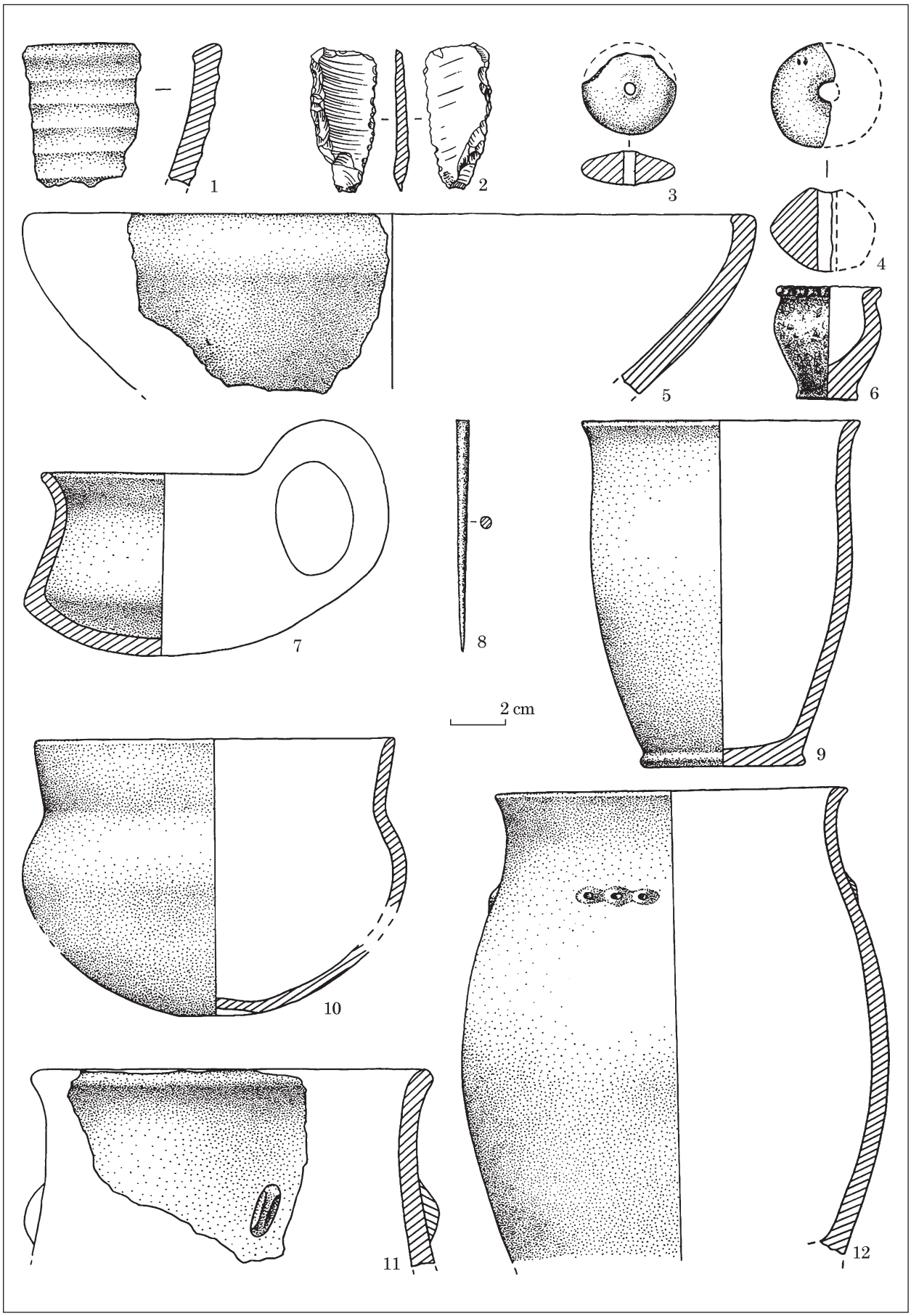

Fig. 7. Trinca «Izvorul lui Luca», Hand-shaped pottery; finds from Excavation V: 1, 3—7, 9—12 — burned clay; 2 — flint; 8 — bronze

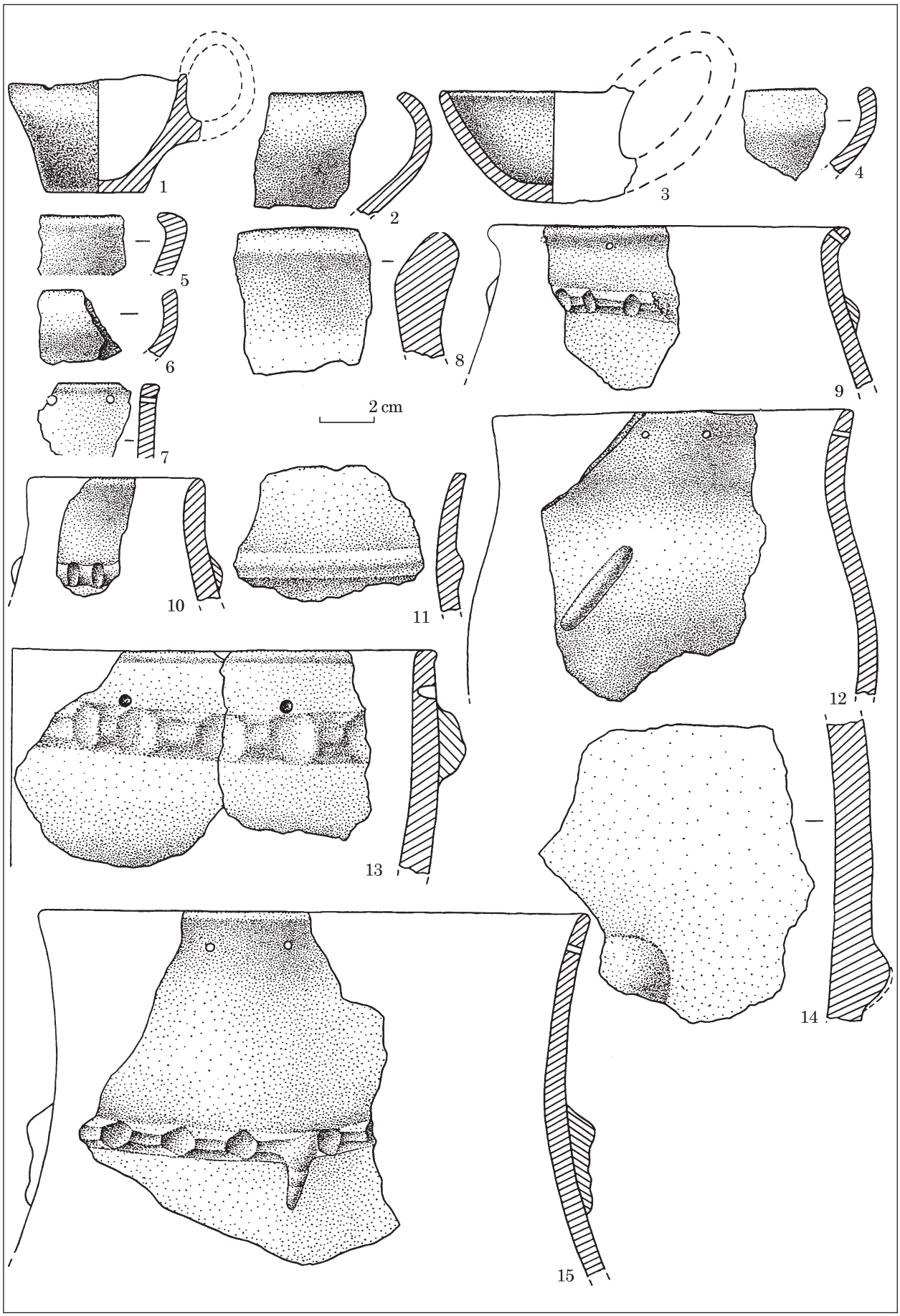

Fig. 8. Trinca «Izvorul lui Luca», Hand-shaped pottery from Excavation V

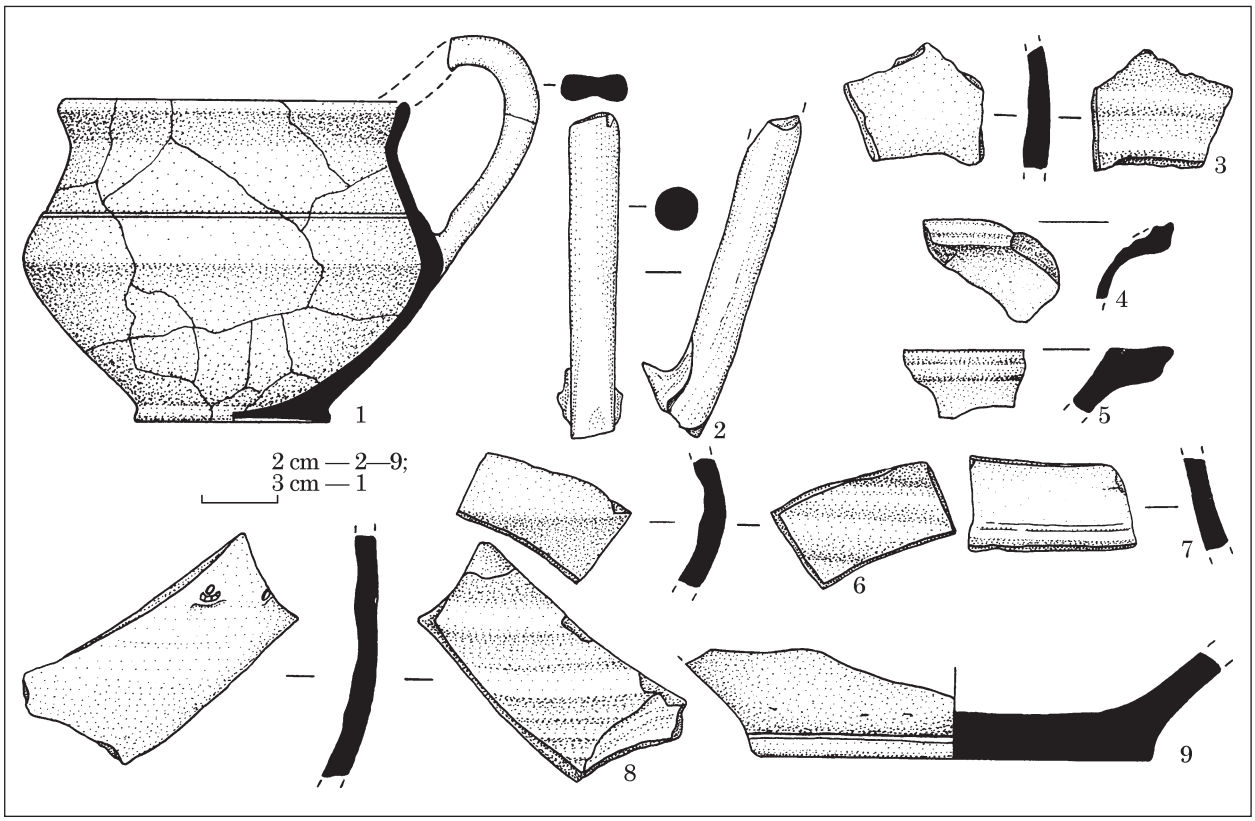

Fig. 9. Trinca «Izvorul lui Luca». Wheel-made pottery from Excavation V

Regarding the destination of the pits in the housing complexes of the late Hallstatt period at Trinca, we can assume that those in the dwellings or directly near them were used in particular as storages or cellars. Certain household functions, initially, probably fulfilled the other pits, and only later they were used to store household waste.

Pottery. According to the modeling technique, there are two categories in the late Hallstatt pottery collection: the hand-shaped pottery and the wheel-made pottery. Based on the collected fragments, the share of wheel-made pottery is 8.88 % in Excavation IV (1989) and 4.8 % in Excavation V (1990).

The hand-shaped pottery. In terms of technology, two main conventional categories are identified: fine ware and common ware. The first category includes pottery made of a compact clay body, well kneaded, having as a degreasing component finely crushed ceramic shards, sometimes in combination with sand, fine grained gravel or mica. The surfaces of the vessels are smooth or burnished, sometimes covered with slip, predominantly gray or brown with darker or lighter spots. The second category includes pottery molded of a coarse clay body mixed with coarsely crushed shards, rarely in combination with small limestone stones and fine grained gravel or with sand and mica. Surfaces of the vessels, generally smoothed, have some unevenness, in some cases voids. The color is gray of various shades or brown with gray spots. The vast majority is common ware, the share of fine ware ranging between 15 % (Excavation V, 1990) and 39.24 % (Excavation IV, 1989).

In terms of technology, morphology and ornamentation, hand-shaped pottery has a homogeneous character. The following types of pottery are identified in *the fine ware*: *amphora-shaped vessels*, *bowls*, *mugs* and *cups*, the shares of which are respectively 67, 15.6, 14,9, and 2,5 %, and in the common ware: *tulip-shaped vessels*, *jar-type pots*, and *vessels with slightly truncated cone shaped body*, the shares of which are respectively 63.5, 30.6, and 5.9 %.

The fine ware.

Large vessels of double truncated conical shape. A distinctive feature of these vessels is two colors: their outer surface, well-treated, is black or dark gray, and the inner one is yellow, orange or light gray. There are the following types:

a) a large vessel with a double truncated cone body, a funnel-shaped neck, an arched outward rim, and a relatively narrow bottom. The upper part of the vessel is twice as large as the lower part and the height exceeds the maximum diameter. Above the most prominent part, the vessel has a relief rib interrupted by four symmetrically placed horizontal oval projections, and below it has four symmetrically placed massive knobs (fig. 3: 9);

b) a large vessel with a double truncated cone body, a funnel-shaped neck, and a sharply flared rim (fig. 3: 6).

The vessels of double truncated cone shape in the upper part of the body can be ornamented with conical protrusions (fig. 8: 14).

Bowls. Several variants of unornamented vessels are identified:

a) wide open *bowls*, of truncated cone shape, with the flat bottom, straight walls at the top and the thin rim bent inward (fig. 3: 1) or vertical with strait edge (fig. 3: 4);

b) *bowls* of truncated cone shape, with a body rounding to the mouth and the edge curved inward and rounded (fig. 8: 2, 4), thinned (fig. 8: 5), horizontally cut (fig. 7: 5) or obliquely cut (fig. 8: 6). With the exception of one specimen with the obliquely cut edge, which is ornamented in the upper part with coarsely made parallel horizontal grooves (fig. 7: 1), other vessels have no ornamentation (fig. 7: 5);

c) *bowls* of truncated cone shape, with straight walls in the upper part and the strait rim, with rounded and slightly thickened edge (fig. 3: 3).

Mugs are represented by several intact unornamented spesimens, which are morphologically subdivided into the following types:

a) low mug with the round body, short cylindrical neck, slightly flared edge, narrow flat bottom and raised handle (fig. 4: 9);

b) wide open mug with slightly S-shaped body, and flat bottom, which is provided with a handle that joins the rim with the shoulder (fig. 4: 10);

c) mug with low body, the high vertical upper part thinned to the edge, and slightly raised handle (fig. 3: 5);

d) mugs of truncated cone shape, with raised handle, low body, slightly arched walls and the flat bottom (fig. 8: 1, 3);

e) small mug with pronounced S-shaped body and rounded bottom (fig. 7: 7).

Cups (unornamented) are characterized by the rounded body, the truncated cone shaped neck, and the narrow bottom with an umbo (fig. 7: 10).

Common ware. There are tulip-shaped vessels, jar-shaped pots, and vessels with the bodies of slightly double truncated conical shape.

The tulip-shaped vessels include several variants that differ from each other in morphological characteristics, ornamental motifs, their location on the body, as well as in size and proportions:

a) medium-sized containers with the thin edge, having horizontally arranged oval protrusions below the rim (fig. 3: 8);

b) medium-sized vessels with straight cut or rounded edge, some of which are ornamented with: a row of holes arranged beneath the rim; oval protrusions arranged obliquely on the shoulder of the vessel (fig. 7: 11); a row of holes under the rim in combination with oval protrusions arranged obliquely on the shoulder of the vessel (fig. 8: 12); oval protrusions horizontally arranged on the shoulder of the vessel (fig. 7: 12); a simple belt on the shoulder of the vessel (fig. 8: 11 others are not ornamented (fig. 7: 9);

c) vessels with the high trumpet-shaped neck and the body plump at the middle, ornamented with a row of holes arranged below the edge, and below, on the neck, with a horizontal belt of alveoli, from which a similar segment descends (fig. 8: 15).

The jar-shaped pots, with the vertical walls in the upper part, gradually narrowing to the bottom. There are the following variants:

a) large containers with the body slightly widened in the middle, gradually narrowing to the flattened bottom, with the slightly noticible neck and with the horizontal straight edge, which are ornamented below the edge with the massive belt of alveoli interrupted by two symmetrically placed knods (fig. 4: 8);

b) large vessels, with the rim slightly thicker from the outside, ornamented with a row of punctures in combination with an alveolated belt disposed 1.3 cm below the edge of the vessel (fig. 8: 13);

c) vessels slightly rounded pots to the mouth, with the slightly thinned edge bent inward or with the stright vertical edge, one of which is provided below the edge with vertically perforated protrusions (fig. 3: 7; 4: 2).

Vessels of slightly double truncated conical shape. They are of medium and small size, with the slightly flared or vertical edge, ornamented with a row of holes under the edge in association with an alveolated belt placed 2.4 cm below it (fig. 8: 9); only with a belt 3 cm below the edge, with alveoli (fig. 4: 7) or simple (fig. 4: 4).

Concluding the presentation of common ware, let us note that in the ornamentation of the bodies of the vessels the belt prevails (with alveoli — about 64.7—71.42 % and, respectively, simple ones about 5.88—14.28 %), the share of knobs being only about 14.28—29.4 %.

Vessels of double truncated conical shape (amphora-shaped ones) of large size, of the type certified in the habitat complexes from the settlement (fig. 3: 9), are one of the most specific ceramic forms of the Hallstatt era, including the late period, spread over a vast area. The vessels of this type are also represented in the nearby necropolis of Trinca «Drumul Feteştilor» by fragments of thick walls with insufficiently burnished matt outer surface of black color and a smooth inner surface of yellowish-gray (Levițchi 2006, fig. 9: 1, 13).

Wheel-made pottery.

The wheel-made pottery in Excavations IV and V, in general, was found in conditions similar to those in which hand-shaped pottery was recovered, their shares, as already mentioned, were respectively 8.88 and 4.79 %.

In terms of technology, this category of pottery has been made ob a fine clay body, in most cases containing mica of golden color. The color of the fragments is, in particular, gray with lighter or darker shades, rarely light brown. The surface

of the vessels was covered with slip, subsequently burnished or neatly smoothed.

The assemblage of wheel-made potteru from the Trinca «Izvorul lui Luca» settlement is not numerous. There are:

• Kruglik-type containers — with the thickened, flared, and horizontally cut edge (fig. 5: 1), the short neck undelimited from the rounded body, and the flat bottom (fig. 5: 9; 9: 9), with a narrow rib at the junction of the neck with the body (fig. 5: 6). The dimensions of these containers are different depending on the thickness of the walls (maximum thickness is 1—1,3 cm) (fig. 9: 3, 6—8);

• mugs with the double truncated conical body and the flared edge, with the raised wide band handle with longitudinal grooves on both sides, the outer one being more accentuated. The transition zone from the neck to the body is marked by a ledge and the most prominent part of the body — by a pronounced rib. The bottom of the mug is slightly concave and profiled, with traces of the support of the potter's wheel (fig. 9: 1);

• vessels with relatively thin walls, which, taking into account the fragment of the gradually flared rim (fig. 4: 2) and the reconstructed middle part of another container (fig. 5: 2), are mugs / cups and, possibly, jugs;

• vessels with high handles (fragment length is 9.7 cm) with round section, made of fine gray clay body with mica and fine sifted sand, with the burnished surface (fig. 9: 2);

• containers with flared edge, with grooves on the outside, made of fine clay body with mica in the structure, covered with slip and fine burnished (fig. 9: 4, 5).

Other finds are represented by utensils and tools made of clay, stone, flint, and metal (bronze, iron).

The category of ***objects made of fired clay*** includs: *miniature vessels*, which in terms of morphology repeat the types of ordinary vessels; the spindle-whorls round and discoidal in plan and of double truncated conical shape and, respectivly, lenticular in section (fig. 7: 3, 4); possibly, some of the zoomorphous figureines representing a horse, etc.

Flint tools generally attributed to the late Hallstatt period are represented only by *the silex blades for sickles*, retouched on the edges and with intensive traces of use — the gloss, found in complexes (fig. 3: 2; 7: 2). Other types of flint tools, attested in a large quantity in the settlement, except for those characteristic of the Paleolithic period, may belong to the pre- and post-Hallstatt horizons.

The stone items are represented by compact gray grinders made of quartz sandstone and pestles made of smooth river pebbles.

The metal objects are represented by the rod of a bronze needle with the head broken in old time (fig. 7: 8), the blade of a straight backed knife, and the triangular iron piece.

* * *

The late Hallstatt settlement of Trinca «Izvorul lui Luca» due to its geographical position in the western part of the Northern Moldavian Plateau is located on the southern edge of the Western Podolian group area (Leviţchi 1992, p. 121). This is an open settlement located on a naturally bounded portion of land — on a promontory. Its topographic features make access to it somewhat difficult. The area of the promontory inhabited in the late Hallstatt period, at the current stage of investigations, is difficult to establish. We can only say that the remains of the late Hallstatt period are located mainly in the southeastern part of it, accordingly, assuming that the currently forested flat area of the promontory, directly adjacent from the east to the area of location of the complexes of the late Hallstatt period, in ancient times was also populated and, possibly, by the community that owned the promontory during the period under consideration.

In this context, it must be mentioned that the settlements exactly attributed to the Western Podolian group in the western part of the Northern Moldavian Plateau — Berlinţi (Guchin 1993, manuscript) and Lipcani «La Rabii» (Leviţki et al. 2010, p. 142—150) are also located on the promontories. On the promontories are also located the settlements considered to be of the Western Podolian type in the Middle Dniester basin (Лапушнян и др. 1974, рис. 1, § 3, 4, 6—8, 15). The settlements of the Western Podolian group communities from the regions immediately adjacent to the Northern Moldavian Plateau on the north — the current regions of Chernivtsi and Ivano-Frankovsk — were also founded primarily on higher ground (promontories, high banks or rivers of ravines) (Мелюкова 1958, с. 32; Крушельницкая 1990, рис. 1, 152).

The site of Trinca «Izvorul lui Luca» is the only excavated settlement of the late Hallstatt period and, along with the mound burial of Trinca «Drumul Feteştilor», it provides important information on the way of life of the Western Podolian communities that populated the Northern Moldavian Plateau during this period.

Surface dwellings in the habitation layer of the late Hallstatt of the housing Hallstatt later, as seen from the above, were found at a depth of about 0.40 to 0.55 m from the modern ground surface. The remains are platforms and agglomerations about 0.1—0.15 m thick consisted of adobe pieces (a part of which is relatively smooth and the other retains the prints of large and small diameter rods that intersect at different angles), pieces of daub from hearths, broken limestone stones, and other remnants of material culture. The configuration of the area occupied by them assumes quasi-quadrilateral shapes of constructions (the sides of about 6.0 × 8.0 m and 4 × 4.5 m) and orientation, with some deviations, on the east-west axis. No pits of pillars/poles were

found in any of them, which would suggest their presence in the structure of the dwellings. The heating system, identified in one of the dwellings, is an open hearth. Near the dwellings there are stone platforms and pits, some of the latter there are also within the dwellings.

In the regions around the Northern Moldavian Plateau, in the zone of location of the settlements, systematic researches of the settlements were carried out only in the area of the Western Podolian group in the Middle Dniester basin, where both surface and underground dwellings were discovered (Мелюкова 1958, с. 32—33; Петренко 1989, с. 73; Смирнова 2004, с. 425), which is typical for this period also in the Upper Dniester region (Крушельницкая 1990а, с. 148—149), the Transcarpathian region of Ukraine (Крушельницкая 1990а, с. 158), and the Southern Bug basin (Петренко 1989, с. 72).

The surface dwellings, relatively well preserved, which were found in the settlements of the Western Podolian group at Ivane-Puste and Zalissja, represent the constructions with a wooden framework, which had in the structure of walls the corner pillars covered on both sides with a coat of coarse clay mixed with vegetable debris. They are quadrilateral, oriented on the east-west axis, the sides being 6.3 × 4.1 m and 10 × 12 m respectively, with the floors covered with clay and trimmed. As heating systems, stoves and open hearths were used (Ганіна 1965, с. 106—107; 1984, с. 69). In the settlement of Neporotovo, the surface construction of a rectangular shape with the sides of 8 m and 14 m respectively, oriented northeast-southwest, also had pillars in the structure of the walls (Крушельницька1998, с. 16, рис. 4). The large surface dwelling in the settlement of Dolinjany, represented by two hearths, 8 pits, and several shapeless recesses, does not attest the presence of the pits which implies the presence of the pillars in the construction of the walls (Смирнова 2001, с. 61, 70). Thus, the dwellings found in the Trinca settlement, according to parameters such as the rectangular shape, dimensions, orientation on the east-west axis, the types of heating systems, the presence of pits within them, are close to those used by the communities of the Western Podolian group, while at the same time differing from dwellings from Ivane-Puste and Neporotovo by the absence of pillars in the structure of the walls, and from the first ones also by the absence of clay-coated floors.

The ring of stone along with the platform of flat stones and the large pit (no. 2) located in the southwestern part of its inner area may be the remains of the foundation of an auxiliary construction, of a hut type, built to cover / ptotect the platform and the pit storage. Its walls and roof were made mostly of wood (thin rods, branches) and reed / cane, without subsequent coating with clay, or it was so thin that its fragments did not preserved. The location of this structure near the dwelling 1 allows to consider that the dwelling, the auxiliary construction, and pits 1 and 4 located between them formed a single housing-household complex, in many respects similar to those characteristic of the previous Hallstatt habitation layers in this settlement (Leviţki, Sîrbu 2019, *in print*).

The housing-household complexes, consisting of a dwelling and several auxiliary facilities (open-air hearths, pits for storage, pits for household waste etc.) are also certified in other settlements of that time investigated in the basins of the middle courses of Dniester and Dnieper (Смирнова 1981, с. 43—44; Ковпаненко и др. 1989, с. 14—19; Скорый, Бессонова 1996, с. 222—232; Бессонова, Скорый 2001, с. 44—55; Шрамко 1987, с. 69—82 etc.). At the same time, structures similar to the auxiliary construction considered here, both in terms of the circular shape, the elements that form it, and of the arrangement in the sites where the analogies of dwellings of both types are identified are not known to us.

The technological categories, the morphological types, the ornamental compositions, the way and the manner of application of the constitutive elements attested in ***the assemblage of hand-shaped pottery*** are common to the pottery of the Western Podolian / Podolian-Moldavian cultural group in the Middle Dniester region and the Rădăuţi Depression in Southern Bucovina (Ганіна 1965, с. 107; 1984, с. 70; Смирнова 1978, с. 31; 1981, с. 50; Ignat 2006, p. 55), and to the pottery from the late Hallstatt mound burial of Trinca «Drumul Feteştilor» located about 1.5—2 km to the northeast of the settlement (Levițchi 2006, p. 71). Similar characteristics are also common to the pottery used in the North Thracian cultural environment of the late Hallstatt period in the area between the Dniester and the Danube (Смирнова 1981, с. 50; Крушельницкая 1990а, с. 143; Попович 1993, с. 268; Vasiliev 1980, p. 61; Vulpe 1967, p. 37) as well as in the early Scythian cultural environment in the forest-steppe area on the right bank of the Dnieper (Смирнова 1961, с. 92; Шрамко 1987, с. 108—110; Ковпаненко и др. 1989, с. 50).

The wheel-made gray pottery similar / analogous to that found in the Trinca settlement of the late Hallstatt period is known in the sites of several cultures and cultural groups in the area between the Dniester on the east and the Danube on the west.

In the area of the Western Podolian group in the Middle Dniester region and the Rădăuţi Depression, this category of pottery is attested in the settlements of Ivane-Puste (Ганіна 1965, с. 109—115, рис. 1: 8, 9; 4: 9); Zalissja (Ганіна 1984, с. 74, рис. 4: 1, 6); Dolinjany (Смирнова 1978, с. 33, рис. 5: 5; 1981, с. 54—55, рис. 15; 1986, с. 40, рис. 2: 13, 14; 3: 1—6, 8—10; 5: 1; 1998, с. 45, рис. 7: 5, 9, 10, 12, 13; 2001, с. 66, рис. 5: 3, 4, 10); Neporotovo (Крушельницька

1998, с. 17, рис. 6: 2) and in burial complexes: Tumulus (B) of Novoselka Grymalovskaja (Sulimirski 1936, p. 82—83, Tab. XV: 6); T. I. of Servatincy (Sulimirski 1936, p. 93—94, Tab. XV: 9); T. of Lisičniki (Смирнова 2004, с. 423, рис. 2: 6); T. I. of Kruglik (Смирнова 1968, с. 15, рис. 2: 8); T. 6 of Cajvana (Ignat 2000, p. 336, fig. 2: 6; 2006, p. 28, 62; Pl. XIV: 4); T. 3 of Šutnivcy (Гуцал и др. 1998, с. 75, fig. 2: 15); T. 2 and 3 of Teklivka (Гуцал и др. 2003, с. 91, 92, fig. 2: 4); T. 4 of Kolodiivka (Гуцал и др. 2005, с. 119); including T. 5 from the nearby mound burial of Trinca «Drumul Feteştilor» (Levițchi 2006, p. 32, 88; fig. 27: 7).

Much more unevenly and in varying proportions the wheel-made pottery is present in the late Hallstatt cultural units in the Carpathian-Danube region: for the Kuštanovice culture from the Transcarpathian region of Ukraine, it is known in limited quantities and only in some burials (Крушельницька 1974, с. 267; Смирнова, Бернякович 1965, с. 103; т. III: 10; Попович 1990, с. 161; 1993, с. 285; Nemeti 1972, p. 143; Moscalu 1983, p. 175); for the Scythian group in Transylvania (cultural aspect Ciumbrud), with some exceptions, it is practically not attested (Moscalu 1983, p. 159; Йерем 1986, прим. 353); for the Ferigile-Bârseşti group in the area of Southern and Curvature Carpathians, it is known only in some burial complexes (Vulpe 1970, p. 189; Vulpe, Popescu 1972, p. 83, 110—111; Morintz 1959, p. 232, Fig. 1: 1) and only in the Vekerzug culture sites in northeastern Hungary, southeast Slovakia and northwest Romania this category of pottery has a relatively large share (Chochorowski 1985, p. 48—51; Йерем 1986, с. 180, прим. 341; Nemeti 1972, p. 135—138; 1982, p. 121—122, 124; Romsauer 1993, p. 16).

The wheel-made pottery is also known in the sites of the early Scythian culture in the forrest-steppe zone east of the Dniester (Петренко 1967, с. 12—13; Ковпаненко и др. 1989, с. 85; Шрамко 1998, с. 125; Бессонова, Скорый 2001, с. 81—82; Шрамко и др. 2004, с. 28).

Other finds from the complexes in late Hallstatt layer or from the excavation layers, as evidenced by their analysis, do not have strictly established chronological limits. Most of them have direct parallels in the complexes of the «Drumul Feteştilor» cemetery in the same locality dated from the period from the middle of the 7th century to the first quarter / middle of the 6th century BC (Levițchi 2006, p. 104), which generally corresponds to a period of development of the Western Podolian / Podolian-Moldavian cultural group in the Middle Dniester Basin, the Rădăuți Depression, and the Northern Moldavian Plateau.

Thus, the finds characteristic of late Hallstatt habitation layer, both from the habitat complexes dated from this period and from the excavation layers, in terms of quantity and assortment, are very limited and little informative about the economic activity, domestic occupations, artistic and religious issues of the community that inhabited the Trinca promontory during this period.

Moreover, they are not even chronological indicators that could facilitate the determination of the time sequence when the late Hallstatt community of Western Podolian type inhabited this landform.

Referring to the morphological types of wheel-made gray pottery from the late Hallstatt layer of the Trinka settlement in order to specify the chronological limits of the settlement's existence in the late Hallstatt period, we intend to mention that Greek pottery import is not attested here. *The Kruglik-type* vessels and mugs of double truncated conical shape with a raised handle both technologically and morphologically are similar to those attested in the Western Podolian group, where, based on Greek imports and other dated objects, this category of pottery is now dated from the period between the last third or the last quarter of the 7th century and the beginning or the first half of the 6th century BC (Смирнова 1993, с. 111; 1999, с. 50, 53; Smirnova 1998, с. 29—32), while admitting that some Greek pottery imports date back to the beginning of the 5th century BC (Смирнова 2004, с. 423).

LITERATURE

Boboc, N., Sârodoev, Gh. 2010. Natura. In: Duca, Gh. (ed.). *Republica Moldova*. Chişinău: Ediție enciclopedică, p. 8-15.

Chochorowski, I. 1985. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Krakow: PWN.

Guchin, V. 1993. *Repertoriul monumentelor arheologice din r-nul Briceni, Republica Moldova*. Arhiva Muzeului Național de Istorie a Moldovei. Chişinău.

Ignat, M. 2000. Un nouveau groupe culturel du hallstatt tardif sur le territoire de la Roumanie. *Studia Antiqua et Archaeologica*, VII, p. 331-344.

Ignat, M. 2006. *Necropolele tumulare din zona Rădăuți în cadrul lumii traco-getice (sec. VII—V A. Ch.)*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.

Istoria… 2010. *Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică*. Chişinău: Tipografia Centrală.

Levițchi, O. 1992. La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dniestrien a l'epoque du Hallstatt. *Symposia Thracologica*, 9, p. 119-121.

Levițchi, O. 2006. *Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca «Drumul Feteştilor»*. Iaşi: Trinitas. Bibliotheca Arhaeologica Moldaviae, III.

Leviţki, O., Sîrbu, Gh., Babii, A. 2010. Lipcani «La Rabii» — un nou sit arheologic cu nivel de locuire hallstattian tîrziu în zona Podişului Moldovei de Nord. *Revista Arheologică*, V, 1, p. 142-150.

Leviţki, O., Sîrbu, L. 2019. Trinca «Izvorul lui Luca» — un sit al culturii tracice timpurii din zona Podişului Moldovei de Nord. In: *Volum omagial Ion Niculiță* (in print).

Morintz, S. 1959. Săpăturile de la Bîrseşti (r. Vrancea, reg. Galați). *Materiale şi Cercetări Arheologice*, VI, p. 231-235.

Moscalu, E. 1983. *Ceramica traco-getică*. Bucureşti: Biblioteca Muzeologică.

Nemeti, I. 1972. Necropola hallstattiană de la Sanislău. Satu Mare. *Studii şi comunicări*, 2, p. 121-148.

Nemeti, I. 1982. Das Spätthallstattzeitliche Gräberfeld von Sanislău. *Dacia*, XXVI, 1—2, p. 115-144.

Romsauer, P. 1993. Nove naslezy Vekerzugskej skupiny z Nitry. *Slovenská archeológia*, XLI, I, p. 5-39.

Smirnova, G. 1998. Din nou despre ceramica cenuşie lucrată la roată descoperită în siturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie*, 49, I, p. 23-37.

Sulimirski, T. 1936. *Scytowe na zachodniem Podolu*. Lwów: Lwowskie Towarzystwo Prehistoryczne.

Vasiliev, V. 1980. *Sciţii agatîrşi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.

Vulpe, A. 1967. *Necropola hallstattiană de la Ferigile*. Bucureşti: ARSR. Monografie arheologică.

Vulpe, A. 1970. Cercetări arheologice şi interpretări istorice privind sec. VII—V î. e. n. în spaţiul Carpato-Dunărean. *Memoria Antiqvitatis*, II, p. 182-213.

Vulpe, A., Popescu, E. 1972. Contribution à la connaissance des débuts de la culture géto-dacique dans la zone subcarpatique Vilcea-Argeş (La nécropole tumulaire de Tigveni). *Dacia*, XVI, p. 75-111.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи*. Киев; Краков: ИА НАНУ.

Ганіна, О. Д. 1965. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте. *Археологія*, XIX, с. 106-117.

Ганина, О. Д. 1984. Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся. *Археологія* 47, с. 68-79.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П. 1998. Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї. *Археологічні відкриття в Україні 1997—1998 рр.*, с. 74-75.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П., Могилов, О. Д. 2003. Результати досліджень курганів скіфського часу біля с. Теклівка на Поділлі. *Археологічні відкриття в Україні 2001—2002 рр.*, с. 90-92.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П., Могилов, О. Д. 2005. Кургани ранньоскіфської доби біля села Колодіївка на середньому Дністрі. *Археологічні дослідження в Україні 2003—2004 рр.*, с. 118-119.

Йерем, Э. 1986. Скифский период в восточной Венгрии. В: Титов, В. С., Эрдели, И. (ред.). *Археология Венгрии, конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.* Москва: Наука, с. 169-187.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского-лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.

Кравчук, Ю. П, Верина, В. Н., Сухов, И. М. 1976. *Заповедники и памятники природы Молдавии*. Кишинев: Штиинца.

Крушельницька, Л. І. 1974. Стародавне населення Прикарпаття і Волині за доби раннього заліза. В: Черниш, О. П. (ред.). *Стародавнє населення Прикарпаття і Волині (доба первіснообщинного ладу)*. Київ: Наукова думка, с. 228-268.

Крушельницкая, Л. И. 1990a. Группа памятников Среднего Поднестровья. Чернолсская культура. В: Балагури, Э. А., Черныш, О. П. (ред.). *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо)*. Киев: Наукова думка, с. 135-140.

Крушельницкая, Л. И. 1990b. Культуры Прикарпатья, Волыни и Закарпатья раннескифского времени. В: Балагури, Э. А., Черныш, О. П. (ред.). *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо)*. Киев: Наукова думка, с. 141-157.

Крушельницька, Л. І. 1998. *Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівськоі групи пам'яток)*. Львів: Місіонер.

Лапушнян, В. Л., Никулицэ, И. Т., Романовская, М. А. 1974. *Памятники раннего железного века*. Кишинев: Штиинца. Археологическая карта Молдавии, 4.

Левицкий, О. Г. 1986. Поселение раннего железного века у с. Тринка. *Археологические исследования в Молдавии в 1982 г.*, с. 54-71.

Мелюкова, А. И. 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 64, с. 5-102.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Петренко, В. Г. 1989. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы. В: Мелюкова, А. И. (ред.). *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 67-80.

Попович, И. И. 1990. Памятники Куштановицкой культуры. В: Балагури, Э. А., Черныш, О. П. (ред.). *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо)*. Киев: Наукова думка, с. 157-162.

Попович, І. 1993. Куштановицька група пам'яток. В: Крушельницька, Л. (ред.). *Пам'ятки гальштатського періоду межиріччя Вісли, Дністра і Прип'яті*. Київ: Наукова думка, с. 250-286.

Рымбу, Н. Л. 1980. *Физическая география Молдавской ССР (учебное пособие для студентов географического факультета*. Кишинев: КГУ.

Рымбу, Н. Л. 1982. *Природно-географическое районирование Молдаской ССР*. Кишинев: Штиинца.

Скорый, С. А., Бесонова, С. С. 1996. Житлово-господарський комплекс Мотронинського городища. В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археологія, с. 222-232.

Смирнова, Г. И. 1961. Северниовское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947—1948, 1953 гг.). *Археологический сборник государственного Эрмитажа*, с. 88-103.

Смирнова, Г. И. 1968. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковин. *Археологический сборник государственного Эрмитажа*, 10. Ленинград, с. 14-27.

Смирнова, Г. И. 1978. Поселение скифского времени у села Долиняны в Днестровском Правобережье (по материалам раскопок 1972—1973 гг. *Археологический сборник государственного Эрмитажа*, 19, с. 29-36.

Смирнова, Г. И. 1981. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.). *Археологический сборник государственного Эрмитажа*, 22, с. 40-61.

Смирнова, Г. И. 1986. Скифское поселение у с. Долиняны (раскоп «у тока»). В: Смирнова, Г. И. (ред.). *Древние памятники культуры на территории СССР*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, с. 37-42.

Смирнова, Г. И. 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. *Российская археология*, 2, с. 101-118.

Смирнова, Г. И. 1998. О работах на раннескифском поселении у с. Долиняны в 1985 и 1987 гг. *Археологический сборник государственного Эрмитажа*, 33, с. 33-48.

Смирнова, Г. И. 1999. Еще раз о серой кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья. *Археологический сборник государственного Эрмитажа*, 34, с. 44-57.

Смирнова, Г. И. 2001. Заключительный сезон работ на раннескифском поселении у с. Долиняны. *Археологический сборник государственного Эрмитажа*, 35, с. 59-73.

Смирнова, Г. И. 2004. Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века. In: Chochorovski, J. (ed.). *Kimmerowie*, *Scytowie*, *Sarmaci. Księga poswięcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Krakow, c. 405-429.

Смирнова, Г. И., Бернякович, К. Ф. 1965. Происхождение и хронология памятников Куштановицкого типа Закарпатья. *Археологический сборник государственного Эрмитажа*, 7, с. 89-115.

Сухов, И. М. 1972. О выделении комплекса геологических и палеонтологических памятников «Припрутские толтры» в Северо-Западной Молдавии. *Охрана природы Молдавии*, 9, с. 12-19.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).* Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1998. Люботинское городище. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*. Харьков: Регион-информ, с. 9-131.

Шрамко, Б. А., Задников, С. А., Зоря, А. О. 2004. Селище скифского времени у с. Червоносово. *Древности 2004*, с. 27-32.

Янакевич, А. Н. 1973. Тортонские рифы Молдавии и их охрана. *Охрана природы Молдавии*, 11, с. 20-31.

REFERENCES

Boboc, N., Sârodoev, Gh. 2010. Natura. In: Duca, Gh. (ed.). *Republica Moldova*. Chişinău: Ediţie enciclopedică, p. 8-15.

Chochorowski, I. 1985. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Krakow: PWN.

Guchin, V. 1993. *Repertoriul monumentelor arheologice din r-nul Briceni*, *Republica Moldova*. Arhiva Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Chişinău.

Ignat, M. 2000. Un nouveau groupe culturel du hallstatt tardif sur le territoire de la Roumanie. *Studia Antiqua et Archaeologica*, VII, p. 331-344.

Ignat, M. 2006. *Necropolele tumulare din zona Rădăuţi în cadrul lumii traco-getice (sec. VII—V A. Ch.)*. Târgovişte: Cetatea de Scaun.

Istoria… 2010. *Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică*. Chişinău: Tipografia Centrală.

Leviţchi, O. 1992. La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dniestrien a l'epoque du Hallstatt. *Symposia Thracologica*, 9, p. 119-121.

Leviţchi, O. 2006. *Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca «Drumul Feteştilor»*. Iaşi: Trinitas. Bibliotheca Arhaeologica Moldaviae, III.

Leviţki, O., Sîrbu, Gh., Babii, A. 2010. Lipcani «La Rabii» — un nou sit arheologic cu nivel de locuire hallstattian tîrziu în zona Podişului Moldovei de Nord. *Revista Arheologică*, V, 1, p. 142-150.

Leviţki, O., Sîrbu, L. 2019. Trinca «Izvorul lui Luca» — un sit al culturii tracice timpurii din zona Podişului Moldovei de Nord. In: *Volum omagial Ion Niculiţă* (in print).

Morintz, S. 1959. Săpăturile de la Bîrseşti (r. Vrancea, reg. Galaţi). *Materiale şi Cercetări Arheologice*, VI, p. 231-235.

Moscalu, E. 1983. *Ceramica traco-getică*. Bucureşti: Biblioteca Muzeologică.

Nemeti, I. 1972. Necropola hallstattiană de la Sanislău. Satu Mare. *Studii şi comunicări*, 2, p. 121-148.

Nemeti, I. 1982. Das Spätthallstattzeitliche Gräberfeld von Sanislău. *Dacia*, XXVI, 1—2, p. 115-144.

Romsauer, P. 1993. Nove naslezy Vekerzugskej skupiny z Nitry. *Slovenská archeológia*, XLI, I, p. 5-39.

Smirnova, G. 1998. Din nou despre ceramica cenuşie lucrată la roată descoperită în siturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie*, 49, I, p. 23-37.

Sulimirski, T. 1936. *Scytowe na zachodniem Podolu*. Lwów: Lwowskie Towarzystwo Prehistoryczne.

Vasiliev, V. 1980. *Sciţii agatîrşi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.

Vulpe, A. 1967. *Necropola hallstattiană de la Ferigile*. Bucureşti: ARSR. Monografie arheologică.

Vulpe, A. 1970. Cercetări arheologice şi interpretări istorice privind sec. VII—V î. e. n. în spaţiul Carpato-Dunărean. *Memoria Antiqvitatis*, II, p. 182-213.

Vulpe, A., Popescu, E. 1972. Contribution à la connaissance des débuts de la culture géto-dacique dans la zone subcarpatique Vilcea-Argeş (La nécropole tumulaire de Tigveni). *Dacia*, XVI, p. 75-111.

Bessonova, S. S., Skoryi, S. A. 2001. *Motroninskoe gorodishche skifskoi epokhi*. Kiev; Krakov: IA NANU.

Ganina, O. D. 1965. Poselennia skifskogo chasu u seli Ivane-Puste. *Arkheologiia*, XIX, s. 106-117.

Ganina, O. D. 1984. Poselennia rannoskifskogoi dobi poblizu s. Zalissia. *Arkheologiia*, 47, s. 68-79.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Megei, V. P. 1998. Doslidzhennia kurganiv skifskogo chasu u Serednomu Podnistrovi. *Arkheologichni vidkrittia v Ukraini 1997—1998 rr.*, s. 74-75.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Megei, V. P., Mogilov, O. D. 2003. Rezultati doslidzhen kurganiv skifskogo chasu bilia s. Teklivka na Podilli. *Arkheologichni vidkrittia v Ukraini 2001—2002 rr.*, s. 90-92.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Megei, V. P., Mogilov, O. D. 2005. Kurgani rannioskifskoi dobi bilia sela Kolodiivka na serednomu Dnistri. *Arkheologichni doslidyhennia v Ukraini 2003—2004 rr.*, s. 118-119.

Ierem, E. 1986. Skifskii period v vostochnoi Vengrii. In: Titov, V. S., Erdeli, I. (eds.). *Arkheologiia Vengrii, konets II tysiacheletiia do n. e. — tysiacheletie n. e.* Moskva: Nauka, s. 169-187.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryi, S. A. 1989. *Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo-lesostepnogo Pravoberezhia (Kievo-Cherkasskii region)*. Kiev: Naukova dumka.

Kravchuk, Iu. P., Verina, V. N., Sukhov, I. M. 1976. *Zapovedniki i pamiatniki prirody Moldavii*. Kishinev: Shtiintsa.

Krushelnitska, L. I. 1974. Starodavne naselennia Prikarpattia i Volini za dobi rannogo zaliza. In: Chernish, O. P. (ed.). *Starodavne naselennia Prikarpattia i Volini (doba pervisnoobshchnnogo ladu)*. Kyiv: Naukova dumka, s. 228-268.

Krushelnitskaia, L. I. 1990a. Gruppa pamiatnikov Srednego Podnestrovia. Chernolesskaia kultura. In: Balaguri, E. A., Chernysh, O. P. (eds.). *Arkheologiia prikarpatia, Volyni i Zakarpatia (eneolit, bronza i rannee zhelezo)*. Kiev: Naukova dumka, s. 135-140.

Krushelnitskaia, L. I. 1990b. Kultury Prikarpatia, Volyni i Zakarpatia ranneskifskogo vremeni. In: Balaguri, E. A., Chernysh, O. P. (eds.). *Arkheologiia prikarpatia, Volyni i Zakarpatia (eneolit, bronza i rannee zhelezo)*. Kiev: Naukova dumka, s. 141-157.

Krushelnitska, L. I. 1998. *Chornoliska kultura Serednogo Pridnistrovia (za materialami neporotivskoi grupi pamiatok)*. Lviv: Misionir.

Lapushnian, V. L., Niculitse, I. T., Romanovskaia, M. A. 1974. *Pamiatniki rannego zheleznogo veka*. Kishinev: Shtiintsa. Arkheologicheskaia karta Moldavii, 4.

Levitskii, O. G. 1986. Poselenie rannego zheleznogo veka u s. Trinka. *Arkheologicheskie Issledovaniia v Moldove v 1982 g.*, s. 54-71.

Meliukova, A. I. 1958. Pamiatniki skifskogo vremeni lesostepnogo Srednego Podnestrovia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 64, s. 5-102.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhe Srednego Pridneprovia v V—III vv. do n. e*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—4.

Petrenko, V. G. 1989. Lokalnye gruppy skifoobraznoi kultury lesostepi Vostochnoi Evropy. In: Meliukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moskva: Nauka, s. 67-80.

Popovich, I. I. 1990. Pamiatniki Kushtanovitskoi kultury. In: Balaguri, E. A., Chernysh, O. P. (eds.). *Arkheologiia Prikarpatia, Volyni i Zakarpatia (eneolit, bronza i zhelezo)*. Kiev: Naukova dumka, 157-162.

Popovich, I. 1993. Kushtanovitska grupa pamiatok. In: Krushelnitska, L. (ed.). *Pamiatki galshtatskogo periodu mezhrichchia Visli, Dnistra i Pripiati*. Kyiv: Naukova dumka, s. 250-286.

Rymbu, N. L. 1980. *Fizicheskaia geografiia Moldavskoi SSR (uchebnoe posobie dlea studentov geograficheskoe fakulteta)*. Kishinev: KGU.

Rymbu, N. L. 1982. *Prirodno-geograficheskoe raionirovanie Moldavskoi SSR*. Kishinev: Shtiintsa.

Skoryi, S. A., Besonova, S. S. 1996. Zhitlovo-gospodarskii kompleks Motroninskogo gorodishcha. In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Bilske gorodishche v kontexti vivchennia pamiatok rannogo zaliznogo viku Evropi*. Poltava: Arkheolohiia, s. 222-232.

Smirnova, G. I. 1961, Severinovskoe gorodishche (po materialam Iugo-Podolskoi ekspeditsii 1947—1948, 1953 gg.). *Arkheologicheskii sbornik gosudrastvennogo Ermitazha*, 2, s. 88-103.

Smirnova, G. I. 1968. Raskopki kurganov u sel Kruglik i Dolineany na Bukovin. *Arkheologicheskii sbornik gosudrastvennogo Ermitazha*, 10, s. 14-27.

Smirnova, G. I. 1978. Poselenie skifskogo vremeni u sela Doliniany v Dnestrovskom Pravoberezhe (po materialam raskopok 1972—1973 gg.). *Arkheologicheskii sbornik gosudrastvennogo Ermitazha*, 19, s. 29-36.

Smirnova, G. I. 1981. Novye dannye o poselenii u s. Doliniany (po materialam raskopok 1977—1978 gg.). *Arkheologicheskii sbornik gosudrastvennogo Ermitazha*, 22, s. 40-61.

Smirnova, G. I. 1986. Skifskoe poselenie u s. Doliniany (raskop u «u toka»). In: Smirnova, G. I. (ed.). *Drevnie pamiatniki kultury na territorii SSSR*. Leningrad: Gosudrastvenyi Ermitazh, s. 37-42.

Smirnova, G. I. 1993. Pamiatniki Srednego Podnestrovia v khornologicheskoi skheme ranneskifskoi kultury. *Rosiiskaia arkheologiia*, 2, s. 101-118.

Smirnova, G. I. 1998. O rabotakh na ranneskifskom poselenii u s. Doliniany v 1985 i 1987 gg. *Arkheologicheskii sbornik gosudrastvennogo Ermitazha*, 33, s. 33-48.

Smirnova, G. I. 1999. Eshche raz o seroi kruzhalnoi keramike iz ranneskifskikh pamiatnikov Srednego Podnestrovia. *Arkheologicheskii sbornik gosudrastvennogo Ermitazha*, 34, s. 44-57.

Smirnova, G. I. 2001. Zakliuchitelnyi sezon rabot na ranneskifskom poselenii u s. Doliniany. *Arkheologicheskii sbornik gosudrastvennogo Ermitazha*, 35, s. 59-73.

Smirnova, G. I. 2004. Sostoianie izucheniia Zapadno-Podolskoi gruppy pamiatnikov ranneskifskogo vremeni v Lesostepnoi Skifii v kontse XX veka. In: Chochorovski, J. (ed.). *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poswięcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Krakow, s. 405-429.

Smirnova, G. I., Berniakovich, K. F. 1965. Proiskhozhdenie i khronologiia pamiatnikov Kustanovitskogo tipa Zakarpatia. *Arkheologicheskii sbornik gosudrastvennogo Ermitazha*, 7, s. 89-115.

Sukhov, I. M. 1972. O vydelenii kompleksa geologicheskikh i paleontologicheskikh pamiatnikov «Priprutskie toltry» v Severo-Zapadnoi Moldavii. *Okhrana prirody Moldavii*, 9, s. 12-19.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon)*. Kiev: Naukova dumka.

Sramko, B. A. 1998. Liubotinskoe gorodishche. In: Buinov, Iu. V. (ed.). *Liubotinskoe gorodishche*. Kharkov: ?Region-inform, s. 9-131.

Shramko, B. A., Zadnikov, S. A., Zoria, A. O. 2004. Selishche skifskogo vremeni u s. Chervonosovo. *Drevnosti 2004*, s. 27-32.

Ianakevich, A. N. 1973. Tortonskie rify Moldavii i ikh okhrana. *Okhrana prirody Moldavii*, 11, s. 20-31.

О. Г. Левицький, Л. В. Сирбу, Г. В. Сирбу

КУЛЬТУРНИЙ ШАР ПЕРІОДУ ПІЗНЬОГО ХАЛЬШТАТТУ НА ПОСЕЛЕННІ ТРІНКА ІЗВОРУЛ ЛУЙ ЛУКА (Північно-Молдавське плато)

Поселення Трінка знаходиться в північно-західній частині Республіки Молдова, на лівому березі річки Прут. Ця територія була більш чи менш заселена як землеробами, так і скотарями, про що свідчать житлові шари поселення Трінка Ізворул луй лука. Пам'ятка розташована приблизно за 2,5 км на південь від південно-західної околиці села Трінка, Єдинецького р-ну.

Пам'ятка Трінка Ізворул луй лука — археологічний об'єкт з кількома культурно-хронологічними горизонтами, включаючи пізньохальштатський період. Поселення цього періоду входить до західноподільської/подільсько-молдавської культурної групи і є єдиним, дослідженим на Північно-Молдавському нагір'ї. Дослідженнями виявлено ряд комплексів (житло, допоміжні споруди, майданчики, вогнища, ями), артефакти з різної сировини (глина, пісок, камінь, кістка, метал — бронза і залізо), значну кількість інших археологічних залишків (кераміка, остеологічний матеріал, каміння, фрагменти обпаленої глини тощо). Детальний і загальний аналіз всіх елементів, характерних для матеріальної культури, дає нову інформацію про спосіб життя, архітектоніку житла тощо. Все це відіграє дуже важливу роль у дослідженні культурно-історичних процесів періоду пізнього хальштатту в Східно-Карпатському регіоні загалом і на Північно-Молдавському плато зокрема. Результати, безперечно, ще раз підтверджують, що цей край був зоною культурного контакту між пізніми хальштатськими спільнотами (фракійською) в Карпато-Дністровському регіоні та одночасними спільнотами лісостепу на правому березі Дніпра.

Ключові слова: поселення, Трінка «Ізворул луй Лука», Північно-Молдавське Плато, західноподільська / подоло-молдавська група, ранньоскіфський період, фракійці, скіфи.

Одержано 08.03.2019

ЛЕВИЦЬКИЙ Олег Георгієвич, доктор істричних наук, Центр археології, Інститут культурної спадщини, б. Щтефан чел Маре, 1, Кішинеу, МД2001, Республіка Молдова, *levitkioleg_ipc@yahoo.com*.

LEVIȚKI Oleg, doctor habilitat, Center of Archeology of Institute of Cultural Heritage, bl. Ştefan cel Mare, 1, Chişinău, MD2001, Republic of Moldova, *levitkioleg_ipc@yahoo.com*.

СИРБУ Геннадій Вікторович, науковий співробітник, Центр археології, Інститут культурної спадщини, б. Щтефан чел Маре, 1, Кішинеу, МД2001, Республіка Молдова, *ghena_sirbu2014@gmail.com*.

SÎRBU Ghenadie, scientific researcher, Center of Archeology, Institute of Cultural Heritage, bl. Ştefan cel Mare, 1, Chişinău, MD2001, Republic of Moldova, *ghena_sirbu2014@gmail.com*.

СИРБУ Лівія Володимирівна, науковий співробітник, Центр археології, Інститут культурної спадщини, б. Щтефан чел Маре, 1, Кішинеу, МД2001, Республіка Молдова, *livermur@yahoo.com*.

SÎRBU Livia, scientific researcher, Center of Archeology, Institute of Cultural Heritage, bl. Ştefan cel Mare, 1, Chişinău, MD2001, Republic of Moldova, *livermur@yahoo.com*.

УДК: 904.22(476)”638”

М. И. Лошенков

БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ НА ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена обзору 19 новых наконечников бронзовых стрел. Они обнаружены на территории южной Беларуси в основном в 2020-х гг. Более половины из них выявлена на трёх милоградских селищах, а остальные — с семи местонахождений. Особенность этой коллекции в том, что она есть результат усилий не археологов Беларуси, а «любителей древностей», которые металлодетекторами изъяли предметы в указанных ими местах: стрелы есть, а памятников археологии нет (?). По существу, они вне исторического контекста. Эту категорию находок мы сгруппировали по типам аналогичных древностей: двухлопастные, трёхлопастные, и трёхгранные.

***Ключевые слова**: бронзовые наконечники стрел, территория Беларуси, милоградская культура, селища, местонахождения.*

По состоянию на первое десятилетие XXI в. в Беларуси на памятниках археологии населения милоградской культуры зафиксировано 36 наконечников стрел из бронзы. От общего количества найденных (костяные 10 %, железные 45,6 %), они составляли 44,4 % (Лошенков 2011, табл. 17). Ещё два наконечника имеются в фондах Витебского и Гродненского областных музеев (рис. 1: 2, 6). Если по временному значению оба музейных экземпляра соответствуют милоградскому периоду, то по другим обстоятельствам они вне милоградской общности и мы не видим в них прямой исторической связи с этим населением (Лошенков 2011, с. 163—164, рис. 53: 2, 3).

Рассматриваемые наконечники были обнаружены на пяти городищах двух селищах и одном грунтовом могильнике. Так, на городищах Городок (быв. с/с), Горошков, Колочинское второе, Чаплин и Ясенецкое первое они выявлены по одному экземпляру (рис. 1: 4, 5, 10, 16, 19). Здесь поясним, что в статье Г. М. Залашко неверно указано, что на Чаплинском городище найдено две бронзовые стрелы (Залашка 1985, с. 162). Этот памятник раскапывали два исследователя: в 1951—1953 годах П. Н. Третьяков и в 1956—1957 г. Л. Д. Поболь (Третьяков 1959, с. 119—153). Только вторым в 1957 году, в раскопе X (424 м^2), найдена одна стрела (Поболь 1971, с. 15, 105, рис. 9: 13, 19: 5, 55: 8).

По сравнению с городищами, селища на территории Беларуси изучены раскопками намного слабее — Горошков (400 м^2), Лемешевичи (700 м^2), Милоград (300 м^2), Хильчицы (300 м^2). Бронзовые стрелы (15 ед.) выявлены только на двух из них (рис. 1: 11, 14). Оба памятника расположены на низменности Полесья. В восточной её части — Хильчицы, на котором Г. М. Залашко в 1981 году нашёл 13 наконечников (Залашко 1983, с. 348—349; Залашка 1985, с. 160—162). В западном Полесье, на селище Лемешевичи, В. С. Вергей обнаружила в 1980 году две стрелы (Вергей 1983, с. 332; 1994, с. 142, рис. 6: 2, 3).

Остальные 16 стрел, из учтённых нами, выявлены О. Н. Мельниковской в 1955 г. на археологическом комплексе Асаревичи (рис. 1: 1). Городище и грунтовый могильник в середине прошлого века были уже в разрушенном состоянии. На территории могильника исследовательница разработала два небольших раскопа и пять шурфов, а на площади городища семь шурфов. На могильнике она собрала коллекцию бронзовых и железных наконечников стрел (Мельниковская 1967, с. 70, рис. 29: 1—9, 30: 1—6).

Цель настоящей статьи ввести в научный оборот новые, ранее не известные наконечни-

© М. И. ЛОШЕНКОВ, 2019

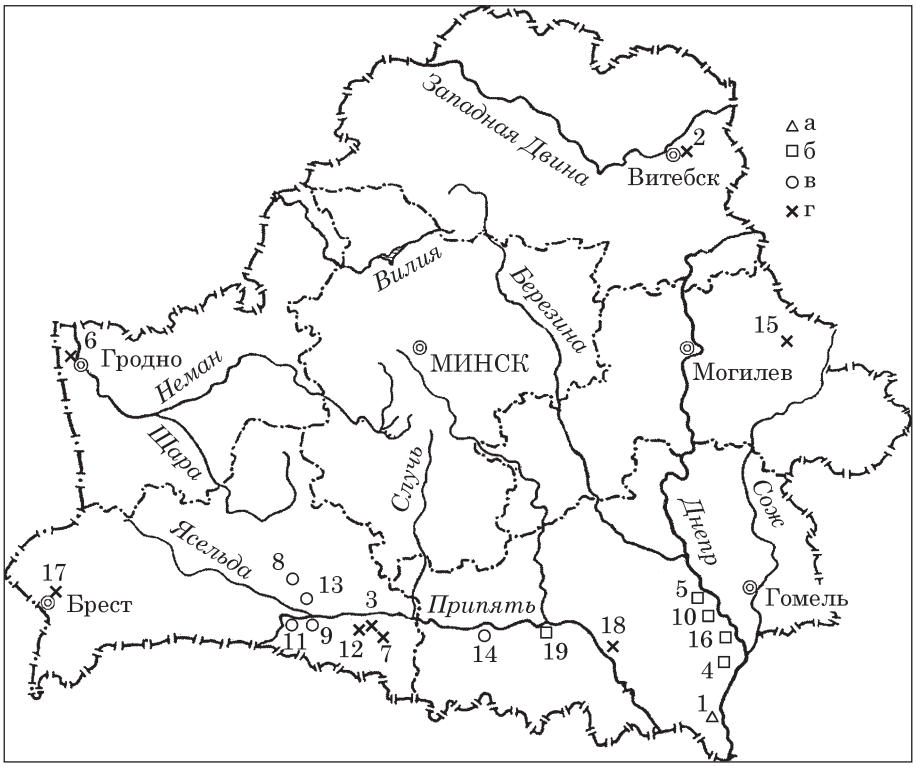

Рис. 1. Карта бронзовых наконечников стрел найденных на территории Беларуси: 1 — Асаревичи; 2 — Витебск; 3 — Высокое; 4 — Городок; 5 — Горошков; 6 — Гродно; 7 — Давид-Городок; 8 — Камень; 9 — Качановичи; 10 — Колочинское первое; 11 — Лемешевичи; 12 — Лисовичи; 13 — Площево; 14 — Хильчицы; 15 — Ходосы; 16 — Чаплин; 17 — Черни; 18 — Юровичи; 19 — Ясенецкое первое. *Условные обозначения*: а — могильник грунтовый; б — городище; в — селище; г — местонахождение

Бронзовые наконечники стрел в Беларуси

№	Памятник и место находки	Двухлопастные	Трёхлопастные	Трёхгранные	Всего	Рис. 2
1	Высокое, м	1	—	—	1	3
2	Давид-Городок	—	1	—	1	7
3	Камень, м	—	1	—	1	6
4	Качановичи, с	1	—	—	1	2
5	Лисовичи, м	—	1	—	1	9
6	Площево, с	1	1	—	2	1, 8
7	Хильчицы, с	8	1	—	9	4, 5
8	Ходосы, м	—	1	—	1	10
9	Черни, м	—	—	1	1	11
10	Юровичи, м	—	—	1	1	12
Всего		11	6	2	19	—

Сокращения: м — местонахождение с — селище.

ки бронзовых стрел. Таковых 19 экземпляров. На территории Беларуси все они обнаружены случайно и в основном в 2020-е гг.

Далее заметим, что новая коллекция рассматриваемых стрел — результат не полевых планомерных изысканий археологов Беларуси, а «случайные» находки «любителей древностей», вооружённых металлодетекторами. Поэтому из 19 наконечников только 12 связаны с неукреплёнными поселениями милоградского населения — Качановичи, Площево и Хильчицы (таблица). Все остальные (7 экз.) вне исторического контекста: вещи есть, а памятников нет (?). Научная и историческая значимость, подобным образом найденных вещей, крайне низкая. Один наконечник обнаружен археологом-каменщиком В. Ф. Исаенко на поселении Камень IX неолита и бронзового века, на котором раскопки не проводились. Он хранится в фондах Института истории НАН Беларуси (рис. 2: 6).

В других случаях мы воспользовались находками районных музеев — историко-археологического в Мстиславле и Туровского краеведческого. Аналогичным образом мы поступили с коллекцией стрел, которые переданы по актам на постоянное хранение в фонды «Учебной лаборатории музейного дела» исторического факультета Белорусского государственного университета — Качановичи, Площево, Черни, Юровичи (таблица). Привлекли мы предметы частных лиц (5 ед.) — Высокое, Давид-Городок, Лисовичи, Хильчицы (рис. 2: 3—5, 7, 9). Рисунки стрел с местонахождений Лисовичи, Давид-Городок и Высокое нам любезно предоставила А. Н. Белицкая — научный сотрудник Института истории НАН Беларуси [1]. Она зарисовала их в филиале Столинского краеведческого музея, в Давид-Городке.

Нельзя не видеть, что если в процессе планомерного изучения древностей раннего железного века, более чем за 60 лет раскопок, наконечников стрел из бронзы было обнаружено на территории Беларуси 36 единиц, то во втором десятилетии XXI в., когда полевые работы ар-

1. Выражаю глубокую благодарность А. Н. Белицкой за предоставленные для этой статьи материалы разведок 2018 г.: фотографии и рисунки наконечников стрел с Туровского и филиала в Давид-Городке Столинского краеведческих музеев.

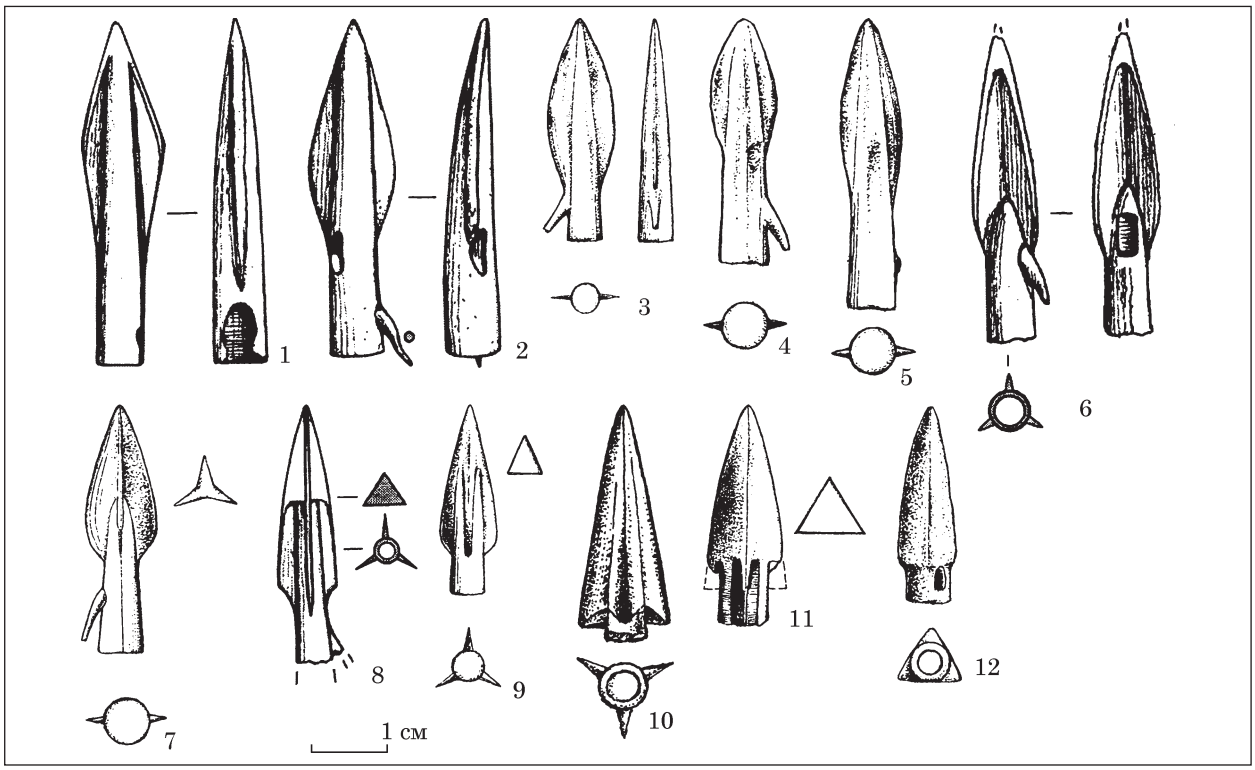

Рис. 2. Новые находки бронзовых стрел в Беларуси: 1; 8 — Площево; 2 — Качановичи; 3 — Высокое; 4; 5 — Хильчицы; 6 — Камень; 7 — Давид-Городок; 9 — Лисовичи; 10 — Ходосы; 11 — Черни; 12 — Юровичи

хеологов были свёрнуты, их появилось (нами учтено) 17 единиц от «любителей».

В предложенной нами систематизации бронзовых стрел, на памятниках милоградской культуры Беларуси, чётко выделены три типа: двухлопастные, трёхлопастные и трёхгранные (Лошенков 2011, с. 157, табл. 17, рис. 52: 3—28, 53: 1—3). В такой последовательности мы рассмотрим коллекцию 2020-х гг.

Двухлопастные. Всего 11 экземпляров. Они обнаружены на трёх селищах и одном местонахождении (таблица).

Площево. В 2011 г. вблизи деревни Площево Пинского р-на Брестской обл. найдены две стрелы (рис. 1: 13). В 2015 г. их местонахождение обследовал профессиональный археолог В. Г. Белявец. Около деревни, на возвышенностях в левобережной пойме Припяти, он открыл несколько новых памятников. В 300 м юго-западнее деревни, на пологой возвышенности, где были найдены наконечники, им открыто поселение Площево 5. В шурфе (2 м^2) исследователь зафиксировал культурный слой толщиной 0,8 м, в котором есть милоградская керамика (Белявец 2015, д. 3314).

На селище Площево 5 первый наконечник двухлопастный, с гладкой втулкой, длинной 4,5 см. Лопасти симметрично-ромбовидной формы с расширением в средней части (рис. 2: 1). Их длина 3,5 см. Ниже лопастей втулка короткая. Диаметр её у края 0,7 см, а отверстие 0,6 см. Напротив одной из лопастей, край втулки выломан. Вероятно, здесь был шип?

В отделе двухлопастных скифских наконечников эта стрела относится к первому типу вариантов три и четыре с ромбовидными головками (Мелюкова 1964, с. 18, рис. 1, табл. 6: З2, 3, И2). Такие стрелы у скифов датируются VII — первой половиной VI вв. до н. э.

Качановичи. Возле одноимённой деревни Пинского р-на Брестской обл. в 2011 г. найден бронзовый двухлопастный наконечник с шипом на втулке (рис. 2: 2). Местонахождение его обследовал археолог-железник В. Г. Белявец в 2012 г. Неукреплённое поселение находится в 200 м северо-восточнее деревни на правом берегу Припяти (рис. 1: 9). Памятник расположен на возвышенности размером 200 × 800 м, высота которой над поймой 2,5 м. На западной и северо-западной частях поселения В. Г. Белявец собрал керамику раннего железного века — милоградской и зарубинецкой культур (Белявец 2012, д. 2923).

Данная стрела по длинной оси слегка деформирована: согнута по кругу большого диаметра (рис. 2: 2). Лопасти гладкие длинной 3 см, листовидной формы с расширением в нижней части. Втулка от острия до края коническая — 4,4 см. Её диаметр у края 0,7 см, а отверстие 0,6 см. На ней, у окончания одной из лопастей, есть отверстие сегментовидной формы (рис. 2: 2). Шип против другой лопасти, около края втулки. Длина его 0,8 см, и он чуть-чуть выступает за край втулки.

В отделе скифских двухлопастных стрел наконечник с Качановичей относится ко вто-

рому типу второго варианта по А. И. Мелюковой (1964, с. 18, рис. 1, табл. 6: А2, З5, И3). В коллекциях первой хронологической группы такие наконечники датируются VII — VI вв. до н. э. На этом памятнике бронзовая стрела маркирует несомненно ранних «милоградцев». Она хранится, по акту приёмки № 5 от 25 января 2012 г., в лаборатории музейного дела истфака БГУ.

Высокое. Очередное местонахождение двухлопастной стрелы находится возле деревни Высокое Столинского р-на Брестской обл. (рис. 1: 3). Деревня расположена в нижнем течении реки Горынь, на правом её берегу. Наконечник небольшой — 2,9 см. Перо правильной листовидной формы с максимальным расширением 0,9 см в средней части (рис. 2: 3). Длинна лопастей 2 см. Втулка от острия до края конической формы. Диаметр её около края 0,8 см, а отверстие для древка 0,65 см. У края втулки, ниже лопасти, сохранился обломанный шип (рис. 2: 3). По времени эта стрела ранняя, второй половины VII—VI вв. до н. э. Подобные стрелы в скифских древностях лесостепи относятся ко второму типу второго варианта первого отдела (Мелюкова 1964, с. 18, рис. 1, табл. 6: А2, З5, И3).

Хильчицы. В краеведческом музее г. п. Турова, Житковичского р-на Гомельской обл., в экспозиции находятся семь бронзовых стрел. Обнаружены они в урочище Муравин, что возле деревни Хильчицы, на селище милоградской культуры (рис. 1: 14). В музей попали в разное время: две в 1976 г. и одна в 1991 году. Первые — разные. Одна двухлопастная с шипом на втулке. Другая — трёхлопастная, у неё одно перо обломано, а втулка короткая. Третий наконечник 1991 г. — двухлопастный, длинный, с шипом на втулке. Раскопки Г. М. Залашко на этом памятнике выявили серию подобных стрел (Залашко 1983, с. 348—349). В середине 1990-х гг. на этом селище найдены ещё два наконечника. Они двухлопастные с шипами на втулках (рис. 2: 4, 5). У них разные размеры: длина одного — 3,4 см, а другого — 4,2 см. Перо у обоих овальной формы. У меньшей оно короткое 1,2 см, а втулка — 2,4 см. На втулке, около окончания лопасти, есть отверстие 0,3 см (рис. 2: 4). Короткий шип находится в 0,8 см от края втулки. У большей — шип на таком же расстоянии от края. Втулка у неё длиной 3,3 см, а перо около 2 см (рис. 2: 5). Эти два наконечника, как и те, что в Туровском музее, по классификации А. И. Мелюковой, относятся ко второму типу второго варианта первого отдела раннескифских стрел первой хронологической группы — второй половины VII — первой половины VI вв. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 18, рис. 1).

Таким образом, с учётом ещё девяти рассмотренных стрел с селища Хильчицы, в Беларуси стало известно 22 ранних наконечника на одном памятнике. В этом их количестве два трёхлопастные, а остальные — двухлопастные (Залашка 1985, с. 160—162; Лошенков 2011, с. 157—158, табл. 17, рис. 52: 3—14, 16).

Мы констатируем, что группа ранних бронзовых двухлопастных наконечников с шипами на втулках (VII—VI вв. до н. э.) теперь отмечена и на селищах западного ареала милоградской культуры. Они есть на селищах Качановичи, Площево и местонахождении Высокое. Ранее такие стрелы были известны только в восточном Полесье, на селище Хильчицы.

Трёхлопастные. Наконечников такого типа немного. Они происходят с четырёх местонахождений и двух селищ (таблица).

Давид-Городок. Город Давид-Городок находится на юге Беларуси в междуречье трёх рек: на правобережье Припяти, Горыни и левом берегу Мствы (рис. 1: 7). Вблизи города, в урочище Боровое, обнаружена бронзовая трёхлопастная стрела с шипом на втулке (рис. 2: 7). Её длинна 3,3 см. Лопасти головки листовидной формы. Максимальное расширение их в нижней части. Около окончания они плавным уступом соединяются со втулкой (рис. 2: 7). Длинна лопастей 2 см. Втулка диаметром 0,6 см. Шип на ней расположен ниже лопасти. Его окончание обломано. Длина втулки около 2 см. Рассмотренный экземпляр с Давид-Городка в отделе трёхлопастных скифских стрел относится ко второму типу первого и второго вариантов, которые датируются концом VII — первой половиной VI вв. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 19, рис. 1, табл. 6: К3, Л2, 5, О11).

Камень. В 1981 году на неолитическом поселении Камень IX, что в урочище Посадки, В. Ф. Исаенко нашёл на распаханной поверхности бронзовый наконечник стрелы (Исаенко 1983, с. 351). Стоянка расположена недалеко от деревни Камень (рис. 1: 8), на невысокой возвышенности в левобережной пойме речки Бобрик (левый приток Припяти) в Пинском р-не Брестской обл. (Исаенко 1981, д. 767).

Рассматриваемый наконечник трёхлопастный с шипом на втулке (рис. 2: 6), длинной 4 см. Лопасти головки листовидной формы с расширением в нижней части. Длина головки 2,8 см, а втулки 2 см. Диаметр втулки 0,65 см, отверстие в ней 0,6 см, а глубина 1,8 см. На ней, в верху, между окончаниями лопастей есть отверстие прямоугольной (2,5 × 4,5 мм) формы (рис. 2: 6). С противоположной стороны, около края лопасти, имеется короткий (0,6 см) шип. Эта стрела по классификации А. И. Мелюковой относится к первому типу (варианты 1, 2) отдела трёхлопастных первой хронологической группы (VII—VI вв. до н. э.) (Мелюкова 1964, с. 19, рис. 1, табл. 6: А1, Ж1, К3, Л4).

Лисовичи. В Столинском р-не Брестской обл. деревня Лисовичи находится на левом берегу реки Горынь, в её нижнем течении (рис. 1: 12). Возле Лисович обнаружена трёхлопастная

стрела (рис. 2: 9). Она длинной 2,5 см. Головка пирамидальной формы 1,9 см. Верхняя часть её трёхгранная. В сечении — равносторонний треугольник со сторонами 0,5 см. Ниже — углублениями выделены три лопасти (рис. 2: 9). Окончания их плавно переходят во втулку. Втулка длинной 0,6 см. Диаметр её — 0,4 см, а отверстие для древка 0,3 см. Среди аналогичных скифских наконечников второго отдела экземпляр с Лисович относится к четвёртому типу вариантов три и семь (Мелюкова 1964, с. 23, рис. 1, табл. 8: Е7, И2, К2, М7). Стрелы подобной формы встречаются в третьей хронологической группе, в комплексах V—IV вв. до н. э.

Площево. Вторая стрела с поселения Площево 5 формой и размерами отличается от первой. Она трёхлопастная с шипом на втулке (рис. 2: 8). Неполная длина её 3,4 см, втулка обломана. Головка вытянутой треугольной формы 2,6 см. Соотношение ширины к длине у неё как 1 : 3,25. Верхняя часть головки 1,3 см — трёхгранная со сторонами 0,6 см, а нижняя — на 1,4 см — трёхлопастная (рис. 2: 8). Шип обломан. Расстояние между лопастями 0,9 см. Диаметр втулки 0,5 см.

Два наконечника с селища Площево 5 (рис. 1: 13) в настоящее время хранятся в лаборатории музейного дела истфака БГУ, по акту приёмки № 8 от 6 февраля 2012 г.

Ходосы. В историко-археологический музей Мстиславского р-на Могилёвской обл. в 2012 г. поступила бронзовая стрела. Музею её передал житель деревни Ходосы, около которой она найдена (рис. 1: 15). Наконечник трёхлопастный, длиной 3 см. У него пирамидальная форма головки и выступающая втулка, которая обломана (рис. 2: 10). Диаметр втулки 0,6 см, а отверстие для древка — 0,4 см. Окончания лопастей срезаны под острым углом ко втулке (рис. 2: 10). Расстояние между концами лопастей 1 см. В 2014 г. Я. Л. Хомченко опубликовал этот наконечник и информацию о нём (Хомченко 2014, с. 49—50, рис. 2: 1).

Во втором отделе трёхлопастных стрел по А. И. Мелюковой, рассматриваемый экземпляр с Ходосов можно отнести к восьмому типу первого и третьего вариантов. По нашему мнению, он может соответствовать как позднему времени третьей хронологической группы скифских стрел, так и раннему четвёртой группы (Мелюкова 1964, с. 23, 25, 29, рис. 1; табл. 8: А6, И1, К7; 9: А1, Г2, П4, Р1).

По местонахождению наконечник с Ходосов обнаружен в юго-восточном ареале населения днепро-двинской культуры (рис. 1: 15). Это примерно в 80 км севернее территории проживания «милоградцев», где-то на уровне 53°75' с. ш. (Лошенков 2011, с. 34, рис. 1). На территории Беларуси это первая находка бронзовой стрелы скифского типа у населения днепродвинской общности.

Среди трёхлопастных наконечников, один — Ходосы — найден далеко за территорией проживания «милоградцев». Остальные — на неукреплённых поселениях правого и левого берегов Припяти: в западнополесском ареале милоградской культуры. С учётом «случайных новинок» в западном варианте уже имеется семь трёхлопастных бронзовых стрел. Они различаются как конструктивными деталями, так и временными значениями.

Трёхгранные. Этот тип наконечников в новой коллекции составляют два экземпляра. Один обнаружен на левом берегу Припяти, в её нижнем течении (Юровичи). Другой — намного западнее милоградской территории: северовосточнее г. Бреста (Черни). Местонахождения их археологами не обследованы.

Черни. В учебной лаборатории музейного дела истфака БГУ хранится бронзовый наконечник стрелы по акту приёмки № 36 от 3 ноября 2017 г. Он найден около деревни Черни Брестского района (рис. 1: 17).

Наконечник трёхгранный с выступающей втулкой (рис. 2: 11). Длина его 3 см, а головки пирамидальной формы — 2,3 см. Основание головки — равносторонний треугольник со сторонами 0,9 см. Соотношение ширины к длине головки как 1 : 2,5. Вес этой стрелы 3,97 граммов. Окончания граней прямые и заканчиваются в 0,7 см от края втулки. Снаружи втулка гранёная, размером 0,65 см. Отверстие для древка в ней 0,6 см и глубиной 1,5 см. В нижней части плоскости головки есть пазы углублений ко втулке (рис. 2: 11). С трёх сторон плоскостей головки втулка пришлифована полосками 2,5—3 мм шириной.

В отделе трёхгранных стрел скифов, по А. И. Мелюковой, наконечник с Черни может быть отнесён ко второму типу четвёртого варианта с головками пирамидальной формы и короткой (0,5—1 см) втулкой (1964, с. 28, рис 1). В комплексах наборов скифских стрел подобные наконечники датируются второй половиной IV—III вв. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 25). Если датировка стрелы с Черни по аналогиям со скифскими устанавливается вполне определённо, то отсутствие других крайне важных материалов позволяет нам пока не связывать её с кругом милоградских древностей.

Юровичи. В лаборатории музейного дела истфака БГУ, хранится трёхгранный бронзовый наконечник стрелы по акту приёмки № 7 от 19 марта 2016 г. Он найден около деревни Юровичи Калинковичского р-на Гомельской обл. (рис. 1: 18).

Стрела длиной 2,5 см, а её головка пирамидальной формы — 1,9 см (рис. 2: 12). Основание головки в форме равностороннего треугольника со сторонами 0,72 см. Соотношение ширины к длине у неё как 1 : 2,7. Втулка выступает на 0,65 см. Её глубина 0,7 см, а отверстие для древка 0,35 см. Наружная форма втулки — тре-

угольная с закруглёнными углами (рис. 2: 12). На одной из боковых сторон её, около основания головки, есть отверстие около 2,5 мм. Углы головки при переходе во втулку были прямые (один целый, а два обломаны (рис. 2: 12).

Юровичский наконечник, по аналогиям со скифскими, можно датировать второй половиной IV—III в. до н. э. либо же III в. до н. э. В третьем отделе трёхгранных они относятся ко второму типу вариантов пять и шесть (Мелюкова 1964, с. 25, рис. 1, табл. 7: А8; 8: И5, Л2, О6). Судя по невысокому качеству бронзы, он крошится, патина тёмно-зелёная, его изготовил, по-видимому, местный мастер. Несмотря на то, что он обнаружен в ареале милоградской культуры, у нас нет сведений о том, что этот наконечник происходит с милоградского памятника.

На территории Беларуси в целом, в древностях милоградского населения, бронзовые наконечники стрел от соседей с юга, являются хорошим хронологическим индикатором, как и другие датирующие предметы.

ЛИТЕРАТУРА

Белявец, В. Г. 2012. *Археалагічныя даследаванні 2012 г. на тэрыторыі Брэсцкай вобласці*. ЦНА НАН Беларусі ФАНД, 1, арх. 2923.

Белявец, В. Г. 2015. *Археалагічныя даследаванні 2015 г. на тэрыторыі Жабінкаўскага і Пінскага раёнаў Брэсцкай вобласці*. ЦНА НАН Беларусі ФНАД, 1, арх. 3314.

Вергей, В. С. 1981. Исследования в Брестской области. *Археологические открытия 1980 г.*, с. 332.

Вергей, В. С. 1994. Селище у дер. Лемешевичи на Припяти. *Гістарычна-археалагічны зборнік*, 5, с. 131-151.

Залашко, Г. М. 1983. Изучение древностей в бассейне Горыни и Ствиги. *Археологические открытия 1981 г.*, с. 348-349.

Залашка, Г. М. 1985. Скіфскія помнікі на поўдні Беларусі. *Помнікі культуры: Новыя адкрыцці*, Минск: Навука і тэхніка, с. 160-162.

Исаенко, В. Ф. 1981. *Отчёт о полевых исследованиях 1981 года*. ЦНА НАН Беларуси ФАНД, 1, арх. 767.

Исаенко, В. Ф. 1983. Исследования в Припятском Полесье. *Археологические открытия 1981 г.*, с. 351.

Лошенков, М. И. 2011. *Городища милоградской культуры на территории Беларуси*. Минск: МФЦП.

Мельниковская, О. Н. 1967. *Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке*. Москва: Наука.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Поболь, Л. Д. 1971. *Славянские древности Белоруссии*. Минск: Наука и техника.

Третьяков, П. Н. 1959. Чаплинское городище. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 70, с. 119-153.

Хомченко, Я. Л. 2014. Случайные археологические находки на территории Мстиславского района. *Научные стремления: Молодёжный сборник*, 9, с. 45-55.

REFERENCES

Bielawiec, V. G. 2012. *Archealagichni dasledavanni 2012 g. na territoryi Bresckay voblasci.* CNA NAN Belarusi FAND, 1, arch. 2923.

Bielawiec, V. G. 2015. *Archealagichni dasledavanni 2015 g. na territoryi Jabinkauskaga i Pinskaga rayonau Bresckay voblasci.* CNA NAN Belarusi FAND, 1, arch. 3314.

Vergey, V. S. 1981. Issledovaniya v Brestskoy oblasti. *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 g.*, s. 332.

Vergey, V. S. 1994. Selishcha u der. Lemeshevici na Pripyati. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik*, 5, s. 131-151.

Zalashko, G. M. 1983. Izuchenie drevnostey v basseynach Gorini i Stvigi. *Arkheologicheskie otkrytiya 1981 g.*, s. 348-349.

Zalashka, G. M. 1985. Skifskiya pomniki na poudni Belarusi. *Pomniki kulturi: Novya adkricci.* Minsk: Navuka i teknika, s. 160-162.

Isaenko, V. F. 1981. *Otchet o polevich issledovaniyach 1981 goda.* CNA NAN Belarusi FAND, 1, arch. 767.

Isaenko, V. F. 1983. Issledovaniya v Pripyatskom Poes'ye. *Arkheologi-cheskie otkrytiya 1981 g.*, s. 351.

Loshenkov, M. I. 2011. *Gorodishcha milogradskoy kul'tury na territorii Belarusi.* Minsk: MFCP.

Mel'nikovskaya, O. N. 1967. *Plemena Yuznoy Belorussii v rannem zheleznom veke.* Moskva: Nauka.

Melukova, A. I. 1964. *Voorugenie skifov.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskich istochnikov, D 1—4.

Pobol', L. D. 1971. *Slavyanskie drevnosti Belorussii.* Minsk: Nauka i tekhnika.

Tretyakov, P. N. 1959. Chaplinskoe gorodishche. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 70, s. 119-153.

Chomchenko, Ya. L. 2014. Sluchaynie arkheologicheskie nachodki na territorii Mstislavskogo rayona. *Nauchnie stremleniya: Molodejni sbornik*, 9, s. 45-55.

M. I. Loshenkov

BRONZE ARROWHEADS IN THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF BELARUS

The article is devoted to the review of 19 new bronze arrowheads (table). They were found mainly in the 20s of the XXI century in the territory of southern Belarus (fig. 1). More than half of them were found in the villages of the Milograd population, and the rest with locations. All tips were grouped into three types, as in the Milograd population: two-bladed arrowheads, three-bladed arrowheads and trihedral arrowheads (fig. 2). Two-bladed arrowheads are early — the second half of VII — first half of the VI centuries BC. Two-bladed arrowheads belong to the VI — IV centuries BC, and trihedral arrowheads — to IV — III centuries BC.

Keywords: bronze arrowheads, territory of Belarus, Milograd culture, villages, locations.

Одержано 11.02.2019

ЛОШЕНКОВ Михайло Іванович, кандидат історичних наук, науковий співробітник, Центральна наукова бібліотека імені Якуба Колоса НАН Беларусі, пр. Пушкіна, 85, Мінськ, 220093, Беларусь, *1951ddnafp@gmail.com*.

LOSHENKOV Mikhail Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Central Scientific Library named after Yakub Kolos, National Academy of Sciences of Belarus, Pushkin st., 85, Minsk, 220093, Belarus, *1951ddnafp@gmail.com*.

УДК: 904.22(069.51)”638”

Ю. Ю. Ляшко

ЗБРОЯ РАННЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ З КОЛЕКЦІЇ КАМ’ЯНСЬКОГО ІСТОРИЧНОГО МУЗЕЮ

Статтю присвячено опису зразків зброї доби раннього заліза, які зберігаються в експозиції Історичного музею Кам’янського державного історико-культурного заповідника Черкаської обл.

Ключові слова: *ранній залізний вік, знахідки, експонати, зброя.*

У колекції історичного музею Кам’янського державного історико-культурного заповідника зберігаються 17 знахідок зброї доби раннього заліза, які охоплюють період VIII—IV ст. до н. е. Це три меча, наконечники дротика, списа та дванадцять стріл.

Бронзові стріли походять з сс. Михайлівки, Флярківки, Жаботина, Ребедайлівки, Грушківки (рис. 1). Найраніїs з них (рис. 1: 2, 3) мають ромбічну дволопатеву голівку (іноді — з шипом). Ці типи з’являються ще в передскіфську добу (Тереножкиин 1976, рис. 7; 9), та побутують в докелермеських ранньоскіфських старожитностях (Ильинская 1975, табл. VII: 1—7). Гостролисті трилопатеві наконечники стріл (рис. 1: 4, 8) відносяться до келермеського періоду: середина VII — перша половина VI ст. до н. е., й мають численні аналогії у синхронних поховальних комплексах (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 14: 14, 15; Mogylov 2013, fig. 3: 2). Базисні стріли відомі ще в перехідних старожитностях, що поєднують в собі інвентар і келермеських і середньоскіфських типів (Могилов, Діденко 2009, рис. 7). А на початку середньоскіфської доби вони стають переважаючим типом (Галанина 1977, табл. 11: 19). Найпізніші тригранні наконечники (рис. 1: 11) відносяться до IV ст. до н. е. (Мелюкова 1964, рис. 1; Евдокимов, Данилко, Могилов 2012, рис. 1: 1).

© Ю. Ю. ЛЯШКО, 2019

Наступна група знахідок представлена мечами та кинжалами, що набули значного поширення в пам’ятках Українського Лісосепу [1].

Короткий меч з брускоподібним навершям і метеликоподібним перехрестям довжиною 44,5 см (рис. 2.). Експонат під інв. № 6935 (О). Довжина перехрестя 6,0 см, ширина в центрі 1,5 см. Розміри навершя 4,6 × 1,5 см. Руків’я меча має незначне розширення біля навершя, завдовжки воно разом із перехрестям — 11,5 см. Довжина самого клинка 33 см, ширина в центральній частині 3,5 см. Лезо його поступово звужується до кінця. Нехарактерним для скіфського меча, є форма вигину леза, яке має односторонню заточку. Цей меч детально проаналізований С. С. Бессоновою (Бессонова, Недопако 2013, с. 113—121). Вона датує його другою—третьою чвертями V ст. до н. е.

Короткий кинджал з брускоподібним навершям і серповидним перехрестям (рис. 3). Експонат під інв. № 6844 (О). Випадкова знахідка, зроблена в ур. Тарапун, за 2 км на південний захід від південної околиці м. Кам’янки. Довжина предмету 38,7 см. Довжина перехрестя 4,5 см, ширина в центрі — 1,5 см. Розмір навершя 4,1 × 1,5 см. Руків’я меча прямокутне і має довжину, разом з перехрестям, 11,4 см. Довжина клинка 27,2 см, ширина — 3,1 см. Лезо з добре виділеним ребром звужується до кінця в останній третині. Такий тип зброї характерний для V ст. до н. е. Аналогії у Притясминському регіоні невідомі. Проте подібні зразки знай-

1. У пам’ятках скіфського часу Дніпровського Лісостепового Правобережжя, в басейні р. Тясмин, відомо 56 одиниць цього різновиду холодної зброї (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 63—64, 88—91, 118—122).

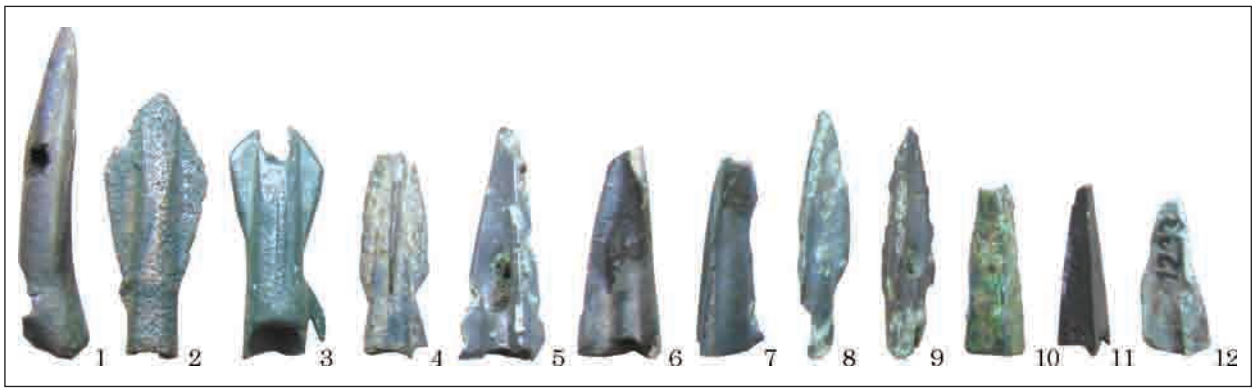

Рис. 1. Наконечники стріл з Потясминня, стендові фото матеріалів: 1, 2 — Тарасова гора; 3 — Холодний Яр; 4 — Михайлівка; 5 — Флярківка; 6, 7, 8, 9 — Жаботин; 10 — Ребедайлівка; 11, 12 — Грушківка

Зліва направо:

Рис. 2. Меч з односторонньою заточкою леза

Рис. 3. Меч із човникоподібним перехрестям

Рис. 4. Кинджал із бронзовим навершям

Рис. 5. Наконечник дротика

Рис. 6. Наконечник списа

дені в степовому Північному Причорномор'ї, на Київщині та Кримському півострові (Мелюкова 1964, табл. 18: 4; Максимов, Петровская 2008, с. 120, рис. 41: 7; Скорый, Зимовец 2014, с. 35, № 26) [1].

Кинджал з прямим, трохи розширеним до центру, брускоподібним бронзовим навершям і метеликоподібним перехрестям (рис. 4). Експонат під інв. № 6709 (О). Випадкова знахідка 2009 р., зроблена неподалік Мотронинського городища, має загальну довжину 31 см. Довжина перехрестя 5,5 см, ширина в центрі — 1,8 см. Розмір навершя 4,5 см. Воно є трохи несиметричним, так як в давнину було обламане. Руків'я кинджала прямокутне завдовжки, разом із перехрестям, 11 см. Довжина леза 20 см, ширина — 3 см. Лезо зі слабко виділеним ребром поступово звужується до кінця в останній третині. Судячи з аналогій, цей кинджал можна віднести до ранніх типів скіфської зброї, не пізніше VI ст. до н. е. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989. с. 63, рис. 12: 1—6). У Східній Європі відомо небагато таких кинджалів. Один із таких типів зброї походить із кургану 2 біля с. Райгород. Правда, він має повністю бронзове руків'я. Датовано його свого часу серединою VI ст. до н. е. (Мелюкова 1964. с. 47). Також, як приклад можна навести екземпляри знайдені на Харківщині (Бабенко 2009. с. 23, рис. 1; 2) та кинджал із Криму (Скорый, Зимовец 2014, с. 29—30, № 16). Враховуючи наявність бронзового навершя, кинджал з околиць Мотронинського городища можна віднести до ранньоскіфського часу, можливо, не пізніше VII ст. до н. е.

Наконечник дротика з жалоподібною голівкою, пера якої обламані, і довгою втулкою з обідком на кінці (рис. 5). Експонат під інв. № 6778 (О). Випадкова знахідка, зроблена неподалік Мотронинського городища. Предмет має загальну довжину 36,8 см. Шток дротика квадратний в розрізі, довжиною 26,4 см, поступово звужується і переходить в плоске жало, яке має довжину 3 і ширину 1,8 см. На втулці добре виділяється повздовжній шов з'єднання, який виник при виготовленні, під час ковки. Подібний тип дротиків має аналогії в пам'ятках басейну р. Тясмин. З тією відмінністю, що інші зразки мають круглий в розрізі шток (Капитанівка, к. 488; Макіївка, к. 487; Макіївка, к. 489) (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 118, рис. 34: 10—12; Мелюкова 1964, с. 44, табл. 13—16). Абсолютна більшість аналогій відноситься до IV ст. до н. е. (Мелюкова 1964, с. 45). Цим часом слід датувати й наш предмет.

Наконечник списа з гостролистою голівкою та короткою втулкою (рис. 6). Експонат під інв.№ 7959 (к/н). Випадкова знахідка з околиць Мотронинського городища. Лезо не повністю збереглося, частина відламана в давнину. Загальна довжина 33,9 см,. Можна припустити, що в первісному стані його довжина становила біля 40 см. Довжина леза із слабо виділеним ребром становить 23 см. Довжина втулки — 10,9 см. Подібний тип походить з району Холодного Яру, к. 20, центральна могила (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 120, рис. 37,5—6).

Отже представлені в музейній колекції зразки холодної зброї доби раннього заліза, є місцевими типами зброї. Окремі з них (рис. 2), однак, зазнали стороннього культурного впливу, та мають ряд особливостей, які раніше не зустрічалися в пам'ятках Дніпровського Правобережного Лісостепу. Данні матеріали доповнять картину розвитку військового озброєння епохи раннього заліза Центрального Подніпров'я.

1. Щиро вдячний С. А. Скорому за люб'язні консультації при атрибуції речей.

ЛІТЕРАТУРА

Бабенко, Л. И. 2009. Новые находки скифских кинджалов на Харьковщине. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа*, *Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого*. Киев; Полтава: ИА НАНУ, с. 19-29.

Бессонова, С. С., Недопако, Д. П. 2013. Скіфський однолезовий меч з околиць Мотронинського городища. *Археологія*, 1, с. 113-122.

Галанина, Л. К. 1977. *Скифские древности Приднепровья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—33.

Євдокимов, Г. Л., Данилко, Н. М., Могилов, О. Д. 2012. Скіфський курган 10 біля с. Мала Лепетиха у Нижньому Подніпров'ї. *Археологія*, 2, с. 76-95.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-64.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники Скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья*. Киев: Наукова думка.

Ляшко, Ю. Ю. 2011. Скіфський кинджал із околиць Мотронинського городища. В: Полтавець В. І. (ред.). *Чигиринщина: історія і сьогодення. Матеріали науково-практичної конференції*. Черкаси: Вертикаль, с. 43-44.

Максимов, Е. В., Петровская, Е. А. 2008. *Древности скифского времени Киевского Поднепровья*. Полтава: ИА НАНУ.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Могилов, О. Д., Діденко, С. В. 2009. Скіфський курган 448 біля с. Журовка — пам'ятка перехідного часу в Потясминні. *Археологія*, 3, с. 45-55.

Скорый, С., Зимовец, Р. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: Олег Філюк.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Mogylov, O. D. 2013. The barrows of the West Podolian group of the Scythian period. *Mousaios*, XVIII, p. 203-214.

REFERENCES

Babenko, L. I. 2009. Novyye nakhodki skifskikh kindzhalov na Kharkovshchine. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu S. A. Skorogo.* Kiev; Poltava: IA NANU, s. 19-29.

Bessonova, S. S., Nedopako, D. P. 2013. Skifskiy odnolezoviy mech z okolits Motroninskogo gorodishcha. *Arkheologiya*, 1, s. 113-122.

Galanina, L. K. 1977. Skifskiye drevnosti Pridneprovia. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—33.

Evdokymov, H. L., Danylko, N. M., Mogylov, O. D. 2012. Skifskyi kurhan 10 bilia s. Mala Lepetykha u Nyzhnomu Podniprovji. *Arkheolohia*, 2, s. 76-95.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskiye kurgany basseyna r. Tyasmin*. Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz.* Kiev: Naukova dumka, s. 31-64.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki Skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia.* Kiev: Naukova dumka.

Maksimov, E. V., Petrovskaya, E. A. 2008. *Drevnosti skifskogo vremeni Kievskogo Podneprovia.* Poltava: IA NANU.

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzheniye skifov*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—4.

Liashko, Yu. Yu. 2011. Skifskyi kyndzhal iz okolyts Motronynskoho horodyshcha. In: Poltavets, V. I. (ed.). *Chyhyrynshchyna: istoria i sohodennia. Materialy naukovo-praktychnoi konferentsii.* Cherkasy: Vertykal, s. 43-44.

Mogylov, O. D., Didenko, S. V. 2009. Skifskyi kurhan 448 bilia s. Zhurovka — pamiatka perekhidnoho chasu v Potiasmynni. *Arkheolohia*, 3, s. 45-55.

Skoryy, S. Zimovets, R. 2014. *Skifskiye drevnosti Kryma. Materialy odnoy kollektsii.* Kiev: Oleg Filyuk.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriytsy*. Kiev: Naukova dumka.

Mogylov, O. D. 2013. The barrows of the West Podolian group of the Scythian period. *Mousaios*, XVIII, p. 203-214.

Yu. Yu. Lyashko

WEAPON OF THE EARLY IRON AGE FROM COLLECTION OF KAMYANKA HISTORICAL MUSEUM

The article is sanctified to description of standards of weapon twenty-four hours of early ferrous age, that is kept in the display of historical museum of Kamyanka of state Historical and Cultural Center reserve of the Cherkasy areal.

In this paper, brief information is provided on similar analogues of weapons that were found on the territory of Ukraine. But their short description is made. Particularly worthy to highlight the Scythian sword-akinak, which is made in uncharacteristic for this type of form, with a slightly curved blade and one-sided sharpening. This type of weapon is a unique achievement of weaponry and dates from the second to the third quarter of the Vth century BC. Also at the end of the work there is a conclusion regarding the existence of certain types of weapons in the Prytyasminsky region.

Keywords: early ferrous age, finds, exhibits, weapon description.

Одержано 27.01.2019

ЛЯШКО Юрій Юрійович, завідуючий історичним музеєм Кам'янського державного історико-культурного заповідника, вул. Декабристів 5, м. Кам'янка, 20801, Україна, *pitim1968@ukr.net*.

LYASHKO Yuriy Yuriyovych, Head of the Historical Museum of the Kamensky State Historical and Cultural Reserve, st. Decembrists 5, Kamyanka, 20801, Ukraine, *pitim1968@ukr.net*.

УДК: 904.5(477.72)”638”

Е. В. Переводчикова, К. Б. Фирсов

О РАСПОЛОЖЕНИИ КОНЕЙ В КУРГАНЕ КОЗЁЛ

Статья посвящена изучению особенностей расположения конских погребений в скифском царском кургане Козёл IV в. до н. э., раскопанном И. Е. Забелиным в 1865 г. В научный оборот вводятся письменные источники по исследованию памятника. Материалы кургана Козёл сравниваются с соответствующими данными из кургана Чертомлык, где найдены подобные конские могилы.

Ключевые слова: *скифское время, скифский царский курган, погребальные сооружения, захоронения коней, курган Козёл.*

В Государственном Историческом музее хранится коллекция предметов скифского времени, найденных И. Е. Забелиным в 1865 г. в скифском царском кургане Козёл IV в. до н. э.

В нем были открыты 11 конских погребений, в которых обнаружены уздечные, шейные и седельные уборы лошадей, выполненные из серебра, золота, бронзы и железа [1]. Эти конские захоронения были пронумерованы И. Е. Забелиным с 1 по 11, начиная с южного костяка. Все они были положены головой к востоку, кроме первого коня, ориентированного на запад. В двух захоронениях, помимо предметов собственно конского убора, были найдены бронзовые наконечники стрел (конь 1) и бронзовый орнаментированный предмет (конь 6). Погребения коней сопровождали два погребения конюших.

К конским захоронениям также следует отнести железные удила и псалии, обозначенные И. Е. Забелиным в описи без указания их количества и принадлежности к конкретному коню. В «конских гробницах» обнаружены и железные подпружные пряжки, по одной у каждой лошади.

Убор лошадей, найденных в кургане Козёл, состоит из деталей оголовья, шейного и седельного уборов. Детали оголовья имеются у всех 11 лошадей. Шейный убор имели только две лошади (кони 1, 6). Седельные украшения имели три лошади (кони 1, 2, 4). Таким образом, полный убор имел только конь 1.

Детали оголовья были изготовлены из серебра (с золотом) или бронзы. Всего найдено шесть серебряных уборов (кони 1, 4, 8—11) и пять бронзовых (кони 2, 3, 5—7).

При всей близости устройства узды у коней, можно выделить три основных варианта этого убора. Первый вариант, т. н. «чертомлыцкого» типа, встречен у девяти коней, один из которых выделяется только меньшими, по сравнению с обычными, размерами нащечных блях («жеребенок»).

Еще два варианта оголовья имеют в своем составе вещи фракийского облика: налобники, нащечники, свастиковидные бляхи с характерным орнаментом. Однако при различии в используемых типах деталей оголовья, нужно отметить, что система их размещения на морде лошади по сути является единой для всех 11 конских захоронений (подробнее об уборе коней из кургана Козёл см.: Переводчикова, Фирсов 2005, с. 394—406).

Изучая особенности расположения коней в кургане Козёл, обратимся к сохранившимся письменным источникам по исследованию памятника. Так, в Донесении И. Е. Забелина о раскопках кургана читаем: «*Конская гробница, подобно Чертомлыцкой, имела три особые ямы, отделенные друг от друга материковы-*

1. Материалы хранятся в Государственном Историческом музее (ГИМ 54746. Оп. Б 288).

© Е. В. ПЕРЕВОДЧИКОВА, К. Б. ФИРСОВ, 2019

ми перегородками. В боковых ямах открыто по 4 коня, в средней 3, всего 11 коней. Считая по порядку от южной стороны третий и десятый кони были жеребята. В южной яме два коня имели серебряный уздечный убор, а два бронзовый. На трех конях больших были седла с золотыми пластинами, совершенно подобными найденным в гробнице Чертомлыцкой могилы. При одном коне, лежавшем подле южной стенки, головою, против обыкновенного порядка, к западу, найден бронзовый шейный убор, состоявший из блях и колокольчиков, связанных железною цепочкою, а при седле колчан бронзовых больших стрелок. В средней яме на всех конях был бронзовый уздечный убор и сверх того, на одном, лежавшем в средине, шейный бронзовый же убор, подобный описанному. В последней северной яме все 4 коня имели серебряный уздечный убор и были, по-видимому, в простых седлах, от которых оставались еще частицы совсем истлевшего дерева и найдены четыреугольные железные пряжки от подпруг» (ГИМ, Отдел археологических памятников, оп. Б 288).

В прилагаемой к Донесению описи находок из кургана содержатся более подробные сведения о том, какому коню принадлежали те или иные предметы конского убора, поскольку в ней все вещи описаны в соответствии с местом их находки. Суммируя данные описи и донесения, можно представить расположение коней в кургане в виде следующих таблиц (табл. 1; 2).

В расположении коней можно наблюдать некий ритм.

Центральная яма с тремя конями фланкирована с севера и юга ямами, где лежали по четыре лошади.

Все кони в северной части гробницы снабжены уздой с серебряными принадлежностями, все кони в средней — бронзовыми. В южной части конской гробницы крайние кони имеют серебряную узду, средние — бронзовую. Узда всех коней в южной и средней ямах относится к «чертомлыцкому» типу, в северной яме кони с уздой «чертомлыцкого» типа чередуются через одного с конями с уздой фракийского облика.

«Жеребята» (определение И. Е. Забелина) лежали в крайних ямах (северной и южной), в обоих случаях вторыми от северной стенки.

Все кони с седлами, украшенными золотыми пластинами, находились в южной части сооружения, при этом обязательно находились при южной и северной стенках, т. е. по краям ямы, причем у южной стенки лежали два оседланных коня подряд.

Один конь в шейном уборе лежал у южной стенки южной ямы, т. е. на самом краю сооружения, другой — в середине средней ямы, т. е. строго посередине всего сооружения.

Среди всех коней представляются особо выделенными два: первый и шестой. Шестой конь лежал строго посередине всего сооружения, был снабжен шейным (нагрудным) набором, у его колена лежал предмет — скорее всего, колчан (Беловинцева и др. 2016), декорированный в стиле, который можно счесть пережиточно-гальштатским (Переводчикова, Фирсов 2004). Перечисленные особенности можно объяснить тем, что этот конь маркировал середину всего сооружения.

Конь 1 лежал у южной стены южной ямы и также был особо богато украшен. На нем было седло с золотым пластинами и шейный убор. При седле находился колчан больших бронзовых стрел. Он отличался от прочих еще и тем, что его голова смотрела не на восток, а на запад.

В описанном расположении коней можно наблюдать следующие закономерности.

Помимо четко акцентированной середины, отмеченной особо убранным конем 6, очевидно особое внимание, уделенное южной стороне погребального сооружения.

Для дальнейших рассуждений на эту тему следует привлечь данные о расположении коней в кургане Чертомлык, где, как и в нашем

Таблица 1. Материал изготовления деталей оголовья коней из кургана Козел

Конь	Материал		Конь	Материал	
	Серебро	Бронза		Серебро	Бронза
1	+	—	7	—	+
2	—	+	8	+	—
3	—	+	9	+	—
4	+	—	10	+	—
5	—	+	11	+	—
6	—	+	—	—	—

Таблица 2. Предметы конского убора из кургана Козел

Конь	Детали оголовья, «тип»				Шейный убор	Седельный убор	Подпружные пряжки
	«Чертомлыцкий»		«Фракийский»				
	—	«Жеребенок»	Тип 1	Тип 2, «жеребенок»			
1	+	—	—	—	+	+	+?
2	+	—	—	—	—	+	+?
3	—	+	—	—	—	—	+?
4	+	—	—	—	—	+	+?
5	+	—	—	—	—	—	+?
6	+	—	—	—	+	—	+?
7	+	—	—	—	—	—	+?
8	—	—	+	—	—	—	+
9	+	—	—	—	—	—	+
10	—	—	—	+	—	—	+
11	+	—	—	—	—	—	+

кургане, 11 коней лежали в подобном погребальном сооружении. Их уборы тоже были сделаны из двух разных материалов, но не из бронзы и серебра, а из серебра и золота. Расположение коней описано И. Е. Забелиным в публикации материалов кургана, но, к сожалению, в этом описании допущена ошибка: сначала отсчет коней в северной могиле идет от северной стенки, а потом сбивается (ДГС, II, с. 89). А. Ю. Алексеев, изучив не только опубликованные данные, но и архивные материалы, составил непротиворечивое описание расположения коней в конских гробницах Чертомлыка, которое мы и будем использовать.

В конских могилах Чертомлыка все кони лежали головами на восток. В южной гробнице были захоронены три коня. На черепах первого (с южной стороны) и третьего находились серебряные уборы. У среднего коня была золотая узда, а также седло с золотыми пластинами. В средней могиле у первого коня с южной стороны был золотой убор, у следующего — серебряный, следом за ним лежал конь в золотом уборе, и потом — в серебряном. Кроме того, на третьем коне находился нагрудный (шейный) убор. В северной могиле три коня, считая от южной стенки, имели золотые уборы и седло с золотыми пластинами, а четвертый, у северной стенки, был в серебряном уборе. Здесь, как и в средней могиле, третий конь был также снабжен нагрудным (шейным) убором (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 64).

Рассмотрев порядок их расположения, А. Ю. Алексеев заметил, что как число коней, так и богатство и разнообразие их уборов возрастает от южной гробницы к северной, и разделил могилы на три уровня, высший из которых представлен северной могилой (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 65—66). При этом исследователь исходит из большей ценности золота по сравнению с серебром. Признавая этот факт бесспорным, попробуем применить подобный подход к нашим материалам.

Прежде всего следует заметить, что в конских могилах кургана Козёл нет золотых уздечек. Кони снабжены уздечными наборами из серебра и бронзы. Из этих металлов более ценным является серебро. Если посмотреть под таким же углом зрения на наших коней, можно заметить, что северная могила, где у всех коней имеются серебряные уздечки, по сравнению с другими, на первый взгляд, наиболее богатая. Однако кони в седлах с золотыми пластинами погребены не в ней, а в южной могиле; здесь же находится конь в шейном (нагрудном) уборе. Поэтому трудно сравнивать эти могилы по богатству. Что же до разнообразия, то южная, где помимо уздечных наборов есть и седла с золотыми пластинами, и шейный (нагрудный) убор, пожалуй, опережает северную. Средняя же могила, с тремя конями в бронзовом уборе, выглядит явно «беднее» прочих, тем самым не позволяя выстроить какой-либо порядок возрастания богатства инвентаря и, тем более, ранжировать конские могилы по этому признаку.

Потерпев неудачу на этом пути, попробуем взглянуть на материал изготовления конских уборов с другой стороны, а именно обратить внимание на их цвет. Нисколько не приравнивая по ценности бронзу к золоту, заметим, что этот металл также желтого цвета. Золото же, помимо своих качеств драгоценного металла, играло особую роль во многих культурах древности благодаря своему цвету (см., например: Литвинский 1982, с. 35—36; Иванов 1983, с. 10—11; Лелеков 1987, с. 25—30; Гуляев, Савченко 1999, с. 156—157).

По материалу изготовления предметов конской узды (т. е. по цвету металла) южная конская гробница как бы суммирует общий ритм расположения коней во всем сооружении — в ней лежат кони и в серебряных уздечках, и в бронзовых. При этом, подобно тому, как в центральной части лежат кони с бронзовыми уборами, здесь такие кони тоже лежат в середине. С севера и с юга от них лежат кони в серебре, так же, как они лежат вокруг центральной конской могилы. Получается, что по расположению «белых» и «желтых» коней южная яма представляет собой своего рода модель всего сооружения.

Как уже говорилось, наиболее богато украшен был южный конь в южной яме, т. е. самый южный конь всего сооружения. Интересно, что его голова, в отличие от прочих, смотрела на запад.

О предпочтении юга и запада в погребальных обрядах скифской культуры, связанных с лошадьми, свидетельствует целый ряд примеров. Н. И. Веселовский, публикуя результаты раскопок Келермесского кургана 1, где вдоль южной и западной стен погребальной ямы лежали скелеты лошадей, отмечал, что чем южнее лежала лошадь в западном ряду и чем западнее — в южном, тем богаче они были украшены. Самый богатый убор был у лошади, лежавшей в юго-западном углу (ОАК 1904, с. 88—89). Там, в юго-западном углу погребальной ямы, лежали навершия — предметы, концептуально связанные с идеей лошади и с ритуалом жертвоприношения лошадей (Переводчикова, Раевский 1981, с. 42—51). В свою очередь, эти предметы зачастую находят не только при лошадях, но и именно в южной либо западной частях погребального сооружения. К уже упоминавшейся ситуации в Келермесском кургане 1, можно добавить находку наверший в юго-западной части могильной ямы в кургане 3 Краснознаменского могильника (Петренко 2006, с. 36). Следует также отметить, что навершия лежали у южной стенки могилы в курганах VI в. до н. э. — Старшая Могила (Іллінська 1951, с. 210) и в юго-западном углу — в Репяховатой Могиле (Ильинская, Мозолевс-

кий, Тереножкин 1979, с. 41). Помимо перечисленных находок в архаических памятниках, свидетельствующих о глубокой традиционности описываемой связи, можно назвать примеры непосредственно из круга царских скифских курганов IV в. до н. э. В Александропольском кургане навершия были найдены в западной части насыпи и в южной поле кургана (Полин, Алекесеев 2018, с. 529—533), а в Слоновской Близнице — в нижней части насыпи, в юго-западной части кургана (ДГС, II, с. 65). Таким образом, связь этой категории вещей именно с югом и западом имела место. В данном контексте она интересна для подтверждения тезиса о связи лошадей с этими сторонами света в представлениях скифов.

Если это так, то северное направление, будучи оппозицией южному, должно относиться к нему как периферия к центру. В этом отношении интересно то обстоятельство, что в северной яме лежали кони только в серебряных уборах. Серебро, металл белого цвета, не характерен для памятников культур скифского круга, традиционно отдававших предпочтение металлам желтым — золоту и бронзе. Изделия из серебра появляются у степных кочевников только в IV в. до н. э. и встречаются нечасто. Этому белому металлу отводилась своя роль, еще не исследованная. Для нашей темы интересно, что деревянные фигуры оленей из кургана у с. Филипповка окованы золотом с лицевой стороны, серебром — с оборотной (Пиотровский, Кузеев 2001). Не пытаясь изучить этот вопрос во всей полноте, заметим, что это можно соотнести с замеченной особенностью в расположении коней (серебро — с краю или сзади).

Что касается нахождения в этой яме двух коней с уздой фракийского типа, то здесь интересно привести рассуждение Е. Е. Фиалко о том, что кони с фракийской уздой в скифских курганах были принесены в дар фракийцами (Фиалко 2003, с. 170). Если это предположение справедливо, то периферийный характер северной ямы подтверждается еще и этим фактом.

Вернувшись к сравнению конских могил в курганах Козёл и Чертомлык, заметим, что чертомлыцкие кони в «белых» (серебряных) уборах тоже окружают коней в «желтых» (здесь золотых) уборах: это крайние кони с севера и юга всего сооружения. Подобным образом южная гробница, где «серебряные» кони фланкируют «золотого», выглядит как модель всего сооружения. Середина (6-й конь) в Чертомлыке также маркирована шейным (нагрудным) убором, здесь у 6-го коня имеется и седло с золотыми пластинами, что усиливает акцент на середину.

Отмеченные черты сходства позволяют предположить, что цветовая символика учитывалась и в расположении коней Чертомлыка.

При этом сравниваемые композиции сильно отличаются друг от друга: если в Козле могилы с четырьмя конями расположены по краям, а с тремя — в середине сооружения, то в Чертомлыке три коня погребены в южной гробнице, а в остальных — по четыре. Чередование «золотых» и «серебряных» коней в средней могиле Чертомлыка не находит аналогий в Козле, как не находит их в Чертомлыке строгая монотонность средней и северной гробниц Козла.

Все же, несмотря на отмеченные различия, сходство сравниваемых сооружений несомненно. Оно проявляется как в отмеченных сходных принципах расположения коней, так и в общей организации сооружений: захоронение коней в трех выстроенных в линию, примыкающих друг к другу могилах. Анализируя признаки конских могил Чертомлыка, А. Ю. Алексеев сопоставляет их композицию с делением Скифии на три части, кочевой орды — на два крыла и центр, а также с тремя сферами мироздания. Далее исследователь пишет: «*Поскольку в представлениях скифов одна из функций царя заключалась в обеспечении единства и стабильности всех трех зон мироздания, объединявшему их подобно «мировому дереву», наличие трех конских могил в Чертомлыке также свидетельствует о царском ранге погребенного в нем лица*» (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 65—66).

Такой вывод, наверное, следует распространить и на наш курган, также по высоте входящий в IV, высшую группу по классификации Б. Н. Мозолевского (Тереножкин, Мозолевский 1988, прил. 4). При этом по ряду признаков он выглядит скромнее: бронза вместо золота для конских уборов, меньшее количество коней с золотыми седлами (3, а не 6), в сочетании с меньшей высотой кургана (14 м, а не 19,5 м). Не погружаясь в вопросы ранжирования курганов и соотнесения их размеров со статусом погребенных, заметим, что в литературе курган Козёл считается захоронением членов царской семьи (Болтрик 2004, с. 87—89).

При этом мы не знаем, какие богатства находились в центральных гробницах, полностью ограбленных. Не следует также забывать, что курган Козёл до сих пор остается не докопанным до конца.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.).* Киев: Наукова думка.

Беловинцева, Н. И., Переводчикова, Е. В., Фирсов, К. Б., Ширяков, В. А. 2016. Орнаментированный предмет из кургана Козёл: реставрация как основание для реконструкции. *Артикульт*, 1 (21): Академическое искусствоведение, археология, научная реставрация сегодня (тезисы конференции), с. 83-84.

Болтрик, Ю. В. 2004. Социальная структура Скифии IV в. до Р. Х. В: Chochorowski, J. (ed.). *Kimmerowie. Scythowie. Sarmaci. Księga poświęcona*

pamięci profesora Tadeusza Sulimirskigo. Krakow: Universytet Jagielloński, Instytut archeologii, c. 85-91.

Гуляев, В. И., Савченко, Е. И., 1999. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г., Башилов, В. А. (ред.). *Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. Москва: ИА РАН, с. 151-160.

Древности… 1872. *Древности Геродотовой Скифии*. Санкт-Петербург: ИАК, II.

Иванов, В. В. 1983. *История славянских и балканских названий металлов*. Москва: Наука.

Іллінська, В. А. 1951. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. *Археологія*, V, с. 196-212.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1979. Скифские курганы у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Лелеков, Л. А. 1987. О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира). В: Мартынов, А. И., Молодин, В. И. (ред.). *Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология*. Новосибирск: Наука, с. 25-31.

Литвинский, Б. А. 1982. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии). *Советская этнография*, 4, с. 34-42.

Отчет… 1977. *Отчет Археологический комиссии за 1904 г*. Санкт-Петербург: ИАК.

Переводчикова, Е. В., Раевский, Д. С. 1981. Еще раз о назначении скифских наверший. В: Литвинский, Б. А. (ред.). *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье*. Москва: Наука, с. 42-52.

Переводчикова, Е. В., Фирсов, К. Б. 2004. Орнаментированный предмет из кургана Козел: пережиточный гальштатский стиль в скифских царских курганах? *Археологические вести*, 11, с. 128-137.

Переводчикова, Е. В., Фирсов, К. Б. 2005. К реконструкции убора коней из кургана Козёл. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского*. Москва: ИА РАН, с. 394-406.

Петренко, В. Г. 2006. *Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Corpus tumulorum scythorum et sarmatorum*. Москва; Берлин; Бордо: Палеограф, 1.

Пиотровский, М. Б., Кузеев, Р. Г (ред.). 2001. *Золотые олени Евразии. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Славия.

Полин, С. В., Алексеев, А. Ю. 2018. *Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье*. Киев; Берлин: Олег Філюк.

Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. Н. 1988. *Мелитопольский курган*. Киев: Наукова думка.

Фиалко, Е. Е. 2003. Кони в погребальном ритуале скифской аристократии. В: Пиотровский, Ю. Ю. (ред.). *Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, II, с. 169-170.

REFERENCES

Alekseev, A. Iu., Murzin, V. Iu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.

Belovintseva, N. I., Perevodchikova, E. V., Firsov, K. B., Shiriakov, V. A. 2016. Ornamentirovannyi predmet iz kurgana Kozel: restavratsiia kak osnovanie dlia rekonstruktsii. *Artikult*, 1 (21): Akademicheskoe iskusstvovedenie, arkheologiia, nauchnaia restavratsiia segodnia (tezisy konferentsii), s. 83-84.

Boltrik, Iu. V. 2004. Sotsialnaia struktura Skifii IV v. do R. Kh. In: Chochorowski, J. (ed.). *Kimmerowie. Scythowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskigo*. Krakow: Universytet Jagielloński, Instytut archeologii, s. 85-91.

Guliaev, V. I., Savchenko, E. I., 1999. K voprosu o roli zolota v pogrebalnom rituale skifov. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Bashilov, V. A. (eds.). *Evraziiskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arkhivnye materialy. publikatsii, stati*. Moskva: IA RAN, s. 151-160.

Drevnosti… 1872. *Drevnosti Gerodotovoi Skifii*. Sankt-Peterburg: IAK, II.

Ivanov, V. V. 1983. *Istoriia slavianskikh i balkanskikh nazvanii metallov*. Moskva: Nauka.

Illinska, V. A. 1951. Kurgan Starsha Mogila — pamiatka arkhaichnoi Skifii. *Arkheologiia*, V, s. 196-212

Ilinskaia, V. A., Mozolevskii, B. N., Terenozhkin, A. I. 1979. Skifskie kurgany u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiia i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 31-63.

Lelekov, L. A. 1987. O simvolizme pogrebalnykh oblachenii («zolotye liudi» skifo-sakskogo mira). In: Martynov, A. I., Molodin, V. I. (eds.). *Skifo-sibirskii mir. Iskusstvo i ideologiia*. Novosibirsk: Nauka, s. 25-31.

Litvinskii, B. A. 1982. «Zolotye liudi» v drevnikh pogrebeniiakh Tsentralnoi Azii (opyt istolkovaniia v svete istorii religii). *Sovetskaia etnografiia*, 4, s. 34-42.

Otchet… 1907. *Otchet Arkheologicheskii komissii za 1904 g*. Sankt-Peterburg: IAK.

Perevodchikova, E. V., Raevskii, D. S. 1981. Eshche raz o naznachenii skifskikh navershii. In: Litvinskij, B. A. (ed.). *Sredniaia Aziia i ee sosedi v drevnosti i srednevekove*. Moskva: Nauka, s. 42-52.

Perevodchikova, E. V., Firsov, K. B. 2004. Ornamentirovannyi predmet iz kurgana Kozel: perezhitochnyi galshtatskii stil v skifskikh tsarskikh kurganakh? *Arkheologicheskie vesti*, 11, s. 128-137.

Perevodchikova, E. V., Firsov, K. B. 2005. K rekonstruktsii ubora konei iz kurgana Kozel. In: Gulyaev, V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii: ot rannei bronzy do rannego srednevekovia. Pamiati Valeriia Sergeevicha Olkhovskogo*. Moskva: IA RAN, s. 394-406.

Petrenko, V. G. 2006. *Krasnoznamenskii mogilnik. Elitnye kurgany ranneskifskoi epokhi na Severnom Kavkaze. Corpus tumulorum scythorum et sarmatorum*. Moskva; Berlin; Bordo: Paleograf, 1.

Piotrovskij, M. B., Kuzeev, R. G (eds.). 2001. *Zolotye oleni Evrazii. Katalog vystavki*. Sankt-Peterburg: Slavija.

Polin, S. V., Alekseev, A. Iu. 2018. *Skifskii tsarskii Aleksandropolskii kurgan IV v. do n. e. v Nizhnem Podneprove*. Kiev; Berlin: Oleg Filiuk.

Terenozhkin, A. I., Mozolevskii, B. N. 1988. *Melitopolskii kurgan*. Kiev: Naukova dumka.

Fialko, E. E. 2003. Koni v pogrebalnom rituale skifskoi aristokratii. In: Piotrovskij, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekove. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Mikhaila Petrovicha Griaznova*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, II, s. 169-170.

E. V. Perevodchikova, K. B. Firsov

ON THE DISPOSITION OF HORSES IN KOZEL BARROW

The article deals with the disposition of horses in Kozel barrow of the IV century BC situated in the left coast Lower Dnieper region. 11 horses were buried in three special tombs there. The horses were adorned with silver and bronze bridles, some had also saddles with golden plagues, and some had bronze breast (neck) dressings.

I. E. Zabelin, the author of excavation this barrow, had described the disposition of horses. We had analyzed the arrangement of horses on the basis of this description. We had seen some rhythm in the arrangement of the horses in silver and bronze dressings. The regularity observed was based on the colour difference of horse bridles. Comparing the results of our observations on the Kozel horses disposition with the disposition of horses in Chertomlyk barrow we had found some resemblance between them also basing on the colour difference of horse bridles.

A. Yu. Alexeev analyzing Chertomlyk horse tombs became to a conclusion this way of space organization of horse tombs is an evidence of royal status of the buried person. This conclusion may be applied for Kozel barrow also, but it is smaller and not so rich, and usually is interpreted as a burial of royal family member. But we should not forgot that nobody knows of the treasures contained this plundered barrow.

Keywords: Scythian époque, Scythian royal barrow, horse burials, Kozel barrow.

Одержано 15.02.2019

ПЕРЕВОДЧИКОВА Олена Володимирівна, кандидат історичних наук, науковий співробітник Інституту археології РАН, вул. Дм. Ульянова, буд. 19, Москва, 117292, Росія, *perevelena@yandex.ru*.

PEREVODCHIKOVA Elena Vladimirovna, PhD, Research Fellow of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanov str. 19, Moscow, 117292, Russia, *perevelena@yandex.ru*.

ФІРСОВ Кирило Борисович, головний хранитель, Відділ археологічних пам'яток, Державний Історичний музей, Червона пл., буд. 1, Москва, 109012, Росія, *kirill-firsov@mail.ru*.

FIRSOV Kirill Borisovich, Chief Curator, Department of Archaeology, Senior Researcher, State Historical Museum, Red sq. 1, Moscow, 109012, Russia, *kirill-firsov@mail.ru*.

УДК: 904.5(477.72)-055/2

Д. Н. Сикоза, Е. С. Дзнеладзе

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НИКОЛАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Статья посвящена анализу 54 женских погребений, раскопанных в 1960—70 гг. экспедицией Э. А. Сымоновича на позднескифском Николаевском могильнике Бериславского р-на Херсонской обл. В статье рассмотрена хронология комплексов и особенности погребального обряда.

Ключевые слова: *позднескифская культура, Николаевский могильник, погребальный обряд.*

Среди известных позднескифских могильников Нижнего Днепра особое место занимает некрополь Николаевского городища, поскольку на данном памятнике исследовано наибольшее число погребений, относящихся к нижнеднепровскому локальному варианту позднескифской культуры.

Археологический комплекс находился в 1 км на восток от села Николаевка Бериславского района Херсонской обл., на берегу одного из рукавов Днепра — р. Козак. Городище располагалось на мысу, образованном крутыми обрывами Днепра и древней балкой. Впервые упомянуто В. Ястребовым (1894, с. 118), в 1909 г. раскопки на памятнике проводил В. И. Гошкевич (Гошкевич 1913). В начале 1960-х гг. городище было полностью уничтожено известняковым карьером.

Могильник находился рядом с городищем и был отделен от него балкой Городок. Впервые раскопки на могильнике провел М. Эберт в 1912 г. (Ebert 1913). В 1960—70-е гг. могильник исследовал Э. А. Сымонович (Сымонович 1966; 1967; 1969; 1970; 1971; 1972). Однако коллекция памятника считается утраченной и недоступна для изучения. Э. А. Сымоновичем было опубликовано несколько статей, посвященных отдельным находкам могильника (Сымонович 1967; 1969; 1976; 1978).

© Д. Н. СИКОЗА, Е. С. ДЗНЕЛАДЗЕ, 2019

В статье рассмотрены материалы погребений, определенных как женские по антропологическим данным и по наличию женского погребального инвентаря (рис. 1—2).

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В Николаевском могильнике исследовано 137 грунтовых склепов-катакомб, 29 погребений в простых ямах и 24 — в ямах с подбоем. Женские погребения совершены в 38 катакомбах (могилы 21, 22, 26, 29, 36, 40, 56, 61, 67, 74—77, 83, 90, 94, 96—98, 100, 109, 111, 112, 117, 125, 128, 130, 132, 134, 137, 150, 151, 156, 163, 166, 168, 173, 205), 6 ямах (№ 28, 80, 161, 170, 171, 183) и 3 в ямах с подбоем (№ 88, 116, 130). В характеристике погребального инвентаря использованы также материалы 6 ограбленных погребений, где сохранился типичный женский инвентарь, не представленный в целых комплексах.

Склепы-катакомбы. Наиболее многочисленны в могильнике. Все склепы, содержавшие женские погребения, имели прямоугольную входную яму, размеры которой зависят от величины погребальной камеры. Исключением является катакомба 205, которая подробно будет рассмотрена ниже. Дно входных ям было либо горизонтальным, либо имело наклон в сторону погребальной камеры, в нескольких случаях отмечены ступени. В заполнении входных ям встречены следы тризны в виде фрагментов гончарной и лепной керамики, а также костей животных. Вход в катакомбу обычно закрывался массивными плитами или большими бутовыми камнями. Своды, которые удалось проследить, имели купольную форму.

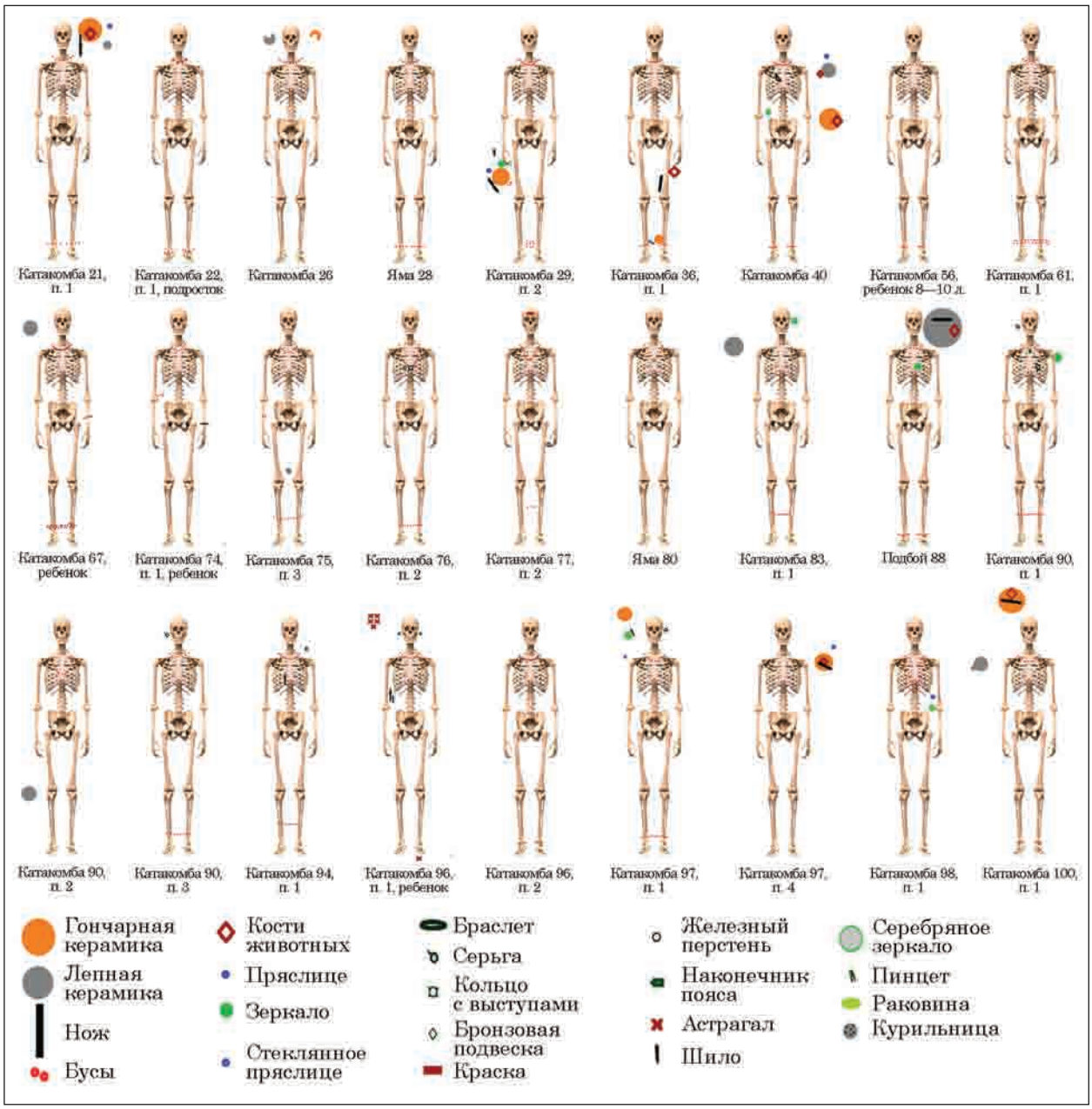

Рис. 1. Схема расположения погребального инвентаря в женских погребениях Николаевского могильника (часть 1)

Камеры склепов круглые, овальные, подпрямоугольные и квадратные. Круглые и овальные склепы (могилы 21, 22, 26, 29, 36, 56, 67, 75—77, 83, 94, 96, 97, 109, 112, 117, 125, 134, 128, 137, 150, 151, 168) доминируют на позднескифских памятниках Нижнего Днепра (Высоцкая 1994, с. 52). Подобные погребальные сооружения исследованы в Восточном некрополе Неаполя Скифского — могилы 38, 71, 75 (Сымонович 1983, с. 18, 20, рис. 9, 11).

Катакомбы с подпрямоугольной и квадратной камерой представлены 8 сооружениями (могилы 40, 61, 74, 90, 98, 100, 173, 205). Именно такие склепы отличаются большим количеством погребенных (Золотая Балка, склепы 51 и 52 — 4 человека; Красный Маяк, склеп 30 — 6 человек, склеп 78 — 5 человек). В склепе 98 на могильнике Николаевка найдены останки 6 человек. Многократные захоронения не характерны для Нижнего Днепра, но являются обычной практикой для крымских памятников (Усть-Альма). В Усть-Альминском некрополе подквадратные в плане склепы являются основным типом погребальных сооружений, начиная с середины I в. до н. э. (Высоцкая 1994, с. 51—52). Эти склепы отличаются богатством и разнообразием погребального инвентаря и частым использованием гробов. Аналогичные склепы открыты в могильниках Никония и у села Молога, где они относятся к II—III вв. (Гудкова, Фокеев 1982, с. 79), в то время как на некрополях Нижнего Днепра основная часть

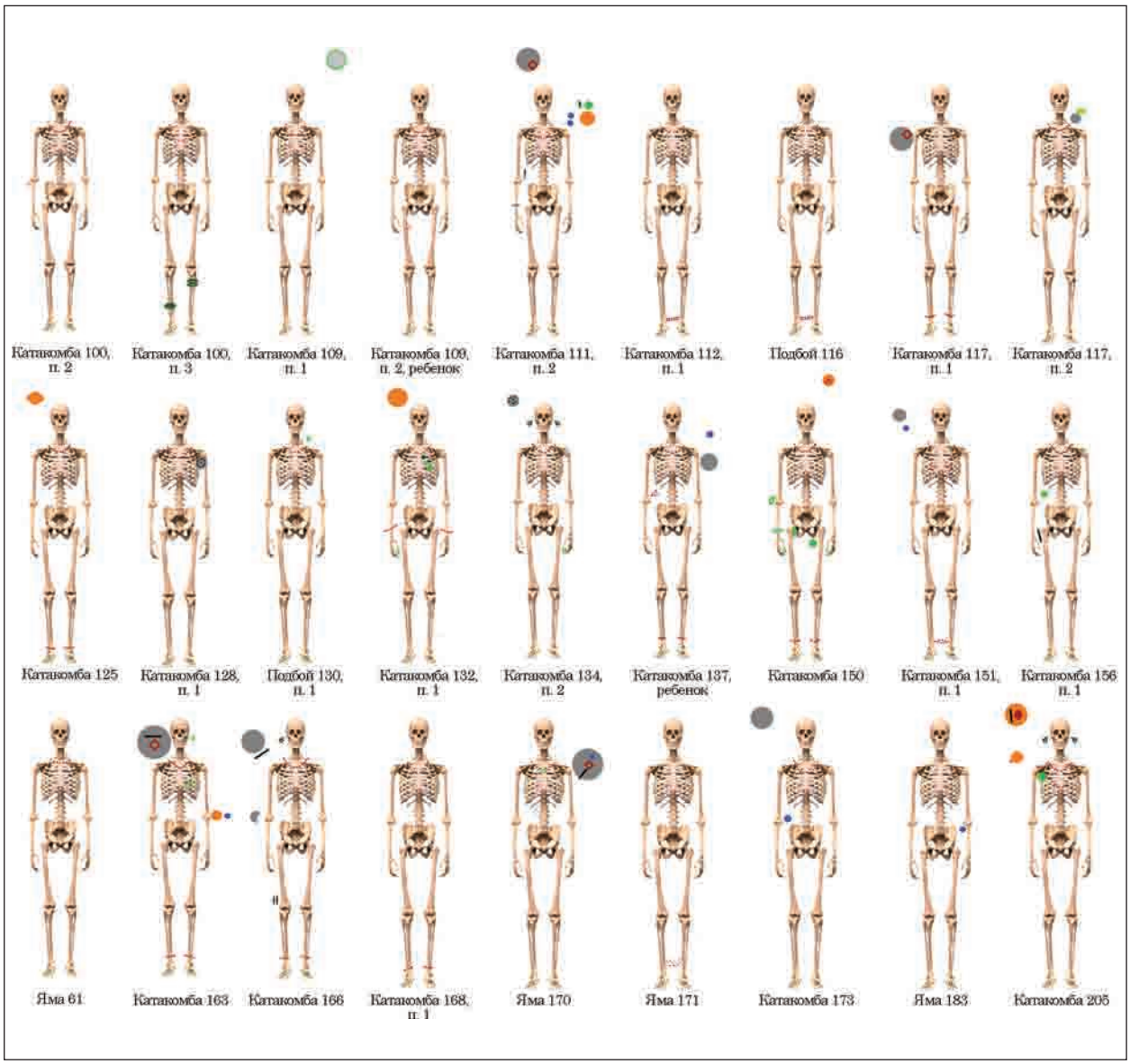

Рис. 2. Схема расположения погребального инвентаря в женских погребениях Николаевского могильника (часть 2). **Условные обозначения** см. на рис. 1

склепов датирована в пределах I—II вв. Появление таких погребальных сооружений на Нижнем Днепре, а позднее в Северо-Западном Причерноморье может свидетельствовать о миграциях населения из юго-западного Крыма.

Простые ямы. Женские погребения исследованы в ямах двух типов: узких прямоугольных со скругленными углами и широких овальных. Все они ориентированы по линии СВ—ЮЗ. Грунтовые могилы встречены на всех известных позднескифских могильниках Нижнего Днепра (Вязьмитина 1972, с. 90—95). На могильнике Заветное в Крыму грунтовые могилы являются самым распространенными (Высоцкая 1972, с. 88).

Подбойные могилы представлены 3 сооружениями и ориентированы по линии СВ—ЮЗ. Имеют разную констукцию. Входные ямы прямоугольной (могила 88) или овальной (могила 116) формы, подбой расположен с СЗ или ЮЗ. Могила 130 с парным захоронением имеет необычную конструкцию: широкая входная яма, в углу которой сделан подбой.

Большинство таких захоронений датированы первыми веками и, по мнению ряда исследователей, фиксируют приток нового населения, который можно связать с сарматами (Пуздровский 2007, с. 49; Храпунов 2004, с. 55).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Основная ориентация погребенных в овальных склепах — СЗ. Юго-восточная ориентация отмечена только в 6 могилах (№ 76, 94, 96, 132, 156, 168). Подобная ориентация погребенных преобладала на Усть-Альминском могильнике (Высоцкая 1994, с. 61). В некоторых случаях

погребения в одном склепе имеют разную ориентацию: в склепе 97 зафиксировано валетообразное положение умерших по оси юго-запад—северо-восток. Северная ориентация отмечена в 56 и 67 детских катакомбах.

Погребенные в склепах с подпрямоугольной или квадратной камерой ориентированы поразному. Из 8 склепов у 6 погребенных женщин преобладает северо-западная ориентация (склепы 40, 100, 173, 205). В склепе 90 захоронения 3 женщин имеют разную ориентацию: 2 погребенных лежат головой на северо-запад, одна ориентирована на северо-восток. В двух случаях отмечена юго-восточная ориентировка погребенных (склеп 61 и 98).

Погребения в простых ямах имеют устойчивую северо-восточную ориентацию.

Все погребения в ямах с подбоями ориентированы в северо-восточном направлении.

В склепах с многократными захоронениями первых погребенных хоронили у дальней стены. Однако отмечены случаи, когда ранее умерших сдвигали вглубь склепа, нарушая анатомический порядок, или же просто укладывали умершего поверх совершённых ранее захоронений (Симонович 1972 с. 108). В некоторых катакомбах (№ 96, 98) погребенные были положены в гробы, но из за плохой сохранности дерева в большинстве случаев об этом свидетельствует лишь тонкая полоса древесного тлена вокруг погребенной. Подобные гробы отмечены на могильнике Красный Маяк и Золотая Балка. Гробы лучшей сохранности, которая дает возможность изучить их конструкцию, обнаружены в могильнике Усть-Альма (Высоцкая 1994, с. 58). Под останками погребенных были прослежены циновки. Часто под голову и тело покойной подложены плоские камни разных размеров без следов обработки (№ 40, 61, 76, 90, 100, 168, 205). Такие же камни прослежены при раскопках последних лет на Красномаяцком некрополе. При расчистке таких погребений видно, что скелеты «просели» до уровня камней, а не положены аккуратно на них. Это может указывать на то, что камни использовались как подставки для деревянных помостов, на которые укладывались тела умерших.

В большинстве случаев погребенные могильника Николаевка лежат вытянуто на спине. Размещение конечностей имеет разные вариации, которые будут рассмотрены с привязкой к погребальным сооружениям.

В склепах положение рук погребенных неустойчивое, часто одна или обе руки расположены на тазовых костях или животе (с различными вариациями). Ноги, как правило, вытянуты и положены прямо, либо сомкнуты вместе у щиколоток, возможно, они были связаны на момент погребения. В катакомбе 36 правая нога немного согнута в колене и откинута в сторону.

В простых ямах погребенные лежат вытянуто на спине, руки сложены на груди, животе или тазовых костях, ноги прямо, вместе, в одном случае согнуты в коленях. Погребенные ориентированы головой на северо-восток.

Во всех трех подбоях зафиксировано разное положение рук (на животе, на бедре). Ориентация погребенных северо-восточная.

Погребальный инвентарь. В женскую могилу ставили **сосуды** с напутственной пищей и питьем: гончарные краснолаковые миски и чашечки, кубки. В катакомбе 40 и 125 обнаружены позднеэлинистическая миска и канфар (или скифос), относящиеся к керамике пергамского круга. Среди лепной керамики преобладают миски зарубинецкого типа и кубки с коническим корпусом на высоком коническом поддоне, в двух случаях в могилах найдены фрагментированные горшки. Помещение фрагментов, а также посуды со следами ремонта — не редкость для могильников поздних скифов в данном регионе. В катакомбе 100 найден лепной кубок с миниатюрной ручкой. Сосуды представлены среди погребального инвентаря при 25 погребенных. Размещались они справа и слева от головы покойной или же у плеч. В редких случаях наблюдалось отхождение от этих норм (могилы 29, 36, 40, 90).

Курильницы в погребениях представлены двумя экземплярами. В катакомбе 128, погребение 1 на левом плече обнаружена лепная курильница с ручкой, тулово которой украшено горизонтальными и вертикальными врезными линиями с вертикальной линией отверстий. Вторая курильница баночной формы без украшений, с хаотично расположенными отверстиями найдена в катакомбе 134 у погребения 2). В курильницах обнаружены угли тополя и клена.

Пряслица лепные и изготовленные из керамического боя. Лепные почти все имеют лощение без орнамента, усечено-коническую, округло-уплощенную и биконическую форму. Средний диаметр до 3,5 см. Плоские пряслица в основном выполнены из стенок амфор и других сосудов, есть одно пряслице, изготовленное из донышка сосуда на кольцевом поддоне. В катакомбе 36 у погребения 1 обнаружено 2 стеклянных пряслица, автором раскопок не описаны. Еще одно стеклянное пряслице округлой формы найдено в катакомбе 173.

В ритуальных целях в могилы часто клали бронзовые **зеркала**, которые размещались справа или слева от головы покойной, на груди либо животе. В катакомбе 29 зафиксирован единичный случай положения зеркала у правой кисти. Все зеркала литые дисковидные, малых размеров в пределах 4—7 см. В катакомбе 109 обнаружено большое фрагментированное зеркало из белого металла, о размерах которого судить сложно, указаны размеры фрагмента 8,6 × 7 см. Всего зеркала обнаружены в 12 комплексах.

Наконечники стрел железные, черешковые, трехлопастные обнаружены в трех комплексах. Место их положения в могиле неустойчивое, в катакомбе 94 погребение 1 наконечник находился на груди, в погребении ребенка в катакомбе 96 у локтя правой руки с внутренней стороны, в катакомбе 166 у колена правой ноги.

Шилья найдены среди погребального инвентаря трех комплексов. Плохая сохранность металла не дает возможности зафиксировать точные параметры изделий. В могилах шилья располагаются рядом с остальными вещами. Шилья использовались в процессе производства изделий из кожи, что может указывать на занятость их обладательниц этим ремеслом.

Железные ножи представлены в 11 погребениях. Они однолезвийные с горбатой и прямой спинкой. Чаще всего они обнаружены в краснолаковых и лепных мисках зарубинецкого типа вместе с напутственной пищей. В двух случаях в катакомбе 29 погребение 2 и в катакомбе 166 ножи положены рядом с мисками. Длина их варьируется от 10 до 12 см, при ширине лезвия 1,5—2 см, без учета истлевшей деревянной ручки. Ножи встречаются как в женских, так и в мужских погребениях могильника, а их находки в районе пояса, в катакомбе 156 погребение 1, указывают на то, что они были персональным рабочим инструментом и частью не только мужского, но и женского костюма.

Предметы личного убора. Самым распространенным инвентарем в женских погребениях были **бусы**, которые служили не только украшением, но и защитой от сглаза и прочих дурных влияний. Таким образом, из 54 погребений Николаевского могильника, которые были определены как женские по антропологическим данным или инвентарю только одно не содержало бус.

В 53 могилах погребенные женщины имели низки бус на шее, на левой и правой руке и в области ног — на голенях или щиколотках. По расположению их в могилах мы можем судить о том, что бусы использовались для украшения рукавов халатов, подола платьев, а также украшения швов и шаровар в районе щиколоток. Следует также отметить, что бусы, которые можно отнести к обшивке подола, зафиксированы на уровне от середины голени и ниже, что может свидетельствовать о длине платья. В четырех случаях скопления бус зафиксированы у внутренней стороны локтя правой руки. К сожалению, плохая фиксация автором раскопок не позволяет судить о форме и украшении ворота женской одежды.

Учитывая скупость описания этой категории инвентаря, мы не можем судить ни о количестве, ни о составе наборов.

Однако следует отметить, что в Николаевском могильнике встречены такие разновидности бус: из монохромного стекла красного, белого, синего, голубого, зеленого, желтого цветов, бочковидные и округлые бусы с золотистой металлической прокладкой, полихромные глазчатые бусы, сердоликовые, халцедоновые, бронзовые пронизи, а также ведерковидные подвески и кольца с шишечками.

Перстни представлены 6 экземплярами, найдены на пальцах правой и левой руки погребенных, а в одном случае, катакомба 150, на обеих руках. Все находки происходят из склепов. Особо выделяется бронзовый перстень из катакомбы 29. Он украшен стеклянной геммой янтарного цвета, размерами 1,3 × 1,1 см. На выпуклой стороне — врезное изображение мужской головы африканца в профиль, влево (Сымонович 1967, с. 198) Еще один интересный экземпляр происходит из катакомбы 77 погребение 2, это железный перстень с прямоугольной бронзовой вставкой размерами 0,8 × 0,6 см. В катакомбе 150 найден бронзовый перстенек со вставкой из темного камня.

Среди рассмотренных материалов найден в единственном экземпляре бронзовый ромбической формы **наглазник** с выпуклостью посередине происходящий из ограбленной в древности катакомбы 150.

Серьги найдены в могильнике Николаевка в восьми комплексах и представлены двумя типами: проволочными серьгами с петлей и обмоткой на одной стороне и крючком на другой; и проволочными серьгами с заходящими друг за друга концами. Минимальный диаметр 1,5 см, максимальный — 2,5 см. В катакомбе 170 найдена серьга из серебряной проволоки, один из концов которой был специально заужен для продевания в ухо.

В катакомбе 96 у погребения 1 в районе черепа найдены два бронзовых колечка диаметром 2 см, которые могли использоваться как височные кольца.

Фибулы найдены при 6 погребенных. В не ограбленных комплексах все они располагались в районе груди. Все фибулы относятся к разным типам. В ограбленной катакомбе 38, найдена фибула-брошь из белого металла с 2 иглами и круглым щитком с рельефным изображением лица. Длина 6 см (Сымонович 1967, табл. II: 5, 26; Кропотов 2010, с. 291, № 2). Аналогичная фибула найдена в могиле 76 погребение 2 могильника Красный Маяк (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Находки таких фибул сосредоточены в Центральном и Северо-Западном Крыму (Кропотов 2010, с. 291—292). Датированы второй половиной II—I в. до н. э.

В катакомбе 90 погребение 1, найдена бронзовая фибула с 4-витковой пружиной, нижней тетивой, проволочной спинкой и завитком на конце сплошного приемника, длина 5,5 см (Сымонович 1969, табл. II). Такие фибулы происходят, в основном, из сарматских подкурганных захоронений волго-донских и приуральских

степей, на памятниках оседлого населения известны единичные экземпляры. Датирована концом II — первой половиной III в. н. э. Аналогична фибуле найденной на могильнике Красный Маяк (Кропотов 2010, с. 204, № 5).

В катакомбе 150 найдена бронзовая фибула среднелатенской схемы с 4-витковой пружиной с верхней тетивой, фрагментирована (Сымонович 1971, табл. III: 27). Распространены в сарматских памятниках степи в середине — второй половине I в. до н. э. (Кропотов 2010, с. 44—45).

В катакомбе 132 и 163 найдены фрагментированные лучковые подвязные фибулы, о внешнем виде которых нет дополнительных сведений. В катакомбе 40 в районе груди найдены обломки металлического предмета, возможно, от спинки фибулы.

Браслеты на Николаевском могильнике зафиксированы всего в четырех комплексах. В катакомбе 74 погребение 1 найден простой проволочный браслет с заходящими друг за друга концами. Такие браслеты достигают пика своего распространения в I в. н. э. и продолжают бытовать вплоть до IV в. Проволочный браслет с заходящими друг за друга концами, найден с материалами I в. до н. э. в катакомбе 150.

Многовитковые проволочные браслеты обнаружены на ногах погребенной 3 из катакомбы 100. Подобные браслеты найдены на Усть-Альминском некрополе в погребениях I в. до н. э. (Высоцкая 1994, с. 109).

Фрагментированный браслет с окончанием в виде змеиной головки найден в погребении 2 в катакомбе 111. Аналогичный браслет обнаружен в могиле 12 некрополя Неаполя Скифского и датирован I—II вв. (Сымонович 1983, с. 34).

К единичным особым находкам следует отнести бронзовый **пинцет** (катакомба 111 погребение 2). Ближайшая аналогия такому пинцету происходит из могилы 64 Неаполя Скифского (Сымонович 1983, с. 68). Всего на могильнике Неаполя найдено 4 пинцета. Все они происходят из комплексов первых веков н. э. и являются женской косметической принадлежностью.

ХРОНОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ НИКОЛАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Все комплексы с женскими погребениями Николаевского могильника можно разделить на три хронологических периода.

Первый — **ранний период** — конец II—I в. до н. э. В это время оставлены погребения в катакомбах 38, 40, 76 погребение 2, катакомба 97 погребение 1, катакомба 100 погребение 3, катакомба 125, 128 погребение 1, катакомба 150 и погребение в простой яме 80.

Катакомба 38 была ограблена в древности. Среди оставшегося в могиле инвентаря найдена самая ранняя фибула-брошь на могильнике. Погребение в катакомбе 40 четко датирует ранним временем краснолаковая миска с отвесным бортиком, косыми стенками с четко профилированным дном на кольцевом поддоне. По бортику миска украшена растительным орнаментом, нанесенным белой глиной. Миска относится к изделиям пергамского круга второй половины II — первой половины I в. до н. э. (Корпусова 1983, с. 40). Аналогичные миски из раскопок кургана на окраине Севастополя рассмотрены в работе Д.В Журавлева и датированы исследователем второй половиной I в. до н. э. (Журавлев 2015, с. 199—200, рис. 5).

Погребение 2 в катакомбе 76 можно датировать II—I в. до н. э. на основании находки бронзовой подвески «ласточкин хвост», аналогия которой происходит из Битакского могильника (Пуздровский 2007, с. 305, рис. 32, 5). Также здесь найдено бронзовое кольцо с шишечками, однако оно не уточняет датировку могилы (Журавлев 2014, с. 78—79).

Катакомба 97, погребение 1. Наиболее показательной для датировки является краснолаковая мисочка 75—1 гг. до н. э. формы X.42 по Хейсу (Hayes 2008, s. 134—135, N 117—121).

Погребение 3 в катакомбе 100, вероятно, совершено в I в. до н. э., о чем свидетельствует находка здесь многовитковых проволочных браслетов (Высотская 1994, с. 109).

Катакомбу 125 датирует «пергамский» канфар или скифос, орнаментированный растительным орнаментом, нанесенным белой глиной. Множество фрагментов таких изделий найдено на поселении Золотая Балка и датированы II—I в. до н. э. (Вязьмітіна 1962, с. 171). Д. В. Журавлев сужает эту дату до первой половины I в. до н. э. (Журавлев 2015, с. 197).

Катакомба 128 погребение 1 в ней найдена лепная курильница, орнаментированная горизонтальными и вертикальными врезными линиями. Все орнаментированные лепные курильницы, происходящие из позднескифских памятников, датированы II—I в. до н. э. (Синика, Меньшикова, Тельнов 2014, с. 79).

Катакомба 150 была ограблена в древности. В ней найдена краснолаковая чашечка формы IX.22.43 по Хейсу, 50—25 гг. до н. э. (Hayes 2008, s. 132, N 88). Этой дате не противоречит найденная здесь же фибула среднелатенской схемы с 4-витковой пружиной середины — второй половины I в. до н. э. (Кропотов 2010, с. 44—45).

В погребении в яме 80 найдена бронзовая оковка окончания пояса. Несколько подобных оковок найдено в катакомбе 4 Неаполя Скифского, датированной II—I в. до н. э. (Сымонович 1983, с. 30).

Второй период — **период расцвета** — I—II в. н. э. К этому времени отнесены погребения в катакомбе 21, 29, 36, 67, 74 погребение 1, катакомба 75 погребение 3, катакомба 77 погре-

бение 2, катакомба 94 погребение 1, катакомба 96 погребение 1, катакомба 97 погребение 4, катакомба 98 погребение 1, катакомба 111 погребение 2, катакомба 117 погребение 1, катакомба 132 погребение 1, катакомба 134 погребение 2, катакомба 166, яма 170, катакомба 173 и катакомба 205.

Для женских погребений Николаевского могильника первых веков характерны простые проволочные браслеты и браслеты с окончаниями в виде змеиных головок, железные и бронзовые перстни со стеклянными вставками, простые проволочные серьги с заходящими друг за друга концами и серьги с застежкой типа «петля-крючок». Хронологическим маркером служат также лучковые подвязные фибулы. Керамика представлена простыми полусферическими мисками и чашечками, особо следует выделить краснолаковую чашечку с перехватом по середине корпуса, на кольцевом поддоне. Такие чашечки редко встречаются в Северном Причерноморье. Нам известно всего три аналогичные находки: одна происходит из некрополя Золотое (Корпусова 1983, с. 40), вторая найдена в Танаисе в погребении 57 (Шелов 1961, с. 67, табл. XXVIII: 3), третья аналогичная чашечка — катакомба 98 могильника Золотая Балка, доследованная Н. П. Оленковским в 1980 г. (Оленковський 2002, с. 82, рис. 2). Интересна и красналаковая миска с двумя приподнятыми ручками на кольцевом поддоне. Аналогичная миска происходит из материалов некрополя Золотое (Корпусова 1983, с. 40).

Из группы лепной керамики первых веков наиболее интересна лепная курильница баночной формы с хаотично нанесенными отверстиями по всему корпусу. Основанием для датировки курильницы I в. н. э. могут служить найденные с ней в комплексе серьги и перстень, наиболее близкие аналогии встречены в некрополе Беляуса и датированы этим временем в обобщающей работе, посвященной лепным курильницам Северного Причерноморья (Синика, Меньшикова, Тельнов 2014).

Миски зарубинецкого типа найдены в пяти комплексах первых веков н. э. Это подбойная могила 88, катакомба 117 погребение 1, катакомба 166, яма 170 и катакомба 163. Они имеют многочисленные аналогии на городище и могильнике Золотая Балка (Вязьмітіна 1962, с. 54—55; Вязьмитина 1972, с. 126, рис. 61).

Кубки с коническим туловом на высоком коническом поддоне найдены в могилах 21, 67, 137, 151, 166. Их аналогии из могильника Золотая Балка и Красный Маяк также найдены в комплексах первых веков н. э. и довольно точно воспроизводят эту форму (Вязьмитина 1972, с. 128, рис. 62; Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 47).

Третий период — **поздний период** — конец II — начало III в. н. э. представлен одним женским погребением 1 в катакомбе 90. Концом II — началом III в. н. э. погребение датирует фибула с 4-витковой пружиной, и нижней тетивой Кропотов 2010, с. 204, № 5). Кроме этого в погребении найдена ведерковидная подвеска, простая проволочная серьга и дисковидное зеркало, с пробитым отверстием для подвешивания.

Ряд погребений не имеет четких хроноиндикаторов: катакомба 26, катакомба 83 погребение 1, катакомба 109 погребение 1, катакомба 117 погребение 2, подбой 130 погребение 1 и яма 180. По общей форме погребальных сооружений и погребальному обряду, возможно, они были оставлены в первые века н. э.

ВЫВОДЫ

Николаевский могильник формировался в традиционном хронологическом диапазоне бытования нижнеднепровского локального варианта позднескифской культуры и в целом отражает периоды ее зарождения, расцвета и упадка в этом регионе. Погребальные сооружения, обряд, напутственные вещи типичны для позднескифской культуры, и находят аналогии среди материалов Золотой Балки, Красного Маяка, некрополей Танаиса, Никония, Неаполя Скифского и Золотого. Женские погребения традиционно содержат вещи личного убора: бронзовые зеркала, фибулы, шилья и ножи, бусы, серьги, браслеты и перстни. Есть в Николаевском могильнике и уникальные находки: редкие типы краснолаковой импортной посуды, бусы из полудрагоценного камня, перстень с портретной геммой, бронзовый пинцет.

Данные о расположении предметов в погребениях позволяют сделать вывод о том, что погребенные в Николаевке женщины имели типичный позднескифский убор. Он состоял из шаровар, о чем свидетельствуют бусы, найденные у щиколоток; нижнего платья с подолом разной длины, расшитого бусами; а также верхних халатов, скрепленных фибулами в районе груди или живота, с широкими рукавами, расшитыми бусами и бисером.

Как и в двух других могильниках региона — Золотой Балке и Красном Маяке — в Николаевском могильнике зафиксированы квадратные катакомбы, не характерные для нижнеднепровского варианта позднескифской культуры. На наш взгляд, эти катакомбы оставлены поздними скифами — переселенцами и маркируют миграцию части населения из юго-западного Крыма на Нижний Днепр в первые века н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Бруяко, И. В., Дзиговский, А. Н., Секерская, Н. М. 2008. *Никоний римской эпохи*. Одесса: Смил.

Высотская, Т. Н. 1972. *Поздние скифы в Юго-Западном Крыму*. Киев: Наукова думка.

Высотская, Т. Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса.

Вязьмитина, М. И. 1972. *Золотобалковский могильник*. Киев: Наукова думка.

Вязьмітіна, М. І. 1962. *Золота Балка*. Київ: АН УРСР.

Гошкевич, В. И. 1913. *Древние городища по берегам Днепра*. Херсон.

Гудкова А. В., Фокеев, М. М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II. В: Гудкова, А. В. (ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, с. 55-113.

Журавлев, Д. В. 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 1 (43), с. 59-85.

Журавлев, Д. В. 2015. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор). *Проблемы истории, филологии, культуры*, 1 (47), с. 190-216.

Корпусова, В. Н. 1983. *Некрополь Золотое*. Киев: Наукова думка.

Оленковський, М. П. 2002. Катакомба № 98 на Золотобалківському могильнику. *Археологічна збірка*, 2, с. 79-82.

Пуздровский, А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Симоненко, О. В., Сікоза, Д. М., Дзнеладзе, О. С. 2015. *Пізньоскіфський могильник Червоний Маяк. Дослідження 2011—2015 років*. Херсон: Сівак О. В.

Симонович, Е. А. 1972. Могильник поблизу «Городка Миколаївка» на Нижньому Дніпрі. *Археологічні дослідження на Україні*, IV, с. 107-110.

Синика, В. С., Мельникова, В. А., Тельнов, Н. П. 2014. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV—I вв. до н. э. *Stratum plus*, 3, с. 65-101.

Сымонович, Э. А. 1966. *Отчет о работах Николаевского отряда ИА АН СССР и Института антропологии при Московском Государственном Университете в 1966 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1966/68.

Сымонович, Э. А. 1967. Две геммы из Николаевского могильника на Днепре. *Вестник древней истории*, 2. с. 198-200.

Сымонович, Э. А. 1967. *Отчет о работах Николаевского отряда ИА АН СССР и Института антропологии при Московском Государственном Университете в 1967 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1967/74.

Сымонович, Э. А. 1969. *Отчет о работах Тилигуло-Днепровского отряда Института археологии АН СССР и Института антропологии МГУ в 1969 г. в Николаевке*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1969/67.

Сымонович, Э. А. 1969. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 119, с. 74-80.

Сымонович, Э. А. 1970. *Отчет о работах Николаевского отряда Института археологии АН СССР и Института антропологии МГУ в 1970 г. возле с. Николаевки Бериславского района Херсонской области*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1970/74.

Сымонович, Э. А. 1971. *Отчет Николаевского отряда Института археологии АН СССР о работах на Николаевском могильнике Бериславского района Херсонской обл. в 1971 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1971/51.

Сымонович, Э. А. 1972. *Отчет о работах Николаевского отряда ИА АН СССР в 1972 г. (раскопки Николаевского могильника Бериславского района Херсонской области).* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1972/53.

Сымонович, Э. А. 1976. Подражания амулетам из египетского фаянса в Нижнем Поднепровье. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 145, с. 86-87.

Сымонович, Э. А. 1978. Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильинка на Нижнем Днепре. В: Козенкова, В. И., Краснов, Ю. А., Розенфельдт, И. Г. (ред.). *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука, с. 94-99.

Сымонович, Э. А. 1983. *Население столицы позднескифского царства*. Киев: Наукова думка.

Храпунов, И. Н. 2004. *Этническая история Крыма в раннем железном веке*. Симферополь; Керчь. Боспорские исследования, VI.

Шелов, Д. Б. 1961. *Некрополь Танаиса*. Москва: АН СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, 98.

Ястребов, В. 1894. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии. *Записки Одесского общества истории и древностей*, 17, с. 118.

Ebert, M., 1913. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. *Präehistorische Zeitschrift*, V, S. 80-157.

Hayes, John W. 2008. *Roman pottery fine-ware imports*. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens. The Athenian Agora, XXXII.

REFERENCES

Bruyako, I. V., Dzigovskiy, A. N., Sekerskaya, N. M. 2008. *Nikoniy rimskoy epohi*. Odessa: Smil.

Vyisotskaya, T. N. 1972. *Pozdnie skifyi v Yugo-Zapadnom Kryimu*. Kiev: Naukova dumka.

Vyisotskaya, T. N. 1994. *Ust-Alminskoe gorodische i nekropol*. Kiev: Kievskaya Akademiya Evrobiznesa.

Vyazmitina, M. I. 1972. *Zolotobalkovskiy mogilnik*. Kiev: Naukova dumka.

Viazmitina, M. I. 1962. *Zolota Balka*. Kyiv: AN URSR.

Goshkevich, V. I. 1913. *Drevnie gorodischa po beregam Dnepra*. Herson.

Gudkova A. V., Fokeev, M. M. 1982. Poselenie i mogilnik rimskogo vremeni Mologa II. In: Gudkova, A. V. (ed.). *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomore*. Kiev: Naukova dumka, s. 55-113.

Zhuravlev, D. V. 2014. «Brasletyi» i koltsa s vyistupami iz pozdneskifskih i sarmatskih pamyatnikov Severnogo Prichernomorya. *Problemyi istorii, filologii, kulturyi*, 1 (43), s. 59-85.

Zhuravlev, D. V. 2015. Pergamskaya ellinisticheskaya stolovaya posuda v Severnom Prichernomore (kratkiy obzor). *Problemyi istorii, filologii, kulturyi*, 1 (47), s. 190-216.

Korpusova, V. N. 1983. *Nekropol Zolotoe*. Kiev: Naukova dumka.

Olenkovskyi, M. P. 2002. Katakomba N 98 na Zolotobalkivskomu mohylnyku. *Arkheolohichna zbirka*, 2, s. 79-82.

Puzdrovskiy, A. E. 2007. *Kryimskaya Skifiya II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebalnyie pamyatniki*. Simferopol: Biznes-Inform.

Symonenko, O. V., Sikoza, D. M., Dzneladze, O. S. 2015. *Piznoskifskyi mohylnyk Chervonyi Maiak. Doslidzhennia 2011—2015 rokiv*. Kherson: Sivak O. V.

Symonovych, E. A. 1972. Mohylnyk poblyzu «Horodka Mykolaivka» na Nyzhnomu Dnipri. *Arkheolohichni doslidzhennia na Ukraini*, IV, s. 107-110.

Sinika, V. S., Melnikova, V. A., Telnov, N. P. 2014. Lepnyie kurilnitsyi iz pamyatnikov Severnogo Prichernomorya IV—I vv. do n. e. *Stratum plus*, 3, s. 65-101.

Syimonovich, E. A. 1966. *Otchet o rabotah Nikolaevskogo otryada IA AN SSSR i Instituta antropologii pri Moskovskom Gosudarstvennom Universitete v 1966 g*. NA IA NANU, f. 64, 1966/68.

Syimonovich, E. A. 1967. Dve gemmyi iz Nikolaevskogo mogilnika na Dnepre. *Vestnik drevney istorii*, 2, s. 198-200.

Syimonovich, E. A. 1967. *Otchet o rabotah Nikolaevskogo otryada IA AN SSSR i Instituta antropologii pri Moskovskom Gosudarstvennom Universitete v 1967 g*. NA IA NANU, f. 64, 1967/74.

Syimonovich, E. A. 1969. *Otchet o rabotah Tiligulo-Dneprovskogo otryada Instituta arheologii AN SSSR i Instituta antropologii MGU v 1969 g. v Nikolaevke*. NA IA NANU, f. 64, 1969/67.

Syimonovich, E. A. 1969. Raskopki Nikolaevskogo mogilnika na Nizhnem Dnepre. *Kratkie soobshchenija IA AN SSSR*, 119, s. 74-80.

Syimonovich, E. A. 1970. *Otchet o rabotah Nikolaevskogo otryada Instituta arheologii AN SSSR i Instituta antropologii MGU v 1970 g. vozle s. Nikolaevki Berislavskogo rayona Hersonskoy oblasti*. NA IA NANU, f. 64, 1970/74.

Syimonovich, E. A. 1971. *Otchet Nikolaevskogo otryada Instituta arheologii AN SSSR o rabotah na Nikolaevskom mogilnike Berislavskogo rayona Hersonskoy obl. v 1971 g*. NA IA NANU, f. 64, 1971/51.

Syimonovich, E. A. 1972. *Otchet o rabotah Nikolaevskogo otryada IA AN SSSR v 1972 g. (raskopki Nikolaevskogo mogilnika Berislavskogo rayona Hersonskoy oblasti)*. NA IA NANU, f. 64, 1972/53.

Syimonovich, E. A. 1976. Podrazhaniya amuletam iz egipetskogo fayansa v Nizhnem Podneprove. *Kratkie soobshchenija IA AN SSSR*, 145, s. 86-87.

Syimonovich, E. A. 1978. Posuda zarubinetskogo tipa iz Nikolaevskogo mogilinka na Nizhnem Dnepre. In: Kozenkova, V. I., Krasnov, Yu. A., Rozenfeldt, I. G. (ed.). *Voprosyi drevney i srednevekovoy arheologii Vostochnoy Evropyi*. Moskva: Nauka, s. 94-99.

Syimonovich, E. A. 1983. *Naselenie stolitsyi pozdneskifskogo tsarstva*. Kiev: Naukova dumka.

Hrapunov, I. N. 2004. *Etnicheskaya istoriya Kryima v rannem zheleznom veke*. Simferopol; Kerch. Bosporskie issledovaniya, VI.

Shelov, D. B. 1961. *Nekropol Tanaisa*. Moskva: AN SSSR. Materialyi i issledovaniya po arheologii SSSR, 98.

Yastrebov, V. 1894. Opyit topograficheskogo obozreniya drevnostey Hersonskoy gubernii. *Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey*, 17, s. 118.

Ebert, M., 1913. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. *Präehistorische Zeitschrift*, V, S. 80-157.

Hayes, John W. 2008. *Roman pottery fine-ware imports*. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens. The Athenian Agora, XXXII.

D. N. Sikoza, E. S. Dzneladze

FEMALE BURIALS OF MYKOLAIVKA BURIAL GROUND

54 female burials from Late Scythian Nikolaevka burial ground of Kherson district are analyzed in the paper. They were excavated by Erast Symonovich expedition during 1960—1970.

The analysis of materials from female burials showed that Nikolaevka burial ground was in use during all chronological period of local Lower Dnieper variant of the Late Scythian culture. Female burials reflected the periods of origin, heyday and decline of this burial ground.

The funerary rite and grave goods are typical for the Late Scythian culture, and have analogies among the materials of the Zolotaya Balka, Krasnyi Mayak, the necropolises of Tanais, Nikoniy, the Scythian Neapolis and Zolotoye. Female burials traditionally contained personal items: bronze mirrors, brooches, awls and knives, beads, earrings, bracelets and rings. There are unique finds in the Nikolaevka burial ground: rare types of terra sigilata pottery, beads from semiprecious stones, the ring with a portrait gem, bronze tweezers.

The square catacombs, unusual for the Lower Dnieper variant of the Late Scythian culture, were recorded in the Nikolaevka burial ground. In our opinion, these catacombs can be a marker of the migration of part population from the south-western Crimea to the Lower Dnieper in the first centuries AD.

Keywords: The Late Scythian Culture, Nikolaevka burial ground, funeral rite.

Одержано 10.03.2019

ДЗНЕЛАДЗЕ Олена Сергоївна, кандидат історичних наук, науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *dzynya@gmail.com*.

DZNELADZE Olena, PhD in History, Research Officer, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Prospect Heroiv Stalingrada 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *dzynya@gmail.com*.

СІКОЗА Денис Миколайович, заступник начальника, Обласна інспекція по охороні пам'яток історії та культури Департаменту культури, туризму і курортів Херсонської обласної державної адміністрації, вул. Ушакова 16, Херсон, 73000, Україна, *arheolog111@gmail.com*.

SIKOZA Denys, Associated Director, Regional Inspectorate for the Protection of Historical and Cultural Sites of the Department of Culture, Tourism and Resorts of the Kherson Regional State Administration, st. Ushakova 16, Kherson, 73000, Ukraine, *arheolog111@gmail.com*.

УДК: [355:904.5](477.46)”638”-055.2

О. Є. Фіалко, В. В. Нерода

ПОХОВАННЯ СКІФСЬКОЇ АМАЗОНКИ НА ЧЕРКАЩИНІ

До наукового обігу вводиться поховальний комплекс озброєної скіфської жінки, досліджений 1988 р. на околиці м. Городище на Черкащині. За всіма ознаками небіжчиця належала до невеликої групи очільників чи лідерів певного бойового підрозділу.

***Ключові слова**: амазонка, курган, поховання, скіфи, Правобережний Український Лісостеп.*

Передісторія дослідження. Невеличку курганну групу з трьох насипів, що знаходились на південній околиці м. Городище Городищенського р-ну Черкаської обл. (рис. 1), було виявлено розвідками 1986—1987 рр. (Смоляр, Нерода, Білецька 1988, с. 1). Один з курганів (№ 1) опинився на землях, відведених під розширення кар’єру Городищенського заводу будматеріалів. Розширення кар’єру навесні 1988 р. призвело до порушення охоронної зони кургану та пошкодження північної поли його насипу, тобто загрожувало пам’ятці знищенням. За цих обставин восени цього ж року на пам’ятці проводились рятівні роботи силами експедиції сектора археології Черкаського обласного краєзнавчого музею під керівництвом В. В. Нероди. В складі експедиції працювали також О. В. Білецька, С. І. Смоляр (співробітники музею) та І. П. Гуріненко (директор Вільнянського краєзнавчого музею).

Курган знаходився на орному полі, за 0,2 км на схід від траси Городище — Звенигородка, на високому плато лівого берега р. Вільшанка, місцева назва якого Кочержина гора. Насип кургану було значно пошкоджено — через центр його проходила польова дорога, південна пола розорювалась, а північну частково зруйнував кар’єр. До того ж первинну форму кургану суттєво змінили насипані на нього відвали чорноземного ґрунту з кар’єру. Через ці обставини курган був розкопаний з однією центральною бровкою (завширшки 1 м), орієнтованою по лінії захід—схід.

© О. Є. ФІАЛКО, В. В. НЕРОДА, 2019

Опис кургану. У ході візуального обстеження було відмічено дві важливі обставини. По-перше, в південному напрямі (з невеликим відхиленням на схід) від кургану на 150 м тягнувся вал 0,2—0,3 м заввишки та 24—25 м завширшки. Перетин, зроблений за лінією стику валу з полою кургану, засвідчив штучне походження цього елементу. Ймовірно, він утворився внаслідок вибірки ґрунту для насипу кургану, яка проводилась цілеспрямовано. По-друге, на поверхні центральної частини кургану були виявлені шматочки горілого дерева та перепаленого ґрунту жовтого кольору, що мало свідчити про наявність під насипом спаленої дерев’яної конструкції.

Насип. На момент розкопок курган мав висоту 0,8 м при діаметрі 38 м. Насип, що зберігся, складався з однорідного чорнозему з вкрапленням дрібного гравію пісковику та граніту. Під центром насипу, зведеного в один прийом, було відкрито єдине поховання скіфського часу із дерев’яною конструкцією над ним, та кільцевий рівчак (рис. 2).

Рівчак округлої в плані форми, трикутний в перетині, з двома перемичками на заході та сході завширшки 0,6—0,7 м. Діаметр рову близько 23,5—25 м, завширшки 2,6—2,8 м при глибині 1,36 м. Отже первісно насип сягав діаметру близько 22 м. У верхніх шарах заповнення південно-західної частини рову, поблизу перемички, були знайдені залишки тризни у вигляді дрібних і маловиразних фрагментів кераміки та кісток тварин.

Дерев’яна наземна конструкція. В центрі насипу вже на глибині 0,15 м від реперу чітко виявилась пляма горілого та задимленого чорнозе-

му і суглинку, та позначився верхній горизонт горілих колод, покладених радіально по відношенню до центру. В центрі дерев'яної конструкції простежувалась підпрямокутна пляма чистого чорнозему без домішок, розмірами 2,5 × 1,75 м (рис. 2: 1). Стан пам'ятки дозволив відзначити кілька послідовних елементів зведеної наземної підкурганної конструкції:

1. По закінченні процедури поховання небіжчиці, коли вже була засипана вхідна яма, над могилою був зрізаний шар чорнозему завтовшки 14 см.

2. Цю прямокутну площадку розмірами 7,7 × 9,4 м перекрили залишками материкового лесоподібного суглинку. Товщина суглинкової підсипки в центральній частині досягала 14 см, а по краях — 2—3 см.

3. На цю площадку, радіально по відношенню до умовного центру, (ймовірно, у вигляді шатра) пок-

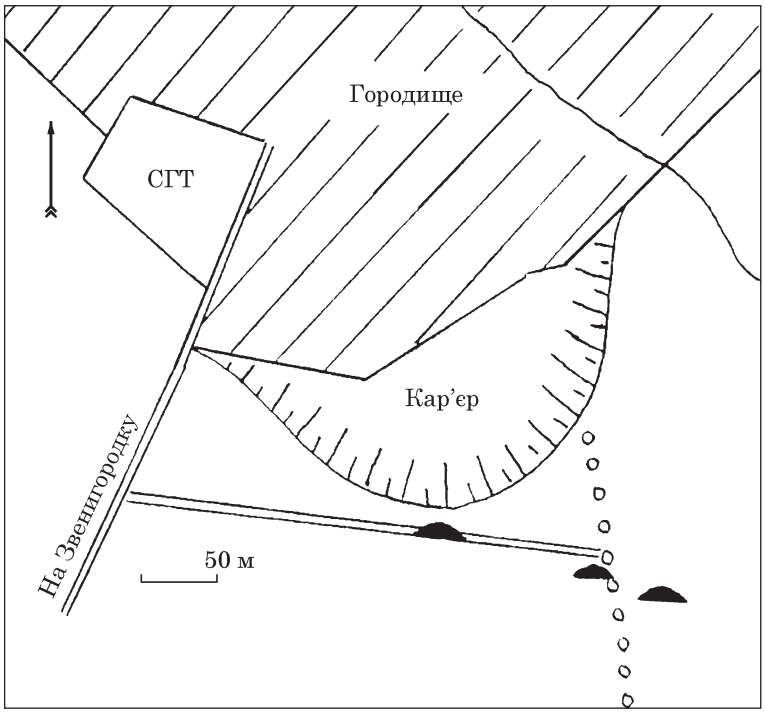

Рис. 1. План курганної групи

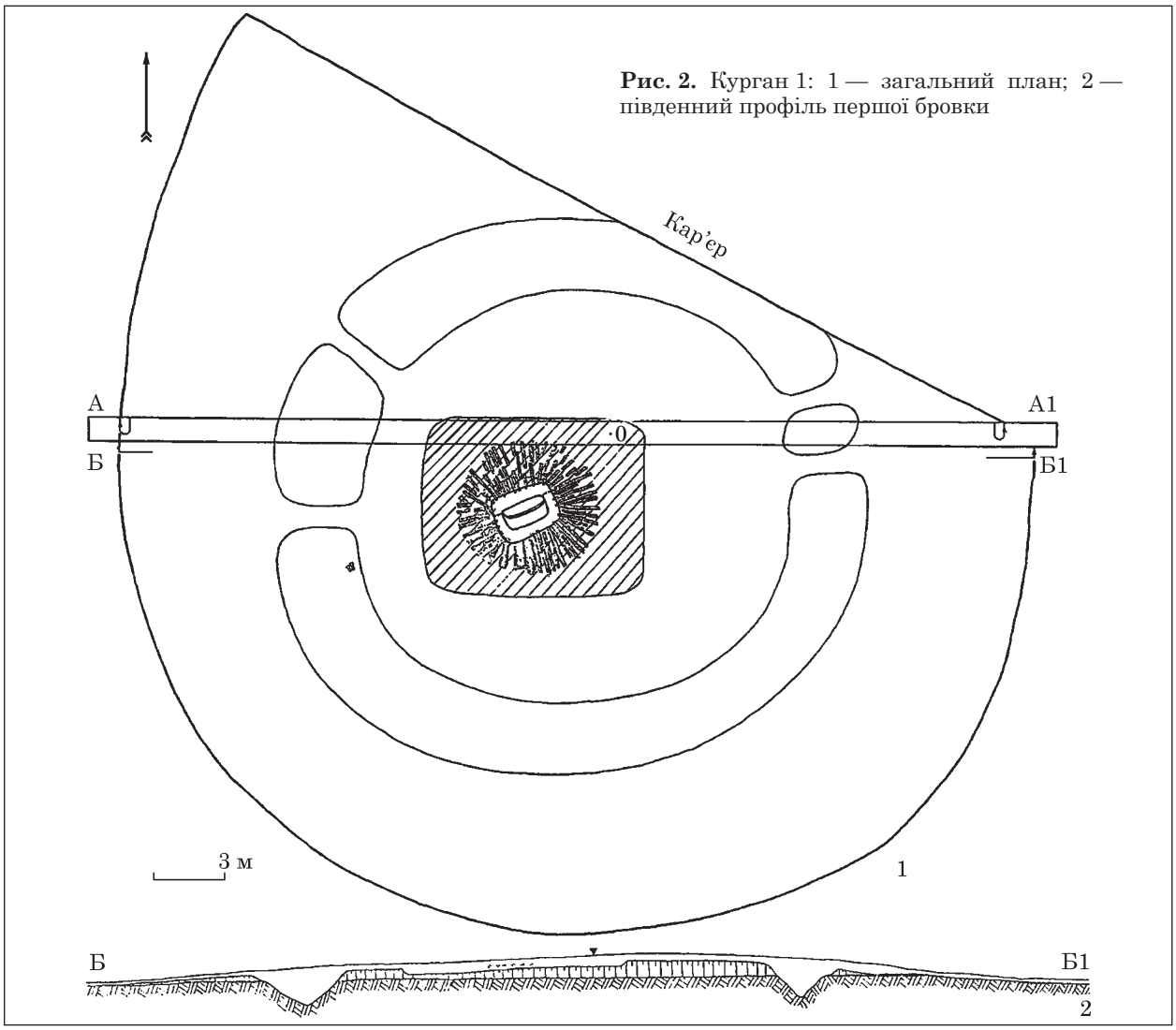

Рис. 2. Курган 1: 1 — загальний план; 2 — південний профіль першої бровки

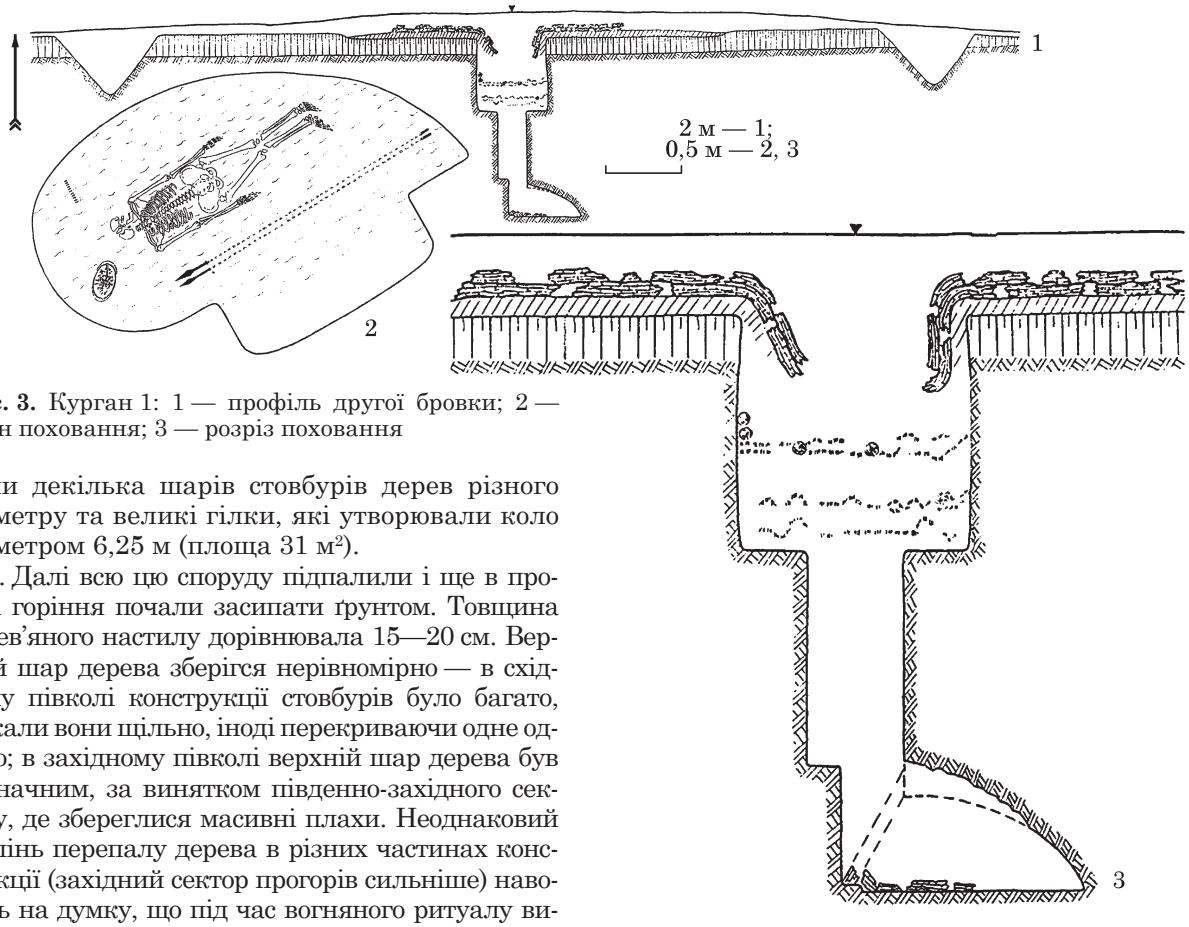

Рис. 3. Курган 1: 1 — профіль другої бровки; 2 — план поховання; 3 — розріз поховання

лали декілька шарів стовбурів дерев різного діаметру та великі гілки, які утворювали коло діаметром 6,25 м (площа 31 м^2).

4. Далі всю цю споруду підпалили і ще в процесі горіння почали засипати ґрунтом. Товщина дерев'яного настилу дорівнювала 15—20 см. Верхній шар дерева зберігся нерівномірно — в східному півколі конструкції стовбурів було багато, лежали вони щільно, іноді перекриваючи одне одного; в західному півколі верхній шар дерева був незначним, за винятком південно-західного сектору, де збереглися масивні плахи. Неоднаковий ступінь перепалу дерева в різних частинах конструкції (західний сектор прогорів сильніше) наводить на думку, що під час вогняного ритуалу вирував західний вітер. Нижній шар дерева зберігся добре на всій площі. З часом ґрунтове заповнення вхідної ями могили ущільнилось і просіло, разом з ним просіла і частина ритуальної площадки та дерев'яної конструкції, і чорноземного насипу [1] (рис. 3: 1). Через це наземна частина поховальної споруди після розчистки являла собою коло з радіально покладених перегорілих стовбурів дерев з підпрямокутною плямою чорнозему в центрі, що повторювала контури вхідної ями могили.

Дерев'яну конструкцію спорудили над єдиним похованням, розташованим в центрі насипу, яке не зазнало пограбування.

Поховання здійснено в ямі з підбоєм (рис. 3: 2—3). *Вхідна яма* прямокутної в плані форми з заокругленими кутами та округло вигнутою південною стінкою, орієнтована по лінії південний захід — північний схід (рис. 4). Розміри її 1,5—1,63 × 2,75 м, дно на глибині 5,2 м від 0 (4,56 м від рівня давньої поверхні). На глибині 2,5 м по периметру ями була залишена сходинка 0,58—0,35 м, за рахунок чого яма звужувалась до розмірів 2,0 × 0,78 м. На глибині 4,2 м під південною стінкою була залишена материкова сходинка шириною 0,26—0,36 м, висотою близько 1,0 м. На глибині 1,65 і 2,1 м у вхідній ямі зафіксовані два яруси повздовжнього накату з березових колод (збереглася кора білого кольору). Колоди діаметром 13—14 см лежали на материковому насипу. На глибині 2,4 м простежена смужка деревного тліну 2—3 см завтовшки, яка перекривала звужену частину вхідної ями. Отже перекриття було тришаровим — нижній шар дощатий і два верхніх з колод.

Підбій підпрямокутної в плані форми було влаштовано під північною стінкою вхідної ями, паралельно їй. Розміри підбою 2,85 × 1,4 м, підлога на рівні дна вхідної ями — 5,2 м від 0 (4,56 м від рівня давньої поверхні). Склепіння арочної форми частково зруйнувалось, висота його в давнину сягала 0,7 м. Вхід до підбою закривав дерев'яний заслін з металевими скобами (?), який упирався нижньою частиною в материкову приступку — порожек (висотою 5 см, завширшки 15 см), спеціально зроблену на дні вхідної ями. Тлін дерева і заліза від заслону фіксувався в заповненні підбою.

На стінках споруди та склепінні підбою чітко простежувались сліди теслоподібного знаряддя з шириною робочої частини 4,5—5,0 см. Довжина борозен від нього в деяких місцях дорівнювала 40—45 см (рис. 5). Стіни вхідної ями та підбою були, очевидно, декоровані очеретом, який добре фіксувався в ході розчистки. Підлогу вкривав шар тліну білого кольору від трав'яної та мохової підстилки.

В центрі камери випростано на спині лежала небіжчиця, головою на захід. Руки покладені вздовж тіла, долонями вниз; голову з часом повернуло на ліву щоку, через що одна золота се-

1. Нижня точка просідання конструкції фіксувалась на рівні 1,25 м від 0.

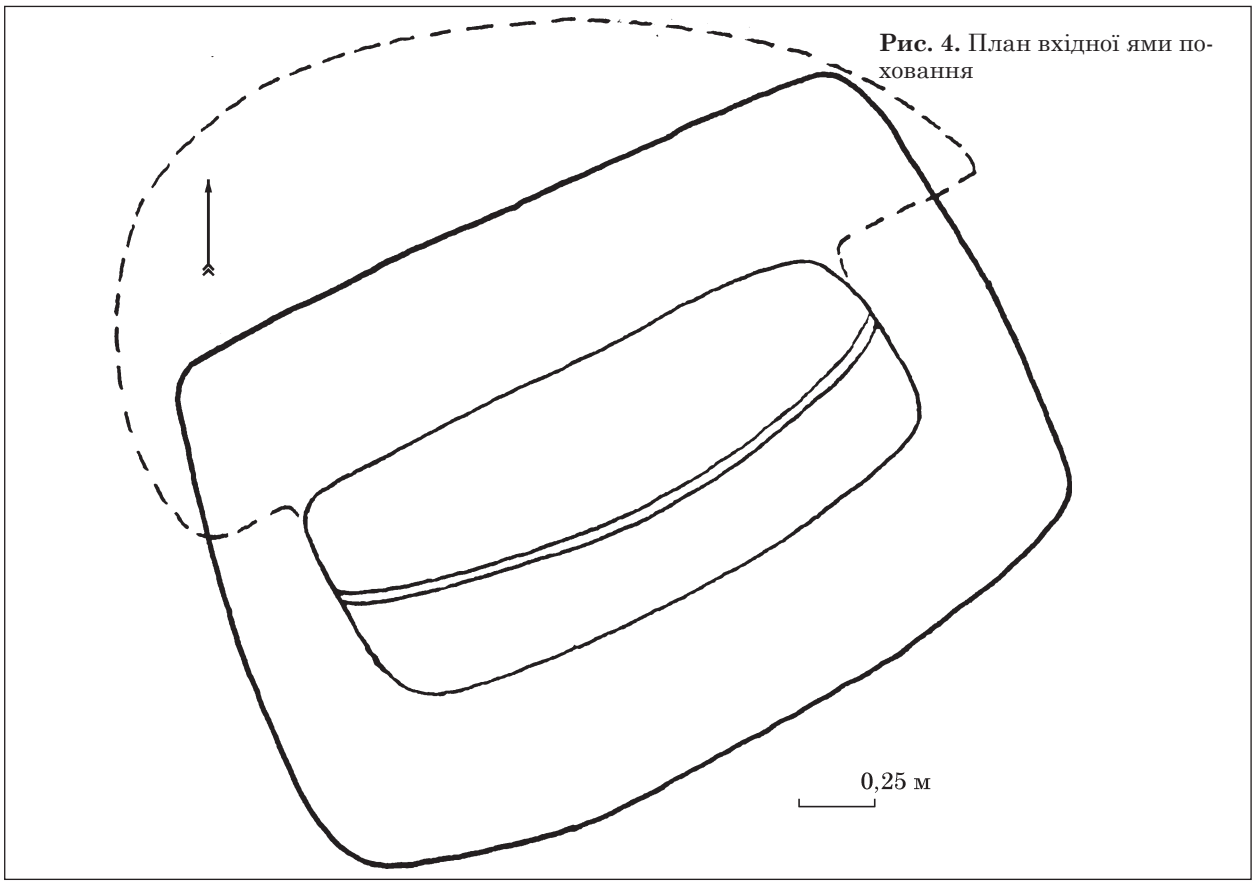

Рис. 4. План вхідної ями поховання

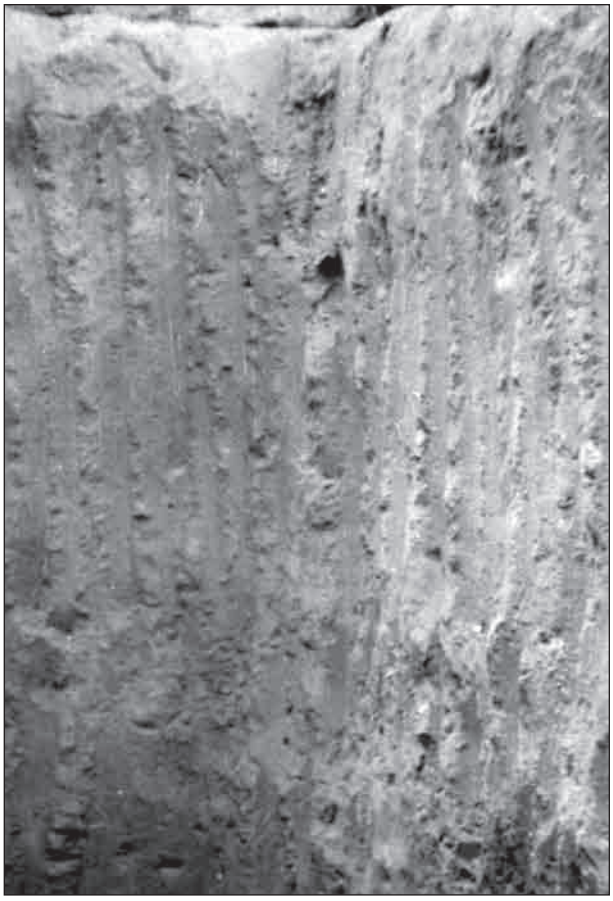

Рис. 5. Сліди теслоподібного знаряддя на стінках споруди

режка опинилась зверху на правій скроні, а друга — під головою (1). В області грудної клітини відзначена золота пронизка (2), а під шийними хребцями — пара золотих окуть гривни голівками догори (3). За головою праворуч (на відстані 13 см на захід) знаходилось дерев'яне блюдо (4) із залишками кісток від м'ясної напутньої їжі та залізним ножем з кістяним руків'ям (5). Серед кісток знаходився кристалізований предмет, визначити який не вдалося. Ліворуч за головою (на відстані 35 см, ближче до бічної стінки), в ряд лежали 11 стріл із бронзовими вістрями та залишками древків у їх втулках (6). Праворуч, вздовж тіла небіжчиці, лежала пара списів, на рівні правого плеча (на відстані 21 см) — два залізних вістря (7) і бронзова варварка (8) біля їх втулок, під східною стінкою — два залізних втоки із залишками дерев'яних ратищ (7). Загальна довжина списів дорівнювала 2 м. В області грудної клітини (в правій частині, на рівні плечової кістки) розчищено кістяний псалій (9). Варто відзначити, що біля наконечників списів та дерев'яного блюда знаходилась велика кількість переіржавілого заліза від речей невизначеного призначення.

Опис артефактів.

1. Сережки золоті — два екземпляри (рис. 6: 1—2; 7: 1). У вигляді пустотілого калачика з високою дужкою у вигляді дротяної петлі, прямий кінець якої закріплено на одному з виступів сережки, а другий злегка загнуто назовні. Тулуб прикрашений двома повздовжніми та однією поперечною стрічками філігранного орнамен-

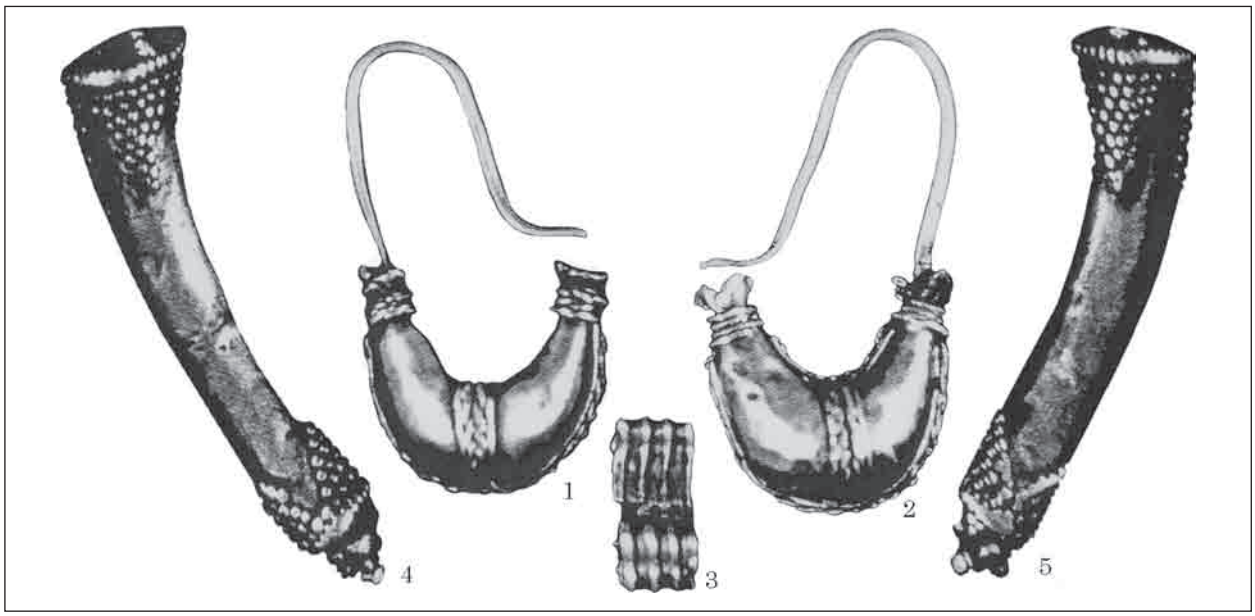

Рис. 6. Фото золотих прикрас з поховання: 1, 2 — сережки; 3 — намистина-пронизка; 4, 5 — наконечники гривни

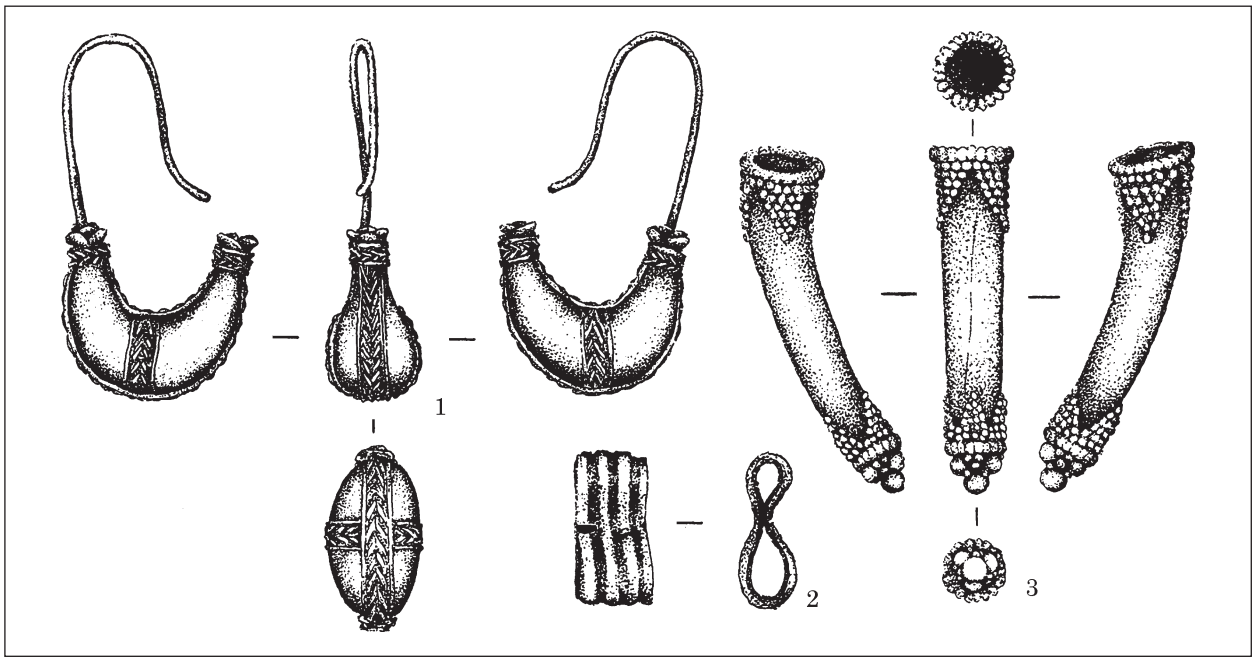

Рис. 7. Прорисовка золотих прикрас з поховання: 1 — сережки; 2 — намистина — пронизка; 3 — наконечники гривни

ту у вигляді косичок, обмежених з обох боків гладенькими дротинками. Кожен виступ-закінчення оформлений по краю кільцем такого самого орнаменту та рельєфною розеткою.

Загальна висота сережок із дужкою 3,8—3,9 см; товщина калачика в середній частині 1,1 см; ширина 1,9 см; діаметр круглого в перетині дроту дужки 0,1 см. Сережки потерті, виступ однієї з них замість розетки прикрашає плетінка (вірогідно, наслідок ремонту), що свідчить про їхнє тривале використання.

2. Пронизка — підвіска золота (рис. 6: 3; 7: 2). Зроблена у вигляді вісімки із тонкої стрічки з поздовжнім рифленням. Горизонтально зрізані кінці її з'єднані та притиснуті до стрічки, завдяки чому утворилися два отвори для фіксації. Розміри прикраси: 1,5 × 0,7 см; товщина 0,1 см; діаметри отворів — 0,3 та 0,5 см. В окремих місцях прикраса погнута та має сліди потертості.

3. Деталі гривни — два екземпляри (рис. 6: 4—5; 7: 3). Наконечники у вигляді двох пустотілих циліндрів, згорнутих із тонкої пластини з поздовжнім швом. По краях напаяний золотий дротик, прикрашений насічками, від яких іде орнамент у вигляді трьох трикутників (вершинами до центральної частини) із напаяної

зерні. Закінчення виробів прикрашені пірамідками, складеними із зерні різного діаметру. Довжина 3,4 см; діаметр 0,5—0,6 см; діаметр отвору близько 0,5 см. Гривна не збереглася. Наконечники мають сліди потертості — свідчення тривалої експлуатації.

4. Блюдо дерев'яне, фрагментоване (рис. 8: 2). Овальної в плані форми, з пласким дном. Край вертикальних вінець трохи загнутий всередину. З обох звужених боків має горизонтальні серпоподібні ручки-виступи, в центрі однієї з них зберігся маленький округлий отвір (можливо, для підвішування). Розміри блюда — 41,5 × 21 см, висота — 4,0 см; товщина стінок — 4,0—5,0 см; максимальна ширина ручок — 4,7 см; діаметр отвору близько 0,8 см.

5. Ніж залізний із кістяним руків'ям, фрагментований (рис. 8: 1). Лезо із горбатою спинкою обламане та фрагментоване. Підпрямокутну в плані ручку складено з двох пластин з ледь наміченими гранями, скріплених металевими заклепками (збереглося п'ять). Метал сильно кородований. Розміри леза, що збереглося, — 6,3 × 1,1 см; розміри руків'я — 6,8 × 2,0 см.

6. Вістря стріл бронзові — 11 екземплярів (рис. 9: 1—11, 13):

а) трилопатеві — вісім екземплярів, з них два із схованою втулкою і шість із виступаючою; на лопатях двох з них рельєфні тамгоподібні знаки у вигляді косого хреста на закінченні ложка (рис. 9: 1) чи в середній частині (рис. 9: 2, 13) та пари косих ліній (рис. 9: 13); довжина — 3,3—2,5 см;

б) тригранні — три екземпляри, з них два із схованою втулкою і один із виступаючою; довжина — 2,5—2,0 см.

7. Деталі списів залізні — чотири екземпляри:

а) вістря з пером гостролистої форми; наявність чи відсутність ребра встановити неможливо через значну корозію метала. Втулка конічна, розширюється донизу та закінчується валиком. Загальна довжина 26 см; розміри пера: довжина 14 см, ширина 4 см, товщина 0,4 см; розміри втулки: довжина 12 см, діаметр 2 см; діаметр валика 3 см.

б) вістря збереглося в надзвичайно поганому стані; ймовірно, за формою та розмірами є аналогічним першому екземплярові;

в) два втоки циліндричної форми (рис. 9: 14—15), довжиною 7,1 та 7,6 см при діаметрі, відповідно, 1,3 та 1,4 см. На зовнішній поверхні їх збереглися відбитки трав'яної підстилки, всередині — рештки дерев'яних ратищ;

г) всередині меншого за розміром втока знайдено бронзове трилопатеве вістря стріли з обламаними в давнину втулкою та закінченнями лопатей (рис. 9: 15). Довжина вістря — 2,6 см. Слугувало, очевидно, для більш надійної фіксації ратища.

8. Ворварка бронзова (рис. 9: 12). У вигляді зрізаного конусу з гладкою поверхнею, порожнього усередині; з одного боку по нижньому краю йде невеличкий вертикальний виступ

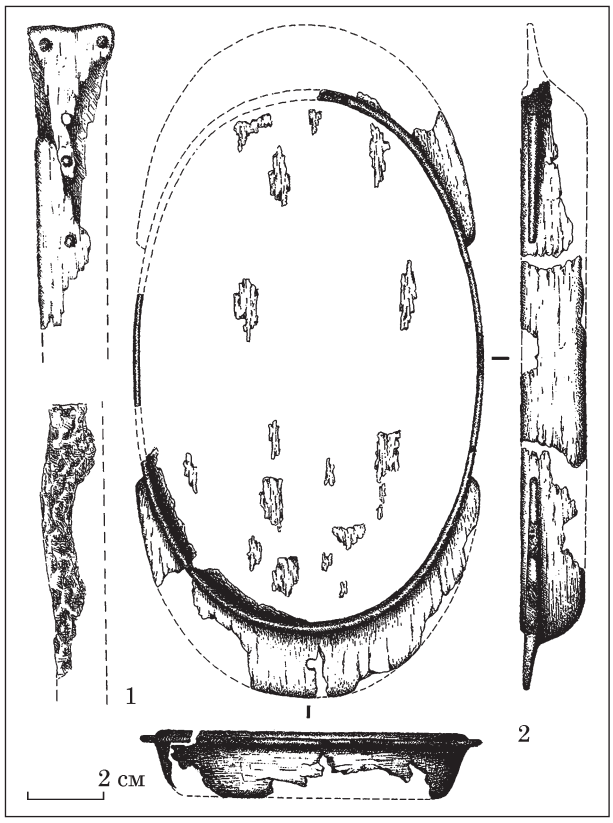

Рис. 8. Побутові речі: 1 — ніж залізний з кістяним руків'ям; 2 — блюдо дерев'яне

у формі валика. Висота 1,7 см, діаметр 0,7—1,4 см, діаметр отвору 0,5—1,0 см.

9. Псалій кістяний дводирчастий (рис. 10). Зроблений із кістки тварини у вигляді трохи вигнутого стрижня, один кінець якого загострений, а протилежний, більш ширший, кінець частково сколотий. В середній частині два наскрізних отвори овальної форми. Довжина з зовнішнього боку — 11,7 см, з внутрішнього — 11,0 см; розміри перетину — 1,0 × 1,0 см; розміри отворів — 0,4 × 0,7 см.

Інтерпретація поховального комплексу та речового супроводу. Розглянувши поховальну споруду, можна відразу ж зауважити на сполученні в ній рис, притаманних і кочовим скіфам, і місцевому лісостеповому населенню. До перших належать, насамперед, наявність рову з широтно орієнтованими перетинами та форма могили. До других — наявність таких елементів як дерев'яна наземна конструкція і сліди обряду її спалювання, та материкові заплічки (названі тут сходинкою) для влаштування тришарового дерев'яного перекриття ями (в нашому випадку вхідної).

Дерев'яні шатроподібні конструкції відомі в курганах лісостепового правобережжя середнього Дніпра. Можна згадати подібні споруди в кургані Червона Могила біля с. Фляркovка, кургані 15 біля с. Константинівка, кургані 2 біля с. Жаботин, курганах 2 і 12 Стеблівського курганного могильника (Ковпаненко 1984;

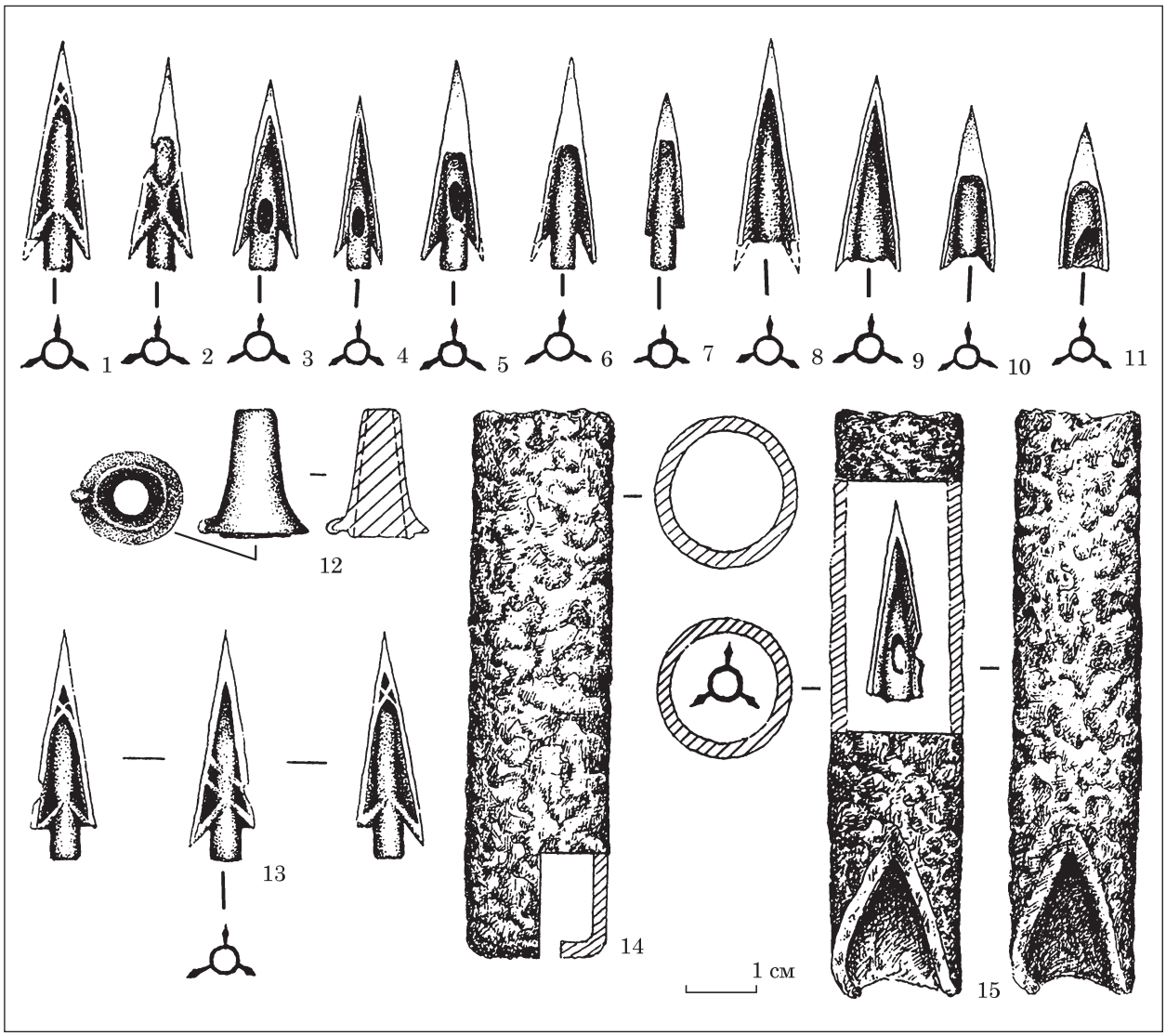

Рис. 9. Зброя з поховання: 1—11, 13 — вістря стріл з колчанного набору; 12 — ворварка; 13 — вістря стріли із колчанного набору з тамгоподібними мітками; 14—15 — втоки списів (1—13 — бронза; 14—15 — залізо)

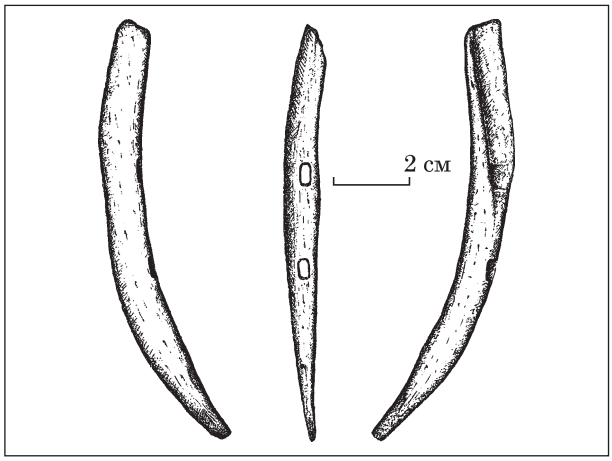

Рис. 10. Кістяний псалій з поховання

Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 33, 38; Клочко 1985; Скорый 1997, с. 9—11). С. А. Скорий зауважив, що такі конструктивні елементи, як і їх ритуальні підпалювання, фіксуються в лісостеповому регіоні протягом скіфської доби, і відніс їх до рис кочівницького іранського поховального ритуалу, який не має витоків у поховальній обрядності населення Лісостепу (Скорый 1987, с. 39—40; 1997, с. 9—11, 17; 2003, с. 52; Скорый, Хохоровски 2004, с. 244). Таке тлумачення видається дещо сумнівним. Навряд чи можна знайти подібні конструктивні елементи в насипах курганів скіфів Причорноморських степів. Використання дерева і в облаштуванні могил (облицювання, перекриття, стовпові конструкції), і в будові насипу є притаманним тим місцевостям, де достатньо деревини. Отже така техніка побудови насипу, правдоподібно, є регіональною ознакою. Водночас, на думку С. С. Бессонової (1990, с. 27), шатроподібні споруди зводились над могилами соціально значимих осіб і, відповідно, були ознаками їх особливого стану в суспільстві.

Могила належить до першого варіанту першого типу катакомб, де камера примикає до довгої стінки вхідної ями, — найрозповсюд-

женіших поховальних споруд степових скіфів (Ольховский 1977, с. 112, 117). Переважають вони і серед могил амазонок — 60 % (Fialko 2017, p. 32). У Північному Причорномор'ї час побутування підбійних могил визначається в рамках V — першої половини IV ст. до н. е. (Болтрик 1986, с. 22—23). Відомо шість могил цього типу і серед поховальних споруд пізньоскіфського часу Тясминської групи середнього Придніпров'я (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 44). Існує думка, що поява катакомб в лісостепу свідчить про просування в IV—III ст. до н. е. частини степового скіфського населення на північ (Ильинская 1966, с. 166; Хазанов 1975, с. 240; Ольховский 1977, с. 125).

Дерев'яний заслон, за спостереженнями В. С. Ольховського — конструктивний елемент, який найчастіше фіксується саме в скіфських катакомбах підбійного типу (Ольховский 1977, с. 113). Проте, подібні дерев'яні перегородки / обмежувачі добре відомі і в облаштуванні лісостепових могил (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 43).

Ритуал поховання — тілопокладення, випростано на спині, головою на захід — є домінуючим і для скіфів в цілому (Ольховский 1991, с. 102), і для амазонок в тому числі (Фиалко 1991, с. 11); і для лісостепового населення Тясминської групи правобережного Придніпров'я (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 46).

Речовий супровід не вирізняється різноманіттям. Його особливістю є, передусім, поєднання двох основних груп інвентарю — прикрас і зброї, що є маркером поховання амазонки.

До побутових речей можна віднести лише дерев'яне блюдо, на яке поклали напутню м'ясну їжу разом із ножем. *Ніж* зберігся сильно пошкодженим, тому визначити його тип неможливо. Проте, місцезнаходження ясно засвідчує його ординарне столове призначення. В той же час *дворучне блюдо* належить до числа особливих знахідок через те, що зазвичай дерев'яні артефакти в могилах знаходяться у вигляді тліну. Серед близьких аналогій можна згадати три блюда зі степових пам'яток — два із обох камер поховання 3 кургану 2 біля с. Зелене (Фиалко 2012 б, рис. 4; 10) і одне з поховання 2 кургану 5 біля с. Булгаково (Гребенников 2008, с. 104). До числа менш близьких за формою, і до того ж з лісостепу — блюдо із могили кургану 2/2002 Перещепинського могильника (Кулатова, Супруненко 2010, с. 111, 171). Що до покладання м'ясної їжі до могили, то цей звичай був широко розповсюдженим і у номадів, і у мешканців лісостепу особливо в пізньоскіфський час (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 41).

В похованні зброя репрезентована двома типами дистанційного бою — списами та стрілами.

Цікаво, що набір бронзових *вістер стріл* відрізняється строкатістю — складається з різних варіантів, із переважанням трилопатевих екземплярів. При цьому більшість з них наче мають сліди перезаточування. Зазвичай в могилах скіфських войовниць знаходять стріли з відлитими з бронзи тригранними і трилопатевими вістрями (Фиалко 2011, с. 267—268), типовими для пам'яток кінця V — початку III ст. до н. е. (Мелюкова 1964, с 25—29). Норми «боєкомплекту» стріл не існувало. Така ситуація спостерігається для всіх сагайдачних наборів скіфів, незалежно від статі та соціального рангу їх власника (Грицюк 2009, с. 63). У могилах амазонок зустрічається від кількох одиниць або декількох десятків до сотні і більше стріл (Фиалко 2011, с. 268).

Стосовно двох *списів* зауважимо, що вістря їх не збереглися через значну корозію заліза. Під час розчистки вдалося зафіксувати гостролисту форму і розміри пера. В той же час підтоки збереглися цілими, завдяки чому поталанило визначити довжину списа, яка дорівнювала 2 м. Списи були другим за популярністю видом зброї — майже кожну третю войовницю поховали зі списом. Застосовувалися короткі списи із залізними вістрями і підтоками, закріпленими на протилежних кінцях круглих в перерізі дерев'яних ратищ. Кількість копій в одному жіночому поховальному комплексі — одне або два (в приблизно рівному співвідношенні). Лише в одному випадку (поховання 2 кургану 6 біля с. Нове) жінку поховали з трьома списами. Більшість залізних наконечників були гостролистої форми (Фиалко 2011, с. 269). Що до довжини списів із жіночих могил, то, приміром, в похованні 1 кургану 5 біля с. Нове вона дорівнювала 2,07 м (Фиалко 1987, с. 174), в могилі кургану 13 Стеблівського могильника — 2,1 м обидва (Скорый 1997, с. 89). Це цілком відповідає розмірам звичайних скіфських списів та дротиків (Мелюкова 1964, с. 43; Черненко 1991, с. 133).

Бронзова *варварка*, за класифікацією О. Д. Могилова, належить до відділу простих (I.1) і репрезентує перший тип — зрізаноконічні вироби з ввігнутими боками, період найбільшого поширення яких припадає на середньо скіфський час, проте вони продовжують існувати і в IV ст. до н. е. (Могилов 2008, с. 74—75; рис. 141: 49; 142: 10, 20). З урахуванням локалізації в похованні («прикипіла» окислом до втулки списа), городищенська варварка, безсумнівно, слугувала застібкою чохла для наконечників списів, як це відзначалося раніше для комплексів зброї, в тому числі і в похованнях амазонок (Фиалко 1991, с. 12—13).

Певної уваги заслуговує знахідка кістяного *псалія*. За сучасною типологією цих елементів кінського спорядження, він належить до першої групи другого підкласу — кістяні псалії з двома отворами. За дещо вигнутої форми цей екземпляр наближається до 2 типу — С-подібних (Могилов 2008, с. 32; 251). В. Б. Панковський вважає, що більшість таких псаліїв були виготовлені не з кістки, а з рогу тварин. Зважаючи на форму, цілком допустимо, що городищенський псалій був зроблений з рога

козулі [1]. Цікаво, що найближчі аналогії походять з Середнього Подоння — кургану 4 могильника Тернове та кургану 13 могильника у с. Горки (Савченко 2001, рис. 8: 23—24; Гуляев, Савченко 2004, рис. 8: 35). О. Д. Могилов датує подібні кістяні деталі кінського наголов'я у межах середньоскіфського та пізньскіфського часу (Могилов 2008, с. 32). Додамо, що засоби керування конем в могилах амазонок зустрічаються доволі рідко. У лісостепу локалізуються три могили з елементами кінської вуздечки: в кургані 35 біля с. Бобриця (кінь без амуніції і окремо залізні вудила та бронзове кільце); кургані 447 біля с. Журівка (дві пари залізних вудил, три кістяні розподільні пряжки і уламки кістяного псалія з трьома отворами); кургані 13 біля с. Стеблів (залізні кільчасті вудила з додатковими ланками і прямі двудирчасті псалії з 8-подібними потовщеннями). Дата комплексів, відповідно, кінець VII — початок VI ст. до н. е.; перша половина VI ст. до н. е., перша половина IV ст. до н. е. (Фиалко 2011, с. 274).

Прикраси дещо відрізняються від характерних і звичних для жіночих поховань, де переважають нагрудні та наручні оздоби зі скляних намистин, ординарні бронзові персні та сережки.

Пара золотих *сережок*, за типологією В. Г. Петренко, належить до типу 9 — екземплярів у вигляді полого калачика [2] з високою дротяною дужкою. Цей тип прикрас вирізняє велика різноманітність в оформленні (дрібних деталях орнаментації). Ця особливість пояснюється тим, що навіть в часи свого найбільшого поширення вони не стали масовою продукцією, а залишалися індивідуальними витворами, що виготовлялися на замовлення. Саме через це пари різняться розмірами, пропорціями та елементами оздоблення. В нашому випадку йдеться про четвертий варіант типу 9 — вироби з розширеною середньою частиною та звуженими кінцями з закінченнями-розетками, орнаментовані візерунком із зерні та скані. Найближчими аналогіями можна вважати екземпляри з кургану 45 біля с. Любимівка і кургану 6 біля містечка Круполь (Петренко 1978, с. 29—30; табл. 19: 6, 8), при цьому городищенські сережки репрезентують дещо спрощений різновид декору. Серги цього варіанту побутували на теренах Північного Причорномор'я з початку V до кінця IV ст. до н. е. (Петренко 1978, с. 30). Час наймасовішого потрапляння таких прикрас в середовище причорноморських скіфів — остання третина V — перша половина IV ст. до н. е. Виготовлення їх припиняється близько середини IV ст. до н. е., проте використовували їх і пізніше як родинні прикраси. У похованнях калачикоподібні сережки типу 9 співвідносяться з особами досить високих (проте не найвищих) соціальних рангів (Бессонова 2007, с. 16, 22, 26). Отже, С. С. Бессонова розглядає такі золоті прикраси як традиційний елемент аристократичної субкультури (Бессонова 2007, с. 3). Відомі золоті оздоби цього типу і в поховальних комплексах амазонок на різних територіях — в Середньому Подонні, Подністров'ї, Криму та Причорноморському степу.

Про те, що в похованні була гривна — шийна прикраса у вигляді металевого обруча — свідчать два золотих наконечника у вигляді пустотілих конусів, прикрашених зерню. Зв'язок саме з гривною підтверджує їх місцезнаходження в могилі — в області шийних хребців небіжчиці. Зазвичай такі прикраси дротяні (Петренко 1967, с. 30—31). За характером виготовлення стрижня гривни розподілені на сім відділів, які, залежно від оформлення кінців, розпадаються на типи. За відсутності стрижня (можливо він був срібним і зітлів?) [3] визначитися з відділом досить важко. Проте, зважаючи на округлу в перетині форму нижньої частини наконечників і діаметр їх отворів (0,5 см), можна припустити, що виріб належить до 2 типу III відділу — гривни з круглого в перетині литого стрижня (можливо, розширеного в середній частині), кінці яких прикрашають наконечники (щоправда із фігурними закінченнями у вигляді лев'ячих головок), які датуються IV ст. до н. е. (Петренко 1978, с. 44, табл. 31). Зауважимо, що наші наконечники мають дещо спрощений декор у вигляді рельєфних пасків геометричного орнаменту (втім, притаманного для ювелірних прикрас IV ст. до н. е.). То ж можна віднести його до нового окремого 3 типу цього ж відділу — з гладкою поверхнею, прикрашеною орнаментом із зерні.

Відомо кілька поховань амазонок з гривнами: золотою в похованні 3 кургану 38 біля с. Любимівка, срібними в похованні 2 кургану 13 групи БОФ; похованні 2 кургану 38 біля с. Отрадне; кургані 16 могильника Мамай-Гора. Ці речі (нарівні з котлами), безсумнівно, відзначають поховання жінок-воєначальників, ватажків військових підрозділів (Фиалко 2011, с. 274).

Отже, стосовно цієї категорії речового супроводу, зауважимо на кількох моментах. По-перше, хоча комплект прикрас доволі скромний у кількісному відношенні, всі його елементи зроблені із золота. По-друге, вочевидь, ці речі належать до античних імпортів. По-третє, деталі гривни виводять це поховання з розряду пересічних.

Висновки. Поховання в кургані 1 біля м. Городище поповнює відносно невелику (разом з ним 27 могил) серію усипальниць амазонок, головним чином, рядових дружинниць, на території Лісостепового Придніпров'я. У загальній масі скіфських амазонок виділяється кілька соціальних груп: рядові дружинники; середня ланка (або успішні воїни); високородні (багаті) амазонки; командири (або лідери); охоронниці з почту (Фиалко 2012а). До набору супроводжуючого інвентарю жінки

1. Дякуємо за це зауваження Ю.В. Болтрику.
2. Останнім часом ці сережки називають також човноподібними («ладьевидными») (Уильямс, Огден 1995; Саверкина 2000).
3. Нажаль, будь-яка інформація з приводу цієї деталі прикраси у звіті відсутня.

входило кілька престижних артефактів — золоті прикраси, і перш за все, гривна — символ особливого високого рангу в суспільстві. До того ж, могила була основною в кургані. Зазначені обставини виводять амазонку з Городища з кола рядових дружинників. Насипаний над могилою курган і прикраси з дорогоцінних металів дозволяють віднести цю жінку до групи командирів певного бойового підрозділу скіфів.

За спостереженнями В. С. Ольховського, катакомби в лісостепу зустрічаються рідко і, ймовірно, були залишені номадами, які просочилися на ці території (Ольховский 1977, с. 127). Постає питання: чому цю жінку, явно скіф'янку, поховали на теренах Правобережного Лісостепу? Цілком можливо, що вона могла керувати одним із загонів скіфів, які контролювали певні ділянки сухопутних комунікацій, якими проходили торговельні потоки. Або ж очолювала воєнізований загін найманців, що були на службі у місцевої аристократії. В усякому разі її поховали як воїна, підкресливши особливий стан окремим курганом і надмогильною дерев'яною конструкцією.

З урахуванням характеру поховальної споруди, форми могили і кола аналогій елементам речового супроводу, ця могила скіфської войовниці датується в межах першої половини IV ст. до н. е.

ЛІТЕРАТУРА

Бессонова, С. С. 1990. Скифские погребальные комплексы как источник реконструкции идеологических представлений. В: Зубарь, В. М. (ред.). *Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев: Наукова думка, с. 17-40.

Бессонова, С. С. 2007. Калачиковидные серьги и греко-варварские контакты VII—IV вв. до н. э. *Боспорские исследования*, XVI, с. 3-30.

Болтрик, Ю. В. 1986. О хронологии камерных погребальных сооружений Степной Скифии. В: Ольховский, В. С. (ред.). *Культура и хозяйство раннеклассовых обществ*. Москва: ИА АН СССР, с. 22-23.

Гребенников, Ю. С. 2008. *Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX—III вв. до н. э.)*. Николаев: Илион.

Грицюк, В. М. 2009. *Військо скіфів (озброєння, організація, війни та воєнне мистецтво)*. Київ; Чернівці: Місто.

Гуляев, В. И., Савченко, Е. И. 2004. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН*. Москва: ИА РАН, с. 35-52.

Ильинская, В. А. 1966. Скифские курганы около г. Бородисполя. *Советская археология*, 3, с. 154-159.

Клочко, В. И. 1985. Работы Стеблевского отряда. *Археологические открытия 1983 г.*, с. 284-285.

Ковпаненко, Г. Т. 1984. «Червона Могила» у с. Фларковка. В: Мелюкова, А. И. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 107-113.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья*. Киев: Наукова думка.

Кулатова, І. М., Супруненко, О. Б. 2010. *Кургани скіфського часу західної округи Більського городища*. Київ: ЦП НАНУ і УТОПІК.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ; Камянець-Подільський: ІА НАНУ.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Ольховский, В. С. 1997. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье. *Советская археология*, 4, с. 108-128.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4—5.

Саверкина, И. И. 2000. Роскошные серги в Эрмитаже и в других музеях. В: Соловьёв, С. Л. (ред.). *Античное Причерноморье*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Савченко, Е. И. 2001. Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1» на Среднем Дону (погребальній обряд). В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую епоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН 1993—2000 гг.* Москва: ИА РАН, с. 53-143.

Скорий, С. А. 1987. Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепового Правобережжя. *Археологія*, 60, с. 36-49.

Скорый, С. А. 1997. *Стеблев: скифский могильник в Поросье*. Киев: Наукова думка.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Приднепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: ИА НАНУ.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2004. Курган Скифская Могила в Днепровской Правобережной Лесостепи (некоторые предварительные итоги исследования). *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XI, с. 239-244.

Смоляр, С. І., Нерода, В. В., Білецька, О. В. 1988. *Звіт про роботу експедиції сектора археології Черкаського обласного краєзнавчого музею в 1988 році*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1988/180.

Уильямс, Д., Огден, Д. 1995. *Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V—IV века до н. э.* Санкт-Петербург: Славия.

Фиалко, Е. Е. 1987. Скифские курганы у с. Новое. В: Шапошникова, О. Г. (ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, с. 171-187.

Фиалко, Е. Е. 1991. Погребения женщин с оружием у скифов. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 4-18.

Фиалко, Е. Е. 2011. Паноплия скифских воительниц. *Tyragetia*, V (XX), 1, с. 265-278.

Фиалко, Е. Е. 2012a. Вооруженные женщины раннего железного века в Северном Причерноморье: социальный аспект. *Tyragetia. Arheologie. Istorie. Antică*, VI (XXI), 1, с. 27-44.

Фиалко, Е. Е. 2012b. Скифский курган с античными импортами у с. Зеленое. *Боспорские исследования*, XXVI, с. 218-254.

Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва: Наука.

Черненко, Є. В. 1991. Лицарі Великої Скіфії. В: Толочко, П. П. (ред.). *Золото Степу. Археологія України*. Київ; Шлезвіг: Вахгольтц Ноймюстер, с. 131-135.

Fialko, E. 2017. Scythian female warriors in the south of Eastern Europe. *Folia Praehistorica Posnanyensia*, XXII, p. 29-47.

REFERENCES

Bessonova, S. S. 1990. Skifskiye pogrebalnyye kompleksy kak istochnik rekonstruktsii ideologicheskikh predstavleniy. In: Zubar, V. M. (ed.). *Obryady i verovaniya drevnego naseleniya Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, s. 17-40.

Bessonova, S. S. 2007. Kalachikovidnyye sergi i grekovarvarskiye kontakty VII—IV vv. do n. e. *Bosporskiye issledovaniya*, XVI, s. 3-30.

Boltrik, Yu. V. 1986. O khronologii kamernykh pogrebalnykh sooruzheniy Stepnoy Skifii. In: Olkhovskiy, V. S. (ed.). *Kultura i khozyaystvo ranneklassovykh obshchestv*. Moskva: IA AN SSSR, s. 22-23.

Grebennikov, Yu. S. 2008. *Kimmeriytsy i skify Stepnogo Pobuzhia (IX—III vv. do n. e.)*. Nikolayev: Ilion.

Hrytsiuk, V. M. 2009. *Viisko skifiv (ozbroiennia, orhanizatsiia, viiny ta voienne mystetstvo)*. Kyiv; Chernivtsi: Misto.

Gulyayev, V. I., Savchenko, E. I. 2004. Novyy pamyatnik skifskogo vremeni na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy (b. Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN*. Moskva: IA RAN, s. 35-52.

Ilinskaya, V. A. 1966. Skifskiye kurgany okolo g. Borospolya. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 154-159.

Klochko, V. I. 1985. Raboty Steblevskogo otryada. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1983 g*., s. 284-285.

Kovpanenko, G. T. 1984. «Chervona Mogila» u s. Flyarkovka. In: Melyukova, A. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoye vremya*. Moskva: Nauka, s. 107-113.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia*. Kiev: Naukova dumka.

Kulatova, I. M., Suprunenko, O. B. 2010. *Kurhany skifskoho chasu zakhidnoi okruhy Bilskoho horodyshcha*. Kyiv: TsP NANU i UTOPIK.

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzheniye skifov*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—4.

Mohylov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifskoi doby u Lisostepu Skhidnoi Yevropy*. Kyiv, Kamianets-Podilskyi: IA NANU.

Olkhovskiy, V. S. 1991. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya stepnoy Skifii (VII—III vv. do n. e.)*. Moskva: Nauka.

Olkhovskiy, V. S. 1997. Skifskiye katakomby v Severnom Prichernomorye. *Sovetskaya arkheologiya*, 4, s. 108-128.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhye Srednego Pridneprovia v V—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—4.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4—5.

Saverkina, I. I. 2000. Roskoshnyye sergi v Ermitazhe i v drugikh muzeyakh. In: Solovyev, S. L. (ed.). *Antichnoye Prichernomorye*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Savchenko, E. I. 2001. Mogilnik skifskogo vremeni «Ternovoye 1 — Kolbino 1» na Srednem Donu (pogrebalniy obryad). In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudi Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN 1993—2000 gg*. Moskva: IA RAN, s. 53-143.

Skoryi, S. A. 1987. Pro skifskyi etnokulturnyi komponent u naselennia Dniprovskoho Lisostepovoho Pravoberezhzhia. *Arkheolohia*, 60, s. 36-49.

Skoryy, S. A. 1997. *Steblev: skifskiy mogilnik v Porosye*. Kiev: Naukova dumka.

Skoryy, S. A. 2003. *Skify v Pridneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi*. Kiev: IA NANU.

Skoryy, S., Khokhorovski, Ya. 2004. Kurgan Skifskaya Mogila v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi (nekotoryye predvaritelnyye itogi issledovaniya). *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomorya i Krimu*, XI, s. 239-244.

Smoliar, S. I., Neroda, V. V., Biletska, O. V. 1988. *Zvit pro robotu ekspedytsii sektora arkheolohii Cherkaskoho oblasnoho kraieznavchoho muzeiu v 1988 rotsi*. NA IA NANU, f. 64, 1988/180.

Uiliams, D., Ogden, D. 1995. *Grecheskoye zoloto. Yuvelirnoye iskusstvo klassicheskoy epokhi V—IV veka do n. e*. Sankt-Peterburg: Slaviya.

Fialko, E. E. 1987. Skifskiye kurgany u s. Novoye. In: Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Drevneyshiye skotovody stepey yuga Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, s. 171-187.

Fialko, E. E. 1991. Pogrebeniya zhenshchin s oruzhiyem u skifov. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (ed.). *Kurgany Stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 4-18.

Fialko, E. E. 2011. Panopliya skifskikh voitelnits. *Tyragetia*, V (XX), 1, s. 265-278.

Fialko, E. E. 2012a. Vooruzhennyye zhenshchiny rannego zheleznogo veka v Severnom Prichernomorye: sotsialnyy aspekt. *Tyragetia. Arheologie. Istorie. Antica*, VI (XXI), 1, s. 27-44.

Fialko, E. E. 2012b. Skifskiy kurgan s antichnymi importami u s. Zelenoye. *Bosporskiye issledovaniya*, XXVI, s. 218-254.

Khazanov, A. M. 1975. *Sotsialnaya istoriya skifov*. Moskva: Nauka.

Chernenko, Ye. V. 1991. Lytsari Velykoi Skifii. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Zoloto Stepu. Arkheolohia Ukrainy*. Kyiv; Shlezvih: Vakhholtts Noimiuster, s. 131-135.

Fialko, E. 2017. Scythian female warriors in the south of Eastern Europe. *Folia Praehistorica Posnanyensia*, XXII, p. 29-47.

O. Ye. Fialko, V. V. Neroda

SCYTHIAN AMAZON BURIAL IN CHERKASY REGION

The burial complex of an armed woman was investigated in 1988 on the outskirts of the town Gorodyshche in Cherkasy region. The design of the burial complex combines features characteristic of both nomadic Scythians and the local forest-steppe population. The funeral inventory of the deceased is made up of objects typical of the Scythians: meat food on a wooden plate, two spears, a set of 11 arrows with bronze arrowheads; a bone cheek-piece and jewelery — gold earrings, a pendant and neck hryvnia tips. By all indications (a specially erected kurhan, the powerful wooden construction, the size and interior of the grave, decorations made of precious metal), the buried woman belonged to a small group of commanders or leaders of a certain fighting unit of the Scythians.

It is possible that this Amazon could lead one of the Scythian squads that controlled certain sections of land communications through which trade flows took place. She could also lead a militarized unit of mercenaries who served the local aristocracy. In any case, she was buried as a Scythian warrior.

This complex replenishes a small series of 27 graves of the Amazons in the forest-steppe Dnieper region and dates from the first half of the 4th century BC.

Keywords: Amazon, Barrow, Tomb, Scythians, Right-Bank Ukrainian Forest-Steppe.

Одержано 1.02.2019

НЕРОДА Віра Володимирівна, старший науковий співробітник, Археологічна інспекція управління культури Черкаської облдержадміністрації, вул. Хрещатик 195, Черкаси, 18000, Україна.

NERODA Vira V., Senior Researcher, Archaeological Inspectorate of the Department of Culture of the Cherkassy Regional State Administration, Khreschatyk st. 195, Cherkasy, 18000, Ukraine.

ФІАЛЬКО Олена Євгенівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *ofialka@ukr.net*.

FIALKO Olena, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingrada ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *ofialka@ukr.net*.

УДК: 904.22(282.247.364)”638”

О. В. Шелехань, В. А. Киркач

СКІФСЬКИЙ МЕЧ ЗІ СЛОВ’ЯНСЬКА

Публікується скіфський меч V ст. до н. е. з фондів Слов’янського краєзнавчого музею.

***Ключові слова**: скіфська культура, басейн Сіверського Дінця, меч, випадкова знахідка, реставрація.*

Клинкова зброя є однією з візитних карток скіфської археологічної культури і ця категорія озброєння неодноразово привертала увагу С. А. Скорого. Зокрема, він розпочав свою наукову кар’єру з публікацій рідкісних знахідок довгих вершницьких мечів з території Криму (Скорый 1977; 1979; 1981). Надалі в ході підготовки кандидатської дисертації, дослідник опрацьовував скіфську зброю з теренів Центральної Європи (Скорий 1982a; 1985; 1990a). Коштовні односічні мечі, а також соціальна позиція їх власників привернули увагу С. А. Скорого після знахідки такого екземпляру з кургану Велика Рижанівка (Skory, Chochorowski 2010; Скорый, Хохоровски 2018). У ході виокремлення скіфського елементу на лісостепових пам’ятках він розглядав мечі та кинджали як один з можливих елементів кочівницької субкультури (Скорий 1990b; 2003). Також дослідник неодноразово звертався до виокремлення певних типів клинкової зброї чи до публікації яскравих і виразних знахідок (Скорый 1982b; Бессонова, Скорый 1986; Махортих, Скорий 1986; Кислий, Скорий 1990).

У запропонованій статті до ювілею С. А. Скорого хотілося б ще раз торкнутися зброєзнавчої тематики і розглянути нову знахідку скіфського меча зі Слов’янського краєзнавчого музею. Але на початку варто дещо відступити від суто наукового викладу і розповісти про умови отримання знахідки та її долю після виявлення.

© О. В. ШЕЛЕХАНЬ, В. А КИРКАЧ, 2019

Меч (за номером книги надходження КН 25933, та інвентарним номером Арх. 1772) було передано до музею в січні 2017 р. місцевим мешканцем Д. С. Дюженко. Оскільки Слов’янськ з квітня 2014 р. був однією з перших гарячих точок Антитерористичної операції на сході України, навіть після звільнення місто постійно перебуває в медійному полі. Тому виняткова знахідка давньої зброї отримала розголос в суспільстві. Зокрема, місцевим активістам вдалось організувати кампанію зі збору коштів на реставрацію меча. Не в останню чергу це стало можливим завдяки активної позиції головного редактора видання «Новости Донбасса» О. В. Мацуки та старшого наукового співробітника Українського центру культурних досліджень М. Є. Левади [1].

Невдовзі, у квітні 2017 р., зберігач фондів музею Є. В. Калугіна передала знахідку до Національного науково-дослідного реставраційного Центру України. У церемонії передачі меча взяли участь голова Польового комітету Інституту археології НАН України Ю. В. Болтрик та міністр культури України Є. М. Ніщук, який взяв під особистий контроль хід реставрації і особисто надав певну допомогу [2].

Протягом року меч був відреставрований художником-реставратором творів з металу вищої категорії В. М. Голубом і в жовтні 2018 р. відреставрований меч було передано до Слов’янського краєзнавчого музею. В урочистій церемонії взяли участь міністр культури України Є. М. Ніщук, міський голова Слов’янську

1. https://day.kyiv.ua/uk/photo/restavraciya-pamyati.
2. http://mincult.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=245224621&cat_id=244913751; http://restorer.kiev.ua/?p=4167.

В. М. Лях, директорка Слов'янського краєзнавчого музею Л. Я Зандер та бійці військової частини 3035 Національної гвардії України [1].

Втім, як на жаль часто буває, внаслідок суспільного розголосу, в популярних виданнях були озвучені припущення щодо історичного контексту знахідки, які не зовсім відповідають дійсності. Тому у даній статті запропонована фахова публікація меча та висвітлення його історичного тла.

РЕСТАВРАЦІЯ ТА ОПИС ЗНАХІДКИ

На момент виявлення меч перебував у незадовільному стані. Він був вкритий значними корозійними нашаруваннями, слабо прочитувався декор руків'я. Його поверхня з усіх сторін містила повздовжні та поперечні тріщини основи. В місцях втрати мінералізованих ділянок країв леза, руків'я та навершя проглядалась товщина корозійного шару та металеве ядро. Корозійні кірки були вкриті різними за розмірами бородавками.

Корозійний шар досліджувався під мікроскопом Delta Optical з використанням металевого зонду (голки, скальпеля). Зовнішній шар складався з продуктів корозії заліза коричнево-червоного відтінку, характерного для оксидів та гідрооксидів заліза, із залишками ґрунту (піску). Внутрішній шар корозії складався з більш твердого, на окремих ділянках товстого шару магнетиту Fe_3O_4, який добре видно на зламах. В окремих місцях розшарувань, втрат, у тріщинах залягають активні локалізації хлоридів заліза.

Корозійні нашарування, що закривали деталі рельєфу меча були видалені вибірково, зберігаючи щільність та цілісність мінералізованої поверхні, що складається з твердого магнетиту. Видалені окремі великі бородавки та нарости. В процесі розкриття поверхні, аварійні (не стабільні) та підозрілі ділянки, місця втрат, тріщини та розшарування основи оброблені інгібітором. Ділянки з відшарованими мінералізованими кірками були просочені та склеєні розчином полімеру. Тріщини та місця склеювання були укріплені спеціально приготовленою мастикою.

У результаті здійснених консерваційно-реставраційних заходів було проведено стабілізацію, укріплення та консервацію знахідки; чіткіше виявлено жолобки на клинку, декор на руків'ї; виконано графічну прорисовку абрисів меча після реставрації, з відтворенням втрачених ділянок. Саме завдяки не видаленим мінеральним кіркам, максимально збережено та виявлено форму 1 елементи декору меча.

Метричні параметри меча зі Слов'янськf

Параметр, см	Частина			
	Навершя	Руків'я	Перехрестя	Клинок
Ширина	9,3	3,9	9,1	6,8
Довжина / висота	5,2	8,5	4,1	60
Товщина	1,4	1,6	0,9—1,7	0,7—0,9

Меч має зооморфне волютоподібне навершя із «очами» в основі. Контур волют ламаний, на місцях перегину вони дещо потовщені, що може трактуватись як восковиця дзьоба чи суглоб пазура. Рукоятка меча прямокутна, з двома поздовжніми жолобками. Її бічні грані оздоблені поперечними рельєфними рисками, подібними до обмотки. Перехрестя дещо асиметричної трикутної форми з виїмкою в основі. Клинок трикутної форми, лінзоподібний в перетині, оздоблений п'ятьма вузькими поздовжніми жолобками. (рис. 1).

Сучасна довжина меча становить 75,3 см, але з оглядом на втрачене внаслідок пізнього зламу вістря, первинно цей показник міг бути принаймні на п'ять сантиметрів більшим. Детальна інформація про параметри меча наведена в таблиці.

Крім того, для отримання радіоскопічного та радіографічного зображення в Інституті електрозварювання імені Євгена Патона НАН України було проведено рентгенографічне дослідження меча (рис. 1: 3) [2], що допомогло краще зрозуміти його форму. Завдяки цьому було виявлено ступінь мінералізації основи. Металеве ядро збереглося приблизно на 60 %. На представленому знімку добре виділяються вузлові точи конструкції, чітко простежується контур основи клинка під перехрестям.

АНАЛОГІЇ ТА ДАТУВАННЯ

Виразні особливості меча впевнено дозволяють віднести його до кола класичних скіфських старожитностей (Мерперт 1948, с. 74). Найбільш характерною його рисою є навершя, оздоблене у звіриному стилі. Зразки із волютоподібним зооморфним навершям з'являються у Північному Причорномор'ї наприкінці VI — початку V ст. до н. е. Але першими впроваджуються вироби, із волютами, оформленими у вигляді голови хижого птаха. І лише згодом отримують поширення вироби із очима в основі навершя.

Одним з перших надійно датованих комплексів може вважатись курган 401 біля с. Журавка на Правобережжі Дніпра (рис. 2: 1). Дата цього

1. http://mincult.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245419522; http://ngu.gov.ua/ua/news/gvardiyci-vzyaly-uchast-u-peredachi-vidrestavrovanogo-skifskogo-mecha-muzeyu-u-slovyansku.

2. http://restorer.kiev.ua/?p=4231.

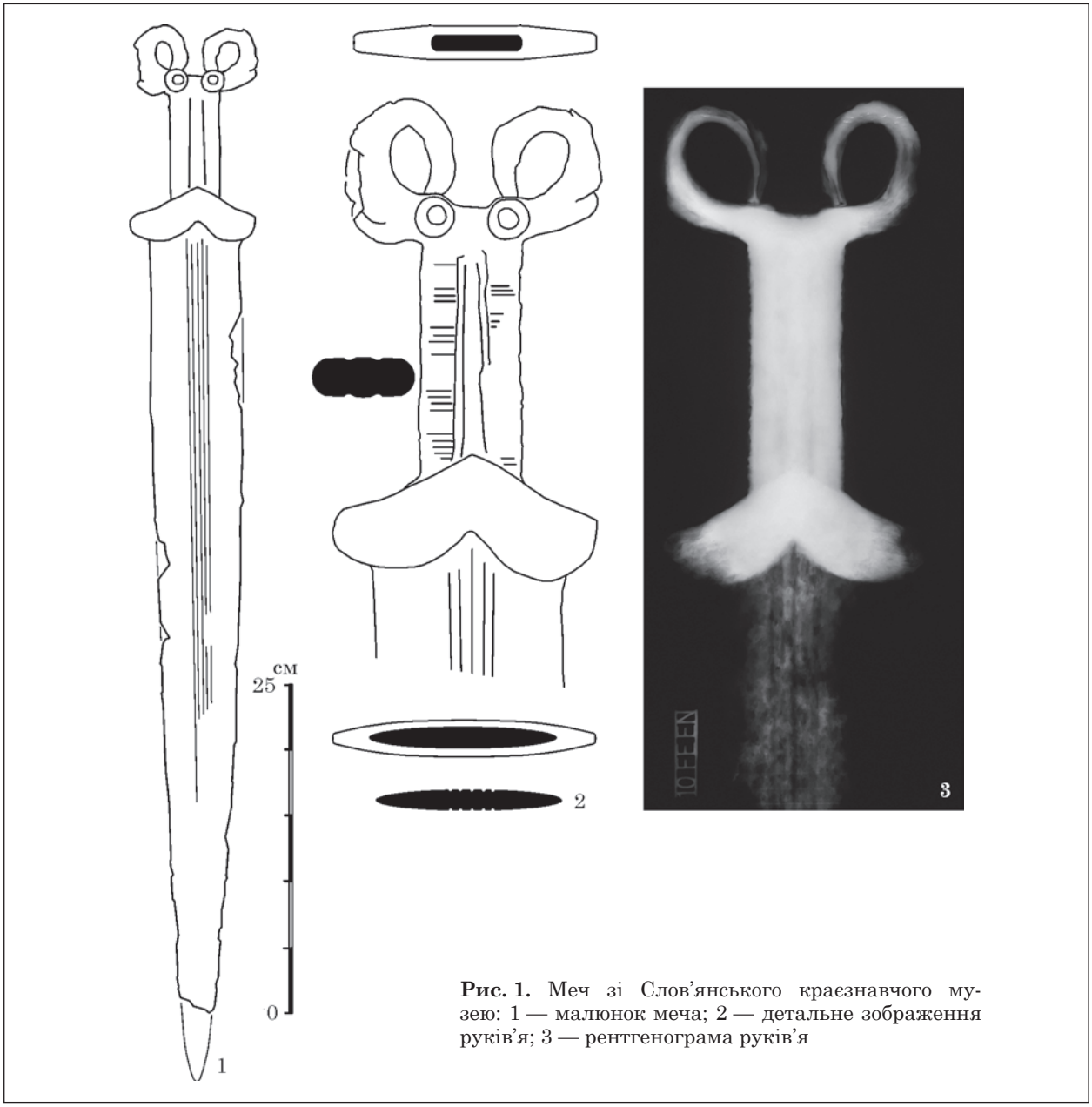

Рис. 1. Меч зі Слов'янського краєзнавчого музею: 1 — малюнок меча; 2 — детальне зображення руків'я; 3 — рентгенограма руків'я

поховання, у межах 480-х — 470-х рр. до н. е. встановлюється за знахідкою аттичного кіліка та хіоської амфори, а також характерних прикрас кінської вузди у вигляді голови орла та голови лося (Алексеев 2003b, с. 198—199; Гречко 2017, с. 94).

Відомі поховання другої чверті V ст. до н. е., де були знайдені довгі мечі, які через стан збереженості матеріалу не можуть бути впевнено інтерпретовані як зразки з волютоподібним навершям. Але варто їх згадати, оскільки вони вповні відображають комплекс тогочасного воїнського реманенту. Мова йде про курган 1G Маріцинського могильника біля с. Аджигол та Новорозанівка, к. 1, п. 1 у Нижньому Побужжі. Вони добре датуються за супутніми знахідками сагайдачної ажурної бляхи та хіоської пухлогорлої амфори розвинутого типу відповідно (Шапошникова, Ребедайло 1977, с. 70; Монахов 2003, с. 17).

В ході пошуку аналогій неможливо оминути комплекс кургану 4 біля с. Бересняги у Середньому Подніпров'ї (рис. 2: 2). Окрім довгого меча звідси походять характерні Г-подібні псалії та золота обкладка дерев'яної чаші, оздоблена зображенням голови хижого птаха. Остання аналогічна знахідкам з багатого скіфського кургану Завадська Могила середини — третьої чверті V ст. до н. е. (Гречко 2017, с. 88).

Цікава аналогія відома зі Східного Криму. Зокрема, з кургану 48 Акташського могильника походить довгий меч, що був зафіксований разом зі срібними позолоченими пластинками дерев'яного посуду (рис. 2: 3). На останніх нанесено зображення крилатого лева, що характерне для мистецтва V ст. до н. е. Особли-

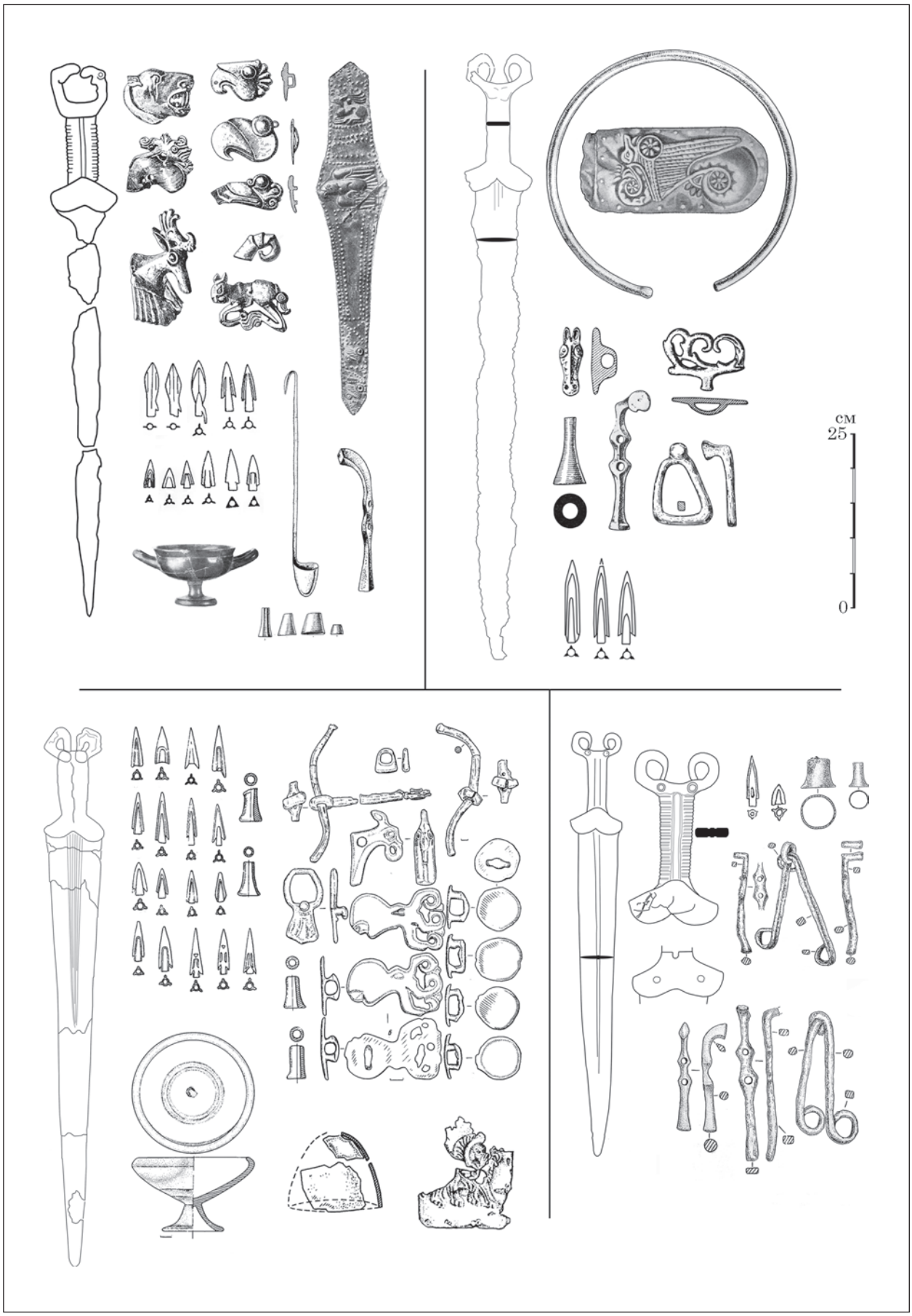

Рис. 2. Комплекси V ст. до н. е. з мечами із зооморфним навершям: 1 — Журавка, к. 401; 2 — Бересняги, к. 4; 3 — Акташський могильник, к. 48; 4 — Перещепине, к. 3/2002

вості цього зображення разом з характерними прикрасами вузди, такими як нащічні бляхи у вигляді задніх лап тварин, дозволяють віднести це поховання до третьої чверті V ст. до н. е. (Бессонова, Скорый 1986, с. 165).

Добре датовані мечі із зооморфними волютоподібними навершями представлені у похованнях Перещепинського могильника. Один з них походить з кургану 3/2002 (рис. 2: 4). Його дата визначається фасоською амфорою другої — третьої чверті V ст. до н. е. Не суперечить цьому й сагайдачний набір, укомплектований переважно баштоподібними та підтрикутними наконечниками. Також за матеріалами цієї пам'ятки бачимо, що мечі типу слов'янського побутують і дещо довше. Зокрема, аналогічний артефакт було зафіксовано під курганом 13 разом з амфорою останньої чверті V ст. до н. е. (Махортых 2012, 150).

Основні риси оздоблення руків'я меча зі Слов'янська, такі як складне зооморфне навершя, рясно декорована рукоятка з поздовжніми жолобками та імітацією обмотки, жолобки на клинку, тощо — всі ці риси отримали творче продовження і в подальшому. Зокрема, вони відомі на мечах із ажурним навершям, що були поширені протягом другої половини V — першої чверті IV ст. до н. е. (Шелехань 2017, с. 465).

Також слід зауважити особливості розташування очей на навершші. Як можна бачити на прикладі раніше згаданого меча з Журавки, к. 401, розташування очей на кінцях волют, сформованих у вигляді голови хижого птаха, характерно для відносно ранніх екземплярів. Таке оздоблення навершя бачимо вже наприкінці VI ст. до н. е. на кинджалах із сегментоподібним перехрестям (Бабенко, Шелехань 2015; Діденко, Шелехань 2016). У свою чергу, очі, розташовані в основі навершя, у більшій мірі характерні для оздоблення зброї середини — кінця наступного сторіччя.

Додатково слід звернути увагу на оздоблення клинка жолобками. Ця риса є відносно пізньою і не простежується на мечах першої половини V ст. до н. е. Разом з тим, масивний обрис клинка у більшій мірі тяжіє до зразків середини вказаного сторіччя, оскільки починаючи з його останньої чверті домінують клинки трикутної форми. Враховуючи викладені вище міркування, меч зі Слов'янську найкраще датувати у рамках середини — третьої чверті V ст. до н. е.

КОНТЕКСТ ЗНАХІДКИ МЕЧА ЗІ СЛОВ'ЯНСЬКА

Меч було виявлено у 2015 р. в околицях м. Слов'янськ, ймовірно на правому березі річки Сіверський Донець (рис. 3). З оглядом на те, що точне місце знахідки вірогідно не може бути встановлене, а в інформаційному полі за мечем

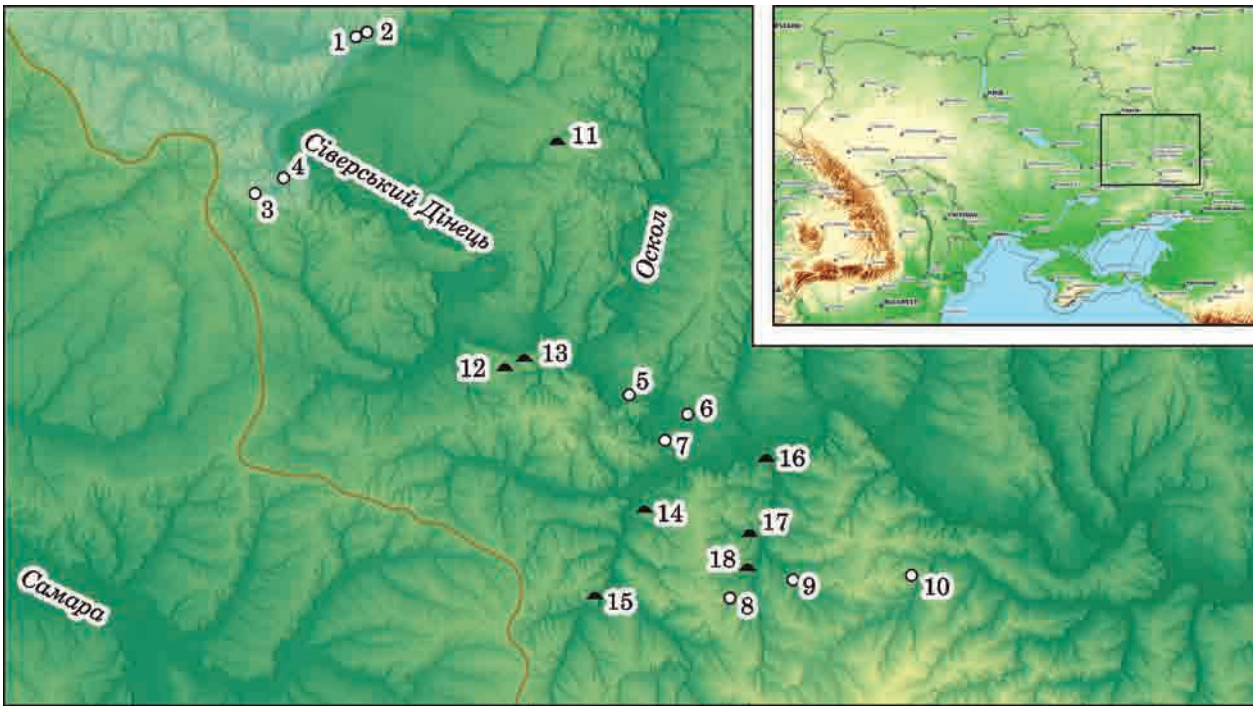

Рис. 3. Карта пам'яток скіфського часу в басейні Сіверського Дінця на межі лісостепової та степової смуги: 1, 2 — Чугуїв; 3 — Верхній Бішкін; 4 — Нижній Бішкін4 5 — Слов'яногірськ; 6 — Лиман; 7 — Слов'янськ; 8 — Красне; 9 — Покровське; 10 — Первомайськ; 11 — Волоська Балаклія; 12 — Мала Комишуваха; 13 — Шпаківка; 14 — хутір Бревин; 15 — Райське; 16 — хутір Кам'янка; 17 — Васюківка; 18 — Ступки (1—9 — знахідки клинкової зброї; 10—18 — поховальні пам'ятки). Суцільною лінією позначено вододільний Муравський шлях, освітлений ареал — сіверськодонецька група пам'яток у лісостепу

вже закріпилась прив'язка до місто Слов'янськ вважаємо за потрібне лишити саме таку назву.

Фактично, меч було знайдено на межі двох великих ландшафтних зон. Правобережжя Сіверського Дінця відноситься до лесових височин з середньо гумусними чорноземами, а на лівому березі поширені терасові піщані та лесові рівнини. Крім того заплава Сіверського Дінця та його правих припливів відносяться до плавневих лучно-степових ландшафтів. Оскільки в шарі корозії було зафіксовано піщинки, скоріш за все меч залягав у низинній місцевості. Відзначимо також,що розчленованість ресурсної зони на різноманітні ареали із варіативною флорою та рівнем зволоження в цілому сприяють цілорічному веденню скотарського господарства (Бессонова 1999, с. 150; 2000, с. 118—119) [1].

В археологічному вимірі, басейн Кривого Торця відноситься до північностепової групи пам'яток за В. С. Ольховським. Нагадаємо, що дослідник відносив до цієї групи периферійні поховання смуги Степу та підкреслював їх нерегулярний і розпорошений характер. В свою чергу, основний масив скіфських поховальних пам'яток Подніпров'я та Приазов'я розташований на відстані не менш ніж 150 км на південний захід (Ольховский 1991, с. 167—172, рис. 1; 2; див також: Мозолевський 2005, с. 88—90). Що ж до осередків життедіяльності у Лісостепу, регулярні скупчення поселенських та поховальних пам'яток фіксуються принаймні на відстані у 100 км на північний захід (Гречко 2010, с. 24—25).

Перші свідчення про старожитності цього мікрорегіону наводив Д. І. Багалій в описі Археологічної карти Харківської губернії. Серед переліку досліджених на той момент курганних пам'яток виділялись лише кілька пунктів доби раннього заліза. При чому, всі вони не формують компактних некрополів, натомість представлені поодинокими впускними похованнями в кургани бронзового віку (Багалъй 1905, с. 43, 57, 61, див. також: Городцов 1905, с. 260; 1907, с. 248). Дещо доповнив цей перелік Б. А. Шрамко, включивши до нього відомості про знахідки окремих речей у низинах Дінця, які він інтерпретував як сліди стоянок кочовиків (Шрамко 1962, с. 151, 170—171, рис. 67).

В подальшому археологічна карта була дещо доповнена. У контексті поданої статті можна згадати публікації знахідок клинкової зброї на межі степової та лісостепової смуги. Мова йде, передусім, про архаїчні кинджали з Верхнього Бишкина та Нижнього Бишкина, що асоціюються не з поселенською мережею регіону, що виникла пізніше за час побутування цих знахідок. Натомість вони інтерпретуються як сліди пересування кочових загонів вододільним Муравським шляхом (Крютченко 2018, с. 70).

Крім того на рівнинному плато лівого берега Сіверського Дінця відоме одиничне поховання біля с. Волоська Балаклія. Цей комплекс примітний знахідкою довгого меча з ажурним навершям, що може бути трохи пізнішим за меч зі Слов'янську (Шрамко 1983, с. 60). Раніше, з оглядом на віддаленість цієї знахідки від поселенських осередків, він також був залучений до низки пам'яток північностепової групи (Шелехань 2016, с. 182).

Цікавий матеріал було опубліковано дослідниками з Донецька у Каталозі випадкових знахідок. Серед них наведені архаїчні зразки клинкової зброї з околиць Слов'яногірська (з 2003 р. м. Святогірськ Донецької обл.) та Первомайська, а також кинджал середньоскіфського часу з с. Красне (з 2016 р. с. Іванівське Бахмутського р-ну Донецької обл.) (Каталог… 1994, с. 46—49; див. також: Кравец, Швецов 1987, с. 253; Татаринов и др., 1996, рис. 7: 7). Загалом, картографування цих знахідок разом з низкою інших зразків зброї з Приазов'я та басейну Сіверського Дінця дозволило прив'язати ці точки на карті із сухопутними комунікаціями, передусім із вже згаданим Муравським шляхом (Билинский, Шелехань 2014, с. 135).

Важливий досвід для розуміння обставин осідання у цьому регіоні зброї належить дослідникам, котрі звернули увагу на солоні озера поблизу Слов'янську. Так, Б. А. Шрамко припускав, що з цих родовищ могли видобувати сіль землероби Лівобережного Лісостепу для своїх господарських потреб (Шрамко 1984, с. 143; див. також: Кравець 1994, с. 94). Згодом Ю.В. Болтрик, розглядаючи у ширшому контексті свідчення щодо соляних промислів скіфського часу, зауважив, що головними агентами впливу у вказаному регіоні були кочовики. Отже, саме вони мали бути ініціаторами та головними здобувачами вигоди від цього виробництва. Тому низка знахідок зброї в районі між солоними Торськими і Бахмутськими озерами та Муравським шляхом пояснювалась як сліди суточок між різними угрупованнями за стратегічну сировину (Болтрик 2010, с. 32; 2014, с. 69, 75, рис. 5). З оглядом на те, що в сучасній скіфології панує погляд на кочовиків як на домінантну силу в Східній Європі доби раннього заліза, слід вказати, що остання точка зору вважається більш обґрунтованою.

Також треба відзначити, що частина знахідок зброї у цьому регіоні тяжіє до низинних заплавних ландшафтів. Заплавні луки можуть пов'язуватись із сезонними стійбищами чи пам'ятками осілості скіфів (Гаврилюк 2005, с. 90). Прагнення кочовиків до влаштування зимівників у заплавних низинних теренах неодноразово відмічалось як у писемних джерелах, так і у етнографічних спостереженнях (Хазанов 1975, с. 12—13; Крадин 2001, с. 160). На користь цього свідчить пасаж Геродота у описі Борисфену і згадка про те, що найкращі

1. http://geomap.land.kiev.ua/landscape.html.

пасовиська Великого Лугу належали найпотужнішому скіфському угрупованню (Herod IV, 53). Тож, судячи з наявних свідчень, у безконтекстних знахідках заплави Сіверського Дінця можна також вбачати сліди зіткнень за пасовиська (Гаврилюк 2005, с. 95; Дараган 2016, с. 46).

Слід згадати про думку, яка пояснює поширення випадкових знахідок скіфської клинкової зброї тим, що вони лишились від культових споруд або місць жертвоприношень (Хреков 2008, 345; Ворошилов 2011, с. 167). Зазначимо, що для варварів Західної й Центральної Європи подібна практика надійно засвідчена і писемними джерелами, і даними археології (Kristiansen 2002, s. 329; Westhausen 2018, p. 143—144), але для скіфських старожитностей це припущення не має ані надійних доказів, ані належного обґрунтування.

У середині V ст. до н. е., тобто у час коли був виготовлений меч зі Слов'янську, простежується ускладнення військово-політичної ситуації у Північному Причорномор'ї. На думку дослідників це було пов'язане зі зростанням мілітаризації скіфського суспільства (Марченко 1980, с. 142; Виноградов, Марченко 1990, с. 150—151). Характерно, що саме для цього часу притаманна найбільша типологічна різноманітність клинкової зброї. Крім того, більшість мечів та кинджалів Східної Європи відноситься саме до середньоскіфського періоду (Ковалевская и др. 2014, с. 143). Не виключено, що піднесення військової справи пояснюється також і внутрішньоскіфськими конфліктами (Алексеев 2003, с. 210—211).

Ймовірно з цим кореспондуються зміни в характері поселенських структур Лісостепу V ст. до н. е. Адже в цей час занепадають такі непересічні пам'ятки, як Західне Більське та Мотронинське городища (Гречко 2017, с. 100). Простежені пертурбації фіксуються не тільки на пам'ятках варварського населення, а й на матеріалах античних пам'яток. У першій половині вказаного сторіччя зникають сільські поселення у пониззі Дністра та Південного Бугу та на території Східного Криму (Марченко 1980, с. 137; Виноградов 1989, с. 104). Шари згарищ фіксуються у ряді міст Боспору, після чого тут зводяться оборонні споруди (Виноградов, Горончаровский 2008, с. 46—49).

Висновки

Таким чином опублікована знахідка меча зі Слов'янського краєзнавчого музею певною мірою доповнює археологічну карту регіону. Зазначимо, за ранньоскіфського часу в басейні Сіверського Дінця не фіксується стабільна присутність населення. Відома лише незначна кількість окремих поховальних споруд, таких як курган на р. Калітва чи Люботинські кургани. Незалежно від того, розташовані ці споруди у смузі лісостепу чи степу, вони пов'язуються із номадами. Але тоді як лісостепова частина басейну Дінця заселяється у VI ст. до н. е. землеробськими племенами, на широті Слов'янську й надалі фіксується відносно незначна кількість пам'яток.

Значна частина знахідок зброї у районі Слов'янську позбавлена археологічного контексту. Тому сьогодні ми можемо лише з певною долею ймовірності говорити про те, чи походить той чи інший артефакт зі зруйнованої поховальної споруди, чи він дійсно був втрачений своїм власником в бою. В контексті цього можна згадати слова В. А. Городцова, присвячені збереженню археологічної спадщини Подінців'я: «*Народы, съ глубокой древности населявшіе и посъщавшіе богатый Бахмутский край, стремились увъковъчить свою память въ истории вещественными памятниками и они навърное достигли бы своей завътной и благородной цъли, если бы не выступили против нихъ три врага: грабитель, кладоискатель и бобакъ*» (Городцов 1907, с. 212).

Утім, з оглядом на наявні дані можемо сміливо стверджувати, що Танаїс, названий Геродотом пограничною рікою Скіфії, приваблював кочовиків протягом і архаїчного, і класичного періодів скіфської історії. Можна припускати, що свого роду магнітами тут виступали природні багатства регіону — солоні озера та заплавні луки. Вкупі з прилеглим суходільним шляхом, який пізніше отримав назву Муравського, вони посприяли проникненню скіфів і разом з тим стали для них яблуком розбрату.

ПОДЯКА

Користуючись нагодою, автори приносять слова вдячності усім причетним до порятунку та збереження меча зі Слов'янську. Найщиріша подяка художнику-реставратору творів з металу вищої категорії В. М. Голубу за надану інформацію та вичерпні консультації.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Бабенко, Л. І., Шелехань, О. В. 2015. Кинджали із сегментоподібним перехрестям у зібранні Харківського історичного музею. *Археологія*, 4, с. 77-91.

Багалъй, Д. И. 1905. Объяснительный текстъ къ Археологической картъ Харьковской губ. *Труды XII археологического съезда в Харькове 1902 г.*, 1, с. 1-92.

Бессонова, С. С. 1999. Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація. *Археологія*, 1, с. 148-160.

Бессонова, С. С. 2000. Деякі закономірності розміщення пам'яток скіфського часу в Українському Лісостепу. *Археологія*, 2, с. 116-131.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1986. Погребение скифского воина из Акташского могильника в восточном Крыму. *Советская археология*, 4, с. 158-169.

Билинский, О. О., Шелехань, О. В. 2014. Случайные находки мечей и кинжалов скифского времени на Днепровском Левобережье. В: Мордвинцева, М. (ред.). *Archaeological and linguistic researches: materials of the Humboldt-Conference*. Kyiv, с. 132-147.

Болтрик, Ю. В. 2010. Соляные промыслы Северного Причерноморья в скифское время (к постановке проблемы). *Боспорские чтения*, XI, с. 31-34.

Болтрик, Ю. В. 2014. Соляні промисли Північного Причорномор'я в скіфський час. *Археологія*, 4, с. 63-80.

Виноградов, Ю. А., Горончаровский, В. А. 2008. *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.)*. Санкт-Петерсбург: СПбГУ.

Виноградов, Ю. А., Марченко, К. К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. *Советская археология*, 1, с. 145-155.

Виноградов, Ю. Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса в VII—I вв. до н. э.* Москва: Наука.

Ворошилов, А. Н. 2011. Акинаки келермесского типа в Донской Лесостепи. В: Березуцкий, В. Д. (ред.). *Восточноевропейские древности скифской эпохи*. Воронеж: Научная книга, с. 156-168.

Гаврилюк, Н. А. 2005. Природные ресурсы и археологические памятники как основа для реконструкции системы жизнедеятельности в степной Скифии. В: Крадин, Н. Н. (ред.). *Социальная структура ранних кочевников Евразии*. Иркутск: ИГТУ, с. 88-106.

Городцов, В. А. 1905 Результаты исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. *Труды XII археологического съезда в Харькове 1902 г.*, 1, с. 174-225.

Городцов, В. А. 1907. Результаты исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. *Труды XIII археологическаго съезда въ Екатеринославе*, 1, с. 211-285.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ: ІА НАНУ.

Гречко, Д. С. 2017. О формировании Классической Скифии в V в. до н. э. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 78-106.

Дараган, М. Н. 2016. Скифские междоусобицы. *Вестник древней истории*, 76, 1, с. 22-62.

Діденко, С. В., Шелехань, О. В. 2016. Кинджали скіфського часу із перехрестями спрощених форм (за матеріалами Національного музею історії України). *Археологія*, 2, с. 66-77.

Каталог… 1994. *Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области*. Донецк.

Кислий, О. Є., Скорий, С. А. 1990. Скіфське поховання V ст. до н. е. поблизу Керчі. *Археологія*, 2, с. 128-130.

Ковалевская, В. Б., Морозова, И. Ю., Рычков, С. Ю. 2014. Передвижения ранних скифов на основании картографирования акинаков VII—V вв. до н. э. и использование генетических данных. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 141-161.

Кравець, Д. П. 1994. Бронзовий казан скіфського часу з Слов'янська. *Тезисы докладов Международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья»*. Запорожье, с. 94-95.

Кравец, Д. П., Швецов, М. Л. 1987. Скифский кинжал из Донбасса. *Советская археология*, 2, с. 253-254.

Крадин, Н. Н. 2001. *Империя хунну*. Москва: Логос.

Крютченко, О. О. 2018. На кордоні зі Степом. південна група городищ скіфського часу Дніпро-Донецького Лісостепу. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 64-76.

Марченко, К. К. 1980. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья. *Вестник древней истории*, 1. с. 131-143.

Махортых, С. В. 2012. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска. *Stratum plus*, 3, с. 145-160.

Махортих, С. В., Скорий, С. А. 1986. Мечі та кинджали скіфського часу без навершь. *Археологія*, 56, с. 72-78.

Мерперт, Н. Я. 1948. Акинак с когтевидным навершием. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, 22, с. 74-79.

Мозолевський, Б. М. 2005. *Етнічна географія Скіфії*. Київ: Корвін-пресс.

Монахов, С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведучих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: Киммерида.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии*. Москва: Наука.

Скорый, С. А. 1977. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма. *Советская археология*, 1, с. 280-281.

Скорый, С. А. 1979. Меч из собрания Крымского краеведческого музея. *Советская археология*, 3, с. 258-260.

Скорий, С. А. 1981. Скіфські довгі мечі. *Археологія*, 36, с. 19-26.

Скорий, С. А. 1982a. Історія вивчення зброї скіфського типу в Середній Європі. *Археологія*, 39, с. 23-30.

Скорый, С. А. 1982b. «Скифские» мечи с лучковидным перекрестьем. В: Телегин, Д. Я. (ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Київ: Наукова думка, с. 83-86.

Скорий, С. А. 1985. Про місце виготовлення предметів озброєння з Віташківського комплексу. *Археологія*, 52, с. 65-68.

Скорый, С. А. 1990a. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли. *Советская археология*, 1, с. 34-41.

Скорий, С. А. 1990b. *Курган Перепʼятиха*. Київ: Наукова думка.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Київ: ІА НАНУ.

Скорый, С. А., Хохоровски, Я. 2018. *Большой Рыжановский курган*. Киев: Олег Філюк.

Татаринов, С. И., Кравец, Д. П., Копыл, А. Г. *Древности Бахмутского края (археологические очерки)*. Артемовск: Артемовский краеведческий музей.

Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва: Наука.

Хреков, А. А. 2008. «Скифский логос» Геродота и население Лесостепного Прихоперья в раннем железном веке. *Археология Восточно-Европейской степи*, 6, с. 343-361.

Шелехань, О. В. 2016. Клинкова зброя скіфського типу на теренах Східноєвропейського Лісостепу. *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 179-188.

Шелехань, О. В. 2017. Хронологічна колонка двосічної клинкової зброї скіфського часу (за матеріалами пам'яток Лісостепу). В: Дмитрієнко, М. Ф. (ред.). *Історія давньої зброї. Дослідження 2016.* Київ: Інститут історії НАНУ.

Шрамко, Б. А. 1962. *Древности Северского Донца*. Харьков: ХГУ.

Шрамко, Б. А. 1984. Обработка кожи в Скифии. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э.* Днепропетровск: ДГУ, с. 142-156.

Kristiansen, K. 2002. The tale of the sword — swords and swordfighters in Bronze Age Europe. *Oxford journal of archaeology*, 21, 4, p. 319-332.

Skory, S, Chochorowski, J. 2010. About one group of parade swords of Scythian Age. *Extras din Istros*, XV, p. 267-281.

Westhausen, I. 2018. Early Iron Age hoards between Brittany and the Carpathian basin — a preliminary review. In: Nebelsick, L. D. (ed.). *Archaeologica Hereditas. Sacred space: contributions to the archaeology of belief*. Warsaw, p. 135-148.

REFERENCES

Alekseev, A. Ju. 2003. *Khronografia Evropeiskoi Skifii*, Sankt-Peterburg: Gosudartvennij Ermitazh.

Babenko, L. I., Shelekhan, O. V. 2015. Kyndzhaly iz sehmentopodibnym perekhrestiam u zibranni Kharkivskoho istorychnoho muzeiu. *Arkheolohia*, 4, s. 77-91.

Bahaliei, D. Y 1905. Obiiasnytelnyi tekst k Arkheolohycheskoi kartie Kharkovskoi hub. *Trudy XII arkheolohycheskaho siezda v Kharkove 1902 g*., 1, s. 1-92.

Bessonova, S. S. 1999. Ukrainskyi Lisostep skifskoho chasu. Istoryko-heohrafichna sytuatsiia. *Arkheolohia*, 1, s. 148-160.

Bessonova, S. S. 2000. Deiaki zakonomirnosti rozmishchennia pam'iatok skifskoho chasu v Ukrainskomu Lisostepu. *Arkheolohia*, 2, s. 116-131.

Bessonova, S. S. Skoryi, S. A. 1986. Pogrebenie skifskogo voina iz Aktashskogo mogilnika v vostochnom Krymu. *Sovetskaia arkheologiia*, 4, s. 158-169.

Bilinskii, O. O. Shelekhan, O. V. 2014. Sluchainye nakhodki mechei i kinzhalov skifskogo vremeni na Dneprovskom Levoberezhe. In: Mordvintseva, V. (ed.). *Archaeological and linguistic researches: materials of the Humboldt*-Conference. Kyiv, p. 132-147.

Boltrik, Yu. V. 2010. Solianye promysly Severnogo Prichernomoria v skifskoe vremia (k postanovke problemy). *Bosporskie chteniia*, XI, s. 31-34.

Boltryk, Yu. V. 2014. Soliani promysly Pivnichnoho Prychornomoria v skifskyi chas. *Arkheolohia*, 4, s. 63-80.

Vinogradov, Yu. A., Goroncharovskii, V.A. 2008. *Voennaia istoria i voennoe delo Bospora Kimmeriiskogo (VI v. do n. e. — seredina III v. n. e.).* Sankt-Petersburg: SPbGU.

Vinogradov, Yu. A., Marchenko, K.K. 1991. Severnoe Prichernomore v skifskuiu epokhu. Opyt periodizatsii istorii. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, s. 145-155.

Vinogradov, Yu. G. 1989 *Politicheskaia istoria Olviiskogo polisa v VII — I vv. do n. e.* Moskva: Nauka.

Voroshilov, A. N. 2011. Akinaki kelermesskogo tipa v Donskoi Lesostepi. In: Berezutskii, V. D. (ed.). *Vostochnoevropeiskie drevnosti skifskoi epokhi*. Voronezh: Nauchnaia kniga, s. 156-168.

Gavriliuk, N. A. 2005. Prirodnye resursy i arkheologicheskie pamiatniki kak osnova dlia rekonstruktsii sistemy zhiznedeiatelnosti v stepnoi Skifii. In: Kradin, N. N. (ed.). *Sotsialnaia struktura rannikh kochevnikov Evrazii*. Irkutsk: IGTU, s. 88-106.

Gorodtsov, V. A. 1905. Rezultaty issledovanii v Iziumskom uezde Kharkovskoi gubernii 1901 g. *Trudy XII arkheologicheskago sezda v Kharkove 1902 g*., 1, s. 174-225.

Gorodtsov, V. A. 1907. Rezultaty issledovanii v Bakhmutskom uezde Ekaterinoslavskoi gubernii 1903 g. *Trudy XII arkheologicheskago sezda v Ekaterinoslave*, 1, s. 211-285.

Hrechko, D. S. 2010. *Naselennia skifskoho chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NANU.

Grechko, D. S. 2017. O formirovanii Klassicheskoi Skifii v V v. do n. e. *Arkheolohia i davnia istoria Ukrainy*, 2 (23), s. 78-106.

Daragan, M. N. 2016. Skifskie mezhdousobitsy. *Vestnik drevnei istorii*, 76, 1, s. 22-62.

Didenko, S. V., Shelekhan, O. V. 2016. Kyndzhaly skifskoho chasu iz perekhrestiamy sproshchenykh form (za materialamy Natsionalnoho muzeiu istorii Ukrainy). *Arkheolohia*, 2, s. 66-77.

Katalog… 1994. *Katalog sluchainykh nakhodok iz arkheologicheskikh sobranii Donetskoi oblasti*. Donetsk.

Kyslyi, O. Ye., Skoryi, S. A. 1990. Skifske pokhovannia V st. do n. e. poblyzu Kerchi. *Arkheolohia*, 2, s. 128-130.

Kovalevskaia, V. B., Morozova, I. Yu., Rychkov, S. Yu. 2014. Peredvizheniia rannikh skifov na osnovanii kartografirovaniia akinakov VII—V vv. do n. e. i ispolzovanie geneticheskikh dannykh. In: Lukiashko, S. I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire.* Rostov-na-Donu: YuNTs RAN, s. 141-161.

Kravets, D. P. 1994. Bronzovyi kazan skifskoho chasu z Slov'ianska. In: *Tezysy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsyy Problemy skyfo-sarmatskoi arkheolohyy Severnoho Prychernomoria*. Zaporozhe, s. 94-95.

Kravets, D. P., Shvetsov, M. L. 1987. Skifskii kinzhal iz Donbassa. *Sovetskaia arkheologiia*, 2, s. 253-254.

Kradin, N. N. 2001. *Imperiia Khunnu*. Moskva: Logos.

Kriutchenko, O. O. 2018. Na kordoni zi Stepom. pivdenna hrupa horodyshch skifskoho chasu Dnipro-Donetskoho Lisostepu. *Arkheolohia i davnia istoria Ukrainy*, 2 (27), s. 64-76.

Marchenko, K. K. 1980. Model grecheskoi kolonizatsii Nizhnego Pobuzhia. *Vestnik drevnei istorii*, 1, s. 131-143.

Makhortykh, S. V. 2012. Khronologiia Pereshchepinskogo kurgannogo mogilnika bliz Belska. *Stratum plus*, 3, s. 145-160.

Makhortykh, S. V., Skoryi, S. A. 1986. Mechi ta kyndzhaly skifskoho chasu bez naversh. *Arkheolohia*, 56, s. 72-78.

Merpert, N. Ya. 1948. Akinak s kogtevidnym navershiem. *Kratkie soobshcheniia Institua istorii materialnoi kultury*, 22, s. 74-79.

Mozolevskyi, B. M. 2005. *Etnichna heohrafiia Skifii*. Kyiv: Korvin-press.

Monakhov, S. Yu. 200.3 *Grecheskie amfory v Prichernomore. Tipologiia amfor veduchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel*. Moskva; Saratov, Kimmerida.

Olkhovskii, V. S. 1991. *Pogrebalno-pominalnaia obriadnost naseleniia Stepnoi Skifii*. Moskva: Nauka.

Skoryi, S. A. 1977. Ranneskifskii mech iz s. Iziumovka bliz Starogo Kryma. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, s. 280-281.

Skoryi, S. A. 1979. Mech iz sobraniia Krymskogo kraevedcheskogo muzeia. *Sovetskaia arkheologiia*, 3, s. 258-260.

Skoryi, S. A. 1981. Skifski dovhi mechi. *Arkheolohia*, 36, s. 19-26.

Skoryi, S. A. 1982a. Istoriia vyvchennia zbroi skifskoho typu v Serednii Yevropi. *Arkheolohia*, 39, s. 23-30.

Skoryi, S. A. 1982b. Skifskie mechi s luchkovidnym perekrestem. In: Telegin, D. Ya. (ed.). *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov Ukrainy*. Kyiv: Naukova dumka, s. 83-86.

Skoryi, S. A. 1985. Pro mistse vyhotovlennia predmetiv ozbroiennia z Vitashkivskoho kompleksu. *Arkheolohia*, 52, s. 65-68.

Skoryi, S. A. 1990a. K voprosu o skifskikh pokhodakh v luzhitskie zemli. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, s. 34-41.

Skoryi, S. A. 1990b. *Kurhan Perep'iatykha*. Kyiv: Naukova dumka.

Skoryi, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi. Problema vydeleniia iranskogo etnokulturnogo elementa*. Kyiv: IA NANU.

Skoryi, S. A., Khokhorovski, Ya. 2018. *Bolshoi Ryzhanovskii kurgan*. Kiev: Oleh Filiuk.

Tatarinov, S. I., Kravets, D. P., Kopyl, A. G. *Drevnosti Bakhmutskogo kraia (arkheologicheskie ocherki).* Artemovsk: Artemovskii kraevedcheskii muzei.

Khazanov, A. M. 1975. *Sotsialnaia istoria skifov*. Moskva: Nauka.

Khrekov, A. A. 2008. «Skifskii logos» Gerodota i naselenie Lesostepnogo Prikhoperia v rannem zheleznom veke. *Arkheologiia Vostochno-Evropeiskoi stepi*, 6, s. 343-361.

Shelekhan, O. V. 2016. Klynkova zbroia skifskoho typu na terenakh Skhidnoievropeiskoho Lisostepu. *Arkheolohia i davnia istoria Ukrainy*, 2 (19), s. 179-188.

Shelekhan, O. V. 2017. Khronolohichna kolonka dvosichnoi klynkovoi zbroi skifskoho chasu (za materialamy pamiatok Lisostepu). In: Dmytriienko, M. F. (ed.). *Istoriia davnoi zbroi. Doslidzhennia 2016.* Kyiv: Instytut istorii NANU.

Shramko, B. A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa*. Kharkov: KhGU.

Spramko, B. A. 1984. Obrabotka kozhi v Skifii. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprovia III—I tys do n. e.* Dnepropetrovsk: DGU, s. 142-156.

Kristiansen, K. 2002. The tale of the sword — swords and swordfighters in Bronze Age Europe. *Oxford journal of archaeology*, 21, 4, p. 319-332.

Skory, S, Chochorowski, J. 2010. About one group of parade swords of Scythian Age. *Extras din Istros*, XV, p. 267-281.

Westhausen, I. 2018. Early Iron Age hoards between Brittany and the Carpathian basin — a preliminary review. In: Nebelsick, L. D. (ed.). *Archaeologica Hereditas. Sacred space: contributions to the archaeology of belief*. Warsaw, p. 135-148.

O. V. Shelekhan, V. A. Kyrkach

SCYTHIAN SWORD FROM SLOVIANSK

Recently new chance find of the Scythian long sword was presented in the Sloviansk regional museum. Thanks to attention of activists and officials, it was restored in a proper manner.

The sword has zoomorphic antenna pommel, triangular crossguard and long blade with grooves. Due to analogies from the burials, this sword dates by the middle — late 5th century BC. Similar finds are known from Beresniahy, barrow 4, Aktash, barrow 48 and others.

This period was time of permanent conflicts and instability in Northern Black Sea region. For example, such prominent sites as Motronyn and Western Bilsk hillforts became desolate. It is interesting that range of 5th century BC bladed weapon was very wide.

At the same time, Sloviansk region was sparsely populated frontier of the Scythian culture. However, there are known some individual weapon chance finds and separated burials. They are located near the watershed rout that later was named Muravskii way. We can assume that they mark area of nomad's strategic interests and points of clashes for the salt lakes and fertile floodplains in the Siverskii Dinets basin. In addition, it should be noted that hypothesis about chance finds of swords as remains of Ares's altar has no reliable evidences.

Keywords: Scythian culture, Siverskyi Donets Basin, sword, chance find, restoration.

Одержано 3.03.2019

КИРКАЧ Віталій Анатолійович, науковий співробітник, КЗ «Слов'янський краєзнавчий музей», вул Банківська 31, Слов'янськ, 84122, Україна, *vitalijkirkac25@gmail.com*.

KYRKACH Vitalii Anatoliiovych, Research fellow, Municipal Public Institution «Sloviansk regional museum», 31 Bankivska Street. Sloviansk, 84122, Ukraine, *vitalijkirkac25@gmail.com*.

ШЕЛЕХАНЬ Олександр Володимирович, кандидат історичних наук, науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *oleksandr_shelekhan@iananu.org.ua*.

SHELEKHAN Oleksandr, Candidate of Historical Sciences, Research fellow, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 12 Heroiv Stalingradu ave. Kyiv, 04210, Ukraine, *oleksandr_shelekhan@iananu.org.ua*.

УДК: 904.5(571)”638”

В. Р. Эрлих

ЭЛИТНОЕ ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ г. МАЙКОПА

В статье рассматривается комплекс богатого протомеотского погребения 3 могильника «Улька I», открытого в 2017 г. в окрестностях г. Майкопа. Основываясь на том, что в погребении содержится имитация повозки или колесницы, присутствует полный набор вооружения, импортные предметы, изделия из драгоценных металлов, автор полагает, что данное погребение принадлежит представителю высшей воинской элиты протомеотского общества, возможного участника походов в Закавказье и датирует его второй половиной VIII в. до н. э.

Ключевые слова: *Северо-Западный Кавказ, предскифский период, протомеотская группа памятников, элитные погребения, вооружение, конское снаряжение.*

В 2017 г. при исследовании участка поселения «Улька I», в зоне реконструкции автодороги, ведущей от г. Майкопа в сторону федеральной трассы «Кавказ» был открыт протомеотский могильник и исследовано четыре погребения. Могильник расположен в 5,4 км к северо-востоку от северо-восточной окраины г. Майкопа и в 200 м к востоку от восточной окраины хутора Грозный. Очевидно, раскопками была затронута лишь незначительная часть могильника на его северо-восточной окраине [1]. Три погребения были достаточно стандартны по погребальному обряду и инвентарю, однако погребение 3 значительно выделялось количеством и качеством погребального инвентаря. Именно о нем мы поведем речь в настоящей статье.

Оно было обнаружено в одном ряду могил с другими погребениями в слое чернозема при исследовании второго штыка поселения т. е. на глубине не более 50 см от современной поверхности (рис. 1). Границы могильной ямы, как у подавляющего большинства протомеотских погребений обнаружены не были (рис. 2).

Первоначально были расчищены два лошадиных черепа, каждый из которых сопровождался однокольчатыми удилами, под одним из конских черепов находилась пропеллеровидная застежка из бронзы. К северу от конских черепов были обнаружены кости человека. Погребенный мужчина лежал предположительно на спине головой на юг, руки находились вдоль тела, ноги вытянуты. Сохранность костей неудовлетворительная.

Справа у головы погребенного обнаружены фрагменты двух черпаков. На правой руке найдено крупное серебряное височное кольцо, использовавшееся как браслет. В районе шеи находились стеклянные бусы двух видов. В районе левого плеча — три бусины глухого стекла с бронзовыми колечками для пришивания, две сердоликовые бусины и бронзовые пуговицы.

В районе пояса обнаружены золотое височное кольцо и бронзовая трехчастная бляшка. У таза слева находились оселок, кремень и бронзовый нож. В ногах найдено 9 бронзовых наконечников стрел.

Слева от костяка лежал железный меч с бронзовой рукоятью и железный наконечник копья. Около меча обнаружены две ажурные бронзовые бляшки.

1. Двучастные однокольчатые удила с гладкими стержнями. Длина звеньев — 11,0 см. Диаметры внешних колец — 3,5; 3,0 см (рис. 3: 1).

1. Работы проводились специалистами ООО «Артефакт» под руководством Алексея Владимировича Суркова, который любезно передал нам для публикации материалы исследованного могильника (Эрлих, Сурков 2019).

© В. Р. ЭРЛИХ, 2019

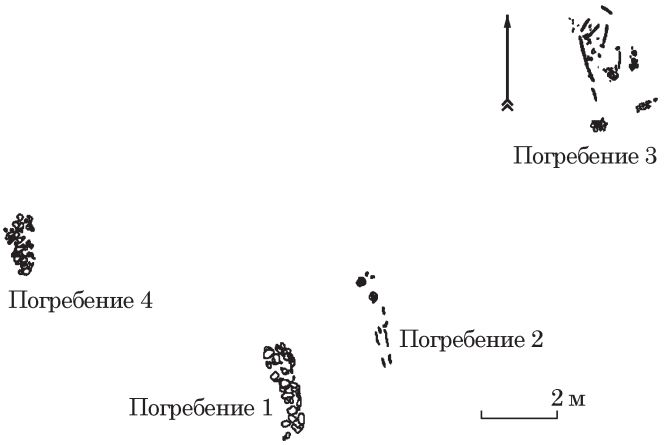

Рис. 1. План могильника Улька I

Рис. 2. План погребения 3 могильника Улька I

2. Удила однотипные предыдущим. Длина звеньев — 9,7; 8,5 см. Диаметры внешних колец — 2,5; 2,8 см (рис. 3: 2).

3. Застежка пропеллеровидной формы с центральным овальным утолщением и поперечным отверстием в ней. От отверстия отходят две плоские закругленные лопасти. Размер: 3,6 × 0,9 × 1 см (рис. 3: 3).

4. Развал черпака с петельчатой ручкой кубковидной формы. Высота около 9 см, диаметр венчика около 18 см.

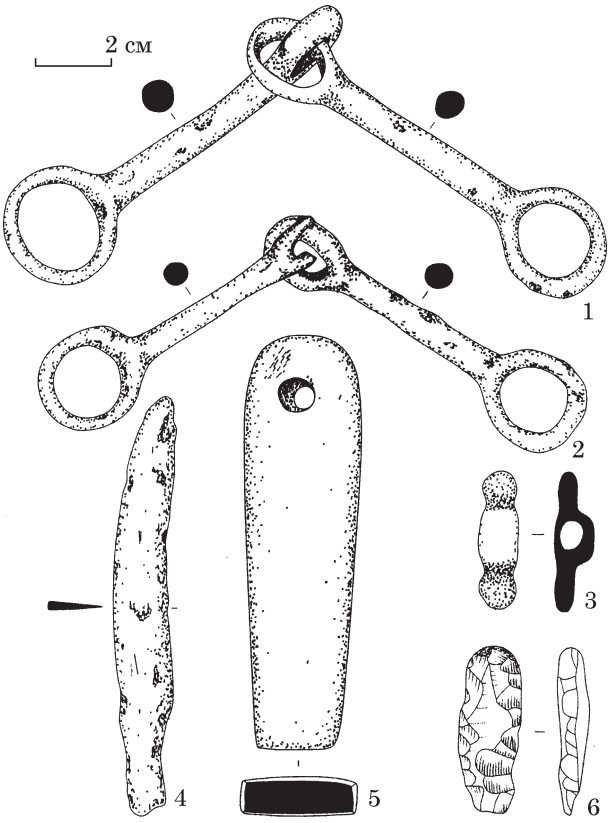

Рис. 3. Инвентарь погребения 3 могильника Улька I: 1—4 — бронза; 5 — песчанник; 6 — кремень

5. Развал аналогичного черпака. Высота около 6,5 см, диаметр венчика около 10 см.

6. Крупное височное кольцо, используемое в качестве браслета. Изготовлено из двух витков спаянной в центральной части серебряной рифленой пластины, края раскатаны и загнуты. Концы изделия соединены перемычкой. Диаметр — 7 см, высота 2,5 см, толщина — 0,15 см (рис. 4: 23; 6: 1).

7. а) Три стеклянные бусины цилиндрической формы глухого стекла либо фаянса бежевого цвета. Размеры: 1,4 × 0,6 см; 1,5 × 0,8 см; 0,8 × 0,6 см (рис. 4: 1—3).

б) Три двуцветные бусины цилиндрической формы из белого и коричневого прозрачного стекла. Размеры бус: 0,7 × 0,6 см; 0,9 × 0,6 см; 0,8 × 0,6 см (рис. 4: 4—6).

8. а) Бусы из глухого красного стекла кольцевидной формы (три целых и фрагмент) (рис. 4: 14—16,19). Внутри находились колечки из бронзовой пластины для пришивания. Размеры бусин: 0,5—0,6 × 0,3 см. Диаметр колечек — 0,5 см (рис. 4: 19—21).

б) Две сердоликовые бусины кольцевидной формы. Размер бусин: 0,6 × 0,3 см (рис. 4: 17, 18).

в) Семь бронзовых бляшек-пуговиц с округлым выпуклым щитком и петлей-перекладиной. Шесть бляшек плакированы золотой фольгой, одна лишена плакировки. Диаметр бляшек — 1,2 см (рис. 4: 7—13; 6: 8).

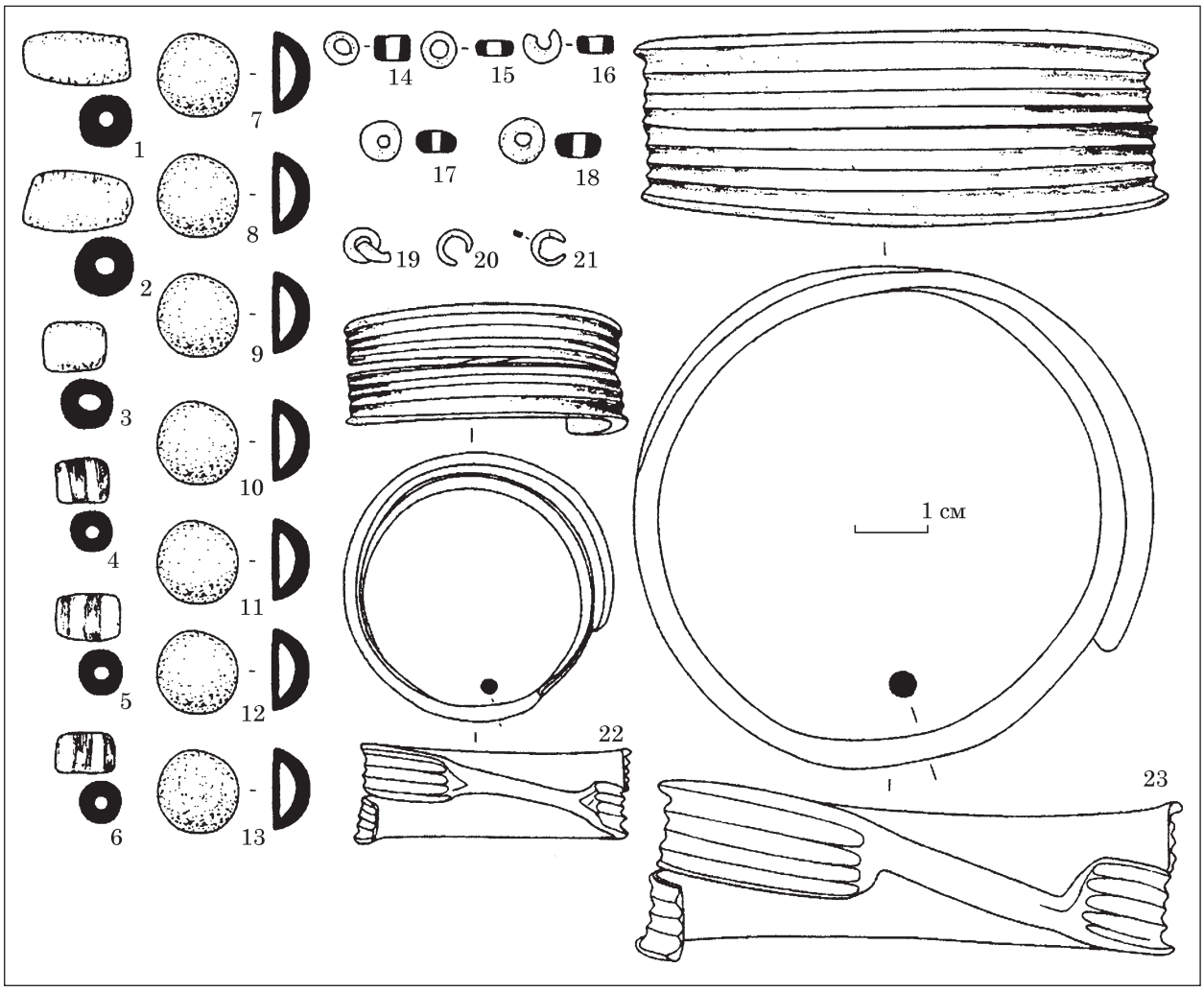

Рис. 4. Инвентарь погребения 3 могильника Улька I: 1—3 — глухое стекло (фаянс?); 4—6 — двуцветное стекло; 7—12 — бронза с золотой фольгой; 13, 20, 21 — бронза; 14—16 — стекло; 17, 18 — сердолик; 19 — стекло с бронзой; 22 — золото; 23 — серебро

9. Височное кольцо, изготовлено из двух витков спаянной в центральной части золотой рифленой пластины, края раскатаны и загнуты. Концы изделия соединены перемычкой. Диаметр — 3,5 см, высота — 1,2 см, толщина проволоки — 0,1 см (рис. 4: 22; 6: 2).

10. Бляхи с ажурным щитком с тремя прорезями и петлей на обороте. На щитке одной бляхи сохранился орнамент в виде насечек и рельефного трилистника в центре. Диаметр щитков блях — 2,5 и 2,3 см (рис. 5: 2, 3)

11. Бронзовая бляшка со щитком, состоящим из трех овалов и петлей на обороте. Размеры щитка: 2,2 × 1,2 см (рис. 5: 4).

12. Оселок из серого песчаника подтрапециевидный в плане (сужающийся книзу) и прямоугольный в сечении. В верхней части имеется отверстие для подвешивания, просверленное с одной стороны. Размеры: 11 × 3 × 1,2 см (рис. 3: 5).

13. Кремневый отщеп овальной формы с ретушью по краям. Размеры: 4,5 × 1,8 см (рис. 3: 6).

14. Бронзовый нож с относительно прямым лезвием и слабоизогнутой спинкой. Размеры: 11 × 1,5 см (рис. 3: 4).

15. Девять бронзовых втульчатых наконечников стрел с обломанными лопастями и втулками. Два наиболее сохранных экземпляра можно отнести к «Новочеркасскому» типу. Высота наконечников от 2,5 до 4 см (рис. 5: 5—13).

16. Биметаллический меч с бронзовой рукоятью и железным клинком. Округлая в сечении рукоять имеет грибовидное навершие и прямоугольное перекрестие. Клинок имеет форму в виде вытянутого треугольника. Общая длина меча — 108 см, ширина клинка — 3,5—4 см. Высота рукояти — 11,5 см, ширина перекрестия — 8,7 см (рис. 5: 1).

17. Сильно корродированный железный наконечник копья с цилиндрической втулкой и ромбовидным сечением пера. Длина наконечника — 25 см, ширина пера — 2,5—3 см, диаметр втулки — 2,5 см (рис. 5: 14).

Погребальный обряд. В целом погребальный обряд публикуемого погребения характерен

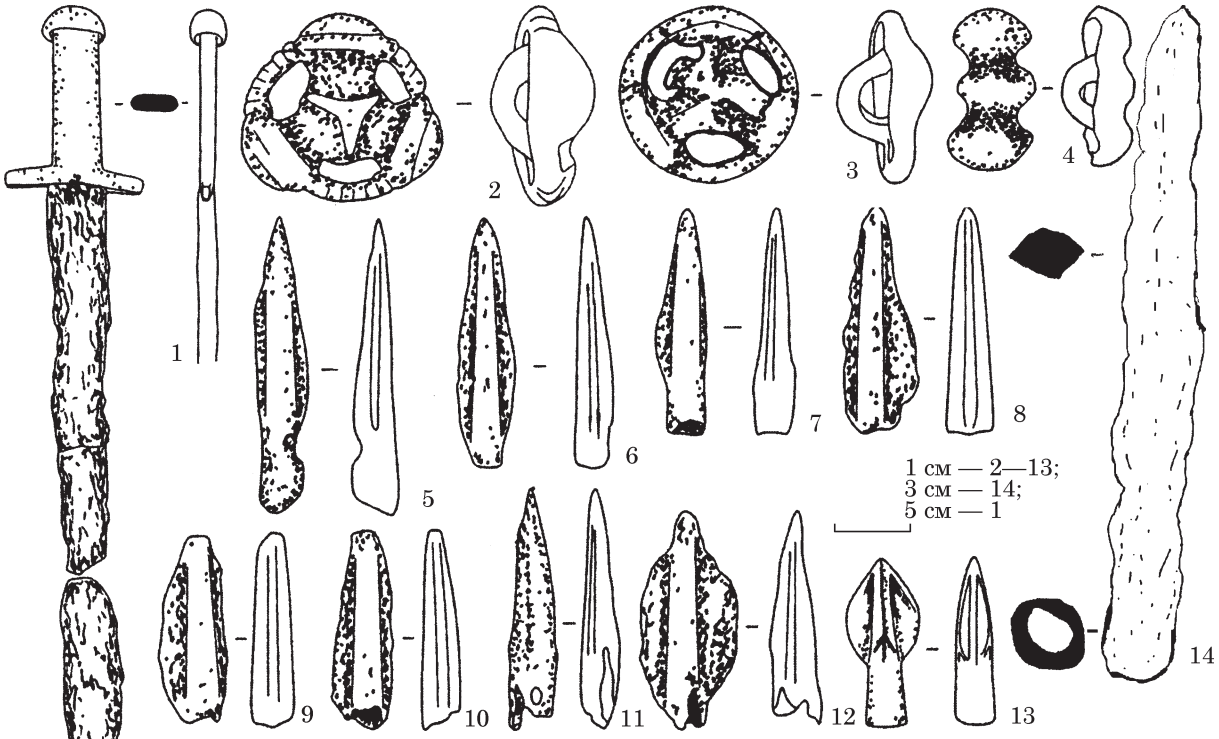

Рис. 5. Инвентарь погребения 3 могильника Улька I: 1 — бронза с железом; 2—13 — бронза; 14 — железо

для протомеотской группы памятников и для остальных погребений могильника Улька I. Отличительной особенностью является то, что в нем не была обнаружена каменная вымостка, встреченная в трех остальных погребениях (Эрлих, Сурков 2019) и характерная в большей степени для предгорных протомеотских памятников.

В погребении найдены остатки двух конских черепов (шкура). Эта черта обряда в большей степени характерна для протомеотских могильников центрального варианта. Также характерной в целом для протомеотских погребений центрального и предгорного варианта является меридиональная ориентировка с преобладанием в южный сектор.

Признаком характерным для данного могильника являются наличие двух черпаков (большого и маленького) у головы погребенного, и публикуемое погребение не является исключением.

Вооружение. ***Биметаллический меч.*** Уникальной для протомеотской группы памятников является находка длинного биметаллического меча длиной около 108 см [1]. Он имеет грибовидное навершие, рукоять с круглым сечением и крестовидное перекрестие и может по форме рукояти быть отнесен типу 1 первого отдела протомеотских мечей и кинжалов (Эрлих 2007, с. 85—87). По другим типологическим схемам он может быть отнесен к мечам с эфесами I отдела, I подотдела, I группы (с неорнаментированными рукоятями) типа 1 по С. Б. Вальчаку (Вальчак 2008, с. 8—10). По схеме С. Л. Дударева этот меч может быть отнесен к первой группе биметаллических мечей и кинжалов с крестовидной рукоятью (БМК КР) (Дударев 1999, с. 95—97).

Отметим, что по своим пропорциям и размерам этот меч полностью совпадает с мечом из клада, обнаруженного в 1971 г. на Субботовском городище в лесостепной Украине (Чигиринский р-н, Черкасской обл.). Последний также имел общую длину 108 см, из них длина клинка составляла 94,8 см (Тереножкин 1976, с. 82, 83, рис. 49: 1; 50). Разница состояла лишь в характере рукояти, который у субботовского меча имел ложновитую обмотку, аналогичную рукояти кинжала из хутора Чернышова в ареале протомеотской группы памятников (см. Эрлих 2007, с. 86, рис. 149: 4; Терехова, Эрлих 2002, с. 139, рис. 6) [2]. Еще один меч, имеющий близкое сходство с мечом из погребения 3 могильника Улька I хранится в Киевском истори-

1. До этого нам была известна только одна находка меча длиной около 70 см из могильника Кочипэ, однако относящегося к типу 2 второго отдела (Эрлих 2007, с. 91, 342, рис. 150: 9).

2. Стальные клинки меча из Субботова и кинжала из Чернышева в сочетании со сложной технологией отливки рукояти из высокооловянистой бронзы позволили нам отнести эти изделия уже к развитой стадии предметов клинкового вооружения этого отдела (Эрлих 2007, с. 86).

ческом музее (инв. № 3647) и предположительно происходит из Среднего Поднепровья. Они имеет несколько меньшие размеры — общая длина — 58,0 см; длина клинка 45,4 см [1]. У него гладкая рукоять и чуть меньшие размеры перекрестия (Тереножкин 1976, с. 81, рис. 47: 3; 48: 1). Известны мечи с рукоятями этого типа с других территорий, однако, они более короткие, не превышающие 50 см в длину. Это меч около Билярска (Халиков 1969, рис. 1: 1) и меч из Лейбница в Австрии (Podborsky 1970, S. 156, Abb. 26: 1).

Железный наконечник копья (рис. 5: 14) из публикуемого погребения предположительно имел остролистую форму пера с ромбическим сечением и может быть отнесен к типу 2 железных протомеотских наконечников. Подобные наконечники копий происходят из могильников Фарс, Кубанский и Пшиш. Отметим, что все эти наконечники имеют сравнительно небольшую длину, и наконечник копья из могильника Улька I, имеющий длину 25 см, пока является самым длинным наконечником этого типа (Эрлих 2007, с. 98,99; рис. 160: 1—10).

Наконечники стрел (рис. 5: 5—13). Обнаруженный в погребении колчан из девяти бронзовых двухлопастных наконечников представляет достаточно редкое явление для протомеотской группы памятников. В ареале протомеотских памятников центрального и приморского-абинского варианта наконечники стрел до этого встречались в единичных экземплярах, а в предгорных могильниках они неизвестны вовсе. Исключение составляет находка 1908 г. Н. И. Веселовским в впускном погребении в курган эпохи бронзы у ст. Некрасовской также девяти длинновтульчатых наконечников новочеркасского типа (Иессен 1954, с. 120, рис. 8).

Возвращаясь к нашему колчану, отметим, что большинство наконечников стрел плохой сохранности, у них утрачены лопасти и части втулки. Однако два наконечника можно отнести к новочеркасскому типу стрел. Один экземпляр имеет обломанную втулку и крупную овально-ромбическую головку с прокованными лопастями (рис. 5: 12). Второй самый маленький наконечник (рис. 5: 13) имеет длинную втулку и небольшую овально-ромбическую головку. Первый наконечник по форме головки близок наконечникам стрел, обнаруженным в кургане у ст. Некрасовской и в насыпи кургана 1 Уашхиту I (Эрлих 2007, с. 351, рис. 161: 4, 5, 8, 9), а второй с маленькой головкой — некоторым наконечникам из кургана у хутора Обрывского (Тереножкин 1976, с. 137, рис. 82: 12—14).

Уздечные принадлежности. ***Удила***. Пара однотипных бронзовых однокольчатых удил с гладкими стержнями встречены в погребении 3 раскопа 3. Эти удила относятся к типу II классификации бронзовых удил А. А. Иессена и В. Р. Эрлиха (Иессен 1953, с. 52; Эрлих 1991, с. 34) или к типу I подотдела 2 группы I классификации С. Б. Вальчака (Вальчак 2009, с. 26,27). Удила имеют гладкие стержни, что более характерно для протомеотских памятников центрального варианта (Эрлих 2007, с. 117). Наиболее близкой аналогией нашим удилам являются удила из погребения 31 (1959 г.) Николаевского могильника, хранящиеся в фондах Национального музея Адыгеи (Эрлих 2007, с. 358, рис. 171: 6).

Пропеллеровидная застежка (рис. 3: 3). Обнаружена с одной парой удил. Застежка пропеллеровидной формы с центральным овальным утолщением и поперечным отверстием в ней. От отверстия отходят две плоские закругленные лопасти. Это достаточно редкий тип застежки, который впервые встречается в ареале протомеотских памятников. Наиболее близкими аналогиями им являются две пропеллеровидные застежки из погребения 3 кургана III у пгт Слободзея в Приднестровье (рис. 8: 24, 25). Основным отличием является то, что лопасти застежек из Слободзеи несколько длиннее и имеют рельефное утолщение по краям. Необходимо отметить, что при публикации комплекса из Слободзеи авторы затруднились привести аналогии этим застежкам (Яровой, Кашуба, Махортых 2002, с. 301, рис. 9: 13, 14; с. 318).

Уздечные бляхи. К деталям узды или предметом многофункционального значения можно отнести две ажурные бляхи с тремя прорезями (рис. 5: 2, 3). Полных аналогий они не имеют. Как правило, ажурные бляхи, встреченные в ареале протомеотских памятников, имеют четыре прорези и форму «мальтийского креста», вписанного в круг (тип 13 схемы В. Р. Эрлиха) (Эрлих 2007, с. 380, рис. 201). В тоже время, в ранней группе могильника Фарс встречены ажурные бляшки-пуговицы диаметром 2,4 см с тремя трапецевидными и одним центральным отверстием, которые могут считаться одним из прототипов блях с солярной розеткой и «мальтийским крестом» (тип 5) (Лесков, Эрлих 1999, рис. 12: 5; Эрлих 2007, рис. 196: 6; цв. вклейка, рис. 28: 1—4). В отличие от фарсовских встреченные в публикуемом погребении могильника Улька I трехпрорезные бляхи имеют в центре не отверстие, а выпуклый трилистник и также могут считаться прототипом классических блях с «мальтийским крестом» новочеркасского периода.

Орудия труда. ***Бронзовый нож*** имеет слабоизогнутую спинку и относительно прямое лезвие (рис. 3: 4). Переход от лезвия к черенку

1. Именно эти размеры приводит в своей книге Я. П. Гершкович для меча из Субботовского клада, общая длина — 58,0 см, длина клинка 45,4 см, очевидно перепутав их с размерами сходного беспаспортного меча из Киевского Исторического музея (Гершкович 2016, с. 117).

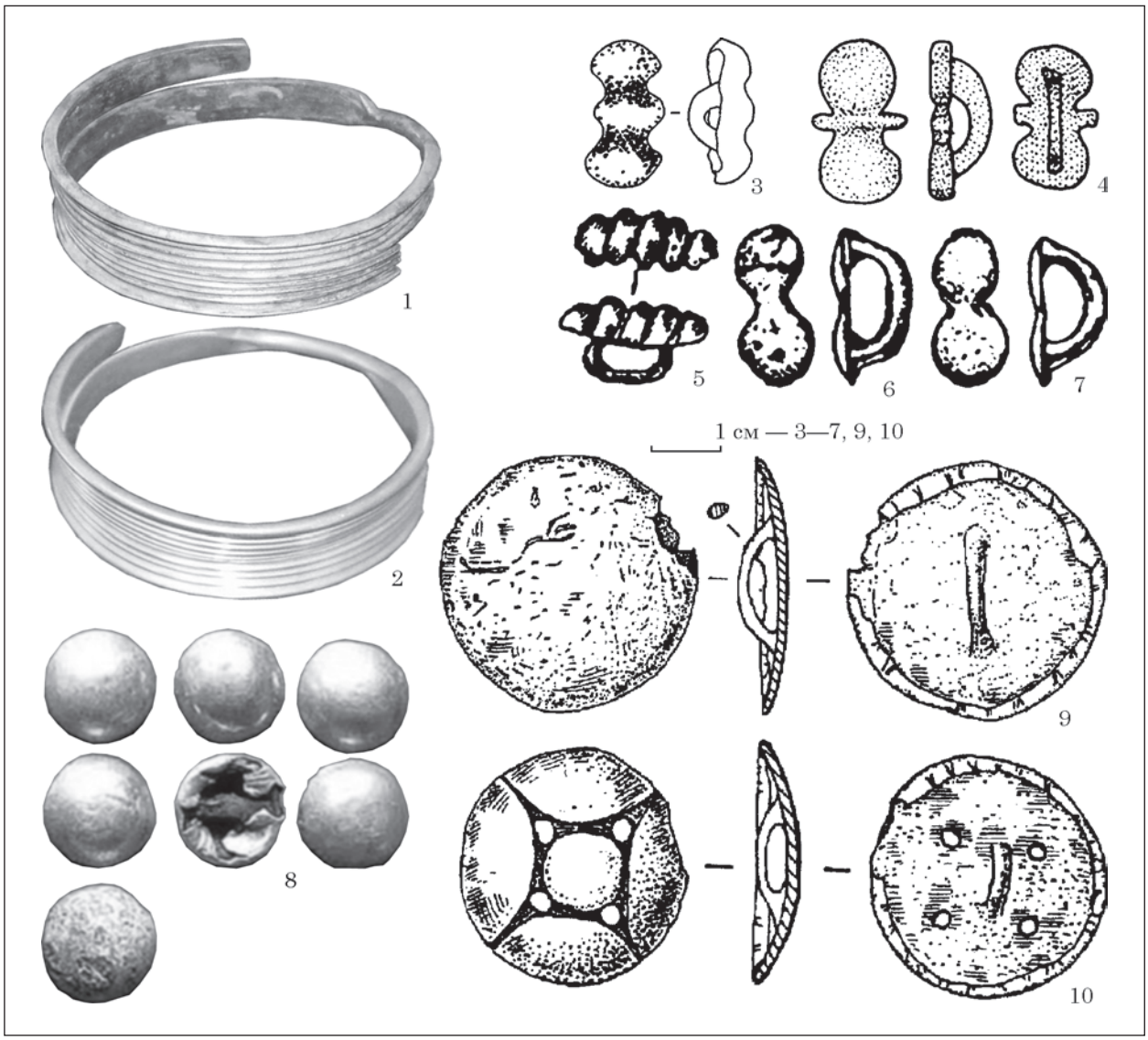

Рис. 6. Украшения, детали костюма и ряд аналогий предметам из п. 3 могильника Улька 1: 1, 2 — височные подвески типа «Шаренград» из погребения 3 могильника Улька I в экспозиции Национального музея Республики Адыгея; 3, 8 — погребение 3 могильник Улька I; 4 — погребение 15 могильника Сиалк B (по: Иванчик 2001); 5 — Абинский могильник (по: Эрлих 2007); 6, 7 — Голиграды (по: Chochorowski 1993); 9—10 — Краснодарский музей (по: Пьянков, Хачатурова 1998) (1, 2 — серебро; 3—7 — бронза; 8—10 — бронза с золотом)

оформлен уступом, а сам черенок имеет подпрямоугольную форму. Он может быть отнесен к варианту 2 протомеотских бронзовых ножей. Наибольшую близость этот нож находит с ножами из Николаевского могильника (Эрлих 2007, с. 152, 389; рис. 213: 1—5).

Оселок с подпрямоугольным контуром и прямоугольным сечением (рис. 3: 5) может быть отнесен к наиболее распространённым протомеотским оселкам первого типа (Эрлих 2007, с. 154). Однако необходимо указать на некоторую особенность его формы: в верхней части, где отверстие, он несколько шире, чем в нижней, что возможно объясняется его сработанностью.

Украшения. ***Височные подвески***. В публикуемом погребении были обнаружены однотипные височные подвески типа «Шаренград», в виде двух витков спаянных в центральной части рифленых пластин. Одна из них серебряная — диаметром 7 см обнаружена в районе руки погребенного и использовалась в качестве браслета (рис. 4: 23; 6: 1). Другая — золотая диаметром 3,5 см была найдена в районе пояса (рис. 4: 22; 6: 2).

Отметим, что обе подвески отличаются крупными размерами, и могут относиться к варианту больших подвесок этого типа. Этот вариант впервые встречается на юге Восточной Европы. Находки маленьких подвесок шаренградского типа концентрируются в пределах центрального варианта протомеотских памятников (Сазонов 1995, с. 90) и происходят из могильника Пшиш I (погребение 3 (золотая), погребение 124 — 2 экз. (золото); подъемный материал — 2 экз.), из погребения 5 Николаев-

ского могильника (серебро) — 2 экз. (Анфимов 1961, табл. IV: 6). Пять экземпляров, по данным А. А. Сазонова, обнаружены на территории Псекупского могильника (Сазонов 1995, с. 90). На остальном Северном Кавказе они встречены лишь один раз — Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии (Козенкова 1990, с. 79, рис. 8: 30; Козенкова 2004, рис. 7: I) и трижды в степи — на Нижнем Дону и в Саратовской обл.: Балабинка к. 10, п. 13; Новониколаевка II, к. 2, п. 7 и Фриденберг, курган 1А, (Дубовская, Подобед 1996, с. 104, рис. 1: 1, 2; Потапов 1999, с. 65, рис. 3: 4).

Пять пунктов находок этих подвесок двух вариантов (больших и маленьких) приходится на Среднюю Европу (Sarengrad — 6 экз.; Dalj Busija — 2 экз.; Szeged-Öthalom — 2 экз.; Hrtkovci-Gomolava — 3 экз.; Sirok-Akasztómály) (Chochorowski 1993, S. 171—172, 228, 233, Abb. 31 B; 48: 15—17; 49: 46, 47; Metczner-Nebelsick 1996, S. 300, Abb. 10). Таким образом, по известным нам данным, в Средней Европе подвески шаренградского типа встречены в 5 пунктах в количестве 14 экземпляров, тогда, как на юге Восточной Европы вместе с публикуемыми нами их известно, сейчас не менее 18 экземпляров, встреченных в 8 пунктах. Причем только в Закубанье обнаружено не менее 14 подвесок из четырех могильников.

Поскольку на юге Восточной Европы до находок в могильнике Улька I встречался только одни вариант этих подвесок (маленький), а в Средней Европе они встречаются в двух вариантах — большие и маленькие подвески, в свое время мы предположили, что форма подобных подвесок попала в равнинное Закубанье из Средней Европы (Эрлих 2007, с. 162, 163, рис. 222). На наш взгляд, сейчас, несмотря на некоторый перевес находок на востоке, оснований для пересмотра концепции, что подобные подвески являлись импортом из Средней Европы, пока нет. Косвенным свидетельством этому является использование височных подвесок не по назначению в богатых мужских погребениях, что наглядно демонстрирует погребение 3 могильника Улька I. К близкому мнению пришла и Карола Метцнер-Небельсик, которая полагала, что ситуация с этими подвесками иллюстрирует тесные связи района устья р. Дравы (притока Дуная) и Северного Кавказа (Metczner-Nebelsick 2002, S. 439) (рис. 7). Она также обратила внимание и на то обстоятельство, что если в Средней Европе эти подвески в комплексных находках встречаются исключительно в женских погребениях, то в погребениях Северного Причерноморья они встречаются в комплексах, связанных с мужским инвентарем (Metczner-Nebelsick 2002, S. 441, 442). Сами

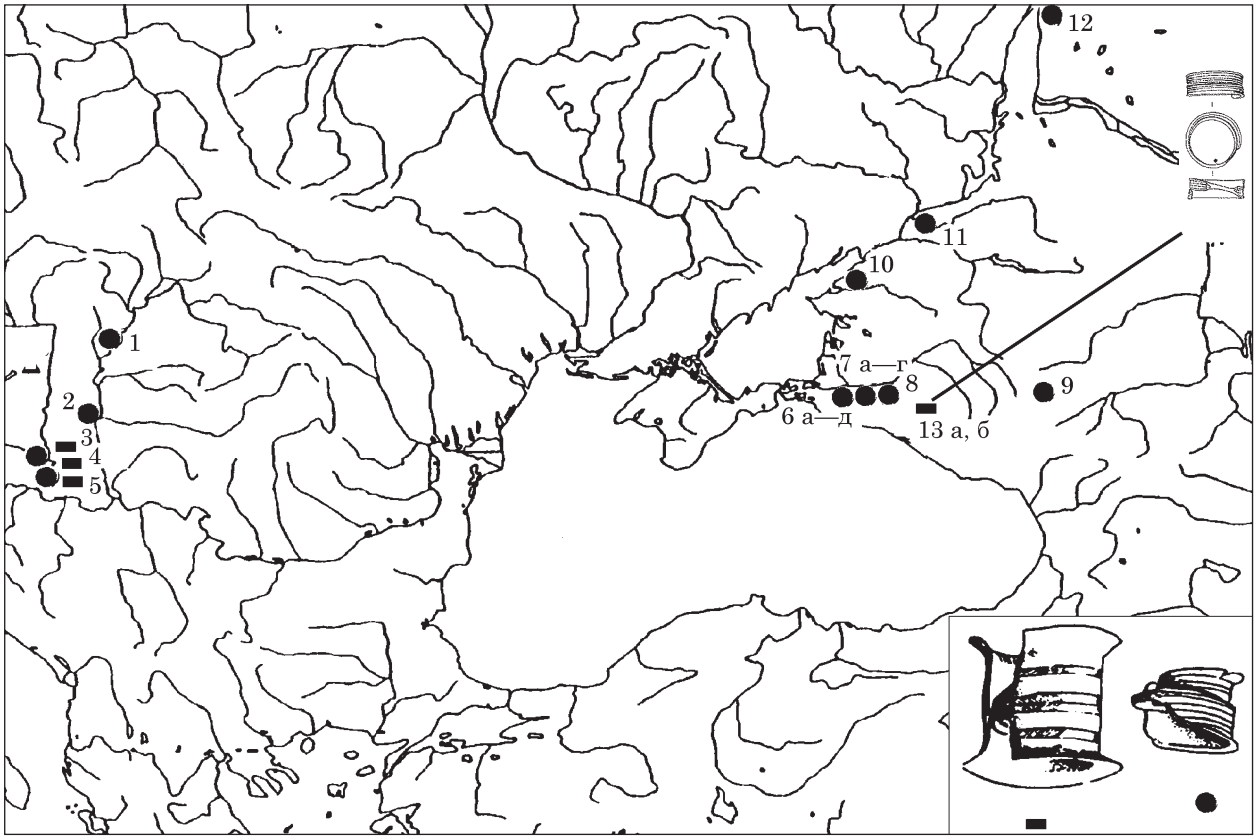

Рис. 7. Карта распространения подвесок типа «Шаренград» (по: Metzner-Nebelsick 1996) с нашими добавлениями и уточнениями: 1 — Sirok-Akasztómály; 2 — Szeged-Öthalom; 3 — Dalj Busija; 4 — Sarengrad; 5 — Hrtkovci-Gomolava; 6 — Псекупский могильник; 7 — Пшиш; 8 — Николаевский могильник; 9 — Верхний Акбаш; 10 — Новониколаевский; 11— Балабинка; 12 — Фриденберг; 13 — Улька I

подвески являются достаточно сложным для изготовления ювелирным украшением, образованным из закрученной в спираль рифленой с одной стороны ленты с дужкой-перемычкой, внутренняя сторона которой оставалась гладкой (рис. 6: 1, 2). Два ряда ленты соединялись пайкой в центральной части изделия.

В настоящее время ситуация с подвесками типа «Шаренград» нам представляется так. Подвески шаренградского типа из драгоценных металлов на юге Восточной Европы в предскифский период в подавляющем большинстве встречены в комплексах с мужским всадническим инвентарем и, скорее всего, являлись маркером принадлежности к высшему воинскому сословью. В ареал центрального варианта протомеотских памятников, где имеется наибольшая концентрация этих находок, они попадали в результате тесных обменных связей с районом устья р. Дравы. Возможно, что эквивалентом такого обмена в Закубанье являлись кони с уздой, как предположила Карола Метцнер-Небельсик (Metczner-Nebelsick 2002, S. 486—489). В целом, нам уже приходилось писать, что контакты между Средней Европой и протомеотскими памятниками характеризуются исключительно обменом престижными вещами между элитами древних обществ (Эрлих 1997, с. 28, 29; Erlikh 1998, p. 116; Эрлих 2007, с. 192).

Можно также предположить, что височная подвеска из погребения 3 кургана III Слободзеи (рис. 8: 2) (Яровой, Кашуба, Махортых 2002, с. 296, рис. 6), свернутая из 5 витков золотой проволоки подражала более сложным в изготовлении шаренградским подвескам и являлась своеобразным вариантом «импортозамещения».

В свою очередь, можно согласиться также с мнением О. Р. Дубовской и В. А. Подобеда, что в ареал черногоровской культуры эти подвески попадают уже из Закубанья (Дубовская, Подобед 1996, с. 105). Очевидно, что эти вещи также доставлялись в степь наряду с металлической уздой.

Бусы. Бусы, обнаруженные в публикуемом погребении, изготовлены из сердолика и стекла.

Две сердоликовые бусины (рис. 4: 17, 18) имеют неправильную кольцевидную форму. Сердоликовые бусы уже встречались в протомеотских памятниках. Они найдены в погребениях 3 и 23 могильника Фарс, в погребении 13 Николаевского могильника и погребении 5 могильника Пшиш (Лесков, Эрлих 1999, с. 65, рис. 61: 9, 16; Анфимов 1961, табл. IV: 1; Эрлих 2007, с. 165). Они неправильной шаровидной формы и имеют диаметр от 0,5 до 1,7 см. Встречаются они и в могильниках кобанской культуры (Флеров, Дубовская 1993, с. 294, рис. 2: 19; Козенкова 1982, с. 60; Техов 1977, с. 178—181, рис. 117: 1—21).

Стеклянные бусы в публикуемом погребении имелись трех разновидностей.

1. Четыре бусины глухого красного стекла (рис. 4: 14—16, 19). В них были вставлены бронзовые колечки для пришивания к одежде (рис. 4: 19—21), аналогии чему нам не известны.

2. Три стеклянные бусины цилиндрической формы, выполненные из двуцветного стекла — белого и коричневого (рис. 4: 4—6). Они также пока уникальны для протомеотских памятников, где пока были зафиксированы только монохромные стеклянные бусы и стеклянный бисер (Эрлих 2007, с. 165). В тоже время, полихромные бусы, очевидно закавказского происхождения, встречены в памятниках кобанской культуры (Козенкова 2004, с. 130).

3. Три бусины глухого стекла бирюзового цвета либо фаянса боченковидной формы (рис. 4: 1—3). Бусы из фаянса либо глухого стекла также до сих пор не встречались в протомеотских памятниках. В тоже время, бусы и пронизи из фаянса на территории Северного Кавказа и в Закубанье, в частности, известны в эпоху средней и финальной бронзы (Марковин 1978, с. 272, рис. 11—23; Shortland et al. 2007, p. 269—273; Эрлих, Маслов, Вальчак 2010, с. 182, 183, рис. 7: 2; 8; Эрлих 2018, с. 14, 18, рис. 3: 3, 6—9). Бисер и бусы различной формы из фаянса либо глухого стекла встречены в кобанских могильниках (Козенкова, 2004, с. 129, 130; Белинский, Дударев 2015, с. 272).

Детали костюма. ***Круглые бляхи-пуговицы***. Очевидно, с костюмом связаны обнаруженные в погребении 3 могильника Улька I семь блях-пуговиц полушарной формы с петлей-перекладиной (рис. 4: 7—13). Шесть из них были плакированы золотой фольгой (рис. 6: 8).

В ареале протомеотских памятников эти пуговицы встречаются не часто. Они были обнаружены в погребении 16 могильника Фарс и в Геленджикских дольменах (4 экз.) (Лесков, Эрлих 1999, рис. 17: 7; Аханов 1961, с. 145—146, рис. 6: 6; Эрлих 2007, рис. 196: 1, 5).

Подобный тип пуговиц гораздо в большей степени характерен для кобанской культуры (тип II, вариант 1 по В. И. Козенковой), подавляющее их большинство происходит из могильников VIII—VII вв. до н. э. (Козенкова 1998, с. 36—37). В Степи пуговицы этого типа встречены в погребении 3 (черногоровского времени) кургана 1 Ильевского могильника (Мамонтов 1986, с. 62, рис. 2). В Лесостепи подобная пуговица происходит из клада, открытого в 1971 г. на Субботовском городище (Тереножкин 1976, с. 85, 87, рис. 52). Известны подобные пуговицы и в Средней Европе, например, в погребении 78 могильника Клентнице (Stegmann-Rajtar 1992, Taf. 18: 2). Скорее всего, появление этих пуговиц в Закубанье следует связывать с соседней кобанской культурой. Отметим, что традиция плакировки бронзовых изделий золотой

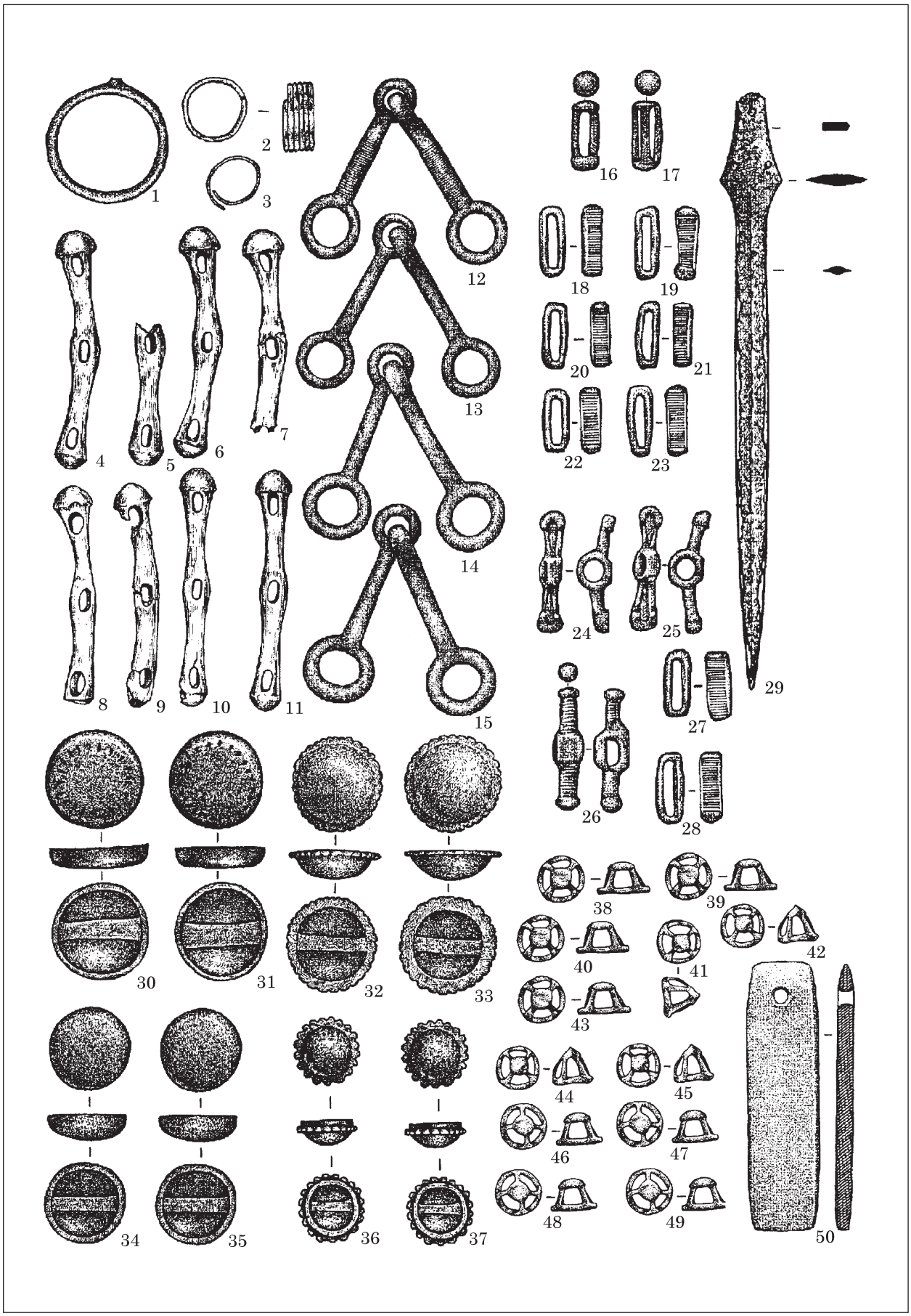

Рис. 8. Комплекс погребения 3 кургана III у пгт Слободзея (по: Яровой, Кашуба, Махортых 2002): 1, 3, 12—28, 30—49 — бронза; 2 — золото; 4—11 — рог; 29 — железо; 50 — камень

фольгой не уникальна для Северо-Западного Кавказа. В фондах Краснодарского музея хранится комплекс уздечных блях различных типов плакированных золотой, а в одном случае серебряной фольгой (Пьянков, Хачатурова 1998, с. 4—11, рис. 1: 1—6; 2: 1—5; 3: 1—3) (рис. 6: 9, 10).

Трехчастная бляха-пуговица (рис. 5: 3). Полные аналогии бляшке со щитком из трех овалов и петлей на обороте в ареале протомеотских памятников и за его пределами нам не известны. Несколько близка бляшка-пуговица из Абинского могильника, состоящая из пяти частей (Эрлих 2007, с. 398, рис. 223: 19) (рис. 6: 5). В погребении 15 могильника Сиалк В имелась бляшка с трёхчастным щитком, состоящим из двух овалов, разделенных планкой (рис. 6: 4) (Ghirshman 1939, Pl. LVI; Иванчик 2001, с. 169, рис. 89: 9). В Средней Европе известна большая серия бляшек со щитками из двух овалов, входивших в комплекс из с. Голиграды в Западной Украине (рис. 6: 6, 7) (Chochorowski 1993, S. 198, Abb. 42: 4—50).

Керамика, обнаруженная в погребении 3, представлена развалами большого и малого черпаков с высокой петельчатой ручкой и кубковидным туловом. Этот набор стандартен для могильника Улька I. Все черпаки, встреченные в могильнике, относятся к группе I протомеотских черпаков. Все они имеют высокую петельчатую ручку, лишенную выступов, что свидетельствует об относительно ранней стадии развития этой категории керамики (Эрлих 2007, с. 75).

Хронология и статус погребения. Судя по общему плану (рис. 1), погребение 3 могильника Улька I входило в затронутую раскопом очень небольшую и компактно расположенную группу погребений протомеотского могильника, который, скорее всего, развивался к востоку. В целом вся группа из четырех погребений выглядит достаточно гомогенной по погребальному обряду и обладает признаками предновочеркасско/черногоровского горизонта протомеотских древностей. К этим признакам мы отнесем следующее.

1. Ранняя кубковидная форма черпаков и отсутствие у них «рогатых» выступов на ручках.

2. Относительно ранний уздечный набор, который представлен однокольчатыми удилами с гладкими грызлами.

3. Бронзовый нож также является ранним признаком в протомеотской группе памятников.

4. Височные подвески типа «Шаренград», также пока зафиксированы исключительно в комплексах черногоровско/предновочеркасского этапа.

В то же время, сложное по своему составу элитное воинское погребение 3 содержит и некоторые более поздние признаки последующего классического новочеркасского периода, при преобладании ранних.

В нем присутствуют наконечники стрел, которые мы можем отнести только к новочеркасскому типу (рис. 5: 12, 13). До сих пор все известные параллели этим наконечникам стрел встречены только в комплексах времени «Новочеркасского клада».

Пропеллеровидная застежка, обнаруженная в публикуемом погребении, имеет единственную аналогию в погребении 3 кургана III у пгт Слободзея.

Мне приходилось уже разбирать данный комплекс, который был датирован авторами публикации не позже конца IX в. до н. э., несмотря на то, что им не удалось прийти к единому мнению о его культурной интерпретации. Е. В. Яровой и М. Т. Кашуба отнесли его к черногоровским древностям, а С. В. Махортых — к новочеркасским (Яровой, Кашуба, Махортых 2002, с. 302 и сл.).

Я предложил датировать комплекс основного погребения 3 кургана у Слободзеи по позднейшим вещам этого комплекса — трехпрорезным колесничным пронизям, до этого встреченным в позднейшем предскифском и раннескифском пласте (рис. 8: 16, 17) и застежке-обойме (рис. 8: 26), получившей широкое распространение среди принадлежностей гальштатских повозок периода HaC, временем близким к рубежу VIII—VII вв. до н. э. (Эрлих 2005, с. 175, 178; Эрлих 2007 с. 150). Таким образом, пропеллеровидная застежка типа «Слободзея» может служить относительно поздним хроноиндиктором публикуемого комплекса.

Косвенным относительно поздним признаком публикуемого погребения также являются парные конские черепа с уздой, находившиеся к югу от погребенного, которые, скорее всего, pars pro toto имитировали пароконную повозку или колесницу в погребении представителя местной протомеотской элиты [1]. На современном уровне знаний о предскифских колесничных наборах Северного Кавказа и Восточной Европы уже не существует жесткой корреляции упряжи колесниц с комплексами исключительно новочеркасского и жаботинского пласта. В трех погребениях могильника Пшиш они встречены с уздой предновочеркасско/черногоровского типа (Эрлих 2007, с. 150, 151; рис. 61, 62). Поскольку знакомство северокавказцев с колесницами Ближнего Востока могло произойти во второй половине, а вероятнее всего, в последней четверти VIII в. до н. э. в результате военных походов в Закавказье, то наличие имитации пароконной упряжки в нашем погребении

1. Следует отметить, что южное расположение колесничной упряжки по отношению к погребенному, а также колесничных наборов в виде кладов в южной поле курганов отмечается в новочеркасский период (Эрлих 1994, с. 48, 49).

может свидетельствовать о том, что подобное знакомство уже состоялось. Таким образом, вероятной датой публикуемого комплекса может быть, скорее всего, вторая половина VIII в. до н. э. В это время в результате военных походов уже сформировалась протомеотская воинская элита, ярким свидетельством чему является и публикуемое погребение.

Высокий статус погребенного подтверждает и набор мужского воинского инвентаря, куда кроме типичных ножа и оселка входил полный комплект вооружения, включая очень редкие для протомеотской группы памятников длинный меч и колчанный набор. Уникальны для данной территории и стеклянные бусы, в том числе и полихромные, закавказского либо малоазийского производства. Возможно, эти редкие предметы были добыты во время военных походов через Кавказ. Статус погребения подчеркивает и наличие изделий из золота и серебра, также редких для протомеотской группы памятников. Часть его, как мы указывали выше, могла быть получена в процессе обменных операций с одним из регионов Средней Европы. Эквивалентом такого обмена, скорее всего, были лошади, которыми владел погребенный. Золотом, добытым во время грабительских походов, могли быть плакированы пуговицы западнокобанского производства.

Итак, сопровождающие погребенного предметы позволяют сделать вывод о том, что перед нами погребение представителя высшей воинской элиты протомеотского общества, участника военных походов в Закавказье, владельца конских табунов, который контролировал обменные операции с регионом Средней Европы.

В заключении также отметим важность вновь открытых погребений могильника Улька I для установления границ между центральным и предгорным вариантами протомеотских памятников.

В 7—9 км от могильника Улька I к юго-западу в пределах современного Майкопа находился могильник Кочипэ, обладающий всеми признаками памятников предгорного варианта. В тоже время, большинство признаков погребального обряда, а также инвентарь могильника Улька I находит гораздо больше параллелей с могильниками центрального варианта протомеотских памятников. Такие признаки обряда, как отсутствие корчаг, помещение в погребение «шкуры» лошади, а не целых костяков коней более характерны для протомеотских могильников центрального варианта. Тоже можно сказать и об инвентаре, который находит основные аналогии среди памятников центрального варианта: Николаевский, Пшиш и др. Таким образом, можно полагать, что граница между центральным и предгорным вариантом проходила в районе выхода из предгорий в равнину, т. е. к северу от современного г. Майкопа.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов, Н. В. 1961. Протомеотский могильник у с. Николаевского. *Сборник материалов по археологии Адыгеи*, 2, с. 103-126.

Аханов, А. А. 1961. Геленджикские подкурганные дольмены. *Советская археология*, 1, с. 139-149.

Белинский, А. Б., Дударев, С. Л. 2015. *Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи Раннего железа.* Ставрополь: Дизайн-студия Б.

Вальчак, С. Б. 2008. Хронология и генезис мечей и кинжаловс рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII—VII вв. до н. э.). В: *Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее.* Москва: Квадрига, с. 6-25.

Вальчак, С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы.* Москва: Таус.

Гершкович, Я. П. 2016. *Субботовское городище*. Киев: ИА НАНУ.

Дубовская, О. Р., Подобед, В. А. 1996. Об одном типе украшений черногоровского времени. В: *Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы международной конференции*. Донецк, II, с. 102-109.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы*. Москва: Палеограф.

Иессен, А. А. 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. *Советская археология*, XVIII, с. 49-110.

Иессен, А. А. 1954. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В: Шелов, Д. Б. (ред.). *Вопросы скифо-сарматской археологии*. Москва: АН СССР, с. 112-131.

Лесков, А. М., Эрлих, В. Р. 1999. *Могильник Фарс. Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе.* Москва: Государственный музей Востока.

Козенкова, В. И. 1982. *Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант*. Москва: Наука. Свод археологических источников, В 2—5.

Козенкова, В. И. 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы. *Советская археология*, 3, с. 64-92.

Козенкова, В. И. 1998. *Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариан*т. Москва: ИА РАН. Свод археологических источников, В 2—5.

Козенкова, В. И. 2004a. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры. *Материалы и исследования по археологии России*, 6: Археологические памятники раннего железного века юга России, с. 66-92.

Козенкова, В. И. 2004b. *Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII—VIII вв. до н. э.* Москва: Памятники исторической мысли.

Марковин, В. И. 1978. *Дольмены Западного Кавказа*. Москва: Наука.

Мамонтов, В. И. 1986. Погребение VIII в. до н. э. из Ильевского курганного могильника. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 186, с. 61-63.

Потапов, В. В. 1999. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона. *Донская археология*, 1, с. 62-68.

Пьянков, А. В., Хачатурова, Е. А. 1998. Комплекс деталей конской узды предскифского времени из

фондов Краснодарского музея-заповедника. *Историко-археологический альманах*, 4, с. 4-11.

Сазонов, А. А., 1995. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I. В: Дитлер, П. А. (ред.). *Археология Адыгеи*. Майкоп: Меоты, с. 84-107.

Флеров, В. С., Дубовская, О. Р. 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске. В: Каменнецкий, И. С., Узянов, С. А. (ред.). *Вестник Шелкового пути. Археологические источники*. Москва: Шелковый путь, I, с. 262-303.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Терехова, Н. Н., Эрлих, В. Р. 2002. К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции. *Материальная культура Востока*, 3, с. 134-152.

Техов, Б. В. 1977. *Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э.* Москва: Наука.

Халиков, А. Х. 1969. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятями. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 169: Древности Восточной Европы. К семидесятилетию А. П. Смирнова, с. 276-280.

Эрлих, В. Р. 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. В: Абрамов, А. П. (ред.). *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва: Государственный музей Востока, с. 31-47.

Эрлих, В. Р. 1994. *У истоков раннескифского комплекса*. Москва: ИНИОН РАН.

Эрлих, В. Р. 1997. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период. *Материалы и исследования по археологии России*, 1: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы, с. 19-34.

Эрлих, В. Р. 2005. К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья*. Москва: ИА РАН, с. 167-182.

Эрлих, В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.

Эрлих, В. Р. 2018. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе. *Краткие сообщения ИА РАН*, 250, с. 7-24.

Эрлих, В. Р., Маслов, В. Е., Вальчак, С. Б. 2010. Курган 2 могильника Уашхиту-I: к проблеме стратиграфии. В: Василенко, А. И. (ред.). *Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы*. Луганск: Глобус, с. 172-189.

Эрлих, В. Р., Сурков, А. В. 2019. Протомеотские погребения поселения Улька-I. *Историко-археологический альманах*, 15, в печати.

Яровой, Е. В., Кашуба, М. Т., Махортых, С. В. 2002. Киммерийский курган у пгт Слободзея. В: Яровой, Я. В. (ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: Археология, с. 279-343.

Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryska na tereny Europy Srodkowej*. Krakow: Uniwersytet Jagielloński.

Erlikh, V. R. 1998 Relationships of The North Caucasus and Central Europe: Expansion or Exchange? *4th Annual Meeting of European Association of Archaeologist in Göteborg. Abstracts Book*, p. 116.

Ghirshman, R. 1939. *Fouilles de Sialkprès de Kahan 1933, 1934—1937*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner.

Metzner-Nebelsick, C. 1996. Die Urnfelder- und Hallstattzeit in Südostpannonien. In: Jerem, E. (ed.). *Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposium*. Budapest: Archaeolingua, s. 285-314.

Metczner-Nebelsick, C. 2002. *Der «Thrako-Kimmerishe» Formenkreis aus der Sicht der Urnefelder- und Hallstattzeitimsüdöstlichen Pannonien*. Rahden, Westf.: Leidorf.

Podborsky, V. 1970. *Südmähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle zur Eisenzeit*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně.

Shortland, A., Shishlina, N., Egorcov, A. 2007. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the Caspian Sea Region in the Bronze Age. In: Lyonnet, B. (ed.). *Les cultures du Caucase (VI—III millènairesavantnotreère). Leurs relation avec le Proche-Orient*. Paris: CNRS, p. 269-283.

Stegmann-Rajtár, S., 1992. Spätbronze- und früheisenzeitliche Fundgruppen des mettleren Donaugebietes. *Bericht der Römiche-Germanichen Kommission*, 73, S. 29-179.

REFERENCES

Anfimov, N. V. 1961. Protomeotskiy mogilnik u s. Nikolayevskogo. *Sbornik materialov po arkheologii Adygei*, 2, s. 103-126.

Akhanov, A. A. 1961. Gelendzhikskiye podkurgannyye dolmeny. *Sovetskaya arkheologiya*. 1, s. 139-149.

Belinskiy, A. B., Dudarev, S. L. 2015. *Mogilnik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostey Kavkazai Yugo-Vostochnoy Evropy nachala epokhi Rannego zheleza*. Stavropol.

Val'chak, S. B. 2008. Hronologiya i genezis mechej i kinzhalovs rukoyatyami okruglogo secheniya v predskifskij period (VIII—VII vv. do n. e.). In: *Voennaya arheologiya: Sbornik materialov seminara pri Gosudarstvennom istoricheskom muzee*. Moskva: Kvadriga, s. 6-25..

Val'chak, S. B . 2009. *Konskoe snaryazhenie v pervoj treti I-go tys. do n. e. na yuge Vostochnoj Evropy*. Moskva: Taus.

Gershkovich, Ya. P. 2016. *Subbotovskoye gorodishche*. Kiev: IA NANU.

Dubovskaya, O. R., Podobed, V. A. 1996. Ob odnom tipe ukrasheniy chernogorovskogo vremeni. In: *Severo-vostochnoye Priazovye v sisteme evraziyskikh drevnostey (eneolit-bronzovyy vek). Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Donetsk. II, s. 102-109.

Ivanchik, I. I. 2001. *Kimmeri y tsyiskify*. Moskva: Paleograf.

Iessen, A. A. 1953. K voprosu o pamyatnikakh VIII—VII vv. do n. e. na yuge Evropeyskoy chasti SSSR. *Sovetskaya arkheologiya*. XVIII, s. 49-110.

Iessen, A. A. 1954. Nekotoryye pamyatniki VIII—VII vv. do n. e. na Severnom Kavkaze. In: Shelov, D, B, (ed.). *Voprosy skifo-sarmatskoy arkheologii*. Moskva: AN SSSR, s. 112-131.

Leskov, A. M., Erlikh, V. R. 1999. *Mogilnik Fars/Klady. Pamyatnik perekhoda ot epokhi pozdney bronzy k rannemu zheleznomu vekuna Severo-Zapadnom Kavkaze*. Moskva: Gosudarstvennyj muzej Vostoka.

Kozenkova, V. I. 1982. *Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kultury. Vostochnyy variant*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, V 2—5.

Kozenkova, V. I. 1990. Khronologiya kobanskoy kultury: dostizheniya, opytutochneniya, nereshennyye problemy. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 64-92.

Kozenkova, V. I. 1998. *Materialnaya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant*. Moskva: IA RAN. Svod arkheologicheskikh istochnikov, V 2—5.

Kozenkova, V. I. 2004a. Drevnosti novocherkasskogo tipa: fazy mezhkulturnykh kontaktov kobanskoy kultury. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii*, 6: Arkheologicheskiye pamyatniki rannego zheleznogo veka yuga Rossii, s. 66-92.

Kozenkova, V. I. 2004a. *Biritualizm v pogrebalnom obryade drevnikh «kobantsev». Mogilnik Tereze kontsa XII—VIII v. do n. e.* Moskva: Pamyatniki istoricheskoj mysli.

Markovin, V. I. 1978. *Dolmeny Zapadnogo Kavkaza*. Moskva: Nauka.

Mamontov, V. I. 1986. Pogrebeniye VIII v. do n. e. iz Ilyevskogo kurgannogo mogilnika. *Kratkiye soobshcheniya IA AN SSSR*, 186, s. 61-63.

Potapov, V. V. 1999. Chernogorovskiye pogrebeniya v nizoviakh levogo berega Dona. *Donskaya arkheologiya*, 1, s. 62-68.

Piankov, A. V., Khachaturova, E. A. 1998. Kompleks detaley konskoy uzdy predskifskogo vremeni iz fondov Krasnodarskogo muzeya-zapovednika. *Istoriko-arkheologicheskiy almanakh*, 4, s. 4-11.

Sazonov, A. A. 1995. Rannyaya gruppa konskikh zakhoroneniy protomeotskogo mogilnika Pshish I. In: Ditler, P. A. (ed.). *Arkheologiya Adygei*. Maykop: Meoty, s. 84-107.

Flerov, V. S., Dubovskaya, O. R. 1993. Muzhskiye pogrebeniya kobanskogo mogilnika Klin-Yar III v g. Kislovodske. In: Kamenneckij, I. S., Uzyanov, S. A. (ed.). *Vestnik Shelkovogo puti. Arkheologicheskiye istochniki*. Moskva: Shelkovyj put', I, s. 262-303.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriytsy*. Kiev: Naukova dumka.

Terekhova, N. N., Erlikh, V. R. 2002. K probleme perekhoda k rannemu zheleznomu veku na Severnom Kavkaze. Dve kulturno-istoricheskiye traditsii. *Materialnaya kultura Vostoka*, 3. Moskva, s. 134-152.

Tekhov, B. V. 1977. *Tsentralnyy Kavkaz v XVI—X vv. do n. e.* Moskva: Nauka.

Khalikov, A. Kh. 1969. Zheleznyye kinzhaly s bronzovymi rukoyatyami. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 169: Drevnosti Vostochnoy Evropy. K semidesyatiletiyu A. P. Smirnova., s. 276-280.

Erlikh, V. R. 1991. Bronzovyye uzdechnyye nabory i problema khronologii predskifskogo i ranneskifskogo vremeni Zakubania. In: Abramov, A. P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Kavkazai Prichernomoria.* Moskva: Gosudarstvennyj muzej Vostoka, s. 31-47.

Erlikh, V. R. 1994. *U istokov ranneskifskogo kompleksa*. Moskva: INION RAN.

Erlikh, V. R. 1997. K probleme svyazey Predkavkazia i Sredney Evropy v novocherkasskiy period. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii*, 1: Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy, s. 19-34.

Erlikh, V. R. 2005. K diskussii o meste i vremeni poyavleniya predskifskikh kolesnits. In: Gulyaev, V, I, (ed.). *Drevnosti Evraziiotranney bronzy do rannego srednevekovia.* Moskva: IA RAN, s. 167-182.

Erlikh, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka. Protomeotskaya gruppa pamyatnikov*. Moskva: Nauka.

Erlikh, V. R. 2018. Postdolmennyy gorizont na Severo-Zapadnom Kavkaze. *Kratkiye soobshcheniya IA RAN*, 250, s. 7-24.

Erlikh, V. R., Maslov, V. E.,Valchak, S. B. 2010. Kurgan 2 mogilnika Uashkhitu-I: k probleme stratigrafii. In: Vasilenko, A, I. (ed.). *Problemy okhrany i izucheniya pamyatnikov arkheologii stepnoy zony Vostochnoy Evropy*. Lugansk: Globus, s. 172-189.

Erlikh, V. R., Surkov, A. V. 2019. Protomeotskiye pogrebeniya poseleniya Ulka-I. *Istoriko-arkheologicheskiy almanakh*, 15, in print.

Yarovoy, E. V., Kashuba, M. T., Makhortykh, S. V. 2002. Kimmeriyskiy kurgan u pgt. Slobodzeya. In: Yarovoj, E, V, (ed.). *Severnoye Prichernomorye: ot eneolita k antichnosti*. Tiraspol: Arheologiya, s. 279-343.

Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryska na tereny Europy Srodkowej*. Krakow: Uniwersytet Jagielloński.

Erlikh, V. R. 1998 Relationships of The North Caucasus and Central Europe: Expansion or Exchange? *4th Annual Meeting of European Association of Archaeologist in Göteborg. Abstracts Book*, p. 116.

Ghirshman, R. 1939. *Fouilles de Sialkprès de Kahan 1933, 1934—1937*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner.

Metzner-Nebelsick, C. 1996. Die Urnfelder- und Hallstattzeit in Südostpannonien. In: Jerem, E. (ed.). *Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposium*. Budapest: Archaeolingua, s. 285-314.

Metczner-Nebelsick, C. 2002. *Der «Thrako-Kimmerishe» Formenkreis aus der Sicht der Urnefelder- und Hallstattzeitimsüdöstlichen Pannonien*. Rahden, Westf.: Leidorf.

Podborsky, V. 1970. *Südmähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle zur Eisenzeit*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně.

Shortland, A., Shishlina, N., Egorcov, A. 2007. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the Caspian Sea Region in the Bronze Age. In: Lyonnet, B. (ed.). *Les cultures du Caucase (VI—III millènairesavantnotreère). Leurs relation avec le Proche-Orient*. Paris: CNRS, p. 269-283.

Stegmann-Rajtár, S., 1992. Spätbronze- und früheisenzeitliche Fundgruppen des mettleren Donaugebietes. *Bericht der Römiche-Germanichen Kommission*, 73, S. 29-179.

V. R. Erlikh

THE ELITE GRAVE OF THE WARRIOR OF THE PRE-SCYTHIAN AGE NEAR MAIKOP

The Ulka I cemetery was discovered on the site of the ancient Ulka settlement during rescue excavations conducted by A. V. Surkov in 2017. It is located 5.4 km northeast of Maykop (Adygea, RF). A total of four Proto-Maeotian burials were uncovered in these burial grounds. This article focuses on the wealthiest burial 3, which contained the remains of a warrior flanked by two horse skulls to the south — apparently in imitation of a cart or chariot. The burial inventory consisted of a long bimetallic sword with a length of 108 cm, a spearhead, a quiver with nine bronze arrows, gold and silver pendants of the «Šarengrad» type, gold-plated bronze buttons and various other items. Ananalysis of the funeral inventory shows that the main items belong to the Chernogorovka or Pre-Novocherkassk category of Proto-Maeotian material. However, the burial also contains later chronological indicators, e. g. arrowheads of the «Novocherkassk type» and aclasp of the «Slobodzeya» type. In general, it is possible to suggest a dating within the second half of the 8th century BC for the complex. The burial inventory indicates that the deceased belonged to the highest military elite of Proto-Maeotian society. He probably took part in military campaigns in the Trans-Caucasus, owned multiple herds of horses, and oversawtransactions and exchange with the elite of Central Europe.

Keywords: North-Western Caucasus, pre-scythian time, Proto-Maeotian group of monuments, elite burials, armament, horse harness.

Одержано 16.01.2019

ЕРЛІХ Володимир Роальдовіч, доктор історичних наук, головний науковий співробітник, Державний музей мистецтв народів Сходу, Нікітський бульвар 12а, Москва, 119019, Росія, *verlikh@bk.ru*.

ERLIKH Vladimir R., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, State Museum of Oriental Art, 12a Nikitskiy boulevard, Moscow, 119019, Russia, *verlikh@bk.ru*.

ОБРАЗИ СКІФСЬКОГО МИСТЕЦТВА

УДК: [904.22:7.031.1]”638”

А. Ю. Алексеев

ГРИФОН И ЗМЕЯ В СКИФСКОМ ИСКУССТВЕ

В заметке предлагается трактовка группы бронзовых наверший из Краснокутского и некоторых других курганов как представляющих мотив терзания грифоном небольшой змеи. Сюжет чрезвычайно редкий в эллино-скифском искусстве, близкий ему известен ещё лишь на одном предмете — на золотой накладке на ножны меча из Елизаветовского могильника на Нижнем Дону. Причины появления и суть этой композиции остаются неясными, кроме самого общего предположения о существовании представлений о противостоянии фантастических существ-медиаторов (грифонов и близких им), связанных с несколькими зонами скифского Космоса (преимущественно верхними), с животными (змеями) нижней, хтонической и враждебной человеку зоны.

Ключевые слова: *Краснокутский курган, навершия, грифон, змея.*

Предмет настоящей заметки более чем скромный — трактовка одного скифского изобразительного мотива, присутствующего на бронзовых навершиях из Краснокутского кургана (ДГС II, табл. XXV: 1, 2; Мелюкова 1981, рис. 10), без раскрытия при этом пока его сути и причин появления в Скифии. Как мне представляется, мотив этот связан с образом змеи, который вообще-то, как это ни удивительно, чрезвычайно редок для кочевнического скифского бестиария. Причём, это относится не только к западному, восточноевропейскому, ареалу скифского мира (где к настоящему времени известно лишь два случая изображения змей в искусстве: на золотой пластине начала V в. до н. э. из Ильичевского кургана в Крыму, на которой представлена сцена противостояния змеи и оленя, и на золотой накладке на ножны меча из кургана начала IV в. до н. э. нижнедонского Елизаветовского могильника, где фантастическое существо с чертами грифона сражается со змеей (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, Pl. 70; Артамонов 1966, табл. 325) [1], но и к восточному, азиатскому, где змеи изображались так же нечасто (Bunker 2002, Cat. 172; Руденко 1962, с. 28) [2].

Змея в скифском или, точнее, в эллино-скифском искусстве встречается даже реже, чем в греческом, и это не говоря о несравнимо более заметном присутствии этого образа в кобано-колхидском изобразительном искусстве. Тем не менее, представляется, что существует возможность несколько расширить круг скифских древностей, в которых этот образ присутствует. Речь идет о серии из четырёх бронзовых наверший из Краснокутского кургана (ДГС II, табл. XXV: 1, 2; Мелюкова 1981, рис. 10), на которых представлена фигура грифона, у которого свисает из клюва недлинная, вытянутая фи-

1. Без учёта изображений змей и змеевидных существ на серебряных и золотых конских пластинчатых налобниках из курганов Толстая Могила и Большая Цимбалка с изображениями змееногой богини или змей в волосах головы Медузы-Горгоны (Алексеев 2012, с. 167, 168), где они имеют дополнительный, детализирующий основное изображение характер.
2. Так, на двух предметах конской амуниции V—IV вв. до н. э. из северо-западного Китая представлены вертикально размещённые лань и три змеи, одна из которых касается головой ног лани. Для Сибирской коллекции Петра I речь фактически может идти о трёх поясных пряжках позднее (или пост-) скифского времени, где змея сражается с волком. Ссылка С. И. Руденко на ещё одну поясную пряжку (Руденко 1962, табл. II: 4) представляется ошибочной.

© А. Ю. АЛЕКСЕЕВ, 2019

Рис. 1. Бронзовое навершие из Краснокутского кургана с грифоном и змеей (Государственный Эрмитаж, Дн 1860 1/67)

Рис. 2 Деталь бронзового навершия из Краснокутского кургана

гура, слега изогнутая вперёд в нижней части и имеющая легкое утолщение на нижнем конце.

И. Е. Забелин в своём отчёте о раскопках описал эти навершия весьма лаконично: «четыре прорезные втулки с прорезными на верху изображениями крылатых львов» (ДГС II, с. 46). А. Р. Канторович, выделив и описав тип (краснокутско-александропольский) изображенных фантастических существ, в который включены вещи из одноименных курганов, а также из Гайманової и Толстой Могил, допустил, что «в изображениях краснокутском, гайматовском и из Толстой Могилы к подбородку грифона примыкает опущенная вниз изогнутая борода, опирающаяся на грудь» (Канторович 2015, с. 752).

Рис. 3. Пластина на ножны меча из кургана 1 (1910 г.) Елизаветовского могильника (по: Артамонов 1966, табл. 325; фото В. Формана)

Рис. 4. Пластина из Ильичевского кургана (по: Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 70; фото Ф. Кузюмова)

Но краснокутские навершия этому описанию явственно противоречат (рис. 1, 2). На них с очевидностью видно, что «борода» не свисает с подбородка, а находится в клюве — грифон ее схватил и держит за верхний конец. То же самое, кстати, можно предположить и для грифонов Толстой Могилы, в противоположность навершиям с оленями из того же кургана (Мозолевський 1979, ср. рис. 102 и 103: 1). А вот А. И. Мелюкова в свое время описала эту деталь на краснокутских навершиях иначе — как длинный язык, свешивающийся из мощного раскрытого клюва грифона (Мелюкова 1981, с. 38). Но подобное понимание также является маловероятным, так как в тех экземплярах на-

верший, на которых изображение видно отчётливо (ДГС II, табл. XXV: 1, 2), «язык» свисает не из раскрытой глотки, а только с самого кончика сжатого клюва (рис. 2).

Но, если свисающий из клюва грифона предмет не является «бородой» или «языком», соответственно, возникает вопрос, что же именно схватил и держит краснокутский грифон? И понять это позволяет, как мне представляется, елизаветовское изображение (рис. 3), где фантастическое существо, передняя часть которого близка туловищу грифона, а задняя имеет хвост морского существа, сражается с длинной змеей, обвившей туловище монстра, схватившего ее за голову (Артамонов 1966, табл. 325). Разумеется, предположение, что краснокутский грифон схватил клювом небольшую змею, не имеет очевидных изобразительных подтверждений и выглядит несколько декларативно, но в качестве одной из версий вполне допустимо.

Сам по себе сюжет противостояния фантастического существа и змеи в скифском изобразительном искусстве оказывается очень редким и не вполне понятным так же, впрочем, как и сюжет борьбы оленя со змеей (рис. 4; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, Pl. 70). И мы, практически не имея никаких прямых данных относительно того, отражает ли этот сюжет какие-то скифские мифологические или сказочные представления, не в состоянии убедительно объяснить ни его появления, ни его истинного значения.

Тем не менее, вражда оленя (или другого копытного животного) и змеи имеет отражение в предшествующем и синхронном изобразительном искусстве и в представлениях других народов, о чем свидетельствует глиптика Двуречья (Афанасьева 2007, табл. VIII: 60; IX: 63; XXXIII: 100) и графическое кобано-колхидское искусство на Кавказе, в котором образ змеи является одним из самых распространенных, встречающимся в различных композициях на бронзовых поясах и топорах (Скаков 1997), на пряжках и фибулах, в том числе и в сценах противостояния с оленем (Техов 2001, табл. 42: 2; 43). В античности считалось, что олень враждебен ядовитым змеям. Так, Плиний (*NH*, VIII, 32, *118*) писал, что «*олени враждуют со змеями (et his cum serpente pugna): они разыскивают змеиные норы и вытаскивают сопротивляющихся гадов, вбирая воздух в ноздри*» (пер. И. Ю. Шабаги). Эти представления перешли и в христианскую эпоху Средневековья, где олень, топчущий змею, стал символом борьбы со злом, а олень, съевший змею, возвращает себе молодость, о чём свидетельствуют соответствующие бестиарии (Погребова, Раевский 1997, с. 54, 100).

А мотив «грифон против змеи» на этом фоне является, скорее, уникальным и характерным исключительно для скифского мира. Можно лишь предположить, что грифон или другой аналогичный фантастический зверь, будучи медиатором, вобравшим в себя признаки летающих, бегающих и плавающих животных, противостоит существу, связанному исключительно с нижним, хтоническим и враждебным человеку миром.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Прага; Ленинград: Артия; Советский художник.

Афанасьева, В. К. 2007. *Орёл и змея в изобразительности и литературе Двуречья*. Москва: Водолей.

ДГС II. 1873. Древности Геродотовой Скифии. *Материалы по археологии России*. Санкт-Петербург.

Канторович, А. Р. 2015. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*: Диссекрация д. и. н. Москва.

Мелюкова, А. И. 1981. *Краснокутский курган*. Москва: Наука.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Погребова, М. Н., Раевский, Д. С. 1997. *Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями*. Москва: Восточная литература.

Руденко, С. И. 1962. *Сибирская коллекция Петра I*. Москва; Ленинград: Наука. Свод археологических источников, Д 3—9.

Скаков, А. Ю. 1997. *Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник*: Автореферат диссертации к. и. н. Москва.

Техов, Б. В. 2001. *Кобано-тлийское графическое искусство*. Владикавказ; Цхинвал: Владикавказский научный центр.

Bunker, E. C. 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppe*s. New York.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskih carei v sobranii Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovisha skifskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga; Leningrad: Artiya; Sovetskii hudozhnik.

Afanas'eva, V. K. 2007. *Orel i zmeya v izobrazitel'nosti i literature Dvurech'ya*. Moskva: Vodolei.

DGS II. 1873. Drevnosti Gerodotovoi Skifii. *Materialy po arheologii Rossii*. Sankt-Peterburg.

Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskii zverinyi stil' Vostochnoi Evropy: klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, evolyuciya*: Dissertacija d. i. n. Moskva.

Melyukova, A. I. 1981. *Krasnokutskii kurgan*. Moskva: Nauka.

Mozolevs'kii, B. M. 1979. *Tovsta Mogila*. Kiev: Naukova dumka.

Pogrebova, M. N., Raevskii, D. S. 1997. *Zakavkazskie bronzovye poyasa s gravirovannymi izobrazheniyami*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Rudenko, S. I. 1962. *Sibirskaya kollekciya Petra I*. Moskva; Leningrad: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 3—9.

Skakov, A. Yu. 1997. *Kobano-kolhidskie ornamentirovannye topory kak istoricheskii istochnik*: Avtoreferat dissertacii k. i. n. Moskva.

Tehov, B. V. 2001. *Kobano-tliiskoe graficheskoe iskusstvo*. Vladikavkaz; Chinval: Vladikavkazskii nauchnyi centr.

Bunker, E. C. 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppe*s. New York.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora.

A. Yu. Alekseev

GRIFFIN AND SNAKE IN SCYTHIAN ART

The note suggests the interpretation of a group of bronze pole-tops with a depiction of a griffin originated from Krasnokut Grave and some other burial mounds as representing the gnawing of a snake. The subject is extremely rare in the Hellenistic-Scythian art, close to him is known only one item — a gold plate of the sheath from the Elizavetovsky burial ground on the Lower Don-river. The reasons for the appearance and the essence of this composition remain unclear, except the most general assumption about the existence of ideas about the opposition of fantastic creatures — some kind of mediators associated with several zones of the Scythian Cosmos (mainly the upper ones), from the one side, to the animals (snakes) of the lower, chthonic and hostile to man zones, from the other.

Keywords: Krasnokutsky burial mound, pole-tops, griffin, snake.

Одержано 12.01.2019

АЛЕКСЄЄВ Андрій Юрійович, доктор історичних наук, завідувач Відділом, Державний Ермітаж, Палацова набережна, 34, Санкт-Петербург, 191181, Росія, *al_and_55@mail.ru*.

ALEKSEEV Andrey Yuryevich, Doctor of Historical Sciences (Dr. Habil.), Head of the Department, State Hermitage, Palace Embankment, 34, St. Petersburg, 191181, Russia, *al_and_55@mail.ru*.

УДК: [904.2:7.031.1]”638”

Г. Н. Вольная (Керцева)

АНИМАЛИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СКИФО-СИБИРСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

Статья посвящена взаимовлиянию и взаимопроникновению кобанского анималистического искусства и скифо-сибирского звериного стиля, которые во многом основываются на культуре центрально-европейского искусства предскифского периода, ближневосточного, и урартского искусства.

Ключевые слова: *скифо-сибирский звериный стиль, зооморфное искусство кобанской культуры, механизм взаимодействия и взаимовлияния.*

Скифо-сибирский звериный стиль и кобанское анималистическое искусство развивались на одних и тех же культурных основах: центрально-европейского искусства предскифского периода, передневосточного, урартского искусства (Козенкова 1975, с. 52—73; 1996; Погребова, Раевский 1992; Переводчикова 1994; Канторович 1998, с. 146—167). Кобанское зооморфное искусство Центрального и Северного Кавказа имеет глубокие корни, уходящие в XII в. до н. э., уже в ранний период появились первые изображения животных (привески в виде головок баранов и крылатых баранов, поясные пряжки с фигурками оленей и волкообразных хищников и др.). В погребениях кобанской культуры часто встречаются зооморфные предметы, созданные мастерами других культур. Развиваясь на собственной культурной основе, кобанское анималистическое искусство впитывало в себя элементы центрально-европейского искусства, передневосточного и урартского искусства. Ко времени знакомства со скифо-сибирским звериным стилем кобанское анималистическое искусство уже сформировалось.

На Северный Кавказ скифы пришли в VII в. до н. э. Они выдавили или заменили обитавших там киммерийцев и использовали перевалы Центрального Кавказа для совершения передневосточных походов, и потом тем же путём они возвращались обратно. Скифы принесли на Северный Кавказ наиболее совершенные на тот период сбрую и вооружение. Вместе с ними в кобанскую культуру стали проникать и элементы скифо-сибирского звериного стиля. В раннескифский период на территории Северного и Центрального Кавказа широкое распространение получили элементы сбруи (псалии, привески к сбруе, распределители ремней) и вооружения (акинаки, наконечники ножен), часто оформленные в скифо-сибирском зверином стиле, которые были найдены не только в скифских курганах, но и в памятниках кобанской культуры. Окончание переднеазиатских походов не означало окончательного исчезновения на Северном Кавказе скифов. На территории Северного и Центрального Кавказа известно более 100 скифских памятников. Они распределены неравномерно, их наибольшее число представлено в Центральном Предкавказье, несколько меньше их на Северо-Восточном Кавказе и в Прикубанье (Крупнов 1960, с. 64; Виноградов 1972, с. 17; Махортых 1991, с. 112—113). Скифы достаточно долго с VII по V вв. до н. э. находились на территории горной и предгорной зоны Предкавказья. О таких контактах свидетельствуют предметы скифо-сибирского звериного стиля из кобанских могильников (ст. Казбек, Кобанский, Тлийский, Адайдонский, Ялхой-Мохкский, Луговой, Новогрозненский, Аллероевский могильники, некрополи Фаскау, Верхняя Рутха, Гастон Уота, и др.). О более серьёзном влиянии искусства скифо-сибирского звериного стиля на кобанское анималистическое искусство свидетельствуют предметы, выполненные кобанскими мастерами по кочевническим образцам. Прослеживается и обратное влияние кобанского анималистического искусства на скифское (Виноградов 1976, с. 147—152; Техов 1976, с. 153—162; 1980, с. 219—257; Дударев 1991, с. 50—52, 56, 63,

© Г. Н. ВОЛЬНАЯ (КЕРЦЕВА), 2019

64; 2011, с. 178—184; Мошинский, Переводчикова 2004, с. 5—26; Мошинский 2006, с. 87).

В скифо-сибирском зверином стиле и кобанском анималистическом искусстве есть зооморфные образы, которые используются в обоих художественных направлениях. Это хищник, олень, баран, хищная птица, олень, рыба. Самыми распространёнными образами скифского архаического звериного стиля на Центральном и Северном Кавказе были изображения головы барана и грифо-барана; хищной птицы с большим круглым глазом, крючковидным или кольцевидным клювом; свернувшегося хищника, хищника с поджатыми или опущенными лапами (Вольная 2002, с. 54; Рябкова 2005, с. 46, 50).

Бронзовые конусовидные уплощенные **наконечники ножен кинжалов в виде головы хищной птицы с большим круглым глазом, крючковидным или кольцевидным клювом с языком** получили распространение в кобанских памятниках Центрального Кавказа VII — середины VI вв. до н. э. Всего их известно 10 экземпляров: из могильников — Фаскау (4 экз.), Верхне-Кобанского (2 экз.), Нижне-Чегемского (2 экз.), Дванского (1 экз.) и Кливанского (1 экз.).

Изогнутый язык птиц, изображенный на наконечниках ножен из Центрального Кавказа, не характерен для кобанского искусства и стилистически связан с изображениями орлиноголового грифона раннегреческого типа (VIII—VII вв. до н. э.). Языкатый грифон, будучи детищем урартского, ассиро-вавилонского и греко-ионийского искусств, очень рано усваивается причерноморскими кочевниками и получает свое «скифское» воплощение в шедеврах степного искусства, преимущественно, первой половины VI в. до н. э.

Территориально наиболее близки рассматриваемым наконечникам ножен из Центрального Кавказа навершия штандартов в виде головы птицы с сильно загнутым клювом из кургана 6 Нартановского могильника, а также костяные привеска из погребения 216 и наконечник ножен из погребения 246 Тлийского могильника VII—VI вв. до н. э. Но стилистически эти предметы относятся к раннескифской культуре.

В тоже время известны скифские наконечники бутеролей в виде головы хищной птицы конца VII — первой половины VI вв. до н. э. из Крыма: из урочища Алан-Тепе к югу от г. Старый Крым; из горного массива Агармыш у г. Старый Крым; у с. Александровка Белогорского района; в горном массиве Кубалач между сёлами Сенное и Некрасово Белогорского района (Скорый, Зимовец 2014, с. 39—42, № 31—34); Днепровского Лесостепного Правобережья: Репяховатая Могила конца VII—VI вв. до н. э.; из Западного Закубанья: Владимировский могильник VI в. до н. э.

Идея изображения головы (протомы) хищной птицы на наконечниках ножен кинжалов получила развитие в памятниках кобанской культуры Центрального Кавказа, а в скифском искусстве на наконечниках ножен мечей и кинжалов Западного Закубанья, Крыма, Поднепровья, распространившись затем в Трансильвании и Нижнем Поволжье (Мошинский, Переводчикова 2004, с. 5—7; Канторович 2010, с. 189—224; Вольная 2015, с. 19—31, рис. 1—3).

Образ **свернувшегося хищника** проникает из скифского искусства в кобанский звериный стиль. Для раннескифского искусства характерны изображения кошачьего хищника с сердцевидным ухом, кольцевидными завершениями лап, нос и губы обведены общим контуром. Они встречаются на бутеролях и уздечных бляхах (курган у хут. Степной, Нартановский могильник и др.). Для кобанского звериного стиля характерны некоторые трансформации, которые проявляются в различных предметах во всевозможных деталях: вытянутый нос хищника с утолщением на конце; отсутствие системы в расположении лап и хвоста, сложившейся в скифском искусстве; изображение хищника семейства псовых; использование орнаментальных мотивов (рифления) в оформлении образа. Кобанские вариации свернувшегося хищника встречаются на бронзовом наконечнике ножен и уздечной бляхе из кобанского могильника Фаскау (2 экз.), случайной находке уздечной бляхи из Северной Осетии (Вольная 2002, с. 59, 66, рис. 5; Мошинский, Переводчикова 2004, с. 8—9, рис. 1: 1—2; 2: 7—9).

По мнению А. Р. Канторовича подобные изображения являются древнейшей (временные рамки: вторая четверть VII — первая половина V вв. до н. э.) и наиболее разработанной линией в иконографии свернувшегося в кольцо хищника в ареале скифской археологической культуры. Остальные изображения такого рода в восточноевропейском скифском зверином стиле в большинстве своем продолжают или модифицируют эту тенденцию, иногда сочетающуюся с композиционно-тематическими импульсами из других регионов (Канторович, Шишлов 2014, с. 93). Бутероли со свернувшимся хищником из памятников кобанской культуры А.Р. Канторович относит к келермесско-яблоновскому типу, отмечая, что в них наблюдается упрощение, схематизация по сравнению с классической скифской схемой изображения (Канторович, 2014, с. 71). Изображения свернувшегося хищника на бутеролях из кобанских памятников наиболее близки изображениям из Прикубанья, Ставрополья, Крыма, Поднепровья.

Образ **лежащего хищника с поджатыми лапами,** так называемого **«скребущегося хищника»** был широко распространён как в раннескифском, так и в позднекобанском искусстве. Изображение лежащего хищника, прежде всего льва, формировалось на Кавказе под сильным влиянием древневосточного искусства и, скорее всего, при непосредственном участии ассирийских, иранских (Зивие, Хасанлу, Луристан) и урартских мастеров IX—VII вв. до н. э.

На территории Центрального и Северного Кавказа встречаются оба варианта изображения хищников. В кобанском искусстве достаточ-

но много образов «скребущегося» хищника, имеющего специфическую для кобанского искусства стилистику (ажурность, каплевидная орнаментация на лопатке и бедре), черты хищника семейства псовых, использование орнаментации в оформлении (рифление, сеточка, пуансон), морда направлена вперёд, в ряде случаев стилизованный торчащий нос. Такие изображения встречаются на бронзовых кобанских топориках с прямым корпусом из кобанских памятников Центрального Кавказа VIII—VII вв. до н. э. (могильники Фаскау, Рутха, Тли). Аналогии им известны в памятниках Центрального Закавказья (сс. Переви, Завгли, Рене, коллекция де Бая).

Этот образ встречается и на других предметах из кобанских памятников: бронзовых ажурных привесках VIII—VII вв. до н. э. (ст. Казбек), бронзовых пряжках «типа Исти-Су» VIII—IV вв. до н. э., а в более поздний период — на бронзовом поясном или портупейном крючке (Кобанский могильник VI—V вв. до н. э.), на бронзовых поясных пряжках с изображением кисти руки (Кобанский и Тлийский некрополи VI—V вв. до н. э.). В ряде случаев лежащий хищник уменьшается, до изображения только его протомы, например, на двух булавках и двух навершиях жезлов из Тлийского могильника, на двух фибулах из с. Рук и Южной Осетии (IV вв. до н. э.) (Вольная 2010а, с. 254—283, табл. 1).

В VII—VI вв. до н. э. рассматриваемый образ появляется и в скифских памятниках Северного Кавказа (Малгобек, Хабаз, Сунжа, Хасавьюрт). «Скребущийся» хищник в раннескифском искусстве представлен кошачьим. Этот образ в эпоху скифской архаики встречается реже, чем другие сюжеты. В степной Скифии он составляет 15 %. Для него характерно сердцевидное или круглое ухо, кольцевидное завершение лап, морда, опущенная вниз (Мошинский, Переводчикова 2004, с. 8—9, рис. 3: 1; 4: 4; Вольная 2013, с. 47—59, табл. 1).

Скифо-сибирский звериный стиль, появившийся в раннескифский период на территории Центрального и Северного Кавказа, продолжал развивать свои традиции и в более поздний период, переплетаясь с кобанским анималистическим искусством.

Изображения **хищной птицы** (орла) с **распростёртыми крыльями** — ещё один сюжет, характерный для кобанской культуры раннего железного века и скифо-сибирского звериного стиля, который получил распространение на Центральном и Северном Кавказе в двух вариантах: 1) с поднятыми крыльями, расположенными перпендикулярно туловищу 2) с опущенными крыльями. Первый вариант изображения хищной птицы встречается в искусстве кобанской культуры на двух бронзовых трапецевидных пряжках из Тлийского могильника VIII—VI вв. до н. э. и на конском налобнике из Ялхой-Мохкского могильника VI—V вв. до н. э. Этот вариант находит аналогии в Древнем Египте с XIII в. до н. э., в Передней и Малой Азии в хеттском искусстве второй половины II тыс. до н. э. и в новохеттском 2 половины VIII в. до н. э., в персидском искусстве ахеменидского периода 558—330 гг. до н. э. (крылатые солнечные диски, изображения Ахурамазды), в колхидской культуре Западного Закавказья (Абгархук, Верхние Эшеры, Дарнапи, Сухумская гора, Вани) с X по V вв. до н. э. В скифском Келермесском кургане 1/III (конец VII — начало VI вв. до н. э.) такая птица встречается на золотой диадеме. Вариант изображения птицы с опущенными крыльями на Северном и Центральном Кавказе появляется несколько позже, начиная с VII в. до н. э., и связан с проникновением сюда скифов. Такая иконография хищной птицы характерна и для греческого прикладного искусства.

Изображение летящей птицы со сложенными крыльями известно на серебряном зеркале малозийского производства из Келермесского кургана 4/III (раскопки Д. Г. Шульца) (Кисель 2003, с. 98). Аналогии ей встречены в скифских памятниках: Мельгуновском кургане, Золотом кургане, Журовке, кургане Карагодеуашх. Такие изображения известны на античных памятниках: Дорт-Оба, Топрак-Кале, Самос. В Западном Закавказье этот вариант летящей птицы встречен в могильниках Вани, Саирхе, Красный Маяк. В Келермесских курганах (конец VII — начало VI вв. до н. э.) и могильнике Вани (V в. до н. э.) встречены оба варианта изображений летящей птицы (Вольная 2010б, с. 93—96, табл. 1).

В конце VI — начале V вв. до н. э. в скифо-сибирском зверином стиле на **территории Центрального и Северного Кавказа** отмечается появление новых композиций и новых трактовок зооморфных образов. Это, по-видимому, было связано с трансформацией скифского искусства и появлением здесь новой волны кочевников — савроматов.

В среднескифский период в скифо-сибирском зверином стиле на территории Северного Кавказа получают развитие: образы хищника семейства псовых, лося, кабана; симметричные композиции; изображения животных с вывернутым крупом; иконография головы хищной птицы с большим круглым глазом из нескольких концентрических окружностей, клюв закручен в волюту, изображена восковица; иконография головы хищной птицы со слабо дуговидным, почти прямым клювом, с выделением восковицы, небольшими круглыми или каплевидными глазами; иконография головы хищной птицы с маленькой головой на тонкой длинной шее с небольшим круглым или каплевидныым глазом, широким загнутым клювом; изображение склонённого «пьющего хищника»; изображения копытных и хищников на пуантах; образ хищника семейства псовых с большим круглым глазом из концентрических окружностей или каплевидным, с оскаленной пастью с зубами и клыками и валиком, переходящим в волюту, образующую нос; изменяется иконография головы хищника; подчёркивание отдельных частей

тела животного — оленьих рогов, окончаний лап, хвоста -дополнительными звериными мотивами (птичья голова, голова хищника); редуцированные изображения частей тела животных (бляхи в виде головы лося, кабана, а также в виде ноги или пары задних ног копытного животного или хищника, когтей, лап, уха) (Вольная 2002, с. 85, рис. 29: III; 30: III; 31: IV—VI; 32: II—III; 33: IV).

Проникновение скифо-сибирского звериного стиля в кобанское искусство наблюдается, в частности, в **оформлении бронзовых трапециевидных поясных пряжек** V—IV вв. до н. э. из кобанских могильников Гастон Уота, Хор Гон (2 экз.), Фаскау. На них появляются образы и художественные трактовки, характерные для савроматского звериного стиля: изображение козлов с подогнутыми ногами; «скребущегося» хищника с сердцевидным ухом, когтистыми лапами и оскаленной пастью; оленя «на пуантах».

Обратный процесс проникновения кобанских элементов в скифо-сибирский звериный стиль наблюдается на некоторых предметах с изображением **«скребущегося хищника»** V—IV вв. до н. э. из памятников кочевников Центрального и Северного Кавказа. На бронзовом наконечнике ножен акинака из кургана у с. Сунжа, бронзовой обкладке рукояти железного кинжала из могильника Гастон Уота, случайной находке из Тагаурии, золотой гривне из с. Кулары, выполненных в традиционной для скифо-сибирского звериного стиля манере (морда направлена вниз, V-образная пасть, в некоторых случаях переходящая в волютообразный нос), сочетающейся с элементами кобанского искусства (орнаментация рифлением, «елочкой»). Трактовку туловища хищника на кавказских изображениях можно условно разделить на два типа: 1 тип — волнообразное из двух дуг, характерно для скифских и кобанских изображений: 2 тип — в виде вытянутого прямоугольника (проекция цилиндра), характерно для савроматских ихображений; 3 тип — в форме «песочных часов» с выделением выступом лопатки и бедра, характерно для кобанских изображений (Вольная 2013, с. 47—59, рис. 1).

Для скифской стилизации «скребущегося хищника» характерно выделение выпуклостью выступающего бедра и лопатки.

Фигурки оленей с повёрнутой назад головой и подогнутыми ногами широко распространены в скифском искусстве. Впервые такие изображения оленей появились в Митанни и Луристане. В памятниках кобанской культуры также известна серия таких фигурок из Кобанского могильника (3 экз.), с. Верхняя Рутха, недокументированная находка из Центрального Кавказа. Одна из бронзовых блях в виде фигурки оленя из Кобанского могильника имеет смешанные кобано-скифские черты (Вольная 2009a, с. 38—39). Особенности кобанского искусства проявляются в плоской моделировке, изображении рогов анфас, рифлении, геометрической S-образной стилизации туловища (встречается и в изображении оленей на кобанских пряжках, начиная с рубежа XI—X — начала X вв. до н. э.).

В то же время, влияние скифского искусства проявляется в виде оформления ноги козла птичьей головкой.

В кобанской и савроматской культурах в качестве привесок использовались **кабаньи клыки и их бронзовые имитации**. В раннем железном веке в кобанской культуре они использовались в качестве псалиев, а также привесок к сбруе и поясу. Клыки-подвески к сбруе появляются на Северном Кавказе в середине IV в. до н. э. в памятниках савроматов. Кочевники чаще всего использовали их как псалии и привески к конской сбруе.

Бронзовые имитации клыков Северного и Центрального Кавказа декорировались зооморфными образами. На клыках и их бронзовых имитациях, связанных с кобанской анималистической традицией из Казбекского клада, с. Фаскау, погребения у с. Барсуки стилизованно изображена ползущая змея. На клыках и их имитациях, характерных для кочевнического искусства из святилища Реком, кобанских могильников Ялхой-Мохкского, Новогрозненского изображена голова хищника с широкой стороны и голова птицы с узкого конца. Клык из святилища Реком в Северной Осетии является северокавказским подражанием кочевническим образцам, поскольку это изображение выполнено с использованием жгутовой техники для восковой модели. Наблюдается инфильтрация элементов скифо-сибирского звериного стиля в кобанское искусство (Вольная 2009b, с. 118—123).

В кобанском и в скифском искусстве встречается **образ крылатого хищника.** Крылатые львы с открытой пастью встречаются в искусстве Передней Азии под влиянием изобразительного искусства хеттов и других индоевропейских народов Малой Азии. Под влиянием Ассирии эти образы проникают на восток и на Южный и Восточный Кавказ. Отсюда они начинают проникать в памятники кобанской культуры Северного Кавказа. На территорию Северного и Центрального Кавказа в искусство кобанской культуры крылатый хищник попадает благодаря моде на бронзовые пояса, которая распространяется в раннем железном веке по Передней Азии и всему Кавказу, начиная от Урарту на юге и заканчивая бронзовыми тлийскими поясами VII в. до н. э. из погребений 419 и 425. Две фигурки крылатого хищника известны из Прикубанья (собрание Краснодарского историко-археологического музея). Они выполнены в соответствии с канонами скифо-сибирского звериного стиля, но оформлены в стиле, характерном для искусства кобанской культуры с использованием двойной линии и рифления, рядов таких линий. Изображения хищников с крыльями широко известны в скифо-сибирском зверином стиле восточных регионов на золотой бляхе из Сибирской коллекции Петра I, аппликации на ковре, татуировке и медной

гривне из Пазырыкских курганов (Ноин-Ула), золотой пластине из кургана Иссык, на Семиреченском алтаре, бронзовом светильнике из Алма-Аты из Казахстана, золотой эгретке и золотой круглой бляхе из Амударьинского клада, золотой фигурной пластине из Алагоуского могильника из Восточного Туркестана, на кожаной аппликации из могильника Ташанта II, курган 2, на наконечнике деревянной гривны из могильника Уландрык II, курган 7 на Алтае, на золотых бляхах из кургана Иссык 16, на деревянном сбруйном украшении из 1 Туэктинского кургана с Алтая и др. (Вольная, Сокаева 2006, с. 129—134, рис. 1).

Вихревидные или свастиковидные композиции встречаются в обоих зооморфных направлениях. В кобанском искусстве используются вихревидные композиции из трёх голов хищников на навершии культового жезла из погребения 264 Тлийского могильника, из фигур лошадей и хищников расположенных по кругу на навершии бронзовой булавы из погребения 227 и рыб из погребения 57 того же могильника (Техов 1977, рис. 90: *2—3*), из голов коней на двух бронзовых топорах с прямым корпусом из погребения 262 Тлийского некрополя (Техов 2006, рис. 17: 1—2). Однако, помимо Тлийского могильника на Северном Кавказе свастикообразные композиции, состоящие из 4 голов птиц, известны в Адыгее в кургане Хаджох 1/1 (VII в. до н. э.), из голов хищного животного, в Чечне в могильнике местных племен Галайты (VI—V вв. до н. э.), состоящие из 4 птичьих голов вместе с керамикой каякентско-харачоевского типа. Вихревидная композиция может приобретать форму геометрического орнамента. Во всех разновидностях свастикообразных знаков явственно доминирует вращательное движение. Такая вихревидная вращательная композиция известна на лопастях бронзовых топоров с дважды изогнутым корпусом: из трёх голов волкообразных хищников представлена из погребения 263 Тлийского могильника (Техов 1977, рис. 69), из шести голов волкообразных хищников из Кобанского могильника (Музей Естественной истории в Вене № 42.171) (Hančar 1935, taf. V: 1), а также на лопасти топора с прямым корпусом из погребения 263 Тлийского могильника (Техов 1977, рис. 69).

Вариант вихревидной композиции представляют изображения элементов, расположенных по дуге. Головки хищников образуют вихревую композицию на навершии бронзовых булавок с имитацией секиры (первая половина I тыс. до н. э.) из Кобанского могильника (Доманский 1984, фото 69; Уварова 1900, рис. 51), по краям бронзового пояса из погребения 363 Тлийского могильника, на бронзовой поясной пряжке, из Тлийского могильника (Техов 2002, табл. 35). В зооморфных композициях из памятников кобанской культуры количество голов, протом, фигур животных встречается от трёх до шести. Они могут быть направлены как к центру композиции, так и в противоположном направлении. Известны также находки свастикообразных блях, происходящих из скифских памятников IV в. до н. э. — из кургана 8 у с. Волковцы, кургана Козел, Краснокутского кургана и др. (Вольная 2013, с. 47—59, рис. 3).

В кобанском анималистическом искусстве и в скифо-сибирском зверином стиле много схожих композиций, сюжетов и образов, связанных, во-первых, с общими закономерностями развития искусства, во-вторых, общими культурными основами и в третьих, с их взаимовлиянием.

Были ли это проникновение культур на уровне идеологии или только внешнее заимствование композиций, образов, форм и декоративного оформления? По мнению исследователей кобанской культуры А. П. Мошинского и С. Л. Дударева, степные влияния не проникли вглубь культуры и практически не затронули культовую сторону жизни. Правомерно лишь утверждение о проникновении некоторых культурных элементов. Глубоко в кобанскую культуру инновации не проникли. Только начиная с сарматской эпохи сарматские элементы внедряются в культуру горных племён. (Мошинский 2006, с. 87; Дударев 2011а, с. 31). Зооморфные материалы, проанализированные мной, также свидетельствуют о том, что взаимовлияние этих культур осуществлялось на уровне художественных заимствований, с проникновением прежде всего оружия и сбруи. Анималистическое искусство кобанцев и скифо-сибирский звериный стиль развивались в общем культурном пространстве, именно поэтому в них встречается достаточно много художественных пересечений.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов, В. Б. 1972. *Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV века до нашей эры)*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство.

Виноградов, В. Б. 1976. К характеристике «кобанского варианта» скифо-сибирского звериного стиля. *Скифо-сибирский стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 147-152.

Вольная, Г. Н., 2002. *Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н. э.* Владикавказ: Иристон.

Вольная, Г. Н., Сокаева Д. В. 2006. Об истоках образа крылатого хищника в археологических и фольклорных источниках Кавказа. В: *Первая абхазская археологическая конференция: Материалы*. Сухум: Алашарбага, с. 129-134.

Вольная, Г. Н. 2009а. К вопросу о происхождении бронзовых фигурок оленя из памятников раннего железного века на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В: *Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского*. Москва: ИВ РАН, IV, с. 38-39.

Вольная, Г. Н. 2009b. К вопросу о связях населения Притеречья и Поволжья в скифское время (на зооморфном материале). *Международная научно-практическая конференция «Этнос, общество, цивилизация: II Кузеевские чтения*, 2009, с. 118-123.

Вольная, Г. Н. 2010a. О происхождении образа лежащего хищника из памятников Центрального и Северо-Восточного Кавказа в раннем железном веке. В: Бзаров, Р. С. (ред.). *Вопросы истории и культуры народов России*. Владикавказ: ИПП им. Гассиева, с. 254-283.

Вольная, Г. Н. 2010b. К вопросу об истоках и этапах развития изображения фигуры летящей хищной птицы из памятников раннего железного века Центрального и Северо-Восточного Кавказа. *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной научной конференции*, с. 93-96.

Вольная, Г. Н. 2014a. Зооморфные находки о контактах кавказского и фракийского населения в раннем железном веке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Всеобщая история*, 4, с. 47-59.

Вольная, Г. Н. 2014b. Находки скифо-сибирского звериного стиля из курганов Предкавказья: о контактах с Сибирским регионом. В: *Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции (г. Новосибирск, 12—14 ноября 2014 г.)*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, с. 15-19.

Вольная, Г. Н. 2015. Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле. *Российская археология*, 1, с. 19-31.

Дударев, С. Л. 1991. *Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром*. Грозный: ЧИГУ.

Дударев, С. Л. 2011a. Ещё раз о принадлежности кобанской культуры. В: *Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: Статьи, материалы, рецензии*. Москва: Илекса, с. 29-30.

Дударев, С. Л. 2011b. О характере скифо-кавказского культурного взаимодействия в VII—VI вв. до н. э. В: *Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: Статьи, материалы, рецензии*. Москва: Илекса, с. 178-184.

Канторович, А. Р. 1998. К вопросу о переднеазиатском влиянии на звериный стиль степной Скифии. *Вестник древней истории*, 3, с. 146-167.

Канторович, А. Р. 2010. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. *Археологический альманах*, 21: Изобразительное искусство в археологическом наследии, с. 189-224.

Канторович, А. Р. 2014. Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, с. 66-99.

Канторович, А. Р., Шишлов, А. В. 2014. Зооморфная бутероль из курганной группы «Семигорье» и базовая тенденция в реализации сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле. *Вестник Южного научного центра*, 10, 4, с. 85-95.

Кисель, В. А. 2003. *Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Козенкова, В. И. 1975. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 52-73.

Козенкова, В. И. 1996. *Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры)*. Москва: Пущинский научный центр РАН.

Крупнов, Е. И. 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва: АН СССР.

Махортых, С. В. 1991. *Скифы на Северном Кавказе*. Киев: Наукова думка.

Мошинский, А. П., Переводчикова Е. В. 2004. Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории. *Боспорские исследования*, 7, с. 5-26.

Мошинский, А. П. 2006. *Древности горной Дигории VII—IV вв. до н. э.* Москва.

Переводчикова, Е. В. 1994. *Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи*. Москва: Восточная литература.

Погребова, М. Н., Раевский, Д. С. 1992. *Ранние скифы и древний Восток*. Москва: Наука.

Рябкова, Т. В. 2005. Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 37, с. 42-65.

Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: Олег Філюк.

Техов, Б. В. 1976. О некоторых предметах скифского звериного стиля из памятников южного склона главного Кавказского хребта. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 153-163.

Техов, Б. В. 1980. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 219-257.

Техов, Б. В. 2002. *Тайны древних погребений*. Владикавказ: Проект-Прес.

Техов, Б. В. 2006. *Археологические памятники Южной Осетии*. Цхинвал; Владикавказ: Ир.

Hančar, F. 1935. Probleme kaukasischen Tierstils. *Mitteilungen der Antropologischen Gesellschaft in Wien*, LXV, Sonderdruck.

REFERENCES

Vinogradov, V. B. 1972. *Czentralnyj i Severo-Vostochnyj Kavkaz v skifskoe vremya (VII—IV veka do nashej ery)*. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo.

Vinogradov, V. B. 1976. K xarakteristike «kobanskogo varianta» skifo-sibirskogo zverinogo stilya. *Skifo-sibirskij stil' v iskusstve narodov Evrazii*. Moskva: Nauka, s. 147-152.

Vol'naya, G. N., 2002. *Prikladnoe iskusstvo naseleniya Priterechya serediny I tys. do n. e.* Vladikavkaz: Iriston.

Vol'naya, G. N., Sokaeva, D. V. 2006. Ob istokah obraza krylatogo hishchnika v arheologicheskih i fol'klornyh istochnikah Kavkaza. *Pervaya abhazskaya arheologicheskaya konferenczіya: Materialy*. Suhum: Alasharbaga, s. 129-134.

Vol'naya, G. N. 2009a. K voprosu o proishozhdenii bronzovyh figurok olenya iz pamyatnikov rannego zheleznogo veka na territorii Czentral'nogo i Severo-Vostochnogo Kavkaza. In: *Drevnost': istoricheskoe znanie i speczifika istochnika. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferenczii, posvyashhennoj pamyati E. A. Grantovskogo i D. S. Raevskogo*. Moskva: IV RAN, IV, s. 38-39.

Vol'naya, G. N. 2009b. K voprosu o svyazyax naseleniya Priterechya i Povolzhya v skifskoe vremya (na zoomorfnom

materiale). *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenczіya «Etnos, obshhestvo, czivilizacziya: II Kuzeevskie chteniya.* Ufa: Poligrafdizajn, s. 118-123.

Vol'naya, G. N. 2010a. O proiskhozhdenii obraza lezhashhego khishhnika iz pamyatnikov Czentral'nogo i Severo-Vostochnogo Kavkaza v rannem zheleznom veke. In: Bzarov, R. S. (ed.). *Voprosy istorii i kul'tury narodov Rossii*. Vladikavkaz: IPP im. Gassieva, s. 254-283.

Vol'naya, G. N. 2010b. K voprosu ob istokax i etapax razvitiya izobrazheniya figury letyashhej hishhnoj pticzy iz pamyatnikov rannego zheleznogo veka Czentralnogo i Severo-Vostochnogo Kavkaza. *Problemy khronologii i periodizaczii arheologicheskih pamyatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskie chteniya» po arheologii Severnogo Kavkaza. Magas. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferenczii*, s. 93-96.

Vol'naya, G. N. 2014a. Zoomorfnye naxodki o kontaktax kavkazskogo i frakijskogo naseleniya v rannem zheleznom veke. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Vseobshhaya istoriya*, 4, s. 47-59.

Vol'naya, G. N. 2014b. Nakhodki skifo-sibirskogo zverinogo stilya iz kurganov Predkavkaz'ya: o kontaktax s Sibirskim regionom. *Arkhaicheskoe i tradiczionnoe iskusstvo: problemy nauchnoj i khudozhestvennoj interpretaczii. Arkhaicheskoe i tradiczionnoe iskusstvo: problemy nauchnoj i xudozhestvennoj interpretaczii. Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferenczii (g. Novosibirsk, 12—14 noyabrya 2014 g.).* Novosibirsk: IAEt SO RAN, s. 15-19.

Vol'naya, G. N. 2015. Nakonechniki nozhen s izobrazheniem golovy pticzy iz pamyatnikov rannego zheleznogo veka Czentral'nogo Kavkaza i ikh analogii v skifo-sibirskom zverinom stile. *Rossijskaya arheologiya*, 1, s. 19-31.

Dudarev, S. L. 1991. *Iz istorii svyazej naseleniya Kavkaza s kimmerijsko-skifskim mirom*. Groznyj: ChIGU.

Dudarev, S. L. 2011a. Eshhyo raz o prinadlezhnosti kobanskoj kul'tury. In: *Sbornik nauchnyx rabot Sergeya Leonidovicha Dudareva: Statji, materialy, reczenzii.* Moskva: Ileksa, s. 29-30.

Dudarev, S. L. 2011b. O xaraktere skifo-kavkazskogo kul'turnogo vzaimodejstviya v VII—VI vv. do n. e. In: *Sbornik nauchnyx rabot Sergeya Leonidovicha Dudareva: Statji, materialy, reczenzii*. Moskva: Ileksa, s. 178-184.

Kantorovich, A. R. 1998. K voprosu o peredneaziatskom vliyanii na zverinyj stil' stepnoj Skifii. *Vestnik drevnej istorii*, 3, s. 146-167.

Kantorovich, A. R. 2010. Istoki i variaczii obrazov grifona i grifonopodobnyx sushhestv v ranneskifskom zverinom stile VII—VI vv. do n. e. *Arheologicheskij al'manah*, 21: Izobrazitel'noe iskusstvo v arheologicheskom nasledii, s. 189-224.

Kantorovich, A. R. 2014. Evolyutsiya i khronologiya syuzheta svernuvshegosya v koltso khishchnika v vostochnoyevropeyskom skifskom zverinom stile. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 4, s. 66-99.

Kantorovich, A. R., Shishlov, A. V. 2014. Zoomorfnaya buterol iz kurgannoy gruppy «Semigorye» i bazovaya tendentsiya v realizatsii syuzheta svernuvshegosya v koltso khishchnika v vostochnoyevropeyskom skifskom zverinom stile. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra*, 10, 4, s. 85-95.

Kisel', V. A. 2003. *Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Kozenkova, V. I. 1975. Svyazi Severnogo Kavkaza s Karpato-Dunajskim mirom. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskij mir*. Kiev: Naukova dumka, s. 52-73.

Kozenkova, V. I. 1996. *Kulturno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdney bronzy i v rannem zheleznov veke (uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoy kultury).* Moskva: Pushinskiy nauchniy tsentr RAN.

Krupnov, E. I. 1960. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza*. Moskva: AN SSSR.

Makhortykh, S. V. 1991. *Skify na Severnom Kavkaze*. Kiev: Naukova dumka.

Moshinskij, A. P., Perevodchikova, E. V. 2004. Skifskij zverinyj stil' v kobanskix mogil'nikakh Digorii. *Bosporskie issledovaniya*, 7, s. 5-26.

Moshinskij, A. P. 2006. *Drevnosti gornoj Digorii VII—IV vv. do n. e.* Moskva.

Perevodchikova, E. V. 1994. *Yazyk zverinykh obrazov: Ocherki iskusstva evrazijskix stepej skifskoj epokhi*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Pogrebova, M. N., Raevskij, D. S. 1992. *Rannie skify i drevnij Vostok*. Moskva: Nauka.

Ryabkova, T. V. 2005. Obrazy zverinogo stilya v epokhu skifskoj arkhaiki. *Arkheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 37, s. 42-65.

Skoryj, S. A., Zimovecz, R. V. 2014. *Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekczii*. Kiev: Oleg Filyuk.

Tekhov, B. V. 1976. O nekotoryx predmetakh skifskogo zverinogo stilya iz pamyatnikov yuzhnogo sklona glavnogo Kavkazskogo khrebta. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (ed.). *Skifo-sibirskij stil' v iskusstve narodov Evrazii*. Moskva: Nauka, s. 153-163.

Tekhov, B. V. 1980. Skify i material'naya kul'tura Czentral'nogo Kavkaza v VII—VI vv. do n. e. (po materialam Tlijskogo mogil'nika. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 219-257.

Tekhov, B. V. 2002. *Tajny drevnix pogrebenij*. Vladikavkaz: Proekt-Pres.

Tekhov, B. V. 2006. *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnoj Osetii*. Czkhinval; Vladikavkaz: Ir.

Hančar, F. 1935. Probleme kaukasischen Tierstils. *Mitteilungen der Antropologischen Gesellschaft in Wien*, LXV, Sonderdruck.

G. N. Vol'naya (Kerczeva)

ANIMALISTIC ART OF KOBAN CULTURE AND SCYTHIAN-SIBERIAN ANIMAL STYLE

The Koban animalistic art and the Scythian-Siberian animal style in many respects are based on culture of the Central European art of the pre-Scythian period, Middle East and Urartu art. In some cases, both directions use similar compositions (whirlwind forms and symmetric), the same animal images («the scraped predator», a winged predator, a deer, a ram, a goat, the head and a figure of the flying bird of prey, fish), and parts of animals (a boar canine teeth) who receive various art interpretation. In the Koban animal style there was an infiltration of images of the Scythian-Siberian animal style (figures of deer with the head turned back and the turned-in legs; animals with the turned-out back part of a trunk at an angle 180°; the predator which was curtailed in a ball), occurs registration of the Koban bronze trapezoid zone buckles Scythian motives). Also the return process of penetration of the Koban images into Scythian art is known (objects in the form of a bust of a bird of prey, «the scraped predator»). All this demonstrates difficult centuries-old interaction of two directions of animal art.

Keywords: Scythian-Siberian animal style, zoomorphic art of Koban culture, mechanism of interaction and mutual influence.

Одержано 16.02.2019

ВОЛЬНАЯ (КЕРЦЕВА) Галина Миколаївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут історії і археології Республіки Північна Осетія-Аланія, вул. Ватутіна, 46, Владикавказ, 365012, Росія, *gal.volnaya@yandex.ru*.

VOL'NAYA (KERCZEVA) Galina N., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vatutina St., 46, Vladikavkaz, 365012, Russia, *gal.volnaya@yandex.ru*.

УДК: [904.2:7.031.1](477.7)”638”

Р. В. Зимовец

ОБРАЗ КАБАНА В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ВНУТРЕННЯЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ВНЕШНИЕ ВЛИЯНИЯ

Статья посвящена рассмотрению относительно редкого, но важного для репертуара скифского звериного стиля образа кабана. Анализируются источники формирования иконографии и стилистики образа, его внутренняя эволюция, а также роль ближневосточных и греческих влияний. Полнофигурные изображения кабана в Северном Причерноморье редки, и выполнены, в большинстве своем, из золота. Как правило, они украшают предметы вооружения (колчаны, ножны мечей) и ритуально-культовые изделия (чаши, калафы). Большее распространение получил мотив обособленной головы вепря, появляющийся на рубеже VI—V вв. до н. э. и представленный, в основном, на бронзовых бляхах и кабаньих клыках. Можно проследить два стилистических направления развития этого мотива: «лаконичное», связанное с савроматским влиянием и реалистично-декоративное, ставшее результатом дальнейшей разработки мотива боспорскими мастерами. В научный оборот вводятся два новых изделия с изображением кабана, происходящие с территории Крыма.

Ключевые слова: *скифский звериный стиль, образ кабана, савроматы, Боспор.*

Образ кабана, в сравнении со многими другими персонажами репертуара скифского звериного стиля Северного Причерноморья характеризуется рядом особенностей. Во-первых, он относительно редкий. Единичны изображения эпохи скифской архаики. В классическое время их количество увеличивается, но все же, полнофигурные образцы встречаются нечасто. Более-менее массово получает распространение мотив обособленной головы вепря на бронзовых бляшках-деталях конской узды, в отличие от выполненных, в основном, в золоте полнофигурных изображений. Во-вторых, этот образ хронологически и типологически дискретен, характеризуясь существенной вариативностью. Несмотря на наличие сходных изображений, все они, хотя бы в деталях, разнятся между собой. Четко прослеживается отличие изображений архаической и классической эпох, а в рамках последней — различия внутри групп полнофигурных и редуцированных изображений. Так что эволюция образа не выглядит последовательной, и типологические сходства удается проследить, в первую очередь, в рамках определенных серий.

© Р. В. ЗИМОВЕЦ, 2019

Такая дискретность образа, на наш взгляд, является результатом взаимодействия различных традиций, участвовавших в его формировании, а также разносторонних культурных влияний, которым он был подвержен на территории Скифии. В свою очередь, следы этих взаимодействий и влияний позволяют проследить линии связей скифского населения Северного Причерноморья как с культурами скифского круга иных регионов Евразии, так и с окружавшими его соседями, что и является основной темой данной статьи.

Архаический период. Изображения кабана в Северном Причерноморье в VII—VI вв. до н. э. буквально единичны. И в этом — одно из существенных отличий искусства Скифии по сравнению с центральноазиатским регионом, где в VIII—VI вв. до н. э. фигуры кабанов в позе «внезапной остановки» (с вытянутыми наискось вперед ногами) или «стоящих на кончиках копыт» (со свисающими ногами) получили очень широкое распространение. Единственным подобным экземпляром, происходящим из Днепровской Лесостепи является фигурка кабана на бронзовой бляхе из кургана 38 у с. Гуляй-город, относящегося к середине VI в. до н. э. (Ильинская 1975, с. 58, табл. II:

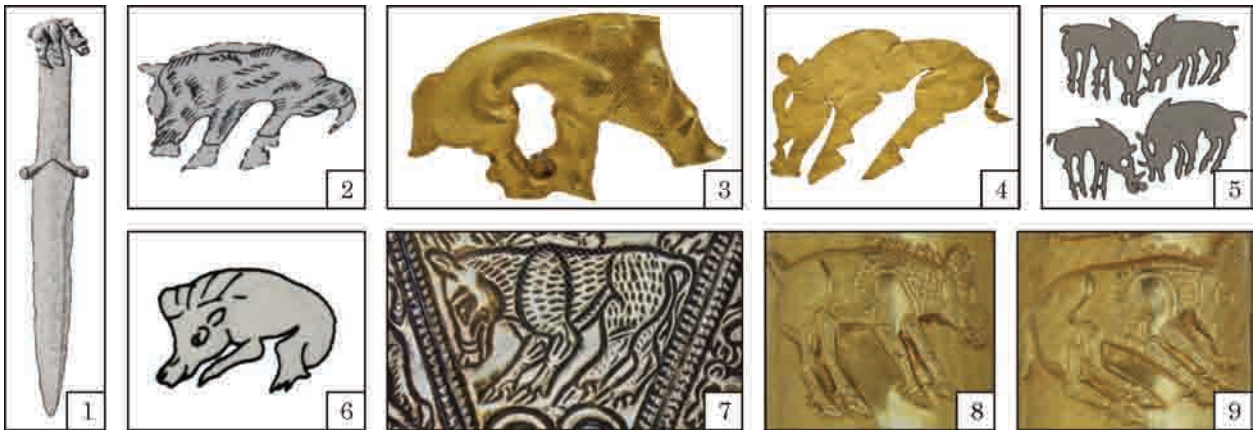

Рис. 1. Образ кабана в позе «внезапной остановки» или «стоящего на кончиках копыт»: 1 — Аржан; 2 — курган 38 у с. Гуляй-город; 3 — золотая бляшка из кургана Аржан 2; 4— курган 5 Чиликты; 5 — оленный камень из кургана Аржан 2; 6 — кабан на шпильке с навершием в виде полушаровидной головки, Аржан 2; 7 — кабан на золотой накладке зеркала из кургана 4/Ш Келермеса; 8, 9 — кабаны на золотой секире из кургана 1/Ш Келермеса. Масштаб произвольный (по: 1, 3, 5, 6 — Чугунов, Парцингер, Наглер 2017; 2 — Ильинская, Тереножкин 1983; 7—9 — Алексеев 2012)

28) (рис. 1: 2). При этом иконография данного изображения уходит корнями в более архаическое время, находя аналогии на золотых аппликациях из кургана 5 Чиликты, VII в. до н. э. (Алексеев 2012, с. 52—53), золотых бляшках и шпильке из кургана Аржан 2, конец VIII в. до н. э. (Чугунов, Парцингер, Наглер 2017, с. 382), навершии бронзового кинжала из кургана Аржан, VIII в. до н. э. (Грязнов 1980, рис. 11: 3), и целой серии подобных наверший из Минусинского края, также относящихся к эпохе скифской архаики (Членова1967, с. 273, табл. 23), на бронзовой бляхе из Костанайской обл. и зооморфных оформлениях бронзовых зеркал из кургана 6 могильников Лебедевка 2 и Жыланды (VIII — первая половина VI вв. до н. э.) в Казахстане (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, с. 88, рис. 68; с. 94, рис. 73—74, с. 98 рис. 77) [1] наконец, на оленных камнях и петроглифах саяно-алтайского региона (Килуновская, Семенов 1999, с. 133) и Казахстана (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, с. 31, рис. 18: 2; с. 97, рис. 76; Бейсенов, Марьяшев 2014, с. 144—146, табл. VI—VIII). Отличительной чертой иконографии всех этих изображений кабана является узкое поджарое тело животного и увеличенная массивная голова, опущенная вниз. При этом, как правило, голова имела удлиненные пропорции, лоб изображался плавно покатым, без резкого перехода. Иногда показывались все четыре ноги, иногда же изображение строго профильное, с двумя ногами (рис. 1: 1, 3—5).

Если для территории Днепровской Лесостепи кабан из Гуляй-города уникален, то в Предкавказье мы находим три изображения, выполненные в близкой иконографической схеме в таком знаковом памятнике как Келермесские курганы. В. А. Кисель обратил внимание на тот факт, что позы двух кабанов, изображенных на знаменитой секире из кургана 1/Ш, отсылают нас к раннескифской центральноазиатской традиции. Один из кабанов показан как бы подвешенным в воздухе, или же стоящим на кончиках копыт. Второй — в позе «внезапной остановки» (рис. 1: 8—9). Обе позы хорошо представлены в архаических скифских памятниках Центральной Азии, от предметов торевтики до оленных камней (Кисель 1997, с. 26—28). Хотя, безусловно, келермесские изображения подверглись существенной переработке переднеазиатскими мастерами, что проявилось в стилистическом влиянии элементов урартской, ассирийской, луристанской, эламской, хеттской традиций. Также в позе «внезапной остановки» мы видим и кабана на зеркале из Келермесского кургана 4/Ш (рис. 1: 7) Его скифская стилистика также подчеркивается «горбиком» и «выемкой на бедре» (Кисель 2003, с. 97) [2]. М. Ю. Вахтина и А. Р. Канторович, наоборот, расценивают данный образ как «стилистически преимущественно передневосточное или восточногреческое изображение со скифо-сибирскими композиционными элементами» (Вахтина 2005; Канторович 2015, с. 523). На наш взгляд, принципиальным здесь является как раз фиксация немногочисленных, но именно поэтому настолько интересных и важных центральноазиатских импульсов в раннескифском искусстве и, в частности, в таком

1. Подробная сводка находок изделий с изображением кабана на территории Казахстана (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, с. 89).

2. «Варварский» характер этого изображения был отмечен, в свое время, еще М. И. Максимовой. Она же провела сравнение кабана с зеркала с изображением на парадной секире из кургана 1/Ш (Максимова 1954, с. 286, 298). Однако параллели с центральноазиатскими изображениями исследовательницей не были проведены.

знаковом памятнике как Келермесские курганы. К ним, помимо изображения кабанов на зеркале и секире, необходимо отнести лосей с той же секиры, лошадей с золотых фаларов из кургана 4/Ш, а также оленя на серебряном ритоне из кургана 3/Ш (Кисель 1997, с. 26—28, 34; Зимовец, Окатенко, Скорый 2018, с. 223—224; Савинов 1987, с. 113—114). Что же касается гуляйгородского изображения, то оно также явно указывает на связь с центральноазиатской архаической традицией изображения кабана. Относительно поздняя дата кургана 38 не должна нас смущать, поскольку бляха могла использоваться достаточно долго; возможно, она попала в Днепровскую Лесостепь непосредственно с мигрантами из центральноазиатских областей.

Помимо двух рассмотренных, на келермесской секире представлены изображения еще трех кабанов. Двух — в геральдической композиции (в зеркальной симметрии) на нижнем торце рукояти и одного бегущего на золотой обкладке ручки (рис. 2: 2; 3: 5). Иконография парных кабанов существенно отличается от описанных выше. У них подогнутые под туловище и вытянутые вперед ноги. В то же время стилистика исполнения всех пяти кабанов, в целом, сходна. На секире присутствуют и другие парные композиции — с изображением горных козлов, стоящих перед древом жизни, а также скульптурным изображением козлов на обухе. Аналогичные композиции с изображением оленей и горных козлов были распространены на Ближнем Востоке с глубокой древности. Они встречаются в бронзах Луристана II и начала I тыс. до н. э., на печатях типа Керкук середины II тыс. до н. э., где они изображены по бокам священного дерева жизни (Членова 1967, с. 125; Вязьмитина 1963, с. 163). Поэтому вполне вероятно, что именно эта ближневосточная схема послужила прообразом и для схожего изображения кабанов на секире [1]. Ближневосточной по своему происхождению является и иконография бегущего кабана с вытянутыми вперед — передними и назад — задними ногами. Она встречается на хеттских рельефах уже в XIV в. до н. э. (Bittel 1976, p. 197, fig. 225).

С середины VI в. до н. э. в Скифию проникают греческие изображения вепря. Так, на центральной ручке зеркала из кургана 35 у с. Бобрица в Приднепровской Лесостепи изображен кабан, выполненный в греческой манере (Бобринский 1901, фиг. 62, табл. XIX: 11; Ковпаненко 1981, рис. 10: 1) (рис. 2: 1). В отличие от центральноазиатской традиции, греки изображали кабана с массивным туловищем

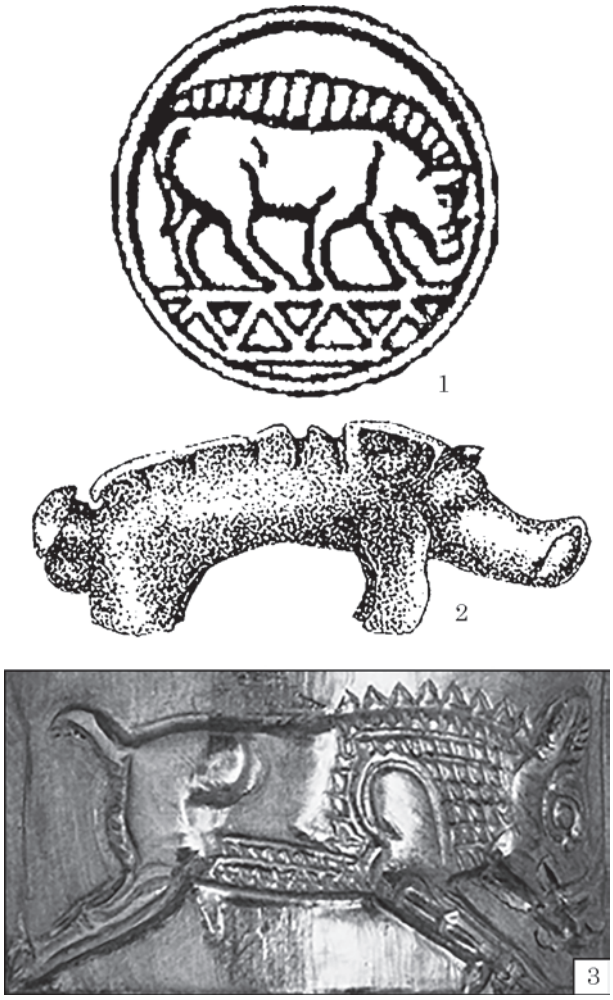

Рис. 2. «Нескифские» изображения кабанов в скифских архаических памятниках: 1 — кнопка ручки зеркала из кургана 35 у с. Бобрица; 2 — бронзовая фигурка кабана из кургана 2 у с. Текливка; 3 — на рукояти келермесской секиры. Масштаб произвольный (по: 1 — Скорый 2003; 2 — Гуцал, Гуцал, Могилов 2011; 3 — Алексеев 2012)

и маленькой головой с хорошо выделенным крутым лбом и длинной щетиной, тянущейся, как правило, вдоль спины, что находит многочисленные аналогии в античной вазописи и нумизматике. Кабана показывали в движении: шагающим, бегущим, терзаемым [2]. С. И. Капошина предположила, что бобрицкое зеркало могло быть изготовлено в Ольвии (Капошина 1956, с. 182—183). Хотя морфологические аналогии подобного рода зеркал с центральной ручкой опять уводят нас в Центральную Азию (Алексеев 2003, с. 46—47). В любом случае, важно констатировать, что греческая трактовка образа кабана весьма рано проникает в скифскую среду и, более того, предметы с этим образом используются в ритуальных целях. Впрочем, уникальность бобрицкого зеркала не позволяет делать окончательные выводы о

1. Необходимо отметить, что и в раннем искусстве кочевников геральдические композиции (в том числе и с изображением кабанов) были известны (Артамонов 1973, илл. 134). Но все же, иконографически (не говоря уже о стилистике) они далеки от келермесских экземпляров.

2. См. напр.: Boardman 2014, p. 118, fig. 166; Vaticano Museo Gregoriano Etrusco 2003, p. 81, 100.

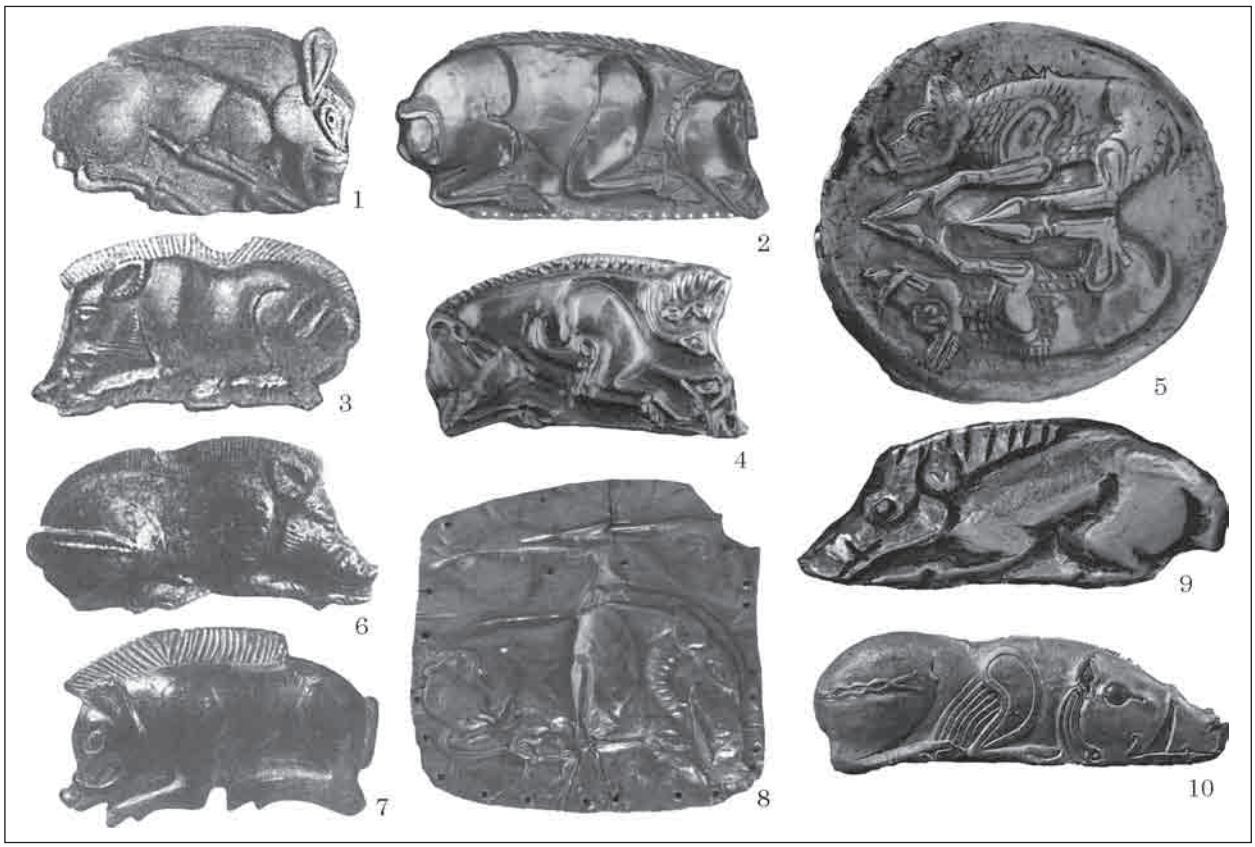

Рис. 3. Образ лежащего кабана с подложенными под туловище и направленными вперед ногами: 1 — Эфесский Артемисий; 2 — погребение 1, курган 6 у с. Александровка (учхоз Самарский); 3 — Малая Азия (?) (Британский музей); 4 — погребение 1, курган 5 у с. Архангельская слобода; 5 — кабаны в геральдической композиции на нижнем наконечнике рукояти келермесской секиры; 6 — Сарды; 7 — Иран; 8 — золотая пластина из МИДУ; 9 — деталь золотой гривны из кургана Аржан-2; 10 — ритуальная площадка, курган 1, Уляпский могильник. Масштаб произвольный (по: 1, 3, 6, 7 — Иванчик 2001; 2 — Канторович 2015; 4 — Лесков 1972; 5, 10 — Schilz 1994; 8 — Канторович 2015; 9 — Чугунов, Парцингер, Наглер 2017)

характере такого проникновения. Было ли оно эпизодическим и случайным, или имело более-менее стабильный характер?

Уникальной является бронзовая статуэтка кабана из кургана 2 у с. Текливка в Западной Подолии, датируемого концом VII — началом VI вв. до н. э. (Гуцал, Гуцал, Могилов 2011, с. 117, 123, рис. 4). Она лишена черт скифского звериного стиля, а ее аналогии ведут к кельтской изобразительной традиции, где вепря показывали статично, стоящим на четырех ногах, с особым подчеркиванием шерсти вдоль спины. Вероятно, фигурка является импортом из Центральной Европы, о чем косвенно свидетельствует и ее местонахождение на западных границах Северопричерноморской Скифии.

Этими, как уже было сказано единичными изображениями и ограничивается распространение образа кабана в Предкавказье и Северном Причерноморье в эпоху скифской архаики.

Классический период. Более насыщенная картина вырисовывается с рубежа VI—V вв. до н. э. С этого времени, вплоть до конца IV в. до н. э. на территории Северного Причерноморья в скифских памятниках фиксируется относительно немногочисленная, но яркая серия полнофигурных изображений лежащего кабана с подложенными под туловище и направленными вперед ногами и опущенной, как бы упирающейся в поверхность головой. К ним относятся: золотая обкладка боковой лопасти ножен меча из погребения 1 кургана 6 у с. Александровка (учхоз Самарский), конец VI — начало V вв. до н. э. (Ковалева, Мухопад 1982, рис. 5: 3; 6; Канторович 2015 с. 1191, 1530, рис. 2), шесть золотых накладок на колчан из погребения 1 кургана 5 у с. Архангельская слобода, конец V — начало IV вв. до н. э. (Лесков 1972, с. 57, табл. 35; Золото степу 1991, кат. 91; Канторович 2015, с. 1191, 1530, рис. 3), Нижнее Поднепровье; золотая пластина— накладка на деревянный сосуд из Музея исторических драгоценностей Украины (далее — МИДУ), точное место находки не известно (Канторович, Грибкова 2011, рис. 1—2; Канторович 2015, с. 1191, 1530, рис. 1 слева сверху) (рис. 3: 2, 4, 8).Схожее изображение зафиксировано в Предкавказье: это серебряная накладка с золотой инкрустацией деревянного навершия, на которой представлен лежащий кабан с поджатыми и направленными вперед ногами, с ритуальной площадки кургана 1 у аула Уляп, первая половина IVв. до н. э. (Сокро-

вища… 1985, кат. 209, рис. 36; Шедевры… 1987, табл. XXIII; Канторович 2015, с. 1191, 1530: рис. 1 сверху справа) (рис. 3: 10).

Кабаны с согнутыми под углом и вытянутыми вперед ногами известны в искусстве Малой Азии и Ирана, в том числе Луристана (Переводчикова 1994, с. 47, рис. 4: 6—10; Иванчик 2001, с. 87, рис. 37: 2, с. 89, рис. 39: 2, с. 93, рис. 42: 1) (рис. 3: 3, 6—7). Однако, эта же иконографическая схема зафиксирована и на золотой гривне из кургана Аржан 2. (Чугунов, Парцингер, Наглер 2017, с. 342, табл. 4: 5з, с. 374, табл. 36: 4) (рис. 3: 9). Интересное предположение о наличии неких пограничных образов между двумя традициями: — центрально- и переднеазиатской — выдвинул А. Р. Канторович. Он обратил внимание на особую иконографию кабана на бляшке из слоновой кости из Эфесского Артемисия (начало — первая половина VI в. до н. э.). Здесь показан «стояще-лежащий» кабан: его ноги уже почти подложены под туловище и голову, но при этом еще не согнуты, голова опущена вертикально вниз, а «пятак» находится на уровне копыт (рис. 3: 1). Это нечто среднее, между позой «внезапной остановки» и ближневосточными лежащими кабанами. Здесь «*возможно, произошла конвергенция известного на Ближнем Востоке сюжета лежащего кабана с изначально сако-сибирской схемой "тормозящего" кабана с вытянутыми наискось вперед ногами, схемой, уже имевшей тенденцию к почти горизонтальному отображению ног, проявившейся, например, в изображениях из кургана Аржан 2*» (Канторович 2015, с. 940).

Действительно, возможность объединения центральноазиатской схемы кабана в позе «внезапной остановки» или «на кончиках копыт» с ближневосточной схемой лежащего кабана с подложенными и направленными вперед ногами, на примере изображения из Эфесского Артемисия выглядит вполне вероятной. Но, видимо, сама «встреча» этих двух традиций произошла несколько ранее, в середине — второй половине VII в. до н. э., когда скифы непосредственно пребывали в Малой Азии, Закавказье и Северо-Западном Иране. И одним из материальных свидетельств такой «встречи» является уже неоднократно упомянутая келермесская секира, где представлена как центральноазиатская иконография изображения кабана, так и, скорее всего ближневосточная геральдическая схема. Более того, на примере изображения кабана на золотой гривне из кургана Аржан 2, хорошо видно, что схема изображения с подложенными ногами была присуща собственно скифскому искусству на самых ранних этапах его развития, до знакомства с искусством Передней Азии. А изображение вепря на золотой шпильке из этого же памятника также может претендовать на роль «переходного» между позой «внезапной остановки» и подложенными под голову и туловище ногами (рис. 1: 6).

С середины VI в. до н. э. центральноазиатская иконография «тормозящего» или «стоящего на кончиках копыт» кабана исчезает с восточноевропейского пространства. Тогда как схема лежащего кабана, с конца того же столетия, получает дальнейшее развитие. Впрочем, при сохранении иконографии радикально меняется стилистика изображений. На смену ажурности, орнаментальности и мелкой детализации, характерной для келермесских изображений, выполненных под влиянием урартской, ассирийской, иранской традиций, приходит относительный реализм, проводником которого были, вероятно, греческие мастера. Все части тела (в первую очередь, соотношение головы и туловища) показаны более соразмерно и детально. У кабанов из Александровки и МИДУ хорошо проработаны детали головы — два клыка, миндалевидный глаз. Рифлением показана обрамляющая голову кожно-шерстная складка. Над головой и спиной — щетина. Изображение из Архангельской слободы более декоративно (зооморфные превращения уха, лопатки, сегментация головы). Кавказское изображение более условно. У всех кабанов хорошо выделены лопатка и бедро. Эти черты указывают на влияние греческого искусства. Вполне вероятно, что упомянутые выше изображения были изготовлены в греческих городах Северного Причерноморья. Ведь все они (за исключением пластины из МИДУ, место находки которой не известно) обнаружены в Северопричерноморской Степи и Предкавказье.

Что касается вопроса об истоках иконографической схемы лежащего кабана с подогнутыми ногами, то дать исчерпывающий ответ на него сейчас не представляется возможным. В количественном отношении этот образ доминирует на Ближнем Востоке. Но принимая во внимание изображение из Аржана 2 однозначно связывать эту позу с ближневосточным заимствованием было бы преждевременным.

Остальные немногочисленные полнофигурные изображения из Северного Причерноморья можно объединить в три группы. Это скульптурные изображения кабанов в статичной позе на золотой обкладке ручки сосуда из Александропольского кургана, 340—330 гг. до н. э. (Канторович 2015, с. 1191, 1532; Полин, Алексеев 2018, с. 837, рис. 50: 3) и золотая скульптурка из Хоминой Могилы (Мозолевский 1973, с. 222, рис. 32, с. 224) (рис. 4). Терзаемые кабаны на золотой ленте-нашивке на нагрудный конский ремень из Александропольского кургана (Канторович 2015, с. 1192, 1534; Полин, Алексеев 2018, с. 908, рис. 281), золотой нашивной бляшке из кургана 3, погребение 3 у аула Нечерзий, IVв. до н. э. (Шедевры 987, кат. 80, табл. 54; Канторович 2015, с. 1191, 1530: рис. 1 снизу справа), на гривне из кургана Карагодеуашх, IVв. до н. э. (Алексеев 2012, с. 230—231) и золотой пекторали из Толстой

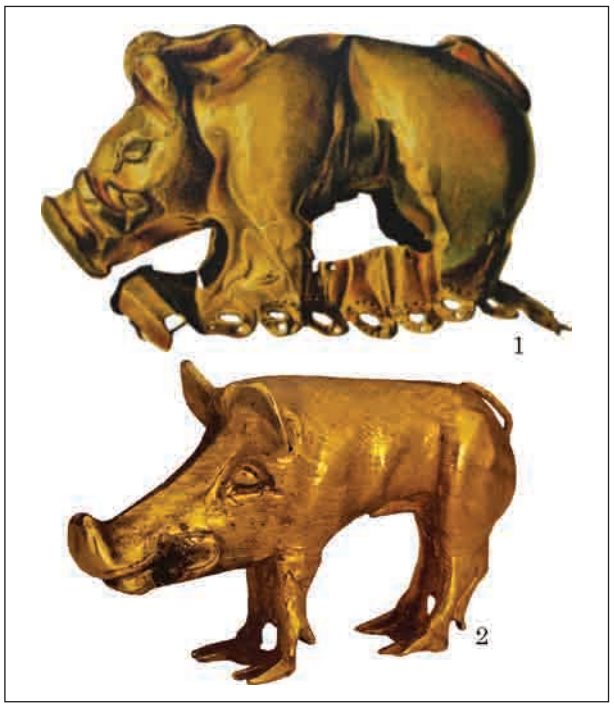

Рис. 4. Изображение кабанов в статичной позе: 1 — Александропольский курган; 2 — Хомина Могила. Масштаб произвольный (по: 1 — Полин, Алексеев 2018; 2 — Shiltz 1994)

Могилы, вторая—третья четверть IV в. до н. э. (Мозолевський 1979, с. 80, рис. 61) (рис. 5). Наконец, это «идущие» кабаны на золотой обкладке ритона из кургана 13 у Великой Знамянки, середина V в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 513; Канторович 2015, с. 1192), и на золотой обкладке ножен меча из кургана 16 (Ушаковского) у ст. Елизаветовской, первая половина IV в. до н. э. (Артамонов 1966, с. 120, кат. 329—330; Канторович 2015, с. 1192) (рис. 6).

Первая группа «стоящих» кабанов, как уже неоднократно отмечалось исследователями, является результатом преимущественно фракийского (возможно, греко-фракийского или фракокельтского) влияния (Schiltz 1994, p. 217—222; Канторович 2015, с. 513). По мнению А. Р. Канторовича, кабан из Александрополя формально еще может быть отнесен к скифскому звериному стилю (диспропорции, геометризм, условность) и, скорее всего, является произведением местного мастера. В то время как зверь из Хоминой Могилы, в силу своей реалистичности (трактовка шерсти насечками, детали головы, копыта) лишен признаков звериного стиля и, видимо, является импортом (Канторович 2015, с. 535). Эти изображения могут быть рассмотрены как частный случай фракийского влияния на скифское искусство, имевшего место в IV в. до н. э., скорее всего в середине-второй половине этого столетия. Оно проявилось как в импорте ряда фракийских вещей на территорию Северопричерноморской Степи, так и в создании здесь явно подражательных изделий (Мелюкова 1976, с. 118—119).

В группе терзаемых кабанов необходимо выделить александропольские и нечерзийское изображения, выполненные в греко-скифской манере и уже чисто греческие по стилистике изображения из Карагодеуашха и Толстой Могилы. Две зеркальных сцены терзания грифонами кабанов из Александрополя вполне греческие по манере исполнения: грифоны позднегреческого типа, поза кабана, припавшего на передние ноги, изображение ребер. Тем не менее, зверю присущи такие «скифские» черты как увеличенные пропорции головы, геометризация глаза и клыков, узкое поджарое туловище. Условностью и геометризмом характеризуется нечерзийское изображение, что также позволяет отнести его к кругу скифского звериного стиля. Что касается двух изображений на окончаниях гривны из Карагодеуашха, то и львы, и терзаемые ими кабаны выполнены скульптурно и реалистично, собственно скифские элементы здесь отсутствуют [1]. В такой же типично греческой манере выполнен и кабан на пекторали.

Также вполне греческие по иконографии «идущие» кабаны из Великой Знамянки и Ушаковского кургана. Композиционно они аналогичны

1. См. сюжет терзаемого львом кабана на «кубке Неандра»: Boardman 2014, fig. 120.

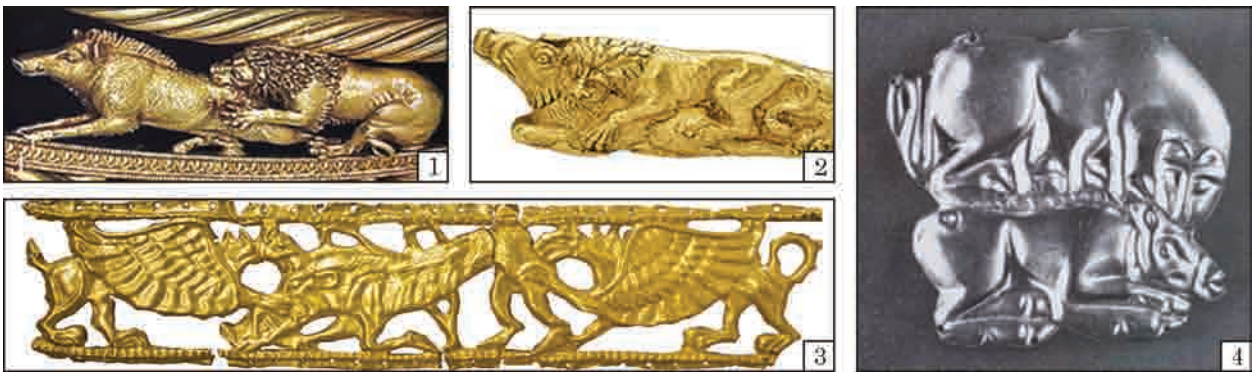

Рис. 5. Кабаны в сценах терзання: 1 — фрагмент пекторали из Толстой могилы; 2 — окончание гривны из кургана Карагодеуашх; 3 — Александрополь; 4 — курган 3, погребение 3 у аула Нечерзий. Масштаб произвольный (по: 1 — Національний… 2011; 2 — Алексеев 2012; 3 — Полин, Алексеев 2018; 4 — Шедевры… 1987)

выше упомянутому изображению на кнопке бобрицкого зеркала. Задние ноги зверей представлены в шаге, левая передняя — приподнята наискось и вперед, голова полуопущена, по всей длине спины короткими рубчиками показана шерсть. Однако, стилистика исполнения роднит их со скифскими изображениями этого зверя. Голова — массивная, сегментовидная, с крутым лбом подтреугольным глазом, приоткрытой пастью, рифленой ушной раковиной, подчеркнутой зооморфным превращением в головку хищной птицы с закрученным клювом [1]. У обоих зверей хорошо выделены и акцентированы зооморфным превращением лопатки. Окончание хвоста также показано в виде головы хищной птицы.

Отдельную немногочисленную серию середины V—IV вв. до н. э. представляют изображения крылатых кабанов с туловищем хищника, либо же протом с золотых пластин — украшений женских головных уборов и костюмов. Это кабаны на пластинах калафа из Толстой Могилы (Мозолевський 1979, с. 127—130), Чертомлыка (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 194—195, кат. 113), на бронзовой матрице (вероятно для изготовления аналогичных пластин), обнаруженной в пойме реки Трубеж (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016), также протома кабана на золотых бляхах из второго Семибратнего кургана (рис. 7). Подробный

1. По этим признакам головы обоих кабанов схожи с головой вепря на золотых накладках колчана из Архангельской слободы, на что уже обращалось внимание исследователями (Канторович 2015, с. 536).

Рис. 6. «Идущие» кабаны: 1 — Ушаковский курган; 2 — Великая Знамянка. Масштаб произвольный (по: 1 — Артамонов 1966; 2 — Національний… 2011)

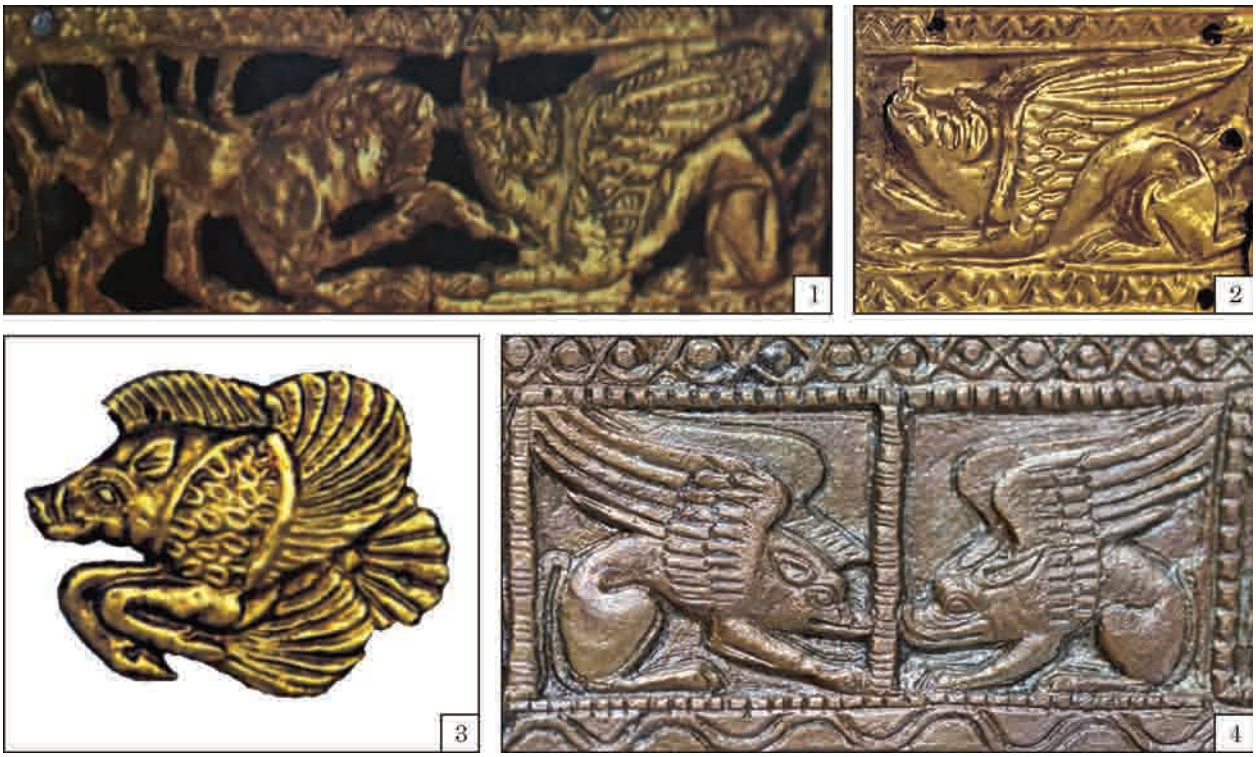

Рис. 7. Крылатые кабаны с туловищем хищника: 1 — фрагмент золотой пластины калафа из Чертомлыка; 2 — фрагмент золотой пластины калафа из Толстой Могилы; 3 — 2 Семибратний курган; 4 — пойма реки Трубеж, Днепровская Левобережная Террасовая Лесостепь. Масштаб произвольный (по: 1 — Алексеев, Мурзин, Ролле 1991; 2, 3 — Schilz 1994; 4 — фото: Р. В. Зимовец)

разбор данного образа был дан в отдельной работе (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016). В рамках же настоящей статьи ограничимся констатацией того, что данные изображения явно не скифские по манере исполнения, однако, вряд ли их появление в репертуаре образов, используемых скифами, тем более на церемониальных головных уборах, можно считать случайным. Полных или даже относительно близких аналогий (помимо протом крылатых кабанов, известных по греческому нумизматическому материалу, а также по вазописи) в искусстве Греции, Передней Азии, Ирана им отыскать не удалось. Крылатые кабаны с туловищем хищника на золотых пластинах из Толстой Могилы и Чертомлыка включены в состав сложных композиций, в рамках которых они противостоят грифонам. Видимо аналогичное по смыслу противостояние кабана и льва имеет место и на золотых обкладках горитов «чертомлыцкой серии» (Алексеев 2012, с. 206). Но здесь вепрь уже лишен фантастических черт и показан весьма реалистично, в традициях греческого искусства.

Подводя итоги проведенного обзора образов полнофигурного кабана в Скифии необходимо отметить следующие принципиальные моменты. Во-первых, единичные изображения кабана в позе «внезапной остановки» и «на кончиках копыт» из Гуляй-города и Келермесского могильника генетически связаны с центральноазиатской традицией, являясь, как и ряд других характерных раннескифских изображений (лошади, оленя, лося) свидетельством миграции одной из самых ранних волн кочевников из Центральной Азии в Северное Причерноморье. При этом, уже на самых ранних изделиях (келермесские секира и зеркало) мы видим опосредование центральноазиатской стилистики переднеазиатскими традициями урартского, ассирийского, луристанского круга. Во-вторых, образ кабана с подложенными под туловище и направленными вперед ногами в скифском искусстве также был известен кочевникам еще в эпоху архаики (Аржан 2, Келермес), но получил распространение в Северном Причерноморье позднее, в классическое время. Вопрос об истоках этой иконографической схемы в искусстве скифов (Центральная или Передняя Азия) пока остается открытым. В-третьих, уже с позднего этапа архаической эпохи в скифскую культуру проникает греческая иконография «идущего» и терзаемого кабана, которая иногда адаптируется под стилистику скифского звериного стиля, но иногда так и остается исключительно греческой. Влияние греческой передачи этого образа наиболее полно проявляется в IV в. до н. э. В-четвертых, фиксируется проникновение фракийской иконографии кабана в скифскую среду, являющееся частным случаем влияния фракийского искусства на искусство Причерноморской Степи в IV в. до н. э.

При анализе полнофигурных изображений кабана в классическую эпоху удивляет ряд обстоятельств. Во-первых, все они выполнены из драгоценных металлов, преимущественно из золота. В классическую эпоху в Скифии не известны бронзовые бляхи с полнофигурным изображением кабана. Во-вторых, большинство из них размещено либо на культовых предметах (деревянные чаши, ритон, навершие), либо являются парадным украшением оружия (мечей, колчана). В-третьих, все они обнаружены в Степной Скифии. В Лесостепи полнофигурные изображения кабана отсутствуют вовсе. Как можно объяснить эти особенности воплощения образа вепря?

А. Р. Канторович обращает внимание на тот факт, что золотые бляшки с изображением лежащего кабана с поджатыми и направленными вперед ногами, служили украшением колчана, чаши и меча, указывая на один из вариантов геродотовой этногенетической легенды, в соответствии с которой колчан и чаша были атрибутом победителя в соревновании детей Геракла за владычество над Скифией (Канторович 2015, с. 943). Эта версия пока подтверждена очень небольшим количеством артефактов. Однако вряд ли приходится сомневатьсяв том, что преимущественное исполнение полных фигур кабана в золоте на престижных предметах вооружения и ритуальных изделиях в классическое время связано с мифологическими или магическими представлениями скифской элиты, в первую очередь воинской [1]. Как известно, в иранской мифологии кабан был одним из воплощений бога войны и победы Веретрагны (Кузьмина 1976, с. 55—60). Более того, в «Авесте» тело вепря, включая его челюсти, ассоциируются с железом, что, в свою очередь, может быть связано с образом клинкового оружия, кинжала (Вертиенко 2014, с. 272). В этом контексте, вепря можно считать и инкарнацией самого Ареса скифской мифологии (Болтрик 1998, с. 80—82), принимая во внимание свидетельства Геродота о жертвенниках, посвященных Аресу, где главным культовым предметом выступал железный акинак. В греческой мифологии Арес непосредственно принимает образ вепря, и в этом облике убивает Адониса во время охоты (Грейвс 1992, с. 49).

Не ставя под сомнение возможное отождествление образа кабана с одним из атрибутов или воплощений бога войны и победы (Веретрагны, Ареса), хотелось бы обратить внимание еще на одну роль, выполняемую им в мифологическом сознании индоевропейских народов. Во многих мифах представлен сюжет охоты богов или героев на кабана. Так, ведический Индра поражает кабана Эмушу за то, что тот

1. Интересно наблюдение А. В. Вертиенко о том, что на лопасти меча одного из пеших воинов на солохском гребне также изображена условная голова вепря, как это имеет место на лопастях мечей из Александровки и Великой Белозерки (Вертиенко 2014, с. 274, рис. 5).

похитил жертвенную пищу, олицетворявшую солнце (Лопатин, Леонтьева 2011). Греческие герои принимают участие в знаменитой охоте на калидонского кабана, посланного Артемидой. Примечательно, что клыки и шкура побежденного зверя хранились в храме богини победы — Афины Алеи. Геракл побеждает эриманфского вепря (четвертый подвиг) (Грейвс 1992, с. 202—206, 126). В Иране получил распространение мотив сакрализованной царской охоты на кабана. Добывание вепря отождествлялось с царской инициацией воина-охотника, а сама охота представлялась государственным занятием, наиболее похожим на войну (Вертиенко 2014, с. 273, 276). Все эти мифологические сказания свидетельствуют о глубокой связи вепря с воинско-охотничьей магией. В то же время, кабан был не просто объектом охоты. В приведенных выше мифах он олицетворял некую демоническую силу, совершающую разрушительные действия. Видимо победа над ним имела не только магический смысл. По мнению Е. В. Переводчиковой кабан, будучи копытным, но агрессивным опасным зверем, принадлежит, одновременно, миру травоядных и хищных животных. Это придает ему статус посредника между «средним» миром живых и «нижним» миром хтонических существ (Переводчикова 1976, с. 80—82). В этом смысле победа над вепрем могла символизировать преодоление темных сил разрушения. В то же время, он был почетным, «космическим» соперником, равным богам, царям и героям, а потому достойным особого уважения и даже отождествления с ним. Видимо такое почитание поверженного соперника [1], являвшегося как бы посланником из «нижнего», хтонического мира в мир живых и нашло свое отражение в изделиях торевтики, обнаруженных в скифских памятниках.

Что касается тяготения образа полнофигурного кабана к побережью Черного и Азовского морей, то это наводит на мысль о производстве рассматриваемых изделий мастерами греческих городов Северного Причерноморья. Тем более, что многие изображения, как уже было сказано, испытали существенное влияние греческой традиции («шагающие» кабаны из Великой Знамянки и Елизаветовского могильника, терзаемый кабан из Александрополя), либо целиком были выполнены в греческой манере (терзаемые кабаны на гривне из Карагодеуашха, пекторали из Толстой могилы, протомы крылатых кабанов из Семибратних курганов).

На рубеже архаического и классического времени в Скифии появляются и редуцированные изображения вепря (мотив кабаньей головы), не известные здесь ранее. В отличие от полных фигур на золотых пластинах — украшениях чаш, мечей, колчанов мотив кабаньей головы, в большей степени, получил распространение на бронзовых бляхах — деталях конской узды и на клыках-подвесках. Немногочисленны оригинальные изображения, выполненные в золоте, либо размещенные на псалиях [2]. Еще одно отличие — более широкая представленность этого мотива, как количественная, так и территориальная. Бляхи с изображением головы кабана обнаружены как в Степной, так и в Лесостепной Скифии. Хотя, количественное превосходство остается за Степью.

На данный момент, на территории Степной и Лесостепной Скифии (включая Подонье), а также Предкавказья нам удалось учесть 40 оригинальных изображений головы кабана [3]. С территории Крыма происходит 14 экземпляров. Это бронзовые бляхи из Нимфея (нижняя терраса городища, раскопки 1948 г.), первая половина V в. до н. э. (Скуднова 1954, с. 316, рис. 6 левый); кургана 24 и 1 Нимфейского некрополя (последняя фрагментирована), 475—425 гг. до н. э. (Силантьева 1959, с. 69, рис. 37: 9; с. 84, рис. 47: 6); погребения 13 кургана 2 у с. Владимировка (Колотухин 2000, рис. 10: 2); два экземпляра из окрестностей Старого Крыма; экземпляры из разрушенного погребения на горе Айлянма-Кая (Белогорский р-н); с. Кринички (Кировский р-н); случайная находка из Белогорского р-на; бляха с изображением головы кабана в фас / плане из с. Новокленово Белогорского р-на (Скорый, Зимовец 2014, с. 63, 105—107, кат. 227, 320—324); фрагментированные экземпляры из р-на сел Марково-Шахтино в Присвашье и Юго-Восточного Крыма (последние две бляхи публикуются впервые) (рис. 8). А также окончания подвесок из кабаньих клыков: из разрушенного погребения около Керчи (Королькова 2006, табл. 64: 1) и кургана 3 в имении Талаевой (Яковенко 1976, с. 132—133, рис. 8: 1) (рис. 9: 1—14) [4].

Редуцированное изображение кабана также было распространено на соседней Крыму Тамани и в Предкавказье. Это бронзовые бляхи из 4 Семибратнего кургана, вторая половина V в.

1. Как уже неоднократно отмечалось исследователями изображения кабана «на кончиках копыт» и с подогнутыми ногами, упирающегося пятаком в поверхность, скорее всего, показывают уже мертвое, поверженное животное (Канторович 2015, с. 943).
2. Исключение составляют изображения на золотых бляшках и других изделиях из Среднего Подонья, представляющие относительно замкнутый локальный вариант передачи образа кабана, слабо связанный с его развитием в других регионах Северного Причерноморья и Предкавказья.
3. Тиражированными являются бронзовые бляшки из курганов Роменского уезда (6 экземпляров) и золотые бляшки из кургана 18 группы Колбино I (74 экземпляра).
4. Бляха из кургана 1 на землях С. А. Крыма (Колтухов, Сенаторов 2016, рис. 24: 11) не может быть с уверенностью отождествлена с головой вепря из-за своей фрагментированости. В равной степени, это могло быть изображение головы волчьего хищника.

Рис. 8. Редуцированные изображения кабанов из Юго-Восточного Крыма: 1 — район сс. Марково—Шахтино, Присивашье; 2 — точное место находки не известно. Публикуются впервые, фото: Р. В. Зимовец

до н. э. (Borovka 1928, tabl. 17: D; Канторович 2015, с. 1535, рис. 4), Таманского полуострова (случайная находка) (Borovka 1928, tabl. 17: C; Канторович 2015 с. 1535, рис. 3), бронзовый псалий из Тузлинского могильника IV—III вв. до н. э. (Кашаев 2013, рис. 4: 6). Бронзовая уздечная бляха также была обнаружена в кургане 24 Нартанского могильника (Батчаев 1985, табл. 53: 20). Из Алекссеевского ущелья и Эшерского городища Абхазии происходят конские налобник и наносник, являющиеся местной линией развития этого образа в IV в. до н. э. (Эрлих, Шамба 2005, с. 171) (рис. 9: 15—20).

В Северном Причерноморье и Приазовье известны две бронзовые бляхи: из кургана у с. Днепряны, не позднее второй половины V в. до н. э. (Мурзин 1984, рис. 18: 3) и из Елизаветовского могильника (Марченко, Житников, Копылов 2000, рис. 94: 2). Серебряный фалар, покрытый золотым листом с изображением четырех голов кабана влево был обнаружен в конском погребении восточного дромоса подзахоронения в Центральную гробницу Александропольского кургана (Полин, Алекссев 2018, с. 553; кат. 73). С городища Глубокая пристань (хора Ольвии) происходит кабаний клык, окончание которого оформлено в виде головы вепря (Королькова 2006, с. 231, табл. 64: 4). Из этого же района (поселение Кошары) происходит матрица, изготовленная на керамическом материале и предназначенная для отливки или тиснения изображений (Ольговский 2014, с. 145,

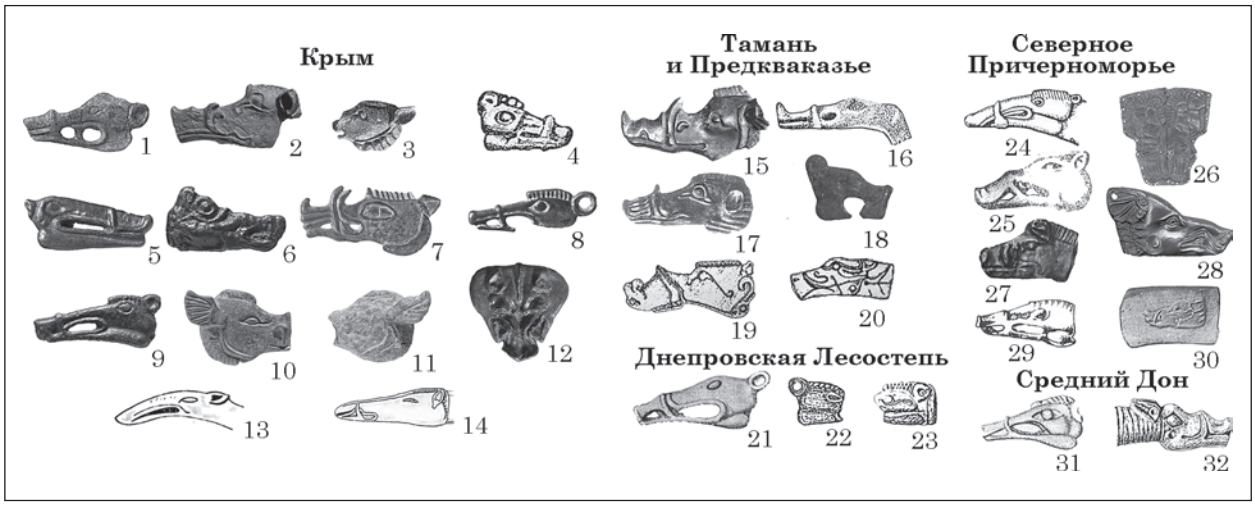

Рис. 9. Редуцированные изображения кабана: 1 — Нимфей (нижняя терраса городища, раскопки 1948 г.); 2, 3 — курган 24 и 1 Нимфейского некрополя; 4 — погребение 13 кургана 2 у с. Владимировка в Крыму; 5, 6 — окрестности Старого Крыма (Кировский р-н); 7 — разрушенное погребения на горе Айлянма-Кая; 8 — с. Кринички (Кировский р-н); 9 — Белогорский р-н; 10 — район сс. Марково-Шахтино, Присивашье; 11 — Юго-Восточный Крым; 12 — Новокленово (Белогорский р-н); 13 — курган 3 в имении Талаевой; 14 — разрушенное погребение около Керчи; 15 — 4 Семибратний курган; 16 — Тузлинский могильник; 17 — Таманский п-ов; 18 — курган 24 могильника Нартан; 19 — Алексеевское ущелье (Абхазия); 20 — Эшерское городище (Абхазия); 21 — курганы Роменского уезда; 22 — курган 446 у с. Капитановка, бассейн Тясмина; 23 — курган 499 у с. Басовка; 24 — городище Глубокая пристань; 25 — курган у с. Днепряны; 26 — курган Бабы; 27 — Александропольский курган; 28 — Великая Белозерка; 29 — Елизаветовский могильник; 30 — поселение Кошары; 31 — курган 7 группы Частые курганы; 32 — курган 4 могильника Терновое I. Масштаб произвольный (по: 1 — Скуднова 1954; 2, 3 — Силантьева 1959; 4 — Колотухин 2000; 5—9, 12 — Скорый, Зимовец 2014; 10—11 — публикуется впервые, фото: Р. В. Зимовец; 13 — Яковенко 1976; 14, 24 — Королькова 2006; 15, 28 — Schilz 1994; 16 — Кашаев 2013; 17 — Канторович 2015; 18 — Батчаев 1985; 19, 20 — Эрлих, Шамба 2005; 21 — Шкурко 1976; 22 — Могилов 2008; 23 — Ильинская 1968; 25 — Мурзин 1984; 26 — Артамонов 1966; 27 — Полин, Алексеев 2018; 29 — Марченко, Житников, Копылов 2000; 30 — Ольговский 2014; 31 — Либеров 1965)

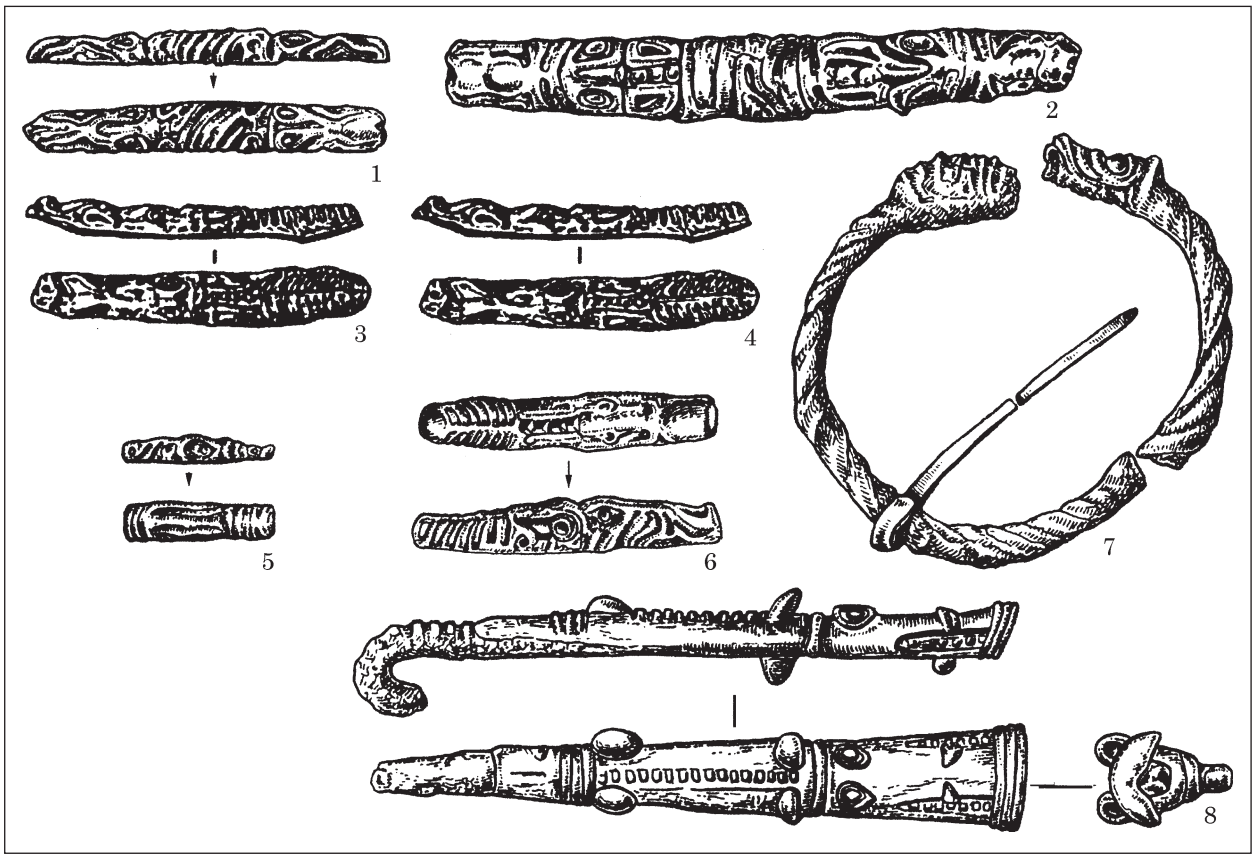

Рис. 10. Мастюгинско-колбинский тип (по: Канторович 2015)

рис. 51). Два предмета с изображением кабана выполнены в золоте. Это обивка сосуда из кургана Бабы, 470—450 гг. до н. э. (Артамонов 1966, с. 105, кат. 71; Канторович 2015, с. 1192, 1535, рис. 1) и лопасть золотой обкладки ножен меча из Великой Белозерки, последняя треть IV в. до н. э. (Schilz 1994, fig. 329; Канторович 2015, с. 1193, 1537) (рис. 9: 24—30).

Шесть бронзовых бляшек с «лаконичным» изображением головы кабана происходят из курганов Роменского уезда (Шкурко 1976, рис. 3, 11), одна фрагментированная — из кургана 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (Ильинская 1968, табл. XXVIII: 8; Могилов 2008, с. 189, с. 312, рис. 94: 34) в Посулье (Днепровская Левобережная Лесостепь). Только один схожий с басовским экземпляр известен на Правобережье Днепра: это фрагментированное изображение из кургана 446 близ Капитановки в бассейне Тясмина [1] (Могилов 2008, с. 189, с. 312, табл. 94: 35) (рис. 9: 21—23). Два схожих изображения головы кабана известны и на Среднем Дону: на бронзовой бляхе из кургана 7 Частых (Либеров 1965, табл. 22, 19) и на роговом псалии из кургана 4 могильника Терновое I (Савченко 2001, рис. 8: 21) (рис. 9: 31—32).

Кроме того, со Среднего Дона происходят 8 оригинальных изображений, являющихся показательными примерами местной трактовки образа кабана в рамках локального среднедонского варианта скифской культуры. А. Р. Канторович объединяет их в «Мастюгинско-колбинский» тип конца V — первой четверти III вв. до н. э., отмечая его периферийный характер по отношению к основной линии реализации образа кабана в восточноевропейском зверином стиле (Канторович 2015, с. 548—550). При этом на Среднем Дону было представлено и «магистральное» направление развития этого образа, характерное для Лесостепного и Степного Поднепровья (рис. 9: 31—32). Мастюгинско-колбинский тип характеризуется схематичной удлиненной головой, оформляющей, в основном, выгнутые пряжки, а потому ориентированной не столько на боковой обзор, сколько на вид сверху, в плане, чем отличается от подавляющего большинства изображений с других территорий (рис. 10). Это золотые нашивные бляшки из кургана 4 у с. Дуровка (Пузикова 2001, рис. 18: 4), из курганов 1 и 18 группы Колбино I (Савченко 2001, рис. 19: 8, 40: 4); золотые бляшки и бронзово-железный поясной крючок из курганов 1, 2 и «из сборов» у дер. Мастюгино (Либеров 1965, табл. 24: 6; 32: 7; 24: 12), а также окончания железной пряжки с золотой обкладкой из кургана 11 (ВУАК) группы«Частые курганы» (Либеров 1965, рис. 2: 55).

Среди бронзовых бляшек с изображением головы кабана, известных на середину XX в.

1. У В. Г. Петренко и А. И. Шкурко — привязка этого кургана к Пастырскому (Шкурко 1976, с. 97).

Рис. 11. Редуцированные изображения кабана. Стилистика: 1 — Нимфей (нижняя терраса городища, раскопки 1948 г.); 2 — курганы Роменского уезда; 3 — окрестности Старого Крыма (Кировский р-н); 4 — курган 3 в имении Талаевой; 5 — курган 24 могильника Нартан; 6 — Белогорский р-н, Крым; 7 — городище Глубокая пристань; 8 — с. Кринички (Кировский р-н, Крым); 9 — курган 7 группы Частые курганы; 10 — Елизаветовский могильник; 11 — разрушенное погребение около Керчи; 12 — курган у с. Днепряны; 13 — курган 499 у с. Басовка; 14 — курган 446 у с. Капитановка; 15, 15а — Новокленово (Белогорский р-н); 16 — разрушенное погребение на горе Айлянма-Кая (Белогорский р-н, Крым); 17 — Тузлинский могильник; 18 — погребение 13 кургана 2 у с. Владимировка в Крыму; 19 — курган 4 могильника Терновое I; 20 — Александропольский курган; 21 — окрестности Старого Крыма (Кировский р-н, Крым); 22 — Эшерское городище (Абхазия); 23 — Алексеевское ущелье (Абхазия); 24 — 4 Семибратний курган; 25, 27 — курганы 24 и 1 Нимфейского некрополя; 26 — Марково-Шахтино, Присивашье; 28 — Юго-Восточный Крым; 29 — Таманский п-ов; 30 — поселение Кошары; 31 — Великая Белозерка; 32 — курган Бабы. Масштаб произвольный (по: 1 — Скуднова 1954; 2 — Шкурко 1976; 3, 6, 8, 16, 21 — Скорый, Зимовец 2014; 4 — Яковенко 1976; 5 — Батчаев 1985; 7, 11 — Королькова 2006; 9 — Либеров 1965; 10 — Марченко, Житников, Копылов 2000; 12 — Мурзин 1984; 13 — Ильинская 1968; 14 — Могилов 2008; 15, 15а — фото: Р. В. Зимовец; 17 — Кашаев 2013; 18 — Колотухин 2000; 19 — Савченко 2001; 20 — Полин, Алексеев 2018; 22, 23 — Эрлих, Шамба 2005; 24, 31 — Schiltz 1994; 25, 27 — Силантьева 1959; 26, 28 — публикуются впервые, фото: Р. В. Зимовец; 29 — Канторович 2015; 30 — Ольговский 2014; 32 — Артамонов 1966)

В. М. Скуднова наметила выделение двух стилистических типов. Бляхи с Нимфейского городища, курганов Роменского уезда и Частого кургана 7 (ВУАК) с «плоской трактовкой головы и раскрытой пастью» были отнесены нею к первой половине V в. до н. э. В отличие от изображений с закрытой пастью и рельефным пятачком из Нимфейских и Семибратних курганов, а также с Тамани, которые, по мнению исследовательницы, датировались уже второй половиной V в. до н. э. (Скуднова 1954, с. 316). Впоследствии это выделение было развито А. И. Шкурко, который впрочем, предполагал хронологическую параллельность двух типов (Шкурко 1975, с. 85) и А. Р. Канторовичем, выделившим «бабинско-семибратненский» и «нимфейско-днепрянский» типы, датировав их V в. до н. э. и первой половиной V — началом IV вв. до н. э. соответственно (Канторович 2015, с. 539—544).

Новые материалы, во многом, подтверждают справедливость такой классификации, позволяя, в то же время, сделать определенные уточнения (рис. 11). К лаконичным плоскостным изображениям головы кабана с раскрытой пастью, помимо указанных выше, необходимо отнести экземпляры из окрестностей Старого Крыма, Криничек, Керчи, Талаевского кургана, Белогорского р-на Крыма, Глубокой пристани, Елизаветовского городища, Днепрян и, скорее всего, могильника Нартан, Басовки и Капитановки (рис. 11: 1—14). Кроме упомянутых выше общих характеристик (раскрытая пасть, плоскостная моделировка), для них характерно изображение лишь одного клыка (видимо, здесь два клыка показаны слитно). Все изображения отличаются в деталях. Так, лоб может быть более или менее крутым (последний вариант превалирует), небольшим горбиком может быть передана приподнятость верхней губы клыком (Днепряны, 4 Семибратний курган), но чаще всего она отсутствует, всегда овальный глаз отличается в деталях: от почти круглого (Белогорский р-н) до вытянутого (окрестности Керчи). Основная же дифференциация внутри данной группы может быть проведена по такому признаку как наличие или отсутствие шерсти (загривка). У изображений с Нимфейского городища, курганов Роменского уезда, Старого Крыма, кургана из имения Талаевой загривок отсутствует. Вместе с тем, у большинства экземпляров — из Криничек, Белогорского р-на, Частых курганов, Днепрян, Елизаветовского городища, Глубокой пристани — этот элемент есть. Видимо к этой же серии условных плоскостных изображений кабанов с загривком принадлежат и экземпляры из Басовки и Капитановки, хотя их фрагментиро-

ваность усложняет окончательную идентификацию.

К другой группе относятся более реалистичные изображения с закрытой пастью и, чаще всего, рельефно показанным пятаком и складками губ (судя по целым экземплярам) (рис. 11: 24—32). Все кабаны — с загривком, рифлением показана кожно-шерстная складка. Также, судя по целым экземплярам, оба клыка изображались раздельно. Выразительной чертой этих изображений является подчеркивание и выделение уха. При этом в некоторых из них ухо показано скульптурно, отходя в сторону, на зрителя, и имеет рифление раковины [1]. По этим признакам данная группа изображений является реалистичной и, в то же время, содержит ряд декоративных элементов (рифление кожно-шерстной складки, уха), отсутствующих в первой группе. Помимо экземпляров из Нимфейских, Семибратних курганов и Тамани, к данной группе необходимо отнести золотую накладку из кургана Бабы и две крымские бляхи, публикуемые впервые, а также, с определенной долей условности, литейную форму или матрицу с поселения Кошары и лопасть ножен меча из Великой Белозерки.

Для выявления генезиса этой реалистично-декоративной группы важно, что география распространения изделий, помимо формы из Кошар и золотыхпластин из курганов Бабы и Великая Белозерка, ограничивается Юго-Восточным Крымом и Таманью — т. е. территориями входившими, или непосредственно приближенными к Боспору. Это наводит на предположение о том, что боспорские мастера имели непосредственное отношение к развитию данной стилистической линии. В пользу такого предположения, помимо географии, свидетельствует и специфическая стилистика этих изображений. Во-первых, это довольно резкий переход от теменной части к морде через короткий крутой лоб. Во-вторых, относительно реалистичная передача пасти зверя и «пятака» (во всяком случае, в целых экземплярах) рельефными складками. Обе эти черты весьма хорошо просматриваются на собственно греческих изображениях кабана, известных, как по вазописи, так и по нумизматическому материалу — восточногреческим монетамвторой половины VI — первой половины V вв. до н. э.: Кизика, Самоса, Лесбоса, Иалиса, Ликии, Мессалии, но наиболее массово — Клазомен, от 520 г. до н. э. вплоть до римского времени (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016, с. 196). В-третьих, на золотой пластине из кургана Бабы и лопасти меча из Великой Белозерки присутствуют такие греческие элементы как пальметта и волюты, что придает этим образам черты скифо-греческого синтеза. В особенности это характерно для белозерского изображения, выполненного, кроме того, очень реалистично.

На возможное боспорское происхождение бляшек в виде головы кабана уже указывала В. А. Ильинская. Правда, по ее мнению, с боспорскими торевтами следовало связывать именно лаконичные изображения, получившие распространение как в Крыму, так и в Левобережной Лесостепи (Ильинская 1968, с. 133). Однако, как статистика, так и география образа свидетельствует в пользу того, что греки Северного Причерноморья, в большей степени, повлияли на формирование «реалистично-декоративного» типа кабаньей головы с объемным ухом. Именно этот образ получил распространение в Крыму и Причерноморской Степи, оставаясь неизвестным в Лесостепной части Скифии.

В то же время, нельзя согласиться с выводом А. И. Шкурко о том, что лаконичные изображения кабаньей головы стали результатом творчества левобережно-лесостепного «художественного центра», который исследователь противопоставлял «правобережному центру» якобы больше связанному с искусством Степи и Прикубанья (Шкурко 1976, с. 98). На тот момент, принимая во внимание состояние источниковой базы, указанный вывод, вероятно, был правомерен. Но сейчас лаконичные изображения кабаньих голов нельзя трактовать как свидетельство большей «замкнутости» и «самобытности» Левобережной Лесостепи в трактовке образов скифского звериного стиля, на что указывал А. И. Шкурко (Шкурко 1976, с. 98). Подобных изображений, действительно, пока не обнаружено в Правобережной Лесостепи, однако они хорошо известны в Крыму, где сосуществуют вместе с реалистично-декоративными экземплярами. В связи с этим, вопрос об истоках и генезисе этих лаконичных изображений, а также их соотношении с реалистично-декоративными головками остается актуальным.

В каком направлении шло это развитие — от реализма и декоративности к условности и геометризму, или же наоборот? В. М. Скуднова полагала, что «лаконичный» тип, относясь к первой половине V в. до н. э., предшествует «реалистично-декоративному» второй половины того же века (Скуднова 1954, с. 316). А. И. Шкурко настаивал на их хронологической синхронности (Шкурко 1975, с. 85). Прежде чем дать свою версию ответа на поставленный вопрос, еще раз отметим, что в рамках обеих групп отмечается весьма высокая вариативность отдельных изображений. Здесь нет того стилистического единообразия, которое присуще некоторым другим редуцированным изображениям, выполненным в скифском зверином стиле. Две стилистически наиболее полярные совокупности изображений, это из-

1. Такое подчеркивание уха могло иметь и мифологический подтекст. Так, в нартовском эпосе герой Батраз побеждает вепря, оторвав ему ухо, что лишает зверя сил (Вертиенко 2014, с. 275).

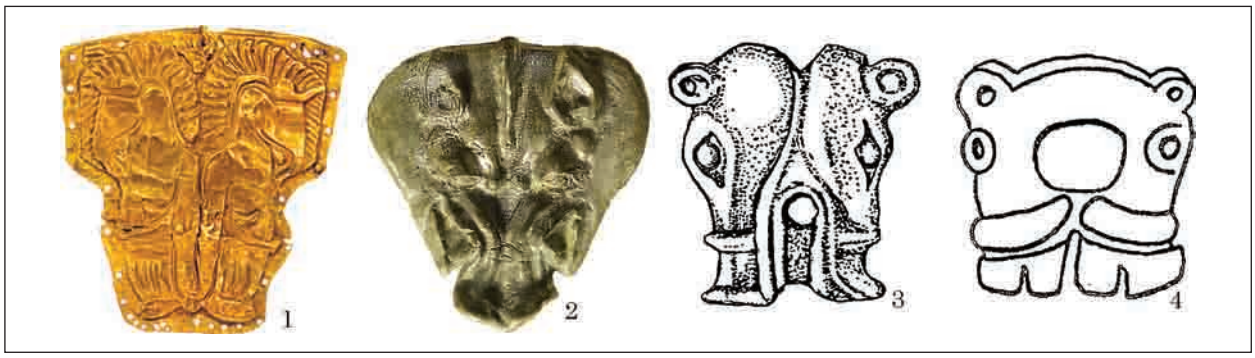

Рис. 12. Композиции со сдвоенными головами кабанов: 1 — курган Бабы; 2 — с. Новокленово (Крым); 3 — Кривая Лука III, курган 5, погребение 16; 4 — Кичик-Кюзюр (Тагарская культура). Масштаб произвольный (по: 1 — Артамонов 1966; 2 — Скорый, Зимовец 2014; 3 — Королькова 2006; 4 — Членова 1997)

делия из Роменских курганов, Нимфейского городища, окрестностей Старого Крыма и кургана в имении Талаевой, с одной стороны (рис. 11: 1—4), и бляхи из Семибратнего и Нимфейского курганов, Марково-Шахтино и Юго-Восточного Крыма, с другой (рис. 11: 24—28). Первая из них предельно геометризирована, отсутствуют загривок и кожно-шерстная складка, пасть приоткрыта, в ней показан только один клык, лоб (за исключением изображения из Нимфея) — очень плавный. Вторая отличается бо́льшим реализмом форм, передачей загривка, рифленой кожно-шерстной складкой, изображением двух клыков при сомкнутой пасти и выразительного уха сложной формы. Однако между ними располагается ряд промежуточных, конвергентных изображений, в той или иной степени сочетающих признаки обеих групп, и «лаконичной», и «реалистично-декоративной». Рассмотрим их детальнее.

Одна из голов кабана из окрестностей Старого Крыма выполнена реалистично, в высоком рельефе (рис. 11: 21). Складками показаны детали носа, округлой выпуклостью — щека. Вместе с тем отсутствует загривок, рифленая кожно-шерстная складка и два клыка, как и в «лаконичных» изображениях. Весьма необычно выполнен глаз: он концентрический (полусферическая зеница лежит в рельефно окантованной глазнице) и подчеркнут снизу еще (как минимум) одной рельефной складкой. Единственную аналогию такому приему можно встретить в изображениях головы кабана на концах пряжки из кургана 11, раскопки 1911—1915 гг. (ВУАК), группы «Частые курганы», относящейся, как уже было сказано, к локальному среднедонскому типу (рис. 10: 7).

Голова кабана из разрушенного погребения на горе Айлянма-Кая в Центральном Крыму (рис. 11: 16), формально, ближе к реалистично-декоративной манере (складки носа, загривок, кожно-шерстная складка, форма уха). Однако ни по пропорциям, ни по стилистике она не похожа на образцы из Юго-Восточного Крыма и Тамани. Здесь отсутствуют рифление кожно-шерстной складки и крутой лоб. К тому же, пасть этого зверя приоткрыта. Полные аналоги ему отсутствуют. Пасть вепрей из Тузлинского некрополя, могильника Терновое I и Александропольского кургана (рис. 11: 17, 19, 20) сомкнута, однако, в целом, изображения весьма геометричны и схематичны (в особенности тузлинское), так что их нельзя однозначно отнести ни к одной из двух «магистральных» групп.

Еще один яркий экземпляр — бронзовая бляха из с. Новокленово. На ней изображена голова кабана в плане (вид сверху, без нижней челюсти) и, в то же время, в фас (благодаря выразительной рельефной передаче глаз и пятака), подтреугольной формы, с симметрично выполненными левой и правой частью. Однако, каждая из этих частей является самостоятельной головой кабана, только уже профильной (рис. 11: 15, 15а). Как «основная», так и боковые головы выполнены в реалистичной манере, в высоком рельефе. Однако они лишены каких-либо декоративных элементов. Нам известны всего лишь три аналоги итакому сдвоенному отображению кабаньих голов. Это уже упомянутая золотая пластина из кургана Бабы в Северном Причерноморье, датируемого по краснофигурному скифосу 470—450 гг. до н. э. (Алексеев1991, с. 51),бронзовые бляхи из могильника Кривая Лука III в Нижнем Поволжье, конец VI — первая половина V в. до н. э. (Очир-Горяева 2012, с. 221) и роговая пронизь из тагарского могильника Кичик-Кюзюр, который также, скорее всего, относится к эпохе архаики (Членова 1997, с. 21, 76, рис. 30: 8) (рис. 12: 1, 3—4). Правда, в этих аналогиях две головы приставлены друг к другу своими нижними частями, в то время как на крымской бляхе они соединены по линии загривка—лба—носа. Но причина этого понятна, если принять во внимание то, что мастер хотел изобразить не только и не столько сдвоенные, симметрично расположенные головы, но и составленное из них изображение анфас, которое имело самостоятельное значение и, очевидно, являлось в данном случае «основным». Уникальность новокленовской бляхи позволяет предположить, что здесь имел место творческий эксперимент,

когда уже известную в Северном Причерноморье схему сдвоенных кабаньих голов (курган Бабы) использовали для создания нового образа головы кабана в плане, в результате чего получилось изображение «три в одном». Не исключено, что мастер использовал при этом схему изображения головы хищника в плане, известную на Крымском полуострове (Скорый, Зимовец 2014, с. 113—115). Хронологически же северопричероморские изображения (как новокленовское, так и бабинское) оказываются более поздними по отношению к восточным аналогиям, позволяя говорить об азиатских (от Поволжья до Алтая) истоках схемы сдвоенных голов кабана [1].

Наконец, необходимо остановиться еще на двух оригинальных сериях, которые, с определенной долей условности, могут быть интерпретированы как крайне стилизованные изображения головы кабана, являющейся зооморфным превращениям задних конечностей; или же, более осторожно, как конечности с элементами головы вепря [2]. На нащечниках из тузлинского некрополя (Древности… 1854, табл. XXIX: 13) представлено бедро и пара задних ног (основное, вертикальное изображение). При горизонтальном же рассмотрении мы видим признаки головы кабана. Округлое бедро становится головой, пара ног — верхней и нижней челюстью. Глаз показан дуговидными линиями на переднем выступе бедра «основного» изображения. Рельефными линиями показаны клыки и, видимо, зубы зверя. На золотых бляшках из «Майкопского клада» (Leskov 2008, p. 49—50, cat. 57) изображена задняя конечность кабана, атрибутируемая по такому характерному признаку, как раздвоенный хвост, закинутый на бедро (наблюдается у полнофигурных изображений из Александровки, МИДУ, Архангельской слободы, Уляпа, Ушаковского кургана). Но при горизонтальном развороте здесь также читается образ головы вепря, со спиралевидным глазом на выступе бедра, зубами, клыком (углубленная линия) (рис. 13). Аналогом такого рода зооморфной трансформации (конечность при вертикальном, голова при горизонтальном рассмотрении) являются нащечные бляхи из Крыма: Нимфейского некрополя и могильника Ак-Таш (Силантьева 1959, рис. 47: 7; Бессонова, Скорый 1986, рис. 6: 5, 6; 7: 3). Здесь бедро с когтевидной конечностью, при горизонтальном рассмотрении, превращается в голову лося, где когти передают рога животного. Подобный прием, скорее всего, можно рассматривать как

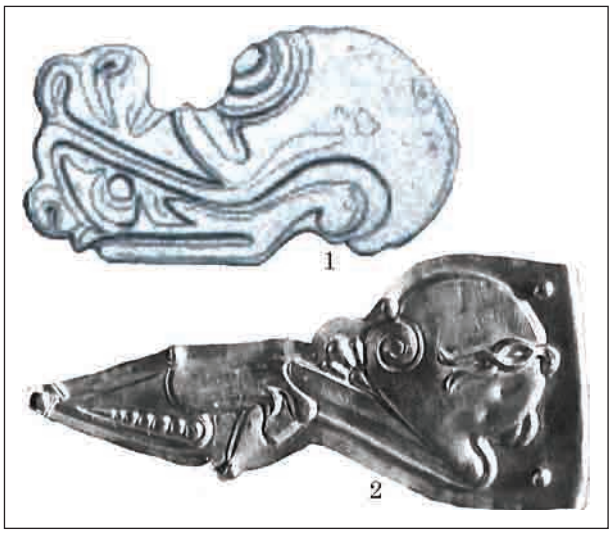

Рис. 13. Изображение головы кабана — результата зооморфного превращения конечностей: 1 — Тузлинский некрополь; 2 — «Майкопский клад». Масштаб произвольный (по: Древности… 1854; Altes Museum, Берлин, фото: Р. В. Зимовец)

особенность местной, «околобоспорской» (исключительно в географическом смысле этого понятия) школы производства предметов в скифском зверином стиле (Зимовец 2015).

Выше приведенные примеры свидетельствуют о богатстве и разнообразии художественных трактовок образа кабана на территории Крымского полуострова, несмотря на существование двух основных стилистических векторов. Они же наталкивают на мысль о том, что Крым и Предкавказье, в классическое время, были некой зоной художественных экспериментов применительно к рассматриваемому образу, а значит, здесь, скорее всего, было сосредоточено и производство этих изделий. В пользу последнего говорит и статистика образа.

Наличие промежуточных типов между двумя основными группами изображений как будто бы подкрепляет тезис А. И. Шкурко о синхронности бытования лаконичных и реалистично-декоративных типов кабаньих голов. Однако с хронологической точки зрения изображения на кабаньих клыках имеют небольшой приоритет (конец VI — начало V вв. до н. э.) (Королькова 2006, с. 124) по отношению к датируемым изображениям на бронзовых бляхах (начиная, преимущественно, со второй четверти V в. до н. э.). При этом, все изображения на клыках выполнены в условной, лаконичной манере. Кроме того, из разрушенного погребения у с. Новопривольное (Поволжье) происходит клык, украшенный, с широкой стороны, полнофигурным изображением кабана, стоящего «на кончиках копыт» (рис. 14). Хотя само погребение публикатор датирует концом VI — первой половиной V вв. до н. э. (Максимов 1976, с. 217), изображение кабана выполнено в архаической манере и находит бли-

1. А. Ю. Алексеев также обратил внимание на сходство бронзовых бляшек со сдвоенными головами лосей из курганов В и № 400 у с. Журовка со скульптурными изображениями лосей с территории Пазырыкской культуры Алтая (Алексеев 1991, с. 53, рис. 5: 3, 4; 13, 14).
2. В силу этой условности мы не включаем эти изображения в общую статистику образа.

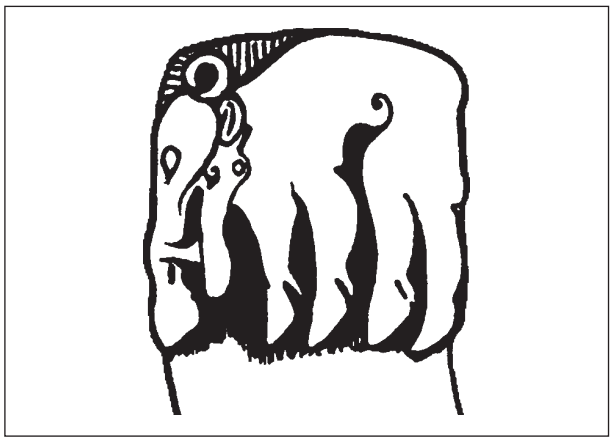

Рис. 14. Изображение полнофигурного кабана на клыке из с. Новопривольное (Нижнее Поволжье) (по: Максимов 1976)

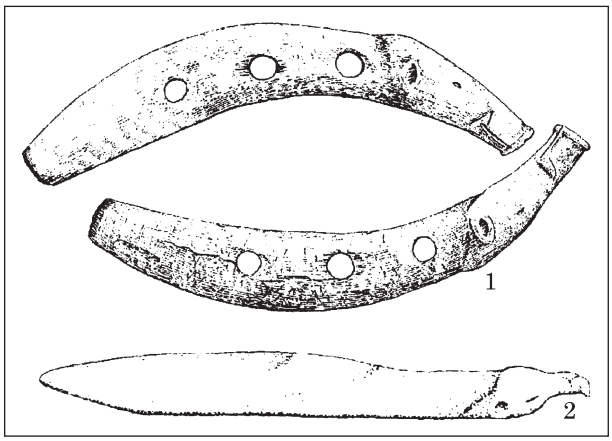

Рис. 15. Редуцированные изображения кабана из Центральной Азии: 1 — курган 5 могильника Карбан I; 2 — Алтай. Масштаб произвольный (по: Кирюшин, Тишкин 1997)

жайшие аналогии в уже упомянутых в начале статьи памятниках Центральной Азии, относящихся к VIII—VI вв. до н. э. Е. Ф. Королькова обратила внимание, что голова новопривольненского кабана особенно близка изображению на бляхе из Роменских курганов (Королькова 2006, с. 46, 114). Действительно, она вполне соответствует канону лаконичных голов как с Посулья, так и из Крыма: удлиненная форма, плавный лоб, открытая пасть, один клык. Не исключено что именно новопривольненский полнофигурный кабан послужил прототипом для тиражирования редуцированных образов в виде лаконичной головки. Принимая во внимание тот факт, что самая ранняя подвеска из клыка кабана (на которой изображен кабан с вытянутыми вниз ногами) была обнаружена в кургане Аржан, а также количественное преобладание подвесок-клыков в центральноазиатском регионе, Е. Ф. Королькова пришла к выводу, что они распространялись с востока на запад и были связаны с «каким-то восточным импульсом в Поволжье, на Северный Кавказ и Северное Причерноморье» (Королькова 2006, с. 124).

Эти наблюдения приводят к выводу о том, что «лаконичные» изображения головы кабана в скифском зверином стиле Северного Причерноморья не являются результатом утрирования и геометризации неких эталонных, художественно более совершенных образцов, генетически связанных с греческим искусством. Скорее, они имели самостоятельный источник, первоначально не связанный с греческим искусством. А хронология и стилистика указывают на то, что таким источником могли быть именно изображения на кабаньих клыках, т. е. изделиях, принадлежащих савроматскому художественному кругу. Бронзовые же бляхи можно рассматривать как подражания изображениям на клыках. Т. е. появление образа лаконичной головы кабана следует связывать с савроматским культурным импульсом в Северное Причерноморье. В пользу этого свидетельствуют и изображения в виде сдвоенных голов. Здесь весьма кстати вспомнить точку зрения А. Ю. Алексеева, который, на основании гораздо более широкого материала (но также упоминая и савроматские клыки с зооморфными изображениями), приходит к выводу об ощутимом восточном воздействии на Европейскую Скифию в конце VI — начале V вв. до н. э. По его мнению, это воздействие имело не только культурное, но и этническое содержание (Алексеев 1991, с. 54; 2003, с. 183—184). Точку зрения об определенной смене населения Северного Причерноморья в это время, проявившуюся, в частности, в появлении новых образов звериного стиля (свернувшихся «волчьих» хищников, птиц с подтреугольной восковицей на клюве) разделяет и Ю. Б. Полидович (Полідович 2000, с. 45—46). Скорее всего, появление «лаконичных» кабаньих головок в Северном Причерноморье является одним из следствий этого импульса.

Также необходимо отметить, что лаконичные изображения обособленной головы кабана в архаическое время были известны и в более восточных регионах скифо-сибирского мира. В качестве примеров можно привести пару трехдырчатых роговых псалиев из кургана 5 могильника Карбан I на Алтае, оканчивающихся изображением голов кабана с сомкнутой пастью, но выполненных довольно условно и геометрично, с плавно-покатым, невыраженным лбом и отсутствием загривка. Могильник относится к раннескифскому времени (Кирюшин, Тишкин 1997, с. 33), а по материалу Н. Л. Членова синхронизирует данный комплекс с Уйгаракским могильником, также датируя в диапазоне VII—VI вв. до н. э. (Членова 1997, с. 26, 88, рис. 42: 1, 4). С Алтая происходит и бронзовый нож, оканчивающийся изображением головы кабана (Членова 1997, с. 93, рис. 47: 5) (рис. 15: 1—2). Нами также уже упоминалась роговая

пронизь в виде двух головок кабанов из тагарского могильника Кичик-Кюзюр.

Что касается реалистично-декоративных изображений кабаньих головок, то, принимая во внимание их локализацию, скорее всего они явились продуктом местной, боспорской художественной школы. Последняя могла быть весьма самостоятельной в разработке образа обособленной головы вепря, черпая образцы как в собственно греческом искусстве, так и в скифских полнофигурных изображениях кабана, таких, как золотые пластины-накладки на ножны меча, колчан и чашу из Александровки, Архангельской слободы и МИДУ. В последних уже заметны характерные черты — сомкнутая, рельефно моделированная пасть, рельефная разделка кожно-шерстной складки, рельефное акцентирование уха, обязательный загривок, удлиненно-подтреугольный глаз — которые находят отражение и в редуцированных изображениях. При этом, александровский комплекс является весьма ранним, относясь к самому концу VI — началу V вв. до н. э. (Алексеев 1991, с. 49). В то же время вполне вероятно, что именно проникновение савроматских изделий (в том числе, и с их носителями) в Северное Причерноморье инициировало определенную востребованность данного образа в этом регионе, результатом чего стало появление его местной «реалистично-декоративной» трактовки.

Подводя итог необходимо отметить, что есть все основания говорить об относительно независимом развитии двух художественных векторов разработки редуцированного образа кабана — «лаконичного», связанного с савроматской традицией и «реалистично-декоративного», сложение которого проходило под активным влиянием греческих мастеров, скорее всего, непосредственно на Боспоре. При этом, возможно, именно савроматский образ «лаконичной» трактовки головы вепря, хронологически несколько более ранний и имеющий аналогии в раннескифский период в Южной Сибири и на Алтае стал импульсом для формирования и развития реалистично-декоративных изображений этого зверя. Группа лаконичных плоскостных изображений появилась в Северном Причерноморье, скорее всего, уже в готовом виде и получила здесь большее распространение: Крым, Северопричерноморская Степь, Днепровское Лесостепное Левобережье и Правобережье. Группа реалистично-декоративных изображений осталась замкнутой в пределах территорий, близких к античным производственным центрам, в первую очередь, к Боспору. Несмотря на более широкое распространение изображений головы кабана по сравнению с полными фигурами, первые все же количественно преобладают в степных районах, а также в Крыму. На Крымском полуострове и в соседнем Предкавказье представлены обе стилистические группы. А присутствие ряда промежуточных (объединяющих черты обеих групп) и, так сказать, экспериментальных изображений позволяет предположить, что на этой территории были сосредоточены основные центры изготовления блях-деталей конской узды в виде головы вепря.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии в V в. до н. э. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 31, с. 43-57.

Алексеев, А. Ю. 2000. *Хронография Европейской Скифии VII—IV вв. до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.).* Киев: Наукова думка.

Артамонов, М. И. 1973. *Сокровища саков. Амударьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото.* Москва: Искусство.

Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов всобрании Государственного Эрмитажа.* Прага; Ленинград: Артия; Советский художник.

Батчаев, В. М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов. В: Марковин, В. И. (ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг.* Нальчик: Эльбрус, с. 7-115.

Бейсенов, А. З., Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. А. 2015. *Искусство саков Сарыарки.* Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.

Бейсенов, А. З., Марьяшев, А. Н. 2014. *Петроглифы раннего железного века Жетысу.* Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.

Бессонова, С. С., Зимовец, Р. В., Скорый, С. С. 2016. Бронзовая матрица скифского времени, найденная в пойме реки Трубеж (предварительная публикация). *Археологія і давня історія України*, 2 (19): Старожитності раннього залізного віку, с. 189-205.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1986. Погребение скифскоговоина из Акташского могильника в Восточном Крыму. *Советская археология*, 4, с. 158-170.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Киев: Скиф.

Бобринский, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневники раскопок 1889—1897 гг.* Санкт-Петербург: Главное Управление уделов, 3.

Болтрик, Ю. В. 1998. Вепрь — один из символов скифского Ареса. В: Вилинбахов, Г. В., Столяр, А. Д. (ред.). *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения профессора М. И. Артамонова. Санкт-Петербург, 9—12 декабря, 1998 г.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 80-81.

Вахтина, М. Ю. 2005. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII—IV вв. до н. э. В: Марченко, К. К. (ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху.* Санкт-Петербург: Алетейя, с. 297-399.

Вертиенко, А. В. 2014. Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация. *Stratum plus*, 3, с. 271-280.

Вязьмитина, М. И. 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля. *Советская археология*, 2, с. 158-170.

Грэйвс, Р. 1992. *Мифы древней Греции*. Москва: Прогресс.

Грязнов, М. П. 1980. *Аржан. Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Могилов, О. Д. 2001. Теклівські кургани на західному Поділлі. В: Посохов С. И. (ред.). *Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко*. Харьков: ХНУ, с. 111-124.

Древности… 1854. *Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа*. Санкт-Петербург.

Зимовец, Р. В. 2015. Об одном условном полисемантическом образе в скифском искусстве звериного стиля. *Археологія і давня історія України*, 2 (15): Старожитності раннього залізного віку, с. 55-64.

Зимовец, Р. В., Скорый С. А., Окатенко В. Н. 2018. Бронзовая матрица с Бельского городища: к вопросу о центральноазиатских мотивах в раннескифском зверином стиле Северного Причерноморья. *Tyragetia*, 1, с. 219-236.

Золото степу. 1991. В: Толочко, П. П., Мурзин, В. Ю. (ред.). *Археологія України*. Киев; Шлезвіг.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы басейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф.

Канторович, А. Р. 2015. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*: Диссертация д. и. н. ИА РАН.

Канторович, А. Р., Грибкова, А. А. 2011. Золотая пластина из коллекции МИДУ и сюжет лежащего кабана в скифском зверином стиле. *Вестник древней истории*, 4, с. 132-146.

Капошина, С. И. 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии. *Материалы по истории и археологии СССР*, 50: Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху, с. 211-254.

Кашаев, С. В. 2013. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов). *Российский археологический ежегодник*, 3, с. 362-373.

Килуновская, М. Е., Семенов, В. А. 1999. Оленные камни Тувы (сюжеты, стиль, семантика). *Археологические вести*, 6, с. 130-145.

Кирюшин, Ю. Ф., Тишкин, А. А. 1997. *Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время*. Барнаул: Алтайский государственный университет.

Кисель, В. А. 1997. *Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН.

Кисель, В. А. 2003. *Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Ковалева, И. Ф., Мухопад, С. Е. 1982. Скифское погребениеVI—V вв. до н. э. у с. Александровка. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 91-101.

Ковпаненко, Г. Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.

Колотухин, В. А. 2000. *Киммерийцы и скифы Степного Крыма*. Симферополь: Сонат.

Колтухов, С. Г., Сенаторов, С. Н. 2016. *Скифы предгорного Крыма в VII—IV вв. до н. э. Курганы 1890—1892 и 1895 гг. (по материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского)*. Симферополь.

Королькова, Е. Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Кузьмина, Е. Е. 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 52-65.

Лесков, А. М. 1972. *Новые сокровища курганов Украины*. Ленинград: Аврора.

Либеров, П. Д. 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. *Свод археологических источников*, Д 1—31, с. 101-103

Лопатин, В. А., Леонтьева, А. С. 2011. Культ вепря в искусстве древних индоиранцев. Опыт образно-логической реконструкции одного из объектов исторической памяти. *История и историческая память*, 3, с. 91-107.

Максимов, Е. К. 1976. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 210-218.

Максимова, М. И. 1954. Серебряное зеркало из Келермеса. *Советская археология*, 21, с. 281-305.

Марченко, К. К., Житников, В. Г., Копылов, В. П. 2000. *Елизаветовское городище на Дону*. Москва: Палеограф. Pontus Septentrionalis, II.

Мелюкова, А. И. 1976. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства. В: Мелюкова, А. И.,Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 106-270.

Могилов, О. Д. 2008. *Споряджeня коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 204-206.

Мозолевський, Б. Н. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Мурзин, В. Ю. 1984. *Скифская архаика Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Національний… 2011. *Національний музей історії України*. Київ: Мистцетво, 1.

Ольговский, С. Я. 2014. *Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья*. Москва: РФСОиН.

Очир-Горяева, М. А. 2012. *Древние всадники степей Евразии*. Москва: Таус.

Переводчикова, Е. В. 1994. *Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи*. Москва: Восточная литература.

Полідовіч, Ю. Б. 2000. Скіфськи хрестоподібні бляхи. *Археологія*, 1, с. 35-48.

Полин, С. В., Алексеев, А. Ю. 2018. *Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье*. Киев; Берлин: Олег Філюк.

Пузикова, А. И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. Москва: Индрик.

Савинов, Д. Г.1987. Изображение «висящего» оленя на ритоне из Келермеса. В: Мартынов, А. И., Молодин, В. И. (ред.). *Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология*. Новосибирск: Наука, с. 112-117.

Савченко, Е. И. 2001. Могильник скифского времени «Терновое I — Колбино Ь» на Среднем Дону (погребальный обряд). В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг.* Москва: ИА РАН, с. 53-143.

Силантьева, Л. Ф. 1959. Некрополь Нимфея. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 69, с. 5-107.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев: ИА НАНУ.

Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: Олег Філюк.

Скуднова, В. М. 1985. Скифские памятники из Нимфея. *Археология*, XXI, с. 306-318.

Сокровища… 1985. *Сокровища курганов Адыгеи*. Москва: Советский художник.

Членова, Н. Л. 1967. *Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры*. Москва: Наука.

Членова, Н. Л. 1997. *Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира*. Москва: ИА РАН.

Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. 2017. *Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Яковенко, Э. В. 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 131-132.

Шедевры… 1987. *Шедевры древнего искусства Кубани*. Москва: Министерство культуры СССР.

Шкурко, А. И. 1975. *Звериный стиль в искусстве и культуре Лесостепной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*: Диссертация к. и. н. ИА АН СССР.

Шкурко, А. И. 1976. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 90-105.

Эрлих, В. Р., Шамба, Г. К. 2005. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 5, с. 164-171.

Borovka, G. 1928. *ScythianArt*. London: Ernest Benn.

Boardman, J. 1976. *Athenian blackfigure vases*. London: Thames & Hudson.

Bittel, K. 1976. *Les Hittites*. Gallimard.

Leskov, A. M. 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthroplogy.

Vaticano Museo Gregoriano Etrusco. 2003. Milano: FMR spa, Gruppo ART'E'.

Schiltz, V. 1994. *Les Scythes et les nomads des steppes. VIII siècle avant J.-C. — I siècle apres J.-C.* Gallimard.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 1991. Hronologiya i hronografiya Prichernomorskoj Skifii v V v. do n. e. In: Piotrovskij, B. B. (ed.). *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 31, s. 43-57.

Alekseev, A. Yu. 2000. *Hronografiya Evropejskoj Skifii VII—IV vv. do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskih carej v sobranii Ehrmitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (skifskij carskij kurgan IV v. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.

Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovishcha sakov. Amu-Dar'inskij klad. Altajskie kurgany. Minusinskie bronzy. Sibirskoe zoloto*. Moskva: Iskusstvo.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga; Leningrad: Artiya; Sovetskij hudozhnik.

Batchaev, V. M. 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov. In: Markovin, V. I. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya na novostrojkah Kabardino-Balkarii v 1972—1979 gg*. Nal'chik: El'brus, s. 7-115.

Bejsenov, A. Z., Dzhumabekova, G. S., Bazarbaeva, G. A. 2015. *Iskusstvo sakov Saryarki*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana.

Bejsenov, A. Z., Mar'yashev, A. N. 2014. *Petroglify rannego zheleznogo veka Zhetysu*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana.

Bessonova, S. S., Zymovec, R. V., Skoryj, S. A. 2016. Bronzovaya matrica skifskogo vremeni, najdennaya v pojme reki Trubezh (predvaritel'naya publikaciya). *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (19): Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku, s. 189-205.

Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1986. Pogrebenie skifskogo voina iz Aktashskogo mogil'nika v Vostochnom Krymu. *Sovetskaya arheologiya*, 4, s. 158-170.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskij carskij kurgan Gajmanova Mogila*. Kiev: Skif.

Bobrinskij, A. A. 1901. *Kurgany i sluchajnye arheologicheskie nahodki bliz mestechka Smely. Dnevniki raskopok 1889—1897 gg*. Sankt-Peterburg: Glavnoe Upravlenie udelov, 3.

Boltrik, Yu. V. 1998. Vepr' — odin iz simvolov skifskogo Aresa. In: Vilinbahov, G. V., Stolyar, A. D. (eds.). *Skify. Hazary. Slavyane. Drevnyaya Rus'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, posvyashchyonnaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. I. Artamonova. Sankt-Peterburg, 9—12 dekabrya, 1998 g*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 80-81.

Vahtina, M. Yu. 2005. Grecheskoe iskusstvo i iskusstvo Evropejskoj Skifii v VII—IV vv. do n. e. In: Marchenko, K. K. (ed.). *Greki i varvary Severnogo Prichernomorya v skifskuyu epohu*. Sankt-Peterburg: Aletejya, s. 297-399.

Vertienko, A. V. 2014. Obraz veprya v iranskoj tradicii — narrativ i vizualizaciya. *Stratum plus*, 3, s. 271-280.

Vyaz'mitina, M. I. 1963. Rannie pamyatniki skifskogo zverinogo stilya. *Sovetskaya arheologiya*, 2, s. 158-170.

Grehjvs, R. 1992. *Mify drevnej Grecii*. Moskva: Progress.

Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Carskij kurgan ranneskifskogo vremeni*. Leningrad: Nauka.

Gucal, A. F., Gucal, V. A., Mogilov, O. D. 2001. Teklivs'ki kurgani na zahidnomu Podilli. In: Posohov, S. I. (ed.). *Drevnosti Vostochnoj Evropy. Sbornik nauchnyh trudov k 90-letiyu B. A. Shramko*. Harkov: HNU, s. 111-124.

Drevnosti… 1854. *Drevnosti Bospora Kimmerijskogo, hranyashchiesya v imperatorskom muzee Ermitazha*. Sankt-Peterburg.

Zymovec, R. V. 2015. Ob odnom uslovnom polisemanticheskom obraze v skifskom iskusstve zverinogo stilya. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (15): Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku, s. 55-64.

Zymovec, R. V., Skoryj, S. A., Okatenko, V. N. 2018. Bronzovaya matrica s Bel'skogo gorodishcha: k voprosu o central'noaziatskih motivah v ranneskifskom zverinom stile Severnogo Prichernomorya. *Tyragetia*, 1, s. 219-236.

Zoloto stepu. 1991. In: Tolochko, P. P., Murzin, V. Yu. (ed.). *Arheologiya Ukrainy*. Kiev; Shlezvig.

Il'inskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhya (kurgany Posul'ya)*. Kiev: Naukova dumka.

Il'inskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurgany basejna r. Tyasmin*. Kiev: Naukova dumka.

Il'inskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmerijcy i skify. Kul'turno-istoricheskie i hronologicheskie problemy arheologii vostochnoevropejskih stepej i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni.* Moskva: Paleograf.

Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskij zverinyj stil' Vostochnoj Evropy: klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, ehvolyuciya*: Dissertatsia d. i. n. IA RAN.

Kantorovich, A. R., Gribkova, A. A. 2011. Zolotaya plastina iz kollekcii MIDU i syuzhet lezhashchego kabana v skifskom zverinom stile. *Vestnik drevnej istorii*, 4, s. 132-146.

Kaposhina, S. I. 1956. O skifskih ehlementah v kul'ture Ol'vii. *Materialy po istorii i arheologii SSSR*, 50: Ol'viya i Nizhnee Pobuzhye v antichnuyu ehpohu, s. 211-254.

Kashaev, S. V. 2013. Tuzlinskie kurgany (po materialam publikacij i arhivov). *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik*, 3, s. 362-373.

Kilunovskaya, M. E., Semenov, Vl. A. 1999. Olennye kamni Tuvy (syuzhety, stil', semantika). *Arheologicheskie vesti*, 6, s. 130-145.

Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. 1997. *Skifskaya ehpoha Gornogo Altaya. Ch1. Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya.* Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet.

Kisel', V. A. 1997. *Svyashchennaya sekira skifov. Ob odnoj nahodke iz Kelermesa.* Sankt-Peterburg: MAE RAN.

Kisel', V. A. 2003. *Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskih kurganov.* Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Kovaleva, I. F., Muhopad, S. E. 1982. Skifskoe pogrebenie VI—V vv. do n. e. u s. Aleksandrovka. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoj Skifii.* Kiev: Naukova dumka, s. 91-101.

Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v bassejne r. Ros'.* Kiev: Naukova dumka.

Kolotuhin, V. A. 2000. *Kimmerijcy i skify Stepnogo Kryma.* Simferopol': Sonat.

Koltuhov, S. G., Senatorov, S. N. 2016. *Skify predgornogo Kryma v VII—IV vv. do n. e. Kurgany 1890—1892 i 1895 gg. (po materialam N. I. Veselovskogo i Yu. A. Kulakovskogo).* Simferopol'.

Korol'kova, E. F. 2006. *Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i YUzhnogo Priural'ya v skifskuyu ehpohu (VII—IV vv. do n. e.).* Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Kuz'mina, E. E. 1976. Skifskoe iskusstvo kak otrazhenie mirovozzreniya odnoj iz grupp indoirancev. In: Melyukova, A. I, Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 52-65.

Leskov, A. M. 1972. *Novye sokrovishcha kurganov Ukrainy.* Leningrad: Avrora.

Liberov, P. D. 1965. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu. *Svod arheologicheskih istochnikov*, D 1—31, s. 1-103.

Lopatin, V. A., Leont'eva, A. S. 2011. Kul't veprya v iskusstve drevnih indoirancev. Opyt obrazno-logicheskoj rekonstrukcii odnogo iz objektov istoricheskoj pamyati. *Istorija i istoricheskaja pamyat'*, 3, s. 91-107.

Maksimov, E. K. 1976. Novye nahodki savromatskogo zverinogo stilya v Povolzh'e. In: Melyukova, A. I, Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 210-218.

Maksimova, M. I. 1954. Serebryanoe zerkalo iz Kelermesa. *Sovetskaya arheologiya*, 21, s. 281-305.

Marchenko, K. K., Zhitnikov, V. G., Kopylov, V. P. 2000. *Elizavetovskoe gorodishche na Donu.* Moskva: Paleograf. Pontus Septentrionalis, II.

Melyukova, A. I. 1976. K voprosu o vzaimosvyazyah skifskogo i frakijskogo iskusstva. In: Melyukova, A. I, Moshkova, M. G (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 106-270.

Mogilov, O. D. 2008. *Sporyadzhenya konya skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoi Evropy.* Kyiv; Kamyanec-Podilskyj: IA NANU.

Mozolevskij, B. N. 1973. Skifskie pogrebeniya u s. Nagornoe bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 204-206.

Mozolevs'kij, B. N. 1979. *Tovsta Mogyla.* Kyiv: Naukova dumka.

Murzin, V. Yu. 1984. *Skifskaya arhaika Severnogo Prichernomorya.* Kiev: Naukova dumka.

Nacional'nij… 2011. *Nacional'nij muzej istorii Ukrainy*. Kyiv: Mistcetvo, 1.

Ol'govskij, S. Ya. 2014. *Cvetnaya metalloobrabotka Severnogo Prichernomorya VII—V vv. do n. e. Po materialam Nizhnego Pobuzh'ya i Srednego Podneprovya.* Moskva: RFSOiN.

Ochir-Goryaeva, M. A. 2012. *Drevnie vsadniki stepej Evrazii.* Moskva: Taus.

Perevodchikova, E. V. 1994. *Yazyk zverinyh obrazov: Ocherki iskusstva evrazijskih stepej skifskoj epohi.* Moskva: Vostochnaya literatura.

Polidovich, Yu. B. 2000. Skifs'ki hrestopodibni blyahy. *Arheologiya*, 1, s. 35-48.

Polin, S. V., Alekseev, A. Yu. 2018. *Skifskij carskij Aleksandropol'skij kurgan IV v. do n. e. v Nizhnem Podneprovje.* Kiev; Berlin: Oleg Filyuk.

Puzikova, A. I. 2001. *Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (publikaciya kompleksov).* Moskva: Indrik.

Savinov, D. G. 1987. Izobrazhenie «visyashchego» olenya na ritone iz Kelermesa. In: Martynov, A. I., Molodin, V. I. (eds.). *Skifo-sibirskij mir. Iskusstvo i ideologiya.* Novosibirsk: Nauka, s. 112-117.

Savchenko, E. I. 2001. Mogil'nik skifskogo vremeni «Ternovoe I — Kolbino I» na Srednem Donu (pogrebal'nyj obryad). In: Gulyaev, V. I. (ed.). *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu ehpohu. Trudy Potudanskoj arheologicheskoj ehkspedicii IA RAN, 1993—2000 gg.* Moskva: IA RAN, s. 53-143.

Silant'eva, L. F. 1959. Nekropol' Nimfeya. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 69, s. 5-107.

Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi (problema vydeleniya iranskogo ehtnokul'turnogo ehlementa).* Kiev: IA NANU.

Skoryj, S. A., Zymovec R. V. 2014. *Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekcii.* Kiev: Vidavec' Oleg Filyuk.

Skudnova, V. M. 1985. Skifskie pamyatniki iz Nimfeya. *Arheologiya*, XXI, s. 306-318.

Sokrovishcha… 1985. *Sokrovishcha kurganov Adygei*. Moskva: Sovetskij hudozhnik.

Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya plemen tagarskoj kul'tury.* Moskva: Nauka.

Chlenova, N. L. 1997. *Central'naya Aziya i skify. I. Data kurgana Arzhan i ego mesto v sisteme kul'tur skifskogo mira.* Moskva: IA RAN.

Chugunov, K. V., Parcinger, G., Nagler, A. 2017. *Carskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve.* Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Yakovenko, E. V. 1976. Predmety zverinogo stilya v ranneskifskih pamyatnikah Kryma. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 131-132.

Shedevry… 1987. *Shedevry drevnego iskusstva Kubani.* Moskva: Ministerstvo kul'tury SSSR.

Shkurko, A. 1975. *Zverinyj stil' v iskusstve i kul'ture Lesostepnoj Skifii (VII—IV vv. do n. e.)*: Dissertatsia k. i. n. IA AN SSSR.

Shkurko, A. I. 1976. O lokal'nyh razlichiyah v iskusstve lesostepnoj Skifii. In: Melyukova, A. I, Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 90-105.

Erlih, V. R., Shamba, G. K. 2005. K voprosu o vliyanii prikubanskogo iskusstva na zverinyj stil' Central'noj Abhazii. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani*, 5, s. 164-171.

Borovka, G. 1928. *ScythianArt*. London: Ernest Benn.

Boardman, J. 1976. *Athenian blackfigure vases*. London: Thames & Hudson.

Bittel, K. 1976. *Les Hittites*. Gallimard.

Leskov, A. M. 2008. *The Maikop Treasure.* Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthroplogy.

Vaticano Museo Gregoriano Etrusco. 2003. Milano: FMR spa, Gruppo ART'E'.

Schiltz, V. 1994. *Les Scythes et les nomads des steppes. VIII siècle avant J.-C. — I siècle apres J.-C.* Gallimard.

R. V. Zymovets

IMAGE OF A WILD BOAR IN THE SCYTHIANS ANIMAL STYLE OF THE NORTHERN PONTIC REGION. INTERNAL EVOLUTION AND EXTERNAL IMPACTS

The article deals with relatively rare but important for Scythians animal style repertoire image of a wild boar. The sources of iconography and style of the image are analyzed, as well as his inner evolution and external influences from Central Asia, Near East, Iran and Greece. Full figure image of a wild boar in the Northern Black Sea region in archaic period are very rare unlike Central Asia and Southern Seberia, where these images were quite popular. Nevertheless some typical Asian styled figures (in a «sudden stop» pose or standing «on a hoof tips») are represented in Kuban' and Dniepr Forrest-Steppe regions. Obviously they connected to Central Asia tradition and may be an evidence of migration process from eastern region to the Northern Black Sea in VII—VI centuries BC. The article notes, that already in archaic period in Scythians burials being discovered artifacts with typical Greek and Middle East images of a wild boar as well as Celtic imports from Central Europe.

In classical period the situation is changing. A new wild boar image iconography appears: with bent legs. At the current stage of research it's impossible to unambiguously determine a geographical source of such image: was it Central Asia or Near East. The images with new iconography performed mostly in gold and decorated most often the weapons (bow cases, sword sheaths), ritual and cult items (bowls, rhytons, headdress). At the same time the image of a separate wild boar head appears. It became more popular than full figures and gained wider distribution from the late VI — early V century BC. It being developed in two stylistic directions: laconic, connected with Sauromathian impact and realistic-decorative, as a result of further development of this image by Bosporus artisans.

The article also deals with semantics of the image. Many researchers associated the image of a wild boar with the embodiments of gods of war and victory — Indo-Iranian Veretragna and Scythians Ares. Author argues that a wild boar could be associated also with a chthonic destructive power and victory over him made the winning warrior a real hero, equal to his «cosmic» rival.

Two new artefacts with a wild boar images from the territory of Crimea peninsula are introduced into scientific circulation.

Keywords: Scythians animal style, image of a wild boar, Sauromates, Bosporus.

Одержано 14.02.2019

ЗИМОВЕЦЬ Роман Віталійович, кандидат філософських наук, науковий співробітник, Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України, вул. Трьохсвятительська, 4, Київ, 02000, Україна, *romanzimovets@gmail.com*.

ZYMOVETS Roman Vitaliyovych, PHd on Philosophy, researcher, Grygory Skovoroda Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Ukraine, Tryohsviatytelska str., 4, Kyiv, 02000, Ukraine, *romanzimovets@gmail.com*.

УДК: [904.2:7.031.1:069.51]”638”

А. Р. Канторович

ИЗОБРАЖЕНИЯ В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ НА ПРЕДМЕТАХ «КРЫМСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Представлены результаты интегрирования массива зооморфных изображений, оформляющих предметы из собрания «случайных находок», хранящегося в Археологическом музее Института археологии НАН Украины и опубликованного С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом, в разработанную автором систематику изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, с учетом последних данных. Иконографический и статистический анализ позволяет говорить, с одной стороны, о подлинности большей части предметов «Крымской коллекции» (условное название, предложенное автором), оформленных в канонах скифского звериного стиля, с другой стороны, о том, что эти предметы могут происходить не только из Крыма, но и из других регионов скифской археологической культуры, и в первую очередь с территорий Прикубанья, Среднего и Нижнего Поднепровья.

***Ключевые слова**: скифский звериный стиль, «Крымская коллекция», бронзовые уздечные принадлежности, классификация, типология.*

В широкий круг научных интересов одного из крупнейших современных скифологов Сергея Анатольевича Скорого закономерно входит искусство скифского звериного стиля. Значительный массив произведений, выполненных в этой манере, содержит опубликованная в 2014 г. С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом обширная серия («коллекция») изделий, которую мы будем условно называть «Крымской коллекцией». По указанию С. А. Скорого и Р. В. Зимовца, это сформированное в 2006—2013 гг. собрание случайных находок, происходящих (по данным находчиков) с территории Крыма, преимущественно из достаточного компактного района Внутренней гряды Крымских гор и прилегающих к ней зон: из с. Межгорье и северного предгорья Караби-Яйлы, из района Белогорска и горного массива Кубалач, из горного массива Агармыш и Присивашской степи (2014, с. 165—168); значительно меньшее число предметов происходит (по данным находчиков) из района Керченского полуострова (2014, с. 67, 97, 115, 116, 124—126).

«Крымская коллекция» насчитывает 404 изделия, в т. ч. 189 предметов вооружения, 205 элементов конского снаряжения и 10 единиц, связанных с иными категориями материальной культуры (Скорый, Зимовец 2014, с. 143). Все они были высококачественно опубликованы и проанализированы в указанном издании. Почти половину из вещей «Крымской коллекции» (193 единицы) составляют зооморфные изделия, подавляющее большинство из которых выполнены в скифском зверином стиле (Скорый, Зимовец 2014, с. 15), причем преимущественно это бронзовые уздечные принадлежности. Анализируя репертуар данного массива изображений, С. А. Скорый и Р. В. Зимовец идентифицировали зооморфные образы хищных птиц и грифонов, копытных / травоядных, хищных зверей, а также мотив обособленных конечностей хищников, образ сфинкса и неопределенные образы (2014, табл. на с. 152).

После реставрации предметы «Крымской коллекции» были полностью переданы С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом в Археологический музей Института археологии НАН Украины и, таким образом, коллекция перешла в государственное хранение и в государственную собственность.

Происхождение «Крымской коллекции» после ее введения в научный оборот стало сюжетом интенсивной дискуссии, не подвергающей сомнению компетентность самой публикации, но в ряде случаев ставящей под вопрос изна-

© А. Р. КАНТОРОВИЧ, 2019

чальное местонахождение этих изделий, очевидно, происходящих из грабительских раскопок (Медведев 2015, с. 136—137; Гуляев 2016, с. 205—208; Колтухов, Сенаторов 2016, с. 179—180). В силу сомнения в непременно и исключительно крымском происхождении предметов «Крымской коллекции», а также в аутентичности ряда из них, мы в наших предыдущих публикациях материалов восточноевропейского скифского звериного стиля (далее — ВСЗС) [1] оставляли изображения «Крымской коллекции» за пределами общего массива изображений, специально оговаривая это (Канторович 2017, с. 146; Канторович 2018, с. 198). В то же время предпринятый нами статистический анализ ВСЗС в целом и, в частности, изображений, происходящих с территории Крыма (за исключением «Крымской коллекции»), равно как и картографирование соответствующих памятников позволили косвенно оценить значение «Крымской коллекции» (Канторович 2017). На фоне выявленных нами статистических данных по изображениям ВСЗС, учитывавших материалы практически всех соответствующих публикаций к 2014 г. (году публикации «Крымской коллекции»), а также, по возможности, публикации более позднего времени, мы отметили достаточно большое количество изделий из «Крымской коллекции», оформленных в скифском зверином стиле и высокую морфологическую унифицированность соответствующих изображений (Скорый, Зимовец 2014, с. 15, табл. на с. 152).

Также ранее в статье, содержащей сводку всех опубликованных изображений в зверином стиле, обнаруженных на территории Крымского полуострова, нами было отмечено, что количество оригинальных изображений, составляющих «Крымскую коллекцию, превышает соответствующий совокупный показатель за почти двухсотлетнюю историю исследований скифских памятников Крыма (начиная с раскопок Куль-Обы): это 108 оригинальных изображений, оформляющих 173 изделия (Канторович, 2017, с. 172—176). На это основании нами было высказано предположение, что если относиться с полным доверием к сведениям находчиков о происхождении большей части предметов «Крымской коллекцией» с вышеуказанной компактной территории, то мы имеем дело с неким не известным ранее крымским центром / центрами производства или хранения изделий в скифском зверином стиле — возможно, с какими-то святилищами или храмовыми сокровищами (?). Однако вполне возможно, что ряд изделий, представленных в публикации С. А. Скорого и Р. В. Зимовца, происходит из-за пределов Крыма — в частности, из Прикубанья или из Поднепровья — и просто были обозначены как крымские их непосредственными находчиками или перекупщиками в целях дезинформации.

Изначально для нас было очевидно, что количество оригинальных изображений «Крымской коллекции» меньше 193, поскольку ряд изделий, опубликованных С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом, явно изготовлены в одной форме. Кроме того, мы постарались исключить возможные подделки (маркируемые, прежде всего, крайней необычностью или иконографической эклектичностью изображений).

В настоящей работе представлены результаты интегрирования «Крымской коллекции» в разработанную нами систематику изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, с учетом неуклонного прироста материала.

«Крымская коллекция» была рассмотрена нами на фоне общего массива изображений ВСЗС; к настоящему времени удалось собрать и проанализировать практически все опубликованные до 2017 г. (включительно) изображения, выполненные в канонах скифо-сибирского звериного стиля и происходящие с территории скифской археологической культуры Северного Причерноморья (степь и лесостепь) и Северного Кавказа. В корпус источника вошел и ряд неопубликованных изображений, являющихся результатом собственных раскопок автора или же раскопок, соавтором которых он является (с любезного разрешения остальных авторов раскопок). Всего, таким образом, было учтено 2446 оригинальных изображений (не считая копий), дифференцированных по 353 иконографическим типам (табл. 1) [2].

Для каждого типа были установлены хронологические границы, прежде всего на базе хронологической позиции тех изображений конкретного типа, которые происходят из комплексов, имеющих объективную датировку (на основании античных и передневосточных импортов, а при отсутствии импортов — по типам вооружения и конского снаряжения). Если такие изображения в рамках конкретного типа отсутствовали, основу хронологии типа составляли изображения, имеющие надежно датируемые аналогии. Затем на основании сходства с изображениями, образующими «хронологическое ядро» данного типа, с учетом внутритиповой иконографической динамики (при ее нали-

1. К ВСЗС мы относим изображения, выполненные в канонах скифо-сибирского звериного стиля и происходящие с территории скифской археологической культуры, иначе говоря — из восточноевропейской зоны скифо-сибирского звериного стиля (охватывает зоны степного, лесостепного и северокавказского локальных вариантов скифского звериного стиля).

2. Для сравнения: в наших публикациях 2014 и 2015 гг. на данную тему было учтено 2169 изображений, которым соответствовало 337 типов. Наибольший прирост в этом отношении дали изображения «Крымской коллекции» после их интеграции в общий массив.

чии), устанавливались возможные датировки остальных изображений этого типа и общие хронологические рамки типа.

В настоящей работе репродуцированы все признанные нами аутентичными изображения в скифском зверином стиле из «Крымской коллекции» — на фоне ближайших аналогий в системе ВСЗС в рамках иконографических типов, к которым они относятся (рис. 1—10, масштаб разный). В силу ограниченности объема публикации мы приведем ниже лишь перечень этих типов с указанием их хронологии, акцентируя внимание на ближайших аналогиях, представленных в графических таблицах. Подробную характеристику соответствующих типов см. в нашей диссертации (Канторович 2015b); при этом, поскольку в настоящей статье учтены материалы, опубликованные до 2017 г. включительно, в том числе, естественно «Крымская коллекция», данные о количестве оригинальных изображений в рамках типов в силу прироста материала могут превышать соответствующие показатели наших предшествующих публикаций и диссертации. Публикационные источники изображений «Крымской коллекции» и их ближайших аналогов в ВСЗС, равно как и местонахождение, назначение и материал оформляемых предметов указаны в подписях к иллюстрациям.

* * *

Как мы видели, С. А. Скорый и Р. В. Зимовец показали, что «Крымская коллекция» содержит все мегаобразы скифского звериного стиля — это хищники, копытные, птицы и синкретические животные; также присутствует образ рыбы.

Хищники в «Крымской коллекции» представлены только редуцированно — обособленными головами (в профиль, анфас и с расчетом на объемное восприятие) и конечностями (рис. 1—3). Эти изображения соответствуют нескольким типам нашей систематики.

Так, профильные изображения голов относятся к Нимфейско-журовскому типу, датируемому в пределах VI—V вв. до н. э. (при том, что большинство изображений данного типа относится к V в. до н. э.) и объединяющему 30 изображений [1] с территорий Среднего и Нижнего Поднепровья, Южного Побужья и Приднестровья, Крыма и Центрального Предкавказья. В рамках этого типа головкам из «Крымской коллекции» наиболее близки изображения из Нимфейского некрополя, к. 32, а также из к. 1, п. 1 [2] на земле Крыма под Симферополем и из сборов у с. Токмазея (рис. 1: А). По объективным хроноиндикаторам — античному импорту — нимфейский комплекс датируется 475—425 гг. до н. э. (Алексеев 2003, с. 296); аналогично, видимо, следует датировать соответствующие изображения из «Крымской коллекции» [3].

Изображения голов хищников анфас из «Крымской коллекции» соответствуют типам «Берестняги—Солоха», Бельско-аксютинецкий и Каневско-майкопский.

Тип Берестняги—Солоха датируется рубежом VI—V — IV в. до н. э. и объединяет 24 изображения с территорий Среднего и Нижнего Поднепровья, Прикубанья и Крыма. Головкам из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из Малой Рогозянки 1, к. 2, п. 1 и Первомаевки II, к. 4, п. 2 (рис. 1: Б), комплексы которых датируются по античному импорту соответственно началом IV в. до н. э. (Бандуровський, Буйнов 2000, с. 73) и первой четвертью IV в. до н. э. (Евдокимов, Фридман 1987, с. 115; вариант: 400—385 гг. до н. э. — см. Бидзиля, Полин 2012, с. 518).

Бельско-аксютинецкий тип датируется в широких рамках середины VII — третьей четверти V в. до н. э. и включает 5 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья и, возможно, из Крыма [4] (рис. 1: В). Среди них изображениям «Крымской коллекции» наиболее близкими представляются фасы на бляхах из кургана 23 Перещепинского могильника (рис. 1: В, 2), отнесенного С. В. Махортых к ранней хронологической группе этого памятника, т. е. к первой—третьей четверти V в. до н. э. (Махортих, 2006, с. 58, 63).

Каневско-майкопский тип датируется V в. до н. э. и включает 7 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Прикубанья, Центрального Предкавказья и, возможно, из Крыма (рис. 1: Г). Ближайшие аналогии ему составляют многочисленные изображения с территории Нижнего Поволжья — из Новопривольного, Старицы, к. 51 (Королькова 2006, табл. 39: 18—20), из Хошеутова (Očir-Gorjaeva 2005, Cat. 53—56, 94—95, 210—236), из могиль-

1. Здесь и далее приводится количество оригинальных изображений, без учета копий и зеркальных отображений.
2. Принятые сокращения: к. — курган, п. — погребение.
3. Такая логика датирования будет по умолчанию применена ниже в отношении остальных классифицируемых нами изображений из «Крымской коллекции». При отсутствии объективной датировки для приводимых нами аналогий мы будем исходить из общих хронологических рамок конкретного типа. Рамочные датировки типов в целях краткости в настоящей работе специально не обосновываются; как уже было отмечено, они базируются на объективных хроноиндикаторах и логике иконографической динамики (см. Канторович 2015b).
4. Здесь и далее в отношении тех типов, в составе которых нет иных изображений, происходящих с территории Крымского полуострова, кроме как предметов из «Крымской коллекции», нами будет употребляться словосочетание «возможно, из Крыма».

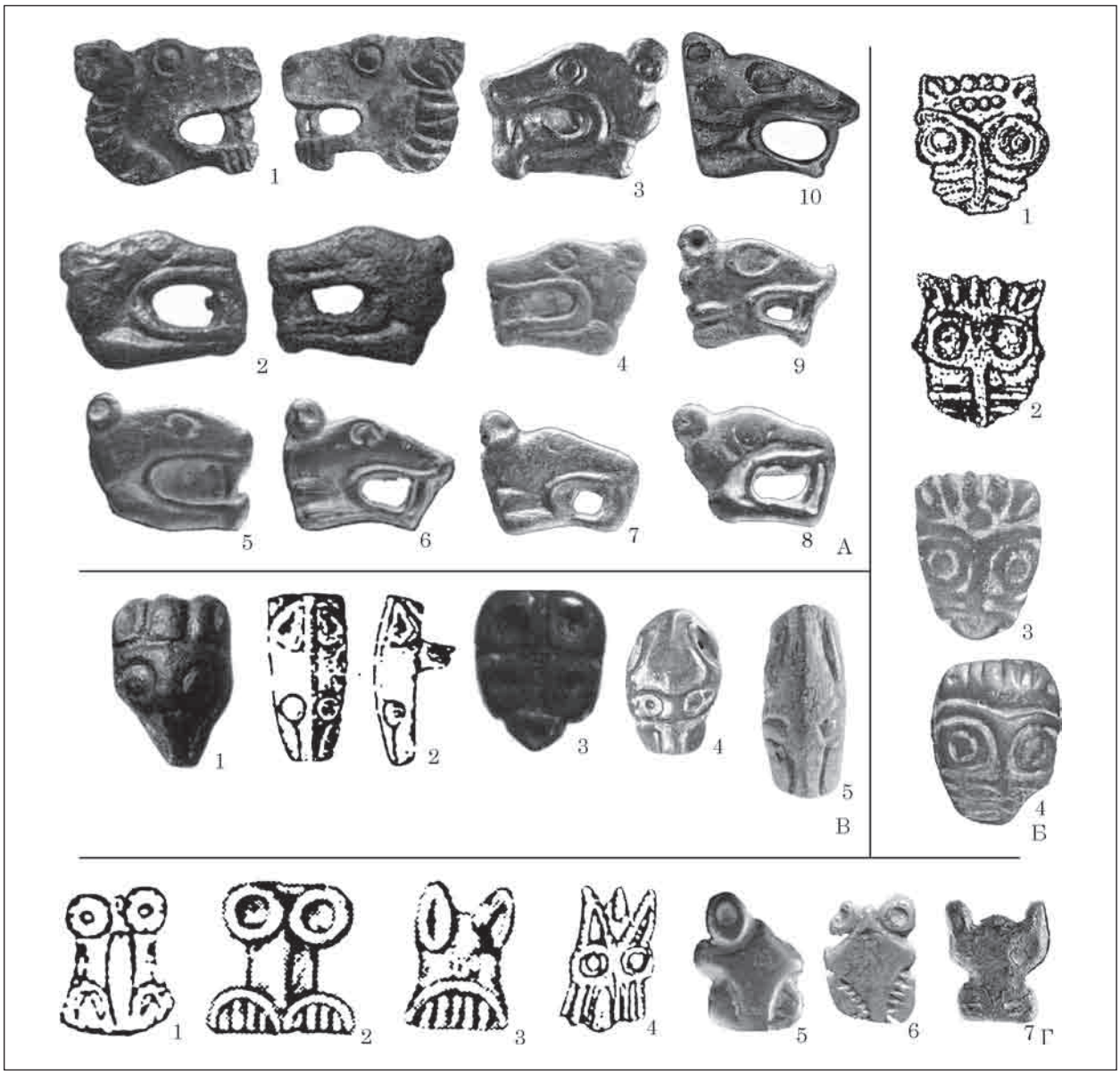

Рис. 1. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Обособленные головы хищников: А — Нимфейско-журовский тип: 1—10 — бронзовые уздечные бляхи; Б — тип Берестняги—Солоха: 1—4 — бронзовые уздечные бляхи; В — Бельско-аксютинецкий тип: 1, 2, 4, 5 — бронзовые уздечные бляхи. 3 — костяная пряжка-пронизка; Г — Каневско-майкопский тип: 1—7 — бронзовые уздечные бляхи

ника Кривая Лука (Očir-Gorjaeva 2005, Abb. 57: 1), где, очевидно, и находились истоки соответствующей иконографической традиции.

Изображения голов хищников из «Крымской коллекции», рассчитанные на объемное восприятие, соответствуют типам «Скифская могила—Макеевка» и «Частые курганы 2—аллероевский».

Тип «Скифская могила—Макеевка» датируется V—IV вв. до н. э. и объединяет 11 изображений, происходящих с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Среднего и Нижнего Подонья, Прикубанья, Ставрополья и, возможно, из Крыма. Головке хищника из «Крымской коллекции» наиболее близки изображения из Скифской могилы (Боковая гробница), из с. Днепряны и из Макеевки, к. 491 (рис. 2: А). Указанные комплексы Макеевки и Скифской могилы объективно датируются по античному импорту и другим показателям соответственно первой половиной (Петренко 1967, с. 93; Галанина 1977, с. 29) и второй половиной V в. до н. э. (Скорый, Хохоровски 2005—2009, с. 272, 273).

Тип «Частые курганы 2—аллероевский» датируется в рамках V — первой половиной IV в. до н. э. и объединяет 18 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Подонья, Приазовья, Центрального Предкавказья, Прикубанья и, возможно, из Крыма. Изображениям хищника из «Крымской коллекции» наиболее близки головки из Крас-

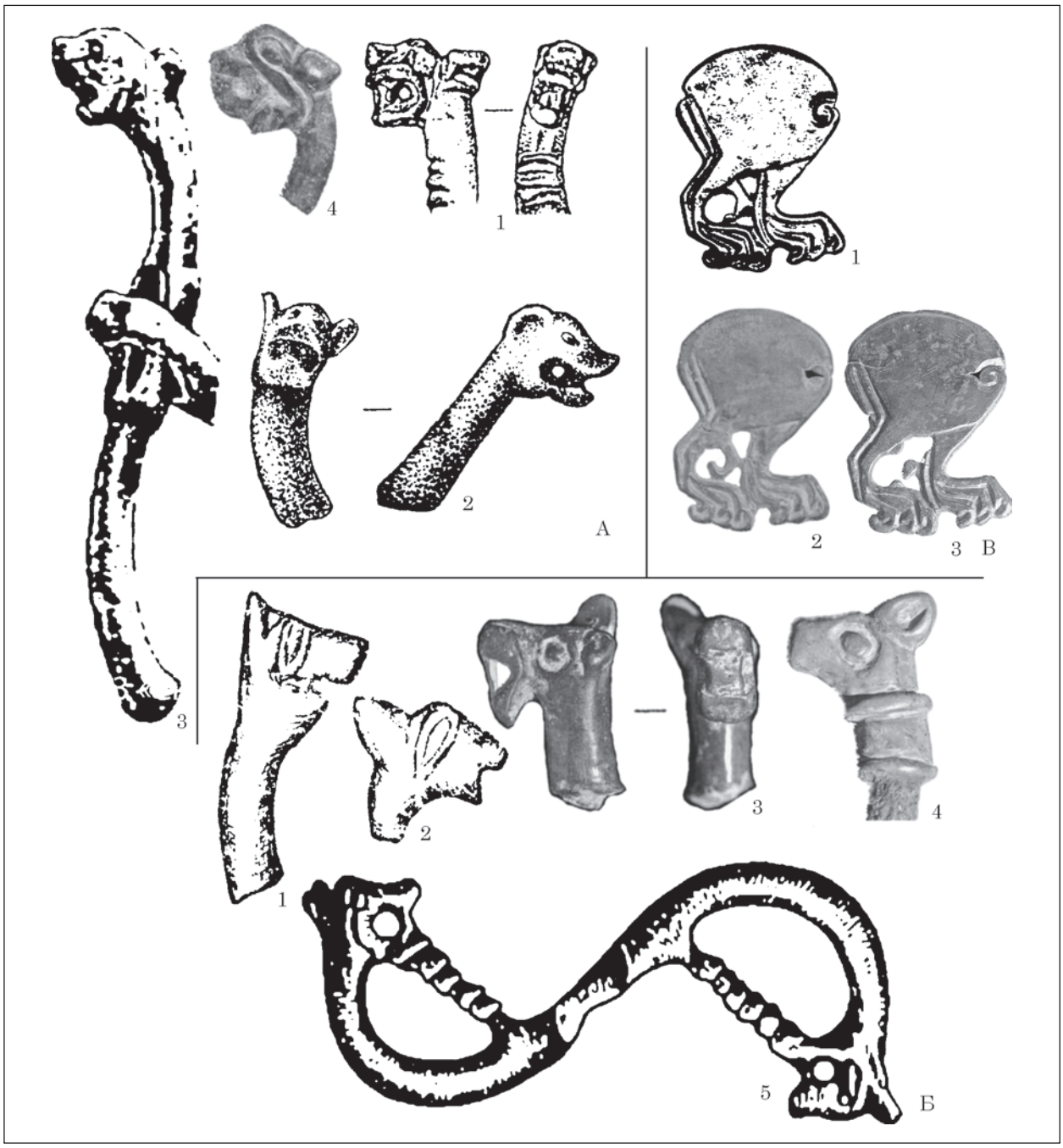

Рис. 2. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Обособленные головы (А, Б) и конечности (В) хищников. А — тип «Скифская могила — Макеевка»: 1—4 — псалии (1, 2, 4 — бронза, 3 — железо), 4 — бронзовая уздечная бляха; Б — тип «Частые курганы 2—аллероевский»: 1—5 — псалии (1—3, 5 — бронза, 4 — бронза, железо); В — тип «Тузла—Бобрица»: 1—3 — бронзовые уздечные бляхи

нодарского музея и из к. 20, п. 2 Криволиманского могильника (рис. 2: Б).

Изображения конечностей хищников из «Крымской коллекции соответствуют типам «Тузла—Бобрица», «Ак-Бурун—Острая могила», «Ак-Бурун—Корнеевка», «Журовка—Аксютинцы» и «Солоха—Чертомлык» (см. иконографию данных типов: Канторович 2012, с. 23—24, 31—34, 39—47).

Тип «Тузла—Бобрица» датируется концом V — началом IV в. до н. э. и включает 5 изображений, происходящих из Прикубанья, Среднего Поднепровья и, возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего изображение из Тузлинского некрополя (рис. 2: В).

Тип «Ак-Бурун—Острая могила» датируется V — третьей четвертью IV в. до н. э. и объединяет 20 изображений, происходящих из Среднего и Нижнего Поднепровья, Нижнего Поднестровья, Крыма, Прикубанья и Среднего Подонья. Изображениям из «Крымской

Рис. 3. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Обособленные конечности хищников. А — тип «Ак-Бурун—Острая могила»: 1—7 — бронзовые уздечные бляхи, в т. ч. 1 — нащечник; Б — тип «Ак-Бурун—Корнеевка»: 1—8 — бронзовые уздечные бляхи; В — тип «Журовка—Аксютинцы»: 1—9 — бронзовые уздечные бляхи; Г — тип «Солоха—Чертомлык»: 1—8 — бронзовые уздечные бляхи

коллекции» ближе всего изображения из к. 15, п. 2 у г. Красноперекопска, из к. 1 (раскопки 1886 г. у с. Аксютинцы) и из кургана у с. Софиевка (рис. 3: А). Указанный комплекс у с. Аксютинцы датируется по чернолаковому килику началом V в. до н. э. (Ильинская 1968а, с. 75), а красноперекопское изображение сходно с изображением из к. 11, п. 1 группы Подгородное V; этот комплекс, в свою очередь, датируется по античному импорту концом первой—второй четвертью V в. до н. э. (Алексеев 2003, с. 296, табл. 26: 15).

Тип «Ак-Бурун—Корнеевка» датируется в рамках V—IV вв. до н. э. и объединяет 25 изображений, происходящих с территории Крыма, Среднего и Нижнего Поднепровья и Среднего Подонья. Изображениям из «Крымской коллекции» наиболее близки изображения из конской могилы Центрального погребения Солохи, из к. 2, п. 2 у Корнеевки и из погребения жрицы Бердянского кургана (рис. 3: Б). Эти комплексы датируются по античным импортам 420/410—400 гг. до н. э. (Центральное погребение Солохи) (Алексеев, 2003, с. 259—261, 296) и первой третью IV в. до н. э. (Болтрик, Фиалко, Чередниченко 1994, с. 154, 155; Алексеев, 2003, с. 261—262; Бидзиля, Полин 2012, с. 519). Изображения из Корнеевки происходят из комплекса, датируемого либо серединой — третьей четвертью V в. до н. э. — по вооружению и узде (именно к этой дате и склоняются публикаторы), либо концом V — первой четвертью IV в.

до н. э. по клейменым гераклейским амфорам (Ковалев, Полин 1991, с. 50—51). Вторая дата более реалистична, учитывая, что корнеевские парные бляхи практически идентичны солохским.

Тип «Журовка—Аксютинцы» датируется V — серединой IV в. до н. э. и объединяет 28 изображений, происходящих из Среднего и Нижнего Поднепровья, Нижнего Поднестровья, Нижнего Подунавья, Приазовья, Нижнего Подонья, Прикубанья, Центрального Предкавказья, Центральной Европы и, возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из Новоселки, к. 26, п. 2, также из Стылы, из могильника Чилик-дере и Малых Семибратних курганов (рис. 3: Б).

Тип «Солоха—Чертомлык» датируется концом V—IV в. до н. э. и объединяет 38 изображений, происходящих в основном из комплексов Среднего и Нижнего Поднепровья, реже — из Крыма и Среднего Подонья, еще реже — с территории Прикубанья, Нижнего Поднестровья и Фракии. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из «Майкопского клада», Карагодеуашха и тризны Гайматовой могилы (рис. 3: Г). Из этих комплексов датировка по античным импортам имеется для кургана Карагодеуашх, дата которого, с учетом дискуссии о центрах производства соответствующих амфор, ныне определяется в пределах середины — третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов 1999, с. 412; Бидзиля, Полин, 2012, с. 550).

Копытные в «Крымской коллекции» представлены образами оленя, лося, горного козла, горного барана, быка, кабана и синтетического «оленелося» (рис. 4—6).

Олень отображен как полнофигурно — лежащим (рис. 4: А) и стоящим (рис. 4: Б), — так и редуцированно — обособленными головами в профиль (рис. 4: В) и по принципу «фас из двух профилей» (рис. 4: Г) — и погрудными изображениями (рис. 4: Д).

Изображение лежащего оленя в «Крымской коллекции» соответствует Завадско-акмечетскому типу нашей систематики. В целом этот тип датируется второй четвертью V — первой половиной III в. до н. э. и объединяет 41 изображение, происходящее с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Среднего и Нижнего Подонья, Крыма и Прикубанья. В рамках типа дифференцируются три варианта. Оленю из «Крымской коллекции» ближе всего изображения, относящиеся к первому, основному варианту Завадско-акмечетского типа: из к. 2 у с. Аксютинцы, раскопки С. А. Мазараки 1883—1885 гг., а также из сборов А. А. Спицына из грабительских раскопок кургана в 1905 г. у с. Мастюгино (рис. 4: А). Дата первого варианта Завадско-акмечетского типа по объективным показателям установлена в рамках второй четверти V — третьей четверти IV в. до н. э.

Изображение стоящего оленя в «Крымской коллекции» соответствует Аксютинецко-волковецкому типу, который датируется в пределах V—IV вв. до н. э. и включает всего 3 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья и, возможно, из Крыма (рис. 4: Б).

Мотив обособленной головы в профильном ракурсе в «Крымской коллекции» соответствует Семибратненско-ульскому типу нашей систематики. Этот тип датируется второй половиной V — началом IV в. до н. э. и объединяет 17 изображений, происходящих с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Нижнего Поднестровья, Прикубанья, Ставрополья и, возможно, из Крыма. Головке хищника из «Крымской коллекции» наиболее близко изображение из Малых Семибратних курганов (рис. 4: В).

Композиция из «Крымской коллекции» в виде двух профилей головы оленя с длинными рогами, которые, сочетаясь антитетически в осесимметричную композицию, образуют единый фас, соответствует Семибратненско-елизаветинскому типу нашей систематики. К этому типу, датируемому первой—третьей четвертью IV в. до н. э., относятся 7 изображений, происходящих с территории Прикубанья и, возможно, из Крыма. Композиции из «Крымской коллекции» наиболее близки изображения из ст. Воронежской, к. 19 и из могильника у хут. Прикубанского, погр. 402 (рис. 4: Г); соответствующий комплекс из хут. Прикубанского датируется по косской амфоре в рамках первой—третьей четвертей IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2017, с. 3).

Погрудные изображения безрогих оленей / олених из «Крымской коллекции» соответствуют Волковецко-стеблевскому типу, который датируется в максимальных рамках середины VII — середины V в. до н. э. и объединяет 16 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Подонья, Ставрополья и, возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из к. 2 у с. Волковцы, раскопки 1897—1898 гг., из Острой могилы у г. Ногайска и из Звенигорода или Шполы (рис. 4: Д). Поскольку большинство изображений Волковецко-стеблевского типа датируется первой половиной — серединой V в. до н. э., вероятно, к этому же времени нужно относить и изображения из «Крымской коллекции».

Лось в «Крымской коллекции» отображен как полнофигурно — лежащим (рис. 5: А), так и редуцированно — обособленными головами (рис. 4: Б—Г).

Изображения лежащих лосей с повернутой назад головой в «Крымской коллекции» соответствуют Журовско-ольвийскому типу нашей систематики. Этот тип датируется концом VI — первой половиной IV в. до н. э. и объединяет 19 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья

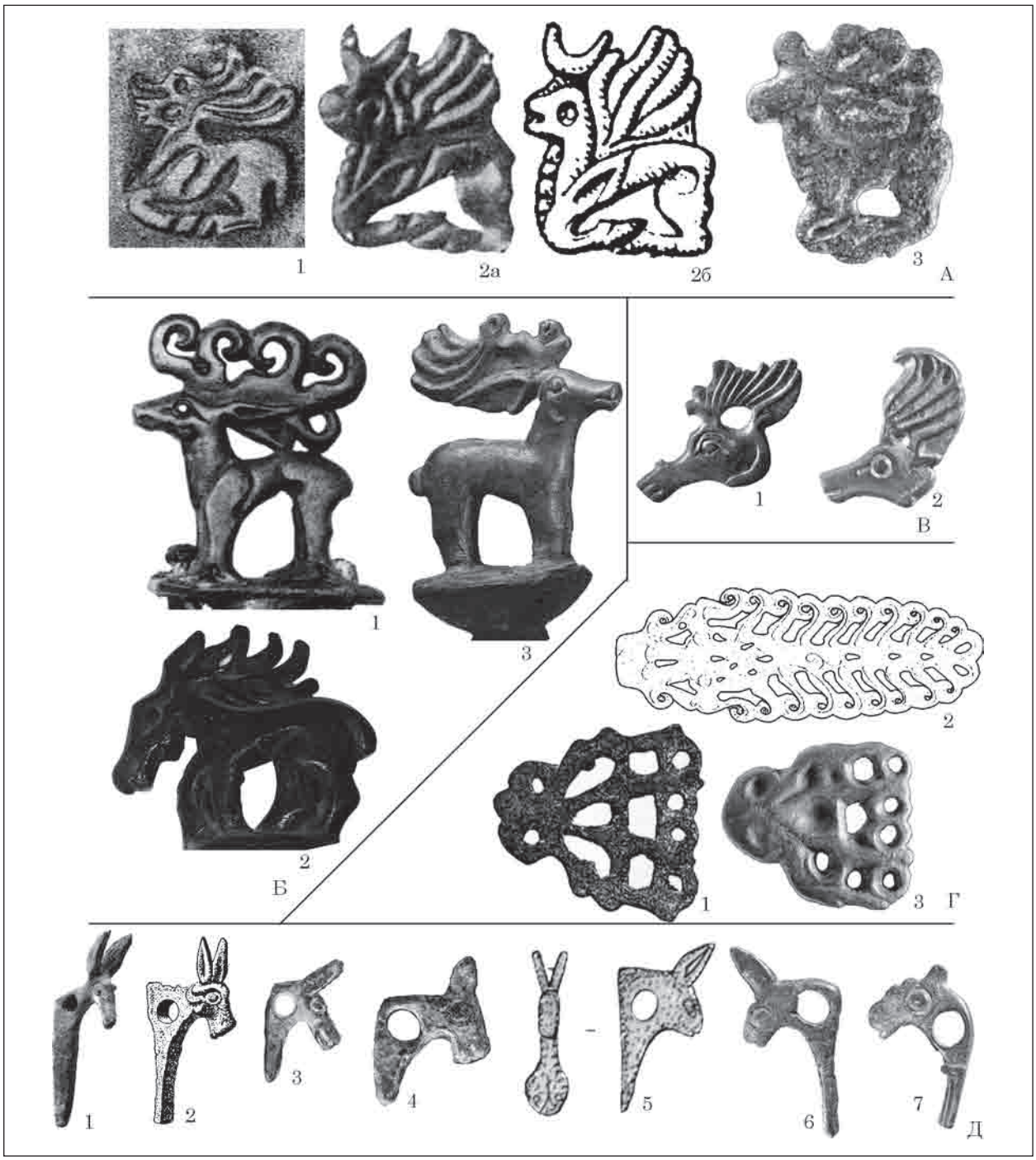

Рис. 4. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Копытные. Олень: полнофигурные изображения (А, Б), обособленные головы с рогами (В, Г) и погрудные изображения без рогов (Д). А — Завадско-акмечетский тип; Б — Аксютинецко-волковецкий тип: 1—3 — бронзовые навершия; В — Семибратненско-ульский тип: 1, 2 — бронзовые уздечные бляхи; Г — Семибратненско-елизаветинский тип: 1—3 — бронзовые уздечные бляхи, в т. ч. 1, 2 — налобники; Д — Волковецко-стеблевский тип: 1—7 — бронзовые наносними / налобники

и Поднестровья, Среднего Подонья и Среднего Подонцовья, Нижнего Подонья, Центрального Предкавказья и, возможно, из Крыма. Фигурам из «Крымской коллекции» наиболее близки изображения из Каневского уезда (покупка А. А. Бобринского в 1913 г.) и из к. 484 у с. Плавинищи (рис. 5: А).

Изображения обособленных голов лося из «Крымской коллекции» соответствуют Нимфейско-журовскому, Журовско-чигиринскому и Аксютинецко-басовскому типам в рамках нашей систематики.

Нимфейско-журовский тип датируется V — серединой IV в. до н. э. и объединяет 19 изображений, происходящих с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Приазовья, Среднего Подонья, Крыма, Прикубанья, Нижнего Побужья—Поднестровья и из лесостепной зоны

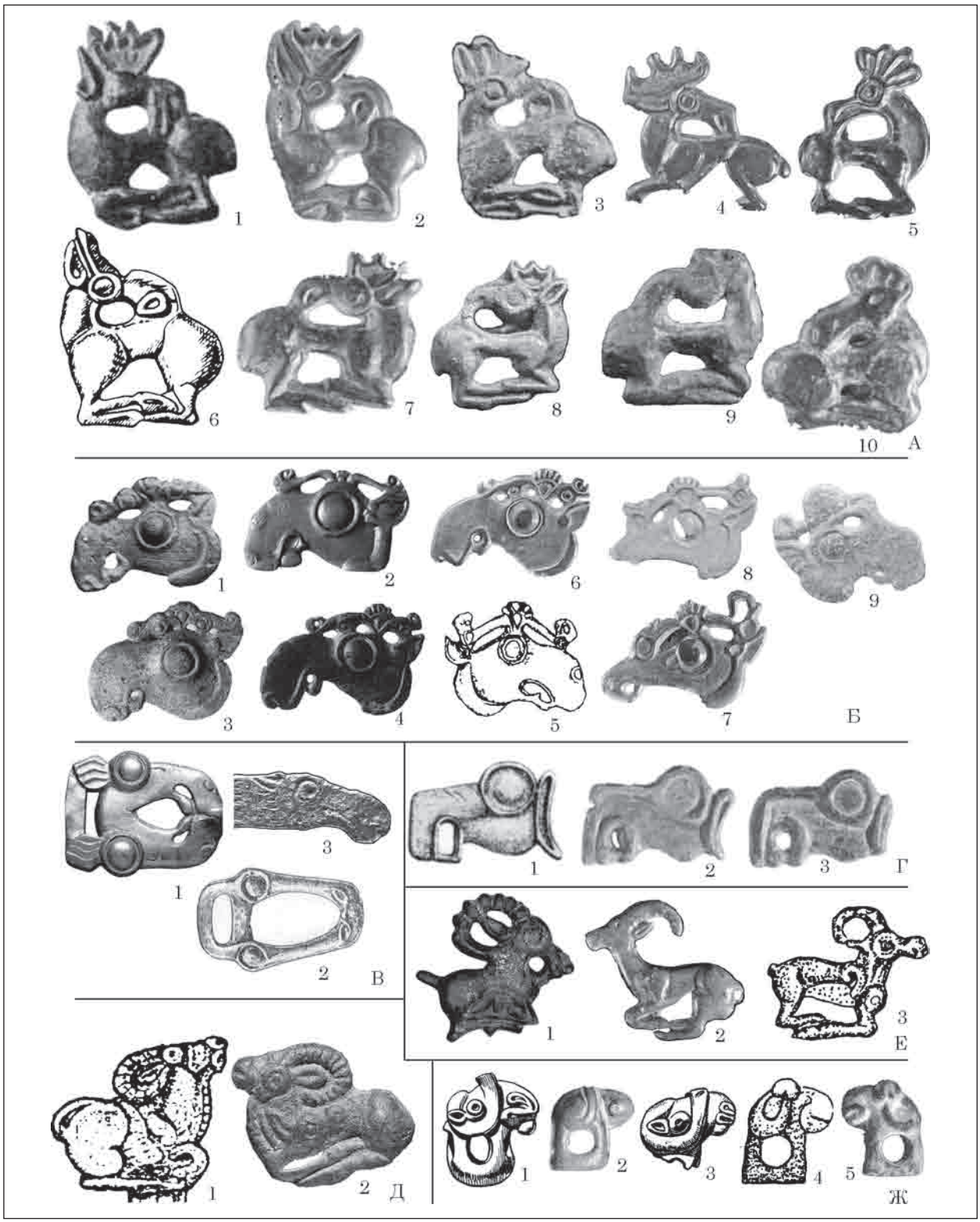

Рис. 5. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Копытные. Лось: полнофигурные изображения (А), обособленные головы с рогами (Б) и без рогов (В, Г). Горный козел: полнофигурные изображения (Д). Баран: обособленные головы (Е). А — Журовско-ольвийский тип: 1—10 — бронзовые уздечные бляхи; Б — Нимфейско-журовский тип: 1, 3—9 — бронзовые уздечные бляхи; 2 — бронзовая бляха — накладка колчана; В — Журовско-чигиринский тип: 1, 2 — бронзовые пряжки — застежки панциря или подпружного / нагрудного уздечного ремня; 3 — навершие рукояти железного ножа; Г — Аксютинецко-басовский тип: 1—3 — бронзовые уздечные бляхи; Д — Волошинско-чегемский тип: 1 — навершие булавки из рога оленя, 2 — бронзовая уздечная бляха; Е — Испановско-уляпский тип и аналогия из Нижнего Поволжья: 1—3 — бронзовые уздечные бляхи: Ж — Келермесско-новозаведенский тип: 1—5 — столики-распределители уздечных ремней, костяные (1, 3) и бронзовые (2, 4, 5)

бассейна Южного Буга. Головкам из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из Нимфейского некрополя, к. 1, гробница 14, а также из к. 7 у г. Мариуполя, из «Майкопского клада» (находка близ Тилигула), из Малых Семибратних курганов и из г. Воронежа (рис. 5, Б). Как уже было сказано, данные комплексы Нимфейского некрополя датируются в рамках 475—425 гг. до н. э.

Журовско-чигиринский тип датируется второй половиной VI — серединой IV в. до н. э. и объединяет 20 оригинальных изображений, происходящих преимущественно из Среднего Поднепровья, в меньшей мере — с территории Нижнего Поднепровья—Побужья, из Крыма, Прикубанья и Среднего Подонья. Головкам из «Крымской коллекции» наиболее близки изображения из к. В и к. 400 Журовки. При этом изображение из к. В у с. Журовка, очевидно, было образцом для подражания при создании изображения из к. 400 у с. Журовка, комплекс которого по античному импорту датируется (в максимальных пределах) первой половиной V в. до н. э. (см. подробнее Канторович 2013, с. 461—462).

Аксютинецко-басовский тип датируется рубежом VI/V—IV в. до н. э. и объединяет 7 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Среднего и Нижнего Подонья и, возможно, из Крыма. Головкам из «Крымской коллекции» ближе всего изображение из к. 10/10 группы Частых на Среднем Дону (рис. 5: Г).

Горный козел в «Крымской коллекции» представлен полнофигурными изображениями — лежащим. Эти фигурки соответствуют Волошинско-чегемскому и Испановско-уляпскому типам нашей систематики.

Волошинско-чегемский тип датируется в рамках второй четвертью VII—VI в. до н. э. К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья, Центрального Предкавказья и, возможно, из Крыма (рис. 5: Д).

Испановско-уляпский тип датируется в рамках середины V—IV в. до н. э. К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья, Прикубанья и, возможно, из Крыма. Фигуре из «Крымской коллекции» наиболее близки изображения из к. 8 Уляпского могильника, а также фигурки из Нижнего Поволжья — из зоны «савроматской культуры» (погребение у с. Хошеутово) (рис. 5: Е). Комплекс к. 8 Уляпского могильника датируется второй половиной IV в. до н. э. по боспорской (пантикапейской?) амфоре (Ксенофонтова 2010, с. 141, 144, кат. 23; Лесков и др. 2013, с. 66).

Горный баран в «Крымской коллекции» представлен в виде обособленных голов. Эти головки соответствуют Келермесско-новозаведенскому типу нашей систематики, датируемому второй третью VII — первой половиной VI в. до н. э. Тип объединяет 21 изображение; изображения происходят в основном с территории Прикубанья и Среднего Поднепровья, в отдельных случаях с территории Нижнего Подонья и Ставрополья, а также, возможно, из Крыма. Головкам из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из к. 1/В и к. 24 Келермеса, а также из Текливки, к. 3 (рис. 5, Е). Комплекс кургана 1/В Келермесского могильника датируется по объективным показателям 660—640 гг. до н. э. (Галанина 1997, с. 184—192; ср. Алексеев 2003, с. 103—107).

Бык в «Крымской коллекции» представлен в виде погрудного изображения. Это изображение соответствует типу «Старшая могила—Ульские», датируемому второй половиной VII—VI в. до н. э. Тип включает 4 изображения, которые происходят с территории Прикубанья и Среднего Поднепровья, а также, возможно, из Крыма. Изображению из «Крымской коллекции» наиболее близко изображение из Ульских курганов, к. 2, раскопки 1909 г. (рис. 6: А); этот комплекс датируется по объективным хроноиндикаторам второй половиной VI в. до н. э.

Кабан в «Крымской коллекции» представлен в виде обособленных голов. Это изображение соответствует Нимфейско-днепрянскому типу, датируемому первой половиной V — началом IV в. до н. э. и объединяющему 16 изображений, которые происходят с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Среднего и Нижнего Подонья, Крыма, Прикубанья и Центрального Предкавказья. Головкам из «Крымской коллекции» наиболее близки изображения из слоев Нимфейского городища, из курганов Роменского уезда, из слоев городища Глубокая Пристань (хора Ольвии), а также из к. 7 группы Частых курганов, раскопки ВУАК (рис. 6: Б).

Синтетический образ «оленелося» представлен в «Крымской коллекции» в виде обособленной головы, соответствующей Акташско-нартанскому типу в нашей систематике. Этот тип датируется второй четвертью V—IV в. до н. э. и насчитывает 4 изображения, которые происходят с территории Крыма и Центрального Предкавказья. Головке из «Крымской коллекции» наиболее близки изображения из Акташского могильника, к. 7 и из п. 3 к. 7. у с. Колоски (рис. 6: В).

Птицы в «Крымской коллекции» представлены как полнофигурно (рис. 7: А), так и, чаще, редуцированно — обособленными головами (рис. 7: Б—Д; 8: А—Г), погрудными изображениями (рис. 8: Д, Е; 9: А) и конечностями (рис. 9: Б, В).

Птицы в полнофигурном отображении соответствуют Завадско-елизаветовскому типу в нашей систематике. Этот тип датируется V—IV вв. до н. э. и объединяет 24 изображения, которые происходят с территории Средне-

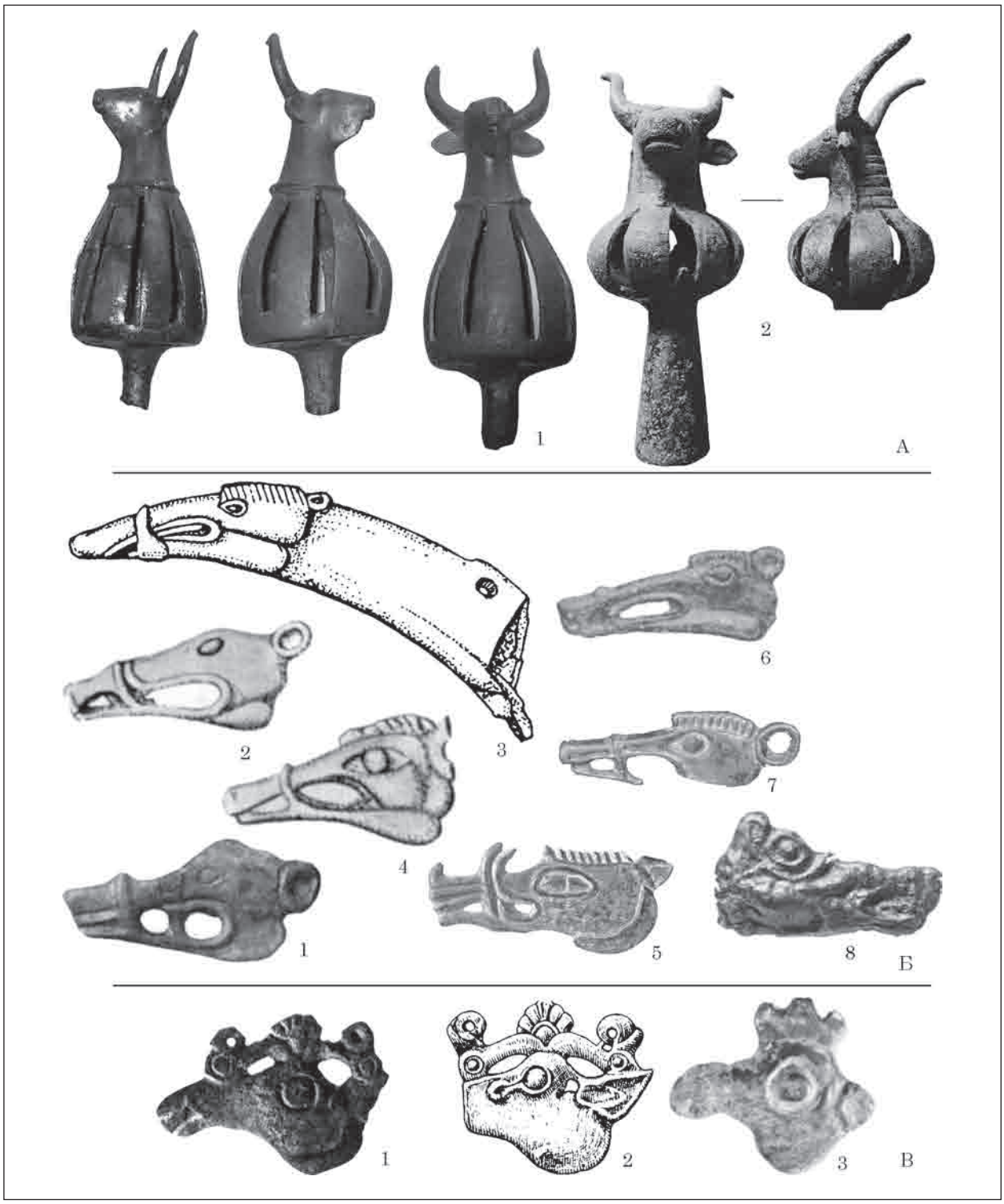

Рис. 6. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Копытные. Бык: погрудное изображение (А). Кабан: обособленные головы (Б). «Оленелось»: обособленные головы (Е). А — тип «Старшая могила—Ульские»: 1, 2 — бронзовые навершия; Б — Нимфейско-днепрянский тип: 1, 2, 4—8 — бронзовые уздечные бляхи; 3 — подвеска из клыка кабана; В — Акташско-нартанский тип: 1—3 — бронзовые уздечные бляхи

го Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Побужья, Крыма, Среднего и Нижнего Подонья, Прикубанья, Ставрополья и Центрального Предкавказья. Большинство из птиц данного типа впиваются клювом в голову рыбы (в одном случае — дельфина), а когтями — в ее туловище (о рыбах из «Крымской коллекции» см. ниже). Изображению из «Крымской коллекции» наиболее близки композиции из Куль-Обы и из могильника Цемдолина (рис. 7: А). Дата последнего захоронения в Куль-Обе, по мнению Н. Л. Грач, должна определяться по

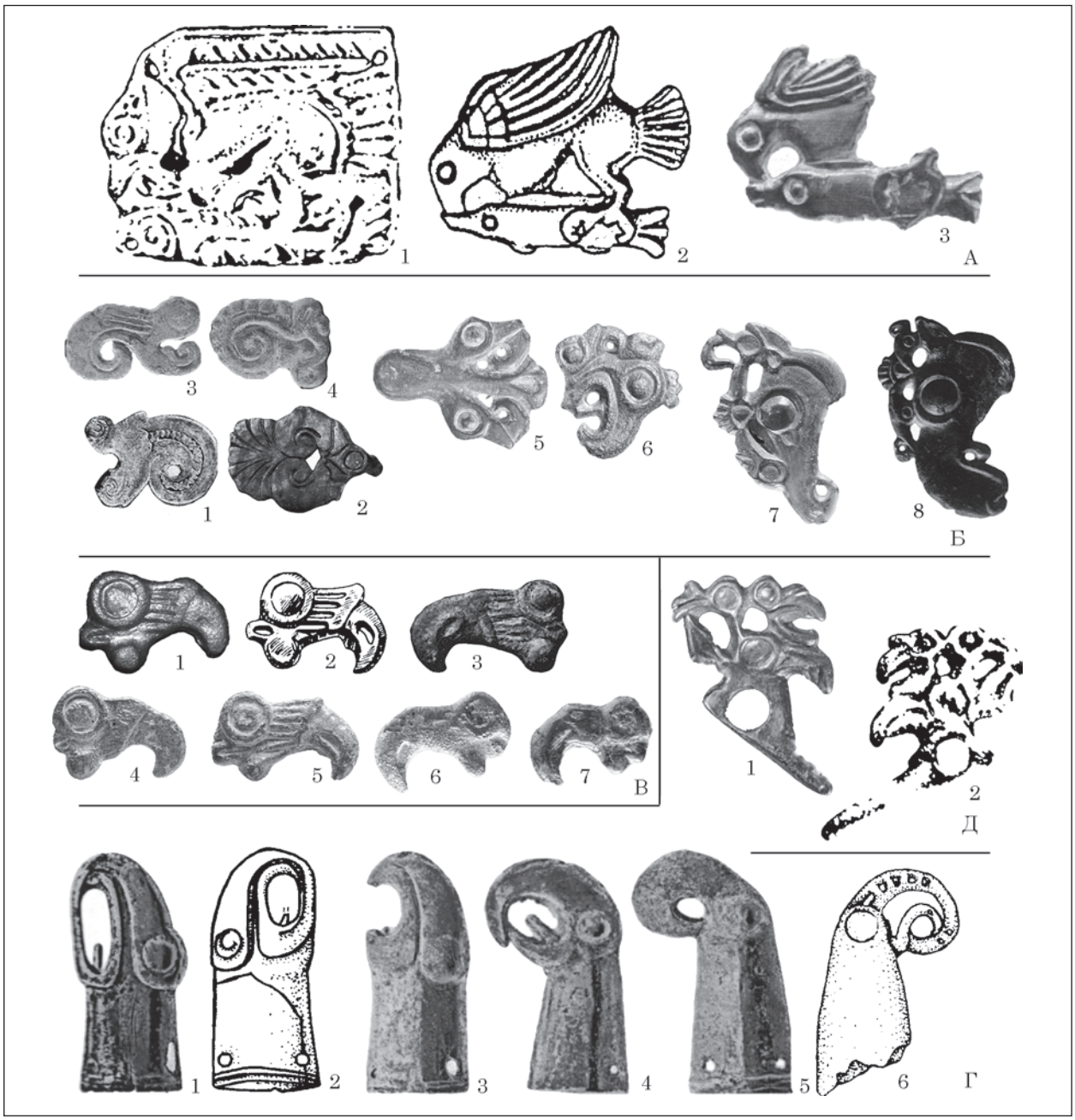

Рис. 7. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Птицы: полнофигурные изображения (А), обособленные головы (Б—Д). А — Завадско-елизаветовский тип: 1 — Золотая нашивная бляшка, 2, 3 — бронзовые уздечные бляхи; Б — Ольвийско-завадский тип: 1 — роговая пластина, 2 — бронзовые псалии, 3—8 — бронзовые уздечные бляхи; В — Ковалевско-басовский тип: 1—7 — бронзовые уздечные бляхи; Г — Роменско-верхнекобанский тип: 1—6 — бронзовые бутероли; Д — Кужорско-мастюгинский тип: 1, 2 — наносник (1 — бронза, 2 — бронза с позолотой)

найденной там фасосской амфоре с клеймом, относящимся к 345—335 гг. до н. э. (Grač 1997, S. 157). Более раннее вероятное «захоронение под склепом», по А. Ю. Алексееву, должно быть отнесено к началу IV в. до н. э. (2003, с. 276, 296), что следует учитывать, если не исключать возможность происхождения разошедшихся по миру бляшек из Куль-Обы не только из напольного погребения, но и из подпольного. В любом случае кульобские изображения не выходят за рамки первой—третьей четверти IV в. до н. э.

Обособленные головы птиц соответствуют нескольким типам нашей ситематики: Ольвийско-завадскому, Ковалевско-басовскому, Роменско-верхнекобанскому, Кужорско-мастюгинскому, Кичкасско-пастырскому, Роменско-малокатериновскому, Нимфейско-песочинскому и Журовско-бельскому.

Ольвийско-завадский тип датируется второй четвертью VI — концом IV в. до н. э. и объединяет не менее 127 изображений (в том числе множество элементов зооморфных превращений),

Рис. 8. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Птицы: обособленные головы (А—Г), погрудные изображения (Д, Е). А — Кичкасско-пастырский тип: 1—3 — бронзовые молоточки-клевцы / скипетры; Б — Роменско-малокатериновский тип: 1—4 — бронзовые уздечные бляхи; В — Нимфейско-песочинский тип: 1, 2 — бронзовые уздечные бляхи, 3 — бронзовый топорик-скипетр; Г — Журовско-бельский тип: 1—3 — Рукояти железных ножей; Д — Гайматовско-пастырский тип: 1 — бронзовая уздечная подвеска, 4—5 — бронзовые наносники; Е — Цимбальско-будковский тип: 1, 2 — бронзовые наносники

происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Побужья, Нижнего Поднестровья, Крыма, Нижнего Подонья, Прикубанья и Центрального Предкавказья. Головкам из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из Ольвии (городище, раскоп Е), из Уляпских курганов, к. 2, а также из Малых Семибратних курганов (рис. 7: Б). Соответствующий уляпский комплекс датируется по античному импорту первой половиной (ближе к середине) IV в. до н. э. (Лесков и др. 2013, с. 28).

Ковалевско-басовский тип датируется второй четвертью VI — концом IV в. до н. э. и объединяет 22 изображения, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Побужья, а также, возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего головки из Ковалевки, к. 6, Басовки, к. 499 и из Волковцев, к. 1, раскопки С. А. Мазараки 1897—1898 гг. (рис. 7: В).

Роменско-верхнекобанский тип датируется рубежом VII—VI — началом VI в. до н. э. и объединяет 19 изображений, происходящих с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Прикубанья и Центрального Предкавказья, а также, возможно, из Крыма. Изображениям из

«Крымской коллекции» ближе всего головки из Репяховатой могилы, п. 2 и из Верхнекобанского могильника (рис. 7: Г). Хронология впускного погребения Репяховатой могилы (п. 2), содержащего античный импорт, является предметом острых дискуссий (в особенности это касается амфоры), предполагающих диапазон от рубежа VII—VI вв. до н. э. (Дараган 2010, с. 175—197) до первой половины VI в. до н. э. (Монахов 2003, с. 31—32) или даже середины — второй половины VI в. до н. э. (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 53). Представляется обоснованной датировка Репяховатой могилы в целом рубежом VII—VI вв. до н. э. (при незначительности хронологического разрыва между основным (п. 1) и впускным (п. 2) погребениями), ибо это согласуется с аналогиями некоторым материалам из обоих погребений Репяховатой могилы (псалии в виде бараноптиц из п. 1, бронзовые жертвенные ножи из п. 2) (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 4: 13, 14; 17: 5—8; 22; 23) в комплексе хронологически эталонного Новозаведенского кургана 16, датируемого 610—590 гг. до н. э. по ионийским ойнохое и чаше (Петренко, Маслов, Канторович 2000, рис. 3).

Кужорско-мастюгинский тип датируется IV в. до н. э. и включает на сегодняшний день 14 изображений (в основном это элементы зооморфных превращений), происходящих с территории Прикубанья, Среднего и Нижнего Поднепровья, Среднего и Нижнего Подонья и Подонцовья, а также, возможно, из Крыма. Головкам из «Крымской коллекции», трансформирующим рога синкретической «лосептицы», ближе всего изображение из к. 2, п. 3 у с. Петровка (рис. 7: Д) (о «лосептице» из «Крымской коллекции» см. ниже). По типу акинака и удил комплекс Петровки датируется второй четвертью — серединой IV в. до н. э. (Братченко, Швецов, Дубовская 1989, с. 171—172).

Кичкасско-пастырский тип датируется первой половиной — началом третьей четверти V в. до н. э. и включает 6 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Побужья, а также, возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего головы из находок Бурачкова и из с. Пастырское (рис. 8: А).

Роменско-малокатериновский тип датируется V в. до н. э. и включает 8 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Крыма. Головкам из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из кургана в Роменском уезде, также из к. 17, п. 2 у с. Малокатериновка и из Нимфейского некрополя, к. 24, раскопки 1876 г. (рис. 8: Б). Как уже отмечалось, комплексы Нимфейского некрополя датируются в пределах 475—425 гг. до н. э.

Нимфейско-песочинский тип датируется второй—третьей четвертью V в. до н. э. и насчитывает 5 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Крыма и Центрального Предкавказья. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего головка из Аллероевского могильника (рис. 8: В).

Журовско-бельский тип датируется концом VII — первой половиной V в. до н. э. и насчитывает 5 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья и возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего головки с селища Саржин Яр и с городища в урочище Городище (рис. 8: Г).

Погрудные изображения птиц из «Крымской коллекции» соответствуют параметрам Гаймановско-пастырского, Цимбальско-будковского и Гаймановско-солохского типов.

Гаймановско-пастырский тип датируется серединой V—IV в. до н. э. и объединяет 33 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья, Нижнего Поднестровья, Среднего Поднепровья и Подонцовья, Среднего Подонья, Прикубанья и возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из Журовки, к. 412 и из Никольского, к. 9, п. 1 (рис. 8: Д).

Цимбальско-будковский тип также датируется серединой V—IV в. до н. э. Этот тип объединяет 16 изображений, происходящих с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Среднего и Нижнего Подонья, Приазовья и возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из к. 4 у с. Осняги (8: Е).

Гаймановско-солохский тип датируется концом V—IV в. до н. э. и объединяет 36 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья, Нижнего Поднестровья, Крыма, Среднего Поднепровья и Подонцовья, Среднего и Нижнего Подонья и Прикубанья. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из Чертомлыка (насыпь) (рис. 9: А), которые датируются в максимальных пределах второй половины IV в. до н. э., учитывая дискуссию о хронологии этого царского кургана (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 130—131; Алексеев 2003, с. 267—269; Бидзиля, Полин 2012, с. 546).

Обособленные лапы птиц из «Крымской коллекции» соответствуют параметрам типа «Берестняги—Олефирщина». Данный тип датируется второй половиной V — третьей четвертью IV в. до н. э. и включает 9 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из с. Дмитровка Черкасского уезда (рис. 9: Б).

Обособленные когти птиц из «Крымской коллекции» соответствуют параметрам Журовско-елизаветовского типа. Этот тип датируется V в. до н. э. и включает 8 изображений, происходящих с территории Среднего и Нижнего Поднепро-

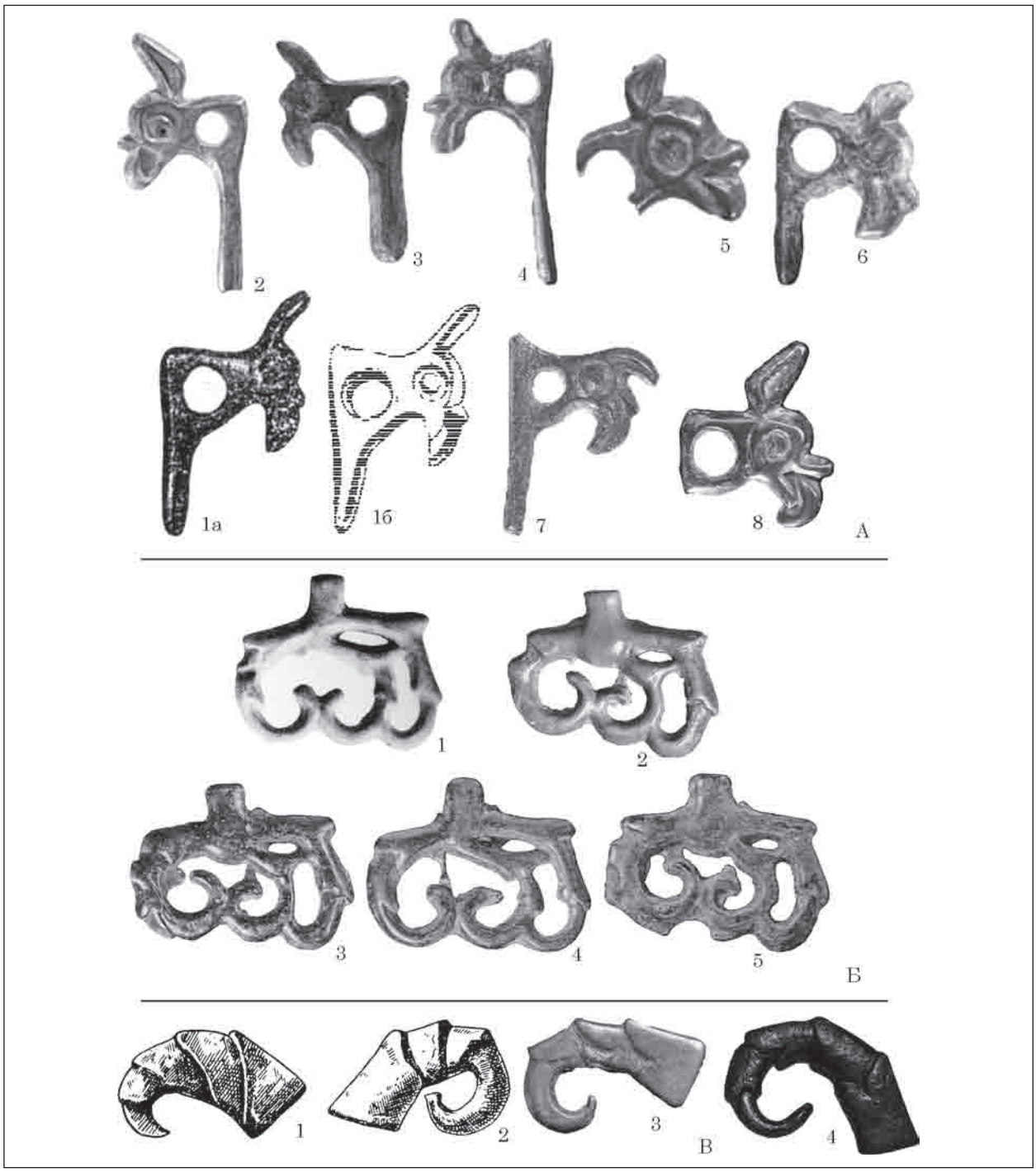

Рис. 9. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Птицы: погрудные изображения (А), обособленные лапы и когти (Б, В). А — Гайамановско-солохский тип: 1—8 — бронзовые наносники; Б — тип «Берестняги—Олефирщина»: 1—5 — бронзовые уздечные бляхи; В — Журовско-елизаветовский тип. 1—4 — бронзовые уздечные бляхи

вья, Нижнего Подонья и возможно, из Крыма. Изображению из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из Журовки, к. 401 и из к. 1 у с. Червоный Яр (рис. 9: В). Комплекс к. 401 Журовки датируется по античному импорту первой половиной V в. до н. э. (Онайко 1966, с. 58—65; Петренко 1967, с. 92), возможно, около 475 г. до н. э. (Алексеев 2003, с. 296, табл. 26: 5).

Синкретические животные на предметах «Крымской коллекции» представлены образами грифона (рис. 10: А—В), «петушка-гиппокампа» (рис. 10: Д), «лосептицы» (рис. 10: Е), а также комбинированным мотивом, сочетающим черты грифона и бараноптицы (рис. 10: Г).

Грифоны на предметах «Крымской коллекции» отображены только редуцированно — это головы (рис. 10: А, Б) и погрудные изображения (рис. 10: В).

Головы грифонов из «Крымской коллекции» соответствуют Грищенецко-ольвийскому и Ду-

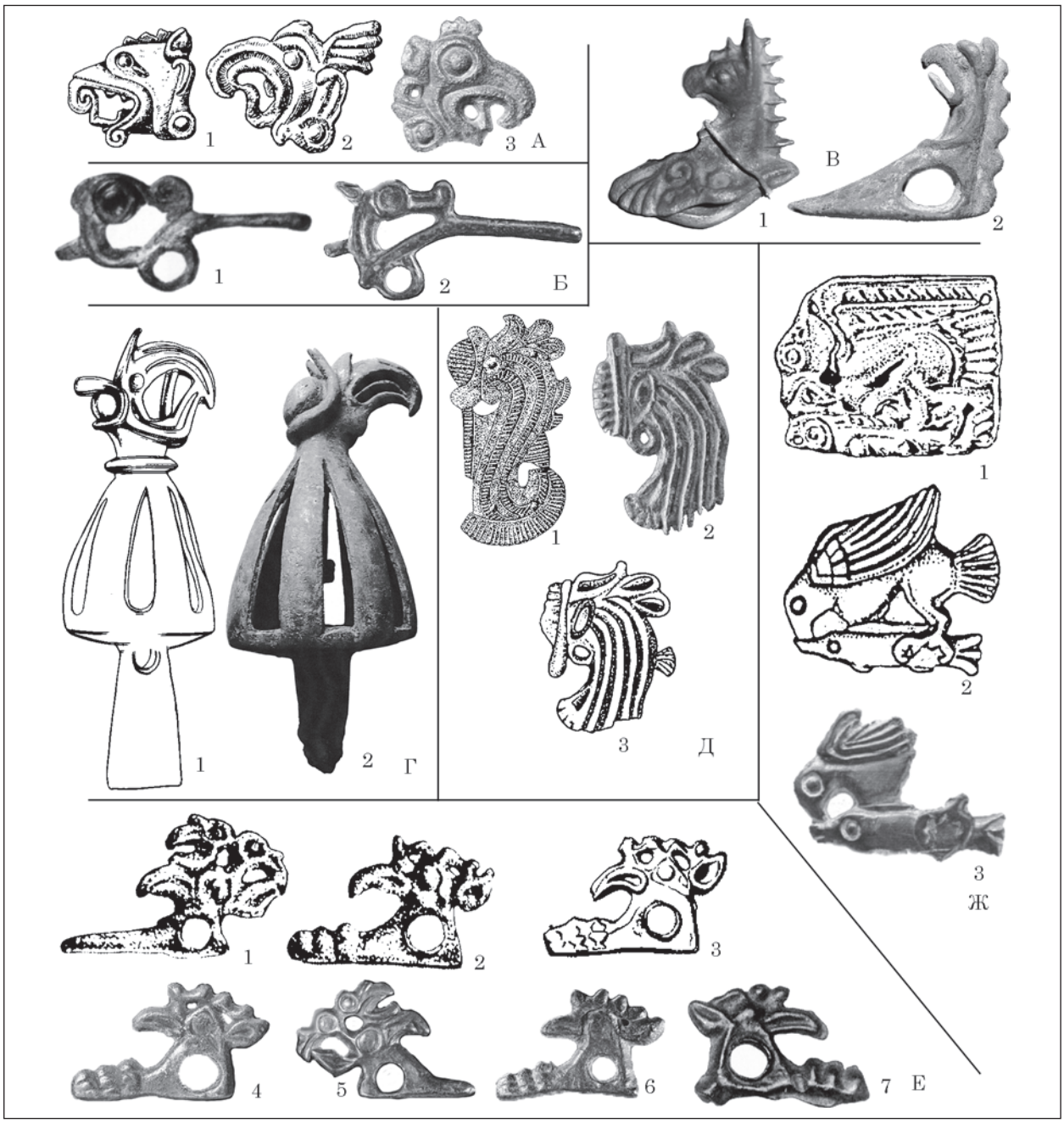

Рис. 10. Изображения на предметах «Крымской коллекции» и их ближайшие аналогии в восточноевропейском скифском зверином стиле. Синкретические животные. Грифоны: головы (А, Б) и погрудные изображения (В). Комбинация образов грифона и бараноптицы (Г). «Петушки-гиппокампы» (Д). «Лосептицы» (Е). Прочие животные. Рыбы (Ж). А — Грищенецко-ольвийский тип: 1—3 — бронзовые уздечные бляхи; Б — Дуровско-майкопский тип: 1, 2 — бронзовые наносними; В — Носакинско-кужорский тип: 1, 2 — бронзовые наносними / налобники; Г — Ульский тип: 1, 2 — бронзовые навершия; Д — Мордвиновско-уляпский тип и аналогия из Болгарии: 1—3 — бронзовые уздечные бляхи, в т. ч. 1 — нащечник; Е — Чертомлыцко-уляпский тип: 1— 7 — налобники / наносники. 1, 2—7 — бронза, 3 — бронза с позолотой; Ж — Завадско-галущинский тип: 1 — Золотая нашивная бляшка, 2, 3 — бронзовые уздечные бляхи

ровско-майкопскому типу по нашей классификации.

Грищенецко-ольвийский тип датируется концом VI—V в. до н. э. и включает 6 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Побужья, а также, возможно, из Крыма. Изображению из «Крымской коллекции» ближе всего головки из п. 7 могильника Грищенцы и из Ольвии (рис. 10: А).

Дуровско-майкопский тип датируется второй половиной IV — первой половиной III в. до н. э. и насчитывает 4 изображения, происходящие с территории Прикубанья и Среднего Подонья, а также, возможно, из Крыма. Изображению из «Крымской коллекции» ближе всего головка из «Майкопского клада» (рис. 10: Б).

Погрудные изображения грифонов соответствуют параметрам Носакинско-кужорского типа.

Этот тип датируется второй половиной V — IV в. до н. э. и включает 6 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья, Среднего Поднепровья, Прикубанья, а также, возможно, из Крыма. Изображению из «Крымской коллекции» ближе всего головка — случайная находка на поселении Ольвийской хоры (рис. 10: В).

Изображение из «Крымской коллекции», соответствующее уникальному комбинированному образу, сочетающему иконографические элементы грифона и бараноптицы, отвечает параметрам Ульского типа нашей систематики, который до публикации «Крымской коллекции» представлялся нам «тупиковым» мотивом, поскольку был составлен лишь одним изображением — из к. 1 (раскопки 1908 г.) Ульской группы в Прикубанье (рис. 10: Г). Значительное сходство этих изображений на фоне локализации наверший такого рода преимущественно на Северо-Западном Кавказе (в основном в Прикубанье и на Ставрополье), во вторую очередь — в Среднем Поднепровье (см. Канторович 2015а, с. 121—123, 175—179), заставляет полагать, что и навершие из «Крымской коллекции» изначально происходит из Прикубанья или Ставрополья. Указанный курган Ульской группы по объективным показателям датируется первой половиной VI в. до н. э. (Эрлих 2010, с. 117).

Изображение из «Крымской коллекции», соответствующее образу «петушка-гиппокампа», отвечает параметрам Мордвиновско-уляпского типа нашей систематики. Этот тип датируется второй четвертью — концом IV в. до н. э. и объединяет 17 изображений, происходящих с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Среднего Подонья и Прикубанья, а также, возможно, из Крыма. Изображению из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из Северной гробницы Гайматовой могилы, — случайная находка на поселении Ольвийской хоры и из-за пределов скифской археологической культуры — из села Цар Асен в Болгарии (рис. 10: Д). С учетом дискуссии о хронологии Гайматовой могилы предельные рамки Северной гробницы данного кургана могут быть определены как 365—325/320 гг. до н. э. (Алексеев 2003, с. 286, 296; Бидзиля, Полин 2012, с. 240, 407).

Изображения из «Крымской коллекции», соответствующие образу «лосептицы» отвечают параметрам Чертомлыцко-уляпского типа нашей систематики. Этот тип датируется второй четвертью — концом IV в. до н. э. и объединяет 16 изображений, происходящих с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Среднего Подонья, Прикубанья, а также, возможно, из Крыма. Изображениям из «Крымской коллекции» ближе всего изображения из с. Петровка, к. 2, п. 3, из Чертомлыка и из к. 7 (раскопки 1917 г.) у ст. Елизаветинской (рис. 10: Е). Выше уже говорилось, что с учетом дискуссии о хронологии Чертомлыка, нами здесь условно принята датировка в максимальных пределах второй половины IV в. до н. э. (что актуально для 40 практически идентичных блях с «лосептицами» из Чертомлыка, 39 из которых найдено в насыпи и 1 — в южной конской могиле). Указанный елизаветинский комплекс датируется третьей четвертью IV в. до н. э. по античному импорту (Галанина 2005, с. 104).

Наконец, в рамках «Крымской коллекции» присутствует изображение рыбы, соответствующее Завадско-галущинскому типу нашей систематики**.** Это рыба, терзаемая птицей, о которой уже говорилось выше в связи Завадско-елизаветовским типом в рамках образа птицы. Завадско-галущинский тип датируется в рамках 450—335 гг. до н. э. и объединяет 16 изображений рыб — объектов терзания птицами, происходящих с территории Нижнего Поднепровья и Побужья, Крыма, Среднего Поднепровья, Прикубанья и Центрального Предкавказья. Как уже говорилось, изображению из «Крымской коллекции» наиболее близки композиции из Куль-Обы и из могильника Цемдолина (рис. 10: Ж), и мы уже отмечали, что кульобские изображения не выходят за рамки первой—третьей четверти IV в. до н. э.

* * *

Всего в составе «Крымской коллекции» нами насчитывается 135 оригинальных изображений (без учета копий), отвечающих канонам скифского звериного стиля и оформляющих, как уже было сказано, 193 предмета. Из этих 135 изображений нами в результате стилистического анализа были признаны аутентичными 115 изображений (таблица).

Оставшиеся 20 оригинальных изображений (с учетом копий их количество больше 20) не включены в наш корпус, поскольку либо крайне фрагментированы и в силу этого неясны, либо резко контрастируют с общим художественным контекстом восточноевропейского скифского звериного стиля, и их невозможно включить ни в один из выделенных нами ранее морфологических типов. Вот перечень предметов с этими изображениями: Скорый, Зимовец 2014, кат. 2/186, 2/188, 3/189, 1/230—4/233, 5/234, 29/277, 30/278, 7/285, 9/287, 10/288, 11/289, 12/290, 17/295, 15/311, 18/314—21/317, 22/318, 23/319, 28/324, 29/325, 30/326, 47/343, 48/344, 51/347, 57/353, 60/356, 61/357, 70/366, 93/389, 95/391, 1/392, 2/393, 3/394, 2/396 [1].

Возможно, часть из этих изображений впоследствии также нужно будет признать аутентичными — в тех случаях, когда их аналоги будут обнаруживаться в достоверных археологических комплексах. Но, в конечном счете, в случае с произведениями из металла, к како-

1. Также, возможно, в некоторых случаях зооморфизированы перекрестья акинаков «Крымской коллекции» (Скорый, Зимовец 2014, с. 19—39), однако эти изображения практически неразличимы.

вым относятся вещи «Крымской коллекции» (а всё это бронзовые предметы), последнее слово должно оставаться за технологической экспертизой с применением металлографического и рентгенофлюоресцентного анализов, которые в настоящее время в применении к «Крымской коллекции» мы осуществить не можем.

Признанные нами аутентичными 115 оригинальных изображений «Крымской коллекции» составляют 4,7 % на фоне общего массива 2446 изображений ВСЗС (таблица). Эти изображения распределены по 47 морфологическим типам, что составляет 13 % от общего количества типов ВСЗС (353 единицы) (таблица). Как мы видим, в долевом отношении типы, связанные с изображениями «Крымской коллекции», составляют более значительный сегмент, нежели сами изображения в общем массиве ВСЗС. Возможно, это симптом крайней иконографической неоднородности изображений на предметах «Крымской коллекции». На фоне относительной хронологической «компактности»

Статистика изображений «Крымской коллекции» в контексте общих показателей восточноевропейского скифского звериного стиля

Образно-видовая принадлежность	Количество и доля оригинальных изображений		Количество типов	
	всего в ВСЗС	в т. ч. на предметах «Крымской коллекции»	всего в ВСЗС	в т. ч. на предметах «Крымской коллекции»
Хищники	638 26,1 %	37 32,2 %	108	11
Копытные, в том числе:	845 34,6 %	33 28,7 %	130	15
олени	281	8	43	5
лоси	104	15	17	4
горные козлы	54	2	12	2
бараны	80	2	10	1
лошади	113	—	15	—
быки	5	1	2	1
кабаны	44	4	14	1
«оленелоси»	13	1	3	1
«лосекозлы»	21	—	1	—
«оленекозлы»	19	—	1	—
обособленное ухо копытного	24	—	2	—
обособленная нога копытного / копыто	87	—	10	—
Птицы	671 27,4 %	36 31,3 %	55	14
Синкретические животные, в том числе:	218 8,9 %	8 7 %	46	6
грифоны и крылатые львы	104	3	33	3
бараноптицы	50	—	2	—
гибрид грифона и бараноптицы	2	1	1	1
гибрид грифона и кошачьего хищника — тупорылый зверь	10	—	1	—
гиппокампы-кони, грифоногиппокампы и «петушки»	25	1	4	1
«лосептица»	16	3	1	1
«оленептица»	2	—	1	—
Комбинация элементов птицы и неопределенного копытного	8	—	2	—
Рогатая рыба	1	—	1	—
Зайцы	26	—	5	—
Верблюды	6	—	1	—
Дельфины	4	—	2	—
Рыбы	28 1,1 %	1 0,9 %	3	1
Неопределенные животные	10	—	3	—
Итого	2446 100 %	115 100 %	353	47

(большинство предметов «Крымской коллекции» относится к периоду «скифской классики», т. е. к V—IV вв. до н. э.), данный показатель говорит о том, что ее изделия в реальности могут происходить не только из Крыма, но и из других регионов скифской археологической культуры (ср. выше географию соответствующих изобразительных типов) и в первую очередь, как нам представляется, с территорий Прикубанья, Среднего и Нижнего Поднепровья.

Среди зооморфных тем «Крымской коллекции» не отмечается значительного преобладания какого-либо образа или мотива над остальными, исключая более широко представленного мотива обособленных конечностей хищников. Наблюдается определенная корреляция между образно-видовым распределением изображений «Крымской коллекции» и аналогичными общими показателями ВСЗС: если в рамках ВСЗС в целом хищники составляют 26,1 %, то в «Крымской коллекции» — 32,2 %, копытные — соответственно 34,6 % и 28,7 %, птицы — соответственно 27,4 и 31,3 %, синкретические животные — соответственно 8,9 и 7 %, рыбы — соответственно 1,1 и 0,9 % (таблица). Всё это в совокупности может служить дополнительным аргументом в пользу подлинности большей части предметов «Крымской коллекции», оформленных в канонах скифского звериного стиля.

Статья написана в рамках проекта РФФИ 18-09-00725 А «Скифы в Центральном Предкавказье в VII—IV вв. до н. э.».

Приложение

БАЗА ДАННЫХ К РИСУНКАМ

Рис. 1. А: 1 — Нимфейский некрополь, к. 32 (Силантьева 1959, с. 85—86, рис. 48: 1), парные изображения, 4 экз.; 2 — к. 1, скифское погребение 1 на землях землевладельца С. А. Крыма под Симферополем, 3 экз. (Колтухов, Сенаторов 2016, с. 74—75, рис. 24: 9, 10); 3—9 — «Крымская коллекция»: 3 — с. Пруды, Советский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 31/327), 4 — с. Новокленово, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 31/328), 5 — с. Партизаны, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 34/330); 6 — окрестности г. Старый Крым, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 35/331, 37/333), 7 — окрестности с. Яркое Поле, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 36/332), 8 — с. Новокленово, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 38/334), 9 — окрестности г. Старый Крым, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 39/335), 10 — сборы у с. Токмазея Григориопольского р-на Приднестровья (Синика 2017, с. 146—147, рис. 1: 1).

Б: 1 — Первомаевка, группа II, к. 4, п. 2 (Евдокимов, Фридман 1987, с. 104—105, рис. 16: 2), 3 экз.; 2 — Малая Рогозянка 1, к. 2, п. 1 (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 33: 4—5; Могилов 2008, рис. 94: 3—8), 6 экз.; 3, 4 — «Крымская коллекция»: 3 — пос. Щебетовка, Судакский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 40/336); 4 — с. Межгорье, ур. Бураган, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 41/337).

В: 1 — Аксютинцы, к. 1, раскопки 1886 г. (Ильинская 1968а, табл. XVII: 9; Конь и всадник, кат. 41; Могилов 2008, рис. 94: 24), 4 экз.; 2 — Перещепино, к. 23 (Ролле и др. 2002, рис. 4: 10; Могилов 2008, рис. 94: 28), 4 экз.; 3 — Западное Бельское городище, зольник 11 (Шрамко 1987, рис. 11: 27; Могилов 2008, рис. 135: 8); 4—5 — «Крымская коллекция»: 4 — пос. Багерово, Ленинский р-н, Азовское побережье Керченского побережья, в р-не «Генеральских пляжей» (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 2/237—5/240), 4 экз., 5 — с. Новопокровка, ур. Соленая Балка, Кировский р-н; неизвестного происхождения, Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 42/338, 43/339).

Г: 1 — Каневский уезд, НМИУ (Могилов 2008, рис. 95: 5); 2 — покупка в Майкопе 1903 г. (ОАК за 1903, с. 169, рис. 333; Королькова 2006, табл. 39: 22); 3 — покупка в Майкопе 1903 г. (ОАК за 1903, с. 169, рис. 334; Королькова 2006, табл. 39: 21); 4 — долины рек Чегема и Баксана, коллекция графа Зичи (Прокопенко 2005, рис. 183: 12); 5—7 — «Крымская коллекция»: 5 — с. Батальное, Ленинский р-н, Керченский п-ов (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 44/340), 6 — Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 45/341); 7 — с. Батальное, Ленинский р-н, Керченский п-ов (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 46/342).

Рис. 2. А: 1 — Скифская могила, Боковая гробница (Скорый, Хохоровски 2005—2009, рис. 30: 3, 6), 2 экз.; 2 — с. Днепряны (Мурзін, Черненко 1979, с. 61—63); 3 — Макеевка, к. 491 (Могилов 2008, рис. 78: 20, 21), 2 экз.; 4 — «Крымская коллекция», с. Зеленогорское, ур. Соленая Балка Белогорского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 3/243).

Б: 1, 2 — Краснодарский музей (Переводчикова 1984, рис. 2: 5, 6); 3, 4 — «Крымская коллекция»: 3 — Феодосия, гора Челноки, ближе к мысу Св. Ильи (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 2/242), 4 — в окрестностях г. Старый Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 4/244); 5 — могильник Криволиманский, к. 20, п. 2 (Прохорова 1987, рис. 2: 7, 8), 2 экз.

В: 1 — Тузлинский некрополь, комплекс неизвестен (Древности… 1854, табл. XXIX: 11; Borovka 1928, pl. 19A; Scythian art 1986, fig. 278 left); 2, 3 — «Крымская коллекция»: 2 — вершина Айлянма-Кая, 1,5 км к СЗ от с. Мичуринское Белогорского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 2/228, 3/229), 2 экз., 3 — Белогорский район, близ элитных скифских курганов на горном массиве, вершина Ак-Кая (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 8/286).

Рис. 3. А: 1 — г. Красноперекопск, с. Танковое, к. 15, п. 2 (Щепинский, Черепанова 1969, с. 70—71, рис. 20: 1, с. 231—232, рис. 91: 13); 2—5 — «Крымская коллекция»: 2 — горный массив Кубалач, Змеиная балка, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 13/291), 3 — с. Синицыно, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 14/292), 4 — с. Кизиловое, Сиферопольский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 15/293), 5 — Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 16/294); 6 — Аксютинцы к. 1, раскопки 1886 г. (Ильинская 1968а, табл. XVII: 11; Конь… 2003, кат. 42; Могилов 2008, рис. 105: 7), парные бляхи, 2 экз.; 7 — Софиевка, развеянный курган, доследованный Ю. Н. Захаруком в 1948 г. (Іллінська 1968b, рис. 10: 2; Фиалко 1994, рис. 11: 3—2; Могилов 2008, рис. 105: 8).

Б: 1 — Корнеевка, к. 2, п. 2 (Ковалев, Полин 1991, с. 46, рис. 8: 7, 8), парные нащечники; 2 — Солоха, Центральное погребение, конская могила (Манцевич 1987, с. 45, кат. 27), 2 экз.; 3—7 — «Крымская коллекция»: 3 — с. Кринички, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 71/367), 4 — с. Рус-

ское, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 72/368, 73/369), 2 экз., 5 — с. Кринички, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 74/370, 75/371), 2 экз., 6 — Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 76/372), 7 — с. Межгорье Белогорского р-на; с. Южное, Большая Феодосия; с. Некрасово, Белогорский р-н; Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 77/373—83/379), 7 экз.; 8 — Бердянский курган, погребение жрицы, тайник 1 (Чередниченко, Фиалко 1988, рис. 6: 4), парные нащечники.

В: 1 — Новоселка, к. 26, п. 2 (Могилов 2008, рис. 103: 11, 12), 2 экз.; 2 — Стыла (Махортых, Ролле 2015, рис. 2: 10, 8: 23); 3 — могильник Чилик-дере (Simion 2003, p. 257, fig. 6), 2 экз.; 4 — Малые Семибратние курганы (Власова 2010, рис. 37), 8 экз.; 5—9 — «Крымская коллекция»: 5, 7, 8 — вблизи г. Керчь (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 65/361, 67/363, 68/364), 6, 9 — Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 66/362, 69/365).

Г: 1 — «Майкопский клад», Музей Университета Пенсильвании, комплекс неизвестен, предположительно с территории Северного Причерноморья (Leskov 2008, p. 37, cat. 38); 2 — «Майкопский клад», Музеи Берлина, комплекс неизвестен, предположительно с территории Северного Причерноморья (Leskov 2008, p. 192—193, cat. 263); 3 — Карагодеуашх (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, с. 62, рис. 39), 2 экз.; 4 — Гайманова могила, тризна, комплекты 1—3, 5, 6 (Бидзиля, Полин 2012, кат. 8, 12, 21, 42, 48, рис. 64: 6, 66: 6, 67: 7, 8, 70: 3, 71: 3, 4, 77: 5, 78: 8, 9, 81: 7, 8), 15 экз.; 5—8 — «Крымская коллекция»: 5 — Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 84/380—92/388), 5 экз., 6 — с. Межгорье, ур. Бураган, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 89/385—90/386), 2 экз., 7 — Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 91/387—92/388), 2 экз., 8 — Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 62/358).

Рис. 4. А: 1 — Аксютинцы, к. 2, раскопки С. А. Мазараки 1883—1885 гг. (Бобринский 1894, табл. XXII, 3, с. 162, 164—165) — золотая пластина, 2 зеркальных экз.; 2а, 2б — Мастюгино, сборы А. А. Спицына из грабительских раскопок кургана в 1905 г. (2а — ОАК за 1905 г., рис. 97: 5; 2б — Шкурко 1976, рис. 5: 10), золотая нашивная бляшка; 3 — «Крымская коллекция», с. Партизаны, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 11/306), бронзовая уздечная бляха.

Б: 1 — курган у с. Аксютинцы, раскопки В. В. Хвойки 1897—1899 гг., комплекс неизвестен (Древности… 1907, табл. VI: 436; Ильинская 1968а, табл. XXVI: 12—16); 2 — к. 1 у с. Волковцы, раскопки С. А. Мазараки 1897—1898 гг. (Древности… 1907, табл. XI: 224; Ильинская 1968а, с. 48—49, 79); 3 — «Крымская коллекция», с. Межгорье, ур. Бураган, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 1/395).

В: 1 — Малые Семибратние курганы (Borovka 1928, pl. 6D); 2 — «Крымская коллекция», с. Отважное, в сторону горы, Кировский район (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 12/307).

Г: 1 — ст. Воронежская, к. 19 (ОАК за 1903, с. 74, рис. 144); 2 — могильник у хут. Прикубанского, погр. 402 (Лимберис, Марченко 2017, рис. 8); 3 — «Крымская коллекция», Юго-Восточный Крым (?), точное место находки неизвестно (Скорый, Зимовец 2014, кат. 94/130).

Д: 1 — к. 2 у с. Волковцы, раскопки 1897—1898 гг. (Древности… 1899, табл. XVI: 316); 2 — Острая могила у г. Ногайска (Яценко 1956, рис. 5: Б); 3, 4, 6, 7 — «Крымская коллекция»: 3 — Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 27/276), 4 — с. Межгорье, ур. Бураган, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 26/275), 6 — с. Межгорье, ур. Бураган, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 22/271), 7 — бывш. деревня Тайган, на спуске с перевала Чомбай, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 24/273); 5 — Звенигород или Шпола, НМИУ (Могилов 2008, табл. 165: 3).

Рис. 5. А: 1 — Киевская губерния, Каневский уезд, покупка А. А. Бобринского в 1913 г. (Бобринский 1916, с. 4, рис. 13); 2—5, 7—10 — «Крымская коллекция»: 2 — горный массив Кубалач, в сторону с. Пролом, в средней части косогора, на северном склоне, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 6/301), 3 — район с. Партизаны, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 7/302), 4 — горный массив Кубалач, в районе видовой площадки на юго-западную сторону, с. Некрасово, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 1/279), 5 — горный массив Кубалач, верх Змеиной балки, немного ниже Антенн, недалеко от родника «Джюждюрка», Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 5/300), 7, 8 — горный массив Кубалач, на подъеме со стороны с. Хлебное, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 1/296, 2/297), 9 — с. Приветное, на поле, напротив фермы, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 3/298), 10 — с. Партизаны, в окрестностях озера, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 4/299); 6 — Плавинищи, к. 484 (Галанина 1977, табл. 17: 14).

Б: 1 — Нимфейский некрополь, к. 1, гробница 14, раскопки 1878 г. (Силантьева 1959, с. 83, 106, рис. 47, 5); 2 — впускное погребение кургана 7 у г. Мариуполя (Жданова), раскопки 1927 г. (Яценко 1959, табл. V, 4; Легенди… 2004, с. 58, илл. 3); 3 — «Майкопский клад», находка близ Тилигула (?) (Leskov 2008, p. 207—208, cat. 284); 4 — Малые Семибратние курганы (Borovka 1928, pl. 5: B); 5 — г. Воронеж, случайная находка, возможно, из кургана Старожиботинного могильника (Березуцкий, Маликов 1999, с. 113—114, рис. 1); 6—9 — «Крымская коллекция»: 6, 7 — пос. Щебетовка, Судакский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 3/281, 5/283), 8 — Симферопольский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 6/284), 9 — подножье горного массива Кубалач, с. Дивное, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 4/282).

В: 1 — Журовка к. В (Borovka 1928, pl. 5: D); 2 — Журовка, к. 400 (Петренко 1967, табл. 37: 4); 3 — «Крымская коллекция», горный массив Кубалач, с. Некрасово, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 2/402).

Г: 1 — Частые курганы, к. 10/10 (Либеров 1965, табл. 24: 2); 2, 3 — «Крымская коллекция»: 2 — район Керчи (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 8/303), 3 — с. Яркое Поле, Кировский район (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 9/304).

Д: 1 — Волошинский могильник, к. 1, п. 1 (Кулатова, Скорий, Супруненко, 2010, рис. 27: 2); 2 — «Крымская коллекция», между пос. Зуя и с. Ароматное, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 16/312).

Е: 1 — Уляпский могильник, к. 8, ритуальный комплекс 2 (Сокровища… 1985, кат. 239), зеркальные нащечники, 2 экз.; 2 — «Крымская коллекция», горный массив Кубалач, между сс. Русское и Мелехово, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 17/313); 3 — Хошеутово (Očir-Gorjaeva 2005, cat. 83—93, abb. 84).

Ж: 1 — Келермес, к. 1/В, наборы коней 19 и 20 (Галанина 1997, кат. 169, 170, табл. 16, 21), 2 экз.; 2, 5 — «Крымская коллекция»: 2 — пос. Красногвардейское, райцентр к ЮЗ от населенного пункта, в ур. Седьмое поле (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 3/248), 5 — с. Зеленогорское, ур. Соленая Балка Белогорского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 2/247); 3 — Келермес, к. 24, разрозненные уздечные принадлежности (Галанина 1997, кат. 378, табл. 24); 4 — Текливка, к. 3 (Могилов 2008, рис. 129: 44).

Рис. 6. А: 1 — Ульские курганы, к. 2, раскопки 1909 г. (ОАК за 1909—1910 г., с. 150, рис. 215, фото А. Р. Канторовича в ГЭ), 3 экз.; 2 — «Крымская коллекция», Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, с. 149, фото).

Б: 1 — Нимфей, нижняя терраса городища, раскопки 1948 г. (Скуднова 1954, с. 316, рис. 6 левый); 2 — курганы Роменского уезда (Шкурко, 1976, рис. 3, 11), 6 экз.; 3 — хора Ольвии, городище Глубокая Пристань (Буйских, Островерхов 1994, рис. 1: 1; Королькова 2006, табл. 9: 9, 64: 4); 4 — Частые курганы, раскопки ВУАК, к. 7 (Либеров 1965, табл. 22: 19); 5—8 — «Крымская коллекция»: 5 — вершина Айлянма-Кая, 1,5 км к СЗ от с. Мичуринское Белогорского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 1/227), 6 — Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 24/320), 7 — с. Кринички Кировского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 25/321), 8 — в окрестностях г. Старый Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 27/323).

В: 1 — Акташский могильник, к. 7 (Бессонова и др. 1988, фото 1: 2, рис. 7: 3); 2 — с. Колоски, к. 7, п. 3 (Ольховский 1982, с. 61—81, рис. 6); 3 — «Крымская коллекция», горный массив Кубалач, гора Верблюд, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 10/305—5/240).

Рис. 7. А: 1 — Куль-Оба, хранение Государственного Эрмитажа (Артамонов 1966, табл. 230; Королькова 2006, табл. 45: 16), 7 экз., аналогичные бляшки из Куль-Обы хранятся в Département des Monnaies, Médailles et Antiques de la Bibliothèque nationale de France и в Думбартон Оукс; 2 — могильник Цемдолина (Малышев, Равич 2001, с. 105, рис. 2,1); 3 — «Крымская коллекция», Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 49/345).

Б: 1 — Ольвия, городище (раскоп Е) (Капошина 1950, с. 42—43, рис. 5); 2 — Уляпские курганы, к. 2, ритуальная площадка, конь 10 (Шедевры…. кат. 29, рис. 23), 2 экз.; 3—7 — «Крымская коллекция»: 3 — с. Головановка, начало Караби-Яйлы, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 50/346), 4 — в районе г. Пилотки, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 63/359); 5 — пос. Багерово, Ленинский р-н, Азовское побережье Керченского побережья, в р-не «Генеральских пляжей» (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 1/236), 6 — Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 59/355), на шее грифона, 7 — пос. Щебетовка, Судакский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 5/283), на рогах лося; 8 — Малые Семибратние курганы (Borovka 1928, pl. 5: B), на рогах лося.

В: 1 — Ковалевка, к. 6 (Ковпаненко, Бунятян 1978, рис. 1: 38; фото А. Р. Канторовича в ИА НАНУ), 6 экз.; 2 — Басовка, к. 499 (Галанина 1977, табл. 26: 12); 3 — Волковцы, к. 1, раскопки С. А. Мазараки 1897—1898 гг. (Древности… 1899, табл. XV, 315); 4—7 — «Крымская коллекция»: 4, 5 — Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 52/348, 53/349), 6 — Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 55/351), 7 — с. Кринички, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 56/352).

Г: 1, 3—5 — «Крымская коллекция»: 1 — горный массив Агармыш (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 31; Зимовец 2016, с. 77, рис. 1: 1), 2 — Репяховатая могила, п. 2, впускное (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 12: 2), 3 — ур. Алан-тепе в окрестностях Старого Крыма (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 32; Зимовец 2016, с. 77, рис. 1: 2), 4 — горный массив Кубалач (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 34; Зимовец 2016, с. 77, рис. 1: 3), 5 — с. Александровка Белогорского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 33; Зимовец 2016, с. 77, рис. 1: 4); 6 — Верхнекобанский могильник (Доманский 1984, рис. 29).

Д: 1 — «Крымская коллекция», с. Мелехово Белогорского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 18/267), трансформация рогов «лосептицы»; 2 — с. Петровка Донецкой обл., к. 2, п. 3 (Братченко, Швецов, Дубовская 1989, с. 173, рис. 3: 11), трансформация рогов «лосептицы».

Рис. 8. А: 1 — из находок Бурачкова (Яценко 1959, табл. III: 3); 2 — из с. Пастырское (Древности… 1907, табл. IV, 428; Іллінська 1961, рис. 11: 6); 3 — «Крымская коллекция», с. Партизаны, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, с. 135—136, кат. 1/399).

Б: 1 — Роменский уезд, курган (Бобринский 1901, табл. X: 2); 2 — Малокатериновка Запорожского р-на, к. 17, п. 2 (конское) (Плешивенко 1996, табл. XIV, 7); 3 — Нимфейский некрополь, к. 24, раскопки 1876 г. (Силантьева 1959, рис. 37: 8); 4 — «Крымская коллекция», с. Александровка, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 58/354).

В: 1, 3 — «Крымская коллекция»: 1 — Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 54/350), 3 — между сс. Айвазовское и Приветное, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 2/400); 2 — Аллероевский могильник (Вольная 2002, с. 158, рис. 12: 4).

Г: 1 — Селище Саржин яр на терр. Харькова (Шрамко, Задников, Пеляшенко 2008, рис. 8: 5, фото А. Р. Канторовича в МАЭСУ); 2 — городище в ур. Городище (Гречко 2010, рис. 88: 25); 3 — «Крымская коллекция», горный массив Кубалач, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 1/401).

Д: 1 — Журовка, к. 412 (Петренко 1967, табл. 29: 23); 2 — Никольское, к. 9, п. 1 (Агульников, Савва 2004, рис. 48: 6); 3—5 — «Крымская коллекция»: 3 — окрестности г. Старый Крым, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 5/254), 4 — с. Надежда, Советский р-н (1 экз.), Юго-Восточный Крым (2 экз.) (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 2/251—4/253), 5 — Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 6/255).

Е: 1 — Осняги, к. 4 (На краю… 2002, кат. 441; Могилов 2008, рис. 166: 20, 20а), 2 экз.; 2 — «Крымская коллекция», Белогорский район (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 1/250).

Рис. 9. А: 1 — Чертомлык, насыпь (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 17б, с. 84 (фото), рис. 55, рис. 56: 7, фото на с. 152); 2—8 — «Крымская коллекция»: 2 — с. Межгорье, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 7/256, 8/257), 2 экз., 3 — с. Межгорье, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 9/258, 11/260), 4 экз., 4, 5 — с. Межгорье, ур. Бураган, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 12/261, 13/262), 6 — с. Межгорье, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 14/263), 7, 8 — район Севастополя (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 15/264, 16/265).

Б: 1 — с. Дмитровка Черкасского уезда (Древности Приднепровья 1907, табл. XVIII: 313); 2—5 — «Крымская коллекция»: 2 — с. Хлебное, Белогорский р-н, тризна вокруг кургана (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 18/207, 19/208; Зимовец 2015,

рис. 2: 1), 2 экз., 3 — с. Межгорье, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 13/308), 4 — с. Межгорье, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 14/309), 5 — с. Новокленово, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 15/310).

В: 1 — Журовка, к. 401 (Петренко 1967, табл. 30: 8); 2 — Журовка, к. 401 (Петренко 1967, табл. 30: 11); 3 — «Крымская коллекция», с. Хлебное, Белогорский р-н, тризна вокруг кургана (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 8/197—17/206), 10 экз.; 4 — Червоный Яр, к. 1 (Treasures… 2006, cat. 19; фото А. Р. Канторовича в ОАМ), 4 экз.

Рис. 10. А: 1 — Грищенцы Черкасской обл., могильник, п. 7 (Петренко 1962, рис. 19; Петренко 1967, табл. 31: 10); 2 — Ольвия (Капошина 1956, с. 186, рис. 24: 2); 3 — «Крымская коллекция», Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 59/355).

Б: 1 — «Майкопский клад» (Leskov 2008, cat. 36); 2 — «Крымская коллекция», район Феодосии (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 23/272).

В: 1 — поселение Ольвийской хоры, случайная находка (Островерхов, Охотников 1989, рис. 3: 2; фото автора в ОАМ); 2 — «Крымская коллекция», подножье горного массива Кубалач, между сс. Курское и Тополевка, Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 20/269).

Г: 1 — Ульские курганы, к. 1, раскопки 1908 г. (прорисовка по: L'or des Scythes 1991, p. 66, fig. 29); 2 — «Крымская коллекция», Белогорский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, фото на с. 150).

Д: 1 — Гайманова могила, Северная гробница (№ 1), вторая тризна, комплект 7 и уздечка коня 8 (Ильинская, 1973, с. 57, рис. 8: 8, 9; Бидзиля, Полин 2012, кат. 74, рис. 84: 13, 14, 15, 16, кат. 204, рис. 130: 7, 8, рис. 567), 7 экз., изготовленных «одной партией в одной мастерской одним мастером» (Бидзиля, Полин 2012, с. 407); 2 — «Крымская коллекция», с. Партизаны, Кировский р-н (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 64/360); 3 — из села Цар Асен Силистренской обл. Болгарии (Топал, рис. 3).

Е: 1, 2 — с. Петровка Донецкой обл., к. 2, п. 3 (Братченко, Швецов, Дубовская 1989, с. 173, рис. 3: 11; 3: 8); 3 — Чертомлык, насыпь (39 экз.), южная конская могила (1 экз.) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 84, 163, кат. 17а, 47/1); 4—6 — «Крымская коллекция»: 4 — вершина Айлянма-Кая, 1,5 км к СЗ от с. Мичуринское Белогорского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 6/235), 5 — с. Мелехово Белогорского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 18/267), 6 — с. Мелехово Белогорского р-на (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 19/268); 7 — Елизаветинская, к. 7, раскопки 1917 г. (Галанина 2010, табл. 8: 4).

Ж: 1 — Куль-Оба, хранение Государственного Эрмитажа (Артамонов 1966, табл. 230; Королькова 2006, табл. 45: 16), 7 экз., аналогичные бляшки из Куль-Обы хранятся в Département des Monnaies, Médailles et Antiques de la Bibliothèque nationale de France и в Думбартон Оукс; 2 — могильник Цемдолина (Малышев, Равич 2001, с. 105, рис. 2: 1); 3 — «Крымская коллекция», Юго-Восточный Крым (?) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 49/345).

ЛИТЕРАТУРА

Агульников, С., Савва, Е. 2004. *Исследования курганов на левобережье Днестра.* Кишинэу: CEP USM.

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.).* Киев: Наукова думка.

Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа.* Прага; Ленинград: Артия; Советский художник.

Березуцкий, В. Д., Маликов, А. В. 1999. Находка изделия в зверином стиле с окраины г. Воронежа. В: Бессуднов, А. Н. (ред.). *Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции.* Липецк: ЛипецГПИ.

Бессонова, С. С., Бунятян, Е. П., Гаврилюк, Н. А. 1988. *Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму*. Киев: Наукова думка.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Київ: Скиф.

Бобринский, А. А. 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.* Санкт-Петербург: В. С. Балашев и Ко, 2: Дневники раскопок 1887—1889 гг.

Бобринский, А. А., 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.* Санкт-Петербург: Главное Управление уделов, 3: Дневники раскопок 1889—1897 гг.

Болтрик, Ю. В., Фиалко, Е. Е., Чередниченко, Н. Н. 1994. Бердянский курган. *Российская археология*, 3, с. 140-156.

Братченко, С. Н., Швецов, М. Л., Дубовская, О. Р. 1989. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца. *Советская археология*, 1, с. 170-177.

Буйских, С. Б., Островерхов, А. С. 1994. Кабаний клык с зооморфным изображением из Глубокой Пристани. В: Тощев, Г. Н. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции, посвященной 90-летию Б. Н. Гракова.* Запорожье, с. 34-38.

Власова, Е. В. 2010. Древности эллинские и местные. В: Бонгард-Левин, Г. М., Кузнецов, В. Д. (ред.). *Античное наследие Кубани.* Москва: Наука, 3, с. 198-262.

Вольная, Г. Н. 2002. *Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н. э.* Владикавказ: Иристон.

Галанина, Л. К. 1977. *Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга).* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—33.

Галанина, Л. К. 2005. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 37, с. 97-108.

Галанина, Л. К. 2010. Конское снаряжение из коллекции елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н. И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 38, с. 107-122.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. Київ*. ИА НАНУ.

Гуляев, В. И. 2016. Рец.: С. Скорый, Р. Зимовец. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев. 2014. 180 с. *Восток = Oriens*, 5, с. 205-208.

Дараган, М. Н. 2010. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы. *Античный мир и археология*, 14, с. 175-202.

Доманский, Я. В. 1984. *Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа.* Москва: Искусство.

Древности… 1854. *Древности Босфора Киммерийского хранящиеся в Императорском Музее Эрмитажа.* Санкт-Петербург.

Древности… 1899. Древности Приднепровья. В: Ханенко, Б. И., Ханенко, В. И. *Древности Приднепровья и побережий Чёрного моря*. Киев: С. В. Кульженко, II.

Древности… 1907. Древности Приднепровья. В: Ханенко, Б. И., Ханенко, В. П. *Древности Приднепровья и побережий Черного моря*. Киев: С. В. Кульженко, VI.

Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Черненко, Е. Н. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 85-115.

Зимовец, Р. В. 2016. О локальных особенностях бронзовых бутеролей в виде головы хищной птицы. *Археологія і давня історія України*, 2 (19): Старожитності раннього залізного віку, с. 76-88.

Іллінська, В. А. 1961. Скіфськи сокири. *Археологія*, XII, с. 27-52.

Ильинская, В. А. 1968a. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья*. Киев: Наукова думка.

Іллінська, В. А. 1968b. Із ненадрукованных матеріалів скіфського часу в Лівобережному степу. *Археологія*, XXI, с. 147-163.

Ильинская, В. А. 1973. Скифская узда IV в. до н. э. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 42-64.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Канторович, А. Р. 2013. Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология. *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*, 3: К 70-летию Э. В. Ртвеладзе, с. 423-480.

Канторович, А. Р. 2015a. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика. *Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ*, 3, с. 113-218.

Канторович, А. Р. 2015b. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*: Диссертация д. и. н. Москва: ИА РАН.

Канторович, А. Р. 2017. Скифский звериный стиль Крыма как региональный компонент восточноевропейского скифского звериного стиля (репертуар, хронология и статистические показатели). В: Кузьминых, С. В., Горбенко, А. А. (ред.). *И музою его была наука: сборник памяти В. А. Кореняко (1952—2016)*. Азов: Азовский музей-заповедник, с. 143-180.

Канторович, А. Р. 2018. Образно-сюжетный репертуар восточноевропейского скифского звериного стиля: принципы и результаты классифицирования и кодирования. В: Синика, В. С., Рабинович, Р. А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, с. 195-223.

Капошина, С. И. 1950. Памятники звериного стиля из Ольвии. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, XXXIV, с. 42-52.

Капошина, С. И. 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии. Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 50, с. 211-254.

Ковпаненко, Г. Т., Бунятян, Е. П. 1978. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Курганы на Южном Буге*. Киев: Наукова думка, с. 133-150.

Ковалев, Н. В., Полин, С. В. 1991. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 33-53.

Колтухов, С. Г., Сенаторов, С. Н. 2016. *Скифы Предгорного Крыма VII—IV вв. до н. э. Курганы 1890—1892 и 1895 гг.: (по материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского)*. Симферополь. Материалы к археологической карте Крыма, XVII.

Конь… 2003. *Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставки*. Москва: ГИМ.

Королькова, Е. Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Ксенофонтова, И. В. 2010. Остродонные амфоры Уляпского могильника из собрания ГМВ. *Материальная культура Востока*, 5, с. 138-148.

Кулатова, І. М. 1995. Хрестовидна бляха скіфської доби з Енківець у Посуллі. *Полтавський археологічний збірник*, 3, с. 130-147.

Кулатова, І. М., Скорий, С. А., Супруненко, О. Б., 2010. *Кургани поблизу с. Волошине в пониззі Псла*. Київ: ЦП НАНУ і УТОПІК.

Лаппо-Данилевский, А., Мальмберг, В. 1894. *Курган Карагодеуаших. Древности Южной России*. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук. Материалы по археологии России, 13.

Лесков, А. М., Беглова, Е. А., Ксенофонтова, И. В., Эрлих, В. Р. 2013. *Меоты Закубанья в сер. VI — нач. III вв. до н. э.: некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. Москва: Государственный музей Востока.

Либеров, П. Д. 1965. *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—31.

Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2017. Конская упряжь в меото-скифском зверином стиле из Прикубанского могильника. Постерный доклад на конференции. *Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики. Москва, Институт археологии РАН и Государственный Исторический музей, Россия, 13—14 ноября 2017*. http://scythia-sarmatia.ru/wp-content/uploads/pos15.jpg (Дата обращения: 07.01.2018).

Малышев, А. А., Равич, И. Г. 2001. О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях Новороссийска. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. *Материалы и исследования по археологии России*, 3, с. 103-111.

Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.

Махортих, С. В. 2006. Скіфська вузда Перещепинського могильника. *Більске городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, с. 57-76.

Махортых, С. В., Ролле, Р. 2015. Изображения редуцированной лапы животного и кисти человеческой руки в искусстве степной и лесостепной Скифии. *Stratum plus*, 3, с. 183-204.

Медведев, А. П. 2015. Новая книга о скифских древностях. *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*, 4, с. 136-137.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

Монахов, С. Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н. э.* Саратов: Саратовский государственный университет.

Монахов, С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель.* Москва; Саратов: Киммерида.

Мурзін, В. Ю., Черненко, Е. В. 1979. Скіфський курган поблизу с. Дніпряни. *Археологія*, XXXII, с. 61-63.

На краю… 2002. *На краю ойкумены. Греки и варвары на северному берегу Понта Эвксинского.* Москва.

Онайко, Н. А. 1966. *Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—27.

Отчет… 1906. *Отчет Императорской археологической комиссии за 1903 г.* Санкт-Петербург.

Отчет… 1908. *Отчет Императорской археологической комиссии за 1905 г.* Санкт-Петербург.

Отчет… 1913. *Отчет Императорской археологической комиссии за 1909—1910 гг.* Санкт-Петербург.

Островерхов, А. С., Охотников, С. Б. 1989. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея. *Вестник древней истории*, 2, с. 50-67.

Переводчикова, Е. В. 1984. Характеристика предметов скифского звериного стиля. В: Кирей, Н. И. (ред.). *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа.* Краснодар: КубГУ, с. 5-15.

Петренко, В. Г. 1962. Бронзовая бляха с головой грифона. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 89, с. 54-56.

Петренко, В. Г. 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Петренко, В. Г., Маслов, В. Е., Канторович, А. Р. 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II. В: Гуляев, В. И., Ольховский, В. С. (ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология.* Москва: ИА РАН, с. 238-248.

Плешивенко, А. Г. 1996. *Курганы села Малоекатериновка.* Запорожье.

Прокопенко, Ю. А. 2005. *Историко-культурное развитие Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э.* Ставрополь: СтаврГУ.

Прохорова, Т. А. 1987. Погребение эпохи раннего железа из могильника Криволиманский-I. *Советская археология*, 1, с. 250-253.

Ролле, Р., Герц, В., Махортых, С. В., Белозор, В. П. 2003. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2002 г.* Киев: ИА НАНУ.

Силантьева, Л. Ф. 1959. Некрополь Нимфея. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 69, с. 5-107.

Синика, В. С. 2017. Новые находки предметов звериного стиля на левобережье Нижнего Днестра. *Поволжская археология*, 3 (21), с. 141-154.

Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции.* Киев: Олег Філюк.

Скорый, С., Хохоровски, Я., 2005—2009. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь). *Stratum plus*, 3, с. 234-276.

Сокровища… 1985. *Сокровища курганов Адыгеи.* Москва: Советский художник.

Топал, Д. А. (б. г.). *Новые кельтские и скифские находки из Северо-Восточной Болгарии*. http://arh2.instarcom.org/ONLINE/Topal/topal.html#top (Дата обращения: 07.02.2019).

Фиалко, Е. Е. 1994. *Памятники скифской эпохи Приднепровской Террасовой Лесостепи.* Киев: ИА НАНУ.

Чередниченко, Н. Н., Фиалко, Е. Е. 1988. Погребение жрицы из Бердянского кургана. *Советская археология*, 2, с. 149-167.

Шкурко, А. И. 1976. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.* Москва: Наука, с. 90-105.

Шрамко, Б. А., 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).* Киев. Наукова думка.

Шрамко, И. Б., Задников, С. А, Пеляшенко, К. Ю. 2008. Новые исследования памятников скифского времени на Харьковщине. В: Посохов, С. И. (ред.). *Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Б. А. Шрамко.* Харьков: Курсор, с. 146-163.

Щепинский, А. А., Черепанова, Е. В. 1969. *Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э.* Симферополь: Крым.

Эрлих, В. Р. 2010. Раскопки кургана Ульской группы в 2007 г. *Материальная культура Востока*, 5, с. 117-138.

Яценко, И. В. 1956. Скифские погребения близ Ногайска. *Вестник древней истории*, 1, с. 157-165.

Яценко, И. В. 1959. *Скифия VII—V веков до н. э.* Москва: ГИМ. Труды ГИМ, 36.

Borovka, G. 1928. *Scythian Art.* London: Ernest Benn.

Grač, N. 1997. *Der Kurgan Kul'-Oba. Zwei Gesichter der Eremitage.* Bonn, I: Die Skythen und ihr Gold.

L'or des Scythes… 1991. *L'or dés Scythes. Trésors de l'Ermitage.* Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire.

Leskov, A. M. 2008. *The Maikop Treasure.* Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.

Očir-Gorjaeva, M. 2005. *Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga.* Mainz: Philipp von Zabern. Archäologie in Eurasien, 19.

Simion, G. 2003. *Culturi antice in zona gurilor Dunarii.* Cluj-Napoca: Nereamia Napocae, I: Preistorie si protoistorie. Biblioteca Istro-Pontica. Seria Arheologie, 5.

Treasures… 2006. *Treasures from the Black Sea Coast. Catalogue of the exhibition at the National Museum in Cracow.* Krakow: Muzeum Narodowe w Krakowie.

REFERENCES

Agulnikov, S., Savva, E., 2004. *Issledovaniya kurganov na levoberezhye Dnestra.* Kishineu: CEP USM.

Alekseyev, A. Yu. 2003. *Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseyev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk. (Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.).* Kyiv: Naukova dumka.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha.* Praga; Leningrad: Artiya; Sovetskiy khudozhnik.

Berezutskiy, V. D., Malikov, A. V. 1999. Nakhodka izdeliya v zverinom stile s okrainy g. Voronezha. In: Bessudnov, A. N. (ed.). *Arkheologiya Tsentralnogo Chernozemia i sopredelnykh territoriy. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii.* Lipetsk: LipetsGPI.

Bessonova, S. S., Bunyatyan, E. P., Gavrilyuk, N. A. 1988. *Aktashskij mogil'nik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu.* Kiev: Naukova dumka.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila.* Kyiv: Skif.

Bobrinskiy, A. A. 1894. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely.* Sankt-Peterburg: V. S. Balashev i Ko, 2: Dnevniki raskopok 1887—1889 gg.

Bobrinskiy, A. A. 1901. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely.* Sankt-Peterburg: Glavnoe Upravlenie udelov, 3: Dnevniki raskopok 1889—1897 gg.

Boltrik, Yu. V., Fialko, E. E., Cherednichenko, N. N. 1994. Berdyanskiy kurgan. *Rossiyskaya arkheologiya*, 3, p. 140-156.

Bratchenko, S. N., Shvetsov, M. L., Dubovskaya, O. R. 1989. Kurgan IV v. do n. e. v basseyne Severskogo Dontsa. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, p. 170-177.

Buyskikh, S. B., Ostroverkhov, A. S. 1994. Kabaniy klyk s zoomorfnym izobrazheniyem iz Glubokoy Pristani. In: Toshchev, G. N. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomoria. Tezisy dokladov konferentsii. posvyashchennoy 90-letiyu B. N. Grakova*. Zaporozhye, p. 34-38.

Vlasova, E. V. 2010. Drevnosti ellinskiye i mestnyye. In: Bongard-Levin, G. M., Kuznetsov, V. D. (ed.). *Antichnoye naslediye Kubani*. Moskva: Nauka, 3, p. 198-262.

Volnaya, G. N. 2002. *Prikladnoye iskusstvo naseleniya Priterechia serediny I tys. do n. e.* Vladikavkaz: Iriston.

Galanina, L. K. 1977. *Skifskiye drevnosti Podneprovia (Ermitazhnaya kollektsiya N. E. Brandenburga)*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—33.

Galanina, L. K. 2005. Kubanskoye uzdechnoye snaryazheniye IV v. do n. e. (po materialam Elizavetinskogo kurgana. raskopannogo N. I. Veselovskim v 1913 g.). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 37, p. 97-108.

Galanina, L. K. 2010. Konskoye snaryazheniye iz kollektsii elizavetinskikh drevnostey. khranyashchikhsya v Gosudarstvennom Ermitazhe (raskopki N. I. Veselovskogo 1914, 1915, 1917 gg.). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 38, p. 107-122.

Grechko, D. S. 2010. *Naselennya skifskogo chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NANU.

Gulyayev, V. I. 2016. Rets.: S. Skoryy. R. Zimovets. Skifskiye drevnosti Kryma. Materialy odnoy kollektsii. Kiev. 2014. 180 s. *Vostok = Oriens*, 5, p. 205-208.

Daragan, M.N. 2010. O datirovke amfory iz pogrebeniya N 2 Repyakhovatoy Mogily. *Antichnyy mir i arkheologiya*, 14, p. 175-202.

Domanskiy, Ya. V. 1984. *Drevnyaya khudozhestvennaya bronza Kavkaza v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Moskva: Iskusstvo.

Drevnosti… 1854. *Drevnosti Bosfora Kimmeriyskogo khranyashchiyesya v Imperatorskom Muzeye Ermitazha*. Sankt-Peterburg.

Drevnosti… 1899. Drevnosti Pridneprovia. In: Khanenko, B. I., Khanenko, V. I. *Drevnosti Pridneprovia i poberezhiy Chernogo morya*. Kiev: S. V. Kulzhenko, II.

Drevnosti… 1907. Drevnosti Pridneprovia. In: Khanenko, B. I., Khanenko, V. I. *Drevnosti Pridneprovia i poberezhiy Chernogo morya*. Kiev: S. V. Kulzhenko, VI.

Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1987. Skifskiye kurgany u s. Pervomayevka na Khersonshchine. In: Chernenko, E. N. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka, p. 85-115.

Zimovets, R. V. 2016. O lokalnykh osobennostyakh bronzovykh buteroley v vide golovy khishchnoy ptitsy. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (19): Starozhitnosti rannogo zaliznogo viku, p. 76-88.

Illinska, V. A. 1961. Skifski sokiri. *Arkheologiya*, XII, p. 27-52.

Ilinskaya, V. A. 1968a. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhia*. Kiev: Naukova dumka.

Illinska, V. A. 1968b. Iz nenadrukovannykh materialiv skifskogo chasu v Livoberezhnomu stepu. *Arkheologiya*, XXI, p. 147-163.

Ilinskaya, V. A. 1973. Skifskaya uzda IV v. do n. e. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, p. 42-64.

Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, p. 31-63.

Kantorovich, A. R. 2013. Izobrazheniya losya v vostochnoyevropeyskom skifskom zverinom stile: klassifikatsiya. tipologiya. khronologiya. In: Bukharin, M. D. (ed.). *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii. filologii. iskusstva i materialnoy kultury*, 3: K 70-letiyu E. V. Rtveladze, p. 423-480.

Kantorovich, A. R. 2015a. Obrazy sinkreticheskikh sushchestv v vostochnoyevropeyskom skifskom zverinom stile: klassifikatsiya. tipologiya. khronologiya. ikonograficheskaya dinamika. *Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakulteta MGU*, 3, p. 113-218.

Kantorovich, A. R. 2015b. *Skifskiy zverinyy stil Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya. tipologiya. khronologiya. evolyutsiya*: Dissertacija d. i. n. Moskva: IA RAN.

Kantorovich, A. R. 2017. Skifskiy zverinyy stil Kryma kak regionalnyy komponent vostochnoyevropeyskogo skifskogo zverinogo stilya (repertuar. khronologiya i statisticheskiye pokazateli). In: Kuzminykh, S. V., Gorbenko, A. A. (ed.). *I muzoyu ego byla nauka: sbornik pamyati V. A. Korenyako (1952—2016)*. Azov: Azovskij muzej-zapovednik, p. 143-180.

Kantorovich, A. R. 2018. Obrazno-syuzhetnyy repertuar vostochnoyevropeyskogo skifskogo zverinogo stilya: printsipy i rezultaty klassifitsirovaniya i kodirovaniya. In: Sinika, V. S., Rabinovich, R. A. (ed.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest 70-letiya N. P. Telnova*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus, p. 195-223.

Kaposhina, S. I. 1950. Pamyatniki zverinogo stilya iz Olvii. *Kratkiye soobshcheniya IA AN SSSR*, XXXIV, p. 42-52.

Kaposhina, S. I. 1956. O skifskikh elementakh v kulture Olvii. Olviya i Nizhneye Pobuzhye v antichnuyu epokhu. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 50, p. 211-254.

Kovpanenko, G. T., Bunyatyan, E. P. 1978. Skifskiye kurgany u s. Kovalevka Nikolayevskoy oblasti. In: Gening, V. F. (ed.). *Kurgany na Yuzhnom Buge*. Kiev: Naukova dumka, p. 133-150.

Kovalev, N. V., Polin S.V. 1991. Skifskiye kurgany u s. Korneyevka Zaporozhskoy oblasti. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (ed.). *Kurgany stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, p. 33-53.

Koltukhov, S. G., Senatorov, S. N. 2016. *Skify Predgornogo Kryma VII—IV vv. do n. e. Kurgany 1890—1892 i 1895 gg.: (Po materialam N. I. Veselovskogo i Yu. A. Kulakovskogo)*. Simferopol. Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma, XVII.

Kon… 2003. *Kon i vsadnik. Vzglyad skvoz veka. Katalog vystavki*. Moskva: GIM.

Korolkova, E. F. 2006. *Zverinyy stil Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzhia i Yuzhnogo Priuralia v skifskuyu epokhu (VII—IV vv. do n. e.)*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye.

Ksenofontova, I. V. 2010. Ostrodonnyye amfory Ulyapskogo mogilnika iz sobraniya GMV. In: Noskova, L. M. (ed.). *Materialnaya kultura Vostoka*, 5, p. 138-148.

Kulatova, I. M. 1995. Khrestovidna blyakha skifskoi dobi z Enkivets u Posulli. *Poltavskiy arkheologichniy zbirnik*, 3, p. 130-147.

Kulatova, I. M., Skoriy, S. A., Suprunenko, O. B. 2010. *Kurgani poblizu s. Voloshine v ponizzi Psla*. Kyiv: TsP NANU i UTOPIK.

Lappo-Danilevskiy, A., Malmberg, V., 1894. *Kurgan Karagodeuashkh. Drevnosti Yuzhnoy Rossii*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaja Akademija nauk. Materialy po arkheologii Rossii, 13.

Leskov, A. M., Beglova, E. A., Ksenofontova, I. V., Erlikh, V. R. 2013. *Meoty Zakubania v ser. VI — nach. III vv. do n. e.: Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritualnyye kompleksy*. Moskva: Gosudarstvennyy muzey Vostoka.

Liberov, P. D. 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—31.

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2017. Konskaya upryazh v meoto-skifskom zverinom stile iz Prikubanskogo mogilnika. Posternyy doklad na konferentsii. *Novoye v issledovaniyakh rannego zheleznogo veka Evrazii: problem, otkrytiya, metodiki. Moskva, Institut arkheologii RAN i Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey, Rossiya, 13—14 noyabrya 2017*. http://scythia-sarmatia.ru/wp-content/uploads/pos15.jpg (Data obrashchenija: 07.01.2018).

Malyshev, A. A., Ravich, I. G. 2001. O nakhodkakh obraztsov skifskogo zverinogo stilya v okrestnostyakh Novorossiyska. Severnyy Kavkaz: istoriko-arkheologicheskiye ocherki i zametki. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii*, 3, s. 103-111.

Mantsevich, A. P. 1987. *Kurgan Solokha. Publikatsiya odnoy kollektsii*. Leningrad: Iskusstvo.

Makhortikh, S. V. 2006. Skifska vuzda Pereshchepinskogo mogilnika. *Bilske gorodishche ta yogo okruga (do 100-richcha pochatku polovikh doslidzhen)*. Kyiv: Shlyakh, p. 57-76.

Makhortykh, S. V., Rolle, R. 2015. Izobrazheniya redutsirovannoy lapy zhivotnogo i kisti chelovecheskoy ruki v iskusstve stepnoy i lesostepnoy Skifii. *Stratum plus*, 3, p. 183-204.

Medvedev, A. P. 2015. Novaya kniga o skifskikh drevnostyakh. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 4. p. 136-137.

Mogilov, O. D. 2008. *Sporyadzhennya konya skifskoi dobi u Lisostepu Skhidnoї Єvropi Evropi*. Kyiv; Kam'yanets-Podilskiy: IA NANU.

Monakhov, S. Yu. 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomorye. Kompleksy keramicheskoy tary VII—II vekov do n. e.* Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj universitet.

Monakhov, S. Yu. 2003. *Grecheskiye amfory v Prichernomorye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov eksporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel*. Moskva; Saratov: Kimmerida.

Murzin, V. Yu., Chernenko, E. V. 1979. Skifskiy kurgan poblizu s. Dnipryani. *Arkheologiya*, XXXII, p. 61-63.

Na krayu… 2002. *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnomu beregu Ponta Evksinskogo*. Moskva.

Onayko, N. A. 1966. *Antichnyy import v Podneprovye i Pobuzhye v VII—V vv. do n. e*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—27.

Otchet… 1906. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1903 g*. Sankt-Peterburg.

Otchet… 1908. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1905 g*. Sankt-Peterburg.

Otchet… 1913. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1909—1910 gg*. Sankt-Peterburg.

Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B. 1989. O nekotorykh motivakh skifskogo zverinogo stilya na pamyatnikakh iz sobraniya Odesskogo arkheologicheskogo muzeya. *Vestnik drevney istorii*, 2, p. 50-67.

Perevodchikova, E. V. 1984. Kharakteristika predmetov skifskogo zverinogo stilya. In: Kirey, N. I. (ed.). *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya Severnogo Kavkaza*. Krasnodar: KubGU, p. 5-15.

Petrenko, V. G. 1962. Bronzovaya blyakha s golovoy grifona. *Kratkiye soobshcheniya IA AN SSSR*, 89, p. 54-56.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhye Srednego Pridneprovia v V—III vv. do n. e*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—4.

Petrenko, V. G., Maslov, V. E., Kantorovich, A. R. 2000. Khronologiya tsentralnoy gruppy kurganov mogilnika Novozavedennoye-II. In: Gulyayev, V. I., Olkhovskiy, V. S. (ed.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya*. Moskva: IA RAN, p. 238-248.

Pleshivenko, A. G. 1996. *Kurgany sela Maloyekaterinovka*. Zaporozhye.

Prokopenko, Yu. A. 2005. *Istoriko-kulturnoye razvitiye Tsentralnogo Predkavkazia vo vtoroy polovine I tys. do n. e*. Stavropol: StavrGU.

Prokhorova, T. A. 1987. Pogrebeniye epokhi rannego zheleza iz mogilnika Krivolimanskiy-I. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, p. 250-253.

Rolle, R., Gerts, V., Makhortykh, S. V., Belozor, V. P. 2003. 2003. *Issledovaniya sovmestnoy Ukrainsko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2002 g*. Kiev: IA NANU.

Silantyeva, L. F. 1959. Nekropol Nimfeya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 69, p. 5-107.

Sinika, V. S. 2017. Novyye nakhodki predmetov zverinogo stilya na levoberezhye Nizhnego Dnestra. *Povolzhskaya arkheologiya*, 3 (21), p. 141-154.

Skoryy, S. A., Zimovets, R. V. 2014. *Skifskiye drevnosti Kryma. Materialy odnoy kollektsii*. Kiev: Oleg Filyuk.

Skoryy, S., Khokhorovski, Ya. 2005—2009. Aristokraticheskiy kurgan Skifskaya Mogila vblizi Motroninskogo gorodishcha (Ukrainskaya Pravoberezhnaya Lesostep). *Stratum plus*, 3, p. 234-276.

Sokrovishcha… 1985. *Sokrovishcha kurganov Adygei*. Moskva: Sovetskiy khudozhnik.

Topal, D. A. (b. g.). *Novyye keltskiye i skifskiye nakhodki iz Severo-Vostochnoy Bolgarii*. http://arh2.instarcom.org/ONLINE/Topal/topal.html#top (Data obrashcheniya: 07.02.2019).

Fialko, E. E. 1994. *Pamyatniki skifskoy epokhi Pridneprovskoy Terrasovoy Lesostepi*. Kiev: IA NANU.

Cherednichenko, N. N., Fialko, E. E. 1988. Pogrebeniye zhritsy iz Berdyanskogo kurgana. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, p. 149-167.

Shkurko, A. I. 1976. O lokalnykh razlichiyakh v iskusstve lesostepnoy Skifii. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (ed.). *Skifo-sibirskiy zverinyy stil v iskusstve narodov Evrazii*. Moskva: Nauka, p. 90-105.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon)*. Kiev. Naukova dumka.

Shramko, I. B., Zadnikov, S. A., Pelyashenko, K. Yu. 2008. Novyye issledovaniya pamyatnikov skifskogo vremeni na Kharkovshchine. In: Posokhov, S. I (ed.). *Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy. K 85-letiyu B. A. Shramko*. Kharkov: Kursor, p. 146-163.

Shchepinskiy, A. A., Cherepanova, E. V. 1969. *Severnoye Prisivashye v V—I tys. do n. e*. Simferopol: Krym.

Erlikh, V. R. 2010. Raskopki kurgana Ulskoy gruppy v 2007 g. In: Noskova, L. M. (ed.). *Materialnaya kultura Vostoka*, 5, p. 117-138.

Yatsenko, I. V. 1956. Skifskiye pogrebeniya bliz Nogayska. *Vestnik drevney istorii*, 1, p. 157-165.

Yatsenko, I. V. 1959. *Skifiya VII—V vekov do n. e*. Moskva: GIM. Trudy GIM, 36.

Borovka, G. 1928. *Scythian Art*. London: Ernest Benn.

Grač, N. 1997. *Der Kurgan Kul'-Oba. Zwei Gesichter der Eremitage*. Bonn, I: Die Skythen und ihr Gold.

L'or des Scythes… 1991. *L'or dés Scythes. Trésors de l'Ermitage*. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire.

Leskov, A. M. 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.

Očir-Gorjaeva, M. 2005. *Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga*. Mainz: Philipp von Zabern. Archäologie in Eurasien, 19.

Simion, G. 2003. *Culturi antice in zona gurilor Dunarii*. Cluj-Napoca: Nereamia Napocae, I: Preistorie si protoistorie. Biblioteca Istro-Pontica. Seria Arheologie, 5.

Treasures… 2006. *Treasures from the Black Sea Coast. Catalogue of the exhibition at the National Museum in Cracow*. Krakow: Muzeum Narodowe w Krakowie.

A. R. Kantorovich

IMAGES IN SCYTHIAN ANIMAL STYLE ON THE ARTEFACTS OF «CRIMEAN COLLECTION»

Article presents the results of the integration of the array of zoomorphic images on the objects from the «chance finds» collection stored in the Archaeological Museum of the Institute of Archaeology of NAS of Ukraine and published by S. A. Skoriy and R. V. Zimoviec, in the systematics of the images of the Eastern-European Scythian animal style created by the author, based on the latest data. The realized iconographic and statistical analysis suggests, on the one hand, the authenticity of most of the items of the «Crimean collection» (conditional term proposed by the author), decorated in the manner of the Scythian animal style, on the other hand, that these items can be initially located not only in the Crimea, but also in other regions of the Scythian archaeological culture, and primarily from the regions of the Kuban and the Middle and Lower Dnieper basins.

Keywords: Scythian animal style, «Crimean collection», bronze harness, classification, typology.

Одержано 29.04.2019

КАНТОРОВИЧ Анатолій Робертович, доктор історичних наук, завідувач кафедрою, Московський державний університет імені М. В. Ломоносова, просп. Ломоносова, 27, Москва, 119192, Росія, *kantorovich@mail.ru*.

KANTOROVICH Anatoly Robertovich, Doctor of Historical Sciences, Chief of Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow Lomonosov Prospect, 27, 119192, Russian Federation, *kantorovich@mail.ru*.

УДК: 902.7.031.1

Е. Ф. Королькова

ШЕСТВИЕ: ИЛЛЮЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В ИРРАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(к проблеме иконографии и композиции в древнем искусстве)

Статья посвящена проблеме классификации иконографических и композиционных типов в памятниках древнего искусства, в частности, так называемых «шествий», которые связаны с изобразительным оформлением сферы особого семантического значения. Будучи расположенными на предметах, относящихся к категории персональных украшений и оружия, на монументальных памятниках или предметах самого разнообразного назначения, они всегда, так или иначе, сопряжены с сакральными действиями, мифологическим пространством и ритуалом. Понимание их содержания невозможно без первичной классификации, которая до сих пор не разработана, что приводит к трудностям в исследованиях.

Ключевые слова: *шествие, композиция, иконография, ритуальные действия, мифологическое пространство, искусство, движение, сакральный характер.*

В области изучения древних культур искусство — несомненно, самая сложная категория, требующая особой тщательности и ответственности исследователя, балансирующего между наукой и субъективными домыслами. Предметы искусства, обладая всеми свойствами обычного материального археологического объекта, в том числе и чрезвычайно важными и показательными технологическими характеристиками, отличаются своим главным признаком — образностью и имеют смысловой, духовный, эмоциональный, а также идеологический аспекты. Все эти аспекты в конечном счёте отражают эпоху создания произведения и мир его создателей, включая их этнокультурную и социальную принадлежность, верования и свойственные им эстетические пристрастия. Таким образом, объективно предметы искусства должны быть очень точными этнокультурными и хронологическими индикаторами. Однако на практике именно они часто оказываются случайными находками вне комплекса, результатом разграбления древних погребальных памятников или объектом купли-продажи, лишёнными археологического контекста и хронологической опоры. Кроме того, они настолько разнообразны и, в общем, немногочисленны, что не дают возможности проводить статистические исследования и убедительные сопоставления для построения полноценных типологических рядов.

Но самая большая сложность лежит в области теоретического осмысления существа искусства вообще и древнего искусства в частности. Это весьма отчётливо выявляется в размышлениях Л. С. Клейна и в опубликованных диалогах разных учёных с ним (Клейн 2018, с. 158—161, 171—173). Из них становится ясно, насколько субъективно само понимание термина искусство и его функции в человеческом обществе. Есть множество определений феномена искусства, и все они, в сущности, верны. Проблема заключается в том, что, как в притче о слепых, описывающих слона, эти дефиниции отражают лишь отдельные функции и характеристики чрезвычайно важного в жизни человеческого общества во все исторические периоды феномена. Почему-то чаще всего за аксиому принимается его эстетическая функция. Между тем эта функция никак не может быть признана главной и первичной, поскольку искусство (любое, вне зависимости от времени и пространства его бытования) — это прежде всего средство коммуникации, подчас более эффективное и необходимое, чем любое другое, в том числе и речь. Оно способно воздействовать и на подсо-

© Е. Ф. КОРОЛЬКОВА, 2019

знательном уровне, и доносить определённую информацию в виде повествования изобразительным способом.

Состоявшийся в декабре 2018 г. в Москве в ИА РАН второй семинар «Дихотомия искусства и археологии: локус, образы, генезис», посвящённый памяти Е. Г. Дэвлет, на котором была выдвинута для обсуждения тема «Застывшее движение vs стремительный покой: бестиарий шествия», воочию показал, насколько важны теоретически выверенные позиции в любой области науки и освоение терминологического аппарата. Отсутствие общего понимания терминов приводит к полной размытости существа вопроса, как, например, в докладе А. Ю. Скакова «À la recherché d'un movement perdu: шествие животных и людей на гравированных бронзовых поясах Кавказа», который, показав чрезвычайно интересный изобразительный материал, попытался уложить его в существующие классификационные схемы для кавказских поясов. В частности, А. Ю. Скаков ссылается на классификацию, опирающуюся на композиционные параметры: разворачивание действия в одну линию с возможной организацией изображения фризами в нескольких регистрах, а также приём кадрирования с членением изобразительного поля вертикальными поясками. Наиболее продуктивной, по его мнению, является классификация, предложенная М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским (Погребова, Раевский 1997) в основу которой положены стилистические особенности в изображении животных, что позволило авторам обозначить различные ареалы выделенных серий. В то же время А. Ю. Скаков подчеркнул взаимодополняющий характер разных классификационных схем. Опираясь на них, он выделил пояса с изображением шествий животных и людей, оговорив, что в качестве шествий рассматриваются только изображения находящихся в движении животных или людей, направленных в рамках одного фриза в одну сторону. Однако в действительности, вопреки собственному заявлению, им были продемонстрированы самые разнообразные примеры композиции на кавказских поясах, включающие совершенно разнонаправленное движение персонажей, в том числе и бегущих, что, несомненно, противоречит причислению их к композициям «шествий». К этой же категории «шествий» автором были отнесены также сцены охоты с разнонаправленными действиями участвующих в сцене персонажей, стоящими фигурами, летящими птицами и т. д. Вывод А. Ю. Скакова о том, что «друг друга сменяют «кадры», связанные между собой ритуально-мифологические образы», и «это не «шествие» в качестве процессии, это «шествие» образов», может быть принят лишь в отношении некоторых конкретных примеров, поскольку речь в таком случае идёт просто о типе композиции.

В результате феномен *d'un movement perdu* оказался окончательно утраченным для понимания. Однако «шествия» действительно можно выделить в отдельную группу изображений, так или иначе наделенных, несомненно, сакральным значением. Под таким условным названием объединяются памятники с особой композиционной организацией изображений, размещённых в горизонтальном регистре с ритмическим повтором интервалов и направленных в одну сторону. При этом образы имеют разные типы и, соответственно, разное содержание. Они могут составлять своего рода фриз без обозначения конкретного места действия, но при этом находиться в едином смысловом контексте с пространством, ограниченным подобным бордюром. Задача заключается в определении этих типов и возможной их интерпретации.

Искусство требует особого подхода при анализе, который касается и формы, и содержания, что обусловлено тем, что искусство — это одно из средств коммуникации, связанных с эмоциональным восприятием и воздействующих как на сознание реципиента, так и на его подсознание и чувства. В силу этого искусство вообще и изобразительное искусство в частности пользуются особыми средствами выражения, составляющими язык искусства.

Анализ материала должен дать ответ на три вопроса: что изображено? как изображено? и, наконец, почему и зачем изображено *именно это* и *именно так*? То есть первичная формальная классификация на первом этапе должна привести ко второму этапу исследования, касающемуся содержательного уровня предмета искусства. В результате мы должны понять смысловое содержание изображения, а также смысл и функцию самого материального объекта. Практика показывает, что всё не так просто: уже на первом, классификационном этапе возникают существенные проблемы, которые в дальнейшем только умножаются на интерпретационном этапе.

Так называемые «шествия» встречаются в разных видах древнего искусства и занимают заметное место как в монументальных формах, так и в предметах прикладного искусства — персональных украшениях, культовых предметах и оружии. И в тех, и в других случаях этот мотив связан с размещением в зонах особой семантической значимости.

Первая важная проблема заключается в определении, что мы подразумеваем под словом «шествие» и как это соотносится с тем, что мы видим в изображениях. Шествие — это безусловно, движение, но не всякое: это размеренное, замедленное, торжественное, как правило, церемониальное движение нескольких персонажей, следующих друг за другом в одном направлении. Движение может быть скрытым или явственным, а композиция при этом обыч-

Рис. 1. Подношение даров. Рельеф. Персеполь

Рис. 2. Фрагмент обкладки ножен меча. Келермес

но разворачивается в горизонтальном регистре. Соответственно, сцены, в которых, персонажи «несутся», бегут, кого-то преследуют, на кого-то охотятся, вряд ли следует рассматривать как «шествие».

Композиции такого рода могут быть как с антропоморфными, так и с зооморфными персонажами или сочетать и те, и другие, что определяется представленным или подразумеваемым сюжетом.

Второй вопрос заключается в том, имеем ли мы дело с изобразительным воспроизведением реальной ритуальной церемонии, участники которой исполняют определённые роли, соответствующие содержанию мифа или концептуального контента, или изобразительными средствами представлен сам мифологический сюжет с изображением «реальных» мифических участников. Ответ на этот вопрос не может иметь доказательного подтверждения, но, на мой взгляд, всё древнее искусство зиждется на восприятии изображений как полного законного эквивалента того, что происходит в мифе. Изображение есть зримое воплощение мифа и воспринимается как реальность. Таким образом, ритуал воспроизводит мифологему одними средствами, воплощая существенное содержание в священной мистерии мифа и, соответственно, в действиях участников, а изображение делает то же самое другими средствами. И то и другое приравнивалось к реальности. «Шествия» часто встречаются в искусстве Древнего Востока. Так, рельефы ападаны в Персеполе представляют торжественное шествие дарителей царю и отличаются повествовательными подробностями этого ритуального действия (Артамонов 1973, с. 222, рис. 29; Руденко 1961, табл. I: 1) (рис. 1). Шествия разных животных (быков, львов и др.) представлены на балдахине трона Артаксеркса I в Персеполе (Артамонов 1973, с. 228, рис. 299), на фризах из глазурованного кирпича в Сузах (Руденко 1961, табл. II: 2; XVIII: 2) и Вавилоне (Руденко 1961, табл. II: 1) на золотых кубках из Марлика (Луконин 1977, с. 11, 43), на драгоценных предметах и бронзовых пластинах из Зивийе (Луконин 1977, с. 48, 49; Руденко 1961, с. 15, рис. 5), ножнах мечей из Келермесского могильника и Литого кургана (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, ill. 32, 34, 35) (рис. 2), на щите царя Сардури II из Кармир-Блура (Руденко 1961, с. 22, рис. 13). Кроме того, такие композиции встречаются на шерстяных тканях переднеазиатского происхождения из Пятого Пазырыкского кургана (Руденко 1961, с. 21, рис. 12) и на деревянном саркофаге-колоде из Второго Башадарского кургана (Руденко 1961, с. 32, рис. 20).

В некоторых случаях «шествие», т. е. ритмично чередующиеся друг за другом и двигающие-

Рис. 3. Ворсовый ковёр. Пятый Пазырыкский курган

ся в одном направлении фигуры неких персонажей, имеющих облик вполне реальных существ или фантастических созданий, может составлять замкнутую композицию, расположенную в таком случае по периметру какого-либо предмета и таким образом ограничивающую некое пространство, например, на бронзовых жертвенниках с территории Казахстана (Артамонов 1973, с. 39, рис. 43; с. 40, рис. 48, с. 42, рис. 51). Такая же композиция наблюдается на фризах ворсового ковра из Пятого Пазырыкского кургана (Руденко 1961, вклейка, рис. 14) (рис. 3). В этих случаях мы, несомненно, имеем дело с заведомо сакральным пространством внутри «защитного ограждения», которое ограничивает поле внутри, выделяя его из всего окружающего мира.

Вне зависимости от способа исполнения и материала, из которого изготовлен в конкретном случае сам предмет, такие «шествия» по периметру принципиально имеют много общего с орнаментом, который всегда основан на ритмичном умножении элементов, зачастую весьма стилизованных, геометризированных или обобщённых и превращённых в некий символический знак. Однако суть этих знаков остаётся неизменной и чрезвычайно устойчивой в сохранении традиций.

На мой взгляд, речь идёт не всегда о сюжетном контексте, который иногда полностью не раскрыт в изобразительной повествовательности, а лишь обозначен, но позволяет связать изображение с мифо-ритуальным пространством, иногда ограничиваясь лишь несколькими символами, а иногда предлагая зрителю весьма подробный визуальный рассказ. В других случаях чередование и умножение изображений животных в композиции, в том числе и фантастических, не имеет сюжетной основы вовсе, но заключает в себе устойчивую традицию понимания образов, которая прочитывается, например, как апотропеическое заклинание и связывает предмет с сакральным миром.

В качестве примера можно привести войлочный и ворсовый ковры из Пятого Пазырыкского кургана, на которых представлены не просто персонажи, но и различные ритмически организованные действия и топографические знаки, позволяющие определить местонахождение действующих лиц в ирреаль-

ном мифологическом пространстве, в котором задействованы изображённые лица (они же, безусловно, являются и участниками вполне реального ритуального действа, связанного с переходом мужского персонажа в иной мир и его мистического брака с женским божеством в погребальном обряде). При этом ритмические повторы изобразительных блоков на войлочном ковре совсем не являются «шествием», хотя композиция строится по тем же принципам, что и «шествия». Прочтение содержания, предложенное разными авторами (Балонов 1991, с. 88—121; Зуев 1992, с. 131—134) имеет различия и, соответственно, может уточняться и конкретизироваться, но суть ясна: роль шествий в каждом случае (пятнистых ланей и грифонов, всадников и водничих, ведущих лошадей в поводу) имеет свои закономерности, отражённые в изобразительном комплексе, и является непреложной частью общего ритуально-мифологического контекста.

Таким образом, даже в визуально близких по построению иконографических схемах и композициях выявляются весьма существенные нюансы, которые должны заставлять дифференцировать различные изобразительные вариации, наделённые разным содержательным подтекстом.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов, М. И. 1973. *Сокровища саков*. Москва: Искусство.

Балонов, Ф. Р. 1991. Ворсовый пазырыкский ковёр: семантика композиции и место в ритуале (опыт предварительной интерпретации). В: Литвинский, Б. А. (ред.). *Проблемы интерпретации памятников культуры Востока*. Москва: Наука, с. 88-121.

Зуев, В. Ю. 1992. Исповедимые пути божественного всадника (по материалам ковровых полотен и погребального обряда в Пазырыке. В: *Северная Евразия от древности до Средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, с. 131-134.

Клейн, Л. С. 2018. *Диалоги: Теоретическая археология и не только*. Санкт-Петербург: Евразия.

Погребова, М. Н., Раевский, Д. С. 1997. *Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями*. Москва: Восточная литература.

Руденко, С. И. 1961. *Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.)*. Москва: Восточная литература.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora.

REFERENCES

Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovisha sakov*. Moskva: Iskusstvo.

Balonov, F. R. 1991. Vorsovyi pazyrykskii kover: semantika kompozicii i mesto v rituale (opyt predvaritel'noi interpretacii). In: Litvinsky, B. A. (ed.). *Problemy interpretacii pamyatnikov kul'tury Vostoka*. Moskva: Nauka, s. 88-121.

Zuev, V. Yu. 1992. Ispovedimye puti bozhestvennogo vsadnika (po materialam kovrovyh poloten i pogrebal'nogo obryada v Pazyryke. In: *Severnaya Evraziya ot drevnosti do Srednevekov'ya. Tezisy konferencii k 90-letiyu so dnya rozhdeniya M. P. Gryaznova*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, s. 131-134.

Klein, L. S. 2018. *Dialogi: Teoreticheskaya arkheologiya i ne tol'ko*. Sankt-Peterburg: Evrazia.

Pogrebova, M. N., Raevskii, D. S. 1997. *Zakavkazskie bronzovye poyasa s gravirovannymi izobrazheniymi*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Rudenko, S. I. 1961. *Iskusstvo Altaya i Perednei Azii (seredina I tysyacheletiya do n. e.)*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora.

E. F. Korolkova

PROCESSION: ILLUSION AND REALITY IN IRRATIONAL SPACE (to the problem of iconography and composition in ancient art)

The article is devoted to the problem of classification of iconographic and compositional types in the monuments of ancient art, in particular, the so-called «processions», which are associated with the artistic design of the objects belonging to the sphere of great semantic meaning. Being located on objects of the category of personal adornments and weapons, on architectural monuments or ritual objects, they are always associated with sacred acts, mythological space and ritual content. Interpretation of these compositions is impossible without a primary classification, which has not yet been developed, and this causes difficulties in research.

Compositions, which could be concerned as processions could consist of anthropomorphic or zoomorphic images, or comprise both type of images in the same composition. All of them always show some rhythmical characteristics with constant intervals as well as evident direction of movement.

In some occasions such type of compositions could be taken as an embodiment of the scene of a concrete ritual event, sometimes, perhaps, with costumed as mythological personage figures, but in other case they could be interpreted as a mythological subject with well-known images, which were recognizable for ancient society. In any case reiteration of images and regular intervals in compositions made an impression of slow movement in solemn procession, even with statical figures.

Keywords: procession, composition, iconography, ritual actions, mythological space, art, movement, sacral character.

Одержано 9.02.2019

КОРОЛЬКОВА Олена Федорівна, кандидат мистецтвознатства, завідувач сектором, Державний Ермітаж, Палацова набережна, 34, Санкт-Петербург, 191181, Росія, *lenkor_54@mail.ru*.

KOROLKOVA Elena Fedorovna, PhD. in Art History, Head of the Sector, State Hermitage Museum, Palace Embankment, 34, Sankt-Petersburg, 191181, Russia, *lenkor_54@mail.ru*.

УДК: 902.7.031.1

Т. М. Кузнецова

ИЗОБРАЖЕНИЯ УШАСТОЙ ПТИЦЫ ИЛИ ЧЬИ У ГРИФОНА УШИ

Статья посвящена определению прообраза для изображений фантастических существ, которые называются в исследованиях ушастыми грифонами. Поводом для этого послужила находка в конской могиле 1 кургана 6 у пос. Днепрорудный фигурки хищного орнитоморфа с ушами, украшавшей бронзовый литой наносник. Подобные наносники присутствуют и в степных, и в лесостепных скифских памятниках IV в. до н. э.

Исследователи определили, что в поисках истоков образа грифона следует учитывать и природные прототипы, найдя сходство с орлами и грифами Старого света. Предполагается, что наличие уха у орнитоморфных изображений, которое отсутствует у птиц, отражает результат осмысления реальности, а не ее фиксации. Однако в природе существуют птицы, в оперении которых присутствуют длинные перьевые «ушки». Такими птицами являются совы, среди которых специального внимания заслуживают филины и ушастые совы. Отношение человека к совам всегда было особым из-за таинственного ночного образа жизни, бесшумного полета и жутковатого голоса. Поэтому не исключено, что ухо появилось в иконографии орнитоморфного грифона как результат фиксации реального существа и дальнейшего осмысления его образа во времени и пространстве.

***Ключевые слова**: искусство, ушастый грифон, скифское время, филин, ушастая сова.*

Древнее искусство знакомит нас с большим количеством полиморфных изображений, представляющих разнообразных «фантастических существ» и птиц в том числе. Очень часто это не птицы в чистом виде, а соединения птиц с существами иной породы. Фантастические птицы присутствуют почти во всех мифологиях древности (Немировский 2001, с. 38).

Одно из изображений, имеющее вид «ушастой птицы» (Кузнецов, Кузнецова 2005, с. 322, рис. 3: А), позволило не столько усомниться в его фантастичности, сколько, обратив на себя внимание, дало возможность попытаться выявить для него прообразы, существовавшие и существующие в природе.

Изображение было обнаружено в составе уздечного набора и украшало бронзовый литой наносник / налобник, находившийся рядом с черепом лошади в конской могиле 1 кургана 6 у пос. Днепрорудный (ныне г. Днепрорудное, Васильевский р-н, Запорожская обл., Украина). Предмет представлен узким удлинённым щитком уплощенной формы. В верхней части щитка и перпендикулярно ему помещено скульптурное изображение головы хищного орнитоморфа с ушами. Показаны шея и грудная часть. Уши в профиле — овальные, наклонены слегка вперед. Клюв изогнут и сомкнут, восковица воспроизведена как рельефный выступ, линия рта обозначена углублением. Глаза округлые, занимают основную часть головы. У основания головы — круглое сквозное отверстие. Ширина предмета — 2,4 см; длина общая (с ухом) — 4,0 см; диаметр отверстия — 0,8 см [1] (рис. 1: 1). С. В. Полин называет этот тип наносников «нахрапником» (Бидзиля, Полин 2012, с. 211, кат. 19).

Отдельные элементы сбруйного комплекта из конской могилы 1 кургана 6 находят довольно много аналогий в памятниках кочевого населения Северного Причерноморья V—IV вв. до н. э., но в различных иных сочетаниях (Ильинская 1973). В кургане «Гайманова Могила» найдено несколько уздечных наборов, по составу близких тем, что обнаружены в конской

1. В статье (Кузнецов, Кузнецова 2005, с. 325) в указании размера отверстия — ошибка.

© Т. М. КУЗНЕЦОВА, 2019

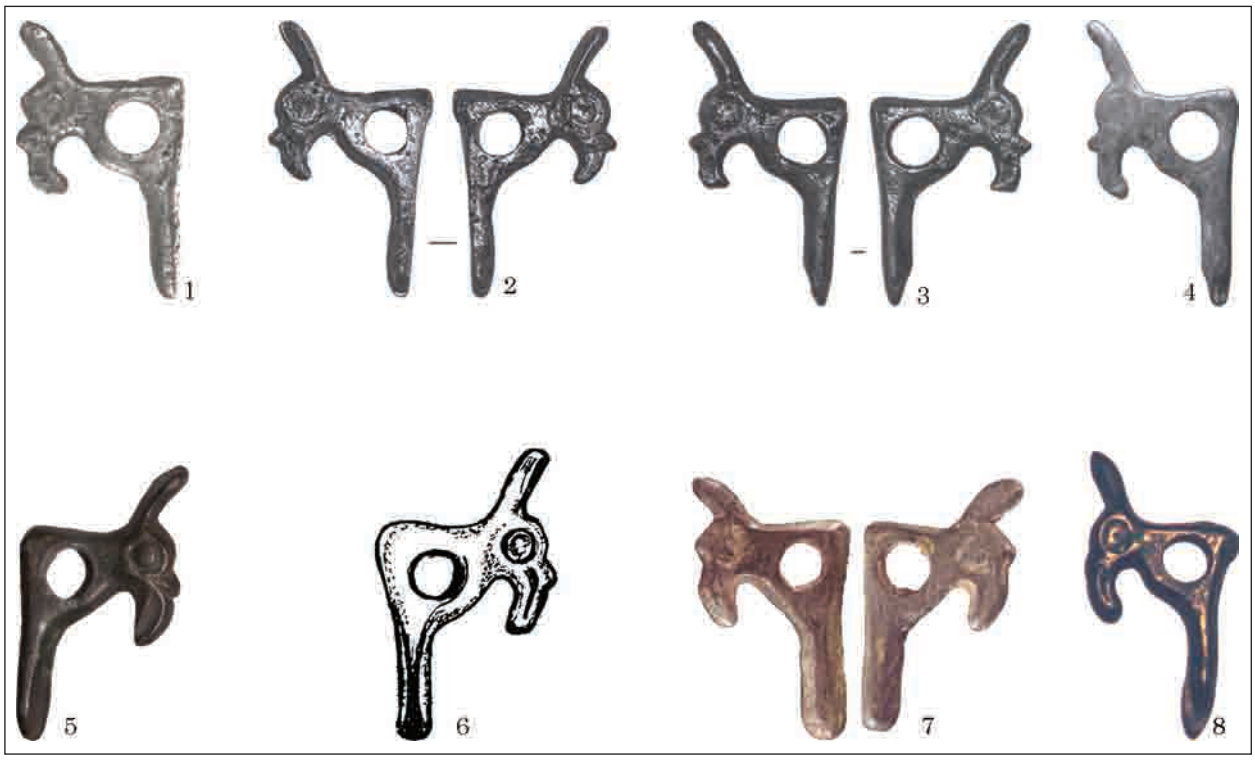

Рис. 1. Литые наносними / налобники из скифских памятников: 1 — пос. Днепрорудный, к. 6, км. 1; 2—4 — курган «Гайманова Могила»; 5 — курган «Чертомлык»; 6 — «Братолюбовский» курган; 7 — с. Межгорье, Белогорский р-н; 8 — с. Филипповка, к. 21 (по: 1 — Кузнецов, Кузнецова 2005, рис. 3: А; 2—4 — Бидзиля, Полин 2012, рис. 70: 4; 71: 1; 77: 4; 78: 11; рис. 324; 5 — Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 17; 6 — Кубышев, Бессонова, Ковалёв 2009, рис. 21: 5; 7 — Скорый, Зимовец 2014, кат. 9/258; 8 — Рукавишникова 2010, рис. 1: 2)

могиле 1 кургана 6 у поселка Днепрорудный: нащечники в виде стилизованной задней лапы кошачьего хищника [1], подпружные пряжки, круглые полусферические бляхи с петлей на обороте, конические ворварки и наносники в виде головы хищного орнитоморфа с ушами (Кузнецов, Кузнецова 2005, с. 322, рис. 3: А; Бидзиля, Полин 2012, с. 186—224, 508—510).

Отмеченные наносники присутствуют и в степных, и в лесостепных скифских памятниках IV в. до н. э., но не все они представляют полные аналогии рассматриваемому экземпляру. Довольно близкие формы происходят из тризны центральной гробницы 2 кургана «Гайманова Могила» (рис. 1: 2—4), датированного первой четвертью IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, комплект 3, кат. 19, рис. 70: 4; 71: 1; комплект 5, кат. 35, рис. 77: 4; 78: 11; комплект 6, кат. 44-1, рис. 324); кургана «Чертомлык» (рис. 1: 5), датированного 350—300 гг. до н. э. (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 151, 152, кат. 17; Алексеев 1996, с. 43; Алексеев 2003, с. 268); из конской могилы (погр. 6, конь 2) «Братолюбовского» кургана (рис. 1: 6), датированного второй четвертью IV в. до н. э. (Кубышев, Бессонова, Ковалёв 2009, с. 105, рис. 21: 5, с. 118); кургана 3 (погр. 1) у с. Нововладимировка, датированного IV—III вв. до н. э. (Ковпаненко, Яковенко 1973, с. 264, рис. 2: 23, с. 253) или первой половиной IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 211); кургана 24 у с. Колбино (Гуляев 2001, рис. 16: 1; Могилов 2008, рис. 162: 10; Шевченко 2009, рис. 25: 2). Похожие наносники известны по случайным находкам в Крыму (рис. 1: 7) в окрестностях с. Межгорье, Белогорского района (Скорый, Зимовец 2014, с. 75, кат. 9/258) [2]. Один сходный наносник обнаружен в Южном Приуралье (рис. 1: 8), в могильнике у с. Филипповка (рубеж V—IV вв. до н. э.) в комплексе, располагавшемся к северу от насыпи кургана 21 (Рукавишникова, 2010, с. 153, рис. 1: 2; Яблонский 2013, с. 177, кат. 2157).

Почти полная сводка подобных или близких рассматриваемому изображению находок представлена в работе А. Р. Канторовича (Канторович 2015a, с. 8—10; 2015b, с. 709—710, 1610).

Исследователи характеризуют фигурки, подобные той, что украшает анализируемый наносник, как ушастую птицу с загнутым клювом, и видят в ее очертаниях фантастическую хищную птицу или фантастического животного —

1. Некоторые исследователи связывают этот тип нащечников с изображением «медвежьей лапы» (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977, с. 187, 188, рис. 43: 11; Братченко, Швецов, Дубовская 1989, с. 175; Бидзиля, Полин 2012, с. 200, кат. 8).

2. Более отдаленная форма была найдена в Крыму и в конской могиле кургана Беш-Оба IV/2 (Белогорский район), датированном 360-ми гг. до н. э. (Колтухов 2007, с. 196-197, рис. 5: 1).

ушастого грифона (Колтухов 2007, с. 196—197; Бидзиля, Полин 2012, с. 211; Скорый, Зимовец 2014, с. 75; Канторович 2015b, с. 708).

Образ грифона, безусловно, выделяется в изобразительном искусстве различных эпох и, видимо, отражает мировоззрение носителей тех археологических культур, где он представлен. С опорой на данные письменных источников (Юрченко 2002, с. 62—68), в научных трудах термином «грифон» чаще всего называется синкретическое существо, в котором сочетаются как части тела различных хищных животных (уши, туловище, лапы, хвост), так и анатомические элементы птицы (голова, крылья), а иногда рыб и рептилий. Первоначальная иконография его слагалась, по мнению исследователей, в древнейших государствах переднеазиатского мира (Пугаченкова 1959, с. 70). Ранние изображения грифона известны в восточной изобразительной традиции уже в конце IV — начале III тыс. до н. э. (Khazai 1978, p. 1—34). Этот художественный мотив был широко распространен в искусстве многих древних народов и у скифов в том числе (Переводчикова 1994, с. 48—53; Канторович 2015a). Проблема его происхождения давно привлекла внимание специалистов и ему посвящена обширнейшая литература (см.: Канторович 2015b, с. 25—63), однако вопрос об истоках и путях развития образа грифона вообще и в скифском зверином стиле в частности, остается по-прежнему актуальным (Канторович 2010, с. 189—224).

По мнению специалистов, среди изображений как на европейской, так и на азиатской территории в скифо-сарматское время наиболее популярен образ орлиноголового грифона (Руденко 1960, с. 285—283; Баркова 1987, с. 5—29; Черемисин 2009, с. 88; Канторович 2010; Канторович 2012; Засецкая 2012, с. 353—354; Шауб 2017, с. 24—46), который следует отличать от мотива фантастической хищной птицы, наделенной такими же как у грифона ушами (Засецкая 2012, с. 354). Е. Ф. Королькова верно указала, что в классификации образов хищных птиц скифо-сибирского звериного стиля пока еще нет единодушия, так как одни исследователи склонны видеть в их изображениях «мифического орла» (с ушами и гребнем), другие называют подобных существ орлиноголовыми грифонами или просто грифонами, если голова хищной птицы имеет звериное ухо (Королькова 2006, с. 53).

Исследователи правомерно предположили, что в поисках истоков образа грифона скифо-сибирского звериного стиля, следует учитывать и природные прототипы, найдя сходство птичьих компонентов в образе грифона с биологическими орлами и «грифами Старого света». Предполагается, что прообразом грифона мог служить черный гриф (Aegypius monachus), обитающий в предгорьях и горах Центральной и Средней Азии, Кавказа, Крыма и Северной Африки (Канторович 2010, с. 193—194), поскольку он имеет длинный клюв, круто загнутый на самом конце, хохолок из перьев и воротник на нижней части шеи «ожерелье из длинных заостренных перьев» (Канторович 2010, с. 193). Специалисты отмечают также, что, наряду с черным грифом прототипами для иконографии птицеголовых монстров, в том числе грифонов, могли послужить и иные природные особи семейства ястребиных: беркуты (Aquila chrysaetus), степные орлы (Aquila nipalensis) [1] и другие (Полосьмак 1994, с. 8; Канторович 2010, с. 194).

Для изображений грифонов из памятников Северного Причерноморья в научной литературе выделяется несколько иконографических моделей: ориентализирующая или переднеазиатская, раннегреческая, и «скифского звериного стиля» (Погребова 1948, с. 62).

При этом изображения, которые принято называть «скифским грифоном», по мнению Н. Н. Погребовой, «в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы», нередко имеющей звериное ухо (Погребова 1948, с. 66—67). Именно это, по справедливому замечанию А. И. Шкурко, не дает повода применять к таким изображениям термин «грифон», поскольку лишь утрирование природных признаков хищной птицы придает фантастичность этому образу (Шкурко 1982, с. 3).

Данный тезис, хотя и поддерживается исследователями, но вызывает и возражения. Так А. Р. Канторович пишет, что если преувеличенность глаза и чрезмерная изогнутость клюва «могут объясняться таким утрированием, то наличие уха, не свойственного птицам в природе, нельзя отнести на счет стилизации», учитывая также неполные фигуры, которые не позволяют «с абсолютной уверенностью утверждать, каким это целое представлялось создателю изображения и его созерцателям — зверем с птичьей головой (грифоном) или птицей со звериными ушами» (Канторович 2010, с. 205). Е. Ф. Королькова отметила, что наличие уха вообще в подобных изображениях свидетельствует о каком-то содержательном аспекте, заставлявшем внести эту деталь, отсутствующую у представителей фауны в природе, и отражает результат осмысления реальности, а не ее фиксации (Королькова 2006, с. 54).

Исходя из этого, появление мотива фантастической хищной птицы или птицеголового грифона, наделенных ушами, требует некоторого разъяснения. Действительно, природа не наградила птиц ушами, подобными млекопитающим животным. Тем не менее в природе существуют птицы, в оперении которых присутствуют «ушки

1. Исследователями для степного орла используется иное латинское название, поскольку ранее он описывался как один вид с каменным орлом (Aquila rapax), распространенным в Африке и Индии (Коблик 2001a, с. 332).

Рис. 2. Филины в природе (Интернет-ресурсы)

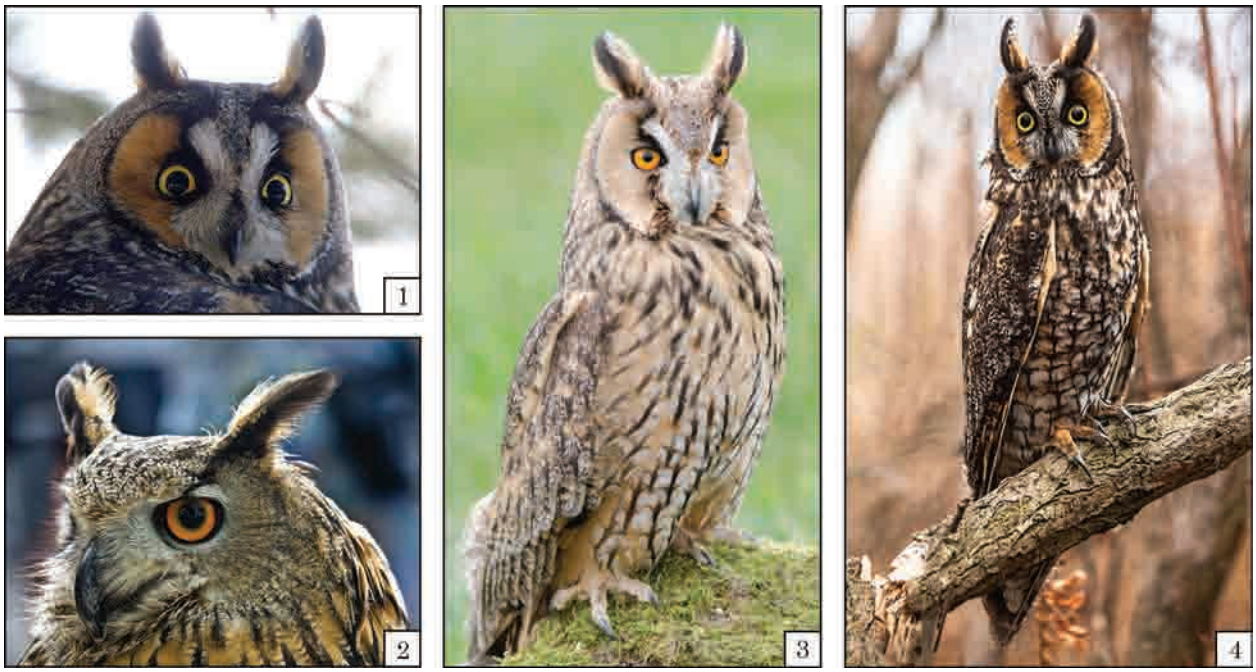

Рис. 3. Ушастые совы в естественных условиях (Интернет-ресурсы)

на макушке». И такими птицами являются совы, среди которых в данном случае особого внимания заслуживают филины и ушастые совы.

По мнению исследователей, филин (Bubo bubo) самая величественная из сов. Размах его крыльев составляет почти два метра. У филина перьевые «ушки» находятся на голове, над ушными отверстиями (рис. 2). В сочетании с большими направленными вперед глазами они придают его облику вид рыси. Эти перья у сов имеют разное положение в зависимости от времени суток и состояния птицы. При возбуждении и напряженном внимании ушки несколько приподнимаются, при угрозе и страхе — прижимаются (Пукинский 1977, с. 9—12).

На голове ушастой совы (Asio otus) также расположены длинные (до шести сантиметров) перьевые «ушки», торчащие кверху, которые хорошо заметны и состоят из 6 перьев (рис. 3). Некоторые из ее представителей напоминают обликом небольших филинов, размах крыльев которых около метра (Константинов, Марголин, Бабенко 1982, с. 121—132).

Группа филинов распространена весьма широко, населяя Северную и Южную Америку, Центральную и Южную Африку, Индию и Индокитай (рис. 4). Филин встречается во всей Евразии, исключая крайний север материка (Пукинский 1993, рис. 63; Беме и др. 1998, с. 379).

Орнитологи отмечают, что эта птица может приспосабливаться к самым разнообразным условиям существования. Ее можно встретить как у полярной границы леса, так и в горной

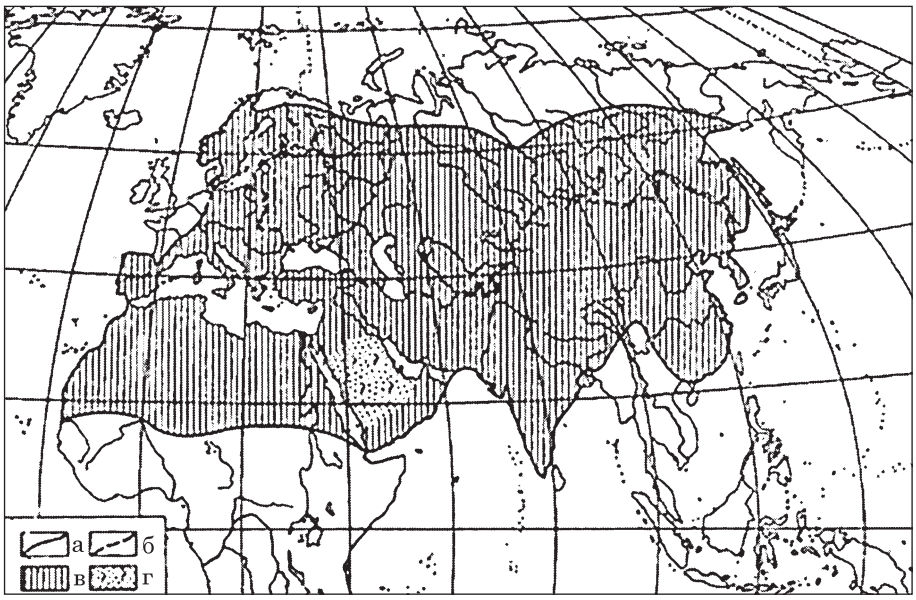

Рис. 4. Область распространения филина: а — граница гнездового ареала; б — недостаточно выясненная граница гнездового ареала; в — область гнездования; г — область, характер пребывания птиц в которой неизвестен (по: Пукинский 1993, рис. 63)

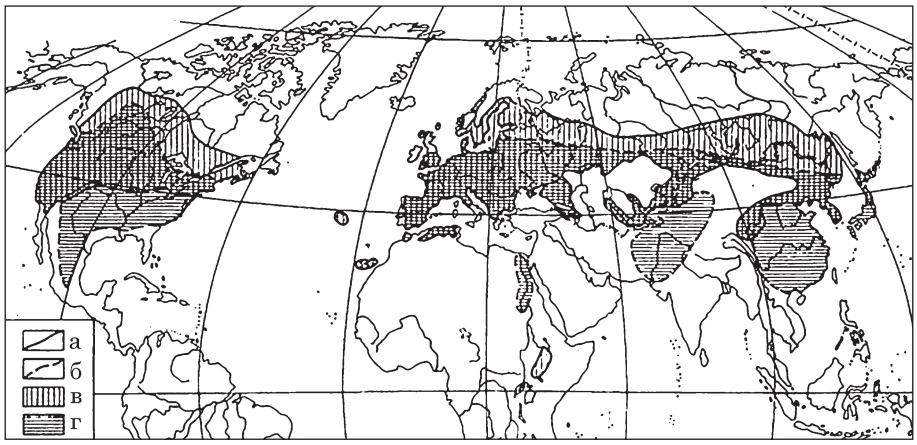

Рис. 5. Область распространения ушастой совы: а — граница гнездового ареала; б — граница области зимовки; в — область гнездования; г — область зимовки (по: Пукинский 1993, рис. 68)

тайге, в густых лесах, и в пустынях, и в степях, и высоко в горах. Во всех этих разнообразных ландшафтах филин отлично уживается и переносит как холод севера и высокогорья, так и жару юга (Бутурлин 1928). Подмечено, что в закрытом ландшафте он охотится, в основном подкарауливая жертву, и является сугубо ночной совой. В степи же часто вылетает на кормежку еще до захода солнца, совершая поисковые полеты. Исследователи считают, что филин достаточно пластичен и легко приспосабливается к разным условиям.

Специалисты определяют голос филина как одно из чудес ночи. По силе, глубине и производимому им в ночном лесу впечатлению нет равного ему звука. Крики филина воздействуют не только на птиц, но и на зверей. Тем, кому приходилось слышать по вечерам крик филина, знают, что в ответ на него где-нибудь в лесной чащобе мог раздаться и заунывный волчий вой (Пукинский 1977, с. 107—120). Голос очень мощный, вокализация разнообразна, обычно это низкое двухсложное уханье, иногда хохот, плач, гудение, визгливые крики (Коблик 2001b, с. 20).

Глаза сов могут видеть не только в густых сумерках, но и днем. Наблюдения за поведением филина днём показали, что он замечает далеко пролетающего дневного хищника или ворону, даже если смотрит против солнца (Пукинский 1977, с. 12—27).

Группа ушастых сов распространена по всему свету, кроме Австралии (рис. 5). В Евразии эта сова может быть обнаружена почти повсеместно, исключая самые северные и крайние южные районы материка (Пукинский 1993, рис. 68; Беме и др. 1998, с. 385). Орнитологи определили, что, хотя жизнь ушастой совы тесно связана с древесной растительностью, сплошных лесных массивов она решительно избегает. Ушастая сова — полулесная птица: она охотится, как правило, в открытом ландшафте, а деревья ей нужны лишь для отдыха и гнездования (Пукинский 1977, с. 225—227).

Для большинства сов характерна сумеречная и ночная активность. Совы начинают охотиться обычно сразу же после захода солнца. Около полуночи наступает спад интенсивности охоты или она даже прекращается, но перед рассветом наблюдается новый пик деятельнос-

Рис. 6. Филин (1), ушастая сова (2), беркут (3) и степной орел (4) (Интернет-ресурсы)

ти. Замечено, что в лунные ночи совы более активны (Пукинский 1977, с. 12—27).

Совы очень схожи с дневными хищными птицами (рис. 6), и при их визуальном сравнении нетрудно найти общие черты: крючкообразный клюв типичного пернатого хищника, загнутые когти, приспособленные для удержания и закалывания жертвы), однако в отличие от последних, совы могут кусать свою добычу (Коблик 2001b, с. 3). Даже в истории орнитологии известны попытки сближать сов с дневными хищными птицами (Пукинский 1977, с. 26—27) [1]. Орлиной совой («Eagle-owl») филина называют в Англии (Коблик 2001b, с. 20). В археологических исследованиях также отмечалось, что образ хищной птицы часто отождествляется с изображением грифона (Баркова 1987, с. 5).

Филин и ушастая сова, как и все совообразные, выделяются крупной головой, очень большими и выпуклыми глазами. Птицы имеют загнутое с заостренным крючковидным концом и острыми краями надклювье, основание клюва одето восковицей, которая всегда прикрыта длинными волосовидными перьями (вибриссами). Зрение и слух сов чрезвычайно тонкий (Бутурлин, Дементьев 1936, с. 101—106). У сов очень крупное продолговатое ушное отверстие, которое окружено кожным валиком, формирующим подобие наружного уха, присущего млекопитающим (Коблик 2001b, с. 5). Над ушными отверстиями у некоторых их них, как уже говорилось, расположены перьевые «ушки».

Таким образом сведения, связанные с обликом филина и ушастой совы (большие глаза, загнутый клюв, одетый в основании восковицей, длинные перьевые «ушки») полностью соответствуют изображениям «ушастой птицы», присутствующим на некоторых наносниках/налобниках, обнаруженных в составе конской упряжи скифских памятников и, в частности, в конской могиле 1 кургана 6 у пос. Днепрорудный, что позволяет ретроспективно объяснить появление ушей и у грифонов.

В природе «ушастые птицы», которые относятся к семейству «настоящих сов» (Strigidae), распространены, как уже говорилось, достаточно широко (рис. 4; 5) и население ойкумены могло не только их наблюдать с очень раннего времени [2], а и накапливать знания о них, оценивать ощущение их присутствия, взаимодействие с окружающей действительностью и с человеком в том числе. Еще Э. Дюркгейм, предложивший такой термин как «коллективные представления», полагал, что эти представления, возникают из «общих действий» (практик), и на них же основана приобретаемая впоследствии способность передавать значения при помощи символов (Durkheim 1915; Rawls 2001, p. 33; Роулз 2005, с. 3).

Как верно отметила Е. В. Переводчикова, способ изображения животных опирается не на непосредственное восприятие, а на осмысление многообразных впечатлений о мире и его обитателях, и является результатом деятельности определённой общности людей, чьи обычаи предписывали подчеркивать именно те черты животного, которые считались основными, т. е. определяющими образ того или иного существа в сознании древних (Переводчикова 1994, с. 23). В недрах каждого сообщества выкристаллизовывались общезначимые «коллективные представления», которые, став общими для группы, продолжали жить в языке и повествованиях этой группы и могли быть впоследствии вызваны вновь при помощи символов, пробуждающих переживания, лежавшие у истока данных представлений (Дюркгейм 1995, с. 208—243).

Каждая древняя культура по-своему представляла и изображала тех или иных существ,

1. В настоящее время совы — обособленная в морфологическом и экологическом отношениях группа птиц (Пукинский 1977, с. 9—10).

2. В том обличье, в каком мы видим сов сейчас, они живут на земле не один миллион лет (Пукинский 1977, с. 9—10).

что привело к возникновению определенных изобразительных традиций. Мастера, следовавшие этим традициям, рожденным и жившим «коллективными представлениями» носителей древних культур, воплощали в предметах отражение их мировоззрения.

Отношение людей к совам всегда было особым. Странная внешность, таинственный ночной образ жизни, бесшумный полет и жутковатый голос издревле порождали в человеке суеверный страх. Филин получил народное название — «пугач» (русское: пугуч, украинское: пугач, польское: puchacz) из-за своего голоса (Фасмер 1987, с. 400; Коблик 2001b, с. 20). Наблюдатель, пораженный большеголовостью птиц, их задумчивым и мечтательным взглядом, был склонен приписывать этим птицам особый ум и наделять их сверхъестественными свойствами (Западова 1977, с. 119—120). Поэтому не исключено, что ухо появилось в иконографии хищной птицы и орнитоморфного грифона как результат фиксации реального существа и дальнейшего осмысления его образа во времени и пространстве.

Отмеченные ранее изображения «ушастой птицы» связаны с экипировкой коней, сопровождающих скифские захоронения. Поэтому невозможно определить была ли узда, в состав которой входили наносники/налобники с такими изображениями, изготовлена в качестве приношений для заупокойных церемоний или использовалась скифами еще при жизни. Оттого вопрос о семантике образа «ушастой птицы» пока оставим открытым.

Однако следует отметить, что все высказанные исследователями соображения, связанные с возможными прототипами для орнитоморфных образов в скифских и иных древностях, безусловно, верны и не вызывают возражений, несмотря на их кажущуюся противоречивость, поскольку интерпретация изображения очень субъективна, в отличии от творчества его создателя и оценки потребителей, а также многообразна в толковании его современными наблюдателями.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1996. *Хронография Европейской Скифии (VII—IV вв. до н. э.)*: Автореферат д. и. н. Санкт-Петербург.

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии (VII—IV веков до н. э.).* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.).* Киев: Наукова думка.

Баркова, Л. Л. 1987. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 28, с. 5-29.

Беме, Р. Л., Динец, В. Л., Флинт, В. Е., Черенков, А. Е. 1998. *Птицы. Энциклопедия природы России.* Москва: ABF.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Киев: Скиф.

Братченко, С. Н., Швецов, М. Л., Дубовская, О. Р. 1989. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца. *Советская археология*, 1, с. 170-177.

Бутурлин, С. А. 1928. *Дневные хищники и совы СССР.* Москва: Книгосоюз. Определитель видов птиц СССР, их подвиды, распространение, польза и вред для хазяйства, 1.

Бутурлин, С. А., Дементьев, Г. П. 1936. *Полный определитель птиц СССР. Трубконосые, дневные хищные, совы, дятловые*. Москва; Ленинград: КОИЗ, 3.

Гуляев, В. И. 2001. Общие проблемы археологии Среднего Дона в скифское время. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН (1993—2000 гг.)*. Москва: ИА РАН, с. 18-52.

Дюркгейм, Э. 1995. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Москва: Канон.

Западова, Е. 1977. *Волшебная арфа. Сказки народов Бирмы.* Москва: Художественная литература.

Засецкая, И. П. 2012. Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко*. Киев: Скиф, с. 353-383.

Ильинская, В. А. 1973. Скифская узда IV в. до н. э. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности.* Киев: Наукова думка, с. 42-63.

Канторович, А. Р. 2010. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. *Археологический альманах*, 21, с. 189-224.

Канторович, А. Р. 2012. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. *Труды ГИМ*, 191: Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гущиной, с. 106-133.

Канторович, А. Р. 2015a. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*: Автореферат д. и. н. Москва.

Канторович, А. Р. 2015b. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*: Диссертация д. и. н. Москва.

Коблик, Е. А. 2001a. *Разнообразие птиц (по материалам экспозиции Зоологического музея МГУ).* Москва: МГУ, 1.

Коблик, Е. А. 2001b. *Разнообразие птиц (по материалам экспозиции Зоологического музея МГУ).* Москва: МГУ, 3.

Ковпаненко, Г. Т., Яковенко, Э. В. 1973. Скифские курганы на юге Херсонщины. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности.* Киев: Наукова думка, с. 253-265.

Колтухов, С. Г. 2007. Основное погребение кургана Беш-Оба 4/2. В: Зайцев, Ю. П., Мордвинцева, В. И. (ред.). *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т. Н. Высотской.* Симферополь: Универсум, с. 193-206.

Константинов, В. М., Марголин, В. А., Бабенко, В. Г. 1982. Особенности экологии ушастой совы в антропогенных ландшафтах Центрального района Европейской части СССР. В: Болотников, А. М. (ред.). *Гнездовая жизнь птиц.* Пермь: ПермГПИ, с. 121-132.

Королькова, Е. Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.).* Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Кубышев, А. И., Бессонова, С. С., Ковалев, Н. В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: ИА НАНУ.

Кузнецов, С. В., Кузнецова, Т. М. 2005. Курганы скифского времени у пос. Днепрорудный и с. Большая Белозерка. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти В. С. Ольховского.* Москва: ИА РАН, с. 317-332.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи.* Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

Немировский, А. И. 2001. *Мифы древности — Ближний Восток*. Москва: Лабиринт.

Переводчикова, Е. В. 1994. *Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи.* Москва: Восточная литература.

Погребова, Н. Н. 1948. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. *Краткие сообщения ИИМК*, XXIII, с. 62-67.

Полосьмак, Н. В. 1994. *Стерегущие золото грифы (ак-алахинские курганы).* Новосибирск: Наука.

Пугаченкова, Г. А. 1959. Грифон в античном и средневековом (изобразительном) искусстве Средней Азии. *Советская археология*, 2, с. 70-74.

Пукинский, Ю. Б. 1977. *Жизнь сов.* Ленинград: ЛГУ. Жизнь наших зверей и птиц, 1.

Пукинский, Ю. Б. 1993. Филин. Ушастая сова. В: Ильичев, В. Д., Флинт, В. Е. (ред.). *Птицы СССР — Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные. Кукушкообразные, Совообразные.* Москва: Наука, 5, с. 270-313.

Роулз, Э. 2005. Дюркеймовская трактовка практики: альтернатива конкретных практик и представлений как оснований разума. *Социологическое обозрение*, 4, 1, с. 3-30.

Руденко, С. И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рукавишникова, И. В. 2010. Изучение стилистических черт изображений в зверином стиле и анализ металла этих предметов. Происхождение предметов с изображениями в зверином стиле из Южного Приуралья. *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства*, VI, с. 151-154.

Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции.* Киев: Олег Філюк.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н. 1977. Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.). В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифы и сарматы.* Киев: Наукова думка, с. 152-199.

Фасмер, М. 1987. *Этимологический словарь русского языка.* Москва: Прогресс, III.

Черемисин, Д. В. 2009. О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике пазырыкских курганов. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 1 (37), с. 85-94.

Шауб, И. Ю. 2017. Монстры в культуре скифов. *Новое прошлое*, 4, с. 24-46. doi:10.23683/2500-3224-2017-4-24-47.

Шевченко, А. А. 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН (2004—2008 гг.).* Москва: ИА РАН, с. 26-111.

Шкурко, А. И. 1982. Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии. *Труды ГИМ*, 54: Археологические исследования на юге Восточной Европы, с. 3-8.

Юрченко, А. Г. 2002. *Тимофей из Газы. Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира.* Санкт-Петербург: Азбука-классика.

Яблонский, Л. Т. 2013. *Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004—2009 гг.): Каталог коллекции.* Москва: ИА РАН, 1.

Durkheim, É. 1915. *The Elementary Forms of the Religious Life.* London: G. Allen & Unwin; New York: The Macmillan Company.

Khazai, Kh. 1978. L'évolution et la signification du-griffon dans l'iconographie iranienne. *Iranica Antiqua*, XIII, p. 1-34.

Rawls, A. W. 2001. Durkheim's treatment of practice: Concrete practice vs. representations as the foundation of reason. *Journal of Classical Sociology*, 1, 1, p. 33-68.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 1996. *Khronografiya Evropeyskoy Skifii (VII—IV vv. do n. e.).* Avtoreferat d. i. n. Sankt-Peterburg.

Alekseyev, A. Yu. 2003. *Khronografiya Evropeyskoy Skifii (VII—IV vekov do n. e.).* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseyev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.).* Kiev: Naukova dumka.

Barkova, L. L. 1987. Obraz orlinogolovogo grifona v iskusstve drevnego Altaya. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 28, s. 5-29.

Beme, R. L., Dinets, V. L., Flint, V. E., Cherenkov, A. E. 1998. *Ptitsy. Entsiklopediya prirody Rossii.* Moskva: ABF.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila.* Kiev: Skif.

Bratchenko, S. N., Shvetsov, M. L., Dubovskaya, O. R. 1989. Kurgan IV v. do n. e. v basseyne Severskogo Dontsa. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 170-177.

Buturlin, S. A. 1928. *Dnevnyye khishchniki i sovy SSSR.* Moskva: Knigosoyuz. Opredelitel vidov ptits SSSR, ikh podvidy, rasprostraneniye, polza i vred dlya khozyaystva, 1.

Buturlin, S. A., Dementyev, G. P. 1936. *Polnyy opredelitel ptits SSSR. Trubkonosyye, dnevnyye khishchnyye, sovy, dyatlovyye.* Moskva, Leningrad: KOIZ, 3.

Gulyayev, V. I. 2001. Obshchiye problemy arkheologii Srednego Dona v skifskoye vremya. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skif-skuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN (1993—2000 gg.).* Moskva: IA RAN, s. 18-52.

Durkheim, E. 1995. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznacheniye.* Moskva: Kanon.

Zapadova, E. 1977. *Volshebnaya arfa. Skazki narodov Birmy*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura.

Zasetskaya, I. P. 2012. Izobrazheniya grifonov i «grifov» v sarmatskom zverinom stile. In: *Zoloto, kon i chelovek. Sbornik statey k 60-letiyu A. V. Simonenko.* Kiev: Skif, s. 353-383.

Ilinskaya, V. A. 1973. Skifskaya uzda IV v do n. e. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 42-63.

Kantorovich, A. R. 2010. Istoki i variatsii obrazov grifona i grifonopodobnykh sushchestv v ranneskifskom zverinom stile VII—VI vv. do n. e. *Arkheologicheskiy almanakh*, 21, s. 189-224.

Kantorovich, A. R. 2012. K voprosu ob istokakh i variatsiyakh obrazov grifona i grifonopodobnykh sushchestv v ranneskifskom zverinom stile VII—VI vv. do n. e. *Trudy GIM*, 191: Evraziya v skifo-sarmatskoye vremya. Pamyati I. I. Gushchinoy, s. 106-133.

Kantorovich, A. R. 2015a. *Skifskiy zverinyy stil Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya*: Avtoreferat d. i. n. Moskva.

Kantorovich, A. R. 2015b. *Skifskiy zverinyy stil Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya*: Dissertatsiya d. i. n. Moskva.

Koblik, E. A. 2001a. *Raznoobraziye ptits (po materialam ekspozitsii Zoologicheskogo muzeya MGU).* Moskva: MGU, 1.

Koblik, E. A. 2001b. *Raznoobraziye ptits (po materialam ekspozitsii Zoologicheskogo muzeya MGU.* Moskva: MGU, 3.

Kovpanenko, G. T., Yakovenko, E. V. 1973. Skifskiye kurgany na yuge Khersonshchiny. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 253-265.

Koltukhov, S. G. 2007. Osnovnoye pogrebeniye kurgana Besh-Oba 4/2. In: Zaytsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. (eds.). *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchayetsya 80-letiyu T. N. Vysotskoy.* Simferopol: Universum, s. 193-206.

Konstantinov, V. M., Margolin, V. A., Babenko, V. G. 1982. Osobennosti ekologii ushastoy sovy v antropogennykh landshaftakh Tsentralnogo rayona Evropeyskoy chasti SSSR. In: Bolotnikov, A. M. (ed.). *Gnezdovaya zhizn ptits.* Perm: Perm-GPI, s. 121-132.

Korolkova, E. F. 2006. *Zverinyy stil Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzhia i Yuzhnogo Priuralia v skifskuyu epokhu (VII—IV vv. do n. e.).* Sankt-Peterburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye.

Kubyshev, A. I., Bessonova, S. S., Kovalev, N. V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan.* Kiev: IA NANU.

Kuznetsov, S. V., Kuznetsova, T. M. 2005. Kurgany skifskogo vremeni u pos. Dneprorudnyy i s. Bolshaya Belozerka. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego Srednevekovia. Pamyati V. S. Olkhovskogo.* Moskva: IA RAN, s. 317-332.

Mogilov, O. D. 2008. *Sporyadzhennya konya skifskoy dobi u Lisostepu Skhidnoi Evropy.* Kyiv; Kam'yanets-Podilskiy: IA NANU.

Nemirovskiy, A. I. 2001. *Mify drevnosti — Blizhniy Vostok.* Moskva: Labirint.

Perevodchikova, E. V. 1994. *Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskikh stepey skifskoy epokhi.* Moskva: Vostochnaya literatura.

Pogrebova, N. N. 1948. Grifon v iskusstve Severnogo Prichernomoria v epokhu arkhaiki. *Kratkiye soobshcheniya IIMK*, XXIII, s. 62-67.

Polosmak, N. V. 1994. *Steregushchiye zoloto grify (ak-alakhinskiye kurgany).* Novosibirsk: Nauka.

Pugachenkova, G. A. 1959. Grifon v antichnom i srednevekovom (izob-razitelnom) iskusstve Sredney Azii. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 70-74.

Pukinskiy, Yu. B. 1977. *Zhizn sov. Seriya: Zhizn nashikh zverey i ptits.* Leningrad: LGU, 1.

Pukinskiy, Yu. B. 1993. Filin. Ushastaya sova. In: Ilichev, V. D., Flint, V. E. (ed.). *Ptitsy SSSR — Ptitsy Rossii i sopredelnykh regionov: Ryabkoobraznyye. Golubeobraznyye. Kukushkoobraznyye. Sovoobraznyye.* Moskva: Nauka, 5, s. 270-313.

Roulz, E. 2005. Dyurkgeymovskaya traktovka praktiki: alternativa konkretnykh praktik i predstavleniy kak osnovaniy razuma. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 4, 1, s. 3-30.

Rudenko, S. I. 1960. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoye vremya.* Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Rukavishnikova, I. V. 2010. Izucheniye stilisticheskikh chert izobra-zheniy v zverinom stile i analiz metalla etikh predmetov. Proiskhozhdeniye predmetov s izobrazheniyami v zverinom stile iz Yuzhnogo Priuralia. *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kulturakh Evrazii. Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva*, VI, s. 151-154.

Skoryy, S. A., Zimovets, R. V. 2014. *Skifskiye drevnosti Kryma. Materialy odnoy kollektsii.* Kiev: Oleg Filyuk.

Terenozhkin, A. I., Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N. 1977. Skifskiy kurgannyy mogilnik Gaymanovo Pole (raskopki 1968 g.). In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skify i sarmaty.* Kiev: Naukova dumka, s. 152-199.

Fasmer, M. 1987. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka.* Moskva: Progress, III.

Cheremisin, D. V. 2009. O semantike ornitomorfnykh personazhey zverinogo stilya v ritualnoy atributike pazyrykskikh kurganov. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 1 (37), s. 85-94.

Shaub, I. Yu. 2017. Monstry v kulture skifov. *Novoye proshloye*, 4, s. 24-46. doi:10.23683/2500-3224-2017-4-24-47.

Shevchenko, A. A. 2009. Novyye materialy k izucheniyu kurgannogo mogilnika skifskogo vremeni Kolbino I na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN (2004—2008 gg.).* Moskva: IA RAN, s. 26-111.

Shkurko, A. I. 1982. Fantasticheskiye sushchestva v iskusstve Lesostepnoy Skifii. *Trudy GIM,* 54: Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy, s. 3-8.

Yurchenko, A. G. 2002. *Timofey iz Gazy. Tigritsa i grifon: Sakralnyye simvoly zhivotnogo mira.* Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika.

Yablonskiy, L. T. 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004—2009 gg.): Katalog kollektsii.* Moskva: IA RAN, 1.

Durkheim, É. 1915. *The Elementary Forms of the Religious Life.* London: G. Allen & Unwin; New York: The Macmillan Company.

Khazai, Kh. 1978. L'évolution et la signification dugriffon dans l'iconographie iranienne. *Iranica Antiqua*, XIII, p. 1-34.

Rawls, A. W. 2001. Durkheim's treatment of practice: Concrete practice vs. representations as the foundation of reason. *Journal of Classical Sociology*, 1, 1, p. 33-68.

T. M. Kuznetsova

IMAGES OF AN EARED BIRD OR WHOSE EARS A GRIFFIN HAS?

The article is devoted to the definition of the preimage for the images of fantastic creatures, which are called in research, eared griffins. The reason for this was the finding in the horse grave number 1 of the barrow number 6 at the town of Dnieprorudny the figurine of a predatory ornithomorphic with ears decorated a bronze molded noseband. Such nosebands are present both in the steppe and in the forest-steppe Scythian monuments of the 4th century BC.

Researchers have determined that in searching for the origins of the image of the griffin, natural prototypes should be taken into account, finding similarities with the eagles and the vultures of the Old World. It is assumed that the presence of an ear in ornithomorphic images, which is absent in birds, reflects the result of comprehension of reality, and not its fixation. However, in nature there are birds, in the plumage of which there are long feather «ears». These birds are owls, among which eagle-owl and long-eared owls deserve special attention. The attitude of a human being to owls has always been special because of the mysterious nightlife, silent flight and eerie voice. Therefore, it is possible that the ear in the iconography of an ornithomorphic griffin as a result of fixing a real creature and further understanding its image in time and space.

Keywords: art, long-eared griffin, Scythian time, eagle owl, long-eared owl.

Одержано 9.01.2019

КУЗНЄЦОВА Тетяна Михайлівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології РАН, вул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Росія, *mamulya-kuznecova@yandex.ru*.

KUZNETSOVA Tatyana M., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences St. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia, *mamulya-kuznecova@yandex.ru*.

УДК: 904.2(477.54)”638”

С. В. Махортых

ЗОЛОТЫЕ НАКЛАДКИ НА ДЕРЕВЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ ПЕРЕЩЕПИНСКОГО МОГИЛЬНИКА БЛИЗ БЕЛЬСКА

Статья посвящена анализу золотых аппликаций на деревянные сосуды из Перещепинского могильника близ Бельска, которые относятся к числу ярких индикаторов скифской культуры и маркируют распространение этой категории погребального инвентаря в Днепровском лесостепном Левобережье в середине — второй половине V в. до н. э. Рассматриваемые предметы представлены несколькими сюжетно-стилистическими группами, среди которых присутствуют накладки, декорированные геометрическим орнаментом (двойной ряд выпуклых точек), и накладки с различными зооморфными мотивами (лежащий олень, голова хищной птицы). Находки предметов звериного стиля из лесостепных областей Украины являются важной составляющей скифского искусства Восточной Европы и обязательно должны учитываться при анализе генезиса этого феномена.

***Ключевые слова**: Бельское городище, скифское время, деревянные чаши, золотые обкладки.*

ВВЕДЕНИЕ

Деревянные сосуды, украшенные разнообразными металлическими аппликациями, относятся к числу ярких индикаторов скифской культуры. Их наиболее широкое распространение в памятниках европейской Скифии относится к V в. до н. э. (Рябова 1984; Ольховский 1991). Среди всего этого массива восточноевропейских находок VII—IV вв. до н. э. могут быть выделены три группы, первая из которых представлена гладкими неорнаментированными накладками, а две другие группы украшены либо геометрическим орнаментом, либо разнообразными зооморфными мотивами. Последняя группа является самой многочисленной, причем внутри нее выделяется несколько подгрупп, представленных полнофигурными или редуцированными изображениями различных животных. Некоторые из них, например, накладки, украшенные изображениями рыбы (Малая Цимбалка; Солоха, Архангельская Слобода курган 5 (Лесков 1974, рис. 46; Манцевич 1987, кат. 68; Алексеев 1995, рис. 1: 3), обладают территориально-хронологической спецификой, которая проявляется в том, что они локализуются в Нижнем Поднепровье и датируются в рамках позднего V и / или раннего IV вв. до н. э.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Эта статья посвящена рассмотрению золотых обкладок, по всей вероятности, от деревянных чаш, происходящих из захоронений Перещепинского курганного могильника. Этот памятник локализуется в окрестностях знаменитого Бельского городища [1]. Анализируемые предметы встречены в двух наиболее богатых комплексах: погребение 1 кургана 7 и погребение 1 кургана 15 (Мурзін, Ролле, Скорий 1996; Мурзин и др. 1998). Они принадлежали представителям местной воинско-всаднической верхушки. Первое из них датируется около середины V в. до н. э., а второе — последней четвертью V — началом IV вв. до н. э. (Махортых 2012). Наиболее полно рассматриваемые находки представлены в погребении 1 кургана 15, где выявлено четыре золотые накладки, три из которых декорированы различными зооморфными мотивами (олень, хищная птица), а одна имеет геометрический орнамент.

1. Более подробно о погребальном обряде, инвентаре и хронологии исследованных в этом некрополе захоронений см. Махортых 2006; 2010; 2011; 2012; 2016; Махортых, Ролле 2011; 2015a; 2015b; 2017.

© С. В. МАХОРТЫХ, 2019

В отличие от степной зоны Северного Причерноморья, а также лесостепного Правобережья, на территории Днепровского Левобережья деревянные сосуды с металлическими накладками представлены в значительно меньшем количестве, поэтому каждая из выявленных здесь находок заслуживает самого пристального внимания [1].

НАКЛАДКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛЕЖАЩЕГО ОЛЕНЯ

Среди них можно выделить два типа.

Тип 1. К нему относятся две пластины прямоугольной формы с закругленным нижним краем, украшенные рельефным изображением лежащего оленя. Их размеры: 5,4 × 4,3 и 4,8 × 3,9 см (рис. 1: 1—2). Обкладки изготовлены из тонкого листового золота путем тиснения на твердой матрице и последующей обрезки. Одна из них сохранилась полностью, а у другой — верхний загнутый вовнутрь конец оказался обломанным. По краям пластинки орнаментированы точечным орнаментом различного диаметра, выбитым с обратной стороны пластинок. Обкладки крепились к чаше, при помощи золотых гвоздиков цилиндрической формы, свернутых из кусочков тонкого листового золота (трех снизу, двух по бокам).

Фигура повернутого влево или вправо лежащего животного, изображенного в профиль с подогнутыми под туловище ногами и направленной вперед головой, на одной из пластин занимает почти всю поверхность, а на другой — смещена к ее нижнему краю. Короткая шея оканчивается горизонтально посаженной головой с укороченной мордой, на которой четко выделенный открытый рот показан прямой линией, а ноздря — точечным углублением. Большой глаз животного обозначен кружком со зрачком в центре. Ухо в форме острого «листа» отставлено назад от головы и примыкает к основанию рогов. Лопатка и бедро переданы выпуклыми плоскостями. Помимо этого, на передней и задней частях туловища одного из оленей нанесены округлые вдавления. Короткий хвост опущен.

Несмотря на то, что на обеих пластинах представлен один и тот же образ лежащего оленя с повернутой вперед головой, каждая из них изготавливалась отдельно с использованием специального штампа. Это позволяет выделить среди изображений оленя из кургана 15 Перещепинского некрополя две синхронные разновидности, которые, наряду с общими чертами, имеют и индивидуальные особенности, проявляющиеся в трактовке отдельных частей тела, и прежде всего, рогов. Так, у одного из животных передние отростки рогов трактова-

1. В Посулье известны две золотые пластинки с изображением лежащего оленя с поджатыми ногами, которые обнаружены в кургане 2 (1883 — 1885 гг.) у с. Аксютинцы и в кургане 1 у с. Борзна. На основании выявленных в этих захоронениях предметов вооружения и конского убора их следует датировать в рамках второй половины — конца V в. до н. э. (Ильинская 1968, табл. 15: 8; 31: 1—10).

Рис. 1. Золотые накладки с изображениями лежащих оленей из погребения 1 кургана 15 Перещепинского могильника

Рис. 2. Золотые накладки с изображениями лежащих оленей: 1 — курган 7 Перещепинского могильника; 2 — Гайманова Могила; 3 — Братолюбовский курган

ны в виде трех схематичных, расположенных вплотную друг к другу перевернутых головок хищных птиц с сильно загнутым клювом. У другого оленя рога переданы в виде двух симметрично расположенных и соединенных слегка изогнутой линией округлых завитков, также, вероятно, имитирующих стилизованные птичьи головки [1].

Что касается схемы задней части рогов, то она является вполне декоративной и выполнена в виде трех — четырех загибающихся кверху дуговидных примыкающих к друг другу отростков, с плавно изогнутыми или ровно «обрезанными» окончаниями, нижние основания которых соприкасаются со спиной оленя.

Определенные композиционно-стилистические отличия фиксируются также в изображении ног и морды рассматриваемых оленей. Например, у одного из них ноги подведены друг к другу и соприкасаются копытами, составляя прямую линию, тогда как у другого — ноги подогнуты внахлест и четко выделенные копыта заходят друг на друга. Помимо этого, морда у одного из оленей вытянутая и имеет приостренные очертания, а у другого, она более короткая и подпрямоугольная в плане, с четко выделенным открытым ртом, показанным горизонтальной углубленной линией.

Тип 2. Еще одна золотая накладка на деревянный сосуд, близкая двум описанным выше, найдена в погребении 1 кургана 7 Перещепинского могильника. Она украшена рельефным изображением фигуры лежащего оленя, обращенного вправо с двумя согнутыми под туловищем ногами. Передняя и задняя части рогов располагаются, изолировано друг от друга. Между ними находится направленное вверх заостренное ухо. Передняя часть рогов изображена в виде полумесяца, а задняя — в виде своеобразного пучка, состоящего из четырех загибающихся вверх дуговидных отростков, лежащих один над другим (рис. 2: 1). В промежутке между ухом и спиной находится еще одно короткое загнутое крючком ответвление рога. Глаз обозначен кружком с округлым зрачком в центре. Рот передан прямой горизонтальной линией, а ноздря — точкой. Короткий хвост опущен. Размеры пластинки — 4,2 × 4 см. Она имеет близкую к квадрату форму с прямым нижним краем. По краям накладки вдоль нижней и боковых сторон нанесена мелкая насечка в виде рядов точечного орнамента. Она крепилась к деревянному сосуду при помощи золотых гвоздиков с полусферическими шляпками: пять сверху, четыре — снизу и две — по бокам.

Несмотря на то, что рассматриваемое изображение животного, по сравнению с оленями на пластинах из кургана 15 Перещепино, отличается большим схематизмом исполнения, а также некоторыми стилистическими особенностями (например, серповидной формой рогов), их можно рассматривать как развитие одного типа.

1. Сходный стилистический прием трактовки отдельных частей тела животного, причем, не только рогов, но и ног в виде двух симметрично располагающихся схематических птичьих головок, зафиксирован и на бронзовой уздечной бляхе из кургана 22 Перещепинского могильника, которая датируется тем же временем, что и находки из рассматриваемого погребения 1 кургана 15 (Махортых 2006, рис. 7: 5; 2012, с. 151).

Учитывая более молодую хронологическую позицию золотой накладки из кургана 7 (последняя четверть V — начало IV вв. до н. э.), она, по всей вероятности, представляет следующую стадию иконографической эволюции изображений лежащего оленя в бассейне р. Ворскла.

НАКЛАДКА, УКРАШЕННАЯ ГОЛОВКОЙ ХИЩНОЙ ПТИЦЫ

Помимо упомянутых выше, из погребения 1 кургана 15 Перещепинского некрополя происходит золотая обкладка деревянного сосуда в виде головки хищной птицы (рис. 3: 1; 4). У пластинки отсутствуют верхняя левая и отчасти центральная части, а также оборван перегнутый внутрь край. Ее сохранившиеся размеры — 7,1 × 4,4 см. Накладка украшена композицией в виде развернутой вправо головки хищной

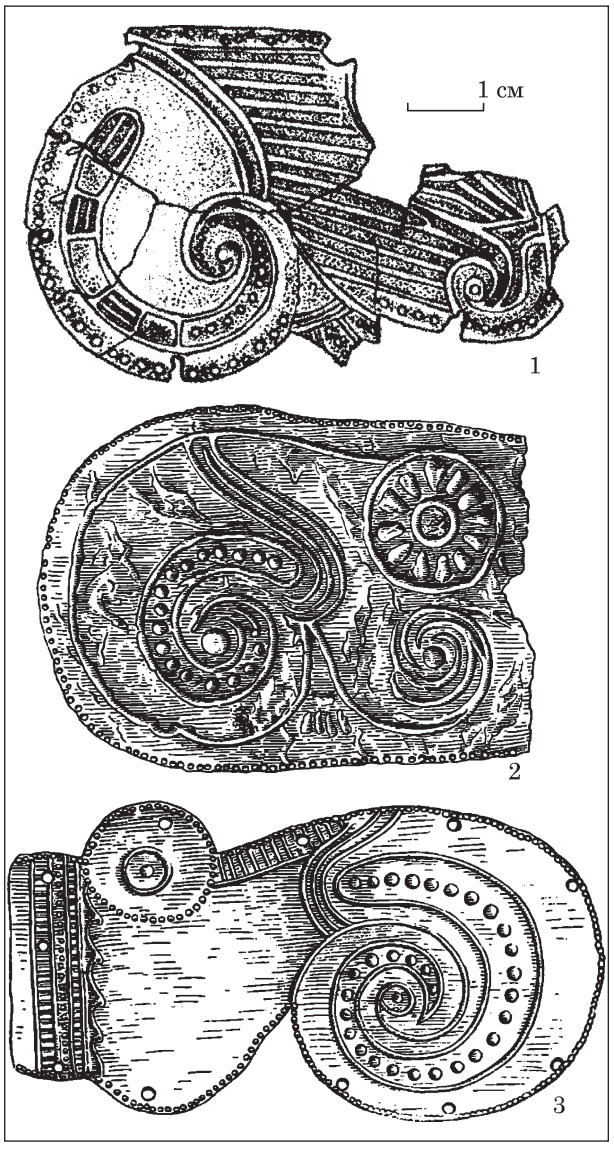

Рис. 3. Золотые накладки с изображениями головки хищной птицы: 1 — погребение 1 кургана 15 Перещепинского могильника; 2 — Яблоновка, курган 2; 3 — Яблоновка, курган 1

Рис. 4. Золотая накладка с изображением головки хищной птицы из погребения 1 кургана 15 Перещепинского могильника

птицы, состоящей из обращенного вниз сильно загнутого орлиного клюва, в верхней части которого располагается большая восковица, декорированная несколькими рядами параллельно-продольных рифленых линий. Разделение клюва показано с помощью спирально загнутой полосы, украшенной рядом кружочков, а также чередующимися гладкими и заполненными двумя прямыми линиями прямоугольниками. Нижняя челюсть головки имеет спиральный завиток. Клюв отделен от восковицы двумя параллельными дуговидными линиями. По периметру пластину окаймляет выпуклый точечный орнамент. Вдоль краев накладки сохранилось несколько отверстий для набивания на сосуд, в которых располагались гвоздики, свернутые из листочков золота (рис. 4).

ТРЕУГОЛЬНАЯ НАКЛАДКА С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМ ОРНАМЕНТОМ

Эта накладная золотая пластина происходит из погребения 1 кургана 15 Перещепинского некрополя. Она имеет удлиненно-треугольную форму с загнутым верхним краем, который охватывал венчик сосуда сверху и изнутри (рис. 5). Вдоль краев длинных боковых сторон и в средней части пластина украшена двойными рядами выпуклых точек. Ее нижний конец обломан. Накладка крепилась к чаше при помощи золотых гвоздиков цилиндрической формы, свернутых из кусочков тонкого листового золота. Длина гвоздиков 5,5 мм, толщина около 1 мм. По бокам пластины имеется по семь отверстий для крепления к основе. Ее размеры 11,2 × 3,3 см.

ДИСКУССИЯ

Прямые аналогии золотым накладкам Перещепинского могильника неизвестны. Определенное сходство типов 1 и 2 позволяет говорить о выделении особой лесостепной сюжетно-стилистической группы изображений лежащего оленя, условно названной мною «перещепинской».

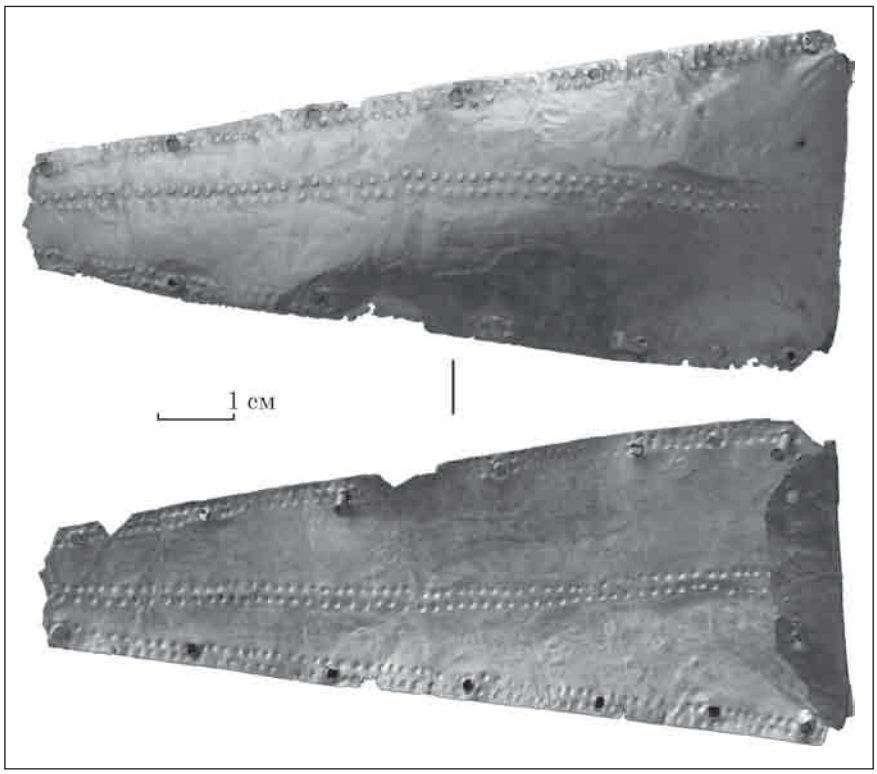

Рис. 5. Золотая накладка треугольной формы из погребения 1 кургана 15 Перещепинского могильника.

Среди золотых зооморфных обкладок деревянных чаш V в. до н. э. с территории Украины экземпляры, украшенные изображениями лежащих оленей, образуют наиболее многочисленную серию (Рябова 1984, с. 33, рис. 1). Примечательно, что находки, считающиеся среди них самыми древними, происходят не с территории степи, а из Днепровского лесостепного Правобережья (курганы 400, 401, 403 Журовка) [1]. Представленные на этих обивках образы животных отличаются рядом особенностей, которые являются не характерными, а, скорее, инородными для скифского искусства, например, изображение оленя с повернутой назад головой, воспроизведение на поверхности туловища ребер животного и пр. (рис. 6: 4—6) (Петренко 1967, табл. 16: 1, 3, 14; Бокій 1968).

Ближайшие соответствия причерноморским изображениям лежащих оленей первой половины — середины V в. до н. э. с повернутой назад головой обнаруживаются на Северо-Западном Кавказе (бронзовые бляхи и налобники из 2 и 4 Семибратних курганов (рис. 6: 8, 9) (Артамонов 1966, рис. 57; 63; табл. 128; 130; Piotrowski, Galanina, Gratsch 1986, cat. 90, 93). Этот регион был довольно тесно связан с более южными областями, входившими в состав обширного ахеменидского мира, благодаря контактам с которым, данная разновидность мотива лежащего оленя, по всей вероятности и распространилась в лесостепном Поднепровье. Вместе с тем, речь о тождественности между упомянутыми выше находками из Поднепровья и Западного Предкавказья не идет. Они отличаются по материалу изготовления и назначению. Если в Украине изображения оленя зафиксированы на золотых накладках деревянных сосудов, то на Кавказе они представлены на бляхах конского снаряжения. Имеются и некоторые стилистические особенности изображений, к примеру, специфическая трактовка рогов, расположение головы животного, «вписанной» в поверхность туловища или лежащей на крупе и пр.

Необходимо подчеркнуть, что синхронно с упомянутыми выше «инородными» изображениями лежащего оленя, бытовали и иные его модификации, представленные, например, на золотом налобнике из кургана 401 у с. Журовка (рис. 7) (Piotrowski, Galanina, Gratsch, 1986, cat. 71). Воспроизведенное на нем животное формой туловища, головы и уха сближается с изображениями перещепинских оленей из кургана 15 и, вероятно, может рассматриваться в качестве собственно скифской разновидности образа этого животного. Приведенные примеры, на мой взгляд, свидетельствуют как о существовании нескольких вариаций изображения лежащего оленя в восточноевропейском скифском искусстве V в. до н. э., так и вероятно, различных источниках их происхождения.

В скифской традиции изображения оленя обычно выделяются две иконографические группы: ранняя представлена «летящим» жи-

1. Аналогичная ситуация имеет место и в отношении золотых накладок, украшенных головками хищных птиц, древнейшие экземпляры которых также происходят из Среднего Приднепровья — Пекари, курган 411, Яблоновка, курган 1) (рис. 3: 3).

Рис. 6. Золотые обивки деревянных чаш и бронзовые бляхи украшенные изображениями оленя: 1, 2 — курган 15 Перещепинского могильника; 3 — курган Бабы; 4 — Журовка, курган 401; 5, 7 — Омельник, курган 2; 6 — Журовка, курган 400; 8, 9 — Семибратние курганы, курган 4. Масштаб изображений произвольный

вотным; поздняя воспроизводит «лежащего» оленя. Появление последней связывается исследователями с переднеазиатскими, точнее, иранскими прототипами, проникнувшими в искусство степной Скифии V—IV вв. до н. э. (Членова 1984, с. 4—6, рис. 2; Канторович 1996; 1997; 1998, с. 147, 150). Следует, однако, отметить, что соединительные звенья в переходе от иранских изображений конца II — начала I тыс. до н. э. к скифским, датируемым V в. до н. э. пока неизвестны. По мнению А. Р. Канторовича, поздняя композиционная схема испытывала разнообразные воздействия, как греческие (в первую очередь переработка рогов в пальметку) и ахеменидские (надбровные складки, линии мускулов), так и местные (Канторович 1998), под которыми, вероятно, следует понимать саккызско-келермесские.

Рис. 7. Фрагмент изображения на золотом налобнике из кургана 401 у с. Журовка

Рис. 8. Бронзовая бляха с изображением головы оленя из погребения 1 кургана 15 Перещепинского могильника

Вместе с тем, точка зрения о том, что композиция спокойно лежащего оленя являлась непопулярной в лесостепной Скифии (Канторович 1998, с. 167, сн. 137), представляется мне не корректной. Имеющиеся археологические материалы, свидетельствуют об обратном, а именно том, что лесостепное Поднепровье в первой половине — середине V в. до н. э. являлось основным центром распространения предметов, украшенных изображением лежащего оленя (рис. 6: 1, 2, 4—6) курганы Журовка 400, 401, 403, Омельник 2, Перещепино 15 и др.). Необходимо подчеркнуть, что тема оленя в этом регионе была довольно хорошо представлена не только в полнофигурном формате (золотые накладки), но и в редуцированном варианте, к которому можно отнести бронзовые бляхи конского убора в виде головок оленя из Журовки, курган 401, Берестняг, курган 5, Волковцов, курган 2 и др. (рис. 9: 3, 4, 6, 7) (Ханенко, Ханенко 1899, табл. 16: 316; Петренко 1967, табл. 29: 28; Могилов, Диденко 2008, рис. 1: 1—6, 13). Причем, мотив обособленной головы оленя в степной зоне Северного Причерноморья, в отличие от лесостепи, не получил широкого распространения. Более того, как будет показано в ходе дальнейшего анализа, применительно к лесостепной Скифии можно даже говорить о распространении здесь местных модификаций изображения лежащего оленя.

На территории европейской Скифии прямые соответствия анализируемым перещепинским изображениям лежащих оленей отсутствуют в связи с чем, их можно рассматривать как самостоятельную разновидность сюжета лежащего оленя с прямо поставленной головой и зооморфно-декоративно оформленными рогами, который получил распространение в лесостепном Левобережье около середины V в. до н. э. [1]. Вместе с тем, необходимо упомянуть группу бронзовых уздечных блях, воспроизводящих голову оленя в профиль, рога которого выполнены с использованием тех же элементов, что и у перещепинских экземпляров, то есть трех соприкасающихся друг с другом птичьих головок с изогнутым кверху клювом и примыкающим к ним веерообразным пучком рогов, состоящих из дуговидных и направленных вверх рельефных отростков (рис. 9: 1, 2, 5). Они найдены в синхронных с перещепинскими захоронениями памятниках — Ульский курган 11, Семибратний курган 4, Кривая Лука, курган 5 погребение 16 (Очир-Горяева, Дворниченко 2007, рис. 3: 2а—в; Горончаровский 2014, с. 570, 571, табл. 1; Эрлих 2015, табл. 22: 304).

К близкому времени относятся бронзовые уздечные бляхи с территории Днепровского лесостепного Правобережья, оформленные в виде головы оленя, в орнаментации переднего отростка рогов которого присутствует мотив отдельной орлиной головки, сочетающийся с короткой и пышной кроной рогов (рис. 9: 3, 4) курганы 5 у с. Берестняги, № 188 на Тенетинке, Звенигородский уезд (Петренко 1967, табл. 31: 2—4, 7; Могилов, Диденко 2008, рис. 1Б: 1—7).

Что касается территории степной Скифии, то наибольшая близость с отдельными элементами декора перещепинских оленей, и в частности, изображением задней части рогов в виде пучка загибающихся вверх дуговидных и ровно обрезанных отростков, обнаруживается на золотых обкладках из кургана Бабы, который был сооружен в середине V в. до н. э. или несколько позднее (рис. 6: 3) (Алексеев 2015, с. 218).

В пределах второй половины V в. до н. э. датируются золотые пластины с изображением лежащих оленей из таких степных памятников как I Завадская Могила и погребение в Кара-Меркетском (Акмечетском) кургане (рис. 10: 1—4) (Мозолевский 1980, рис. 44: 6, 9; 47, 3; Piotrowski, Galanina, Gratch 1986, cat. 101; Алексеев 2003, с. 259; Колтухов 2012, с. 69, рис. 57: 1—6). Они образуют самостоятельную степную разновидность изображений лежащих оленей (завадско-акмечетский тип по А. Р. Канторовичу), для которой характерны крупные,

1. Помимо золотых накладок с изображением оленей, из погребения 1 кургана 15 Перещепино, «левобережным» локальным своеобразием отличается и выявленная в этом же комплексе бронзовая зооморфная бляха, украшенная изображением небольшой головки оленя с выступающей закругленной нижней частью головы, длинным ухом и пышной, поднимающейся кверху веерообразной короной рогов (рис. 8). Ближайшие соответствия этой находке обнаруживаются в кургане 21 Перещепинского некрополя и скифском погребении у с. Стылы (Махортих 2006, рис. 10: 1; Привалова 1993, рис. 83: 68).

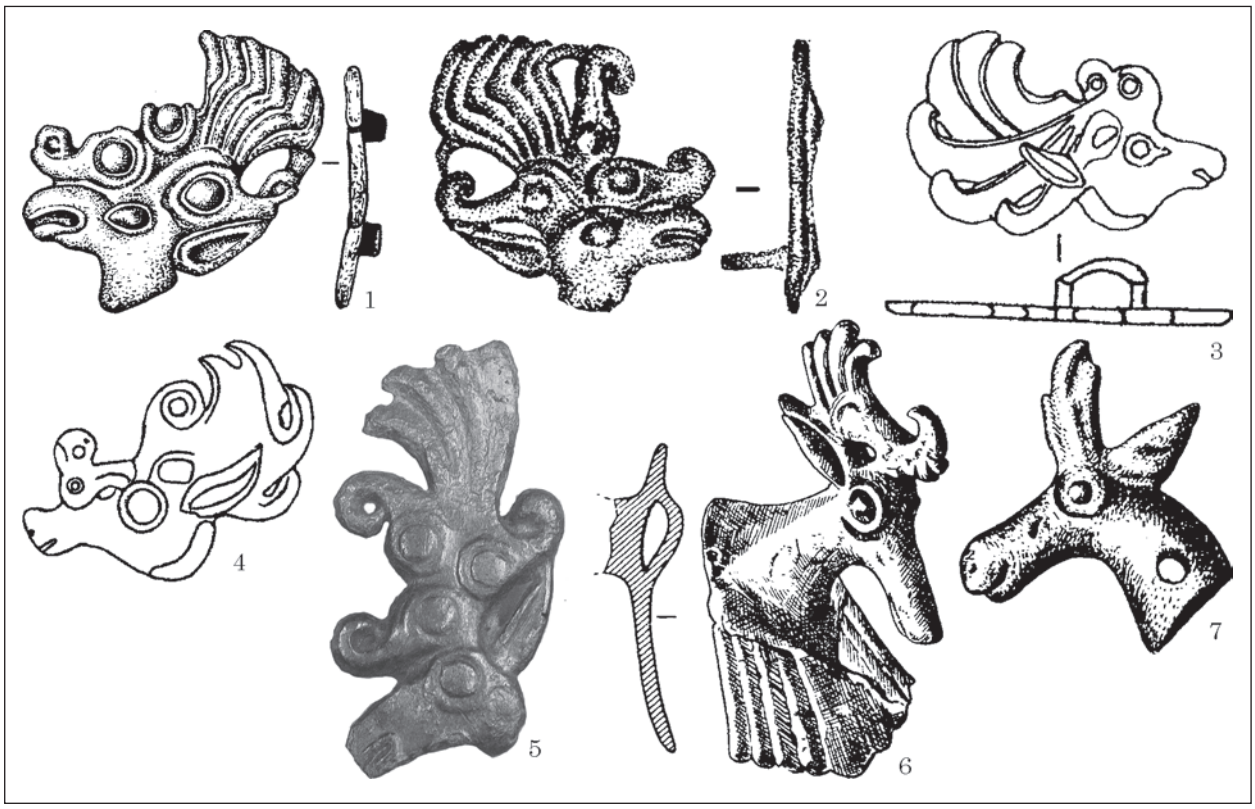

Рис. 9. Бронзовые бляхи с изображением головы оленя: 1 — Ульский могильник, курган 11; 2 — Кривая Лука, курган 5 погребение 16; 3, 4, 7 — Берестняги, курган 5; 5 — Семибратние курганы, курган 4; 6 — Журовка, курган 401. Масштаб изображений произвольный

Рис. 10. Золотые накладки с изображениями лежащих оленей: 1 — курган Кара-Меркет; 2—4 — Первая Завадская Могила

раскидистые рога сложного рисунка; высокая толстая шея; лопатка, поднятая по отношению к телу животного, «сдвоенные» ноги в профильном ракурсе и пр. (Канторович 1996).

К последней четверти V — началу IV вв. до н. э. относится золотая накладка **типа 2** из кургана 7 Перещепино. Полные аналогии ей пока неизвестны. Однако, по общим пропорциям, форме уха и схеме оформления передних и задних отростков рогов она сближается с изображениями лежащего оленя на довольно многочисленных золотых нашивных бляшках из захоронений лесостепного Поднепровья, Северского Донца и Среднего Дона, датирующихся в рамках начала — первой половины IV в. до н. э. (рис. 11: 2, 3, 7—12) (курганы возле Пастырского городища, в ур. Дарьевка близ Шполы, № 2 Песочин, № 4 в группе Частых и

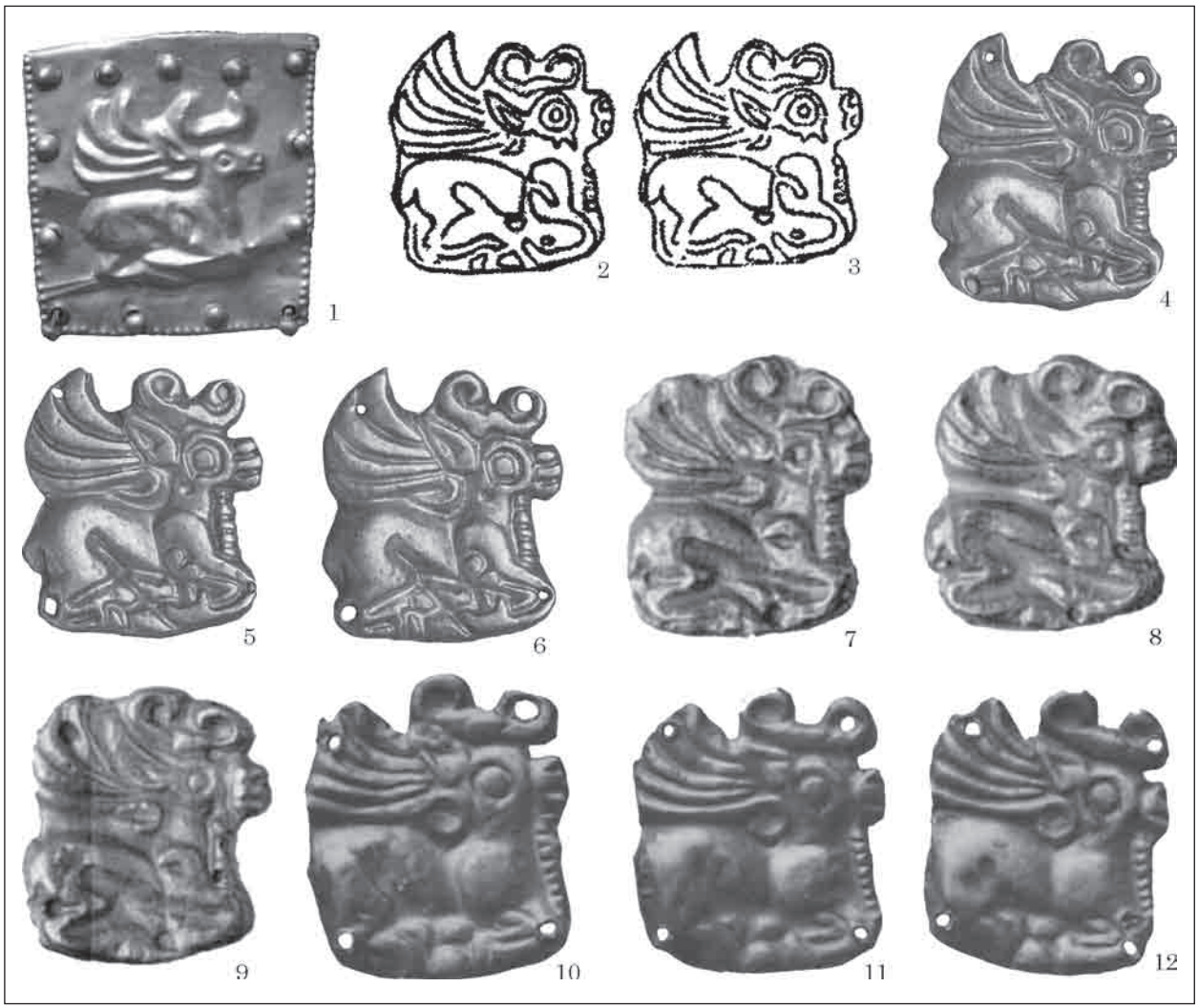

Рис. 11. Золотые аппликации с изображениями лежащих оленей: 1 — курган 7 Перещепинского могильника; 2, 3 — курган 2 Песочинского могильника; 4—6 — курган Солоха; 7—9 — Частые курганы, курган 4; 10—12 — Пастырское, курган к юго-востоку от городища. Масштаб изображений произвольный

др.) [1] (Бобринской 1894, табл. X: 2; Ханенко, Ханенко 1899, табл. 26: 437; Петренко 1967: табл. 19: 26, 28; Фирсов 2002, кат. 457; Бабенко 2005, рис. 4: 12). Значительно реже подобные бляшки встречаются в степной зоне Северного Причерноморья — боковое погребение кургана Солоха (рис. 11: 4—6) (Манцевич 1987, кат. 46; Алексеев 2012, с. 159) Таким образом, широкое распространение образа оленя в скифском искусстве Восточной Европы относится к V в. до н. э., причем пик этого изобразительного «бума» приходится на вторую — третью четверти данного столетия. Нужно при этом подчеркнуть, что образ лежащего оленя, как в степном, так и лесостепном ареалах Северного Причерноморья не являлся однородным, а был представлен рядом стилистических вариаций, причем, зачастую даже в рамках одного археологического комплекса (Журовка курган 401, Перещепино курган 15; I Завадская Могила и др.).

Золотые накладки, украшенные изображениями лежащего оленя, продолжали использоваться и в IV в до. н. э., преимущественно в первой половине этого столетия. Однако, они соотносятся уже, главным образом, со степными скифскими памятниками высокого социального ранга (курганы — Солоха, Братолюбовский, Гайманова Могила и др.) и, по сравнению с накладками V в. до н. э., менее вариабельны типологически и иногда образуют стандартные, однотипные серии, например, накладки типа Братолюбовка-Гайманова Могила (рис. 2: 2, 3).

Аналогичная тенденция «стандартизации» прослеживается и на однотипных, выбитых чуть ли не одним штампом, золотых нашивных

1. Предположение С. В. Полина о близости изображений оленей на золотых обкладках из северной гробницы Гаймановой Могилы, которые почему-то названы им «сидячими», и кургана 7 Перещепинского некрополя (рис. 2: 1—3), а также сделанные на этом основании хронологические выводы (Бидзиля, Полин 2012, с. 413, № 213, рис. 579) представляются мне ошибочными. Более убедительной является точка зрения С. С. Бессоновой об изготовлении идентичных наборов золотых пластин из Гаймановой Могилы и Братолюбовского кургана не позже конца первой — начала второй четверти IV в. до н. э. (Бессонова 2009, с. 36—37).

бляшках, украшенных изображением лежащего оленя, которые распространяются в лесостепных районах Восточной Европы в начале — первой половине IV в. до н. э. (рис. 11).

Накладки на деревянные сосуды украшенные головками хищных птиц

Одним из основных центров распространения таких предметов является Днепровское лесостепное Правобережье, где они бытовали на протяжении большей части V в. до н. э. Наиболее архаичными среди них являются контурные орлиные головки, происходящие из кургана 411 Пекари и кургана 1 «Острая Могила» у с. Яблоновка (Петренко 1967, табл. 16: 8, 17, 19; Галанина 1977 табл. 6: 2). Комплексы, в которых они были обнаружены, по составу выявленных вместе с ними находок, следует датировать в рамках начала — первой четверти V в. до н. э. Сами же накладки по форме и стилю художественного оформления сближаются с бронзовыми навершиями в виде птичьих голов с выступающей трубчатой втулкой из кургана 2/1909 Ульского некрополя в Адыгее, а также кургана у с. Защита на Кировоградщине, который относится к «раннему» V в. до н. э. (Бокий 1970, с. 187 рис. 1: 1, 2; Переводчикова 2015, с. 66, табл. 34; 35). Довольно ранняя хронологическая позиция позволяет рассматривать находки из кургана 1 Яблоновка и кургана 411 Пекари в качестве древнейших золотых зооморфных накладок на деревянные сосуды в Северном Причерноморье, а также новых оригинальных образцов скифского художественного творчества. Претерпев определенные стилистические изменения, выразившиеся в упрощении и значительной схематизации образа, насыщенного дополнительными орнаментальными деталями, золотые накладки с изображениями птичьих голов продолжали бытовать на территории Днепровского лесостепного Правобережья и во второй половине V в. до н. э. (Берестняги, курганы 4, 5; Яснозорье, курган 2 погребение 2; Каневский уезд и др.) (рис. 12: 3) (Петренко 1967, табл. 16: 5, 7, 11; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, рис. 3: 3; Reeder, ed. 1999, cat. 53; Могилов, Диденко 2008 рис. 4; Nebelsick 2012, fig. 6: 1, 2).

В степи захоронения с золотыми обивками, украшенными изображениями головок хищных птиц, относятся, главным образом, ко второй половине — концу V в. до н. э. Они обнаружены в Северо-Западном Причерноморье (Арциз, Мреснота Могила), Нижнем Поднепровье (I Завадская Могила, Великая Знаменка), а также в Крыму (Ак-Мечеть; Дорт-Оба) (рис. 12: 2) (Мозолевский 1980, рис. 44: 1, 2; 47: 2; Алексеева, Охотников, Редина 1995, с. 53, рис. 4: 23—24; Reeder, ed. 1999, cat. 54; Колтухов 2012, рис. 57: 6; Nebelsick 2012, fig. 3; 7: 1; Колтухов, Сенаторов 2015, с. 109, рис. 5: 5—7). Некоторые из них, и в частности, «западнопричерноморская» серия, своим происхождением, вероятно, связаны с лесостепными областями Поднепровья, тогда как другие образуют самостоятельную типологическую группу («завадовская» серия),

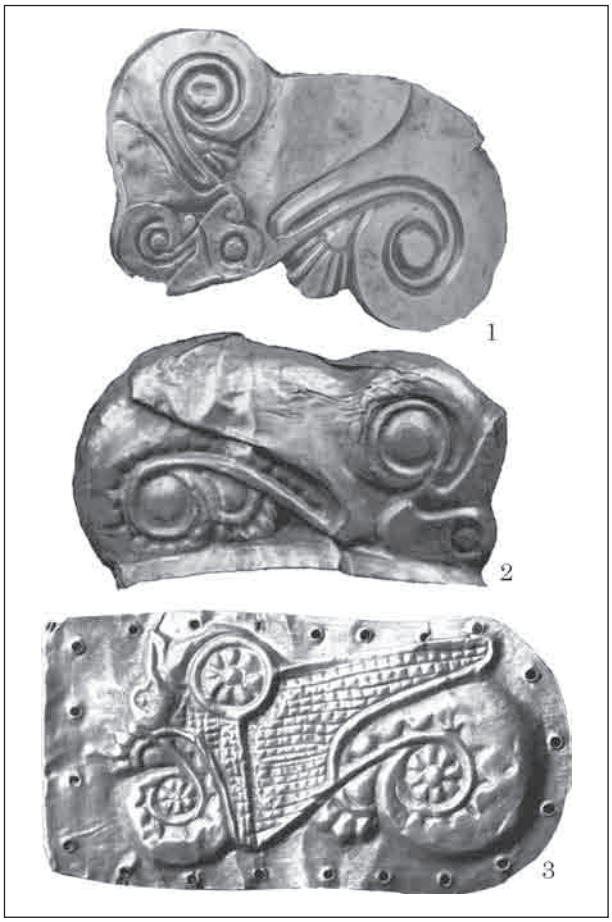

Рис. 12. Золотые накладки с изображениями головки хищной птицы: 1 — Первая Завадская Могила; 2 — курган Кара-Меркет; 3 — Берестняги, курган 4

для которой характерным является использование дополнительных орнаментальных элементов, в основном украшающих клюв и восковицу (пальметки, лотос), зооморфные превращения, и в частности, вписывание одной орлиной головки в другую и пр.

Золотая обивка из кургана 15 Перещепинского могильника, украшенная изображением птичьей головки, является первой находкой этого типа в Днепровском лесостепном Левобережье. Она выглядит довольно оригинальной и не находит прямых аналогий, хотя некоторые детали (разделение клюва с помощью спирально загнутой полосы, заполненной кружочками; наличие дуговидных наклонных линий, отделяющих клюв от восковицы; декорирование нижней челюсти спиральным завитком) сближают ее с лесостепными правобережными образцами из курганов 1 и 2 Яблоновки (рис. 3: 1—3). Примечательно, что, в одном из яблоновских комплексов (курган 2), как и в рассматриваемом перещепинском кургане 15, были найдены золотые накладки подтреугольной формы, украшенные геометрическим орнаментом (Петренко 1967, табл. 16: 10, 12, 15).

Хронологически пластина из Перещепино, занимает промежуточное положение между на-

кладками раннего V в. до н. э. типа Яблоновки (курган 1) из лесостепного Поднепровья и конца третьей четверти этого столетия из степной зоны Северного Причерноморья (I Завадская Могила).

Треугольные накладки с геометрическим орнаментом являются достаточно редкими находками в скифских памятниках степной и лесостепной Скифии. Прямые аналогии нашей пластине неизвестны. Ближайшие соответствия перещепинскому экземпляру происходят из Среднего Поднепровья (курган 2 у с. Яблоновка) и Орельско-Самарского междуречья (курган 6 у с. Александровка). Они датируются в рамках начала и / или первой половины V в. до н. э. (Петренко 1967, табл. 16: 10, 12, 15; Ковалева, Мухопад 1982, рис. 4: 4). На пластине из Яблоновки нанесены по одной линии точек вдоль боковых сторон и в центре. Заметим, что в Яблоновке, как и в Перещепино, зафиксировано сочетание двух типов золотых накладок (с головкой хищной птицы и геометрическим орнаментом) в одном погребении.

На накладке из Александровки геометрический орнамент из точек по краям и в средней части пластины, сочетается с S-видным декором в верхней части обивки.

Золотые накладки треугольной формы с двумя рядами точечного орнаментами по боковым сторонам известны также на Среднем и Нижнем Дону (курган 2 Мастюгино, курган 25 Сладковского могильника), где они предположительно датируются V—IV вв. до н. э. (Манцевич 1973, рис. 2: 24а, 24б; Максименко 1983, рис. 14: 19).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассмотрения золотых аппликаций на деревянных сосудах из Перещепинского могильника близ Бельска, следует отметить, что они являются одним из наиболее ярких индикаторов скифской культуры и маркируют распространение этой категории погребального инвентаря в бассейне Ворсклы в середине — второй половине V в. до н. э. Рассматриваемые предметы представлены несколькими сюжетно-стилистическими группами, среди которых присутствуют обивки, декорированные геометрическим орнаментом (двойной ряд выпуклых точек), и накладки с различными зооморфными мотивами (лежащий олень, голова хищной птицы с большой восковицей). Изображения отличаются локальным своеобразием и имеют оригинальную трактовку отдельных деталей. В первую очередь, это касается образа лежащих оленей, которые демонстрируют иконографическую динамику и с привлечением материалов соседних территорий свидетельствуют о сложении в позднем V — первых десятилетиях IV вв. до н. э. «лесостепного» типа изображений этого животного.

Данные факты показывают, что находки предметов звериного стиля из лесостепных областей Украины являются важной составляющей собственно скифского искусства Восточной Европы и обязательно должны учитываться при анализе генезиса этого феномена.

* * *

Статья подготовлена в рамках проекта IZ73Z0_152732/1 при поддержке Швейцарского национального научного фонда (SNF), которому автор выражает искреннюю благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1995. Скифское погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 32, с. 53-59.

Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю. 2015. Серебряные килики из скифских курганов Солоха и Бабы. *Stratum plus*, 3, с. 207-221.

Алексеева, И. Л., Охотников, С. Б., Редина, Е. Ф. 1995. Скифское погребение у г. Арциз. В: Яровой, Е. В. (ред), *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур*. Тирасполь, с. 48-55.

Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Прага; Ленинград: Артия; Советский художник.

Бабенко, Л. И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: Райдер.

Бессонова, С. С. 2009. Ритон из Братолюбовского кургана. *Эпоха раннего железа*. Киев; Полтава: ИА НАНУ, с. 30-38.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.

Бобринской, А. А. 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Санкт-Петербург: В. С. Балашев, 2.

Бокий, Н. М. 1968. *Отчёт Кировоградского краеведческого музея об археологических раскопках в Кировоградской области в 1968 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 1968/81.

Бокій, Н. М. 1970. Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю з Кіровоградщини. *Археологія*, 23, с. 182-188.

Бокий, Н. М. 1971. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 г. *Археологические исследования на Украине в 1968 г.*, с. 154-159.

Галанина, Л. К. 1977. *Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга)*. Москва: Наука.

Горончаровский, В. А. 2014. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья. *Боспорские исследования*, XXX, с. 553-618.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного левобережья*. Киев: Наукова думка.

Канторович, А. Р. 1996. «Летящие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии. *Историко-археологический альманах*, 2, с. 46-57.

Канторович, А. Р. 1997. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии. *Материалы и исследования по археологии России*, 1, с. 97-113.

Канторович, А. Р. 1998. К вопросу о переднеазиатском влиянии на звериный стиль степной Скифии. *Вестник древней истории*, 3, с. 146-167.

Ковалева, И. Ф., Мухопад, С. Е. 1982. Скифское погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 91-102.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1994. Новые погребения раннего железного века в Поросье. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов*. Киев: Наукова думка, с. 41-63.

Колтухов, С. Г., Сенаторов, С. Н. 2015. Скифские погребения в курганном могильнике Дорт-Оба, *История и археология Крыма*, 2, с. 102-122.

Лєсков, А. М. 1974. *Скарби курганів Херсонщини*. Київ: Мистецтво.

Манцевич А. П. 1987. *Курган Солоха*. Ленинград: Искусство.

Махортих, С. В. 2006. Скіфська вузда Перещепинського могильника. В: Черненко, Є. В. (ред.). *Більське городище та його округа*, Київ, с. 57-76.

Махортых, С. В. 2010. Погребальные сооружения и обряд Перещепинского некрополя. *Stratum plus*, 3, с. 215-235.

Махортых, С. В. 2011. Колчанные наборы Перещепинского курганного могильника. *Археологические памятники Восточной Европы*, 14. с. 186-195.

Махортых, С. В. 2012. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска. *Stratum plus*, 3, с. 145-160.

Махортых, С. В. 2016. Лепная посуда Перещепинского некрополя близ Бельска. *Феномен Бельского городища 2016*, с. 91-105.

Махортых, С., Ролле, Р. 2011. Воинские погребения на некрополях Бельского городища. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). *Terra Scythica: Материалы международного симпозиума*. Новосибирск, с. 149-154.

Махортых, С. В., Ролле, Р. 2015a. Мечи V—IV вв. до н. э. из курганов Перещепинского могильника близ Бельска. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциальных культурных процессов степной Евразии*. Алматы, с. 166-170.

Махортых С. В., Ролле Р. 2015b. Изображения редуцированной лапы животного и кисти человеческой руки в искусстве степной и лесостепной Скифии. *Stratum plus*, 3, с. 183-204.

Махортых, С. В., Ролле, Р. 2017. Об одной группе конских налобников из Перещепинского курганного могильника близ Бельска. *Археологічні дослідження Більського городища 2016*, с. 309-324.

Могилов, А. Д., Диденко, С. В. 2008. Курган 5 у с. Берестняги — памятник среднескифского времени в Поросье. *Российская археология*, 4, с. 84-90.

Мозолевский, Б. Н. 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 70-154.

Мурзін, В. Ю., Ролле, Р., Скорий, С. А. 1995. Дослідження Перещепинського курганного могильника. *Археологія*, 2, с. 63-72.

Мурзин, В. Ю., Ролле, Р., Херц, В., Махортых, С. В., Белозор, В. П. 1998. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1998* г. Киев.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Очир-Горяева М. А., Дворниченко В. В. 2007. Особенности расположения предметов узды в погребальных комплексах (по материалам могильника Кривая Лука). *Нижневолжский археологический вестник*, 8, с. 236-246.

Переводчикова, Е. В. 2015. Произведения скифского звериного стиля. В: Иванчик, А. И., Лесков, А. М. (ред.). *Ульские курганы*. Москва; Берлин; Бордо: Палеограф, с. 64-68.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье* Среднего *Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Москва: Наука.

Привалова, О. Я. 1993. Скифское погребение у с. Стылы. *Археологический альманах*, 2, с. 161-166.

Рябова, В. О. 1984. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу. *Археологія*, 46, с. 31-44.

Фирсов, К. Б. 2002. Мир варваров. В: Журавлев, Д. В. (ред.). *На краю Ойкумены*. Москва: ГИМ, с. 92-114.

Ханенко, Б. И., Ханенко, В. Н. 1899. *Древности Приднепровья*. Киев: С. В. Кульженко, 2.

Членова, Н. Л. 1983. Иранские прототипы «скифских оленей». *Краткие сообщения Института археологии*, 178, с. 3-11.

Эрлих, В. Р. 2015. Конское снаряжени и предметы вооружения. В: Иванчик, А. И., Лесков, А. М. (ред.). *Ульские курганы*. Москва; Берлин; Бордо: Палеограф, с. 44-57.

Nebelsick, L. 2012. Scythian eagles with Ionic honeysuckle — patterns of iconographic acculturation in the North Pontic steppes during the 6th and 5th centuries BC. In: Anreiter, P., Bánffy, E., Bartosiewicz, L., Meid, W., Metzner-Nebelsick, C. (eds.). *Archaeological, Cultural and Linguistic Heritage*. Budapest: Archaeolingua, p. 449-474.

Piotrowski, B., Galanina, L., Gratsch, N, 1986. *Scythische Kunst*. Leningrad: Auropa.

Reeder, E. D. (ed.). 1999. *Scythian Gold. Treasures from the Ancient Ukraine*. 1999. New York, Harry N. Abrams, Incorporated.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 1995. Skifskoe pogrebenie V v. do n. e. v kurgane Malaya Tsimbalka. *Archeologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 32, s. 53-59.

Alekseev, A. Iu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarei v sobranii Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Alekseyev, A. Yu. 2015. Serebryanye kiliki iz skifskikh kurganov Solokha i Baby. *Stratum plus*, 3, s. 207-221.

Alekseyeva, I. L., Okhotnikov, S. B., Redina, E. F. 1995. Skifskoe pogrebenie u g. Artsiz. In: Yarovoj, E. B. (ed.). *Chobruchskiy archeologicheskiy komplex i voprosy vzaimovliyaniya antichnoj i varvarskikh kultur*. Tiraspol, s. 48-55.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovischa skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga; Leningrad: Artiya; Sovetskiy khudozhnik.

Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskiy kurganniy mogilnik skifskogo vremeni*. Kharkov: Rajder.

Bessonova, S. S. 2009. Riton iz Bratoliubovskogo kurgana. *Epokha rannego zheleza*. Kiev; Poltava: IA NANU, s. 30-38.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaimanova Mogila*. Kiev: Skif.

Bobrinskoy, A. A. 1894. *Kurgany i sluchainye archeologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely*. Sankt-Petersburg: V. S. Balashev, 2.

Bokiy, N. M. 1968. *Otchet Kirovogradskogo kraevedcheskogo muzeya o archeologicheskikh raskopkakh v Kirovogradskoj oblasti v 1968 g*. NA IA NANU, f. 64, 1968/81.

Bokiy, N. M. 1970. Novi pamyatniki skifskogo zverinogo stiliu z Kirovogradschini. *Arkheologiya*, 23, s. 182-188.

Bokiy, N. M. 1971. Arkheologicheskie raboty na Kirovogradschine v 1968. *Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1968 g.*, s. 154-159.

Galanina, L. K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprov'ya (Ermitazhnaya kollektsiya Brandenburga*) Moskva: Nauka.

Goroncharovskiy, V. A. 2014. Semibratnie kurgany v kontekste istorii i drevnostey Severnogo Prichernomorya. *Bosporskie issledovaniya*, XXX, s. 553-618.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ya.* Kiev: Naukova dumka.

Kantorovich, A. R. 1996. «Letyaschie» и lezhaschie oleni v iskusstve zverinogo stilya stepnoy Skifii. *Istoriko-arkheologicheskiy almanakh*, 2, s. 46-57.

Kantorovich, A. R. 1997. K voprosu o skifo-grecheskom sinteze v ramkakh zverinogo stilya stepnoy Skifii. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii*, 1, s. 97-113.

Kantorovich, A.R. 1998. K voprosu o peredneaziatskom vliyanii na zveriniy stil stepnoy Skifii. *Vestnik drevney istorii*, 3, s. 146-167.

Kovaleva, I. F., Mukhopad, S. E. 1982. Skifskoe pogrebenie kontsa VI—V vv. do n. e.u s. Aleksandrovka. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 91-102.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoriy, S. A. 1994. Novye pogrebeniya rannego zheleznogo veka v Poros'e. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov*. Kiev: Naukova dumka, s. 41-63.

Koltukhov, S. G., Senatorov, S. N. 2015. Skifskie pogrebeniya v kurgannom mogilnike Dort-Oba. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2, s. 102-122.

Leskov, A. M. 1974. *Skarby kurganiv Khersonschiny*. Kyiv: Mistetstvo.

Mantsevich, A. P. 1987. *Kurgan Solokha. Leningrad*: Iskusstvo.

Makhortykh, S. V. 2006. Skifska vuzda Pereschepinskogo mogilnika. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Bilske gorodische ta ego okruga.* Kyiv, s. 57-76.

Makhortykh, S. V. 2010. Pogrebalnye sooruzheniya i obryad Pereschepinskogo nekropolya. *Stratum plus*, 3, s. 215-235.

Makhortykh, S. V. 2011. Kolchannye nabory Pereschepinskogo kurgannogo mogilnika. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy*, 14, s. 186-195.

Makhortykh, S. V. 2012. Khronologiya Pereschepinskogo kurgannogo mogilnika bliz Belska. *Stratum plus*, 3, s. 145-160.

Makhortykh, S. V. 2016. Lepnaya posuda Pereschepinskogo nekropolya bliz Belska. *Fenomen Belskogo gorodischa 2016*, s. 91-105.

Makhortykh, S. V., Rolle, R. 2011. Voinskie pogrebeniya na nekropolyakh Belskogo gorodischa. In: Molodin, V. I., Khansen, S. (eds.). *Terra Scythica: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Novosibirsk*, s. 149-154.

Makhortykh, S. V., Rolle, R. 2015a. Mechi V—IV vv. do n. e. iz kurganov Pereschepinskogo mogilnikaка bliz Belska. In: Bejsenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsialnikh kulturnikh protsessov stepnoy Evrazii*. Almaty, s. 166-170.

Makhortykh, S. V., Rolle, R. 2015b. Izobrazheniya redutsirovannoy lapy zhivotnogo i kisti chelovecheskoy ruki v iskusstve stepnoj i lesostepnoj Skifii. *Stratum plus*, 3, s. 183-204.

Makhortykh, S. V., Rolle, R. 2017. Ob odnoj gruppe konskikh nalobnikov iz Pereschepinskogo kurgannogo mogilnika bliz Belska. *Arkheologichni doslidzhennya Belskogo gorodischa 2016*, s. 309-324.

Mogilov, A. D., Didenko, S. V. 2008. Kurgan 5 u s. Berestnyagi — pamaytnik sredneskifskogo vremeni v Poros'e. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 84-90.

Mozolevskiy, B. N. 1980. Skifskie kurgany v okrestnostya g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovschine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz*, Kiev: Naukova dumka, s. 70-154.

Murzin, V. Yu., Rolle, R., Skoriy, S. A 1995. Doslidzhennya Pereschepinskogo kurgannogo mogilnika, *Arkheologiya*, 2, s. 63-72.

Murzin, V. Yu., Rolle, R., Kherts, V., Makhortykh, S. V., Belozor, V. P. 1998. *Issledovaniya sovmestnoj Ukrainsko-Nemetskoj arkheologicheskoy ekspeditsii v 1998 godu.* Kiev.

Olkhovskiy, V. S. 1991. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya stepnoy Skifii (VII—III vv. do n. e.).* Moskva: Nauka.

Ochir-Goryaeva, M. A., Dvornichenko, V. V. 2007. Osobennosti raspolozheniya predmetov uzdy v pogrebalnykh kompleksakh (po materialam mogilnika Krivaya Luka). *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, 8, s. 236-246.

Perevodchikova, E. V. 2015. Proizvedeniya skifskogo zverinogo stilya. In: Ivanchick, A. I., Leskov, A. M. (eds.). *Ul'skie kurgany*. Moskva; Berlin; Bordo: Paleograph, s. 64-68.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhe Srednego Pridneprovya v V—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka.

Privalova, O. Ya. 1993. Skifskoe pogrebenie u s. Styly. *Arkheologicheskiy almanakh*, 2, s. 161-166.

Ryabova, V. O. 1984. Derevyani chashi z obbivkami z kurganiv skifskogo chasu. *Arkheologiya*, 46, s. 31-44.

Firsov, K. B. 2002. Mir varvarov. In: Zhuravlev, D. V. (ed.). *Na kraiu Oikumeny*. Moskva: GIM, s. 92-114.

Khanenko, B. I., Khanenko, B. N. 1899. *Drevnosti Pridneprovya.* Kiev: S. V. Kul'zhenko, 2.

Chlenova, N. L. 1983. Iranskie prototipy «skifskikh oleney». *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii*, 178, s. 3-11.

Erlikh, V. R. 2015. Konskoe snaryazhenie i predmety vooruzheniya. In: Ivanchick, A. I., Leskov, A. M. (eds.). *Ul'skie kurgany*. Moskva; Berlin; Bordo: Paleograph, s. 44-57.

Nebelsick, L. 2012. Scythian eagles with Ionic honeysuckle — patterns of iconographic acculturation in the North Pontic steppes during the 6th and 5th centuries BC. In: Anreiter, P., Bánffy, E., Bartosiewicz, L., Meid, W., Metzner-Nebelsick, C. (eds.). *Archaeological, Cultural and Linguistic Heritage.* Budapest: Archaeolingua, p. 449-474.

Piotrowski, B., Galanina, L., Gratsch, N, 1986. *Scythische Kunst.* Leningrad: Auropa.

Reeder, E. D. (ed.). 1999. *Scythian Gold. Treasures from the Ancient Ukraine*. 1999. New York, Harry N. Abrams, Incorporated.

S. V. Makhortykh

GOLD APPLIQUES AFFIXED TO THE WOODEN BOWLS FROM THE PERESCHEPINE BURIAL GROUND NEAR BELSK

The article is devoted to the analysis of gold plaques on wooden vessels from the Pereshchepino cemetery near Belsk, which are among the brightest indicators of Scythian culture and mark the distribution of this category of funeral equipment in the Dnieper forest-steppe Left Bank in the middle — second half of the 5th century BC. Items considered are represented by several subject-stylistic groups, among which there are plaques decorated with geometric patterns (a double row of convex points), and plaques with various zoomorphic motifs (recumbent stag, head of a bird of prey). The images differ in local specificity and have an original interpretation of individual details. First of all, it concerns the motif of recumbent stag, which demonstrate iconographic dynamics and with the involvement of materials from neighboring territories indicate the formation in the «late» V — first decades of the 4th centuries BC a «forest-steppe» type of images of this animal. Objects of animal style from forest-steppe areas of Ukraine are an important component of the Scythian art of Eastern Europe and must be taken into account when analyzing the genesis of this phenomenon.

Keywords: Belsk hillfort, Scythian time, wooden vessels, gold appliques.

Одержано 27.01.2019.

МАХОРТИХ Сергій Володимирович, доктор історичних наук, провідний науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *makhortykh@yahoo.com*.

MAKHORTYKH Sergey Vladimirovich., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *makhortykh@yahoo.com*.

УДК: [904.2:7.031.1](477.64)”638”

Ю. Б. Полидович

ГРЕБЕНЬ ИЗ ГАЙМАНОВОЙ МОГИЛЫ И СКИФСКИЙ МИФ О ЗМЕЕБОРЧЕСТВЕ

Статья посвящена анализу изображений на костяном гребне из кургана IV в. до н. э. Гайманова Могила. На основании сравнений иранского мифа, скифского генеалогического сказания и изобразительных памятников, ключевым из которых является гребень, предлагается вариант реконструкции скифского мифа о змееборчестве.

***Ключевые слова**: Гайманова Могила, скифы, миф о змееборчестве, Таргитай, Колаксай, Йима, Траэтаона.*

В 1969—1970 гг. Северо-Рогачикской экспедицией ИА АН УССР под руководством В. И. Бидзили возле с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. был раскопан один из больших скифских курганов IV в. до н. э. — Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012). Среди находок в этом кургане выделяются фрагменты костяного изделия с гравированными изображениями, происходящими из Южной гробницы 4.

Южная женская гробница 4, как и другие погребальные комплексы, оказалась ограбленной, многие предметы в процессе ограбления были сдвинуты со своего места и разломаны. В заполнении входной ямы и камеры, на разных глубинах были найдены фрагменты костяных пластин (Бидзиля, Полин 2012, с. 156—158), из которых уже в процессе реставрации удалось собрать две большие пластины полукруглой формы и две узкие — трапециевидной (Яковенко 1976; Яковенко, Бидзиля 1979, с. 457) (рисунок: 1—2).

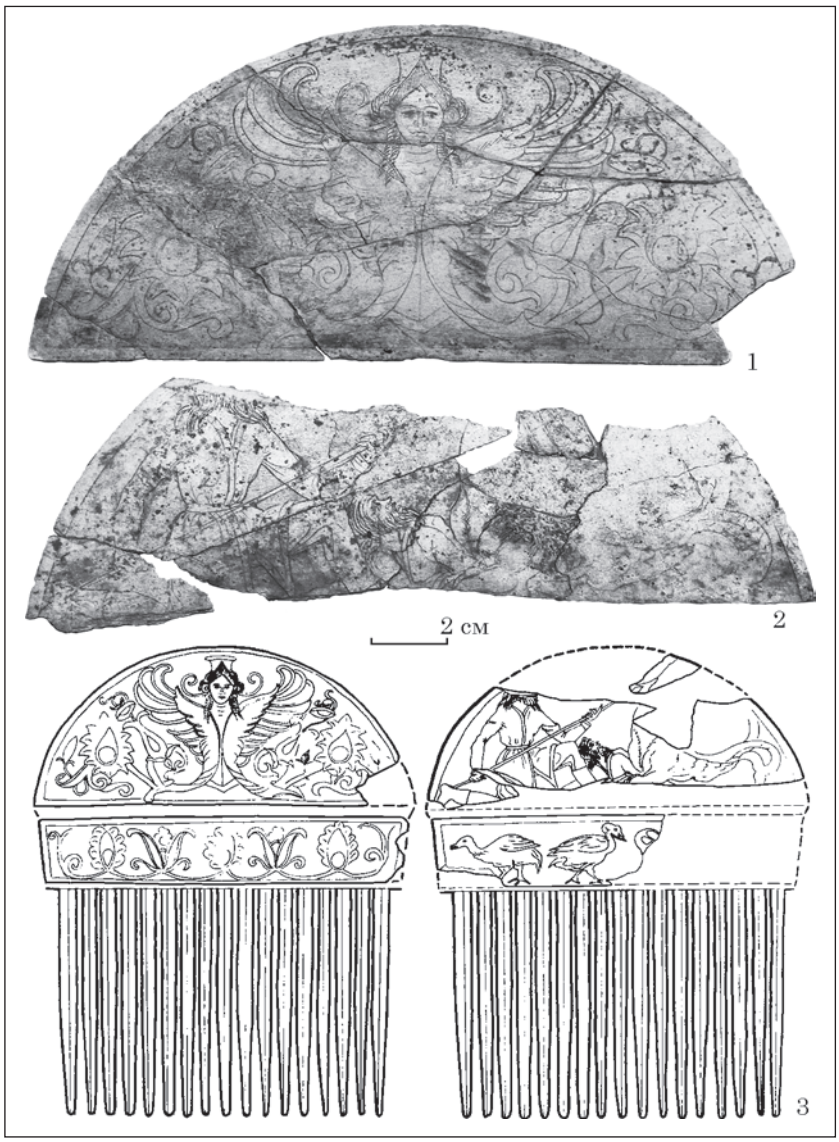
Изучение пластин позволило Э. В. Яковенко предположить, что все четыре пластины являются частями костяного гребня (Яковенко 1976; Яковенко, Бидзиля 1979). Эта реконструкция (рисунок: 3) была безоговорочно принята всеми исследователями.

Данный гребень относится к группе односторонних гребней-расчёсок, известных по находкам в Степном Причерноморье, Прикубанье, Лесостепном Подонье, на Северном Кавказе и в восточных регионах Евразии (Манцевич 1950, с. 217—223; Грач 1986, с. 78—79; Черненко 1994, с. 210; Фиалко 1999, с. 255; Полин 2014, с. 126, 128; Панковский, Синика 2017; др.). Подобные гребни в Северном Причерноморье появляются ещё в VII—VI вв. до н. э., но большинство из них происходит главным образом из погребений второй половины V — IV вв. до н. э. (Фиалко 1999; Полин 2014, с. 128).

По своей структуре гаймановский гребень полностью соответствует трёхчастным скифским гребням, состоящим из крупных зубцов, среднего орнаментированного фриза и спинки (ручки) (Грач 1986, с. 81—82; Бидзиля, Полин 2012, с. 480). Большинство данных гребней изготовлены из одного куска кости или рога [1] (монолитные), в то время как гаймановский является составным. Скорее всего, резные пластины, являвшиеся декоративным дополнением, были приклеены к монолитной основе (костяной или деревянной), выполнявшей главную функцию (Грач 1986, с. 78; реконструкция: Бидзиля, Полин 2012, рис. 730). Об этом свидетельствует обратная сторона пластин с шершавой поверхностью, на которой острым предметом была нанесена крупная перекрёстная сетка (Бидзиля, Полин 2012, с. 479, 480, 483, 486, рис. 727; 734; 740: 1; 741: 1). По такому же принципу, по

1. О сырье, из которого изготавливались гребни, см. подробнее: (Панковский, Синика 2017, с. 346—347).

© Ю. Б. ПОЛИДОВИЧ, 2019

Гребень из кургана Гайманова Могила: 1—2 — пластины-накладки верхней части (спинки) гребня (по: Бидзиля, Полин 2012, рис. 727; 734); 3 — реконструкция гребня (по: Яковенко, Бидзиля 1979, рис. на с. 463—464)

всей видимости, изготавливались и другие составные скифские гребни «царской серии»: из 2 Семибратнего кургана в Прикубанье, кургана Куль-Оба в Крыму, кург. 11 группы Частых курганов и кург. 32/32 у с. Мастюгино в Среднем Подонье (Грач 1986, с. 78—81).

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПЛАСТИНАХ

Согласно реконструкции, предложенной Э. В. Яковенко (рисунок: 3), гребень был декорирован четырьмя резными пластинами: двумя полукруглыми (длина основания 10,1 см, наибольшая высота 4,5 см) и двумя узкими трапециевидными (длина до 10 см, ширина 1,8 см), расположенными попарно с одной и другой стороны изделия (Яковенко 1976; Яковенко, Бидзиля 1979, с. 457—459; см. подробное описание: Бидзиля, Полин 2012, с. 158—161, 479—481, 483—484, 485—486, кат. 293, 295, 297). Предложенное соединения сюжетов на полукруглых и узких пластинах было убедительно аргументировано и условно выделены стороны А-а и Б-б.

Лицевая сторона каждой пластины предварительно полировалась, затем наносился рисунок. Все пластины по краю окаймлены гладкой полосой шириной до 2 мм, отчерченной резной линией. Рисунки чёткие, выполнены уверенно, вероятно, без предварительной разметки. Рисунок на всех пластинах был оттенён красной краской, сохранившейся во многих местах.

В центре полукруглой **пластины «А»** изображено крылатое женское божество (рисунок: 1, 3). Округлое лицо с тонко проработанными чертами показано в обрамлении пышной причёски: волосы подняты вверх, а с обеих сторон на плечи спадают по два закрученных локона. Над высоким лбом остроконечным уголком возвышается диадема. На голове — высокий головной убор, напоминающий калаф. В обе стороны от головы отходят длинные ленты, закрученные спиралевидно (детали причёски или головного убора?). Уши прикрыты крупными круглыми украшениями. Шея массивная с тремя поперечными складками. Фигура в центральной части как бы прикрыта полу-

кружиями, которые в верхней и средней части превращаются в широкие крылья, серповидно изогнутые вверху. В нижней части полукружия закручиваются и оканчиваются широким раструбом, из которого «вырастают» два извивающиеся побега: на одном расположен крупный цветок арацеи и бутон, на втором — многокомпонентный цветок. Фигура божества внизу окаймлена полосой, изогнутой уголком.

На узкой **пластине «а»**, сохранившейся почти полностью, нанесен растительный орнамент с чередующимися цветами (рисунок: 3).

Всё пространство полукруглой **пластины «Б»** заполнено сюжетным рисунком (рисунок: 2, 3): сценой сражения двух скифов с фантастическим существом. К сожалению, пластина сохранилась не полностью и не все детали изображения понятны. Правую сторону композиции занимает существо с передними хищными лапами с длинными когтистыми пальцами, массивной передней частью туловища и задней — длинной, змеевидной, покрытой чешуей и оканчивающейся рыбьим хвостом. Изображение головы и особенности воспроизведения тела монстра не сохранились. Под лапами существа находится бородатый и длинноволосый мужчина в скифской одежде. Его рот раскрыт, голова запрокинута, он как бы смотрит на монстра снизу. Расположение тела этого персонажа не понятно, поскольку нижняя часть пластины, где оно было воспроизведено, не сохранилась. Левую часть пластины занимает фигура второго мужчины, противостоящего чудовищу. Он воспроизведён стоящим на правом колене, согнутая левая нога выставлена вперёд. В руках воин сжимает копьё, которое направлено в сторону головы или шеи монстра. Мужчина также изображён с длинными волосами и бородой. Одет в куртку характерного скифского типа и широкие штаны, заправленные в сапожки-скифики; подпоясан широким поясом.

Узкая **пластина «б»** сохранилась частично (рисунок: 3). На ней изображены утки (гуси), обращённые головами в разные стороны. Сохранились две полные фигуры и одна частично, а всего их, судя по всему, было четыре.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ПЛАСТИНАХ

Таким образом, композиция на гребне чётко делится на условно «женскую» (пластины А-а) и условно «мужскую» (пластины Б-б) стороны, что является очень необычным для оформления гребней, изображения на которых почти всегда посвящены только одной теме.

«Мужская» тема представлена сюжетом борьбы с неким фантастическим существом (рисунок: 2, 3).

Данное существо (как и другие подобные ему) часто определяют как гиппокампа (Яковенко, Бидзиля 1979, с. 458—459, 460; Мелюкова 1981, с. 36—37, 40—44; Грач 1986, с. 81; Охотников, Островерхов 1989, с. 65—66; Бабенко 2005, с. 123—124; Шауб 2011, с. 131; др.). Но это не верно, поскольку определение «гиппокамп» взято из древнегреческой мифологии (ἱππόκαμπος — морской конь) и иконографии, согласно которой это фантастическое существо имеет переднюю часть коня и заднюю — змеи с рыбьим хвостом. Более сложным вариантом является крылатый гиппокамп (Полидович 2015, с. 124). Вероятно, на основе данной иконографии в скифо-античном искусстве появились изображения иного класса существ, имеющих переднюю часть хищного зверя, туловище и хвост «морского чудовища» и «грифоньи» крылья (Мелюкова 1981, с. 42; Бабенко 1999, с. 87). Такие существа представлены на серии бронзовых наверший из Краснокутского кургана, Водославовки, Тилигульского лимана, Гардовецкого леса, на золотых пластинках из Александропольского кургана, «Никопольских курганов», Большой Близницы, Бабиной Могилы, Соболевой Могилы и др. (Мелюкова 1981, с. 42—43; Полин 2016; Полидович 2015, с. 125—127; др.). Как и крылатые гиппокампы, они воплощают в себе соединение черт животных трёх разных стихий: воды, земли и воздуха, — но при этом представляют противоположную сущность — хищного зверя. Таких существ в мифологической литературе принято условно называть драконами (Чеснов 1986). И это название (дракон или драконоподобное чудовище) вполне приемлемо и к определению существ, известных по изображениям на предметах скифо-античной торевтики (Безсонова 1977, с. 17—18; Полин 2016; Полидович 2015, с. 124—129; др.).

Таким же существом является и чудовище, изображённое на гаймановском гребне (Яковенко, Бидзиля 1979, с. 460; Безсонова 1977, с. 17—18; Бидзиля, Полин 2012, с. 483—484; Вертієнко 2015, с. 29—30). К сожалению, сохранность пластины не позволяет полностью представить его внешний вид. С. С. Бессонова предположила, что чудовище имело голову хищного зверя и крылья, подобные грифоньим (Безсонова 1977, с. 17). При этом не исключено, что у чудовища было несколько голов. Такими, как правило, являются драконовидные чудовища в мифологии и фольклоре разных индоевропейских народов, например, Ажи-Дахака в Авесте (*Яшт* 5, *29*, *34*; 19, *37*, *46*). В скифском искусстве также известно изображение чудовища с несколькими (двумя) головами, включённое в контекст сцены, скорее всего, подразумевающей сражение — на золотой пластине конского налобника из кург. 1 у с. Волковцы (раскопки 1897 г.) в Поднепровской левобережной Лесостепи (Безсонова 1977, с. 11—15; Полидович 2015, с. 127; 2017).

С. С. Бессонова, вслед за Э. В. Яковенко, интерпретировала изображение на гребне как

сцену из скифского героического эпоса (Безсонова 1977, с. 18—19; Бессонова 1983, с. 19—20). По мнению исследовательницы, на гайманов-ской пластине воспроизведены два последовательных эпизода, совмещённые в одном изображении [1]: убийство чудовищем человека и месть чудовищу со стороны героя. Вероятной параллелью является сюжет из иранской мифологии [2], согласно которому авестийский герой Траэтаона отомстил дракону Ажи-Дахака за смерть Йимы. В скифской же традиции, по мнению С. С. Бессоновой, данный сюжет, возможно, был связан с циклом сказаний о Колаксае, а на гребне изображена сцена гибели героя (Бессонова 1983, с. 19—20). А. В. Вертиенко поддержала ключевые моменты в трактовке изображения, предложенной С. С. Бессоновой, но предложила свой вариант соотнесения персонажей: «*При сопоставлении скифа, который погибает, с Йимой, а "чудовища" — с Ажи-Дахакой оказывается, что скиф с копьем будет никто иной как Траэтаона, которому, как доказывал Д. С. Раевский, в скифской мифологии соответствует Таргитай*» (перевод наш — *Ю. П.*) (Вертієнко 2015, с. 31). Тем самым исследовательница ввела в скифское мифологическое повествование образ Йимы, а изображение на гребне интерпретировала как одну из иллюстраций общеиранского мифа о гибели первого умершего (Йимы) (Вертієнко 2015, с. 26—27; 31, 32, 39—40, 165).

К сожалению, нам не известен собственно скифский миф о змееборчестве. В общем же контексте восприятия скифов как одного из иранских народов (см. одно из последних исследований: Кулланда 2016) и обоснованности привлечения иранских параллелей к изучению скифской культуры (Раевский 1977; 1979; 1985; Бессонова 1983; Вертієнко 2015; др.), предположение о соотнесении иранского мифа о победе над Ажи-Дахакой и изображения на «мужской» стороне гайманов-ского гребня вполне обосновано. Оно, в первую очередь, основано на соответствии сюжетной канвы: гибель первого героя, торжество чудовища, месть и победа над чудовищем второго героя.

Но в соотнесении персонажей иранского мифа и скифского (известного, в первую очередь, по легенде о происхождении скифов: *Herod*. IV, 5—7 [3]) возникли значительные разночтения. Так, скифским вариантом общеарийского божества Йимы / Йамы, согласно предположению Д. С. Раевского, является Тагимасад, бог которому, согласно Геродоту (*Herod*. IV, 59), поклонялись только скифы царские (Раевский 1977, с. 122—123). С. С. Бессонова сделала акцент на типологическом сходстве Йимы и Колаксая (Бессонова 1983, с. 18—19). Тогда как, по мнению К. А. Акишева (1984, с. 83) и Ю. Н. Бойко (1990, с. 59), Йиме соответствует Таргитай. А. В. Вертиенко ввела Йиму в контекст реконструируемого скифского мифа как самостоятельного персонажа и предложила соотнести с ним скифские изображения со сценами гибели героя в противостоянии с хищными существами (Вертієнко 2015, с. 25—27, 31, 32, 165).

По мнению некоторых исследователей, авестийский Траэтаона соотносится со скифским Таргитаем (Molé 1952, с. 455—463; Раевский 1977, с. 81—86; Бессонова 1983, с. 16—17; др.). Как отметил Д. С. Раевский, в отношении Таргитая определяющим мотивом является не то, что он — первочеловек (поскольку «*героев, первоначально выступающих в такой роли, иранская мифология знает несколько*»), а «*мотив рождения у него трёх сыновей, младший из которых, победив в ритуальном испытании, получает от отца верховную власть над скифами*» (Раевский 1977, с. 81). Кроме того, образы скифского и иранского персонажей исследователь соотносит и по другим мотивам: связь с быками, змееборчество, связь с водной стихией, пространственная характеристика родной земли, ономастические соответствия и другие [4].

Безусловно, скифская мифологическая генеалогия первопредков, которую мы знаем благодаря Геродоту, гораздо короче, чем иранская, известная как по древним (Авеста), так и по более поздним (пехлевийские тексты и «Шахнаме» Фирдоуси) источникам. И найти соответствия между ними довольно сложно, что, собственно, и вызвало такой разнобой мнений. На наш взгляд, одной из важных точек соприкосновения является история Колаксая (*Herod*. IV, 5, *1—2*). Он — младший из трёх братьев, богоизбранный родоначальник паралатов, царей и воинов, обладатель небесных золотых даров, отец трёх сыновей. Одним из ключевых моментов является передача власти своим сыновьям и раздел страны на три части: «*Так как земли у них было много, то Колаксай разделил ее,*

1. А. В. Вертиенко также обратила внимание на несоразмерность фигур скифов: погибающий герой показан меньшим по размеру и как бы более отдалённым от зрителя. Подобный приём использован и в композиции рельефа из Трёхбратнего кургана (Вертієнко 2015, с. 30).
2. *Ясна* 9, *8*; *Яшт* 5, *34*; 14, *40*; 17, *34* (Вертієнко 2015, с. 31).
3. Учитываются данные только скифской легенды, поскольку эллинская (понтийская) легенда имеет иной характер. Разделяя мнение о том, что в данной версии легенды прослеживается несколько местных мифологических мотивов (Граков 1950, с. 8—9; Раевский 1977, с. 19—80; Русяева 1990, с. 51), в то же время поддерживаем точку зрения антиковедов об эллинском её характере. См. подробно: Русяева 1990, с. 44; 1991.
4. Многие из этих мотивов связаны с греческим Гераклом и фактически «механично» перенесены Д. С. Раевским на образ Таргитая вследствие соединения двух легенд о происхождении скифов. См. прим. 3 пред. стр. и 4 на след. стр.

по рассказам скифов, на три царства между своими тремя сыновьями. Самым большим он сделал то царство, где хранилось золото» [1] (*Herod*. IV, 7, *2*). Данный эпизод фактически совпадает с историей Траэтаоны (среднеперс. Фертон; фарси Феридун), который также имел трёх сыновей. Эта история известна уже по среднеперсидским источникам (*Бундахишн* 31, *4—12*; 34, *6*; *Денкарт* VII 1, *28*) и подробно описана в поэме Фирдоуси «Шахнаме». Феридун также делит мир на три части, в каждом из которых определяет на царствование одного из сыновей (*Шахнаме*, 2897—2900). Из них младшему, Иреджу, достаётся центральная часть: «*Иран и Страна копьеносных бойцов, / Престол и венец миродержных отцов*» [2] (*Шахнаме*, 2817—2818), изоморфная скифскому «*царству, где хранилось золото*». Спустя время старшие сыновья Сельма и Тур восстают против воли отца и убивают Иреджа. В скифском сказании не известен данный конфликт, поскольку рассказ Геродота заканчивается на разделе страны, но, по всей видимости, именно он стал основой изобразительного сюжета, воспроизведённого на золотом конусовидном предмете из кургана Передериева Могила (подробное обоснование возможности сопоставления скифского и иранского сказаний и их соответствия изображению см.: Полидович 2019).

Таким образом, если Колаксай соотносится с Траэтаоной / Феридуном, то Таргитая, в таком случае, можно сопоставить с Йимой (среднеперс. Джам; фарси Джамшид).

Напомним, что согласно Геродоту, «*первым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной, человек по имени Таргитай*» (*Herod*. IV, 5, *1—2*). Йима же — первый земной правитель, каковым он предстаёт в некоторых ранних частях Авесты [3] (*Видевдат* 2; *Яшт* 13, 130). В данной ситуации, мотив первого человека сопоставим с мотивом первого царя, поскольку оба они включены в генеалогическое повествование о происхождении верховной власти и являются своеобразной точкой начала отсчёта.

Йима в ранней иранской традиции известен, прежде всего, как царь «золотого века», герой-созидатель и цивилизатор (Авеста 1997, с. 75—76). Таргитая, несмотря на минимум информации о нём, также можно представить как культурного героя (Хазанов 1975, с. 41; Раевский 1977, с. 55—56 [4]; Бессонова 1983, с. 12—13), что, по всей видимости, отражено и в его имени (Ταργίταος), которое чаще всего трактуется как «*Долгомощный*» или «*Преодолевающий силой*» (см. обзор мнений: Вертієнко 2015, с. 31; Кулланда 2016, с. 92—93). В «Шахнаме» одним из мироустроительных деяний Джамшида (авест. Йима) является разделение человеческого общества на социальные группы (*Шахнаме*, 847—880). В скифском сказании основателями родов-сословий становятся сыновья первого человека Таргитая (*Herod*. IV, 6). Оба эти мотива взаимосвязаны, если учесть, что в мифологии представления о создании социума претерпели значительные изменения с течением времени и под влиянием общего развития общества (см. подробно: Полидович 2019). И, возможно, тем самым снимается одна из главных нестыковок в возможном соотнесении образов Йимы и Таргитая. Ведь согласно ранней иранской традиции, Йима не имел детей, а отцом Траэтаоны был Атвий (*Ясна* 9, *7*). Тогда по ключевым мотивам (первый человек / царь; культурный герой; основатель социальной структуры общества) иранский Йима / Джемшид соотносится именно с Таргитаем.

Однако в скифском предании в передаче Геродота полностью отсутствует главный мифологический сюжет о поражении правителя и воцарении чудовища, которого затем убивает приемник «престола». И это существенное его отличие от иранского мифа. Можно лишь предположить, что Геродот по какой-то причине преднамеренно опустил из повествования мифологические элементы, оставив главную событийно-генеалогическую канву. Или же его информаторы изложили «краткую» версию, в которой отсутствовали эпизоды змееборчества, поскольку главный акцент делался на происхождении скифов и царской власти, её легитимности (см. подробнее об этом: Раевский 1977, с. 161; Бессонова 1983, с. 12—13). Изобразительные же памятники, прежде всего, гайматовский гребень, свидетельствуют, что такие эпизоды не только присутствовали в скифском повествовании, но и были актуальными.

1. Здесь и далее перевод текста Геродота по: (Доватур, Каллистов, Шишова 1982).
2. Здесь и далее перевод Ц. Б. Бану-Лахути по: (Фирдоуси 1957).
3. В других авестийских текстах при перечислении легендарных царей Йима упоминается третьим в династии первозаконников Парадата (после Хаошьянхи и Тахма-Урупи). В зороастрийской ортодоксии эпохи Сасанидов функции первого праведника, а в поздней традиции — и первого царя, полностью отходят к первозданному человеку Гайомарту (авест. Гайа Мартан). Поздние источники называют Джамшида уже четвёртым по счёту земным правителем (Авеста 1997, с. 76; Рак 1998, с. 157).
4. Следует заметить, что Д. С. Раевский, характеризуя Таргитая, как культурного героя, во многом переносит на него черты, свойственные эллинскому Гераклу, основываясь на двух легендах (скифской и понтийской) о происхождении скифов. Отдавая дань устоявшейся традиции соотнесения или даже слияния образов Таргитая и Геракла, которая укрепилась в скифологии (Граков 1950; Артамонов 1961, с. 78—79; Раевский 1977, с. 55—58; Бессонова 1983, с. 13—16; др.), всё же считаем её ошибочной. См. об этом: Русяева 1991, с. 100—102.

В кругу известных скифских памятников гаймановский гребень — уникальный. Только изображение на упоминавшемся выше конском налобнике из кург. 1 у с. Волковцы говорит о противостоянии воспроизведённых персонажей — героя в «львином шлеме» (?) и двухголового чудовища. Во всех остальных случаях противником героя выступает иной персонаж: грифон или кошачий хищник, — который вполне мог соотноситься с мифическим драконовидным чудовищем (Граков 1950, с. 12—18; Раевский 1985, с. 164—165; Вертієнко 2015, с. 27—29). Тем самым, скифская изобразительная традиция позволяет говорить о бытовании сюжетов змееборчества, в которых противник героя может иметь облик различных хищных зверей, которые воспринимались как равнозначные (синонимичные).

Но вопрос — кто из известных героев скифского мифа / эпоса был змееборцем — остаётся открытым. Ведь таковыми могли почитать как богов (в данном случае существенно, что среди них Геродот называет и змееборца Геракла, впрочем, не приводя его скифского имени: *Herod*. IV, 59; подробно об этом: Бессонова 1983, с. 44—45), так и героев, в частности первоцарей. Характерно, что в иранской традиции практически все древние цари прославили себя как борцы с различными драконами, змеями, дэвами. В скифском сказании, возможно, некий намёк на змееборчество содержится в священных дарах, которые по воли богов достаются Колаксаю: чаша — как символ напитка, дающего силу герою перед битвой; секира — как оружие победы; плуг с ярмом — как предметы, при помощи которых герой, используя поверженного противника, завершает обустройство мира, прорывая русла рек, проливы и т. п. [1]. Можно предположить, что предметы, входившие в состав «даров», являлись не только объектами будущего поклонения (что воплощается в учрежденном им или, скорее всего, уже его потомками празднестве: *Herod*. IV, 7), но и атрибутами самого Колаксая. По всей видимости, они были даны герою как предметы для свершения различных подвигов и защиты скифской земли, в чём, собственно, и состоит главное предназначение правителя.

Но мог ли быть Колаксай персонажем, воспроизведённым на гаймановском гребне, если принять, согласно изложенной интерпретации, «дары» как атрибуты змееборца? Одно из несоответствий в данном случае состоит в том, что, согласно Геродоту, золотые предметы «*упали сброшенные на землю*» «*во время их* [т. е. Липоксая, Арпоксая и Колаксая] *правления*». В рассказе Геродота отсутствует трагический мотив прерывания наследования власти, здесь всё как будто происходит постепенно, сыновья сменяют своего отца: сначала это сыновья Таргитая, затем — Колаксая. Но из повествования совершенно «выпала» информация о судьбе Таргитая и о том, каким стал мир (скифская земля) во время его жизни. Фраза «*во время их правления* (ἐπὶ τούτων ἀρχόντων)» как раз говорит о том, что дальнейшие события происходят, когда Таргитая уже нет рядом с ними. Естественно, в данном мифологическом повествовании заложены свои особенности (Хазанов 1975, с. 39). И эта фраза в нашем понимании, скорее всего, должна звучать так: «в то время, когда их отца уже не было с ними, и они вели самостоятельную жизнь». Согласно Авесте, Траэтаона на момент, когда он становится на путь борьбы с Ажи-Дахака и приносит жертву Ардви-Суре, совершает это «*в четырёхуглой Варне*» [2] (*Яшт* 5, *33*), т. е. находясь на своей родине и вполне открыто. Не исключено, что трагические моменты истории юности Траэтаоны (Феридуна), известные уже по поздним источникам (например: *Шахнаме*, 1471—1605), были добавлены в более позднее время и их происхождение требует отдельного изучения.

Таким образом, на наш взгляд, есть основания говорить, что сюжет, воспроизведенный на большой «мужской» пластине гаймановского гребня, коррелируется с известной версией скифского сказания и фактически дополняет её. Хотя нельзя исключать и того, что в данном случае изображены иные персонажи, имён которых мы не знаем.

Вероятно, каким-то образом акцентирует сцену сражения изображение на узкой пластине водоплавающих птиц (уток или гусей) (рисунок: 3). Э. В. Яковенко (Яковенко, Бидзиля 1979, с. 461) убедительно соединила две данные пластины в единую композицию «мужской» стороны гребня, приведя в качестве аналогии изображение на большом серебряном ритоне из кургана Карагодеуашх (Виноградов 1993, с. 66, 67, рис. 3). В последнем случае, фриз из водоплавающих птиц находится под сценой инвеституры (?).

На **«женской» стороне** гаймановского гребня изображён мифологический персонаж (рисунок: 1, 3), которого принято называть *Rankenfrau* или «*прорастающей девой*» (Бидзиля, Полин 2012, с. 479), поскольку нижняя её часть, как правило, превращается в различные растительные побеги. В случае «превращения» нижней части в длинные змеиные шеи с головами фантастических существ, такой персонаж традиционно называют «змееногой богиней». Данному образу, позаимствованному, судя по всему, из античной изобразительной традиции, посвящен обширный круг литературы (см., напр.: Артамонов 1961, с. 64—70; Бессонова 1983, с. 93—98; Вахтина 2005, с. 361—373;

1. Подробное рассмотрение этого вопроса — тема отдельного исследования.

2. Здесь и далее переводы И. С. Стеблин-Каминского по: (Авеста 1997).

Ustinova 2005, p. 64—79; Буйских 2006, с. 127—145; Трейстер 2001, с. 149—154; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 102—110; Вертієнко 2015, с. 31—32; Бабенко 2017, с. 36—37; др.). Выделено два иконографических типа данного образа (растительный и животный), которые ещё подразделяются на шесть групп (Стоянов 2013, с. 128). Каждая из них, не исключено, воплощает разных божественных персонажей или же один, но в его сущностном многообразии. В данном случае, на гребне представлен персонаж с крыльями, заменяющие руки. Подобный образ известен по изображениям на золотых фигурных пластинках из кургана Куль-Оба (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 207) и коллекции Музея исторических драгоценностей Украины (Музей 2004, с. 62, 379, кат. 31), длинных пластинах-украшениях головных уборов из Куль-Обы и кург. 8 Песочинского могильника, подвесках серёжек из курганов у сс. Буторы, Тягинка, Марьяновка (Бабенко 2005, с. 122—123; 2017, с. 36—37, рис. 4—5). О том, какой персонаж был воплощён в образе *Rankenfrau* высказывалось множество различных мнений (см. критический обзор: Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 102—110). Однако изображения данной группы связаны именно со скифскими комплексами, и, следовательно, этот образ был знаком и понятен скифам, скорее всего, воспринимаясь ими как воплощение одной из местных богинь. Судя по иконографии, эта богиня была связана с растительным миром, небесной сферой (впрочем, крылья могут быть универсальным символом божества) и, по всей видимости, с водной стихией. О последнем говорит присутствие рядом с божеством водного фантастического существа как это изображено на длинных пластинах из Куль-Обы и Песочинского могильника (Бабенко 2017, с. 37, рис. 4—5). Это позволяет соотнести изображения крылатой *Rankenfrau* с образом богини Апи, чьё имя восходит к иранскому *āp- / ap-* ‘вода’ или **ap-iā* ‘водная’ (Кулланда 2016, 48), а также ввести её в круг персонажей, которые соотносятся с иранской Ардви-Сурой Анахитой (Бессонова 1983, с. 36—37; Шауб 2007, с. 94; Кулланда 2016, 48—49). Показательной является характеристика Ардви-Суры, данная во многих авестийских гимнах, как например: «*Ей, Ардви полноводной, / Широкой и целебной; / Молись враждебной дэвам / … / Молись растящей жито, / Молись кормящей стадо, / Ей, множащей богатства / И ширящей именья…*» (*Яшт* 5, *1*).

Обращает на себя внимание, что Ардви-Сура названа «*враждебной дэвам*» (*Яшт* 5, *1*). К ней же обращаются главные иранские герои Хаошьянха Парадата, Йима, Траэтаона, Кэрсаспа, Кави-Усан и другие, прося воинской удачи, силы и возможности сражаться и побеждать различных врагов, прежде всего, колдунов, дэвов, чудовищ (в том числе Ажи-Дахака) (*Яшт* 5). В частности, Траэтаона, обращаясь к Ардви-Суре, просит: «*Такую дай удачу, / Благая Ардви-Сура, / Чтоб одолел я Змея / Трёхглавого Дахаку…*» (*Яшт* 5, *34*).

Исходя из общего контекста изображений на гаймановском гребне, можно вполне обоснованно предположить, что скифам также были свойственны представления о женской богине, которая «*Всегда тому, кто верно / Свершает возлияния, / Дающая удачу*» (*Яшт* 5, *23*, *27*, *35* и др.), т. е. способность победить враждебных для людей существ.

ВЫВОДЫ

Составной костяной гребень, найденный в женской гробнице 4 кургана Гайманова Могила, представляет собой уникальный предмет, который позволяет дополнить наши относительно скудные представления о скифской мифологии. Изображения на нём достаточно полно представляют миф о змееборчестве, который практически не известен по дошедшим до наших дней нарративным источникам, но в своих основных чертах соотносится с иранским мифом. Изобразительный ряд представлен на четырёх пластинах, каждая из которых воплощает ту или иную часть мифологического сказания. Исходя из доминирующих полукруглых пластин, располагавшихся на спинке гребня, изображения можно условно разделить на «мужские» и «женские».

На большой пластине с «мужской» стороны гаймановского гребня изображено скифское повествование о змееборчестве с последовательно развивающимся сюжетом, воплощённом в одном рисунке: поражение одного героя — торжество змея / дракона — месть и победа второго героя. Можно предположить, что персонажи данной сцены — это Таргитай и Колаксай, известные по скифскому генеалогическому сказанию в передаче Геродота. Данные скифские герои соотносятся с иранскими Йимой / Джамшидом и Траэтаоной / Феридуном.

На большой пластине с «женской» стороны воспроизведена богиня, чей иконографический образ почти полностью позаимствован из античной традиции, но которая воспринималась скифами, по всей видимости, как богиня Апи, равнозначная иранской Ардви-Суре Анахите. Общий контекст изображений, позволяет предположить, что скифам были знакомы иранские молитвы-обращения к данной богине с просьбой даровать удачу в борьбе с враждебными существами. Одним из первых, кому Апи / Ардви дала такую удачу и был Колаксай / Траэтаона, отомстивший за смерть Таргитая / Йимы и победивший «змея» / Ажи-Дахаку.

Гребень, безусловно, был важным ритуальным и статусным атрибутом. Его нахождение в женском погребении позволяет поставить

вопрос о том, что знатная особа, которой он принадлежал, имела отношение к культу богини, предположительно выражавшемся как в неких ритуальных действиях, так и во внешнем облике супруги скифского властителя определённого ранга (ср. с упоминавшимися выше длинными пластинами, украшавшими женский головной убор, из кургана Куль-Оба и Песочинского могильника).

ЛИТЕРАТУРА

Авеста 1997. *Авеста в русских переводах (1861—1996)*. Рак, И. В. (ред.). Санкт-Петербург: Журнал Нева; РХГИ.

Акишев, А. К. 1984. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата: Наука.

Артамонов, М. И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 2, с. 57-87.

Бабенко, Л. И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: Райдер.

Бабенко, Л. И. 2017. Два монетных сюжета на изделиях греко-скифской торевтики. *Археологія і давня історія України*, 2, с. 30-39.

Безсонова, С. С. 1977. Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи. *Археологія*, *23*, с. 11-24.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.

Бойко, Ю. Н. 1990. Храм города Гелона. *Советская этнография*, 3, с. 52-65.

Буйских, А. В. 2006. Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований. *Боспорские исследования*, XI, с. 127-145.

Вахтина, М. Ю. 2005. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII—IV вв. до н. э. В: Марченко, К. К. (ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху*. Санкт-Петербург: Алетейя, с. 297-399.

Вертієнко, Г. В. 2015. *Іконографія скіфської есхатології*. Київ: Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського.

Виноградов, Ю. А. 1993. О ритонах из кургана Карагодеуашх. *Петербургский археологический вестник*, 6, с. 66-71.

Граков, Б. Н. 1950. Скифский Геракл. *Краткие сообщения ИИМК*, XXXIV, с. 7-18.

Грач, Н. Л. 1986. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба (две реконструкции). В: Грач, Н. Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, с. 75-90.

Доватур, А. И., Каллистов, Д. П., Шишова, И. А. 1982. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий*. Москва: Наука.

Журавлёв, Д. В., Новикова, Е. Ю., Шемаханская, М. С. 2014. *Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея*. Москва: ГИМ.

Кулланда, С. В. 2016. *Скифы: язык и этногенез*. Москва: РФСОиН.

Манцевич, А. П. 1950. Гребень и фиала из кургана Солоха. *Советская археология*, XIII, с. 217-238.

Мелюкова, А. И. 1981. *Краснокутский курган*. Москва: Наука.

Музей… 2004. *Музей історичних коштовностей України. Альбом-каталог*. Київ: Мистецтво.

Островерхов, А. С., Охотников, С. Б. 1989. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея. *Вестник древней истории*, 2, с. 50-67.

Панковский, В. Б., Синика, В. С. 2017. Роговой гребень из скифского погребения у с. Глинное. *Stratum plus*, 3, с. 343-359.

Полидович, Ю. Б. 2015. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира. *Донецький археологічний збірник*, 19, с. 85-142.

Полидович, Ю. Б. 2017. Изображение противостояния героя с чудовищем на налобнике из Волковцев и некоторые особенности декора конской узды скифского времени. *Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея*, III, с. 179-183.

Полидович, Ю. Б. 2019. Сцены сражения на золотом конусе из Передериевой Могилы и скифский миф о Колаксае. *Stratum plus*, 3, в печати.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филюк.

Полин, С. В. 2016. Александропольский дракон. В: Маріна, З. П. (ред.). *Археологія та етнологія півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, с. 278-287.

Раевский, Д. С. 1977. *Очерки идеологии скифосакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии*. Москва: Наука.

Раевский, Д. С. 1985. *Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.

Рак, И. В. 1998. *Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм)*. Санкт-Петербург: Журнал Нева — Летний Сад.

Русяева, А. С. 1990. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации. В: Зубарь, В. М. (ред.). *Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев: Наукова думка, с. 40-60.

Русяева, А. С. 1991. Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Духовная культура древних обществ на территории Украины*. Киев: Наукова думка, с. 96-115.

Стоянов, Р. В. 2013. Rankenfrau с маской Силена: к вопросу о контексте находок. *III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа*, с. 128-132.

Трейстер, М. Ю. 2001. Серебрянный рельеф с образом «Rankenfrau» из Крыма. *Херсонесский сборник*, XI, с. 149-154.

Фиалко, Е. Е. 1999. Костяные гребни из скифских памятников. В: Толочко, П. П. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию со дня рождения Б. Н. Гракова)*. Запорожье: ЗапГУ, с. 254-259.

Фирдоуси 1957. *Шахнаме*. 1: От начала поэмы до сказания о Сохрабе. Москва: Наука.

Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва: Наука.

Черненко, Е. Е. 1994. Гребни у скифов. В: Яровой, Е. В. (ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э.* Тирасполь: Типар, с. 210.

Чеснов, Я. В. 1986. Дракон: метафора внешнего мира. В: Жуковская, Н. Л. (ред.). *Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии*. Москва: Наука, с. 59-72.

Шауб, И. Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Шауб, И. Ю. 2011. Морские монстры в религиозно-мифологических представлениях боспорян и скифов. В: Вахтина, М. Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Население, языки, контакты*. Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 131-137.

Яковенко, Э. В. 1976. Гравированные костяные пластины из «Гаймановой Могилы». В: Пиотровский, Б. Б. (ред.). *Международная конференция античников социалистических стран «Эйрене»*. Ереван, с. 534-536.

Яковенко, Э. В., Бидзиля, В. И. 1979. Гравированные костяные пластины из «Гаймановой Могилы». *Проблемы античной истории и культуры: Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»*, 2, с. 457-464.

Molé, M. 1952. Le partage du monde dans la tradition iranienne. *Journal Asiatique*, 240, p. 455-463.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid- 7th to 3rd century BC*. Leningrad: Aurora.

Rolle, R. 1991. Haar- und Barttracht der Skythen. В: Толочко, П. П., Мурзін, В. Ю. (ред.). *Золото степу. Археологія України*. Київ; Шлезвіг, с. 115-129.

Ustinova, Yu. 2005. Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and the Black Sea. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire*. Exeter: Exeter University, p. 64-79, 194-200.

REFERENCES

Avesta 1997. *Avesta v russkih perevodah (1861—1996)*. Rak, I. V. (ed.). Sankt-Peterburg: Zhurnal Neva; RHGI.

Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov*. Alma-Ata: Nauka.

Artamonov, M. I. 1961. Antropomorfnye bozhestva v religii skifov. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2, s. 57-87.

Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskii kurgannyi mogil'nik skifskogo vremeni*. Harkov: Raider.

Babenko, L. I. 2017. Dva monetnyh syuzheta na izdeliyah greko-skifskoi torevtiki. *Arkheologiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2, s. 30-39.

Bezsonova, S. S. 1977. Obraz sobako-ptaha u mystetstvi Pivnichnogo Prychornomor'ia skifs'koii epohy. *Arheologiya*, 23, s. 11-24.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznyie predstavlieniia skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Bidzilia, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila*. Kiev: Izdatelskii dom «Skif».

Boiko, Yu. N. 1990. Khram goroda Gelona. *Sovetskaya ehtnografiia*, 3, s. 52-65.

Buiskih, A. V. 2006. Sofa-kapiteli iz Hersonesa: k probleme stilisticheskih zaimstvovanii. *Bosporskie issledovaniia*, XI, s. 127-145.

Vahtina, M. Yu. 2005. Grecheskoie iskusstvo i iskusstvo Evropeiskoi Skifii v VII—IV vv. do n. e. In: Marchenko, K. K. (ed.). *Greki i varvary Severnogo Prichernomoria v skifskuiu ehpohu. Sankt-Peterburg: Aleteiia*, s. 297-399.

Vertienko, G. V. 2015. *Ikonografiia skifskoii eskhatologiii*. Kyiv: Instytut skhodoznavstva im. A. Yu. Krymskogo.

Vinogradov, Yu. A. 1993. O ritonah iz kurgana Karagodeuashkh. *Peterburgskii arheologicheskii vestnik*, 6, s. 66-71.

Grakov, B. N. 1950. Skifskii Gerakl. *Kratkie soobshcheniya IIMK*, XXXIV, s. 7-18.

Grach, N. L. 1986. Greben i ozherele iz kurgana Kul-Oba (dve rekonstrukcii). In: Grach, N. L. (ed.). *Antichnaya torevtika*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ehrmitazh, s. 75-90.

Dovatur, A. I., Kallistov, D. P., Shishova, I. A. 1982. *Narody nashei strany v «Istorii» Gerodota. Teksty. Perevod. Kommentarii*. Moskva: Nauka.

Zhuravliov, D. V., Novikova, E. Yu., Shemahanskaia, M. S. 2014. *Yuvelirnye izdeliia iz kurgana Kul-Oba v sobranii Istoricheskogo muzeia*. Moskva: GIM.

Kullanda, S. V. 2016. *Skify: iazyk i ehtnogenez*. Moskva: RFSOiN.

Mancevich, A. P. 1950. Greben' i fiala iz kurgana Soloha. *Sovetskaia arheologiia*, XIII, s. 217-238.

Meliukova, A. I. 1981. *Krasnokutskii kurgan*. Moskva: Nauka.

Muzei… 2004. *Muzei istorychnyh koshtovnostei Ukrainy. Albom-katalog*. Kyiv: Mistezttvo.

Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B. 1989. O nekotorykh motivakh zverinogo stilia na pamiatnikakh iz sobraniia Odesskogo arheologicheskogo muzeia. *Vestnik drevnei istorii*, 2, s. 50-67.

Pankovskii, V. B., Sinika, V. S. 2017. Rogovoi greben iz skifskogo pogrebeniia u s. Glinnoe. *Stratum plus*, 3, s. 343-359.

Polidovich, Yu. B. 2015. Obrazy fantasticheskih zhivotnyh v iskusstve narodov skifskogo mira. *Doneztkii arheologichnyi zbirnyk*, 19, s. 85-142.

Polidovich, Yu. B. 2017. Izobrazhenie protivostoiania geroia s chudovishchem na nalobnike iz Volkovcev i nekotorye osobennosti dekora konskoi uzdy skifskogo vremeni. *Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arheologicheskogo muzeia*, III, s. 179-183.

Polidovich, Yu. B. 2019. Sceny srazheniya na zolotom konuse iz Perederievoi Mogily i skifskii mif o Kolaksae. *Stratum plus*, 3, v pechati.

Polin, S. V. 2014. *Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V—IV vv. do n. e. na Khersonshchine*. Kiev: Oleg Filiuk.

Polin, S. V. Aleksandropolskii drakon. In: Marina, Z. P. (ed.). *Arheologiia ta etnologiia pivdnia Skhidnoi Evropy*. Dnipro: Lira, 2016, s. 278-287.

Raevskii, D. S. 1977. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemien. Opyt rekonstrukcii skifskoi mifologii*. Moskva: Nauka.

Raevskii, D. S. 1985. *Model mira skifskoi kultury. Problemy mirovozzreniia iranoyazychnyh narodov evraziiskih stepei I tysiacheletiia do n. e.* Moskva: Nauka.

Rak, I. V. 1998. *Mify drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm)*. Sankt-Peterburg: Zhurnal Neva — Letnii Sad.

Rusyaeva, A. S. 1990. Ideologicheskie predstavleniia drevnih grekov Nizhnego Pobuzhia v period kolonizatsii. In: Zubar, V. M. (ed.). *Obriady i verovaniia drevnego naseleniia Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, s. 40-60.

Rusyaeva, A. S. 1991. Pontiiskaia legenda o Gerakle: vymysel i realnost. In: Gening, V. F. (ed.). *Dukhovnaia kultura drevnih obshchestv na territorii Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, s. 96-115.

Stoianov, R. V. 2013. Rankenfrau s maskoi Silena: k voprosu o kontekste nahodok. In: Pavlenko, T. A., Skhatum, R. B., Ulitin V. V. (ed.). *III «Anfimovskie chteniia» po arheologii Zapadnogo Kavkaza*. Krasnodar: Vika-Print, s. 128-132.

Treister, M. Yu. 2001. Serebryannyi relef s obrazom «Rankenfrau» iz Kryma. *Hersonesskii sbornik*, XI, s. 149-154.

Fialko, E. E. 1999. Kostianye grebni iz skifskih pamyatnikov. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoi arheologii Severnogo Prichernomoriia (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia B. N. Grakova)*. Zaporozhe: Zaporozhskii gos. universitet, s. 254-259.

Firdousi 1957. *Shahname*. T. 1: Ot nachala poehmy do skazaniya o Sohrabe. Per. s iran. Moskva: Nauka.

Hazanov, A. M. 1975. *Socialnaia istoria skifov*. Moskva: Nauka.

Chernenko, E. E. 1994. Grebni u skifov. In: Yarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledelcev i skotovodov Severnogo Prichernomoria V tys. do n. e. — V v. n. e.* Tiraspol: IPP «Tipar», s. 210.

Chesnov, Ya. V. 1986. Drakon: metafora vneshnego mira. In: Zhukovskaia, N. L. (ed.). *Mify, kulty, obriady narodov zarubezhnoi Azii*. Moskva: Nauka, s. 59-72.

Shaub, I. Yu. 2007. *Mif, kult, ritual v Severnom Prichernomorie (VII—IV vv. do n. e.)*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Shaub, I. Yu. 2011. Morskie monstry v religiozno-mifologicheskih predstavleniyakh bosporyan i skifov. In: Vakhtina, M. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, s. 131-137.

Yakovenko, E. V. 1976. Gravirovannye kostyanye plastiny iz «Gaimanovoi Mogily». In: Piotrovskii, B. B. (ed.). *Mezhdunarodnaia konferenciia antichnikov socialisticheskikh stran «Eirene»*. Erevan: AN Arm. SSR. 534-536.

Yakovenko, E. V., Bidzilia, V. I. 1979. Gravirovannye kostianye plastiny iz «Gaimanovoi Mogily». *Problemy antichnoi istorii i kultury: Doklady XIV Mezhdunarodnoi konferencii antichnikov socialisticheskih stran «Eirene»*, 2, s. 457-464.

Molé, M. 1952. Le partage du monde dans la tradition iranienne. *Journal Asiatique*, 240, p. 455-463.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid- 7th to 3rd century BC*. Leningrad: Aurora.

Rolle, R. 1991. Haar- und Barttracht der Skythen. In: Tolochko, P. P., Murzin, V. Yu. (eds.). *Zoloto stepu. Arkheolohiia Ukrainy*. Kyiv; Shlezvih, s. 115-129.

Ustinova, Yu. 2005. Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and the Black Sea. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire*. Exeter: Exeter University, p. 64-79, 194-200.

Yu. B. Polidovych

THE COMB FROM THE HAYMANOVA MOHYLA AND THE SCYTHIAN MYTH OF A HERO FIGHTING A DRAGON

The article is devoted to the analysis of images on the bone comb from the Haymanova Mohyla mound (IV century BC). The images on it quite fully represent the myth of a Hero fighting a dragon, which is not known from narrative sources.

The first large plate (the «male» side of the comb) depicts a battle scene with a consistently developing plot: the defeat of one hero — the triumph of the dragon — revenge and the victory of the second hero. It can be assumed that the characters in this scene are Targitaos and Kolaxais, known from the story of Herodotus. These Scythian heroes relate to Iranian *Yima* (Jamshid) and *Θraētaona* (Fereydun).

The goddess is reproduced on the second large plate (the «female» side of the comb). Her iconographic image was borrowed from the ancient Greek Art, but it was perceived by the Scythians, probably as the goddess Api (*Ἀπί*), equivalent to the Iranian goddess Aredvi Sura Anahita. The general context of the images suggests that the Scythians were familiar with the Iranian prayers to this goddess with a request to bestow good luck in the fight against hostile creatures.

The comb was certainly an important ritual and status attribute.

Keywords: Haymanova Mohyla mound, Scythian myth, Targitaos, Kolaxais, Jamshid, Fereydun, Aredvi Sura Anahita.

Одержано 13.03.2019

ПОЛІДОВИЧ Юрій Богданович, кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник, філіал Національного музею історії України — Музей історичних коштовностей України, вул. Лаврська 9, Київ, 010151, Україна, *yurkop@ukr.net*.

POLIDOVYCH Yurii Bogdanovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, National Historical Museum of Ukraine, branch Museum of Historical Treasures of Ukraine, Lavrska st. 9, Kiev, 01015, Ukraine, *yurkop@ukr.net*.

УДК: [904.25:7.031.1](36)”638”

Л. И. Бабенко

ВИТЫЕ И ЛОЖНОВИТЫЕ ШЕЙНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ МАСТЕРСКИХ БОСПОРСКИХ ТОРЕВТОВ

В статье рассматриваются особенности конструкции и погребального контекста витых и ложновитых шейных украшений, изготовленных в мастерских Боспора.

***Ключевые слова**: скифы, витая гривна, пектораль, Солоха, Куль-Оба, Толстая Могила, Большая Близница.*

Гривны у скифов являлись традиционным украшением, инсигнией, маркирующей высокий социальный статус владельца. При общем доминировании гладких гривен известна небольшая группа украшений с крученным или витым жгутом, отличающихся более высокой эстетикой, а также вероятным символическим значением (закрученная нить — символ времени, жизни, жизненной дороги по Ю. Б. Полидовичу (2006, с. 25)). Традиционность витых гривен у скифов более зримо выражают их изображения на антропоморфных каменных изваяниях, где с различной степенью правдоподобности фактуры витья, они представлены на 10 статуях (рис. 1: 1—10) [1]. Гривен с крученым жгутом, которые, возможно, являлись продукцией непосредственно скифских мастеров, немного. В своде В. Г. Петренко крученые гривны из круглого или квадратного в сечении стержня составляют II отдел и представлены всего 8 экземплярами. Подавляющая их часть из золота, но внешне они довольно невыразительны. Их появление исследовательница связывала как с западным (Гальштатт, лужицкая культура), так и восточным (рельефы Персеполя, кобанская культура) влиянием (1978, с. 42, 44, табл. 29: 1—7).

Интересно, что на высокохудожественных предметах торевтики в сценах с участием людей, гривны на персонажах практически отсутствуют, хотя большинство из них — в каком бы контексте не интерпретировали эти сцены, как сюжеты мифологии, эпоса или исторических событий — имеют, несомненно, высокий статус. Лишь на персонаже на чаше из Гайманової Могилы можно видеть гривну — именно витую (рис. 2: 1) (Бидзиля, Полин 2012, кат. 217, рис. 588).

Витые [2] и ложновитые шейные (вариант: нагрудные) украшения среди продукции боспорских торевтов, исполнявших заказы скифской знати и аристократических семейств Боспора, известны также в единичных экземплярах — в количестве всего 5 украшений, происходящих из 4 памятников. Но конструкция витых жгутов этой категории украшений отличается разнообразием и представлена тремя различными по устройству типами.

К первому типу относится частично утраченная гривна из первичного погребения Куль-Обы, разграбленного местными жителями после снятия караула, охранявшего раскопки гробницы (рис. 3: 1). Гривна грабителями была разрублена на три части, жгут утерян, но окончания в виде

1. В своде В. С. Ольховского и Г. Л. Евдокимова учтено 9 таких случаев (из 60 изваяний с гривнами) — Сибиора, Виноградовка, Мамай-Гора, Кривой Рог, Станишино, Кировоград, Куцеволовка, Ольховчик, Белоцерковка (1994, илл. 1, 8, 56, 63, 74, 76, 78, 81, 86). В следующей монографии выборка изваяний с «витыми» гривнами дополнилась еще одним экземпляром — статуей из Зеиани из Восточной Грузии (т. е., всего 10 случаев из 73 изваяний с гривнами) (Ольховский 2005, с. 113, 213, илл. 65).

2. По замечанию А. Ю. Алексеева, гривны подобной формы соответствуют греческому термину στρεπτός, т. е. витой, крученый, ожерелье из крученой проволоки. В качестве примера, помимо каменных изваяний, исследователь приводит изображение такой гривны у Дария III на мозаике «Битва при Иссе» (рис. 2: 2) (2012, с. 148).

© Л. И. БАБЕНКО, 2019

Рис. 1. Витые гривны на каменных изваяниях: 1 — Сибиора; 2 — Виноградовка; 3 — Мамай-Гора; 4 — Кривой Рог; 5 — Станишино; 6 — Кировоград; 7 — Куцеволовка; 8 — Ольховчик; 9 — Белоцерковка (Ольховский, Евдокимов 1994, илл. 1, 8, 56, 63, 74, 76, 78, 81, 86); 10 — Зеиани (Ольховский 2005, с. 113, 213, илл. 65)

Рис. 2. Изображения витых гривен на предметах искусства: 1 — чаша из Гайматовой Могилы, фрагмент (Бидзиля, Полин 2012, рис. 588); 2 — мозаика «Битва при Иссе», фрагмент (Alexander Mosaic)

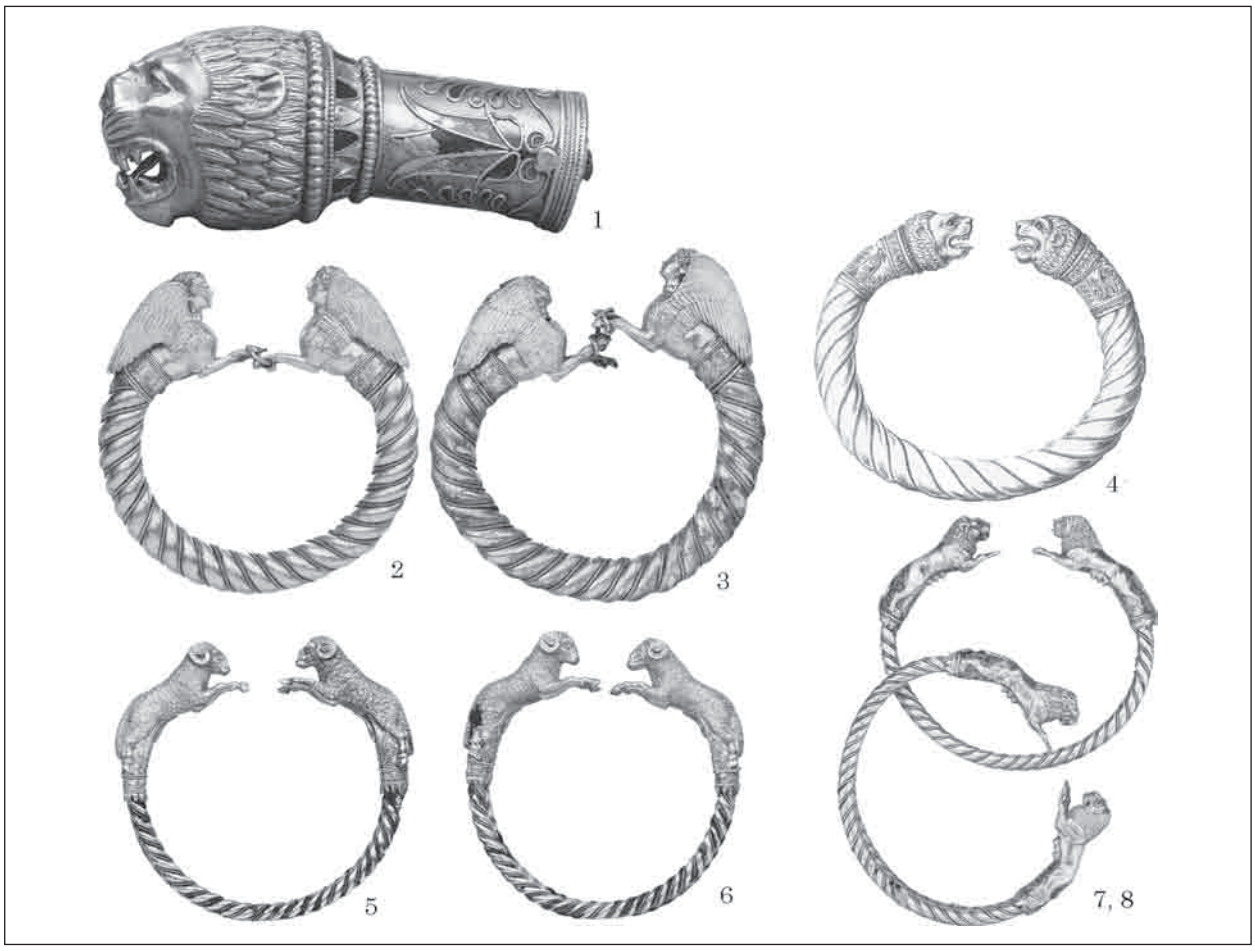

Рис. 3. Украшения со жгутом из витого бронзового (медного) стержня, обложенного тонким золотым листом: 1—3 — Куль-Оба (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 212; Калашник 2014, с. 122); 4 — Темир-Гора (Виноградов 2012, рис. 50: 3); 5—8 — Большая Близница (Калашник 2014, с. 152, 173)

головок львов удалось вернуть. Одна головка была приобретена у Дмитрия Бавро вместе с бляхой-оленем почти сразу, в 1831 г. Вторая — куплена П. Сабатье у местного жителя в 1848 г. и передана в Эрмитаж в обмен на несколько монет у Эрмитажа (Дюбрюкс 2010, с. 214). П. Дюбрюкс описал ее как большое кольцо, которое было «на треть толще других и витым, наподобие веревки, но из бронзы, покрытой листом чистого золота» (2010, с. 188; Алексеев 2016, с. 210, 211, рис. 6). Именно благодаря нанесенному при ограблении повреждению имеется возможность более наглядно увидеть конструкцию жгута гривны в срезе втулки [1]. Остатки жгута сильно коррозированы, но все же отчетливо видно, что он состоял из 6 свитых стержней подтреугольной в сечении формы, обтянутых тонким золотым листом, повторяющим рельеф витого жгута. Подобная конструкция жгута наиболее проста технологически, однако распространения не получила, либо из-за чрезмерного веса изделия, утяжеленного бронзовыми проволоками, либо по причине возможных сакральных функций украшения, требовавших изготовления украшения из чистого золота.

Внешне близкий вид имеют жгуты парных браслетов с протомами сфинксов из Куль-Обы (рис. 3: 2, 3) (Уильямс, Огден 1995, кат. 83, 199; Калашник 2014, с. 122), двух пар браслетов с двойным жгутом, украшенных фигурками баранов и львиц с гривой из Большой Близницы (рис. 3: 5—8) (Уильямс, Огден 1995, кат. 118, 124; Калашник 2014, с. 152, 173) и двух браслетов с львиными головками на концах из Темир-Горы [2] (рис. 3: 4) (Яковенко 1977, рис. 1; Виноградов 2012, с. 129, рис. 50: 3). Об особенностях конструкции жгутов этих брасле-

1. Фотография которой была любезно предоставлена А. В. Катцовой.

2. В работах, как правило, отмечается находка в этом комплексе одного браслета (Манцевич 1949, с. 200; 1969а, с. 112; 1987, с. 57; Онайко 1970, с. 41; Уильямс, Огден 1995, с. 126, 127; Виноградов 2001, с. 80; 2017, с. 168; Мещеряков, Фёдоров, Яблонский 2006, с. 112; Williams 1998, p. 101; Treister 2005, p. 60, 192), и только Э. В. Яковенко упоминает два браслета (Яковенко 1972, с. 260; 1977, с. 142). По сообщению хранителя этой коллекции А. В. Катцовой в Государственном Эрмитаже действительно находится один браслет (инв. № ТГ-6). Однако на рисунке Ф. И. Гросса из архива ИИМК (р. 1, № 693, л. 3) изображение этого браслета сопровождает подпись: «3. Один из пары бронзовых запястьев, в золотой оправе» (Виноградов 2012, с. 129, рис. 50; 2017, рис. 45). Это свидетельствует о том, что в этом погребении было обнаружено два браслета.

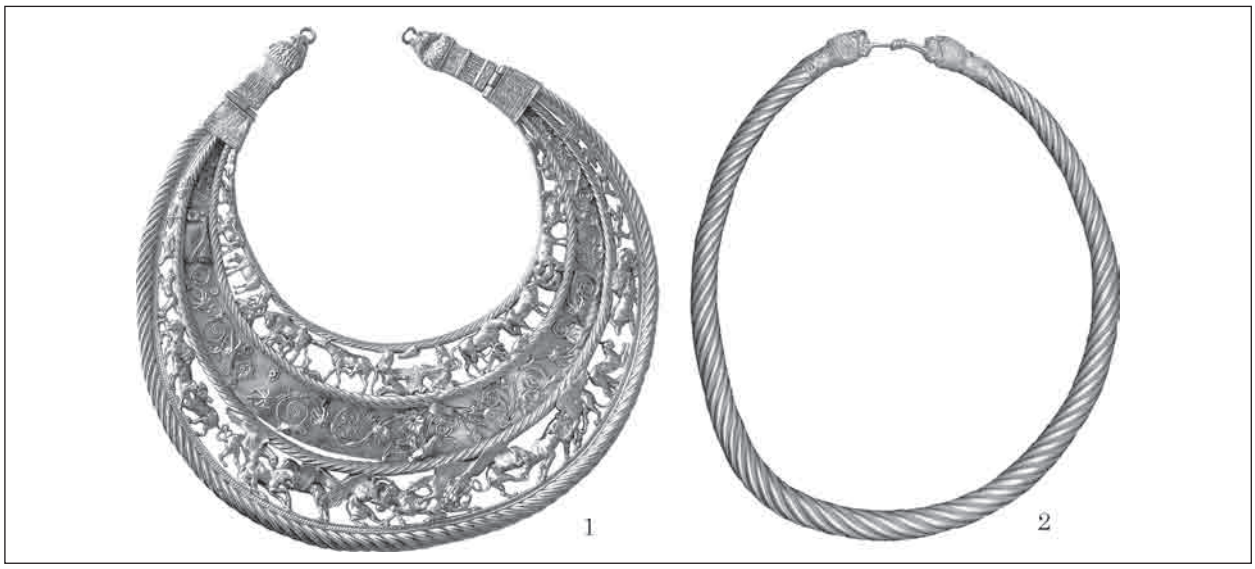

Рис. 4. Украшения с ложновитым жгутом: 1 — Толстая Могила (Dally 2008: Abb. 2); 2 — Солоха (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 123)

тов можно говорить большей частью гипотетически, что, вероятно, обусловило различие мнений на этот счет у разных исследователей. По В. Г. Петренко жгуты браслетов из Куль-Обы состояли из «*толстого бронзового стержня, покрытого золотым листом*» (1978, с. 56). Д. Уильямс и Д. Огден полагали, что полость куль-обинских браслетов с протомами сфинксов заполнена «*сердечником из коричневого смолистого вещества в смеси с… материалом белого цвета*» (1995, с. 141). Ю. П. Калашник считал, что обручи этих браслетов «*образованы тремя выпуклыми полосками золота, навитыми, по-видимому, на бронзовый сердечник*» (2014, с. 122). Близкую конструкцию исследователь полагал и для жгутов двух пар браслетов из Большой Близницы — с фигурками баранов и львиц с гривой — состоящих из «*двойных бронзовых стержней, обмотанных выпуклым золотым листом*» (2014, с. 152, 172). По мнению Д. Уильямса и Д. Огдена, обручи браслетов из Большой Близницы с фигурками баранов были образованы тремя перекрученными медными стержнями, покрытыми золотым листом. Обручи браслетов с львицами «*сделаны из листового золота, обернутого вокруг медных сердечников, и имитируют три перевитых между собой стержня*» (1995, с. 182, 193). Браслеты из Темир-Горы описаны Э. В. Яковенко как массивные бронзовые «*из витой толстой проволоки, обтянутой золотом*» (1972, с. 260; Виноградов 2017, с. 168). Обращает внимание близость наконечников в виде львиных головок на браслетах из Темир-Горы и гривны из Куль-Обы [1].

Жгуты украшений второго типа состояли из полой трубки, рельеф которой очень правдоподобно имитировал витье по спирали шести круглых стержней. Четырьмя такими жгутами разной толщины оконтурены три изобразительных фриза пекторали из Толстой Могилы (рис. 4: 1) (Мозолевський 1979, рис. 57). Аналогичный по устройству, но еще более массивный жгут — в виде «*ложного жгута, отличного от скрученного из нескольких рядов проволоки*» (Манцевич 1987, с. 55) или «*ложно-витого массивного стержня*» (Петренко 1978, с. 46) — имеет гривна с львиными головками на концах из Солохи (рис. 4: 2) [2]. Технология получения жгутов подобной конструкции до сих пор не нашла убедительной реконструкции. Наиболее обстоятельно эту проблему затронули И. Т. Черняков и Е. П. Подвысоцкая, однако предложенная ими реконструкция (1998, с. 112—121) была опровергнута полученной рентгенограммой украшения: каждый жгут пекторали состоит из двух трубок, а не из одной, как полагали авторы. Хотя подобную конструкцию каждого из жгутов предопределяет их форма — в виде усеченных конусов, соединенных широким основанием. Развертка подобной фигуры невозможна из одной пластины. Во второй статье авторы попытались внести коррективы, объяснив, что рифление на трубки наносилось «*с помощью какого-то механического устройства*» (2000, с. 14—16), что не способствовало ясному пониманию предложенного технологического процесса [3].

1. Интересно, что браслеты из Куль-Обы и Темир-Горы были приведены А. П. Манцевич в качестве наиболее близких аналогий жгуту гривны из Солохи, имеющему совершенно иную конструкцию (см. ниже) (1987, с. 57).

2. Подобное устройство гривны из Солохи — в виде полой ложновитой золотой трубки — подтвердили при дополнительном осмотре А. Ю. Алексеев и Р. Ф. Минасян, по наблюдениям которых желобчатый жгут гривны производит впечатление монолитного предмета без видимых щелей и деформаций.

3. Один из возможных вариантов техники изготовления ложновитых жгутов предложен в подготовленной нами статье: «О технике изготовления ложновитых жгутов пекторали из Толстой Могилы...», в печати.

Форма жгута гривны из Солохи — более толстого посредине и сужающегося к концам, аналогична жгутам пекторали из Толстой Могилы. Но жгут гривны массивнее даже внешнего жгута пекторали (диаметр жгута гривны посредине — 1,9—2,0 см, на концах — 1,4—1,5 см [1], против внешнего жгута пекторали, соответственно — 1,2 (1,0) см и 0,8 (0,7) см). Сближает оба украшения и их размеры (Бабенко 2018c, с. 194, 195, рис. 5). С большой степенью вероятности можно утверждать, что и жгут солохинской гривны также образован двумя трубками. Хотя, скорее всего, на носителе гривна располагалась иначе — толстой частью кверху [2].

Третий тип представлен украшениями со жгутом, образованным перевитыми «проволоками», «стержнями» или «трубочками». Подобная техника витья использовалась боспорскими торевтами еще в V в. до н. э. — дужки из перевитых стержней имеют перстни из некрополей Нимфея и Пантикапея (Калашник 2014, с. 65, 74). В этой технике были изготовлены жгуты двух браслетов из некрополя Пантикапея (Калашник 2014, с. 104).

Из трубок свиты жгуты двух шейных украшений — пекторали из Большой Близницы и гривны со скифами-всадниками на концах из Куль-Обы (рис. 5: 1, 2). В отношении конструкции двух жгутов, обрамляющих изобразительный фриз пекторали, у исследователей не сложилось единого мнения — Б. Н. Мозолевский увидел в них две пустотелые жгутовидные трубки (1979, с. 213), а М. Ю. Трейстер охарактеризовал их как «*ложновитые трубки с бронзовым сердечником*» (2010, с. 555). Но, по-видимому, наиболее точную характеристику их конструкции дал Ю. П. Калашник, хорошо знакомый с украшением, по мнению которого жгуты были образованы «*из перевитых проволок*» (2014, с. 189) [3]. Каждый из жгутов пекторали свит из трех «трубочек» — их количество легко сосчитать благодаря отсутствию на небольшом участке нижнего жгута рубчатой проволоки, имитирующей зернь и заполняющей углубления между трубочками.

В отношении конструкции жгута гривны из Куль-Обы исследователи более единодушны — Ф. Жиль полагал, что жгут состоит из «*шести золотых проволок, … свитых в виде веревки*» (Древности… 1854, I, с. 58), В. Г. Петренко считала, что гривна образована из «*стержня, обвитого золотой проволокой*» (1978, с. 46), Д. Уильямс и Д. Огден определяли конструкцию жгута как обруч, состоящий из шести перевитых круглых стержней (1995, с. 137).

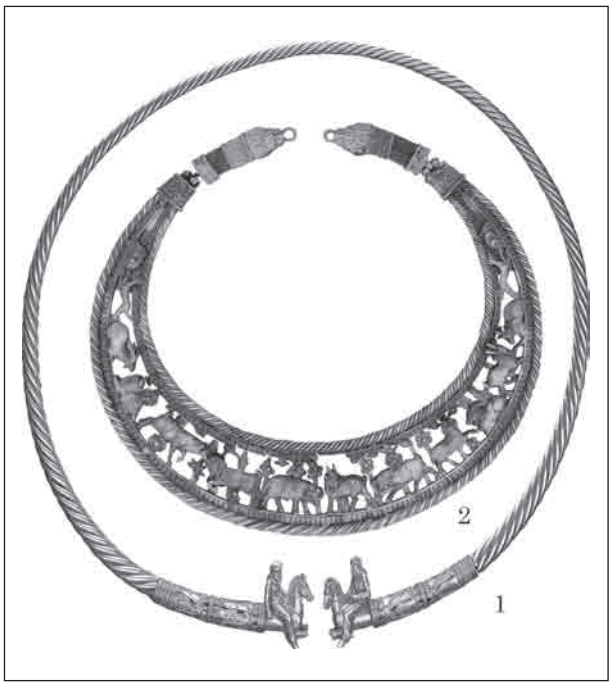

Рис. 5. Украшения со жгутом из скрученных трубок: 1 — Куль-Оба (Алексеев 2012, с. 184); 2 — Большая Близница (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 255)

Интересно, что толщина жгута гривны также неодинаковая по всей длине — у сочленения с декоративными трубками она составляет 0,8 см и равномерно сужается к середине жгута. В средней части толщина жгута 0,6 см, а между средней частью и концом — 0,7 см [4]. Очевидно, что подобное сужение и расширение жгута отражает такое же сужение и расширение каждой из трубочек, диаметр которых составляет треть толщины жгута, соответственно — 0,266, 0,233, 0,2, 0,233, 0,266 см. Как и в случае с биконическим жгутом, свернуть из единого листа трубки такой формы проблематично, не исключено, что каждая из трубок также была образована из двух частей.

Но более удивительным свойством гривны из Куль-Обы является ее своеобразная «эластичность» или «упругость» — под воздействием направленной силы жгут гривны изменяет конфигурацию, работая как своеобразная пружина [5]. Именно поэтому на изображениях гривны в различных изданиях ее абрис может быть сильно вытянут по горизонтали (Древности…

1. Измерения по моей просьбе осуществлены А. Ю. Алексеевым.
2. По свидетельству А. Ю. Алексеева толстая часть жгута гривны из Солохи немного отогнута от плоскости кольца и очень удобно ложится на плечи, т.е., львиными головками вниз. Подобным же образом, т.е. головками вниз, гривна изображена на схематическом плане бокового погребения в кургане Солоха, созданным А. А. Бобринским (Манцевич 1969b, рис. 1). Головками животных вниз расположена и гривна у Дария III на мозаике «Битва при Иссе» (рис. 2: 1).
3. Подобную конструкцию жгутов — из перевитых проволок — подтвердила и А. В. Катцова, осмотревшая пектораль по моей просьбе.
4. Замеры диаметров жгута по моей просьбе сделаны А. В. Катцовой.
5. Об этом свойстве гривны из Куль-Обы мне сообщили А. Ю. Алексеев и А. В. Катцова.

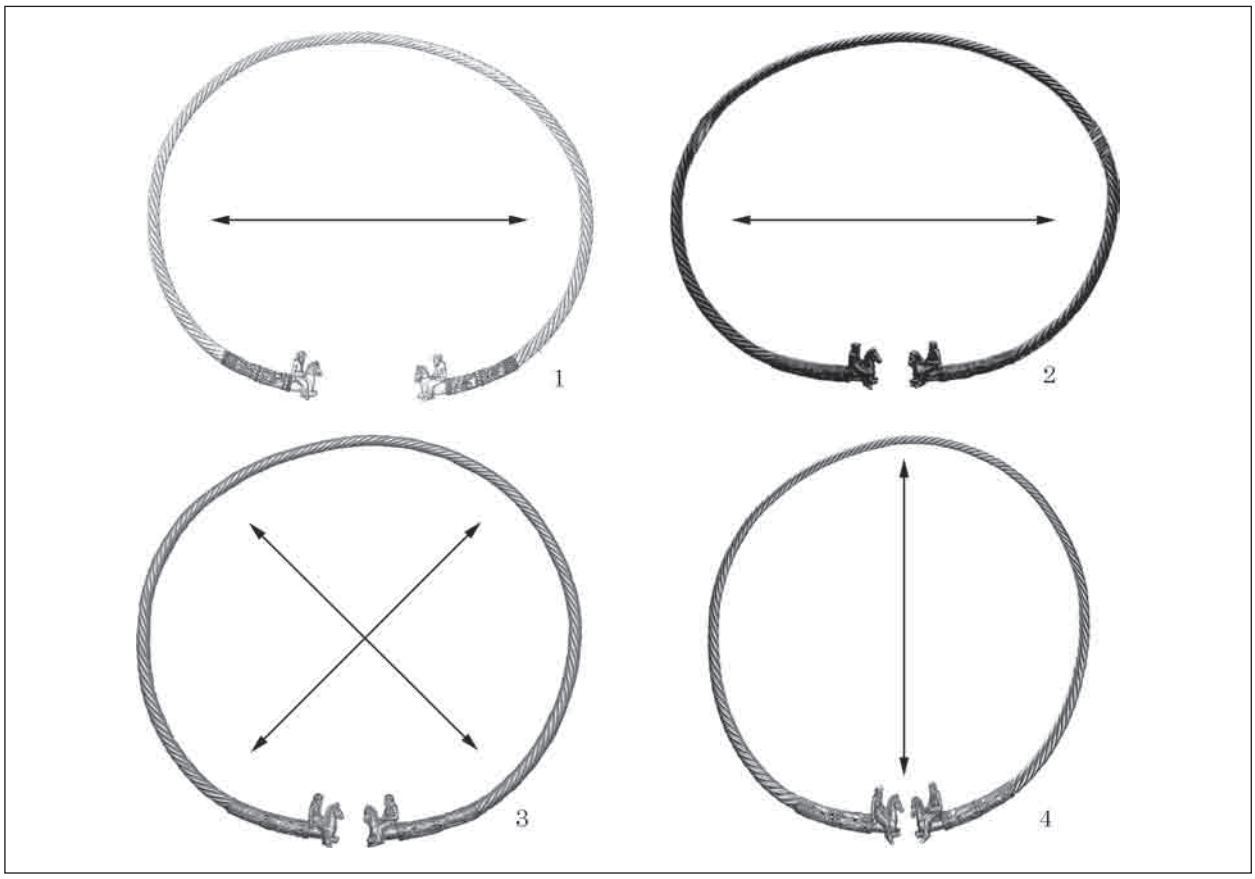

Рис. 6. Изображения гривны из Куль-Обы, по: 1 — (Древности… 1854, III, табл. VIII: 3); 2 — (Петренко 1978, табл. 35: 1); 3 — (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 126); 4 — (Алексеев 2012, с. 184)

1854, III, табл. VIII: 3; Петренко 1978, табл. 35: 1), вертикали (Алексеев 2012, с. 184), или же быть близким к окружности правильной формы (Артамонов 1966, табл. 201; Уильямс, Огден 1995, с. 137, кат. 81; From the Lands… 1975, cat. 83, pl. 20; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 126; Karabelnik-Matta 1993, S. 87; Jacobson 1995, fig. 19; Королькова 2006, ил. 45) [1] (рис. 6: 1—4).

Такая эластичность гривны связана с особенностями конструкции ее жгута, образованного шестью полыми трубками. Подобный жгут можно было скрутить только при наличии седьмого центрального стержня [2]. Но в этом случае стержень был бы своеобразным ребром жесткости, обеспечивающий недвижимость всей конструкции, препятствуя ее упругости. Таким образом, по окончании скручивания, центральный стержень могли извлечь из сердцевины жгута, так как тугая скрутка вполне обеспечивала жесткость всей конструкции. В скрученном виде трубки жгута гривны представляли собой своеобразные пружины, закрученные в спираль в 19 оборотов на длину 64 см, что и предопределяло упругость всего жгута (Бабенко 2018а) [3].

Неоднократно предпринимались попытки на основе стилистического или технологического анализа выделить группы изделий, принадлежащих руке одного мастера или же происходящих из одной мастерской. Так, В. Рудольф, оперируя ограниченным числом изделий, к продукции т. н. «чертомлыцкого мастера» относил гривну со всадниками из Куль-Обы и пектораль из Толстой Могилы [4], а в пекторали из Большой Близницы видел уже изделие «чертомлыцкой мастерской» (1993, с. 88). Д. Уильямс и Д. Огден среди предметов торевтики выделили изделия трех мастеров. Одним из

1. Это, в свою очередь, повлекло и широкую вариативность параметров гривны, приведенных различными исследователями — 34 × 26 см (Петренко 1978, с. 46); диаметр 25,8 см (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 126; Jacobson 1995, p. 120); около 25 см (Schiltz 1994, S. 162); 26,6 × 24,0 см (Уильямс, Огден 1995, с. 137); длина 31,5 см (Алексеев 2012, с. 184).
2. Примечательно, что жгут гривны из первичного погребения Куль-Обы был скручен именно из шести стержней, которым была придана подтреугольная в сечении форма (см. выше). Использование стержней подобной формы позволяет обойтись без центрального стержня при их складывании в один жгут. Однако трубки жгута витой гривны в сечении круглые и без центрального стержня сложить в жгут только 6 трубок невозможно.
3. При этом для получения жгута длиной 64 см необходимо было брать трубки длиной 75 см, т. к. при скручивании длина жгута постепенно сокращалась.
4. А также браслеты с львицами из Большой Близницы.

них являлся создатель браслетов со сфинксами из Куль-Обы (1995, с. 126, 141). Более широко представлена продукция мастера гривны с окончаниями в виде всадников из Куль-Обы, к которой также были отнесены куль-обинская гривна с бронзовым стержнем, гривна из Солохи, браслет из Темир-Горы и пектораль из Толстой Могилы (1995, с. 126, 127, 137). В отдельную группу выделены изделия из Большой Близницы, которые, по мнению исследователей, исходя из стилистической близости обеих пекторалей, могли принадлежать одному художнику (1995, с. 127). Позже, в работе, посвященной проблеме идентификации ювелиров и златокузнецов, Д. Уильямс, внес некоторые коррективы. Были выделены группы изделий двух ювелиров — «Львиного Мастера» и «Мастера Большой Близницы». К работам первого (обе гривны из Куль-Обы, гривна из Солохи, пектораль из Толстой Могилы, браслеты из Темир-Горы и другие) были отнесены и браслеты со сфинксами из Куль-Обы. Изделия второго мастера, как следует из названия, составили находки из Большой Близницы, в том числе пектораль и обе пары браслетов. В тоже время Д. Уильямс предполагал существование несомненной связи между обоими мастерами в виде пары учитель и ученик или отец и сын (Williams 1998, p. 103).

Е. А. Савостина, оперируя меньшим количеством изделий, отнесла обе пекторали — из Толстой Могилы и Большой Близницы — к продукции «Мастерской Пекторали». Гривну из Куль-Обы исследовательница не видела среди изделий выделенной ею «Мастерской Солохского Гребня», но ее отношение к изделиям из «Мастерской Пекторали» осталось неясным (1999, с. 200—202).

М. Ю. Трейстер за счет значительного расширения круга источников определил продукцию уже семи мастеров и мастерских (A-I), но изделия с витым/ложновитым жгутом представлены лишь в некоторых их них. Вслед за Д. Уильямсом и Д. Огденом исследователь выделил продукцию двух ювелиров — «мастера браслетов со сфинксами из Куль-Обы (D)» и «мастера гривны со скифскими всадниками из Куль-Обы (E)», представленных практически той же номенклатурой изделий. Но пектораль из Толстой Могилы по мнению М. Ю. Трейстер могла быть изделием сразу двух мастерских — гривны из Куль-Обы и «мастерской горитов и ножен мечей (F)», работавших в тесном сотрудничестве, либо даже слившихся к середине IV в. до н. э. Также по мнению исследователя пектораль из Большой Близницы была изготовлена иным ювелиром, но близким к кругу мастера пекторали из Толстой Могилы (Treister 2005, p. 60, 62).

Следует также отметить, что многие исследователи считали обе пекторали изделием одного мастера (Русяева 2008, с. 523; Полин 2014, с. 486) или мастерской (Алексеев 1987, с. 29, 30; Jacobson 1995, p. 119; Themelis 2003, p. 165).

Все упомянутые выводы о принадлежности различных предметов к продукции того или иного мастера основывались на сопоставлении, прежде всего, наиболее зрелищных деталей украшений — литых фигурок, филигранных узоров и т.п., без учета конструкции жгутов и технических приемов, использованных при их изготовлении. Интересно будет рассмотреть, как особенности конструкции и техники изготовления витих / ложновитых жгутов различных украшений согласуются с выделенными группами мастеров.

Едва ли разная конструкция жгутов пекторалей и гривен свидетельствует об их изготовлении различными мастерами. Выбор в пользу жгута той или иной конструкции мог быть обусловлен, с одной стороны, овладением торевтом нюансов технологии изготовления таких жгутов, с другой стороны — конструктивными особенностями того или иного украшения. Так, отмеченная многими близость, практически идентичность, наконечников в виде львиных головок с декоративными втулками гривен из первичного погребения Куль-Обы и Солохи вполне может отражать единое авторство украшений. Выбор для обеих гривен жгутов разных конструкций связан, вероятно, с разным временем их изготовления. Первичное погребение Куль-Обы [1] по времени близкое впускному погребению Солохи [2], но, скорее всего, все же более раннее и эта разница соответствует последовательности и времени изготовления украшений. Можно предположить, что куль-обинская гривна представляет собой один из первых опытов мастера в изготовлении золотых витых гривен [3], когда технология изготовления пустотелых ложновитых жгутов была им еще не изобретена. Причины последующего предпочтения мастером технологи-

1. А. Ю. Алексеев (2003, с. 262) и С. В. Полин (Бидзиля, Полин 2012, с. 518; Полин 2014, с. 258) полагали хронологическую близость первичного погребения Куль-Обы и впускной могилы Солохи (см. ниже), основываясь именно на сопоставлении наконечников гривен. В последней работе, посвященной анализу комплекса куль-обинского первичного погребения А. Ю. Алексеев датировал его не позднее рубежа V—IV в. до н. э., не исключая и более раннюю дату в пределах V в. до н. э. (2016, с. 214).
2. А. Ю. Алексеев определяет дату впускной могилы Солохи в пределах 400—375 гг. до н. э. (2003, с. 259—261), С. Ю. Монахов (1999, с. 240—243) и С. В. Полин (2014, с. 244) — 390—380 гг. до н. э.
3. Показательно, что у гривны из впускного погребения кургана 5 возле Архангельской Слободы, датируемого не позднее рубежа V—IV вв. до н. э. (Полин 2014, с. 228), которую также относят к продукции этого же ювелира (Williams 1998, p. 101; Treister 2005, p. 60), гладкий обруч (Петренко 1978, табл. 31: 2, 3). Возможно, во времени создания этой гривны мастер еще не практиковал изготовление «витых» жгутов даже самой простой конструкции, либо подобный жгут не был положен покойнику по его статусу (см. ниже).

чески более сложных ложновитых жгутов очевидны — такие гривны были комфортнее при ношении вследствие меньшего веса, а пустотелость позволяла создать иллюзию массивного украшения при сравнительно небольшом расходе золота. Предполагаемая на основе датировок комплексов разница во времени между изготовлением обеих гривен незначительна и вполне приемлема для активной деятельности одного ювелира.

Не менее зрима, в свою очередь, близость солохинской гривны и пекторали из Толстой Могилы, именно вследствие использования одной и той же технологии получения ложновитых пустотелых жгутов. Оставаясь не до конца понятой современными исследователями, эта технология едва ли была общедоступна и для ювелиров древности. Не исключено, что секретами изготовления подобных жгутов владела лишь одна мастерская. Комплекс Толстой Могилы более поздний по отношению к Солохе [1], что, вероятно, соответствует и хронологической последовательности изготовления самих украшений. Несомненно, что время изготовления пекторали предшествовало времени ее положению в могилу, хотя этот срок едва ли был большим, учитывая незначительное количество повреждений на столь хрупком изделии. Внешний вид жгутов пекторали свидетельствует о дальнейшем совершенствовании мастером технологии их изготовления — в конструкции пекторали использованы жгуты четырех размеров, «закрученых» в разные стороны. Рельеф жгутов более глубокий и еще правдоподобнее имитирует витье. Хронологическая разница между комплексами бокового захоронения Солохи и центрального погребения Толстой Могилы в 25 и более лет, в той или иной степени соответствующая разнице во времени изготовления украшений, также вполне укладывается в допустимый срок активной производственной деятельности ювелира. Однако этот срок несколько увеличится, если выстроить всю линейку украшений (гривна из Куль-Обы-гривна из Солохи-пектораль из Толстой Могилы), которые могут быть связаны с работой одного мастера. Следует отметить, что даже срок в 30—40 лет не является совсем уж неприемлемым для деятельности одного ювелира. Позднейшая во времени изготовления в цепочке этих украшений, пектораль из Толстой Могилы отражает не только высокое техническое мастерство ювелира, но и его мировоззренческую зрелость и глубокую искусствоведческую эрудицию, уровень которой едва ли был достижим в юном или молодом возрасте. Но, с другой стороны, композиция пекторали насыщена множеством миниатюрных элементов, изготовление которых требовало от мастера как твердой руки, так и острого зрения, которые в зрелом возрасте сохранял далеко не каждый ювелир. Д. Уильямс полагает, что в ювелирном деле для тонких работ были широко задействованы подростки. При изготовлении изысканных, высокохудожественных изделий подростки могли работать под руководством более опытных мастеров в семейном ремесленном предприятии (Williams 1998). Не исключено, что и изготовление пекторали являет собой пример подобной совместной работы — зрелого мастера и его ученика-восприемника.

К работам этого же мастера многие причисляют и гривну с окончаниями в виде всадников из Куль-Обы. Косвенным (а может и достаточно выразительным) свидетельством, подтверждающим это предположение, помимо стилистического анализа отдельных деталей украшений, является обнаружение двух гривен в одном комплексе — Куль-Обе. Очень вероятно, что в раннем и более позднем захоронении Куль-Обы были погребены представители одного семейства, заказы на ювелирные шейные украшения которых могли выполнять в одной ювелирной мастерской. Однако если разница между временем изготовления обеих гривен соответствует такой же разнице в дате погребений [2], составляя порядка 50—70 лет, то такой срок представляется чрезмерным для активной деятельности одного ювелира. В этом случае мы имеем дело с продукцией ювелиров двух, а то и трех поколений. Необходимо также дать приемлемое объяснение причин, побудивших мастера использовать для гривны с всадниками жгут столь оригинальной конструкции. Ведь ко времени изготовления этой гривны технология получения ложновитых жгутов была им уже отработана (гривна из Солохи). А изготовление жгута из шести трубок было более трудозатратной (пайка шести швов вместо одного) и ресурсоемкой (больший расход золота за счет внутренних, невидимых глазу сторон трубочек) технологией. Единственным приемлемым объяснением выбора мастером такой конструкции жгута может быть стремление придать ему необходимую упругость. Таким образом, эластичность, подвижность жгута гривны, которую мы имеем возможность наблюдать и сейчас, была не случайным, а искомым ее

1. Среди предложенных для Толстой Могилы дат – середина — начало третьей четверти IV в. до н. э. (Мозолевський 1979, с. 229; Мозолевский, Полин 2005, с. 362-364), 350-320 гг. до н. э. (Алексеев 2003, с. 263, 264), вторая четверть IV в. до н. э., не позднее 350 г. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 521—523; Полин 2014, с. 273—279).

2. Диапазон дат для погребения в основном склепе Куль-Обы в целом и находок из него достаточно широк — от первой половины IV в. до н. э. (Копейкина 1986; Уильямс, Огден 1995, с. 136—151; Федосеев 2011, с. 377—385) до его последней четверти (Брашинский 1975, с. 37). Из последних, наиболее обоснованных дат — 330-е гг. до н. э. (Алексеев 2003, с. 262) или не позднее 350—340 гг. до н. э. (Полин 2014, с. 436—438).

свойством. В противном случае такая подвижность могла смутить и заказчика, и самого ювелира, мастерства которого вполне хватило бы для ее устранения. Возможно, пружинность жгута была необходима для создания иллюзии «скачущих всадников», что придавало гривне дополнительное очарование.

Двумя витыми жгутами обрамлен и фигурный фриз пекторали из Большой Близницы. При монтаже обеих пекторалей, являющихся сложносоставными украшениями, насущной задачей было обеспечение жесткости изделия. Использование в конструкции пекторали из Толстой Могилы четырех монолитных полых трубок, которыми являются ложновитые жгуты, являлось очень удачным решением для достижения этой цели. Два жгута пекторали из Большой Близницы, скрученные из трех трубок, если они имели такую же подвижность, как и жгут гривны из Куль-Обы, решали подобную задачу не столь успешно. Возможно, именно с этим связано кажущееся избыточным использование для обеспечения жесткости конструкции таманской пекторали двух бордюров, семнадцати вертикальных полосок и двух треугольных пластин (Бабенко 2018b, с. 159—161). Употребление мастером при изготовлении жгутов пекторали из Большой Близницы именно этой техники свидетельствует о его неполной осведомленности относительно некоторых технологических нюансов изготовления пекторали из Толстой Могилы. Ему могли быть неизвестны секреты технологии изготовления ложновитых трубок, более того, правдоподобие рельефа жгутов пекторали могли ввести торевта в заблуждение, который воспринял ложное витье за настоящее. Это, в свою очередь, может свидетельствовать об изготовлении обеих пекторалей разными ювелирами, работавшими к тому же в различных мастерских.

Вероятно, технологическая сложность изготовления украшений с витым жгутом являлась одной из причин, препятствовавших более широкому их распространению. Нюансами технологии изготовления таких украшений владела ограниченная часть наиболее высококвалифицированных ювелиров, которая тщательно охраняла профессиональные секреты. Но наличествуют и иные факторы, обусловившие невысокую репрезентативность подобных украшений в погребениях. Отчасти это можно объяснить ограблением значительного числа могил. Даже одна из рассматриваемых гривен — из первичного погребения Куль-Обы — стала жертвой грабителей. Не исключено, что подобный жгут имела гривна, наконечник которой в виде львиной головки был приобретен Мерлем де Массоно в 1890-е гг. в Крыму и в 1907 г. куплен для берлинского Античного собрания (Greifenhagen 1970, Taf. 19: 1—3; Williams 1998, p. 101; Treister 2005, p. 60). Гипотетически, но с большой долей вероятности, можно предположить — исходя из культурного, хронологического, социального контекста — что разграбленное захоронение скифского царя, погребенного в камере 5 центральной гробницы Чертомлыка, также сопровождалось подобным украшением — гривной либо пекторалью.

Возможно, что использование массивных витых гривен ограничивалось социальным статусом владельца — правом на их ношение обладали лишь представители высшей аристократии — цари и их наследники. Если исключить из этого перечня Большую Близницу — комплекс из иной культурной среды, то несложно увидеть, что практически все украшения сопровождали основного покойника самого высокого ранга, хотя каждый из этих случаев характеризует особый погребальный контест. Наиболее очевидна ситуация с боковым погребением Солохи, содержавшим, по общему признанию, захоронения царя, облаченного в гривну.

Погребения Куль-Обы более сложны для понимания. Изучение этого комплекса сопровождают постоянные дискуссии о скифском или греческом (боспорском) характере захоронений (Алексеев 2016, с. 206, 207; Федосеев 2011; 2016). Причем реальность существования раннего (разграбленного) погребения может как ставиться под сомнение (Артамонов 1966, с. 166; Федосеев 2016, с. 216), так и полностью признаваться (Алексеев 2016, с. 214). Разделяя предложенную А. Ю. Алексеевым интерпретацию комплексов Куль-Обы, хочу обратить внимание на некоторые их нюансы. Две гривны были обнаружены в разных погребениях, разрыв между которыми может составлять 50—60 и более лет. Это однозначно свидетельствует о невозможности отнесения раннего погребения к числу сопровождающих захоронений. Несомненно, это было самостоятельное погребение лица очень высокого статуса, исходя из состава сопровождающего его инвентаря (гривна, золотые браслеты и бляшки, золотая обивка горита в виде оленя, золотая пластина со Сциллой и много других, оставшихся неизвестными предметов). В то же время склеп и курганная насыпь, исходя из планиграфии погребения, вне всяких сомнений, были сооружены для позднего захоронения. А. Ю. Алексеев полагает, что «*первоначальные надмогильные каменные конструкции или курганная насыпь… могли быть разрушены при строительстве каменного склепа Куль-Обы*» (2016, с. 209). В этом случае погребальная история Куль-Обы чем-то напоминает, с известными оговорками, курган Солоху, где под насыпью было совершено два последовательных захоронения лиц высокого (царского) статуса. Хотя хронологический интервал между захоронениями Куль-Обы по меньшей мере вдвое выше солохинских, что, вероятно, отражает и иную историческую ситуацию.

Вместе с тем, показательны очень скромные, как для покойника высокого статуса, параметры погребального сооружения (2 × 0,7 × 0,7 м), а также высокая степень точности, с которой могила раннего погребения была вписана в северо-западный угол склепа (Алексеев 2016, с. 209, рис. 1) [1]. В этом случае представляется уместным обратить внимание на традицию переноса костей предков при переселении рода или племени на другую территорию, с существованием которой Д. С. Гречко связывает группу «особых погребений» (2015, с. 181—200). Традиционно захоронение представителя высшей скифской знати в Куль-Обе близ столицы Боспорского государства объясняют сильным боспорским влиянием и тесными скифо-боспорскими связями этого времени. Но, возможно, погребение скифского аристократа вдалеке от области курганов «Герроса» IV в. до н. э. было вынужденной мерой, причины которой кроятся в частых политических и династических конфликтах и распрях внутри самой Скифии, следствием чего могло быть бегство одного из скифских номархов под защиту боспорских царей. Вместе с тем, трепетное отношение скифов к отчим могилам, нашедшее отражение в письменной традиции (Hdt.: IV, 12), могло подвигнуть скифского аристократа увезти с собой прах дорогого ему предка, с последующим подзахоронением в собственную могилу. Естественно, подобная реконструкция исключительно гипотетична, но она позволяет объяснить размещение в одной могиле двух аристократов равного статуса, захоронения которых разделяет более чем полувековой промежуток времени.

Столь же сложно и понимание погребального контекста и социальной характеристики погребенного в центральной гробнице Толстой Могилы. Объективно по своим параметрам (Мозолевський 1979, с. 152, табл. 4) и некоторым особенностям состава погребального инвентаря (Болтрик 2011, с. 108) Толстая Могила не может быть отнесена к курганам скифских царей. Но обнаружение в могиле такого шедевра как пектораль, несомненной инсигнии, маркирующей высокий статус ее владельца, выделяет этот комплекс из общего ряда. Также необычно и местоположение пекторали в могиле, на дне дромоса перед камерой центрального погребения, получившее в историографии различное толкование (Мачинский 1978, с. 146—148; Мозолевський 1979, с. 159; Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 171—175; Степанов 2015, с. 47; Бабенко 2016, с. 11—13). Наиболее удачным и остроумным можно признать объяснение А.П. Мошинского, предположившего, что пектораль могла принадлежать несостоявшемуся наследнику Атея, не имевшему права на ношение символа царского достоинства (2002, с. 87).

Принадлежность массивных витых гривен царственным покойникам оттеняют более простые гривны из сопровождающих захоронений. Именно такими были пять золотых (позолоченных) гривен из Чертомлыка, найденных при конюхах, знатных воинах и женском погребении (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 57, 64, 81, 87, 102) [2]. То же самое можно сказать и о гривнах из женских погребений боковой гробницы Толстой Могилы (Мозолевський 1979, кат. 187, рис. 119—121) и Куль-Обы [3] (Древности… 1854, III, табл. VIII: 2), являющихся по своему шедеврами, но имеющие жгут иной конструкции.

Таким образом, анализ конструкции жгутов свидетельствует о том, что обе гривны из Куль-Обы, гривна из Солохи и пектораль из Толстой Могилы могут являться продукцией одной мастерской, но к их изготовлению причастны ювелиры двух или трех поколений. Мастер, изготовивший пектораль из Большой Близницы, работал, скорее всего, в другой мастерской. Практически все обнаруженные к настоящему времени в скифских могилах шейные и нагрудные украшения с массивным витым/ложновитым жгутом, изготовленные в мастерских (мастерской?) Боспора, сопровождали погребения аристократов, находящихся на самой вершине власти, что позволяет считать такие гривны (пекторали) одним из надежных маркеров царского достоинства их обладателей.

Благодарности. Во время работы над статьей я постоянно обращался за консультациями и уточнениями к сотрудникам Государственного Эрмитажа — заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири А. Ю. Алексееву и научному сотруднику Отдела античного мира А.В. Катцовой, которым выражаю искреннюю признательность.

1. По мнению А. Ю. Алексеева, «мощный слой небольших камней, сохранившийся в противоположном от отдельной могилы… углу склепа» может являться остатками конструкций над первичным погребением (2016, с. 209). Представляется все же маловероятным, что основной склеп перед проведением похорон не очистили от строительного мусора.
2. Гривна одного из конюхов (кат. 64) была изготовлена из крученого жгута, но, скорее всего, представляет собой образец работы местного мастера и несравнима по эстетике с роскошными гривнами царей.
3. При этом женская гривна из Куль-Обы изготовлена из золота более высокой пробы и имеет больший — на 3 золотника (12,78 гр) вес (Древности… 1854, I, с. 58).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1987. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. *Советская археология*, 3, с. 28-39.

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей из собрания Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю. 2016. Раннее погребение Куль-Обы и скифские гробницы. В: Зуев, В. Ю., Хршановский, В. А. (ред). *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура*. Санкт-Петербург: Палаццо, с. 206-215.

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Прага: Артия; Ленинград: Советский художник.

Бабенко, Л. И. 2016. Пан и сюжет пекторали: неслучайные совпадения? *Археологія і давня історія України*, 2, с. 9-26.

Бабенко, Л. И. 2018a. Конструкция и техника изготовления жгута гривны из Куль-Обы. *Музейні читання*. Київ: Фенікс, с. 30-47.

Бабенко, Л. И. 2018b. О бордюрах пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близницы. *Археологія і давня історія України*, 2, с. 155-163.

Бабенко, Л. И. 2018c. Пектораль или гривна? (о соответствии термина и морфологии украшения). *Stratum plus*, 3, с. 187-204.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.

Болтрик, Ю. В. 2011. Элитные курганы как маркеры территориальной структуры Скифии. *Recherches Archéologiques. Nouvelle serie*, 3, с. 101-112.

Брашинский, И. Б. 1975. Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба. *Сообщения Государственного Эрмитажа*, XL, с. 36-38.

Виноградов, Ю. А. 2001. Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского. (Опыт интерпретации). *Вестник древней истории*, 4, с. 77-87.

Виноградов, Ю. А. 2012. *Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859—1917)*. Симферополь; Керчь. Боспорские исследования, XXVII.

Виноградов, Ю. А. 2017. Культура боспорской элиты при Спартокидах. *Боспорские исследования*, XXXIV, с. 112-223.

Гречко, Д. С. 2015. Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII—IV вв. до н. э. *Древности 2014—2015*, 13, с. 181-200.

Древности… 1854. *Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа*. Санкт-Петербург, I, III.

Дюбрюкс, П. 2010. *Собрание сочинений*. Санкт-Петербург: Коло, I: Тексты.

Калашник, Ю. П. 2014. *Греческое золото в собрании Эрмитажа: Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Копейкина, Л. В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. В: Грач, Н. Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, с. 28-63.

Королькова, Е. Ф. 2006. *Властители степей*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Манцевич, А. П. 1949. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху. *Вестник древней истории*, 2, с. 196-220.

Манцевич, А. П. 1969a. Бронзовые пластины из Второго Мастюгинского кургана. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 11, с. 104-113.

Манцевич, А. П. 1969b. Парадный меч из кургана Солоха. В: Златковская, Т. Д., Мелюкова, А. И. (ред.). *Древние фракийцы в Северном Причерноморье*. Москва: Наука, с. 96-118. Материалы и исследования по археологии СССР, 150.

Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.

Мачинский, Д. А. 1980. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. В: Луконин, В. Г. (ред.). *Культура Востока: Древность и раннее средневековье*. Ленинград: Аврора, с. 131-150.

Мещеряков, Д. В., Фёдоров, В. К., Яблонский, Л. Т. 2006. Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований. *Российская археология*, 1, с. 106-117.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стилос.

Монахов, С. Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары*. Саратов: Саратовский университет.

Мошинский, А. П. 2002. Золотое руно как символ царской власти. *Донская археология*, 1—2, с. 84-88.

Ольховский, В. С., Евдокимов, Г. Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н. э.* Москва.

Ольховский, В. С. 2005. *Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа*. Москва: Наука.

Онайко, Н. А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—27.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4—5.

Полидович, Ю. Б. 2006. Пектораль — символ жизни и смерти. *Журнал о металле*, 3—4 (9), с. 82-85.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филюк.

Рудольф, В. 1993. Большая пектораль из Толстой Могилы: работа «чертомлыцкого мастера» и его школы. *Археологические вести*, 2, с. 85-90.

Русяева, М. 2008. Образотворче і вжиткове мистецтво. В: Скрипник, Г., Михайлова, Р., Забашта, Р. (ред.). *Історія українського мистецтва*. Київ: ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України, 1: Мистецтво первісної доби та стародавнього світу, с. 380-565.

Савостина, Е. А. 1999. Греческая торевтика на скифские темы: заметки о стиле скульптурного декора. В: Вахтина, М. Ю. (ред.). *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Санкт-Петербург, с. 199-204.

Степанов, М. В. 2015. *Скифский хтонический миф и его отражение в погребальном обряде*. Киев: Олег Филюк.

Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. Н. 1988. *Мелитопольский курган*. Киев: Наукова думка.

Трейстер, М. Ю. 2010. Ювелирное дело и торевтика. В: Бонгард-Левин, Г. М., Кузнецов, В. Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Москва: Наука, 2, с. 534-597.

Уильямс, Д., Огден, Д. 1995. *Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V—IV века до н. э.* Санкт-Петербург: Славия.

Федосеев, Н. Ф. 2011. Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-оба. *Боспорские чтения*, XII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур, с. 377-385.

Федосеев, Н. Ф. 2016. Куль-Оба: погребальный комплекс боспорских царей. Скифское или фракийское влияние? В: Зуев, В. Ю., Хршановский, В. А. (ред.). *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура*. Санкт-Петербург: Палаццо, с. 215-223.

Черняков, І. Т., Підвисоцька, О. П. 1998. Технологія виробництва джгутів каркасу пекторалі з Товстої Могили. *Музейні читання*, с. 112-121.

Черняков, І. Т., Підвисоцька, О. П. 2000. Уточнення технології джгутів пекторалі з Товстої Могили (за даними рентгенограмми). В: Арустамян, Ж. Г. (ред.). *Музейні читання*. Київ: ІІІ, Лтд, с. 14-16.

Яковенко, Э. В. 1972. Курган на Темир-Горе. *Советская археология*, 3, с. 259-267.

Яковенко, Э. В. 1977. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, с. 140-145.

Alexander Mosaic. Режим доступу: https://en.wikipedia.org/wiki/Alexander_Mosaic#/media/File:Darius_close_up.JPG (Дата звернення 15 січня 2019).

Dally, O. 2007. Skythische und graeco-skythische bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, S. 291-298.

From the Lands… 1957. *From the Lands of the Scyt*hians: Ancient Treasures from the Museums of the U.S.S.R., 3000 BC—100 BC. New York: Metropolitan Museum of Art. The Metropolitan Museum of Art Bulletin, XXXII, 5.

Greifenhagen, A. 1970. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Berlin: Mann, I.

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world*. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill. Handbuch der Orientalistik, 2.

Karabelnik-Matta, M. (ed.). 1993. *Aus den Schatzkammern Eurasiens. Meisterwerke antiker Kunst. Katalog zur Ausstellung 29. Jan.—2. Mai 1993*. Zürich: Kunsthaus.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid- 7th to 3rd century BC*. Leningrad: Aurora.

Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker. 8. Jahrhundert v. Chr. bis 1. Jahrhundert n. Chr*. München: C. H. Beck.

Themelis, P. 2003. Macedonian dedications on the Akropolis. In: Palagia, O., Tracy, S. V. (ed.). *The Macedonians in Athens, 322—229 BC.: Proceedings of an International Conference held at the University of Athens, May 24—26, 2001*. Oxford: Oxbow, p. 162-172.

Treister, M. 2005. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD)*. Exeter: University of Exeter Press, p. 56-63, 190-194.

Williams, D. 1998. Identifying Greek Jewelers Goldsmiths. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: British Museum, p. 99-104.

REFERENCES

Alekseev, A. Iu. 1987. Zametki po khronologii skifskikh stepnykh drevnostei IV v. do n. e. *Sovetskaia arkheologiia*, 3, s. 28-39.

Alekseev, A. Iu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseev, A. Iu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarei iz sobraniia Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseev, A. Iu. 2016. Rannee pogrebenie Kul-Oby i skifskie grobnitsy. In: Zuev, V. Iu., Khrshanovskii, V. A. (ed.). *Elita Bospora i Bosporskaia elitarnaia kultura*. Sankt-Peterburg: Palatstso, s. 206-215.

Alekseev, A. Iu., Murzin, V. Iu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk. Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga: Artiia; Leningrad: Sovetskii khudozhnik.

Babenko, L. I. 2016. Pan i siuzhet pektorali: nesluchainye sovpadeniia? *Arkheolohia i davnia istoria Ukrainy*, 2, s. 9-26.

Babenko, L. I. 2018a. Konstruktsiia i tekhnika izgotovleniia zhguta grivny iz Kul-Oby. *Muzeini chytannia*. Kyiv: Feniks, s. 30-47.

Babenko, L. I. 2018b. O bordiurakh pektoralei iz Tolstoi Mogily i Bolshoi Bliznitsy. *Arkheolohia i davnia istoria Ukrainy*, 2, s. 155-163.

Babenko, L. I. 2018c. Pektoral ili grivna? (o sootvetstvii termina i morfologii ukrasheniia). *Stratum plus*, 3, s. 187-204.

Bidzilia, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila*. Kiev: Skif.

Boltrik, Iu. V. 2011. Elitnye kurgany kak markery territorialnoi struktury Skifii. *Recherches Archéologiques. Nouvelle serie*, 3, s. 101-112.

Brashinskii, I. B. 1975. Fasosskaia amfora s kleimom iz kurgana Kul-Oba. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, XL, s. 36-38.

Vinogradov, Iu. A. 2001. Kurgany varvarskoi znati V v. do n. e. v raione Bospora Kimmeriiskogo. (Opyt interpretatsii). *Vestnik drevnei istorii*, 4, s. 77-87.

Vinogradov, Iu. A. 2012. *Stranitsy istorii bosporskoi arkheologii. Epokha Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (1859—1917)*. Simferopol; Kerch. Bosporskie issledovaniia, XXVII.

Vinogradov, Iu. A. 2017. Kultura bosporskoi elity pri Spartokidakh. *Bosporskie issledovaniia*, XXXIV, s. 112-223.

Grechko, D. S. 2015. Ob osobykh vidakh pogrebenii u naseleniia vostochnoevropeiskoi Lesostepi VII—IV vv. do n. e. *Drevnosti 2014—2015*, 13, s. 181-200.

Drevnosti… 1854. *Drevnosti Bospora Kimmeriiskogo, khraniashchiesia v imperatorskom muzee Ermitazha*. III. Sankt-Peterburg, I.

Diubriuks, P. 2010. *Sobranie sochinenii*. Sankt-Peterburg: Kolo, I: Teksty.

Kalashnik, Iu. P. 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha: Pamiatniki antichnogo iuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomoria*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Kopeikina, L. V. 1986. Zolotye bliashki iz kurgana Kul-Oba. In: Grach, N. L. (ed.). *Antichnaia torevtika*. Leningrad: Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 28-63.

Korolkova, E. F. 2006. *Vlastiteli stepei*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Mantsevich, A. P. 1949. K voprosu o torevtike v skifskuiu epokhu. *Vestnik drevnei istorii*, 2, s. 196-220.

Mantsevich, A. P. 1969a. Bronzovye plastiny iz Vtorogo Mastiuginskogo kurgana. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 11, s. 104-113.

Mantsevich, A. P. 1969b. Paradnyi mech iz kurgana Solokha. In: Zlatkovskaia, T. D., Meliukova, A. I. (eds.). *Drevnie frakiitsy v Severnom Prichernomore*. Moskva: Nauka, s. 96-118. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, 150.

Mantsevich, A. P. 1987. *Kurgan Solokha. Publikatsiia odnoi kollektsii*. Leningrad: Iskusstvo.

Machinskii, D. A. 1980. Pektoral iz Tolstoi Mogily i velikie zhenskie bozhestva Skifii. In: Lukonin, V. G. (ed.). *Kultura Vostoka: Drevnost i rannee srednevekove*. Leningrad: Avrora, s. 131-150.

Meshcheriakov, D. V., Fedorov, V. K., Iablonskii, L. T. 2006. Staraia kollektsiia nakhodok iz Prokhorovki v svete noveishikh arkheologicheskikh issledovanii. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1, s. 106-117.

Mozolevskyi, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Naukova dumka.

Mozolevskii, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodiana i Soboleva mogily)*. Kiev: Stilos.

Monakhov, S. Iu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomore: kompleksy keramicheskoi tary*. Saratov: Saratovskij universitet.

Moshinskii, A. P. 2002. Zolotoe runo kak simvol tsarskoi vlasti. *Donskaia arkheologiia*, 1—2, s. 84-88.

Olkhovskii, V. C., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvaianiia VII—III vv. do n. e.* Moskva.

Olkhovskii, V. C. 2005. *Monumentalnaia skulptura naseleniia zapadnoi chasti evraziiskikh stepei epokhi rannego zheleza*. Moskva: Nauka.

Onaiko, N. A. 1970. *Antichnyi import v Pridneprove i Pobuzhe v IV—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—27.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniia Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4—5.

Polidovich, Iu. B. 2006. Pektoral — simvol zhizni i smerti. *Zhurnal o metalle*, 3—4 (9), s. 82-85.

Polin, S. V. 2014. *Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogilnik V—IV vv. do n. e. na Khersonshchine*. Kiev: Oleg Filiuk.

Rudolf, V. 1993. Bolshaia pektoral iz Tolstoi Mogily: rabota «chertomlytskogo mastera» i ego shkoly. *Arkheologicheskie vesti*, 2, s. 85-90.

Rusiaieva, M. 2008. Obrazotvorche i vzhytkove mystetstvo. In: Skrypnyk, H., Mykhailova, R., Zabashta, R. (eds.). *Istoriia ukrainskoho mystetstva*. T. 1: Mystetstvo pervisnoi doby ta starodavnoho svitu. Kyiv: IMFE im. M. T. Rylskoho NAN Ukrainy, s. 380-565.

Savostina, E. A. 1999. Grecheskaia torevtika na skifskie temy: zametki o stile skulpturnogo dekora. In: Vakhtina, M. Iu. (ed.). *Bosporskii fenomen: grecheskaia kultura na periferii antichnogo mira*. Sankt-Peterburg, s. 199-204.

Stepanov, M. V. 2015. *Skifskii khtonicheskii mif i ego otrazhenie v pogrebalnom obriade*. Kiev: Oleg Filiuk.

Terenozhkin, A. I., Mozolevskii, B. N. 1988. *Melitopolskii kurgan*. Kiev: Naukova dumka.

Treister, M. Iu. 2010. Iuvelirnoe delo i torevtika. In: Bongard-Levin, G. M., Kuznetsov, V. D. (ed.). *Antichnoe nasledie Kubani*. Moskva: Nauka, 2, s. 534-597.

Uiliams, D., Ogden, D. 1995. *Grecheskoe zoloto. Iuvelirnoe iskusstvo klassicheskoi epokhi. V—IV veka do n. e.* Sankt-Peterburg: Slaviia.

Fedoseev, N. F. 2011. Ellinskoe i varvarskoe v pogrebenii kurgana Kul-oba. *Bosporskie chteniia*, XII: Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekovia. Vzaimovliianie kultur, s. 377-385.

Fedoseev, N. F. 2016. Kul-Oba: pogrebalnyi kompleks bosporskikh tsarei. Skifskoe ili frakiiskoe vliianie? In: Zuev, V. Iu., Khrshanovskii, V. A. (ed.). *Elita Bospora i Bosporskaia elitarnaia kultura*. Sankt-Peterburg: Palatstso, s. 215-223.

Cherniakov, I. T., Pidvysotska, O. P. 1998. Tekhnolohiia vyrobnytstva dzhhutiv karkasu pektorali z Tovstoi Mohyly. *Muzeini chytannia*, s. 112-121.

Cherniakov, I. T., Pidvysotska, O. П. 2000. Utochnennia tekhnolohii dzhhutiv pektorali z Tovstoi Mohyly (za danymy renthenohrammy). In: Arustamian, Zh. H. (ed.). *Muzeini chytannia*. Kyiv: III, Ltd, s. 14-16.

Iakovenko, E. V. 1972. Kurgan na Temir-Gore. *Sovetskaia arkheologiia*, 3, s. 259-267.

Iakovenko, E. V. 1977. Pogrebenie bogatoi skifianki na Temir-Gore. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skify i sarmaty*. Kiev: Naukova dumka, s. 140-145.

Alexander Mosaic. Rezhym dostupu: https://en.wikipedia.org/wiki/Alexander_Mosaic#/media/File:Darius_close_up.JPG (Data zvernennia 15 sichnia 2019).

Dally, O. 2007. Skythische und graeco-skythische bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, S. 291-298.

From the Lands… 1957. *From the Lands of the Scyt*hians: Ancient Treasures from the Museums of the U.S.S.R., 3000 BC—100 BC. New York: Metropolitan Museum of Art. The Metropolitan Museum of Art Bulletin, XXXII, 5.

Greifenhagen, A. 1970. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Berlin: Mann, I.

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world*. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill. Handbuch der Orientalistik, 2.

Karabelnik-Matta, M. (ed.). 1993. *Aus den Schatzkammern Eurasiens. Meisterwerke antiker Kunst. Katalog zur Ausstellung 29. Jan.—2. Mai 1993*. Zürich: Kunsthaus.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid- 7th to 3rd century BC*. Leningrad: Aurora.

Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker. 8. Jahrhundert v. Chr. bis 1. Jahrhundert n. Chr*. München: C. H. Beck.

Themelis, P. 2003. Macedonian dedications on the Akropolis. In: Palagia, O., Tracy, S. V. (ed.). *The Macedonians in Athens, 322—229 BC.: Proceedings of an International Conference held at the University of Athens, May 24—26, 2001*. Oxford: Oxbow, p. 162-172.

Treister, M. 2005. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD)*. Exeter: University of Exeter Press, p. 56-63, 190-194.

Williams, D. 1998. Identifying Greek Jewelers Goldsmiths. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: British Museum, p. 99-104.

L. I. Babenko

TWISTED AND FALSE-TWISTED TORQUES FROM THE BOSPORAN TOREUTIC WORKSHOPS

For now five neck or pectoral ornamentals are known that have twisted or falsely twisted binders, which were made in the workshops of the Bospor jewelers. The binders construction is represented by three types which are different in their structure. The torque from the primary burial Kul-Oba is related to the first type. Its binder consisted of the twisted bronze pivot covered by a thin golden sheet, which followed the binder shape. The binders of the ornamentals of the second type represent a hollow pipe, which relief imitated the six round pivots spiral twisting (the torque from Solokha, the pectoral from the Tolstaya Mogila). The ornamentals of the third type have a binder that is made of twisted pipes or wires (the torque from the Kul-Oba, the pectoral from the Bolshaya Blyznitsa).

The first four ornamentals can be the products of the same workshop, and they can be made by the jewelers of two or three generations. The craftsman who made the pectoral from the Bolshaya Blyznitsa was most likely working in another workshop.

On the basis of the burial context, the torques (pectorals) with a massive twisted/falsely twisted binder can be considered as one of the markers of royal dignity of its owner.

Keywords: Scythians, torque, pectoral, Solokha, Kul-Oba, Tolstaya Mogila, Bolshaya Blyznitsa.

Одержано 27.01.2019.

БАБЕНКО Леонід Іванович, старший науковий співробітник, Харківський історичний музей імені М. Ф. Сумцова, вул. Університетська, 5, Харків-61003, Україна, *babenkolnd@gmail.com*.

BABENKO Leonid Ivanovich, Senior Researcher, M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum, Universytetska str. 5, Kharkiv, 61003, Ukraine, *babenkolnd@gmail.com*.

УДК: 904.5(477.7)”638”

С. Я. Ольговский

К ВОПРОСУ ОБ ОЧАГЕ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В статье сделана попытка выделить очаг металлообработки в Северном Причерноморье в VI—V вв. до н. э. При этом даётся пояснение, что под очагом металлообработки следует понимать не совокупность специализированных металлообрабатывающих центров, а регион сходного производства с едиными типологическими, химико-металлургическими характеристиками и единой технологией производства. Вопреки устаревшим утверждениям, уровень литейного ремесла в лесостепных скифских центрах в архаическое время был несравнимо выше, чем в греческих колониях и именно местные мастера обеспечивали население Северного Причерноморья изделиями из цветных металлов. Многие мастера работали на выездном промысле, то есть вели мобильный (бродячий) образ жизни, распространяя свою деятельность и на греческие колонии. Некоторые сплавы, в частности с примесью сурьмы и мышьяка, свидетельствуют о связях литейщиков с рудниками Поволжья и Урала. Но о поступлении оттуда напрямую металла в греческие колонии говорить не приходится. Никаких торговых путей из Ольвии в восточные области не существовало, поскольку ни на одном памятнике ананьинской культуры не известны греческие вещи. Скифские же украшения и оружие встречаются довольно часто. Поэтому именно через скифских купцов и металлургов металл с примесью сурьмы поступал в Северное Причерноморье и в частности греческие колонии.

Ключевые слова: *очаг металлообработки, литейщики, бродячие мастера, металлообрабатывающие центры, аксессуары ремесла, искусственные сплавы.*

Впервые вопрос об очаге металлообработки в Северном Причерноморье был затронут А. А. Иессеном применительно к эпохе бронзы (Иессен 1947, с. 26). И хотя в то, послевоенное время еще не были выработаны критерии этого явления, А. А. Иессен в целом был прав. Им в южной полосе было учтено не менее 20 кладов литейщиков, состоящие из бронзовых изделий, литейных форм, слитков металла и прочих аксессуаров литейного ремесла. Среди таких кладов случались и весьма крупные, такие как Маяцкий, Коблевский, Волошский.

Через 20 лет после выхода книги А. А. Иессена о северопричерноморском очаге металлообработки эпохи бронзы писал А. М. Лесков. Только на территории Украины он учел около тридцати кладов и мастерских литейщиков и отметил одно весьма существенное обстоятельство, а именно: лишь две мастерские — Красномаяцкая и Волошская — были связаны с поселениями (Лесков 1967, с. 143). Но наличие ремесленных центров при выделении очагов металлообработки вовсе необязательно. Ведь под очагом металлообработки, как определил, Е. Н. Черных, подразумевается регион сходного производства изделий с едиными типологическими, химико-металлургическими характеристиками и единой технологией производства. Таких очагов для эпохи бронзы этот автор выделяет три: ингуло-красномаяцкий, кардашинский и завадово-лобойковский, которые с различной степенью интенсивности функционировали, сменяя друг друга, с XIII по VIII вв. до н. э. (Черных 1976, с. 175). Порой территория такого очага может охватывать ареал нескольких смежных археологических культур. В данном же случае мастера названных очагов действовали в бассейнах больших рек — Днепра, Южного Буга, Днестра, доходя от побережья Черного моря далеко на север, в зону Полесья.

Е. Н. Черных также считает характерной чертой деятельности этих очагов то, что в Север-

© С. Я. ОЛЬГОВСКИЙ, 2019

ном Причерноморье литейные формы никогда не сопровождались явными и непременными следами литья и обработки литых изделий — бронзовыми «сплесками», каплями, обломками затёков в щели литейных форм и пр. Поэтому этот автор резонно предполагает, что северопричерноморские находки матриц территориально не были связаны с производственными помещениям или площадками и, следовательно, вопрос о связи литейных форм с бытовыми комплексами остаётся, в лучшем случае, открытым. Е. Н. Черных также предполагает, что клановые объединения мастеров металлообработки были достаточно строго отделены от рядовых общинников, поскольку кроме кладов бронзовых изделий и литейных форм, мы фактически не знаем памятников эпохи бронзы, оставленных этими ремесленниками. Не исключено, отмечает Е. Н. Черных, что эти кланы были *бродячими* (выделено мною — *С. О.*), хотя подобрать строгие аргументы для доказательства такого предположения, по словам этого автора, весьма трудно (Черных 1976, с. 174).

Думается такая осторожность суждений несколько излишня, поскольку к выводу о бродячей деятельности металлургов исследователи приходили неоднократно. Например, Н. Л. Членова, изучая степень сходства компонентов материальной культуры «Скифского мира», руководствуясь мнением английского археолога Д. Чартера, пишет, что некоторые сходные вещи изготавливали особые мастера-ремесленники, путешествующие по огромным пространствам и представляющие собой «интеллигенцию в воюющих ордах» (Членова 1993, с. 49). Е. Н. Черных, со ссылкой на английского исследователя-металлурга XIX в. Д. Перси, описывает плавильщиков железа из Бенгалии, многие из которых ведут кочевой образ жизни, оставаясь на одном месте лишь до тех пор, пока они могут найти там в достаточном количестве руду и уголь. Едва эти материалы начинают истощаться или даже какое-то обстоятельство покажется дурным предзнаменованием для этих суеверных людей, они тотчас же собирают свои пожитки и переселяются в ближайшую благоприятную местность, где снова начинают свои работы. Те же черты отличали уклад хозяйственной и общественной жизни клана металлургов и кузнецов, обитающего в джунглях Восточных Гат в Индии, о которых писал Л. Кэммуэйд (Черных 1972, с. 188).

Только с бродячими (странствующими) мастерами можно связывать находки аксессуаров литейного ремесла на памятниках, где больше никаких следов стационарного ремесла не обнаружено. Так на поселении восточно-тшинецкой культуры Зазимье была обнаружена изношенная форма, в которой отливались кельт и тесло, характерные для срубной культуры. (Клочко 1994, с. 117). Исследователи утверждают, что у племён восточнотшинецкой культуры вообще не было собственного бронзолитейного ремесла, по крайней мере, ни на одном исследованном поселении, кроме указанной литейной формы, никаких следов деятельности литейщиков не зафиксировано. А учитывая, что в этой форме отливались вещи, свойственные смежной культуре, объяснить данную находку можно только деятельностью бродячих мастеров.

Интересны также две литейные формы, обнаруженные на поселении Бондариха одноимённой культуры, которые характеризуют деятельность литейщиков в рамках завадоволобойковского очага металлообработки, которые работали на выездном промысле (Черных 1976, с. 81, 115).

Но вернёмся к работе А. А. Иессена. Изготовлением бронзовых изделий в Северном Причерноморье, по мнению этого автора, занято было местное население, а сосредоточение металлообработки именно здесь обуславливалось встречей в этом районе привозного металла с наличием необходимых для его обработки угля и дров, которые давали леса, распространенные в низовьях речных долин. С другой стороны, как отмечает А. А. Иессен, значение имела и большая выгода дальнейшего обмена готовыми изделиями, чем металлом в слитках. Особенно отчетливая концентрация находок в области Бугско-Днепровского лимана вызывалась, по мнению А. А. Иессена, как соединением здесь водных путей, связывающих этот район с обширной территорией в глубине страны, так и обилием здесь леса. Автор обращает внимание, что последнее обстоятельство отмечается еще много времени спустя Геродотом, который указывал как раз в районе левобережья нижнего Днепра местность Гилею, т. е. «Полесье». Еще много позже отражение этого же обстоятельства мы имеем в русском летописном названии Олешье, сохранившемся в несколько изменённом современном топониме Алешки. (Иессен 1947, с. 26, 27)

Далее А. А. Иессен отмечает, что в этом районе мы видели возникновение первых сношений с югом еще в самом начале II тыс., здесь же в рассматриваемое время продолжают встречаться пути сношений как с юго-западом, так и с юго-востоком. Несомненно, что именно в этом районе, при общем для всего Северного Причерноморья росте меновых и торговых связей, в начале I тыс. до н. э. формируется очаг наиболее интенсивных сношений с побережьями Черного моря от Малой Азии и Фракии до Крыма и Кавказа.

Мы подробно анализируем выводы А. А. Иессена, поскольку этот автор первый затронул проблемы металлообработки на территории Северного Причерноморья и считал её развитие непрерывным процессом, начиная с ранней бронзы и до появления здесь греческих колонистов, которые в новых условиях стали

продолжателями местных металлообрабатывающих традиций.

В дальнейшем С. И. Капошина, говоря о цветной металлообработке в греческих колониях, как и А. А. Иессен, считала, что это явление было логическим продолжением деятельности мастеров позднебронзового века. По её мнению, в Ольвия в VI—V вв. до н. э. была единственным центром производства пышного, украшенного золотом вооружения для скифских царей, многочисленных наконечников стрел для воинов, не менее многочисленных и разнообразных украшений конской узды, золотых нашивных бляшек на одежду и многих других предметов быта и личного убранства скифов. Подводя же итог своему исследованию, этот автор пишет о наличии в Северном Причерноморье наиболее раннего *очага художественной* (отмечено мною — *С. О.*) обработки металла с центром в Ольвии (Капошина 1956, с. 187). Помимо широкого сбыта такого рода изделий населению Скифии, известное количество их поступало на внутренний рынок самой Ольвии, поскольку в быту какой-то части ее населения употреблялись такие предметы и украшения, выполненные в зверином стиле (Капошина 1956, с. 172).

Как видим, в понятие «очаг художественной обработки металла» С. И. Капошина вкладывает географический смысл. Из контекста следует, что это некая территория вокруг Ольвии, население которой обеспечивалось изделиями из металлообрабатывающих мастерских этого центра. В этом отношении этот автор следовал за А. А. Иессеном, который считал, что процесс роста местного колониального производства являлся основным и решающим фактом для всего дальнейшего развития взаимоотношений местного населения и греков. После случайных посещений побережья греческими мореходами, после периода временных факторий и доколониальной торговли, наконец, после периода существования постоянных колоний как чисто торговых центров, превращение этих поселений в крупные производственные очаги является *закономерным этапом* (выделено мною — *С. О.*) в развитии сношений причерноморских племен с греками. Только с этого времени греческие города, игравшие первоначально посредническую роль между «скифами» и метрополией, стали органической частью культурного комплекса северного Причерноморья. Только с этого времени мог начаться исторический процесс слияния культуры греческой и местной, наиболее интенсивно протекавшей на Боспоре и приведший к созданию смешанной культуры, уже не греческой, но и не собственно местной, которая ярко выступает в позднейшем Боспорском царстве эллинистического и римского времени (Иессен 1947, с. 82—83).

Следует отметить, что ошибочность такой позиции состоит, прежде всего, в том, что ольвийская металлообработка не имеет генетической связи с ремеслом предшествующей эпохи, о чем неоднократно писалось (Ольговский 2014). Да и появление в Северном Причерноморье греческой культуры в целом следует рассматривать без учета местных элементов предшествующей поры. Например, В. В. Лапин, проанализировав историческую обстановку в Северном Причерноморье в доколонизационный период, писал, что для второй половины VII — начала VI вв. до н. э. на изучаемой территории нельзя выделить определённой группы поселений. По его словам, «в основном создаётся впечатление, что жизнь в это время на поселениях в степном Приднепровье и Приазовье замирает. Только в VI в. до н. э. в отдельных районах по берегам Днепра и Бугского лимана возникают поселения и курганные могильники, что нужно связывать с изменениями и событиями в жизни населения» (Лапин 1966, с. 42).

То же можно сказать и о скифской металлообработке. Е. Н. Черных отмечал, что одной из самых неясных проблем истории металлургии конца позднего бронзового века является видимое отсутствие генетической связи между металлообработкой этого времени и последующей — скифской. Даже принимая во внимание переходный период, знаменующий появление памятников черногоровско-камышевахского типа со своеобразным набором оружия в погребениях, трудно наметить ясные связующие нити между позднебронзовым и раннежелезным металлопроизводством (Черных 1976, с. 198).

Т. Б. Барцева также пишет, что основа, на которой сложилась металлообработка предскифского времени, пока не ясна и не находит полного соответствия ни с одной из культур переходной поры, равно как и отсутствует преемственность в развитии традиций цветной металлообработки киммерийского и скифского времени (Барцева 1981, с. 16).

В 1950-х гг. уровень развития ольвийской металлообработки также явно переоценивался. Буквально за год до выхода работы С. И. Капошиной Е. О. Прушевская утверждала, что характер ольвийской продукции, типы изделий, техника их отливки и стиль настолько своеобразны, что «есть возможность говорить об особом, специфическом ольвийском характере изделий и созданном в Ольвии в VI в. до н. э. художественном стиле» (Прушевская 1955, с. 328). Говоря об эволюции литейного дела в Ольвии, Е. О. Прушевская пишет, что в VI в. до н. э. здесь изготовлялось много изделий, но художественный подъём постепенно, к V в. падает и центр торговли перемещается на Боспор (Прушевская, 1955, с. 332).

Странно, но в Пантикапее ко времени написания и выхода статей Е. О. Прушевской и С. И. Капошиной уже была исследована бронзолитейная мастерская VI в. до н. э., плавиль-

ная печь в которой была конструктивно схожая с печами, изображенными на чернофигурной вазе из Орвието и на чаше из берлинского музея, опубликованных Х. Блюмнером еще в XIX в. (Blumner 1887, fig. 50, 51). В пантикапейской мастерской имел место специфический слой, содержащий следы металлургического производства — уголь, шлаки, глиняные сопла для нагнетания воздуха в печь, железные штампы, глиняный тигель с крышкой и обломки литейных форм, в одной из которых отливалось изделие в виде задней лапы кошачьего хищника (Марченко 1957, с. 164). В Ольвии же, хотя все исследованные бронзолитейные мастерские и датируются VI — V вв. до н. э., литейных форм или их фрагментов этого времени известно немногим более десятка. А вот в IV в. до н. э. количество литейных форм значительно возрастает, хотя сами бронзолитейные мастерские отсутствуют. Меняется и ассортимент литейной продукции. Если раньше это были наконечники стрел и украшения, выполненные в зверином стиле, то теперь это, в основном, мелкие украшения греческих типов.

Особо следует отметить отсутствие в ольвийских мастерских специфического слоя с отходами литейного производства, что отличает их и от пантикапейской мастерской, и от мастерской открытой в 1979 г. в Фанагории, а также от мастерских в лесостепном Поднепровье.

Таким образом, до второй половины XX в. обработка цветных и драгоценных металлов в Северном Причерноморье связывалась исключительно с работой греческих мастеров сначала в Ольвии, а с IV в. до н. э. — на Боспоре. Работа же местных мастеров из варварского окружения во внимание не бралась. Конечно нельзя сравнивать объёмы археологических работ в греческих колониях и на скифских памятниках оседлого быта, начало планомерного исследования которых положило начало раскопок на Бельском городище в 1958 г. Но и ранее, порой эпизодические, работы на скифских городищах давали яркие свидетельства наличия местного литейного ремесла. Так, еще в конце XIX в. Н. А. Зарецкий обнаружил не заточенные наконечники стрел на городище Разоренная Могила у с. Лихачевка на Харьковщине (Зарецкий 1888, с. 229). В. А. Городцов в зольнике на Бельском городище также обнаружил значительное количество руды и не заточенные наконечники стрел (Городцов 1911, с. 93). С Бельским городищем Б. А. Шрамко связывает и створку литейной формы для отливки наконечников стрел из коллекции А. А. Бобринского, поступившую в Киевский исторический музей в 1906 г. Первоначально ее относили к древностям из окрестностей Смелы, поскольку практически вся коллекция А. А. Бобринского происходила из этой местности. Но, учитывая, что А. А. Бобринский еще в 1887 г. производил разведывательные работы на Бельском городище, вполне возможно, что форма была найдена тогда же (Шрамко 1999, с. 323).

Тем не менее, дальнейшие построения исторических моделей совершались без учета этих находок. Греческим мастерам приписывалось авторство в изготовлении оригинальных бронзовых изделий, выполненных в скифском зверином стиле, это стало аксиомой и поколебать эту глыбу, казалось, невозможно. Даже начало исследования Шарповского городища в бассейне р. Тясмин в 1938 г., на котором были обнаружены выразительные следы обработки металлов, осталось без внимания апологетов превосходства греческой культуры над скифской. А здесь был исследован плавильный горн, вокруг которого были обнаружены шлаки, незаточенные наконечники стрел, мелкие инструменты. Причем автор раскопок особо отмечает северный район памятника, который, по её словам, был «индустриализирован», значительно богаче и эллинизирован, то есть население этого района в основном было занято в ремесленном производстве, было более зажиточным, пользовалось греческой посудой, доля которой в керамическом комплексе этой части памятника составляла до 30 % (Фабіціус 1949, с. 93).

В дальнейшем, после начала исследования Бельского городища, выразительные следы обработки цветных металлов были обнаружены на левобережных городищах Кнышевском, Коломакском, Лихачевском, Люботинском, Полковая Никитовка. На правом же берегу Днепра, кроме Шарповского городища, металлообрабатывающими центрами были Жаботинское и Мотронинское городища в бассейне р. Тясмин и поселение Грищенцы около Канева. Мастерские этих центров имеют логически завершенный вид — соответствующий культурный слой, плавильные горны, многочисленные литейные формы и специализированные инструменты, порой уникальные, например, напильник, пилка по металлу (Ольговський 2009, с. 135—141).

Вероятно, мастера из этих центров выезжали и на выездной промысел. Именно с таким видом деятельности следует связывать обломки тиглей и бронзолитейные шлаки на трёх селищах вдоль западного склона Лозового Яра вблизи от Коломакского городища (Радзиевская 1979, с. 393), которое уже отмечено как ремесленный центр и на котором были обнаружены в 1979 г. обломки стенок горна (Радзиевская 1980, с. 327), а в 1982 г. — остатки самого плавильного горна (Радзиевская 1984, с. 321).

Интересны также находки на Северском Донце. Так, на селище Островерховка были обнаружены обломок плавильного тигля и льячка в виде глиняной ложки с носиком для выливания расплава, а также слиток меди в виде лепёшки. На селище Шелковая были обнаружены подобный же слиток, полуфабрикат стрелы и глиняная льячка. Медные слитки

и бракованный наконечник стрелы были обнаружены на селище Большая Даниловка, а из селища у с. Подворок происходят два бракованных трёхлопастных наконечника стрел (Шрамко 1962, с. 209—211).

Известны были в Украинской лесостепи и случайные находки литейных форм. В своё время Б. Н. Граков, оперируя именно такими формами писал, что литейных форм в Скифии известно немного — три—четыре каменных для отливки украшений и три медные для изготовления наконечников стрел (Граков 1954, с. 123). Имелись в виду две фрагментированные формы для отливки наконечников стрел из коллекций Б. И. Ханенко и А. А. Бобринского, хранящиеся в Киевском историческом музее, стержень, фиксирующий створки формы из Ольвии и еще назывались формы для отливки наконечников стрел из Семипалатинска, Пермского края и Мосула (Ирак).

В последнее время стало известно еще о нескольких случайных находках литейных форм для производства стрел. Прежде всего, это створка-кокиль и два фиксирующих стержня с Большого Бельского городища (Шрамко 1999, с. 322— 323). Кроме того, в частных коллекциях находятся формы, случайно найденные близ Симферополя и на Днепровском побережья в районе Черкасс (Зеленин 2011, с. 231—232), а также два клада из Полтавской обл. и один из Тернопольской. В одном из полтавских кладов находилась одна, а в другом три литейные формы в полном сборе, а в тернопольском — одна форма (Зеленин 2013, с. 240—248). Следует также назвать неопубликованную литейную форму из-под Белгорода (Россия). Она также находится в частной коллекции, информацию о ней предоставил Ю. Зеленин, за что приношу ему большую благодарность. Таким образом, коллекция скифских литейных форм VI в. до н. э. значительно превышает ольвийскую. Но дело даже не в количестве, а в организации производства.

С одной стороны, названные находки не несут никакой смежной информации. Но литейные формы из Мосула (Ирак) и Кархемыша (Сирия), в которых отливались наконечники стрел скифского типа, позволили предположить наличие мастеров оружейников в обозе скифского войска, которые сопровождали его во время ближневосточного похода (Ольговський 2015, с. 69). Естественно, в обозе царской дружины также находились литейщики, обеспечивающие воинов наконечниками стрел — наиболее востребованным видом вооружения, ведь каждый скифский воин, прежде всего, был лучником. Этим мастерам приходилось работать во время кратковременных остановок дружины. Строить мастерские в таком случае было не рационально, сооружались временные плавильные горны, а утерянные в высокой траве и зимой в снегу детали, найти было трудно, и они были обнаружены только в наше время. Косвенно подтверждается это и тем, что все случайно найденные литейные формы предназначались для отливки исключительно наконечников стрел.

Влияние варварских мастеров распространялось на античные колонии с самого начала их существования. Утверждения, что греческие колонисты с момента своего прибытия в Северное Причерноморье сразу наладили производство изделий в варварском стиле, не выдерживают критики. Основной контингент переселенцев составляли бедные обезземеленные крестьяне. Ремесленники, думается, находились в более выгодном положении и бросать налаженное дело ради эфемерных перспектив в неизвестных землях могли только отъявленные авантюристы. Ремесленник сразу лишался постоянной клиентуры и заработка, а литейщик, ко всему, лишался источников сырья, а без этого наладить стабильное производство на новом месте было невозможно. Кроме того, типологический спектр изделий из ранних слоёв Березани, Ольвии, а также Ягорлыцкого поселения свидетельствует, что здесь бытовали изделия из фракийского бассейна, Северного Кавказа, Среднего Поднепровья и даже Западной Сибири и изучить конъюнктуру рынка при этом колонисты не могли физически.

Становление металлообработки в Северном Причерноморье, на наш взгляд, происходило следующим образом. К концу VII в. до н. э. на Березанском поселении работали бродячие варварские мастера, которые отливали наконечники стрел, мелкие украшения и, возможно, какие-то бытовые изделия. На рубеже VII и VI вв. до н. э. в устье Днепра возникает Ягорлыцкое поселение, которое представляло собой сезонное торжище, на котором в тёплое время года работали литейщики, кузнецы, стекольщики — выходцы из различных областей. После основания Ольвии мастера арендуют в городе жильё, где устраивают мастерские и обеспечивают местный рынок своей продукцией. Выезжали они и на периферию, о чем свидетельствуют изношенные литейные формы на поселениях хоры (Ольговский 2009а, с. 252 сл.), а также погребение литейщика в Марицинском могильнике, совершенное по скифскому обряду, свойственному населению лесостепного Посулья и сопровожденное литейной формой для отливки уздечных бляшек в виде головы пантеры (Ebert 1913, s. 9, fig. 6).

Приобщали, по-видимому, варварские мастера к литейному ремеслу и колонистов, которые постепенно налаживали уже собственное колониальное производство. Участие греческих мастеров в ольвийской металлообработке, например, прослеживается на изготовлении литых дельфинчиков. При типологическом разнообразии и различных химико-металлургических характеристиках металла можно вы-

делить группу дельфинов, отлитых из оловянно-свинцовой бронзы и имеющих достаточно реалистичную форму. Остальные же дельфины имеют самую разнообразную форму — от примитивно схематичной до формы тела осетра. Достаточно сказать, что в свое время Л. П. Харко выделил пять стилистических групп и более семидесяти (!) вариантов исполнения дельфинов (Харко 1964, с. 324).

При этом для отливки части дельфинов использовалось 9 типов металлургических сплавов. Это «металлургически» чистая медь, оловянная, мышьяковая, сурьмяная бронза, а также сплавы с различным сочетанием мышьяка, олова, свинца и сурьмы (Ольговский 1986, с. 102). А если учесть, что с появления монетной формы денег монеты одного центра и одного номинала, как правило, характеризуются стойкостью типологических и химико-металлургических характеристик, мы позволили себе предположить, что отлитые из сплавов с примесью сурьмы и мышьяка анепиграфные дельфины изготовлялись варварскими мастерами (Ольговский 2014, с. 137). Скифские мастера не были знакомы с греческой письменностью, поэтому дельфины с надписями APIXO и ΘY, отливавшиеся стабильно из оловянно-свинцовой бронзы, изготовляли уже греческие мастера — выходцы из колониальной среды. То же самое можно сказать и о литых ассах. При стабильности формы они все отлиты из оловянно-свинцовой бронзы. Кроме того, скифские мастера знали только такие приёмы обработки металла, как литье и тиснение. Чеканка им была незнакома, поэтому и первые ольвийские монеты были литые, а греческие мастера унаследовали этот приём от варварских мастеров.

Особо следует оговорить использование варварскими мастерами меди с высоким содержанием сурьмы и мышьяка. Она вошла в научный оборот под названием волго-камской (Черных, Кузьминых, 1989, с. 173). Каким образом эта медь могла попасть в Северное Причерноморье и в частности в Ольвию? С одной стороны, всё можно было объяснить торговым путём из Ольвии в Поволжье и на Урал, о котором писал Б. Н. Граков (Граков 1947, с. 23—24) и существование которого никто не оспаривал, более того, это утверждение стало аксиомой и повсеместно использовалось при построении моделей скифо-античных отношений. Но выделен этот торговый путь был на основании находок в Поволжье всего лишь нескольких зеркал так называемого «ольвийского» типа. Больше никаких греческих вещей в этой области нет. Да и зеркала эти «ольвийскими» названы условно, скорее по традиции, поскольку никаких следов изготовления последних в Ольвии нет. Какое-то количество их просто было найдено в Ольвийском некрополе. А вот скифские украшения, выполненные в традиционном зверином стиле, и оружие на памятниках ананьинской культуры встречаются довольно часто. Кроме того, Геродот писал о людях, лысых от рождения, живущих у высоких гор. Имя этого народа аргиппеи, а земли до этих людей хорошо известны, поскольку к ним иногда приходят скифы и ведут с ними беседу при помощи переводчиков на семи языках (IV, 23, 24). Поэтому вполне логично будет предположить, что металл с примесью сурьмы и мышьяка поступал из Поволжья и Приуралья сначала к скифским мастерам, а они завозили его в Ольвию и использовали при отливке дельфинов.

К концу V в. до н. э. жизнь на скифских городищах лесостепной зоны постепенно затухает. Падает и роль бронзолитейного ремесла. В IV в. до н. э. следы этой деятельности явно прослеживаются только в песчаных кучугурах возле Каменского городища на Днепре. В то же время наблюдается расцвет ювелирного ремесла на Боспоре, где изготавливались шедевры торевтики, обнаруженные в курганах высшей скифской знати. Но для архаического времени мы можем с полной уверенностью говорить о функционировании скифского очага металлообработки в Северном Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

Барцева, Т. Б. 1981. *Цветная металлообработка скифского времени*. Москва: Наука.

Городцов, В. А. 1911. Дневник археологических исследований в Заньковецком уезде Полтавской губ. в 1096 г. *Труды XIV Археологического съезда*, 3, с. 93-161.

Граков, Б. М. 1947. Чи мала Ольвія торгівельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи. *Археологія*, I, с. 23-37.

Граков, Б. Н. 1948. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. *Краткие сообщения ИИМК*, XXII, с. 34-47.

Зарецкий, И. А. 1888. Заметки о древностях Харьковской губ. Богодуховского уезда, слободы Лихачёвка. *Харьковский сборник*, 2, с. 229-246.

Зеленин, Ю. 2011. Новые литейные формы, найденные в Украине. *Домонгол*, 2, с. 23-233.

Зеленин, Ю. 2013. Новые находки, связанные с цветной металлообработкой. *Домонгол*, 3, с. 240-250.

Иессен, А. А. 1947. *Греческая Колонизация Северного Причерноморья*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Капошина, С. И. 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 50, с. 154-189.

Клочко, В. И. 1994. Металлургическое производство в энеолите. В: Черняков, И. Т. (ред.). *Ремесло эпохи энеолита — бронзы на Украине*. Киев: Наукова думка, с. 96-132.

Лапин, В. В. 1966. *Греческая колонизация Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Лесков, А. М. 1967. О Северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В: Лесков, А. М., Мерперт, Н. Я. (ред.). *Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР*. Киев: Наукова думка, с. 143-178.

Марченко, И. Д. 1957. Материалы по обработке и металлургии Пантикапея. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 56, 160-173.

Ольговский, С. Я. 1986. Металл литых монет Нижнего Побужья. В: Русяева, А. С. (ред.). *Ольвия и её округа*. Киев: Наукова думка, с. 89-105.

Ольговський, С. Я. 2009a. Бронзоливарні майстерні Північного Причорномор'я архаїчного часу. *Vita Antiqua*, с. 135-141.

Ольговский, С. Я. 2009b. Литейное ремесло на ольвийской периферии. В: Бунятян, Е. П. (ред.). *Ольвийские древности*. Киев: ИА НАНУ, с. 252-257.

Ольговский, С. Я. 2014a. *Цветная металлообработка в Северном Причерноморье в VII—V вв. до н. э.* Москва: Университет Дмитрия Пожарского.

Ольговський, С. Я. 2014b. До інтерпретації випадкових знахідок скіфських ливарних форм для наконечників стріл. *Сіверщина в історії України*, 7, с. 50-53.

Ольговський, С. Я. 2016. Походження форм для відливання скіфських наконечників стріл. *Сіверщина в історії України*, 9, с 120-125.

Прушевская, Е. О. 1955. Художественная обработка металла Ольвии, Боспора и Херсонеса. *Античные города Северного Причерноморья*, 1, с. 325-355.

Радзиевская, В. Е. 1979. Продолжение исследований Коломакского городища. *Археологические открытия в СССР 1978 г.*, с. 393.

Радзиевская, В. Е. 1980. Исследования Коломакского городища. *Археологические открытия в СССР 1979 г.*, с. 327.

Радзиевская, В. Е. 1984. Работы в Харьковской области. *Археологические открытия в СССР 1979 г.*, с. 348.

Фабріціус, І. В. 1949. Тясминська експедиція. *Археологічні пам'ятки УРСР*, 2, с. 80-111.

Харко, Л. П. 1964. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг. В: Гайдукевич, В. Ф. (ред.). *Ольвия. Теменос и агора.* Москва; Ленинград, с. 321-379.

Черных, Е. Н. 1972. *Металл — человек — время.* Москва: Наука.

Черных, Е. Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва: Наука.

Черных, Е. Н., Кузьминых, С. В. 1989. *Древняя металлургия Северной Евразии.* Москва: Наука.

Членова, Н. Л. 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира». *Петербургский археологический вестник*, 7, с. 49-75.

Шрамко, Б. А. 1962. *Древности Северского Донца.* Харьков: ХГУ.

Шрамко, Б. А. 1999. К вопросу о бронзолитейном производстве у скифов. В: Мелюкова, А. И. (ред.). *Евразийские древности*. Москва: ИА РАН, с. 318-324.

Blümner, H. 1887. *Tehnologie und Terminologie der Gewerbe und Künstebei Grichen und Römern*. Leipzig: Teubner.

Ebert, M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouw. Cherson. *Prahistorische zeitschrift*, V, 1—2, S. 1—80.

REFERENCES

Bartseva, T. B. 1981. *Tsvetnaya metalloobrabotka skifskogo vremeni.* Moskva: Nauka.

Gorodtsov, V. A. 1911. Dnevnik arheologicheskih issledovaniy v Zankovetskom uezde Poltavskoy gub. v 1096 g. *Trudy XIV Arheologicheskogo s'ezda*, 3, s. 93-161.

Grakov, B. M. 1947. Chi mala Olvlya torgivelni znosini z Povolzhyam i Priurallyam v arhayichnu i klasichnu epohi. *Arheologiya*, I, s. 23-37.

Grakov, B. N. 1948. Liteynoe i kuznechnoe remeslo u skifov. *Kratkie soobscheniya IIMK*, XXII, s. 34-47.

Zaretskiy, I. A. 1888. Zametki o drevnostyah Harkovskoy gub. Bogoduhovskogo uezda, slobody Lihachyovka. *Harkovskiy sbornik*, 2, s. 229-246.

Zelenin, Yu. 2011. Novye liteynye formy, naydennye v Ukraine. *Domongol*, 2, s. 23-233.

Zelenin, Yu. 2013. Novye nahodki, svyazannye s tsvetnoy metalloobrabotkoy. *Domongol*, 3, s. 240-250.

Iessen, A. A. 1947. *Grecheskaya Kolonizatsiya Severnogo Prichernomorya*. Leningrad: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Kaposhina, S. I. 1956. O skifskih elementah v kulture Olvii. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 50, s. 154-189.

Klochko, V. I. 1994. Metallurgicheskoe proizvodstvo v eneolite. In: Chernyakov, I T. (ed.). *Remeslo epohi eneolita — bronzyi na Ukraine*. Kiev: Naukova dumka, s. 96-132.

Lapin, V. V. 1966. *Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka.

Leskov, A. M. 1967. O severoprichernomorskom ochage metalloobrabotki v epohu pozdney bronzy. In: Leskov, A. M., Merpert, N. Ya. (ed.). *Pamyatniki epohi bronzy Yuga Evropeyskoy chasti SSSR*. Kiev: Naukova dumka, s. 143-178.

Marchenko, I. D. 1957. Materialyi po obrabotke i metallurgii Pantikapeya. *Materialyi i issledovaniya po arheologii SSSR*, 56, s. 160-173.

Olgovskiy, S. Ya. 1986. Metall lityih monet Nizhnego Pobuzhya. In: Rusyaeva, A. S. (ed.). *Olviya i eyo okruga.* Kiev: Naukova dumka, s. 89-105.

Olgovskiy, S. Ya. 2009a. Bronzolivarni maysterni Pivnichnogo Prichornomorya arhaïchnogo chasu. *Vita Antiqua*, 2009, 7—8, s. 135-141.

Olgovskiy, S. Ya. 2009b. Liteynoe remeslo na olviyskoy periferii. In: Bunyatyan, E. P. (ed.). *Olviyskie drevnosti.* Kiev: IA NANU, s. 252-257.

Olgovskiy, S. Ya. 2014a. *Tsvetnaya metalloobrabotka v Severnom Prichernomore v VII—V vv. do n. e.* Moskva: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

Olgovskiy, S. Ya. 2014b. Do interpretatsiï vipadkovih znahidok skifskih livarnih form dlya nakonechnikiv stril. *Siverschina v istorii Ukrainy*, 7, s. 50-53.

Olgovskiy, S. Ya. 2016. Pohodjennya form dlya vidlivannya skifskih nakonechnikiv stril. *Siverschina v istorii Ukrainy*, 9, s 120-125.

Prushevskaya, E. O. 1955. Hudojestvennaya obrabotka metalla Olvii, Bospora i Hersonesa. *Antichnyie goroda Severnogo Prichernomorya*, 1, s. 325-355.

Radzievskaya, V. E. 1979. Prodoljenie issledovaniy Kolomakskogo gorodischa. *Arheologicheskie otkryitiya v SSSR 1978 g.*, s. 393.

Radzievskaya, V. E. 1980. Issledovaniya Kolomakskogo gorodischa. *Arheologicheskie otkryitiya v SSSR 1979 g.*, s. 327.

Radzievskaya, V. E. 1984. Rabotyi v Harkovskoy oblasti. *Arheologicheskie okryitiya v SSSR 1983 g.*, s. 348.

Fabritsius, I. V. 1949. Tyasminska ekspeditsiya. *Arheologichni pamyatky URSR*, 2, s. 80-111.

Harko, L. P. 1964. Monetyi iz raskopok Olvii v 1946—1947 gg. In: Gaydukevich, V. F. (ed.). *Olviya. Temenos i agora.* Moskva; Leningrad, s. 321-379.

Chernyih, E. N. 1972. *Metall — chelovek — vremya*. Moskva: Nauka.

Chernyih, E. N. 1976. *Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR*. Moskva: Nauka.

Chernyih, E. N., Kuzminyih, S. V. 1989. *Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii*. Moskva: Nauka.

Chlenova, N. L. 1993. O stepeni shodstva komponentov materialnoy kultury v predelah «Skifskogo mira». *Peterburgskiy arheologicheskiy vestnik*, 7, s. 49-75.

Shramko, B. A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa.* Harkov: HGU.

Shramko, B. A. 1999. K voprosu o bronzoliteynom proizvodstve u skifov. In: Melukova, A. I. (ed.). *Evraziyskie drevnosti.* Moskva: IA RAN, s. 318-324.

Blümner, H. 1887. *Tehnologie und Terminologie der Gewerbe und Künstebei Grichen und Römern*. Leipzig: Teubner.

Ebert, M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouw. Cherson. *Prahistorische zeitschrift*, V, 1—2, S. 1—80.

S. Ya. Olgovskyi

FURTHER THOUGHTS ON THE CENTER OF METALWORKING IN NORTH PONTIC REGION IN THE EARLY IRON AGE

The paper is attempt to identify the hotbed of metalworking in the Northern Black Sea region in the 6th—5th centuries BC. At the same time, an explanation is given that the hotbed of metalworking should be understood not as a complex of specialized metalworking centers, but as a region of similar production with uniform typological, chemical and metallurgical characteristics, and unified production technology. Contrary to outdated claims, the level of foundry in the forest-steppe Scythian centers in the archaic time was incomparably higher than in the Greek colonies, and it was the local craftsmen who provided the population of the Northern Black Sea region with products made of non-ferrous metals. Many craftsmen worked in the off-premise way, that is, they led a mobile (wandering) lifestyle, extending their activities to the Greek colonies. Some alloys, with an admixture of antimony and arsenic in particular, indicate the links of the foundry workers to the mines of the Volga region and the Urals. However, it is not possible to speak of metal coming from there directly into the Greek colonies. There were no trade routes from Olbia to the eastern regions, since no Greek thing is known on any of the monuments of the Ananian culture. On the contrary, Scythian ornaments and weapons are quite common. Therefore, it was through the Scythian merchants and metallurgists that the metal with an admixture of antimony entered the Northern Black Sea region and the Greek colonies in particular.

Keywords: metalworking hotbed, casters, wandering craftsmen, metalworking centers, craft accessories, artificial alloys.

Одержано 29.01.2019

ОЛЬГОВСЬКИЙ Сергій Якович, кандидат історичних наук, професор, Київський національний університет культури і мистецтв, вул. Є. Коновальця 36, Київ, 01601, Україна, *olgovski@online.ua*.
OLGOVSKIY Sergiy Yakovych, Candidate of Historical Sciences, professor, Kyiv National University of Culture and Arts, E. Konovaltsya st., Kyiv, 01601, Ukraine, *olgovski@online.ua*.

УДК: 904.2(477.46)”638”

В. В. Романюк

СКАРБИ БРОНЗОВИХ ПРУТКІВ СЕРЕДНЬОГО ПОРОССЯ

У статті розглянуті знахідки, які свідчать про розвинене бронзоливарне виробництво на поселенських пам’ятках скіфської доби в Пороссі.

Ключові слова: *Середнє Поросся, скарби бронзових прутків, хімічний склад металу, скіфська доба.*

У фондах Історично-природничого музею «Перлини Поросся» в м. Тараща зберігаються чимала колекція бронзових виробів різного функціонального призначення та залишків бронзоливарного виробництва, отриманих під час системних археологічних обстежень на поселенських пам’ятках скіфської доби другої половини VII — V ст. до н. е. Всі ці знахідки походять з території Таращанського р-ну, який займає вододіл р. Рось та Гнилий Тікич. На сьогодні тут відомо вже понад 45 поселень скіфської доби, більшість з яких тяжіють до басейну р. Рось. Вони розташовані компактними «кущами», на відстані від 1 до 10 км від центрального місця — городища ранньоскіфської доби, яке знаходилося на території сучасного м. Тараща.

Найвиразніші знахідки походять зі згаданого городища, а також поселенських «кущів» навколо сіл Салиха, Криве, Лук’янівка, Кислівка, Лісовичи, Володимірівка. На Таращанському городищі в 1989 р. на одному з об’єктів було знайдено (у двох фрагментах) частину глиняної ливарної форми ранньоскіфського часу для відливання бронзового штампа, на якому потім виготовлялися золоті бляшки; уламок бронзового браслета, вістря стріли, мідна голка. Пізніше в культурному шарі виявлено уламок бронзового трьохкільчастого псалія (Бессонова, Романюк 2004, с. 90—102).

© В. В. РОМАНЮК, 2019

На поселеннях скіфської архаїки в межах «куща» (7 селищ) поблизу с. Салиха археологічними обстеженнями виявлено комплекс знахідок. Серед них 3 вістря масивних дволопатевих стріл доскіфського періоду. Також — мідні «платіжні» зливки, 2 цвяхоподібні сережки; бронзове зубильце, уламок серпа, орнаментована пронизка, лита мідна фігурка, що найбільше нагадує лиса, предмети спорядження коня, виконані в техніці лиття і представлені фрагментом кільця, прикрашеного округлими виступами з отворами, бляшкою конічної форми з петелькою на звороті, бляшкою для перехресних ремінців, уламком вудил, конусоподібною ребристою ворворкою. Подібні знахідки кінського вбрання зустрічаються в Трансільванській локальній групі пам’яток і відносяться до гальштатських старожитностей (Мелюкова 1989, с. 88, табл. 28).

Сліди бронзоливарного виробництва простежуються на Крив’янському «кущі», який налічує чотири поселення, де також були знайдені вироби з бронзи, в тому числі хрестоподібна бляшка з петелькою на звороті, частина сережки у вигляді качечки та багаточисельні сплески міді на камінні, вірогідніше всього — залишки наземного переносного горна.

Подібна ситуація простежується і на інших пам’ятках скіфської архаїки. Так, на поселеннях поблизу с. Лук’янівка та с. Кислівка нараховується п’ять поселень з відчутним впливом матеріальної культури жаботинського часу. Тут були знайдені бронзове вістря стріли, шпилька з бічною петелькою, масивне кільце з незамкненими кінцями, ціла глиняна ливарна формочка циліндричної форми, а також шматочки металургійних шлаків.

Цілу глиняну ллячку було знайдено на одному з поселень ранньожаботинського періоду

в урочищі Перців Яр (Романюк 1998, с. 141, 142).

На поселенні поблизу с. Степок було знайдено бронзову сережку у вигляді качечки. Очевидно вона, як і цвяхоподібні сережки із Салиського «куща» мала місцеве походження. Подібні прикраси відомі в поховальних пам'ятках Середнього Поросся (Ковпаненко 1981, с. 3).

На поселеннях скіфської доби в урочищі Лиса Гора та на хуторі Новоселиця поблизу м. Тараща у 2016 р. були знайдені 3 бронзові бляшки діаметром 12 см, можливо, заготовки для оздоблення поминальної повозки, а також уламок бронзового казана та литий бронзовий борисфенід, який датується приблизно 330 р. до н. е. (визначення: С. Б. Буйських).

Спектрометрія борисфеніда, у %: Cu — 48; Sn — 29,7; Pb — 15,5; Sb — 4,5; Fe — 2; Ni — 0,04.

Але найбільш виразні сліди бронзоливарного виробництва припадають на період розквіту поселенських скіфських пам'яток на Таращанщині з кінця VI по V ст. до н. е., коли відчутно зростає кількість античного імпорту. Це насамперед найбільш потужне і яскраве коло старожитностей ранньозалізного віку Лісовицького «куща» (7 поселень) і територіально дуже близького Володимиро-Червоноярського (9 поселень). Відомі тут і знахідки пізнішого періоду, наприклад, бронзових ольвійських монет — вже згаданого борисфеніда в урочищі Лиса Гора та асса початку III ст. до н. е. поблизу с. Володимирівка (Скорий, Зимовець 2014). Можливо, хронологічні рамки побутування тут пам'яток скіфського типа були ширшими, ніж передбачалося раніше.

Зі знахідок на поселеннях скіфської доби поблизу с. Володимирівка відзначимо 2 уламки бронзових посудин, 3 вістря тригранних стріл з прихованою втулкою, 2 уламки браслетів, 3 шпильки з цвяхоподібною голівкою, нагрудну пластину діаметром 20 см, стулку бронзової матриці з слідами кріплення штифтів, а також мідні «платіжні» зливки підпрямокутної форми, довжиною від 1 до 7 см, з ознаками «відкушування». Відомі також шматки бронзового дроту, олов'яні зливки та шматки металургійних шлаків із залишками міді, а також уламки червоно та світло глиняних античних амфор. Окремо відзначимо знахідки казанів. У 2006 р. на одній із садиб с. Володимирівка було знайдено фрагмент мідного литого казана (Романюк 2008, с. 87—89). **Хімічний склад металу цього казана** (у %): Cu — 96,516; Ag — 0,167; Zn — 0,068; Sn — 2,203; Bi — 0,099, P — 0,084; As — 0,564. У 2015 р. «шукачі металобрухту» між с. Володимирівка та с. Червоні Яри, на одному з поселень, після оранки, знайшли цілий бронзовий казан зі *слідами* ремонту, який був проданий. На думку спеціалістів, найвірогідніше, казани виготовляли в лісостепових ремісничих центрах, і вони належали до продукції місцевого виготовлення (Ольговський 2001).

Важливий торгово-ремісничий осередок скіфських часів знаходився, мабуть, поблизу с. Лісовичи. На думку автора, с. Лісовичі, яке мало стару назву Самбір, виникло поблизу городища XI—XII ст. — одного з давньоруських форпостів, що контролював проходження торговельно-обмінних стосунків на вододілі гідросистем двох річок: Котлуй — правого притоку р. Рось, та Боярки — лівого притоку р. Гнилий Тікич. Не виключено, що цими маршрутами проходили й більш давні торговельні шляхи. Причому не лише суходолом, але й малими річками. У 1960-х рр. в районі Басової Гори в с. Лісовичі, під час планування дороги, було знайдено дві цілих амфори типу Солоха 2 (обстеження місця знахідки провів Є. В. Черненко). На сьогодні найбільша частка античного імпорту у вигляді уламків амфор та лутеріїв припадає саме на Лісовицький «кущ». Сліди бронзоливарного виробництва тут простежуються майже на всіх поселеннях.

У 2017 р. на одному з таких поселень «шукачами металобрухту» було знайдено скарб бронзових прутків в кількості біля 300 шт., які потім були продані на сайті «Violity» та частково розійшлися по приватним колекціям. Автору статті для музейної колекції вдалося придбати два таких прутка, обстежити місце та умови знахідки. Поселення, яке до цього не було відоме, знаходилося на північно-східній околиці с. Лісовичі (куточок Балясівка). Під час обстеження було знайдено уламки ліпної кераміки кінця VI—V ст. до н. е., стінки червоноглиняних амфор, мідний дріт довжиною 15 см, частину бронзового прутка з слідами рубки та шматочки олова. Скарб було знайдено на околиці поселення на височині. Він був закопаний на глибину 0,7 м, прутки в схроні були розміщені компактно в вертикальному положенні. «Скарб ливарника» складався з довгих і коротких прутків, їх співвідношення невідоме, але вдалося придбати обидва їх різновиди (рисунок).

Довгий пруток — круглий в перетині, має потовщення посередині до 0,8 см. Кінці звужені до 0,5 см.

Бронзові прутки з скарбу в с. Лісовичі, куточок Балясиха

Аналіз хімічного складу металу скарбів

Скарб	Хімічний елемент, %									
	Cr	Sn	Ti	Fe	Pb	Sb	Bi	Co	Mn	Sr
Лісовицький	78,16	9,93	4,39	2,58	1,96	1,64	1,24	—	0,08	0,01
Дібровський	86,49	12,44	0,13	0,63	0,07	—	0,13	0,12	—	—

Довжина 40,5 см, маса 156 г. Поверхня вкрита малахітовою патиною. Короткий пруток також має потовщення посередині до 0,7 см, на кінцях 0,5 см, довжина 22 см, маса 56 г. Скоріш за все, довжина і маса бронзових прутків не була сталою. На виробах помітна повздовжня проковка. Отже, виходячи з ваги прутків, можна припустити, що загальна вага скарбу складала близько 30 кг. На згаданому вище поселені були знайдені частини подібних прутків зі слідами їх використання

Під час збору інформації про Лісовицький скарб, надійшло анонімне повідомлення, що ще один скарб подібних бронзових прутків було знайдено «шукачами металобрухту» в 2015 р. поблизу с. Дібровка Богуславського р-ну, в лісі на схилі опрісненої балки, яка розташована в верхів'ї р. Фоса (лівої притоки р. Рось), де також відомі поселення скіфської доби. Скарб налічував близько 300 прутків і був знайдений на глибині біля 0,4 м, при цьому бронзові прутки були хаотичного розкидані, й знаходилися в горизонтальному положенні. Дібровський скарб був зданий на металобрухт за виключенням одного прутка, який вдалося придбати для фондів музею.

На відмінну від Лісовицького скарбу, бронзові прутки, знайдені поблизу с. Дібровка (зі слів очевидця), були всі з розплесканими кінцями, приблизно одного розміру — близько 41 см завдовжки, та вагою 94 г. Вони також мали потовщення в центрі до 0,7 см і на кінцях до 0,5 см, будучи круглими в перетині. Отже, загальна вага скарбу теж складала до 30 кг і приблизно відповідала вазі скарбу з с. Лісовичі.

Щодо призначення прутків, то подібні вироби вважають заготовками для виготовлення речей, сировиною для переплавлення або еквівалентом грошей. Усі три функції були взаємопов'язаними. Поодинокі знахідки траплялися на великих поселеннях передскіфського і скіфського часів, які були торгово-ремісничими осередками. Так, на Суботівському городищі чорноліської культури знайдені уламки глиняних форм для відливання прямих бронзових стрижнів: прямокутного у перетині (довжина 10,3 см, перетин 0,5 × 0,5 см) і круглих (довжина фрагментів 6 і 3,2 см, діаметр 0,6—0,5 см) (Тереножкин Ильинская 1975, с. 23, 27, 29; альбом польових зарисовок, табл. XVIII: 4; XIX: 2,9,10; XLX: 3). На Більському городищі скіфського часу відомі знахідки «товаро-грошей» у вигляді бронзових брусків. З них один — цілий масою 31,3 г (довжина близько 10 см, перетин 0,7—0,8 см). Дві частин подібних брусків, також невеличкі: олов'яний та срібний (Шрамко 1987, с. 126, рис. 57,18—22). На Мотронинському городищі знайдено дещо зігнутий бронзовий брусок довжиною 10,5 см, овальний у перетині (0,7—0,8 см) (Бессонова, Скорый 2001, с. 104, рис. 69: 16).

На спектрометрі «OLIMPUS» Innov-X, на довгих бронзових прутках із двох пороських скарбів було зроблено аналіз хімічного складу металу (таблиця).

Незважаючи на дещо відмінний рецептурний склад бронзових прутків, можна вважати, що вони відносяться до високоякісних олов'янистих бронз і, можливо, походять з однієї спеціалізованої майстерні, а зміна металургійного рецепту, вірогідно, пов'язана з асортиментом затребуваної продукції. Наявність високої частки заліза в хімічному складі бронзового прутка (Лісовицька колекція) характерна для низки гірсько-металургійних центрів Трансільванії («провінція скарбів»), але не виключено походження сировини з інших металургійних осередків.

Не зовсім зрозумілою залишається досить велика частка титану в Лісовицькому скарбі (4,39 %, похибка складає 0,23 %), адже температура плавлення його оксидів (1668—1670 °С) значно більше ніж заліза (1539 °С). Таким чином, можна припустити його попадання природним шляхом, або як додатку для одержання певного рецептурного сплаву. Питання залишається дискусійним і потребує подальшого дослідження. Титан є одним із самих поширених елементів в земній корі, він міститься у багаточисельних ільменітових деалювіальних та алювіальних розсипах, як річкових, так і прибережно-морських, що утворюють «чорні коси та пляжі» [1]. Алювіальні розсипи є найбільш цінним джерелом, як ільменітових, так і титан-магнетитових концентратів, вони були доступні для добутку і не потребували проведення гірничих робіт. Титан досить складно вилучати

1. Діоксид титану TiO_2 був вперше винайдений в 1789 р. в «чорних пісках» в південно-західній Англії, 28-річним монахом Уільямом Грегором, який при дослідженні магнітного залізистого піску виділив окис невідомого металу (https//scientficrussia.ru/articles/obiknovennyj-titan).

з руд, але, давні металурги, враховуючи багатовіковий досвід, все ж таки мали можливість познайомитися з оксидами титану саме з розсипних рудопроявів і відпрацювати технологію легіюючої домішки до бронзових сплавів.

ЛІТЕРАТУРА

Бессонова, С. С., Романюк, В. В. 2004. Поселення скіфського часу на території м. Тараща. *Археологія*, 2, с. 90-102.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи*. Киев; Краков: ИА НАНУ.

Ковпаненко, Г. Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.

Мелюкова, А. И. 1989. Скифообразные памятники в Средней Европе. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 87-91. Археология СССР.

Ольговский, С. Я. 2001. Оригинальные сплавы цветных металлов Северного Причерноморья архаического времени. В: Крижицький, С. Д. (ред.). *Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України*. Київ: ІА НАНУ, с. 93-95.

Романюк, В. В. 1997. Дослідження на півдні Київщини. *Археологічні відкриття в Україні 1997—1998 рр.*, с. 141-142.

Романюк, В. В. 2008. Фрагмент скіфського мідного казана з Поросся. *Археологія*, 4, с. 87-89.

Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2014. К проблеме товарно-денежных отношений у населения Восточноевропейской Лесостепи в скифскую эпоху *Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету ім. В. Вінниченка. Серія: історичні науки*, 21, с. 141-156.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А. 1971. *Отчет Скифской Среднеднепровской экспедиции 1971 г. в Черкасской области*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1971/12.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Київ: Наукова думка.

REFERENCES

Bessonova, S. S., Romaniuk, V. V. 2004. Poselennia skifskoho chasu na terytorii m. Tarashcha. *Arkheolohia*, 2, s. 90-102.

Bessonova, S. S. Skoryy, S. A. 2001. *Motroninskoye gorodishche skifskoy epokhi*. Kiev; Krakov: IA NANU.

Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v basseyne r. Ros*. Kiev: Naukova dumka.

Melyukova, A. I. 1989. Skifoobraznyye pamyatniki v Sredney Evrope. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moskva: Nauka, s. 87-91. Arkheologiya SSSR.

Olgovskiy, S. Ya. 2001. Originalnyye splavy tsvetnykh metallov Severnogo Prichernomoria arkhaicheskogo vremeni. In: Kryzhytskiy, S. D. (ed.). *Olviya ta antichniy svit. Materialy naukovyh chitan, prisvjachenyh 75-richchju utvorennya istoryko-arkheologichnogo zapovidnyka «Olviya» NAN Ukrainy*. Kyiv: IA NANU, s. 93-95.

Romaniuk, V. V. 1997. Doslidzhennia na pivdni Kyivshchyny. *Arkheolohichni vidkryttia v Ukraini 1997—1998 rr.*, s. 141-142.

Romaniuk, V. V. 2008. Frahment skifskoho midnoho kazana z Porossia. *Arkheolohia*, 4, s. 87-89.

Skoryy, S. A., Zimovets, R. V. 2014. K probleme tovarno-denezhnykh otnosheniy u naseleniya Vostochnoyevropeyskoy Lesostepi v skifskuyu epokhu *Naukovi zapiski Kirovogradskogo derzhavnogo pedagogichnogo universytetu im. V. Vinnychenka. Seriya: istorichni nauki*, 21, s. 141-156.

Terenozhkin, A. I., Ilinskaya, V. A. 1971. *Otchet Skifskoy Srednedneprovskoy ekspeditsii 1971 g. v Cherkasskoy oblasti*. NA IA NANU, f. 64, 1971/12.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon)*. Kiev: Naukova dumka.

V. V. Romanuik

DEPOSITS OF BRONZE SMALL TWIGS IN MIDDLE ROS BASIN

In the article the noticeable role of bronzocasting production is considered on the settler monuments of scythian time in the Tarashchanskiy district of the Kyiv area.

Among the numerous testimonies of bronze casting production and trade in metals the two most interesting items are bronze treasures, recently discovered in the villages of Lisovichi and Dibrovka in Kyiv region. Each contained about 300 bars with a length of 40.5 and 22 cm (Lisovichi), 41 cm (Dibrovka), total weight about 30 kg. We can assume a different purpose of bronze bars: blanks for specific products, raw materials for smelting, the equivalent of money. Spectral analysis of the products showed that they are made of high-quality tin bronze with a high admixture of iron (2.58 %, Lisovichi). Titanium content (4.39 %, Lisovichi) remains unclear (is it a natural impurity in raw materials?) According to the place of discovery (on settlements), treasures of bars can be dated to Scythian time (the end of 6th—5th century BC?), although more late dates are not excluded.

Keywords: Middle Porosya, treasures of bronze small twigs, threw chemical composition, scythian time.

Одержано 07.02.2019

РОМАНЮК Валерій Вікторович, науковий співробітник, Державне підприємство «Науково-дослідний центр "Охоронна археологічна служба України"» Інституту археології НАН України, вул. Революції, 24, м. Тараща, 09500, Україна, *ValeriyRomanuik@i.ua*.

ROMANUIK Valeriy Viktorovich, researcher, Research Center of the Ukrainian National Archaeological Service of the Unstitute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Revolutsiyi street, 24, Tarascha, Kyiv region, 09500, Ukraine, *ValeriyRomanuik@i.ua*.

УДК: 904.23(3)”638”

М. Ю. Трейстер

ЗАМЕТКИ О ГРЕЧЕСКОЙ, ИТАЛИЙСКОЙ И МАКЕДОНСКОЙ БРОНЗОВОЙ ПОСУДЕ У СКИФОВ И МЕОТОВ

В статье рассматриваются греческие, италийские и македонские бронзовые сосуды из Скифии и Меотии. В целом, к кочевникам попадали в основном современные новые сосуды, которые часто в процессе длительного использования утрачивали отдельные детали. Особое внимание уделено анализу комплекса из 15 бронзовых сосудов, найденного в торфянике в районе с. Песчаного на р. Супой.

Ключевые слова: *скифские, меотские курганы, греческие, италийские, бронзовые сосуды, утраты, следы ремонта, клад бронзовых сосудов из Песчаного.*

ИМПОРТНЫЕ СОСУДЫ С УТРАТАМИ И СЛЕДАМИ РЕМОНТА

Среди греческих и македонских бронзовых сосудов из скифских и меотских курганов V—IV в. до н. э. в Северном Причерноморье отмечаются сосуды с утраченными ручками, атташами ручек или поддонами: поданиптер из кургана 1 у аула Уляп (Кат. Москва 1987, с. 107, № 107; с. 114, рис. 42; Leskov 1990, S. 178, Nr. 57; Abb. 61; Ксенофонтова 1992, с. 163—164, рис. 1; Лесков и др. 2013, с. 18, № 4; с. 107, рис. 7), лутерии из Корнеевки и Великой Знаменки (Бидзиля, Полин 2012, с. 328; Полин 2016, с. 136), кратер из Центральной катакомбы Большого Рыжановского кургана (рис. 1) (Трейстер 2010, с. 223, 225; 2018, с. 309, № 2, рис. 3—4; Скорый, Хохоровски 2018, с. 73—75, № 24, рис. 152—153), стамноидные ситулы из Центральной (Teleaga 2008, S. 267, Nr. 71; Скорый, Хохоровски 2018, с. 72—73, № 23, рис. 150—151; Трейстер 2018, с. 308—309, № 1, рис. 1—2) и Боковой (Бобринский 1894, с. 141, 145—146, табл. XIX: 5—7; Онайко 1970, с. 115, № 765, табл. 33; Zahlhaas 1971, S. 90, Nr. C7; Teleaga 2008, S. 267, Nr. 71; Скорый, Хохоровски 2018, с. 73, рис. 194.1, 195.1; Трейстер 2018, с. 308—309 с литературой) катакомб Большого Рыжановского кургана.

Признаки ремонта и переделок сохранились на жаровне (Трейстер 2006, с. 142—145, рис. 2; 2010, 225, 228, цв. вкл. 6, рис. 3, 4; рис. 16; Бидзиля, Полин 2012, с. 330—332, № 133, рис. 464—465; Трейстер 2012, с. 635—637), килике (рис. 2) (Трейстер 2009, с. 73, рис. 2: 1—3; 2010, с. 232, цв. вкл. 8, рис. 20; 2012, с. 633; Бидзиля, Полин 2012, с. 332—334, № 134, рис. 466—467) и ойнохое (Трейстер 2006, с. 144, рис. 5; 2010, с. 228, 230, цв. вкл. 7, рис. 3: 1; 2012, 629—632, рис. 471—472; 18; Бидзиля, Полин 2012, 335—341, № 136) из боковой ниши Северной гробницы Гаймановой могилы. Так, у жаровни из Гаймановой Могилы отсутствуют вертикальные стержни опоры, имеющиеся у жаровни из Олинфа, хотя они, безусловно, изначально были, о чем свидетельствуют отверстия для заклепок у основания конической подставки и в верхней части. Композитные ручки жаровни из Гаймановой Могилы являются вероятнее всего результатом ее починки мастером-кустарем (Трейстер 2006, с. 143). Ручки килика были приклепаны к тулову через атташи (рис. 2). Подобным же образом, заклепками прикреплены ручки к тазу с утраченным поддоном из кургана 1 у аула Уляп (Кат. Москва 1987, с. 107, № 107; с. 114, рис. 42; Leskov 1990, S. 178, Nr. 57; Abb. 61; Ксенофонтова 1992, с. 163—164, рис. 1; Лесков и др. 2013, с. 18, № 4; с. 107, рис. 7).

В редких случаях у нас имеются свидетельства довольно длительного использования импортной металлической посуды. Это относится к находкам из ритуальных комплексов первой половины IV в. до н. э. в курганах у аула Уляп, надежно датируемых по амфорной таре

© М. Ю. ТРЕЙСТЕР, 2019

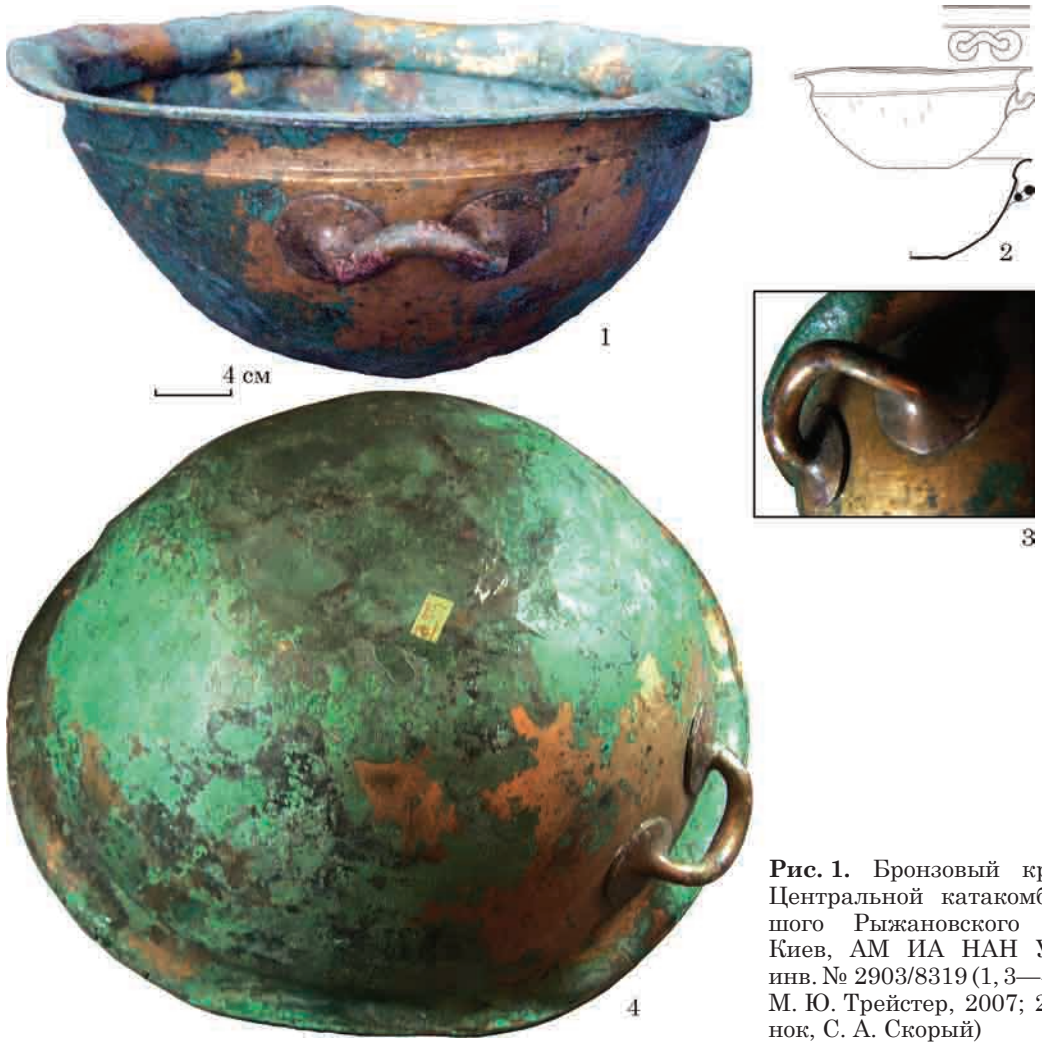

Рис. 1. Бронзовый кратер из Центральной катакомбы Большого Рыжановского кургана. Киев, АМ ИА НАН Украины, инв. № 2903/8319 (1, 3—4 — фото, М. Ю. Трейстер, 2007; 2 — рисунок, С. А. Скорый)

в одном из них и панафинейских амфор — в другом, подтвержденной и корреляцией найденных в них золотых бляшек (Лесков и др. 2013, с. 23, 31, 72). Так, согласно выводам И. В. Ксенофонтовой, и бронзовый кувшин из ритуального комплекса в кургане 1/1981 (Кат. Москва 1987, с. 106, № 105; Leskov 1990, S. 178, Nr. 58, Taf. 65—66; Kat. Speyer 1991, S. 50, Nr. 107; Ксенофонтова 1992, с. 167—168, рис. 3; Treister, Zhuravlev 2009, p. 226, fig. 7; p. 227, fig. 8: 2; p. 229, 232; Лесков и др. 2013, с. 19, № 6; с. 108, рис. 8: 1, фото 3), и тазы из курганов 1 (Кат. Москва 1987, с. 107, № 107; с. 114, рис. 42; Leskov 1990, S. 178, Nr. 57; Abb. 61; Ксенофонтова 1992, с. 163—164, рис. 1; Лесков и др. 2013, с. 18, № 4; с. 107, рис. 7) и 4 (Leskov 1990, S. 192, Nr. 232; Abb. 59; Ксенофонтова 1992, с. 165—166, рис. 2; Лесков и др. 2013, с. 30—31, № 1, с. 120—121, рис. 20—21) были изготовлены в одной и той же мастерской в конце V — начале IV в. до н. э. (Ксенофонтова 1992, с. 168). Проведенный мною анализ показ, что кувшин из Уляпа следует относить к более раннему времени, еще до середины V в. до н. э. (Treister, Zhuravlev 2009, p. 229, 232). К более раннему времени относятся и указанные выше тазы. Ручки, подобные по форме и декору ручкам этих тазов с атташами в форме полупальметт предположительно местного производства были найдены на Афинском Акрополе (Tarditi 2016, p. 127—128, inv.-nos. 21137—21138, 19857—19859, 7154; 247 — тип Bh.2.II.C). Для датировки важное значение имеется конструкция поддона таза из ритуального комплекса 1 в кургане 4/1981: он выполнен в виде кольца с припаянными к нему тремя ножками в форме катушек. Подобную конструкцию поддонов имеют тазы из Галаксиди (Zimi, Sideris 2003, σ. 50, πίν. 19δ), Вотоноси (Vocotopolou 1975, p. 733—736, no. 2, fig. 4; Vokotopoulou 1997, σ. 146, πίν. 146; σ. 257; Tarditi 2016, p. 223), а также из аристократического погребения ΛIV на некрополе Эг в Македонии, которое датируется около 470—460 гг. до н. э. (Kottaridi 2011, p. 139, fig. 156; Cat. Oxford 2011, p. 245, no. 222). Подобную же конструкцию имеют и поддоны бронзовых лебесов: из погребения первой четверти V в. до н. э. некрополя Пидны в Македонии (Bessios, Pappa 1995, σ. 66, πίν. Β; Vokotopoulou 1997, σ. 126, πίν. 117; σ. 248—249;

Рис. 2. Бронзовый килик из Гайматовой Могилы. Киев, Государственный Музей исторических драгоценностей, инв. № АЗС-2785 (фото, М. Ю. Трейстер, 2004)

Ignatiadou 2015, p. 81—82, fig. 10) и Кум в Южной Италии (Gabrici 1913, p. 559—561, fig. 208). Кроме того, и бронзовая фляга (Leskov 1990, 192, Nr. 233; Abb. 67; Лесков и др., 2013, с. 31, № 2, с. 122, рис. 22: 1), найденная в рассматриваемом ритуальном комплексе, вряд ли более поздняя, чем таз, а не исключено, что и более ранняя. Этот уникальный для Северного Причерноморья сосуд находит параллели среди находок из погребений периодов Гальштатт D3 и раннего Латена А в Италии и Центральной Европе [1].

НАХОДКА БРОНЗОВЫХ СОСУДОВ ИЗ ТОРФЯНИКА У с. ПЕСЧАНОЕ

Находка 15 бронзовых сосудов (рис. 3—5), сделанная при добыче торфа в районе с. Песчаное в долине р. Супой, часто (впрочем, как правило, без специального анализа) рассматривалась как груз затонувшей лодки (Ганіна 1964, с. 195—198; 1970; Fuchs 1978, S. 113—115; Трейстер 2010, с. 236—238; Бидзиля, Полин 2012, с. 362—364), владелец которой мог быть «торговцем старой металлической посудой» (Fuchs 1978, S. 115), при этом остатки деревянного челна были обнаружены неподалеку от места находки сосудов. Однако маловероятно, что лодка, во-первых, относится к тому же времени, во-вторых, что она могла вместить все указанные сосуды, поэтому вероятнее всего, эти две находки не связаны между собой (Бидзиля, Полин 2012, с. 363—364). В любом случае, тот факт, что бронзовые сосуды были найдены вместе, сомнению не подвергается.

Значительный хронологический разброс сосудов из комплекса (минимум 150, возможно 170 лет) (Fuchs 1978, S. 115; Sideris 2000, p. 29; Трейстер 2010, с. 236—238; Бидзиля, Полин 2012, с. 362—363; Tarditi 2017, p. 204), дающий, тем не менее, «моментальный снимок» существовавших и использовавшихся одновременно бронзовых сосудов, заставляет с осторожностью относиться к идее о том, что это был обычный торговый груз, мнение, часто приводимое в литературе без всякого анализа (Rolle, 1989, p. 92; Barr-Sharrar 2000, p. 279).

Анализ утрат и следов ремонта показывает, что среди последних были как те, которые можно связывать с исправлением дефектов в процессе изготовления сосудов, так и очевидные свидетельства их более поздней починки (Трейстер 2010, с. 249—250, прим. 163) [2] — последние с аналогиями на сосудах из Эпира и Фракии.

В некоторых случаях, как например, с латками на тулове стамноса Б41-436 (рис. 3: 1—3) (Ганіна 1970, с. 88—89, рис. 51; Cat. Schleswig 1991, S. 313, Nr. 103k) или на горле и плечиках амфоры 1 Б41-429 (Ганіна 1970, с. 82—83, рис. 4—7, 33; Fuchs 1978, S. 115, Taf. 22; Galanina, Grach 1986, figs. 102—103; Cat. Schleswig 1991, S. 313, Nr. 103h; Cat. San Antonio 1999, p. 195, no. 83; p. 200—201, no. 86; Cat. Trento 2007, p. 223, fig. 4; p. 342, no. 97; Tarditi 2016, p. 270, fig. 54; p. 308, fig. 91; p. 309;

1. См. в целом о подобных флягах из Италии: Marzoli 1989. Упомянем как близкую параллель бронзовую флягу из княжеского погребения в Роденбахе, которая предположительно происходит из западной части Северной Италии. Погребение датируют ок. 460—400 гг. до н. э., флягу — второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э.: Nortmann 2001, p. 429—442; Cat. Frankfurt 2002, S. 303, Nr. 98.1.

2. Технологическое исследование сосудов производилось в процессе их реставрации в Национальном музее истории Украины А. И. Минжулиным в 1999—2003 гг. Я благодарен хранителям Музея, С. В. Диденко и О. В. Пуклиной, которые ознакомили меня с неопубликованной рукописью А. И. Минжулина в процессе работы с сосудами из Песчаного в 2008 г. Кроме того, О. В. Пуклина любезно предоставила мне в 2018 г. некоторые из использованных здесь фотографий сосудов из Песчаного.

Рис. 3. Бронзовые сосуды из Песчаного. Киев, НМИУ: 1—3 — стамнос, инв. № Б41-436; 4 — амфора, инв. № Б41-428 (фото, М. Ю. Трейстер, 2008)

390) аккуратно наложенными в местах трещин и литейного брака, есть основания полагать, что они могут иметь отношение к ремонту сосуда, выполненному мастером сразу же после изготовления, тем более что и по цвету металл латок соответствует металлу сосуда.

Условия и обстоятельства находки не дают твердой гарантии того, что отсутствующие у некоторых сосудов ручки или кольцевые поддоны действительно были утрачены еще в древности. Так, у гидрий 2 (Б41-432) (Ганіна 1970, с. 85—86, рис. 11, 29, 49; Fuchs 1978, S. 114, Taf. 19: 1—3; Cat. Schleswig 1991, S. 311, Nr. 103b; Cat. Trento 2007, p. 280, fig. 5; p. 142, no. 99; Sowder 2009, p. 585, no. 19.38; Cat. Leoben 2009, S. 141, Nr. 25 — здесь с ошибочным инв. № Б41-435) и № 4 (Б41-435) (Ганіна 1970, с. 87, рис. 13; Cat. Schleswig 1991, S. 312, Nr. 103d; Sowder 2009, p. 203, 566, no. 17.14: первая четверть V в. до н. э.; Cat. Leoben 2009, S. 140, Nr. 24 — здесь с ошибочным инв. № Б41-432) утрачены одна горизонтальная (Б41-432) или вертикальная (Б41-435) ручка или оба поддона. У лутерия Б41-440 (Ганіна 1970, с. 93, рис. 25; Cat. Schleswig 1991, S. 313, Nr. 103m; Cat. Trento 2007, p. 280, fig. 2; no. 100) утрачены подставка и ручки. У лутерия, хранящегося в Переяславле Хмельницком (Ганіна 1970, с. 91, рис. 23—24; Fuchs 1978,S. 114, Taf. 20: 2—3; Cat. SanAntonio1999, p. 195, no. 83; Tarditi 2016, p. 219, note 67; p. 391), утрачена одна из ножек и ручка.

В других же случаях мы имеем дело с утратами и починками, произошедшими в процессе использования сосудов. Так, у амфоры 2 (Б41-428) (Ганіна 1970, с. 83, рис. 8—9, 35, 37, 39; Cat. San Antonio 1999, p. 203—204, no. 88; Cat. Trento 2007, p. 280, fig. 3; 341, no. 96 [ошибочно названа стамносом]); Cat. Leoben 2009, S. 138—139, Nr. 23; Treister, Zhuravlev 2009, p. 228, fig. 9; p. 229; Tarditi 2016, p. 239, 307—308, fig. 89; p. 390) на месте сломанной ножки на оловянном припое была закреплена большая заплатка, сделавшая ее дно округлой (рис. 3: 4). Подобным же образом починена нижняя часть бронзовой ойнохои последней четверти V в. до н. э. из коллекции В. Божкова, происходящая из Фракии (Sideris 2016, p. 128—129, no. 56), а также ойнохои из Вотоноси третьей четверти V в. до н. э. (Vocotopoulou 1975, p. 755—759, no. 11, fig. 18).

У гидрии 2 Б41-432 (рис. 4: 5) (Ганіна 1970, с. 85—86, рис. 11, 29, 49; Fuchs 1978, S. 114,

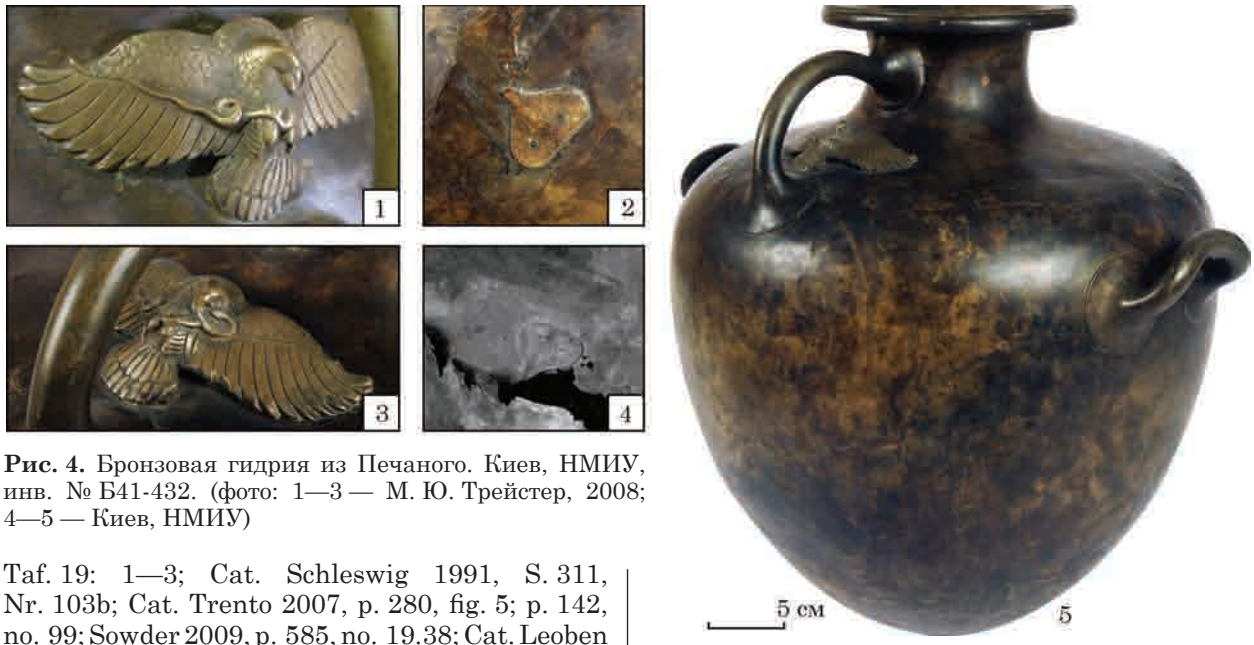

Рис. 4. Бронзовая гидрия из Печаного. Киев, НМИУ, инв. № Б41-432. (фото: 1—3 — М. Ю. Трейстер, 2008; 4—5 — Киев, НМИУ)

Taf. 19: 1—3; Cat. Schleswig 1991, S. 311, Nr. 103b; Cat. Trento 2007, p. 280, fig. 5; p. 142, no. 99; Sowder 2009, p. 585, no. 19.38; Cat. Leoben 2009, S. 141, Nr. 25 — здесь с ошибочным инв. № Б41-435) на горле имеется заплатка другого цвета, на плечике — приклепана пластинка в виде листа плюща (часть накладного украшения?) (рис. 4: 3—4), рядом с ней имеется след от подобной пластинки. На шейке под венчиком следы ремонта — латки цвета, отличающегося от цвета металла сосуда. Еще одна пластина была припаяна к плечикам гидрии за вертикальной ручкой: она изображает в рельефе орла в схватке со змеей, которую он держит в клюве (рис. 4: 1—2). Пластина, вероятно, изначально относилась к декору бронзового сосуда, хотя мне неизвестна ни одна греческая бронзовая гидрия с подобным украшением, расположенным за ручкой, поэтому и на данной гидрии она могла быть во вторичном использовании. В. Фукс датировал пластину по стилистическим признакам серединой V в. до н. э. (Fuchs 1978, S. 114), оставив без внимания наиболее близкие параллели изображению на ней: 1) на нащечнике, вероятно, элементе бронзовой скульптуры из Дельф (Rolley 2001, p. 94, fig. 1; 2002, p. 41—44, no. 1, figs. 1—2), и 2) на пластине вторичного использования, припаянной под нижним атташем вертикальной ручки более позднего (I в. до н. э.?) бронзового кувшина с серебряной инкрустацией из Боснян в Сербии (Picard 1962—1963, p. 1—7; Rolley 2002, p. 44, note 18; Ratkovic 2005, p. 82—85, no. 27 с литературой). Впрочем, и с точки зрения иконографии сопоставление изображения с эмблемами на серебряных статерах Элиды около 471 г. до н. э. (Kraay 1976, p. 91, 104, pl. 18, no. 323), а

Рис. 5. Наиболее поздние бронзовые сосуды из Песчаного. Киев, НМИУ: 1—3 — стамноидная ситула, инв. № Б41-437; 4 — кратер, инв. № Б41-441 (фото: 1—3 — М. Ю. Трейстер, 2008; 4 — Киев, НМИУ)

также монетах Халкиды на о. Эвбея, в частности, тетрадрахм около 480 г. до н. э. (Kraay 1976, p. 91, pl. 15, no. 265) не исключает датировку первой третью V в. до н. э.

У ситулы с яйцевидным туловом Б41-438 (Ганіна 1970, с. 89, рис. 18; Cat. Schleswig 1991, S. 312, Nr. 103g; Cat. San Antonio 1999, p. 201—202, no. 87; Cat. Trento 2007, p. 280, fig. 4; no. 98) утрачена одна из ручек (поскольку эти ручки не припаивались, а вставлялись в отверстие атташа, есть все основания предположить, что утрата была связана с поломкой ручки в древности), атташ ручки в виде пальметты частично обломан.

Наиболее поздние сосуды из находки в Песчаном (рис. 5), датирующиеся не ранее середины — третьей четверти IV в. до н. э. и происходящие из Македонии или Фракии, о чем убедительно свидетельствует распределение находок как кратеров (Ганіна 1970, с. 80—81, 93, рис. 28; Трейстер 2010, с. 223, 225, рис. 12), так и стамноидных ситул (Ганіна 1970, с. 68—71, 90, рис. 19—22, 30; Zahlhaas 1971, S. 92, Nr. C18; Boucher 1973, p. 94—95, fig. 18—20; Candela 1985, p. 31, no. 43; 34, figs. 25—26; 42—43; Cat. Schleswig 1991, S. 312, Nr. 103f; Cat. Vienna 1993, S. 224—227, Nr. 65; Cat. San Antonio 1999, p. 197—199, no. 85; Трейстер 2010, с. 221, рис. 8; Blečić Kavur 2012, p. 166, no. 49) [1] типа найденных в Песчаном, не имеют ни утрат, ни следов ремонта. В таком случае, казалось бы, есть все основания предполагать, что путь торговца старыми сосудами в Скифию проходил через Македонию или Фракию, тогда как наиболее поздние сосуды комплекса из Песчаного, вероятнее всего, могли быть привезены оттуда. При этом наиболее старые сосуды, среди них две амфоры, но, вероятно, и другие вазы, в частности три гидрии-кальпиды и таз на подставке с тремя ножками, вероятнее всего, были изготовлены в Афинах (Tarditi 2016, p. 219, note 67; p. 239; 270, fig. 54; p. 275; 307—308, fig. 89, 91; p. 309, 318—319; 2017, p. 204). В этой связи укажем на находки македонских монет в Скифии (Гавриш 1995, с. 135—137; Бейдин, Григорьянц 2010, с. 156—158, рис. 1: 2; 162, № 2—3), которые, как недавно показал В.Ф. Столба, количественно образуют вторую крупную группу (после ольвийских) [2].

1. См. недавно опубликованную работу о стамноидных бронзовых ситулах с картой находок: Blečić Kavur 2012, p. 149—172, особенно, p. 160, fig. 6, а также обзор их находок в Албании: Veseli 2012, p. 206—208, pl. I: 1—3. См. также подробно о данном варианте ситул с атташем в форме головы Афины и со сливом в форме львиной головки: Sideris 2016, p. 223—225, no. 89 с датировкой 340—320 гг. до н. э.
2. Доклад на конференции «Advances in Ancient Black Sea Studies: Scholarly Traditions & Preservation of Cultural Heritage» (Констанца, Румыния, август 2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, у нас есть веские основания для датировки попадания набора бронзовых сосудов в торфяник в бассейне р. Супой не ранее середины и вряд ли позднее третьей четверти IV в. до н. э. Несмотря на то, что нам неизвестен точный контекст находки бронзовых сосудов так далеко к северу от побережья Черного моря, теоретически вероятность того, что они были торговым грузом, не может быть исключена. Вместе с тем, очевидно, что нельзя оставлять без внимания и другие возможные объяснения — например, в качестве военной добычи, захваченной скифами на севере Балканского полуострова. Так или иначе, никаких других свидетельств попадания к скифам или меотам в V—IV вв. до н. э. старой, с утратами и следами ремонта бронзовой посуды у нас нет, а находки из Закубанья дают все основания полагать сравнительно длительное использование импортной бронзовой посуды, в процессе которого могли происходить утраты и производиться ремонты.

ЛИТЕРАТУРА

Бейдин, Г. В., Григорьянц, М. Х. 2010. Связи племен скифо-сарматского времени левобережной Украины с Северным Причерноморьем по нумизматическим данным. *Древности*, 9, с. 156-165.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Гайманова могила*. Киев: Скиф.

Бобринский, А. А. 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Санкт-Петербург: В. С. Балашев и Ко, 2.

Гавриш, П. Я. 1995. Антична монета зіскіфського городища лісо-степової Скіфії. *Археологія*, 2, с. 135-137.

Ганіна, О. Д. 1964. Античні посудини з торфовища на р. Супой: попередні повідомлення. *Археологія*, 16, с. 195-198.

Ганіна, О. Д. 1970. *Античні бронзи з Піщаного*. Київ: Мистецтво.

Кат. Москва 1987. *Шедевры древнего искусства Кубани*. Москва: Министерство культуры СССР.

Ксенофонтова, И. В. 1992. Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских) курганов. *Российская археология*, 4, с. 163-169.

Лесков, А. М., Беглова, Е. А., Ксенофонтова, И. В., Эрлих, В. Р. 2013. *Меоты Закубанья IV—III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. Москва: Музей Востока.

Онайко, Н. А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—27.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филюк. Курганы Украины, 3.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2018. *Большой Рыжановский курган*. Киев: Олег Филюк.

Трейстер, М. Ю. 2006. Жаровня из Гаймановой Могилы (к вопросу о скифо-македонских контактах в третьей четверти IV в. до н. э.). *Российская археология*, 4, с. 115-118.

Трейстер, М. Ю. 2009. Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской

среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла). *Археологические вести*, 16 (2010), с. 72-94.

Трейстер, М. Ю. 2010. Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретация исторического контекста. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 1 (27), с. 217-251.

Трейстер, М. Ю. 2012. Бронзовые сосуды из ниши северного погребения Гаймановой Могилы. В: Бидзиля, В. И., Полин, С. В. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф, с. 629-637.

Трейстер, М. Ю. 2018. Бронзовые и серебряные сосуды из центральной могилы Большого Рыжановского кургана. В: Скорый, С., Хохоровски, Я. *Большой Рыжановский курган*. Киев: Олег Филюк, с. 308-341.

Barr-Sharrar, B. 2000. Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. Antike Bronzen. Werkstattkreise: Figuren und Geräte. *Kölner Jahrbuch*, 33: Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen in Köln, 21. bis 24. September 1999, p. 277-290.

Bessios, M., Pappa, M. 1995. *Πύδνα*. Κατερίνη: Πιερική Αναπτυξιακή.

Blečić Kavur, M. 2012. Novovinodolski «lav»: specifičan subjekt stamnoidne situle makedonske toreutičke umjetnosti. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, serija 3*, XLV, s. 149-172.

Boucher, S. 1973. Trajets terrestres du commerce étrusque aus Ve et IVe siècles avant J.-C. *Revue archéologique*, 1, p. 79-96.

Candela, M. 1985. Situle metalliche e ceramiche a beccuccio nel IV e III secolo a. C. Origine e diffusione. *Bulletin Antieke Beschaving*, 60, p. 24-71.

Cat. Frankfurt 2002. *Das Rätsel der Kelten vom Glauberg: Glaube — Mythos — Wirklichkeit. Eine Ausstellung des Landes Hessen in der Schirn Kunsthalle Frankfurt 24. Mai bis 1. September 2002*. Stuttgart: Theiss.

Cat. Leoben 2009. *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Vienna: Kunshistorisches Museum.

Cat. Oxford 2011. *Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy*. Oxford.

Cat. San Antonio 1999. *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry N. Abrams.

Cat. Schleswig 1991. *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig: Archäologisches Landesmuseum.

Cat. Speyer 1991. *Grabschätze vom Kaukasus. Neue Ausgrabungen sowjetischer Archäologen in der Adygee und im nördlichen Ossetien*. Roma: Historisches Museum der Pfalz, Leonardo-de Luca.

Cat. Trento 2007. *Ori dei cavalieri delle steppe: Collezioni dai musei dell'Ucraina, Trento, Castello del Buonconsiglio, Monumenti e collezione provincials*. Milano: Silvana.

Cat. Vienna 1993. *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Fuchs, W. 1978. Bronzegefässe in Kiev. *Boreas*, 1, S. 113-115.

Gabrici, E. 1913. Cuma, Accademia Nazionale dei Lincei. *Monumenti antici*, XXII, p. 5-872.

Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora.

Ignatiadou, D. 2015. Contextualizing a set of classical bronze vessels from Macedonia. *Zurich Studies in Archaeology*, 10: New Research on Ancient Bronzes. Acta of the XVIIIth International Congress on Ancient Bronzes, p. 77-83.

Kottaridi, A. 2011. Burial Customs and Beliefs in the Royal Necropolis of Aegae. Cat. Oxford 2011, p. 131-152.

Kraay, C. M. 1976. *Archaic and Classical Greek Coinage*. London: Methuen.

Leskov, A. M. 1990. *Grabschätze der Adygeen*. München: Hirmer.

Marzoli, D. 1989. *Bronzefeldflaschen in Italien*. München: C. H. Beck. Prähistorische Bronzefunde, II, 4.

Nortmann, H. 2001. Die Bronzefeldflasche von Rodenbach. *Archäologisches Korrespondezblatt*, 31, S. 429-442.

Picard, C. 1962—1963. Aigle et serpent: sur les divers sens d'un symbole religieux á travers la Grèce du Nord: d'après un oenochoé de bronze du Musée de Belgrade. *Starinar*, XIII—XIV (1965), p. 1-7.

Ratković, D. 2005. *Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu*. Београд: Народни Музеј у Београду. Антика, IX.

Rolle, R. 1989. *The World of the Scythians*. Berkeley; Los Angeles: University of California.

Rolley, C. 2001. Le travail du bronze à Delphes. *Instrumentum Monographies*, 21: I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi, p. 94-99.

Rolley, C. 2002. Le travail du bronze à Delphes. *Bulletin de correspondance hellénique*, 126.1, p. 41-54.

Sideris, A. 2000. Les tombes de Derveni: Quelques remarques. *Revue archéologique*, 1, p. 3-36.

Sideris, A. 2016. *Metal Vases & Utensils in the Vassil* Bojkov Collection. A*chaemenid, Greek, Etruscan and Thracian*. Sofia: Thrace Foundation, 1.

Sowder, A. A. 2009. *Greek Bronze Hidriai*. Dissertation. Atlanta: Emory University.

Tarditi, C. 2016. *Bronze Vessels from the Acropolis. Style and Decoration in Athenian Production between the Sixth and Fifth Centuries BC*. Roma: Quasar. Thiasos Monografie, 7.

Tarditi, C. 2017. Bronze Vessels from the Acropolis and the Definition of the Athenian Production in Archaic and Early Classical Periods. *Artistry in Bronze*: *The Greeks and Their Legacy (XIXth International Congress on Ancient Bronzes)*, p. 200-206.

Teleaga, E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau. 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v. Chr*. Rahden: Marie Leidorf. Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte, 23.

Treister, M. Yu., Zhuravlev, D. V. 2009. Bronze Jug from the Shverin Barrow. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 15, 3—4, p. 215-242.

Veseli, S. 2012. Një vështrim mbi situlat e bronzit të zbuluara në Shqipëri. *Iliria*, 36, s. 205-224.

Vocotopoulou, J. 1975. Le trésor de vases de bronze de Votonosi. *Bulletin de correspondance hellénique*, 99, p. 729-788.

Vokotopoulou, I. 1997. *Ελληνική τέχνη: αργυρά και χάλκινα έργα τέχνης στήν αρχαιότητα*. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών.

Zahlhaas, G. 1971. *Grossgriechische und römische Metalleimer*. Dissertation. München: Universität.

Zimi, E., Sideris, A. 2003. Χάλκινασ κεύηαπότο Γαλαξείδι: πρώτη προσέγγιση. *Το Γαλαξείδι από την Αρχαιότητα έως σήμερα (Πρακτικά 1ου Επιστημονικού Συνεδρίου Γαλαξείδι 29—30 Σεπτεμβρίου 2000. Υπό την Αιγίδα του Δήμου Γαλαξειδίου)*. Αθήνα: Εταιρεία Μεσσηνιακών Αρχαιολογικών Σπουδών, σ. 35-60.

REFERENCES

Beidin, G. V., Grigoryants, M. H. 2010. Svyazi plemen skifo-sarmatskogo vremeni levoberezhnoi Ukrainy s Severnym Prichernomorem po numzmaticheskim dannym. *Drevnosti*, 9, s. 156-165.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Gaimanova Mogila*. Kiev: Skif.

Bobrinskii, A. A. 1894. *Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely*. Sankt-Petersburg: V. S. Balashev& Co, 2.

Ganina, O. D. 1964. Antichni posudini z torfovishchana r. Supoi: poperednye povidomlennya. *Arkheologiya*, 16, s. 195-198.

Ganina, O. D. 1970. *Antichni bronzi iz Pishchanogo*. Kyiv: Mystetstvo.

Gavrish, P. Ya. 1995. Antichna moneta zi skifs'kogo gorodishcha lisostepovoi Skifii. *Arkheologiya*, 2, s. 135-137.

Cat. Moscow 1987. *Shedevry drevnego iskusstva Kubani*. Moscow: Ministry of Culture of the USSR.

Ksenofontova, I. V. 1992. Antichnye khudozhestvennye bronzy iz Ulyapskikh (Ul'skikh) kurganov. *Rossiiskaya arkheologiya*, 4, s. 163-169.

Leskov, A. M., Beglova, E. A., Ksenofontova, I. V., Erlikh, V. R. 2013. *Meoty Zakuban'ya IV—III vv. do n. e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye kompleksy*. Moskwa: Muzei Vostoka.

Onaiko, N. A., 1970. *Antichnyi import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v 4—2 vv. do n. e.* Moskwa: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1—27.

Polin, S. V. 2014. *Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V—IV vv. do n. e. na Khersonshchine*. Kiev: Oleg Filyuk. Kurgany Ukrainy, 3.

Skoryi, S., Chochorowski, Ja. 2018. *Bol'shoi Ryzhanovskii kurgan*. Kiev: Oleg Filyuk.

Treister, M. Yu. 2006. Zharovnya iz Gaimanovoi Mogily (k voprosu o skifo-makedonskikh kontaktakh v tret'ei chetverti IV v. do n. e.). *Rossiiskaya arkheologiya*, 4, s. 115-118.

Treister, M. Yu. 2009. Remont, «usovershenstvovanie» inokul'turnykh veshchei v skifskoi i sarmatskoi srede i ispol'zovanie inokul'turnogo ornamenta v dekore sobstvennykh proizvedenei skifov i sarmatov (na primere pamyatnikov khudozhestvennogo metalla). *Arkheologicheskie vesti*, 16 (2010), s. 72-94.

Treister, M.Yu. 2010. Importnaya metallicheskaya posuda v Skifii. Atributsii i interpretatsiya istoricheskogo konteksta. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1 (27), s. 217-251.

Treister, M. Yu. 2012. Bronzovye sosudy iz nishi severnogo pogrebeniya Gaimanovoi Mogily. In: Bidzilya, V., Polin, S. *Gaimanova Mogila*. Kiev: Skif, s. 629-637.

Treister, M. Yu. 2018. Bronzovye i serebryannye sosudy iz tsentral'noi mogily Bol'shogo Ryzhanovskogo kurgana. In: Skoryi, S., Chochorowski, Ja. *Bol'shoi Ryzhanovskii kurgan*. Kiev: Oleg Filyuk, s. 308-341.

Barr-Sharrar, B. 2000. Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. Antike Bronzen. Werkstattkreise: Figuren und Geräte. *Kölner Jahrbuch*, 33: Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen in Köln, 21. bis 24. September 1999, p. 277-290.

Bessios, M., Pappa, M. 1995. *Πιόδνα*. Κατερίνη: Πιερική Αναπτυξιακή.

Blečić Kavur, M. 2012. Novovinodolski «lav»: specifičan subjekt stamnoidne situle makedonske toreutičke umjetnosti. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, serija 3*, XLV, s. 149-172.

Boucher, S. 1973. Trajets terrestres du commerce étrusque aus Ve et IVe siècles avant J.-C. *Revue archéologique*, 1, p. 79-96.

Candela, M. 1985. Situle metalliche e ceramiche a beccuccio nel IV e III secolo a. C. Origine e diffusione. *Bulletin Antieke Beschaving*, 60, p. 24-71.

Cat. Frankfurt 2002. *Das Rätsel der Kelten vom Glauberg: Glaube — Mythos — Wirklichkeit. Eine Ausstellung des Landes Hessen in der Schirn Kunsthalle Frankfurt 24. Mai bis 1. September 2002*. Stuttgart: Theiss.

Cat. Leoben 2009. *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Vienna: Kunshistorisches Museum.

Cat. Oxford 2011. *Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy*. Oxford.

Cat. San Antonio 1999. *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry N. Abrams.

Cat. Schleswig 1991. *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig: Archäologisches Landesmuseum.

Cat. Speyer 1991. *Grabschätze vom Kaukasus. Neue Ausgrabungen sowjetischer Archäologen in der Adygee und im nördlichen Ossetien*. Roma: Historisches Museum der Pfalz, Leonardo-de Luca.

Cat. Trento 2007. *Ori dei cavalieri delle steppe: Collezioni dai musei dell'Ucraina, Trento, Castello del Buonconsiglio, Monumenti e collezione provincials*. Milano: Silvana.

Cat. Vienna 1993. *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Fuchs, W. 1978. Bronzegefässe in Kiev. *Boreas*, 1, S. 113-115.

Gabrici, E. 1913. Cuma, Accademia Nazionale dei Lincei. *Monumentiantici*, XXII, p. 5-872.

Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora.

Ignatiadou, D. 2015. Contextualizing a set of classical bronze vessels from Macedonia. *Zurich Studies in Archaeology*, 10: New Research on Ancient Bronzes. Acta of the XVIIIth International Congress on Ancient Bronzes, p. 77-83.

Kottaridi, A. 2011. Burial Customs and Beliefs in the Royal Necropolis of Aegae. Cat. Oxford 2011, p. 131-152.

Kraay, C. M. 1976. *Archaic and Classical Greek Coinage*. London: Methuen.

Leskov, A. M. 1990. *Grabschätze der Adygeen*. München: Hirmer.

Marzoli, D. 1989. *Bronzefeldflaschen in Italien*. München: C. H. Beck. Prähistorische Bronzefunde, II, 4.

Nortmann, H. 2001. Die Bronzefeldflasche von Rodenbach. *Archäologisches Korrespondezblatt*, 31, S. 429-442.

Picard, C. 1962—1963. Aigle et serpent: sur les divers sens d'un symbole religieux á travers la Grèce du Nord: d'après un oenochoé de bronze du Musée de Belgrade. *Starinar*, XIII—XIV (1965), p. 1-7.

Ratković, D. 2005. *Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu*. Beograd: Narodni Muzej u Beogradu. Antika, IX.

Rolle, R. 1989. *The World of the Scythians*. Berkeley; Los Angeles: University of California.

Rolley, C. 2001. Le travail du bronze à Delphes. *Instrumentum Monographies*, 21: I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi, p. 94-99.

Rolley, C. 2002. Le travail du bronze à Delphes. *Bulletin de correspondance hellénique*, 126.1, p. 41-54.

Sideris, A. 2000. Les tombes de Derveni: Quelques remarques. *Revue archéologique*, 1, p. 3-36.

Sideris, A. 2016. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection. Achaemenid, Greek, Etruscan and Thracian*. Sofia: Thrace Foundation, 1.

Sowder, A. A. 2009. *Greek Bronze Hidriai*. Dissertation. Atlanta: Emory University.

Tarditi, C. 2016. *Bronze Vessels from the Acropolis. Style and Decoration in Athenian Production between the Sixth and Fifth Centuries BC*. Roma: Quasar. Thiasos Monografie, 7.

Tarditi, C. 2017. Bronze Vessels from the Acropolis and the Definition of the Athenian Production in Archaic and Early Classical Periods. *Artistry in Bronze*: *The Greeks and Their Legacy (XIXth International Congress on Ancient Bronzes)*, p. 200-206.

Teleaga, E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau. 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v. Chr*. Rahden: Marie Leidorf. Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte, 23.

Treister, M. Yu., Zhuravlev, D. V. 2009. Bronze Jug from the Shverin Barrow. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 15, 3—4, p. 215-242.

Veseli, S. 2012. Një vështrim mbi situlat e bronzit të zbuluara në Shqipëri. *Iliria*, 36, s. 205-224.

Vocotopoulou, J. 1975. Le trésor de vases de bronze de Votonosi. *Bulletin de correspondance hellénique*, 99, p. 729-788.

Vokotopoulou, I. 1997. *Ελληνική τέχνη: αργυράκαι χάλκινα έργ ατέχνης στήν αρχαιότητα*. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών.

Zahlhaas, G. 1971. *Grossgriechische und römische Metalleimer*. Dissertation. München: Universität.

Zimi, E., Sideris, A. 2003. Χάλκινασ κεύηαπότο Γαλαξείδι: πρώτη προσέγγιση. *Το Γαλαξείδι από την Αρχαιότητα έως σήμερα (Πρακτικά 1ου Επιστημονικού Συνεδρίου Γαλαξείδι 29—30 Σεπτεμβρίου 2000. Υπό την Αιγίδα του Δήμου Γαλαξειδίου).* Αθήνα: Εταιρεία Μεσσηνιακών Αρχαιολογικών Σπουδών, σ. 35-60.

M. Yu. Treister

NOTES ON GREEK, ITALIC AND MACEDONIAN BRONZE VESSELS OF THE SCYTHIANS AND MAIOTIANS

Discussed are Greek, Italic and Macedonian bronze vessels found in Scythia and Maoitia. In general, mostly contemporary new vessels were received by the nomads, which quite often in course of durable usage lost some of their elements.The fact of durable usage of imported metalware is attested by the finds from well dated contexts of the ritual complexes of the Ulyap necropolis.

The most valuable information is provided by the complex of 15 bronze vessels found near the village of Peschanoe in the valley of the River Supoi in the Dnieper basin, whose owner was designated as a trader of old metalware by W. Fuchs in 1978. A significant chronological dispersion of the vessels from the complex (ca. 150—170 years) makes us cautious about the idea that this was an ordinary trade cargo. Analysis of the traces of repair and losses of vessel elements shows that among them there are some, which may probably be the result of correcting of defects during the manufacture, as well as losses and repairs that occurred during the use of vessels. The latest vessels from this find, dated not earlier than the middle / third quarter of the 4th century BC, of Macedonian or Thracian origin, show no losses and no repairs.

Keywords: Scythian, Maiotian tumuli, Greek, Italic, Macedonian bronze vessels, losses, signs of repair, hoard of bronze vessels from Peschanoe.

Одержано 07.12.2018

ТРЕЙСТЕР Михайло Юрійович, доктор історичних наук, науковий співробітник, Німецький археологічний інститут, Podbielskiallee 69—71, Берлін, D-14195, Німеччина, *mikhailtreister@yahoo.de*.
TREISTER Mikhail, doctor of science, researcher, German Archaeological Institute, Podbielskiallee 69—71, Berlin, D-14195, Germany, *mikhailtreister@yahoo.de*.